High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

STRATUM plus
Cultural Anthropology • Archaeology

The Mark of the Contemptible Metal

- V.V. Kropotkin (Ad memoriam)
- Roman Coins from the Danube to Tien-Shan
- Numismatic Records of the Ancient Black Sea Sites
- Currency Circulation in the Carpathian Area
- Epigraphic Records in the Ancient and Medieval Europe
- Rare Finds with Holy Icons
- Towards Anthropology of Civilisations in the Old World
- The Price of Foreign Domination
- Birth of the Russian Heraldry
- Finds, Publications, Reviews

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • КИШИНЁВ • ОДЕССА • БУХАРЕСТ

2000 №6

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
E-mail: has@anthropology.moldline.net

Главный редактор — канд. ист. наук Марк Е. Ткачук
Редактор-координатор — канд. ист. наук Роман А. Рабинович
Ответственный секретарь — Леонид А. Мосионжник

Основатель журнала — Алексей С. Тулбуре

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
В.И.Боршевич — профессор, Президент Молдавского отделения Международной Академии Информатизации при ООН (Кишинёв, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — доктор истории (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
В.П.Кирилко — канд.ист.наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Национальный Музей истории Молдовы, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Е.Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
Н.Д.Руссев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.П.Тельнов — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом "Высшая антропологическая школа" в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Издан при финансовой поддержке

Тюренкова Олега Алексеевича,

Рыбалко Алексея Александровича

Редактор номера: Николай Д. Руссев

Зам. редактора: Владимир П. Кирилко

Редколлегия номера:
Г. Атанасов
Е. Николае
А.С. Фридман

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса • Бухарест

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оформление обложки: Д.А.Топал
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник, Е.Ю.Зверев, И.А.Шипунова
© Корректоры: Г.В.Засыпкина, М.Н.Павлова

Памяти
Владислава Всеволодовича Кропоткина
посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

И.С. Пиоро (*Киев, Украина*). Объективность и оригинальность в научном творчестве В.В. Кропоткина 10

Список опубликованных работ В.В. Кропоткина 16

НАШ АРХИВ

В.В. Кропоткин. Дополнение к списку находок римских монет 20

П.О. Карышковский. Три ольвийских посвящения первых веков нашей эры 118

П.В. Советов. Цена иноземного господства: формы экономической зависимости Молдавии от Османской империи 138

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

О.Н. Мельников (*Николаев, Украина*). К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья 146

Е.Я. Туровский, С.Г. Демьянчук (*Севастополь, Украина*). Монетные эмиссии Ольвии IV – первой четверти III в. до н.э. 157

И. Лазаренко (*Варна, Болгария*). Спаратеса – неизвестный фракийский правитель (конец второго десятилетия III в. до н.э.) 164

С. Граматику (*Бухарест, Румыния*). Монеты древней Киликии из коллекции Марии и Джордже Северяну 169

В.П. Алексеев (*Одесса, Украина*). Монеты царя Фарзоя из Тиры 174

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.Б. Шагурина (*С.-Петербург, Россия*). Происхождение некоторых изображений на монетах Артукидов 178

С.Н. Травкин (*С.-Петербург, Россия*). Некоторые вопросы нумизматики и истории Старого Орхея (золотоордынский период) 184

А.Л. Крыжановский (*Львов, Украина*). Деятельность Львовского монетного двора в 1385-1386 гг. и чеканка червонорусских монет Владислава Опольского 196

Н.Д. Руссев (*Кишинёв, Молдова*). Молдавские монеты конца XIV – первой трети XV вв. (особенности распространения) 204

ПИСЬМЕНА

В.М. Зубарь (*Киев, Украина*). Новые латинские эпиграфические памятники II – середины III вв. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса 220

В.М. Зубарь, В.В. Крапивина (*Киев, Украина*). Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии середины III в. 239

Е.Н. Торшин (*С.-Петербург, Россия*). Новая находка древнерусской надписи и изображения княжеского знака в Смоленске 248

П.П. Бырня, Е. Николае (*Бухарест, Румыния*). Перстень-печатка XV в. из Старого Орхея 254

М.Е. Шлапак (*Кишинёв, Молдова*). Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости 260

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А.А. Пескова (*С.-Петербург, Россия*). Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI-XIII вв. 266

Г. Мэнуку-Адамештяну, И. Полл (*Бухарест, Румыния*). Медальон со святыми Космой и Дамианом из Исакчи 285

Г. Атанасов (*Силистра, Болгария*). Иконография образа «Святой Георгий на троне» в средние века 290

К АНТРОПОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Л.А. Мосионжник (*Кишинёв, Молдова*). Смерть в Китае (Эпоха древности) 297

Г. Мэнуку-Адамештяну (*Бухарест, Румыния*). Нашествия печенегов на Нижнем Дунае (1027-1048 гг.) 345

А.О. Добролюбский (*Одесса, Украина*). Евреи-запорожцы под стенами Хаджибея 362

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

С.В. Белецкий (*С.-Петербург, Россия*). Зарождение русской геральдики 366

Предисловие 366
Глава 1. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ МОНЕТАХ 370
Знаки на златниках и сребрениках Владимира типа I 370
Знаки на сребрениках Владимира типов II-IV 371
Знаки на сребрениках Святополка 374
Знаки на сребрениках с именем «Петрос» и «Петор» 375
Знаки на монетах с легендой «Ярославле сребро» 376
О смысловом значении и принадлежности знаков на монетах 377
Глава 2. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ПЕЧАТЯХ 382
Глава 3. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В ГРАФФИТИ НА МОНЕТАХ 384
Глава 4. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В РИСУНКАХ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ И В ГРАФФИТИ НА СТЕНАХ ХРАМОВ 391
Бытовые предметы 391
Граффито из Софийского собора в Киеве 395
Глава 5. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОДВЕСКАХ 397
Глава 6. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В КЛЕЙМАХ НА БЫТОВОЙ И СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ 407
Гончарные клейма 407
Клейма на кирпичах 410
Глава 7. ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА РОГОВЫХ КИСТЕНЯХ 412
Кистень из Минска 412
Кистень из Саркела 415
Кистень с Острова Ледницкого 417
Кистень из Киева 419
Заключение 420

НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ

Л. Лазаров (*Дылгопол, Болгария*). Хорезмский дирхем из Северо-Восточной Болгарии 425

В.В. Майко (*Симферополь, Украина*). Средневековая молдавская монета из Сугдеи 427

Г.О. Аствацатуров (*Армавир, Россия*). Петроглифы Бендерской крепости 429

Н.Д. Руссев, Е.Н. Сава (*Кишинёв, Молдова*). Патрица фальшивомонетчика XVIII века? 432

И.Е. Гончарова (*Кишинёв, Молдова*). Русско-турецкие войны в 1735-1878 гг. в медалях из коллекции Национального музея истории Молдовы 435

И.В. Корпусова (*Одесса, Украина*). Печати Одесского общества истории и древностей 442

РЕЦЕНЗИИ

Л.А. Мосионжник (*Кишинёв, Молдова*). Германский опыт и наши перспективы 444

А.А. Романчук (*Кишинёв, Молдова*). Столпотворение нашего времени: между Ницше и христианством 454

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 463

НАША ГЕОГРАФИЯ 466

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «STRATUM PLUS» ЗА 2000 г. 467

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ! 475

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

I.S. Pioro (*Kiev, Ukraine*). Objective and Genuine Approaches in Scientific Work of V.V. Kropotkin 10

List of Published Scientific Works by V.V. Kropotkin 16

OUR ARCHIVE

V.V. Kropotkin. Additions to the List of Roman Coins 20

P.O. Karyshkovskii. Three Olbian Dedications of the First Centuries AD 118

P.V. Sovetov. The Cost of Foreign Control: Forms of Moldavia's Economic Dependence on the Ottoman Empire 138

TALENTS AND LEPTA OF THE ANTIQUITY

O.N. Melnikov (*Nikolaev, Ukraine*). A Contribution to Publication of the Largest Ancient Silver Coin Found on the Black Sea Coast 146

E.J. Turovskii, S.G. Demyanchuk (*Sevastopol', Ukraine*). Coins Emitted in Olbia in IV – first quarter of III cc. BC 157

I. Lazarenco (*Varna, Bulgaria*). Sparatesa: Unknown Thracian Ruler (the Late Second Decade of III C. BC) 164

S. Gramaticu (*Bucharest, Romania*). The Coins of the Ancient Cilicia from Collection of Maria and George Severeanu 169

V.P. Alexeev (*Odessa, Ukraine*). The Coins of the King Pharsoes from Tyra 174

THE HARD FLOWERS OF MIDDLE AGES

G.B. Shagurina (*S.-Petersburg, Russia*). The Origin of Some Images on the Coins of the Artukids 178

S.N. Travkin (*S.-Petersburg, Russia*). Some Problems of Numismatics and History of the Old Orhei (Golden Horde Age) 184

A.L. Kryzhanovskii (*Lvov, Ukraine*). Activities of Lviv Mint in 1385-1386 and Coinage of Red Russian Coins by Vladislav Opolski 196

N.D. Russev (*Kishinev, Moldova*). Moldavian Coins of Late XIV – first third of XV cc. (Peculiarities of Distribution) 204

WRITINGS

V.M. Zubar (*Kiev, Ukraine*). New Latin Epigraphic Records of II – middle III c. A.D. from Chersones, Balaclava and Charax 220

V.M. Zubar, V.V. Krapivina (*Kiev, Ukraine*). The New Latin Inscription and Some Questions of History of Olbia in the Middle of the III Century 239

E.N. Torshin (*S.-Petersburg, Russia*). A New Find of an Early Russian Inscription and an Image of a Knyaz' Sign in Smolensk 248

P.P. Byrnja, E. Nicolae (*Bucharest, Romania*). A Signet Ring of XV c. from the Old Orhei 254

M.E. Shlapak (*Kishinev, Moldova*). The Most Mysterious Inscription in Belgorod-Dniestrovsk Fortress 260

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

A.A. Peskova (*S.-Petersburg, Russia*). Saint Nicholas of Mirlikia in the Iconography Programme of the Ancient Russian Encolpia of XI-XIII cc. 266

Gh. Mănucu-Adameşteanu, I. Poll (*Bucharest, Romania*). A Medallion with St. Cosma and St. Damian Found in Isaccea (Tulcea County, Romania) 285

G. Atanasov (*Silistra, Bulgaria*). Medieval Icons of St. George on Throne 290

TOWARDS ANTHROPOLOGY OF CIVILISATIONS

L.A. Mosionjnik (*Kishinev, Moldova*). The Death in China (the Ancient Period) 297

G. Mănucu-Adameşteanu (*Bucharest, Romania*). Invasion of Petchengers in the Mouth of the Danube (1027-1048) 345

A.O. Dobrolyubskii (*Odessa, Ukraine*). Cossack Jews from Zaporozhie Under the Walls of Hadjibei 362

MONOGRAPH IN THE JOURNAL

S.V. Beletskii (*S.-Petersburg, Russia*). The Origin of the Russian Heraldry 366

FINDINGS AND PUBLICATIONS

L. Lazarov (*Dâlgopol, Bulgaria*). Khorezm Dirham found in North-Eastern Bulgaria 425

V.V. Majko (*Simferopol', Ukraine*). Medieval Moldavian Coin from Sudak 427

G.O. Astvatsaturov (*Armavir, Russia*). Petroglyphs of the Bender Fortress 429

N.D. Russev, E.N. Sava (*Kishinev, Moldova*). Is a XVIII Counterfeiter's Patrix Found? .. 432

I.E. Goncharova (*Kishinev, Moldova*). The Russian-Turkish Wars of 1735-1878 Reflected in Medals from the Collection of Moldavian National Museum of History 435

I.V. Korpusova (*Odessa, Ukraine*). Seals of Odessa History and Antiquities Society ... 442

REVIEWS

L.A. Mosionjnic (*Kishinev, Moldova*). The German Experience and Our Perspectives . 444

A.A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova*). The «Babel» of our Time: Between Nietzsche and Christianity 454

LIST OF ABBREVIATIONS 463

OUR GEOGRAPHY 466

CONTENTS OF REVIEW «STRATUM PLUS» IN 2000 467

CALL FOR PAPERS 475

AD MEMORIAM

И.С. Пиоро

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ОРИГИНАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.В. КРОПОТКИНА

I.S. Pioro. The Objectivity and the Originality in Scientific Papers of V.V. Kropotkin.

Vladislav Vsevolodovich Kropotkin, the descendant of the famous princely family of the Kropotkins, was one of the funders of contemporary East-European archaeology. He was a talented historian and archaeologist and gave birth to a lot of original concepts and scientific ideas. At the same time he withheld from suggesting any hypotheses without a solid argumentation. The first in the Soviet archaeology, however, in 50-70s V.V. Kropotkin defined the bearers of Cerniakhov culture as the tribes of Gothic community. He combines careful processing of fundamental archaeological records with fruitful theoretical work.

Выдающийся российский археолог второй половины XX века Владислав Всеволодович Кропоткин, родившийся в 1922 г., был потомком русских князей и унаследовал характерные черты интеллигентности и аристократизма: с одной стороны – отсутствие апломба и снобизма, общительность и доброжелательность в отношениях с коллегами, не обращая внимание на их жизненные позиции и интересы, а с другой – честность, трудолюбие, непреклонную принципиальность в научной работе. Он никогда не делал карьеру, используя занятие наукой. Чистота в научном творчестве – основная цель жизни В.В. Кропоткина.

Увлечение историей и археологией в школьные годы, когда В.В. Кропоткин был участником ряда экспедиций, привело его на исторический факультет Московского университета, который он окончил в 1950 г., успев познать и тяготы военных лет. Еще в первой половине 50-х гг. молодым ученым был издан ряд статей (Кропоткин 1951; 1952; Кропоткин, Мерперт 1952; Кропоткин, Соловьева 1953), часть которых стала основой для его крупных разработок. В 1953 г. Владислав Всеволодович окончил аспирантуру Института материальной культуры АН СССР (в дальнейшем Институт археологии), блестяще защитил кандидатскую диссертацию и все последующие годы работал в этом Институте, около пятнадцати лет возглавлял отдел скифо-сарматской археологии. В 1973 г. ему была присвоена по совокупности работ степень доктора исторических наук. При жизни В.В. Кропоткин опубликовал 122 научные работы.

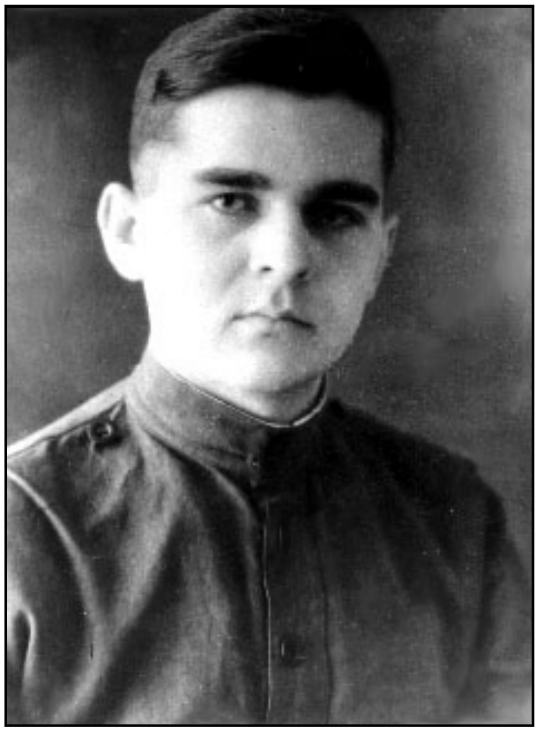
Интерес В.В. Кропоткина к изучению древних монет, их коллекционированию, проявившийся у исследователя с юных лет, нашел отражение в создании сводов находок римского и византийского нумизматического материала и ряда научных статей по данной проблеме (Кропоткин 1954; 1956; 1958; 1960; 1961; Казаманова, Кропоткин 1961; Кропоткин 1961а; 1962; 1963; Казаманова, Кропоткин 1964; Кропоткин 1965; 1965б; 1965в; 1966; 1968; 1968б; Kropotkin 1969; 1969а; Кропоткин 1970в; 1971; Kropotkin 1971; Кропоткин, Прокофьев 1972; Кропоткин 1972в; 1972г; 1972е; 1976б; 1984).

Практически максимально собранные находки римского и византийского времени на территории советской Евразии опубликованы и подробно описаны. Для выполнения этой работы автору пришлось провести титанический труд в библиотеках, научных архивах и фондах различных учреждений многих городов с целью фиксации, определения происхождения, достоверности сообщений и картографирования монетных находок. Хотя сам автор нумизматических сводов скромно отмечает возможное «отсутствие их исчерпывающей полноты» (Кропоткин 1961: 12-13), более полных аналогичных изданий не создано, и уже более сорока лет они постоянно используются в научных работах многих исследователей.

Жил и творил В.В. Кропоткин в очень сложные времена, когда независимая научная позиция легко превращалась в политическую. Он чудом уцелел в период сталинских репрессий, вынужден был в своих научных работах считаться и с официальными позициями, утвержденными кратким курсом истории ВКП(б) и, в частности, с продолжительными традициями искажения этнических процессов в Восточной Европе, предвзятыми требованиями «центральных убеждений».

Обладая завидным трудолюбием, умением работать в любом физическом и душевном

© И.С. Пиоро, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

В.В. Кропоткин в годы военной молодости.

состоянии, кроме фундаментальных авторских собраний нумизматических источников, В.В. Кропоткин скрупулезно собрал и опубликовал «Свод римских импортных изделий в Восточной Европе» (Кропоткин 1970), что значительно дополнило труды известного польского исследователя К. Маевского (Majewski 1949, 1960). Изданное В.В. Кропоткиным собрание римского импорта, наряду со специальными публикациями по теме (Кропоткин 1969; 1970б) с годами не только не устарело, но и приобрело еще большую научную ценность, так как многие материалы, обработанные автором, уже утрачены. Владислав Всеволодович уникально соединял качества археолога-вещеведа по подбору и классификации материальных источников с их использованием в теоретической научной работе, создавая оригинальные, убедительно аргументированные исторические концепции. Так, создав типологию монетных кладов, рассматривая различные точки зрения об этнической принадлежности черняховской культуры, В.В. Кропоткин разработал вопрос происхождения и зарытия кладов в Юго-Восточной Европе, связывая их с процессом распада первобытнообщинного строя, выделением племенной аристократии, накапливавшей богатства, выраженные, в частности, в сбережениях из драгоценных металлов. Как верно отмечает автор, племенная знать, конечно, была заинтересована в торговле с Римской империей. Продавая рабов, скот, меха и другие товары, «варварские» князья и старейшины получали вино, ткани, различные украшения, посуду, золотые медальоны, амулеты, статуэтки и римские монеты. Эта торговля обогащала племенную знать, способствовала усилению влияния дружинных элементов, ускоряя тем самым разложение первобытнообщинного строя (Кропоткин 1961: 10-11).

Подвергнув тщательной научно-статистической обработке монетные находки римского времени, проведя подробное историографическое исследование, В.В. Кропоткин пришел к обоснованному заключению о преобладании найденных кладов в лесостепи Юго-Восточной Европы, на территории расселения в позднерим ское время оседлых «варварских» племен, в отличие от зоны обитания кочевников в более южных степных областях. Отметил, что клады позднеримского времени состоят из денариев предшествующих веков из высокопробного серебра, что свидетельствует именно о длительном накоплении драгоценного металла. Также выделил клады антонинианов кратковременного накопления, составлявшие так называемую контрибуцию варваров, добычу дружин периода военной демократии (Кропоткин 1961: 18, 59, 64, 109).

Торговые, экономические связи населения Восточной Европы в I тысячелетии н.э., в период разложения первобытнообщинного строя и формирования предгосударственных и раннегосударственных образований, были одним из основных направлений научных изысканий автора. В частности, всестороннее использование многочисленных разнообразных источников, позволило ему обосновать отсутствие в III-IV вв. н.э. у племен Поднепровья и Поднестровья развитого рыночного производства, как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, когда товары изготовлялись в основном на заказ. Показательно, по мнению исследователя, что, несмотря на сравнительно длительное обращение римского денария в Восточной Европе в III-IV вв. н.э., у племен черняховской культуры еще не сложилась собственная денежно-весовая система (Кропоткин 1967; 1970а).

В связи с хорошо аргументированными выводами Кропоткина об уровне экономического развития черняховских племен, невозможно не согласиться с автором в том, что распространение различных предметов этой культуры, в частности на юг, на Крымский полуостров, связано с передвижением групп населения, а не с торговыми отношениями, и может рассматриваться в качестве источника, указывающего направление миграций.

Вместе с тем, по мнению В.В. Кропоткина, наличие кладов серебряных денариев на территории распространения черняховской культуры может свидетельствовать только о зарождении у ее носителей товарно-денежных отношений, преимущественно во внутренней торговле. В отличие от известного украинского археолога М.Ю. Брайчевского, Владислав Всеволодович обосновал распространение кладов

высокопробного серебра и в качестве накопления драгоценностей, как один из показателей разложения первобытнообщинной экономики (Кропоткин 1961а). Причем варварские подражания римским денариям, отмеченные в кладах на территории Восточной Европы, не могут служить основанием для подтверждения существования внутренней денежной системы, так как они чеканились в отдаленных местах, например, на Кавказе и Керченском полуострове, а не местными племенами, к которым поступали наравне с другими монетами (Кропоткин 1961: 16-17; 1961а: 304). Правда, следует отметить вполне возможное существование в Восточной Европе, как и в других регионах Евразии, оживленной, в римские времена, внешней торговли. Как отмечает В.В. Кропоткин, римские денарии I-II вв. н.э. являлись признанным платежным средством в международной торговле, которую активно вела Римская империя в первые века нашей эры. Клады римских монет широко распространены от Британии и Скандинавии до Индии, что свидетельствует о размахе экономических связей в ту эпоху (Кропоткин 1961а: 303; 1962а; Kropotkin 1962; 1966). Подтверждением существования внешней торговли могут служить выделенные исследователем немногочисленные клады бронзовых монет, обнаруженные вблизи границ империи, ее провинций (Кропоткин 1961: 14, 15). Характер и направление торговли с позднеантичным миром определены путем сбора и систематизации амфорного материала, опубликованного ученым совместно со своим сыном А.В. Кропоткиным (Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988), которому он сумел передать увлечение историей и археологией.

В своей многоплановой монографии по экономике Восточной Европы I тысячелетия, впервые в историографии, на основании собственных многолетних исследований, с использованием широкой источниковедческой базы, освещены происшедшие изменения в указанный период. На смену римскому денарию в денежном обращении пришел золотой солид. Количество кладов и отдельных находок монет резко уменьшается. Наступает длительный безмонетный период, закончившийся в конце VIII – начале IX в. н.э. с поступлением в обращение дирхемов. Множество кладов куфических монет, найденных в Центральной и Восточной Европе, по мнению автора, свидетельствует не только о размахе восточной торговли, но и развитии новых экономических и социально-политических, феодальных отношений. (Кропоткин 1967; 1970г; 1971а; 1972; 1973; 1978; 1986; Kropotkin 1990; Гусев, Кропоткин 1991).

Международное признание и популярность исследователю принесли также и его объективные выводы об этнической принадлежности населения Юго-Восточной Европы позднеримского и раннесредневекового времени. Первым среди отечественных историков, на большинство из которых еще во второй половине 50–70-х гг. продолжал действовать традиционный страх перед, казалось бы, ушедшими в прошлое суровыми сталинскими запретами, Владислав Всеволодович открыто определил и назвал носителей черняховской культуры племенами готского союза (Кропоткин 1958а; 1971б: 229; 1972д; 1976а; 1978а). В отличие от распространенных в научных трудах фальсификаций исторического процесса, В.В. Кропоткин детально проследил и описал проникновение черняховцев в Северное Причерноморье, в Таврику. Кстати, в качестве критерия для определения этого процесса исследователем выбраны разнообразные типы погребальных сооружений и вещи черняховской культуры в инвентаре позднеантичных некрополей, в частности, сопоставление памятников Северного Причерноморья с материалами крымских могильников (Кропоткин 1978а). Не следуя проторенными, «узаконенными» путями, В.В. Кропоткин постоянно выдвигал свои новые оригинальные концепции, придерживаясь традиционных принципов классической исторической науки: не популяризовать непроверенные, неаргументированные гипотезы. Поэтому понятна осторожность выводов автора в печатных трудах, в отличие от устного изложения содержания гипотез в до кладах и при личных контактах. В.В. Кропоткин постоянно принимал активное участие в работе отечественных и зарубежных конференций, в том числе представительных международных конгрессов славистов, на которых неоднократно высказывал аргументированные мнения по поводу основных проблем археологии Восточной Европы I тыс. н.э., в том числе – сложного готского вопроса.

Гораздо раньше, еще в своей кандидатской диссертации «Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья», защищенной в 1953 г., В.В. Кропоткиным утверждался новый подход к решению вопросов этногенеза древнего населения, проводившийся на основании анализа разнохарактерных источников, в первую очередь – устойчивых этнических признаков, отраженных в формах погребальных сооружений, чертах обряда и части инвентаря. В диссертации рассмотрены сармато-аланские погребальные традиции в могильниках Юго-Западного Крыма, впервые высказано предположение о готской принадлежности погребений с трупосожжениями и каменными конструкциями (Кропоткин 1953). Причем, научный руководитель работы, известный историк-археолог Б.А. Рыбаков, в силу вышеизложенных причин, во время защиты вынужден был во всеуслышанье заявить, что его точка зрения не совпадает с мнением диссертанта. В своих последующих статьях В.В. Кропоткин всесторонне раскритиковал распространившееся в 50-х гг. мнение о

расселении славян в Крыму, одновременно ставя вопрос о сложном полиэтничном происхождении выявленных в Юго-Западной Таврике трупосожжений и о древних местных, иранских традициях погребальных конструкций с трупоположениями (Кропоткин 1956а; 1959).

Изучая историю раннесредневекового Крыма, исследователь всесторонне аргументировал свою точку зрения об отождествлении упомянутых Менандром, церковным документом VIII в., житиями Иоанна Готского и Константина (Кирилла) Философа загадочных Фулл с городищем на Тепсене, убедительно локализовал и датировал епархии Таврики по данным Notitia episcopatuum (Кропоткин 1958б: 198-204).

Напряженная и очень эффективная научная деятельность В.В. Кропоткина была тесно связана с проведением продолжительных экспедиционных работ. В 50-х – начале 60-х гг. исследователь проводил раскопки раннесредневекового могильника Чуфут-Кале в горном Крыму. Полученные материалы первых лет полевых работ были максимально использованы для написания кандидатской диссертации. Особенности погребального обряда и серебряные женские украшения, выявленные в некрополе, позволили археологу впервые поставить вопрос об алано-готской этнической принадлежности населения Юго-Западной Таврики VI-IX вв. (Кропоткин 1958б: 207-212; 1965а).

Владислав Всеволодович проводил также археологические исследования в Полтавской, Кировоградской, Хмельницкой, Винницкой, Черкасской, Тернопольской областях Украины. Долгие годы возглавлял Западно-Подольскую экспедицию Института археологии АН СССР, демонстрируя при этом незаурядные деловые качества, прекрасные организаторские способности, непреклонную требовательность к соблюдению методики полевых исследований, повышенную обязательность, тщательность и пунктуальность в обработке материала и своевременном предоставлении научных отчетов. Особый интерес у В.В. Кропоткина вызывало изучение археологических памятников черняховской культуры, например, могильников у сел Ризино и Рыжевка Черкасской области, слой позднеримского времени на поселении у с. Ромош Львовской области и др. (Кропоткин 1966а; 1967а; 1968а; 1969а; 1971б; 1971в; 1974; Кропоткин, Кулаков, Гей, Панасюк 1975; Кропоткин 1976; 1977; 1978б; Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1979; 1980; Кропоткин 1981; 1984а; 1985; 1986а). Результаты раскопок, введенные в научный оборот, предоставили новые многочисленные материалы, которые существенно дополняют знания специалистов о культуре и быте племен готского полиэтничного союза. В частности, находки лепной керамики в захоронениях у с. Ризино и подвесок – у с. Рыжевки подтверждают наличие северо-западного, возможно, германского происхождения элементов в черняховской культуре (Кропоткин 1971б; 1971в; 1972б). Следует отметить, что практически все гипотезы ученого подтверждены материалами экспедиционных исследований. Так, кроме материалов двух известных некрополей вельбарской культуры Брест-Тришин и Детиничи, волынской группы полей погребений, направление проникновения готов в Юго-Восточную Европу устанавливается по открытому могильнику у с. Городок Ровенской области (Кропоткин 1972а) и другим памятникам (Кропоткин 1975).

С конца 70-х гг. полевые работы Владислав Всеволодович проводил уже вместе со своим сыном А.В. Кропоткиным (Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1979; 1980), продолжившим научную деятельность отца.

И наконец, в итоге хотелось бы отметить, что истинно талантливый историк-археолог Владислав Всеволодович Кропоткин, благодаря тщательному подбору, систематизации и оформлению фундаментальных сводов археологических памятников, плодотворной теоретической работе на основании многочисленных практических изысканий оставил заметный след в науке, который еще долгое время будет служить ориентиром для последующих поколений ученых.

ЛИТЕРАТУРА

Гусев. С.В., Кропоткин В.В. 1991. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia: Academiai scientiarum Hungaricae. Budapest. T. 45 (2-3). P.403-423.

Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. 1961. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. № 1. С.128-136.

Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. 1964. Подражания римским золотым монетам II-III вв. // ВДИ. № 1. С.140-148.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М. С.168-184.

Кропоткин В.В. 1951. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4. С.243-281.

Кропоткин В.В. 1952. Белынецкие курганы и стоянка (К вопросу о связи средневековой и фатьянов ской культур) // КСИИМК. Вып. 47. С.52-66.

Кропоткин В.В., Мерперт Н.Я. 1952. Рец.: Археологія, т. 5, Київ // ВДИ. № 2. С.143-147.

Кропоткин В.В. 1953. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Дис. ... канд. истор. наук // Архив Института археологии РАН. М.

Кропоткин В.В., Соловьева Г.Ф. 1953. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИИМК. Вып. 49. С.21-25.

Кропоткин В.В. 1954. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3. С.152-180.

Кропоткин В.В. 1956. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики) // КСИИМК. Вып. 66. С.100-106.

Кропоткин В.В. 1956а. Рец.: Материалы по археоло-

гии юго-зап. Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953 // СА. № 25. С.345-348.
Кропоткин В.В. 1958. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н.э. // СА. № 2. С.279-285.
Кропоткин В.В. 1958а. Рец.: H. Sevin. Die Gepiden. Munchen, 1955 // СА. № 2. С.314-317.
Кропоткин В.В. 1958б. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. № 28. С.198-218.
Кропоткин В.В. 1959. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда) // СА. № 1. С.181-194.
Кропоткин В.В. 1960. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // НЭ. Т. 1. С.215-222.
Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4-4.
Кропоткин В.В. 1961а. Рец.: Брайчевский М.Ю. Римська монета на території України. Киев, 1959 // СА. № 1. С.300-305.
Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4-4.
Кропоткин В.В. 1962а. Из истории римской торговли с Восточной Европой // Историко-археологический сборник (в честь А.В. Арциховского). М. С.147-153.
Кропоткин В.В. 1963. Византийские монеты из Тамантархи-Тмутаракани // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М. С.175-185.
Кропоткин В.В. 1965. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. 26. С.166-169.
Кропоткин В.В. 1965а. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100. С.108-115.
Кропоткин В.В. 1965б. Клад римских денариев, найденных в с. Подлесновка (Сумская область) // ВДИ. № 1. С.136-139.
Кропоткин В.В. 1965в. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // Тез. докл. советск. делегации на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М. С.76-79.
Кропоткин В.В. 1966. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к САИ. вып. Г4-4) // НЭ. № 6. С.74-102.
Кропоткин В.В. 1966а. Раскопки черняховского могильника в с. Рыжевка // АО 1965г. М. С.137-139.
Кропоткин В.В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.
Кропоткин В.В. 1967а. Черняховские памятники Среднего Побужья // АО 1966 г. М. С.230-231.
Кропоткин В.В. 1968. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточой Европе в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. М. С.72-79.
Кропоткин В.В. 1968а. Исследования черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем По днепровье // АО 1967 г. М. С.228-229.
Кропоткин В.В. 1968б. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // 1 Miedzynarodowy Kongress archeologii slowianskiej. Wroclav; Warszava; Krakow; T. 6. S.124-128.
Кропоткин В.В. 1969. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. Вып.119. С.32-36.
Кропоткин В.В. 1969а. Изучение черняховской культуры на Полтавщине // АО 1968 г. М. С.310-311.
Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27.
Кропоткин В.В. 1970а. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III-IV вв. н.э. // Ленин ские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. С.146-160.
Кропоткин В.В. 1970б. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе // КСИА. Вып. 121. С.52-55.
Кропоткин В.В. 1970в. Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской ССР // Acta Archaeologica Carpathica. Т. 11. С.217-225.
Кропоткин В.В. 1970г. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta Archaeologica Carpathica. Т. 11. С.227-230.
Кропоткин В.В. 1971. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. Т. 32. С.216-218.
Кропоткин В.В. 1971а. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т.9. С.76-97.
Кропоткин В.В. 1971б. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. // СА. № 4. С.225-229.
Кропоткин В.В. 1971в. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // Slavia Antiqua. Т.17. С.197-206.
Кропоткин В.В. 1972. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М. С.197-202.
Кропоткин В.В. 1972а. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области // СА. № 4. С.255-256.
Кропоткин В.В. 1972б. Золотая подвеска из Рыжевки // СА. № 1. С.264-269.
Кропоткин В.В. 1972в. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка // НЭ. Т.10. С.126-127.
Кропоткин В.В. 1972г. Варварские подражания римским золотым монетам в Закавказье и в Восточной Европе // Тезисы доклада на научной сессии, посвященной памяти проф. Д.Г. Капанидзе. Тбилиси. С.6.
Кропоткин В.В. 1972д. Черняховская культура и Северного Причерноморье // Культура та побут населення Українських Карпат. Тез. докл. Ужгород. С.94-95.
Кропоткин В.В. 1972е. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка. Прил. к кн.: Каплун В.Я. Старо-Романовский клад римских денариев I-II вв. н.э. // НЭ. Т. 10. С.126-127.
Кропоткин В.В., Прокофьев А.Ф. 1972. Войтовский клад римских монет I-II вв. н.э. // ВДИ. № 3. С.174-178.
Кропоткин В.В. 1973. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Berichte uber den II Internationalen Kongress fur Slavische Archaologie. Bd. III. Berlin. S.441-449.
Кропоткин В.В. 1974. Раскопки поселения у села Ромош // АО 1973 г. М. С.294-295.
Кропоткин В.В. 1975. Пшеворские и поморско-мазовецкие памятники Западной Украины // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев. Ч. 3. С.40-42.
Кропоткин В.В., Кулаков В.И., Гей А.Н., Панасюк О.А. 1975. Раскопки поселения у села Ромош // АО 1974 г. М. С.301-302.
Кропоткин В.В. 1976. Исследование поселения у с. Ромош // АО 1975 г. М. С.344-345.
Кропоткин В.В. 1976а. Проблема происхождения и этнической принадлежности черняховской культуры в свете новых антропологических иссле-

дований (по поводу книги Т. С. Кондукторовой «Антропология древнего населения Украины» // Slavia antiqua. Т. 23. С.165-173.

Кропоткин В.В. 1976б. Варварские подражания римским золотым монетам в Восточной Европе // Slovenska numizmatika. № 4. С.11-35.

Кропоткин В.В. 1977. Исследования на Волыни // АО-1976. М. С.314.

Кропоткин В.В. 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. С.111-117.

Кропоткин В.В. 1978а. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М. С.147-163.

Кропоткин В.В. 1978б. Раскопки поселения у с. Ромош // АО 1977 г. М. С.340.

Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1979. Раскопки думановского могильника // АО 1978 г. М. С.351.

Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1980. Раскопки Думановского могильника // АО 1979 г. М. С.291.

Кропоткин В.В. 1981. Раскопки Думановского могильника // АО 1980 г. М. С.266-267.

Кропоткин В.В. 1984. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С.137-141.

Кропоткин В.В. 1984а. Раскопки Думановского могильника // АО 1982 г. М. С.282-283.

Кропоткин В.В. 1985. Раскопки Думановского могильника // АО 1983 г. М. С.299.

Кропоткин В.В. 1986. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань. С.38-62.

Кропоткин В.В. 1986а. Раскопки поселения у с. Ромош // АО 1984 г. М. С.256.

Kropotkin V.V. 1962. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale // VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologies de l'URSS. M. P.3-9.

Kropotkin V.V. 1966. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale // Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Prehistoriche a Protostoriche. Tivoli. P.135-140.

Kropotkin W.W. 1969. Skarb rzymskich monet i przedmiotów z IV w. n.e. z Zamościa // Wiadomości Numizmatyczne. R. 13. Z. 3. S.15-17.

Kropotkin W.W. 1969a. Skarb rzymskich denarów ze wsi Turia w okręgu czerkaskim (ZSRR) // Wiadomości Numizmatyczne. R. 13. Z. 3.S. 149-152.

Kropotkin V.V. 1990. Bulgarian Tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic (Topography and distribution routs) // Commentationas de nummis saeculorum IX-XI in Suecia repertis. Nova series 6. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1-4. June 1989. edited by K. Jonsson and B. Malmer, Stockholm. P.197-201.

Kropotkin W.W. 1971. Skarb denarów rzymskich (I-II w. n.e.) z Jarnic (woj. warszawskie) // Wiadomości Numizmatyczne. Ñ. 15. S.31-38.

Majewski K. 1949. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław.

Majewski K. 1960. Importy rzymskie w Polsce. Warszawa-Wrocław.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.В. КРОПОТКИНА

1951

1. Клад римских монет в Восточной Европе // ВДИ. 1951; № 4 (38): 243-281 // табл., 2 карт.

1952

2. Белынецкие курганы и стоянка (К вопросу о связи средневековой и фатьяновской культур) // КСИИМК 1952; Вып. 47: 52-66 // ил.
3. Рец. // Археологія, т. 5, Київ // ВДИ. 1952; № 2: 143-147 (совместно с Н.Я. Мерпертом).

1953

4. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИИМК. 1953; Вып. 49: 21-25 // 1 карт, (совместно с Г.Ф. Соловьевой).
5. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.,1953: 16.

1954

6. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. 1954; № 3 (49): 2-180 // карт.

1956

7. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики) // КСИИМК. 1956; Вып. 66: 100-106.
8. Рец. // Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953 // СА. 1956: 345-348.

1957

9. Крест-складень из Коктебеля // СА. 1957; № 2: 257-258 // ил.
10. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Сев. Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957; Вып. 68: 35-44 // ил., 1 карт.
11. Рец. // Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1955 // СА. 1957; № 3: 297-298.

1958

12. Походы восточноевропейских дружин в Причерноморье и Подунавье в III в. // 0черки истории СССР III-IX вв. т. 2. М. // Изд. АН СССР, 1958: 124-129 // ил.
13. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. // СА. 1958; № 2: 279-285.
14. Рец. // Sevin H. Die Gepiden. München, 1955 / / СА. 1958; № 2: 314-317.
15. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. 1958. № XXVIII: 198-218 // ил.

1959

16. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда) // СА. 1959; № 1: 181-194 // 2 табл., 3 рис.
17. Новые исследования Белынецких курганов // КСИИМК. 1959; Вып. 75 // 103-113.

1960

18. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // НЭ. Т. I. 1960: 215-222.

1961

19. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961; Вып. Г 4-4. 136 с., 2 л. табл., 13 отд. л. ил., карт. Библиогр.: 112-115.
20. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961; № 1: 128-136 // ил., 2 табл., 2 карт. (совместно с Л.Н. Казамановой).
21. Передовая статья // XXI съезд КПСС и задачи советской археологии. СА. 1961; № 4: 1-4.
22. Рец. // Брайчевский М. Ю. Римська монета на території України. Киев, 1959 // СА. 1961; № 1: 300-305.

1962

23. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962. Вып. Е4-4. 64 с. 1 л. табл., 15 отд. л. ил., карт. Библиогр.: 52-54.
24. Из истории римской торговли с Восточной Европой // Историко-археологический сб. (в честь А.В. Арциховского). М., 1962: 147-153 // карт.
25. Византийский сосуд из Южного Приуралья // КСИА. 1962; Вып. 87: 65-66 // ил.
26. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962; № 3: 235-240 (совместно с И.С. Каменецким).
27. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale // VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologies de l'URSS. M., 1962: 3-9.

1963

28. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М., 1963: 175-185 // ил.

1964

29. Подражания римским золотым монетам

II-III вв. // ВДИ. 1964; № 1: 140-148 // ил. (совместно с Л.Н. Казамановой).

30. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. // КСИА. 1964; Вып. 102: 57-63 // рис.

1965

31. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI: 166-169.
32. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965; Вып. 100: 108-115 // ил.
33. Клад римских денариев, найденных в с. Подлесновка (Сумская область) // ВДИ. 1965; № 1: 136-139.
34. Черняховская культура и Римская империя // Тез. докл. сов. делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965: 15-17.
35. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // Тез. докл. советск. делегации на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965: 76-79.

1966

36. Начало Великого переселения народов // История СССР. С древнейших времен до наших дней. М. // Наука, 1966; Т. 1: 305-308.
37. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к САИ, вып. Г4-4) // НЭ. 1966; № VI: 74-102 // 3 табл., ил.
38. Раскопки Черняховского могильника в с. Рыжевка // АО-1965. М., 1966: 137-139.
39. Надьсентмиклошский клад // СИЭ. 1966. Т. 9. Стб. 875.
40. Liaisons économiques de l'Empire Romain avec l'Europe Orientale. Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche a Protostoriche // Tivoli, 1966: 135-140.

1967

41. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М. // Наука, 1967. 135 с. // ил., карт. Библиография: 5-19.
42. Черняховские памятники Среднего Побужья // АО-1966. М., 1967: 230-231.
43. Пастырское городище // СИЭ. 1967. Т. 10. Стб. 917-918.

1968

44. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. М., 1968: 72-79.
45. Некоторые проблемы изучения археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья // КСИА. 1968; Вып. 113: 3-9.
46. Исследования черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье // АО-1967. М., 1968: 228-229.
47. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław, Warszawa. Kraków, 1968. T. VI: 124-128.
48. Выступление в дискуссии по докладам // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 1968; T. VI: 239.

1969

49. Перещепинский клад // СИЭ. 1968; Т. II. Стб. 34-35.
50. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. 1969; Вып. 119: 32-36.
51. Изучение Черняховской культуры на Полтавщине // АО-1968. М., 1969: 310-311.
52. Выступление в прениях // «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969: 108-109.
53. Skarb rzymskich monet i przedmiotów z IV w. n. e. z Zamościa // Wiadomości Numizmatyczne.1969. R. XIII, z. 3: 15-17.
54. Skarb rzymskich denarów ze wsi Turia w okręgu czerkaskim (ZSRR) // Wiadomości.1969. R. XIII z. 3: 149-152.
55. Черняховская культура и Римская империя // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław, Warszawa. Kraków, 1969; T. II: 283-285.

1970

56. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. 1970. Вып.Д1-27. 278 с., ил., карт.
57. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III-IV вв. н. э. // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970: 146-160.
58. Торговые связи Волжской Болгарии в X веке по нумизматическим данным // МИА. 1970; № 176: 146-150 // карт.
59. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе // КСИА. 1970. Вып. 121: 52-55.
60. Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской ССР // Acta Archaeologica Carpathica. 1970. T. XI: 217-225.
61. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta Archaeologica Carpathica. 1970. T. XI: 227-230.
62. Византия и славянские племена Поднестровья и Поднепровья // Тез. докл. сов. делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М., 1970: 24-25.

1971

63. Византийская чаша из Крылосского клада VII в. // ВВ. 1971; Т. 31: 194-195 // ил.
64. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 1971; Т. 32: 216-218.
65. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. 1971. т. IX: 76-97.
66. Могильник Черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. // СА. 1971; № 4: 225-229.
67. Памяти А.Л. Бертье-Делагарда // СА. 1971; № 1: 140-142 (совместно с Д.Б. Шеловым).
68. Экономические связи Северного Кавказа в

I тысячелетии н.э. // ТД СПИПАИ. 1970. Археол. секции. Тбилиси, 1971: 130-133.
69. Суук-Су // СИЭ. 1971; Т. 13. Стб. 968.
70. Клад серебряных вещей VII века из с. Крылос в Поднестровье // Acta Archaeologica Carpathica.1971. Т. 12. Fasc. 1-2: 65-71.
71. Могильник Черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // Slavia Antiqua. 1971; Т. XVII: 197-206.
72. Skarb denarów rzymskich (I-II w.n.e.) z Jarnic (woj. warszawskie) // Wiadomości Numizmatyczne. 1971; N. XV: 31-38.

1972

73. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров, М., 1972: 197-202 // ил.
74. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области // СА. 1972; № 4: 255-256.
75. Золотая подвеска из Рыжевки // СА. 1972; № 1: 264-269.
76. Войтовский клад римских монет I-II вв. н. э. // ВДИ. 1972; № 3: 174-178 (совместно с А.Ф. Прокофьевым).
77. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка // НЭ. 1972; Т. X: 126-127.
78. Варварские подражания римским золотым монетам в Закавказье и в Восточной Европе // Тезисы доклада на научной сессии, посвященной памяти проф. Д. Г. Капанидзе. Тбилиси, 1972: 6.
79. Черняховская культура и Сев. Причерноморье // Культура та побут населення Українських Карпат. Тез. докл. Ужгород, 1972: 94-95.
80. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка // Прил. к кн.: Каплун В. Я. Старо-Романовский клад римских денариев I-II вв. н. э. НЭ. 1972; Т. 10: 126-127.

1973

81. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slavische Archäologie. Bd. III. Berlin. 1973: 441-449.
82. Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей // Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slavische Archäologie. Bd. III. Berlin. 1973: 221-233.
83. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973: 226-230.
84. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольской области) // СА. 1973; № 3: 240-243.
85. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. 1973; № 2: 250-254 (совместно с Т.И.-Макаровой).
86. Византийский экзагий из Керчи // ВВ. 1973; Т. 34: 262-263.
87. Тепсень // СИЭ. 1973; Т. 14. Стб. 192.
88. Богатое погребение у д. Пилипки (уезд Бельск Подляска, Воев. Белосток, Польша) // Archaeologia Pol. Wrocław, 1973; Z. 14: 331-336.

1974

89. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область) // КСИА. 1974. Вып. 140: 51-56.
90. Раскопки поселения у села Ромош // АО-1973. М., 1974: 294-295 // ил.

1975

91. Пшеворские и поморско-мазовецкие памятники Западной Украины // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев, 1975; Ч. III: 40-42.
92. Раскопки поселения у села Ромош // АО-1974. М., 1975: 301-302 (совместно с В.И. Кулаковым, А.Н. Геем, О.А. Панасюк).
93. Раннеславянские памятники VI-VII вв. и их связи с предшествующими археологическими культурами // Тез. докл. сов. делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975: 15-16.

1976

94. Новый центр железоделательного производства III-IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга // СА. 1976; № 3: 317-324 (совместно с В.Е. Нахапетян).
95. Исследование поселения у с. Ромош // АО-1975. М., 1976: 344-345.
96. Чуфут-Кале // СИЭ. 1976; Т. 16. Стб. 101.
97. Эски-Кермен // СИЭ. 1976; Т. 16. Стб. 599-600.
98. Проблема происхождения и этнической принадлежности черняховской культуры в свете новых антропологических исследований (по поводу книги Т.С. Кондукторовой «Антропология древнего населения Украины». М., 1972 // Slavia antiqua. 1976; Т. XXIII: 165-173.
99. Варварские подражания римским золотым монетам в Восточной Европе // Slovenska numizmatika. 1976; № IV: 11-35.

1977

100. Исследования на Волыни // АО-1976. М., 1977: 314.
101. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica und Cernjachov-Kultur // Symposium «Ausklang der Latene Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet». Bratislava, 1977: 173-200.

1978

102. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978: 111-117.
103. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978: 147-163.
104. Раскопки поселения у с. Ромош // АО-1977. М., 1978: 340.

1979

105. Раскопки Думановского могильника // АО-1978. М., 1979: 351. (совместно с А. В. Кропоткиным).

106. Рец. // Em. Nohejlova-Pratova. Zaklady numismatiky. Praha, 1975 // СА. 1979; № 4: 295-300 (совместно с Н.А. Соболевой).

1980

107. Раскопки Думановского могильника // АО-1979. М., 1980: 291.
108. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Тез. докл. советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М., 1980: 12-13.
109. Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1919-1978 гг.) // КСИА. 1980. Вып. 163: 42-45.

1981

110. Раскопки Думановского могильника // АО-1980. М., 1981: 266-267.

1982

111. Античные воздействия на эволюцию культур в бассейне Среднего Днепра в I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. // Przemiany ludnościowe i kulturowe I tysiąclecia p.n.e. na ziemiach między Odrą i Dnieprem. Warszawa-Kraków, 1982: 35-36.

1984

112. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. // Наука, 1984: 137-141 // 2 ил.
113. Раскопки Думановского могильника // АО-1982. М., 1984: 282-283.
114. Распространение монетных находок в степях и лесостепях Восточной Европы. Карта // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., Наука, 1984. Рис. 51.

1985

115. Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 1985; № 2: 242-246 (совместно с М.Ф. Обыденновым).
116. Раскопки Думановского могильника // АО-1983. М., 1985: 299.

1986

117. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986: 38-62. Карта.
118. Раскопки поселения у с. Ромош // АО-1984. М., 1986: 256.

1988

119. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники Черняховской культуры. М. // Наука, 1988: 168-184 (совместно с А.В. Кропоткиным).

1990

120. Bulgarian Tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic (Topography and distribution routs // Commentationas de nummis saeculorum IX-XI in Suecia repertis. Nova series 6. Sigtuna Papers, Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1-4. June 1989. edited by K. Jonsson and B. Malmer, Stockholm, 1990: 197-201, tabl. I.
121. О распространении христианства в Северном Причерноморье // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории (до конца XIII в.) // Тез. докл. на юбилейных чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1993: 41-43.

1991

122. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia // Academiai scientiarum Hungaricae. Budapest, 1991. T. XLV (2-3): 403-423 (совместно с С. В. Гусевым).

Составители:
Е.В. Каменецкая,
А.В. Кропоткин

НАШ АРХИВ

В.В. Кропоткин

ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ НАХОДОК РИМСКИХ МОНЕТ

V.V. Kropotkin. Additions to the List of Roman Coins.

In 1961, the author published a catalog of Roman Coins Hoards found on the vast territory from the Baltic and the Black Seas to Tien Shan, and the purpose of the present article is to continue the earlier catalog. Regretfully, V.V. Kropotkin will never see the publication of this part of his work. The manuscript, by reverses of fortune, was to be found in Kishinev. The editors of the Stratum plus are happy to present the work of this outstanding scholar to the readers' attention.

От редактора

Никогда не был лично знаком с В.В. Кропоткиным. Более того, это имя достаточно долгое время ассоциировал исключительно с анархизмом, который я, подобно многим советским старшеклассникам, понимал и принимал сначала не как учение, а как простую вседозволенность.

«Кропоткин» прозвучало для меня в археологическом контексте значительно позже. Свою первую в жизни научную статью я писал о коллекции бус эпохи Римской империи. Ее представление взрослой аудитории прошло успешно. Однако заседание затянулось, поскольку одесское собрание археологов стало оживленно обсуждать спонтанно возникший вопрос: стоит ли подающему надежды студенту и в будущем работать над такой «немужской темой»? Единственный, но убийственный аргумент «за» формулировался совсем по-одесски: «А что, собственно, мешает Кропоткину заниматься украшениями и монетами?!» Именно это восклицание, по всей вероятности, и явилось одним из моментов истины, сориентировавших мое научное любопытство в сторону нумизматики.

Позднее, впечатленный глубиной его работ, я, конечно же, пытался узнать больше о самом ученом. Однако короткие рассказы старших коллег (А.В. Гудковой, М.Б. Щукина) отложились либо бытовыми картинками – чаепитие, доброжелательный разговор, либо определениями – «потрясающий человек», «князь». Наиболее пространную информацию я прочитал, увы, в коротком некрологе...

К счастью, мое восхождение к Кропоткину на этом не закончилось. Прямо-таки по закону «рукописи не горят» в редакцию нашего журнала попала объемистая папка – дополнение к знаменитому своду римских монет. Ознакомившись с текстом, я понял: номер должен быть посвящен В.В. Кропоткину. Когда редколлегия сообщила о своем решении вероятным авторам, многим из нас впервые удалось увидеть своего рода эффект магии имени. Статьи, материалы, советы, помощь отовсюду...

Всех, кто работал с публикуемой рукописью, поражало редкое сочетание скрупулезности и масштабности. Оно органично присуще творчеству В.В. Кропоткина. Смею сказать, что нашел ключ к пониманию удивительного феномена, слегка скрытый в именах автора. Их следует читать правильно: «кропотливый князь». В современной науке, как и в теперешней жизни вообще, остро не хватает кропотливости и благородства. По этой причине восхождение к названным вершинам должно продолжаться. Благодаря замечательному наследию В.В. Кропоткина, журнал *Stratum plus* предоставляет такую возможность своим читателям.

Н. Руссев

© В.В. Кропоткин, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Россия

Краснодарский край

1686. Адлер, Сочинский горсовет, 1949 г. Близ города, на земле колхоза им. Чкалова найден республиканский денарий Луция Кассия, сына Квинта, чеканенный около 79 г. до н.э. – Babelon I: 329, № 6. Д 17-19. Определение Е.А. Пахомова (Пахомов 1959: 12:1916; Кропоткин 1961: 110:1687).

1687. Адлер, Сочинский горсовет, 1952 г. Серебряный республиканский квинарий Гая Эгнатулея, сына Гая, чеканенный около 101 г. до н.э. – Babelon I: 475. Д 15-16. Определение Е.А. Пахомова (Пахомов 1959: 12:1915; Кропоткин 1961: 110:1686).

1688. Адлер, Сочинский горсовет, не позже 1964 г. Бронзовая монета Валентиниана I, чеканенная в Сискии, 3-я оффицина. Хр.: частное собрание (Не издана, сообщение И.К. Недоли).

1689. Адлерский район, Сочинский горсовет, 1953 г. В обрыве р. Псой на границе Абхазской АССР и РСФСР найден денарий Юлии Мезы. Av.: IVLIAAVGVSTA, бюст вправо. Rev.: FELICITAS, стоящая влево женская фигура с кадуцеем (?) в правой руке. Д 18,5-20,0. Определение Е.А. Пахомова. Хр.: частное собрание И.К. Недоли (Пахомов 1959: 13:1922; Кропоткин 1961: 110:1688).

1690. Анапа, Анапский р-н, 1969 г. При раскопках городища Горгиппии найдена субэратная серебряная монета – дидрахма Антонина Пия, чеканенная в г. Кесарии Каппадокийской. Определение автора. Хр.: фонды ИА АН СССР (Не издана, сообщение И.Т. Кругликовой).

1691. Анапский р-н, не позже 1968 г. Денарий Септимия Севера 194 г. н.э. – BMC V: 94, № 365, pl. 16,6. В 2,365; Д 16-18. Определение автора (Не издана, сообщение Т.М. Смирновой).

1692. Варениковская станица, Крымский р-н, не позже 1975 г. Около станицы найдена серебряная монета – подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы?). Хр.: народный музей в г. Крымске (Не издана, сообщение А.В. Дмитриева).

1693. Гай-Кадзор, Анапский р-н, 1959-1961 гг. В селении найдена медная монета – подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы). В 2,02; Д 15. Определение Ю.С. Крушкол. Хр.: фонды Московского областного педагогического института им. Н.И. Крупской (Крушкол 1965: 54-55, рис. I; НЭ, VI, 1966: 82, № 1 (1734).

1694. Гай-Кадзор, Анапский р-н, 1965 г. Близ села найдена биллоновая монета – подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы). В 3,00; Д 18-19,5. Определение автора. Хр.: Анапа, краеведческий музей, инв. № 5423 (Салов 1975: 174).

1695. Гай-Кадзор, Анапский р-н, 1973 г. Близ села, при вспашке поля на склоне Шум-речки найден клад медных боспорских статеров: Фофорса – 58; Радамсада – 13; Рискупорида VI – 150; всего 231 экз.; в составе клада обнаружено два биллоновых подражания римским денариям с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы). 1) В 2,10; Д 18; 2) В 2,80; Д 17. Определение Н.А. Фроловой. Хр.: Анапа, краеведческий музей, инв. № 7667/231-232 (Салов 1975: 172-175).

1696. Запорожская, Темрюкский р-н, 1970 г. При раскопках на городище Патрэя найден клад боспорских монет III в. н.э., в составе клада – один денарий Тита 80 г. н.э. – BMC II: 235-236, № 78-81, pl. 46,1. Хр.: ГИМ (Сокольский, Стругалина, Голенко 1972: 89 и след; Голенко 1978: 17, 29).

1697. Казанская станица, Тбилисский р-н, 1901 г. При раскопках Н.И. Веселовского в кургане найдена монета Гордиана III, чеканенная в 244 г. (Веселовский 1905: 349; НЭ, VI, 1966: 99, № 222 (1933)).

1698. Кропоткин, 1965 г. Близ города найдена бронзовая монета Каракаллы провинциальной чеканки (Не издана, сообщение С.Ю. Соколовского).

1699. Крымск, Крымский р-н, не позже 1968 г. Подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа). Хр.: Народный музей в г. Крымск (Не издана, сообщение А.В. Дмитриева).

1700. Мацеста, Сочинский горсовет, 1966 г. Во время земляных работ на территории плодово-ягодного совхоза в Средней Мацесте в погребении обнаружены серебряный канфар с рельефными изображениями человеческих фигур и птиц, стеклянный бальзамарий и другие вещи, а также три серебряные драхмы Траяна, чеканенные в Кесарии Каппадокийской. Хр.: Сочи, краеведческий музей (Шамба 1970: 232-237, рис. 3; Кропоткин 1970б: 85, № 725).

1701. Новорождественская станица, Тихорецкий р-н, не позже 1927 г. Близ станицы найдена римская монета Нерона. Хр.: Краснодар, историко-краеведческий музей (Покровский 1927: 142; Кропоткин 1961; 110, № 1689).

1702. Новороссийск, не позже 1941 г. Биллоновое подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы). Хр.: Новороссийск, краеведческий музей (Не издана, сообщение А.В. Дмитриева).

1703. Новороссийск, не позже 1971 г. Севернее города, около пос. Цемдолина найдено биллоновое подражание римскому

денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы). Хр.: Новороссийск, краеведческий музей (Не издана, сообщение А.В. Дмитриева).

1704. Первомайская, Анапский р-н, 1961 г. Близ поселка случайно найдены две серебряные монеты: 1) посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC IV: 60, № 421, pl. 9,15. Д 18; 2) посмертный денарий Марка Аврелия – BMC IV: 692, pl. 91, 13. Д 17. Определение автора. Хр.: Анапа, краеведческий музей, инв. № 2392, 2398 (НЭ, VI, 1966: 82, № 2 (1735)).

1705. Раевская, Анапский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Н.А. Онайко на городище близ станицы найдены три биллоновые монеты – подражания римским денариям с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа II группы). В 2,32; 2,37; 2,54. Определение Н.А. Онайко. Хр.: Новороссийск, краеведческий музей (Онайко 1965: 129; 1967: 52, рис. 2; НЭ, VI, 1966: 82, № 3 (1736)).

1706. Раевская, Анапский р-н, не позже 1975 г. На средневековом могильнике в 1,5 км юго-западнее станицы найдено подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа). Хр.: Анапа, краеведческий музей, инв. № 7144 (Салов 1975: 174).

1707. Сенная, Темрюкский р-н, 1936 г. При раскопках Фанагории найдена монета Валентиниана II. Определение А.Н. Зографа. Хр.: ГИМ (Крушкол 1951: 257; Кропоткин 1961: 110:961).

1708. Сенная, Темрюкский р-н, 1960 г. При раскопках Фанагории на Центральном раскопе в слое III – IV вв. н.э. найдена медная монета – подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы), обломана. Д 19. Определение автора. Хр.: ГМИИ (Не издана, сообщение М.М. Кобылиной).

1709. Сенная, Темрюкский р-н, 1968 г. При раскопках Фанагории, на Центральном раскопе в слое III-IV вв. н.э. найдено скопление медных подражаний римским денариям с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы); среди них: целые и обломанные с края – 17; мелкие обломки – 8. В 1,03; 1,22; 1,32; 1,65; 1,82; 1,89. Определение автора. Хр.: ГМИИ (Не издана, сообщение М.М. Кобылиной).

1710. Сенная, Темрюкский р-н, 1972 г. При раскопках Фанагории на Центральном раскопе в слое III-IV вв. н.э. найдено подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы). В 1,09. Определение автора. Хр.: ГМИИ (Не издана, сообщение Н.А. Фроловой).

1711. Сенная, Темрюкский р-н, 1974 г. При раскопках Фанагории на Центральном раскопе найдено подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы), обломано. Определение автора. Хр.: ГМИИ (Не издана, сообщение Н.А. Фроловой).

1712. Сенная, Темрюкский р-н, 1977 г. При раскопках Фанагории на Центральном раскопе найден потертый денарий Веспасиана 73 г. н.э. – BMC II: 19, № 98, pl. 3,3. В 2,25. Д 16,5-19,0. Определение автора. Хр.: ГМИИ (Не издана, сообщение В.К. Голенко).

1713. Сенная, Темрюкокий р-н, 1973 г. При раскопках городища Кепы в могиле IV в. н.э., впущенной в культурный слой, найдены три медные монеты: 1) фоллис Константина I, чеканенный в Кизике, оффицина I – Coh. VII^2: 281, № 454 (Зограф 1951, табл. XXIV, 7-8); 2) фоллис Константина II, чеканенный в Кизике; 3) неопределенная римская монета плохой сохранности. Определение автора. Хр.: ГИМ (Не изданы, сообщение Э.Я. Николаевой).

1714. Сенная, Темрюкский р-н, 1978 г. В обрыве берега Таманского залива, на городище Кепы найдена серебряная монета – подражание римскому денарию с изображением стоящего прямо Марса (северокавказского типа I группы) (Зограф 1945, табл. III: 3-5). В 3,03. Д 18-19. Определение автора. Хр.: ГИМ (Не издана, сообщение Н.П. Сорокиной).

1715. Шкрюмов хутор, Новороосийский р-н, 1973-1974 гг. При раскопках могильника в зоне строительства водохранилища на р. Дюрсо найдены 3 подражания римским денариям с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа): 1) погребение 220 – серебряная монета, I группа; 2) биллоновая монета II группы; 3) погребение 300 – медная монета III группы. Определение А.В. Дмитриева. Хр.: Новороссийск, краеведческий музей (Дмитриев 1975: 106).

Ставропольский край

1716. Невинномысск, не позже 1964 г. В окрестностях города найдена медная монета – дупондий Веспасиана 76 г. н.э. BMC II: 169, №725-726, pl. 29,8. Определение автора (НЭ, VI, 1966: 82, № 4 (1737)).

1717. Сенгилеевка, Шпаковский р-н, не позже 1961 г. Денарий Юлии Домны 198-209 гг. н.э. – BMC V: 161, № 34-35, pl. 27, 17. Определение автора. Хр.: частное собрание (НЭ, VI, 1966: 82, № 5 (1738)).

Белгородская область

1718. Борисовка, Борисовский р-н, 1960 г. На Первомайской ул., на усадьбе А.Ф. Евминовой найден денарий Луциллы – BMC IV: 432, № 348, pl. 59,8 (var.). Определение автора. Хр.: частное собрание (Евминова).

1719. Борисовский р-н, 1961 г. Денарий Антонина Пия 148-149 гг. н.э. – BMC IV: 95, №657, pl. 14,6. В 3,15; Д 17-18. Определение автора. Хр.: средняя школа в с. Головчино (НЭ, VI, 1966:

82, № 7 (1740)).

1720. Головчино, Борисовский р-н, не позже 1960 г. Близ села найдена бронзовая монета Луциллы. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила в 1960 г. от Ю. Шошкина) (Зайцев 1964: 52; НЭ: 1966: 82, № 6 (1739)).

Волгоградская область

1721. Волгоград, 1915 г. На Волго-Донской пристани найдена монета Константина I (Архив ЛОИА АН СССР, 1924, № 23, л. 88, № 8 (сообщение В.Б. Зайковского); (Архив ИА АН СССР, 1925, № 27, л. 3; Кропоткин 1961: 110:1639)).

Калининская область

1722. Белый Городок, Кимрский р-н, 1961-1962 гг. На острове, который образовался после затопления поймы, школьники нашли римскую монету Марка Аврелия. Хр.: частное собрание В.О. Витта (Не издана, сообщение М.В. Фехнер).

Курганская область

1723. Куртамыш, Куртамышский р-н, 1967 г. В песчаном карьере найдена бронзовая монета Луция Вера. Av.: L VERVS AVG ARM PARTH MAX. Определение В.М. Брабича (Газ. «Сельская жизнь», 4 августа 1968 г.)

Курская область

1724. Курск, не позже 1968 г. В окрестностях города найдены римские монеты: денарий Тита и бронзовая монета Гордиана III (Не изданы, сообщение Ю.А. Липкинга).

Новгородская область

1725. Станки, Валдайский р-н, 1878 г. Близ деревни в земле найдена монета Валериана (ЦГИАЛ, ф. 530, оп. I, д. № 8, л. 65-66 (монета получена от П.М. Силина в 1887 г.); НЭ,VI, 1966: 83, № 9 (1741)).

1726. Старая Русса, Старорусский р-н, 1970 г. При археологических раскопках в городе найдена бронзовая монета Геты, чеканенная в г. Никомедии в Вифинии с круглой надчеканкой. В 7,98; Д 25-26. Определение К.В. Голенко. Хр.: Старая Русса, краеведческий музей (Не издана, сообщение А.Ф. Медведева).

Псковская область

1727. Снетогорский монастырь, Псковский р-н, 1952 г. На берегу р. Великой найдена медная монета Лициния. В 2,53; Д 20. Определение Л.Н. Беловой. Хр.: Псковский краеведческий музей, инв. № 2162 (Газ. «Псковская правда», 22 марта 1953 г. , № 59 (заметка Л.А. Творогова); Кропоткин 1961: 110:1692).

Ростовская область

1728. Недвиговка, Мясниковский р-н, 1909-1910 гг. На Недвиговском городище найдены денарии: Фаустины Младшей – 1, Коммода – 1, а также медные римские монеты различного времени. Хр.: Ростовский музей (до 1917 г.) (Ильин 1912: 31, № 10, 11, 13; НЭ, 1966: 83, № 10 (1742)).

1729. Недвиговка, Мясниковский р-н, 1971 г. При раскопках Недвиговского городища найдены: 1) биллоновая монета – подражание римскому денарию северокавказского типа II группы (в перекопанном слое III-IV вв. н.э.); 2) бронзовая монета Грациана, чеканенная в Никомедии (Малая Азия) между 378-383 гг. – RIC, IX, p. 256, № 25a. Хр.: Танаисский музей-заповедник (Шелов 1973: 192 и сл.; он же, 1977: 70, № 48; 71, № 66).

1730. Недвиговка, Мясниковский р-н, 1975 г. При археологических раскопках на Недвиговском городище найдены монеты: 1) римская бронзовая неопределенная монета (раскоп XIV); 2) бронзовая монета Флациллы, супруги имп. Феодосия I, чеканенная в г. Никомедии между 25 августа 383 г. и 28 августа 388 г. н.э., 4-я оффицина – RIC, IX: 261, № 43, pl. XVI (случайная находка). В 3,29. Определение автора (Не издана, сообщение Д.Б. Шелова).

1731. Ростов-на-Дону, не позже 1912 г. На Темерницком городище найдены 3 денария: Фаустины Младшей – 1, Коммода – 2. Хр.: Ростов-на-Дону, областной музей (две последние монеты – дар М.Б. Краснянского) (Ильин 1912: 34, № 34-35; НЭ, VI, 1966: 83, № 11 (1743)).

Татарская АССР

1732. Рождествено, Лаишевский р-н, 1973 г. При раскопках П.Н. Старостина на V Рождественском могильнике в детском погребении № 142 на шее погребенного были обнаружены остатки деревянной обвитой железом гривны и другие вещи. К гривне прикреплены две бронзовые римские монеты-подвески, пробитые в центре и снабженные бронзовыми шпеньками для привешивания: 1) сестерций Александра Севера – BMC, VI: 189, № 744, pl. 25. В 15,51. Д 26-28; 2) дупондий Максимина I – BMC, VI: 232, № 117, pl. 37. В 10,93. Д 27-29. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР (Старостин 1973: 3-4, рис. 91: 6-7).

Чечено-Ингушская АССР

1733. Грушевое, Урус-Мартановский р-н, 1976 г. В катакомбе № 17 найдена медная монета Валентиниана II, чеканенная в Константинополе, 4-я оффицина. В 4,18. Д 21. Хр.: Грозный, Чечено-Ингушский университет (Виноградов, Петренко 1977: 92).

1734. Капустин, Шелковский р-н, 1978 г. Близ хутора, в песчаных выдувах найден денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 398, № 93-94, pl. 55,6. определение автора. Хр.: Грозный, Чечено-Ингушский университет (Виноградов, Петренко, Мялковский 1979: 46, № 5, рис. 4: 31).

Украинская ССР
Винницкая область

1735. Жорнище, Ильинецкий р-н, 1957 г. Близ села, на поселении черняховской культуры найден денарий Траяна 112-117 гг. – BMC, III: 124, № 645, pl. 21,1(var.). В 2,95. Д 17-18. Определение автора. Хр.: ГИМ (НЭ, VI, 1966: 83, № 12 (1744)).

1736. Заячивка, Шаргородский р-н, 1968 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Александра Севера. Определение П.И. Хавлюка. Хр.: Винница, краеведческий музей (Хавлюк 1969: 258).

1737. Косаново, Гайсинский р-н, 1962 г. На поселении черняховской культуры Косаново II найден римский денарий. Определение В.А. Анохина. Хр.: фонды ИА АН УССР (НЭ, VI, 1966: 83, № 13 (1745)).

1738. Липовец, Липовецкий р-н, 1972 г. При рытье ямы для телеграфного столба в двух сосудах найден клад римских денариев; монеты разошлись по рукам, часть клада поступила в Винницкий краеведческий музей: Траян – 3, Адриан – 2, Антонин Пий – 21, Марк Аврелий – 11, Луцилла – 2, Криспина – 1, Коммод – 19, всего 59 экз. Четыре денария переданы П.И. Хавлюком в Институт археологии АН СССР: Антонин Пий, посмертный, 161 г. – BMC, IV: 393, № 47,pl. 54,9; Марк Аврелий, 145-160 гг. – BMC, IV: 85, № 595-601,pl. 12,20; Марк Аврелий, 164-165 гг. – BMC, IV: 439, № 361, pl.59,14; Марк Аврелий, 168-169 гг. – BMC, IV: 455, № 496, pl. 62,13. Определение автора. Хр.: Винница, краеведческий музей (59 экз.); фонды ИА АН СССР (4 экз.). (Не изданы, сообщение П.И. Хавлюка).

1739. Марьяновка, Немировский р-н, 1959 г. На поселении черняховской культуры близ села найден денарий Марка Аврелия 161 г. н.э. – BMC, IV: 388, № 20, pl. 53,16. В 3,06; Д 17-18. Определение автора. Хр.: ГИМ (НЭ, VI, 1966: 83, №14 (1746)).

1740. Немерчи, Мурованокуриловецкий р-н, 1929 г. 11 мая 1929 г. крестьянин М.Мельник во время пахоты на поле нашел денарий Марка Аврелия 148-149 гг. н.э. – Coh., II[1], p. 481, № 212; – BMC, IV: 99, № 683, pl. 14, 17. Определение В.А. Шугаевского. Хр.: Киев, бывший Лаврский музей, инв. № 19788 (поступила 19.IV. 1929 г.) (Архив ИА АН УССР (сообщение В. Харитоненко в ВУАК; заметки В.А. Шугаевского); НЭ, VI, 1966:. 83, № 15 (1747)).

1741. Политанки, Шаргородский р-н, 1957 г. Весной при полевых работах найден денарий Антонина Пия 150-151 гг. н.э. – Coh., II[2], p. 297, № 265 – BMC, IV, p.104, № 719-720. Pl. 15,10. В 2,78. Д 17-19. Определение П.О.Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 67:23; НЭ, VI, 1966: 83-84, № 18 (1749)).

1742. Тышковка, Гайсинский р-н, не позже 1962 г. Близ села найдена медная позднеримская монета, чеканенная в Антиохии (?). В 13,22. Определение автора. Хр.: ГИМ (НЭ, VI, 1966: 84, № 20 (1751)).

1743. Ульяновка (бывший Погорелое), Липовецкий р-н, 1960 г. Бронзовая монета Константина I. Rev.: венок с надписью – VOT X MVLT XXX. Д 13-15. Определение автора. Хр.: УКМ, № 6091 (НЭ, VI, 1966: 83, № 17 (1748)).

1744. Ульяновка (бывший Погорелое), Липовецкий р-н, 1967 г. В урочище Руда близ села найдена бронзовая монета Марка Аврелия. Д 16-18 (Храбан 1967, № 73, л. I, № 9).

1745. Холодовка, Тульчинский р-н, 1927 г. На поселении черняховской культуры найдена римская монета.. (Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 115, л. 8; НЭ, VI, 1966: 84, № 19 (1750).

1746. Черторый, Ильинецкий р-н, 1972 г. На поселении черняховской культуры найден потертый денарий Коммода. Хр.: Винница, краеведческий музей (Хавлюк, Тураковский 1973: 343).

Волынская область

1747. Баев, Луцкий р-н, 1959 г. При археологических раскопках могильника III-IV вв. н.э. в разрушенном погребении найден денарий Адриана 128-132 гг. н.э. – BMC, III, p. 301, № 497, pl. 56,12. Монета пробита и подвешена на проволочное бронзовое кольцо с завязанными концами. Определение автора. Хр.: Луцк, краеведческий музей (Кухаренко 1975: 60, рис. 10: 1).

1748. Владимир-Волынский уезд, не позже 1884 г. Серебряная монета (денарий?) Траяна (Известия Церковно-Археологического общества за декабрь 1884 г. Труды Киевской духовной академии, 1885: № 2 (февраль): 310; НЭ, VI, 1966: 84, № 23 (1753)).

1749. Владимир-Волынский, около 1931 г. Близ города найдено несколько римских серебряных монет Траяна. Хр.: частное собрание (Cynkotowski 1961: 135, № 75; НЭ, VI, 1966: 84, № 22 (1752)).

1750. Горохов, Гороховский р-н, не позже 1933 г. Близ города найден денарий Антонина Пия, 145-161 гг. Хр.: Луцкий краеведческий музей (поступил в 1933 г.) (Инвентарная книга Луцкого музея, т. III: 61-62, № 302; Брайчевський 1959: 126:73).

1751. Горохов, Гороховский р-н, 1975 г. Близ города, на дороге в с. Пирванче найден денарий Максимина I – BMC, VI: 235, № 146, pl. 38. В 3,02. Определение автора. Хр.: фонды ИА АН СССР (Кропоткин 1977: 314).

1752. Иваничи, Иваничевский р-н, до 1914 г. При археологических раскопках были найдены три римские монеты и золотой римский (?) перстень (Ляскоронский, РМЮР, л. 179 (рукопись в архиве ИА АН УССР); НЭ, VI, 1966:. 84, № 24 (1754).

1753. Ковель, не позже 1939 г. Несколько римских монет из окрестностей города находились в собрании городской гимназии

(Cynkotowski 1961: 130, № 37; НЭ, VI, 1966: 84, № 25 (1755)).

1754. Лудин, Владимир-Волынский р-н, не позже 1931 г. Клад золотых и серебряных римских монет обнаружен в урочище «Могильна дорога» (Cynkotowski 1961: 124, № 12; НЭ, VI, 1966:. 84, № 26 (1756)).

1755. Луков, Турийский р-н, около 1975 г. Денарий Адриана 134-138 гг. н.э. – BMC, III, p. 321, № 635, pl. 59,13. В 2,86. Д 17. Определение автора. Хр.: Любомль, собрание А.Д. Остапюка (Не издана, сообщение А.Д. Остапюка).

1756. Любомль, Любомльский р-н, 1978 г. Бронзовая монета Филиппа Араба, чеканенная в г. Деульте (Deultum) во Фракии -Coh., V^2: 120, № 273. В 6, 15. Д 20. Определение автора. Хр.: Любомль, собрание А.Д. Остапюка (Не издана, сообщение А.Д. Остапюка).

1757. Садов, Дуцкий р-н, 1976 г. В урочище «Римский шлях» найден денарий Траяна. Хр.: Луцк, краеведческий музей (Кучинко, Козак, Матиюк 1977: 323).

1758. Свитязь, Любомльский р-н, 1969 г. На усадьбе М.М. Мазурок найден денарий Траяна. Определение автора. Хр.: частное собрание (Не издана, сообщение Ю.В. Кухаренко).

1759. Усичи, Луцкий р-н, не позже 1937 г. Римская монета. Хр.: Луцкий краеведческий музей (поступила в июне 1937 г.) (Не издана, инвентарная книга Луцкого музея, т. III, № 552).

Ворошиловградская область

1760. Гармашевка, Беловодский р-н, не позже 1957 г. Фоллис Аркадия. Rev.: GLORIA ROMANORVM, под обрезом: SM[K] – Толстой, I: 36, № 90. Д 21,0. Определение автора. Хр.: Археологический музей ХГУ (Газ. «Луганская правда», 26 апреля 1963 г.; НЭ, VI, 1966: 88, № 74 (1798)).

Восточная Галиция

1761. Галиция, не позже 1930 г. Римские денарии: Адриана, Луция Вера и посмертный Антонина Пия. Хр.: Львов, бывший музей НТШ, инв. № 20288 (НЭ, VI, 1966: 84, № 30 (1760)).

1762. Восточная Галиция, не позже 1930 г. Денарий Юлии Мамеи. Хр.: Львов, бывший музей НТШ, инв. № 20597 (НЭ, VI, 1966: 84, № 32 (1762)).

Днепропетровская область

1763. Кулебивка, Новомосковский р-н, 1907-1909 гг. Близ села на огородах найдены денарии: Марка Аврелия (?) – 1, Фаустины (I или II) – 1. Хр.: Сосницкий краеведческий музей, инв. № 529-530 (дар С.А. Сиворакша) (Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, д. № 109/19, л. 3 (сообщение Ю.С. Виноградского); НЭ, VI, 1966: 84, № 34 (1764)).

1764. Новопавловка, Верхнеднепровский р-н, не позже 1966 г. На правом берегу Днепра близ села разновременно найдены римские денарии: Антонина Пия – 3, Фаустины Старшей – 1, Марка Аврелия – 3, Фаустины Младшей – 1, Луция Вера – 1, Юлии Домны – 1, серебряная монета Константина II – 1. Определение В.М. Брабича. Хр.: частное собрание (Не изданы, сообщение И.В. Соколовой).

Житомирская область

1765. Быстрик, Бердичевский р-н, не позже 1962 г. Близ села найдены два римских денария (НЭ, VI, 1966: 85, № 35 (1765)).

1766. Верховня, Ружинский р-н, 1955 г. Денарий Антонина Пия. Хр.: Житомир, краеведческий музей (Брайчевський 1959: 133-147).

1767. Выгнанка, Любарский р-н, не позже 1967 г. Близ села найдены два римских денария: 1) Марка Аврелия 169-170 гг. н.э. – BMC, IV, p. 457, № 509, pl. 63,3; 2) Коммода 181-182 гг. н.э. – BMC, IV, p. 701, № 80, pl. 92,19. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Любар, краеведческий музей (Липко 1969: 22).

1768. Глезно, Любарский р-н, не позже 1967 г. Денарий Марка Аврелия 161 г. н.э. – BMC, IV, p. 388, № 20, pl. 53,16. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Любар, краеведческий музей (Липко 1969: 23).

1769. Гриневцы, Любарский р-н, не позже 1928 г. Серебряная монета (денарий?) Антонина Пия (Ляскоронский, РМЮР, л. 118; Брайчевський 1959, 189: 866; Кропоткин 1961, 84: 1126).

1770. Дацки, Чудновский р-н, не позже 1959 г. Две римские монеты (Брайчевський 1959, 134: 152 (сообщение И.С. Винокура)).

1771. Иванковцы, Любарский р-н, 1959 г. Близ села в урочище Селиско на поселении черняховской культуры С.А. Липко нашел денарий Марка Аврелия, 177-180 гг. н.э. – BMC, IV, p. 486, № 694, pl. 67,9. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Любар, краеведческий музей (Вакуленко, Городецький 1960: 141; Винокур 1964: 184; Липко 1969: 24; НЭ, VI, 1966: 85, № 36 (1766)).

1772. Карабчиев, Ружинский р-н, не позже 1917 г. Денарий Марка Аврелия 161-162 гг. н.э. – BMC, IV, p. 410, № 197. В 2,95. Определение А. Кетлинской. Хр.: РМА, инв. № 2690 (дар Ф. Пулаского) (Kietlinska 1957: 280, № 89).

1773. Липное, Любарский р-н, не позже 1967 г. На поселении черняховской культуры в урочище Селиско найден денарий Марка Аврелия 164-165 гг. н.э. – BMC, IV, p. 433, № 357, 358, pl. 59,12. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Любар, краеведческий музей (Липко 1969: 23).

1774. Маркуши, Бердичевский р-н, 1959 г. При археологических раскопках И.С. Винокура на поселении черняховской культуры на полу жилища на глубине 0,45 м найден денарий Антонина Пия. Хр.: Музей исторического факультета Черновицкого Государственного университета (Винокур 1960: 39, 139; Винокур 1964: 179, рис. 3, 4).

1775. Старая Романовка, Новоград-Волынский р-н, 1964 г. На поле близ села ученики нашли раздавленный глиняный горшок темной глины, несколько бронзовых колец диаметром 1,8-2,0 см со следами позолоты и римские серебряные монеты I-II вв. н.э. Часть клада разошлась по рукам; определено 311 денариев: Веспасиана – 2, Нервы – 1, Траяна – 17, Адриана – 34, Сабины – 4, Антонина Пия – 61, Фаустины Старшей – 22, Марка Аврелия – 72, Фаустины Младшей – 21, Луция Вера – 19, Луциллы – 5, Коммода – 42, Криспины – 2, Клодия Альбина – 2, Септимия Севера – 5, Юлии Домны – 1. Младшая монета в составе клада – денарий Септимия Севера 194-195 гг. н.э. – BMC, V: 34, № 81, pl. 7,15. Определение В.Я. Каплуна и автора. Хр.: Житомир, краеведческий музей (83 экз. и обломок венчика горшка); частные собрания в гг. Житомире и Новоград-Волынском (НЭ, VI, 1966: 85, № 38 (1768); Каплун 1972: 108-125; он же 1974: 125-128; Кропоткин 1972: 126-127, табл. 1).

Закарпатская область

1776. Братово, Виноградовский р-н, 1976 г. На поселении римского времени в урочище Петро на глубине 0,35 м найден денарий Домициана 85 г. н.э. – BMC, II: 315, № 78. pl. 61,19. Д 18,5- 19,5. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Ужгородского Государственного университета (Не издана, сообщение В.Г. Котигорошко).

1777. Малая Копань, Виноградовский р-н, 1978 г. При раскопках на городище, под валом найден римский республиканский денарий 150-125 гг. до н.э. – монетарий Квинт Минуций Руф (Grueber, BMC, II: 250, № 464, pl. 92,7). Определение автора. Хр.: Ужгород, кабинет археологии Ужгородского Государственного университета (Не издана, сообщение В.Г. Котигорошко).

1778. Малые Ратовцы, Ужгородский р-н, 1973 г. На поселении римского времени III-IV вв.н.э. в припечной яме гончарного горна найден обломанный денарий Марка Аврелия (?). Хр.: Ужгород, фонды отдела археологии ИА АН УССР (Не издана, сообщение С.И. Пеняка).

1779. Нанково, Хустский р-н, 1974 г. При земляных работах на приусадебном участке Е. Шутко обнаружила в глиняном горшке большой клад римских денариев – около 1000 экз., собрано 965 экз.: Домициан – 1, Траян – 2, Сабина – 11, Адриан – 39, Антонин Пий – 228, Марк Аврелий (caesar) – 51, Марк Аврелий – 206, Луций Вер – 65, Луцилла – 24, Фаустина Младшая – 93, Коммод – 100, Криспина – 10, Пертинакс – 7, Септимий Север – 15, Юлия Домна – 2, подражание римским денариям – 2, неопределенные – 109 экз. Общий вес – 2820,55 г. Определение Э.А. Балагури. Хр.: Ужгород, краеведческий музей, № Н 2845-2864 (Газ. «Известия», 12.II.1975 г., № 37 (1780); Балагури, Котигорошко 1975: 257).

1780. Оросиево, Береговский р-н, 1973 г. На поселении римского времени в большом гончарном сосуде с волнистым орнаментом найден денарий Коммода 188-189 гг. – Coh., 649 – BMC; IV, p. 737, № 261, pl. 97,11 (?). Определение автора. Хр.: Ужгород, фонды Государственного Университета (Не издана, сообщение В.Г. Котигорошко).

1781. Русское Поле, Тячевский р-н, 1968 г. Осенью 1968 г. во время мелиоративных работ близ горы Капула тракторист выпахал горшок с римскими денариями в количестве около 800 экз. Местный учитель передал в Ужгородский музей 43 денария: Адриана – 1, Сабины – 1, Антонина Пия – 11, Фаустины Старшей – 7, Марка Аврелия – 10, Фаустины Младшей – 2, Луциллы – 2, Криспины – 1, Коммода – 5, Манлии Скантиллы, супруги Дидия Юлиана – 1, Септимия Севера – 1, обломок неопределенного денария – 1, всего 43 экз. Младшая монета в составе клада – денарий Септимия Севера 195 г. н.э. – BMC, V: 39, № 107, pl. 8,11. Определение автора. Хр.: Ужгород, краеведческий музей, № 8761/1-43 (Кропоткин 1970: 217-225, табл. I-IV).

Ивано-Франковская область

1782. Бовшев, Галичский р-н, 1964 г. На поселении черняховской культуры при раскопках В.Д. Барана найден денарий Антонина Пия 147-148 гг. н.э. – BMC, IV: 90, № 622, pl. 13,9. Д 18. Определение автора. Хр.: Львов, фонды отдела археологии ИОН АН УССР (Не издана, сообщение В.Д. Барана).

1783. Волосов, Надворнянский р-н, 1970 г. На поселении культуры карпатских курганов найден денарий Траяна 103-111 гг. – BMC, III: 71, № 276, pl. 14,5. Определение автора. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Вакуленко 1977: 69, 93, рис. 35).

1784. Верхняя Липица, Галичский р-н, 1964 г. На поселении липицкой культуры в выбросе из раскопа III найдены два слипшихся римских денария: 1) Луцилла. Rev.: IVNONI [LV] C [INAE] – BMC, IV: 431, № 343 и сл., pl. 59,6 (var.). В 3,26; Д 17-18. 2) Фаустина Младшая (или Луцилла?). В 3,36; Д 15-17,5. Определение автора. Хр.: Львов, фонды отдела археологии ИОН АН УССР (Цигилик 1975: 125).

1785. Глыбовка, Богородчанский р-н, не позже 1959 г. Римские монеты (Брайчевський 1959: 166: 565).

Киевская область

1786. Васильковский уезд, не позже 1889 г. Денарий Фаустины Младшей (Известия Церковно-Археологического общества за ноябрь 1889 г. Труды Киевской духовной академии, 1890, № 2 (февраль): 364; НЭ, VI, 1966: 85, № 40 (1769)).

1787. Зарубинцы, Переяслав-Хмельницкий

р-н, 1960-е гг. На поселении зарубинецкой культуры при раскопках Е.В. Максимова найден римский республиканский денарий II в. до н.э. Определение В.А. Анохина. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Не издана, сообщение Е.В. Максимова).

1788. Киев, 1915 г. Около Золотых ворот найдена бронзовая монета конца IV – начала V вв. н.э. плохой сохранности (Брайчевський 1959: 142:241 (сообщение Г.К. Голдина); Кропоткин 1961: 110:1696).

1789. Киев, не позже 1947 г. В районе Глубочицы найдена бронзовая монета (антониниан?) Волусиана. Хр.: КГИМ (поступила в 1947 г.) (Каргер 1958: 79; НЭ, VI, 1966: 85, № 42 (1770)).

1790. Киев, не позже 1887 г. На Волосской улице, на Подоле, найден клад в количестве 45 монет: Александра Македонского, Юлия Цезаря, Тиберия и других (Отчет Церковно-Археологического общества за 1887 г. Труды Киевской духовной академии, 1888, № 3 (март): 497).

1791. Киев, 1962 г. В районе Тарасовской улицы найдены два денария Антонина Пия (Брайчевський 1964: 48).

1792. Киев, не позже 1929 г. На горе Киселевка, на поселении зарубинецкой культуры были найдены римские монеты. Хр.: КГИМ (Ляскоронский 1927: 40; Спицын 1948: 253; Брайчевський 1959: 142:242; Кропоткин 1961: 110:1697).

1793. Лука, Таращанский р-н, не позже 1959 г. На берегу р. Рось найден обрезанный в кружок денарий Коммода. Хр.: Частное собрание (Брайчевський 1959: 146:329 (сообщение А.В. Синявского); Кропоткин 1961: 110:1698).

1794. Матюши, Белоцерковский р-н, 1963 г. На берегу р. Раставицы весной 1963 г. найден клад, содержавший около 60 денариев. Монеты разошлись по рукам, определено 18 денариев: Нерона – 1, Веспасиана – 4, Домициана – 1, Траяна – 1, Адриана – 3, Антонина Пия – 2, Фаустины Старшей – 2, Марка Аврелия – 1, Фаустины Младшей – 1, Луция Вера – 1, Луциллы – 1, Коммода 186 г. н.э. – 1 экз. Определение В.А. Анохина. Хр.: Белая Церковь, краеведческий музей (Драгунова 1965: 202-205; НЭ, VI, 1966:. 85, № 43 (1771)).

1795. Остров, Ракитнянский р-н, не позже 1976 г. Антониниан Гордиана III – Coh., V^2, p. 27, № 47. Определение автора. Хр.: Белая Церковь, краеведческий музей (Не издана, сообщение В.А. Анохина).

1796. Селище, Переяслав-Хмельницкий р-н, до 1917 г. Римский денарий II в. н.э (Сікорський, Савчук 1971: 145, прим. 7).

1797. Стрижевка, Ставищенский р-н, не позже 1959 г. Денарий Марка Аврелия 169 г. н.э (Брайчевський 1959: 146:321).

1798. Таценка, Обуховский р-н, 1966 г. В урочище Довжичек близ села, на поселении I-II вв.н.э. найден римский денарий Антонина Пия 158-159 гг. – BMC, IV: 139 – Coh., II^2: 343, №740. Д 16,5-17. Определение автора. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Не издана, сообщение Е.В. Максимова).

Кировоградская область

1799. Данилова Балка, Ульяновский р-н, 1977 г. При раскопках могильника черняховской культуры, в погребении №15 на тазовых костях найдены два денария плохой сохранности: 1) Антонин Пий, с медным ядром, серебряная пластинка и изображение на Rev. не сохранилась. В 1,0; Д 15,5-16,5; 2) Луций Вер (или Марк Аврелий). В 0,93; Д 16-17. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР (Сымонович 1977: л. 38; Сымонович, Гей 1978: 389).

1800. Калантаево, Светловодский р-н, 1941 г. Весной 1941 г. школьники случайно обнаружили в береговом обрыве р. Тясьмин клад серебряных римских монет в количестве не менее 1200-1500 экз. Они находились в довольно большом глиняном сосуде, причем с монетами было несколько серебряных слитков в виде стержней толщиной около 1 см и длиной 15-20 см. В ОГАМ поступили 64 римских денария и одна амисская драхма: Гальба – 1, Отон – 1, Веспасиан – 4, Домициан – 2, Нерва – 1, Траян – 7, Маркиана, сестра Траяна – 1, Адриан – 7 (в том числе одна драхма г. Амиса), Сабина – 2, Антонин Пий – 9, Фаустина Старшая – 3, Марк Аврелий – 12, Фаустина Младшая – 3, Луций Вер – 4, Коммод – 6, Септимий Север – 2, всего 65 экз. Большая часть монет клада выпущена в 30-80 гг. II в. н.э. Последние монеты чеканены в 193 и 194 гг. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1962: 136-140; НЭ, VI, 1966: 86, № 46 (1772)).

1801. Светловодский р-н, не позже 1927 г. В низовьях р.Тясмин найдены монеты Адриана (Брайчевський 1959: 149:358; Кропоткин 1961: 110:1700).

1802. Станиславовка, Новоархангельский р-н, не позже 1959 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Марка Аврелия 161 г. н.э. – BMC, IV: 388, № 15, p. 53,16. Д 17-18. Определение автора. Хр.: УКМ, инв. № 5485 (Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 437, л. 41; НЭ, VI, 1966: 86, № 47 (1773)).

Крымская область

1803. Артек, Ялтинский горсовет, не позже 1972 г. В погребении найдена монета Плавтиллы, супруги имп. Каракаллы (Домбровский 1972: 83).

1804. Долинное, Бахчисарайский р-н, 1971 г. При тракторной вспашке близ села, на левом берегу р. Качи, весной 1971 г. найден в лепном горшке клад римских монет III в. н.э., серебряная фибула и донце стеклянного сосуда. В Бахчисарайский музей доставлено 119 антонинианов: Каракаллы – 2, Гордиана III – 55,

Филиппа Араба – 38, Филиппа Младшего – 2, Отацилии Северы, жены имп. Филиппа Араба – 6, Траяна Деция – 11, Этрусциллы, жены имп. Траяна Деция – 1, Деция Младшего – 4. Хр.: БИАМ (Пиоро, Герцен 1974: 81 слл).

1805. Заветное, Бахчисарайский р-н, 1961 г. При раскопках Т.Н. Высотской на городище Алма-Кермен найден субэратный денарий Марка Аврелия 165-166 гг. н.э. – BMC, IV: 441, № 401-403, pl. 60,13. Определение автора. Хр.: БИАМ (НЭ, VI, 1966: 86, № 48 (1774)).

1806. Знаменское, Черноморский р-н, 1976 г. Близ городища Беляус в песках найден антониниан Галлиена, чеканенный в Милане в 257-259 гг. н.э (и позднее) – RIC, V: 159, № 324. В 3,57. Д 21,5. Определение автора. Хр.: Евпатория, краеведческий музей (Не издана, сообщение О.Д. Дашевской).

1807. Ивановка, Ленинский р-н, 1969 г. В ограбленном склепе под курганом в некрополе Илурата найден солид Гонория. Хр.: ГЭ (Кубланов 1970: 260).

1808. Керчь, 1891 г. При раскопках Ю.А. Кулаковского в районе Госпитальной улицы в одном из склепов найдена бронзовая монета Константина I с отверстием для привешивания; в другом склепе – бронзовая монета Льва I – Sabatier, I: 132, № 13 (ОАК 1891: 60-61; Мацулевич 1926: 21; НЭ, VI, 1966: 86, № 50 (1776)).

1809. Керчь, не позже 1917 г. В собрание Эрмитажа от Г. Кизерицкого поступила небольшая часть клада римских денариев: Домициан – 2, Антонин Пий – 1. Хр.: ГЭ (Архив ГЭ, отдел нумизматики, кн. 8, л. 8, № 26; Кропоткин 1961: 110:1702).

1810. Керчь, 1918 г. В богатом погребении середины III в. н.э (т.н. склеп Мессаксуди) найдены: 1) бронзовая монета Коммода, 183-191 гг. Д 19; 2) три золотые индикации денария Пупиена – Cohen, V^2: 14, № 21. Определение М.И. Ростовцева. Хр.: Париж, Лувр (Rostovtzeff 1923: 8, tabl. IV, 1,2).

1811. Керчь, 1945 г. На горе Митридат случайно найдена бронзовая монета – дупондий Веспасиана, 77-78 гг. н.э (?) – BMC, II: 207, № 828, 829 (?). Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 28, № 20; НЭ, VI, 1966: 86, № 52 (1777)).

1812. Керчь, 1952 г. Медная монета Констанция II (?), пробита. В 4,67. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 42, № 308; НЭ, VI, 1966: 87, № 54 (1778)).

1813. Керчь, 1956 г. На горе Митридат, при работах на Ново-Эспланадном раскопе найдена медная монета Констанция Галла, чеканенная в Константинополе – Coh., VIII^2, p. 33, № 16. В 4,74. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 42, № 313; НЭ, VI, 1966: 87, № 55 (1779)).

1814. Керчь, 1956 г. На горе Митридат, при работах на Ново-Эспланадном раскопе (площадь ХХШ, штык 2) найдена медная римская монета IV в. н.э., имя императора и тип монеты не установлены, пробита. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 46, № 399; НЭ, VI, 1966: 87, № 56 (1780)).

1815. Керчь, 1957 г. При работах на Ново-Эспланадном раскопе найдены две римские монеты: 1) провинциальная монета Антонина Пия (?); 2) медная монета Аркадия, чеканенная в Никомедии между 378-383 гг. н.э. – RIC, IX: 257, № 26 (4 или 7). В 3,44. Определение К.В. Голенко Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 48, № 443, 444; НЭ, VI, 1966: 87, № 58 (1782)).

1816. Керчь, 1958 г. На Ново-Эспланадном раскопе случайно найдена медная монета Аркадия, чеканенная в Константинополе, оффицина 3, между 383-388 гг. н.э. – RIC, IX, p. 233, № 83 (c). В 5,17. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1963: 56, № 624; НЭ, VI, 1966: 87, № 59 (1783)).

1817. Керчь, 1959 г. На Приморском бульваре среди камней, укрепляющих берег от размыва, найдена медная монета Константина I, чеканенная в Фессалониках, оффицина 2 – Зограф, 1951, табл, XXIV, 7. Д 19. Определение автора. Хр.: Керченский историко-археологический музей, инв. № К-9561 (НЭ, VI, 1966: 87, № 60 (1784).

1818. Керчь, 1945-1961 гг. Медное подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы). В 1,04. Хр.: ГМИИ (Голенко, Шелов 1961: 61, № 736; НЭ, VI, 1966: 87, № 61 (1785).

1819. Керчь, 1964 г. При раскопках Т.И. Макаровой на рыночной площади в составе клада боспорских монет III в. н.э. найден денарий Александра Севера 232 г. – Coh., IV^2: 418, № 157 – BMC, VI, p. 198, № 835. В 1,93. Д 18,5-19. Определение К.В. Голенко. Хр.: Керченский историко-археологический музей (Голенко 1970: 88, 96, № 1, табл. 11, в; НЭ, VI, 1966: 87, № 62 (1786)).

1820. Керчь, 1964 г. На рыночной площади при раскопках Т.И. Макаровой найден римский сестерций Марка Аврелия 148-149 гг. н.э. BMC, IV: 303, № 1849. Определение К.В. Голенко. Хр.: Керченский историко-археологический музей (Голенко 1970: 87, 95, № 12; НЭ, VI, 1966: 99, № 223 (1934)).

1821. Керчь, 1962-1966 гг. При раскопках И.Д. Марченко на горе Митридат найдена римская монета Констанция II. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГМИИ (Голенко 1973: 71, № 68).

1822. Керчь, 1978 г. При раскопках на горе Митридат, в цитадели акрополя на скале найдены два римских ауреуса I в. до н.э.: 1) Юлий Цезарь 45 г. до н.э. (Grueber, BMC, I: 537, № 4118, pl. 53,13. В 8,13. Д 21,0. 2) Юлий Цезарь 44 г. до н.э. – Grueber, BMC, I: 540, № 4128, pl. 53,19. В 7,93. Д 21,0. Определение Н.А. Фроловой.

Хр.: ГМИИ (Толстиков 1979: 412).

1823. Кикенеиз, Ялтинский горсовет, не позже 1907 г. Медная римская монета II-III вв. н.э. (Данилевич 1907: 60; НЭ, VI, 1966: 87, № 63 (1787)).

1824. Мангуп (Залесное), Бахчисарайский р-н, 1969 г. При расчистке поверхности земли на городище Мангуп под Тешкли-Буруном найдена стертая бронзовая монета Феодосия I. Определение автора. Хр.: БИАМ (Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф 1974: 137).

1825. Оборонное (быв. Каморы), 1962 г. В апреле 1962 г. случайно найдена бронзовая монета Гонория. Д 20. Определение А.М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8856 (НЭ, VI, 1966: 87, № 64 (1788)).

1826. Озерный, Бахчисарайский р-н, 1963 г. В склепе № 1 найдены четыре бронзовые монеты Константина I. У западной стенки склепа на груди костяка найдены 3 монеты: Гордиан III – 1, Филипп Араб – 1, Траян Деций – 1 экз. В склепе № 2 найдена бронзовая монета Лициния Старшего, пробита. Хр.: БИАМ (Богданова 1963).

1827. Родниковое, Бахчисарайский р-н, 1961 г. В январе 1961 г. найдены две монеты: 1) денарий Пертинакса (Септимия Севера?). Д 15; 2) неопределенная. Определение автора. Хр.: Керченский историко-археологический музей, № К-9793/1-2 (НЭ, VI, 1966: 87, № 65 (1789)).

1828. Севастополь, 1961 г. На Гераклейском полуострове близ города при археологических раскопках клера № 29 найдена бронзовая монета Валентиниана I. Определение автора. Хр.: ГХМ (Не издана, сообщение А.Н. Щеглова).

1829. Севастополь, 1961 г. В могильнике у совхоза № 10 (Инкерманская долина) при археологических раскопках С.Ф. Стржелецкого найдены монеты: 1) биллоновый антониниан Гордиана III (погребение 20/19); 2) медная монета Диоклетиана (погребение 39а); 3) медная монета середины IV в. н.э (погребение 41); 4) серебряный антониниан Гордиана III (погребение 47); 5) биллоновая монета Лициния Младщего (ящик XIV). Определение А.М. Гилевич. Хр.: ГХМ (НЭ, VI, 1966: 87, № 66 (1790); Анохин 1962: 130-135).

1830. Севастополь, 1961 г. Близ почты совхоза № 10 случайно найдена бронзовая позднеримская монета IV-V вв. н.э. Д 21. Определение А.М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8899 (НЭ, VI, 1966: 87, № 67 (1791)).

1831. Севастополь, 1962 г. При археологических раскопках С.Ф. Стржелецкого могильника у совхоза № 10 найдены монеты: 1) бронзовая монета Диоклетиана, чеканенная в Фессалониках (?) (ящик XXV); 2) биллоновый антониниан Гордиана III 243 г. н.э (ящик XXV, урна 3); 3) бронзовая монета Лициния, пробита (урна 230); 4) бронзовая монета Галерия Максимиана, чеканенная в Антиохии, I-я оффицина (могила 55/15); 5) бронзовая монета Константина, чеканенная в Фессалониках, 5-я оффицина (могила 56/1); 6) биллоновый антониниан Гордиана III (могила 75/14); 7) биллоновый антониниан Филиппа Араба (могила 75/14); 8) бронзовая монета Константина I (могила 76а/20; 9) бронзовая монета Константина I, чеканенная в Кизике; 10) бронзовая монета Лициния, чеканенная в Кизике, 2-я оффицина (могила 78/10); 11) бронзовая монета Константина или Констанция (могила 81, подбой 19 и 28); 12) драхма Траяна, чеканенная в Кесарии Каппадокийской (могила 114/25); 13) денарий Траяна (могила 116); 14) антониниан Траяна Деция (могила I45/21); 15) бронзовая монета Констанция Галла (могила 154). Определение А.М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8880-8897 (НЭ, VI, 1966: 87, № 68 (1792)).

1832. Севастополь, 1977 г. На Гераклейском полуострове близ города при археологических раскопках усадьбы найдены монеты: силиква Валента, медные монеты Феодосия I и Льва I. Определение В.И. Кузищина (Кузищин 1978: 344).

1833. Семеновка, Ленинский р-н, 1961 г. При раскопках И.Т. Кругликовой найден антониниан Филиппа Младшего 245 г. н.э. – Coh., V^2:107, № 120. В 3,50; Д 22-23. Определение И.Т. Кругликовой. Хр.: Керченский музей (Кругликова, НЭ, IV, 1963: 129, № 145; НЭ, VI, 1966: 87-88, № 69 (1793)).

1834. Симеиз, Ялтинский горсовет, не позже 1942 г. Римские монеты (Дьяков 1942: 68; НЭ, VI, I966: 88, № 70 (1794)).

1835. Симферополь, 1950 г. На городище Керменчик на р. Салгире найден денарий Веспасиана 72-73 гг. н.э. – BMC, II: 11, № 64. В 3,22. Определение Л.П. Харко. Хр.: ГМИИ (Харко 1961: 219, № 13, рис. 1,13; НЭ, VI, 1966: 88, № 71 (1795)).

1836. Симферополь, 1959 г. На городище Керменчик на р. Салгире случайно найдена бронзовая монета Августа. Определение А.М. Гилевич (НЭ, VI, 1966: 88, № 72 (1796)).

1837. Симферополь, 1960 г. На городище Керменчик при раскопках И.В. Яценко найдены: 1) бронзовая монета Траяна – Coh., II^2: 18, № 15. В 2,72; Д I7-I8; 2) денарий Геты – Coh., IV^2: 257, № 36 – BMC, V, pl. 32,9. В 3,08; Д 18-19,5; 3) денарий Пертинакса 193 г. н.э. – Coh., III^2: 392, № 18 – BMC, V, pl. 1,7. В 3,12; Д 17-19. Определение Н.А. Фроловой. Хр.: ГИМ (Не издано, сообщение Н.А. Фроловой).

1838. Скалистое, Бахчисарайский р-н, 1959-1960 гг. При археологических раскопках могильников IV-IX вв. обнаружены римские, боспорские, херсонесские и византийские монеты: 1) склеп 127 – монеты с отверстием; 2) склеп 151 – боспорский статер; 3) склеп 153 – монета с отверстием; 4) склеп

163 – бронзовая монета с монограммой на оборотной стороне; 5) склеп 166 – фоллис Константина I, чеканенный в Сисции, 3-я оффицина – Coh., VII[2]: 261, № 284. Д 20-21; 6) склеп 307а – антониниан III в. н.э. с отверстием. Д 21-22; 7) склеп 331 – бронзовая херсонесская монета (?); 8) склеп 336 – бронзовая монета с отверстием; 9) склеп 340 – бронзовая монета с монограммой на оборотной стороне; 10) склеп 402 – бронзовая монета; 11) склеп 416 – две бронзовые монеты с отверстиями, одна из них позднеримская IV-V вв. н.э. Д 18-19; 12) склеп 481 – бронзовая монета с большим отверстием; 13) склеп 625 – две бронзовые монеты; 14) склеп 771 – бронзовая монета; 15) неопределенная монета (склеп?). Хр.: БИАМ (Не издано, сообщение Е.В. Веймарна).

1839. Скалистое, Бахчисарайский р-н, 1967 г. При раскопках Д.Л. Талиса на городище Бакла в помещении обнаружено пять бронзовых монет, в том числе римские: Константина I и Констанция II. Определение Н.А. Фроловой. Хр.: ГИМ (Талис 1968: 243).

1840. Терновка, Бахчисарайский р-н, 1972 г. В могильнике III-IV вв. н.э (погребение 4) при раскопках С.А. Беляева найдены три бронзовые римские монеты: 1) фоллис Константина I – Coh., VII: 263, № 299; 2) обломанный фоллис Константина I – Coh., VII: 273, № 389 (?); 3) неопределенная монета. Определение автора. Хр.: БИАМ (Беляев 1972 л. 22-23).

1841. Фронтовое, Ленинский р-н, 1965 г. При раскопках могильника III-IV вв. н.э (погребение 40) найден денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 397, № 81, pl. 54,20. В 2,80. Д 16-17. Определение автора. Хр.: Керченский историко-археологический музей (Не издан, сообщение В.Н. Корпусовой).

1842. Харакс, Ялтинский горсовет, 1970-е гг. На территории римской крепости Харакс при земляных работах найден денарий II в. н.э. Хр.: Симферополь, фонды ИА АН УССР (Не издан, сообщение В.А. Анохина).

1843. Харакс, Ялтинский горсовет, 1975 г. У стен римской крепости Харакс найден клад мелких бронзовых позднеримских монет IV-V вв. н.э. в количестве около 100 экз. Монеты разошлись по рукам, в Институт археологии АН УССР поступило 18 монет: Тетрик (270-273) – 2, Константин I – 1, время Константина I, чеканена в г. Антиохии – 1, Констанций II – 1, Юлиан II – 1, Валент – 2, Валентиниан II – 3, Феодосий I – 1, Гонорий – 1, монета варварской чеканки – 1. Определение В.А. Анохина. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. (Не издано, сообщение В.А. Анохина).

1844. Чехово, Ялтинский горсовет, 1937 г. Римская монета III в. н.э. и боспорский статер Фофорса 298 г. н.э (Голенко 1963: 111, прим. 8; НЭ, VI, 1966: 88, № 73 (1797)).

Львовская область

1845. Глиняны, Золочевский р-н, не позже 1929 г. Неопределенный денарий плохой сохранности. Хр.: Львов, бывший музей НТШ, инв. № 18308 (Не издана, каталог музея НТШ).

1846. Лучица, Сокальский р-н, 1958 г. На поселении римокого времени найден неопределенный денарий. Хр.: ГИМ (НЭ, VI, 1966: 88, № 76 (1799); сообщение В.П. Савчука).

1847. Судовая Вишня, Мостисский р-н, 1957 г. На поселении черняховской культуры в урочище Замчиско при раскопках А.А. Ратича найден денарий Траяна 103-111 гг. н.э. – BMC, III: 71, № 285, pl. 14,6. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР (НЭ, VI, 1966: 88, № 78 (1800).

Николаевская область

1848. Анатольевка, Очаковский р-н, 1952-1953 гг. На огородах, к западу от села, над берегом Тилигульского лимана, найдены две медные монеты. Одна из них оказалась ольвийским тетрассарием Каракаллы, входящим в состав серии, чеканенной между 198 и 207 гг. н.э. – Бурачков, I, табл. VIII, 188. В 5,32; Д21-21,5. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1976: 66, № 20; НЭ, VI, 1966: 88, № 79 (1801)).

1849. Викторовка, Очаковский р-н, 1949-1950 гг. На поселении при археологических раскопках Л.М. Славина найдена медная монета Антонина Пия. Хр.: ОГАМ (Славин 1955: 146; НЭ, VI, 1966: 88, № 81 (1803)).

1850. Коблево, Очаковский р-н, 1965 г. В могильнике черняховской культуры (погребение 25) найден денарий Траяна, чеканенный между 103-109 гг. Определение К.В. Голенко (Сымонович, л. 34, рис. 25; Сымонович 1966: 136).

1851. Очаков, Очаковский р-н, не позже 1959 г. В окрестностях города найден потертый ауреус Антонина Пия. Хр.: ОГАМ, инв. № 52292 (Сальников 1959: 249).

1852. Парутино, Очаковский р-н, 1938 г. При раскопках найдены 2 денария: Луцилла, 164-169 гг. – BMC, IV: 428, № 312 слл., pl. 58,15. В 2,88. Д 17,5-18,5; Каракалла 213 г. – BMC, V: 439, № 53, pl. 68,17. В 2,45. Д 18. Определение П.О. Карышковского. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Карышковский 1965: 53).

1853. Парутино, Очаковский р-н, 1947 г. Антониниан Валериана – Coh.,V: 311, № 149 или 151. В 1,27. Д 16,3-17. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР, № 2416 (Карышковский 1965: 53).

1854. Парутино, Очаковский р-н, 1951 г. Денарий Септимия Севера 198 г. – BMC, V: 62, № 258 слл., pl. 11,17-18. В 2,25. Д 16. Определение П.О. Карышковского. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР, № 365 (Карышковский 1965: 53).

1855. Парутино, Очаковский р-н, 1961 г. Римские денарии: Фаустина Старшая – BMC,

IV: 160, № 418, pl. 9,14. В 2,50; Фаустина Младшая – BMC, IV: 167, № 1099 слл., pl. 23,18. В 2,46. Определение П.О. Карышковского. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР, № 1365, 1735 (Карышковский 1965: 53).

1856. Парутино, Очаковский р-н, 1945-1962 гг. При раскопках найдены римские монеты, в том числе денарии: Вителлий 69 г. – 1, Веспасиан – 1, Траян – 2, Адриан – 2, Антонин Пий – 2, Марк Аврелий – 1, Коммод – 1, Септимий Север – 2, Плавтилла – 1; антониниан: Требониан Галл – 1, Волусиан – 1, Галлиен – 2, Диоклетиан – 1; медные монеты: Константин I – 1 (Сиския); Констанций II – 2 (Фессалоники – 1, Сиския (?) – 1); Валент – 2 (Фессалоники, Кизик?); Валентиниан I – 1. (Константинополь). Определение П.О. Карышковского. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Карышковский 1965: 53).

Одесская область

1857. Александровка, Тарутинский р-н, 1953-1954 гг. Бронзовая монета Максимина I – Coh., IV^2: 509, № 34. В 21,85; Д 27-30. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский I963: 63, № 7; НЭ, VI, 1966: 89, № 83 (1805)).

1858. Балта, Балтский р-н, 1958 г. Денарий Антонина Пия 153-154 гг. н.э. – Coh., II^2: 292, № 198. – BMC, IV: 117, № 806, pl. 17,3. В 3,04; Д 18-18,5. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 65, № 17; НЭ, VI, 1966: 89, № 84 (1806)).

1859. Банновка, Измаильский р-н, 1944-1945 гг. Близ села в конце 1944 г. или в начале 1945 г. на глубине 0,4-0,6 м найден клад серебряных монет в глиняном кувшине. В 1956 г. доставлены для определения монеты: 1) денарий Каракаллы 201 г. н.э. – BMC, V: 204, № 262-263 (Coh., IV^2: 162-163, № 175); 2) денарий Каракаллы 210-213 гг. н.э. – BMC, V: 373, № 92, pl. 55, 10 (Coh., IV^2: 161, № 165). В 2,80; Д 17-19. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 62, № 1; НЭ, VI, 1966: 89, № 85 (1807)).

1860. Белгород-Днестровский, Белгород-Днестровский р-н, середина XIX в. Римская монета Александра Севера с изображением Ники на оборотной стороне (ЗРАО, т. II: 129; Ляскоронский, РМЮР, л. 47; Кропоткин 1961: 110:1706).

1861. Белгород-Днестровский, 1882 г. Римокая монета Геты (ЗООИД, III: 184; Ляскоронский, РМЮР, л. 47; Кропоткин 1961: 110:1707).

1862. Белгород-Днестровский, не позже 1959 г. Ауреус Траяна Деция. Хр.: ОГАМ, инв. № 52192 (Сальников 1959: 249).

1863. Белгород-Днестровский, не позже 1957 г. Бронзовая монета Траяна. Хр.: Белгород-Днестровский краеведческий музей (Не издана, сообщение Э.А. Рикмана).

1864. Белгород-Днестровский, 1958 г. При раскопках Тиры найдены два римских денария: 1) обломанный денарий плохой сохранности; 2) денарий Плавтиллы, 202-205 (?) гг. Av.: PLAVTILLA AVGVSTA; Rev.: VENVS VICTRIX, стоящая влево Венера – Coh., IV^2: 248 – BMC, V: 238, № 428, pl. 38,11. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Фурманська 1962: 136).

1865. Белгород-Днестровский, 1961 г. При раскопках Тиры найдены: антониниан Клавдия II Готского и монета Диоклетиана. Определение В.А. Анохина. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Фурманская 1964: 63; НЭ, VI, 1966: 89, № 87 (1808)).

1866. Белгород-Днестровский, не позже 1965 г. На берегу Днестровского лимана найдены денарии: Веспасиана – 1, Траяна – 1, Адриана – 1, Коммода – 1, Септимия Севера - 3, Юлии Мезы – 1, Александра Севера – 1, бронзовая монета Диоклетиана – 1, подражания римским денариям – 2, всего 12 экз. Определение В.А. Анохина. Хр.: собрание В.П. Пушкарева (Анохин, Пушкарев 1965: 198-200, № 1-2, 4, 6-9, 11-13).

1867. Белгород-Днестровский, не позже 1965 г. На территории карьера комбината стройматериалов в 1,5 км от города найден дупондий Антонина Пия – Coh., II^2: 976; В 9,65; Д 24. Определение В.А. Анохина. Хр.: собрание В.П. Пушкарева (Анохин, Пушкарев 1965: 198-199, № 5).

1868. Белгород-Днестровский, не позже 1965 г. В городе на Огородной улице найден денарий Элагабала – Coh., IV^2: 58. В 2,22; Д 17. Определение Б.А. Анохина. Хр.: собрание В.П. Пушкарева (Анохин, Пушкарев 1965: 199, № 10).

1869. Белгород-Днестровский, не позже 1965 г. На берегу Днестровского лимана найдены два серебряных подражания римским денариям: 1) подражание денарию Траяна (?). Av.: искаженная круговая легенда, голова безбородого мужчины вправо. Rev.: искаженная круговая легенда, стоящая прямо фигура с копьем в левой руке. В 3,75; Д 18; 2) подражание денарию Септимия Севера. Av.: искаженная круговая легенда, голова императора вправо, в лавровом венке. Rev.: VICTORIV-ST AVG. Варваризованное изображение стоящей Виктории с венком и ветвью в левой руке. В 3,0; Д 16. Определение Б.А. Анохина. Хр.: собрание В.П. Пушкарева (Анохин, Пушкарев 1965: 201, № 1-2, рис. 6-7).

1870. Белгород-Днестровский, 1963 г. При раскопках Тиры на Центральном раскопе найдены монеты: 1) субэратный денарий Веспасиана 75 г. – Coh., I^2: 395, № 367. В 3,11. Д 18,2; 2) денарий Юлии Мамеи 226 г. – Coh., IV^2: 498, № 81. В 2,72. Д 17,5; 3) антониниан Валериана 253-259 гг. н.э. – Coh., V^2: 303, № 53. В 3,03. Д 20-22,1; 4) антониниан Галлиена – Coh., V^2: 429, № 903. В 3,89. Д 21,9-25,1; 5) денарий Марка Аврелия 176 г. – Coh., III^2: 92, № 926. В 2,41. Д 18. Хр.: ОГАМ, инв. № 53140-53142, 53144 (Карышковский, Коциевский 1979:

96-97, № 92, 101, 107, 109: 98, № 124).

1871. Белгород-Днестровский, 1965 г. При раскопках Тиры на Центральном раскопе найдены римские монеты: 1) сестерций Антонина Пия 140-143 гг. н.э. – Coh., III^2:. 274, № 34; 2) денарий Коммода 180-182 гг. н.э. – Coh., III^2: 338, № 843 – BMC, IV: 701, № 76. В 2,56. Д 17-18,1. Хр.: ОГАМ, инв. № 53143, 53655 (Карышковский, Коциевский 1979: 96, № 95, 96).

1872. Белгород-Днестровский, 1967 г. При раскопках Тиры найден денарий Септимия Севера 209 г. н.э. – Coh., IV^2: 56, № 535. В 2,60. Д 20. Хр.: ОГАМ, инв. № 53166 (Карышковский, Кодиевский 1979: 96, № 98).

1873. Беленькое, Белгород-Днестровский р-н, 1976 г. На винограднике близ села найден денарий Каракаллы 216 г. н.э. – Coh., IV^2, p. 180, № 342. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1976: 75, № 10).

1874. Беляевка, Беляевский р-н, не позже 1960 г. Бронзовая монета вифинского города Тия (Tium), чеканенная при Гордиане III и впоследствии снабженная надчеканкой в виде греческой буквы стигма в числовом значении 6. В 7,32; Д 25-26. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 64, № 13; НЭ, VI, 1966: 89. № 88 (1809)).

1875. Болград, Болградский р-н, не позже 1961 г. Студент Л. Слободянюк доставил для определения медную монету Констанця II - Coh., VII^2: 492, № 355. В 1,72; Д 14. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 62, № 3).

1876. Болград, Болградский р-н, 1959 г. На поселении у о. Ялпуг найден медный антониниан Карина – Coh., VII^2, p. 385, № 19. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Кропоткин 1961: 110:1710).

1877. Выпасное, Белгород-Днестровский р-н, не позже 1976 г. В окрестностях села найден небольшой (40-60 экз.) клад денариев и бронзовых монет Тиры; удалось определить 8 монет: денарий Марка Аврелия, 176 г. н.э. – Coh., III^2: 93, № 938. В 2,90; денарий Коммода 188 г. н.э, – Coh., III^2: 303, № 547. В 3,10; денарий Септимия Севера, 198-202 гг. н.э. – Coh., IV^2: 61, № 576. В 3,12; денарий Юлии Домны – Coh., IV^2: 114, № 111. В 3,15; сестерций Тиры, выпущенный при Адриане; В 5,93 (Зограф 1957: 80-81, № 48, табл. IV, 7); сестерций Тиры, выпущенный в начале правления Коммода (180-192). В 5,89 (Зограф 1957: 87-88, № 55, таб. V, 5); два сестерция с изображением Каракаллы, чеканенные при Септимии Севере (196-211) и входящие в четвертую и пятую серии монет этого императора. В 7,60 (Зограф 1957: 101, № 83, табл VIII, 2) и 6,85 г. (Зограф 1957: 104-105, № 93, табл. 14,1). Хр.: ОГАМ (Карышковский 1976: 174-175, № 9).

1878. Грибовка, Овидиопольский р-н, не позже 1955 г. Монета Септимия Севера. Хр.: ОГАМ (Синицын 1955: 39; НЭ, VI, 1966: 89, № 89 (1910)).

1879. Домница, Котовский р-н, около 1884 г. При раскопках небольшого кургана была найдена бронзовая монета Диоклетиана (Известия Церковно-Археологического общества за апрель 1884 г. Труды Киевской духовной академии, 1884, № 5 (май): 129; НЭ, 1966: 89, № 90 (1811)).

1880. Желтый Яр, Татарбунарский р-н, не позже 1976 г. По дороге от села к берегу оз. Алибей найдена монета Антонина Пия, чеканенная в г. Тире (Зограф 1957: 85-87, № 54; табл. 7,4). В 1,92; Д 16 (Карышковский 1976: 174, № 8).

1881. Завадовка, Березовский р-н, 1976 г. На противолежащем от села берегу р.Тилигул на огородах найдена бронзовая монета Галлиена – Coh., V^2: 363, № 171 (var.). В 2,70. Д 20. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 177, № 22).

1882. Заря, Татарбунарский р-н, 1960 г. На поле найден денарий Веспасиана 69-70 гг. н.э. – Coh., I^2: 375, № 87 – BMC, II, p. 2. № 11, pl. 1,4. В 2,95. Д 18-19. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 63, № 5; НЭ, VI: 89, № 91 (1812)).

1883. Ивашков, Кодымский р-н, 1970 г. Школьники нашли денарий Адриана очень плохой сохранности (Coh., II^2: 200, № 1132?). Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 175, № 12).

1884. Измаил, Измаильский р-н, 1972-1975 гг. В окрестностях города зарегистрированы монетные находки: 1) денарий Фаустины Младшей – Coh., III^2: 152, № 196. В 3,29. Д 17-18; 2) малая бронзовая монета Констанция II, чеканенная в одной из оффицин Константинопольского монетного двора – Coh., VII^2: 446, № 44. В 2,27; Д 17 (Карышковский 1976: 173-174, № 4).

1885. Каменное, Савранский р-н, 1972 г. На берегу р. Яланец найден денарий Септимия Севера 202 г. – Coh., IV^2: 41, № 372. В 3,0 (Карышковский 1976: 175, № 14).

1886. Килия, 1941-1945 гг. Во время Великой Отечественной войны в городе в разное время находили медные римские монеты. Из них от С.И. Янкована поступили в ОГАМ две монеты: 1) медная монета Констанция II, выпущенная между 323 и 337 гг. н.э. – Coh., VII^2: 455, № 92, обозначение монетного двора стерто. В 1,91; Д 15-17; 2) медная монета того же императора, чеканенная в Антиохии между 337 и 361 гг. – Coh., VII^2: 492, № 355. В 1,65; Д 14-15. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 62, № 2; НЭ, VI, 1966: 89, № 92 (1813)).

1887. Кринички, Любашевский р-н, не позже 1959 г. Колхозник А.Трофимчук передал на определение две монеты, обе с пробитыми отверстиями: 1) силиква или аргентеус Констанция II, чеканенный в Константинополе

в 353-361 гг. н.э. – Coh., VII^2: 492, № 342. В 3,10; Д 20-22; 2) такая же монета, чеканенная в Сирмии в те же годы – Coh., VII^2: 492, № 343. В 2,51; Д 19-20. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 65, № 18).

1888. Концеба, Любашевский р-н, 1950-е гг. На поселении черняховской культуры найден денарий Луция Вера 167-168 гг. н.э.- Coh., III^2: 201, № 318 – BMC, IV: 452, № 481, pl. 62,7. В 3,14; Д 18,5-19. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ, инв. № 74501-74503 (Карышковский 1963: 66, № 19; Станко 1961: 58-61; НЭ, VI, 1966: 89, № 94 (1815)).

1889. Надречное, Тарутинский р-н, 1962 г. Весной 1962 г. местный житель М.А. Барбаяни доставил карандашную протирку медной монеты Проба – Coh.,VI^2: 264, № 87. Д 18-19 (Карышковский 1963: 63, № 8; НЭ, VI, 1966: 90, № 95 (1816)).

1890. Немировское, Балтский р-н, 1973 г. При пахоте найден денарий Марка Аврелия 152 г. н.э. – Coh., III^2: 65, № 647. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 175, № 13).

1891. Нерушай, Татарбунарский р-н, 1970-е годы. В селе на огороде найдена очень стертая монета Констанция II – Coh., VII^2: 459, № 128. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 174, № 7).

1892. Николаевка-Новороссийская, Татарбунарский р-н, не позже 1961 г. Бронзовая монета Каракаллы, чеканенная в г. Филиппополе (Sallet 1888: 228-229, № 46. В 15,01; Д 28-29,5). Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 63, № 6; НЭ, VI, 1966: 90, № 96 (1817)).

1893. Молога, Белгород-Днестровский р-н, 1976 г. На поселении Молога II найдены: денарий Антонина Пия и дупондий Коммода, чеканенный в г. Тире. Хр.: ОГАМ (Гудкова 1977: 285).

1894. Одесса, XIX в. Восточнее города, в местности Хаджибей найдены монеты Домициана, Марка Аврелия, Септимия Севера, Каракаллы и другие (Труды II Археологического съезда, т. II: 31; Ляскоронский, РМЮР: 49; Кропоткин 1961: 110:1711).

1895. Орловка, Измаильский р-н, не позже 1964 г. В разное время на городище были найдены римские серебряные монеты: Антонина Пия, Марка Аврелия, Септимия Севера, а также монеты, чеканенные в г. Никополе. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Бондарь 1964, № 54, л. 15).

1896. Орловка, Измаильский р-н, 1962-1963 гг. Римская медная монета первой половины I в. н.э. плохой сохранности и денарий Луция Вера. Хр.: ОГАМ (Головко, Бондарь, Загинайло 1965: 79).

1897. Орловка, Измаильский р-н, 1965 г. На городище при раскопках Р.Д. Бондарь найдено два денария: 1) Антонин Пий, 140-144 гг. н.э. – BMC, IV: 34, № 222, pl. 5,17. В 3,23; Д 17,5-18,1; 2) Луций Вер, плохой сохранности – В 3,19; Д 17,5-18,5. Хр.: ОГАМ. инв. № 52928-52929 (Не издано, сообщение Р.Д. Бондарь).

1898. Орловка, Измаильский р-н, 1965 г. На городище при раскопках Р.Д. Бондарь найдены три бронзовые монеты: 1) Тиберий (или Клавдий I), плохой сохранности. В 11,12; Д 29,1; 2) Траян, плохой сохранности. В 7,6; Д 26,1; 3) Марк Аврелий. Rev.: стоящая фигура влево, PROV DEOR COS III. В 2,75; Д 18,0. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ, инв. №№ 52930, 52931, 52934 (Не издано, сообщение Р.Д. Бондарь).

1899. Островное, Арцизский р-н, не позже 1976 г. У пересечения русла р.Киргиз-Китай с железнодорожным полотном найдена бронзовая монета Юлии Мезы, чеканенная в Деульте во Фракии при Элагабале. В 7,72; Д 23-24 (см. Мушмов 1912: 203, № 3623). Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 174, № 5).

1900. Павловка, Арцизский р-н, не позже 1976 г. На берегу р.Когильник найдена серебряная монета Валента – Coh., VIII^2: 110, № 146. В 3,20; Д 19-20. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1976: 174, № 6).

1901. Переможное, Белгород-Днестровский р-н, не позже 1965 г. Возле бывший кирпичного завода найден сестерций Траяна – Coh., II^2: 158. В 23,5; Д 33. Определение В.А. Анохина. Хр.: собрание В.П. Пушкарева (Анохин, Пушкарев 1965: 198, № 3).

1902. Понятовка, Раздельнянский р-н, 1931 г. Драхма Каракаллы, чеканенная в Кесарии Каппадокийской в 207 г. н.э. – BMC, Galatia etc., p. 80, № 269 (var.). В 2,67; Д 17. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 64, № 14; НЭ, VI, 1966: 90, № 97 (1818)).

1903. Роксоланы, Овидиопольский р-н, 1949 г. На левом берегу Днестровского лимана между г. Овидиополем и с. Роксоланы найден небольшой клад императорских монет Тиры. Из числа найденных 20 или 25 монет было определено 8 экз.: Коммода – 1, Септимия Севера – 1, Геты – 1, Каракаллы – 4, Юлии Мамеи – 1. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1960б: 134; НЭ, VI, 1966: 90, № 98 (1819)).

1904. Роксоланы, Овидиопольский р-н, 1959 г. Бронзовая монета Антонина Пия, чеканенная в г. Филиппополе (?). Хр.: ОГАМ (Кропоткин 1961: 110:1712).

1905. Роксоланы, Овидиопольский р-н, 1960 г. Антониниан Отацилии Северы, супруги Филиппа Араба – Coh., IV^1: 207, № 7. В 3,32; Д 21,6-23,6. Определение А.Г. Загинайло. Хр.: ОГАМ (Загинайло 1966: 113, 125).

1906. Роксоланы, Овидиопольский р-н, 1962 г. Денарий Марка Аврелия 163 г. н.э. – Coh., II^1: 457, № 16. В 3,07; Д 16,8-17,8. Хр.: ОГАМ.

№ 52939 (Загинайло 1966: 113, 130).

1907. Роксоланы, Овидиопольский р-н, не позже 1961 г. Во время археологических раскопок на городище найдены антониниане: Корнелии Салонины – 1, Траяна Деция – 1. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (НЭ, VI, 1966: 90, № 99 (1820); сообщение П.О. Карышковского).

1908. Савранский р-н, не позже 1967 г. В погребении черняховской культуры найдена римская монета. Хр.: ОГАМ (Не издано, сообщение И.Т. Чернякова).

1909. Северииновка, Ивановский р-н, не позже 1976 г. На левом берегу Куяльницкого лимана найдена медная монета Аркадия, чеканенная в г. Никомедии. В 4,41; Д 20. Определение П.О. Карьшковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1976: 176, № 16).

1910. Теплица, Арцизский р-н, 1948-1949 гг. При ремонте железнодорожной насыпи найдена медная монета Юлиана II, выпущенная Константинопольским монетным двором между 355 и 361 гг. – Coh., VIII^2: 45, № 10. В 2,50; Д 15-17. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 63. Хз 4; НЭ, VI, 1966: 90, № 100 (1821)).

1911. Удобное, Белгород-Днестровский р-н, 1960 г. На поселении найдена медная римская монета. Хр.: частное собрание (НЭ, VI, 1966: 90, № 101 (1822); сообщение И.Т. Чернякова).

1912. Шабо, Белгород-Днестровский р-н, не позже 1963 г. На винограднике близ села найден денарий Веспасиана, чеканенный между 75 и 79 гг. – BMC, II: 49. № 276-278, pl. 8,11; Coh., I^2: 384, № 222. В 2,52; Д 18-18,5. Определение П.О. Карышковского (Карышковский 1963: 64, № 11; НЭ, VI, 1966: 90, № 102 (1823)).

1913. Ясиново II, Любашевский р-н, 1960 г. На поселении римского времени в урочище Джерельный яр, найден биллоновый антониниан Проба – Coh., VI^2: 260, № 39. В 4,19; Д 23-24. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 65, № 16; НЭ, VI, 1966: 90, № 103 (1824)).

1914. Ясиново II, Любашевский р-н, 1961 г. Близ села найден пробитый антониниан Каракаллы 216 г. н.э. – BMC, V: 461, № 169-171, pl. 72,3. В 4,56; Д 22,5-23. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Карышковский 1963: 65, № 15; НЭ, VI, 1966: 90, № 104 (1825)).

Поднестровье

1915. Поднестровье (точнее неизвестно), не позже 1925 г. Денарий I в. н.э. Хр.: Львов, бывший музей НТШ, инв. № 16186 (НЭ, VI, 1966: 90, № 105 (1826)).

Полтавская область

1916. Компанийцы, Кобелякский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Е.В. Махно на могильнике черняховской культуры в погребении № 130 найден денарий Коммода с отверстием для привешивания. Av.: M COMM ANT FEL AVG BRIT. Определение автора. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (НЭ, VI, 1966: 90, № 106 (1827)).

1917. Лютежские Будищи, Зеньковский р-н, 1971 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Марка Аврелия 177-178 гг. н.э. Определение М.А. Тихановой. Хр.: фонды ЛОИА АН СССР (Горюнов 1972: 366).

1918. Миргород, Мирогородский р-н, 1927 г. При вспашке поля в урочище «Веселая Балка» найден денарий Адриана 119-138 гг. н.э. Av.: HADRIANVS AVGVSTVS. Rev.: COS III. Хр.: Миргород, краеведческий музей (Архив ИА АН УССР, ф. 7, № 31, л. 7 (заметки А.С. Федоровского); Брайчевський 1959: 160:495; Кропоткин 1961: 110:1713).

1919. Пирятин, Пирятинский р-н, 1930-е гг. Клад римских монет (Газ. «Правда Украины», 9.IV.1968 г.).

1920. Пирятин, Пирятинский р-н, 1955 г. Денарий Антонина Пия. Хр.: частное собрание (НЭ, VI, 1966: 90, № 108 (1828)).

1921. Трухановка, Котелевский р-н, 1967 г. Близ села найден клад римских серебряных монет. В Полтавский музей передано 30 денариев, среди них определены монеты Веспасиана, Фаустины Старшей и др.; один денарий пробит. Хр.: Полтава, краеведческий музей, № 2037 А (Махно 1968: 199).

1922. Чернухи, Лохвицкий р-н, не позже 1881 г. Римская серебряная монета Нервы (Отчет Церковно-Археологического общества за 1881 г. Труды Киевской духовной академии, 1882, № 4 (апрель): 364). (В списке населенных пунктов Украинской ССР с. Чернухи не обнаружено).

Ровенская область

1923. Аршичин, Млыновский р-н, не позже 1969 г. Близ села найдено несколько римских монет, среди них: денарий – 1, бронзовые монеты – 2. Хр.: Млынов, средняя школа № 1 (Не издано, сообщение В.М. Конопли).

1924. Будераж, Здолбуновский р-н, не позже 1937 г. На поселении найдено несколько римских монет, в том числе одна серебряная времени Антонинов. Хр.: PMA (Cykołowski 1961: 127, № 8; НЭ, VI, 1966: 91, № 112 (1831)).

1925. Волосковицы, Острожский р-н, не позже 1962 г. Денарий Фаустины (I или II). Av.: FAVSTINA AVGVSTA, голова вправо. Rev.: AETERNITAS, женская фигура стоит влево. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Острог, краеведческий музей (НЭ, VI, 1966: 91, № 113 (1832)).

1926. Деревянное, Ровенский р-н, 1961 г. Близ села найден денарий Адриана – BMC, III: 270, № 248-249, pl. 51,11. Определение автора (НЭ, VI, 1966: 91, № 114 (1833)).

1927. Дядьковичи, Ровенский р-н, не позже

1937 г. Римская серебряная монета. Хр.: РМА (Cykołowski 1961: 127-128, № 16; НЭ, VI, 1966: 91, № 115 (1834)).

1928. Краев, Острожский р-н, не позже 1962 г. Денарий Антонина Пия – BMC, IV, pl. 3,3 или 3,16. Определение М.А. Тихановой. Хр.: Острог, краеведческий музей (НЭ, VI, 1966: 91, № 117 (1835)).

1929. Леоновка, Ровенский р-н, не позже 1939 г. Римская серебряная монета II в. н.э. Определение Л. Пиотровича. Хр.: Луцк, краеведческий музей (дар проф. Л. Пиотровича) (Не издано, инвентарная книга Луцкого музея, т. III, № 937).

1930. Майдан, Дубновский р-н, не позже 1902 г. Римская серебряная монета. Хр.: Музей Киевского университета, инв. № 8639 (Архив ИА АН УССР, ф, 13, № 69, л. 159; НЭ, VI, 1966: 91, № 118 (1836)).

1931. Майдан Козлинский, Дубновский р-н, не позже 1939 г. Римская серебряная монета с квадригой. Хр.: РМА (Cykołowski 1961: 131. № 47; НЭ, VI, 1966: 91, № 119 (1837)).

1932. Перемиловка, Млыновский р-н, 1969-1970 гг. Несколько римских монет найдено близ села. Хр.: школьное собрание (Не издано, сообщение В.М. Конопли).

1933. Переросль, Дубновский р-н, не позже 1937 г. Римская монета. Хр.: РМА (Cykołowski 1961: 152, № 56; НЭ, VI, 1966: 91, № 120 (1838)).

1934. Пересопница, Ровенский р-н, не позже 1938 г. Бронзовая монета Септимия Севера, с именем легата провинции Мезии Фаустиниана, чеканена в г. Маркианополе. Определение Л. Пиотровича. Хр.: Луцк, краеведческий музей (Piotrowicz 1938-l939: 179, № 18).

1935. Ровенский уезд, не позже 1938 г. Бронзовая монета Макрина с именем наместника Мезии Понтиана, чеканена в г. Маркианополе. Определение Л. Пиотровича. Хр.: Луцк, краеведческий музей (Piotrowicz 1938-1939: 179, № 19).

1936. Смордва, Млыновский р-н, XIX в. Клад римских монет (?) (Cykołowski 1961: 125, № 22; НЭ, VI, 1966: 91, № 121 (1839)).

Сумская область

1937. Подлеоновка, Сумский р-н, 1961 г. В конце июля 1961 г. при разработке карьера на глубине около 1,0 м был найден клад римских денариев в небольшом кувшине, который от удара разбился; обломки его не сохранились. Монеты разошлись по рукам; по словам колхозников, вес обнаруженных в кувшине монет не превышал 1 кг, общее число монет не было посчитано (около 200 экз.). Часть монет попала в руки частных коллекционеров в Сумах и в Киеве. 6 денариев П.П. Белый передал в КИМ. Остатки клада удалось собрать в ИА АН СССР (24 экз.), ГИМ (5 экз.): Траян – 3, Адриан – 2, Сабина – 2, Антонин Пий – 9, Фаустина Старшая – 3, Марк Аврелий – 7, Луций Вер – 1, Луцилла – 2, Криспина – 1, Коммод – 4, всего 35 экз. Младшая монета – денарий Коммода 192 г. н.э. – BMC, IV: 749, № 326, pl. 99,10. Общий вес 101,24 г. (34 экз.). Определение автора. Хр.: ГИМ, инв. № 98100 (1036658-1036685) (28 экз.); КИМ, инв. № 12607/1-6 (6 экз.) (Кропоткин 1965: 136-139; НЭ, VI, 1966: 91, № 122 (1840)).

Тернопольская область

1938. Барсуки, Лановецкий р-н, 1972 г. На поселении черняховской культуры Барсуки IV найден денарий Марка Аврелия. Д 18,0. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Баран, Воляник, Козак, Магомедов 1973: 257).

1939. Белая, Чортковский р-н, не позже 1968 г. На берегу реки найден денарий Фаустины Младшей. Хр.: частное собрание (Не издано, сообщение И.Г. Спасского).

1940. Борки Дедеркальские, Шумский р-н, не позже 1956 г. В бассейне р. Вилии найден денарий Фаустины Старшей. Определение М.И. Островского. Хр.: Кременецкий краеведческий музей (НЭ, VI, 1966: 91. № 123 (1841)).

1941. Грицевцы, Збаражский р-н, 1961 г. На поселении черняховской культуры в урочище Желобы найдены: 1) денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 400, № 111, pl. 55,10; 2) денарий Коммода 92 г. н.э. – BMC, IV: 750, № 329-331, pl. 92,12. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР (Не издано, сообщение М.Ю. Смишко).

1942. Грицевцы, Збаражский р-н, 1971 г. На поселении черняховской культуры в урочище Желобы найден денарий Септимия Севера 193 г. н.э. – BMC, V: 23, № 22, pl. 5,13. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР (Не издано, сообщение М.Ю. Смишко).

1943. Иванковцы (бывший Янковцы), Лановецкий р-н, не позже 1939 г. Денарий Коммода – 2. Хр.: Львов, бывший Украинский музей, инв. № 31039 (JR: 121:621; Фенин 1951 52:279; Кропоткин 1951: 274:470; Брайчевский 1959: 178: 725).

1944. Коростятин, Монастырисский р-н, не позже 1939 г. Римские монеты. Хр.: Тернополь, краеведческий музей (Не издано, сообщение С.С. Садовской).

1945. Кременец, Кременецкий р-н, не позже 1939 г. Денарий Марка Аврелия. Хр.: Кременец, краеведческий музей (Cynkołowski 1961: 131, № 41; НЭ, VI, 1966: 92, № 125 (1843)).

1946. Ладычин, Теребовлянский р-н, не позже 1954 г. Близ села найдены римские монеты (НЭ, VI, 1966: 92, № 126 (1844)).

1947. Лопушное, Кременецкий р-н, 1926 г. В бывшей Почаевской гмине в разное время найдены римские монеты, в том числе: денарии Адриана – 1, Луция Вера – 1, Александра Севера – 2, медная монета (антониниан?) Клавдия II Готского – 1, медные монеты: Константина I –

1, centenionalis Константина II – 1; серебряная монета (силиква или аргентеус) Валента – 1, всего 8 экз. (Cynkołowski 1961: 123-124, № 11; НЭ, VI, 1966: 92, № 127 (1845)).

1948. Малашевцы, Зборовский р-н, около 1970 г. На поселении черняховской культуры найдены две римские монеты: Антонина Пия и Марка Аврелия. Хр.: Тернополь, краеведческий музей (Герета, Харитонов 1970: 154).

1949. Малый Раковец, бывший Кременецкий уезд, не позже 1938 г. Близ села найдено несколько римских монет. Хр.: частное собрание (Cynkołowski 1961: 133, № 63; НЭ, VI, 1966: 92, № 128 (1846)).

1950. Новоселка, Залещицкий р-н, не позже 1939 г. Денарий Марка Аврелия (JR: 135:1814; Кропоткин 1951: 269:331; там же 1961: 111:1719; Брайчевський 1959: 176:701).

1951. Раковец (Чесновский), Збаражский р-н, 1962 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Коммода 183-184 гг. н.э. – BMC, IV: 708, № 109, pl. 93,16. Определение автора. Хр.: Кременец, краеведческий музей (НЭ, VI, 1966: 92, № 129 (1847)).

1952. Чернелев-Русский, Тернопольский р-н, 1976 г. При раскопках Черняховского могильника, в погребении с трупосожжением найдена половина римской монеты. Хр.: Тернополь, краеведческий музей (Герета 1978: 311).

Харьковская область

1953. Белаши, Дергачевский р-н, не позже 1948 г. Между селами Емцы и Белаши, на правом берегу р. Лопань, найдена медная монета Константа I. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила в 1948 г.) (Зайцев 1964: 51; НЭ. VI, 1966: 92. № 130 (1848)).

1954. Верхний Бешкин, Первомайский р-н, не позже 1971 г. Близ села найдены римские монеты, в том числе: денарий Адриана – 1. Хр.: школьный музей (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова 1977: 119).

1955. Глубокое, Змиевский р-н, не позже 1964 г. Во время археологической разведки близ хут. Глубокое найден денарий Фаустины Старшей. Хр.: школьный музей в с. Первомайское (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92, № 131 (1849)).

1956. Затишье, Харьковский р-н, не позже 1934 г. При земляных работах на хуторе найдена монета Фаустины Младшей. Определение А.С. Федоровского (Архив ИА АН УССР, ф. 7, № 31, л. 3 (запись А.С. Федоровского); НЭ, VI, 1966: 92. № 132 (1850)).

1957. Караван, Нововодолажский р-н, не позже 1965 г. На огороде найден денарий Траяна 100 г. н.э. – BMC, III: 41, № 79, pl. 10,12. В 2,88. Д 17,5-18. Определение автора. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступил в июле 1971 г.) (Не издан, сообщение А.Г. Дьяченко).

1958. Новая Водолага, Нововодолажский р-н, не позже 1949 г. Медная монета Констанция Хлора. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила в 1949 г.) (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92. № 133 (1851)).

1959. Пархомовка, Краснокутский р-н, 1957 г. В овраге был найден денарий Фаустины Старшей. Хр.: краеведческий музей в г. Пархомовка (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92. № 134 (1852)).

1960. Пески Радьковские, Боровский р-н, не позже 1928 г. Денарий Марка Аврелия (Сибилев 1928: 17, табл. XXIII; НЭ, VI, 1966: 92, № 135 (1853)).

1961. Соколово, Змиевский р-н, 1960 г. На правом берегу р.Мжи при посадке деревьев на глубине 0,1 м была обнаружена медная монета (антониниан?) Галлиена. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила. А.И. Шеметы) (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92, № 136 (1854)).

1962. Тимченко, Змиевский р-н, 1948 г. На левом берегу р.Мжи близ села найден денарий Фаустины Младшей. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила. И.В. Плескунова из с. Тимченко) (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92, № 137 (1855)).

1963. Шамараевка, Харьковский р-н, 1978 г. На поселении черняховской культуры 27 октября 1978 г. найден денарий Коммода 192 г. н.э. – BMC, IV: 750, № 334, pl. 99.14 (var.). В 2,35. Д 17-17,5. Определение автора. Хр.: Археологический музей ХГУ (Не издан, сообщение А.Г. Дьяченко).

1964. Шаровка, Богодуховский р-н, 1956 г. Близ села найден денарий Траяна (Зайцев 1964: 51; НЭ, VI, 1966: 92, № 138 (1856)).

Херсонская область

1965. Бургунка, Бериславский р-н, 1975 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 398, № 89, pl. 55,5. В 3,32. Д 18-19. Определение автора. Хр.: фонды ИА АН СССР (Сымонович 1976: 398).

1966. Малые Копани, Голопристанский р-н. 1894 г. Солид Льва I Константинопольской чеканки, I-я оффицина – Толстой, II: 120, № 3; Sabatier, I: 131, № 4, табл. VI, 22. Монета пробита. В 4,40. Д 21-22. Найден в богатом погребении вместе с золотыми вещами: подвеской, украшенной зернью и янтарем, двумя серьгами с пирамидальными привесками, круглой бляхой с инкрустацией и зернью. Хр.: ОГАМ, инв. № 52313 (Протокол 279 заседания ООИД, 17.IX.1894: 11; Архив ИА АН СССР, ф. 5. № 330, лл. 61-62 (заметки А.А. Спицына); Кропоткин 1961: 111:1720).

Хмельницкая область

1967. Бакота, Каменец-Подольский р-н, 1968 г. На поселении черняховской культуры, на полу жилища № 1 найден антониниан Нумериана – Coh., VI^2: 373, № 37 – PIC. V^2: 195, № 411, пробит. В 2,65. Д 23. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-По-

дольского пединститута (Винокур 1972: 242).

1968. Бакота, Каменец-Подольский р-н, 1969 г. На поселении черняховской культуры, в пахотном слое найден денарий Антонина Пия 143-144 гг. н.э. – BMC, IV: 70, № 500, pl. 11,4. В 2,26. Д 18-18,5. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута (Винокур, Приходнюк 1970: 284).

1969. Бакота, Каменец-Подольский р-н, 1971 г. На поселении черняховской культуры, в выбросе из жилища № 12 найден денарий Антонина Пия, 145-161 гг. – BMC, IV: 77, № 532. pl. 11,8. В 2,72. Д 16-17,5. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

1970. Бакота, Каменец-Подольский р-н, 1971 г. На поселении черняховской культуры, в полуземлянке № 15 найден денарий Марка Аврелия 158-159 гг. н.э. – BMC, IV: 144, № 363-364, pl. 20,16. В 2,80. Д 17-17,5. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

1971. Большая Кужелева, Дунаевецкий р-н, не позже 1961 г. При ломке камня в карьере В.П. Олейник нашел денарий Домициана. Определение К.В. Голенко. Хр.: средняя школа в с. Миньковцы (Не издан, сообщение К.В. Голенко).

1972. Большая Шкаровка, Шепетовский р-н, 1968 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Марка Аврелия и бронзовая монета Диоклетиана (Терещук 1970: 150-151).

1973. Вербка-Мурованая, Ярмолинецкий р-н, 1966 г. Посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC, IV: 66, № 473-476, pl. 10. Определение В.А. Анохина. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей, инв. № 476 (Не издан, сообщение В.А. Анохина).

1974. Гнатки, Староконстантиновский р-н, не позже 1971 г. Денарий Траяна и бронзовая монета Гордиана III (?). Определение В.А. Анохина. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей (Архив ИА АН УССР, 1971, № 52, л. 4).

1975. Городище, Шепетовский р-н, 1960 г. При раскопках М.К. Каргера на древнерусском городище найден денарий Тита 80 г. н.э. – BMC. II: 235. № 75, pl. 45,20. Определение автора. Хр.: ГЭ (НЭ, VI, 1966: 92, № 139 (1857)).

1976. Губарев, Новоушицкий р-н, около 1950 г. Бронзовая монета Гордиана III (Не издано, сообщение И.С. Винокура).

1977. Каветчина, Каменец-Подольский р-н, 1976 г. На поселении черняховской культуры в урочище Лука найдена римская серебряная монета. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Приходнюк 1977: 357).

1978. Каменец-Подольский, 1958 г. Денарий Марка Аврелия (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

1979. Каменец-Подольский р-н, 1958 г. Бронзовые монеты: Марка Агриппы – 1, Гордиана III – 1. (Не изданы, сообщение И.С. Винокура).

1980. Каменец-Подольский, 1964 г. Денарий Антонина Пия (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

1981. Колубаевцы, Каменец-Подольский р-н, не позже 1902 г. Серебряная монета (денарий?) Фаустины (I или II?) (Поступления в древнехранилище и библиотеку Комитета. – Подольские Епархиальные ведомости. 1902, № 24-25: 214; НЭ, VI, 1966: 92, № 141 (1859)).

1982. Котюржинцы, Красиловский р-н, не позже 1971 г. Римский денарий. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

1983. Лепесовка, Белогорский р-н, 1960-1961 гг. При раскопках М.А. Тихановой на поселении черняховской культуры найдены четыре денария: Нерон, 64-66 гг. н.э.; Фаустина Младшая 161 г. н.э.; Марк Аврелий 163-164 гг. н.э.; Марк Аврелий с отверстием для привешивания. Определение М.А. Тихановой. Хр.: ГЭ (Тиханова 1964: 54-55; Кропоткин 1961: 111:1721а; НЭ, VI, 1966: 92-93, № 142 (1860)).

1984. Лесковцы, Каменец-Подольский р-н, 1971 г. При земляных работах на усадьбе Г.Н. Чулковского найден денарий Криспины 180-183 гг. – BMC, IV: 695, № 39, pl. 91,19. В 2,70. Д 16-17. Определение автора. Хр.: Каменец-Подольский историко-краеведческий музей (Не издан, сообщение Г.Н. Хотюна).

1985. Малые Орлинцы, Хмельницкий р-н, не позже 1971 г. Близ села найдены денарии: Траяна III 117 гг. н.э. – BMC, III: 112, № 562, pl. 19,10 – 1, Марка Аврелия – 1. Определение В.А. Анохина. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей, инв. № 477-478 (Не изданы, сообщение В.А. Анохина).

1986. Негин, Каменец-Подольский р-н, 1961 г. Римская монета Гордиана III (Не издана, сообщение И.С. Винокура).

1987. Николаев, Хмельницкий р-н, не позже 1971 г. Римский денарий. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей (Не издано, сообщение И.С. Винокура).

1988. Редкодубы, Хмельницкий р-н, 1967 г. При раскопках могильника черняховской культуры найден денарий Антонина Пия. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута (Винокур, Приходнюк 1968: 235).

1989. Ружичанка. Хмельницкий р-н, 1966 г. При раскопках И.С. Винокура на поселении черняховской культуры найден денарий Марка Аврелия (?). Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута (Не издано, сообщение И.С. Винокура).

1990. Ружичанка, Хмельницкий р-н, не позже 1971 г. Денарий Траяна. Хр.: Хмельницкий краеведческий музей (Не издано, сообщение И.С. Винокура).

1991. Самчики, Староконстантиновский р-н, 1964 г. На левом берегу р. Случь найден денарий Марка Аврелия. Хр.: собрание О. Пажинского в с. Самчики (Приходнюк 1968: 132).

1992. Сокол, Каменец-Подольский р-н, 1975 г. На поселении черняховской культуры в углубленном жилище найден субэратный денарий Адриана. Определение В.А. Анохина. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Не издано, сообщение Д.В. Вакуленко).

1993. Старая Ушица, Каменец-Подольский р-н, 1971 г. На поселении (?) найдена бронзовая монета Филиппа Араба, чеканенная в г. Виминакии – Coh., V: 120, № 265. Д 26. Хр.: Каменец-Подольский историко-краеведческий музей (Не издано, сообщение Г.Н. Хотюна).

1994. Шимковцы, Белогорский р-н, 1822 г. Бронзовая монета Галлиена, чеканенная в г. Эфесе (Малая Азия). Хр.: Киев, бывший музей Киевского университета (до 1917 г.) (Не издано, сообщение Е. Колендо).

Черкасская область

1995. Антоновка, Уманский р-н, не позже 1931 г. Близ села крестьянин Г. Горбатюк нашел два денария: Адриан – 1, Луций Вер – 1. Определение М.К. Якимовича. Хр.: УКМ (до 1941 г.) (Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 545, л. 6 (рукопись К. Петичинского); НЭ, VI, 1966: 93, № 144 (1861)).

1996. Бабанка, Уманский р-н, 1961 г. Школьники нашли в яме два денария: 1) Фаустина Младшая. В 2,96; 2) Септимий Север 93 г. н.э. – BMC, V: 22, № 19-22, pl. 5,13. В 2,78. Определение автора. Хр.: УКМ (Архив ИА АН УССР, № 458, л. 13; Храбан 1964: 259, № 7, рис. 2,13; НЭ, VI, 1966: 93, № 145 (1862)).

1997. Берестовец, Уманский р-н, не позже 1958 г. В бассейне р. Ревухи на поле найден денарий Антонина Пия (Архив ИА АН УССР, ф.12, № 437, л. 74 (заметки В.А. Стефановича)).

1998. Большая Севастьяновка, Христиновский р-н, 1965 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия, 155-156 гг. н.э. – BMC, IV: 125, № 851, pl. 18,5. В 2,90. Определение автора. Хр.: УКМ, № 7793-150 (НЭ, VI, 1966: 99, № 229 (1940)).

1999. Буда Поташанская, Каневский р-н, не позже 1891 г. Денарий Коммода 183 г. н.э (Отчет Церковно-Археологического общества за 1891 г. Труды Киевской духовной академии, 1892, № 1 (январь): 343).

2000. Верхнячка, Христиновский р-н, не позже 1926 г. Посмертный денарий Антонина Пия – BMC, IV: 393, № 47-54, 54,9-11. (Шерцль. Описание монет, № 5374). Определение А.С. Федоровского (Архив ИА АН УССР, ф. 7, № 31, л. 4 (Сообщение Ф.Е. Макушева. 11 июня 1926 г.)).

2001. Войтово, Чигиринский р-н, 1968 г. При строительстве дороги близ села найден клад римских денариев I-II вв. н.э. в количестве около 100 экз. В Стецовский краеведческий музей поступил 51 денарий: Домициана – 1, Траяна – 2, Адриана – 5, Сабина – 2, Антонина Пия – 11, Фаустины Старшей – 4, Луция Вера – 2, Луциллы – 3, Марка Аврелия – 13, Коммода – 8. Определение автора. Хр.: с. Стецовка, народный музей (Кропоткин, Прокофьев 1972, № 3: 174-177).

2002. Гордашовка, Тальновский р-н, 1958 г. Близ села найдены денарии: Траяна – 1 , Адриана 119-122 гг. (BMC, III: 262, № 179, pl. 50,11) – 1 экз. Определение автора. Хр.: УКМ, инв. № 5279 (поступила. А.И. Заболоцкого 15 мая 1958 г.) (Архив НА АН УССР, ф. 12, № 437, л. 43; НЭ, VI, 1966: 93, № 150 (1866)).

2003. Гуляйполе, Катеринопольский р-н, не позже 1961 г. Учитель Г.А. Репетило близ села в урочище Яры нашел золотую римскую монету (Не издано, сообщение В.А. Стефановича).

2004. Гута Межиричская, Каневский р-н, не позже 1927 г. Около плотины найдена римская серебряная монета (Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 116, л. 110 (Сообщение заведующего Черкасским краеведческим музеем, 1927 г.); НЭ, VI, 1966: 93, № 151 (1867)).

2005. Жовнин, Чернобаевский р-н, не позже 1969 г. На площади черняховского могильника в урочище «Биленковы Бурты» найдена позднеримская монета конца IV – начала V вв. н.э (Феодосии I ?). Определение В.А. Анохина. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (Рутковська 1972: 225).

2006. Журовка, Шполянский р-н, 1903 г. Субэратный денарий Адриана – Coh., II: 111, № 90, обломан. Определение С.В. Коршенко. Хр.: КИМ (Коршенко 424: 91; Брайчевський 1959: 149:359; Кропоткин 1961: 111:1722).

2007. Журовка, Шполянский р-н, 1904 г. Бронзовая монета Максимиана, чеканенная в Александрии Египетской, 287-288 гг. н.э. Определение С. В. Коршенко. Хр.: КИМ (Коршенко I 424:91; Брайчевський 1959: 149:360; Кропоткин 1961: 111:1723).

2008. Журовка, Городищенский р-н, 1959 г. В урочище Горобинец, на поселении черняховской культуры, в выбросе с 3-го штыка найден денарий Антонина Пия 145-161 гг. – BMC, III: 75, № 512-518, pl. 1,13 – RIC, III: 42, № 127. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГИМ (Кропоткин 1961: 86:1185а; Сымонович 1963: 82).

2009. Журовка, Городищенский р-н, 1960 г. Г.А. Ткаченко нашел низкопробный денарий Марка Аврелия 170-171 гг. , пробит. В 2,95. Д 18. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГИМ (Кропоткин 1961: 111:1724; Сымонович 1963: 82).

2010. Журовка, Городищенский р-н, 1961 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Адриана 119-122 гг. – BMC, III: 264. № 197-200, pl. 50,16. Д 19. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГИМ (Сымонович 1963: 82; НЭ, VI, 1966: 93, № 152 (1868)).

2011. Журовка, Городищенский р-н, 1961 г. При сооружении дороги, на площади могиль-

ника черняховской культуры найден денарий Фаустины Младшей со следами припаянного ушка. Д 18. Определение К.В. Голенко. Хр.: ГИМ (Сымонович 1963: 82; НЭ, VI, 1966: 93, № 152 (1868)).

2012. Звенигородка, Звенигородский р-н, не позже 1961 г. Римский денарий. Хр.: Звенигородский краеведческий музей (Не издан, сообщение В.А. Стефановича).

2013. Канев, Каневский р-н, не позже 1959 г. На горе Московке были найдены римские денарии II в. н.э (Брайчевський 1959: 193:922; Кропоткин 1961: 111:1725).

2014. Краснополка, Уманский р-н, не позже 1882 г. Монеты: Коммода – 1, Льва I – 1. (Известия Церковно-Археологического общества на июль 1882 г. Труды Киевской духовной академии, 1882, № 9 (сентябрь): 125).

2015. Кобрино, Тальновский р-н, 1963-1965 гг. Денарий Марка Аврелия 154-155 гг. – BMC, IV: 122, № 837, pl. 17,18. Определение автора. Хр.: УКМ, № 7607/94 (НЭ,VI, 1966: 99, № 225 (1936)).

2016. Кобринова Гребля, Тальновский р-н, 1963-1965 гг. Посмертный денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 59-60, № 460, pl. 9,12. Определение автора. Хр.: УКМ, № 7618/99 (НЭ,VI, 1966: 99, № 226 (1937)).

2017. Кузьмина Гребля, Христиновский р-н, не позже 1961 г. Два римских денария, один из них – Антонина Пия. Хр.: фонды ИА АН УССР (НЭ, VI, 1966: 93, № 154 (1870)).

2018. Леськово, Монастырищенский р-н. 1963-1965 гг. Медная монета Филиппа Араба. Хр.: УКМ, № 7797/151 (НЭ, VI, 1966: 99, № 227 (1938)).

2019. Лещиновка, Христиновский р-н, 1963-1965 гг. Денарий Траяна 112-117 гг. н.э. – BMC, III: 122, № 631, pl. 20,17. В 2,90. Определение автора. Хр.: УКМ, № 7617/98 (НЭ, VI, 1966: 99, № 228 (1939)).

2020. Малая Маньковка, Маньковский р-н, не позже 1961 г. По сведениям местного учителя найден клад римских денариев в количестве нескольких сотен экземпляров, монеты не сохранились (НЭ, VI, 1966: 93, № 155 (1871); сообщение Т.Е. Храбана).

2021. Пекари, Каневский р-н, не позже 1846 г. На горе Нетеребка найдены римские монеты и слитки серебра (Город Канев. – Киевские губернские ведомости, 1846, № 7: 52; НЭ, II, 1966: 93, № 156 (1872)).

2022. Ропотуха, Уманский р-н, 1967 г. Денарий Антонина Пия 151-152 гг. – BMC, IV: 110, № 762, pl. 15,19. В 2,90. Определение автора. Хр.: УКМ, инв. № 846/328 (Не издана, сообщение В.А. Стефановича).

2023. Синица, Христиновский р-н, не позже 1970 г. Римская монета (Кропоткин, Нахапетян 1976: 318).

2024. Синявка, Каневский р-н, не позже 1961 г. Денарий Марка Аврелия. Rev.: Виктория с венком и трофеем. Хр.: школьный музей в с. Синявка (ВЭ, VI, 1966: 94, № 158 (1873)).

2025. Стецовка, Звенигородский р-н, не позже 1885 г. Серебряная монета Александра Севера (Известия Церковно-Археологического общества за август 1885 г. Труды Киевской духовной академии, т. III, 1885: 511).

2026. Талалаевка, Христиновский р-н, 1961 г. В погребении черняховской культуры найдены два антониниана: 1) Валериана – Coh., V: 321, № 257. Д 22; 2) Этрусциллы, супруги Траяна Деция – RIC, IV, III: 127, № 58в, pl. 11,4. Д 21-23. Определение автора. Хр.: УКМ. (НЭ, VI, 1966: 94, № 160 (1875)).

2027. Тимашевка, Маньковский р-н, 1941 г. При обработке поля найден клад римских серебряных монет, одна монета из клада – денарий Антонина Пия – была передана В.А. Стефановичу. Хр.: фонды ИА АН УССР (НЭ, VI, 1966: 94, № 161 (1876)).

2028. Умань, Уманский р-н, около 1925 г. В урочище «Новая Умань» были найдены серебряные римские монеты Антонина Пия (Ляскоронский, РМЮР, 66 (сообщение П. Куринного 1925); Кропоткин 1961: 111:1726).

2029. Умань, 1961 г. На поселении черняховской культуры найдена медная монета Константина I, чеканенная в Фессалониках, 2-я оффицина. Av.: IMP CCONSTANTINVS AVG, бюст вправо. Rev.: IOVI CONSERVATORIVVCCNN, под обрезом – TSB. В 2,89; Д 21-23. Определение автора. Хр.: УКМ, инв. № 6313 (НЭ, VI, 1966: 94, № 163 (1877)).

2030. Умань, 1963-1965 гг. В урочище «Мещанка» найден денарий Траяна 103-111 гг. н.э. – BMC, III: 70, № 2176, pl. 14,4. Определение автора. Хр.: УКМ, № 7821/168 (НЭ, VI, 1966: 99, № 230 (1941)).

2031. Уманский район (ближе неизвестно), не позже 1932 г. Денарий Адриана 119-138 гг. н.э. Rev.: SALVS AVG COS III. Определение В.А. Шугаевского. Хр.: Киев, бывший Лаврский музей, инв. № 31631 (Архив ИА АН УССР (заметки В.А. Шугаевского); НЭ, VI, 1966: 94, № 164 (1878)).

2032. Чеховка, Чернобаевский р-н, не позже 1948 г. Римские монеты. (CA, XIII: 32:64; Кропоткин 1951: 278:571; там же 1961: 111:1727; Брайчевський 1959: 192:910).

2033. Чижевка, Звенигородский р-н, 1962 г. Денарий Септимия Севера 195 г. н.э. – BMC, V: 40. № 120, pl. 8,15. В 2,40. Определение автора. Хр.: УКМ, № 6713. (Не издана).

2034. Юрковка, Уманский р-н, 1960 г. На огороде найден посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC, IV: 60, № 421, pl. 9,15. В 3,15. Определение автора. Хр.: УКМ, № 6259. (Храбан 1964: 267, рис. 2,11; НЭ, VI, 1966: 94, № 165 (1879)).

2035. Юрковка, Уманский р-н, не позже 1965 г. Посмертный денарий Антонина Пия 161 г. – BMC, IV: 392, № 41, pl. 54,10. Определе-

ние автора. Хр.: УКМ, № 7760/135. (НЭ, VI, 1966: 99, № 231 (1942)).

2036. Юрковка, Уманский р-н, 1963-1965 гг. Медная монета Гордиана III, чеканенная в Адрианополе. Rev.: изображение крепостных ворот, ADRIANOPO [ ] Хр.: УКМ, № 7752/143 (НЭ, VI, 1966: 99, № 232 (1943)).

Черниговская область

2037. Малая Девица, Прилукский р-н, не позже 1961 г. Близ поселка школьники нашли денарий Фаустины Младшей – BMC, IV: 400, № 111, pl. 55,10. Хр.: частное собрание (Сымонович 1964: 28; ВЭ, VI, 1966: 94, № 166 (1860)).

2038. Мена, Менский р-н, не позже 1961 г. Денарий Антонина Пия. Хр.: краеведческий музей в г. Мена (Кропоткин 1961: 111:1728).

2039. Нежин, Нежинский р-н, 1957 г. При расчистке русла р.Остер в черте города найден денарий Августа. Rev.: Аполлон Акцинский с лирой (НЭ, VI, 1966: 94, № 168 (1882)).

2040. Новгород-Северский, 1959 г. На левом берегу р.Десны в окрестностях города найден денарий Септимия Севера 207 г. н.э. – BMC, V: 263, № 534, pl. 41,13. Д 19. Определение автора. Хр.: Чернигов, историко-краеведческий музей, инв. № 1616 (НЭ, VI, 1966: 94, № 169 (1883)).

2041. Печи, Борзнянский р-н, не позже 1959 г. Римская монета Траяна (?) (Брайчевський 1959: 201:1039 (Сообщение учителя Н. Кулика); Кропоткин 1961: 111:1729).

Черновицкая область

2042. Грушевцы, Кельменецкий р-н, 1960-е гг. Ауреус Аврелиана, пробит и снабжен золотым проволочным кольцом. – Coh.: VI^2: 199, № 213 (?). Определение автора. По сообщению местных жителей, вместе с монетой-подвеской были найдены большой глиняный сосуд, золотая лунница, золотая ведеркообразная подвеска и другие вещи; возможно, эти вещи были найдены в богатом черняховском погребении или кладе. Хр.: Кишинев, САИИ АН МССР (Маркевич, Рикман 1973: 260-261, рис. 1: 1-2).

2043. Звенячин, Заставновский р-н, 1967 г. На поселении черняховской культуры при раскопках В.Д. Барана найден денарий Антонина Пия (Баран 1972: 221).

2044. Комаров, Кельменецкий р-н, 1969 г. При археологических раскопках на поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия 147-148 гг. н.э. – BMC, IV: 89, № 619, pl. 13,7. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР. (Не издан, сообщение М.Ю. Смишко).

2045. Оселивка, Кельменецкий р-н, 1974-1976 гг. При раскопках на поселении черняховской культуры найдены монеты: 1) денарий Адриана 119-122 гг. н.э. – BMC, III: 266, pl. 51,1; 2) денарий Антонина Пия 159-160 гг. н.э. – BMC, IV: 146, № 976-980, pl. 21,3. Д 17. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР (Цыгылык 1975: 369; там же 1977: 384). Миана, чеканенная в Фессалониках, 6-я оффицина; монета хорошей сохранности. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: Кишинев, САИИ АН МССР (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

Молдавская ССР

2046. Антоновка, Леовский р-н, 1970 г. Близ села школьники нашли серебряную монету Констанция II, силиква – Coh., VII^2, 341. В 3,32; Д 21,4. (Нудельман 1976: 70:94).

2047. Антоновка, Леовский р-н, 1972 г. В окрестностях села найден денарий Антонина Пия. (Нудельман 1976: 70:93).

2048. Бадичены, Сорокский р-н, 1960-е годы. Близ села найдены: 1) посмертный денарий Антонина Пия – BMC, IV, p. 395, № 76-77, p1. 54,18; 2) денарий Марка Аврелия 176-177 гг. н.э. – BMC, IV, p. 493, № 735. Определение автора. (Не изданы, сообщение Э.А. Рикмана).

2049. Балцаты, Новоаненский р-н, около 1960 г. В окрестностях села найден посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC, IV, p.56, № 373-374, pl. 9,3; В 3,11; Д 17-18. Определение автора. (НЭ, VI, 1966: 94, № 170 (1884); Нудельман 1976: 68:77).

2050. Баурчи, Чадыр-Лунгский р-н, 1973 г. Денарий Антонина Пия – Coh., 983, В 3,14; Д 18,1. (Нудельман 1976: 71:103).

2051. Бельцы, 1967 г. В начале июня при земляных работах в городе, в микрорайоне Пэмынтень, найден клад римских серебряных монет – около 80-90 экз., определены денарии Антонина Пия – 16 экз. Хр.: Бельцы, собрание М.К. Радомской. (Не издан, сообщение А.А. Нудельмана).

2052. Бендеры, 1961 г. В предместье города Протягайловке во время полевых работ найден клад серебряных монет, из числа которых известны 12 экз.: Александр Север – 1, Гордиан III – 9, Филипп Араб – 2. (Нудельман 1976: 56:17).

2053. Бешалма, Комратский р-н, 1968 г. В 1,5 км к юго-востоку от села школьники нашли несколько римских монет, из числа которых известна одна бронзовая – Адриана. В 5,70; Д 22,3. (Нудельман 1976: 71:101).

2054. Бравичены, Оргеевский р-н, 1977-1978 гг. При раскопках могильника черняховской культуры найдены 4 денария: 1) погребение № 7. Марк Аврелий. В 2,48; Коммод. В 2,12; 2) погребение № 42. Траян, пробит. В 2,24. Луций Вер, пробит. В 2,37. Определение А.А.Нудельмана. Хр.: Кишинев, САИИ АН МССР. (Гросу, Постикэ 1979: 485; сообщение А.А. Нудельмана).

2055. Бранешты, Рышканский р-н, 1971 г. В 2,5 км к юго-западу от села при земляных работах найден клад, из состава которого зарегистрирована серебряная монета Констанция II,

силиква, чеканенная в Антиохии – Coh., VII², 150. В 3,30; Д 20,2. (Нудельман 1976: 50:4).

2056. Братулены, Ниспоренский р-н, 1972 г. Денарий Каракаллы 216 г. н.э. – Coh., III², 359. В 3,07; Д 18,2. (Нудельман 1976: 68:74).

2057. Брынза, Вулканештский р-н, 1971 г. Бронзовая монета Траяна, асс – Coh., II², 579. (Нудельман 1976: 72:108).

2058. Бубата, Унгенский р-н, 1973 г. Весной у подножья возвышенности ученик школы нашел силикву Констанция II, чеканенную в Антиохии. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: Унгены. собрание А.В. Славинского. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2059. Бучушка, Резинский р-н, 1972 г. В поле найден антониниан Филиппа Араба – Coh., 218. В 4,02; Д 22,6. (Нудельман 1976: 61:20).

2060. Вадул-Туркулуй, Рыбницкий р-н, 1974 г. Весной при полевых работах близ села найдена серебряная монета (денарий?) Траяна. Хр.: Рыбница, школьный музей. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2061. Валены, Вулканештский р-н, 1973 г. Денарий Марка Аврелия – Coh., 105. В 3,05; Д 14,4. (Нудельман 1976: 73:115).

2062. Валя-Норокулуй, Лазовский р-н, 1974 г. Школьники нашли римскую монету – денарий Марка Аврелия. (Нудельман 1976: 61:25).

2063. Варзарешты, Ниспоренский р-н, 1974 г. Денарий Адриана. (Нудельман 1976: 68:73).

2064. Вишневка, Комратский р-н, 1970-е гг. Денарий Марка Аврелия. (Нудельман 1976: 71:102).

2065. Ворничены, Каларашский р-н, 1973 г. Школьники нашли в поле силикву Констанция II. (Нудельман 1976: 65:57).

2066. Вышкауцы, Оргеевский р-н, 1973 г. Весной при дорожно-ремонтных работах найдена большая бронзовая монета Августа (?). Хр.: Кишинев, собрание П.С. Концепольского. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2067. Гидигич, Страшенский р-н, 1967 г. Недалеко от водохранилища в 9 км к северо-западу от г. Кишинева найден антониниан Филиппа Араба 247 г. н.э. – Coh., 136. В 4,21; Д 22,8. (Нудельман 1976: 67:66).

2068. Глинка, Бричанский р-н, 1966 г. На поселении черняховской культуры при разведках В.И. Маркевича найден посмертный денарий Фаустины Старшей. (Нудельман 1976: 58:2; Рикман 1971: 100:8).

2069. Глинжены, Фалештский р-н, 1972 г. При укреплении дамбы водохранилища было разрушено несколько погребений черняховского времени, в одном из них найден денарий Антонина Пия. В 3,06; Д 17,8. (Нудельман 1976: 62:29).

2070. Горешты, Фалештский р-н, 1971 г. При земляных работах найдена силиква Констанция II – Coh., VII², 341. В 2,87, Д 20,8. (Нудельман 1976: 62:32).

2071. Городище, Резинский р-н, 1972 г. Летом при полевых работах найдена большая бронзовая монета Сабины. Хр.: Кишинев, собрание П.С. Концепольского. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2072. Гура-Быкулуй, Новоаненский р-н, 1961 г. Медная монета Антонина Пия. В 24,26; Д 27,8-31,25. (Нудельман 1976: 68:78).

2073. Гыртоп, Чимишлийский р-н, 1972 г. Денарий Антонина Пия – Coh., II², 888. В 2,71; Д 18,3. (Нудельман 1976: 70:91).

2074. Данка, Котовский р-н, 1967-1968 (?) гг. Денарий Адриана 118 г. н.э. – BMC, III, p. 249, № 77, pl. 48,9. В 3,09; Д 19. Определение автора. Хр.: СА ИИ АН МССР. (Не издан, сообщение Э.А. Рикмана).

2075. Данчены, Страшенский р-н, 1975 г. В августе 1975 г. при раскопках могильника (погребение № 117) найдены две полустертые серебряные монеты-подвески II в. н.э. с медными ушками: 1) Антонин Пий (?); 2) Марк Аврелий (?). Хр.: СА ИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 67:69а).

2076. Данчены, Страшенский р-н, 1975 г. В июне 1975 г. местные жители передали сотрудникам Данченской археологической экспедиции случайно найденную в селе бронзовую монету II в. н.э., стертую, на лицевой стороне прослеживается погрудное изображение Фаустины Младшей (?). Хр.: СА ИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 67:69).

2077. Данчены, Страшенский р-н, 1975 г. В июле 1975 г. при археологических раскопках найдена 1/4 часть неопределенной серебряной монеты. Хр.: СА ИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 67:68).

2078. Данчены, Страшенский р-н, 1974 г. При раскопках черняховского могильника обнаружена неопределенная бронзовая монета очень плохой сохранности. Хр.: СА ИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 67:67).

2079. Джурджулешты, Вулканештский р-н, 1967 г. Бронзовая монета Диоклетиана – Coh., VI², 541. (Нудельман 1976: 73:116).

2080. Дрокия, Дрокиевский р-н, 1970 г. При строительстве погреба обнаружено древнее захоронение, в инвентаре которого (наряду с коротким железным мечом, фибулой, подвесками, стеклянными бусами и прочими украшениями) имелись также неопределенные медные римские монеты плохой сохранности. (Нудельман 1976: 59:11).

2081. Единецкий р-н, не позже 1971 г. Серебряный медальон Марка Аврелия. В 3,89. Д 19-20. Хр.: САИИ АН МССР (доставил И.А. Борзияк в 1971 г.). (Нудельман 1976: 59:7).

2082. Етулия, Вулканештский р-н, 1970 г. Школьники нашли денарий Марка Аврелия – Coh., III², 168. В 2,46; Д 17,7. (Нудельман 1976; 73:113).

2083. Етулия, Вулканештский р-н, 1974 г. При археологических раскопках на поселении Ету-

лия VI найдена бронзовая римская монета IV в. н.э. очень плохой сохранности. Определение П.О. Карышковского. (Нудельман 1976: 73:114).

2084. Етулия, Вулканештский р-н, 1978 г. При раскопках поселения римского времени в выбросе найдена средняя бронза Галерия Максимиана, чеканенная в Фессалониках, 6-я оффицина; монета хорошей сохранности. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: Кишинев, САИИ АН МССР. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2085. Изворы, Дондюшанский р-н, 1968-1970 гг. При вспашке поля найдена серебряная монета (денарий?) Адриана. Хр.: с. Изворы, школьный музей. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2086. Инешты, Теленештский р-н, 1971 г. Близ села найдена бронзовая монета Констанция II – Coh., VII^2: 44. (Нудельман 1976: 62:37).

2087. Инундены, Сорокский р-н, 1972 г. При археологических разведках Э.А. Рикмана на поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия, 159-160 гг. Определение автора. (Нудельман 1976: 59:8).

2088. Ион-Водэ, Флорештский р-н, не позже 1978 г. Близ села на свежевспаханном участке поля найдена серебряная монета (денарий?) Антонина Пия. Хр.: Флорешты, музей при Доме пионеров. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2089. Казанешты, Теленештский р-н, не позже 1970 г. Около села найдена серебряная монета Каракаллы. (Нудельман 1976: 62:35).

2090. Казанешты. Теленештский р-н, 1960-е годы. В конце 60-х гг. XX в. в окрестностях села найдено несколько монет, из числа которых известен один денарий Антонина Пия – Coh., II^2: 356, № 888. (Нудельман 1976: 62:34).

2091. Каларашовка, Дондюшанский р-н, 1972 г. Бронзовая монета Диоклетиана – Coh., VI^2: 184. В 8,77. (Нудельман 1976: 58:1).

2092. Калинешты, Фалештский р-н, 1878 г. На поселении черняховской культуры найден клад римских серебряных монет II в. н.э., из которого известен один денарий Антонина Пия (ЗРАО 1879: 462-464; Нудельман 1976: 52:7а).

2093. Каушаны, Каушанский р-н, 1960-е гг. Во время полевых раб найдены два денария: 1) посмертный Фаустины Старшей – BMC, IV: 53, № 346, pl. 8,15; 2) Марка Аврелия 164-165 гг. н.э. – BMC, IV: 433, № 359, pl., 59,13. Определение П.О. Карышковского. (Карышковский 1963: 63:9; НЭ, VI, 1966: 94, № 171 (1885)).

2094. Киселия, Кагульский р-н, 1972 г. Школьники нашли денарий Марка Аврелия – Coh., 468. В 3,23; Д 17,0. (Нудельман 1976: 72:104).

2095. Кишинев, 1963 г. В городе на углу улиц Хашдеу и Крянгэ найдена бронзовая монета времени Константина I, чеканенная. имени г. Константинополя. Av.: CONSTANTIN OPOLIS, женский бюст влево, в шлеме, справа скипетр. Rev.: стоящая Виктория, влево опирается на щит, стоящий справа; под обрезом неразборчиво: SM ANT – Антиохия (?) – Coh., VII^2: 826, № 21. В 2,22. Определение автора. Хр.: САИИ АН МССР. (НЭ, VI, 1966: 95, № 172 (1886); Нудельман 1976: 67:71).

2096. Кишинев, 1972 г. В марте 1972 г. в юго-восточной части города найден клад золотых монет, из состава которого известен солид Феодосия I, чеканенный в Константинополе, 8-я оффицина, 383-388 гг. – PIC, IX, 231, № 70а, 3. В 4,32. (Нудельман 1976: 55:14).

2097. Кишинев, 1973 г. На приусадебном участке Т.В. Лебеда обнаружил клад, из состава которого зарегистрирована 21 серебряная римская монета второй трети IV в. н.э. Констанций II, силиквы; Кизик – 10, Сирмий – 9, Антиохия – 1, место чеканки неразборчиво – 1. Хр.: ГИКМ (20 экз.) (Нудельман 1976: 55:13).

2098. Коада-Язулуй, Лазовский р-н, 1974 г. Солид Феодосия I, чеканенный в Милане. В 4,38. (Нудельман 1976: 62:28).

2099. Колибаш, Вулканештский р-н, 1970-е годы. В окрестностях села найдено несколько бронзовых римских монет, из числа которых стали известны 3 экз.: Адриан – 1, Гордиан III – 1, Этрусцилла, супруга Траяна Деция – 1. Определение П.О. Карышковского. (Нудельман 1976: 72:109).

2100. Коржево, Криулянский р-н, 1968 г. Близ села в поле найден антониниан Гордиана III – Coh., V^2: 381. В 3,44; Д 19,7. (Нудельман 1976: 67:65).

2101. Корпач, Единецкий р-н, 1959 г. Антониниан Гордиана III – Coh., 167. В 5,21; Д 23,2. (Нудельман 1976: 58:4).

2102. Корпач, Единецкий р-н, 1975 г. На поселении черняховской культуры найден посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC, IV: 61, № 428, pl. 9,16. Д 17,5-17,0. Определение автора. (Рикман, Гросу 1976: 475).

2103. Кот, Каменский р-н, 1975 г. Близ села найдена серебряная монета (денарий?) Фаустины Младшей. Хр.: Каменка, собрание Ф.М. Товстых. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2104. Котул-Морий, Котовский р-н, 1969 г. При полевых работах найдена силиква Констанция II – Coh., VII^2: 342. В 3,14; Д 21,1 (Нудельман 1976: 69:81).

2105. Кременчуг, Сорокский р-н, 1970 г. Весной неподалеку. Днестра найден клад золотых монет, из состава которого известен один солид Феодосия I, 392-395 гг. , чеканенный в Константинополе, 1-я оффицина – RIC, IX, 224, № 70в, I. В 4,48. По-видимому, из состава этого же клада происходит аналогичный экземпляр, приобретенный ГИМ'ом (инв. № 12457/А3/167) в 1970 г. (Нудельман 1976: 50:2).

2106. Кристешты, Ниспоренский-р-н, 1969 г. Во время полевых раб найден антониниан Гордиана III – Coh., V^2: 47. В 3.5; Д 20,9. (Нудельман 1976: 68:75).

2107. Куйзовка, Резинокий р-н, 1958 г. Близ села школьники нашли серебряную монету (антониниан?) Филиппа Араба. Хр.: Кишинев, СА ИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 61:21).

2108. Кукоара, Кагульский р-н, 1968 г. При археологических раскопках Кагульской экспедиции на поселении черняховской культуры Кукоара III (раскоп XIX, площ. II, пр. I, выброс) найдена бронзовая монета Констанция II – Coh., VII^2: 396. Определение Л.Л. Полевого. (Нудельман 1976: 72:106).

2109. Курлены, Оргеевский р-н, 1969-1970 гг. При вспашке огорода найдена серебряная монета (денарий?) Антонина Пия. Хр.: Кишинев, собрание П.С. Концепольского. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2110. Кухнешты, Глодянский р-н, не позже 1970 г. Близ села найден денарий Александра Севера 230 г. н.э. – Coh., IV^2: 560. В 2,40. Д 17,6. (Нудельман 1976: 60:14).

2111. Кышлица-Прут, Вулканештский р-н, 1972 г. Студенты – практиканты Кишиневского сельхозинститута нашли бронзовую монету Диоклетиана – Coh., VI^2: 541. Д 22,1. (Нудельман 1976: 73:117).

2112. Лалова, Резинский р-н, 1971 г. При полевых работах найдена серебряная монета (денарий?) Траяна. Хр.: Кишинев, собрание П.С. Концепольского. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2113. Лукашевка, Оргеевский р-н, 1971 г. На окраине села найден денарий Марка Аврелия – Coh., III^2: 665. В 2,25; Д 17,5. (Нуделъман 1976: 64:51).

2114. Лысая Гора, Резинский р-н, 1974 г. Весной ученики средней школы нашли серебряную монету (денарий?) Марка Аврелия. Хр.: Резина, школьный музей. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2115. Малаешты, Криулянский р-н, 1969 г. В поле найден денарий Адриана, 116 г. н.э. – Coh., II^2: 34, № 150. В 3,18; Д 18,8. (Нудельман 1976: 66:61).

2116. Малаешты, Григориопольский р-н, 1976 г. Летом в поле найдена монета Антонина Пия – Coh., II^2: 304, № 206. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: Григориополь, собрание И.Г. Пынзару. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2117. Малкоч, Страшенский р-н, 1972 г. Клад золотых монет, из состава которого известен солид Аркадия, чеканенный в Милане в 383 г. н.э. – Толстой, I, 36. В 4,47. (Нудельман 1976: 55:12).

2118. Михайлены, Бричанский р-н, 1978 г. В апреле 1978 г. при сельскохозяйственных работах близ села найдена силиква Констанция II, чеканенная в Сирмии. В 3,31; Д 18. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: Бричаны, частное собрание И.П. Кадука. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2119. Мындра, Теленештский р-н, 1957 г. Школьники нашли серебряную монету Гордиана III. (Нудельман 1976: 62:36).

2120. Мындра, Каларашский р-н, 50-е гг. XX в. Близ села найдена большая бронзовая монета Гордиана. Хр.: школьный музей в с. Мындра. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2121. Мындрешты, Теленештский р-н, 1972 г. Около пруда найден денарий Веспасиана – BMC, III: 6, № 39. В 3,57; Д 17,8. (Нудельман 1976: 62:33).

2122. Оксентия, Дубоссарский р-н, 1970 г. Осенью ученики нашли в огороде серебряную монету (денарий?) Луция Вера. Хр.: Дубоссары, собрание Л.М. Куприяновой. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2123. Паланка. Суворовский р-н, 1968 г. В окрестностях села найдена бронзовая монета Констанция II – Coh., VII^2: 92. (Нудельман 1976: 71:99).

2124. Пепены, Лазовский р-н, 1968 г. При пахоте найден солид Феодосия I – PIC, IX, 224, № 71в, 5. В 4,32. (Нудельман 1976: 61:27).

2125. Перерыта, Бричанский р-н, 1973 г. В окрестностях села найдена бронзовая монета Констанция II. (Нудельман 1974: 190:21; там же 1976: 58:3).

2126. Пояна, Резинский р-н, начало 1970-х гг. В поле найдена серебряная монета (денарий?) Марка Аврелия. Хр.: Рыбница, собрание И.С. Глузмана. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2127. Приднестровское, Каменский р-н, 1967 г. Клад серебряных монет, из состава которого сохранился полустертый неопределенный денарий. В 2,84. Хр.: ГИКМ, инв. № 12440/АС-4704. (Нудельман 1976: 50:3).

2128. Пырлица, Унгенский р-н, 1975 г. Осенью при земляных работах найдена серебряная монета (денарий?) Адриана. Хр.: пос. Страшены, собрание Г.Д. Счастливого. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2129. Радовая, Лазовский р-н, 1972 г. Антониниан Гордиана III. Coh., V^2: 66. В 3,28; Д 18,5. (Нудельман 1976: 61:26).

2130. Разеля, Лазовский р-н, 1974 г. Близ села найден денарий Сабины. В 3,11; Д 17,3. (Нудельман 1976: 61:24).

2131. Раскайцы, Суворовский р-н, 1955-1956 гг. На приусадебном участке найден денарий Траяна, чеканенный, скорее всего, в 106 г. н.э. – Coh., II^2: 27, № 86 – BMC, III: 73, № 297, 14,9. В 2,99; Д 17-18. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. (Карышковский 1963: 63:10; HV, VI, 1966: 95, № 173 (1887); Нудельман 1976: 71:96).

2132. Русяны, Единецкий р-н, 1972 г. На поселении черняховской культуры при раскопках Э.А. Рикмана найдены: 1) субэратный денарий Марка Аврелия 178-179 гг. н.э. – BMC, IV: 504, № 789, pl. 69,13. В 2,53; Д 18; 2) бронзовая монета Констанция II. В 1,91; Д 16-18. Определение автора. Хр.: фонды ИИ АН МССР. (Нудель-

ман 1976: 58, 59:5).

2133. Салкуца, Каушанский р-н, не позже 1976 г. В окрестностях села найден ауреус Фаустины Младшей – Зограф, 1951, XXIII: 10. В 2,30. (Нудельман 1976: 70:89).

2134. Салчия, Каменский р-н, 1969 г. При земляных работах в огороде найдена серебряная монета (денарий?) Траяна. Хр.: Рыбница, собрание И.С. Глузмана. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2135. Сарацей, Рыбницкий р-н, 1976 г. Осенью при полевых работах найдена серебряная монета (денарий?) Антонина Пия. Хр.: Рыбница, собрание Ф.И. Багрина. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2136. Селиште, Оргеевский р-н, 1972 г. На поле совхоза «Глория» на поселении черняховской культуры найдена серебряная монета Максимиана Геркула, денарий. В 2,25; Д 17,5. Хр.: САИИ АН МССР. (Нудельман 1976: 65:53).

2137. Сенатовка, Каменский р-н, 1976 г. Весной при пахоте найдена в поле бронзовая монета Фаустины Младшей. Хр.: Каменка, собрание Ф.М. Товстых. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2138. Слободзея, Слободзейский р-н, 1972 г. В окрестностях села найден денарий Сабины. В 3,06; Д 17,5. (Нудельман: 1976: 69:86).

2139. Сороки, Сорокский р-н, 1971 г. В окрестностях города на поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия, 159-160 гг. н.э. – BMC, IV: 147, № 989, pl. 21,8. В 2,75; Д 17,5-18. Определение автора. Хр.: Сорокский краеведческий музей. (Не издано, сообщение Э.А. Рикмана).

2140. Сороки, Сорокский р-н, 1971 г. В окрестностях города обнаружен клад золотых монет, из состава которого зарегистрирован ауреус Траяна, 113-114 гг. н.э. – Зограф, 1951, XXIII, 5. (Нудельман 1976: 50:1).

2141. Сорокский р-н, не позже 1970 г. В 1970 г. ГИКМ приобрел золотую монету IV в., обнаруженную, по словам находчика Л.Б. Майстру, неподалеку. Днестра (вероятно, из клада в с. Кременчуг, 1970 г.) – солид Феодосия I, чеканенный в Константинополе. В 4,45. Хр.: ГИКМ, инв. № 12457/А3-167. (Нудельман 1976: 59:9).

2142. Старый Албинец, Фалештский р-н, 1968 г. Близ сельского клуба найден денарий Марка Аврелия. В 2.90; Д 16,8. (Нудельман 1976: 62:31).

2143. Сухулучены, Теленештский р-н, 1977 г. В конце марта при вспашке огорода на приусадебном участке найден солид Грациана, чеканенный в Милане. В 3,93. Хр.: пос. Теленешты, собрание Л.Ф. Продан. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2144. Тараклия, Чадыр-Лунгский р-н, 1936 г. Во время полевых раб крестьяне обнаружили клад – несколько сотен серебряных монет. Большинство монет было продано мастеру-ювелиру в г. Бендерах; из состава клада сохранилось 4 денария: Траян – 1, Адриан – 1, Антонин Пий – 1, Марк Аврелий – 1. (Нудельман 1976: 57:19).

2145. Темелеуцы, Каларашский р-н, 1970 г. Недалеко. школы найден денарий Антонина Пия – BMC, 963. В 3,02; Д 18,0. (Нудельман 1976: 65:55).

2146. Темелеуцы, Каларашский р-н, 1973 г. В окрестностях села найден солид Аркадия – Толстой, 36. В 4,49. (Нудельман 1976: 65:56).

2147. Тирасполь, Тираспольский р-н, 1968 г. При земляных работах неподалеку. Днестра найден красноглиняный кувшин, содержавший около 400 серебряных римских монет, из числа которых известно 11 экз: Александр Север – 1 (В 2,7); Гордиан III – 6 (В 5,09; 4,37; 4,26; 4,23; 4,15; 4,14); Филипп Араб – 4 (В 4,48; 4,37; 4,36; 4,33). (Нудельман 1976: 56:16).

2148. Токуз, Каушанский р-н, 1972 г. Денарий Каракаллы – Coh., 594. В 3,17; Д 18,3. (Нудельман 1976: 70:90).

2149. Требужены, Оргеевекий р-н, 1948 г. При археологических разведках на городище Старый Орхей найдена серебряная монета Констанция II. (История Молдавии, т. I: 31, рис. 3; Нудельман 1976: 64:48).

2150. Требужены, Оргеевский р-н, не позже 1949 г. При разведках Г.Д. Смирнова на поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия. (Нудельман 1976: 63:39).

2151. Требужены, Оргеевский р-н, 1953 г. На поселении черняховской культуры найдена медная монета Антонина Пия. Д 18,0. (Нудельман 1976: 63:42).

2152. Требужены, Оргеевский р-н, 1959 г. На городище случайно найден денарий Криспины. (Нудельман 1976: 64:47).

2153. Требужены, Оргеевский р-н, 1971 г. На городище в районе «Цитадели» найден денарий Марка Аврелия – Coh., III^2: 105. В 2,95; Д 13,1. (Нудельман 1976: 64:46).

2154. Требужены, Оргеевский р-н, 1971 г. При археологических разведках П.П. Бырни найдена бронзовая монета Констанция II – Толстой I: 92 (раскоп XXVII, глубина 0,6 м). В 4,88; Д 19,8. (Нудельман 1976: 64:49).

2155. Требужены, Оргеевский р-н, 1977 г. При раскопках городища Старый Орхей найдена медная монета Августа. Хр.: Кишинев, СА ИИ АН МССР (Абызова, Бырня, Нудельман 1978: 464).

2156. Трушены, Страшенский р-н, 1960-е гг. При полевых работах в разное время в окрестностях села найдены пробитая серебряная монета (антониниан?) Гордиана и большая бронза того же императора. Хр.: пос. Страшены, собрание Г.Д. Счастливого. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2157. Тудорово, Суворовский р-н, 1973 г. На поле найден денарий Нерона – Coh., 119. В 3,16; Д 17,9. (Нудельман 1976: 70:95).

2158. Цибирика, Каларашский р-н, 1969 г.

Клад римских монет, из состава которого зарегистрирован денарий Антонина Пия, 149-150 гг. – BMC, IV: 709. В 2,97; Д 18,4. (Нудельман 1976: 54:11).

2159. Цыбулевка, Дубоссарский р-н, 1966 г. Денарий Сабины. В 3.0; Д 17,1. (Нудельман 1976: 66:59).

2160. Чишмикиой, Вулканештский р-н, 1970 г. Школьники нашли денарий Траяна – Coh., II^2: 74. В 3,02; Д 18,0. (Нудельман 1976: 72:107).

2161. Чобурчи, Суворовский р-н, 1970 г. Денарий Марка Аврелия – BMC, IV: 490. В 2,98; Д 17,6. (Нудельман 1976: 71:97).

2162. Шарканы, Оргеевский р-н, не позже 1978 г. Близ села найдена серебряная монета (денарий?) Адриана. Хр.: Кишинев, собрание П.С. Концепольского. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2163. Шестачи, Резинский р-н, 1974 г. Близ села ученики нашли серебряную монету (денарий?) Фаустины Старшей. Хр.: Рыбница, собрание И.С. Глузмана. (Не издано, сообщение А.А. Нудельмана).

2164. Юрчены, Ниспоренский р-н, 1972 г. Солид Феодосия I – PIC, IX, 70a, 3. В 4,39. (Нудельман 1976: 68:76).

2165. Ялпуг, Чимишлийский р-н, 1973 г. В поле школьники нашли антониниан Гордиана III – Coh., 327. В 4,77; Д 23,0. (Нудельман 1976: 70-92).

Белорусская ССР

Брестская область

2166. Антополь, Антопольский р-н, 1950-е гг. Денарий Марка Аврелия с отверстием для подвешивания, найден в окрестностях города в урочище «Губерния». Хр.: Кобринский музей им. А.В. Суворова. (НЭ, VI, 1966: 95, № 175 (1888)).

2167. Брест, 1961 г. В окрестностях города, в поселке Тришин при археологических раскопках Ю.В.Кухаренко найдены две римские монеты с отверстиями: 1) в погребении 36 – субэратный денарий Траяна – Coh., II^2: 43, № 242. В 1,47. Монета с двумя отверстиями, серебряная оболочка денария в огне расплавилась, осталось медное ядро; 2) в погребении 11 – медная монета с отверстием для подвешивания. Av.: едва заметное изображение головы императора (вероятно, римский субэратный денарий). Определение Л.Н. Беловой. Хр.: ГЭ. (Кухаренко 1965: 98; НЭ, VI, 1966: 95, № 176 (1889)).

2168. Брест, не позже 1968 г. Во дворе дома № 170 по бульвару Шевченко, в груде земли, выброшенной из траншеи, найдена бронзовая монета Гордиана III. Rev.: VICTORIA AETERNA (Газ. «Заря», г. Брест, 10 января 1968 г.).

2169. Лышицы, Брестский р-н, 1974 г. На берегу канала торфо-предприятия «Лышицы» ученик средней школы Д. Рищук нашел клад римских серебряных монет I-II вв. н.э. Собранные на поверхности монеты были переданы в Брестский музей (48 экз., их вес равен 155,95 г.). Л.Д. Поболь произвел небольшие раскопки на месте находки клада и, просеяв землю, нашел еще 64 монеты. Общее число собранных монет составило 112 экз.: Нерон – 2, Отон – 1, Веспасиан – 6, Тит – 1, Домициан – 5, Нерва – 4, Траян – 34 (в том числе одна драхма, чеканенная в Ликии, в Малой Азии), Сабина – 1, Элий Вер – 1, Антонин Пий – 11, Фаустина Старшая – 6, Марк Аврелий – 10, Фаустина Младшая – 5, Луций Вер – 1. Определение Л.Д. Поболя. Хр.: Брестский краеведческий музей, № 10538 (48 экз.); Минск, фонды сектора археологии ИИ АН БССР (64 экз.) (Газ. «Правда», 23 августа 1974 г., № 235 (20474); приложение к газ. «Неделя», 3.VIII.1974 г.; сообщение Л.Д. Поболя).

2170. Любошва, бывший Барановичская обл., 30-е гг. XX в. И.И. Стабровский на выгоне близ деревни нашел два денария I в. н.э. Хр.: РМА (?) (НЭ, VI, 1966: 95, № 177 (1890); сообщение В.Н. Рябцевича).

2171. Пирковичи, Дрогичинский р-н, не позже 1939 г. Золотая монета Траяна. (Cynkolowski 1961: 133, № 61; НЭ, VI, 1966: 95, № 178 (1891)).

2172. Ровбицы, Пружанский р-н, 1970 г. Близ деревни на дороге найден сестерций Нервы. Хр.: Брест, краеведческий музей, № 9077. (Не издан, сообщение М.И. Алексеюка).

2173. Чахец, Пружанский р-н, не позже 1838 г. Близ деревни найден клад римских монет (ЦГИАЛ, ф. 1281. (Сообщение В.Н. Рябцевича); НЭ, VI, 1966: 95, № 179 (1892)).

Витебская область

2174. Друя, Миорский р-н, не позже 1939 г. На песчаном холме на левом берегу р. Двины найден денарий Домициана 82 г. В 3,07. Хр.: Лодзь, MAEL-N-A, № 148. (Поболь 1971: 234, рис. 7, 5).

2175. Прудники. Миорский р-н, не позже 1971 г. Денарий Адриана (Поболь 1971: 234, рис. 7, 2).

Гомельская область

2176. Мозырь, 1951 г. Бронзовая монета Гордиана III, чеканенная в г. Анхиале. Av.: бюст Гордиана III и Транквиллины. Rev.: богиня согласия с патерой и рогом изобилия. Определение Д.Н. Беловой. Хр.: Мозырский историко-краеведческий музей. (НЭ, VI, 1966: 95, № 180 (1893)).

Гродненская область

2177. Берестовица, Берестовицкий р-н, 1970 г. Близ деревни найден клад римских монет. Хр.: Минск. (Не издан, сообщение Л.Д. Поболя).

2178. Косино, Волковысский р-н, 1894 г. Близ деревни найдена серебряная монета Антония (?). (Гродненский исторический архив, ф. 14, оп. I, д. 361 за 1894 г. , л. 258 (Сообщение В.Н. Рябцевича); НЭ, VI, 1966: 95, № 181 (1894)).

Могилевская область

2179. Адаменка, Быховский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Л.Д. Поболя на поселении в урочище Абидня найдена медная монета – дупондий Геты, чеканенный в г. Августа-Траяна во Фракии. В 15,127; Д 30. Определение Л.Н. Беловой. Хр.: Могилевский краеведческий музей. (Поболь 1963; там же 1971: 236, рис. 7,1; НЭ, VI, 1966: 95, № 182 (1895)).

Литовская ССР

2180. Бандужяй, Клайпедский р-н, 1974 г. В погребении обнаружены три сестерция: Фаустины Младшей – 1, Коммода – 1, времени Антонинов – 1. (Michelbertas 1978: 87:72).

2181. Бержорас, Плунгесский р-н, 1968 г. Сестерций Антонина Пия – BMC, IV, pl. 72,4. Д 30. (Michelbertas 1978: 89:75).

2182. Битягала, Расейнский р-н, не позже 1978 г. Сестерций Нерона. (Michelbertas 1978: 89:76).

2183. Вайтекунай, Радвилишкисский р-н, 1977 г. В мужском погребении № 13 найдено 13 бронзовых монет: дупондий Антонина Пия – 1, сестерции: Антонина Пия – 1, Марка Аврелия – 2, Фаустины Младшей – 1, Александра Севера – 2, Юлии Мамеи – 2, Максимина I – 1 экз. (Варнас 1978: 431; Varnas 1978: 141).

2184. Варняй, Тельшяйский р-н, 1928 г. Три денария: времени республики – 1, Адриан – 1, Антонин Пий – 1 экз. (Michelbertas 1978: 89:65).

2185. Вежайчай, Шилутский р-н, 1953 г. В глиняном сосуде найден клад римских монет в количестве 45 экз. Хр.: частное собрание. (НЭ, VI, 1966: 95, № 183 (1896)).

2186. Гинтарай, Кретингский р-н, 1978 г. При раскопках могильника, в погребении № 9 найдены три сестерция: Антонина Пия – 1, Марка Аврелия – 2 экз. Определение М. Михельбертаса. (Михельбертас 1979: 459).

2187. Гипенай, Зарасайский р-н, 1930 г. Римская монета, не определена. Хр.: Каунас, исторический музей. (Не издано, сообщение М. Михельбертаса).

2188. Даукшайчяй, Клайпедский р-н, 1976 г. На территории могильника обнаружен сестерций Марка Аврелия. (Michelbertas 1978: 87:73).

2189. Дрежай, Клайпедский р-н, 1892 г. В разрушенном могильнике обнаружено два римских сестерция очень плохой сохранности. Хр.: Шилуте, краеведческий музей. (Не изданы, сообщение М. Михельбертаса).

2190. Йокубайчяй, Шилальский р-н, 1957 г. Посмертный сестерций Фаустины Младшей – BMC, IV, pl. 86,3. В 22,27; Д 27. Определение М. Михельбертаса. (Michelbertas 1978: 89-90:79, рис. 1).

2191. Казитишкис, Игналинский р-н, 1929 г. В окрестностях села найдена монета Марка Аврелия. (Газ. «Lietuvos aidas», № 211(695), 17 сентября 1929 г.; № 214(698), 20 сентября 1949 г.; Michelbertas 1961: 28:15; НЭ, VI, 1966: 96, № 184 (1897)).

2192. Каунас, 1959 г. На проспекте Раудоносес Арминос во дворе дома № 106 во время рытья ямы для фундаментов в глиняном горшке был обнаружен клад римских монет в количестве 14-15 экз.; 13 из них определены: Викторина – 1, Тетрика I – 1, Тетрика сына – 1, Проба – 1, Нумериана – 1, Карина – 1, Аллекта – 1 (чеканен в Лондоне), Галерия – 2, Криспа – 1 (чеканен в Трире), Константа I – 1, Гонория – 2. (чеканены в Никомедии). Определение М. Михельбертаса. Хр.: Каунас, ГИМ, инв. № 2215А-2227А. (Michelbertas 1966: 49-57).

2193. Каунас (Вершвай), 1938 г. Клад римских сестерциев: Траян – 2, Сабина – 1, Фаустина Старшая – 2, Марк Аврелий – 2. (Michelbertas 1978: 85:71).

2194. Кашетос, Варенский р-н, не позже 1928 г. Бронзовая монета Валентиниана (I или II) (Moora 1938: 583, прим. 4; Tarasenka 1928: 152; Michelbertas 1961: 27:14; НЭ, VI, 1966: 96, № 185 (1898)).

2195. Киошяй, Шилутский р-н, не позже 1931 г. В музей Клайпедского края в 1931 г. из разрушенного могильника поступила неопределенная римская монета. (Не издана, сообщение М. Михельбертаса).

2196. Лаздининкай, Кретингский р-н, 1976 г. При археологических раскопках могильника найдено 11 бронзовых римских монет, среди них: Фаустина Младшая – 2, Луцилла – 1, Марк Аврелий – 1, Александр Север – 1, первая половина III в. н.э. – 3, неопределенные – 3. Определение М. Михельбертаса. (Michelbertas 1978: 85-87:28; Пактаускас 1977: 429).

2197. Лилейкекай, Шилальский р-н, около 1912 г. На берегу р. Юра, недалеко. городища Лилейкенай обнаружен клад в составе 5-6 римских монет; 2 монеты медные, остальные серебряные. Одна медная монета Антонина Пия из данного клада находится в частном собрании Ю. Рекашюса; остальные утрачены. (Не издано, сообщение М. Михельбертаса).

2198. Наркунай, Утенский р-н, 1978 г. Римская монета II в. н.э. (Волкайте-Куликаускене 1979: 452).

2199. Неменчине, Вильнюсский р-н, 1938 г. Фоллис Константина I, чеканенный в Лугдуне. В 4,687. Хр.: Лодзь, археологический музей (Michelbertas 1978: 90:80; Gupieniec 1954: 45, tabl. XIV, 8).

2200. Новаволе, Вилкавишский р-н, не позже 1938 г. Монета Адриана. (Moora 1938: 582; Кропоткин 1951: 272:422; НЭ, VI, 1966: 96, № 186 (1899)).

2201. Норейшяй, Кельмеский р-н, около 1943 г. На распаханном поле в глиняном горшке обнаружен клад медных римских монет в составе около 150 экз.; в 1962 г. пять сестерциев из клада поступило в музей, среди них: Адриана – 1, Антонина Пия – 1, Фаустины Стар-

шей (посмертной чеканки) – 1, неопределенные – 2 экз. Хр.: Шяуляй, историко-краеведческий музей. (Не издано, сообщение М. Михельбертаса).

2202. Паевонис-Кунигишкяй, Вилкавишский р-н, 1963 г. При исследовании городища обнаружен сестерций Коммода. Хр.: Вильнюс, ИЭМ. (Не издана, сообщение М. Михельбертаса).

2203. Паланга, не позже 1925 г. Бронзовая римская монета. (Tarasenka 1928: 201; Спицын 1925: 132).

2204. Паюрелис, Шилальский р-н, начало XX в. В разрушенном кургане обнаружена медная римская монета, не определена (Przybylski 1932 zesz. 1: 3).

2205. Пуня, Езнасский р-н, 1937 г. (?) Римские монеты IV в. н.э. (Газ. «Lietvos aidas», № 566(3781), 13 декабря 1937 г.; Michelbertas 1961: 31; НЭ, VI, 1966: 91, № 187 (1900)).

2206. Рамонишкес, Шяуляйский р-н, 1963-1969 гг. Монета Антонина Пия (?). Д 32. (Michelbertas 1978: 87:50).

2207. Саулажолай, Клайпедский р-н, 1953 г. Во время ремонта дороги Гаргждай-Кретинга в лепном горшке найден клад бронзовых монет в количестве 60-70 экз.; из них определены следующие сестерции: Траян – 3, Адриан – 3, Сабина – 1, Антонин Пий – 4, времени Антонинов – 2, Фаустина Старшая – 2, Марк Аврелий – 5 (одна чеканена в годы правления Антонина Пия), Фаустина Младшая – 3, Гета (с греческой легендой) – 1, неопределенные – 6 экз. Определение М. Михельбертаса. Хр.: Вильнюс, ИЭМ Литовской ССР – 50 экз., краеведческий музей в Рокишках – 1 экз. (Michelbertas 1964: 53-62; Michelbertas 1978: 84:53).

2208. Смалнинкай, Капсукский р-н, 1941 г. Клад медных римских монет в количестве 208 экз., из них определена только одна – Константин I, чеканенная в Антиохии. Д 19. (Michelbertas 1978: 85:70).

2209. Тубаусяй, Кретингский р-н, не позже 1961 г. В могильнике найдены римские монеты. (Michelbertas 1961: 29:40; НЭ, VI, 1966: 96, № 188 (1901)).

2210. Чибирикай, Шяуляйский р-н, не позже 1962 г. В разрушенном могильнике найден сестерций Марка Аврелия. Хр.: Тельшайский краеведческий музей (поступила в 1962 г.) (Не издан, сообщение М. Михельбертаса).

2211. Шернай, Клайпедский р-н, 1866 г. В долине р. Миния обнаружен медный асс (?) Гордиана III. (Bolin 1926: 226:87).

2212. Эйгуляй II, Каунасский р-н. Римская монета II в. н.э. (Michelbertas 1978: 89:74).

2213. Экете, Клайпедский р-н, 1972 г. На городище в 7-8 км севернее г. Клайпеды найдены два римских сестерция, один из них Луциллы – BMC, IV, pl. 77,15. В 16,97; Д 31. Определение М. Михельбертаса. (Michelbertas 1978: 89:77; АО 1972 г. М., 1973: 377).

2214. Яздай, Кретингский р-н, 1940 г. При археологических раскопках могильника найдена медная римская монета очень плохой сохранности. Хр.: Каунас, исторический музей им. М.К. Чюрлениса. (Michelbertas 1961: 27:11; НЭ, VI, 1966: 96, № 189 (1902)).

2215. Янаполе, Варняйский р-н, 1934 г. Клад бронзовых провинциальноримских монет III в. н.э., чеканенных в г. Никее в Вифинии (Малая Азия). Число монет в кладе точно не установлено (около 18 экз.). Определены монеты: Александр Север – 2, Юлия Мамея – 1, Максимин I – 1, Максим – 3, Гордиан III – 7, всего 14 экз. Определение М. Михельбертаса. Хр.: Тельшай, краеведческий музей, инв. № 3514-3527 (14 экз.) (Газ. «Lietuvos aidas», № 258 (2874), 6 июня 1936 г.; Michelbertas 1961: 27-10; НЭ, VI, 1966: 96, № 190 (1903); Михельбертас 1968: 66-70, табл. 1,1-14).

2216. Яучакяй, Каунасский р-н, 1927 г. Посмертный сестерций Фаустины Младшей – BMC, IV, pl. 86,6. Определение М. Михельбертаса. (Michelbertas 1978: 89:78).

Латвийская ССР

2217. Мартиньсала, о-в, 1969 г. При раскопках поселения в юго-западной части острова найдена римская монета Луциллы с ушком. (Мугуревич 1970: 337).

2218. Яунакена, Мадонский р-н, 1972 г. Близ хутора, в могильнике найдена римская монета II в. н.э. (Граудонис 1973: 385).

Эстонская ССР

2219. Юминда, Харьюский р-н, 1974 г. Весной 1974 г. при закладке фундамента найден клад римских сестерциев: Фаустина Старшая – BMC, IV: 377, pl. 52,4; Луцилла – BMC, IV: 673, № 1178, pl. 77,3; Марк Аврелий 167-168 гг. – BMC, IV: 602, № 1333, 1336, pl. 80,14; Марк Аврелий 174-175 гг. – BMC, IV: 637, № 1491, pl. 84,5. Определение В.М. Брабича. Хр.: Таллин, Институт истории АН ЭССР, № AI 4818. (Молвыгин 1976, № 1: 77-78, табл. XII, 1-4).

Азербайджанская ССР

2220. Хинислы, Шемахинский р-н, 1962 г. При раскопках Д. Халилова в погребении найден антониниан Филиппа Араба с отверстием для привешивания. Rev.: PAX AVGUSTI – Cohen, V^2: 105, № 112. Определение Е.А. Пахомова. Хр.: Баку, фонды ИА АН АзССР. (Пахомов X, № 2193).

2221. Чухур-Кабала, Куткашенский р-н, 1963 г. Близ крепости Кабала, в 20 км. г. Куткашена найден клад серебряных монет I-III вв. н.э. в количестве около 200 экз., определены парфянские драхмы Готарза II и Вологеза III, римские денарии Отона, Веспасиана, Траяна, Адриана, сасанидские драхмы Варахрана II. Клад в основном состоит из сасанидских драхм, вероятно, он был зарыт в конце III в. н.э. Определение А. Раджабли. Хр.: Баку, ГМАз ССР. (Раджабли 1964; там же 1965: 166-167; НЭ, VI, 1966:

96, № 193 (1906); Голенко, Раджабли 1975: 88, 22).

2222. Чухур-Кабала, Куткашенский р-н, 1978 г. При раскопках на городище Кабала найдены 4 монеты: золотое колхидское подражание статеру Александра Македонского или Лисимаха; серебряное подражание драхме Александра Македонского; римский республиканский денарий Юлия Цезаря, чекан Галлии, 50-49 гг. до н.э. – Grueber, BMC, II: 390, № 27, pl. CIII, 5. Д 17,5-18,5; римский республиканский денарий – монетарий Публий Клодий (P.CLODIVS M.F.) 38 г. до н.э. – Grueber, BMC, I: 586, № 4290, pl. LVIII, 5. Д 18-19. Определение А. Раджабли и Н.А. Фроловой. Хр.: Баку, ГМАз ССР. (Ахмедов, Бабаев, Гусейнов 1979: 510).

2223. Ялойлу-тапа, Куткашенский р-н, 1926 г. При археологических раскопках Д.М. Шарифова в урочище Ялойлу-тапа в погребении были обнаружены две монеты: римский республиканский денарий – монетарий К. Вибий-С (aius) VIBIUS – чеканенный около 43 г. до н.э. – Babelon II: 544, № 16. В 2,74; Д 17,5-19; подражание селевкидским драхмам. В 1,78; Д 26,5-27. Определение Е.А. Пахомова. (Пахомов IX, № 2081; НЭ, VI, 1966: 96, № 194 (1907)).

Нагорно-Карабахская АО

2224. Ягджи, Мардакертский р-н, 1959 г. Клад серебряных монет, из которого удалось определить денарий Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл. – 1. Определение Е.А. Пахомова. Хр.: Баку, ГМАзССР. (Пахомов X, № 2192).

Армянская ССР

2225. Ахаванадзор, Азизбековский р-н, 1956 г. В мае 1956 г. найден республиканский денарий Юлия Цезаря – Babelon II: 10, № 9. В 3,35; Д 17,0. Определение автора. Хр.: ГМА, инв. № 17433. (Сообщение Мушегяна; НЭ, VI, 1966: 96, № 175 (1908)).

2226. Гямриз, Абовянский р-н, не позже 1939 г. Солид Феодосия II, чеканенный в Константинополе – Толстой, I: 72, № 40 (вар.). В 4,30. Определение Е.А. Пахомова. Хр.: ГМА, инв. № 14520. (Пахомов VI, 36:1572; Мушегян 1962: 35, прим. 2).

2227. Ереван, 1952-1953 гг. Римский республиканский денарий – монетарий Квинт Минуций Терм (Q.Minucius Thermus), – чеканенный около 90 г. до н.э. – Babelon II: 235, № 19. Rev.: Q(uintus) THERM(us) M(arsi) F(ilius). В 3,70; Д 20,0. Определение автора. Хр.: ГМА, инв. № 17342 (поступила 22 июня 1954 г. А.А. Авагян) (Сообщение Х.А.Мушегяна; НЭ, VI, 1966: 96, № 196 (1909)).

2228. Ленинакан, не позже 1953 г. Две позднеримские медные монеты плохой сохранности, одна из них чеканена в Фессалониках (?). В 2,30 и 2,35; Д 18 и 19. Определение автора. Хр.: ГМА, инв. № 17330(3-4), поступили 6 августа 1953 г.. М.К. Эскичан. (Сообщение Х.А. Мушегяна; НЭ, VI, 1966: 96, № 197 (1910)).

2229. Наримановка, не позже 1954 г. Римский республиканский денарий – монетарий Q. ANTO(NIVS) BALB(VS). Babelon, I: 150. В 3,80; Д 19. Определение автора. Хр.: ГМА, инв. № 17334 (поступил из археологического отдела 3 февраля 1954 г.) (Сообщение Х.А. Мушегяна; НЭ, VI, 1966: 96, № 198 (1911)).

2230. Оханнаванк, Аштаракский р-н, 1951 г. Золотая монета Льва I, чеканенная в Константинополе (?). Хр.: ГМА, инв. № 17168. (Мушегян 1962: 35, прим. 2).

2231. Товуз, Шамшадинский р-н, 1955 г. Республиканский денарий Марка Антония 31 г. до н.э. – Babelon, II: 202, № 122. В 3,35; Д 17. Определение автора. Хр.: ГМА, инв. № 17431/5 (поступил в 1957 г. М. Овакяна) (Сообщение Х.А. Мушегяна; НЭ, VI, 1966: 97, № 199 (1912)).

Грузинская ССР

2232. Агаяни, Каспский р-н, 1975 г. При раскопках могильника в погребении № 28 найдены 2 серебрянные монеты: Фраат IV – 1, денарий Августа – 1. Хр.: ГМГ. (Бохочадзе 1979: 45).

2233. Андроцминда, Ахалкалакский р-н, 1948 г. В июне 1948 г. на кладбище колхозники нашли золотую монету Льва I. Хр.: Ахалцихский краеведческий музей. (Абрамишвили 1963: 162, № 11; НЭ, VI, 1966: 97, № 200 (1913)).

2234. Бори, Зестафонский р-н, 1907 г. При раскопках Е.С. Такайшвили были найдены три драхмы Готарза II и шестнадцать денариев Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл (Пахомов I: 40, № 33; Зограф 1945: 70, № 130; Голенко 1964: 84, № 70; НЭ, VI, 1966: 97, № 201 (1914)).

2235. Дило-Лало, Маяковский р-н, не позже 1964 г. В погребении вместе с драхмой Готарза найден денарий Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл. Хр.: ГМГ. (Голенко 1964: 83, № 68 (Сообщение Д.Г. Капанадзе); НЭ, VI, 1966: 97, № 203 (1915)).

2236. Живали, Душетский р-н, 1977 г. В позднеантичном могильнике обнаружены монеты Августа и Артабана II. (Рамишвили 1978: 489).

2237. Казрети, Болнисский р-н, 1945 г. В феврале 1945 г. на берегу реки при земляных работах найден солид Льва I. Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: частное собрание (Абрамишвили 1963: 162, № 9; НЭ, VI, 1966: 97, № 204 (1916)).

2238. Коршакило, Дманисский р-н, 1948 г. В июне 1948 г. колхозник во время полевых раб близ селения нашел солид Пульхерии, супруги Маркиана. Определение Т.Я. Абрамишвили. (Абрамишвили 1963: 162, № 6; НЭ, VI, 1966: 97, № 205 (1917)).

2239. Лечхуми, Цагерский р-н, не позже 1959 г. При раскопках могильника найдены два грубых подражания денариям Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: ГМГ. (Голенко 1964: 82:65 (Сообщение Д.Г. Капанадзе)).

2240. Матавера, Дманисский р-н, 1973 г. Близ села, в ущелье р.Матавера найдена медная монета Диоклетиана. Определение Г.Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Джапаридзе, Амиранашвили, Мелитаури 1974: 66).

2241. Могвтакари, Мцхетский р-н, 1977 г. В могильнике I-III вв. н.э. обнаружены денарии Августа и драхмн Готарза. Хр.:ГМГ. (Апакидзе 1978: 473).

2242. Мцхета, Мцхетский р-н, 1951 г. На ул. Джапаридзе, № 9 найдены: драхма Готарза и три денария Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл. Хр.: ГМГ. (Пахомов VIII: 13:1918 (Сообщение Д.Г. Капанадзе); Кропоткин 1961: 111:1730).

2243. Сачхере, Сачхерский р-н, 1970 г. При раскопках могильника найдены солиды Константина I и Константина II. Хр.: ГМГ. (Надирадзе 1971: 186).

2244. Урбниси, Карельский р-н, 1954 г. Летом найден солид Феодосия II. Хр.: Гори, краеведческий музей. (Абрамишвили 1963: 162, № 5; НЭ, VI, 1966: 98, № 214 (1925)).

2245. Уреки, Махарадзевский р-н, 1948 г. В погребении найдено несколько серебряных монет, среди них – дидрахма Адриана, чеканенная в Кесарии Каппадокийской. Хр.: Махарадзе, краеведческий музей. (Пахомов VIII: 13:1919; Хоштария 1955: 59; Кропоткин 1961: 111:1732).

2246. Уреки, Махарадзевский р-н, 1949 г. При археологических раскопках Н.В. Хоштария в феврале 1949 г. найдена серебряная монета Септимия Севера. (Хоштария 1955: 59; Пахомов VIII: 13:1921; Кропоткин 1961: 111:1733).

2247. Хидистави, Горийский р-н, 1947 г. Летом 1947 г. около железнодорожной платформы найден семисс Льва I. Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: ГМГ, инв. № 5130. (Абрамишвили 1963: 162, № 10; НЭ, VI, 1966: 98, № 215 (1926)).

2248. Цинандали, Телавский р-н, около 1950 г. При перекопе земли найден солид Феодосия II. Хр.: Телави, краеведческий музей. (Абрамишвили 1963: 162, № 4; НЭ, VI, 1966: 98, № 218 (1929)).

2249. Эки, Цхакаевский р-н, 1971 г. В конце января 1971 г. житель села Т.И. Нинуа при земляных работах на усадьбе нашел в глиняном сосуде клад, состоявший из 907 серебряных монет различного номинала: денарии – 131, драхмы – 5, дидрахмы – 771 экз. В составе клада определены следующие монеты: парфянская драхма Орода I – 1, Нерва – 1 (чеканена в Кесарии), Траян – 2 (чеканены в Кесарии), Адриан – 712 (чеканены в Кесарии), Антонин Пий – 55 (чеканены в Кесарии), Луций Вер – 1 (чеканена в Кесарии), Коммод – 1 (чеканена в Риме), Пертинакс – 5 (чеканены в Риме), Песценний Нигер – 1 (чеканена в Риме), Септимий Север – 101 (чеканены: Рим – 12, восточный монетный двор – 84, Александрия – 5), Юлия Домна – 15 (чеканены: Рим – 5, Кесария – 1, восточный монетный двор – 9), Каракалла – 3 (чеканены: Рим – 2, Кесария – 1), Гета – 2 экз. (чеканены: Кесария – 1, Рим или Антиохия – 1), Элагабал – 1 (подражание кесарийской драхме), Александр Север – 6 (рим – 1, восточный монетный двор – 5), всего 907 экз. Монеты клада чеканены на следующих монетных дворах: Рим – 27, Кесария Каппадокийская – 774, Александрия (?) – 5, Рим или Антиохия – 1, восточный монетный двор – 98, парфянская драхма – 1, подражание кесарийской драхме – 1 экз. Младшая монета в составе клада чеканена. имени Александра Севера в 222 г. н.э. Определение Г.Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Дундуа 1977: 64-67; там же 1979: 14-16, табл. 1-23).

Абхазская АССР

2250. Новый Афон, Гудаутский р-н, 1935 г. На территории Псырцкого совхоза за Иверской горой 6 сентября 1935 г. Н. Адзинба нашел антониниан Требониана Галла – Coh., V: 245, № 67. В 4,0; Д 22,5. Определение автора. Хр.: ГМ Абхазии, № 58 (Голенко 1964: 80, № 58; НЭ, VI, 1966: 97, № 20 (1918)).

2251. Пицунда, Гагрский горсовет, 1954-1960 гг. При археологических раскопках А.М. Апакидзе на городище были найдены следующие монеты: 1) четыре драхмы Септимия Севера, две драхмы Юлии Домны, одна драхма Гордиана III, одна дидрахма и 1 драхма неопределенные, чеканенные в Кесарии Каппадокийской; 2) две кесарийские монеты: Юлии Мезы и Гордиана III; 3) квазиавтономная монета с изображением Гомера, чеканенная в г. Амастрии; 4) монеты: Луций Вер – 1, Коммод – 7, Юлия Домна – 3, Каракалла и Гета – 1, Каракалла – 7, Гордиан III – 5, неопределенные – 7 экз., чеканенные в г. Трапезунде; 5) римские и ранневизантийские монета: Август – 1, Юлия Меза – 1, Филипп Араб – 1, Филипп Младший – 1, Волусиан – 1, Галлиен – 7, Корнелия Салонина – 2, Клавдий II Готский – 5, Аврелиан – 9, Севериана – 2, Тацит – 1, Проб – 4 экз., неопределенные III в. – 28, Диоклетиан – 8, Констанций Хлор – 3, Галерий Максимиан – 1, Галерия (Валерия) – 1, Максимин Даза – 1, Константин II – 4, Констанций Галл – 2, Констанций II – 7, неопределенные конца III-IV вв. н.э, – 12, Валентиниан II – 2, неопределенные IV-V вв. н.э. – 48, совершенно стертые – 105 экз. Хр.: ГМГ. (Голенко 1964: 63,64, №14: 72, № 36: 74, № 43: 78-79, № 57; НЭ, VI, 1966: 97, № 207 (1919)).

2252. Пицунда, Гагрский горсовет, 1951-1971 гг. При раскопках Питиунта обнаружено два медных подражания римским денариям с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа III группы). В 1,21 и 2,03; Д 17-18, 17-19. Определение Г. Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Дундуа 1975: 352-355, 417, табл. II, № 28; табл. 85, № 4037).

2253. Пицунда, Гагрский горсовет, 1962 г.

При археологических раскопках на городище древнего Питиунта найден клад римских бронзовых монет IV в. н.э. в количестве 310 экз.: Константин I – 13 экз. (монетные дворы: Константинополь – 2, Антиохия – 2, Сиския – 2, Александрия – 1, Никомедия – 2, неопределенные монетные дворы – 4 экз.), Константин I, посмертная чеканка – 52 экз. (монетные дворы: Константинополь – 3, Антиохия – 12, Александрия – 2, Никомедия – 10, Кизик – 5, неопределенные монетные дворы – 20 экз.), Елена; супруга Константина I – 4 (неопределенные монетные дворы), Константин II – 6 (монетные дворы; Константинополь – 1, Антиохия – 3, Кизик – 1; неопределенный монетный двор – 1 экз.), Констант I – 48 (монетные дворы: Константинополь – 5, Кизик – 13, неопределенные монетные дворы – 16 экз.), Констанций II – 79 (монетные дворы: Константинополь – 4, Антиохия – 27, Сиския – 3, Александрия – 4, Никомедия – 3, Кизик – 11, неопределенные монетные дворы – 27 экз.), Констанций II или Констант I – 108 (монетные дворы: Константинополь – 5, Антиохия – 25, Никомедия – 17, Кизик – 9, неопределенные монетные дворы – 52 экз.), всего 310 экз. Определение Г. Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Дундуа 1975: 426-427, табл. V-VI; НЭ, VI, 1966: 98, № 209 (1920)).

2254. Сухуми, 1952 г. При археологических раскопках М.М. Трапша найдена монета Элагабала, чеканенная в Кесарии Каппадокийской. (Пахомов VIII: 13:1920; CA, XXIII: 209, 211, 225; Кропоткин 1961: 111:1731).

2255. Сухуми, 1959 г. При раскопках крепости найден антониниан Нумериана, антиохийского чекана – RIC, V^2: 202, № 466. (Голенко 1964: 80, № 60 (Сообщение Л.А. Шервашидзе); НЭ, VI, 1966: 98, № 213 (1924)).

2256. Цебельда, Гульрипшский р-н, не позже 1942 г. Дидрахма Адриана, чеканенная в Кесарии Каппадокийской – Syd., № 280. В 5,90. Хр.: ГМ Абхазии, инв. № 53 (поступила 14 февраля 1942 г.) (Голенко 1964: 66:18; НЭ, VI, 1966: 98 (1927)).

2257. Цебельда, Гульрипшский р-н, 1954-1976 гг. При раскопках Цибилиумского могильника найдены монеты: погребение 1 – кесарийская драхма Септимия Севера; погребение 2 – кесарийская драхма Септимия Севера; погребение 9 – кесарийская драхма Септимия Севера; погребение 3 – неопределенная кесарийская драхма; погребение 4 – неопределенная кесарийская драхма; погребение 10 – неопределенная кесарийская драхма; погребение 14 – кесарийская драхма Юлии Домны 206 г.; погребение 15 – кесарийская драхма Траяна, 112-117 гг. Хр.: ГМ Абхазии. (Воронов, Юшин 1979: 181 и сл).

2258. Цебельда, Гульрипшский р-н, 1954-1978 гг. При раскопках Шапкинского могильника найдены монеты: Юстинианов холм, погребение 5 – кесарийская дидрахма Адриана, 120-121 гг.; Церковный холм, погребение 1 – кесарийская дидрахма Адриана, 120-121 гг.; Юстинианов холм, погребение 4 – кесарийская дидрахма Траяна, 112-117 гг.; Грушевый холм, погребение 46 – кесарийская дидрахма Адриана, 120-121 гг.; Грушевый холм, погребение 12 – кесарийские гемидрахма Адриана, 120-121 гг. и драхма Антонина Пия, 139 г.; Верин холм, погребение 14 – кесарийская драхма Юлии Домны, 206 г. Апианча, погребение 13 – кесарийская дидрахма Каракаллы. (Воронов, Юшин 1979: 181-198).

Юго-Осетинская АО

2259. Аркнети, Знаурский р-н, 1975 г. При археологических раскопках могильника найдены парфянские, аршакидские и римские монеты: 1. Погребение № 1 – денарий Августа – 1 (BMC I: 89, № 519 и сл.). 2. Погребение № 2 – денарии Августа – 2 (BMC I: 89, № 519 и сл.). 3. Погребение № 5. Денарии Августа – 2 (BMC I: 89, № 512 и сл.). В могильнике найдены также: парфянские драхмы Орода 1-12, Фраата IV – 1, аршакидская драхма Готарза 1-6 экз. Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. (Сланов 1979: 77).

2260. Монастери, Цхинвальский р-н, 1976-1977 г. При археологических раскопках могильника найдены римские монеты: 1) погребение № 11 – денарий Августа – 1 (BMC I: 89, № 519 и сл.); 2) погребение № 12 – денарий Августа – 1 (BMC I: 89, № 519 и сл.); 3) погребение № 17 – римская неопределенная монета (с именем Тиберия?) – 1. Определение Б.В. Техова. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. (Не изданы, сообщение Б.В. Техова).

2261. Сохта, Джавский р-н, 1974 г. При археологических раскопках могильника найдены парфянские и римские монеты: 1) погребение № 6 – денарий Августа и драхма Готарза; 2) погребение № 15 – денарий Августа и драхмы Орода I – 2 экз.; 3) погребение № 21 – денарий Августа – 1 экз. (BMC I: 89, № 519 и сл.). Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. Т.Я. Абрамишвили, А.Х. Сланов. Монеты античного времени из Сохтинского могильника. – Известия ЮОНИИ АН ГССР, вып. XXI. Тбилиси, 1977: 20 сл., табл., рис. 1: 1, 3, 8).

2262. Сохта, Джавский р-н, 1977 г. При раскопках могильника найден римский денарий Августа – 1 (BMC I: 89, № 519 и сл.). Определение А.Х. Сланова. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. (Сланов 1978: 490).

2263. Стырфаз, Джавский р-н, 1955 г. При раскопках Стырфазского могильника найдены монеты: республиканский денарий Марка Антония с изображением галеры. В 3,48; Д 15; денарий Августа – BMC I: 89, № 519 и сл. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей (Техов 1956: 153 и сл.; НЭ, VI, 1966: 98, № 210(1921); Пахомов X, № 2190-2191).

2264. Стырфаз, Джавский р-н, 1964 г. При раскопках могильника в погребении № 12 найден денарий Августа – BMC I: 89, № 519 и сл. Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. (Не издана, сообщение Б.В. Техова).

2265. Стырфаз, Джавский р-н, 1974-1975 гг. При раскопках могильника найден денарий Августа – BMC I: 89, № 519 и сл. – 1. Определение Т.Я. Абрамишвили. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. (Не издан, сообщение А.Х. Сланова).

Таджикская ССР
Ленинабадская область

2266. Муджум, Ганчинский р-н, начало 1930-х гг. При строительных работах найден клад римских денариев в количестве около 300 экз. Житель кишлака Муджум доставил клад врачу А.А. Тарпи, который отобрал 21 денарий, по одному экземпляру разных типов, но две монеты впоследствии затерялись: Веспасиан – 1, Траян – 1, Адриан – 3, Фаустина Старшая – 1, Антонин Пий – 3, Марк Аврелий – 2, Криспина – 1, Коммод 186 г. н.э. – (BMC IV: 725, № 202, pl. 96,4) – 1 экз., всего 19 экз. Определение Е.В. Зеймаля. Хр.: собрание А.А. Тарпи (г. Душанбе) (Зеймаль 1962: 141-146; НЭ, VI, 1966: 98, № 219 (1930)).

Узбекская ССР
Кара-Калпакская АССР

2267. Беруни, Берунийский р-н, не позже 1959 г. На городище Пиль-Кала III-IV вв. н.э., недалеко от г. Ургенча, найден клад римских монет, из которого определена одна бронзовая монета Константина I – Coh., VII^2: 253, № 223. Определение автора. Хр.: ИИЯЛИ Кара-Калпакского филиала АН Узбекской ССР, инв. № 106 (НЭ, VI, 1966: 98-99, № 220 (1931)).

Находки неизвестного происхождения

2268. Эрмитажный клад, не позже 1803 г. В каталоге, составленном К.Келлером, между 1798-1803 гг. под № 177-180 записаны золотые монеты Константина I, чеканенные в Константинополе, всего 79 экз. Хр.: ГЭ. (НЭ, VI, 1966: 99, № 221 (1932)).

2269. Украина (?), не позже 1870 г. В 1870 г. в нумизматический кабинет университета св.Владимира поступил клад римских денариев: Нерва – 1, Траян – 2, Адриан – 6, Элий Вер – 2, Фаустина Старшая – 1, Фаустина Младшая – 15, Луцилла – 5, Криспина – 4, неопределенных – 3, всего 39 экз. По списку проф. В. Иконникова одна монета записана как «монета Севера» – подражание римскому денарию Луция Вера или Марка Аврелия. Хр.: КГИМ, № 7233-7271. (Антонович О.М., № 2514а).

2270. Украина (?), не позже 1914 г. Клад римских денариев в количестве 36 экз.: Веспасиан – 1, Адриан – 3, Антоний Пий – 10, Фаустина Старшая – 1, Марк Аврелий – 20 экз., в составе клада обнаружена драхма Домициана, чеканенная в Ликии в 92-96 гг. н.э. Av.: голова императора вправо, в лавровом венке; DOMITIANOC CEBACTOC TEMP. Rev.: две лиры, между ними кадуцей, легенда: ET(OVS) (V) ATOV IZ. Определение С.В. Коршенко. Хр.: КГИМ (собрание В.В. Хвойки) (Коршенко II, л. 45-46, § 84).

2271. Южная Россия (?), не позже 1869 г. Золотая монета Веспасиана. Хр.: собрание войскового старшины Терского казачьего войска Рябова (ДАК 1869, № 12, л. 2).

2272. Украина (?). Подражание римской золотой монете III в. н.э (?) пробита. Хр.: частное собрание. (Не издана, сообщение В.А. Анохина).

Дополнение II

РСФСР
Краснодарский край

2273. Темрюкский р-н, не позже 1970 г. Подражание римскому денарию с изображением идущего Марса с копьем (северокавказского типа, III группы). В 2,44; Д 20-20,5. Определение автора. Хр.: ГМИИ. (Не издано, сообщение В.К. Голенко).

Украинская ССР
Крымская область

2274. Керчь, 1964 г. При раскопках найдена монета Гордиана III, чеканенная в Гераклее Понтийской в Вифинии – Rec., 1,2: 378, № 222, pl. II, b. Определение К.В. Голенко. Хр.: Керченский историко-археологический музей. (Голенко 1970: 95, № 11).

Львовская область

2275. Словита, Золочевский р-н, 1975 г. При выравнивании дороги близ села бульдозерист Я. Киндрат обнаружил клад римских денариев I-II вв. н.э. – более 500 экз. Хр.: Золочев, краеведческий музей (Газ. «Труд», 25 февраля 1975 г.).

Николаевская область

2276. Парутино, Очаковский р-н, не позже 1935 г. На городище Ольвии найдены три римские монеты: Фаустина Младшая – Coh., III: 136, № 3; Лициний Старший – Coh., VII: 218, № 34; Лициний Старший – Coh., VII: 219, № 47 (Koske 1935: 19-23).

2277. Парутино, Очаковский р-н, не позже 1967 г. На городище Ольвии обнаружено около 40 римских серебряных и медных монет I-IV вв. н.э., в том числе монеты Константина I. Хр.: собрание С.В. Страшного (Очаков) (Не изданы, сообщение С.В. Страшного).

2278. Тилигуло-Березанка, Николаевский р-н, не позже 1965 г. Близ села найден денарий

Веспасиана. Хр.: частное собрание. (Сымонович ИА АН СССР, Р-І, № 3408, л. 42).

Одесская область

2279. Белгород Днестровский, Белгород-Днестровский р-н, 1969 г. При раскопках городища найдены римские монеты: антониниан Филиппа Араба 245 г. – Coh.,V: 107, № 120. В 3,69; Д 19,4; антониниан Диоклетиана, чеканенный в Гераклее или Никомедии (?) – Coh.,VI^2: 419, № 34. В 1,77; Д 19,3. Хр.: ОГАМ, инв. № 53310, 53311 (Карышковский, Коциевский 1979: 97, 98, № 106, 118).

2280. Белгород-Днестровский, 1970 г. При раскопках на Центральном раскопе найдена медная монета времени Юлиев-Клавдиев (14-68 гг. н.э.), чеканенная в одном из городов балканских или малоазийских провинций Римской империи. В 4,18; Д 22-24. Хр.: ОГАМ, инв. № 53477. (Карышковский, Коциевский 1979: 97, № 113).

2281. Белгород-Днестровский, 1970 г. При раскопках на Центральной раскопе найдены денарии: Веспасиан, 72-75 гг. н.э. – Coh., I: 397, № 387. В 2,56; Д 18; Септимий Север (?) – Coh., IV: 40, № 359. В 2,60; Д 17. Хр.: ОГАМ, инв. № 53451, 53452. (Карышковский, Коциевский 1979: 96, № 91, 97).

2282. Белгород-Днестровский, 1971 г. При раскопках на Центральном раскопе найдены римские монеты: 1) денарий Траяна, 103-111 гг. н.э. – Coh, II: 25-27, № 63, 66, 68, 70, 75-77, 81, 82, 85, 87 (?). В 2,14. Д 18; 2) обломок антониниана. Филиппа Араба до Валериана (244-259 гг. н.э.). Д 15-17; 3) антониниан Галлиена – Coh., V: 467, № 1313. В 3,07. Д 20; 4) антониниан Галлиена (?). В 2,44. Д 19; 5) медная монета Септимия Севера, чеканенная в Никополе на Истре – Pick, 1898: 380. № 1382-1383. В 2,64; Д 15. Хр.: ОГАМ, инв. № 53486, 53487, 53489, 53491, 53499. (Карышковский, Коциевский 1979: 96,97, № 93, 108, 111, 112, 115).

2283. Белгород-Днестровский, 1972 г. При раскопках на Центральном раскопе найдена медная монета времени Антонинов, чеканенная в Фессалониках – Haed, 1899: 114, № 55-56. В 5,10; Д 20,5. Хр.: ОГАМ, инв. № 53543. (Карышковский, Коциевский 1979: 97, № 114).

2284. Белгород-Днестровский, 1973 г. При раскопках на Центральном раскопе найден обломок денария Септимия Севера (?). Д 16-17. Хр.: ОГАМ, инв. № 5Д571. (Карышковский, Коциевский 1979: 96, № 99).

2285. Белгород-Днестровский, 1974 г. При раскопках на Центральном раскопе найдены римские монеты: 1) антониниан Гордиана III 238-240 гг. н.э. – Coh., V: 40, № 186. В 2,25. Д 22; 2) обломок антониниана Гордиана III – Coh., V: 60, № 353. Д 17-22; 3) обломок антониниана Гордиана III (?). Д 14-22; 4) обломок медной монеты времени Северов (193-235), чеканенной в одном из городов Нижней Мезии (?). Хр.: ОГАМ, инв. № 53585, 53592, 53594. (Карышковский, Коциевский 1979: 96, 97, № 103-105, 116).

2286. Белгород-Днестровский, 1975 г. При раскопках на Центральном раскопе найдены монеты: 1) асс Клавдия. I – 41 г. н.э. – Зограф 1957: 121, № 126, табл. IV, 2 с клеймом T P. В 6,66. Д 27; 2) асс Клавдия I того же типа. В 5,03. Д 26; 3) асс Клавдия I того же типа – Coh., I: 254, № 47. В 5,84. Д 29. 4) денарий Геты, 209-212 гг. н.э. – Coh., IV: 275, № 206-207. В 1,98. Д 19; 5) антониниан Гордиана III 238-239 гг. н.э. – Coh., V: 24, № 17. В 3,23. Д 22; 6) обломок антониниана Галлиена – Coh., V: 372, № 269. Д 19. Хр.: ОГАМ, инв. № 53641, 53642, 53643, 53657, 53659, 53660. (Карышковский, Коциевский 1979: 96, 97, № 87, 89, 90, 100, 102, 110).

2287. Белгород-Днестровский, 1976 г. При раскопках на Центральном раскопе найдены римские монеты: 1) сестерций Клавдия I – 41 г. н.э. – Зограф 1957: 121, № 125, табл. IV, I, клеймо TYP, DP, A (аверс), колос (реверс). В 12,22. Д 31; 2) асс Клавдия I – Зограф 1957: 121, № 126, табл. IV, 2, клеймо TYP. В 6,52. Д 26; 3) обломок субэратного денария Траяна или Адриана. Д 17,8. Хр.: ОГАМ, инв. № 53699, 53700, 53711. (Карышковский, Коциевский 1979: 96, № 86, 88, 94).

2288. Белгород-Днестровский, 1976 г. На Портовой ул. найден медный антониниан Диоклетиана, чеканенный в Кизике (?) – Coh., VI: 428, № 133 или 135. В 2,88. Д 22-24. (Карышковский, Коциевский 1979: 98, № 126).

2289. Новосветовка, Ширяевский р-н, 1977 г. В русле пересохшей реки близ села найдена бронзовая монета Валента, чеканенная в Сисции. В 2,40. Д 24-25. Определение П.О. Карышковского. Хр.: ОГАМ (Газ. «Правда Украины», 2 февраля 1977 г.).

Ровенская область

2290. Дубно, Дубновский р-н, не позже 1959 г. В урочище «Горбачка» найдена серебряная монета Адриана. (Брайчевський 1959: 162:519 (Сообщение директора Дубновского краеведческого музея М.И. Островского); Кропоткин 1961: 110:1714).

2291. Ровно, Ровенский р-н, не позже 1959 г. Римская монета. (Брайчевський 1959: 165:550 (Сообщение О. Молчанова); Кропоткин 1961: 110:1716).

Харьковская область

2292. Городное, Краснокутский р-н, не позже 1977 г. На берегу р. Мерла найдены позднеримские монеты: Максима – 2, Аркадия – 2 экз. Хр.: фонды историко-художественного музея в г. Пархомовка. (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова 1977: 105).

2293. Мерефа, Харьковский р-н, не позже 1977 г. Бронзовая римская монета. (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова 1977: 129).

Херсонская область

2294. Александровка, Белозерский р-н, 1978 г. При раскопках городища с каменной стеной и башней в урочище Скелька найден денарий Траяна. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. (ВИ 1979, № 1: 110; Бураков, Буйских 1979: 310).

Черновицкая область

2295. Банилов, Вижницкий р-н, не позже 1979 г. На поселении культуры карпатских курганов в урочище Ялинское ученик местной школы нашел денарий Луциллы. (Не издан, сообщение Б.А. Тимощука).

2296. Грозинцы, Хотинский р-н, не позже 1979 г. На поселении черняховской культуры в урочище «Между Фосами» найдена большая бронзовая римская монета (Антонина?). (Не издана, сообщение Б.А. Тимощука).

2297. Иванковцы, Кицманский р-н, не позже 1979 г. На поселении черняховской культуры в центре села найден денарий Траяна. (Не издан, сообщение Б.А. Тимощука).

2298. Круглик, Хотинский р-н, не позже 1979 г. На поселении черняховской культуры в урочище Башковцы найдены серебряные монеты: Траяна, Адриана, Константина (I или II). Хр.: частное собрание (Не изданы, сообщение Б.А. Тимощука).

2299. Новоселки, Кицманский р-н, не позже 1979 г. На поселении черняховской культуры в урочище Селище найдены монеты Траяна и Марка Аврелия. Хр.: школьное собрание (Не изданы, сообщение Б.А. Тимощука).

2300. Онут, Заставновский р-н, не позже 1979 г. На поселении черняховской культуры на берегу Днестра учитель нашел римские монеты Адриана и Луция Вера. (Не изданы, сообщение Б.А. Тимощука).

2301. Рокитное, Новоселицкий р-н, не позже 1979 г. Посмертный денарий Фаустины Старшей – BMC, IV: 60, № 421, pl. 9,15. В 2,23. Д 18. Определение автора. Хр.: фонды кабинета археологии Каменец-Подольского пединститута. (Не издан, сообщение И.С. Винокура).

2302. Романковцы, Сокирянский р-н, 1979 г. При раскопках могильника черняховской культуры, в погребении № 69 найден денарий Антонина Пия 145-161 гг. – BMC, IV: 83, № 585, pl. 12,14. Д 17-18. В 2,51. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР. (Не издан, сообщение Г.Ф. Никитиной).

Молдавская ССР

2303. Радуляны Старые, Флорештский р-н, 1955 г. Близ села найдена римская бронзовая монета Каракаллы (?) (Кропоткин 1961: 94:1344 (Сообщение Э.А. Рикмана); Нудельман 1976: 60:13).

Грузинская ССР

2304. Агаяни, Каспский р-н, 1974 г. В могильнике, в глиняном саркофаге с богатым инвентарем обнаружена золотая монета – подражание ауреусам Антонина Пия и Марка Аврелия, гибрид. Определение Г. Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Бохочадзе 1978: 477).

2305. Ахалкалаки, Ахалкалакский р-н, 1967 г. Солид Констанция II. Хр.: ГМГ, инв. № 12097. (Капанадзе 1970: 80, № 56).

2306. Вани, Ванский р-н, 1947-1975 гг. При археологических раскопках на городище найдены римские монеты: республиканский денарий 119-110 или 90-80 гг. до н.э. – Belloni 1960, № 595. В 3,41; республиканский квинарий – монетарий Гай Эгнатулей, сын Гая 102 г. до н.э. Grueber II: 164-165, №. 1076-1078, pl. XXXIX, 4. В 1,57. Д 14-18; республиканский денарий 64 г. до н.э. – Belloni 1960: 123, № 1164 – Зограф 1951: 90, табл. XX, 4. В 3,82. Д 17-18; денарий Марка Аврелия 165-166 гг.; драхма Каракаллы, чеканенная в Кесарии Каппадокийской в 197 г. Определение Г.Ф. Дундуа и Г.А. Лордкипанидзе. Хр.: ГМГ. (Дундуа, Лордкипанидзе 1977, № 42: 135; № 216: 151; № 14: 197, 200-201, табл. II, 20, 21).

2307. Згудери, Карельский р-н, 1964-1965 гг. При раскопках могильника найдены римские монеты: погребение 3 – ауреус Гордиана III, 240 г.; погребение 4 – ауреус Александра Севера 228 г.; погребение 7 – ауреусы: Домициана, 77-78 гг., Фаустины Старшей после 141 г. , Антонина Пия 150-151 гг., Коммода 190 г.; денарии: Августа 2 г. до н.э. – 11 г. н.э. – 28 экз., Фаустины Старшей после 141 г. Случайные находки: ауреусы: Марка Аврелия 175-176 гг., Каракаллы 198-199 гг., Каракаллы 204 г., Элагабала 218-219 гг. – 2 экз., Элагабала 220-226 гг., Александра Севера 226 г.; денарии: Августа – BMC I: 89, № 519 и сл. – 4 экз. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: ГМГ. (Голенко, Капанадзе 1968: 161, табл. I-IV; Голенко, Раджабли 1975: 91, № 53).

2308. Кавтисхеви, Каспский р-н, 1939 г. Близ селения в погребении найдены римские республиканские денарии – 2, драхмы Орода II – 2 экз. Определение Е.А. Пахомова. Хр.: ГМГ. (Пахомов IV: 14:1022; Голенко, Раджабли 1975: 91:44).

2309. Каткалихеви, Горийский р-н, 1960-1963 гг. При раскопках могильника найдены: драхмы Готарза – 2, денарии Августа – BMC, I: 89, № 519 и сл. – 9, ауреус Тита – 1 экз. Хр.: ГМГ. (Хахутайшвили 1964: 81, 82, 88-91, табл. IV, 1-16; Голенко, Раджабли 1975: 91, № 43).

2310. Магранети, Тианетский р-н, не позже 1970 г. При раскопках могильника найдены монеты: погребение № 41 – ауреусы Александра Севера – 1, Кара – 1, подражание ауреусу Коммода – 1. В 3,10; Д 19. Погребение № 2 – драхма Готарза – 2, денарии Августа – 4, ауреус Гордиана III – 1, подражание ауреусу Филиппа Араба – 1 экз. В 3,87; Д 20-21. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: ГМГ, инв. № 12179 (Рамишвили 1967 (на грузинском языке); Капанадзе 1970: 85 сл., № 7-8, табл. 1,9-10; Голенко,

Раджабли 1975: 92:60).

2311. Модинахе, Сачхерский р-н, 1968 г. При раскопках могильника у крепости Модинахе найдены две золотые субэратные монеты: Константина I и Констанция II. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: Тбилиси, музей истории грузинского искусства. (Капанадзе 1970: 85, 91, № 10, табл. 1,13-14).

2312. Нокалакеви, Цхакаевский р-н, 1978 г. При раскопках могильника в разрушенном погребении найдена потертая римская серебряная монета. Хр.: ГМГ. (Не издана, сообщение В.А. Леквинадзе).

2313. Орхви, Цагерский р-н, 1974 г. При раскопках могильника найдены денарии Августа – BMC I: 89, № 519 и сл. Хр.: Цагери, краеведческий музей. (Газ. «Вечерний Тбилиси», 31 мая 1974 г.).

2314. Симониант-Хеви, Тианетский р-н, 1967 г. В мае 1967 г. при земляных работах на современном кладбище в древнем погребении найдено золотое подражание ауреусу Августа с изображением Гая и Луция. В 3,52; Д 21. Определение Д.Г. Капанадзе. Хр.: ГМГ, инв. № 12215. (Капанадзе 1970: 85, 91, № 9, табл. 1,11).

Абхазская АССР

2315. Атара Армянская, Сухумский р-н, 1970 г. При раскопках могильника обнаружены три серебряные кесарийские монеты, одна из них – Адриана. (Воронов 1975: 88).

2316. Верхняя Эшера, Сухумский, р-н, не позже 1975 г. В составе монетного клада, разошедшегося по рукам, определены 4 серебряные монеты: а) республиканский денарий II-I вв. до н.э. В 3,77; Д 16,2-18,0. б) денарий Августа, чеканенный в Лугудуне, 2 г. до н.э. – 11 г. н.э. – BMC I: 93, № 540-543. В 3,58; Д 17,0. в) денарий Августа того же типа. В 3,77; Д 17,5-18,0. г) кесарийская гемидрахма Септимия Севера. В 1,8; Д 16,5. Определение Ю.Н. Воронова. (Не изданы, сообщение Ю.Н. Воронова).

2317. Пицунда, Гагрский горсовет, 1978 г. При раскопках на городище найдены медные трапезундские городские монеты III в. н.э., малая бронза Константина I и его преемников. Хр.: ГМГ. (Лордкипанидзе 1979: 500).

2318. Цебельда, Гульрипшский р-н, не позже 1973 г. При раскопках Шапкинского могильника (Церковный холм) в погребении № 6 найдена кесарийская дидрахма Адриана 121-122 гг. н.э. Хр.: ГМ Абхазии. (Воронов, Юшин 1973: 191).

2319. Цебельда, Гульрипшский р-н, не позже 1975 г. В Шапкинском могильнике найдена силиква Феодосия II, чеканенная в Константинополе – Толстой, BM I: 78, №75. Хр.: ГМ Абхазии. (Воронов 1975: 88).

2320. Цебельда, Гульрипшский р-н, 1977 г. При раскопках Цибилиумского могильника в погребении № 4 найдена кесарийская дидрахма Луция Вера. Хр.: ГМ Абхазии. (Не издано, сообщение Ю.Н. Воронова).

Дополнение III

Российская Федерация
Краснодарский край

2321. Сенная, Темрюкский р-н, 1978 г. При раскопках юго-западного некрополя Фанагории в погребении № 72 найдена бронзовая монета Лициния Старшего, чеканенная в Сискии, 3-я оффицина – Cohen, VII: 205, № 170 и сл (вар.), с отверстием для привешивания. В 1,60. Д 19,0-20,0. Определение автора, Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР. (Не издана, сообщение В.С. Долгорукого).

2322. Сенная, Темрюкский р-н, не позже 1980 г. В центральной части городища Фанагории, в песке у обрыва берега найдены 3 римские бронзовые монеты: 1) Константин I, чеканена в Фессалониках, I-я оффицина – Cohen, 738. Rev.: внутри венка легенда: VOT/ XX/ MVLT XXX TSA. В 2,10. Д 16-16,5. Сохранность плохая. 2) Констанций Галл. Av.: голова императора вправо, легенда : ONFLCL CONSTATIVS NOBC [AES] Rev.: FELTEMPREPARATIO, изображение и легенда не сохранились. – Cohen, VIII, № 8. В 3,64. Д 19,5. Сохранность плохая. 3) Аркадий, чеканена в Антиохии – Толстой, вып. I: 42, № 115, табл. 4. В 3,73. Д 20,5. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР (Не изданы, сообщение В.С. Долгорукова).

Калининградская область

2323. Клинцовка, Зеленоградский р-н, 1979 г. При раскопках средневекового могильника найдена бронзовая монета – сестерций Фаустины Младшей – BMC, IV: 534, № 932, pl. 73,11. В 15,0. Д 29-29,5. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР. (Кулаков 1980: 15).

Украинская ССР
Закарпатская область

2324. Матиево, Виноградовский р-н, 1979 г. При раскопках поселения в урочище Лазы на глубине 0,4 м возле ямы найден денарий Антонина Пия. Определение автора. Хр.: Ужгород, фонды кабинета археологии Ужгородского университета. (Не издан, сообщение В.Г. Котигорошко).

Крымская область

2325. Севастополь, 1979 г. При раскопках на Гераклейском полуострове (надел 32) найдена монета Льва I. Хр.: ГХМ. (Николаенко 1980: 314).

Николаевская область

2326. Дмитриевка, Очаковский р-н, 1974 г.

На городище Петуховка II найден денарий Домициана 82 г. н.э. – BMC II: 302, № 22, pl. 59,15. Д 18,0. Определение автора. (Бураков, Буйских ИА АН УССР, л. 23).

2327. Малая Корениха, Николаевский р-н, 1975 г. При раскопках городища Дидова Хата III (середина II-III вв. н.э.) найден денарий Антонина Пия и Марка Аврелия, чеканенный после 140 г. – BMC IV: 25, № 148, pl. 4,9. Д 18,0. Определение автора. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. (Буйских НА ИА АН УССР, л. 5).

2328. Старая Богдановка, Очаковский р-н, 1976 г. На городище Старая Богдановка II (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) найден биллоновый антониниан Отацилии Северы, жены имп. Филиппа Араба. Д 22,0. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. (Буйских, Бураков НА ИА АН УССР, л. 36).

Одесская область

2329. Белгород-Днестровский, Белгород-Днестровский р-н, 1965 г. В крепости найден сестерций Траяна (?). В 17,05. Д 33,0. Определение П.О. Карышковского. (Карышковский, Кациевский 1979: 98, № 121).

Ровенская область

2330. Иваничи, Ровенский р-н, не позже 1939 г. В окрестностях села найдены две бронзовые монеты: 1) Максимин Дая, фоллис, чеканен в Александрии, 308-311 гг. – RIC VI: 679, № 121. В 6,032. Д 23,5-25,0. 2) Валентиниан II, малая бронза, чеканена в Сискии, I-ая оффицина. Д 16,5-18,0. Определение М. Мельчарека. Хр.: Лодзь, MAEJ-N- A 11335-11336. (Не изданы, сообщение М. Мельчарека).

2331. Ровно (Луцк), не позже 1939 г. Между Луцком и Ровно (точнее неизвестно) найден биллоновый антониниан Галлиена – Cohen, V: 410, № 698. В 3,35. Определение М. Мельчарека. Хр.: Лодзь, MAEJ-N- A 8833. (Не издан, сообщение М. Мельчарека).

Харьковская область

2332. Песочин, Харьковский р-н, 1979 г. Денарий Коммода. (Бородулин 1980: 254).

Херсонская область

2333. Широкая Балка, Белозерский р-н, 1977 г. На городище Золотой Мыс (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) найден денарий Антонина Пия 151-152 гг. – BMC, IV: 111, № 768, pl. 16,1. С.Б. Буйских. Отчет о работе периферийного отряда Ольвийской экспедиции на городище Золотой мыс в 1977 г. НА ИА АН УССР, л. 13.

Хмельницкая область

2334. Думанов, Каменец-Подольский р-н, не позже 1980 г. На огородах села найдена провинциальная бронзовая монета Макрина, чеканенная в г. Синопе в Пафлагонии. Av.: бюст императора вправо в лавровом венке, круговая легенда: IMP C M OPEL SEVER MACRINVS AVG. Rev.: Серапис стоит влево, в длинной одежде и головном уборе, в правой поднятой руке держит ???, в левой – жезл. Легенда: CIF SINOP AN CCLXI. Тип легенды оборотной стороны см. у Диадумениана – Cohen, IV^2: 316, № 41. 111,10. Д 28-29. Определение автора. Хр.: Москва, фонды ИА АН СССР. (Не издана, сообщение В.Л. Ткача).

Черкасская область

2335. Канев, Каневский р-н, 1978 г. В центре города, на городище найдена золотая монета – подражание римскому ауреусу Марка Аврелия (?), с отверстием для привешивания. Av.: голова императора вправо, с бородой и лавровым венком с повязкой сзади; круговая легенда варваризована: MIIIOI-IM OV. Rev.: воин в коротком военном одеянии стоит вправо, в поднятой правой руке держит копье, в левой – изогнутый меч. Круговая легенда варваризована: O-IIO. В 7,07. Определение автора. Хр.: частное собрание. (Не издана, сообщение Н.А. Фроловой).

Молдавская ССР

2336. Заим, Каушанский р-н, 1979 г. Осенью 1979 г. найдена золотая монета Маркиана. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2337. Куйзовка, Резинский р-н, 1979 г. Осенью 1979 г. при уборке свеклы найдена силиква Констанция II. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2338. Паланка, Суворовский р-н, 1979 г. Весной 1979 г. на приусадебном участке В.З. Скурту нашел серебряную монету Сабины. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2339. Сороки, Сорокский р-н, 1979 г. Летом 1979 г. ученик местного техникума Г.П. Вызу нашел серебряную монету Фаустины Старшей. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2340. Сороки, Сорокский р-н, 1980 г. Солид Феодосия I, чеканенный в Константинополе, 8-я оффицина – RIC, IX: 231, № 70a, 3. В 4,31. Хр.: частное собрание. (Не издан, сообщение А.А. Нудельмана).

2341. Сороки, Сорокский р-н, 1980 г. Летом неподалеку. берега Днестра местные школьники нашли денарий Адриана 134-138 гг. – RIC II: 369, № 256a. В 3,37. Д 17,0. Определение А.А. Нудельмана. Хр.: частное собрание П.Е. Галецкула (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2342. Тараклия, Чадыр-Лунгский р-н, 1979 г. Осенью 1979 г. при сборе помидоров С.Л. Старчук нашел серебряную монету Антонина Пия. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2343. Тея, Григориопольский р-н, 1979 г. Осенью 1979 г. при сельхозработах близ молочной фермы Т.К. Вознюк нашел силикву Констанция II. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

2344. Тудорово, Суворовский р-н, 1979 г. Летом 1979 г. при ремонте дороги Т.Д. Куку нашел золотую монету Зенона. (Не издана, сообщение А.А. Нудельмана).

Грузинская ССР

2345. Арагвиспири, Душетский р-н, 1974-1975 гг. При раскопках могильника в погребении № 13 найдено пять золотых и серебряных монет: 1) ауреус Валериана; 2) подражание ауреусу Валериана; 3) подражание ауреусу Августа; 4) серебряная монета Августа; 5) парфянская серебряная монета Артабана II. Определение Г.Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Рамишвили 1977: 121).

2346. Качрети, Гурджаанский р-н, 1975 г. При раскопках могильника, в погребении № 2 найдена серебряная монета Каракаллы 196 г. н.э. – BMC V: 115, № 459-460, pl. 19,16. Определение Г.Ф. Дундуа. Хр.: ГМГ. (Гагошидзе, Узунашвили 1979: 63).

2347. Квелети, Хашурский р-н, не позже 1971 г. Серебряная монета – гибридное подражание денарию Марка Аврелия. Av.: изображение головы бородатого императора вправо, искаженная круговая легенда: DIVOS MARCVS IVS PIVI CII SII. Rev.: стоящие Гай и Луций опираются на щиты, круговая искаженная легенда: TATI L𝛾CLI, под изображением – AVGVSTI. В 3,78. Д 20,0. Хр.: ГМГ, № 2020. (поступила в апреле 1971 г.) (Дундуа 1972: 40-43, 114-116).

2348. Мцхета, Мцхетский р-н, 1976 г. В урочище Карснисхеви в культурном слое при раскопках найдена кесарийская монета II в. н.э. Хр.: ГМГ. (Апакидзе, Каландадзе, Николайшвили, Манджгаладзе, Сихаруладзе, Садрадзе, Хецуриани, Джгаркава, Дзнеладзе, Давлианидзе, Гиунашвили, Мцхета 1978: 147).

2349. Мцхета, Мцхетский р-н, 1976 г. При раскопках Самтаврского могильника, в погребении № 164 среди богатого инвентаря найдены денарии имп. Августа – 4 экз., бронзовая парфянская монета. Хр.: ГМГ. (Апакидзе 1978: 151).

2350. Мцхета, Мцхетский р-н, 1976 г. При раскопках около храма Светицховели I в черепичных ящиках среди инвентаря найдены: золотые подражания статерам Александра Македонского, римские денарии. Хр.: ГМГ. (Апакидзе 1978: 154).

2351. Нокалакеви, Цхакаевский р-н, 1974-1975 гг. При раскопках найдена бронзовая монета Константина I (посмертная чеканка). Хр.: ГМГ. (Закарая, Ломоури, Леквинадзе, Гвинчидзе 1974: 111-112).

Абхазская АССР

2352. Гудава, Гальский р-н, 1971 г. При археологических раскопках найдено 16 римских бронзовых монет Лициния и Константина I. Хр.: ГМГ. (Закарая, Леквинадзе 1974: 150).

2353. Цебельда, Гульрипшский р-н, 1979 г. При раскопках могильника в урочище Цибилиум, в культурном слое найдена кесарийская драхма им. Каракаллы (?) (Не издана, сообщение Ю.Н. Воронова).

Поправки к перечню кладов римских монет РСФСР

Белгородская область

37, 38. Старый Хутор, Валуйский р-н, 1916 г. Близ хут. Ново-Павловский в размыве горы на поверхности песка крестьяне обнаружили несколько десятков римских монет. 22 денария приобрел в 1916 г. местный священник М. Погребников. Сообщение о находке клада и фотографии девяти денариев были опубликованы в августе 1916 г. в «Валуйском земском листке». По фотографиям можно определить монеты Траяна (?), Адриана, Антонина Пия, Фаустины Старшей, Марка Аврелия (?) и Фаустины Младшей. Денарии найдены в размытом песке и установить глубину залегания не удалось. Сохранность монет хорошая.

В 1928 г. острогожский окружной инспектор по охране памятников Г.В. Еременко собрал у жителей Старого Оскола часть монет из этого клада (97 экз.). Пять денариев он получил. М. Погребникова, остальные у крестьян С.Р. Дронова и Ф.П. Дронова. На месте находки клада Г.В. Еременко обнаружил обломки древней посуды. Сообщение о находке клада римских монет было послано в Главнауку, которая переслала его в ГАИМК. По сведениям краеведа из г. Валуйки Г.Ф. Денисенко, в составе клада находились денарии Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода; в его коллекции сохранялось пять монет: Адриан – 1, Антонин Пий – 2, Марк Аврелий – 1, Фаустина (I или II) – 1 экз. В опубликованных заметках указано, что в составе клада находились денарии II и начала III в. н.э (Септимия Севера?). Г.Ф. Денисенко сообщил автору, что монеты были найдены в горшке в количестве около 200 экз. (полтора фунта). Местонахождение остальной части клада установить не удалось, по-видимому, монеты утрачены. Сведения, опубликованные автором в книге «Клады римских монет на территории СССР» под № 37 и 38, относятся к одному и тому же кладу (Валуйский Земский листок, 24.VIII.1916, № 393: 8; ИАК, приб. к вып. 64(1917), 40; Ляскоронский, РМЮР, 169; Архив ИИМК, ф. 2, 1929, № 31, л. 101 (протокол СНГ № 420. 28.IX.1929, № 2); Денисенко. 1940: 110; Кропоткин 1951: 256:48, 259:96; Кропоткин 1961: 40: 37, 38).

Воронежская область

45. Шилово, Воронежский р-н, 1904 г. В 7 верстах к югу от г. Воронежа, на берегу р.Воронеж близ Шилова городища весенней водой был вымыт денарий Траяна, 103 г. Av.: IMP TRAIANO AVG GER DAC PM TRP, бюст вправо в лавровом венке. Rev.: COS V PP SPQR OPTIMO PRINCIPI, Виктория стоит на носу корабля с мечом в правой руке и рогом изобилия в левой. (Труды Воронежской Ученой Архивной ко-

миссии, вып. IV, 1908: XXXVII; Ляскоронский РМЮР: 168).

Волгоградская область

235. Саломатино, Камышинский р-н, 1912-1915 гг. В окрестностях села на дюнах найдены монеты: ауреус Адриана 117 г. – BMC III: 242, № 39, pl. 46,18. В 7,45. Д 16,5; золотая парфянская монета Евпатора II. В 7,65. Хр.: Саратов, областной краеведческий музей, инв. № 825-826 (Зайковский 1926: 47:138, 139. (Сообщение М.В. Сусловой, 2.XI.1925 г.); Архив ИА АН СССР 1925, № 26, лл. 74-75; Кропоткин 1951: 253:4).

Удмуртская АССР

256. Ижевск, Ижевский р-н, 1957 г. В Ижевском могильнике при раскопках В.Ф. Генинга найдена пробитая бронзовая монета Александра Севера, чеканенная в г. Томи, в Мезии (Pick – K. Regling 1910: 837, № 3283. В 11.53). Определение К.В. Голенко (Golenko 1960: 39-41, fig. 1).

Украинская ССР
Винницкая область

299. Ульяновка (быв. Погорелое), Гайсинский р-н, 1952 г. На глинище в центре села около усадьбы колхозника А.К. Дзвоницкого, весной 1952 г. найден клад римских монет в количестве около 450 экз. Часть монет разошлась по рукам и не сохранилась. 330 денариев колхозник П.Д. Сичинский передал в Уманский краеведческий музей: Веспасиан – 2, Домициан – 2, Траян – 15, Адриан – 29 (одна монета с отверстием для подвешивания), Сабина – 5, Антонин Пий – 51, Фаустина Старшая – 34, Марк Аврелий – 81, Фаустина Младшая – 32, Луций Вер – 8, Луцилла – 8, Коммод – 37, Криспина – 1, Клодий Альбин – 1, Септимий Север – 4, подражание римскому денарию Фаустины Младшей – 1, неопределенных – 10 экз. Вес монет 0,983 кг. Младшая монета в кладе – денарий Клодия Альбина 194-195 гг. н.э. – BMC V: 36, № 94, pl. 8,5. Денарий Септимия Севера относятся к началу его правления, к 193-194 гг. н.э. Позднейшие монеты потерты, что свидетельствует об их обращении до того момента, как они были зарыты в землю. Клад найден в гончарном горшке и был закрыт гончарной миской на поддоне. Оба сосуда были разбиты, но их обломки переданы в музей вместе с монетами. Горшок и миска являются типичными сосудами черняховской культуры. Определение В.В. Кропоткина. Хр.: УКМ, инв. № 1675/2760 и 2355/3440. (Храбан 1958: 255, рис. 1; Кропоткин 1961: 51:299; НЭ, VI, 1966: 83, № 16 (299)).

Волынская область

317. Борочицы, Гороховский р-н, 1928 г. При земляных работах во время строительства железнодорожной линии Луцк (Стоянов)-Львов найден большой клад римских денариев I-II вв. н.э. в количестве 1500-2000 экз., но большая часть монет ныне утрачена. Монеты из клада поступили во Львов (около 4 кг); в музей Научного товарищества им. Т. евченко поступило 362 денария, по предварительному определению: Веспасиан – 1, Траян – 5, Адриан – 21, Сабина – 2, Антонин Пий – 121, Антонин Пий (посмертной чеканки) – 10, Фаустина Старшая – 72, Луций Вер – 6, Луцилла – 6, Марк Аврелий – 34, Коммод – 18, Криспина – 2, неопределенные – 64, всего 362 экз. Определение Я. Пастернака. В Луцкий музей поступила часть монет из клада (около 5 кг), золотой медальон Иовиана, глиняный сосуд и два серебряных византийских сосуда. Перед войной 1939-1945 гг. вещи и монеты поступили в Археологический музей в Варшаве. В настоящее время там сохранились следующие вещи из клада:

1. Ранневизантийский серебряный сосуд с грушевидным туловом, узким цилиндрическим горлом с выпуклым валиком, на поддоне, с отломанным ушком. На тулове орнамент в виде листьев аканфа, на шейке и валике – орнамент из листьев. Размеры: высота 28 см, диам. тулова 19 см.

2. Ранневизантийский серебряный сосуд в виде яйцевидной фляги, верхняя часть и ушко отломаны. Размеры: высота 21 см, диам. тулова 14 см.

3. Глиняный биконический лепной сосуд, на кольцевом поддоне, с цилиндрической шейкой и симметрично поднимающимися над туловом ручками, желто-коричневого цвета с залощенной поверхностью. Размеры: высота 14,3 см, диам. венчика 9,0 см.

4. Золотой медальон имп. Иовиана (363-364) в золотой оправе, с ушком; хранился до войны 1939-1945 гг. , ныне утрачен. Av.: DN IOVIANVS PF PERP AVG, бюст императора вправо, в диадеме: Rev.: GAVDIVM ROMANORVM, под обрезом: CONSP. Медальон чеканен в Константинополе в 363-364 гг., officina I-ая (prima). Золотой медальон был вставлен в золотую оправу, украшенную зернью и сканью; снабжен трубчатым ушком для привешивания. Диам. медальона с оправой 9,0 см, вес – 0,3 кг.

5. В Луцком музее хранились денарии: Веспасиана, Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Сабины, Антонина Пия, Фаустины Старшей, Марка Аврелия, Луция Вера, Луциллы, Криспины, Коммода, Септимия Севера (около 1000 экз.). По данным Р. Якимовича, в Варшавском археологическом музее хранилось перед войной 197 денариев, из них Луциллы – 10 экз. В настоящее время сохранился 31 денарий: Луций Вер – 29, Коммод – 2 экз. Определение А. Кетлинской.

Во Львовский музей украинского искусства поступил 51 денарий из Борочицкого клада (из

б.Украинского Национального музея): Траян – 2, Адриан – 6, Антонин Пий – 8, Фаустина Старшая – 7, Луций Вер – 3, Луцилла – 2, Марк Аврелий – 10, Фаустина Младшая – 4, Коммод – 6, Пертинакс 193 г. н.э. – 1, всего 51 экз. Определение автора. Хр.: Варшава, РМА: 2 серебряных сосуда, глиняный сосуд, гипсовый слепок медальона Иовиана, 31 денарий; Львов, ГИМ, № 20007, 22056 (до войны 1939-1945 гг. находилось 362 денария); Львов, Музей украинского искусства, инв. №. 26692/1-13; 28773/1; 28778/1-34 (51 денарий) (ZOW 1928, Rok III, z.3: 50; WNA XII: 56-58; XIII: 92; WA XIII 1935: 263-264, № 60; Piotrowski 1929: 1 – Num.Közl., XXVIII-XXIX, 1933: 19; Spraw. PAU, 1929, январь-март: 27-31; IPEK, 1930: 67-68, ЗНТШ 1931, т. 151: 14-15; ЗНТШ 1933: 126, № 170; Majewski 1949: 109:470; Фенин 28:30; Kostrzewski 1939-1948: 318, 355; Тиханова 1956: 301-317; Пастернак 1932, табл. XII, 1-12; «Археология», т. III: 99; IV: 70; V: 94; VI: 78; VIII: 48:3; Брайчевський 1959: 124:67; Кропоткин 1951: 253:2а; 259:94; там же 1954: 165:94; там же 1961: 52:317; Kietlicska 1957: 273-274; НЭ, VI, 1966: 84, № 21 (317); Cynkoiowski 1961: 120-122, № 4; Majewski 1958: 175-179).

Волынская область

339. Сереховичи, Старовыжевский р-н, 1935 г. На болоте в урочище «Люте» найден клад римских монет. Р. Якимович собрал 156 серебряных монет и 15 обломков серебряных украшений. В селе осталось около 10 монет, несколько монет увезла в Варшаву местная помещица. Хр.: Варшава, РМА. (Фенин 46: 223; Majewski 1949: 145:937; Кропоткин 1951: 260:116; Брайчевський 1959: 126:85; Кропоткин 1961: 54:339).

Житомирская область

376а. Гриневцы, Любарский р-н, не позже 1917 г. Серебряная монета Антонина Пия. (Лясковронский РМЮР, 118; Брайчевський 1959: 189:866; Кропоткин 1961: 84:1126).

379. Клитинка, Малинский р-н, 1916 г. Клад римских денариев: Веспасиан, 70-71 гг. – BMC II: 9, № 50: 1,18; Тит, 80 г. – BMC II: 230, № 36, pl. 45,4; Антонин Пий, 152-153 гг. – BMC IV: 114, № 784, pl. 16,15; Фаустина Старшая – BMC IV: 58, № 393, pl. 9,7; Марк Аврелий, 165 г. – BMC IV: 435, № 368, pl. 59,17; Фаустина Младшая – BMC IV: 165, № 1087; Коммод, 187-188 гг. – BMC IV: 734, № 247; Коммод, 190 г. – BMC IV: 742, № 283, pl. 98,6. По сведениям А. Кетлинской, в составе клада была найдена малая бронза Константина I, чеканенная в Фессалониках, оффицина I, под обрезом – SMTSA. В 2,49. Определение А. Кетлинской. Хр.: Варшава, РМА (дар Р. Туркевича в 1936 г.) (Kietlicska 1957: 280-281, № 90-98, рис. 8; Кропоткин 1961: 85:1139).

Закарпатская область

408. Комаровцы, Ужгородский р-н, не позже 1977 г. Римские монеты. (Tovt 1977: 129).

Киевская область

464. Киев, 1846 г. В составе клада римских монет найден денарий Геты, 210-212 гг. н.э. – BMC V: 368, № 63, pl. 54, 15. (Кропоткин 1961: 58:464; НЭ, VI, 1966: 85, № 41 (464)).

514. Пустовиты, Мироновский р-н, не позже 1917 г. Денарий Марка Аврелия 162-163 гг. н.э. – BMC IV: 413, № 209-217, pl. 57,6. (Кропоткин 1961: 61:514; НЭ, VI, 1966: 85, № 44 (514)).

517. Ромашки, Ракитнянский р-н, 1929 г. Летом 1929 г. близ села крестьянин нашел золотую монету – подражание ауреусу Септимия Севера. Av.: головы Септимия Севера и Каракаллы влево, рядом одна из них без бороды, а другая, верхняя, с бородой, в лавровом венке и повязкой сзади. Легенда: IMP CORDIV AV. Rev.: очень грубое изображение скачущего направо всадника с копьем (?) в правой руке; под ним распростертый неприятель; легенда: TD P V IMP III COS I – RIC, 463 – Coh., 664. В 5,57. Д 20-21. Определение автора. Хр.: Киев, Музей исторических драгоценностей УССР (поступила 13.VII.1930 г.) (Коршенко I: 440:106; Ляскоронский РМЮР: 83; «Археология» III: 100; Кропоткин 1951: 262:154; там же 1961: 61:517; Брайчевський 1959: 85, 145:316; там же 1960: 138; Петров 1964, рис. 15,2; Казаманова, Кропоткин 1964: 144:2, табл. 1,10).

539. Черняхов, Кагарлыкский р-н, до 1899-1901 гг. В разрушенном погребении могильника черняховской культуры найден денарий Антонина Пия 159-160 гг. н.э. – BMC IV: 146, № 981, pl. 21,4. – Coh.: 303, № 202. (Кропоткин 1961: 62:539; НЭ, VI, 1966: 85, № 45 (539); Петров 1964: 117).

539а. Черняхов, Кагарлыкский р-н, 1900 г. В могильнике черняховской культуры при раскопках В.В. Хвойко, в погребении № 160 вместе с денарием Фаустины Младшей найдено подражание римскому ауреусу Гордиана III. Av.: IMP GORDIAN SA, бюст императора влево. Rev.: NIC PISAVTOR, стоящая фигура (Ники?) влево, с крыльями и с факелом в руках; на поле – неясная фигура, которая напоминает модиус с колосьями. В 5,90. Хр.: Киев, Музей исторических драгоценностей УССР (старый инв. № 8460) (Брайчевський 1959: 85, 141:229; Кропоткин 1961: 62:539; Казаманова, Кропоткин 1964: 144:3, табл. 1,11; Петров 1964: 117, рис. 15,1).

542. Шкаровка, Белоцерковский р-н, не позже 1957 г. На берегу р.Рось близ села найдены две серебряные монеты: 1) денарий Марка Аврелия 173-174 гг. н.э. – BMC IV: 469, 471, № 538, слл., 601-603, pl. 64, 14, 19. 2) антониниан Филиппа Араба. Rev.: волчица, кормящая Ромула и Рема. Coh., V^2. Определение Л.Н. Беловой (Кропоткин 1961: 62:542).

Крымская область

573. Дорожное (быв. Биэль), Бахчисарайский р-н, 1896 г. В саду «Чекрак-Бахча» при д.Би-

эль садовник гр. Дульветовой на глубине 9 см нашел кувшин с римскими денариями: Веспасиан (потертые) – 2, Домициан – 1, Нерва – 1, Траян – 4, Сабина – 1, Адриан – 5, Антонин Пий – 11, Фаустина Старшая – 2, Фаустина Младшая – 1, Марк Аврелий – 10, Луцилла – 2, Септимий Севера – 45, Гета – 15, Юлия Домна – 11, Каракалла – 18, Плавтилла – 4, Элагабал – 18, всего 151 экз. Определение А.К. Маркова. Вес монет – 484,16 г. Кувшин был разбит и не сохранился. Хр.: клад возвращен Таврическому губернатору 5 ноября 1896 г. для вручения по принадлежности. (ДАК 1896: № 43, лл. 1-4; ОАК, 1890: 137, 246-247; Кропоткин 1951: 255:40; там же 1954: 162:40; Кропоткин 1961: 63:573).

575. Гурзуф, Ялтинский горсовет, не позже 1966 г. В могильнике римского времени обнаружены серебряные римские монеты (Газ. «Курортная газета» (г. Ялта), 19 февраля 1966 г.).

590. Керчь, 1891 г. При раскопках А.А. Бобринского в могиле № 2 найден республиканский денарий III-II вв. до н.э. (gens Cassia) (ОАК 1891: 27; НЭ, VI, 1966: 86, № 49 (1775)).

598. Керчь, 1904 г. 24 июня 1904 г. при грабительских раскопках на Госпитальной улице в двух склепах найдены солиды Констанция Галла, Констанция II и золотые индикации солидов Константина II, Валентиниана I и Валентиниана II. 1) Солид Констанция II, чеканенный в Антиохии, оффицина I. Av.: IMP CONSTANTIVS PERP AVG, бюст императора прямо, в правой руке держит дротик, в левой – щит. Rev.: символические изображения Рима и Константинополя в виде фигур сидящих женщин, которые держат овальный щит с надписью в четыре строки: VOT XXX MVLT XXXX, справа и слева легенда: GLORIA REIPVBLICAE, под обрезом: SMANA – Coh., № 110. В 4,46; Д 21. Сохранность хорошая, с четырьмя отверстиями по краям; 2) солид Констанция Галла, чеканенный в Фессалониках. Av.: DN CONSTANTIVS NOB CAES, бюст императора вправо. Rev.: GLORIA REIPVBLICAE. Символические изображения Рима и Константинополя в виде сидящих женщин, которые держат овальный щит с надписью в четыре строки: VOT V MVLT X, под обрезом: TES – Coh., VIII^2: 34, № 25. В 4,36; Д 21. Сохранность хорошая, ободок точечный; 3) индикация солида Константина II (332-340) с четырьмя отверстиями по краю; 4) индикация солида Валентиниана I с тремя отверстиями; 5) индикация солида Валентиниана II. Определение А.Н. Зографа. Хр.: ГЭ, 1820/835-839. (ОАК за 1904: 78-79; ИАК, вып. 17, 1905: 38,115; Кропоткин 1961: 64:598; НЭ, VI, 1966: 86, № 50 (598)).

606. Керчь, 1954 г. На территории пантикапейского некрополя в траншее для водопровода 22 декабря 1954 г. рабочие нашли клад римских монет, который разошелся по рукам. В Керченский музей разновременно, двумя партиями, поступило 79 монет: драхма Юлии Домны 211 г. н.э., чеканенная в Кесарии Каппадокийской, биллоновые и медные посеребренные антонинианы: Юлия Меза – 1, Гордиан III – 10, Филипп Араб – 12, Отацилия Севера – 1, Филипп Младший – 3, Траян Деций – 6, Этруссцилла – 2, Деций Младший – 2, Гостилиан – 1, Требониан Галл – 25, Волузиан – 6, Валериан – 7, Галлиен – 2, всего 79 экз. Определение Н.З. Куниной и В.Э. Кунина. Хр.: Керченский историко-археологический музей, инв. № К-93 82/1-71; К-9877/1-8. (Кунина 1962: 329-342, табл. I-IV; Кропоткин 1961: 64:606; НИ, VI, 1966: 86, № 53 (606); Golenko 1973: 290-299).

Львовская область

676. Лучица, Сокальский р-н, 1939 г. При вспашке поля между селами Лучица и Миляты, в урочище «коло Муловици», на небольшой возвышенности близ ручья на поселении римского времени крестьянин А.В. Сорочук нашел в горшке клад римских серебряных монет I-II вв. н.э. в количестве около 1600 экз. Монеты были обнаружены в горшке кирпичного цвета с отогнутым венчиком, горшок был разбит и не сохранился. Часть денариев разошлась по рукам. В 1959-1962 гг. тремя партиями монеты поступили на хранение во Львовский исторический музей, где были определены И.М. Зайцем и автором; Тит – 1, Домициан – 3, Траян – 1, Адриан – 23, Сабина – 2, Элий Вер – 3, Антонин Пий – 156, Фаустина Старшая – 46, Марк Аврелий – 136, Фаустина Младшая – 71, Лупий Вер – 16, Луцилла – 14, Коммод – 73, Криспина – 2, Пертинакс – 1, Клодий Альбин – 1, Юлия Домна – 1, Септимий Север – 3, подражание римскому денарию Марка Аврелия (?) – 1, неопределенные – 22, всего 576 экз. В 1976 г. автор получил. местного жителя В.К. Олейничука еще 9 денариев из этого клада: 1) Траян, 107-111 гг. н.э. – BMC III: 83, № 385, pl. 15,14. В 2,80; 2) посмертный денарий Фаустины Старшей (ум. в 141 г. н.э.). В 2,80; 3) Марк Аврелий, 145-160 гг. н.э. – BMC IV: 86,№ 597, pl. 12,20. В 3,05; 4) Марк Аврелий, 159-160 гг. н.э. – BMC IV: 149, № 998, pl. 21,13. В 2,87; 5) Марк Аврелий, 168-169 гг. н.э. – BMC IV: 454, № 492, pl. 62,12. В 2,74; 6) Марк Аврелий, 169-170 гг. н.э. – BMC IV: 457, № 506, pl. 63,1. В 3.03; 7) Луцилла – BMC IV: 427, № 306, pl. 58,12. В 2.97; 8) Луцилла – BMC IV: 432, № 353, pl. 59,10. В 2,40; 9) Коммод, 186 г. н.э. – BMC IV: 725, № 204, pl. 96,5. В 3,03. Младшая монета в составе клада – денарий Септимия Севера 194 г. н.э. – BMC V: 32, № 70, pl. 7,8 или денарий Юлии Домны 193-196 гг. н.э (?) – BMC V: 27, № 49, pl. 6,13-15. Позднейшие монеты сильно потерты и легенды их разобраны не полностью. Определение автора. Хр.: Львов, ГИМ: инв. № 5186-5207, 5308-5785, 5910-5960. (Кропоткин 1961: 67:676; НЭ, VI, 1966: 88, № 75 (676)).

690. Рипнев, Каменско-Бугский р-н, 1959 г. При археологических раскопках В.Д. Барана на поселении черняховской культуры в жилище № 7 найден денарий Адриана 134-138 гг. н.э. –

BMC III: 328, № 697, pl. 60,15-16. Д 17. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН АН УССР. (Кропоткин 1961: 68:690; НЭ, VI, 1966: 88, № 77 (690)).

Николаевская область

697. Березань о-в, 1961 г. При раскопках В.В. Лапина найдена бронзовая монета Каракаллы. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР. (НЭ, VI, 1966: 88, № 80 (1802)).

Одесская область

752. Белгород-Днестровский, 1958 г. При археологических раскопках найден клад, состоящий из вещей, 31 римского денария, медных императорских монет Тиры (149 экз.) и Ольвии (1 экз.). Римские денарии: Марк Антоний 31 г. до н.э. – 2, Нерон – 1, Веспасиан – 2, Тит – 1, Домициан – 2, Адриан – 5, Элий Вер – 1, Фаустина Старшая – 2, Коммод -7, Клодий Альбин – 1, Септимий Север – 3, Юлия Домна – 1, Гета – 2, Каракалла – 1. Монеты города Тиры: Домициан (с надчеканками) – 13, Адриан – 11, Антонин Пий – 7, Коммод – 30, Септимий Север – 23, Гета – 8, Юлия Домна – 22, Плавтилла – 7, Каракалла – 22, неопределенных – 7; монеты Ольвии: Септимий Север – 1 экз. Клад был зарыт в первой половине III в. н.э. Определение А.И. Фурманской. Хр.: фонды ИА АН УССР. (Кропоткин 1961: 70:752; Фурманська 1962: 127; Фурманская 1963: 76-86; НЭ, VI, 1966: 89, № 86 (752)).

Полтавская область

787. Крячковка, Пирятинский р-н, 1954 г. На поселении черняховской культуры найден клад денариев: Веспасиан – 1, Траян – 2, Адриан – 1, Антонин Пий – 12, Фаустина Старшая – 2, Марк Аврелий – 5, Криспина – 1, Коммод – 7, всего 32 экз. Младшая монета в составе клада – денарий Коммода 187-188 гг. н.э. – BMC IV: 734. № 248-249, pl. 97,4. Определение автора. В составе клада найдены две серебряные пряжки с массивным круглым кольцом и небольшим округлым щитком. Длина 2,7 см, ширина 1,8 см, вес 7,4 г. Хр.: Киев, фонды ИА АН УССР (11 экз. и пряжка); частное собрание (9 экз.) (Кропоткин 1961: 71:787; 92:1298 (место находки указано ошибочно); НЭ, VI, 1966: 80, № 107 (787)).

Ровенская область

825. Александрия, Александрийский р-н, 1873 г. Денарий Коммода. (Орлов 1885: 36; Архив ИА АН УССР, ф. 13, д. № 71; л. 1; Андрияшев 1887: 88, прим. 4; Антонович 1900: 43, 130; Majewski 1949: 105:423; Кропоткин 1951: 266:262; там же 1961: 73:825; Брайчевський 1959: 164:538; НЭ, VI, 1966: 91, № 111 (825)).

830. Глинск, Здолбуновский р-н, не позже 1934 г. Денарий Коммода 181-182 гг. Хр.: Луцк, краеведческий музей (поступила в 1934 г.) (Каталог Луцкого музея, т. III: 55-56, № 280; Брайчевський 1959: 276:695; Кропоткин 1961: 73:830).

839. Збуж, Костопольский р-н, 1957 г. Осенью 1957 г. на поле в урочище «Подлисок» при тракторной вспашке в плоскодонном гончарном сосуде черняховской культуры найден клад римских денариев: Траяна – 2, Адриана – 5, Сабины – 1, Элия Вера – 1, Антонина Пия – 33, подражание денарию Антонина Пия – 1, Фаустины Старшей – 10, Марка Аврелия – 64, Фаустины Младшей – 8, Луция Вера – 8, Луциллы – 5, Коммода – 35, Септимия Севера – 4, всего 178 экз. Позднейшие монеты в составе клада чеканены в 193-195 гг. н.э. 1) Септимий Север 193 г. н.э. – BMC V: 24, № 33-34, pl. 6,4; 2) Септимий Север 193 г. н.э. – BMC V: 21, № 7-25; 3) Септимий Север 194 г. н.э. – BMC V: 32, № 70, pl. 7,8; 4) Септимий Север 185 г. н.э. – BMC V: 40, № 116, pl. 8,13. Определение И.М. Зайца и автора. При вспашке поля нижняя часть сосуда была разбита и сохранилось только четыре обломка. днища. Несколько монет из клада утеряно. Вместе с монетами в горшке найдены два серебряных кольца и золотой перстень. Обломки горшка, в которых был найден клад, не дают полного представления о форме сосуда. Сосуд гончарный, с примесью грубозернистого песка, цвет поверхности серо-коричневый, внутри – черный. На дне сохранились следы доски, на которой был изготовлен сосуд. Диам. дна – 6,5 см, толщина стенок – 0,6 см. Хр.: ЛГИМ, инв. № 4955. (Свешников 1958, № 27, л. 10; Заяць (рукопись в архиве ИА АН УССР); Кропоткин 1961: 73:839; НЭ, VI 1966: 91, № 116 (839)).

868а (393). Черница, Корецкий р-н, 1878 г. Крестьянин Мефодий Нетишинец в апреле 1878 г. на церковном поле вывернул при пахоте медный клепаный котелок (рис. 13), наполненный до половины позеленевшими римскими серебряными монетами I-II вв. н.э., которые разошлись по рукам. Инспектор Литовской духовной семинарии Ф.Н. Добрянский приобрел у разных лиц 340 денариев, но в Археологическую комиссию было прислано 339 экз.: Траяна – 12, Адриана – 42, Сабины – 4, Антонина Пия – 103, Фаустины (I или II) – 49, Марка Аврелия – 17, (Луция) Вера – 7, Луциллы – 8, Криспины – 5, Коммода – 5, неопределенных – 87, всего 339 экз. Вместе с монетами найдено серебряное кольцо. пряжки с несомкнутыми суживающимися концами; один конец загнут и дал трещину. В 1932 г. в Государственный Эрмитаж поступила небольшая часть Черницкого клада, состоявшая из кольца и 2 республиканских денариев: 1) денарий середины III в. до н.э (268-254 гг. до н.э.). В 3,50; Д 16; 2) денарий Луция Фламиния Цилона, около 99-94 гг. до н.э. – Grueber BMC II: 278- 279, № 537-539, pl. XCIII, 20 или XCIV, 1. В 3,70. Д 17-19. Принадлежность республиканских денариев к Черницкому кладу вызывает сомнение. Определение

Ю.Б. Иверсена и А.Н. Зографа. Хр.: ГЭ, ОИПК, инв. № 2013/1-3 (поступили 18.II.1932 г. из Ленинградского историко-лингвистического Института) (ДАК 1880, № 25, лл. 1-8; ОАК, 1880: XXIV; ЗРАО, XI, вып. 1-2: 285; WA XI: 118; Majewski 1949: 164:1171; Антонович 1900: 29; Ляскоронский 1903: 189, прим. 5; Кропоткин 1951: 256:47; там же 1956: 102, рис. 12; там же 1961: 56:393; Брайчевський 1959: 133:144; НЭ, VI, 1966: 85, № 39 (393)).

Тернопольская область

987. Гермаковка, Мельнице-Подольский р-н, 1862 г. Римские монеты, в том числе одно серебряное подражание римскому ауреусу Антонина Пия. В 5,92. Хр.: Вена, мюнц-кабинет, инв. № 13429 (Kenner: 88; Repertorium: 12; Janusz 1918: 62:29; Bolin 1926: 122:10; Majewski 1949: 106:560; Num. Kozl., XXVI-XXVII, 1928, tabl. VIII, 4. Фенин 31:61; Кропоткин 1951: 275:523; там же 1961: 79:987; Брайчевський 1959: 178:730).

993. Жабинцы, Гусятинский р-н, не позже 1939 г. На поселении черняховской культуры близ села найдены два римских денария: 1) Веспасиан, 69-70 гг. – BMC II: 2, № 7, pl. 1,3. В 3,06. Д 16-18; 2) Луций Вер, 164-165 гг. – BMC IV: 436, № 378, pl. 59,20. В 2,93. Д 17-18. Определение автора. Хр.: МАК, инв. № 4384. (Majewski 1949: 161:1130; Фенин 34:94; Кропоткин 1951: 276:583; там же 1961: 79:993; Брайчевський 1959: 178:724).

1004. Збараж, Збаражский р-н, не позже 1939 г. В окрестностях города найдено 7 монет, в том числе денарий Траяна, антониниан III в., силиква Константина I, монеты Валентиниана I и Гонория, а также римская монета IV в. Валентиниана I или II? Хр.: МАК, № 3554 (дар Яна Павликевича) (Majewski 1949: 159:1111).

1037. Новоселка (б. Новоселка Костюкова), Залещицкий р-н, не позже 1926 г. Близ села найдены римские монеты: 1) денарий Манлии Скантиллы, супруги Дидия Юлиана, 28 марта – июнь 193 г. – BMC V: 13, № 11, pl. 3,14; 2) неопределенный римский денарий. Хр.: Львов, б.музей НТШ, инв. № 16715-16716. (Majewski 1949: 135:814; Кропоткин 1951: 269:231; там же 1961: 81:1037; Брайчевський 1959: 176:701).

Хмельницкая область

1139. Калетинцы, Изяславский р-н, не позже 1905 г. Денарий Фаустины (I или II?) (Штейнгель 1905: 47; НЭ, VI, 1966: 92, № 140 (1858)).

1145. Малиевцы, Дунаевецкий р-н, 1954-1970 гг. На поселении черняховской культуры в урочище «Тягин» при земляных работах в разное время найдены римские денарии: Веспасиан – 2, Траян – 3, Коммод – 3, Септимий Север 194 г. – 1, всего 17 экз. По сообщению Л.Н. Куземского, там же найдены монеты: антонинианы Гордиана III – 1, Филиппа Младшего – 1 экз., бронзовые монеты: 1) Каракалла, чеканена в г. Филиппополе. В 15,25; Д 29; 2) Каракалла, чеканена в г. Эдесса (Македония), дупондий. Д 25; 3) Гордиан III, чеканена в г. Никополе на Истре. В 6,47. Д 25; 4) Гордиан III, чеканена в г. Никея (Вифиния). Д 19; 5) Констанций II, чеканена в г. Сирмии. Д 19. По всей вероятности, эти монеты происходят из коллекции (?). Определение В.А. Анохина. Хр.: частные собрания Г.М. Лазарева и Л.Н. Куземского. (Куземский Находки...; сообщение В.А. Анохина).

Черкасская область

1169. Антоновка, Уманский р-н, 1929 г. На поселении черняховской культуры крестьянин Григорий Горбатюк нашел клад денариев: Веспасиан – 10, Тит – 3, Домициан – 4, Нерва – 1, Траян – 40, Адриан – 47, Сабина – 5, Элий Вер – 1, Антонин Пий – 53, Фаустина Старшая – 31, Марк Аврелий – 82, Фаустина Младшая – 18, Луций Вер – 8, Луцилла – 6, Коммод – 51, Криспина – 1, Дидия Клара – 1, Клодий Альбин – 1, Септимий Север – 7, подражание денарию Марка Аврелия – 1, всего 371 экз. Определение С. В. Коршенко. Хр.: УКМ (до 1941 г.) (Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 545, л. 3-6; Коршенко II, л. 1-14; Кропоткин 1961: 86:1169; НЭ, VI, 1966: 93, № 143 (1169)).

1223. Байбузы (по другим сведениям, Мошны), Черкасский р-н, 1923 г. Весной 1923 г. близ села, в урочище Казацкая Сечь, при вспашке поля на глубине 0,2 м найден клад римских серебряных монет; монеты разошлись по рукам. Местный учитель А.С. Харченко приобрел 13 денариев: Траян – 1, Адриан – 2, Антонин Пий – 4, Луций Вер – 1, Марк Аврелий – 2, Фаустина Младшая – 1, Коммод – 2 экз. Определение В.Г. Ляскоронского. Монеты были зарыты в сосуде,. которого сохранилась медная ручка (возможно, сосуд римского производства?). Хр.: частное собрание. (Ляскоронский РМЮР, л. 73; архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 26, л. 1 (письмо А.С. Харченко); Брайчевський 1959: 197:1003; Кропоткин, 1961: 88:1223; НЭ, VI, 1966: 93, № 146 (1223)).

1241. Полянецкое, Уманский р-н, 1951 г. На поселении черняховской культуры найден денарий Антонина Пия 147-148 гг. н.э. – BMC IV: 89, № 619, pl. 13,7. Определение автора. Хр.: УКМ. (Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 37, л. 63; Кропоткин 1961: 88:1241; Храбан 1964: 263, рис. 2, 12; НЭ, VI, 1966: 94, № 157 (1241)).

1271. Турия, Златопольский р-н, 1954 г. Денарий Фаустины Младшей – BMC IV: 403, № 136-140, pl. 55,19. Определение автора. Монета происходит из клада, найденного в 1954 г. в с. Турия на усадьбе В.В. Голоцвана. Хр.: частное собрание (Казаманова 1958: 182-186; Брайчевський 1959: 192:906-907; Кропоткин 1961: 89:1271; НЭ, VI, 1966: 94, № 162 (1271)).

Черниговская область

1298. Нежин, Нежинский р-н, не позже 1874 г. Римская монета. (Отчет Церковно-Археологи-

ческого общества за 1874 г. Труды Киевской духовной академии, 1875, № 1 (январь): 142; НЭ, VI, 1966: 94, № 167 (1881)).

1302. Остер, Ичнянский р-н, не позже 1917 г. На хуторе при вспашке поля ежегодно находят по несколько римских денариев; за 40 лет собрано: Траян – 9, Адриан – 5, Антонин Пий – 9, Фаустина Старшая – 4, Луций Вер – 1, Луцилла – 1, Марк Аврелий – 10, Фаустина Младшая – 5, Коммод – 3, неопределенные – 4, всего – 51 экз. Находка очень сомнительна (Ляскоронский РМЮР: 145-146. (Сообщение К.И. Самбургского); Брайчевський 1959: 201:1036; Кропоткин 1961: 92:1302).

Молдавская ССР

1370. Суворове (быв. Хаджи-Абдул), Вулканештский р-н, 1957 г. Близ села найдены три бронзовые монеты: 1) большая бронза Марка Аврелия 167-168 гг. н.э. – BMC IV: 602, № 1335, pl. 80,7 (?). В 21,83; Д 20-23; 2) малая бронза Константа, Rev.: VOT XX MVLT XXX, в венке – Coh., VII^2: 435, № 197. В 1,62; Д 14-15; 3) малая бронза Констанция II, чеканенная в Константинополе, officina 3. Av.: DN CONSTANTIVS PF AVG, бюст вправо. Rev.: FEL TEMP REPARATIO, под обрезом CONST – Coh., VII^2: 446, № 44-45. В 1,85; Д 17-18. Определение автора. Хр.: частное собрание. (Молдован 1958; Кропоткин 1961: 96:1370; НЭ, VI, 1966: 95, № 174 (1370)).

Белорусская ССР
Гродненская область

1381. Каменка, Новогрудский р-н, 1873 г. Близ деревни на земле крестьянина Г.В. Радзевича найден клад римских серебряных монет, из которого в Археологическую комиссию доставлен 21 денарий: Траян – 2, Адриан – 1, Антонин Пий – 5, Марк Аврелий – 8, Коммод – 5. Младшая монета Коммода чеканена в 192 г. н.э. Определение Ю.Б. Иверсена. Наряду с монетами в составе клада найдены серебряные вещи: слиток в виде прямоугольного стержня (вес 97,001 г.), два проволочных кольца со спиральными щитками, проволочное кольцо со щитком в виде свернутой в два ряда проволоки; пластинчатый перстень с несомкнутыми концами; на внешней стороне орнамент в виде зигзага. К двум перстням привешены: ситечко, с отверстиями разного диаметра; миниатюрная наковальня; кусок проволоки с загнутым концом. Хр.: ГЭ, ОПИК, инв. № 1034/1-4. (ДАК 1873, № 11, лл. 1-14; Иверсен 1887: 260; Иверсена 1874; ЗРАО XI, вып. 1-2: 290; Спицын 1925: 132; Moora 1938: 583, прим. 2; Ильин 1921: 35:146; Кропоткин 1951: 157:72; там же 1954: 164:72; там же 1956: 103-105, рис. 13; там же 1961: 97:1384; Поболь 1971: 234, рис. 7: 7-11).

Минская область

1384. Верхмень, Игуменский уезд, не позже 1886 г. Золотая монета Траяна. (Завитневич 1886: 591).

Литовская ССР

1458. Тубаусяй, Кретингский р-н, в могильнике найдены римские монеты. (Michelbertas 1961: 29, № 40).

Латвийская ССР

1471. Даугавпилс, 1935 г. На берегу Западной Двины близ города найден клад из 34 бронзовых монет: Марк Агриппа – 2, Октавиан Август – 2, Клавдий I – 2, Веспасиан – 3, Домициан – 4, Адриан – 6, Антонин Пий – 1, Луций Вер – 1, Луцилла – 1, Фаустина Младшая – 3, Марк Аврелий – 3, Александр Север – 1, Филипп Араб – 1, Волусиан – 1, Диоклетиан – 1, Константин I – 1, неопределенная – 1 экз. Определение Р. Шноре. Хр.: МИЛ, 23666-23696 (до 25 мая 1938 г.), передан в Даугавпилский музей, утрачен в 1941-1945 гг. (Архив МИЛ; Riekstins 1936: 86-87, 91, 92, рис. 1; Кропоткин 1961: 101-102:1471; Уртан 1970: 12, № 10; Urtans 1977: 135, № 10, рис. 42).

1473. Навессала, Рижский р-н, 1915 г. Клад куфических дирхемов в количестве 311 экз. и 5 бронзовых монет Проба, чеканенных в Александрии Египетской. Младшая монета – дирхем 913/14 гг. Определение И.Г. Добровольского. Хр.: клад утрачен, сохранилась фотография. (Snore 1937: 34, рис. 3; Moora 1938: 578, прим. 1; Мугуревич 1965: 22, прим. 2; Кропоткин 1951: 263:175; там же 1961 102:1473; Уртан: 1970: 31, № 47, 48; Urtans 1977: 168, № 47, рис. 77-78).

1495. Страупе, Цессиский р-н, не позже 1923 г. Клад римских бронзовых монет: Август – 1, Антонин Пий – 1, Луций Вер – 1, Коммод – 1, Проб (?) – 1, не определенные монеты – 23, всего 28 экз.; неопределенные античные монеты – 4. Находка сомнительна. Хр.: Рига, исторический музей, 110122-110148, VII: 2097-2101. (Senatne un Mâksla 1: 92:2; ESA, I: 116; Moora 1929: 172:19; Кропоткин 1951: 263:172; там же 1961: 102:1495; Urtans 1977: 135, № 9).

Армянская ССР

1558. Сарнакунк, Сисианский р-н, 1945 г. Весной 1945 г. в глиняном кувшине найден клад серебряных монет, которые разошлись по рукам. Разновременно в музей поступили 373 монеты: республиканские денарии II-I вв. до н.э (135-134 до 32-31 гг. до н.э.) – 225, селевкидские – 58, финикийские – 39, парфянские – 22, армянские – 10, каппадокийские – 8, малоазийские (городской чекан) – 8, македонские – 2, понтийские (тетрадрахма Митридата VI Евпатора) – 1, всего 373 экз. Общий вес клада – 2758,84 г. Младшие монеты в составе клада – денарий Марка Аврелия и его жены Клеопатры, выпущенные в 32-31 гг. до н.э. Определение Х.А. Мушегяна. Хр.: ГМА (поступили в 1946-1966 гг.) (Шахназарян 1950: 7-35; Пахомов VI: 10:1536; Мушегян 1973: 124 и слл.; Голенко, Раджабли 1975: 89, № 39; Кропоткин 1961: 104:1558).

Грузинская ССР

1572. Бори, Орджоникидзевский р-н, начало 1900 г. При раскопках Мачавариани найдены две монеты: гемидрахма Нерона (типа Syd., № 82) и гемидрахма Адриана (типа Syd., № 255?). Хр.: ГМГ. (поступили в 1943-1944 гг.) (Пахомов V: 8:1316; 25:1410; Кропоткин 1961: 105:1572).

1577. Герзеул, Гульрипшский р-н, 1925 г. В глиняном кувшине найден клад серебряных монет, из которого М.М. Иващенко описал 469 экз.: обломок подражания статеру Лисимаха, денарий Августа (2 г. до н.э. – 11 г. н.э.) – BMC I: 89, № 519 сл., 457 монет, чеканенных в Кесарии Каппадокийской: 1 гемидрахма Нерона, 21 дидрахма, 8 драхм и 1 гемидрахма Веспасиана, 8 дидрахм и 1 драхма Домициана, 22 дидрахмы Нервы, 80 дидрахм, 84 драхмы и 1 гемидрахма Траяна, 2 дидрахмы, 13 драхм и 75 гемидрахм Адриана, 63 драхмы Антонина Пия, 28 дидрахм Луция Вера, 59 дидрахм Антонина Пия и Марка Аврелия. В ГМГ М.М. Иващенко передал часть Герзеульского клада, которая не вошла в его публикацию, всего 8 монет: дидрахма Домициана 91-92 гг. н.э (Syd., № 126); дидрахма Нервы 98 г. н.э (Syd., 149); дидрахма Траяна 112-117 гг. н.э (Syd., № 214), драхма Траяна 112-117 гг. н.э (вариант типа Syd., № 198), драхма Траяна 112-117 гг. н.э (Syd., № 223), драхма Адриана 121-122 гг. н.э (Syd., № 278a), драхма Антонина Пия 139 г. н.э (Syd., № 299), дидрахма Луция Вера (вариант типа № 352). Хр.: ГМГ. (8 экз.), ГМ Абхазии (51 экз.) (ИГАИМК т. VII, вып. X, 1931: 1-23; Пахомов II, № 346; Зограф 1945, № 179; Кропоткин 1961: 105:1577; Голенко 1964: 60, № 17; 66, № 17a).

1635. Назоделаву, Чхороцкуский р-н, 1897 г. В урочище «Добера» на левом берегу реки Зака-Цхали в конце апреля 1897 г. в глиняном горшке найден клад серебряных монет, из которого в Археологическую комиссию были присланы 24 монеты: драхма Архелая, царя Каппадокии (34 г. до н.э. – 17 г. н.э.) – 1, римские республиканские денарии (согласно списку Ю.Б. Иверсена: gentes Acilia, Aemilia, Considia, Julia, Salvia, Sicinia, Vibia) – 7, денарии: Юлия Цезаря – Coh., 5 – 1, Августа – Coh., 86 – 9, Coh., 54 – 1, Coh., 105 – 1, Coh., 119 – 1, Coh., 129 – 1, Coh., 177 – 1, Фаустины Младшей – Coh., 13 – 1. Определение Ю.Б. Иверсена. Хр.: ОГАМ. (ДАК 1897 №163, лл. 1-10; ОАК 1897: 66, 77; протоколы ЗООИД, XXII: 94, 98-99; Пахомов I: 40:29; Зограф 1945: 68:118, 72:145, 78:172; Кропоткин 1954: 173:790; там же 1961: 107:1635; Голенко 1964: 82:66).

1646. Пицунда, Гудаутский р-н, 1958 г. При археологических раскопках А.М. Апакидзе найден клад серебряных кесарийских (10 экз.) и трапезундских (139 экз.) монет, 4 дидрахмы Адриана, 1 драхма Луция Вера, 2 драхмы Септимия Севера, 1 драхма Юлии Мезы, 1 драхма Геты, 1 драхма Каракаллы, чеканенные в Кесарии Каппадокийской, всего 10 экз., трапезундские медные монеты: Коммод или Септимий Север – 8, Септимий Север – 25, Юлия Домна – 33, Каракалла и Гета – 2, Каракалла – 12, Элагабал – 20, Гордиан III – 16, Транквиллина – 1, Филипп Араб – 2, Отацилия Севера – 1, Филипп Младший – 1, неопределенные – 18 экз. Младшая монета чеканена в 244-245 гг. н.э. Хр.: ГМГ. (Кропоткин 1961: 108:1646; Голенко 1964: 64, № 15: 75, № 45; НЭ, VI, 1966: 97, № 208 (1646)).

1657. Сухуми, 1954 г. При раскопках М.М. Трапшем римской сторожевой башни найдены три денария: Коммода 186-187 гг. н.э. – BMC IV: 727, № 208; Септимия Севера 195-196 гг. н.э. – BMC V: 42, № 131; Септимия Севера 196-197 гг. н.э. – BMC V: 41 № 162. Определение К.В. Голенко. (Кропоткин 1961: 108:1657; Голенко 1964: 80, 81, № 61).

1658. Сухуми, 1954 г. В крепости найдены: кесарийская монета Каракаллы 210 г. н.э.; две антиохийские монеты, одна из них времени Гальбы, другая – неопределенная; трапезундские монеты: Коммод – 3, Макрин – 1, Каракалла – 1, Орбиан – 1, неопределенные – 2. Хр.: АИЯЛИ. (Голенко 1964, № 38: 73; № 42: 74; № 46: 75).

1665. Уреки, Махарадзевский р-н, 1942 г. В июне 1942 г. при земляных работах обнаружено погребение с монетами: ауреус Тацита – 1, золотое подражание римскому ауреусу III в. – 1, дидрахмы Адриана, чеканенные в Кесарии Каппадокийской – 4; драхма Каракаллы, чеканенная в Кесарии Каппадокийской – 1, всего 7 экз. (Пахомов IV: 21:1051; там же VIII: 14:1923; Кропоткин 1961: 108:1665; Казаманова, Кропоткин 1964: 143:6, табл. 1,7; Голенко 1964: 71:31).

1652. Цхинвали, Юго-Осетинская АО, 1939 г. При земляных работах в районе железнодорожной станции обнаружено погребение с богатым инвентарем и монетами: денарии Августа (2 г. до н.э. – II г. н.э.) – BMC I: 89, № 519 и сл. – 2, драхма Готарза II – 1, грубое подражание ауреусу Нумериана – 1. Хр.: ГМГ. (Пахомов IV: 24:1057; Кропоткин 1961: 108:1652; Казаманова, Кропоткин 1964: 143:4, табл. 1, 4; Капанадзе 1970: 89, № 3).

1672. Цхумари, быв. Квемо-Сванетский р-н, 1937 г. Две золотые монеты: солид Льва I – 1, семисс Анастасия I – 1. Хр.: ГМГ, инв. № 935-936. (Зограф 1945: 54:22; Пахомов IV: 30:1438; Кропоткин 1961: 109:1672).

Указатель географических названий *

Абаш, р., № 1568
Абашский р-н, № 1568, 1651
Абидня, урочище, № 2179
Абиси, № 1565
Абовянский р-н, № 2335
Абхазская АССР, № 1576, 1640, 1643, 1648, 1654-1659, 1670, 1689, 2250-2258, 2315-2320, 2352
Августа Траяна, античный город во Фракии, № 2172
Августа Треверов (совр. Трир), античный город в Галлии, № 246, 357, 359-361, 398, 671, 880, 884, 902, 918, 919, 931, 987, 1057, 1347, 2192
Августиновка, № 429, 430
Агаяни, № 1566, 2232, 2304
Агбулахский р-н, № 1671
Агриппия Кесария, античный город, № 603
Адагумская станица, № 1
Адербиевка, № 2
Аджигольское городище, № 734, 735
Аджикой см. Охотничье, № 615
Адиаман, № 1541
Адлер г., № № 1686-1688
Адлерский р-н, № 1689
Адлерский райсовет, № 4
Адрианополь, античный город, № 2036
Азербайджан, с. 9
Азербайджанская ССР, с. 6, № 1528-1540, 2220-2224
Азизбековский р-н, № 2227
Азия, с. 34
Азовский р-н, № 185
Айслитен, № 46
Аквилея (совр. Гориция), античный город, № 352, 357, 398, 683, 883, 895, 1350
Аквинк (совр. Буда), античный город, с. 5
Аккерманский уезд, № 738, 777, 778
Алгимантай, № 1390
Александрийский р-н, № 825, 860-862
Александрия, № 825
Александрия, город в Египте, № 25, 26, 232, 470, 548, 600, 614, 690, 1199, 1275, 1276, 1318, 1350, 1378, 1464, 1520, 1526, 1527, 2007, 2249, 2253, 2330
Александровка, Белозерский р-н, № 2294
Александровка, Крымский р-н, хутор, № 5
Александровка, Ровенский р-н, № 860
Александровка, Саранский уезд, № 249
Александровка, Тарутинский р-н, № 1857
Александровская гора (ныне ул. Кирова, Киев), № 463
Александровский р-н, № 543, 553, 562
Алексеевка, № 39
Алексеевский затон, № 200
Алексотас, № 1412
Алешка, р., № 39
Алешки, № 1096
Алибей, оз., № 1880
Алитус г., № 1391
Алитусский р-н, № 1391
Алма-Ата г. № 1674, 1680
Алма-Кермен, городище, № 579, 1805
Алма-Томак, городище, № 616
Алатырь, р., № 249
Алтата, р., № 202, 207
Альма, р., № 616
Альседжай, № 1392
Амастрия, античный город, № 585, 639, 2251
Амис, античный город в Малой Азии, № 194
Анадол, № 739
Ананьев г., № 740
Ананьевский р-н, № 740
Анапа г., № 1690
Анапский р-н, № 28, 1690, 1691, 1693-1695, 1704-1706
Анатольевка, № 1848
Ангорский р-н, № 1679
Андреевка, Дымерский р-н, № 439
Андреевка, Златопольский р-н, № 1168
Андриановка, № 741
Андроцминда, № 2233
Андрушевский р-н, № 373
Андруши, № 440
Андуляй, № 1393
Анисово, № 12833
Антиохия, античный город, № 194, 208, 247, 466, 473, 705, 1350, 1355, 1533, 1562, 1579, 1599, 1621, 1742, 1831, 1886, 2055, 2058, 2097, 2208, 2253, 2322
Антонинский р-н, № 1161
Антоновка, Ладыженский р-н, № 1169
Антоновка, Леовский р-н, № 2046, 2047
Антоновка, Уманский р-н, № 1995
Антоновка, Херсонский р-н, № 1097
Антоновцы, № 962, 963
Антополь пгт, № 2166
Антопольский р-н, № 2166
Анхиал, античный город, № 1110, 1155, 2176
Апаранский р-н, № 1563
Апианча, урочище, № 2258
Апполония, город в Иллирии (совр. Пойян), № 401, 1116
Арагви, р., № 1610
Арагвиспири, № 2345
Арбазия, № 1542
Арбузинский р-н, № 732
Ардашер, № 1560
Арегальский р-н, № 1390, 1406
Арелат (совр. Арль), город в Галлии, № 878
Арестов, № 826
Аркила, № 1543
Арль см. Арелат, № 398, 878
Армази (Мцхета), урочище, № 1611, 1612, 1616-1619, 1621, 1626
Армянская ССР, с. 6, № 1541-1564, 2225-2231
Арпа, № 1544, 1545

* Все указатели публикуются в том виде, в каком они даны в рукописи В.В. Кропоткина, без каких-либо изменений. – Прим. ред.

Арташат, № 1546
Арташатский р-н, № 1546, 1551
Артек, № 1796
Арцизский р-н, № 1899, 1900, 1910
Аршинцево, № 566-570
Аршичин, № 1923
Аскалон, античный город, № 943
Ассос, античный город, № 724
Астраханская обл., № 33, 34
Астрахань г., № 33
Атара Армянская, № 2315
Атлантический океан, с. 34
Аукштакиемис, № 1394
Афины г., № 1540
Ахаванадзор, № 2227
Ахалкалаки, № 2305
Ахалкалакский р-н, № 2233, 2305
Ахалцихский р-н, № 1567
Ахтинский р-н, № 1548
Ахтуба, р., № 34
Ахтырка г., № 944
Ахтырский р-н, № 944
Ахтырский уезд, с. 7
Ахурянский р-н, № 1550, 1556
Ашнак-Апарана, № 1547
Аштаракский р-н, № 1543, 1554, 1555, 1561, 2336
Бабанка, № 1170, 1996
Бабанский р-н, № 1170, 1265
Бабин, № 827
Бабина криница, урочище, № 1332
Бабинцы, № 964
Багинети, урочище (Мцхета), № 1622, 1625, 1628
Багир, № 1677
Баграт, гора, № 1597
Багратионовский р-н, № 62, 117, 147, 155
Багриновцы, № 259
Бадичены, № 2049
Баев, № 1747
Базалеевка, № 1072, 1073
Бакла, пещерный город в Крыму, № 1839
Бакота, № 1116, 1967-1970
Баксан, р., № 246
Баку г., № 1552
Балаклава г., № 571, 572
Балканский п-ов, с. 18
Балта г., № 1858
Балтийское море, с. 5, 27
Балтский р-н, № 1858, 1890
Балцаты, № 1341, 2049
Бандза, № 1568
Бандужяй, № 2180
Банилов, № 1322, 2295
Банновка, № 1859
Барановичская обл., № 2070
Барда, № 1528
Бардинский р-н, № 1528
Барздунай, № 1395, 1396
Барский р-н, № 291
Барсуки, № 1938
Бартым, с. 20
Барышевский р-н, № 520
Бастионная 4-я ул. (г.Севастополь), № 621
Батуми г., с. 20, № 1569
Батумский р-н, № 1569
Баурчи, № 2050
Бауский р-н, № 1463, 1497
Бахчисарай г., с. 6
Бахчисарайский р-н, № 579, 615, 616, 636, 1804, 1805, 1824, 1826, 1827, 1838-1840
Башкирская АССР, № 245
Башковцы, урочище, № 2285
Беахни-куп, № 251
Бегень, № 860
Бегомльский р-н, № 1383
Бедриковцы, № 1117
Бежаны, № 173
Безугловка, № 1284
Безымянка, № 47
Белаши, № 1953
Белая, № 1939
Белгород-Днестровский г., с. 19, № 742-752, 1860-1872, 2279-2288, 2329
Белгород-Днестровский р-н, № 742-752а, 1860-1873, 1877, 1893, 1901, 1911, 1912, 2279-2288, 2329
Бегородка, Киево-Святошинский р-н, № 441
Белгородка, Изяславский р-н, с. 21, № 1118
Белгородская обл., № 35-38, 1718-1720
Белгородский уезд, № 35
Белев г., № 239, 240
Белевский р-н, № 239, 240
Белевцы, № 965
Белелуя, Сокальский р-н, № 640
Белелуя, Снятинский р-н, № 870-873
Беленькое, № 1873
Белеуцы, № 1342
Белз г., № 641
Белка, № 753
Белобожница, № 966
Белобожницкий р-н, № 966, 1007, 1008
Беловодский р-н, № 1760
Беловский р-н, № 172
Белогорский р-н, № 1983, 1994
Белозерка, № 967, 1098
Белозерский р-н, № 2294, 2333
Белополье, № 945
Белопольский р-н, № 945
Белоруссия, с. 13, 17, 33
Белорусская ССР, с. 6, № 1372-1389, 2166-2179
Белоусовка, № 260
Белоцерковский округ., № 442
Белоцерковский р-н, № 452, 510, 529, 542, 1794
Белояровка, с. 20
Белчанская волость, № 952
Белый Городок, № 1722
Бельбек, р., № 620
Бельджамен см. Водняское городище, № 223-227
Бельцкий р-н, № 1342
Бельцы г., № 2051
Беляевка, № 1874
Беляевский р-н, № 779, 1874
Беляус, городище, № 1806

Бендерский р-н, № 1345, 2052
Бендерский уезд, № 1343
Бендеры г., № 2052, 2144
Бендиглаукен, № 48
Беня см. Доброселье, № 404
Бердичев г., № 367-369
Бердичевский р-н, № 369-371, 387, 392, 1765, 1774
Бердянск см. Осипенко, г., № 434
Береги, № 394
Берегово г., с. 19, № 395, 396
Береговский р-н, № 394-397, 403, 1780
Бережанка, № 1119
Бережанский р-н, № 1018, 1033
Березанский р-н, № 495
Березань, о-в, № 697, 698
Березина, р., № 1383
Березное, № 1285
Березнянский р-н, № 1285, 1313
Березов, № 874
Березовка, № 1372
Березовский р-н, № 761, 764, 1881
Беремяны, № 968
Бересняги, № 1171
Берестечковский р-н, № 318
Берестовец, № 1172, 1997
Берестовица, № 2177
Берестовицкий р-н, № 2177
Бержорас, № 2181
Берзауне, № 1462
Берислав г., № 1099
Бериславский р-н, № 1100, 1103-1105, 1965
Бернацкий, ручей, № 1290
Бернацкий, хутор, № 1290
Бертасвальде (г.Калининград), № 49
Бертишов, № 345
Беруни г., № 2267
Берунийский р-н, № 2267
Бершадский р-н, № 261
Бершадь г., № 261
Бесаргечарский р-н, № 1542
Бесединский р-н, № 171
Бешалма, № 2053
Беэль, с. 23, № 573
Бжни, № 1548
Бизюково городище см. Красный Маяк, № 1105
Биленковы Бурты, урочище, № 2005
Бильче, № 969, 970
Бильче Злото см. Бильче
Биля Спинжарка, урочище, № 796
Бирюки, № 443
Бирки, № 543
Бискупицы Шляхетские см. Соснина, № 340
Битягала, № 2182
Благовещенская церковь (с.Крылос), № 906
Благодатовка (быв. Эрнсдорф), № 642
Блищанка, № 971
Бобринец г., № 544
Бобринецкий р-н, № 544
Бобрица, № 1173
Бобрка г.,№ 643
Бобркский р-н, № 642, 643, 658, 663, 664, 672, 687
Бовшев, № 1782
Богатое, № 50
Богдановка, № 262
Богодухов г., № 1074
Богодуховский р-н, № 1074, 1086, 1964
Богодуховский уезд, № 1075
Богородчанский р-н, № 1717, 1785
Богуслав г., № 444
Богуславский р-н, № 444, 445, 527
Болгария, с. 22
Болгары с. (г. Болгар), № 252, 253
Болград г., № 1875, 1876
Белградский р-н, № 774, 1875, 1876
Болехов, № 875
Болеховский р-н, № 875, 877, 901
Болниси г., № 1570
Болнисский р-н, № 1570, 2237
Большаковский р-н, № 54
Большая Бугаевка, № 445
Большая Знаменка, № 430а, 431
Большая Кужелева, № 1971
Большая Севастьяновка, № 1998
Большая Шкаровка, № 1972
Большовцовский р-н, № 876, 914
Большовцы пгт, № 876
Большой Узень, р., № 202, 207
Боратин, № 316
Боржава, № 396
Борзна г., № 1286
Борзнянский р-н, № 1286, 2041
Бори, № 1571, 1572, 2234
Бориничи, № 346
Боринский р-н, № 347, 353
Бориня, № 347
Борисовка пгт, № 36, 1718
Борисовский р-н, № 36, 1718-1720
Борисфен (Днепр), р., с. 34
Боришковцы, № 973, 974
Борки Дедеркальские, № 1940
Борки Малые, № 972
Борнсминде, № 1463
Борнхольм о-в, с. 31
Боровский р-н, № 1960
Борочицы, с. 21, 22, № 317
Бортничи, № 348
Борщёвский р-н, № 964, 969, 970, 988, 1027, 1049
Борщёвский уезд, № 975
Босиры, № 976
Боспор, с. 28, № 1110, 1199
Боспорское царство, с. 7
Бравичены, № 2054
Браил г., № 1328
Бранешты, № 2055
Браны, № 318
Браслав г., № 1388
Браслава, № 1465
Браславский р-н, № 1388
Братово, № 1776
Братулены, № 2056

Брацлав пгт, № 263
Брацлавский р-н, № 263, 273, 276, 302
Брест г. № 2167, 2168
Брестов с, с. 21, 22, № 398
Брестская обл., № 1372-1376, 2166-2173
Брестский р-н, № 1372, 2169
Бричанский р-н, № 2068, 2118, 2125
Броварский р-н, № 457, 521
Бродовский р-н, № 644, 667, 674, 683
Броды г., № 644
Бронница, с. 19, № 264
Брусия, № 780
Брыкуля, № 1120
Брынза, № 2057
Брюховичи, № 645
Бряза, № 901
Брянская обл., № 39, 40
Бубнище, № 877
Буг Южный, р., с. 11, 19, 28, № 700, 701, 704
Буданов, № 977
Будановский р-н, № 977, 1034, 1035
Будапешт г., № 398
Буда Поташанская, № 1999
Буденновск г., № 32
Будераж, № 1924
Будешты, № 1344
Будищи, № 1174
Будятичи, № 319
Букачевский р-н, № 878, 896
Букачевцы пгт, № 878, 896
Булганакская 2-я ул. (г.Керчь), № 603
Булдури, № 1466
Бульварная ул. (г.Чернигов), № 1315
Бумбата, № 2058
Буновка, № 320
Бургунка, № 1465
Бурдей, № 1323
Бурштынский р-н, № 915
Бусский р-н, № 657
Бухара г., № 1683
Бучачский р-н, № 1040
Бучушка, № 2059
Бушарино, № 176
Бушаринское городище, № 176
Быково пгт, № 177
Быстрик, № 1765
Быховский р-н, № 1387, 2179
Бышевский р-н, № 538
Вадул-Туркулуй, № 2060
Вайгува, № 1397
Вайне Марья, № 1510
Вайне Марьяский р-н, № 1510
Вайнёде, № 1464
Вайнёде-Бата, шоссе, № 1464
Вайтекунай, № 2183
Валдайский р-н, № 1725
Валены, № 2061
Валковский р-н, № 1087, 1088, 1090
Валкский р-н, № 1499
Валмиерский р-н, № 1467
Валуйский уезд, № 37
Вальдемара ул. (г. Рига), № 1490
Валя, урочище, № 1331
Валя-Норокулуй, № 2062
Ванджегала, № 1398
Вани пгт, № 1573, 2306
Ванский р-н, № 1573, 2306
Вардисубакская ул. (г. Телави), № 1663
Варениковская станица, № 1692
Варенский р-н, № 2194
Варзарешты, № 2063
Варница, № 1343
Варняй г., № 1399, 2184
Варняйский р-н, № 1399, 2215
Варшава г., № 317, 1039, 1055, 1360
Васильевский р-н, № 501
Васильков г., № 446
Васильково, № 51
Васильковский р-н, № 445, 446, 448, 461, 506
Васильковский уезд, № 447, 1786
Васильковцы, № 978
Вашковецкий р-н, № 1322
Вашловани, № 1574
Введенская церковь (г. Киев), № 472
Вединский р-н, № 1562
Вежайчай, № 1401, 2185
Век-Ате, № 1467
Великая, р., № 1727
Великая Березовица, № 976
Великая Глумча, № 372
Великая Гораздовка, с. 16
Великая Ольшанка, № 448
Великая Снетинка, № 449
Великие Грибовичи, № 646
Велико-Багачанский р-н, № 803
Велико-Борковский р-н, № 990
Великодедеркальский р-н, № 980, 981, 1066, 1071
Велико-Михайловский р-н, № 754
Великомостовский р-н, № 654, 659
Великописаревский р-н, № 952а
Великоплоское, № 754
Великополе, № 647
Велико-Половецкий р-н, № 496
Велюона, № 1400
Вена г., № 1063
Вербична, № 1121
Вербка-Мурованая, № 1973
Вербное, № 52
Вербовка, № 1100
Вербовцы, хутор, № 1198
Вербский р-н, с. 27, № 829
Веремье, № 450
Вересково, № 1378
Верин холм, урочище, № 2258
Верхмень, № 1384
Верхнее Поднестровье, № 915
Верхне-Хортицкий р-н, № 429, 430, 436-439
Верхний Бешкин, № 1954
Верхний Салтов, № 1076
Верхнячка, № 2000
Верхняя Аутка, № 639
Верхняя Липица, № 1784
Верхняя Мануйловка, № 781

Верхняя Мезия, провинция Римской империи, № 263, 364, 494
Верхняя Эшера, № 2316
Верховня, № 1695, 1766
Верхозим, № 182
Верчаны, № 349
Вершвай, пригород г.Каунаса, № 2193
Веселая Балка, урочище, № 1713, 1918
Веселая гора, № 28
Вецпилс, № 1468
Вецсвирлауке, № 1470
Вижницкий р-н, № 2295
Византийская империя, с. 20
Византия, с. 9, 30
Виймси, № 1506
Викнины Великие, № 980, 981
Викно, № 982
Викторов, № 879
Викторовка, № 1849
Вилия, р., № 1940
Вилкавишский р-н, № 2200, 2202
Вилкай, с. 21, № 1402
Вилок, № 400
Вилькийский р-н, № 1400, 1452
Вильнюс г., с. 6, № 465, 1388, 1397, 1447, 1455
Вильнюсский р-н, № 2199
Вильсанди, о-в, № 1507
Вилы Ярузские, № 265
Виминакий, античный город, № 263, 264, 494, 1993
Виндобона (совр. Вена), античный город, с. 5
Винники, № 468
Винниковский р-н, № 648
Винница г., № 266
Винницкая обл., № 259-315, 1735-1746
Винницкий р-н, № 295, 296
Виноград, № 1175
Виноградов г., № 400, 401
Виноградовский р-н, № 399-401, 414, 415, 423, 424, 427, 1776, 2324
Виртсу, № 1508
Виру-Нигула, № 1509
Висла, р., с. 5, 17, 25, 31
Витебская обл., № 2174, 2175
Вифиния, провинция Римской империи, № 237, 1110, 1145, 1435, 1600, 1726, 2215, 2274
Вишневка, № 2064
Владимир-Волынский г., № 321, 1748
Владимир-Волынский р-н, № 321, 331, 333, 336, 1754
Владимир-Волынский уезд, с. 7, № 320, 1748
Владимирская горка (г. Киев), № 481
Владимирский р-н, № 737
Владимирцы, № 350
Водопроводная ул. (г. Одесса), № 768
Водянка, р., № 232
Водяное, № 649
Водянское городище, № 223-227
Военно-Грузинская дорога, № 251
Военно-Осетинская дорога, № 1598
Воздвиженская ул. (г. Киев), № 470
Вознесенск г., № 730
Вознесенский уезд, № 730
Войнилов, № 880
Войниловский р-н, № 880, 893
Войтов см. Заря, № 457
Войтово, № 2001
Волга, р., с. 15, 20, № 33, 211, 219, 220, 254, 255
Волгоградская обл., № 223-238, 1721
Волго-Донская пристань, № 1721
Волжская Булгария, с. 20
Волковинецкий р-н, № 1122
Волковинцы, № 1122
Волково, № 53
Волковцы, № 946, 947
Волковысский р-н, № 2178
Воловецкий р-н, № 417
Волосковицы, № 1925
Волосов, № 1783
Волосская ул. (г. Киев), № 1790
Волошское, № 340а
Волчишёвцы, № 351
Волынская губ., с. 8
Волынская обл., № 316-340, 1747-1759
Волынь, с. 9, 11, 16, 19, 25, 26, 29, 32, 34, 35, № 322-324
Волынский р-н, № 218
Волынский уезд, № 217
Ворничены, № 2065
Ворожба, № 945
Воронеж г., № 41-43, 45
Воронеж, р., № 45
Воронежская обл., № 41-45
Воронежский р-н, № 45
Воронцовка, № 3
Вороцив, № 650
Ворошиловградская обл., № 696, 1760
Ворскла, р., № 796
Восточная Галиция, № 246, 1762
Восточный Туркестан, № 1684
Вулканештский р-н, № 1370, 2057, 2061, 2079, 2082-2084, 2099, 2111, 2160
Выгнанка, № 1767
Выгоданка, № 325
Выграев, № 1176
Выдубицкий монастырь (г. Киев), № 480
Выпасное, № 1877
Выползов, № 1287
Вырывка, № 948
Высоково, № 54
Высокофедоровка, № 651
Высоцкий р-н, № 828
Высоцк, № 828
Вычавки, № 829
Вышкауцы, № 2066
Вышневолоцкий уезд, № 158
Вяйке Марья, № 1510
Вяйке Марьяский р-н, № 1510
Габриелишки, № 1403
Гагра г., № 1575
Гагрский горсовет, № 2251-2253, 2317
Гагринский р-н, № 1575
Гадинковцы, № 983, 984
Гайворонка, № 985

Гай-Кадзор, № 1693-1695
Гайсин г., № 267, 268
Гайсинский р-н, № 269, 274, 280, 284, 1737, 1742
Галиция, № 1761
Галич г., № 882-886, 904
Галичский р-н, № 879, 882-886, 895, 898, 904-907, 909, 913, 937, 1782, 1784
Галлия, провинция Римской империи, с. 23, № 1115, 2222
Галущинцы, № 986
Гальский р-н, № 1576, 1584, 1640, 1643, 2352
Ганчинский р-н, № 2266
Гараповка, № 373
Гаргждай г., № 1404, 2207
Гармашевка, № 1760
Гарни, № 1549
Гатоны, № 205
Гатчинский р-н, № 174
Гауре, № 1405
Гаутен, № 55
Гвардейск г., № 56
Гвардейский р-н, № 53, 56, 129, 136, 146
Гвоздецкий р-н, № 890, 917, 932, 941
Геленджикский р-н, № 2, 12
Гелува, № 1406
Гельмязовский р-н, № 1197, 1216, 1244
Гераклейский п-ов, № 574, 627, 1828, 1832, 2325
Гераклея Понтийская, античный город, № 466, 597, 634, 774, 895, 2274
Герзеул, № 1577
Гермаковка, № 987
Германия, с. 24
Геройское, № 58
Гидигич, № 2067
Гижгит, № 246
Гинтарай, № 2186
Гипенай, № 2187
Гиссар, № 1676
Главани, № 755
Глдани, № 1578
Глезно, № 1768
Глибовка, № 1717, 1885
Глинжены, № 2069
Глинка, № 2068
Глинск г., № 830, 949, 950, 957
Глинский р-н, № 949
Глиняны, № 652, 653, 1845
Глобино, № 782
Глобинский р-н, № 782
Глодянский р-н, № 2110
Глубокое, № 1955
Глубочек, № 988
Глубочица, урочище (г. Киев), № 1789
Гнатки, № 1974
Гнилица, урочище, № 929
Гнилой Тикич, р., № 1213
Гоголевский р-н, № 818, 819, 822, 823
Голая Пристань г., № 1101
Голованевский р-н, № 545, 560
Головенское, № 59
Головин, № 831
Головковка, № 1177
Головно пгт, № 323
Головнянский р-н, № 326
Головчино, № 1719, 1720
Голопристанский р-н, № 1096, 1101, 1108, 1109, 1966
Голосков, № 1123
Голубовка, № 374
Гомельская обл., № 1377, 2176
Гора, № 654
Горбачка, урочище, № 2280
Горгиппия (совр. Анапа), античный город, № 1690
Гордашевка, № 2002
Гордиевка, № 270
Гореничи, № 451
Горешты, № 2070
Гори г., № 1579-1582, 2247, 2295
Горигляды, № 887
Горийский р-н, № 1566, 1579-1582, 1664, 2309
Горийский уезд, № 1583
Гори-Цхинвали, жел. дорога, № 1652
Горная, р., № 1213
Горный Тикич, р., № 1186
Городенковский р-н, № 888, 889, 916, 928, 940
Городище г., № 183
Городище, урочище, № 297
Городище, Белоцерковский р-н, № 452
Городище, Малинский р-н, № 375
Городище, Резинский р-н, № 2071
Городище, Шепетовский р-н, № 1124, 1975
Городище, Ярунский р-н, № 376
Городищенский р-н, Пензенская обл., № 183
Городищенский р-н, Черкасская обл., № 1228, 1229, 2008-2011
Городница, № 888, 889
Городное, № 2292
Городок, Городокский р-н, с. 16, № 655
Городок, Маневичский р-н, № 327
Городокский р-н, Львовская обл., № 655, 656
Городокский р-н, Хмельницкая обл., № 1117, 1164
Городятичи, № 656
Горонда, № 403
Горохов г., № 1750, 1751
Гороховский р-н, № 330, 1750, 1751
Горошево, № 989
Горынь, р., № 825, 859
Горышковка, с. 21, № 271
Горького ул. (г.Рига), № 1490
Горяче-Ключевский р-н, № 6
Горячковка, № 272
Госпитальная ул. (г.Керчь), № 598
Готланд, о-в, с. 31
Гочево, № 172
Гощанский р-н, № 858
Грабова, № 657
Грабовицы, с. 12, № 273
Градижский р-н, № 784, 797, 812
Грайбау, № 60
Грановое, № 274
Граши, № 1469

Гребитен, № 61
Грибовка, № 1878
Григориопольский р-н, № 1363, 2116, 2343
Григоровка, № 453
Гридасово, № 163
Гримайловский р-н, № 972, 982, 1016, 1023, 1048
Гринев, № 658
Гриневцы, № 1769
Грицевский р-н, № 1120
Грицевцы, № 1941, 1942
Гришенцы, с. 19, № 1178, 1179
Гродково (ПНР), д., с. 15, 21
Гродненская губ., с. 8
Гродненский р-н, № 1379
Гродно г., № 1379
Грозинцы, № 2296
Грос-Вальдек, № 62
Грузинская ССР, с. 6, № 1565-1673, 2232-2265, 2304-2320, 2345-2353
Грузия, с. 16
Грузское, № 545
Грунайкен, № 63
Грунский р-н, № 951
Грунь, № 951
Грустань, № 1468
Грушевка, № 699
Грушевое, № 1733
Грушевцы, № 2042
Грушевый холм, урочище, № 2258
Грушка, № 1127
Грязнуха, № 228
Губарев, № 1976
Губерния, урочище, № 2166
Губков, № 832-836
Гудава, № 2352
Гудаутский р-н, № 1648, 2250
Гудзовка, № 1180
Гуживка, № 1288
Гудиджан, № 1550
Гулбенский р-н, № 1489
Гульрипшский р-н, № 1670, 2256-2258, 2318-2320, 2353
Гуляйполе, № 2003
Гумуриши, № 1584
Гура-Быкулуй, № 2072
Гурджаанский р-н, № 2346
Гурзуф, № 576, 577
Гурьевск г., № 140
Гурьевский р-н, № 89, 91, 96, 101, 105-107, 120, 123, 125, 137, 143, 157
Гусевский р-н, № 113
Гусятин, № 1125
Гусятинский р-н, № 978, 1046, 1068
Гута Межиричская, № 2004
Гыртоп, № 2073
Гямриз, № 2335
Давыдовка, Пирятинский р-н, № 787
Давыдовка, Полесский р-н, № 64
Дагиляй, № 1407
Дадулени-Векь, № 1344
Дакия, провинция Римской империи, с. 5, 10, 23, 24, 28, 34, № 980
Дампали, № 1585
Дандале, № 1470
Данилова Балка, № 546, 1799
Данка, № 2074
Данчены, № 2075-2078
Даргелишкес, № 1408
Даугава, р., № 1468
Даугавпилс г., с. 19, № 1471
Даугавпилсский р-н, № 1468, 1471, 1478
Даугайский р-н, № 1458
Даукшачай, № 2188
Дацки, № 1770
Дачное, с. 21, № 578
Дашев, № 275
Дашевский р-н, № 275, 278
Двин г., № 1551
Двина, р., № 2174
Дворец, № 837
Дворцы, № 659
Девица, № 43
Дейвитис, оз., № 1436а
Деймановка, № 783
Демидовский р-н, № 846, 866
Дергачевский р-н Саратовская обл., № 201, 202
Дергачевский р-н Харьковская обл., № 1953
Дергачи пгт, № 201, 202
Деревянное, № 1926
Дережнянский р-н, № 839
Дериевка, № 341
Десна, р., № 2040
Десятинная церковь (г. Киев), № 476
Детиничи, с. 27
Деульт (Deultum), античный город, № 1756, 1899
Джамбул г., № 1675
Джамбульская обл., № 1675
Джапаридзе ул. (г. Мцхета), № 1730
Джерельный Яр, урочище, № 1913
Джулинский р-н, № 299
Джурджулешты, № 2079
Джурков, № 890
Дигоми, № 1586
Дидилов, № 660
Диди-Лало, № 2235
Дидова Хата, городище, № 2327
Диканьский р-н, № 780
Диоскуриада, античный город, № 1659
Дирмейкяй, № 1409
Диррахий, город в Эпире, № 401, 529
Дичков, № 990
Дманисский р-н, № 2238, 2240
Дмитриевка, Одесский р-н, № 756
Дмитриевка, Очаковский р-н, № 2326
Дмитриевский р-н, № 1291
Дмитрушки, № 1182
Днепр, р., с. 10, 11, 19, 33, 34, № 437, 1101, 1235, 1764
Днепр Средний, с. 9, 14
Днепропетровская обл., № 340-344, 1763, 1764
Днепропетровский р-н, № 340а, 343
Днестр, р., с. 5, 10, 11, 16, 19, 27, 31, 33, 34, № 746, 2141, 2147, 2300, 2341

Днестровский лиман, № 772, 773, 1866, 1869, 1903
Добера, урочище, № 1635
Добромиль, № 352
Добромильский р-н, № 352, 354, 359, 365
Доброселье, № 404
Добрянский р-н, № 1303
Доланлар, № 1529
Долгая Пристань, № 700
Должанка, № 991
Должок, № 1128
Долина, № 891-892а
Долинное, № 1804
Долинский р-н, № 892, 892а, 925
Доманинка, № 992
Домница, с. 17, № 757, 758, 1879
Дон, р., с. 14, 20, 34, № 230
Дондюшанский р-н, № 2085, 2091
Донецкое городище, № 1092
Дорошивцы, № 1324
Дрежай, № 2189
Дрогобычская обл., № 345-366
Дрогичинский р-н, № 2171
Дрокиевский р-н, № 2080
Дрокия, № 2080
Дружба, № 65
Друя, № 2174
Дубно г., № 839, 2290
Дубновский р-н, № 838, 1930, 1931, 1933, 2290
Дубовица, № 893
Дубовка г., № 223
Дубовое, № 405
Дубовский р-н, № 223-227
Дубоссарский р-н, № 2122, 2159
Дубровка, № 66
Дудари, № 454
Думанов, № 1129, 2334
Дунаевецкий р-н, № 1146, 1971
Дунай, р., с. 8, 27, 34
Дусанов, № 661
Душетский р-н, № 1666, 2236, 2345
Дюрсо, р., № 1715
Дыбинцы, № 455
Дымерский р-н, № 439
Дьяковка, № 203
Дядьковичи, № 1927
Европа, с. 20, 25, 34, № 943
Европа Восточная, с. 5, 6, 8-30, 32-35, № 1199
Европа Западная, с. 26
Европа Северная, с. 31
Европа Средняя, с. 13, 21, 24, 28, 31, 34
Европа Центральная, с. 5, 10, 11, 19, 21, 23, 24, 27, 32
Единецкий р-н, № 2081, 2101, 2102, 2132
Езнасский р-н, № 1431, 1433, 2205
Езупиль см. Жовтень, № 895
Ейгуляй, № 1410
Ейский р-н, № 3
Екатеринославская губ., с. 8
Елгава г., № 1484, 1497
Елгавский р-н, № 1470
Елец г., № 175
Елецкий р-н, № 175
Елизаветовская станица, № 185
Елисаветград см. Кировоград г., № 564
Емильчинский р-н, № 372, 381
Емцы, № 1953
Енотаевский р-н, № 33
Ереван г., с. 19, № 1552, 2228
Еремеевка, № 784
Ерсика, городище, № 1472
Еруслан, р., № 203, 204, 236
Есауловка, № 186
Етулия, № 2082-2084
Ехегнадзорский р-н, № 1544, 1545
Жабинцы, № 993
Жаботин г., № 1183, 1184
Жабче, № 328
Жашков г., № 1185
Жашковский р-н, № 1185, 1281
Ждановский р-н, № 1538
Железнодорожный пгт, № 67
Железнодорожный р-н, № 57, 67, 81, 141
Желиборы, № 864
Желобы, урочище, № 1941, 1942
Желтый Яр, № 1880
Желудки, № 1380
Желудокский р-н, № 1380
Жеребки, № 994
Жигайловка, № 952
Жинвали, № 2236
Житный базар (г. Киев), № 477
Житомирская обл., № 367-394, 856, 1765-1775
Житомирский р-н, № 386, 386а
Жихарь, № 1076
Жмеринский р-н, № 304, 306
Жнятин, № 406
Жовнин, № 2005
Жовтанцы, № 662
Жовтень, № 895
Жорнище, № 1735
Жуковское, № 68
Журавно, № 353
Журавновский р-н, № 350
Журов, № 896
Журовка, Городищенский р-н, с. 21, № 2008-2011
Журовка, Шполянский р-н, № 2006, 2007
Заболотов пгт, с. 21, № 897
Заболотовский р-н, № 897, 899, 933
Забугский р-н, № 641
Забужье, с. 21, № 276
Завадовка, № 1881
Завалье, № 995
Заветное, № 579, 1805
Завидинцы, № 1130
Загайканы, № 1346
Загородье, № 158
Задаров, № 996
Задворцы, № 1372
Заздрость, № 997
Заим, № 2336
Закавказье, с. 9, 13, 14, 16, 17, 20, 22
Закарпатская обл., с. 20, № 395-428, 1776-1781,

2324
Зака-Цхали, р., № 1635
Залесное, № 580
Залесье, № 998, 1131
Залещики г., № 999-1001
Залещицкий р-н, № 971, 999-1001, 1014, 1017, 1037, 1038, 1950
Заложцевский р-н, № 1012
Залуква, № 898
Залучье, № 1002
Замчиско, урочище, № 1847
Замьяны, № 33
Заостровье, № 70
Западная Двина, р., № 1471
Западный Буг., р., с. 31
Запорожская, № 1696
Запорожская обл., № 429-438
Запорожский р-н, № 432
Запорожье г., с. 6
Зарайский р-н, № 2187
Зарасский р-н, № 1411
Заречье, № 389
Зарубинцы, № 456, 1787
Заря (быв. Войтов), Броварский р-н, № 457
Заря, Татарбунарский р-н, № 1882
Заставка, № 1325
Заставновский р-н, № 1324, 1325, 2043, 2300
Затишье, № 1956
Заудайка, № 1289
Заячивка, № 1736
Збараж г., № 1003-1005
Збаражский р-н, № 1003-1005, 1010, 1031, 1047, 1052, 1941, 1942, 1951
Зборов г., № 1006
Зборовский р-н, № 1006, 1948
Збуж, с. 19, № 839
Звенигород г., № 663, 664
Звенигородка, № 1186, 2012
Звенигородский р-н, Московская обл., № 176
Звенигородский р-н, Черкасская обл., № 180, 1186, 1226, 1247, 1262-1264, 2012, 2024, 2033
Звенячин, № 2043
Звиняч, № 1007, 1008
Згудери, № 2307
Здолбуновский р-н, № 830, 865
Здолбуновский уезд, № 840
Зебрановка, № 899
Зеленовка, № 547, 548
Зеленоградский р-н, № 109, 2323
Зеленый Гай, № 71
Земо-Авчала, № 1587, 1588
Зеравшан, р., № 1682
Зестафони, № 1589, 1590
Зестафонский р-н, № 1589, 1590, 1594, 1595, 2234
Зикрачи, № 458-460
Зимна вода см. Водяное, № 649
Златопольский р-н, № 1168, 1220, 1230, 1232, 1233, 1270, 1271
Злынка, № 549
Змеиный залив, № 590
Змиевский р-н, № 1954, 1955, 1961, 1962
Змиевский уезд, № 1078
Знаменский р-н, № 77
Знаменское, № 1806
Знаменское городище, № 431
Золотая Балка, № 1102
Золотники, № 1003
Золотниковский р-н, № 985, 1009
Золотой мыс, городище, № 2333
Золотоношский р-н, № 1202
Золотоношский уезд, № 1186а
Золото-Потокский р-н, № 968, 1069
Золотые ворота (г.Киев), № 1788
Золочев г., № 2275
Золочевский р-н, № 652, 653, 675, 679, 690а, 1845, 2275
Золочевский уезд, № 665
Зугдидский р-н, № 1591, 1660
Зюк, мыс, № 613
Зятковцы, № 277
Иваницкий р-н, № 1307
Иваничи, Иваничевский р-н, № 1752
Иваничи, Ровенский р-н, № 2330
Иванковцы, Кицманский р-н, № 2297
Иванковцы (быв. Янковцы), Лановецкий р-н, № 1943
Иванковцы, Любарский р-н, № 1771
Иванковцы, Ново-Ушицкий р-н, № 1132, 1133
Ивановице, с. 21
Ивановка (быв. Янчин), Поморянский р-н, № 665а
Ивановка, Ленинский р-н, № 1807
Ивановский р-н, Одесская обл., № 753
Иванополь, № 378
Ивано-Франковская обл., № 870-943, 1782-1785
Ивано-Франковский р-н, № 647, 650, 680
Иванчаны, № 1010
Иванье, № 1011
Иваньковичи, № 461
Ивахники см. Яхники, № 824
Ивачив, № 1012
Ивашков, № 1883
Иверская гора, № 2243
Игналинский р-н, № 2191
Игнатовка, № 269
Игуменский уезд, № 1384
Ижевск г., с. 15, № 256
Ижевский р-н, № 256
Изворы, № 2085
Измаил г., № 1884
Измаильский р-н, № 1859, 1884, 1895-1898
Измайловка, р., № 179
Измайлово (район г. Москвы), № 179
Измайловский лес (г. Москва), № 179
Изюмский р-н, № 1079
Изяславский р-н, № 1118
Изяславское городище, № 1124
Икшкиле пгт, с. 18, № 1473
Иллирия, провинция Римской империи, № 529, 1116
Иловля, р., № 228
Илурат, античное городище, № 1807

Ильинецкий р-н, № 300, 1735, 1746
Ильинская площадь (г. Ярославль), № 244
Имбрадас, № 1411
Ингулец, р., № 733
Ингушия, № 257
Индия, с. 17, 28
Инешты, № 2086
Инкерман, № 581-586
Инкерманская долина, № 1829
Инсар, р., № 249
Инундены, № 2087
Ион-Водэ, № 2088
Ирага, № 1592
Иргиз, р., № 208
Иршавский р-н, № 418
Исаков, № 900
Иссык-Куль, оз., № 1682
Истр см. Дунай, с. 34
Истрия, античный город, № 1110
Ичнянский р-н, № 1288, 1289, 1296, 1302, 1304, 1305
Йокубайчай, № 2190
Йыхвиский р-н, № 1524
Кабала, № 2221-2222
Кабардино-Балкарская АССР, № 246, 247
Каветчина, № 1977
Кавказ, с. 9, 13, 16, 17, 19
Кавказ Северный, с. 13, 15-17
Кавтисхеви, № 2308
Кавуновка, № 1187, 1188
Кагарлык, № 1684
Кагарлыкский р-н, № 539, 540, 1798
Кагульский р-н, № 2094, 2108
Кадиевцы, № 1134, 1135
Казанешты, № 2089, 2090
Казанская губ., № 254, 255
Казанская станица, № 1697
Казань г., с. 8, 15, № 252
Казатинский р-н, № 297
Казахская ССР, с. 6, № 1674, 1675
Казахстан, с. 9
Казацкая Сечь, урочище, № 1223
Казацкое, № 1103, 1104
Казбекский р-н, № 1653
Каземниеки, № 1474
Казитишкис, № 2191
Казимирка см. Кузьмивка, № 845
Казинская волость, № 37
Казрети, № 2237
Калагет, урочище, № 1535
Каламита, пещерный город, № 582
Калантаево, № 1800
Каларашовка, № 2091
Каларашский р-н, № 1357, 2065, 2110, 2145, 2146, 2158
Калетинцы, № 1139
Калинешты, № 2092
Калинин г., с. 15, № 159
Калининград г., № 49, 72, 73, 82, 126, 145, 154
Калининградская обл., с. 15, № 46-157, 2323
Калининская обл., № 158, 159, 1722
Калиня, № 1138
Калиш г., (ПНР), с. 15
Калишское воеводство (ПНР), с. 8
Калластеский р-н, № 1511
Каллатия, античный город, № 1110
Калуга г., № 946
Калужская губ., № 160
Калужская обл., № 160, 161
Кальник, Дашевский р-н, № 278
Кальник, Мукачевский р-н, № 406
Каменецкий р-н, № 1375
Каменец-Подольский г., № 757, 1137, 1978-1980
Каменец-Подольский р-н, № 1128, 1134, 1135, 1137, 1138, 1140-1143, 1147, 1149, 1163, 1967-1970, 1977, 1978-1981, 1984, 1986, 1992, 1993, 2334
Каменец-Подольский уезд, № 1136
Каменка, Каменский р-н, № 1189
Каменка, Новогрудский р-н, № 1381
Каменка, Ново-Миргородский р-н, № 550-552
Каменка, Подволочиский р-н, № 1013
Каменка-Бугская г., № 666
Каменное, № 1885
Каменский р-н, Черкасская обл., № 1183, 1184, 1189, 1210
Каменский р-н, Молдавская ССР, № 1364, 2103, 2127, 2134, 2137
Каменско-Бугский р-н, № 666
Каменско-Днепровский р-н, № 430а, 431, 433
Каменское городище, № 430а
Каморы см. Оборонное, № 1825
Камсвикус, № 74, 75
Камышин г., № 219
Камышинские уши, урочище, № 229
Камышинский р-н, № 228, 231, 233-235
Канарситское ущелье, № 1553
Канев г., № 1190-1192, 2013, 2334
Каневский р-н, № 1171, 1173, 1178, 1179, 1190, 1200, 1203, 1206, 1221, 1234-1236, 1239, 1250, 1260, 1267-1269, 1277, 1282, 1999, 2004, 2013, 2021, 2023, 2334
Каневский уезд, № 1193-1196
Канск г., № 30
Капарча, р., № 1647
Каппадокия, провинция Римской империи, № 1558, 1635
Капседе, № 1475
Капсукас, № 1413
Капсукский р-н, № 2208
Капула, гора, № 1781
Капустин, № 1734
Капустяны, № 279
Карабагляр, № 1530
Карабчиев, № 1772
Караван, № 1957
Каралез см. Залесное, № 580
Караман, р., № 206
Кара-Тобе см. Прибрежное, № 617
Каргалинский рудник, № 181
Карельский р-н, № 1649, 2244, 2307
Кария, провинция в Малой Азии, № 768
Карловка, № 785
Карловский р-н, № 785

Карпаты, горный хребет, с. 5, 28, 34
Карсавский р-н, № 1493
Карснисхеви, урочище, № 2347
Каскади, хутор, № 549
Касперовцы, с. 15, № 1014
Каспский р-н, № 1596, 2308
Катеринопольский р-н, № 1218, 1231, 2003
Каткалихеви, № 2309
Каугарс, № 1476
Каунас г., с. 6, № 1390, 1398, 1412, 1418-1420, 1422-1428, 1438, 1448, 1449, 1451, 2192, 2193
Каунасский р-н, № 1398, 1410, 1412, 2212, 2216
Каушаны г., № 2093
Каушанский р-н, № 2093, 2131, 2133, 2148, 2336
Каховский р-н, № 1106, 1107
Кача, р., № 1804
Качрети, № 2346
Кашетос, № 2194
Кашперовка, Тетиевский р-н, с. 17, № 462
Кашперовка, Ново-Одесский р-н, № 701
Квелети, № 2347
Квемосванетский см. Лентехский р-н, № 672
Кейпене, № 1477
Келасури, р., № 1659
Келеберда, № 1197
Келегейские хутора, с. 20
Кельменецкий р-н, № 1327, 2042, 2044, 2045
Кельмеский р-н, № 1435, 2203
Кельн г., с. 31
Кепы, античное городище, № 1713, 1714
Керменчик, скифское городище, № 1835-1837
Керченский горсовет, № 566-570
Керчь г., с. 6, 18, № 587-606, 1808-1822, 2274
Керчь II, жел. дор. станция, № 606
Кесария Каппадокийская, античный город, с. 18, № 2, 606, 626, 715, 772, 1554, 1564, 1577, 1594, 1595, 1597, 1640, 1647, 1648, 1651, 1657, 1670, 1673, 1690, 1700, 1833, 1902, 2251, 2254, 2256-2258, 2306
Киаулейкай, № 1414
Кибартайский р-н, № 1437, 1438
Киверцовский р-н, № 329
Киверцы г., № 329
Кивиылиский р-н, № 1509
Киев г., с. 6, 8, 9, 18, 19, № 442, 463-483, 523, 546, 749, 1174, 1187, 1190, 1207, 1217, 1266, 1281, 1788-1792
Киево-Святошинский р-н, № 441, 451, 488, 511
Киевская губ., с. 8, № 484-486, 1178
Киевская обл., с. 17, № 439-542, 1786-1798
Киевская Русь, с. 33
Кизик, античный город, № 63, 176, 190, 466, 683, 774, 1350, 1468, 1713, 1833, 1856, 2097, 2253
Кизилташ, № 608
Кикинеиз, № 1823
Килинги-Ныммеский р-н, № 1527
Килия г., № 1886
Кимрский р-н, № 1722
Кингисеппский р-н, № 1507, 1514, 1517, 1520
Киошяй, № 2195
Киргиз-Китай, р., № 1899
Кирданы, № 487
Киреевка, № 1290
Кирилены, с. 19, 20, № 1347
Кирилловка, № 1280
Кирилловские богоугодные заведения (ныне ул.Фрунзе, г. Киев), № 467
Кировоградская обл., № 543-565, 1799-1802
Кировоградский р-н, № 558
Киселевка, гора (г. Киев), № 1792
Киселевка, № 1198
Киселия, № 2094
Кисловодск г., № 31
Кисляк, № 280
Китаево, № 488
Китай, с. 34
Кицманский р-н, № 1326, 1332, 1334, 1339, 1340, 2297, 2299
Кицмань г., № 1326
Кицхе, № 1593
Кичкас, № 432
Кишеньковский р-н, № 817
Кишинев г., с. 7, № 1341, 1344, 1346-1349, 1354, 1355, 1366-1369, 2067, 2095-2097
Кишинец, № 489, 490
Клайпеда г., № 1415-1417, 2194
Клайпедский р-н, № 1393, 1394, 1402, 1404, 1415-1417, 1429, 1434, 1442, 1453, 1456, 1459, 1461, 2180, 2188, 2189, 2206, 2207, 2211, 2213
Клдеети, № 1594, 1595
Климковцы, № 1015
Климовичи г., с. 15, № 1386
Климовичский р-н, № 1386
Клинцовка, № 2323
Клитинка, № 379
Клобани, № 1478
Ключарки, № 408
Кляйн-Блюменау, № 76
Княгинино, № 841
Княжья Криница, с. 19, № 1199
Коада-Ядулуй, № 2098
Кобелякский р-н, № 1916
Коблево, № 1850
Кобрино, № 2015
Кобринова Гребля, № 2016
Кобулетский р-н, № 1665, 1732, 1733
Ковали, № 1200
Ковалиха, № 1201
Ковель г., № 1753
Ковель-Луцк, жел. дор., № 317
Ковенская губ., с. 8
Ковтуны, с. 21, № 1202
Когильник, р., № 1900
Кодиен, № 77
Кодымский р-н, № 1883
Козаковка, № 901
Козаровка, № 1203
Козельщинский р-н, № 781
Козиевка, № 491
Козин, № 492
Козина, № 1016
Козловский р-н, № 991

Козникен, № 78
Козырка, № 702
Койенен, № 79
Коккора, № 1511
Колибаш, № 2099
Колки, № 952а
Колодистое, № 1204, 1205
Колодробка, № 1017
Коломакский р-н, № 1085
Коломыйский р-н, № 902
Коломыя г., № 902
Колонтаев, № 1080
Колубаевцы, № 1981
Колчино (быв. Фридешово), № 409
Комаров, № 1327, 2044
Комаровичи, № 354
Комаровцы, № 407
Компанеевский р-н, № 547, 548
Компанийцы, хутор, № 1916
Комратский р-н, № 2053, 2064
Комсомольский р-н, № 203, 216, 309
Комсомольское, № 282
Кононча, № 1206
Конотопский р-н, № 948
Конради, быв. имение, № 1081
Константинополь г., № 3, 19, 21, 144, 257, 307, 317, 361, 365, 398, 413, 621, 774, 810, 1199, 1255, 1347, 1551, 1592, 1677, 1733, 1813, 1816, 1856, 1884, 1887, 1910, 1966, 2095, 2096, 2141, 2253, 2268, 2305, 2319, 2340
Концеба, № 1888
Конышевский р-н, № 169
Конюшков, № 667
Копычинецкий р-н, № 1019, 1051, 1054, 1062
Корань см. Трубайловка, № 493
Корбен, № 80
Кореиз, № 607
Кореличи, № 668
Корецкий р-н, № 827, 868а
Коржево, № 2100
Корклак, № 81
Корнин, № 379, 380, 856
Коровинцы, № 953
Коропецкий р-н, № 996, 1022
Коростятин, № 1944
Короча г., № 163
Корпач, № 2101, 2102
Корсунь-Шевченковский г., № 1207-1209
Корсунь-Шевченковский р-н, № 1176, 1207-1209, 1222, 1224, 1248, 1249, 1251, 1261
Косаново, № 1737
Косари, № 1210
Косино, Волковысский р-н, № 2178
Косино, Свалявский р-н, № 410, 411
Косов, № 903
Косовский р-н, № 903
Костачены, № 1328
Костенюв, № 669
Костешты, № 1348
Костополь г., № 842-844
Костопольский р-н, № 831, 842-844
Кострово, № 83
Косьмодемьянский, № 82
Кот, № 2103
Котайкский р-н, № 1549, 1553
Котелевский р-н, № 791, 792, 813, 814, 1921
Котельниково, № 84
Котов, № 1018
Котовка, Котовский р-н, № 342
Котовка, Копычинецкий р-н, № 1019
Котовский р-н, Днепропетровская обл., № 342
Котовский р-н, Молдавская ССР, № 1348, 2074, 2104
Котовский р-н, Одесская обл., № 757, 758, 763, 775, 1871
Котул-Морий, № 2104
Котюржинцы, № 1982
Коцубинчики, № 1020, 1021
Кош, № 1554, 1555
Кошеватое, № 494
Кошелево, № 1382, 1382а
Коэру, № 1512
Краев, № 1928
Краков г., (ПНР), с. 7, № 332, 655, 903, 914, 1043, 1061
Крапе, № 1479
Красеев, с. 15, № 1022
Красиловский р-н, № 1982
Красная Поляна пгт, № 4
Красненский р-н, № 670
Красноармейский р-н, № 435
Красноградский р-н, № 1081
Краснодарский край, № 1-29, 1686-1715, 2273, 2321, 2322
Красное, Гримайловский р-н, № 1023
Красное, Демидовский р-н, № 846
Красное, Красненский р-н, № 670
Красное, Тывровский р-н, № 283
Краснознаменский р-н, № 112
Краснокаменка, № 608
Краснокутский р-н, Саратовская обл., № 204, 205
Краснокутский р-н, Харьковская обл., № 1080, 1959, 2280
Красномаяцкое городище, № 1105
Краснополка, № 1211, 2014
Красноярский край, № 30
Красный Колядин, № 1291
Красный Кут г., с. 15, 18, № 204, 205
Красный Маяк, № 1105
Красов, № 330
Кременец г., № 1024, 1025, 1945
Кременецкий р-н, № 1024, 1025, 1945, 1947, 1951
Кременецкий уезд, № 1949
Кременчуг г., № 786
Кременчуг., с., № 2105, 2141
Кременчугский р-н, № 786
Кретинга г., № 2207
Кретингский р-н, № 1414, 1418-1428, 1447, 1449-1451, 2186, 2196, 2209, 2214
Кривая Балка, № 759
Кривеньки, № 1026
Кривое озеро, № 703
Кривоозерский р-н, № 703

Кривче, № 1027
Кривые Колена, № 1212, 1213
Кринички, № 760, 1887
Кристешты, № 2106
Кристинополь см. Червоноград, № 671
Криулянский р-н, № 1341, 1344, 1346, 2100, 2115
Кропоткин г., № 1698
Круглик, № 2298
Круглово, № 85
Крукеницкий р-н, № 356, 366
Круполье, № 495
Крутогорб, № 284
Крыжопольский р-н, № 272
Крылов, с. 15, № 554, 555
Крылово, № 86
Крылос, с. 19, № 904-907
Крым, с. 17-22
Крымки, № 553
Крымск г., с. 16, № 5, 1699
Крымская обл., № 566-638, 1803-1844, 2274, 2325
Крымский р-н, № 5, 1692, 1699
Крымская станица см. г.Крымск
Крячковка, № 787
Ксанское ущелье, № 1596
Ксендзиевка см. Пугачевка, № 1245
Кубань, р., № 11
Кублич, № 285
Кудринка, № 87
Кудринцы, № 1028
Кузнецкий р-н, № 182
Кузьмивка, № 845
Кузьмина Гребля, № 2017
Куйбышевский р-н, Татарская АССР, № 252, 253
Куйбышевский р-н, Крымская обл., № 580, 610, 611, 618, 619, 637, 637а
Куйзовка, № 2107, 2337
Кукоара, № 2108
Кулдига г., № 1480
Кулдигский р-н, № 1480, 1500
Кулебивка, № 1763
Куликовский р-н, № 651, 662
Кулишейка, № 248
Кульмен-Кулькен, № 88
Кума, р., № 32
Кумачево, № 89, 90
Кумейки, № 1214, 1215
Кунашевка, № 1292, 1293
Кундичи, урочище, № 326
Купянск г., № 1082, 1091
Купянский р-н, № 1082
Курган г., с. 15, № 162
Курганская обл., № 162, 1723
Куриловка, с. 19, № 1294
Курлены, № 2109
Курляндская губ., № 1385
Курманчай, № 1418-1427
Курск г., № 164, 1724
Курская губ., с. 8, № 165
Курская обл., № 163-172, 1724
Куртамыш г., № 1723
Куртамышский р-н, № 1723
Куршенский р-н, № 1409
Кутаиси г., № 1597, 1598
Кутаисский р-н, № 1597, 1598
Куткашен г., № 2221
Куткашенский р-н, № 2221-2223
Кухнешты, № 2110
Куяльницкий лиман, № 1909
Кышлица-Прут, № 2111
Лагеди, № 1513
Лагодехи г., № 1599
Лагодехский р-н, № 1599
Лада, № 249
Ладычин, № 1946
Ладотки, № 788
Ладыжин г., № 286
Ладыжинский р-н, № 1169, 1204, 1205
Лаздининкай, № 1428, 2196
Лазовский р-н, № 2062, 2093, 2124, 2129, 2130
Лазовское, № 91
Лазорки, № 789
Лазорковский р-н, № 789, 816
Лазы, урочище, № 2324
Лаишевский р-н, № 1732
Лайсчай, № 1429
Лалова, № 2112
Лановецкий р-н, № 967, 992, 1029, 1069, 1938, 1943
Лановцы пгт, № 1029
Ланчинский р-н, № 942
Ланы, № 672
Лаодикея, античный город, № 156, 1571, 1656
Ларга, № 1329
Ласки, с. 7, № 331
Ласнамяги, № 1521
Латвийская ССР, с. 6, № 1462-1505, 2217, 2218
Лацки Шляхетские см. Липовка, № 908
Лебертсхоф см. Славянский, № 92
Левандовка (г. Львов), № 678
Лелюховка, № 790
Ленинабадская обл., № 2239
Ленинакан г., № 1556, 2229
Ленинград г., с. 9
Ленинградская обл., № 173, 174
Ленинский р-н, Волгоградская обл., № 238
Ленинский р-н, Крымская обл., № 1807, 1833, 1841
Ленник, урочище, № 295
Лентехский р-н, № 1672
Леовский р-н, № 2046, 2047
Леоновка, № 1929
Лепесовка, № 1983
Леплява, № 1216
Лесковцы, № 1140
Леськово, № 2018
Летное, № 93
Лечхуми, № 2239
Лещиновка, № 2019
Ливанский р-н, № 1472
Лигумай, № 1430
Лиелварде, № 1481
Лиелупе, р., № 1470

Лиепайский р-н, № 1475, 1482-1484, 1488
Ликия, провинция в Малой Азии, № 2169, 2270
Лилейкенай, № 2197
Лимбажский р-н, № 1465
Лион см. Лугудун г., № 398, 878, 897, 2199
Липа, № 847
Липецкая обл., № 175
Липецкий р-н, № 1083
Липное, № 1773
Липовец, № 1738
Липовецкий р-н, № 303, 1738, 1743, 1744
Липовецкий уезд, № 287, 288
Липовка, № 908
Липцы, № 1083
Лисковое (быв. Форнош), № 412
Лисковцы, № 1984
Лисовцы, № 1030
Лисок, № 673
Листвин, № 848
Литинский р-н, № 259
Литовская ССР, с. 6, 15, № 1390-1461, 2180-2216
Лихачевка, № 791, 792
Лихулаский р-н, № 1508
Лищин, № 354а
Логвино, № 94
Локачи, № 332
Локачинский р-н, № 332, 1752
Ломоватое, № 1217
Лондиний, античный город, № 902, 2192
Лондон см. Лондиний г., № 902, 2192
Лопань, р., № 1953
Лопатна, № 1349
Лопатни, № 1295
Лопушное, № 1947
Лоташево, № 1218
Лохвицкий р-н, № 824, 1922
Лубенский р-н, № 793-795, 820
Лубны г., № 793-795
Лубянка, № 761
Луга г., № 173
Луганск г., № 696
Луганская обл., № 696
Луганский р-н, № 696
Луговое, Бродовский р-н, № 674
Луговое, Гурьевский р-н, № 96
Луговое, Симферопольский р-н, № 609
Лугудун (Lugudunum), город в Галлии, № 398, 878, 897, 2199
Лудин, № 333, 1754
Луены, № 1337
Лужки, № 97
Лужский р-н, № 173
Лузановка, № 762
Лука, Золочевский р-н, № 675
Лука, Таращанский р-н, № 1793
Лука, урочище, № 1977
Лука Врублевецкая, № 1141-1143
Лукашевка, с. 19, № 1350, 2113
Лукашевское городище, № 1350
Луква, р., № 907
Луков, № 1755
Лукощино, с. 19, № 796
Лукьяновка, ул. (г.,Киев), № 479
Лумпёнай, № 1430а
Луневка, № 163
Луцк г., № 334, 2331
Луцкий р-н, № 334, 337, 1747, 1757, 1759
Луцк-Стоянов, жел. дор., № 318
Лучица, № 1846
Лчашен (быв. Ордаклу), № 1557
Лысая Гора, № 2114
Лысецкий р-н, № 926, 943
Лысянка, № 1219
Лысянский р-н, № 1175, 1219
Лыщица, № 2169
Львов г., с. 6, № 317, 349-351, 355, 640, 651-654, 656, 658, 659, 661-664, 665а-668, 672-675, 677-680, 684, 686-688, 690, 690а, 694, 695, 829, 858, 870-872, 875, 877, 879, 886, 891, 892а, 898-902, 905, 911, 912, 921, 925, 927-930, 941, 966, 972, 976, 984, 1009, 1014, 1036, 1038, 1051, 1054, 1056, 1065, 1068, 1327, 1761, 1762, 1782, 1784, 1845, 1847, 1915, 1941-1943, 2044, 2045
Львовская обл., № 640-695, 1845-1847, 2275
Львовская площадь (г. Киев), № 465
Львовский горсовет, № 645, 646, 649, 677, 678
Любарский р-н, № 1767-1769, 1771
Любашевский р-н, № 1887, 1888, 1913, 1914
Любечский р-н, № 1295
Любимовка, Днепропетровский р-н, № 343
Любимовка, Каховский р-н, № 1106, 1107
Люблин г. (ПНР), № 852
Люблино, № 98
Любомирка, № 763
Любомль, г., № 1756
Любомльский р-н, № 335, 1756, 1758
Любошва, № 2170
Людвиполь, № 863
Лютежские Будищи, № 1917
Лядова, № 289
Магранети, № 2310
Маджары, городище, № 32
Мадонский р-н, № 1462, 1469, 1474, 2218
Мазепинцы, с. 12, 21, № 496
Мазкатужи, № 1482-1484
Майдан (Гурбинский), № 849
Майдан Козлинский, № 1931
Майдан-Лабунь, № 1144
Майнц г., с. 31
Макарешты, № 1351
Македония, провинция Римской империи, № 1145
Маклашевичи, № 1377
Максимовка, Градижский р-н, № 797
Максимовка, Збаражский р-н, № 1031
Малаешты, № 2115, 2116
Малашевцы, № 1948
Малая Азия, с. 18, № 1256, 1729, 2169, 2215
Малая Алмаатинка, р., № 1674
Малая Девица, № 2037
Малая Добронь, № 413
Малая Знаменка, № 433

Малая Климовка, № 99
Малая Копань, № 414, 415, 1777
Малая Корениха, № 2327
Малая Липовка, № 100
Малая Маньковка, № 2020
Малая Мошаница, № 850
Малиевцы, № 1145
Малинский р-н, № 375
Малкач, № 2117
Маловисковский р-н, № 549
Малое Перещепино, с. 20
Малые Копани, с. 17, № 1108, 1966
Малые Орлинцы, № 1985
Малые Ратовцы, № 1778
Малый Букрин, № 497
Малый Раковец, № 1949
Малый Таракташ см. Дачное, № 578
Мангуп, пещерный город, № 610, 611, 1824
Маневичский р-н, № 327
Маньковский р-н, № 1240, 2020, 2027
Мардакертский р-н, № 2224
Мариновка, № 764
Мариямполе, № 1413
Марияс, урочище, № 1503
Маркианополь, античный город, № 126, 284, 536, 777, 905, 1934, 1935
Марксовский р-н, № 206
Маркуши, № 1774
Марра, ул. (г. Тбилиси), № 1661
Марта, р., № 6
Мартанская, станица, № 6
Мартиньсала, о-в, № 2218
Марьяновка, № 1739
Масловка, № 498
Маслово, № 1220
Матавера, № 2240
Матиево, № 2324
Матлашевое, № 344
Матюши, № 1794
Махновка см. Комсомольское, № 282
Махарадзевский р-н, № 2245, 2246
Мацеста, № 1700
Машев, № 335
Маяковский р-н, № 1642, 2235
Медведевка, № 101
Медведица, р., № 209
Медведовка, № 499
Медведь-гора, № 608, 612
Медвежье, № 954
Меджибожский р-н, № 1123
Медиолан (совр. Милан), античный город, № 1347, 2117
Медоборы, № 679
Междуречье, № 102
«Между Фосами», урочище, № 2296
Межигорцы, № 909
Межиричи, № 851
Межиричский р-н, № 851
Межирич, № 1221
Мезия, провинция Римской империи, № 1004, 1934, 1935
Мельница-Подольская пгт, № 1032
Мельнице-Подольский р-н, № 965, 973, 974, 987, 989, 995, 998, 1028, 1032
Мена г., № 2038
Менский р-н, № 2038
Мерефа, № 2281
Мерл, р., № 2280
Мечишов, № 1033
Мещанка, урочище (г. Умань), № 2030
Мжа, р., № 1961, 1962
Мигия, № 699
Мигонис, № 1431
Мизоч г., № 852, 853
Мизочский р-н, № 849, 850, 852, 853
Микулинецкий р-н, № 979, 1041
Милан см. Медиолан г., № 1347, 2117
Миленино, № 166
Мингечаур г., № 1531-1535
Миния, р., № 2192
Минск г., с. 6, 19, № 1385
Минская обл., № 1383-1385
Минский р-н, № 1385
Миорский р-н, № 2174, 2175
Миргород г., № 1713, 1918
Миргородский р-н, № 1713, 1918
Мирмекий, античный город, № 605
Мирогоша, № 854
Митридат, гора (г. Керчь), № 1811, 1813, 1814, 1821, 1822
Михайлены, № 2118
Михайловка, Дунаевецкий р-н, № 1146
Михайловка (быв. Пруссы), Каневский р-н, № 1222
Михайловская слобода, № 178
Михайловский монастырь, № 481
Млиниска, № 1034
Млыновский р-н, № 1923, 1932, 1936
Могвтакари, № 2241
Могилев-Подольский р-н, № 264, 293, 294
Могилевская обл., № 1386, 1387, 2179
Могильна дорога, урочище, № 1754
Могильница, № 1035
Модинахе, № 2311
Мозырь г., № 2176
Мокроусовское, № 856
Мокшан пгт, № 184
Молдавия, с. 17, 20, 25, 29, 31
Молдавская ССР, с. 6, 11, 13, 19, 20, № 1338-1371, 2046-2165, 2303, 2336-2344
Молога, № 1893
Молога, р., № 158
Молодецкое, № 500
Молодеченская обл., № 1388, 1389
Молодечно г., № 1389
Молотив, с, № 355
Монастери, № 2260
Монастырисский р-н, № 1944
Монастырище, Ичнянский р-н, № 1296
Монастырище, Монастырищенский р-н, № 1199
Монастырищенский р-н, № 1199, 1225, 1279, 2018
Мордовская АССР, № 248, 249
Мордовское, № 103

Морозовка, № 104
Моршанское, № 105-107
Москайчай, № 1432
Москва г., с. 6, № 179
Московка, гора, № 1190, 2013
Московская обл., № 176-179
Мостисский р-н, № 1847
Мотрингград, урочище, № 1121
Моховое, № 108
Мочерады, № 356
Мошны, № 1223
Мощеное, № 555а
Муджум, № 2266
Мукачево г., с. 19, № 416
Мукачевский р-н, № 398, 403, 407, 409, 412, 416, 422, 426
Мурафа, № 290
Мурникова, № 1485
Муровано-Куриловский р-н, № 1740
Муромское, № 109
Мурос, № 1486
Мцхета г., № 1600-1634, 2242, 2348-2350
Мцхетский р-н, № 1585, 1600-1634, 1637-1639, 2232, 2241, 2242, 2304, 2348-2350
Мшаны, № 680
Мындра, Каларашский р-н, № 2120
Мындра, Теленештский р-н, № 2119
Мындрешты, № 2121
Мытка, № 291
Мытница, № 501
Мясниковский р-н, № 187-190, 193, 1728-1730
Навес Сала, № 1487
Навлинский р-н, № 39
Навля, р., № 39
Нагорно-Карабахская АО, № 1529, 1537, 2224
Нагоряне, № 1147
Надворнянский р-н, № 1783
Надежда, № 765
Надречное, № 1889
Назоделаву, с. 17, № 1635
Нанково, № 1779
Наоза, № 1637
Нариманова, № 2211
Наркунай, № 2198
Насилово, № 195
Настасовка, № 381
Насташка, № 502
Наутцвинкель, № 110
Нахичеванская АССР, № 1530, 1536, 1539
Нахичевань г., № 1536
Неаполь Скифский г., № 622-625
Невинномысск г., № 1716
Негин, № 1986
Недвиговка, хутор, № 187-190, 1728-1730
Недвиговское городище, № 1728-1730
Недобоуцы, № 1330
Недригайловский р-н, № 953
Нежин г., с. 8, 15, 19, 20, № 1297-1299, 2039
Нежинский р-н, № 1284, 1292-1294, 1297, 1299, 1314, 2039
Незвиска, № 910
Ней-Фриденталь см. Мариновка, № 764
Некрасовская ул, (г.Киев), с. 9
Неман (быв. Рагнит) г., № 111
Неман, р., с. 31
Неманский р-н, № 111, 144, 151
Неманюнай, № 1433
Неменчине, № 2199
Немиров г., № 292
Немировский р-н, № 292
Немировское, № 1890
Немхого д, № 173
Нерушай, № 1891
Неслухов, № 681
Нетеребка, гора, № 2021
Нетулиска Мала (ПНР), с. 21
Нехвороша, Владимир-Волынский р-н, № 336
Нехвороша, Нехворощанский р-н, № 799, 800
Нехворощанский р-н, № 799, 800
Ниебудзен, № 113
Нижанковичи, № 357
Нижанковичский р-н, № 357
Нижнее Поволжье, с. 8
Нижнекундрюченская станица, № 191
Нижнечирский р-н, № 230
Нижние Ворота пгт, № 417
Нижняя Добринка, № 231
Нижняя Мезия, провинция Римской империи, № 284, 536, 777, 1435
Никея, античный город, № 943, 1145, 1435, 2215
Николаев г., № 704, 725, 726
Николаев, Николаевский р-н, № 358
Николаев, Хмельницкий р-н, № 1987
Николаевка, № 1224
Николаевка-Новороссийская, № 1892
Николаевская обл., № 697-737, 1848-1856, 2276-2278, 2326-2328
Николаевский р-н, Львовская обл., № 358, 363
Николаевский р-н, Николаевская обл., № 2278, 2327
Никомедия, античный город, № 188, 190, 237, 466, 634, 1350, 1566, 1655, 1726, 1729, 1730, 1815, 1909, 2192, 2253
Никополь, античный город, № 84, 1895
Никополь на Истре, античный город, № 639, 1145
Нимерзатес, № 1434
Ниспоренский р-н, № 1351, 1353, 2056, 2063, 2106, 2164
Ниспорены, № 1353
Нитра г., с. 22
Ница, № 1488
Ничбиси, № 1638, 1639
Нобакеви, № 1640
Новаволе, № 2200
Новая Водолага пгт, № 1958
Новая Ниса, городище, № 1677
Новая Умань, урочище, № 2028
Новгород г., с. 17, № 180
Новгород-Северский г. № 1300, 2040
Новгород-Северский р-н, № 1300, 2040
Новгородская обл., № 180, 1725, 1726
Новоаненский р-н, № 2049, 2072
Новоархангельский р-н, № 561, 1802

Новоафонский монастырь, № 1648
Нововодолажский р-н, № 1957, 1958
Нововолынский р-н, № 319, 340
Нововоронцовский р-н, № 1102
Новогеоргиевск г., № 555, 556
Новогеоргиевский р-н, № 554-557, 559
Новоград-Волынский г., с. 19, № 376, 382, 1775
Новоград-Волынский р-н, № 1775
Новогрудский р-н, № 1378, 1381, 1382, 1382а
Новое Место, № 359
Новое Село, № 1036
Новоивановский р-н, № 755
Новомилятинский р-н, № 660, 673, 681
Новомиргородский р-н, № 550-552
Новомосковский р-н, № 1763
Новоодесский р-н, № 701
Ново-Отрадное, № 614
Новопавловка, № 1764
Новорепинский р-н, № 207
Новорождественская станица, № 1701
Новороссийск г., с. 16, № 7-10, 1702, 1703
Новосанжарский р-н, № 788, 790, 801
Новосветовка, № 2289
Новоселица, № 1148
Новоселицкий р-н, № 1331, 2301
Новоселка (быв. Новоселка Костюкова), Залещицкий р-н, № 1037, 1038, 1950
Новоселки, Кицманский р-н, № 2299
Новоселки, Монастырищенский р-н, № 1225
Новосельский р-н, № 1015, 1036
Новострелищанский р-н, № 345, 346, 354а
Новостроево, № 114
Новоузенский р-н, № 210
Новоушицкий р-н, № 1132, 1133, 1976
Новые Безрадичи, № 503
Новые Санжары пгт, с. 20, № 801
Новые Трифанешты, № 1354
Новый Афон (быв. Псирцха) пгт, № 1648, 2250
Новый Ахмат, № 205
Новый Быхов, № 1387
Ногайская станица, № 434
Нокалакеви, № 1636, 2312, 2351
Норейшяй, № 2201
Норушай, № 1435
Носири, № 1641
Обертинский р-н, № 900, 910
Оболонь (г.Киев), с. 18, № 466
Оборонное (быв. Каморы), № 1825
Обоянский р-н, № 163
Обоянский уезд, № 163
Обухов пгт, № 504, 505
Обуховский р-н, № 450, 453, 491, 492, 503-505, 525, 526, 531, 532, 1798
Обча, № 1642
Овидиополь пгт, № 766, 1903
Овидиопольский р-н, № 766, 771-773, 1878, 1903-1907
Овруч г., № 383
Огородная ул. (г. Белгород-Днестровский), № 1868
Огрский р-н, № 1473, 1477, 1479, 1481, 1485
Одесс, античный город, № 1110
Одесса г., с. 8, № 767, 768, 775, 1635, 1894
Одесская обл., № 738-779, 1857-1914, 2279-2289, 2329
Одесский р-н, № 756, 762
Одра (Одер), р., с. 31
Озаринцы, № 293, 294
Озерный, № 1826
Озерский р-н, № 63, 99, 114, 150, 153
Ока, р., с. 15, 17, 33
Оксентия, № 2122
Октябрьский р-н, № 736
Оленевка, № 558
Олесский р-н, № 685
Олеша (быв. Олешки), № 911
Олонештский р-н, № 1356
Ольвийский заповедник, с. 6, № 702, 728
Ольвия, античный город, с. 5, 9, 13, № 639, 706-709, 711-728, 1110, 1571, 1854, 1855, 2276, 2277
Ольгопольский уезд, № 770
Ольховец, № 1226
Ольшана пгт, № 1227
Ольшанка, № 506
Ольшанский р-н, с. 21, № 1227, 1266, 1280
Онишковцы, № 1039
Онут, № 2300
Опаринская ул., (пгт Быково), № 177
Опошня пгт, № 802
Опошнянский р-н, № 802
Оргеев г., с. 17, 19, 20, 21, 25, № 1355
Оргеевский р-н, № 1349, 1350, 1355, 1366-1369, 2054, 2066, 2109, 2113, 2136, 2149-2155, 2162
Ордаклу см. Лчашен, № 1557
Орджоникидзе г., № 251
Орджоникидзевский р-н, № 1571, 1572, 1593
Оренбург г., № 181
Оренбургская обл., № 181
Орехово, № 115
Ориесареский р-н, № 1515
Орининский р-н, № 1119, 1129, 1131, 1154
Орловец, № 1228, 1229
Орловка, № 1895-1898
Орлово, № 435
Ормяны, № 1149
Оросиево, № 1780
Орхви, № 2313
Оселивка, № 2045
Осиновый Гай, № 207
Осипенко г., № 434
Осипенковский р-н, № 434
Оситняжка, № 1230
Осовцы, № 1040
Остапово, № 803
Остер, р., № 1291, 1301, 1302, 1305, 1309, 2039
Остерский р-н, № 1287, 1301, 1312
Острая Горка, урочище, № 354
Острица, № 1331
Остров, № 1795
Островное, № 1899
Острог г., № 855, 856
Острожецкий р-н, № 869

Острожский р-н, № 855, 856, 867, 1925, 1928
Острожский уезд, № 857
Острыня, № 912
Отобая, № 1643
Оханнаванк, № 2336
Охотничье, № 615
Очаков г., № 705, 1851, 2277
Очаковский р-н, № 702, 705-728, 734, 735, 1848-1856, 2276, 2277, 2326, 2328
Очерет, урочище, № 1338
Ошихлебы, № 1332
Павловка, Арцизский р-н, № 1900
Павловка, Новогеоргиевский р-н, № 559
Пагегский р-н, № 1430a, 1436, 1460a
Падевитис, № 1436a
Паевонис, № 1437, 1438
Паевонис-Кунигишяй, № 2202
Пайдеский р-н, № 1512, 1516
Пакальняй, № 1439
Пакруойский р-н, № 1430
Паланга г., № 1440, 2203
Паланка, № 1356, 2123, 2338
Палассовский р-н, № 232
Паликровы, № 682
Пальчик, № 1231
Панкрачи, № 507
Паннония, провинция Римской империи, с. 5, 23
Пантикапей (совр. Керчь), античный город, № 1110
Папушой, пригород г. Белгород-Днестровский, № 742
Парутино, № 706-728, 1852-1856, 2276, 2277
Пархомовка, № 1959, 2280
Пастырское, № 1232, 1233
Патрей, античное городище, № 1696
Паулешты, № 1357
Пафлагония, провинция Римской империи, № 2334
Пашковка, № 1297
Пашковцы, № 1150
Паю, № 1514
Паюрелис, № 2204
Пейде, № 1515
Пекари, № 1234-1236, 2021
Пензенская обл., № 182-184
Пепены, № 2124
Первомайск г., № 729
Первомайская, пос., № 1704
Первомайская ул. (Борисовка), № 36
Первомайский р-н, Николаевская обл., № 699, 700, 729
Первомайский р-н, Харьковская обл., № 1954
Пергам, античный город, № 1558
Перевода, р., № 815
Перейма, № 769
Перекоп, № 1090
Перекопная Лука, № 208
Перемиловка, № 1932
Переможное, № 1901
Перемышлянский р-н, № 661, 668, 669, 686
Переорки, с. 21, № 295, 296
Переписи, № 1303
Переросль, № 1933
Перерыта, № 2125
Пересопница, № 1934
Переяслав-Хмельницкий г., № 508
Переяслав-Хмельницкий р-н, № 440, 456, 493, 508, 530, 1787, 1796
Перово, № 179
Пески Радьковские, № 1960
Песочин, № 2332
Песчанка, № 770
Песчаное, Бахчисарайский р-н, № 616
Песчаное, Тальновский р-н, № 1237
Песчанский р-н, № 760, 769, 770
Петербург г., с. 7
Петриков, № 1041
Петро, урочище, № 1776
Петровка г., № 730
Петровск г., № 209
Петряляй, № 1441
Петуховка II, городище, № 734, 735, 2325
Печенеги пгт, № 1084
Печенежский р-н, № 1084
Печерск (район г.Киева), № 464
Печи, № 2041
Пешково, № 116
Пеэтри, № 1516
Пиевцы, № 509
Пийла, № 1517
Пиковцы, Казатинский р-н, № 297
Пиковцы, Уманский р-н, № 1238
Пикуличи, № 683
Пилипча, № 510
Пиль-Кала, городище, № 2267
Пильня, урочище, № 39
Пильцен, № 117
Пинск г., № 1373
Пинский р-н, № 1373
Пирванче, № 1751
Пирковичи, № 2171
Пирогово, № 511
Пирятин г., № 804, 805, 1919, 1920
Пирятинский р-н, № 783, 787, 798, 804-806, 815, 1919, 1920
Питиунт, античное городище, № 2252, 2253
Писидия, провинция в Малой Азии, № 466
Пицунда пгт, № 1644, 1645, 2251-2253, 2317
Пицундский монастырь, № 1645
Пищальники, № 1239
Плейшкайчай, № 1442
Плисков, № 298
Плисковский р-н, № 262, 298
Плоска, № 1333
Плоское, № 384, 385
Плужнянский р-н, № 1130, 1166
Плунгеский р-н, № 1392, 2181
Побужье, с. 22
Поваровка, № 119
Поволжье, с. 13, 15, 19, 20
Поволжье Среднее, с. 15
Повстень, № 806
Погорелое см. Ульяновка, с. 12, 17, 19, 21, №

299, 1743, 1744
Подволочиск пгт, № 1042
Подволочиский р-н, № 1013, 1042
Подвысокое, № 300
Подвысоцкий р-н, № 563
Подгайчики (быв. Подгайчики Юстиновы), № 1043
Подгорное, № 684
Подгорцы, № 685
Подгоряны, № 418
Поддубное, № 120
Подобное, № 1240
Подкаменский р-н, № 682
Подлесновка, № 1937
Подлиски, № 858
Поднепровье, с. 11, 15-17, 19, 23, 24, 28-30, 33, 34
Поднепровье Нижнее, с. 15, 22
Поднепровье Среднее, с. 8-10, 14, 17, 32, 33
Поднестровье, с. 11, 15-17, 19, 23, 25, 28-30, 32-35, № 1915
Подол (район г.Киева), № 471, 477, 1790
Подолия, № 301, 1044, 1045, 1151
Подольская губ., с. 8, № 1151
Подонье, с. 15, 17, 29
Подунавье, с. 23
Подунавье Среднее, с. 16, 17
Подусильня, № 646
Подъярков, № 687
Покрживянка (ПНР), с. 21
Покровская слобода, № 210
Полевая Полота, р., № 170
Полесск г., № 121
Полесский р-н, № 64, 92, 100, 103, 121, 132, 142
Полесье Припятское, с. 31
Политанка, № 1741
Полонное, № 1152
Полонский р-н, № 1144, 1152
Полтава г., с. 6, № 807-811
Полтавка, № 731, 733
Полтавская обл., № 780-824, 1916-1922
Полтавский р-н, № 796
Польша, с. 11, 19, 21, 22, 30, 31, 34
Полянецкое, № 1241
Померания, с. 31
Поморянский р-н, № 665а
Понт, провинция в Малой Азии, № 1558, 1576
Понятовка, № 1902
Попельнянский р-н, № 379, 380
Попов город, урочище, № 294
Поповка, Смелянский р-н, № 1242
Поповка, Уманский р-н, № 1243
Поросье, с. 17
Постоловка, № 1046
Потапово, № 40
Поти г., № 1647
Поторица, № 688
Почаевская гмина, № 1947
Почаевский р-н, № 1011
Пояна, № 2126
Пражуха (ПНР), с. 8, 21
Прекуле г., № 1443-1446
Прекульский р-н, № 1432, 1443, 1444
Прибалтика, с. 13-17, 20
Прибрежное (быв. Кара-Тобе), с. 17, № 617
Привольное, № 436
Привольнянский р-н, № 731
Приднестровье, № 2127
Приедкальнос, № 1489
Приекульский р-н, № 1464
Прикамье, с. 20
Прикарпатье, с. 11, 14, 23, 32, 34
Прикота, № 1305
Прикубанье, № 11
Прикумск см. Буденновск г., № 32
Прикумский р-н, № 32
Прикутни, № 1304, 1305
Прилукский р-н, № 2037
Приморский р-н, Калининградская обл., № 46, 50, 52, 55, 58, 60, 61, 65, 66, 68-71, 76, 78-80, 83-85, 87, 90, 94, 95, 97, 98, 104, 108-110, 115, 119, 122, 124, 128, 130, 131, 133, 139, 148, 149, 152, 156
Приморский р-н, Крымская обл., № 575, 613, 614
Причерноморье, с. 12, 16, 19, 30, 31, 35
Причерноморье Северное, с. 5, 13-15, 17, 18, 21, 24, 27, 33, 34
Пришманчяй, № 1447
Пробежнянский р-н, № 976, 983, 984, 993, 1020, 1021, 1026
Пронский уезд, № 195
Проскуровский уезд, № 1153
Протягайловка (предместье г. Бендеры), № 2052
Прохоровка, № 1244
Прудники, Брацлавский р-н, № 302
Прудники, Миорский р-н, № 2175
Пруды, № 123
Пружанский р-н, № 1374, 2172, 2173
Пружаны г., № 1374
Пруссы см. Михайловка, № 1222
Прут, р., с. 16
Пряжев, № 386, 386а
Псел, р., № 786
Псирцха см. Новый Афон пгт, № 1648
Псков г., с. 6
Псковская обл., № 1727
Псковский р-н, № 1727
Псой, р., № 1689
Пугачев г., № 208
Пугачевка (быв. Ксендзиевка), № 1245
Пулганов, № 337
Пуня, № 2205
Пустоваровка, с. 19, № 512
Пустоваровское городище, № 512
Пустовиты, № 513, 514
Путилово, № 124
Путильский р-н, № 1333
Пшендзель (ПНР), с. 21
Пылва пгт, № 1518
Пылваский р-н, № 1518
Пырлица, № 2128

Пэментень (микрорайон г. Бельцы), № 2051
Пярнусское шоссе, № 1521
Пярну-Ягулиский р-н, № 1521
Радванцы, № 689
Радвилишкский р-н, № 2183
Радеховский р-н, № 689, 691
Радоая, № 2129
Радость, № 1375
Радуляны Старые, № 1358, 2303
Радуцковка, № 812
Раевская, № 1705, 1706
Разос, хутор, № 1479
Раздельнянский р-н, № 1902
Раздорский р-н, № 191
Разеля, № 2130
Разношинцы, № 1047
Райки, № 387, 388
Ракитнянский р-н, № 443, 502, 516, 517, 522, 541, 1795
Раковец, № 1951
Раменский р-н, № 177, 178
Рамонишкес, № 2206
Рапла пгт, № 1519
Раплаский р-н, № 1519
Расейнский р-н, № 1403, 1448
Расейняй г., № 1448
Раскайцы, № 2131
Рассвет, № 125
Раставица, р., № 1794
Раудоносес Арминос ул. (г. Каунас), № 2192
Рауна, № 1505
Рахманино, № 44
Раховский р-н, № 420
Раштовцы, № 1048
Ревуха, р., № 1997
Редкодубы, № 1988
Редь-Черешня, № 1359
Резинский р-н, № 1371, 2059, 2071, 2107, 2112, 2114, 2126, 2163, 2337
Резуненково, № 1085
Рейн, р., с. 14, 27, 31
Ренжерея, урочище, № 388
Ренийский р-н, № 739
Репинцы, № 1154
Ржищев пгт, № 515
Ржищевский р-н, № 454, 458-460, 497, 499, 507, 509, 515, 524, 534
Рига г., с. 6, № 1462, 1464, 1466, 1468, 1470-1472, 1474, 1475, 1478, 1479, 1482, 1483, 1485-1487, 1489-1492, 1494, 1495, 1498, 1501-1505
Рижский р-н, № 1466, 1487, 1494, 1498
Рим г., с. 9, 10, 18, 24, 28, 29, № 2249
Римская империя, с. 5, 6, 9-11, 18-25, 27-29, 31-35
Римский вал, с. 31
Римский шлях, урочище, № 1757
Рингельс, № 127
Рион, р., № 1597
Рипнев, с. 31
Ровбица, № 2172
Ровенская обл., с. 27, № 825-869, 1923-1936, 2290, 2291, 2330, 2331
Ровенский р-н, Ровенская обл., № 826, 837, 860-862, 1926, 1927, 1929, 1934, 2291, 2330
Ровенский р-н, Саратовская обл., № 211, 212
Ровенский уезд, № 859, 1935
Ровно г., № 2291, 2331
Ровное, Приморский р-н, № 128
Ровное, Ровенский р-н, № 211, 212
Рогатинский р-н, № 881, 894
Рогизна, № 1338
Рогинцы, № 955, 956
Родники, № 129
Родниковое (быв. Скеля), № 618, 619, 1827
Рождествено, № 1732
Рождественский могильник, № 1732
Розенау (г. Калининград), № 126
Рокитное, № 2301
Роксоланы, № 771-773, 1903-1907
Романковцы, № 2302
Романовка, № 1246
Ромашки, с. 17, № 516, 517
Роменский р-н, № 946, 947, 957
Роменский уезд, № 958
Ромны, р., № 956
Ромны г., № 950, 957
Ропотуха, № 2022
Роскошное, № 560
Россава, № 518
Российская Федерация, с. 6, № 1-258, 1686-1734, 2273, 2321, 2322
Россия, с. 7, 8, 20
Россоша, № 303
Ростов-на-Дону г., с. 6, № 192, 1731
Ростовская обл., № 185-194, 1728-1731
Ростовский р-н, № 243
Рось, р., № 542, 1208, 1235, 1793
РСФСР, с. 6, № 1-258, 1686-1734, 2273, 2321, 2322
Рублевка, с. 20, № 813, 814
Рубча, с. 21, № 860-862
Руда, урочище, № 1744
Рудайчай, № 1449, 1450
Рудка, № 1306
Ружинский р-н, № 374, 384, 385, 394, 1766, 1772
Ружичанка, № 1989, 1990
Ружичнянский р-н, № 1150
Рузаевский р-н, № 248
Руиси, № 1649
Румыния, с. 19, 22, 30, 31, 34
Рускулова, № 1493
Русское государство, с. 20, 35
Русское Поле, № 1781
Русь, с. 9, 10, 20, 32, 35
Русяны, № 2132
Рыбальче, № 1109
Рыбачий, № 130
Рыбница г., № 1360, 1361
Рыбницкий р-н, № 1360-1362, 2060, 2139
Рыжановка, № 1247
Рыльск г., № 167, 168
Рышканский р-н, № 2055
Ряжский уезд, № 195

Рязанская губ., с. 8
Рязанская обл., № 195-198
Рязань г., с. 6, № 198
Ряшки, № 1307
Сааремаа о-в, № 1520
Сабуртало (предместье г. Тбилиси), № 1650
Савинка, № 232
Савранский р-н, № 1885, 1908
Садов, № 1757
Сакский р-н, № 617
Сакское оз., № 617
Саламатино, № 233-235
Саласпилс, № 1494
Салгир, р., № 1835, 1836
Салкуца, № 2133
Салтово, № 236
Салчия, № 2134
Самарканд г., № 1678
Самбор г., № 360, 361
Самборский р-н, № 360, 361
Самгородок, № 519
Самтавро, урочище (г. Мцхета), № 1601, 1602, 1606-1609, 1613, 1623, 1624, 1634, 2349
Самчики, № 1991
Сапогов, Борщевский р-н, № 1049
Сапогов, Галичский р-н, № 913
Саранский уезд, № 249
Саратов г., № 213-215
Саратовская обл., № 200-222
Саратовский р-н, № 213, 214
Саратский р-н, № 759, 765
Сарацея, № 1362, 2135
Саркел см. Белая Вежа, городище, № 194
Сарматия, с. 7
Сарматия Европейская, с. 14, 21, 29, 32, 34, 35
Сарнакунк, с. 17, № 1558
Сарнки Горные, № 914
Сасиновка, № 815
Сасов, № 689
Сасык, № 774
Сасык, оз., № 774
Сасык, р., № 761
Сатанов, № 1155, 1156
Сатановский р-н, № 1155, 1156
Сахновка, № 1248, 1249
Сачхере, № 2243
Сачхерский р-н, № 2243, 2311
Свалява г., № 419
Свалявский р-н, № 410, 411, 419, 421, 428
Свапа, р., № 166
Светицховели I, № 2350
Светловодский р-н, № 1800, 1801
Светлогорск, № 131
Свинцовка, № 215
Свистельники, № 915
Свитязь, № 338, 1758
Севанский р-н, № 1557
Севастополь г. с. 7, № 620, 621, 1828-1832, 2325
Севастопольский горсовет, № 571, 572, 574, 581-586, 620, 621, 627, 635
Севенки, № 169
Северинovка, № 304, 1909
Северная коса, № 27, 29
Северо-Осетинская АССР, № 250, 251
Севлюш см. Виноградов г., № 401, 402
Седнев, р., № 171
Сейм, р., № 171
Селиско, урочище, № 1771
Селитренное, № 34
Селиште, № 2136
Селище, Барышевский р-н, № 520
Селище, Каневский р-н, № 1250
Селище, урочище, № 2299
Семенов, № 1050
Семеновка, Арбузинский р-н, № 170
Семеновна, Ленинский р-н, № 1833
Семеновка, Шигровский р-н, № 170
Семереньки, № 959
Семилукский р-н, № 43
Семиполки, № 521
Семяковцы, № 916
Сенатовка, № 2137
Сенгилеевка, № 1717
Сенкай, № 1451
Сенкевичский р-н, № 328
Сенная, станица, с. 16, № 13-22, 1707-1714, 2321, 2322
Сенное, № 1086
Сенной базар см. Львовская площадь (г. Киев), с. 9, 15, № 465, 482
Сепиети, № 1651
Серата Монтеору, славянский могильник VI-VII вв. (СРР), с. 31
Сердика, античный город, № 919
Середжюс, № 1452
Середпольцы, № 691
Серенчовцы см. Счастливое, № 422
Сереховичи, № 339
Серпейская округа быв., № 161
Сетунь, р., № 176
Сибирское, № 132
Сигнахский р-н, № 1636
Сидоровка, № 1251
Симеиз пгт, № 1834
Симониант-Хеви, № 2314
Симферополь г., с. 6, 19, № 622-625, 628, 708, 755, 1835-1837
Симферопольский р-н, № 609, 622-625
Симферопольский уезд, № 573
Синельниковский р-н, № 344
Синица, № 2023
Синопа, античный город в Пафлагонии (в Малой Азии), № 2334
Синява, № 522
Синявка, № 2024
Сирайки, городище, № 168
Сиренево, № 133
Сирия, провинция Римской империи, № 2249
Сирмий (совр. Сремска Митровица), античный город, № 63, 352, 398, 1145, 1347, 1350, 1355, 1887, 2097, 2118
Сисианский р-н, № 1558
Сиския (совр. Сисак), античный город, № 365, 398, 423, 713, 774, 883, 923, 1350, 1688,

1838, 1856, 2253, 2279, 2321, 2330
Ситковецкий р-н, № 314
Сказинцы, № 1157
Скала-Подольский р-н, № 1002
Скалатский р-н, № 986, 994
Скалевое, № 561
Скалистое, № 1838, 1839
Скандинавия, с. 19, 25, 26
Сквирский р-н, № 512, 519
Скеливка, № 361
Скелька, урочище, № 2294
Скеля см. Родниковое, № 618, 619
Скериай, № 1453
Скетново, № 1087
Сковородки, № 1158
Скоморохи, с. 16, № 692
Скосаревка, № 775
Славная ул. (г.Новгород), № 180
Славянский, № 92
Слепородские хутора, № 816
Слободзея, № 2138
Слободзейский р-н, № 2138
Слободище, № 389-391
Слободка, урочище, № 398а-391
Слободка (быв. Слободка Польная), № 917
Словита, № 2275
Слоним г., № 1376
Слонимский уезд, с. 21, № 1376
Случь, р., № 381, 832, 863, 1991
Смалнинкай, № 2208
Смела г., № 1209, 1252-1258
Смелянский р-н, № 1201, 1242, 1252-1258
Смилтенский р-н, № 1476
Смоленская губ., № 199
Смоленская обл., № 199
Смордва, № 1936
Смотричский р-н, № 1121, 1131
Снетогорский монастырь, № 1727
Снигиревка, № 733
Снигиревский р-н, № 733
Снижки, № 1088, 1089
Снятин г., с. 19, № 918-921
Снятинский р-н, № 870-873, 918-921, 927
Соболевка, № 161
Советск г., № 48, 134, 135
Советский р-н, № 134, 135
Советский Союз, с. 21
Сокаль г., № 692
Сокальский р-н, № 640, 671, 687, 691-694, 1846
Сокирянский р-н, № 2302
Сокол, № 1992
Соколово, № 1961
Солдатово, № 136
Солнечное, № 137
Солобковецкий р-н, № 1145, 1159
Солончаки, № 734, 735
Солотвина, № 420
Сорока, № 1051
Сороки г., № 2139, 2140, 2339, 2340, 2341
Сорокский р-н, № 2048, 2087, 2105, 2139-2141, 2339, 2340, 2341
Сорокский уезд, № 1369
Соснина, № 340
Сосница г., № 1309-1311
Сосницкий р-н, № 1290, 1309-1311
Сосновка, Александровский р-н, № 562
Сосновка, Комсомольский р-н, № 216
Сосновка, Черкасский р-н, № 1259
Сосновое, с. 17, № 863, 864
Сосновский р-н, № 863, 864
Софийская Борщаговка, № 523
Сохта, № 2261, 2262
Сочи г., № 3, 4
Сочинский горсовет, № 1686-1688, 1700
Спанки, № 174
Спасск г., № 198
Спасский р-н, № 196-198
Спридзенос, хутор, № 1462
Средняя Азия, с. 9, 13, 14, № 1680-1684
СССР, с. 9, 11, 13, 16, 17, 21, 30
Ставище, № 1159
Ставищенский р-н, № 1797
Ставропольский край, № 31, 32, 1716, 1717
Стайки, Каневский р-н, № 1260
Стайки, Ржищевский р-н, № 524, 524а
Станислававка, № 1802
Станки, № 1725
Старая Богдановна, № 2328
Старая Полтавка, № 237
Старая Романовка, № 1775
Старая Русса г., № 1726
Старая Рязань, № 196-198
Старая Синява пгт, № 1160
Старая Ушица, № 1993
Старгородка, № 1312
Старовыжевский р-н, № 339
Староконстантиновский р-н, № 1148, 1158, 1974, 1991
Староконстантиновский уезд, № 1139
Старополтавский р-н, № 236, 237
Старорусский р-н, № 1726
Старорязанское городище, № 196, 197
Старосалтовский р-н, № 1076
Старосамборский р-н, № 361, 362
Старосинявский р-н, № 1160
Староушицкий р-н, № 1116, 1127
Старошведская см. Вербовка, № 1100
Старченковский р-н, № 498, 513, 514, 518
Старые Безрадичи, № 525, 526
Старые Валки, № 1090
Старый Альбинец, № 2142
Старый Збараж, № 1052
Старый Крым г., № 626
Старый Мизунь, № 925
Старый Орлик, № 817
Старый Орхей, городище, № 2149, 2155
Старый Самбор, № 362
Старый Хутор, № 37, 38
Стасово, № 138
Стеблев, № 1261
Стебник, № 926
Стебное, № 1262
Стена, № 305
Степанаванский р-н, № 1559

Степанский р-н, № 845
Степан-Цминда, № 1653
Стецова, № 927
Стецовка, № 1263, 1264, 2025
Стодульцы, № 306
Стожок, № 1053
Стольное, с. 17, № 1313
Стояновка, № 864
Страгна, № 1454, 1455
Стратиевка, № 307
Страупе, № 1495
Страшенский р-н, № 2067, 2075-2078, 2117, 2156
Стрелецкая бухта (г.Севастополь), с. 19, № 627
Стрижевка, № 1797
Стрильское, № 363
Стрильче, № 928
Строжени, № 1496
Стройно, № 421
Строинцы, № 1364
Стружаны, № 1496
Струсовский р-н, № 997
Стрый г., № 364
Стрыйский р-н, № 349, 364
Студенец, № 1173
Стуфчинцы, № 1160а
Стырфаз, № 2263-2265
Суараси, № 1537
Суаргом, ущелье, № 250
Суворово (быв. Хаджи-Абдул), № 1370
Суворовский р-н, № 2123, 2157, 2161, 2338, 2344
Судак пгт, № 628
Судакский р-н, № 628
Судовая Вишня г., № 1847
Сумская обл., № 944-961, 1937
Сумский р-н, № 1937
Сумы г., № 1937
Сура, р., № 182
Сурхан-Дарьинская обл., № 1679
Сурхохи, № 257
Суук-Су, могильник, № 577
Сухая Терешка, № 217
Сухиничский р-н, № 161
Сухостав, № 1054
Сухулучены, № 2143
Сухуми г., с. 19, № 4, 1654-1658, 2254, 2255
Сухумский р-н, № 1577, 1644-1646, 1659, 2256-2258, 2315, 2316
Сухумское шоссе, № 12
Сучава г., (СРР), с. 19
Сушковка, № 1265
Схалтба, № 1605
Счастливое (быв. Серенчовцы), № 422
Сызранский уезд, № 249
Сынжерейский р-н, № 1347, 1354
Сычево, № 139
Сычевка, № 1055
Тава, античный город, № 768
Таврика, с. 5
Таджикская ССР, с. 6, № 1676, 2066
Тазакенд, № 1538
Тайкуры, № 865
Талалаевка, с. 20, № 1314, 2026
Талалаевский р-н, № 954-956
Талиннский р-н, № 1541, 1547
Таллинн г., с. 15, № 1506, 1515, 1521, 1522, 1524, 2219
Тальновский р-н, № 1212, 1213, 1237, 1246, 2002, 2015, 2016
Таманская станица, № 23
Таманский п-ов, с. 16
Танаис, античный город, с. 5, 26, № 188, 189
Танаис см. Дон, р., с. 34
Тараз г., № 1675
Тараклия, № 2144, 2342
Таращанский р-н, № 487, 494, 535, 536, 1793
Тарракон (Tarraco), город в Испании, № 922
Тарту г., № 1465, 1467, 1476, 1523
Тартуский р-н, № 1523
Тарутинский р-н, № 1857, 1889
Татарбунарский р-н, № 776
Татарбунары пгт, № 776
Татариски см. Ставище, № 1159
Татарская АССР, № 252-255, 1732
Татарское селище, № 392
Татищевский р-н, № 215
Таурагский р-н, № 1405
Тауркалн, № 1497
Тахулани, № 1660
Таценка, № 1798
Ташлык, № 777, 778
Ташлык, р., № 1242
Тбилиси г., с. 6, № 16, 50, 1661, 1662, 2311
Тбилисский р-н, № 1578, 1586-1588, 1650, 1661, 1662, 1697
Теково (быв. Текигаза), № 423
Текуча, № 929, 930
Телави г., № 1663
Телавский р-н, № 1663, 2248
Теленештский р-н, № 2086, 2089, 2090, 2119, 2121, 2143
Тельшяйский р-н, № 1408, 2184
Темберщина, № 533
Темелеуцы, № 2145, 2146
Темерницкое городище, № 192, 1731
Темрюкский р-н, № 1, 13-24, 27, 29, 1696, 1707-1714, 2273
Тендровская коса, № 1110
Теодорсдорф см. Высокофедоровка, № 651
Теплик, № 308
Тепликский р-н, № 285, 308
Теплица, № 1910
Тептиевка, № 527
Теребовля г., № 1056
Теребовлянский р-н, № 1043, 1050, 1056, 1946
Терек, р., № 251
Теремновский р-н, № 325
Тереховский р-н, № 1377
Терешки, № 1161
Терновка, Бахчисарайский р-н, № 1840
Терновка (быв. Фридров), Комсомольский р-н, № 1840

Терновка, Октябрьский р-н, № 736
Терновский р-н, № 219, 220
Тернополь г., с. 6, № 979, 1035, 1057-1062
Тернопольская обл., № 962-1071, 1938-1952
Тернопольский р-н, № 1057-1061, 1952
Терны, № 961
Терса, № 218
Тетерев, р., № 377
Тетиев г., № 528
Тетиевский р-н, № 462, 528
Тетрицкаройский р-н, № 1574, 1592
Тешкли-Бурун, урочище, № 1824
Тея, № 2343
Тианетский р-н, № 2310, 2314
Тилигул, оз., № 1881
Тилигул, р., № 740, 775
Тилигуло-Березанка, № 2278
Тилигульский лиман, № 1848
Тильзит см. Советск г., № 134, 135
Тимашевка, № 2027
Тимченко, № 1962
Тира, античный город, с. 5, 11, 15, № 547, 738, 741, 746, 749, 751, 752, 752а, 766, 1110, 1864, 1865, 1871, 1872, 1877, 1893, 1903
Тирас см. Днестр, р., с. 34
Тирасполь г., № 2147
Тираспольский р-н, № 2147
Тираспольский уезд, № 1365
Тиритака, античный город, № 566-570
Тихорецкий р-н, № 1701
Тий (Tium), античный город, № 1874
Тлумач г., № 931
Тлумачский р-н, № 887, 891, 911, 912, 931
Тобольская губ., № 856
Товуз, № 2231
Тойла, № 1524
Токуз, № 2148
Толейкяй, № 1456
Толстая, № 1266
Толстенский р-н, № 1030, 1064
Толстого ул. (быв. Караваевская ул., г.Киев), № 478
Томашпольский р-н, № 271, 281, 305
Томиловка, № 529
Томы, античный город, № 256, 597, 639
Топрах-Кала, № 1560
Торговица, № 563
Торгун, р., № 232
Торнякалн, № 1498
Торча, р., № 1185
Торчинский р-н, № 316
Тоха-да-Хыр, урочище, № 608
Тракай г., № 1457
Тракайский р-н, № 1457
Трапезунд, античный город в Малой Азии, № 225
Траузиттен, № 140
Трахтемиров, № 530
Траянов вал, № 774, 1136, 1153, 1162
Требужены, № 1366-1369, 2149-2155
Трибуховцы, № 1063
Триката, № 1499
Триполье, № 531, 532
Трир см. Августа Треверов (Augusta Treverorum), античный город в Галлии, № 246, 357, 359-361, 398, 671, 880, 884, 897, 902, 918, 919, 931, 1057, 1347, 2192
Тришин, предместье г. Бреста, № 2167
Троада, № 724
Троица, № 171
Троицкое, № 779
Тростянец, Каневский р-н, № 1267-1269
Тростянец, Тростянецкий р-н, № 310, 310а
Тростянецкий р-н, № Винницкая обл., № 260, 270, 279, 286, 310, 310а
Тростянецкий р-н, Сумская обл., № 952, 959
Трофановка, № 932
Трубайловка (быв. Корань), № 493
Трубчевский р-н, № 40
Трунтлак, № 141
Трухановка, № 1921
Туапсе г., № 25, 26
Туапсинский р-н, № 25, 26
Тубаусяй, № 2209
Тудорово, № 2157, 2344
Тукумский р-н, № 1502, 1503
Тулуков, № 933
Тульская губ., № 241, 242
Тульская обл., № 239-242
Тудьчинский р-н, № 1745
Турийский р-н, № 1755
Турия, с. 12, 19, 21, № 1270, 1271
Туркменская ССР, с. 6, № 1677
Туровка, р., № 163
Турунчак, р., № 779
Тушков, № 694
Тывровский р-н, № 283
Тысменица пгт, № 934-936
Тысменицкий р-н, № 908, 934-936
Тыстамаа, № 1525
Тышковка, № 1742
Тюленино, № 142
Тюрингия, с. 31
Тягин, урочище, № 1145
Тягинка, № 1111
Тягинская ул. (г.Херсон), № 1113
Тязев, № 937
Тясьмин, р., № 543, 555, 1800, 1801
Тячев г., № 425
Тячевский р-н, № 405, 425, 1781
Убедь, р., № 1309
Угодичи, № 243
Удмуртская АССР, № 256
Удобное, № 1911
Ужава, № 1500
Ужвентский р-н, № 1397
Ужгород г., № 426, 2322
Ужгородский р-н, № 407, 413, 426, 1778
Узбекская ССР, № 1678, 1679, 2267
Узень-Баш, могильник, № 618, 619
Узин г., № 533
Узинский р-н, № 500, 533
Узловое, № 143
Узморье, № 219, 220

Украина, с. 7, 9, 11, 13, 16, 17, 20, 29, 31, № 2269, 2270, 2272
Украинская ССР, с. 6, 13, № 259-1340, 1735-2045, 2274-2291, 2324-2335
Улила, № 1526
Ульяновка (быв. Погорелое), № 1743, 1744
Ульяново, № 144
Ульяновский р-н, Кировоградская обл., № 546, 555а, 565, 1799
Ульяновский р-н, Сумская обл., № 961
Уманский р-н, № 1172, 1182, 1211, 1238, 1241, 1245, 1272-1275, 1995-1997, 2014, 2022, 2028-2031, 2034-2036
Уманский уезд, № 1276
Умань г., с. 6, № 1272-1275, 2028-2030
Унгенский р-н, № 2128
Упава, р., № 500
Уплис-Цихе, № 1664
Уразовский р-н, № 37, 38
Урал Южный, с. 20
Урбниси, № 2244
Ургенч г., № 2267
Уреки, № 1665, 2245, 2246
Урус-Мартановский р-н, № 1733
Усож, р., № 166
Успенская церковь в Печерской лавре (г.Киев), № 473
Устечко, № 1064
Усть-Быстрянская станица, № 191
Утенский р-н, № 1439
Уторопы, № 938, 939
Уфа г., № 245
Уш, № 1561
Ушицкий уезд, № 1162
Фалештский р-н, № 2069, 2070, 2092, 2146
Фанагория, античный город, № 13-22, 1707-1711, 2321, 2322
Фасос, о-в, с. 16, № 373, 400, 467, 655, 885
Фастовский р-н, № 449, 489, 490
Фатежский р-н, № 166
Федунки, № 818
Фельштин см. Скеливка, № 361
Феодосийский р-н, № 629-631
Феодосия г., № 629-631
Фессалоники, город в Македонии, № 324, 379, 621, 774, 1350, 1831, 2029, 2084, 2229, 2322
Филиппополь г., № 387, 1145, 1892, 1904
Фильртепе, городище, № 2221
Флорештский р-н, № 1358, 2088, 2303
Фольварки Великие см. Подгородное, № 684
Фонталовский п-ов, № 27, 29
Фонтанка, № 737
Форош см. Лисковое, № 412
Фракия, провинция Римской империи, № 387, 1020, 1110, 1155, 1756, 1899, 2179
Фридешево см. Колчино, № 409
Фридров см. Терновка, № 309
Фридрихсберг., № 145
Фронтовое, № 1841
Фынтына Жоей, урочище, № 136
Хаджи-Абдул см. Суворово, № 13
Хаджибей, № 1894
Хазарский каганат, с. 20
Хайрабад-Тепе, городище, № 1679
Халаимова поляна, урочище, № 451
Хапровское городище, № 193
Хапры, № 193
Хараба-Гилян, № 1539
Харабалинский р-н, № 34
Харакс, римский лагерь в Таврике, с. 5, № 632-634, 1842, 1843
Харенково, № 819
Харьков г., с. 8, № 800, 1085, 1091, 1092
Харьковская губ., с. 8, № 1093
Харьковская обл., № 1072-1095, 1953-1964, 2292, 2293, 2332
Харьковский р-н, № 1077, 1091, 1092, 1956, 2292, 2293, 2332
Хачмасский р-н, № 2221
Хашурский р-н, № 1565, 2347
Хвалынск г., № 221, 222
Хвалынский р-н, № 200, 221, 222
Хевсурия, № 1666
Херсон г., № 1112-1115а, 1192
Херсонес, античный город, с. 5, 6, 13, № 627, 1110
Херсонская губ., № 564
Херсонская обл., № 1096-1115а, 1965, 1966, 2294, 2333
Херсонский р-н, № 1097, 1098, 1111
Хидистави, № 2247
Хинислы, с. 17, № 1540, 2220
Хитцы, № 820
Хлебниково, № 146
Хливище, № 1334
Хмелева, № 940
Хмельна, № 1277
Хмельницкая обл., № 1116-1167, 1967-1994, 2334
Хмельницкий р-н, № 1985, 1987-1990
Ходоров г., № 534
Ходоровский р-н, № 348, 355
Холодовка, № 1745
Хомяковка, № 941
Хоньковцы, № 311
Хорвираб, № 1562
Хоробров, № 695
Хоров, № 867
Хорольский уезд, № 821
Хортица, о-в, с. 16, № 437, 438
Хотин, Ровенский р-н, № 868
Хотин, Хотинский р-н, г., № 1334
Хотинский р-н, № 1328-1330, 1334, 2296, 2298
Хох-Шнакейнен, № 147
Хренник, № 866
Христиновка, № 1278
Христиновский р-н, № 1278, 1298, 2000, 2017, 2019, 2023, 2026
Христофорово, № 565
Хрустальное, № 148
Хустский р-н, № 1779
Хядемеэста, № 1527
Цагери г., № 1667, 2313

Цагерский р-н, № 1667, 2239, 2313
Цалка пгт, № 1668, 1669
Цалкский р-н, № 1668, 1669
Царев, № 238
Царево городище, № 238
Цветное, № 149
Цвикливцы, № 1163
Цебельда, № 1670, 2256-2258, 2318-2320, 2351
Цедмар, № 150
Цемдолина пос., № 1703
Церковный холм, урочище, № 2258, 2318
Цесвайне пгт, № 1469
Цесисский р-н, № 1486, 1495, 1505
Цибилиум, № 2257, 2320, 2353
Цибирика, № 2158
Цимлянская станица, № 194
Цимлянский р-н, № 194
Цинандали, № 2248
Цинцкаро, № 1671
Цукулов, № 942
Цхакаевский р-н, № 1641, 2249, 2312, 2351
Цхумари, № 1672
Цыбулев, № 1279
Цыбулевка, № 2159
Чавчавадзе ул. (г.Гори), № 1581
Чадыр-Лунгский р-н, № 2050, 2144, 2342
Чапаевский р-н, № 208
Чахец, № 2173
Чегем пгт, № 247
Чегемский р-н, № 247
Чекон, № 28
Чекрак-Бахча, № 573
Чемеровецкий р-н, № 1125
Чепа, № 427
Червленная станица, с. 16, № 258
Червоноград (быв. Кристинополь) г., № 671
Червоное, урочище, № 1337
Черевки, № 816
Черкасская обл., с. 21, № 1168-1282, 1995-2036, 2335
Черкасский р-н, № 1174, 1181, 1214, 1215, 1217, 1223, 1259
Черневецкий р-н, № 265, 312
Черневцы, № 312
Чернелев-Русский, № 1952
Чернигов г., № 1283, 1315-1318
Черниговская губ., с. 8, № 1319
Черниговская обл., № 1283-1321, 2037-2041
Черниговский р-н, № 1283, 1306, 1308, 1320, 1321
Черниев, с. 21, 22, № 943
Чернин, № 535, 536
Черница, № 868а
Чернобаевский р-н, № 2005, 2032
Чернобыль г., № 537
Чернобыльский р-н, № 537
Черновицкая обл., с. 33, № 1322-1340, 2042-2045, 2295-2302
Черновицкий р-н, № 1323, 1336-1338
Черноводы, № 1164
Черновцы г., с. 6, № 1336-1338
Черногородка, № 538
Черное море, с. 5, 12, 16, 34
Черноморский р-н, № 1806
Черноморье, с. 9
Черноостровский р-н, № 1126, 1165
Черноречье, № 635
Чернотич, № 1290
Чернухи, № 1922
Черный Остров пгт, № 1165
Черняхов, с. 17, № 539, 539а, 540
Черняховск г., № 74, 75
Черняховский р-н, № 74, 75, 102, 138
Черторый, № 1746
Чехи см. Луговое, № 674
Чехия, с. 30, 34
Чеховка, № 2032
Чехово, № 1844
Чехословакия, с. 22, 30
Чечельницкий р-н, № 307
Чечено-Ингушская АССР, № 257, 258, 1733, 1734
Чибиркай, № 2210
Чигиринский р-н, № 1177, 2001
Чижевка, № 2033
Чижунай, № 1458
Чимишлийский р-н, № 2073, 2165
Чинадиево пгт, № 428
Чинартала, № 2221
Чир, р., № 230
Чишмикиой, № 2160
Чми, № 250, 251
Чобурча, № 2161
Чортков г., № 1065
Чортковский р-н, № 1065, 1939
Чугуев г., № 1094, 1095
Чугуевский р-н, № 1094
Чугуевское городище, урочище, № 1094
Чудновский р-н, № 378, 1770
Чукурча см. Луговое, № 609
Чумаченко, хутор, № 29
Чуфут-Кале, пещерный город, № 636
Чухур-Кабала, № 2221, 2222
Чхороцку пгт, № 1673
Чхороцкусский р-н, № 1635, 1673
Шабо, № 1912
Шакяйский р-н, № 1407
Шамараевка, № 1963
Шамшадинский р-н, № 2231
Шапкинский могильник, № 2258
Шаргородская слобода, № 313
Шаргородский р-н, № 290, 313, 1736, 1741
Шарканы, № 2162
Шарки, № 541
Шаровка, № 1964
Шацкий р-н, № 338
Шевченково (быв. Кирилловка), № 1280
Шелковский р-н, № 1734
Шемахинский р-н, № 1540, 2220
Шепетовский р-н, № 1124, 1972, 1975
Шернай, № 2211
Шерниай (быв. Шернен), № 1459
Шестаково, с. 20
Шестачи, № 2163

Шестовица, № 1320
Шилальский р-н, № 1436а, 2190, 2197, 2204
Шилово, № 45
Шилуте г., № 1460
Шилутский р-н, № 1401, 1441, 1454, 1455, 1460, 2185, 2195
Шильниково, с. 23, № 249
Шимковцы, № 1994
Шингарей, хутор, № 232
Шиншеуцы см. Чинишеуцы, № 1371
Шипеница, № 1339, 1340
Ширазлу, № 1563
Широкая Балка, № 2333
Широкое, № 637, 638
Ширяевский р-н, № 741, 2289
Шишаки, № 822
Шкаровка, № 542
Шкрюмов хутор, № 1715
Шлагбаумный переулок (г.Керчь), № 593
Шпаковский р-н, № 1717
Шпаньково (быв. Спанки), № 174
Шполянский р-н, № 1187, 1188, 1198
Шрейтлаукяй, № 1460а
Шуляки, № 1281
Шумбар, № 1066
Шум-речка, № 1695
Шумск г., № 1067
Шумский р-н, № 962, 963, 1039, 1053, 1055, 1067, 1940
Шяуляй г., № 1409
Шяуляйский р-н, № 2206, 2210
Щигровский р-н, № 170
Эверсмуйже, № 1501
Эдесса, античный город в Македонии, № 1145
Эйгуляй, № 2212
Экете, № 2213
Эки, № 2249
Эланд, о-в, с. 31
Эльба, р., с. 14, 31
Эльбрусский р-н, № 246
Эльваский р-н, № 1526
Эльтеген см. Героевка, № 575
Эмесса, античный город, № 2249
Энгуре, № 1502, 1503
Эрмитажный клад, № 2268
Эрнсдорф см. Благодатовка, № 642
Эстонская ССР, с. 6, № 1506-1527, 2219
Эфес, античный город, № 1994
Эчмиадзин г., № 1564
Эчмиадзинский р-н, № 1564
Юго-Осетинская АО, № 1652, 2259-2265
Южная Россия, с. 9, № 2271
Юминда, № 2219
Юодкранте, № 1461
Юра, р., № 2197
Юрковка, № 2034-2036
Юрковцы, Гусятинский р-н, № 1068
Юрковцы, Ситковецкий р-н, № 314
Юрчены, № 2164
Юрьевка, № 1321
Юстинианов холм, урочище, № 2258
Юфковцы, № 1166
Юшковцы, № 1069
Яблонка, № 1282
Яблоновский р-н, № 929, 930, 938, 939
Яблуновка (быв. Язливец), № 1070
Ягжди, № 2224
Ягнятин, № 393
Яздай, № 2214
Язливец см. Яблуновка, № 1070
Якимовцы, № 1071
Яланец, р., № 1885
Ялинское урочище, № 2295
Яловичи, № 869
Ялойлу-тапа, № 2223
Ялпуг., № 2165
Ялпух, оз., № 1875
Ялта г., № 633, 634, 639
Ялтинский горсовет, № 576, 577, 607, 608, 612, 632-634, 639, 1803, 1823, 1834, 1842-1844
Ямпольский уезд, № 315
Янаполе, № 2215
Янковичи см. Иванковичи, № 461
Янковцы см. Иванковцы, № 1943
Янтарный берег., № 1415
Янушполь см. Иванполь, № 378
Янчин см. Ивановка, № 665а
Яреськи, № 823
Ярмолинецкий р-н, № 1157, 1167, 1973
Ярмолинцы пгт, № 1167
Ярославль г., с. 15, № 244
Ярославская обл., № 243, 244
Ярунский р-н, № 376, 393
Яры, урочище, № 2003
Ярышевский р-н, № 289, 311
Ятвяги, № 366
Яунелгава г., № 1504
Яунелгавский р-н, № 1504
Яунземи, хутор, с. 19, № 1505
Яучакяй, № 2216
Яхники (быв. Ивахники), № 824

Absteinen
Adlig Medenau
Arianopo(lis), № 2036
Allenberg
Andullen
Augusta Treverorum
Backeln
Barsduhnen
Bendiglauken
Bernsteinbruch
Berthaswalde
Bludau
Breitenstein
Carnuntum
Charlottenberg
Cojehnen, № 79
Constantin (opolis), № 2095
Corben, № 80
Corjeiten
Culmen-Kulken, № 88
Cumennen

Dacien, № 256
Darienen
Deultum
Dollkeim
Eisliethen, № 46
Eisselbitten
Ernsthof, № 155
Friedrichsberg, № 145
Friedrichsthal
Gauten, № 55
Gerdauen
Godnicken
Goythenen
Greibau, № 60
Grebieten, № 61
Gross-Drebnau
Gross-Crobienen
Cross-Medenau
Gross-Waldeck, № 62
Gruneiken, № 63
Henriettenfeld, № 57
Hoch-Schnakeinen, № 147
Horochów, № 317
Jackowicy, № 300
Juditten
Jelgawa
Kadgiehnen
Kallen
Kamswikus
Kaunas
Kiauten
Kirpehnen
Kirschappen
Kirtigehenen
Klein-Blumenau, № 76
Knoppelsdorf
Koddien, № 77
Korklack, № 81
Kösnicken, № 78
Kraków
Krattlau, № 139
Labiau
Laptau
Legitten
Lessienen
Leisten-Jakob
Löbertshof
Lobitten
Lugudunum
Lumpühnen
Lwów, № 317
Mantau
Margen
Michelau
Mittel-Warnau
Moesien, № 256
Moritten
Nautzwinkel, № 110
Neidtkeim-Fürstenwalde
Neuendorf
Niebudzen, № 113
Nimmersatt
Nordenburg
Norkitten
Nuskern
Oberhof
Olbia
Pangessen
Petrollen
Pilzen, № 117
Pleschkutten
Pokalkstein
Polennen
Polwitten
Popelkan
Possritten
Praddau
Ragnit
Rantau
Regehnen
Ringels, № 127
Rosenau
Rossitten
Schacherau
Schakumehlen, № 153
Schaukaulack
Schernen
Schlakalken
Schreitlacken
Schreitlaucken
Schuditten
Schwarzort
Seerappen
Skören
Steinerkrug
Tapiau
Tarraco
Tenkeiten
Thaleiken-Jakob
Tium
Trappönen
Trausitten
Trempen
Trentitten
Trömpau
Tropitten
Truntlack, № 141
Trutenau
Tussainen
Urbs Roma, № 1400
Viehof
Warengen
Weszeiten
Wiekau
Wilkieten
Willkühnen
Wiskiauten
Zedmar, № 150

Указатель имен
Имена исторических лиц

Август, римский император, №171, 189, 193, 240, 250, 433, 434, 464, 544, 605, 617, 629, 906, 934, 943, 999, 1043, 1084, 1090, 1094, 1163, 1175, 1362, 1415, 1416, 1465, 1471, 1479, 1489, 1495, 1513, 1519, 1521, 1523, 1527-1530, 1532, 1537, 1538, 1541, 1543, 1545, 1547, 1548, 1553, 1555-1557, 1559, 1561, 1563, 1567, 1571, 1577, 1579-1582, 1584-1586, 1588, 1589, 1593-1595, 1602, 1606-1610, 1613-1617, 1619, 1622, 1626, 1628, 1631-1633, 1635, 1637, 1639, 1642, 1650, 1652-1654, 1661, 1662, 1664, 1669, 1671, 1836, 2039, 2066, 2155, 2224, 2234-2236, 2241, 2242, 2251, 2296, 2298, 2299, 2302, 2303, 2305, 2313, 2314, 2316, 2345, 2349
Август III (1734-1763), польский король, № 1071
Авит, западноримский император, с. 30
Аврелиан, римский император, №112, 252, 586, 905, 919, 1041, 1057, 1199, 1226, 1314, 1378, 1463, 1674, 2042, 2251
Аврелий Виктор, Луций, №1523
Аврелий Цезарь см. Марк Аврелий, №50, 60, 110
Агриппа, Марк Випсаний, римский полководец (ум. 12 г. н.э.), №1468, 1471, 1489, 1708, 1979
Агриппина Младшая, жена имп. Клавдия I (ум. 59 г. н.э.), №192, 242
Агриппина Старшая, жена Германика, № 575
Адриан, римский император, №37, 38, 40, 98, 103, 105-107, 110, 115, 119, 124, 128, 131, 134, 140, 151, 153, 157, 160, 163, 169, 175, 196, 202, 232, 242, 249, 250, 262, 271, 273, 274, 283, 289, 295, 298, 299, 301, 302, 315, 317, 320, 342, 347, 355, 378, 379, 382, 387, 403, 408, 422, 427, 429, 431, 437, 441, 448, 451, 465, 467, 475, 478, 496, 501, 502, 527, 535, 543, 549, 555, 573, 595, 607, 614, 616, 633, 642, 652, 662, 663, 676, 682, 687, 690, 691, 697, 700, 704, 714, 723, 742, 752, 757, 758, 759, 770, 778, 785, 796, 799, 816, 819, 839, 841, 850, 856, 860, 863-865, 867, 868a, 875, 877, 904, 906, 914, 929, 935, 936, 948, 950, 952, 954, 955, 957, 968-971, 983, 990, 1002, 1014, 1018, 1030, 1043, 1045, 1048, 1054, 1062, 1087, 1089, 1097, 1100, 1102, 1109, 1118, 1121, 1136, 1138, 1151, 1199, 1202, 1206, 1210, 1220, 1223, 1230, 1231, 1242, 1248, 1251, 1256, 1257, 1270, 1271, 1282, 1288, 1290, 1291, 1297, 1299, 1302, 1317, 1327, 1334, 1335, 1354, 1376, 1384, 1393, 1394, 1402, 1415, 1430a, 1442, 1459, 1460a, 1462, 1465, 1466, 1471, 1474, 1475, 1483, 1496, 1499, 1514, 1521, 1544, 1549, 1572, 1577, 1603, 1606, 1607, 1612, 1617, 1628, 1640, 1641, 1643, 1647, 1648, 1660, 1665, 1668, 1670, 1680, 1682, 1738, 1747, 1761, 1775, 1779, 1781, 1794, 1800, 1801, 1856, 1866, 1877, 1883, 1926, 1937, 1947, 1992, 1995, 2001, 2002, 2006, 2010, 2031, 2045, 2053, 2074, 2085, 2099, 2115, 2144, 2162, 2169, 2175, 2184, 2200, 2201, 2207, 2221, 2245, 2249, 2256, 2257, 2266, 2269, 2270, 2280, 2288, 2290, 2304, 2307, 2315, 2341
Александр, римский император, с. 30
Александр III Македонский (336-323 гг. до н.э.), царь Македонии, с. 18, №622, 692, 761, 885, 1459, 1540, 1594, 1595, 1790, 2222, 2232, 2293, 2349
Александр Север, римский император, с. 17, 18, 30, №48, 51, 86, 93, 114, 119, 128, 150, 237, 256, 272, 280, 481, 489, 633, 639, 713, 715, 762, 901, 976, 1014, 1115a, 1160, 1394, 1400, 1420, 1434, 1521, 1638, 1651, 1680, 1685, 1732, 1736, 1819, 1860, 1866, 1947, 2024, 2052, 2110, 2147, 2183, 2215, 2249, 2296, 2299
Александр Янней, иудейский царь, №943
Аллект, римский император, с. 30, №2192
Анастасий, византийский император, с. 30, №627, 1672
Антемий (Прокопий), западноримский император, с. 30
Антоний, Марк, римский государственный деятель (ум. 31 г. до н.э.), №714, 752, 1443, 1558, 1579, 2231, 2263
Антоний (?), №2178
Антонин (?), №379, 493, 509, 609, 622, 1443, 1444, 1512, 1513, 1521, 2286
Антонин Пий, римский император, с. 9, 17, 27, 30, №7, 26, 35, 37, 38, 43, 44, 48, 50, 51, 60, 67, 72, 77, 78, 80, 84, 85, 87, 91, 92, 97, 98, 100, 105, 106, 110, 113, 124, 128, 146, 153, 157, 160, 163, 165, 167, 169-171, 175, 177, 182, 183, 202, 228, 233, 249, 254, 262, 265, 269, 271, 273, 276, 279, 288, 289, 295, 298-300, 313, 316, 317, 323, 343, 347, 371, 372, 377-379, 288, 289, 295, 298-300, 313, 316, 317, 323, 343, 347, 371, 372, 377-379, 382, 384, 389a, 395, 406, 408, 416, 421, 428, 430, 444, 449, 452, 453, 456, 465, 467, 483, 484, 487, 496, 497, 505, 507, 510, 512, 513, 516, 518, 523, 525, 527, 528, 530, 533, 537, 539, 541, 550, 555, 556, 573, 579, 609, 612, 631, 633, 639, 663, 664, 667, 672, 676, 677, 689, 697, 700-702, 705, 719, 722, 723, 727, 729, 731, 734-736, 740, 742, 752, 757, 758, 766, 775, 778, 783, 795, 796, 808, 809, 816, 817, 825, 826, 831-833, 837-840, 844, 851, 852, 856, 857, 860, 863, 864, 868a, 870, 888, 900, 903, 905, 910, 914, 929, 936, 941, 947, 950, 952, 954, 955, 957, 963, 970, 976, 987, 997, 1005, 1011-1016, 1019, 1041, 1045, 1048, 1050, 1054, 1055, 1062, 1063, 1065, 1071, 1080, 1090, 1102, 1118, 1119, 1121, 1123, 1126, 1134, 1140, 1145, 1147, 1149-1151, 1159, 1170, 1171, 1174, 1178, 1185, 1185a, 1189, 1192-1194, 1201, 1202, 1212, 1215,

1216, 1232, 1233, 1235, 1239, 1244, 1245, 1253, 1254, 1256, 1262, 1266, 1267, 1270, 1271, 1274, 1278, 1282, 1288, 1290, 1293-1295, 1297, 1299, 1302, 1303, 1305, 1313, 1314, 1317, 1319, 1333, 1339, 1345, 1362, 1363, 1367, 1376, 1377, 1380, 1382, 1384, 1387, 1390, 1392, 1394, 1402, 1407, 1413, 1415, 1416, 1418, 1428, 1432, 1433, 1436, 1445, 1447-1449, 1454, 1455, 1458, 1471, 1474, 1475, 1485, 1499, 1506, 1515, 1518, 1522, 1531, 1549, 1568, 1577, 1594, 1606, 1617, 1618, 1623, 1641, 1651, 1670, 1680, 1682, 1690, 1719, 1738, 1741, 1750, 1761, 1764, 1766, 1769, 1774, 1775, 1779, 1781, 1782, 1791, 1794, 1798-1800, 1809, 1815, 1849, 1851, 1852, 1856, 1858, 1867, 1871, 1880, 1893, 1895, 1897, 1904, 1920, 1928, 1937, 1948, 1968, 1969, 1988, 1997, 1998, 2000, 2001, 2008, 2017, 2022, 2027, 2028, 2035, 2038, 2043-2045, 2047, 2048, 2051, 2069, 2072, 2073, 2075, 2087, 2088, 2090, 2092, 2109, 2116, 2135, 2139, 2144, 2145, 2150, 2151, 2158, 2169, 2183, 2184, 2186, 2197, 2201, 2207, 2249, 2266, 2270, 2296, 2324, 2327, 2333, 2342

Антонины, династия римских императоров (96-192), с. 17, №38, 128, 379, 383, 447, 462, 511, 537, 633, 845, 848, 861, 1067, 1153, 1162, 1924, 2180, 2207

Аркадий, восточноримский император, с. 30, №570, 572, 577, 610, 611, 621, 627, 738, 813, 873, 923, 1347, 1505, 1760, 1815, 1816, 1843, 1909, 2117, 2146, 2292, 2322

Арсак II, царь Парфии, №179

Артабан II, царь Парфии (10/11-38 гг. н.э.), №1633, 2236, 2345

Архелай, царь Каппадокии, №1635

Аршакиды, династия в Парфии, №1540, 1558

Асандр, архонт и царь Боспора (около 47-17 гг. до н.э.), №27

Асфагур (Аспакур), царь восточной Грузии, №1612

Бальбин, римский имератор, с. 30, №1685

Валент, римский император, с. 19, 30, №13, 15, 187, 398, 420, 589, 883, 1110, 1400, 1503, 1505, 1608, 1832, 1843, 1856, 1900, 1947, 2279

Валентиниан (I или II), римский император, №15, 357, 490, 580, 599, 913, 943, 1463, 2194

Валентиниан I, римский император, с. 30, №24, 360, 398, 897, 1004, 1688, 1828, 1856

Валентиниан II Младший, римский император, с. 30, №813, 1004, 1347, 1552, 1690, 1707, 1733, 1843, 2251, 2329

Валентиниан III, западноримский император, с. 30, №238, 598, 813, 1514

Валериан, римский император, с. 16, 30, №606, 627, 639, 715, 905, 1184, 1364, 1574, 1611, 1725, 1853, 1870, 2036, 2345

Валерий, №2251

Варахран II (274-291), сасанидский царь, №2221

Варус (?), №952

Василий I, византийский император, №621

Василий II, византийский император, №1522

Василиск (476-477), восточноримский император, №1666

Веспасиан, римский император, с. 30, №17, 87, 128, 151, 160, 169, 171, 201, 229, 241, 242, 249, 271, 299, 317, 320, 349, 350, 363, 372, 379, 395, 467, 512, 555, 573, 609, 617, 633, 639, 655, 668, 684, 686, 697, 728, 742, 751, 752, 758, 788, 796, 849, 862, 899, 905, 928, 936, 952, 988, 944, 1022, 1056, 1066, 1118, 1121, 1145, 1225, 1257, 1270, 1324, 1340, 1345, 1362, 1376, 1400, 1471, 1476, 1521, 1549, 1577, 1600-1628, 1633, 1641, 1680, 1682, 1712, 1716, 1775, 1794, 1800, 1812, 1835, 1856, 1866, 1870, 1882, 1919, 1921, 2121, 2169, 2221, 2266, 2270, 2271, 2278

Ветранио, римский император, №398

Вибий, Кай (C. Vibius), монетарий, №2223

Викторин, римский император, с. 30, №2192

Вителлий, римский император, с.30, №633, 796, 952, 1633, 1856

Вологез III (147/8-191), царь Парфии, №2221

Волусиан, римский император, с. 30, №39, 466, 606, 639, 1471, 1789, 1856, 2251

Гай, племянник имп. Августа, с. 16, №189, 1528, 1530, 1532, 1537, 1538, 1557, 1567, 1571, 1635,1639,1664,1669,2314,2347

Галерий Максимиан, римский император, с. 30, №360, 398, 683, 1831, 2084, 2251

Галерия (Валерия), (ум. 314 г.), №2251

Галлиен, римский император, с. 18, 30, №204, 205, 466, 606, 639, 677, 716, 897, 1199, 1256, 1318, 1352, 1470, 1806, 1856, 1870, 1881, 1961, 1994, 2251, 2330

Гальба, римский император, с. 30, №61, 87, 171, 622, 631, 696, 796, 888, 889, 1118, 1329, 1417, 1617, 1800

Геренний Этруск см. Деций Младший, римский император, с. 30, №329, 606, 1685, 1804

Германик, племянник имп. Тиберия, №1489

Гета, римский император, с. 11, 18, 30, №464, 573, 609, 639, 715, 723, 729, 749, 752, 1116, 1120, 1651, 1685, 1726, 1837, 1861, 1903, 2179, 2207, 2249, 2251

Гликерий, западноримский император, с. 30

Гонорий, западноримский император, с. 30, №3, 416, 621, 627, 813, 871, 872, 912, 969, 1004, 1347, 1539, 1552, 1575, 1677, 1807, 1825, 1843, 2192

Гордиан (I, II или III?), римский император, №151, 364, 597, 1155, 1229, 1328, 1449, 1512, 1513, 1521

Гордиан I, римский император, с. 30

Гордиан II, римский император, с. 30

Гордиан III, римский император, с. 17,18, 30, №30, 39, 84, 123, 145, 174, 179, 204, 205, 222, 267, 284, 312, 319, 364, 429, 539, 585,

606, 620, 628, 633-635, 639, 715, 869, 918, 931, 1020, 1125, 1143, 1145, 1155, 1346, 1394, 1396, 1400, 1408, 1435, 1453, 1459, 1464, 1475, 1492, 1564, 1616, 1685, 1697, 1724, 1795, 1804, 1826, 1829, 1831, 1874, 1974, 1976, 1979, 1986, 2036, 2052, 2099-2101, 2106, 2119, 2120, 2129, 2147, 2156, 2176, 2211, 2215, 2251, 2274, 2296, 2299
Гордиан (Консул), римский император, №161
Гостилиан, римский император, с. 30, №329, 639, 1616
Готарз (I или II), царь Парфии, №1586, 1595, 1606, 1607, 1609, 1616, 1617, 1637, 2222, 2235, 2241, 2242, 2261, 2298, 2299
Готарз I, царь Парфии, №2259
Готарз II (41-51), царь Парфии, №1594, 2221, 2234
Грациан, римский император, с. 30, №19, 246, 568, 872, 905, 923,1347,1729, 2143

Деметрий I, ок. 189- ок. 167 гг. до н.э., царь Греко-Бактрийского царства, №1540
Деций Младший (Геренний Этруск), сын Траяна Деция, римский император, с. 30, №329, 606, 1685, 1804
Деций Траян см. Траян Деций
Диадумениан, римский император, №626, 639, 777, 1394, 1685
Дидий Юлиан, римский император, с. 30,
№271, 382, 496, 799, 915, 1011, 1651, 1781
Дидия Клара, дочь имп. Дидия Юлиана,
№271

Евпатор II, царь Боспора, №235
Евтидем, царь Бактрии, с. 16, №437
Елена, жена имп. Константина I, №224, 919

Зенон, византийский император, с. 15, 30, №21, 247, 621, 627, 2344
Иоанн (423-425), западноримский император, с. 30
Иовиан (363-364), римский император, с. 21, 30, №317, 905
Ирина, византийская императрица, №621
Ирод Агриппа, иудейский царь, №943

Казимир, польский король, №463
Калигула, римский император, с. 30, №617, 1049, 1358, 1437, 1571
Кар, римский император, с. 30, №2299
Каракалла, римский император, с. 18, 30, №64, 84, 156, 210, 313, 345, 573, 579, 586, 609, 629, 633, 635, 639, 677, 697, 713, 715, 716, 722, 723, 749, 752, 1116, 1145, 1428, 1435, 1442, 1448, 1451, 1651, 1656, 1685, 1803, 1804, 1848, 1852, 1859, 1873, 1877, 1892, 1894, 1902, 1903, 1914, 2056, 2089, 2148, 2249, 2251, 2292, 2295, 2296, 2346, 2353
Караусий (286-293), римский император, с. 30
Каризий, Т., монетарий (ок. 45 г, до н.э.), №1584
Карин (283-285), римский император, с. 30, №1272, 1526, 1583, 1876, 2192
Кассий, Луций, сын Квинта, монетарий, ок. 79 г. до н.э., №1686
Квинтилл (270), римский император, с. 30
Клавдий I (41-54), римский император, с. 17, 30, №151, 192, 350, 363, 434, 617, 1165, 1438, 1450, 1489, 1896
Клавдий II Готский (268-270) римский император, с. 30, №15, 204, 205, 374, 614, 639, 960, 1463, 1468
Клеопатра VII, египетская царица, №1558, 1579
Клодий Альбин (193-197), римский император, с. 12, 30, №299, 382, 633, 639, 676, 752, 758, 796, 1651, 1685, 1775
Клодий Туррин, Публий (P. Clodivs M. F.) 38 г. до н.э., монетарий, №617, 2222
Коммод (180-192), римский император, с. 12, 18, 27, 30, №7, 37, 38, 46, 47 , 60, 84, 87, 92, 105, 106, 108, 110, 119, 156, 160, 167-169, 175, 198, 249, 271, 273, 274, 276, 278, 295, 299, 307, 317, 320, 347, 379, 382, 384, 395, 397, 430, 430a, 463, 467, 478, 483, 485, 496, 500, 525-527, 537, 538, 543, 554, 556, 564, 567, 575, 581, 587, 609, 633, 639, 644, 653, 654, 660, 661, 676, 703, 729, 736, 752, 757, 758, 766, 770, 780, 796, 797, 830, 839, 852, 853, 860, 863, 864, 867, 897, 898, 904, 914, 925, 927, 944, 952, 955, 963, 970, 972, 990, 1007, 1009, 1014, 1022, 1029, 1051, 1055, 1057, 1062, 1072, 1085, 1090, 1095, 1098, 1102, 1116, 1118, 1119, 1121, 1122, 1145, 1160, 1173, 1177, 1178, 1196, 1201, 1202, 1204, 1223, 1227, 1245, 1252, 1256, 1265, 1270, 1271, 1297, 1302, 1305-1307, 1327, 1345, 1363, 1364, 1376, 1378, 1381, 1390, 1393, 1394, 1402, 1435, 1436a, 1442, 1447, 1454, 1459, 1465, 1466, 1472, 1475, 1498, 1549, 1617, 1651, 1657, 1728, 1731, 1738, 1746, 1767, 1775, 1779-1781, 1793, 1794, 1800, 1856, 1866, 1871, 1877, 1893, 1903, 1916, 1937, 1941, 1943, 1951, 1963, 1999, 2001, 2014, 2054, 2180, 2202, 2249, 2251, 2266, 2307, 2310, 2332, 2329
Констант I, римский император, с. 30, №308, 416, 473, 474, 480, 774, 1350, 1370, 1505, 1513, 1521, 1684, 1953, 2192, 2253
Константин (I или II), римский император, №423, 1044, 1517, 2288
Константин I, римский император, с. 30, №194, 209, 213, 214, 224, 225, 241, 324, 348, 352, 357-361, 365, 379, 395, 398, 418, 420, 466, 471, 571, 578, 583, 613, 627, 634, 639, 689, 695, 726, 729, 774, 811, 878, 880, 884, 895, 897, 902, 905, 919, 931, 943, 1049, 1057, 1058, 1110, 1139, 1199, 1310, 1311, 1471, 1489, 1503, 1510, 1512, 1566, 1693, 1713, 1721, 1743, 1809, 1817, 1826, 1831, 1838-1840, 1843, 1856, 1947, 2029, 2095, 2192, 2208, 2243, 2253, 2267, 2268, 2277, 2311, 2317, 2322, 2351, 2352
Константин II, римский император, с. 30, №154, 176, 307, 357, 398, 399, 406, 634, 671, 774, 880, 895, 1255, 1275, 1276, 1469, 1494, 1503,

1684, 1713, 1764, 1947, 2243, 2251, 2253
Константин III, западноримский император, с. 30
Константин V, византийский император, №621
Константин VI, византийский император, №696
Констанций (I или II), римский император, №226, 365, 473, 601, 627, 717, 774, 905, 919, 1190
Констанций I, римский император, с. 30, №1348
Констанций II, римский император, с. 17, 19, 20, 30, №2, 63, 365, 416, 424, 466, 482, 512, 546, 589, 598, 634, 713, 729, 760, 765, 883, 897, 905, 918, 1145, 1350, 1355, 1370, 1465, 1468, 1489, 1503, 1505, 1621, 1813, 1821, 1831, 1839, 1843, 1856, 1875, 1884, 1886, 1887, 1891, 2046, 2055, 2058, 2365, 2070, 2086, 2097, 2104, 2108, 2118, 2123, 2125, 2154, 2251, 2253, 2311, 2337, 2343
Констанций III, западноримский император, с. 30
Констанций Галл, римский император, №398, 1350, 1505, 1814, 1831, 2251, 2322
Констанций Хлор, римский император, с. 17, №46, 592, 632, 758, 1958, 2251
Корнелия Салонина, жена императора Галлиена, №470, 586, 639, 1256, 1907, 2251
Крисп, сын Константина I, №227, 231, 361, 398, 671, 878, 1057, 1463, 2192
Криспина, жена императора Коммода, №61, 80, 105, 106, 110, 124, 159, 169, 249, 271, 288, 294, 295, 299, 317, 347, 362, 384, 527, 600, 676, 721, 726, 742, 754, 860, 863, 955, 1014, 1062, 1102, 1118, 1225, 1270, 1297, 1330, 1345, 1390, 1394, 1402, 1465, 1485, 1549, 1651, 1776, 1779, 1781, 1984, 2152, 2266, 2269
Кристина, Августа Ваза (1632-1654), шведская королева, №1176

Лев I, восточноримский император, с. 30, №569, 576, 582, 627, 1551, 1570, 1627, 1629, 1630, 1672, 1809, 1832, 1966, 2014, 2237, 2247, 2324, 2336
Лев V, византийский император, №621
Лев Младший, восточноримский император, с. 30
Либий Север III, западноримский император, с. 30
Ливинтй Регул Л., монетарий, №1542
Лисимах (323-281 гг. до н.э.), царь Фракии, №622, 761, 1090, 1540, 2222, 2304
Лициний, римский император, №135, 1727, 1831, 2344
Лициний Младший, №1829
Лициний Старший, римский император, с. 30, №398, 578, 589, 604, 634, 905, 1109, 1655, 1692, 1826, 2276, 2321
Лициний К., монетарий, №1540
Луций, племянник имп. Августа, с. 16, №189, 1528, 1530, 1532, 1537, 1538, 1557, 1567, 1571, 1635, 1639, 1664, 1669, 2314, 2347
Луций Аврелий Виктор, №1523
Луций Вер, римский император, с. 30, №7, 84, 87, 103, 105, 106, 123, 131, 151, 157, 169, 171, 202, 249, 271, 273, 290, 295, 299, 305, 310, 317, 347, 352, 382, 386, 414, 429, 496, 527, 543, 555, 561, 633, 676, 729, 757, 758, 796, 834, 839, 843, 852, 860, 914, 920, 952, 955, 1014, 1043, 1060, 1073, 1114, 1118, 1121, 1132, 1145, 1177, 1202, 1208, 1223, 1256, 1257, 1271, 1297, 1302, 1304, 1305, 1313, 1324, 1336, 1345, 1376, 1394, 1402, 1453, 1466, 1471, 1478, 1504, 1577, 1623, 1723, 1761, 1764, 1775, 1779, 1794, 1799, 1800, 1888, 1896, 1897, 1937, 1947, 1995, 2001, 2054, 2122, 2169, 2249, 2251, 2269, 2300, 2320
Луций Кассий, сын Квинта, монетарий, №1686
Луцилла, жена имп. Луция Вера, №57, 61, 81, 84, 87, 97, 105, 106, 110, 113, 116, 123, 151, 163, 169, 207, 249, 271, 295, 299, 304, 317, 382, 386, 467, 527, 555, 573, 609, 676, 722, 758, 796, 818, 839, 860, 914, 955, 973, 1014, 1103, 1118, 1135, 1145, 1203, 1217, 1271, 1290, 1293, 1301, 1302, 1305, 1323, 1345, 1356, 1390, 1393-1395, 1427, 1428, 1454, 1471, 1480, 1501, 1549, 1680, 1718, 1720, 1775, 1779, 1781, 1784, 1794, 1852, 1937, 2001, 2196, 2213, 2217, 2269, 2295

Маврикий (?), №1041
Магн Максим, римский император, с. 30
Магненций, римский император, с. 30, №398, 1115
Магния Урбика, жена имп. Карина, №1272
Майориан, западноримский император, с. 30
Макрин, римский император, с. 18, 30, №609, 622, 623, 639, 777, 1256, 1685, 1935, 2249, 2333
Максенций, римский император, с. 30, №578, 1377
Максим, римский император, №1685, 2215, 2292
Максимиан, римский император, с. 30, №398, 466, 578, 608, 634, 639, 1006, 1034, 1199, 1402, 1463, 1655, 2007
Максимиан Геркул, римский император, №2136
Максимин (I или II), римский император, с. 30, №70, 412, 1199, 1402, 1475
Максимин I, римский император, с. 18, 30, №70, 151, 348, 416, 633, 706, 1165, 1243, 1393, 1394, 1400, 1431, 1482, 1502, 1685, 1732, 1751, 1857, 2183, 2215
Максимин II Дая, римский император, с. 18, 30, №578, 729, 1655, 2249, 2329
Манлия Скантилла, жена имп. Дидия Юлиана, №799, 1781
Марий, тиран в Галлии, №1115
Мариниан, сын имп. Галлиена, №639
Марк Аврелий, римский император, с. 9, 16, 17, 18, 20, 23, 24, 27, 30, №12, 37, 38, 47 , 48, 50, 51, 53, 55, 60, 61, 68, 75, 82, 84, 85, 87, 89, 90-93, 105, 106, 108, 110-113, 115, 119, 125, 134, 151, 153, 159, 163, 169, 171, 175, 177, 221, 242, 248, 249, 255, 259, 265, 267, 271, 273, 276, 278, 289, 295, 299, 303, 305, 306,

317, 320, 332, 335, 337, 338, 347, 351, 369, 379, 382, 384, 385, 389, 390, 393, 394, 398, 416, 441, 445, 446, 453, 454, 456, 459, 465, 467, 484, 487, 492, 495-497, 503, 507, 511, 512, 514, 519, 522, 527, 534, 537, 542, 543, 553, 555, 573, 585, 588, 609, 633, 635, 638, 646, 651, 661, 676, 678, 708, 720, 724, 725, 733, 737, 742, 745, 757, 758, 766, 770, 773, 779, 789, 795, 796, 801, 806, 812, 815, 829, 835, 839, 840, 852, 860, 863, 864, 866-868, 902, 914, 924, 929, 936, 945, 950, 954, 955, 957, 959, 970, 981, 984, 1014, 1025, 1027, 1028, 1030, 1037, 1040, 1050, 1054, 1076, 1084, 1092, 1093, 1102, 1111, 1118, 1119, 1121, 1122, 1124, 1128, 1130, 1131, 1133, 1135, 1141, 1145, 1157, 1164, 1168, 1169, 1172, 1176, 1177, 1179, 1186a, 1188, 1191, 1193, 1197, 1202, 1207, 1211, 1216, 1217, 1223, 1224, 1232-1234, 1238, 1240, 1241, 1247, 1254, 1256, 1264, 1270, 1271, 1281, 1287, 1294, 1297, 1299, 1302, 1306, 1313-1315, 1320, 1327, 1335, 1342, 1345, 1361, 1366, 1368, 1370, 1376, 1380, 1381, 1382a, 1384, 1390, 1393-1395, 1401-1403, 1406, 1411, 1413, 1422, 1426, 1435, 1442, 1445, 1447, 1448, 1453-1456, 1458, 1459, 1463, 1465, 1471, 1475, 1483, 1487, 1509, 1549, 1577, 1618, 1623, 1645, 1651, 1654, 1657, 1680, 1682, 1704, 1722, 1738-1740, 1744, 1763, 1764, 1767, 1768, 1771-1773, 1775, 1778, 1779, 1781, 1794, 1797, 1799, 1800, 1802, 1805, 1820, 1856, 1879, 1894, 1898, 1906, 1917, 1937, 1938, 1945, 1948, 1950, 1960, 1970, 1972, 1979, 1983, 1985, 1989, 1991, 2001, 2009, 2015, 2023, 2048, 2054, 2061, 2062, 2064, 2075, 2081, 2093, 2094, 2113, 2114, 2126, 2132, 2144, 2161, 2166, 2169, 2183, 2188, 2191, 2193, 2196, 2207, 2210, 2219, 2266, 2269, 2270, 2299, 2306, 2307, 2327, 2335, 2347

Маркиан, восточноримский император, с. 30, №618, 697, 813, 1681, 2238, 2335

Маркиана, сестра имп. Траяна, №1800

Минуций Руф, Квинт, монетарий, №1777

Минуций Терм, Квинт, монетарий, №793, 2228

Митридат, №1093

Митридат III (57-54 гг. до н.э.), царь Парфии, №1540

Митридат VI Евпатор (120-63 гг. до н.э.), царь Понта №Боспора, №1540, 1558

Непот, западноримский император, с. 30

Нерва, римский император, с. 11, 30, №60, 61, 84, 87, 105, 110, 124, 301, 443, 467, 490, 527, 555, 573, 633, 641, 796, 827, 895, 930, 952, 1082, 1118, 1182, 1245, 1256, 1271, 1297, 1362, 1394, 1448, 1577, 1591, 1595, 1670, 1775, 1800, 1922, 2169, 2172, 2247

Нерон, римский император, с. 17, 18, 30, №11, 95, 171, 183, 336, 345, 350, 417, 419, 555, 609, 617, 622, 727, 748, 752, 796, 876, 879, 884, 898, 943, 991, 1005, 1062, 1088, 1090, 1199, 1271, 1297, 1353, 1391, 1459, 1512, 1516, 1577, 1617, 1618, 1633, 1644, 1679, 1701, 1794, 1983, 2157, 2169

Никомед II Эпифан (149-91 гг. до н.э.), царь Вифинии, №1540

Нумериан, римский император, с. 11, 30, №1566, 1967, 2192, 2255

Олибрий, западноримский император, с. 30

Орбиана, жена имп. Александра Севера, №639, 1685

Ород I, царь Парфии, №1633, 2259, 2261

Ород II, царь Парфии, №2308

Отацилия Севера, жена имп. Филиппа Араба, №186, 205, 208, 290, 639, 706, 715, 1200, 1394, 1459, 1685, 1704, 1905, 2327

Отон, римский император, с. 30, №555, 1800, 2169, 2221

Пертинакс, римский император, с. 15, 18, 28, 30, №117, 163, 282, 295, 382, 384, 527, 639, 676, 758, 770, 858, 1014, 1345, 1651, 1685, 1779, 1827, 2249

Песценний Нигер, римский император, с. 30, №1651, 1685

Петроний Максим, западноримский император, с. 30

Плавтий Планк, Л., монетарий, №1533, 1565

Плавтилла, жена имп. Каракаллы, №573, 609, 622, 639, 752, 1531, 1685, 1803, 1886, 1864

Плотина, жена имп. Траяна, №1680

Полемон I, царь Понта, с. 27, №27

Полемон II, царь Понта (49-63 гг. н.э.), №1576

Помпей Великий, Гней, римский полководец государственный деятель (106-48 гг. до н.э.), №1533

Понтиан, наместник Мезии, №1935

Постум, римский император, с. 30, №905

Приск Аттал, западноримский император, с. 30

Проб, римский император, с. 16, 30, №129, 198, 395, 411, 918, 922, 1199, 1294, 1331, 1473, 1520, 1889, 1913, 2192, 2251

Прокопий, римский император, с. 18, 30, №466

Птолемей II, царь Египта, №522

Публий Клодий Туррин, монетарий, №617, 2222

Пульхерия, жена имп. Маркиана, №813, 2238

Пупиен, римский император, с. 30, №1685, 1811

Радамсад, царь Боспора (309-318 гг. н.э.), №578, 1695

Рискупорид III, царь Боспора (210-226 гг. н.э.), №578

Рискупорид V, царь Боспора (240-267 гг. н.э.), №578

Рискупорид VI, царь Боспора (318-341 гг. н.э.), №578, 602, 634, 1695

Ромул Августул, западноримский император, с. 30

Сабина, жена имп. Адриана, №105, 169, 175, 249, 271, 295, 299, 317, 320, 382, 398, 444, 467, 564, 573, 632, 633, 676, 796, 839, 914,

952, 955, 1049, 1055, 1124, 1245, 1256, 1271, 1297, 1345, 1357, 1394, 1402, 1459, 1776, 1779, 1781, 1800, 1937, 2001, 2071, 2130, 2138, 2159, 2169, 2193, 2207, 2337
Савромат IV, царь Боспора (275 г. н.э.), №578
Север, №622, 1513, 1521
Севериана, жена имп. Аврелиана, №2251
Северы, династия римских императоров, №2285
Селевкиды, эллинистическая династия, №1540, 1558
Септимий Север, римский император, с. 11, 18, 27, 30, №38, 49, 84, 110, 120, 126, 128, 131, 163, 169, 242, 249, 271, 273, 291, 295, 299, 415, 428, 436, 496, 512, 573, 609, 624, 627, 631, 633, 639, 676, 713, 718, 726, 729, 735, 741, 749, 752, 770, 792, 796, 839, 860, 863, 955, 1014, 1026, 1145, 1157, 1244, 1257, 1261, 1271, 1297, 1338, 1345, 1377, 1382a, 1384, 1422, 1449, 1611, 1624, 1643, 1651, 1656, 1657, 1665, 1685, 1691, 1775, 1779, 1781, 1800, 1827, 1854, 1856, 1866, 1869, 1872, 1877, 1878, 1885, 1894, 1895, 1903, 1934, 1942, 1969, 2033, 2040, 2246, 2249, 2251, 2257, 2281, 2282, 2284, 2316
Сигизмунд II, польский король, №1176
Синатрук, царь Парфии, №1633
Скрибоний Либон, Л., монетарий, №1533

Тацит, римский император, с. 30, №1665, 2251
Тейран, царь Боспора (275-278 гг. н.э.), №578
Тетрик, римский император, с. 30, №2251
Тетрик сын, №2192
Тиберий, римский император, с. 30, №218, 247, 434, 593, 670, 629, 716, 943, 994, 1003, 1060, 1090, 1437, 1590, 1606, 1633, 1650, 1790, 1898, 2260
Тигран Великий, царь Армении (87-56 гг. до н.э.), №1533
Тит, римский император, с. 17, 30, №242, 288, 574, 594, 617, 676, 796, 1054, 1077 , 1118, 1121, 1139, 1225, 1271, 1340, 1362, 1549, 1612, 1628, 1696, 1724, 1975, 2169, 2309
Транквиллина, жена имп. Гордиана III, №284, 1155, 2176
Траян, римский император, с. 11, 18, 27, 30, №2, 13, 35, 41, 45, 53, 55, 58, 60, 61, 63, 68, 69, 71, 74, 78, 79, 83, 84, 87, 92, 93, 97, 98, 100, 105-107, 110, 115, 119, 120, 124, 126, 128, 131, 151, 152, 156, 163, 169, 171, 175, 181, 182, 187, 233, 235, 249, 262, 271, 275, 277, 283, 287, 295, 299, 301, 311, 317, 318, 320, 326, 334, 347, 378, 379, 381, 382, 395, 396, 408, 409, 426, 427, 433, 458, 486, 491, 496, 511, 522, 525, 527, 543, 544, 545, 552, 555, 555a, 556, 573, 609, 633, 634, 639, 655, 663, 676, 679-681, 687, 694, 697, 727, 729, 742, 750, 764, 768, 770, 785, 795, 796, 799, 839, 851, 856, 864, 879, 891, 896, 904, 906, 915, 936, 949, 952, 955, 958, 961, 963, 966, 967, 970, 980, 998, 1001, 1004, 1005, 1014, 1023, 1039, 1045, 1047, 1055, 1056, 1060, 1064, 1068, 1072, 1077, 1106, 1112, 1117, 1118, 1121, 1127, 1136, 1142, 1145, 1151, 1177, 1187, 1193, 1199, 1202, 1223, 1226, 1253, 1256, 1257, 1263, 1270, 1271, 1284, 1297, 1299, 1302, 1303, 1317, 1323, 1326, 1333, 1336, 1314, 1345, 1362, 1369, 1375, 1378, 1381, 1384, 1394, 1398, 1403, 1416, 1417, 1423, 1447-1449, 1455, 1458, 1461, 1475, 1512, 1549, 1562, 1571, 1577, 1595, 1597, 1598, 1607, 1612, 1628, 1641, 1646, 1651, 1660, 1670, 1673, 1680, 1682, 1700, 1735, 1738, 1748, 1749, 1757, 1758, 1775, 1779, 1783, 1784, 1800, 1831, 1837, 1847, 1850, 1856, 1863, 1866, 1869, 1898, 1901, 1937, 1957, 1964, 1985, 1990, 2001, 2002, 2019, 2030, 2041, 2054, 2057, 2112, 2131, 2134, 2140, 2144, 2160, 2167, 2169, 2171, 2193, 2207, 2221, 2249, 2257, 2266, 2287, 2294, 2297, 2299, 2328
Траян Деций, римский император, с. 15, 18, 30, №466, 639, 1685, 1804, 1826, 1833, 1862, 1907, 2099
Требониан Галл, римский император, с. 30, №586, 606, 639, 1459, 1856, 2250

Фаустина (I или II), №7, 28, 62, 72, 88, 128, 140, 158, 160, 197, 202, 241, 242, 276, 341, 372, 395, 493, 511, 512, 519, 527, 556, 645, 647, 681, 686, 688, 695, 697, 742, 755, 763, 770, 798, 799, 829, 847, 878, 898, 905, 906, 920, 928, 934, 936, 950, 952, 954, 957, 958, 974, 1010, 1014, 1025, 1041, 1052, 1062, 1074, 1096, 1139, 1182, 1193, 1195, 1206, 1210, 1233, 1269, 1289, 1294, 1299, 1303, 1314, 1339, 1343, 1377, 1390, 1394, 1397, 1402, 1443, 1521, 1628
Фаустина Младшая, жена имп. Марка Аврелия, с. 17, №37, 55, 60, 61, 76, 80, 84, 87, 105-107, 11О, 119, 120, 123, 126, 130, 131, 148, 166, 171, 175, 178, 188, 215, 233, 249, 271, 279, 281, 288, 295, 296, 299, 347, 373, 379, 382, 397, 449, 457, 463, 476, 522, 524, 527, 539, 553, 555, 573, 609, 632, 633, 639, 676, 757, 758, 770, 771, 796, 839, 852, 853, 860, 863, 864, 897, 914, 955, 970, 1014, 1054, 1060, 1086, 1102, 1118, 1121, 1133, 1178, 1202, 1223, 1256, 1257, 1270, 1271, 1297, 1302, 1305, 1313, 1345, 1360, 1376, 1393, 1394, 1420, 1423, 1426, 1442, 1447, 1448, 1455, 1456, 1471, 1476, 1481-1483, 1489, 1492, 1524, 1436, 1549, 1571, 1618, 1728, 1731, 1734, 1763, 1764, 1775, 1779, 1781, 1784, 1794, 1800, 1841, 1855, 1884, 1925, 1939, 1941, 1956, 1962, 1965, 1978, 1981, 1983, 1996, 2011, 2016, 2007, 2076, 2103, 2133, 2137, 2169, 2180, 2183, 2190, 2196, 2207, 2216, 2269, 2276, 2322
Фаустина Старшая, жена имп. Антонина Пия, №36, 37, 55, 59, 60, 63, 87, 105, 106, 110, 120, 122, 124, 139, 140, 153, 156, 163, 169, 171, 175, 178, 248, 249, 271, 295, 299, 317,

320, 340a, 344, 347, 374, 379, 382, 384, 430a, 435, 439, 443, 467, 527, 533, 548, 555, 560, 573, 609, 633, 661, 676, 709, 719, 729, 744, 752, 757, 758, 790, 796, 807, 839, 860, 863, 864, 879, 883, 914, 935, 955, 970, 1043, 1049, 1053, 1055, 1060, 1118, 1121, 1124, 1141, 1159, 1201, 1202, 1234, 1257, 1267, 1270, 1271, 1297, 1302, 1305, 1313, 1332, 1341, 1345, 1373, 1376, 1394, 1425, 1427, 1435, 1442, 1448, 1454, 1455, 1465, 1475, 1549, 1607, 1618, 1619, 1704, 1763, 64, 1775, 1781, 1794, 1800, 1855, 1921, 1925, 1937, 1940, 1955, 1959, 1973, 1978, 1981, 2001, 2034, 2049, 2068, 2093, 2102, 2163, 2169, 2193, 2201, 2207, 2266, 2269, 2301, 2307, 2338
Фаустиниан, легат Мезии, №1934
Феодосий (I или II), император, №162, 596, 1115
Феодосий I, римский император, с. 30, №24, 188, 190, 413, 482, 626, 636, 855, 872, 909, 1105, 1347, 1552, 1625, 1730, 1824, 1832, 1843, 2005, 2096, 2098, 2105, 2124, 2141, 2164, 2339
Феодосий II, восточноримский император, с. 30, №33, 245, 247, 257, 413, 472, 577, 619, 810, 813, 1079, 1507, 1592, 1663, 1678, 1683, 2244, 2248, 2319, 2335
Филипп Араб, римский император, с. 16, 18, 30, №135, 173, 186, 205, 263, 364, 410, 466, 469, 542, 586, 606, 639, 715, 738, 880, 905, 920, 934, 963, 1049, 1137, 1365, 1471, 1475, 1540, 1616, 1685, 1756, 1797, 1826, 1831, 1905, 1993, 2018, 2052, 2059, 2067, 2107, 2147, 2220, 2251, 2279, 2282, 2310, 2327
Филипп I (92-83 гг. до н.э.), №1540
Филипп II, царь Македонии, с. 16, №401, 692, 761, 1237
Филипп Младший, римский император, с. 30, №61, 99, 135, 606, 639, 677, 1145, 1199, 1394, 1611, 1646, 1685, 1804, 1833, 2251
Флавий (Север?), римский император, с. 30
Флавий Виктор, римский император, с. 30
Флацилла, жена имп. Феодосия I, №188, 1730, 1843
Флориан, римский император, с. 30
Фофорс, царь Боспора (286-308 гг. н.э.), №577, 578, 634, 1695, 1844
Фраат I (176-171 гг. до н.э.), царь Парфии, №1540
Фраат III, царь Парфии, №1633
Фраат IV (38-2 гг. до н.э.), царь Парфии, №1633, 2259

Шапур I, сасанидский царь (238-269), №1607

Эгнатулей Гай, сын Гая, монетарий, №1687, 2306
Эдуард I, английский король, №1522
Элагабал, римский император, с. 18, 30, №387, 536, 573, 633, 639, 715, 1482, 1651, 1685, 1868, 1899, 2254, 2307
Элий Вер, соправитель имп. Адриана, №60, 61, 87, 151, 163, 169, 278, 295, 314, 384, 521, 676, 796, 839, 860, 1202, 1270, 1297, 1313, 1343, 1448, 2169, 2269
Эмилиан, римский император, с. 30, №466, 639
Этельред II, английский король, №1522

Этрусцилла, жена имп. Траяна Деция, №30, 606, 639, 1394, 1685, 1804, 2026, 2099
Юлиан II, римский император, с. 30, №330, 352, 360, 398, 428, 584, 1350, 1843, 1910
Юлии-Клавдии, династия римских императоров, №2280
Юлий Селевк, легат в Нижней Мезии, №536
Юлий Цезарь, Гай (100-44 гг. до н.э.), римский полководец, государственный деятель, с. 10, №27, 180, 242, 756, 804, 811, 952, 1209, 1790, 1822, 2222, 2225 Юлия, №766, 1448
Юлия Августа, №943
Юлия, дочь имп. Тита, №594, 1362
Юлия Аквидия Севера, вторая жена имп. Элагабала, №633, 1685
Юлия Домна, жена имп. Септимия Севера, с. 18, №2, 7, 295, 573, 606, 626, 633, 639, 676, 710, 711, 728, 752, 796, 1119, 1256, 1329, 1571, 1651, 1685, 1717, 1775, 1779, 1877, 2249, 2251, 2257, 2258
Юлия Мамея, мать имп. Александра Севера, №23, 124, 249, 639, 719, 749, 1201, 1394, 1482, 1685, 1762, 1870, 2183, 2215
Юлия Меза, бабка имп. Александра Севера, №56, 109, 408, 635, 639, 1685, 1689, 1866, 1899, 2251
Юлия Павла, первая жена имп. Элагабала, №639, 1685
Юлия Соэмия, мать имп. Элагабала, №609, 633, 639,1349, 1685
Юстин I, византийский император, с. 30
Юстиниан I, византийский император, с. 30, №621, 627, 1680

Мифологические имена

Антиной, №1600, 1603
Аполлон Акцинский, №2039
Вакх, №1004
Венера, №1349, 1864
Веста, №1870
Виктория, №45, 413, 465, 958, 1869, 2023, 2095, 2168
Гений, №919
Геракл, №387
Конкордия, №1795, 1905
Марс, с. 16, 17, №5, 9, 10, 14, 18-20, 22, 258, 566, 1263, 1667, 1692-1695, 1699, 1702, 1703, 1706, 1708-1711, 1714, 1715, 1818, 2252, 2273
Меркурий, №542
Ника, №176, 465, 716
Провиденция, №690
Рем, №542
Ромул, №542
Серапис, №2334
Фортуна, 725, 951, 1346

Юнона, №315, 1086
Юпитер, №1102

Abundantia, № 1342
Aeternitias, № 201, 271, 463, 1925
Ceres, № 28, 1375
Concordia, №186, 271, 357
Fecunditas, №476
Felicitas, №1689, 1870
Fides, №451
Fortuna, №726, 1346
Iovi Conservatori, №1838, 1840, 2029
Iunoni Luc(inae), №1784
Iuno Bogina, №715
Laetitia, №1145
Libertas, №2247
Pietas, №1397
Providentia, №415
Pudicitia, №163
Roma, №393
Roma Felix, №1199
Salus, №324, 448, 2031
Spes, №324
Veneri Nutrici, №726
Venus, №935
Venus Caelistis, №1349
Venus Victrix, №1864
Vesta, №1979, 2026
Victoria, №413
Virtus, №778, 1979
Acilia, №1635
Aemilia, №1635
Antonius Balbus, Q.,№2230
Cassia, №1808
Clodius, P.,№617, 2222
Considia, №1635
Egnatius C.,№1256
Jovinus, №622
Julia, №622, 1635
Marcius, L., №1120
Minucius Thermus, Q.,№2228
Norbanus C.,№846
Placetell, №622
Renius, C., №211
Salvia, №1635
Sicinia, №1635
Thermus Marci Filius Q.,№2228
Tullius M.,№212
Turulius D.,№1256
Vibia, №1635
Vibius C., №2225

* * *

Абрамишвили Т.Я., №2233, 2237, 2238, 2244-2248, 2259, 2261, 2264, 2265
Абызова Е.Н., №2155
Авагян А.А., №2228
Авдусин Д.А., с. 6
Адзинба Н., №2243
Александров, №1258
Алиев А.А., №2221
Альмгрен О., с. 24
Амиранашвили Д.Ш., №2240
Андреев Н.Г., №557
Андрияшев А.М., №329, 335, 825, 962
Анохин В.А., с. 6, №585, 586, 697, 1145, 1737, 1787, 1794, 1795, 1842, 1843, 1865-1869, 1903, 1973, 1974, 1985, 1992, 2272
Антонов, №179
Антоневич В., с. 19
Антонович В.Б., с. 18, №259, 264, 271, 273, 275, 278, 282, 287, 303, 309, 314, 319, 329, 330, 335, 338, 347, 372, 373, 376, 381, 384, 393, 439, 443, 445, 446, 449, 452, 454, 460, 462-464, 466, 472, 494, 496, 500, 502, 510, 512, 522-524, 528, 529, 537, 543, 553, 555, 825, 826, 828, 842, 845, 846, 848-850, 860, 861, 868, 949, 950, 955, 957, 959, 962, 1011, 1024, 1069, 1093, 1118, 1120, 1148, 1158, 1166, 1171, 1174, 1177, 1185, 1190, 1203, 1204, 1207, 1209, 1210, 1231, 1234, 1243, 1251, 1255, 1264, 1266, 1281, 1299, 1313, 2269
Анучин Д.Н., с. 8
Анфимов Н.Б., №28
Апакидзе А.М., №2241, 2249, 2348-2350
Аразова Р.Б., №2221
Арсеньева Т.М., с. 6
Артамонов М.И., с. 14
Арциховский А.В., с. 6, №180, 244
Ахмедов Г.М., №2222
Ахундов Т.И., №2221
Ашик А.Б., №588
Бабаев И.А., №2222
Багалей Д.И., с. 8, №792, 813, 951, 952, 952а, 959, 1075а, 1078, 1082, 1090
Багрин Ф.И., №2135
Базилевский, №33
Байерн Ф., №1601
Балагури Э.А., №1779
Баленюнас П., №1449, 1451
Баллод Ф., №34, 225
Банч А.П., №765
Баран В.Д., с. 6, №690, 1782, 1938, 2043
Барбаяни М.А., №1889
Барышев М.П., №163
Бауер Н.П., с. 11, №8, 1675
Бачинский А., №758
Безобразов, №249
Безпальчев К.В., №262
Беккер П., №742
Белик М.И., №349
Беликов И.П., №737
Белова Л.Н., №570, 583, 621, 1685, 1727, 2167, 2176
Белухин, №229
Белый П.П., №1937
Беляев С.А., №1840
Беляшевский Н.Ф., с. 8, №275, 282, 384, 439, 461-464, 466, 472, 494, 496, 500, 510, 523, 543, 553, 862, 1177, 1190, 1191, 1204, 1207-1210, 1214, 1254
Бенеш, №348, 358, 360, 364, 365, 878, 880, 882-885, 895-897, 902, 918, 919, 922, 923,

931, 999, 1000, 1057
Березовец Д.Т., с. 34
Бернадский, №1598
Бернштам А.Н., №1675
Бернякович К.В., с. 6
Бертье-Делагард А.Л., №639
Беценбергер, №1455
Билинский Б., с. 29
Бисенекс Я., №1489
Блаватский В.Д., №15, 16, 634
Бобринский А.А., №251, 590, 1173, 1178, 1184, 1193, 1209, 1242, 1256, 1257, 1653
Богачевский М.И., №326
Богданова Н.А., №1826
Богун Г.Г., №389-391
Богун П.С., №790
Бодянский А.В., с. 6, №1102
Божкевич, №386
Божко К., №331
Болдов Д.Е., №249
Болсуновский К.В., №466
Болтенко М.Ф., №698
Бондарь И., №382
Бондарь Р.Д., №1895-1898
Борзияк И.А., №2081
Борковский, №1014
Бородулин В.П., №2331
Бортовский Я., №1177
Бохочадзе А.В., №2232, 2304
Брабич В.М., №782, 1723, 1764
Брайчевский М.Ю., с. 6, 10-12, 14, 16, 17, 19, 20, 31, 32, 34, №259, 261-269, 271-280, 282-295, 297-300, 303-311, 313-319, 321-323, 325, 327-335, 337-340а, 342-366, 370, 372, 376-379, 381-391, 393-395, 397-399, 401, 406, 408, 425, 427-432, 434-441, 443-453, 455-476, 477а-484, 487-489, 491, 541, 543-555а, 557-563, 565-664, 665а-669, 671-675, 677-691, 693-695, 699-701, 703, 729-733, 736, 737, 741, 753, 757, 758, 760, 763, 764, 766, 767, 769-771, 780-786, 788-796, 798-807, 809-811, 813-831, 833-836, 838, 840-858, 861-864, 867-884, 886-891, 892а-909, 911-927, 929-938, 940-962, 964-966, 968-999, 1002, 1004-1024, 1026-1038, 1042, 1043, 1045-1052, 1056, 1057, 1060-1062, 1064-1071, 1074-1080, 1082, 1083, 1085-1091, 1094, 1096-1098, 1100, 1103, 1105-1109, 1111-1115, 1116-1120, 1122, 1123, 1125-1129, 1131-1138, 1150-1161, 1163-1172, 1174, 1175, 1177-1183, 1185, 1186-1188, 1190-1193, 1196-1198, 1200-1216, 1218-1227, 1229-1241, 1243-1252, 1254-1256, 1258, 1259, 1261-1297, 1299-1318, 1320-1326, 1330, 1333-1337, 1339, 1341, 1343-1345, 1347, 1349-1351, 1353-1358, 1361, 1363-1367, 1369-1371, 1766, 1769, 1770, 1785, 1788, 1791-1793, 1797, 1918, 1943, 1950, 2006, 2007, 2013, 2032, 2041, 2290, 2291
Броган О. (см. Brogan O.), с. 22-24
Брюханова А.Г., №1270
Буйских С.Б., №2294, 2326-2328, 2333
Булин С. (см. Boli №S.), с. 20, 22, 26, 27, №46-157, 345-347, 356, 395, 397, 398, 402, 405, 406, 408-413, 416, 418, 419, 421, 422, 428, 646, 658, 662, 663, 674, 681, 686, 688, 872, 873, 888, 889, 893, 905, 914, 916, 917, 926, 929, 934-936, 938, 939, 943, 964, 968, 971, 977, 979, 985-987, 996, 998, 1014, 1017, 1020, 1022, 1064, 1390, 1393-1397, 1400-1402, 1415-1417, 1429, 1430а, 1434, 1436, 1442-1446, 1453, 1454, 1456, 1459, 1460а, 1461, 1463, 1464, 1466, 1470, 1475, 1476, 1481, 1482, 1488, 1492, 1493, 1496, 1497, 1499, 1500, 1506, 1508, 1509, 1516, 1519, 1521, 2211
Бураков А.В., с. 7, №702, 728, 2294, 2325, 2327
Бурачков П.О., №581, 621, 761, 1848
Бурачковская, №271
Бутковский А., №1263
Бушуев В.И., №3
Бырня П.П., №2154, 2155
Вакуленко Л.В., №1771, 1783, 1992
Варнас А. (см. Varnas A.), №2183
Васютинский А, №1199
Вашчинский Б.И., №1387
Веймарн Е.В., с. 6, №579, 582-584, 635, 1824, 1838
Величко А.Л., №169
Величковский А.А., №1292
Верзилів А.А., №1315, 1317, 1318, 1386
Веселовский Н.И., №1697
Вержбицкий Т. И., №1190
Викола Т.Ф., №1345
Виноградов В.Б., №1733, 1734
Виноградов Т.Е., №437
Виноградский Ю.С., №1310, 1763
Винокур И.С., с. 6, №382, 1770, 1771, 1774, 1967-1970, 1976, 1978-1980, 1982, 1986-1990, 2301
Витгенштейн, №264
Витер, Куприян, №496
Витт В.О., №1722
Вознюк Т.К., №2343
Волкайте-Куликаускене Р., №2198
Воляник В.К., №1938
Воронов Ю.Н., №2257, 2258, 2315, 2316, 2318-2320, 2353
Вызу Г.П., №2338
Вырубов Д., №247
Высотская Т.Н., №1805
Вышеславцев, №699
Вязигин С.А., №1677
Гаврилюк Г.А., №759
Гагошидзе Ю.М., №2346
Гадачек К., (см. Hadaczek K.), №1014
Гайдукевич В.Ф., №570
Галецкул П.Е., №2341
Гамченко С.С., №386, 1168
Гвинчидзе Г.О., №2351
Гезе В.С., №511, 1261
Гей О.А., №1799
Генинг В.Ф., с. 6, №256
Герета И.П., №1948, 1952

Геродот, с. 26, 33
Герцен А.Г., №1804
Гилевич А.М., с. 6, №612, 617, 621, 638, 704, 1825, 1829-1831, 1836
Гильденштедт, №794
Гиунашвили Г., №2348
Глузман И.О., №2126, 2134, 2163
Гниленко, №1363
Година Я., №1063
Голдин Г.К., №1788
Голенко В.К., №1712, 2273
Голенко К.В., с. 6, №24, 44, 167, 256, 1092, 1185а, 1217, 1635, 1658, 1665, 1696, 1726, 1812-1816, 1818-1821, 1844, 1850, 1971, 2008, 2010, 2221, 2234, 2235, 2239, 2250, 2251, 2255, 2274, 2307-2310
Головин П.Е., №26, 258
Головко И.Д., №1896
Голоцван В.В., №1271
Голунова И.К., с. 6
Голяховский И., №1090
Гончаров В.К., с. 6
Горбатюк Г., №1995
Городецкий Е.П., №1771
Городцов В.А., №8, 178, 240, 244
Горохов Т.А., с. 8, №164, 170, 171
Горюнов Е.А., №1917
Гошкевич В.И., №555, 699, 1103, 1104, 1108, 1192
Граков Б.Н., №430а, 431
Граудонис Я., №2218
Грейм М., №271, 1149
Греков Б.Д., с. 11
Гринберг, №1448
Гринберг Ш., №281
Грищенко Т., №708
Гросс К.Ю., №217
Гросу В.И., №2054, 2102
Грубник-Буйнова Л.П., №1954, 2292, 2293
Грушевский М.С., с. 32
Гудкова А.В., №1893
Гульдман В.К., №260, 268, 270, 271, 276, 290, 291, 305, 310а, 757, 1116,
1117, 1119, 1128, 1147, 1150, 1167
Гупенец А. (см. Gupieniec A.), №864, 970, 1014, 1054, 1372
Гусейнов М.А., №2222
Гуревич Ф.Д., с. 6
Давидович Е.А., с. 9
Давлианидзе Р., №2348
Дада А., №1202
Дадиани, №1636
Данилевич В.Е., с. 8, №384, 439, 466, 555, 791, 792, 813, 951, 952, 952а, 958, 959, 1075а-1079, 1082, 1083, 1090, 1094, 1823
Даниленко В.Д., №1041
Даниленко В.К., №503
Данильченко, №1386
Дашевская О.Д., №1806
Де-Витте Е.И., с. 7, №331
Деев С.С., №40
Денисенко Г.Ф., №37, 38
Джавахишвили И.А., №1606
Джапаридзе В.В., №2240
Джгаркава Г., №2348
Дзнеладзе М., №2348
Дион Кассий, Кокцеян, греческий историк (155 - ок. 235 гг. н.э.), с. 27, 28
Дирин, №613
Дмитриев А.В., №1692, 1699, 1702, 1703, 1715
Добровольский А.В., №344
Добрянский Ф.Н., №868а
Довженок В.И., с. 33
Долгоруков В.С., №2321 , 2322
Доманицкий В.Н., №1205, 1262, 1275
Домбровский Н.В., №167
Домбровский О.И., №1803
Допш А. (см. Dopsch A.), с. 6, 22, 26
Драгунова М.Н., №1794
Дубинский С.А., №1382
Дульветова, №573
Думберг К.Е., №592, 593
Дундуа Г.Ф., №2240, 2249, 2252, 2253, 2306, 2345, 2346, 2347
Дымов, №736
Дьяков В.Н., №1834
Дьяченко А.Г., №1957, 1963
Даденко В., №482
Евминова А.Ф., №36, 1718
Егоров Н.М, , №32
Еременко Г.В., №38
Желтов Н.М., №1109
Жеребцов Е.Н., №584
Жуков А.В., №1091
Жуков В.Д., №1679
Жураковский Б.С., №1746
Забелин И.Е., №243, 249, 255, 282, 464, 952, 1297
Заболотная М.И., №12
Заболоцкий А.И., №2002
Завитневич В.З., №1384
Загинайло А.Г., №1896, 1905, 1906
Зайковский Б.В., с. 8, №33, 34, 181, 182, 200-209, 211-229, 231-237, 1721
Зайцев Б.П., №1720, 1953, 1955, 1958, 1959, 1961, 1962, 1964
Закарая П.П., №2344, 2351
Замойский, №1644
Замятин С.Н., с. 6, №41, 42
Зарецкий, №853
Зарецкий И.М., №781, 784, 792, 799, 800, 809, 814
Захаров Н.А., №9, 11
Заяц И.М., с. 6, №676
Зборовский, №760
Зеест И.Б., №233
Зеймаль Е.В., №2266
Земиш Я., №1471
Зинченко Л., №205
Златоверхников Н.И., №168
Зноско-Боровский, №486, 1173
Зограф А.Н., с. 9, 12, 16-18, №1, 2, 5-7, 9, 10, 12, 14, 15, 20, 22, 25-27, 30, 39, 177, 201, 207, 208, 211, 212, 222, 227, 229, 232, 237, 246,

250, 257, 295, 387,437, 545, 555а, 560, 561, 565-570, 605, 620, 634, 700, 705-711, 713-716, 718,719, 721-727, 744-748, 1184, 1530, 1536, 1541-1544, 1547, 1548, 1550, 1552, 1554-1557, 1559, 1562, 1564-1571, 1573, 1575-1577, 1579, 1580, 1583, 1584, 1586, 1589-1591, 1593, 1596, 1598-1600, 1635, 1640, 1641, 1644, 1647, 1648, 1650, 1651, 1653, 1655, 1656, 1659, 1661, 1662, 1664, 1668, 1669, 1671-1673, 1707, 1713, 1714, 1777, 1880, 2133, 2140, 2234, 2286, 2287
Зубков В.И., с. 6, №198
Иванов В.А., №1202
Иванов В.К., №295
Иванова Е., №249
Иващенко М.И., №1644, 1656
Иверсен Б.Ю., с. 7, 8, №163, 249, 393, 496, 866, 1118, 1177, 1202, 1297, 1381, 1436а, 1448, 1635
Иессен А.А., №246, 1647
Иконников В., №2269
Иловайский Д.И., с. 8
Ильин А.А., №486, 1381, 1587
Ильин А.И., №1728, 1731
Ильченко, №1295
Инсарский, №249
Кадук И.П., №2118
Казаков И.А., №181
Казаманова Л.Н., с. 6, 16, 17, 20,№23, 631, 1072, 1073, 1271, 1342, 1652, 1665
Какуба Г., №1584
Каландадзе А., №2348
Каленик, №952
Калинский В.И., №261
Калищук А.П., №1747
Капанадзе Д.Г., с. 6, 16, №1574, 1597, 1604, 1606-1608, 1611-1619, 1621, 1622, 1624-1634, 1646, 1650, 1667, 2235, 2239, 2242, 2257, 2263, 2305, 2307, 2310, 2311, 2314
Каплун В.Я., №1775
Каразия П., №1428, 1449, 1451, 1584
Каргер М.К., с. 6, №463-471, 475, 478-481, 483, 531, 1124, 1789, 1975
Карейша Д.В., №587
Карышковский П.О., с. 6, №307, 698, 756, 769, 772, 773, 779, 1741, 1800, 1848, 1852-1859, 1870-1877, 1880-1899, 1895, 1898-1900, 1902, 1903, 1907, 1909, 1910, 1912-1914, 2083, 2093, 2099, 2131, 2279-2289, 2329
Кассий Дион (см. Cassius Dio), историк, с. 27, 28
Качанова В.И., №177, 179
Квятковский, №1299
Келлер К., №2268
Кене Б.Б., с. 7, №225, 282, 376, 464
Кеппен П., №622, 706
Кетлинская А. (Kietlinska A.), №302, 317, 320, 336, 379, 832, 837, 852, 853, 860, 865, 963, 976, 1001, 1053, 1055, 1121, 1131, 1360, 1378, 1381а, 1772
Кибальчич Т.В., №746
Кизерицкий Г., №1810
Кизим В.Ф., №1072, 1073
Киндрат Я., №2275
Киркор А. (Kirkor A.), №975, 1004, 1005, 1010, 1045, 1048, 1062, 1151
Кирштейн И.И., №216
Кисилевич М., №490
Кишиенко, №707
Клингер В.П., №283
Кнауэр Ф.И., №747
Кобільник, №893
Кобылина М.М., с. 6, №20-22, 1708, 1709
Ковалевский, №259
Козак Д.Н., №1757, 1938
Козубский Ф., №386а
Колендо Е., №1994
Коломаев М.В., №1355
Комаров, №1648
Кондаков Н.П., №607, 1297
Кондратюк М., №441
Конопля В.М., №1923, 1932
Концепольский П.С., №2066, 2071, 2109, 2112, 2162
Конюшков Ф.Д., №564
Коняшин Г.М., №177, 178
Копера Ф. (см. Kopera F.), №263,860, 914, 1253, 1496
Корзухина Г.Ф., с. 6, №174
Корпусова В.Н., №1841
Коршенко С.В., №265, 392, 429, 441,448, 479, 493, 504-506, 512, 517, 539-541, 547, 548, 552, 734, 1169, 1178, 1182, 1188, 1189, 1191, 1216, 1224, 1225, 1239, 1254, 1267, 1270, 2006, 2270
Косенко Н., №1114
Костенко Л.Ф., №1683
Костшевский Ю. (см. Kostrzewski J.), с. 19, 22, 30, №317, 873, 1014
Котигорошко В.Г., №1776, 1777, 1779, 1780, 2324
Коциевский А.С., №1870-1872, 2279-2288, 2329
Кошкарлы К.О., №2221
Кравченко, №320
Краснов Ю.А., №176
Краснянский М.Б., №1731
Краузе А., №1385
Кржвицкий Л., №1403
Кравицкий И.А., №294, 311
Кропоткин В.В., с. 16, 17, 21, 25, №1, 2, 5-7, 9, 10, 14, 15, 18, 19, 33, 34, 36-40, 158-161, 163, 166, 168-174, 177-183, 188-191, 195-137, 199-202, 205, 207-209, 211-213, 215-221, 223, 225-229, 231, 232, 234, 235, 237, 240, 243, 244, 247-249, 252, 254, 258, 259, 262, 264, 267, 269, 271, 273, 275, 276, 278-282, 290, 291, 293, 295, 303-306, 308, 310а, 313-315, 317-319, 323, 325-327, 329-335, 338-340, 342, 345-348, 350, 355, 358-360, 362-364, 366, 369, 372, 373, 376, 377, 379, 381, 382, 384, 386, 387, 393-395, 398, 416, 429, 431, 436, 437, 439, 443-446, 448, 449, 452, 453, 455, 457, 459, 462-471, 473-475, 478, 480, 483, 488, 489, 491, 493-497, 500, 502, 506-508, 510-513, 516, 517, 521-524, 528,

529, 531, 533, 535, 537-539, 541, 543, 546, 553, 555, 557, 565, 566-573, 577-579, 582, 584, 585, 607-609, 614, 618-620, 622-624, 627, 632, 634-636, 638, 639, 643,646-649, 651-655, 658, 659, 661-664, 665a-669, 671-675, 677-682, 684, 686-690a, 693, 694, 699, 701, 728, 729, 734, 736, 737, 739, 740, 743, 754, 756-758, 760, 769, 770, 774, 775, 777, 779, 783, 785, 786, 788-792, 795-799, 801, 804, 810-813, 815-817, 819, 820, 825, 826, 828, 829, 836, 842, 845, 848-853, 855, 856, 858, 860, 863, 868, 870-879, 881-884, 886-888, 890, 891, 892a-903, 905, 906, 908, 909, 911-920, 922-938, 940, 941, 943, 946, 949, 951, 952, 952a, 954, 955, 957, 959-962, 964-966, 968, 969, 971-973, 976, 978-993, 995-999, 1002, 1005-1019, 1021-1023, 1026-1033, 1036, 1037, 1046-1052, 1054, 1056, 1057, 1060, 1064, 1065, 1067,1068, 1076-1080, 1082, 1083, 1085-1090, 1094, 1096, 1102, 1103, 1105,1108, 1111, 1112, 1116-1120, 1122, 1123, 1125, 1127-1129, 1132, 1134, 1138, 1140, 1141, 1146-1150, 1154, 1156, 1158-1160, 1164-1167, 1169, 1171, 1175, 1177-1179, 1182, 1185, 1188, 1190, 1193, 1197, 1199, 1202, 1204, 1207-1210, 1212, 1216, 1220, 1224, 1225, 1231, 1232, 1234, 1243, 1244, 1247, 1256, 1257, 1261, 1262, 1266, 1270, 1272, 1274, 1281, 1283, 1284, 1286, 1287, 1290, 1294, 1295, 1297, 1300, 1303, 1305, 1311, 1313-1318, 1320, 1322, 1324, 1326, 1327, 1330, 1336, 1339, 1343, 1345, 1346-1350, 1352, 1355-1357, 1361, 1363, 1373, 1376, 1379, 1382, 1384-1387, 1390-1395, 1397-1400, 1402-1405, 1407, 1410-1416, 1430, 1431-1435, 1439-1443, 1447, 1448, 1450, 1452, 1453, 1455, 1457-1460, 1463-1467, 1469-1478, 1480-1482, 1484, 1488, 1489, 1492-1497, 1500, 1503, 1505-1509, 1511-1521, 1523 1525-1527, 1552, 1575, 1577, 1635, 1640, 1641, 1651, 1655, 1685, 1686, 1687, 1689, 1708, 1721, 1727, 1751, 1769, 1775, 1781, 1788, 1792, 1793, 1801, 1810, 1860, 1861, 1876, 1894, 1904, 1918, 1943, 1950, 1966, 1983, 2001, 2006-2009, 2013, 2023, 2028, 2032, 2038, 2041, 2200, 2242, 2245, 2246, 2254, 2290, 2291, 2303

Кротков Л.Г., №195

Кругликова И.Т., №614, 1690, 1833

Крузе Ф., №1517

Крушевская Ф., №1360

Крушкол Ю.С., №16, 17, 1693

Кубик В.П., №631

Кубланов М.М., №1807

Куземский Л.Н., №1145

Кузищин В. И., №1832

Куку Т.Д., №2344

Кулаков В.И., №2323

Кулаковский Ю.А., №572, 580, 591, 613, 615, 637, 1809

Кулик Н., №2041

Куликаускас Р., с. 6, №1418, 1447

Кунин В.Э., №606

Кунина (Питкина) Н.З., №606

Куприянова Л.М., №2222

Куракин И.Н., №210

Куринной П., №288, 367, 368, 2028

Кухаренко Ю.В., с. 6, 31, 34, №296, 326, 374, 503, 1176, 1187, 1373, 1747, 1758, 2167

Кучинко М.И., №1757

Лаврецкий, №898

Лазарев Г.М., №1145

Лапин В.В., №697, 1849

Ласкин Г., №696

Латышев В.В., с. 19

Лашкарев И., №163

Лебеда Т.В., №2097

Левенок В., №37

Левшин В.А., №161, 242

Леквинадзе В.А., №2312, 2344, 2351

Ленин В.И., с. 26

Лега В., с. 25

Леонтьев П.М., №187

Леопардов Н., №466, 467

Лесевицкий, №952

Лехтман А.М., №1370

Липкинг Ю.А., №1724

Липко С.А., №1767, 1768, 1771, 1773

Литвинский Б.А., с. 9

Лихачев А.Ф., №252-254

Лобода И.И., №1824

Ломадзе Д.В., №1595

Ломоури Н.Ю., №2351

Ломоури Т.Н., №1638

Лордкипанидзе Г.А., №2306, 2317

Лунин Б.В., №192

Лучицкий И.В., с. 8

Люценко Е.Е., №27, 1099

Ляскоронский В.Г., с. 8, 9, №37, 43, 45, 163, 261, 265, 266, 271, 274, 275, 277, 278, 282-289, 292, 297, 298, 309, 310, 321, 329, 367-371, 373, 375, 376, 378, 381, 383, 384, 386, 386a, 393, 432, 439, 440, 443-446, 449-451, 453, 454, 456-472, 475-477, 478, 480, 487, 488, 491, 492, 494-501, 506-532, 534, 535, 537-541, 543, 544, 547-549, 553-555, 558, 559, 562, 563, 625, 645, 699, 700, 703, 729, 733, 736, 741, 742, 744, 753, 757, 758, 766, 707, 769, 771, 780, 781, 783-786, 789, 795, 799, 803-810, 814-816, 818, 820-824, 827, 856, 857, 861, 862, 944-950, 952-954, 956, 957, 961, 962, 1024, 1073, 1081, 1090, 1100, 1105, 1109, 1115, 1126, 1135, 1144, 1152, 1157, 1159, 1161, 1170-1174, 1177, 1179-1181, 1183, 1185-1186a, 1189, 1190, 1192, 1196-1198, 1200-1203, 1205-1216, 1218, 1219, 1221-1224, 1226-1233, 1235-1240, 1244-1246, 1248-1251, 1255, 1258-1269, 1273-1277, 1279-1282, 1284-1289, 1291-1294, 1296, 1297, 1299, 1301, 1302, 1305-1310, 1312, 1313, 1317, 1320, 1321, 1333, 1334, 1358, 1364, 1365, 1370, 1371, 1377, 1380, 1752, 1769, 1792, 1860, 1861, 1894, 2028

Магомедов Б.В., №1938

Магура С., №557
Магурин. №466
Маевский Е., №996
Маевский К. (Majewski K.), с. 15, 20, 22, 29, 35, №317, 649, 1014
Мазараки С.И., №946, 949, 954
Мазурок М.И., №1758
Майстру Л.Б., №2125
Макалатия С.И., №1568, 1586, 1588, 1600, 1603, 1651, 1652
Макаренко Н.Е., №953, 1297
Макарова Т.И., №1819, 1820
Макарычев К.Ф., №173
Маковецкий Ст., №1146
Максимов Е.В., №1787, 1798
Макушев Ф.Е., №2000
Манджгаладзе Г., №2348
Манджура И., №295
Маркевич А.И., с. 8, №1083
Маркевич В.И., №1368, 2042, 2068
Марков А.К., с. 7, №158, 194, 210, 295, 573, 578, 778, 788, 801, 1345, 1356, 1363
Марков С.М., с. 6, №193
Маркс К., с. 28
Марр Н.Я., с. 14, №1560
Марченко И.Д., №1821
Массон М.Е., с. 11, №1674, 1678, 1681-1684
Матиюк Н.Г., №1757
Махно Е.В., с. 6, №797, 812, 1916, 1923
Мацулевич Л.А., №164, 1809
Мачавариани С.З., №1571, 1572, 1593, 1654
Мачханели Г., №1605
Медведев А.Ф., №1726
Мелитаури К.Н., №2240
Мельник-Антонович К.Н., №383
Мельник М., №1740
Мельниковская О.Н., с. 6, №1311
Мельчарек М., №2330, 2331
Мерперт Н.Я., с. 10
Мессаксуди, №1811
Меховский, Матвей, средневековый польский хронист, с. 7
Милонов Н.П., №169
Митрофанов А.Г, . с. 6
Михалевский Ф.И., с. 32
Михеев В.К., №1954, 2292, 2293
Михельбертас М.М. (см. Michelbertas M.), №1458, 2186, 2187, 2189, 2190, 2192, 2195-2197, 2201, 2202, 2207, 2210, 2213, 2215, 2216
Мищенко О.Г., №181
Молдован С., №1370
Молчанов О., №2291
Молчановский Ф., №1172, 1211, 1240
Монгайт А.Л., с. 20
Моора Х.А. (см. Moora H.), с. 6, №1470, 1495, 2200
Морозов, №1309
Мугуревич Э., №2217
Мурзакевич Н.Н., №7
Мушегяи Х.А., с. 6, №1549, 1551, 2227-2231, 2333, 2334
Мушмов Н.А., №1899
Навицкайте О.В., №1447
Надирадзе Д.Ш., №2243
Накельский С.К., №343
Наумов Д.В., №182
Нахапетян В.Е., №2023
Небеснюк, №2
Недоля И.К., №1688, 1689
Неедлы З., с. 22
Нерман Б., (NermaNB.), с. 24
Нетишинец, Мефодий, №868а
Нидерле Л., с. 30, №376, 466
Никитенко А.А., №386
Никитина Г.Ф., №2302
Николаева Э.Я., №1713
Николаенко Г.М., №2325
Николайшвили В., №2348
Нинуа Т.И., №2249
Новицкий, №443, 522
Новицкий Г.Ф., с. 6, №175
Новицкий П.В., №775
Нудельман А.А., с. 6, №1341, 1344, 1347, 1351, 1353, 1355, 1358, 1366, 1367, 1369, 2046, 2047, 2049-2073, 2075-2092, 2094-2101, 2103-2138, 2140-2165, 2303, 2336-2344
Овакян М., №2231
Олейник В.П., №1971
Ольхович, №952
Ольшевский К.И., №250
Онайко Н.А., №1705
Орешников А.В., с. 16, 17, №164
Орлов А., №166, 335
Остапюк А.Д., №1755, 1756
Островский М.И., №841, 847, 854, 1940, 2290
Павликевич Ян, №1004
Пажинский С., №1991
Пактаускас С., №2196
Пантелеев М.Н., №465, 786
Пантусов Н.Н., №1680
Пастернак Я., №317, 346, 351, 355, 363, 366, 659, 662, 1014, 1333, 1336
Пахомов Е.А., с. 6, 9, 16, №10, 12, 14, 15, 25-29, 31, 246, 247, 250, 251, 257, 258, 566, 590, 603, 1528-1548, 1550, 1552-1564, 1566-1573, 1575-1595, 1597-1599, 1602-1607, 1609-1612, 1616-1621, 1623, 1625, 1626, 1628, 1635-1645, 1647-1656, 1659-1666, 1668-1673, 1686, 1687, 1689, 1708, 2220, 2223, 2224, 2234, 2242, 2245, 2246, 2254, 2263, 2308, 2333
Пеняк С.И., №1778
Передольский В.С., №180
Петичинский К., №1995
Петренко В.А., №1733
Петров В.П., с. 6, №517, 539, 1220, 1747
Петров Н.И., №163, 467
Петровский Г., №158
Петровский, №475
Петрушевич, №876, 879, 909
Печенкин Н.М., №620
Пешанов В.Ф., №430, 438
Пиленко Т., №312
Пиоро И.С., №1804, 1824

Пиотрович Л. (см. Piotrowicz, L.), №863, 1929, 1934, 1935
Писарев А., №186
Писарев С.П., №199
Питкина Н.З. (см. Кунина Н.З.), с. 6, №606
Пихно, №827
Пищевич О.Г., №555
Плескунова О.В., №1962
Плетнев В.А., №158
Плиний Старший, римский ученый, с. 5, 29
Поболь Л.Д., с. 6, №2169, 2174, 2175, 2177, 2179
Погребников М., №37
Покровский М., №1701
Покровский Ф.В., с. 8, №1382, 1392, 1448
Полевой Л.Л., №2108
Полесских М., №183, 184
Попов П.Н., №945
Постикэ Г.И., №2054
Потоцкий В., №177
Потоцкий С.П., с. 6, №177
Потушняк Ф., №420
Похилевич, №461, 523
Придик Е.М., с. 7, №324, 1376, 1571, 1680
Приходюк О.М., №1968, 1977, 1988, 1991
Продан Л.Ф., №2143
Прозрителев Г.Н., №32
Прокофьев А.Ф., с. 6, №2001
Птолемей, античный географ, с. 5, 29
Пулаский Ф., №1199, 1772
Пушкарев В.П., №1866-1869, 1901
Пынзару И.Г., №2116
Раджабли А., №2221, 2222, 2307-2310
Радзевич Г.В., №1381
Радищев М.А., №217, 221
Радомская М.К., №2051
Рак Д., №1297
Рамишвили Р.М., №2236, 2310, 2345
Расулова М.М., №2221
Ратецкий Д.Д., №730
Ратик П., №277
Ратич А.А., с. 6, №1847
Реглинг К. (см. Regling, K.), с. 22-24
Рекашюс Ю., №2197
Репетило Г.А., №2003
Репников Н.И., №576, 577, 618
Реслер Е.А., №1578
Ретовский О.Ф., с. 7, №1471
Рикман Э.А., с. 6, №750, 1338, 1341, 1346-1348, 1351, 1353-1355, 1358, 1366, 1367, 1369, 1370, 1863, 2042, 2048, 2068, 2074, 2087, 2102, 2132, 2139, 2303
Римантене Р., с. 6
Рищук Л., №2169
Ровицкий, №626
Розалиев, №220
Розгонюк, №307
Романов А.М., №39
Рудинский М.Я., №780, 799, 807, 808, 818, 822
Рудницкий А.Ф., №783, 806, 816
Румницкий К.Г., №958
Рутковская Л.М., №2005
Рыбаков Б.А., с. 9-11, 14, 32, 35
Рябов, №2271
Рябцевич В.Н., с. 6, №2170, 2173, 2178
Сабадаш Ф., №796
Савельев П.С., с. 7, №160, 225
Савчук В.П., №676
Савчук А.П., №1796, 1846
Садовская С.С., с. 6, №671, 677, 1000, 1003, 1025, 1041, 1044, 1058, 1059, 1063, 1944
Садрадзе В., №2348
Салов А.И., №1694, 1695, 1704, 1706
Сальников А.Г., №1851, 1862
Самбурский К.И., №1291, 1302, 1305, 1309
Самоквасов Д.Я., с. 6, №160, 163, 172, 249, 273, 275, 282, 287, 376, 384, 466, 537, 539, 543, 685, 770, 813, 915, 1177, 1210, 1247, 1297, 1303, 1316, 1317, 1382, 1386, 1391, 1413
Сахаров, №439, 472
Свешников И.К., с. 6, 27, №670, 839
Свиридов И.П., №813
Святогор А.А., №787
Селиванов А., №163
Семенов Л.П., №257
Семенов С.А., №755, 777, 778
Семенов Тянь-Шанский П.П., №1156
Сергеев Г.П., с. 6
Сецинский Е.И., с. 8, №259, 264, 267-269, 272, 273, 276, 279, 280, 290, 291, 304, 306, 308, 310а, 313, 757, 760, 769, 770, 1117, 1119, 1122, 1123, 1125, 1127-1129, 1138, 1140, 1146, 1147, 1150, 1154, 1159, 1164, 1165, 1167, 1357
Сибилев Н.В., №1960
Сиворакша С.А., №1763
Сидоренко Г.А., с. 6, №796
Сидоров П.Д., №28
Сикорский М.И., №1796
Силин П.М., №1725
Симонов А.Н., №1655
Сингалевич Ф.Н., №527
Синицын М.С., №1878
Синявский А.В., №1793
Сихаруладзе А., №2348
Сичинский П.Д., №299
Скадовский Г.Д., №1098
Сковронский К., №302
Сколота Я., №1192
Скрыгин И.И., №183
Скурту В.З., №2337
Славин Л.М., №1849
Словинский А.В., №2058
Сланов А.Х., №2259, 2261, 2262, 2265
Слободянюк Л., №1875
Слюсарев П.Я., №369
Смирнов Г.Д., №1367, 2150
Смирнов И.Н., №249
Смирнова Т.М., №1691
Смишко М.Ю., с. 6, 33, №867, 1040, 1145, 1327, 1941, 1942, 2044 Соболевский А.И., с. 8
Соколова И.В., с. 6, №1764
Соколовский С.Ю., №1696
Сокольский Н.И., №1696
Соловьев Л.Н., №4
Соломоник Э.И., с. 6

Сорокина Н.П., с. 6, №1714
Сорочук А.В., №676
Сосновский К.П., №163
Спасский И.Г., с. 6, №542, 1939
Спицын А.А., с. 14, №39, 249, 1376, 1381, 1385, 1397, 1400, 1966, 2203
Стабровский И.И., №1382, 1382а, 2170
Станко В.Н., №1888
Старостин П.Н., №1732
Старчук С.Л., №2342
Стейн А., №1684
Стевен А.Х., №578, 609
Стемпковский И.Я., №1363, 1365
Стенков Г.П., №556
Степанов П.Д., №215
Стефанович В.А., с. 6, №1997, 2003, 2012, 2022, 2027
Страбон, греческий историк, с. 26, 27
Страшкевич К., с. 8, №273, 770
Страшной С.В., с. 6, №2277
Стржелецкий С.Ф., с. 6, №585, 586, 1829, 1831
Стручалина Р.А., №1696
Стубис Ф., №1470
Суворов А.В., №2166
Султан Крым-Гирей А.И., №622
Суручан, №748
Суслова, №235
Счастливый Г.Д., №2128, 2140
Сымонович Э.А., с. 6, №1185а, 1217, 1799, 1850, 2008-2011, 2037, 2278 Сысоев В.М., №1530, 1539
Сыэрд В.М., с. 6
Такайшвили Е.С., №2234
Талис Д.Л., №1838
Тарасенко П.Ф., с. 6, №1398, 1406, 1431, 1438
Тарновский Н.Я., №492, 532, 1174, 1197, 1200, 1248, 1267
Тарпи А.А., №2266
Таутавичюс А., с. 6, №1408, 1447
Тацит, Корнелий, римский историк, с. 5, 27, 29
Творогов Л.А., №1727
Тереножкин А.И., с. 6
Терещенко А., №238
Терещук К.И., №1972
Техов Б.В., с. 6, №2260, 2263, 2264
Тизенгаузен В.Г., №29, 160, 1636
Тимошко П.Н., №1258
Тимощук Б.А., с. 6, №1323, 1331, 1332, 1337, 1338, 2295-2300
Тиханова М.А., с. 6, №331, 813, 1140-1143, 1767, 1768, 1771, 1773, 1917, 1925, 1928, 1983
Тищенко В.И., №272
Ткач В.Л., №2334
Товстых Ф.М., №2103, 2137
Толстиков В.П., №1822
Толстой И.И., с. 7, №257, 271, 569, 570, 609, 611, 621, 708, 755, 777, 813, 860, 1297, 1382, 1551, 1570, 1666, 1672, 1966, 2117, 2146, 2154, 2319
Трапш М.М., с. 6, №1657, 2254, 2258
Третьяков П.Н., с. 5, 9-11, 14, 29, 33
Трофимчук А., №1887
Тулуб А., №1208
Туркевич Р., №379
Туркевич, №1371
Турцевич, №1377
Тыменецкий К., (см.Tymeniecki, K.), с. 22
Тышкевич, №1382
Уваров А.С., №243, 430а, 706, 1602
Уварова П.С., №1602
Удальцов А.Д., с. 11
Узунашвили М.А., №2346
Уилер М., с. 22, 28
Фабрициус И.В., №565, 699, 734, 736, 740, 754, 764, 1363
Файнгольц Л.И., №1118
Фалтус И.И., №1066
Фармаковский Б.В., №713, 715, 723
Фасмер Р.Р., с. 9, №25, 30, 39, 182, 437, 632, 701, 725, 726, 734, 1086, 1087, 1184, 1305, 1387, 1520, 1526, 1552, 1583, 1587
Федоров А.Ф., с. 8, №198
Федоров Г.Б., с. 6, 14, №739, 743, 754, 774, 1341, 1343-1345, 1349, 1350, 1354-1357, 1363, 1366-1369
Федоров-Давыдов Г.А., с. 6
Федоровский А.С., №1074, 1086-1089, 1095, 1278, 1918, 1956, 2000
Фенин А.В., с. 11, 19, №316-319, 325, 327-329, 332, 333, 335, 345-366, 395-398, 403, 406-419, 421, 422, 424, 426-428, 640-643, 645-662, 665а, 666, 668, 669, 671, 672, 674, 675, 678-689, 690а, 691, 693, 694, 826, 828, 829, 831, 836, 838, 852, 863, 868, 872, 874-878, 881, 887, 888, 890, 892а-901, 908, 909, 911-913, 915-917, 925, 927, 928, 932, 933, 937, 940, 942, 943, 962, 964-966, 968, 969, 971-974, 976-979, 981-994, 997-999, 1002, 1006, 1007, 1009, 1010, 1012, 1014, 1015, 1017, 1021-1023, 1026-1031, 1033-1036, 1043, 1046, 1049-1052, 1054, 1056, 1057, 1060, 1064, 1065, 1067-1070, 1072, 1322, 1325, 1331-1333, 1943
Фехнер М.В., №1722
Филарет, №1094
Филип Я., с. 22
Флоринский В.М., №252, 254
Формозов А.А., с. 6, №811
Франк Т., с. 22
Френ Х., с. 7
Фридрих А.П., №867
Фролова Н.А., с. 6, №1695, 1710, 1711, 1837, 1839, 2222, 2334
Фузайлов, №1678
Фундуклей И., №282, 376, 494, 543, 553, 1272
Фурманская А.И., с. 6, №749, 752, 1864, 1865
Хавлюк П.И., с. 6, №1736, 1738, 1746
Халилов Д., №2223, 2224
Харитоненко В., №1740
Харитонов Е.А., №1948
Харко Л.П., №13, 624, 1708, 1835
Харлампович П. В., с. 6, №183, 555а, 565, 1387
Хахутайшвили Д., №2309
Харченко А.С., №1223
Хвойко В.В., с. 14, №444, 450, 453, 470, 477, 491, 501, 708, 511, 516, 521, 535, 539, 554, 1179,

1183, 1206, 1221, 1224, 1230, 1235, 1245, 1249, 1250, 1260, 1261, 1301, 2270
Хецуриани Л., №2348
Хлыстов П.Т., №44
Хотюн Г.Н., №1984, 1993
Хохлач Н.П., №1161
Хоштария Н.В., №2245, 2246
Храбан Г.Е., с. 6, №299, 1169, 1182, 1241, 1744, 1996, 2020, 2034
Хубаеров В., №1603
Цветаев Г.П., №725, 726
Цеплите Р., с. 6, №1462, 1468, 1479, 1483, 1502
Цыгилик В.Н., с. 6, №1784, 2045
Чабалда С.П., №1188
Чацкий Т. (см. Czacki, T.), с. 7, №282
Чемоданов, №952
Червинский, №512
Черепнин А.И., №195-197
Черкасский И., №796
Черняков И.Т., №1908, 1911
Чоловский А., №879, 902, 905, 920, 943
Чореф М.Я., №1824
Чулковский Г.Н., №1984
Шамба Г.К., №1700
Шахназарян А.М., №1558
Шапиро, №1376
Шараневич И., №879, 898, 906, 965
Шарифов Д.М., №2225
Шатров В., №286
Шелов Д.Б., с. 6, №20, 188-190, 670, 1729, 1730, 1812-1816, 1818
Шемет А., №821
Шемета А.И., №1961
Шервашидзе Л.А., №2255
Шерцль Р., №2000
Шиманский К.И., №1116
Шкорпил В., №603
Шкурко Ф., №1297
Шляев Б.А., №24
Шмидехельм М.Х., №1509
Шноре Р., №1465, 1466, 1470, 1503, 1505
Шошкин Ю., №1720
Шпилька Л., №1118
Шрамко Б.А., №1954, 2292, 2293
Штейнгель Ф.Р., №1139
Штерн Е.Р., №745
Шугаевский В.А., с. 7, 19, №169, 284, 294, 331, 387, 442, 474, 504, 512, 536, 1155, 1295, 1304, 1305, 1315, 1317, 1318, 1740, 2031
Шульц П.Н., с. 6, №628
Шутко Е., №1779
Щеглов А.Н., №1115а, 1828
Щербаковский Д.М., №1276
Щербаненко В.А., №476
Эггерс Г., с. 22, 29, 31
Энгельс Ф., с. 26
Эрдели П.Я., №1111
Эрнст Н.А., №610
Эскичан М.К., №2229
Юра Р.А., с. 6, №960
Юшин В.А., №2257, 2258, 2318
Якимович М.К., №512, 1169, 1304, 1995
Якимович Р., с. 19, №339
Якобсон Ф., №1470
Якобсон Я., №1505
Якубовский А., №824
Янин В.Л., с. 6, 19, 20, 21, №1501, 1685
Янина С.А., с. 6
Янкован С.И., №1886
Янсон Эд., №1470, 1503, 1505
Януш Б., (см. Janusz, B.), №929, 943, 987
Ярошинский, №262
Ястребов, №1111
Яценко И.В., №1837

Almgren, O., с. 24
Ammianus Marcellinus, с. 19
Babelon, E., №211, 212, 237, 756, 846, 1600, 1686, 1687, 2223, 2225, 2227, 2230, 2231
Basanavičius, J., №1438
Bayer, T.S., с. 7
Belloni, G., №2306
Blaramberg, J., №622
Bock, F.S., с. 7, №114, 1415
Bolin, S., с. 7, 22, №46-157, 345-347, 356, 395, 397, 398, 405, 406, 408-413, 416, 418, 419, 421, 422, 428, 646, 658, 662, 663, 674, 681, 686, 688, 872, 873, 888, 889, 893, 905, 914, 916, 917, 926, 929, 934-936, 938, 939, 943, 964, 968, 971, 977, 979, 985-987, 996, 998, 1014, 1017, 1020, 1022, 1064, 1390, 1393, 1397, 1400-1402, 1415-1417, 1429, 1430a, 1434, 1436, 1442-1446, 1453, 1454, 1456, 1459, 1460a, 1461, 1463, 1464, 1466, 1470, 1475, 1476, 1481, 1482, 1488, 1492, 1493, 1496, 1497, 1499, 1500, 1506, 1408, 1409, 1516, 1519, 1521, 2211
Brogan, O., с. 22
Brosset, M., №1636
Bydlowski, A., №301
Cassius Dio, с. 28
Cohen, H., №12, 15, 17, 23, 201, 207, 222, 227, 229, 246, 252, 273, 335, 348, 352, 357, 362, 364, 384, 429, 440, 464, 496, 505, 517, 539, 545, 547, 567, 568, 598, 626, 671, 676, 682, 701, 709-711, 713, 715, 718, 719, 721-723, 734, 773, 853, 878, 880, 882-884, 895, 896, 902, 918, 919, 922, 923, 931, 955, 963, 1057, 1059, 1118, 1124, 1142, 1143, 1178, 1184, 1191, 1220, 1234, 1253, 1254, 1283, 1313, 1314, 1346, 1352, 1370, 1397, 1496, 1502, 1544, 1551, 1566, 1590, 1599, 1635, 1644, 1655, 1668, 1709, 1713, 1722, 1740, 1741, 1756, 1780, 1795, 1813, 1819, 1833, 1837, 1838, 1840, 1853, 1857-1859, 1864, 1867, 1868, 1870, 1874-1877, 1881-1891, 1900, 1901, 1905, 1906, 1910, 1912, 1913, 1967, 1993, 2006, 2026, 2042, 2050, 2055-2057, 2059, 2061, 2067, 2070, 2073, 2079, 2082, 2086, 2090, 2091, 2094, 2095, 2100, 2101, 2104, 2106, 2110, 2111, 2113, 2115, 2116, 2123, 2129, 2131, 2153, 2157, 2160, 2167, 2250, 2267, 2276, 2279, 2281, 2282, 2286, 2288, 2321, 2322, 2331, 2334
Cohn, A., №1048
Cynkołowski, A., №317, 1749, 1753, 1754, 1924,

1927, 1931, 1933, 1936, 1945, 1947, 1949, 2171
Czacki, T., с. 7, №282
Demetrykiewicz, W., №998
Dopsch A., с. 22
Ebert M., №1499, 1500
Eggers H.J., с. 22
Eisner J., №395, 397, 398, 401, 402, 405, 406, 409-414, 416-419, 421-423, 425, 427, 428
Filip J., с. 22
Frank T., с. 22
Fredrich C., №263, 271, 790, 798, 851, 860, 888, 889, 914, 935, 971, 985, 998, 1007, 1050, 1064, 1124, 1149, 1199, 1253, 1397, 1496
Golenko K., №256, 606
Grueber H.A., №27, 211, 212, 868a, 1542, 1565, 1662, 1777, 1822, 2222, 2306
Guey J., №211, 212, 1120
Gumowski M., №347, 860, 861, 1014, 1022, 1459, 1501
Gupieniec A., №864, 970, 1014, 1054, 1372, 2199
Hadaczek K., №914, 1014
Hausmann R., №1463, 1475
Haed B.V., №882, 885, 2283
Hollack E., №55, 65, 69, 87, 90, 95, 99, 104-106, 110, 114, 149, 153, 1402, 1415
Jankovicz J.M., №400
Janusz B., №345, 356, 646, 658, 662, 663, 674, 682, 687, 689, 872, 879, 886-888, 893, 902, 904, 905, 914, 915, 917, 920, 921, 926, 929, 934-936, 938, 939, 943, 965, 971, 977, 979, 982, 986, 987, 989-991, 995, 996, 998, 1006, 1010, 1014, 1017, 1022, 1028, 1029, 1035, 1043, 1046-1048, 1050, 1052, 1060, 1064
Kaindl, №973
Kenner, №345, 347, 881, 914, 987, 1022
Kietlicska A., №302, 317, 320, 336, 379, 832, 837, 852, 860, 865, 963, 976, 1001, 1039, 1053, 1055, 1121, 1131, 1360, 1378, 1382a, 1772
Kirkor A., №1048
Koske W., №2276
Kostrzewski J., с. 19, 22, 30, №317, 873, 1014
Krzyžanowski St., №915
Kulikauskas P., №1418-1427
Lehr-Splawicski, T., с. 30
Majewski K. (см. Маевский К.), с. 11, 15, 20, 22, 29, 35, №317-319, 325, 332-335, 338-340, 345-348, 352, 355-366, 376, 381, 640, 642, 643, 646, 659, 661-664, 665a-669, 671-675, 677-680, 682-684, 686-689, 690a, 693-695, 825, 826, 828, 829, 836, 842, 845, 846, 848-852, 858, 861, 863, 868, 870-884, 886-888, 890, 891, 892a-903, 905-909, 911-938, 940-943, 962, 964-966, 968, 969, 971-973, 976-999, 1002, 1005-1019, 1020-1023, 1026-1031, 1033-1038, 1043, 1046-1052, 1054, 1056, 1057, 1060, 1064, 165, 1067-1069, 1119, 1322, 1324, 1326, 1333, 1336, 1339, 1379, 1384
Mattingly H., №36, 44, 188, 189, 243, 248, 281, 326, 336, 369, 384, 496, 579, 621, 635, 637a, 702, 716, 728, 759, 773, 778, 812, 832, 837, 852, 853, 860, 865, 951, 958, 963, 967, 980,1001, 1050, 1053, 1055, 1064, 1076, 1102, 1130, 1139, 1244, 1263, 1271, 1283, 1349, 1360, 1373, 1378, 1381a, 1447
Michelbertas M., с. 6, №1458, 2180-2182, 2184, 2188, 2190-2194, 2196, 2199, 2205-2209, 2212-2216
Mehlis C., №1048
Mommsen T., №105, 106, 347, 1022
Moora H., с. 6, №1384, 1390, 1392, 1397-1400, 1403, 1407, 1410-1412, 1414, 1430, 1431, 1433, 1435, 1439, 1440, 1441, 1448, 1450, 1452, 1463-1467, 1469-1478, 1480-1482, 1484, 1488, 1492, 1497, 1499, 1500, 1505, 2200
Nejedly Z., с. 22
Nerman B., с. 24
Ondrouch V., с. 16, №394, 395, 401, 402, 405, 406, 408, 412, 413, 416-419, 421, 422, 424, 427-428
Pasternak J., №346, 347, 356, 395, 398, 401, 402, 405, 406, 408-410, 412, 413, 415-419, 421-423, 425, 427, 428, 658, 663, 686, 872, 879, 886-888, 893, 902, 905, 914, 915, 920, 921, 926, 929, 934-936, 938, 943, 968, 971, 998, 1007, 1014, 1017, 1043, 1323, 1324, 1326, 1331, 1335, 1336
Pelenski, №907
Pick B., №256, 536, 1155
Piotrowicz L., №1934, 1935
Piotrowski J., №317
Poole R.S., №614, 1378
Przybyslawski B., №2204
Regling K., с. 22, 24, №256
Reinach Th., №237, 1600
Riekstinš H., №1471
Rostovzeff M., с. 22, №1810
Rzanczycski G., с. 7, №329
Sabatier J., №610, 1808, 1966
Sadowski J.N., №998, 1402
Sallet A., №1892
Schneider, №1048
Seidl, №347, 1020
Šnore R., №1473
Stecki, №962
Stubis F., №1470
Sulimirski T., №1031
Sydenham E.A., №1120, 1568, 1572, 1577, 1673
Szarlowski A., №943
Tallgre A.M., №1506-1509, 1511-1519, 1521, 1523, 1525-1527
Tarasenka P., №1392-1395, 1397, 1398, 1402-1404, 1407, 1415, 1431-1435, 1439-1442, 1448, 1452, 1453, 1457-1460, 2194, 2203
Tovt S., №407, 426
Tymieniecki K., с. 22
Urtans V., №1471, 1473, 1495
Varnas A., №2183
Vasmer R., №174
Vogt J., №614
Wahle E., №1482
Wheeler M., с. 22
Wiberg C.F., №105, 106, 153, 282, 345, 464, 881, 1022, 1374, 1492, 1500
Wroth W., №208, 705, 715, 960, 1579

ЛИТЕРАТУРА

Абрамишвили Т.Я. 1963. Нокалакевский клад // Византийский временник, т. XXIII. М. С.158-165.

Абрамишвили Т.Я., Сланов А.Х. 1977. Монеты античного времени из Сохтинского могильника // Известия ЮОНИИ АН ГССР, вып. XXI. Тбилиси.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1978. Исследования в Старом Орхее // АО 1977 г. М.

Андрияшев А.М. 1887. Очерки истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев.

Анохин В.А. 1962. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области. НЭ, III. М. С.130-135.

Анохин В.А., Пушкарев В.П. 1965. Античные монеты из Тиры. НСФ, 2. Киев. С.194-201.

Антонович В.Б. 1878. Описание Киевского клада, содержавшего римские монеты III-IV вв. // Древности, т. IV. М. С.241-244.

Антонович В.Б. 1888. О монетных кладах, найденных в Киеве и его окрестностях // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. II. Киев. С.14-17.

Антонович В.Б. 1895. Археологическая карта Киевской губернии. М.

Антонович В.Б. 1900. Археологическая карта Волынской губернии. М.

Антонович В.Б. 1906. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом кабинете музея Университета св. Владимира, вып. III. Киев.

Апакидзе А. и др. 1978. Мцхетская экспедиция // АО 1977 года. М.

Апакидзе А., Каландадзе А., Николайшвили В., Манджаладзе Г., Сихаруладзе А., Садрадзе В., Хецуриани Л., Джгаркава Г., Дзнеладзе М., Давлианидзе Р., Гиунашвили Г. 1978. Мцхета. Мцхетская археологическая экспедиция 1976 года // Мцхета. Итоги археологических исследований, т. II. Археологические памятники Великой Мцхета раннежелезной, античной и раннефеодальной эпох. Тбилиси.

Арциховский А.В. 1947. Введение в археологию. М.

Ахмедов Г.М., Бабаев И.А., Гусейнов М.А. 1979. Исследование городищ Кабала // АО 1978 г. М.

Багалей Д.И. 1888. Археологические, этнографические и топографические заметки о Харьковской губернии. Харьков.

Багалей Д.И. 1890. Общий очерк древностей Харьковской губернии. Харьков.

Багалей Д.И. 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС, т. I. М. С.1-92.

Балагури Э.А., Котигорошко В.Г. 1975. Работы Закарпатской экспедиции // АО 1974 года. М.

Баллод Ф.В. 1923[1]. Приволжские «Помпеи». М.-Пг.

Баллод Ф.В. 1923[2]. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань.

Баран В.Д. 1972. Поселения черняхівської культурі поблизу Звинячина і Макарівки Чернівецької області // Археологічні дослідження на Украпні в 1969 р. Київ.

Баран В.Д., Воляник В.К., Козак Д.Н., Магомедов Б.В. 1973. Памятник черняховской культуры в Тернопольской области // АО 1972 года. М.

Беляев С.А. 1972. Отчет о работе Херсонесского отряда в 1972 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, Р-259.

Беляшевский Н.Ф. 1889. Монетные клады Киевской губернии. Киев.

Беляшевский Н.Ф. 1898. Отчет Городецкого музея Волынской губернии барона Ф.Р.Штейнгеля за первый год. Варшава.

Блаватский В.Д. 1941. Отчет о раскопках Фанагории в 1936-1937 гг. // Труды ГИМ, вып. XVI. М. С.5-74.

Блаватский В.Д. 1951. Харакс // МИА СССР, т. 19. М. С.250-291.

Бобринский А.А. 1887-1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, тт. I-III. СПб.

Богданова Н.А. 1963. Охранные раскопки на могильнике у поселка Озерный в 1963 г. // Архив ИА АН УССР.

Бодянский А.В. 1963. Находка небольшого клада римских монет на Нижнем Днепре // НСф, I. Киев. С.95-97.

Бондарь Р.Д. 1964. Отчет об охранных археологических исследованиях у с. Орловка Измаильского р-на Одесской области в 1963-1964 гг. // Архив ИА АН УССР, № 54.

Бородулин В.Г. 1980. Раскопки Песочинского курганного могильника. АО 1979 года. М.

Бохочадзе А.В. 1978. Работы Настакийской экспедиции // АО 1977 г. М.

Бохочадзе А.В. 1979. Исследование Настакисской археологической экспедиции Мцхетского района // Полевые археологические исследования в 1975 году. Тбилиси.

Бочков Д.А. 1955. Интересный случай находки древнеримской монеты // КСИА АН УССР, вып. 5. Киев. С.84-85.

Брайчевський М.Ю. 1950. Знахідки римських монет на територіі УРСР // Археологія, т. III. Киев. С.93-101.

Брайчевський М.Ю. 1953. Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях історіі III-IV ст. н.е. // Археологія, т. VIII. Киев. С.45-55.

Брайчевский М.Ю. 1954[1]. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248-251 гг. н.э. КСИА АН УССР, вып. 3. Киев. С.8-13.

Брайчевский М.Ю. 1954[2]. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, № 1. С.119-134.

Брайчевский М.Ю. 1956[1]. К вопросу о происхождении Оболонского клада // КСИИМК, вып. 66. М. С.59-64.

Брайчевский М.Ю. 1956[2]. Новый клад римских монет из села Турии // ВДИ, № 4. С.153-156.

Брайчевський М.Ю. 1959. Римська монета на территоріі Украіни. Київ.

Брайчевский М.Ю, Винокур И.С., Руденко А.Д. 1963. Новоград-Волынский клад римских монет // НСф, 1. Киев. С.87-94.

Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності. Київ.

Брайчевский М.Ю. 1964[2]. Когда и как возник Киев. Киев.

Буйских С.Б. 1975. Отчет о разведочных раскопках римского укрепления Дидова Хата III в 1975 г. // НА ИА АН УССР.

Буйских С.Б. 1977. Отчет о работе периферийного отряда Ольвийской экспедиции на городище Золотой мыс в 1977 г. // НА ИА АН УССР.

Буйских С.Б. 1979. Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1978 года. М.

Буйских С.Б., Бураков А.В. 1976. Отчет о работе периферийного отряда Ольвийской экспедиции на Старо-Богдановском городище в 1976 г. НА ИА АН УССР.
Бураков А.В., Буйских С.Б. 1974. Отчет о раскопках городища Петуховка II в 1974 г. // НА ИА АН УССР.
Бурачков П.О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней южной России. Одесса.
Бутковский А.П. 1861. Нумизматика или история монет древних, средних и новых веков. М.
Вакуленко Л.В. 1977. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половині I тисячоліття н.е. Київ.
Вакуленко Л.В., Городецький Е.П. 1960. Розвідкові розкопки на поселеннях культури полів поховань Східної Волині у 1959 р. // Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII, серія археологічна, вип. I.
Варнас А. 1978. Раскопки могильника у дер. Вайтекунай // АО 1977 года. М.
Верзилів А. 1928. Найдавнішний побут Чернигівської околиці // Чернигів і північне Лівобережжя. Київ.
Веселовский Н.И. 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда, т. I. М.
Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. 1974. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев.
Виноградов В.Б., Петренко В.А. 1977. Раскопки у с. Мартан-Чу // АО 1976 года. М.
Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. 1979. К этнической истории северо-западного Прикаспия в 1 тысячелетии до н.э. – XVIII в. н.э. (предварительное обобщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
Винокур І.С. 1972. Работа сло'янського загону Кам'янець-Подільского педінституту // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., віп. IV. Київ.
Винокур И.С., Приходнюк О.М. 1968. Работа славянского отряда Подольской экспедиции // АО 1967 г. М.
Винокур И.С., Приходнюк О.М. 1970. Славянское селище в окрестностях летописной Бакоты // АО 1969 г. М.
Винокур І.С. 1960. Старожитності Східної Волині першої половині I тисячоліття н.е. // Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII, серія археологічна, вип. 1. Чернівці.
Винокур И.С. 1964. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы // МИА, № 116. М. С.176-185.
Волкайте-Куликаускене Р. 1979 г. Раскопки в местности Наркунай // АО 1978 г. М.
Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1973. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА, № 1.
Воронов Ю.Н. 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1979. Ранний горизонт (II-IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА, № 1. С.181-198.
Гагошидзе Ю.М., Узунашвили М.А. 1979. Отчет о раскопках Садуга-гора // Полевые археологические исследования в 1975 году (краткие сообщения). Тбилиси.
Гамченко С.С. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919-1923) // НА ИА АН УССР.
Герета І.П., Харитонов Е.А. 1970. Дослідження нових археологічних пам'яток в Західному Поділлі // Матеріали III Подільскої історико-краезнавчої конференціп. Львів.
Герета И.П. 1978. Новые исследования в Чернеливе-Русском // АО 1977 года. М.
Гилевич А.М. 1965. Прибрежнинский клад римских монет // НЭ, V. С.103-111, табл. I-IV.
Голенко К.В. 1963. Находки монет у подножия горы Аю-Даг. // НЭ, IV.
Голенко К.В. 1963. Монеты из находок в Сухумской крепости // Тр. АИЯЛИ, т. XXXIII. Сухуми. С.255.
Голенко К.В. 1964. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.
Голенко К.В. 1970. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ, № 2. С.87-99.
Голенко К.В. 1973. Монеты из раскопок Пантикапея 1962-1966 гг. // ВДИ, № 4. С.65-86.
Голенко К.В. 1978. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н.э. // НЭ, XII. С.10-40.
Голенко К.В., Капанадзе Д.Г. 1968. Монеты, найденные в селении Згудери (Грузинская ССР) в 1964-1965 гг. // ВДИ, № 1.
Голенко К.В., Раджабли А.М. 1975. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ, № 2.
Голенко К.В., Шелов Д.Б. 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1961 гг. НСф, I. Киев.
Головко И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Болградского р-на Одесской области // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ за 1963 г. Одесса.
Городцов В.А. 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС, т. I. М.
Горохов Т.А. 1927. Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. Курск, № 4. С.33-44.
Горюнов Е.А. 1972. Разведки на Полтавщине // АО 1971 г. М.
Гошкевич В.И. 1903. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон.
Гошкевич В.И. 1910. Херсонский городской музей, вып. 1. Монеты и медали. Херсон.
Гошкевич В.И. 1913. Древние городища по берегам низового Днепра // ИАК, вып. 47. СПб. С.117-145.
Граудонис Я. Яунакенский могильник // АО 1972 г. М.
Греков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА, № 36. М.
Гросу В.И., Постикэ Г.И. 1979. Работы новостроечной экспедиции // АО 1978 г. М.
Гудкова А.В. 1977. Раскопки поселения и могильника римского времени Молога II // АО 1976 г. М.
Гульдман В.К. 1901. Памятники старины Подолии. Каменец-Подольск.
Давидович Е.А. 1979. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.
Данилевич В.Е. 1892-1893. Монетные клады, принадлежащие мюнц-кабинету Университета св. Владимира. Т. I, 1892; т. II. 1893. Киев.
Данилевич В.Е. 1895. Монетные клады Киевской губернии до первой четверти XI в. // Тр. IX АС, т. I. М.
Данилевич В.Е. 1905[1]. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии // Тр. XII АС, т. I. М. с. 374-410 (с картой).
Данилевич В.Е. 1905[2]. Монетные клады Екатеринославской губернии // Сборник статей Екатери-

нославского научного общества по изучению края. Екатеринослав. С.302-313.
Денисенко Г. 1940. Из истории Среднего Поосколья // Прошлое Курской области. Курск.
Джапаридзе В.В., Амиранашвили Д.Ш., Мелитаури К.Н. 1974. Отчет Дманисской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси.
Добровольский П.М. 1905. Описание исторического музея Черниговской губернской ученой архивной комиссии, часть I. Чернигов.
Доманицкий В.Н. 1903. Отчет об археологических экскурсиях в Звенигородский уезд Киевской губернии летом 1901 г. Киев.
Домбровский О. 1972. Крепость в Горзувитах. Симферополь.
Драгунова М.Н. 1965. Клад римских монет из с. Матюши Киевской области. Нумизматика и сфрагистика, т. 2. Киев. с. 202-205.
Дубінскі С.А. 1933. Бібліографія па археологіі Беларусі 2 сумежных краін. Менск.
Дундуа Г.Ф. 1968. Редкая римская золотая монета, найденная на территория Грузии // Дзенглис мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси, № 13. с. 77, 78 (на груз. яз).
Дундуа Г.Ф. 1971. Римские медальоны из Бичвинта. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. 62. Тбилиси, № 3. С.749-751 (на груз. яз. с англ. резюме).
Дундуа Г.Ф. 1972. Редкое подражание римскому денарию из с. Квелети // Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тбилиси. С.40-43, 114-116 (на груз. яз. с рус. резюме).
Дундуа Г.Ф. 1975. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н.э. – IV в. н.э. // Великий Питиунт, т. I. Тбилиси. с. 280-429, табл. I-VII (на груз. яз. с русским резюме).
Дундуа Г.Ф. 1977. Клад римских монет I-III вв. н.э. из с. Эки // КСИА, № 151. С.64-67.
Дундуа Г.Ф. 1979. Монетные клады Грузии (клады римских монет из сс. Эки и Сепиети). Тбилиси табл. 1-38 (на груз. яз. с русским резюме).
Дундуа Г.Ф., Лордкипанидзе Г.А. 1977. Монетные находки из Вани // Вани, т. III. Тбилиси.
Дундуа Г.Ф., Циргвава В.В. 1971. Клад из с. Эки // Дзеглис Мегобари, № 27-28. С.42-45 (на груз. яз. с русским резюме).
Дьяков В.Н. 1942. Таврика в эпоху римской оккупации // Ученые записки Московского педагогического института им. В.И. Ленина, т. XXVIII. Кафедра истории древнего мира, вып. 1. М. С.3-92.
Евминова А.Ф. Археологические памятники бассейна верхнего течения р. Ворсклы в Борисовском и Яковлевском районах Белгородской области // Архив ИА АН СССР, р-I, № 5964.
Забелин И. 1879. История русской жизни с древнейших времен, т. II. М.
Завитневич В. 1886. Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной академии (?), № 8.
Загинайло А.Г. 1966. Монетные находки на Роксоланском городище (1957-1963) // МАСП, вып. 5. Одесса. С.100-130.
Зайковский Б.В. 1926. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных находок древнего времени до XIII в. включительно // Труды Нижне-Волжского общества краеведения, вып. 36, ч. I. Саратов. С.4-49 (с картой).
Зайцев В.П. 1964. Новые материалы черняховской культуры в бассейне Северного Донца и Пола // МИА, № 116. М. С.44-52.
Закарая П.П., Леквинадзе В.А. 1974. Археологические раскопки в Гудаве в 1971 г. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, III. Тбилиси.
Закарая П.П., Ломоури Н.Ю., Леквинадзе В.А., Гвинчидзе Г.О. 1974. Краткий отчет о работах Нокалакевской экспедиции за 1974-1975 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, V. Тбилиси.
Заяць І.М. Скарб римських денаріп II ст. н.е. в с.Збуж Ровеньскоп області (рукопись) // Архив ИА АН УССР.
Зеймаль Е.В. 1962. Клад римских денариев из Таджикистана // НЭ, III. С.141-146.
Зограф А.Н. 1931. Несколько добавочных замечаний по поводу Герзеульского клада // Известия ГАИМК, т. VII, вып. 10. Л.
Зограф А.Н. 1930. Римские монеты в Ольвии // Известия ГАИМК, т. VI, вып. 4. Л.
Зограф А.Н. 1935. Античные золотые монеты Кавказа // Известия ГАИМК вып. 110. Л. С.178-191.
Зограф А.Н. 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ, т. I. Л. С.29-85, табл. I-IV (с картой).
Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА, № 16. М.-Л.
Зограф А.Н. 1957. Монеты Тиры. М.-Л.
Иващенко М.М. 1931. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской // Известия ГАИМК, т. VII, вып. 10. Л.
Иверсен, 1874 - Тетрадь Ю.Б.Иверсена // Архив отдела нумизматики ГЭ, № 25.
Иверсен Ю.Б. 1887. О кладах // Тр. V АС. М. С.249-252.
Известия Церковно-Археологического общества. 1884 г. XII.
Ильин А.А. 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг. (с картой).
Ильин А.А. 1912. Каталог Ростовского-на-Дону музея, вып. I. Ростов-на-Дону.
Казаманова Л.Н. 1958. Клад римских денариев I-III вв. н.э. из с.Турия Златопольского р-на Черкасской области // СА, № 1. с. 182-186 (I вклейка).
Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. 1961. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ, № 1, С.128-136, табл. I-III (с картой).
Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. 1964. Подражания римским золотым монетам II-III вв. н.э // ВДИ, № 1. С.140-148, табл. I-IV.
Капанадзе Д.Г. 1949. О древнейших золотых монетах Грузии // ВДИ, № 3. С.156-169.
Капанадзе Д.Г. 1955. Монетные находки Мцхетской экспедиции (1937-1948 и 1951 гг.) // ВДИ, № 1. С.160-173.
Капанадзе Д.Г. 1957. Ауреусы Армазского некрополя // СА, № 3. С.159-175.
Капанадзе Д.Г. 1959. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М. С.139-151.
Капанадзе Д.Г. 1966. Нумизматические находки Пицундской археологической экспедиции за 1953-1959 гг. // ВДИ, 1966, № 4. С.173-179.
Капанадзе Д.Г. 1970. Новые находки подражаний

римским ауреусам в Грузии // ВДИ, 1970, № 4. С.81-91,

Каплун В.Я. 1972. Старо-Романовский клад римских денариев I-II вв. н.э. // НЭ, X, 1972. С.108-125 (I таблица).

Каплун В.Я. 1974. Еще о Старо-Романовском кладе // НЭ. XI, 1974, С.125-128.

Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Очерки из истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.-Л.

Карышковский П.О. 1960а. Монеты острова Березань // КСИА, вып. 9. К.

Карышковский П.О. 1960. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ, № 3.

Карышковский П.О. 1962. Клад римских монет из бассейна р. Тясьмина // НЭ, III, 1962, с. 136-140.

Карышковский П.О. 1963. Находки римских монет в Одесской области // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1961 года. Одесса С.60-67.

Карышковский П.О. 1965. Находки монет Римской империи в Ольвии // Нумизматика и сфрагистика, т. 2. Киев. С.50-75.

Карышковский П.О. 1971. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области // МАСП, вып. 7. Одесса С.78-86.

Карышковский П.О. 1976. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса. С.172-177.

Карышковский П.О., Коциевский А.С. 1979. Античные монеты из раскопов Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев. С.88-98.

Кене Б.В. 1852. Описание европейских монет X, XI и XII вв., найденных в России // ЗРАО, т. IV. СПб. С.1-224.

Кеппен П. 1637. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.

Коняшин Г.М. 1940. Материалы к археологической карте среднего течения Москвы-реки // Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, т. I. М. С.175-188.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX-XII веков. М.-Л.

Коршенко С.В. I. Материалы для составления карты распростра-нения культуры полей погребений на территории УССР // Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 47.

Коршенко С.В. Клади і окремі монетні знахідки, зареєстровані Центральним історичним музеем УРСР, вип. 1// Архив ГИМ УССР. Киев.

Крживицкий Л. 1913. Последние моменты неолитической эпохи в Литве // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М. С.301-317.

Кропоткин В.В. 1951. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ, № 4. С.243-281 (с картой).

Кропоткин В.В. 1954. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ, № 3. С.152-180 (с картой).

Кропоткин В.В. 1956. О некоторых кладах римских монет, найденных в России // КСИИМК, вып. 66. С.100-106.

Кропоткин В.В. 1960. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // НЭ, I. М.

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // Археология СССР. САИ, вып. Г4-4. М.

Кропоткин В.В. 1965. Клад римских денариев, найденный в с. Подлесновка (Сумская область) // ВДИ, № 1. С.136-139.

Кропоткин В.В. 1966. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к « Своду археологических источников», вып. Г4-4 // НЭ, VI. С.74-102.

Кропоткин В.В. 1967. Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и Византией в I тысячелетии н.э. М.

Кропоткин В.В. 1970[1] Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской ССР. //Acta Archaeologica Carpathica, t. XI, fasc. 2. Krakow, s. 217-225, tabl. I-IV.

Кропоткин В.В. 1970[2]. Римские импортные изделия в Восточной Европе. Археология СССР // САИ, вып. ДІ-27. М.

Кропоткин В.В. 1972. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка // НЭ, X, с. 126-127, табл. I.

Кропоткин В.В., Прокофьев А.Ф. 1972. Войтовский клад римских монет I-II вв. н.э. (Черкасская область) // ВДИ, № 3, с. 174-177.

Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е. 1976. Новый центр железоделательного производства III-IV вв. н.э. в бассейне Южного Буга // СА. № 3.

Кропоткин В.В. 1977. Исследования на Волыни // АО 1976 г. М.

Кругликова И.Т. 1963. Монеты из поселения у дер. Семеновки // НЭ, IV, с. 118-129.

Крушкол Ю.С. 1951. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного Исторического музея // СА, XV, М.-Л. С.256-272.

Крушкол Ю.С. 1965. Находки античных монет в Анапском районе // НЭ, V, с. 51-55.

Кубланов М.М. 1970. Раскопки некрополя Илурата // АО 1969 г. М.

Куземский Л.Н. Находки римских монет у с. Малиевцы Хмельницкой области (рукопись) // Архив ИА АН УССР.

Кузищин В.И. 1978. Изучение позднеантичной сельской виллы в окрестностях Севастополя // АО 1977 г. М.

Кунина Н.З. 1962. Керченский клад серебряных римских монет // Археология и история Боспора, т. II. Керчь. С.329-342, табл. I-IV.

Кулаков В.И. 1980. Работы на побережье Юго-Восточной Прибалтики. АО 1979 года. М.

Кухаренко Ю.В. 1965. Могильник Брест-Тришин // КСИА АН СССР, вып.100.

Кухаренко Ю.В. 1975. Бапвський могильник (за матеріалами розкопок В.П. Петрова і А.П. Каліщука) // Археологія (? – в рук.: Арх.) № 18.

Кучинко М.М., Козак Д.Н., Матиюк Н.Г. 1977. Разведки в бассейне р. Стырь // АО 1976 года. М.

Леопардов Н. 1892. О начале славяно-Руси со стороны историко-археологической. Киев.

Липко С.А. 1969. Археологічні пам'ятки Любара та його околиць у верхів'і Случі (археологічна виставка). Любар.

Лихачев А.Ф. 1884. Скифский след на Билярской почве. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. V. Казань. С.1-33.

Лордкипанидзе Г.А. 1979. Работы Пицундской экспедиции // АО 1978 г. М.

Лунин Б.В. 1941. Материалы к описанию некоторых неопубликованных древних монетных находок на территории Дона и Кубани. Ученые записки

Ростовского-на-Дону государственного финансово-экономического института, т. I, с. 238-248.
Ляскоронский В.Г. 1901. Находки римских монет в бассейне Среднего Приднепровья // Тр. XI АС, т. I. М., с. 458-464 (с картой).
Ляскоронский В.Г. 1903. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия, изд. 2. Киев.
Ляскоронский В.Г. 1927. Римські монети, які знайдено на території м. Києва // Український музей, т. I. Київ, с. 29-41.
Ляскоронский В.Г. Римская монета в Южной России и сопредельных стран, как исторический источник // Архив ИА АН УССР.
Магура С. 1930. Выпадкові знахідки за р. 1927 // Хроніка археології та мистецтва, ч. 2. Київ. С.49-57.
Макалатия С. 1944. Сепиетский клад римских монет // Вестник Государственного музея Грузии, т. XII. Тбилиси. С.217-253 (на груз. яз.).
Макаренко М. 1928. Ніжинська фибула // Юбілейний збірник, т. I. Київ. С.31-43.
Маркевич В.И., Рикман Э.А. 1973. Клад III-IV вв. н.э. из Буковины // СА. № 4.
Марков А. 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
Массон М.Е. 1948. По поводу нескольких монетных находок, зарегистрированных на территории Казахстана до 1947 г. // Вестник АН Казахской ССР, № 7 (40). С.56-60.
Массон М.Е. 1951. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики (V-XII вв.) // Тр. Среднеазиатского госуниверситета. Новая серия. Ташкент. вып. 23, гуманит. науки. Кн. 4. История. с. 91-104.
Мацулевич Л.А. 1926. Серебряная чаша из Керчи. Л.
Махно Е.В. 1968. Разведки Левобережного отряда // Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 11. Киев.
Михельбертас М.М. 1968. Два клада римских провинциальных монет из Западной Литвы // НЭ, VII. с. 68-71 (I табл.).
Михельбертас М.М. 1979. Могильник Гинтарай (Кретингский р-н) // АО 1978 г. М.
Молвыгин А. 1976. Нумизматические находки // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. № 1.
Молдован С. 1958. Нумизматическая история родного края // Газ. «Ленинец» 18.IX. Уфа.
Мугуревич Э.С. 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XII вв. Рига.
Мугуревич Э. 1970. Раскопки на острове Мартиньсала // АО 1969 г. М.
Мушегян Х.А. 1956. К истории денежного обращения Двина по монетным находкам // Известия АН Армянский ССР, № 11. Ереван. С.81-96.
Мушегян Х.А. 1962. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван.
Мушегян Х.А. 1973. Монетные клады Армении, т. I. Ереван (на армян. яз. с русским текстом и англ. резюме).
Надирадзе Д.Ш. 1971. Итоги работы Сачхерской экспедиции за 1970 год // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси.
Николаенко Г.М. 1980. Исследования на земельных наделах Гераклейского полуострова АО 1979 г. М.
Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4 (31). Кишинев. С.143-152.
Нудельман А.А. 1974[1]. Монеты из раскопок и сборов 1971-1972 гг. // Археологические исследования в Молдавии (1972). Кишинев.
Нудельман А.А. 1974[2]. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. // Археологические исследования в Молдавии (1973 г.). Кишинев. с.188-229.
Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 8. Кишинев (карты II-V).
Онайко Н.А. 1967. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА, вып. 109. С.52-53 (с картой).
Онайко Н.А. 1965. О раскопках Раевского городища // КСИА АН СССР, вып. 103. М.
Орлов И.А. 1885. Исследование о кладах Волынской губернии, Житомир.
Пактаускас С. 1977. Раскопки могильника Лаздининкай // АО 1976 г. М.
Пастернак Я. 1932. Коротка археольогія західноукраінських земель. Львів.
Пахомов Е.А. I, 1926. Монетные клады Азербайджана и Закавказья // Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3. Баку.
Пахомов Е.А. II, 1938. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II // Труды ИИЯД Азербайджанского филиала АН СССР, т. II (41). Баку.
Пахомов Е.А. III-IX, 1940. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. III. Баку; IV, 1949; V, 1949; VI, 1954; VII, 1956; VIII, 1959; IX, 1966.
Пахомов Е.А. X. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. X // Архив отдела нумизматики ГЭ.
Петров В.П. 1964. Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В.Хвойко в 1900-1901 гг.) // МИА, № 116. М. С.53-117.
Петрушевич А. 1884. Вестник Народного Дома.
Пиоро И.С., Герцен А.Г. 1974. Клад антонинианов из с.Долинное Крымской области // НСф, вып. 5. Киев. С.81-90.
Писарев А. 1826. Замечания о медали, найденной близ Азовского моря // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских, ч. III, кн. I. М. С.138-142.
Поболь Л.Д. 1971. Связи зарубинецкой культуры с римским миром // Acta Archaeologica Carpathica, t. XII, fasc. 1-2, Krakow. S.227-236.
Покровский Ф.В. 1895. Археологическая карта Гродненской губернии // Тр. IX АС, т. I. М. С.1-65 (в приложении).
Покровский Ф.В. 1899. Археологическая карта Ковенской губернии. Вильна.
Покровский М. Краеведческая работа историко-археологического кружка // Сборник статей по экономике и культуре, вып. I. Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов, № 26. Краснодар, 1927, с. 142.
Полесских М. 1956. В недрах времен. Пенза.
Похилевич Л. 1864. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев.
Приходнюк О.М. 1968. Підсумки археологічних досліджень Хмельницького краезнавчего музею за 1964-1966 рр. // Материалі другої Подільської історико-краезнавчої конференції. Львів.
Приходнюк О.М. 1977. Поселение Лука-Каветчинская // АО 1976 г. М.

Пухтинский В.К. 1966. Денарий Августа, найденный в г. Нежине // ВДИ, № 2. С.174-175.
Раджабли А. 1964. Клад древних монет // Газ. «Вышка», 8 апреля.
Раджабли А. 1965. Нумизматические находки 1964 г. в Азербайджане // Тезисы докладов отчетной сессии Института археологии АН СССР. Баку.
Рамишвили Р.М. 1977. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья // КСИА, № 151. С.114-122.
Рамишвили Р.М. 1967. Результаты работ археологической экспедиции 1966 г. // Краткие отчеты XVI научной сессии, посвященной итогам археологических исследований 1966 г. Института истории, археологии и этнографии. Тбилиси (на грузинском языке).
Рамишвили Р.М. 1978. Жинвальская экспедиция // АО 1977 г. М.
Рикман Э.А. 1971. Денежное обращение у племен Днестро-Прутского междуречья в первых веках вашей эры // НЭ, IX. С.98-102.
Рикман Э.А., Гросу В.И. 1976. Селище черняховской культуры Корпач // АО 1975 г. М.
Рудинский М. 1928. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячении 35-річчю Полтавського музею. Полтава.
Рудинський М.Я. 1927. Досліди на Кам'янеччині // Коротке Звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ. С.123-143.
Рутковська Д.М. 1972. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
Рябцевич В.Н. 1968. Находки античных монет на территории Белоруссии // Вопросы истории, сб. статей молодых ученых и аспирантов. Минск. с. 187-192.
Салов А.И. 1975. Клад III-IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // СА, № 3. С.172-175.
Сальников О.Г. 1959. Античні монети з коллекції Одеського Державного археологичного музею // МАПП, вип. III. Одесса. С.243-249.
Самойловський І.М. 1952. Пам'ятки культури полів поховань у Киеві. Археологія, т. VII. Київ. С.153-157.
Самоквасов Д.Я. 1884. История русского права, вып. II. Варшава.
Самоквасов Д.Я. 1890. Основания хронологической классификации // Варшавские университетские известия, т. I. Варшава.
Самоквасов Д.Я. 1897. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов // Тр. VIII АС, т. III. М. С.31-43.
Самоквасов Д.Я. 1908. Могилы Русской земли. М.
Самоквасов Д.Я., Уварова П.С. 1906. О находках денежных кладов и других древностей // Тр. МПК по устройству XIV АС, вып. I. М. С.41-69.
Сахаров 1842. Летопись русской нумизматики, вып. I. СПб.
Свешников И.К. 1958. Отчет о работе Ровенской археологической экспедиции Львовского Государственного исторического музея в 1958 г. // Архив ИА АН УССР, № 27.
Свенціцький І. 1908. Опис Музею Ставропільського Інституту. Львів.
Сецинский Е.Н. 1901. Археологическая карта Подольской губернии // Тр. XI АС, т. I. М. С.197-354.
Сецинский Е. 1909. Опись предметов старины музея Подольского церковно-археологического общества. Каменец-Подольск. С.1-105.
Славин Л.М. 1955. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвіиского оточення у 1949-1950 рр. // АП УССР, т. V. Київ. С.127-150.
Смішко М.Ю. 1947. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих // Археологія, т. I. Київ. С.111-122.
Смішко М.Ю. 1948. Доба полів поховань в західних областях УРСР // Археологія, т. II. Київ. С.98-129.
Спицын А.А. 1925. Литовские древности // Tauta ir zodis. Humanitaritu Mokslu Fakulteto leidinis, кн. III, Kaunas. S.112-170.
Сибилев Н.В. 1928. Древности Изюмщины, вып. III. Изюм.
Сікорський М.І., Савчук А.П. І971. Переяславщина на напередодні Київськоп Русі // Середні віки на Украпні, т. I. Київ.
Синицын М.С. 1955. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і південного Бугу скіфсько-сарматського часу // Наукові записки Одеського державного педінституту ім. Ушинського, т. X. Київ.
Сланов А.Х. 1978. Исследования Сохтинского могильника // АО 1977 г. М.
Сланов А.Х. 1979. Итоги раскопок Аркнетского могильника // Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси.
Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. 1972. Третий Патрэйский клад // Античный мир и археология, вып. 2. Саратов.
Спицын А.А. 1948. Поля погребальных урн // СА, X. С.51-72.
Старостин П.Н. 1973. Отчет о раскопках пятого Рождественского могильника в 1973 г. // Архив ИА АН СССР, Р-I, № 5140.
Станко В.Н. 1961. Случайные археологические находки в с. Концеба Савранского района Одесской области // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГУ им. И.И. Мечникова и ОГАМ. Одесса.
Страшкевич К. 1867. Клады, рассмотренные в мюнцкабинете университета св. Владимира с 1838 по 1866 г. Киев.
Сымонович Э.А. 1952. Погребение V-VI вв. н.э. у с. Данилова Балка // КСИИМК, вып. XIVVIII. С.62-70.
Сымонович Э.А. 1964. Северная граница, памятников черняховской культуры // МИА, вып. № 116. М. С.7-43.
Сымонович Э.А. 1976. Черняховская экспедиция // АО 1975 г. М.
Сымонович Э.А. Отчет о работе Тилигуло-Днепровского отряда в 1965 г. // Архив ИА АН СССР, Р-I, № 3408.
Сымонович Э.А. 1965. Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда в 1965 г. // Архив ИА АН СССР, Р-I, № 3408.
Сымонович Э.А. 1966. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья // АО 1965. М.
Сымонович Э.А. 1977. Отчет о раскопках черняховской экспедиции ИА АН СССР на Украине в 1977 г. // Архив ИА АН СССР, Р-I, № 6195.
Сымонович Э.А., Гей О.А. 1978. Черняховская экспедиция на Украине // АО 1977 г. М.
Сысоев В.М. 1929. Нахичеванский край // Известия Азкомстариса. Баку.
Талис Д.Л. 1968. Раскопки на Баклинском городище // АО 1967 г. М.

Терещук К.І. 1970. Археологічна развідка в с.Велика Шкарівка // Матеріали третьеп Подільської історико-краезнавчої конференції. Львів.
Техов Б.В. 1956. О монетах античной эпохи из с.Стырфаз // Известия ЮОНИИ АН ГССР, вып. V.
Тизенгаузен В.Г. 1887. Проспект программы для изучения Кавказа с нумизматическими целями // Тр. V АС в Тифлисе. М. С.CIII-CVI.
Тиханова М.А. 1941. Культура западных областей Украины в первые века н.э. // МИА, № 6.
Тиханова М.А. 1947. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.) // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. (отделение истории и философии). М.-Л. С.81.
Тиханова М.А. 1956. Борочиций клад // СА, XXV. С.301-317.
Тиханова М.А. 1964. Днестровско-Волынская экспедиция 1960-1961 гг. // КСИА АН СССР, вып. 102.
Толстой И.И. I-IX. 1912-1914. Византийские монеты, вып. I-IX. СПб.
Толстой И.И., Кондаков Н.П. I-VI. 1889-1899. Русские древности в памятниках искусства, вып. I-VI. СПб.
Толстиков В.П. 1979. Раскопки Пантикапея (ГМИИ) // АО 1978 г. М.
Труды Киевской духовной академии. 1885. № 2 (февраль).
Труды 1908 - Труды Воронежской Ученой Архивной комиссии, вып. IV. Воронеж.
Уваров А. 1851. Исследования о древностях России и берегов Черного моря, выл. I. СПб.
Указатель памятников. 1893. Российский Исторический музей, изд. 2. М.
Уртан В.А. 1970. Латвийские клады (до 1200 года) как исторический источник // Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2076.
Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев.
Фасмер Р.Р. 1926. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики ГАИМК в 1920-1925 гг. // Сообщения ГАИМК. т. I. Л. С.282-308.
Фасмер Р.Р. 1929. Список монетных находок, II // Сообщения ГАИМК, т. II. Л. С.281-324.
Федоров А.Ф. 1928. Монетные клады Рязанской губернии // Труды Спасского отделения Общества исследователей Рязанского края, вып. II. Спасск.
Федоров Г.Б. 1957. Древние славяне и их соседи в Молдавии // Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, т. VI. Кишинев. С.237-310.
Федоров Г.Б. 1960. Римские и ранневизантийские монеты на территории МССР // Omagiu lui Constantin Daicoviciu in prilejul implinirii a 60 de ani. Bucureşti.
Федоровский О. 1927. Інструкції та програми для развідок і реестрації археологічних пам'яток. Харьків.
Фенін О.В. 1939. Знахідки римських монет в західних областях УРСР // Архив ИА АН УССР.
Фенін О.В. 1951. Знахідки римських монет у Прикарпатті // Археологія, т. V. Київ. С.92-104.
Филарет 1852-1858. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М.
Филимонов Г.Д. 1873. Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М.
Флоринский В.М. 1891. Первобытные славяне по памятникам их доисторической археологии. Томск.
Фундуклей И. 1848. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев.
Фурманська А.І. 1962. Розкопки в Тіри в 1958 г. // АП УРСР, т. XI. Київ. С.122-137.
Фурманская А.И. 1963. Клад монет из Тиры. НСф, I. С.76-86.
Фурманская А.И. 1964. Исследование Тиры // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1962 г. Одесса. С.56-63.
Харлампович П.В. 1927. Монэтные скарбы, знайдзенные у Беларусі, у сборах Беларусскога Дзяржаунага музею. Менск.
Харлампович П.В. 1930. Монетні знахідки на Первомайщині // ВОКК, ч. 4-5, Одеса. С.154.
Хахутайшвили Д. 1964. Уплисцихе. Результаты археологических изысканий 1957-1963 гг. Тбилиси.
Хавлюк П.И. 1969. Исследование на Южном Буге // АО 1968 г. М.
Хавлюк П.И., Жураковский Б.С. 1973. Исследования в Винницкой области // АО 1972 г. М.
Харко Л.П. 1961. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946-1950 и 1957 гг. // МИА, № 96.
Храбан Г.Е. 1967. Краткое сообщение об археологических разведках в 1967 г. // Архив ИА АН УССР, № 73.
Хвойко В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Приднепровье // ЗРАО, т. XII, вып. 1-2, н.с. СПб. С.172-190.
Хоштария Н.В. 1955. Археологические исследования Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. I. Тбилиси.
Храбан Г.Е. 1958. Клад римских денариев из с. Погорелого // СА, 1958, № 2. С.255. рис. I.
Храбан Г.Е. 1964. Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области // МИА, № 116, М. с. 257-268. рис. 1-2.
Цигилик В.М. 1975. Населения Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ.
Цыгылык В.Н. 1975. Раскопки поселения у с. Оселивка // АО 1974 г. М.
Цыгылык В.Н. 1977. Работы Хотинского отряда на Днестре // АО 1976 г. М.
Цухишвили И.А. 1977. Клад позднеримских монет из Пицунды // Великий Питиунт, т. II, Тбилиси. С.250-304.
Черепнин А. 1903. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани // ТРУАК, т. XVIII, вып. I. Рязань. С.115-160.
Шамба Г.К. 1970. Погребение II в. н.э. из Мацесты // СА, № 2. С.232-237.
Шараневич И. 1886. Памятники галицко-русской старины в изображениях. Львов.
Шараневич И. 1889. Отчет об археолого-библиографической выставке.
Шахназарян А.М. 1950. Клад, обнаруженный у села Сарнакунк Сисианского района // Тр. ГИМ АН Армянской ССР, т. II. Ереван. С.7-35 (на арм. яз.).
Шелов Д.Б. 1973. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С.191-196.
Шелов Д.Б. 1977. Монетные находки в Танаисе в 1965-1972 гг. // Нумизматический сборник, посвященный памяти Д.Г. Капандзе. Тбилиси. С.65-72.
Шмидехельм М. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. - V в. н.э.). Таллин.
Шерцль Р. 1908-1912. Описание медалей и монет,

хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета, вып. I-III. Харьков.
Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. 1977. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев.
Штейнгель Ф.Р. 1905. Отчет Городецкого музея. Киев.
Шугаевский В.А. 1911. «Татарская горка» близ г. Чернигова // Тр. МПК по устройству XV АС. М. С.244-258.
Шугаевский В.А. 1915. Краткий обзор монетных находок Черниговской губернии. Чернигов.
Шугаевский В.А. Клад римских золотых медальонов и серебряных бытовых предметов эпохи «переселения народов», найденных на Волыни в 1610 г. // Архив ИА АН УССР.
Шугаевский В.А. Медальон м. Філіппополя Фракійського часів Елагабала з Райковецького городища на Бердичівщині // Архив ИА АН УССР.
Янин В.Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
Ястребов В. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД, XVII. С.63-176.
Babelon E. 1885. Description historique des monnaies de la republique romaine, vol. I-II. Paris.
Babelon E., Reinach Th. 1908-1925. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris.
Bernhart M. 1926. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit. Bd. I-II. Halle.
Bock F.S. 1782-1785. Versuch einer wirtschaftlichen Naturgeschichte von dem Königreich Ost- und Westpreussen. Dessau.
Belloni G.G. 1960. Le Monete Ronane dell'eta Republicana catalogo delle Raccolte Numismatiche. Milano.
Bolin St. 1926[1]. Fynden av romerska mynt i det fria Germanien. Lund.
Bolin St. 1926[2]. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft. «Prussia», Heft 26. Köningsberg Pr. S. 203-240.
Bolin St. 1930. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in freien Germanien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Nr.19. Frankfurt (Main).
Brosset M. 1850. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Armenie exécuté en 1847-1848. St. Pétérsbourg.
Cohen H. 1880-1892. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. Vol. I-VIII. Paris.
Czacki T. 1880-1881. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródlach, związku i o zeczach, zawartych w pierwszem Statucie dla Litwy 1529 roku wydanem w Warszawie.
Cynkołowski A. 1961. Materiały do pradziéjów Wolynia i Polesia Wolyńskiego. Warszawa.
Ebert M. 1913. Die baltische Provinzen Kurland, Livland, Estland // Prähistorische Zeitschrift, Bd.V. Heft 3-4. S. 498.
Eisner J. 1926. Soupis znalezišt řimských minci na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. NCCsl, II.
Eisner J. 1933. Slovensko v pravěku. Bratislava.
Fredrich C. 1909. I-II. Funde antiker Münzen in der Provinz Posen // Zeitschrift der Historischen Gessellschaft für die Provinz Posen. Bd.XXIV. Posen. S. 193-247; Nachtrag, Bd.XXVIII. 1913. S.153-158.
Golenko K.V. 1960. Moneda din Tomis, descoperită la Ijevsk (URSS, Republica Autonomă Udmurtă) // Studii şi cercetări de Numismatica, vol.III. Bucureşti. P. 39-41.
Golenko K.V. 1973. Le trésor d'antoniniani de Kertch. Révue numismatique, 6 série, t.XV. P. 290-299.
Grueber H.A. 1910. Coins of the Roman Republic in the British Museum, vol.I-III. London.
Guey J. 1955-1956. Trésors de monnaies romaines en Europe orientale // Mélanges d'archéologie et d'histoire. École Française de Rome. Paris. V.65-66.
Gumowski M. 1922. Handel rzymskie na ziemiach polskich w I, II, III ww. // Charisteria C. de Morawski septuagenario oblata. Kraków. S. 76-86.
Gumowski M. 1953. Polskie skarby monet X i XI w. Warszawa.
Gupieniec A. 1954. Przewodnik po dziale numizmatycznym Muzeum Archeologicznego w Łodzi, t.I. Łodź.
Hadaczek K. 1912. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, t.XII. Kraków.
Haed B.V. 1911. Historia nummorum, ed.2. London.
Hausmann B. 1896. Grabfunde Estland. Reval.
Hollack E. 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Glogau-Berlin.
Janusz B. 1918. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwów.
Janusz B. 1919. Kultura przedhistoryczna Podola Galicyjskiego. Lwów.
Kenner 1850. Beiträge zur Chronologie der archäologischen Funde in der österreichischen Monarchie. Wien.
Kietlińska A. 1957. Monety starożytne w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie // Materiały starożytne, t.II. Warszawa. S.269-290.
Kohn A., Mehlis C. 1878-1879. Materialen zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. Jena, Bd.I-II.
Kostrzewski J. 1939-1948. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów // Prehistoria ziem polskich. Kraków.
Koske W. 1935. Neunzehn Münzen aus Olbia. Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Jahresberichte des Kurlandischen Provinzialmuseums aus den Jahre 1934. Jelgava.
Kropotkin W.W. 1969. Skarb rzymskich denarów ze wsi Turia w okręgu czerkaskim // Wiadomości numizmatyczne, Rok XIII, z.X. S.149-152.
Kruse Fr. 1842. Nekrolivonika oder Alterthümer Liv-, Esth- und Curland. Dorpat.
Krzyżanowski St. 1873. Rocznik dla archeologów, numizmatików i bibliografów Polskich. Kraków.
Kulikauskas P. 1951. Kurmaičių (kretingos raj) plokštinio kapinyno tyrinejimai // Lietuvos Istorijos Instituto Darbai, I. Vilnius. S.315-362.
Majewski K. 1949. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich // Prace Wroclawskiego Towarzystwa Naukowego. Seria A, №.13. Wrocław.
Majewski K. 1958. Uwagi do medalionu Iovianusa z Boroczyc na Wołyniu // Archeologia, t.X, z.1. Warszawa. S.173-179.
Mattingly H. 1923. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol.I-VI. London.
Michelbertas M. 1961. Romos monetų radiniai Lietuvos TSR teritorijoje // Lietuvos TSR mokslu akademijos darbai, serija A, № 1(10). Vilnius. S.19-35.
Michelbertas M. 1964. Sauložoliu km. (Klaipedos raj.) I-III amžiu Romos monetų lobis // Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai, serija A, №1(16), Vilnius. S.53-62.
Michelbertas M. 1966. Kauno m.III-V amžių Romos monetų lobis // Lietuvos TSR mokslu akademijos darbai, serija

A, № 1(20), Vilnius. s.49-56.
Michelbertas M. 1978. Papildomi duomenys apie Romos monetų radinius tarybų Lietuvos teritorijoja // Lietuvos TSR aukstųjų mokyklų mikslo darbai, istorija, ¹ XVIII(1), Vilnius. S.83-92.
Mommsen Th. 1860. Geschichte des römischen Münzwesens. Berlin.
Moora H. I-II. Die Einsenzeit in Lettland bis etwa 500 a.Chr. Tartu, Bd.I (1929), II (1938).
Ondrouch V. 1934. Der römische Denarfund von Vyskovce aus der Frühkaiserzeit. Bratislava.
Pastermak J. 1928. Ruske Karpaty v archeologii. Praha.
Pick B. 1898. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, Bd.I. Berlin.
Pick B., Regling K. 1910. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, I. Berlin.
Piotrowicz L. 1938-1939. Monety rzymskie w Muzeum Wołyńskim w Łucku // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne, t.XX.
Przybylski P. Notatki archeologiczne ze Žmudzi. ZOW, Rok VII (1932), zesz. 1.
Poole R.S. 1892. CBM, Alexandria and the Nomes. London.
Riekstins H. 1936. 1935 g. ieguvami numismatika // Senatne un maksla. № 1. Riga. S.85-98.
Rostovzeff M. 1923. Une trouvaille de l'epoque greco-sarmate. Paris.
Rząćński G. 1742. Actuarium historiae naturalis Regni Poloniae magnique ducatis Lithuaniae.
Sabatier J. 1862. Description générale des monnaies byzantines, vol.I-II. Paris.
Sadowski J.N. 1876. Drodi handlowe Greków i Rzymian przez porzecza Odry, Wisły, Dniepru i Niemna do wybrzeży morza Bałtyckiego. Pamiętnik PAU. Kraków.
Sallet A. 1888. Königliche Museen zu Berlin, Beschreibung der antiken Münzen. Bd.I. Berlin.
Seidl J.G. 1849. Beiträge zu einer Chronik der archäologischen Funde in der österreichischen Monarchie. Wien.
Šnore R. 1937. Seno monetu atradami Latviya // Vestures atzinas un té logumi. Riga. S.27-44.
Szarlowski A. 1887. Stanisławów i powiat stanislawowski. Stanisławów.
Sydenham E.A. 1933. The Coinage of Caesarea in Cappadocia. London.
Tallgren A.M. 1922. Zur Archäologie Eestis. I. Dorpat.
Tarasenka P. 1928. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas.
Tovt S.S. 1977. Antické mince Zakarpatska (prvni polovona I tisicileti n.l.). Numismatické listy. № 5-6, S.129-133.
Urtāns V. 1977. Senākie depozītu Latvijā (lidz 1200.g.). Riga.
Varnas A. 1978. Vaitiekūnų (Radviliškio raj.) senkapio tyrinėjimai 1977 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976-1977 metais. Vilnius. S.136-141.
Vasmer R. 1929. Ein im Dorfe Staryi Dedin im Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. Stockholm.
Wahle E. 1928. Die Ausgrabungen in Rutzau und Bauska. Archailogijas Raksti, Bd.I, H.2, Riga.
Wiberg C.F. 1867. Einfluss der klassischen Völker auf dem Norden durch den Handelsverkehr. Hamburg.
Wroth W. 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the Britich Museum, vol.I-II. London.
Wroth W., 1899. CBM, Galatia, Cappadocia and Syria. London.

П.О. Карышковский

ТРИ ОЛЬВИЙСКИХ ПОСВЯЩЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ *

P.O. Karyshkovskii. Three Olbian Dedications of the First Centuries AD.

The article publishes dedicative inscriptions of the Olbian officials in I-II cc. AD. The article also suggests that members of Olbian councils would not always improve their career growth by rising from step to step. It is also unclear whether it was the law or an old venerated tradition in Olbia that determined strict order of replacements in magistrate's offices.

Посвятительные надписи ольвийских должностных лиц I-II вв.н.э. известны с первых десятилетий XIX в., и количество их достигло к настоящему времени сотни. Однако каждая новая находка такого памятника не только расширяет поле исследования, но и проливает порой неожиданный свет на всю совокупность ранее накопленного материала. Это хорошо иллюстрируется публикуемыми ниже документами.

1. Первое посвящение[1] обнаружено летом 1983 г. охранной археологической экспедицией Николаевского краеведческого музея в 200 м к северу от черняховского поселения Рыбаковка III (Березовский р-н, Николаевская обл.); там же найдены обломки обработанного известняка, по всей вероятности, – остатки постамента или фундамента памятника, первоначально установленного, как и другие надписи аналогичного содержания, в прибрежной зоне – в данном случае на краю предполагаемой древней дороги, у спуска к Тузлинскому соленому озеру, останцу древнего лимана (Снытко, Никитин 1983: 356-357). Плита изготовлена из плотного белого мрамора с немногими сероватыми прожилками. Лицевая и противолежащая ей стороны отполированы, правая (от зрителя) боковая грань ровно отесана, левая грубо выровнена, но на ней сохранились остатки рельефного орнамента. Высота плиты 1,21 м; ширина колеблется от 0,31 до 0,34 м; толщина – от 0,21 до 0,24 м.

Камень использовался трижды. Сначала он был частью карниза: на одной из узких продольных граней, в настоящее время небрежно притесанной, сохранился прямой ряд овальных бусин, разделенных парами, обращенных к ним вершинами уголков; снизу к этому орнаментальному поясу примыкают редко расставленные стилизованные цветы лотоса. Ко времени использования плиты в качестве карниза какого-то крупного ордерного сооружения относится круглое углубление на нижней стороне плиты, по-видимому, остатки крепежного паза. В III в. до н.э. противоположная пазу широкая плоскость была отполирована и использована для надписи, от которой сохранились лишь буквы **ΡΟΣ** у левого края (начало текста отбито или – если надпись размещалась на наружной поверхности здания или монументального алтаря – находилось на тесно примыкавшей слева другой плите); предшествовавшая буква повреждена, но в расчет могут быть приняты только тау (или гамма), либо эта (или йота). Эти буквы могли бы быть либо окончанием одного из антропонимов на ...**γρος, ... ηρος, ...αιρος, ...ειρος,** либо фрагментом эпиклес Аполлона (**Ἰητρος** – Nom.), или Зевса (**Σωτῆρος** – Gen.), известных в Ольвии (IOSPE, I^2: 25, 161, 162; НО: 65, 71). Наконец, в римское время камень нашел новое применение: сторона, противоположная той, на которой сохранились описанные остатки надписи, была стесана и отполирована; один из концов плиты был при этом грубо закруглен и отделен от подготовленной для новой надписи поверхности невысоким (3,5 см) карнизом. Непосредственно под карнизом помещена двенадцатистрочная надпись (рис. 1); высота ее букв колеблется от 2 до 2,5 см, промежутки между строками – от 1 до 1,5 см. Письмо уверенное, соблюдены правила слогового переноса слов. Особенности начертания букв – пересечения линий на углах, раздвоения на концах линий, заменяемые иногда маленькими поперечными штрихами – сближает надпись с документами I в. н.э. (Книпович 1966: 8, 11, 26, табл. X, 2-3), но то обстоятельство, что многие буквы представлены упрощенными

[1] Хранится в Николаевском областном краеведческом музее, инв. № А-5905. – Прим. ред.

* Редакция первоначального текста статьи и приложения выполнены С. Любомудровым.

© П.О. Карышковский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

формами, без характерных раздвоений и утолщений на концах линий (например, эта в первой и четвертой строках, с другой; ср. также начертания ню, пи, хи), заставляют датировать документ концом I или началом II в.н.э. Ближайшими аналогиями являются посвящение IOSPE, I²: 141 и строительная надпись IOSPE, I²: 169-177.

Хотя многие буквы рассматриваемой надписи частично повреждены, а некоторые вовсе уничтожены, текст читается без затруднений:

ἈΓΑΔΗ̃ ΤΎΧΗ
ἈΧΙΛΛΕΙ̃ ΠΟΝΤΆΡ-
[Χ]ΗΙ ΟἹ ΠΕΡῚ ΖΏΡ-
ΣΑΝΟΝ ΝΕΙΧΗΡΆ-
5. [Τ]ΟΥ ΤῸ Β′ ἌΡΧΟΝΤΕΣ
ΠΟΎΡΘΑΙΣ ἈΒΝΆ-
ΧΟΝ, ΣΆΤΥΡΟΣ
ΚΟΥΝΧΆΚΟΥ, ΚΑΛ-
ΛΊΣΤΡΑΤΟΣ Ἡ̔ΡΑ-
ΧΛΈΟΥΣ, ΥΤΥΝΑΟ-
ΒΩΝ ΑΡΠΗΟΣ
ΧΑΡΙΣΤΉΡΙΟΝ.

Перевод: «В добрый час. Ахиллу Понтарху архонты во главе с Зорсаном Никератовым во второй раз: Пуртэй Абнаков, Сатир Кунхаков, Каллистрат Гераклов (?), Итинаобон Арпов [посвятили] благодарственное приношение».

Посвящение сохранилось полностью. Оно составлено по краткой формуле, известной В.В. Латышеву лишь по одной поздней надписи, в которой имена архонтов приведены без патронимиков (IOSPE, I²: 133); другой близкий по формуле документ не имеет в начале благопожелания ἀγαθῇ τύχῃ, а в конце содержит указание на имя жреца (IOSPE, I²: 134). В прочих целиком сохранившихся или надежно восстанавливаемых документах такого содержания всегда имеется клаузула, указывающая, каких именно благ ожидали архонты от своего небесного покровителя[2], а иногда еще агонистическая приписка, сообщающая об их спортивных достижениях (IOSPE, I²: 130). Вполне точную аналогию публикуемому памятнику представляет собой хранящееся в Одесском музее посвящение из Бейкуша (Болтенко 1953: 130. Документ не учтен соответителями НО; далее цитируется как посвящение из Бейкуша. – П.К.).

Коллегия архонтов возглавляется в надписи из Рыбаковки Зорсаном Никератовым, исполнявшим эту должность вторично. Редкость имени, тождества отчества и сходство шрифта публикуемого документа с письмом двух других памятников, упоминающих одноименного ольвиополита[3], вселяют уверенность, что во всех случаях речь идет об одном лице. Само имя Ζώρσανοφ удачно сопоставлено В.В. Латышевым (IOSPE, I²: 69) с сохраненным Тацитом (Ann. XII, 15-17) именем царя сираков Зорсина (Zorsines), которое воспроизводится в боспорской эпиграфике в формах Ζώρθίνης или Ζωρθῖνος (КБН, 1276, 1278, 1280). Значение и этническая принадлежность всей этой серии антропонимов неясны (Zgusta 1955: §639-640), однако отчество Зорсана образовано от одного из чисто греческих имен, распространенных в Ольвии как в эллинистическое (IOSPE, I²: 34, 190, 191, 201), так и в римское время (IOSPE, I²: 39, 84, 134, 169, 183, 227).

Архонт, занимающий второе место в списке, называется Пуртэем Абнаковым; оба имени неоднократно встречались и в других ольвийских документах I-III вв. н.э.[4], но в таком сочетании не засвидетельствованы; оба имени относят к иранским (Zgusta 1955 §185, 266-267, 275).

Третий архонт из новонайденной надписи носит очень распространенное среди ольвиополитов в римское время греческое имя Сатир (IOSPE, I²: 40, 50, 51, 60, 100, 137, 142, 153, 176, 281) и идентичен, по всей вероятности, с лицом, занимающим третье место во фрагментированном списке стратегов (IOSPE, I²: 148). На обломке читали имя Κούναις (или Κούκαις), однако Латышев приводит только первый слог антропонима, который, согласно посвящению из Рыбаковки, следует читать Κουνχάκος. Не исключено, что это имя имеет общую основу с именем Κουνοῦς (IOSPE, I²: 95, 129), этимология которого не выяснена (Zgusta, §663), и с малоазийскими антропонимами Κουνβαριον или Κουνδης (Zgusta 1964: §731-733).

Имя следующего по списку архонта – Каллистрат – чисто греческое; оно промелькнуло однажды в Ольвии в эллинистическое время (IOSPE, I²: 201) и засвидетельствовано в первом веке Дионом Хрисостомом и эпиграфическими памятниками (Dio Chrys. XXXVI, 7-15; IOSPE, I²: 140; НО: 83)[5]. Что касается патронимика этого ольвиополита, то на камне читается Ἡ̔ρακλέους, т.е. Gen. от Ἡ̔ρακλῆς; однако имя героя не использовалось в греческом

[2] Например, мира, обильного урожая и мужественности для города, а также здоровья для себя (IOSPE, I²: 130); благосостояния для города и здоровья для себя (IOSPE, I²: 132; НО: 86); здоровья для города и для себя (НО: 88).

[3] Первая надпись (IOSPE, I²: 39) – известный декрет в честь Карзоаза Атталова; вторая (IOSPE, I²: 169) – начало документа о строительстве, окончание которого хранится в Одесском музее (IOSPE, I²: 177). Нет сомнения, что буквы ΔΗ в начале последней строки верхнего фрагмента следует читать первым слогом имени одного из упоминаемых здесь лиц, а не частью имени богини Деметры, о существовании культа которой в римской Ольвии свидетельствует только распространение антропонима Деметрий.

[4] Πούρθαις – IOSPE, I²: 83; Πουρθαῖος – IOSPE, I²: 43,99, 130, 176 (ср. Πουρθάκης – IOSPE, I²: 86, 101, 102); Ἄβνακος – IOSPE, I²: 175; Ἄβναγος – IOSPE, I²: 101; НО: 95; Ἄμναγος – IOSPE, I²: 162.

[5] Учитывая широкую распространенность имени Каллистрат среди граждан греческих городов, трудно согласиться с отождествлением упомянутого Дионом юноши с известными по надписям ольвиополитами (Яйленко 1985: 187-188).

мире в качестве антропонима (Pape 1881: 467-470), а в надписях припонтийских городов во все времена встречаются имена Гераклид (ISM, I: 5, 27, 124, 196, 197-A, 212 – Истрия; IGB, I²: 229 – Тира; IOSPE, I²: 342-344, 350, 390, 403, 435, 460, 473, 540, 581, 689; НЭПХ, I: 19, 43; II, 111, 112 – Херсонес; КБН: 24, 36-Б: 70, 76, 79-Б, 91, 96, 190, 266, 308, 502, 516, 526, 528, 567, 607, 626, 681, 684, 757 – Пантикапей; КБН, 1243, 1240, 1250, 1259, 1260, 1263, 1268, 1277-1283, 1285-1287 – Танаис), Гераклий (IOSPE, I²: 352, 364-B, 474, 475, 480, 690; НЭПХ, I, 34; II; 152 – Херсонес Таврический; КБН, 898 – Зенонов Херсонес), Гераклит (IGB, I²: 37 bis – Одесс; КБН, 1137 – Горгиппия), Гераклеодор (IOSPE, I²: 466 – Херсонес; КБН: 128 – Пантикапей), Гераклеон (ISM, I: 100-A, 193-A, 219, 27 – Истрия; IOSPE, I²: 2 – Тира; КБН: 1179 – Горгиппия), Гераклиан (IGB, I²: 47-B – Одесс; IOSPE, I²: 476 – Херсонес) и т.п. В Ольвии, в частности, известен антропоним Гераклид – он встречается здесь и в V-IV вв. до н.э. (IOSPE, I²: 211), и в III-II вв. (IOSPE, I²: 76), и в римское время (IOSPE, I²: 85, 91, 100, 135, 155). Есть все основания предполагать, что патронимик архонта Каллистрата должен читаться не Гераклов, а Гераклидов. В таком случае трудно воздержаться от сопоставления его с именем и отчеством жреца Каллистрата Гераклидова, посвятившего аналогичный дар Ахиллу «за мир, благопитие и долгоденствие города и за собственное здоровье» (IOSPE, I²: 140).

После патронимика Каллистрата на камне читается **ΥΤΥΝΑΟ|ΒΩΝ,** причем знак между двумя ипсилон может быть осмыслен не только как асимметричная тау, но и как гамма, перекрывающая черта которой значительно выступает слева за вертикаль. Если учесть, что первая ипсилон, согласно сказанному выше, может быть и финальным знаком искаженного патронимика **Ἡρακλε[ίδο]υ**, то для этого последнего представляются возможными не только начертания **Ὑτυναοβων** или **Ὑγυναοβων**, но также **Τυναοβων** и **Γυναοβων**. Ничего близкого к таким формам нет ни в ольвийских, ни в танаисских эпиграфических памятниках, которые содержат основной фонд известных варварских антропонимов Сарматии. Что касается патронимика **Αρπηος**, условно транскрибируемого выше «Арпов», то он невольно вызывает в памяти гарпиев (**Ἅρπιοι**) Птолемея (III, 10, 7), живших вдоль морского побережья от Борисфена до Истра и вглубь материка до Гипераса, вблизи от устьев которого располагался, по-видимому, и одноименный город (**Ἅρπις πόλις**)[6]. Если относить, однако, имя отца ольвийского архонта к числу антропонимов, образованных от племенных наименований[7] то нельзя упускать из виду, что Nom. Sing. от **Ἅρπιοι** дал бы **Ἅρπιος**, а Gen. – **Ἁρπίου**. Предположительно Gen. **Αρπηος** можно – допуская влияние гомеровского диалекта и учитывая некоторые особенности вокализации ольвийских надписей римского времени (IOSPE, I²: 569-570), – возвести в Nom. **Αρπης** (через **Αρπεως**?), но вопрос о форме этого имени не представляется окончательно выясненным[8].

2. Вторая надпись[9] найдена весной 1980 г. при вспашке приусадебного участка В.И. Притулы, жителя с. Бехтеры Голопристанского района Херсонской области. Как и в предыдущем случае, текст высечен на отесанной и отполированной поверхности архитектурной детали – обломка колонны из крупнозернистого белого мрамора с серовато-голубыми прожилками. Высота сохранившейся части 0,61 м, первоначальный диаметр колонны 0,25 м, ширина образовавшейся при стесывании части каннелюр площадки 0,22 м. Верхней части памятника придана треугольная форма, нижняя часть отбита.

Уцелевшая часть надписи расположена в семнадцати строках, из которых частично повреждена лишь последняя. Высота букв колеблется от 2,2 см (дельта) до 1,6 см (омикрон в последних строках). Расстояние между строками от 1,2 до 1,6 см. Надпись также написана профессиональным мастером, соблюден перенос по слогам. Буквы близко напоминают несколько упрощенные начертания первой надписи, но перекладинки эты и тэты лишены вертикальных штрихов на концах; шрифт хорошо известен по многим ольвийским документам (IOSPE, I²: 85, 90, 95) и относится к первой половине II в.н.э. (Книпович 1966, 11, 27-28). Посвящение читается следующим образом (рис. 2):

Ἀγαθῆ τύχη
Ἀπόλλωνι
Προστάτη
οἱ περὶ Ἐπι–

[6] О местожительстве птолемееевых гарпиев см.: Parvan 1926: 242-243; о возможности отождествления этого племени и города Гарписа с упоминаемыми тем же Птолемеем карпианами (III, 5,10) и поселением Карпис (II, 11,3, 15,3; III, 7,1) и о сближении карпиан с карпидами и карпами других античных авторов ср.: Bichir 1973: 159-162 (с обширной библиографией).

[7] Ср. для римской Ольвии имена **Κάρπος, Κόλχος** (IOSPE, I²: 128, 132).

[8] Другая возможная ассоциация ведет к легендарному Арпоксаю (Hdt. IV, 5-6), но не говоря о том, что в этом случае появление занимающего нас имени в ольвийской ономастике должно было бы относиться к гораздо более раннему времени, необходимо считаться с тем, что принимая за основу имени **Ἀρποξαις** его начальную часть, т.е. **Ἀρπο** (вторая часть связывается с иранск. *xšaya* – «царь», «владыка» – см., например, Zgusta 1955, §529), необходимо реконструировать соответствующий антропоним как **Ἀρπος** или **Ἀρπους** (из **Ἀρπο–ος**), а это ведет к образованию Gen. по второму склонению (т.е. **Ἀρπου**), а не по третьему.

[9] Хранится в Херсонском областном краеведческом музее, инв. № ХЕМ-а-6802. – Прим. ред.

κράτην Μαι–
άκου στρατηγοὶ
Ἄλκιμος
Παπίου, Νου–
μήνιοσ Ρα–
δαμψῶντος,
Σαράξαζος
Ποσειδή–
ου, Λάβαζος
Ταορδουνου,
Φάρνακος
Ζηθου ἀνέ–
[θηκαν κτλ.]

Перевод: «В добрый час. Ахиллу Простату стратеги во главе с Эпикратом Маиаковым: Алким Папиев, Нумений Радампсонтов, Сараксаз Посидеев, Лабаз Зетов посвя[тили и т.д.]».

Конец надписи отбит, и это не только не позволяет определить, что именно было посвящено коллегией стратегов их небесному заступнику, но и уточнить формулу документа: вслед за перечислением посвящаемых объектов и разъяснительного замечания о том, за что именно оно совершено (IOSPE, I²: 80, 82-86, 91, 93, 99 -101, 105, 106, 113; НО: 79, 83), иногда следует запись, отмечающая заслуги гипереta, запись о строительных работах или упоминание о награждении стратегов советом и народом (IOSPE, I²: 89, 98, 175; НО: 80, 81).

Во главе стратегов публикуемого посвящения стоит Эпикрат Маиаков, лицо ранее неизвестное; впрочем, и греческое имя **Ἐπικράτης**, и иранское **Μαίακος** (Zgusta, §139) известны в ольвийской эпиграфике – первое неоднократно засвидетельствовано надписями эллинистического (IOSPE, I²: 190, 191, 201, I:25) и римского времени (IOSPE, I2: 93, 134, 149, 153), второе встречено лишь однажды во II в. н.э. (IOSPE, I²: 132).

Равным образом и второй стратег, Алким Папиев, не встречался в списках ольвийских магистратов. Вместе с тем оба греческих имени – **Ἄλκιμος** и **Παπίας** – засвидетельствованы надписями первых веков н.э.[10]

Третий стратег носит имя Немений, принадлежащее к числу греческих антропонимов, засвидетельствованных ольвийской эпиграфикой эллинистического (IOSPE, I²: 201, II, 24; НО: 24) и римского времени (IOSPE, I²: 137, 147). Антропоним Радампсонт, иранский по происхождению (Zgusta §190, 191), несколько раз встречается в ольвийских надписях (IOSPE, I²: 80, 175, 228), иногда с искажениями (IOSPE, I²: 93, 103, 105). Известен в этих документах и стратег Нумений Радампсонтов (IOSPE, I²: 80, 175); можно предполагать, что новая надпись Херсонского музея – третье посвящение с его именем.

Следующий по списку стратег носит иранское имя Сараксаз (Zgusta §200) и греческое отчество, причем имя его отца – Посидей – принадлежит к числу широко распространенных в Ольвии антропонимов; в эллинистическое время оно воспроизводилось в форме **Ποσίδεος** (IOSPE, I²: 35, 77, 78, 168, 189, 200), в первых веках н.э. – **Ποσίδηος** (IOSPE, I2: 111, 113, 183) или **Ποσείδηος** (IOSPE, I²: 95, 96, 102; НО: 86). Сараксаз Посидеев известен как глава коллегии стратегов (IOSPE, I²: 102); публикуемое посвящение относится, надо полагать, к раннему этапу его служебной карьеры.

Имя пятого стратега является полной неожиданностью для ольвийской антропонимии: его звали **Λάβαζος**, его отца – **Ταορδουτος**, оба имени встречаются впервые. Первое напоминает известное в римской Ольвии (IOSPE, I²: 137, 138) и в Танаисе (КБН, 1279) иранское имя **Νάβαζος** (Zgusta §152), но предполагать в новонайденной надписи ошибку резчика нет никаких оснований; второе имя вообще не имеет аналогий.

Замыкающий список стратегов Фарнак Зетов идентичен, по всей видимости, со стратегом Фарнагом Зетовым из другого посвящения, где он занимает предпоследнее место в списке (НО: 79). Его имя всегда фигурирует в Ольвии с суффиксом **–αγ–** (IOSPE, I²: 96, 107; НО: 79) или **–ηγ–** (IOSPE, I²: 144) и соответствует иранскому антропониму **Φαρνάκης** литературных источников (Zgusta, §236). **Ζῆθος** – распространенное в Северном Причерноморье греческое имя (IOSPE, I²: 105, 129; НО: 79 – Ольвия; IOSPE, I2: 347, 359, 386, 392, 394, 412, 691; НЭПХ, II, 112 – Херсонес; КБН, 1280, 1281, 1287 – Танаис).

3. Третья надпись публикуется по фотографиям, предоставленным в наше распоряжение ее нынешним владельцем. Она случайно обнаружена весной 1985 г. у обрыва к Березанскому лиману, в окрестностях с. Осетровка (б. Кабурга) Очаковского района Николаевской области. Сохранилась примерно половина мраморной плиты с частью рельефа, изображающего две задрапированные фигуры, приближающиеся к стоящему перед ними большому кратерообразному сосуду, за которым видна фигура обнаженного мальчика. Высота плиты 50 см, ширина сверху 40, снизу около 32 см, толщина 15 см.

При вторичном использовании плиты на ее оборотной стороне была помещена многострочная греческая надпись. Высота букв колеблется от 2,2 до 2,4, расстояние между строками 0,7-0,8 см. Письмо надписи отличается теми же признаками, что и письмо предыдущего документа, и позволяет относить ее к тому же времени – примерно ко второй четверти II в. н.э. Текст, за исключением утраченных собственных имен и сильно поврежденных двух (?) последних строк, читается следующим образом:

[Ἀγαθῆτύχη Ἀχι]λλεῖ Ποντάρ–
[χη οἱ περι .....]ον Αβνάκου τὸ β′
[ἄρχοντες –...]ατης Εὐρεσιβί–
[ου, ...–––Κ]όλχου. Παπίας

[10] Алким – один раз (IOSPE, I²: 131); Папий – многократно (IOSPE, I²: 86, 96, 98, 147, 151, 175; НО: 83).

5. [.....----]υς Γολαιου
[ὑπὲρ τῆς πόλεω]ς καὶ τῆς ἐαυ–
[τῶν ὑγείας ἀνέ]θηκαν χαρισ–
[τέριον ---...] ΤΑΡΥ
----------ΤΕΙΟΥ

Буквы 8-9 строк могли бы относиться, судя по аналогичным посвящениям ольвийских архонтов, либо к агонистической приписке типа **ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀρχοντεύων ἐνείκα παισήματι κτλ** (IOSPE, I²: 130, 156, 157), либо к приписке с упоминанием имени жреца – типа **ἱερατεύοντος ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος** (IOSPE, I²: 134), однако различимые на фотографии буквы не дают возможности уточнить чтение выгладившихся или выглаженных строк.

Основная часть надписи переводится так: «В добрый час. Ахиллу Понтарху архонты во главе с таким-то Абнаковым во второй раз: такой-то Гевресибиев, такой-то Колхов, Папий, сын такого-то, такой-то Голаев за здравие города и свое собственное воздвигли благодарственное приношение».

Восстановление утраченных имен с абсолютной достоверностью вряд ли возможно, но ничто не мешает предполагать, что главой архонтов был Абноз Абнаков, известный по одному из списков стратегов (IOSPE, I²: 175), в таком случае на четвертом месте со значительной вероятностью можно предполагать его коллегу Папия Пападонова. С другой стороны, на втором месте без всякой натяжки дополняется имя Сократа Гевресибиева, известного в качестве главы стратегов (IOSPE, I²: 105), а на третьем, учитывая уникальность антропонима Колх в среде ольвиополитов, естественно помещать имя Раодмея Колхова (IOSPE, I²: 132). Наконец, последний архонт публикуемой надписи, по-видимому, тот же ольвиополит, имя которого пишется в других случаях **Δωτοῦς Γόλα** (IOSPE, I²: 83, 93). Возможность вариантных форм родительного падежа **Γόλα** и **Γολαιου** хорошо иллюстрируется формами Gen. **Φαρζοιου** (Зограф 1951: 138, табл. XXXIII, 24-26), **Φαρζήου** (IOSPE, I2: 94) и **Φαρζοα** (НО: 77) (Виноградов 1978: 52-53). При таких дополнениях все архонты новонайденной надписи известны по ранее опубликованным документам.

Выше было отмечено, что публикуемые надписи сходны по характеру письма, причем первое посвящение Ахиллу несколько старше, чем посвящение Аполлону и второе посвящение Ахиллу. Их хронологическая близость подтверждается не только палеографическими, но и просопографическими данными. Возглавляющий коллегию архонтов первого документа Зорсан Никератов изготовил на свой счет копию декрета о посмертном награждении Карзоаза Атталова[11], принятого при архонтах во главе с Омсалаком Гевресибиевым (IOSPE, I²: 39). Этот последний упомянут также и в двух посвящениях стратегов, причем среди его коллег в одном назван Атадон Метаков[12], а в другом – Евпл Каландионов и известный нам по новой надписи Херсонского музея Нумений Радампсонтов (IOSPE, I²: 175). Все они неоднократно входили в коллегию стратегов[13]. Это дает основание считать названных ольвиополитов и всех их сотоварищей по должности если не представителями одного поколения, то во всяком случае современниками, деятельность которых приходилась приблизительно на первую половину II в. н.э.[14]

Эти сопоставления следует продолжить. В одном из посвящений стратегов Нумений Радампсонтов занимает место между Ахиллом Деметриевым и Никием Понтиковым (IOSPE, I²: 80). Первый из них известен только как глава стратегов (IOSPE, I²: 176), причем в одном случае его младшим коллегой был Антестий Самбионов, входивший в коллегию агораномов при первом архонте М. Ульпии Пирре (IOSPE, I²: 129), который был и главой коллегии стратегов (IOSPE, I²: 93). Что касается Никия, то он был членом коллегии стратегов во главе с Сараксазом Посидеевым (IOSPE, I²: 102), который известен по публикуемой надписи Херсонесского музея, где его сотоварищем оказался Фарнаг Зетов, бывший также стратегом вместе с Анаксименом Анаксименовым (НО: 79)[15]. Этот Анаксимен был архонтом вместе с Дионисиодором Эротовым и Аргуанагом Каракстовым (IOSPE, I²: 132). Первый еще дважды входил в коллегии архонтов, причем в одном случае его сотоварищами были упомянутый выше Ахилл Деметриев и Зобий Зобиев (IOSPE, I²: 176), а в другом (надпись из Бейкуша) – Амоспад Ахиллов, упоминаемый как стратег в одном списке с Зобием (IOSPE, I²: 105), и Скартан Азиэев, воздвигший по исполнении жреческих обязанностей посвящение Ахиллу и

[11] Оба они упомянуты в строительной надписи IOSPE, I², 169-177.

[12] IOSPE, I², 106. В надписи IOSPE, I², 85 среди младших коллег Атадона упомянут некий **[.]ίτσαζος Ἰαζαδ[άγου].** Очень вероятно, что этот же ольвиополит назван на последнем месте в другом списке стратегов (IOSPE, I²: 111). Если это действительно так (на камне читается лишь **.....ΟΣ ΙΕΖΔΑΓ**.; ср.: Zgusta 1955 §113), то и это посвящение стратегов следует включить в рассматриваемую группу.

[13] IOSPE, I²: 85, 100; НО: 82. В одном из этих посвящений (IOSPE, I²: 100) коллегию стратегов возглавляет Посидей Сатиров, которого В.В. Латышев считал (IOSPE, I²: 88, 134) тем ольвийским гражданином, посмертный декрет об увенчании которого (IOSPE, I²: 51) указывает, что он занимал «все высшие должности», вел переговоры с правителями местных племен.

[14] Если высказанные выше предположения относительно архонтов Сатира и Каллистрата из новой надписи Николаевского музея может быть признано достаточно вероятным, то к перечисленным здесь документам следовало бы присоединить также посвящения IOSPE, I²: 140 и 148.

[15] Упоминаемый в конце этого списка Каскен Касагов известен также как жрец, поставивший посвящение Ахиллу (IOSPE, I²: 141).

его матери (IOSPE, I²: 142). Совершенно очевидно, что все поименованные ольвиополиты и их коллеги по магистратским коллегиям также должны быть отнесены к числу современников Траяна, Адриана и Антонина Пия.

Упомянутое выше посвящение Скартана Ахиллу и Фетиде (IOSPE, I²: 142) датировано архонтатом Сатира Артемидорова, и этот же Сатир возглавлял, будучи архонтом во второй раз, коллегию, в составе которой находился, как отмечено выше, Дионисидор Эротов, Ахилл Деметриев и Зобий Зобиев (IOSPE, I²: 176)[16]. Это, как представляется, укрепляет предположение, что все перечисленные ольвиополиты активно действовали в первой половине II в. н.э. Сюда же принадлежали и некоторые другие лица: так, коллегой Дионисидора по архонтату был Аргуанаг Каракстов (IOSPE, I²: 132), занимающий в других надписях второе (IOSPE, I²: 686) или первое место среди стратегов[17]. Это вводит в изучаемую нами социальную среду еще таких граждан как Усигас (или Усиг) Сирахов и Катэй (или Касэей) Парнугов[18], Абраг Хуаразов и Понтик Никиев[19]; последний был также главой коллегии архонтов (IOSPE, I²: 128) и почтил, быть может, поставленным в Томах надгробием своего сына Сатира (Граков 1939: 312. № 4 (доп.). (Далее цитируется как надгробие из Том. – П.К.)). Если, наконец, восстановление имени Δωτοῦς в надписи из Осетровки верно, к рассматриваемым документам должны быть присоединены еще два посвящения стратегов (IOSPE, I²: 83, 99).

Таким образом, просопографические данные позволяют наметить группу примерно из трех десятков ольвийских эпиграфических памятников – два декрета (IOSPE, I²: 39, 51), четыре посвящения архонтов Ахиллу Понтарху (IOSPE, I²: 132, 176; надписи из Бейкуша, Рыбаковки и Осетровки), посвящение стратегов (IOSPE, I²: 686) и три посвящения жрецов тому же божеству (IOSPE, I²: 140-142)[20], 18 посвящений стратегов Аполлону Простату (IOSPE, I²: 80, 82, 83, 85, 86, 92, 93, 99, 100, 102, 105, 106, 111, 148, 175; НО: 79, 82; новая надпись из Бехтер), три посвящения агораномов Гермесу Агорею (IOSPE, I²: 128, 129, 152), надпись о постройке какого-то оборонительного сооружения (IOSPE, I²: 169–177) и надгробие из Том. Прежде чем станет возможным расширить границы этой группы, следует остановиться на некоторых палеографических особенностях перечисленных документов.

Необходимо прежде всего заметить, что по всему характеру письма из выделенной группы несомненно выпадают два памятника: фрагментированный декрет в честь Посидея Сатирова и упомянутое надгробие, воздвигнутое в Томах Понтиком Никиевым (см. ниже). Остальные надписи, при всех различиях между ними, объединяются рядом существенных черт. Здесь отсутствуют лигатуры, знаки разделения, ромбовидные начертания букв омикрон и тэта, омега в виде опрокинутой мю, альфа с горизонтальной перекладиной или вовсе без перекладины, фи с сердцевидным оформлением центральной части; лишь в двух случаях встречается ипсилон с поперечной перекладиной (IOSPE, I²: 100, 120). Поэтому верхней границей выделенной группы надписей следует признать середину II в. н.э. (Книпович 1966: 28-29). Вместе с тем среди рассматриваемых документов различаются два вида письма, выдержанного в традициях монументального шрифта, сложившегося к концу эллинистического времени (Книпович 1966: 27-28). В своих крайних выражениях эти направления могли бы быть условно названы декоративным и деловым письмом; их единство доказывается как наличием общих начертаний некоторых букв, так и существованием надписей, выполненных письмом переходного типа. Наиболее ранними памятниками первого типа внутри рассматриваемой группы являются документы, продолжающие линию развития орнаментализированного письма I в. н.э., представленного посвящением Абаба (IOSPE, I²: 181) и несколькими другими памятниками (IOSPE, I²: 84, 183). К их числу принадлежит строительная надпись, датированная архонтатом Зорсана Никератова (IOSPE, I²: 169-177), характерный шрифт которой находит полное соответствие в некоторых посвящениях архонтов (IOSPE, I²: 131), стратегов (IOSPE, I²: 99) и жрецов (IOSPE, I²: 139), относящихся к концу I в. н.э. Несколько смягчена декоративность этого торжественного письма уже в декрете в честь Карзоаза Атталова (IOSPE, I²: 39), хотя В.В. Латышев полагал, что он высечен той же рукой, что и упомянутая строительная надпись (IOSPE, I²: 183). Новое

[16] Независимо от спорного значения термина ἡ προσευχῆ (Латышев 1887: 270-271; Эрлих 1928: 124-127), можно утверждать, что предложенная И.И.Толстым реконструкция начальных строк утраченного еще в начале XIX в. памятника (ср. CIG, I, 683) невозможна. ввиду размеров устанавливаемой по уцелевшим строкам лакуны и полного отсутствия аналогий среди посвящений римской Ольвии, где неизвестны как культ Бога Высочайшего, так и объединения его почитателей с их должностными лицами.

[17] IOSPE, I²: 82. Вполне вероятно, что фигурирующий здесь среди стратегов Адой Матанов упомянут и в сильно поврежденной надписи Одесского музея (IOSPE, I²: 152). Документ составлен по формуле, точно соответствующей вотивам агораномов и читается: |'Αγαθῆ τύχη. 'Επί ἀρχόντων τῶ|ν περὶ||------|PAMA||----- 'Αναξι?|μένην|| ἀγορανόμοι 'Αδόη?|ς Μαθά|νου---- Διομ?|έδον||[τος?----| ΓΟΥ | |----| ΝΟΥ | | χτλ.| (ср. IOSPE, I²: 128, 129).

[18] Оба известны и по другому аналогичному посвящению (IOSPE, I²: 92).

[19] Они входили также в коллегию стратегов, возглавлявшуюся Аморомаром Амортастовым (IOSPE, I²: 80). (Понтик Никиев упомянут еще в одной, пока не опубликованной надписи, найденной на Березани в 1989 г.). – Прим. ред.

[20] С найденным в 1989 г. на Березани документом число жреческих посвящений возрастает до четырех. – Прим. ред.

посвящение Николаевского музея и примыкающие к нему документы (IOSPE, I²: 105, 141; посвящение из Бейкуша) запечатлели начальные этапы отмирания тех апицированных, несколько манерных начертаний, которые господствовали в письме ранней римской Ольвии (Книпович 1966: 8, 11, 26-27, табл. X, 1). Посвящение Херсонского музея и надпись из Осетровки с близкими к ним документами (IOSPE, I²: 85, 129. 175; HO: 82) отражают дальнейший ход этого процесса, приводящий к несколько геометризированному, лишенному орнаментальных деталей деловому письму (IOSPE, I²: 80, 86, 140, 148; HO: 79). Что касается выше декрета в честь Посидея Сатирова, то отличие его шрифта от письма всех рассмотренных выше надписей бросается в глаза. Буквы эта и омикрон всегда имеют в декрете ромбовидные очертания, угловатая омега напоминает опрокинутую мю, широко используются различные лигатуры (IOSPE, I²: 51), – другими словами, декрет датируется концом II, скорее даже первыми десятилетиями III в. н.э. (Книпович 1966, табл. IV-VIII, табл. X, 5). В таком случае, соглашаясь с предположением В.В. Латышева об отождествлении посмертно увенчанного согражданами Посидея с одноименным главой коллеги стратегов, посвятивших Аполлону серебряную Нику (IOSPE, I²: 100)[21], пришлось бы считать этого ольвиополита скончавшимся в весьма преклонном возрасте. Хотя в посвящении стратегов применяется перечеркнутая горизонтальным штрихом ипсилон, по всем остальным палеографическим признакам оно не может быть оторвано от ольвийских документов середины II в. н.э. (Книпович 1966: табл. X, 3).

В.В. Латышев предполагал также, что стратег и архонт Понтик Никиев (IOSPE, I²: 82, 128)[22] являлся тем же ольвиополитом, который поставил в Томах надгробный памятник своему сыну Сатиру; что известный по другим посвящениям стратегов Никий Понтиков (IOSPE, I²: 80, 102) был его отцом или сыном (IOSPE, I²: 115, 116, 135, 151). Сравнение всей этой группы надписей позволяет предполагать, что архонт Понтик, поставивший на склоне лет томитанское надгробие, был сыном стратега Никия: посвящение агораномов, датированное именем Понтика Никиева (IOSPE, I²: 128), имеет украшения в виде листиков, в пяти случаях из одиннадцати буква ипсилон в нем перечеркнута, тогда как шрифт остальных документов рассматриваемой группы (IOSPE, I²: 80, 82, 102) характеризуется признаками, присущими раннему деловому письму.

В рассмотренных документах содержатся имена более чем ста ольвийских граждан, современников Домициана и первых Антонинов. Сравнение этих антропонимов позволяет в некоторых случаях наметить родственные связи между их носителями. Так, учитывая уникальность иранских имен Маиак и Хуарсаз (Zgusta 1955: 139, 257), можно без большого риска видеть в стратеге Эпикрате из публикуемой надписи брата архонта Гикесия (IOSPE, I²: 132); братьями были, по-видимому, также стратеги Абраг и Танасий Хуарсазовы (IOSPE, I²: 82, 92, 686), а их коллег Стефана и Евпла Каландионовых (IOSPE, I²: 83, 100, 175; HO: 82) братьями считал и В.В.Латышев (IOSPE, I²: 117), узнававший в Гераклиде Тумбаговом (IOSPE, I²: 85) и Тумбаге Гераклидовом (IOSPE, I²: 100) отца и сына (IOSPE, I²: 119, 134). Аналогичное предположение напрашивается и для пары Деметрий Менестратов (IOSPE, I²: 686) – Менестрат Деметриев (IOSPE, I²: 100). Равным образом и носитель редкого имени (Zgusta 1955 §740) стратег Симбион Гангаев может быть признан отцом агоранома и стратега Антестия (IOSPE, I²: 86, 129).

Продолжая подобные сопоставления, можно несколько расширить круг эпиграфических памятников занимающего нас времени. Так, в Деметрии Ахилловом (IOSPE, I²:130) и Ахилле Деметриевом (IOSPE, I²: 80, 86, 176) следует вместе с В.В. Латышевым узнавать отца и сына (IOSPE, I²: 116, 158, 163, 522). Не приходится отрицать и вероятности родства между Аргуанагом Каракстовым (IOSPE, I²: 82, 132, 686) и Каракстом Аргуанаговым (IOSPE, I²: 138). В таком случае к ранее выделенным надписям следует присоединить еще два посвящения Ахиллу (IOSPE, I²: 130, 138), а в этом случае трудно воздержаться от предположения, что упоминаемый в последней из перечисленных надписей Набаз Дотусов (IOSPE, I²: 138) был сыном Дотуса, названного в надписи из Осетровки (ср. IOSPE, I²: 83, 99). Весьма вероятно также, что чередование происходящих от общей основы имен и палеографические признаки дают основание предполагать родство между архонтом Пападоном Алкимовым (IOSPE, I²: 131), стратегом Алкимом Пападоновым из нового Николаевского посвящения и Папием Пападоновым, известным в качестве стратега (IOSPE, I²: 175) и архонта, если его патронимик правильно дополнен в надписи из Осетровки. Точно так же архонт Писистрат Дадагов из посвящения жреца Ахиллу может быть признан отцом архонта Дада из Бейкушской надписи. Это пополняет круг рассматриваемых документов еще двумя (IOSPE, I²: 131, 139). Заметим, наконец, что почти несомненное восстановление патронимика стратега Посидея и сопоставление его с именем стратега Сороза Посидеева вводит в круг исследуемых памятников посвящение с именем этого последнего (IOSPE, I²: 95).

Новые звенья в цепи надписей конца I – середины II вв.н.э. позволяет реконструировать проверка намеченных В.В. Латышевым родословий некоторых знатных ольвийских семей.

[21] Ср. IOSPE, I²: 88, 134; Латышев 1887: 165.

[22] Неопубликованное посвящение с Березани датировано вторым архонтатом Понтика Никиева. – Прим. ред.

Речь идет в одном случае о группе граждан с именами Абнаг (Абнак, Амнаг), Абноз (Амноз), Гатагос, а в другом – о потомках некоего Зета. Принимая для последних предложенную Латышевым генеалогическую стемму, следует не только считать братьями стратегов Фарнага (НО: 79; надпись из Бехтер), Ахилла (IOSPE, I²: 105) и агоранома Посидея (IOSPE, I²: 129), но и указать на двоюродных братьев среди представителей следующего поколения – таковы стратег Ахилл Посидеев и жрец Фарнег Ахиллов (Латышев 1887: 164)[23]. Это позволило бы дополнить группу изучаемых надписей еще одним посвящением (IOSPE, I²: 144). Из группы наиболее вероятна третья [24], согласно которой стратеги Абноз (IOSPE, I²: 175) и Ратагос (IOSPE, I²: 101) были братьями [25], а магистрат Абноз (IOSPE, I²: 91; НО: 88) и жрец Амнаг (IOSPE, I²: 162) – сыновьями Ратагоса; это пополняет изучаемую группу надписей еще четырьмя (IOSPE, I²: 91, 101, 162; НО: 88).

Таким образом, к ранее выделенным по просопографическим данным надписям следует присоединить еще три посвящения архонтов Ахиллу Понтарху (IOSPE, I²: 130, 131; НО: 88), посвящение стратегов (IOSPE, I²: 138) и два посвящения жрецов тому же божеству (IOSPE, I²: 139, 144), три посвящения стратегов Аполлону Простату (IOSPE, I²: 91, 95, 101) и посвящение частного лица Зевсу (IOSPE, I²: 162). В этих надписях содержится еще около 50 имен ольвиополитов, сопоставление которых не лишено значения. Здесь, как и в предшествующей группе эпиграфических документов, встречаются граждане, занимавшие в разное время должности стратегов и архонтов – таковы Дад Дадов (IOSPE, I²: 91; НО: 88) и упоминавшийся выше Абноз (или Амноз) Ратагосов (IOSPE, I²: 91; НО: 88). В свою очередь Ургбаз Умбеворов (IOSPE, I²: 95) и Умбевар Ургбазов (IOSPE, I²: 101) были, как это предполагал В.В. Латышев, представителями двух поколений одной семьи (IOSPE, I²: 128, 135)[26]. Нельзя не согласиться с последним и в том, что стратег Гевресибий Аморомаров (IOSPE, I²: 101) приходился отцом Аморомару из более поздней посвятительной надписи (IOSPE, I²: 155, 135, 174). Равным образом не подлежит сомнению родство между архонтами Анаксименом Гевресибиевым (IOSPE, I²: 131) и Гевресибием Анаксименовым (НО: 90), но две последние надписи настолько близки по письму, что определить последовательность поколений палеографическими методами весьма затруднительно. Несомненно, однако, что круг документов рассматриваемой группы следует расширить еще за счет двух посвящений (IOSPE, I²: 155, НО: 90)[27].

Обращаясь к характерным особенностям письма этих надписей, необходимо отметить наличие среди них образцов обеих выделенных ранее групп: декоративное, апицированное письмо, близкое к письму Рыбаковской надписи, представлено такими образцами, как IOSPE, I²: 131, 139; НО: 90, тогда как письмо Бехтеровской находит хорошие аналогии в шрифте посвящений IOSPE, I²: 95, 101. С другой стороны, посвящение из Софиевки (НО: 88) и некоторые другие документы (IOSPE, I²: 144, 162) представляют уже образцы сравнительно позднего делового письма (прямоугольная сигма, перечеркнутая ипсилон, поздние формы омеги, появление единичных лигатур). В целом рассматриваемые документы охватывают время деятельности примерно трех поколений – от середины 80-х гг. I до конца 50-х гг. II в.н.э.[28]

Здесь уместно добавить, что ряд посвятительных надписей римской Ольвии должен быть отнесен к указанному времени на основании чисто палеографических и общеисторических соображений. К числу документов, исполненных декоративным письмом, относятся посвящения (IOSPE, I²: 96, 109, 118, 153) и надгробие Залсии (IOSPE, I²: 200). Образцами раннего делового письма могут служить IOSPE, I²: 156, 206, 227; НО: 85, тогда как посвящение IOSPE, I²: 137 принадлежит к самым поздним в этом ряду.

[23] Вполне вероятно, что их двоюродным братом был Казина Фарнагов (IOSPE, I²: 96). (По-видимому, он же, исполняя в четвертый раз обязанности жреца, посвятил благодарственное приношение Ахиллу Понтарху во второй архонтат Понтика Никиева (неопубликованная березанская надпись). – Прим. ред.

[24] Там же.

[25] Третьим братом мог быть архонт Пуртэй из Рыбаковской надписи.

[26] Были ли братьями сыновья Касага (IOSPE, I²: 82, 85, 141; НО: 79) и можно ли признать их отцом стратега Касака Карзиева (IOSPE, I²: 99), не имеет значения, поскольку указанные надписи и без того входят в одну группу (Латышев 1913: 107). Равным образом было бы слишком рискованным устанавливать родственные связи между сыновьями Абрага (IOSPE, I²: 91), Ахилла (IOSPE, I²: 99, 130, 138, 144) или Пуртэя (IOSPE, I²: 99, 130).

[27] Вполне вероятно, что архонт Сократ Сократов (НО: 88) идентичен с ольвиополитом, позаботившимся изготовить список декрета в честь своего заслуженного брата (IOSPE, I²: 38). Совершенно верно отмечено, что эпитет «филопатрис» был присущ не только титулатуре боспорского царя Митридата III, но нередко прилагался составителями декретов римского времени к чествуемым лицам (Сапрыкин 1985: 72).

[28] Монеты известных по надписям архонтов Сатира Артемидова (IOSPE, I²: 142, 176) и Гикесия Маиакова (IOSPE, I²: 132) датируются третьей четвертью II в. н.э. (Карышковский 1986: 27, рис. 1, 3-8), примерно 161-165 гг. н.э. (там же, с. 34), но ничто, в сущности, не мешает относить их к 50-м гг. Эмиссии обоих названных архонтов были очень слабыми (учтено всего около двух десятков монет с их именами), и поэтому имевшая место после 156 г. н.э. (Зограф 1946: 219, табл. 47, 5) повторная надчеканка сестерциев Адоя Дельфова знаком «В» и более ранних дупондиев знаком «А» (Карышковский 1986: 25-26; он же 1971: 56-57, 61) имела экономический смысл и после выпуска ассариев Сатира и Гикесия.

Выделив среди ольвийских эпиграфических документов значительную группу посвящений, охватывающих период от Домициана до Антонина Пия, можно составить список ольвиополитов, активно действовавших в это время[29]. Изучение этого списка показывает, что многократно повторенное В.В. Латышевым утверждение, будто члены ольвийских магистратских коллегий «размещались в списках не как попало, а по старшинству, т.е. лица, избиравшиеся неоднократно в одну и ту же должность, с каждым разом становились все выше и выше по списку» (Латышев 1887: 256-257), не может рассматриваться как непререкаемый закон. Если бы это действительно было так, сравнение ступеней служебной карьеры тех граждан Ольвии, которые по нескольку раз упоминаются как члены одних и тех же коллегий, должно было бы привести к установлению прочной относительной хронологии многих эпиграфических памятников. Этому препятствуют, однако, некоторые факты и соображения. С одной стороны, известны случаи, когда одни и те же лица дважды и трижды занимают одну и ту же позицию внутри соответствующей коллегии. Так, из числа уже названных выше ольвиополитов имя Нумения Радампсонтова стоит на третьем месте среди стратегов как в публикуемом посвящении из Бехтер, так и в ранее известном посвящении из Аджигольского городка (IOSPE, I^2: 80). Усигас Сирахов и Катэй Парнугов занимают четвертое и шестое места в двух разных коллегиях стратегов (IOSPE, I^2: 92 и 686). Наконец, Дионисидор Эротов являлся предпоследним в списках коллегий, возглавляемых соответственно Дадом Писистратовым (посвящение из Бейкуша), Сатиром Артемидоровым (IOSPE, I^2: 176) и Гикесием Маиаковым (IOSPE, I^2: 132). С другой стороны, принимая строгое соблюдение последовательности прохождения всех ступеней служебной карьеры, мы приходим в противоречие как с палеографией многих документов, так и с теми просопографическими наблюдениями, которые относятся к разным персонажам. Например, исходя из продвижения Евпла Каладионова внутри коллегии стратегов, следовало бы принять, что посвящение IOSPE, I^2: 175 древнее посвящения IOSPE, I^2: 100 (Евпл перешел с последнего на предпоследнее место по списку) и тем более посвящения HO: 82 (здесь он глава коллегии). Такой последовательности документов противоречит, однако, карьера Омпсалака Гевресибиева: он занимает второе место среди стратегов (IOSPE, I^2: 106), потом возглавляет их (IOSPE, I^2: 175) и выступает, наконец, в качестве архонта-эпонима в декрете в честь Карзоаза Атталова (IOSPE, I^2: 39). Атадон Метаков, который стоял в первом случае на последнем месте в списке стратегов (IOSPE, I^2: 106), стал впоследствии главой этой коллегии (IOSPE, I^2: 85). Исходя из традиционного представления о последовательном продвижении ольвийских магистратов по служебной лестнице, пришлось бы заключить, что IOSPE, I^2: 106 старше всех перечисленных документов, затем следуют IOSPE, I^2: 100, 175 и 85, а самыми поздними являются HO: 82 и IOSPE, I^2: 39. Палеография надписей не допускает такой последовательности: декрет в честь Карзоаза (IOSPE, I^2: 39) выполнен, как отмечено выше, апицированным декоративным шрифтом, а в посвящении стратегов во главе с Посидеем Сатировым (IOSPE, I^2: 100) мы находим перечеркнутую ипсилон, уменьшенную омикрон и т.п. Не меньшие трудности создает и стратег Дотус: в одном посвящении он назван в конце (IOSPE, I^2: 83), а в другом – в начале списка своих сотоварищей (IOSPE, I^2: 99). Между тем первое выполнено шрифтом, уже лишенным той несколько манерной декоративности, которая присуща второму.

Количество таких примеров можно увеличить, но и сказанное дает основание для некоторых заключений. По-видимому, предположение о том, что члены ольвийских коллегий всегда продвигались, поднимаясь со ступени на ступень, не является верным для всех случаев. Неизвестно, кроме того, определял ли вообще в Ольвии закон или освященный давностью обычай строгую последовательность замещения магистратских должностей, т.е. требовалось ли, например, перед избранием в коллегию архонтов исполнять хотя бы один раз обязанности стратега. Равным образом нет возможности судить, превосходил ли по своему служебному рангу последний по списку архонт главу агораномов или стратегов. Поэтому установление последовательности документов aetatis Romani не может опираться ни на априорные представления об особенностях ольвийской конституции, ни на одни только просопографические или палеографические наблюдения [30]. Для уточнения намеченной здесь в общих чертах хронологии ольвийских лапидарных документов конца I – середины II вв. необходимо комплексное использование всех методов, привлечение нумизматических и археологических данных (Карышковский 1988: 118-125). Выполнение этой задачи выходит, однако, за пределы настоящей публикации новонайденных документов.

[29] См. Приложение.

[30] Представляется, однако, несомненным, что в случаях, когда повторное занятие эпонимной должности отмечено в документе, оно дает возможность определить последовательность надписей. В пределах рассмотренного комплекса памятников строительная надпись Зорсана Никератова (IOSPE, I^2: 169+177) старше надписи из Рыбаковки, а посвящение жреца Скартана (IOSPE, I^2: 142) предшествует строительной надписи архонтов (IOSPE, I^2: 176). В более позднее время в таком взаимоотношении находятся пары IOSPE, I^2, 46 и HO: 52, а также HO: 86 и IOSPE, I^2: 42, 174.

Приложение. Список ольвиополитов, упоминаемых в надписях I-II вв.н.э.

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἀβλῶνακος Ἀρσηουάχου	στρατηγός (4)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I^2: 175
Ἀβνωζος Ἀβνάκου	στρατηγός (3)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I^2: 175
[Ἄ]βνωζ?]ος Ἀβνάκου	πρωτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Ἄβνωζος Φαθαγῶσου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
[Ἄ]βραγος Σα(μβο)ῦτος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
Ἄβραγος Χουαρσάζος	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 686
Ἄβραγος Χουαρσάζος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
Ἄβρόαγος Σουσούλωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	НО: 79
Ἄβρόαγος Σουσούλωνος	στρατηγός (4)	Посв.	IOSPE, I^2: 116
[Ἀγα]θοκλῆς Στράτωνο(ς)	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
[Ἀδόη?]ς Μαθά[νου?]	ἀγορανόμος? (2)	Посв. ?	IOSPE, I^2: 152
Α[δ]όης Μαθάνου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
Αζίαγος Οὐαχωζά(κ)ου Πόπλιος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
Αἴλιος Ἀργαμηνός Πόπλιος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
Αἴλιος Ἀχιλλεύς	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Αλέξαν[δρος] Ποσιδήου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
Ἄλκιμος Παλίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ἄμναγος Ῥα[θαγώσου]	ἱερεύς?	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE, I^2: 162
Ἄμνωζος Ῥαθαγώσου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 88
Αμω[ρό]μα(ρ)ος Ἀμω[ρ]θάστου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
Α[μωρ]όμαρος Εὐρησ[ιβί]ου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 130
[Ἀμωρ]όμαρος [Εὐρησιβί]ου	ἄρχων (?) (в конце списка)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 155
Ἀμώσπαδος Ἀχιλλέος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
Ἀμώσσπαδος Ἀχιλλέος	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Ἀναξιμένης Ἀναξιμένους	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 132
Ἀναξιμένης Ἀναξιμένους	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	НО: 79
Ἀναξιμένης Εὐρεσιβίου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 131
Αναξι[μέ]νης Σοκράτ[ους]	πρῶτος ἄρχων τὸ δ′	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 130
Ἀνθέστιος Σαμβίωνος	ἀγορανόμος (4)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129

[1] Число в скобке означает место дедиканта в списке коллег

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
”Ανθέστιος Σαμβίωνος	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
Αργουάναγος [Κ]αράστου	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 686
Αργουάναγος Καράξτου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
Αργουάναγος Καράξτου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 132
[’Α]ρείβαλις Ῥαπακέους	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
’Αρθάμ(μα)νος Πινμάζου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
’Αριαράθης Διονυσίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 95
[’Αρισ]τ′ο[ν]εικος ’Αρτε[μώνοσ?]	–	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE, I^2: 162
Αρίστων Οὐαργαδάκου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Αρσηούαχος Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος) τὸ β′	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83
Αρσηούαχος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
Ατάδων Μητάκου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106
Ατάδω[ν Μητ]άκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85
['At]õtaV (['Agr]õtaV;) Stejánou	ἱερεὺς τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	JHS. 1939. LIX (IOSPE, I^2: 139)
Αχιλ[λεὺς] Δημητρίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
Αχιλλεὺς [Δη]μητρίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
Αχιλλεὺς Δημητ[ρίου]	ἄρχων (3)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 176
’Αχιλλεὺς Ζήθου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
’Αχιλλεὺς Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Βάταγος ’Αδωλου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Ахиллу Герою	НО: 90
Βαδάκης Ῥαδανψοντος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Βώρνων Ῥαδαμψῶ[ν]τος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
[Γ]άϊος Κασάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85
Γερμανὸς Δάδου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
Δάδος Δάδου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
Δάδος Δάδου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 88
Δάδος Πεισιστράτου	πρῶτος ἄρχων τὸ γ′	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Δημήτρ[ιος] ’Αχιλλέος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 130
Δημήτριος Μενεστράτου	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I2: 686

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Δημήτριος Ξησσαγάρου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Δη[μήτριος? τοῦ δεῖνος]	ἄρχων (3)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 169+177
Διογένης Μακεδόνος	ἀγορανόμος (πρῶτος)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I2: 128
Διονυσιόδωρος Ἔρ[ωτος]	ἄρχων (4)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 176
Διονυσιόδωρος Ἔρωτος	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 132
Διονυσιόδωρος Ἔρωτος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Διονύσιος Ἀλεξάνδρου	ἀγορανόμος (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	HO: 90
Διονυσόδωρος Βουδει	ἀγορανόμος (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	HO: 90
Δυρπάναις Ὠφελίωνος	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106
Δωτοῦς Γόλα	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83
Δωτοῦς Γόλα	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
[Δωτο?]ῦς Γολαίου	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Ἐπικράτης Κοξούρου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Ἐπικράτης Μαιάκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ερμό[δορος? τοῦ δεῖνος]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Ἔρως Εὐρησιβίου	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Εὔπλους Κ[α]λανδίωνος	στρατηγός (5)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I2: 175
Εὔπλους Καλανδίωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100
Εὔπλους Καλανδίωνος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	HO: 82
Εὐρ[ησίβ]ιος Ἀδόου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 130
Εὐρησίβιος Ἀμωρομάρου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I2: 101
Εὐρησίβιος Ἀναξιμένους	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	HO: 90
Εὐρησίβιος Στράτωνος	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Εὐρησίβιος Στράτωνος	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 131
Ζώβεις Ζώβει	ἄρχων (5)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 176
Ζώβεις Ζώβειτος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
Ζώϊλος Ἀρσάκου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Ζώρσανος Νεικηράτου	ἄρχων (?)	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE, I^2: 39
Ζώρσανος Νεικηράτου	πρῶτος ἄρχων	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 169+177
Ζώρσανος Νεικηράτου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Ἡλίτας Ἡλίου	ἀγορανόμος (5)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 128

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Ἡρα[κλ]είδης Κρατείνου	ἱερεὺς τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 155
[Ἡ]ρακλείδης Του[μβάγου]	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85
Θεόφιλος Θεόφιλου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
Ἱεροσῶν Ἐπικράτους	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Ἱκέσιος Μαιάκου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I2: 132
Ἰναρμαζος Κουκοδωνος	ἀγορανόμος (2)	Посв. Ахиллу Герою	HO: 90
Καζίνας Φαρνάγου	ἱερεὺς τὸ δ′	Посв. Ахиллу Понтарху	Не опубликована (Березань, 1989)
Καζίνας Φαρνάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
Κάθαις Παρνούγου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 686
Καινάξαρθος Ἀργουανάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
Καλλίστρατος Ἡρακλέους (Ἡρακλείδου?)	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Καλλίστρατος Ἡρακλείδου	ἱερεὺς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 140
Κάραξτος Ἀργουανάγου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Κάραστος Σαράτου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Κάρζεις Βωροψάζου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 101
Καρζόαζος Ἀττάλου	ἄρχων (2)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 169+177
Καρζόαζος Ἀττάλου	–	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE, I^2: 39
Κάσαις Παρνού[γου]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Κάσακος Κάρζει	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
Κάσκηνος Κασάγου	ἱερεὺς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 141
Κάσκηνος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв.	IOSPE, I2: 116
Κάσκηνος Κασάγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	HO: 79
Κιλίκας Μυρότου	ἀγορανόμος (2)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 128
Κούκαις Ἀρσαλίωνος	στρατηγός (2)	Посв. ?	IOSPE, I^2: 148
Κουκούναγος Ῥηχουνάγου	ἀγορανόμος (5)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129
Κουνοῦς Ἀθηναίου	ἀγορανόμος (2)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129
Κουνοῦς Στεφάνου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I2: 95
Λάβαζος Ταορδουνου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Λεονίδης Ἀχιλλέος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Μάθανος Ἀβράγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Μαίφαρνος Θεοτείμου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. ?	IOSPE, I^2: 148
Μανίαγος Ποσειδήου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
Μάρκος Ἀχιλλέος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
Μενέστηατος Δημητρίου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100
Μήταγος Πουρθάκητος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 101
Μουκούναγος Ἀλεξάνδρου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129
Μουκουνάκυρος (?)	ἱερεὺς τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Μούρδαγος Καφανάγου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Νάβαζος Δωτοῦ	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 138
Νάμγηνος Νεικοδρόμου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Νεικηράτος Νεικηράτου νεώτερος	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Νεικίας Ποντικοῦ	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
Νεικίας Ποντικοῦ	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (6)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I^2: 175
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 80
Νουμήνιος Ῥαδαμψῶντος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Ξάρταμος Καρζουάζου ὁ καὶ Ἴλβιος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I^2: 175
Ὀμψάλακος Εὐρησιβίου	πρῶτος ἄρχων	Декрет в честь Карзоаза Атталова	IOSPE, I^2: 39
Ὀρόντης Ὀρόντου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Οὐάρξβαλος Ἀβράγου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηουάχου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 93
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηουάχου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129
Οὐμβηούαρος Οὐργβάζου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 101
Οὔργβάζος Οὐμβηουόρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 95
Οὐσίγασος Σιράχου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Οὔσιγος Σιράχου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 686
[Π]άνερως Ἔρωτο[ς]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Παπάδων Ἀλκίμου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 131
Παπίας Ἀχιλλέος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
Παπί[ας Οὔμβη]ουάρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
Παπίας Παπάδονος	στρατηγός (2)	Строительная надпись (с посв. Аполлону Простату)	IOSPE, I^2: 175
Παπίας [Παπάδονος?]	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Πεισίστρατος Δαδάγου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху	JHS. 1939. LIX (IOSPE, I^2: 139)
Πέλδιος Ὑπάνεος	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Πήγασος Πουρθαίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
Πήρακος Ἔρωτος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
Πίστους Ἀντω[ν]ίο[υ]	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 131
[Π?]ίτσαζος Ἰαζαδ[άγου]	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85
[Πίτσαζ?]ος Ἰεζδάγ[ου]	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
Πολύδωρος Γαδει	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 88
Ποντικός Νεικίου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 82
Ποντικός Νεικίου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 128
Ποντικός Νεικίου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Посв. Ахиллу Понтарху	Не опубликована (Березань, 1989)
Ποντικός Νεικίου	–	Надгробие Сатира из Том	ВДИ. 1939. № 3 (АЕМ. 1884. VIII)
Ποσεί[δηος?] Ὀρό[ντου?]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	НО: 82
Π[οσεί]δη[ος τοῦ δεῖ̣ρ̣ος]	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 95
Ποσειδῆς Ζήθου	ἀγορανόμος (πρῶτος) τὸ β′	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 129
Ποσειδῆς Σατύρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100
Ποσειδῆς Σατύ[ρου]	στρατηγήσας τε καὶ ἄρξας τὰς λαμπροτάτας ἀρχὰς καὶ τὰς ἄλλας λει–τουργίας	Декрет в честь Посидея Сатирова	IOSPE, I^2: 51
Ποσειδώνιος Νείλωνος	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106
Πουρθαῖος [Πουρ]θαίου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 130
Πουρθαῖ[ος β′?]	ἄρχων (2)	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 176
Πούρθαις Ἀβνάκου	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Πούρθαις Νινικέους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Πουρθάκης Ζουροζίου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Πουρθάκης Μανιάγου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 86
[Π]ουρφ[άκης Σωμ]άχ[ου]	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	НО: 79
Πρα[ξ]ι[άναξ ....]βος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
Ῥαθάγωσος Ἀβνάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 101
Ῥαμάναγος Μηνοδώρου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 88
Ῥαόδμηος Κόλχου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 132
[Ῥαόδμηος? Κ]όλχου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Ῥευρόμαρος Σειπελάγου	ἀγορανόμος (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 90
Σαβεῖνο[ς] Ἀπολλοῦτος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	НО: 79
Σαβεῖνο[ς] Ἀπολλοῦτος	στρατηγός (3)	Посв.	IOSPE, I^2: 116
Σάλλιος Ἀντιφῶντος	?	Посв. Ахиллу Понтарху?	IOSPE, I^2: 155
Σαμβίον Γαγγαίου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 99
Σαράξαζος Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Σαράξαζος Ποσειδήου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Σάτυρος Ἀρτ[ε]μιδώρου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Ахиллу Понтарху и Фетиде	IOSPE, I^2: 142
Σ[άτυρος Ἀρτεμιδώ?]ρου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Строительная надпись	IOSPE, I^2: 176
Σάτυρος Κο[υνχάκου?]	στρατηγός (3)	Посв.?	IOSPE, I^2: 148
Σάτυρος Κουνχάκου	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Σάτυρος (Ποντικοῦ)	–	Надгробие Сатира из Том	ВДИ. 1939. № 3 (АЕМ. 1884. VIII)
Σθάζεις Ἰνσαζάγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 102
Σκάρτανος Ἀζιαίου	ἱερεὺς	Посв. Ахиллу Понтарху и Фетиде	IOSPE, I^2: 142
Σκάρτανος Ἀζιαίου	ἄρχων (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	ВДИ. 1953. № 4
Σόσσιος Κάρπου	ἀγορανόμος (3)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 128
Στέφανος Καλανδίωνος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83
Σωκράτης Ἀντιφῶντος	ἄρχων (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 134
Σωκράτης Εὐρησιβίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 105
[Σωκρ]άτης Εὐρησιβί[ου]	ἄρχων (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 3
Σωκράτης Σωκράτους	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 88
Σώμαχος Σανάγου	ἀγορανόμος (4)	Посв. Гермесу Агорею	IOSPE, I^2: 128
Σώρωζος Ποσειδήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 95
Σωχούβαζος Ἀντωνίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106

Имя	Должность	Тип документа	Публикация
Σ[….]ος Βάτου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 85
Τανάσισος Χουαρσάζου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 92
Τειμοκλῆς Φλιάνου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 101
Τούμβαγος Ἡρακλείδου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100
Υτυναοβων (Τυναοβων, Γυναοβων?) Αρπηος	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	№ 1
Φάρναγος Ζήθου	στρατηγός (5)	Посв.	IOSPE, I^2: 116
Φάρναγος Ζήθου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	HO: 79
Φάρνακος Ζήθου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	№ 2
Φάρνηγος Ἀχιλλέος	ἱερεὺς	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 144
[Φιλό]στρα[τος τοῦ δείνος]	ἄρχων (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 131
[Φλεί]μναγος ([Ἄ]μναγος?) Θρασιβούλου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 96
Φλιμάνακος Θεαγένους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 106
Χάλαις Καρζουάζου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 83
Χάνωσος Βραιάδου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 100
Χαράξηνος Ἀβράγου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
Χούναγος Ἡρακλείδου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 91
[ὁ δεῖνα] Διονυσίου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
[ὁ δεῖνα] Ἐβένου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
[ὁ δεῖνα Πί]δεϊ	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 111
[––]ζος Σωκράτου	πρῶτος ἄρχων	Посв. Зевсу Спасителю	IOSPE, I^2: 162
.....ης Σω[μάχο]υ	στρατηγός (2)	Посв.	IOSPE, I^2: 116

Дополнение к списку ольвиополитов, упоминаемых в надписях I-II вв. н.э.[2]

имя	должность	тип документа	публикация
[Ἀχιλλεύς?] Καδδίνου	πρῶτος ἄρχων ?	Декрет	IOSPE, I^2: 46a
Δάδος Τουμβάγου	–	Декрет в честь Дада Тумбагова	IOSPE, I^2: 52
Ἀρχίδημος Δαδάκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84
Ἀσποῦργος Παρσπανάκου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84
Ἀχίλλητος Νεικηράτου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84
Βάξαγος Ἀμωρομάρου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84
Διονύσιος Ἑρμογένους	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84

[2] Эти надписи не упоминаются в публикуемой статье П.О. Карышковского.

имя	должность	тип документа	публикация
Ζουρόζις Γετομούσου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 84
Αἴλιος Ναυτεί[μ]ου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 89
Αλούθα[γ]ος Ἀντέρωτος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 89
Ἀριστόνικος Διονυσίου ὁ καὶ Βασιλεύς	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 89
Δημήτριος Πραξιάνακτος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 89
Λούκιος Λουκίου	στρατηγός?	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 89
Θεόδουλος Μακάγου	στρατηγός	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Θεόδωρος Τουμβάγου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Ἰσταῖος Σαδαίου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Ναύτιμος Ἀργουανάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Τρύφων Τρύφωνος	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Χώδαρζος Φαρζήου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 94
Ἄβραγος Δημητρίου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Ἄνθος Καλλισθένους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Εὔπλους Σωμάχου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Ιάφαγος Πίδει	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Παπίας Πραξιάνακτος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Ἡρόξενος Σωμάχου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 98
Αγίλλας Φαδαμφῶντος	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Ἰωδέσμαγος Νείλου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Οὔαμψ[ά]λαγος Σωκράτους	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Πίδα[ν]ος Κουλίου	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Ῥευρόμαρος Ἠλμάνου	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Σίαους Ἀργουανάγου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 103
Ασκληπιάδης Ποσιδήου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 113
Θρασ[ύ]λλης Θρασ[υ]βούλου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 113
Μουλίουργος Ποσιδήου	στρατηγός (6?)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 113
[ὁ δεῖνα] Πραξίανακτος	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	IOSPE, I^2: 113
Δανδάξαρθος Δάδου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 135
Διονύσι[ο]ς Ἀρθιεμμάνου	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 135

имя	должность	тип документа	публикация
Δουάραγος Πίδου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 135
Ζήνων Ζωτικοῦ	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 135
Ἡρακλείδης Ἀρτεμιδώρου	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 135
Σήνηκας Οὔζιά|γ|ου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Ἀγαθοκλῆς Ἀγαθοκλέους	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Ζήνων Στρατονείκου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Θεόδο|ρ|ος Τουμβά|γ|ου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Σαδίμανος Σανβατίωνος	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Σιρδούχανχος Βουτούνατος	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 136
Τ|ίτος| Φ|λάουιος| Φιλουμενός	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Ἀχιλλεὺς Συν|τ|ρόφου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Βάδαγος Ἰεζδράδου	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Δάδαγος Κουζαίου	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Καλλισθένης Σατύρου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Μηνόδωρος Ποντικοῦ	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	IOSPE, I^2: 137
Νάβαζος Νουμηνίου	στρατηγός (3)	Строительная надпись	HO: 52
Αὔρ|ήλιος| Ἰουλιανὸς Ἰουλιανοῦ	ἄρχων (4)	Строительная надпись	HO: 52
Ἀχιλλεύς Κασσίνου	πρῶτος ἄρχων τὸ β′	Строительная надпись	HO: 52
Εὔπλους Εὔπλοος	ἄρχων (5)	Строительная надпись	HO: 52
Οὐαμφάλαγος Σωκράτους	ἄρχων (3)	Строительная надпись	HO: 52
Σίαους Ἀργουανάγου	ἄρχων (2)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
Μ|άρκος| Αὔρ|ήλιος| Μικίων ὁ καὶ Μουροψαζος	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
Αγαθοκλῆς Δαδά|κου| (Δαδα|γου|?)	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
|Ἀ|λέξανδρος Ἀρσηάχου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
Διονύσιος Δε|λ|φοῦ	στρατηγός (4)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
Ζήνων Εὐρ|η|σιβίου	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	HO: 80
Ζώιλος Ἀχιλλέος	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	HO: 83
Αρτεμίδωρος Ποσ|ιδέου|	στρατηγός (5)	Посв. Аполлону Простату	HO: 83
Βαιόρμαιος Π|α|πίου	στρατηγός (3)	Посв. Аполлону Простату	HO: 83
Μουγίσαγος Ἀσάνο|υ|	στρατηγός (6)	Посв. Аполлону Простату	HO: 83
Ναύτιμος Καλλιστράτου	στρατηγός (2)	Посв. Аполлону Простату	HO: 83

имя	должность	тип документа	публикация
Παπίας Παπίου	στρατηγός (πρῶτος)	Посв. Аполлону Простату	НО: 83
Χαράξηνος Σωμάχου	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
[Ἀ]μώ[σπαδος? Ἀχιλλέος?]	στρατηγός (3)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
[Ἄττας? Σωμά?]χου	στρατηγός (5)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
Δάδακος Ἱ[ε]ροσῶντος	στρατηγός (πρῶτος) τὸ β′ (?)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
[Θυσ?]κῆς Δ[άδου]	στρατηγός (4)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
Μ[ητ̣ὸδωρος? Πράξι?]ανακ[τος?]	στρατηγός (6)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87
Μο[υγίσαγος? Ἀσάνου?]	στρατηγός (2)	Посв. Ахиллу Понтарху	НО: 87

Березань-1989 (10 августа)

[1].

ΑΓΑΘΗΤΥΧΗ		Ἀγαθῆ τύχη.
ΑΧΙΛΛΕΙΠΟΝ		Ἀχιλλεῖ Πον–
ΤΑΡΧΗΕΠΙΑΡ		τάρχη ἐπὶ Ἄρ–
ΧΟΝΤΟΣΠΟΝ		χοντος Πόν–
ΤΙΚΟΥΝΕΙΚΙΟΥ	5.	τικου Νεικίου
ΤΟΒΚΑΖΙΝΑΣ		τὸ β′. Καζίνας
ΦΑΡΝΑΓΟΥΙΕΡΑ		Φαρνάγου ἱερα–
ΤΕΥΩΝΤΟΔ		τεύων τὸ δ′
ΥΠΕΡΤΗΣΠΟ		ὑπὲρ τῆς πό–
ΛΕΩΣΕΥΣΤΑΘΙ	10.	λεως εὐσταθί–
ΑΣΚΑΙΤΗΣΕΑΥΤΟΥ		ας καὶ τῆς ἑαυτοῦ
ΥΓΕΙΑΣΧΑΡΙΣΤΗ		ὑγείας χαριστή–
ΡΙΟΝΑΝΕΣΤΗΣΕΝ		ριον ἀνέστησεν.

[2].

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧ		Ἀγαθῆ τύχ(η).
ΑΧΙΛΛΕΙΠΟΝΤΑΡ		Ἀχιλλεῖ Ποντάρ–
ΧΗΙΟΙΠΕΡΙΚΑΡΠΟΝ		χηι οἱ περὶ Κάρπον
ΑΙΛΙΟΥΕΠΙΚΡΑΤΟΥΣ		Αἴλιου Ἐπικράτους
ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΙΤΟΒ	5.	ἀγορανόμοι τὸ β′
ΑΒΡΑΓΟΣΑΒΡΥΜΗ		Ἄβραγος Ἀβρυμη–
ΟΥΜΑΡΚΟΣΝΕΟΠΤΟ		ου, Μάρκος Νεοπτο–
ΛΕΜΟΥΜΑΡΙΚΙΩΝΛΥΣΙΜΑ		λέμου, Μαρικίων Λυσιμά–
ΧΟΥΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ		χου εὐχαριστήριον
ΑΚΕΙΣ	10.	ἄκεις.

ЛИТЕРАТУРА

Болтенко М.Ф. 1953. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха // ВДИ. №4. С.130.

Виноградов Ю.Г. 1978. О методике обработки греческих античных памятников // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М. С.52-53.

Граков Б.Н. 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. №3. С.312. № 4 (доп.).

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА, №16. С.138, табл. XXXIII, 24-26. М.

Карышковский П.О. 1988. Два ольвийских посвящения из собрания Одесского археологического музея // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев. С.118-125.

Книпович Т.Н. 1966. Лапидарное письмо в надписях Ольвии // НЭ. М. Т.6. С.8, 11, 26, табл. X, 2-3.

Снытко И.А., Никитин В.И. 1983. Исследования и раскопки в Николаевской области // АО. С. 356-357. М.

Dzikovski N. 1939. The olbian inscription CIG 2080 rediscovered // JHS. Vol. 59. P. 85-86. Fig. 1-2.

Pape W. 1881. Wörterbuch der griechischen Eigenamen. 3. Aufl. // Bearb. von. G.E. Benseler. Braunschweig, 1. Bd. S.467-470.

Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Prag. §639 – 640.

Zgusta L. 1964. Kleiasiatischen Personennamen. Prag. §731 – 733.

П.В. Советов

ЦЕНА ИНОЗЕМНОГО ГОСПОДСТВА: ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ МОЛДАВИИ ОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

P.V. Sovetov. The Cost of Foreign Control: Forms of Moldavia's Economic Dependence on the Ottoman Empire.

The control of the Ottoman Empire over Moldavia in XVI-XVII centuries was especially marked in limited political independence and growing economic dependence of the country. However, the opinion that the tribute («kharaj») was constantly increasing is wrong. Converting the payments into the market cost of cattle showed that kharaj reached its peak in the 80s of XVI c., while in XVII-mid. XVIII c. the size of the tribute stabilized at a rather low level.

In legal terms, a tendency to enhance foreign control was marked in sultan's administration aiming to interpret kharaj as «jizia» – a tax collected from non-Muslim countries deprived of their state sovereignty by the Ottomans. In economic terms, it was peshkesh and rushwet which received the largest spread as official and nonofficial donations mainly to enrich direct incomes of the Empire's top rulers. By the end of XVI c. they had amounted the size of several tributes and had become one of the heaviest forms of dependence along with the forced supplies of agricultural products, construction materials, free labour force, etc.

In the late XVII-XVIII cc. Moldavia, as well as Wallachia, used to give over a half of their GDP in favor of the Ottoman Empire, a fact which has no precedents in the European history. Catastrophic taxation caused bad economic crisis and conservation of feudal relations. It all led to the country's lagging far behind many other European nations. This was the price paid for Ottoman control during many centuries.

Дань и ее место в системе экономической зависимости

Наиболее существенным проявлением экономических обязанностей Молдавии перед Османской империей на первых порах была дань. В турецких источниках она именовалась «харадж» и рассматривалась османскими завоевателями как «выкуп мира» немусульманским населением. Дань имела ежегодно фиксированный размер и чаще всего платилась в несколько приемов, обычно весной и осенью. После установления османского владычества в 1538 г. дань, которая взыскивалась до этого в размере 10 тыс. золотых, стала стремительно расти (табл. 1). Буквально за два-три года она превысила в полтора раза размер, достигнутый накануне 1538 г., а еще через 10-12 лет была удвоена, а затем утроена, достигнув в середине XVI в. размера в 30 тыс. золотых.

Увеличение дани Порта связывала чаще всего с получением престола новым господарем или выставляла как условие для его сохранения. Из семи основных скачков в росте дани за XVI в. три произошло по инициативе господарей и четыре по предложению Порты. Не случайно уже в 1567 г. турецкий великий визирь констатировал «обычай, согласно которому каждый новый господарь увеличивал размер дани». Новый господарь должен был вносить не только свою дань, но и долги предшественников. Например, господарь Петр Хромой уплатил таковой за Янку Сасула в 80-е гг. XVI в. в размере 5 тыс. талеров и 100 коней (DMA 1959: v. XVI, vol. III, p. 430)

Систематический рост размера дани продолжался вплоть до начала 80-х годов XVI в., когда в 1582-1583 гг. был достигнут апогей – свыше 66 тыс. золотых, что соответствовало рыночной стоимости более 22 тыс. быков. Для небольшой страны, насчитывающей в то время около 40 тыс. крестьянских дворов, это было слишком тяжелое бремя. Поэтому Порта стала все реже прибегать к прямому увеличению размеров дани. Более того, Порта не всегда восстанавливала даже начавший падать с середины 80-х гг. XVI в. размер платежей. Реальный уровень дани стал резко сокращаться уже в конце XVI в. в результате стремительного обесценивания денег в ходе имевшей место революции цен. Османское казначейство фиксировало размер дани в XVI в. в аспрах – мелкой серебряной турецкой монете. Как видно из табл. 1, апогей роста был достигнут фиксацией дани в начале 80-х годов XVI в. в размере 3 940 000 аспров, что соответствовало рыночной стоимости 22 200 быков или 66 800 золотых. Последовавшее после 1584 г. катастрофическое обесценивание аспра и рост цен

© П.В. Советов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Табл. 1. Эволюция размера дани в XVI – XVIII вв.

№	годы	Размер дани в золотых по курсу османской казны в XVI в. и по рыночному курсу в XVII в.	Размер дани, исчисленный в аспрах (а.) или талерах (т.)	Реальное рыночное выражение дани с учетом флуктуации монеты, динамики и революции цен. (в перерасчете на рыночную стоимость быков)
1	**2**	**3**	**4**	**5**
1	1503-1504	4000	–	2 600
2	1514-1515	8000	–	5 000
3	1528-1538	10 000	–	5 000
4	1541-1542	15 000	825 000 а.	7 500
5	1551-1552	20 000	1 140 000 а.	8 000
6	1552-1553	30 000	1 710 000 а.	12 000
7	1567-1568	35 000	2 065 000 а.	14 000
8	1568-1569	40 000	2 360 000 а.	16 000
9	1574-1575	53 000	3 150 000 а.	17 800
10	1582-1583	66 000	3 940 000 а.	22 200
11	1583-1584	53 400	3 940 000 а.	17 800
12	1584-1585	35 500	3 940 000 а.	12 200
13	1585-1586	33 400	3 940 000 а.	8 300
14	1591-1592	60 000	7 000 000 а.	12 000
15	1596-1597	26 000	3 150 000 а.	52 000
16	1599-1600	26 000	3 150 000 а.	4 500
17	1606-1619	35 000	–	5 000
18	1620-1621	46 000	5 600 000 а.	5 000
19	1636-1637	40 000	76 000 т.	5 400
20	1654-1655	55 000	–	6 500
21	1681-1682	37 000	75 000 т.	5 500
22	1689-1693	34 000	75 000 т.	5 600
23	1694-1698	20 000	40 000 т.	3 300
24	1701-1702	34 000	75 000 т.	5 300
25	1710-1711	30 000	75 000 т.	5 100

привели к тому, что уже в 1586 г., фиксированная на том же уровне (3 940 000 аспров) дань по золотому курсу соответствовала лишь 33 400 золотых, а это равнялось рыночной стоимости только 8300 быков. Попытка Порты наложить в 1588-1589 гг. на Молдавию дополнительный «налог для восстановления (курса) султанской монеты» в размере 900 тыс. аспров не могла возобновить прежний размер дани в ее рыночной стоимости. Лишь в 1591 г., после сокращения размеров дани по золотому курсу в 2 раза и падения рыночного выражения более чем в 2,5 раза, Османская Порта официально вновь подняла размер дани в монетной фиксации до 7 млн. аспров, что соответствовало по курсу того времени 60 тыс. золотых или рыночной стоимости 12 200 быков.

Антиосманское сопротивление в составе Священной Лиги, в которую, наряду с другими европейскими государствами, включилось и Молдавское государство, привело во второй половине 90-х гг. XVI в. к падению даже фиксированных в аспрах размеров дани. Она упала до 3 150 000 аспров или 26 тыс. золотых, что соответствовало рыночной стоимости примерно 5 тыс. быков. По реальной рыночной стоимости дань упала в конце XVI в. до уровня 1537-1538 гг., т. е. кануна установления османского владычества в Молдавии.

В дальнейшем, в течение XVII – нач. XVIII вв., размер дани в золотом курсе вновь стал возрастать (табл. 1). Но последствия революции цен, а затем обесценивания серебряной монеты – талера, в которой османское казначейство стало в XVII в. исчислять фиксированный размер дани, привело к тому, что реальная рыночная стоимость дани оставалась в пределах примерно 5-6 тыс. быков. Этому содействовало также то, что, начиная с 1637 г., Порта стала принимать дань, исчисленную в талерах, не по официальному принудительному курсу монет, установленному османским казначейством, как

раньше, а по рыночной флуктуации талера. Это приводило к некоторому дополнительному понижению рыночной стоимости дани, исчисленной в талерах. В то же время обесценивание рыночного курса денег накладывало на Молдавию дополнительное бремя новых налогов по «недостаче денег» для уплаты дани, ибо, как гласят документы XVII в., «они (монеты) принимаются там в казне султанской с пониженной стоимостью» (ИНХ 1976: 264).

В отдельные годы экономического упадка, наступившего в конце XVII в., разоренная Молдавия вообще оказывалась не в состоянии платить даже этот пониженный уровень дани, равный рыночной стоимости 5-6 тыс. быков и фиксированный в размере 75 тыс. талеров. Порта вынуждена была в этих условиях официально признать необходимость временного снижения фиксированных размеров дани. Так, например, 23 мая 1694 г., в разгар экономического упадка и тяжелых последствий разорительной для Молдавии турецко-польской войны, о чем говорит указ султана, дань была снижена на 35 тыс. талеров и доведена до рыночной стоимости 3300 быков. Лишь в 1699 г. было вновь добавлено 5 тыс. талеров, а в последующие 2 года по 15 тыс. талеров. Только к 1702 г. был восстановлен прежний фиксированный уровень дани в 75 тыс. талеров, а ее рыночное выражение вновь превысило стоимость 5000 быков.

Таким образом, динамика дани далеко не всегда выражала реальную картину нарастания османского владычества в Молдавии. За исключением отдельных периодов внутреннего сопротивления и внешних антиосманских войн, эта зависимость в целом продолжала расти на всем протяжении с XVI по начало XVIII вв. Рост иноземного господства отразился более заметно в стремлении османских властей отказаться от интерпретации молдавской дани как категории «выкупа мира» немусульманским населением, сохранившим свою государственную автономию. Возникла тенденция переключения платежей дани в разряд «ахл-и-зимма», т.е. экономических обязанностей немусульманского населения, проживавшего на государственных землях, непосредственно инкорпорированных в состав империи. Немусульманское население таких территорий платило не харадж, а в первую очередь «джизье» – личный поголовный налог, кроме различных других повинностей (Грозданова 1974: 161, 165, 182-183, 195).

После установления османского владычества стремление к переключению экономических обязанностей Молдавии в разряд ахл-и-зимма в одних случаях проявился более явно (попытка рассматривать дань как «джизье»), в других – более завуалированно. Хотя эта тенденция так и не была завершена, она нашла свое отражение в османском правоведении и в работах турецких хронистов, которые стали, наряду с термином «харадж», использовать для молдавской дани термин «джизье» или близкое к нему понятие «макту» (СТ 1966: 216, 221, 364, 375).

Попытка османской интерпретации дани как разновидности «джизье», отражавшая тенденцию к усилению османского владычества в Молдавии, проявилась также в стремлении рассматривать турецкого султана как верховного феодального собственника земель страны. Такое понимание проникало даже в отдельные молдавские акты конца XVI – середины XVII вв. Авторы этих документов исходили из того, что государственная измена в Молдавии – это преступление не только против господаря, но и против султана. Злодеяние наказывалось конфискацией земельных владений молдавских феодалов. Тем самым, и в документах господарской канцелярии султан представал как верховный собственник всех земель Молдавии. (ИНХ 1976: 135). Характерно и то, что документы XVII в. стали именовать в ряде случаев сбор налогов в пользу Стамбула «дань царская», «харадж императорский», т.е. султанский (Советов 1980: 197, 207).

Стремление приблизить молдавскую дань (как, впрочем, и дань из соседней Валахии) к понятию «джизье» – налога с инкорпорированных государственных земель империи – отразилось и в организации османского казначейства. Вначале дань из Молдавии шла во внутреннюю казну султанского двора, куда шли и платежи из Валахии и Египта. Но в течение XVII в. молдавская дань перешла в государственную казну Османской империи, куда поступала и «джизье». Например, в записях османского казначейства за 1630-1631 гг. числятся поступления по статье «джизья» в размере 15 млн. аспров с инкорпорированных земель Румелии, Анатолии, Кипра, Валахии и Молдавии (Грозданова 1974: 182-183, 198). Характерно, что дань, поступавшая из Трансильвании, Рагузы (Дубровника) и некоторых других земель, сохранявших, как и Молдавия, свою государственную автономию, продолжала чаще всего рассматриваться в разряде «выкупа мира». Это еще раз свидетельствует о стремлении Порты приблизить статус своего господства и экономические обязанности Молдавии и Валахии к положению, сходному с инкорпорированными государственными землями империи.

После финансовых реформ XVII в. молдавская дань принималась одной из канцелярий государственного казначейства: канцелярией откупов рудников (мукатаа-и меадин калеми), ведавшей, наряду с откупами, доходами от «джизье» Валахии и Молдавии, а также сборами от личного налога цыган Османской империи. За этим финансовым ведомством числится в 1697-1698 гг. дань из Молдавии под названием «джизье» (Грозданова 1974: 182, 184). Молдавский господарь и ученый начала XVIII в. Димитрий

Кантемир отмечал, что расписка в получении дани выдается именно начальником ведомства горных рудников (Cantemir 1973: 136).

Финансовая политика отождествления молдавской дани с поступлениями от инкорпорированных государственных земель империи отражала стремление Порты усилить не столько эту форму экономических обязанностей Молдавии, сколько правовую регламентацию всей системы зависимости. В условиях революции цен и обесценивания денег с конца XVI в. фиксированные размеры дани не могли уже отражать в экономическом плане реальное соотношение господства и подчинения между Османской империей и подвластным ей Молдавским государством. Османская державность все больше подтачивалась коррупцией и взяточничеством. В этих условиях на первый план экономических обязанностей Молдавии выдвигается не дань, а система официальных и не официальных платежей и даров: пешкешей и различных подношений – рушветов, которые пополняли непосредственно доходы феодальной элиты Турции. Правящая верхушка Османской империи становится больше заинтересованной в этих формах экономических доходов, нежели в росте дани, которая шла мимо них в казну.

Рост роли пешкешей и рушветов

Пешкеши как платежи в пользу правящих феодальных кругов Османской империи появились в Молдавии еще до установления турецкого владычества. Они вносились помимо дани султану и сановникам Порты, чтобы снискать их благосклонность. Турецкий хронист Садеддин отмечает, что уже в 1512 г. молдавский господарь отправил такие дары султану (СТ 1966: 332). Вначале эти дары не являлись обязательными платежами, не были столь велики и не вносились так регулярно, как впоследствии. Однако постепенно их число росло, а внесение пешкеша после установления турецкой зависимости превратилось в обычай. Его неуплата могла иметь для молдавских господарей неблагоприятные последствия, доходящие, в конечном итоге, до потери престола. Молдавский летописец XVII в. Григорий Уреке образно сравнивал Османскую империю с «бочкой без дна, сколько бы воды туда ни лить, ее не заполнишь, так и турок, чем больше даешь, тем больше требует, превращает дар в обычай, а потом, если не захочешь его давать, – заставляет» (Уреке 1971: 185). Это означает, что со временем пешкеши стали принудительными платежами, которые представляли собой одну из форм извлечения экономических доходов из Молдавии в пользу феодалов Османской империи.

Первое время пешкеши, наряду с деньгами, часто давались натурой – конями и ястребами для охоты султана. В Стамбул посылались также меха соболей, рыси, белки, дорогие сукна, серебряные и золотые изделия, драгоценности или просто деньги. Вначале дары не имели фиксированного характера. Однако в 1551 г. господарь Молдавии доставил в столицу Османской империи, помимо денег, 100 породистых коней, так как, согласно источникам того периода, он уже был обязан «прибыть раз в три года с подарком» (Hurmuzaki 1891: 263). В 1563 г. только один из пешкешей, отправленных в Стамбул, составлял 36 предметов серебряной посуды весом в 10 кг и большое количество дорогостоящей одежды, прошитой золотыми нитями.

Роль пешкешей быстро возрастала. Они все чаще принимали денежные формы, а по своему объему стали приближаться к хараджу, несмотря на особенно быстрый рост в это время и самой дани. Отправляя дань в сумме 30 тыс. золотых, господарь Александр Лэпушняну преподнес султану пешкеш в 20 тыс. золотых. Такой же по величине пешкеш внес в 60-е гг. XVI в. и господарь Деспот (SMIM, v.II: 11). В середине 80-х гг. XVI в. Петр Хромой привез султану пешкеш в 2 млн. аспров, равный рыночной стоимости 6 тыс. быков (там же: 14).

В дальнейшем размеры пешкешей продолжали стремительно расти, в то время как роль дани в общем объеме платежей падала. В конце XVI в. пешкеши выдвинулись на первый план, достигли размера хараджа, а затем и несколько его превысили. Турецкий хронист Мустафа Али писал тогда, что при каждом возведении на престол нового господаря великий визирь империи получал пешкеш, доходящий до 100 тыс. золотых (Cronici turceşti 1966: 337). Это почти в два раза превышало самый высокий размер дани, которую когда-либо платила Молдавия. Для получения господарского престола или утверждения на новый срок С. Лупу в конце 50-х гг. XVII в. и А. Кантемир в начале XVIII в. давали в качестве пешкеша по 150 тыс. талеров (SMIM, v.2: 23-24). Данная сумма в два раза превышала размер дани того периода. Пешкеши вдвое превышали размеры дани и в 40-х гг. XVII в., в период правления Василе Лупу (Codex Bandinus, 138).

В течение XVI – начале XVIII вв. возрастали не только размеры пешкешей. Одновременно увеличивалось и число их разновидностей. Пешкеши приобретали характер как официальных, так и неофициальных платежей, хотя чёткую грань между ними не всегда удается провести. Официальные пешкеши могли иметь фиксированный характер. Нередко их величина уточнялась в документах Порты, чтобы вноситься к

определенным случаям, согласно протоколу султанского двора. При этом полученные деньги зачислялись как законные платежи. Турецкий хронист Селаники выделяет такие официальные пешкеши в 1588-1583 гг., отмечая, что из Молдавии они были «получены по закону» (СТ 1966: 361). В берате 1620 г., пожалованном господарю А. Илиашу, пешкеши, посылаемые сановникам Порты, также рассматривались как официальные платежи.

Среди официальных подношений этого рода на важнейшее место выдвинулся пешкеш, который выплачивался по случаю назначения на престол нового господаря, затем, каждые три года, при подтверждении его легитимности (Грозданова 1974: 243). С XVII в. данный пешкеш стал называться «великий мукарер» – подтверждение, утверждение. Кроме того, для обеспечения сохранения трона вносился и ежегодный «малый мукарер» (Cantemir 1973: 81-85). Размеры этих пешкешей фиксировались путем длительных торгов между господарем и Портой. Свидетель этих событий Димитрий Кантемир отмечал, что обычно «визирь, хотя и добился у султана возможности утвердить господаря, но дабы выманить побольше денег, скрывает это от господаря» и тем временем добивается повышения размеров пешкеша на подарки султану, визирю и их приближенным. «Торгуются до тех пор, – отмечает очевидец, – пока не будет удовлетворено безудержное корыстолюбие и чванство, царящее при дворе султана». (Кантемир 1975: 82-83). При жизни самого Димитрия Кантемира, в конце XVII – начале XVIII вв., вошло в обычай давать султану, его матери и четырем высшим сановникам Порты пешкеш в размере 54 тыс. талеров. «Подарки остальным придворным султана доходят до 40 тыс. империалов». Всего, таким образом, пешкеш «великого мукарера» составлял почти 100 тыс. талеров. «Однако очень часто, – пишет Димитрий Кантемир, – эти издержки составляют триста тысяч талеров». В то же время ежегодный малый мукарер достигал еще 25 тыс. талеров (Кантемир 1975: 138).

Тяжесть таких огромных платежей целиком ложилась на плечи рядового населения Молдавии. В XVII в. появилась специальная дополнительная подать – «дань скипетра»: по 2 золотых с каждого крестьянского двора, которая взыскивалась при уплате «великого мукарера» (Советов 1980: 204). Помимо мукарера, среди официальных подношений особое место занимал пешкеш к празднику байрама, который позже стал называться «байрамлык». Его внесение фиксировалось в реестрах османской казны. Например, в 1680 г. числится пешкеш к байраму для султана в размере 2 млн. аспров (свыше 10 тыс. талеров). Размеры байрамлыка со временем также возрастали. Его подносили не только султану, но и его матери, великому визирю, дарисадету (старшему евнуху), кехае (заместителю визиря по внутренним делам), рейс-эфенди (главе внешнеполитического ведомства), тефтердару (казначею) и другим, более мелким, чинам Порты. Всего размер этого ежегодного пешкеша по данным второй половины XVII – начала XVIII вв., приближался к 90-100 тыс. талеров, намного превышая дань того периода – 75 тыс. талеров (Кантемир 1975: 137).

В итоге основные официальные пешкеши, мукарер и байрамлык, в своей совокупности в несколько раз стали превышать размер дани. Однако помимо них было еще много других более мелких пешкешей и просто даров-рушветов, которые вносились по разным поводам: при вступлении на престол нового султана, посещении страны или проезда по ее землях османских сановников, по случаю успешных походов османской армии, рождения или свадьбы детей султана, исполнении предписанного Портой ритуала возведения на престол молдавского господаря и многим другим (СТ 1966: 332, 337). В последнем случае одаривались те османские сановники и служилые люди, которые сопровождали господаря из Стамбула до столицы Молдавии. В 1561 г. Ферхад-паша, который возвел на престол Деспота, получил пешкеш от господаря: 1500 золотых, 100 коней, 18 расшитых золотом кафтанов, 40 штук дорогого сукна (Грозданова 1974: 243). Со временем такой вельможа получал не менее 10-15 тыс. золотых, а сопровождавшие его служилые чауши и многочисленные капужии брали дары от 50 до 700 золотых каждый. (Кантемир 1975: 136; СТ 1966: 336-337). Пешкеши и рушветы давались и в канцелярию, которая оформляла фирман султана на господарский престол. Александр Лэпушняну внес по этому случаю начальнику канцелярии 300 золотых, секретарю 250 золотых и писцам по 50 золотых, всего 600 золотых – рыночная стоимость 200 быков (ИНХ 1976: 217). Одаривались и те придворные султана, которые прибывали в Молдавию за данью. По свидетельству Димитрия Кантемира, по такому случаю давалось 7500 талеров и соболья шуба, что составляло десятую долю хараджа того периода. И вообще, если какой-либо «придворный султана, – пишет современник, – посылался к господарю с повелениями, то он не должен возвращаться без приношений» (Кантемир 1975: 136-137). Дары старались получать даже с низложенного господаря. Ему разрешали отбыть из молдавской столицы со своей казной в Стамбул, где он мог получить снисхождение и милость султана «при помощи больших денег и значительных подарков» (Кантемир 1975: 92).

Особое место в неофициальных платежах занимал подкуп сановников Порты и самого султана с целью получения престола. Думитрашко Кантакузино, занимавшийся торговлей драгоценностями, получил в XVII в. престол лишь после того, как преподнес султану искусно

сделанный серебряный фонтан (Кантемир 1975: 56). Для уплаты дани, пешкешей и рушветов господари и претенденты брали баснословные для тех времен займы, на условиях огромных процентов (СТ 1966: 337). В начале 90-х гг. XVI в. господарь Арон задолжал десятки миллионов аспров – сумму, которая во много раз превышала не только размер дани, но и весь государственный бюджет Молдавии. Турецкий хронист того времени Мустафа Али признавал, что «смена господарей разорила страну в результате рушветов» (СТ 1966: 337). Господари вносили немало рушветов и послам великих держав, которые могли оказывать влияние на султана и его двор. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что в 60-х гг. XVII в. господарь Александр Илиаш отправил английскому резиденту в Стамбуле, в благодарность за содействие в получении престола, богатые дары. Они состояли из 18 тыс. овец и драгоценностей на 5 тыс. золотых (Tahsin Gemil 1977: 1528, nr.8). Размер этого рушвета равнялся почти половине тогдашней дани. А ведь это случайно сохранившийся документ такого рода. Как правило, рушветы вообще не фиксировались в источниках, а преподносились они за счет молдавской казны всем, кто мог оказать влияние на решения Порты в Стамбуле, начиная от турецких сановников до личного врача султана, а в провинции – от крымского хана до правителей вилайетов и санджаков европейской части Османской империи. Подношение рушветов было одним из основных занятий представителей господаря в Стамбуле – капукехаев. Они должны были систематически следить за тем, кто в данный момент может оказать влияние на решения султана и Порты, и немедленно преподносить им рушветы. Один из таких представителей в отчаянии докладывал в первой половине XVIII в., что в Стамбуле «все просят дары… многие обижены, не получая рушветов, а если давать всем, не хватит не только всех доходов Молдавии, но и целой империи» (RDM 1985: 83, 133).

Молдавские средневековые авторы и турецкие хронисты отмечали, что господарским престолом овладевал тот, кто давал больше даров и денег, пешкешей и рушветов. Турецкие сановники, получая эти дары, поддерживали своих клиентов, а многочисленные стамбульские кредиторы старались обеспечить за своими должниками престол в надежде рассчитаться за счет доходов из Молдавии. Эти кредиторы обращались иногда и к самому султану, указывая что «все их состояние перешло в султанское казначейство», т. к. одолженные молдавскими господарями деньги поступали туда в качестве платежей (СТ 1966: 365).

Пешкеши и рушветы приносили Османской феодальной верхушке большие экономические выгоды. По мере усиления османского владычества эти платежи приводили к выкачке из Молдавии все более значительных материальных и денежных ценностей, став одной из наиболее тяжелых форм экономической зависимости Молдавии от Османской империи.

Принудительные поставки

Одной из тяжелых экономических форм иноземной зависимости Молдавии была обязанность поставлять продовольствие. Продовольствием из Молдавии снабжались города и крепости османской империи, в первую очередь столица, а также войска и крепостные гарнизоны, особенно во время войн с Польшей и Габсбургской империей. Венецианский посол доносил своему правительству в 1578 г. о значительной роли, которую играют поставки скота и зерна из Молдавии для снабжения Стамбула (Грозданова 1974: 247).

Относительно ограниченный до поры вывоз сельскохозяйственных продуктов из Молдавии в Османскую империю после установления турецкого господства значительно вырос. Экономические интересы Молдавии все более ущемлялись. Следует обратить внимание на то, что выбор товаров стал приобретать все более явно выраженный принудительный характер, став одной из форм экономической зависимости страны от Османского государства.

Принудительный характер поставок проявлялся в том, что Порта начала требовать закрепления за каждой категорией продуктов из Молдавии определенного количества голов скота (овец, быков, коней), жиров, зерна (ячменя, овса, пшеницы), меда, воска и др.

Первые требования Порты о доставке определенного числа овец для продажи в Стамбуле появились в 40-х гг. XVI в., то есть через несколько лет после установления османского владычества в Молдавии. С 60-х гг. XVI в. Порта стремилась фиксировать ежегодные квоты поставки в размере 100 тыс. овец, 12 тыс. быков, 100 тыс. кил (2225 тонн) зерна (Восточные источники: 265-267, 269, 275). В дальнейшем Османской империи удалось навязать такие объемы поставок лишь в отношении овец и зерна, а нередко они даже были выше. Для их обеспечения еще в 60-е гг. XVI в. султан в своих фирманах пытался запретить вывоз скота из Молдавии в Польшу и Западную Украину, предписывал гнать его для продажи только в Османскую империю (Грозданова 1974: 254, 277). Но Порте не удалось полностью монополизировать экспорт товаров молдавского сельского хозяйства, за исключением государственных поставок зерна, которое не вывозилось в какие-либо другие страны.

Принудительный характер закупки скота проявлялся и в том, что Порта начала применять практику прикрепления определенных районов Молдавии для снабжения Стамбула и

османской армии. Для снабжения овцами султанской кухни уже в конце XVI в. были прикреплены три уезда: Ясский, Сучавский и Тигечский. Они должны были ежегодно поставлять 20 тыс. овец. Димитрий Кантемир отмечает, что в период его жизни в конце XVII – начале XVIII вв. турецкие купцы приобретали для кухни султана в Молдавии 60 тыс. овец лучших пород (Кантемир 1975: 38). Повеления султана предусматривали беспрепятственный доступ официальных частных турецких джелепов и касапов (торговцев, заготовителей скота) для принудительной закупки скота в Молдавии. Зерно должно было доставлять само Молдавское государство, в результате чего эти поставки во многом вообще теряли свой товарный характер. Нередко зерно, которое шло в Стамбул, султанским конюшням, для снабжения армии (Грозданова 1974: 265-267, 275), зачислялось в счет дани. В 1698 г. поставки ячменя были вообще зачислены в уплату «молдавской джизье» (Грозданова 1974: 198). Господарские люди часто закупали зерно у населения за деньги или даже за границей (ИНХ 1976: 242-243). С 1679 г. в Молдавии была введена специальная государственная зерновая повинность «килы императорские» для обеспечения поставок османской армии (Советов 1980: 209-210). За ее счет в конце XVII в. турецкому гарнизону в Каменце отправлялось ежегодно по 1500 возов хлеба.

Закупки скота осуществлялись джелепами за наличные деньги или взамен долгов господаря стамбульским кредиторам, иногда в счет дани (Кантемир 1975: 137-138; Грозданова 1974: 246, 253). Сохранилась запись 1591 г. о закупке скота в Молдавии турецкими джелепами и касапами. В принудительном порядке каждый двор должен был продать по фиксированным ценам не менее одной овцы (ИНХ 1976: 198) Еще одна партия овец была взята в том же году вместо десятины с овец в счет долгов господаря стамбульским купцам.

Принудительными были не только закупки, но и цены, которые предлагала турецкая сторона. На первых порах, в середине XVI в., фирманы турецкого султана предписывали джелепам в Молдавии «закупать овец и крупный рогатый скот за их собственные деньги… по справедливой цене» (Грозданова 1974: 263-265, 269, 279). Но вскоре установились заниженные, по сравнению с рыночными, фиксированные цены на скот и зерно. Уже в 60-х гг. XVI в. османские власти отметили закупочную цену одной килы ячменя в 6 аспров, в то время как в Стамбуле она стоила 11-12 аспров (Грозданова 1974: 246-275). Поскольку Молдавия должна была поставить 100 тыс. кил, это означало потерю для страны в полмиллиона аспров (около 10 тыс. талеров). Димитрий Кантемир свидетельствует, что ответственные за принудительные поставки джелепы «… закупив по дешевой цене целые стада крупного и мелкого рогатого скота, отправляют его в Константинополь и другие города и там продают по двойной или тройной цене» (Кантемир 1975: 148).

Фактически получалось, что вывоз сельскохозяйственной продукции по принудительно заниженным ценам в Османскую империю в определенной степени осуществлялся бесплатно, носил грабительский характер, был результатом османского владычества в Молдавии.

Еще одной тяжелой формой экономических обязанностей Молдавии перед Османской империей стало предоставление рабочих рук и транспорта, а также строительных материалов для ремонта турецких крепостей, дорог, перевоза военных грузов для султанской армии и администрации. Поставки строительных материалов включали и доставку леса для буджакских татар, вассалов и союзников султана (Кантемир 1975: 37).

Первые требования такого рода со стороны завоевателей отмечены уже в конце 40-х гг. XVI в. Особенно значительным был принудительный труд салахоров-чернорабочих. Трудовые повинности в пользу Османской империи нарастали после освободительных войн молдавского народа и украинских казаков против турецкого владычества, приводивших к разрушению многих турецких военных укреплений. В 1583 г. для ремонта крепости Бендеры Молдавское государство должно было направлять ежемесячно 500 салахоров (6 тыс. в год). Иногда требовали намного больше. Например, в 1567 г. господаря Петра Хромого обязали отправить для восстановления разрушенных казаками укреплений у Очакова до 15 тыс. салахоров, в то время как в стране насчитывалось всего 40 тыс. крестьянских дворов (Грозданова 1974: 252). Причем господарь должен был это сделать «за свой счет». Порта все реже оплачивала такие работы, иногда зачисляя их в счет дани. В связи с этим в Молдавии со временем была введена специальная «салахорская повинность» для крестьян в виде земляных строительных и ремонтных работ по укреплению турецких крепостей, дорог, мостов (Советов 1980: 212). В 1674 г. все разряды крестьян были обложены особой «бурлацкой повинностью» для набора гребцов и бурлаков. Собранные таким образом люди должны были доставлять по рекам продовольствие и военные грузы турецким крепостным гарнизонам в Каменце, а позже и в Хотине (Грозданова 1974: 209).

Одной из самых изнурительных для молдавской стороны трудовых обязанностей было предоставление транспорта для османской армии и администрации. Такие требования со стороны Порты появились уже в конце 50 – начале 60-х гг. XVI в. (Грозданова 1974: 251). Затем они становились все более частыми. В 1568 г. господарю было предписано предоставить 800 коней для транспортных перевозок османской армии. В следующем году потребовалось больше коней и телег для этих перевозок. В одном из более поздних предписаний Порты

Молдавия обязывалась предоставить 220 воловьих упряжек с возчиками, сроком на 48 дней, для перевозки турецкой артиллерии из Рени до Хотина и с отнесением расходов в счет дани (Грозданова 1974:192-193). Указание, что их стоимость будет вычтена из дани (Грозданова 1974: 251), делалось все реже, хотя масштабы транспортных перевозок возрастали. В 1587 г. господарь Петр Хромой должен был, помимо салахоров, выставить «за свой счет» еще 300 возов для транспортных нужд по ремонту очаковских укреплений (Грозданова 1974: 252).

Требования Порты привели к возникновению в Молдавии XVII – начала XVIII вв. многочисленных государственных гужевых повинностей специально для этого предназначенных: «возы императорские» – для гужевых нужд турецкой армии и администрации; «возы хотинские» – подводная повинность для снабжения османского войска у Хотина; «быки императорские» – поставка тяглого скота для гужевых нужд османов (Советов 1980: 209, 211-212).

По мере усиления иноземного владычества возрастала степень экономической зависимости Молдавского государства от Османской империи. Это нашло свое отражение и в стремлении Порты приблизить статус принудительных продовольственных поставок, трудовых и транспортных обязанностей Молдавии к уже упомянутой системе ахл-и-зимма, т.е. соответствующим повинностям и закупкам по заниженным ценам, которые распространялись на немусульманское население инкорпорированных земель империи – сюрсат захиреси, нузул зехиреси, адет-и агнам, иштира, мукайесе, бедел-и меккяри (Грозданова 1974: 182, 195-198).

Проявлялось то же стремление, что и в отношении дани-джизье: приблизить статус экономических обязанностей Молдавии к инкорпорированным землям империи. Но по фактическим размерам они в Молдавии, как и в соседней Валахии, были намного выше. Это достигалось особенно за счет системы пешкешей и рушветов, которые в таком масштабе не поступали с инкорпорированных земель. В связи с этим налогообложение крестьян на бывших территориях Молдавии, инкорпорированных в состав империи (санджаках Бендеры, Аккерман, Килия, Татар-Пынары) было ниже (Грозданова 1974: 176-177, 187; Советов 1980: 279-281), хотя там более тяжкими оказались другие формы угнетения – результат непосредственного господства иноземных поработителей.

Таким образом, несмотря на установление своеобразных форм турецкого владычества в Молдавии, экономический гнет империи был здесь фактически не ниже, а в некотором отношении даже выше, нежели на многих инкорпорированных землях. Это привело к постепенному обеднению и в конечном итоге к общему экономическому упадку страны, который начал проявляться в последних десятилетиях XVII – начале XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Грозданова Е. 1974. Налог джизье с балканских земель // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М.

Дмитриев П.Г., Советов П.В. 1965. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс.

Драгнев Д.М. 1975. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII – начало XIX вв.). Кишинев.

ИНХ 1976 – История народного хозяйства Молдавской ССР. 1976. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев.

Кантемир Димитрие. 1988. Дескриеря Молдовей. Кишинэу.

Некулче Ион. 1974. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.

Советов П.В. 1980. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев.

Советов П.В. 1986.Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах // Известия АН МССР. № 2, № 3.

Уреке Григоре. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.

Berza M. 1957. Studii şi materiale de istorie medie. Vol.II. Bucureşti.

Cantemir Dimitrie. 1973. Descrierea Moldovei. Bucureşti.

Codex Bandinus. 1895. Bucureşti.

Columbeanu S. 1961. Caracterul exploatării feudale a ţărănimii în deceniile anterioare răscoalei lui Tudor Vladimirescu // Studii. nr. 3. P. 585-586;

CT 1966 – Cronice turceşti. Privind ţările romane. Vol. I. Bucureşti.

Documenta Romîniei Historica. 1971. A. Moldova. Vol. XXI. – Bucureşti.

DMA – Documente privind istoria Romîniei. A. Moldova. Veacul XVI. 1951. Vol. III. Bucureşti.

Documente privind istoria Romîniei. 1968. Vol. III (1653-1675). P. 495; 1970. vol. IV. P. 24, 95, 207, 399. Bucureşti.

Iorga N. 1904. Studii şi documente cu privire la istoria românilor. Bucureşti. Vol. VI P.354.

Istoria Romîniei. 1962. Vol. II. P. 788; 1964. Vol. III. P. 708. Bucureşti.

Hurmuzaki E. 1891. Documente privitoare la istoria romînilor. Vol. II. Partea I. Bucureşti. P. 263.

Kogîlniceanu M. 1872-1874. Cronicile Romîniei sau letopiseţele Moldovei şi Valahiei Ed. II. Bucureşti. T. II. P. 38.

Maxim M. 1972. Bulletin. Association Internationale d'Etudes Sud-Est. Européen. Tome X. nr.2. P. 233-261: Revue des Études Sud-Est Européen. 9/32. 1979. P.1731-1765.

RDM la Constantinopol. 1985. Rapoartele inedite ale agenţilor lui Mavrocordat. Bucureşti. P. 83, 133.

Revista arhivelor. 1984. Nr. 2. P. 203-212.

Studii şi materiale de istorie medie. 1957.Vol. II. Bucureşti.

Tahsin Gemil. 1977. // Revista de istorie. Bucureşti.

Veliman V. 1982. // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie «A. D. Xenopol». XIX. Iaşi. P. 282-300.

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

О.Н. Мельников

К ПУБЛИКАЦИИ КРУПНЕЙШЕЙ СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТЫ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

O.N. Melnikov. A Contribution to Publication of the Largest Ancient Silver Coin Found on the Black Sea Coast.

In his paper the author links introduction in Bosporus of a new gold and silver monetary and weight system similar to a heavier Chios-Rhodos system with Eumelus' rule, who was son of Perisad I. Based on Eumelus' coin emissions the author developed his own absolute chronology.

Недавно была опубликована уникальная монета 7 (тип 7[1]) (Markov 2000, 41; Марков 2001: 21-22; Markov 2001: 20, 73), входящая в число самых крупных серебряных монет (вес 23,72 г, диаметр 30 мм) античного Причерноморья. Монета была выпущена городом Пантикапеем на Боспоре в конце IV в. до н.э., накануне так называемого «боспорского денежного кризиса III в. до н.э.».

Издателем Д.Б. Марковым монета определена как гексадрахма (номинал в 6 драхм) и датирована 303-293 гг., т.е. первой половиной времени правления на Боспоре Спартока III (304-384 гг.). Действительно, близко к этому времени Пантикапей выпустил несколько золотых и серебряных[2] монет (типы 3-14), составляющих, несомненно, стилистически и типологически, с указанной крупнейшей монетой, комплекс родственных серий.

П.О. Карышковский разбил известные ему монеты из этого комплекса на две серии. Первую составили типы 3, 6, 8, 10, 13, а вторую – 4, 9 и тип 2 (Карышковский 1964: 136-138). Тип 2, прежде П.О. Карышковского, был датирован А.Н. Зографом и Д.Б Шеловым более ранним временем – серединой IV в. до н.э. (Зограф 1951: 176; Шелов 1956: 103, 115).

В.А. Анохин разделил все эти монетные типы на три последовательные серии, соответственно: I) 3, 4, 9; II) 6, 8, 2, 10, 5; III) 11-13 (Анохин 1986: 35; 1999: 75-76, 82-83).

Представляется, что и последняя, в целом более верная по сравнению с предшествующими разработками, относительная хронология требует корректировки по первым двум сериям монет. Эти поправки вытекают из принятия для серийных градаций за основной критерий изображения аверса. Исходя из этого, типы серебряных монет с головой Аполлона на лицевой стороне (3-5) войдут в первую серию; вторая (6-10) и третья (11-13) серии различаются трактовкой элементов прически и венка на голове сатира.

Художественная интерпретация сатира на серебряном тетроболе типа 2 не находит себе близких аналогий ни в одной из трёх приведённых серий, зато имеет аналог на золотом статере (тип 1) середины IV в. до н.э., что послужило основанием для хронологического совмещения типов 1 и 2 А.Н. Зографом и Д.Б Шеловым. Это соседство оспорил П.О. Карышковский. Полагая, что «серебряные монеты (тип 2 – О.М.) резко отличаются по стилю от своего образца» (от типа 1), учёный составил список отличий между ними (согласно приведённым ниже пунктам 1-4) (Карышковский 1964: 136). Перечень отличий был дополнен (пункты 5-8) В.А. Анохиным, поддержавшим П.О. Карышковского в вопросах о датировке (вторым десятилетием III в. до н.э. (1964: 138-139)) и, отчасти – по интерпретации типа 2 (Анохин 1986: 33; 1999: 76, рис. 17, 5).

Хотя приведённые ниже отличия в большей своей части действительно имеют место быть, вывод, сделанный из этого исследователями, не выглядит единственно возможным. Поэтому представляется полезным вновь привести и прокомментировать упомянутые отличия изображения сатира на типе 2 в сравнении с типом 1.

1) «Нарушенные пропорции лица сатира» (Карышковский 1964: 136).

Небольшие пропорциональные отличия в изображениях сатира на серебре и золоте свидетельствуют об изготовлении их разными резчиками. Вместе с тем, эти изображения не имеют какого-либо принципиального различия, не позволяющего отнести их к одному времени.

2) «Вместо тонко и реалистично трактованной прически – причудливое переплетение неестественно вздыбленных и взлохмаченных прядей» (Карышковский 1964: 136).

[1] См. прилагаемое описание.

[2] Проблемы медной монетной чеканки автор рассмотрел в подготавливаемой к печати статье о монетном деле Боспора IV в.

© О.Н. Мельников, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Состояние взлохмаченных волос на голове сатира с золотого статера можно назвать прической только с большой субъективной натяжкой. В то же время, нет ничего удивительного, что трактовка прядей волос на золоте выполнена тонко, а передача тех же линий на серебре более примитивна. Эта разница вытекает как из требования к более тщательному изготовлению штемпелей для статеров, так и из-за возможности использовать большую площадь монетного кружка, для них предназначенного.

3) «Торчащие наподобие рогов уши» (Карышковский 1964: 136).

Это избирательная оценка: удлиненные и заостренные пропорции ушей, напоминающих торчащие рога, присущи большинству изображений сатира на монетах Пантикапея, в том числе – и на статере 1.

4) «Грубо обрубленный обрез шеи» (Карышковский 1964: 136).

Неясный и довольно расплывчатый тезис: если на серебряной монете «обрез шеи обрублен грубо», то, как он обрублен на статере?

5) «Грубое, не моделированное изображение правого уха сатира» (Анохин 1986: 33).

Едва ли изображение правого уха на достаточно хорошо сохранившихся серебряных монетах можно назвать «грубым и не моделированным» (см., например, изображение л.с. монеты 2/1). Другое дело, что трактовка этого изображения отличается от уха сатира на статере несколько большим разворотом в сторону лица сатира, в результате чего, внешний край уха находится на одной линии с краем, расположенным ближе к голове. Очевидно, разная трактовка разворота уха объясняется работой разных резчиков, что еще не может служить доказательством существенного различия во времени. Эта же особенность может свидетельствовать об отсутствии подражательного копирования изображения со статера, что, скорее всего, можно было бы ожидать в случае воспроизведения изображения сатира несколько десятков лет спустя после появления оригинала.

6) «Суммарная передача волос толстыми линиями, тогда как на золоте каждая прядь прочерчена двумя-тремя тонкими штрихами» (Анохин 1986: 33).

См. комментарий к пункту 2.

7) «Короткая курчавая борода» (Анохин 1986: 33).

Меньшая площадь поля монеты и разные резчики.

8) «Отсутствие трагического излома бровей, вылезших на середину лба» (Анохин 1986: 33).

Брови сатира на серебре несколько более приподняты, чем на золоте, что и в этом случае говорит только о разных резчиках, работающих в самостоятельной художественной манере (с разным восприятием «трагического»).

Таким образом, анализ изображений трёхчетвертного сатира на золоте и серебре показывает, что обе эти миниатюры выполнены разными мастерами и с качественно различной проработкой деталей. Отличия в тщательности изготовления вытекают как из ценности металла, предназначенного для монет, так и из размера монетного кружка. Помимо этого, вероятен более длительный выпуск типа 2 в сравнении с типом 1. Степень некоторых пропорциональных отличий их рисунков не превышает рамок, допустимых при изготовлении «на глазок» и без применения копировальной техники не совпадающих по размеру штемпелей одного и того же изображения двумя разными резчиками. Можно также заключить, что в качестве художественного образца л.с. этих монет послужил некий общий прототип, взятый за основу и повторенный в немного отличной друг от друга манере воспроизведения. Отсюда следует, что отмеченные различия сами по себе не препятствуют хронологическому совмещению изначального момента чеканки типов 1 и 2.

Поэтому единственное, что есть общего между типом 2 и интересующими нас предкризисными сериями – это изображение головы быка в 3/4 влево, присутствующее и на большом серебре типа 8. Однако П.О. Карышковский, первый предположивший соседство этих монет, говорил вместе с тем о явном стилистическом различии изображений головы быка на них. Действительно, разница этих изображений на типах 2 и 8 настолько очевидна, что её выявление даже не потребовало привлечения макроснимков (тогда как при выделении рассмотренных выше различий в изображениях сатира, применение современного технического подспорья признавалось желательным). Отличия в изображениях быка исследователь объяснил деградацией этого типа на меньшем серебре (тип 2), которое в своем регрессе будто бы отталкивалось от быка типа 8, как от отправной точки. Отсюда учёный сделал вывод о разновремённости этих изображений быка, помещая тип 2 в следующей за типом 8 серии (Карышковский 1964: 136). Несмотря на эту установку, В.А. Анохин, в своём стремлении отнести тип 2 к рассматриваемой группе монет, соединил в одной серии типы 2 и 8, проигнорировав их хронологическую несовместимость, указанную П.О. Карышковским. Вынужденное объединение В.А. Анохиным типов 2 и 8 в одной серии объяснимо: ведь в справедливо им выделенной и последующей за типом 8 третьей серии тип 2 типологически совершенно не находит себе места. Точно так же обстоит дело с типом 2 и по отношению к первой серии, скомпонованной В.А. Анохиным.

В связи с вопросом о совместимости типов 2 и 8 можно привлечь результаты исследований Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюкова их металлического сплава. Учёные определили, что в

IV в. до н.э. на Боспоре лучшим по чистоте серебром обладает тип 4: «Эти монеты сделаны из очень высококачественного серебра, содержание меди в котором не превышает 0,3%, а содержание золота – 0,5%, свинца – 0,9%. Похожее по составу серебро мы встречаем у монет Боспора с головой сатира и головой быка» (Смекалова, Дюков 1998: 233). Под последними монетами специалисты подразумевают типы 8 и 2 (Шелов 1956: V, 58, IV, 44; Смекалова, Дюков 1998: 233). С типом 8 так и должно быть: его металл характеризуется как «серебро хорошего состава, с малым содержанием меди и свинца» (Смекалова, Дюков 1998: 231). А вот при упоминании типа 2 позиция исследователей становится противоречивой, так как они конкретно указали сплав этого типа (без золота): «0,5-5% меди; …свинца – в основном 0,5, до 2%» (Там же: 230). Таким образом, несмотря на заверения специалистов о «похожем по составу серебре», приводимые ими же цифры свидетельствуют о различном составе металла типа 2 в сравнении с типом 4 и, очевидно, – 8. При этом состав металла типа 2 «идентичен» одному из типов гемидрахм второй половины IV в. до н.э. (Шелов 1956: V, 53; Анохин 1986: № 108; Смекалова, Дюков 1998: 230-231)[3]. Что согласуется с мнением автора о довольно длительном (до четырёх десятилетий), хотя и эпизодическом (начиная с 50-х гг. IV в. до н.э.), выпуске типа 2[4].

С учётом же всего сказанного, не представляется возможным хронологически совместить тип 2 с рассматриваемыми сериями.

Другой проблемой является выяснение монетно-весовой системы, по которой производилась чеканка предкризисного серебра. П.О. Карышковский пришёл к выводу, что вторая выделяемая им серия (типы 4 и 9) представляет первый выпуск хиосско-родосской системы, сменившей облегчённый вариант системы эгинской, применявшейся до этого на Боспоре (Карышковский 1964: 134-139). Это мнение поддержала и Н.А. Фролова (Фролова 1988: 136-137; 1992: 21). Однако В.А. Анохин, справедливо предположив, что отмена эгинской системы произошла на Боспоре ещё в V в. до н.э. (с переходом на систему персидскую)[5], определил для рассматриваемых типов серебряных монет (4-13) хиосско-родосскую монетно-весовую систему, пришедшую на смену персидской (Анохин 1986: 38-40).

Соглашаясь со сменой последних систем, следует уточнить некоторые детали. Прежде всего, рассмотрим причину перехода от ставшей уже традиционной персидской монетно-весовой системы на хиосско-родосскую, что одновременно объяснит и отсутствие на Боспоре в новой системе драхмы. По этому поводу П.О. Карышковский писал: «Можно ли допустить, однако, что первая серия пантикапейского серебра родосской системы была отчеканена в составе двух высших номиналов, без столь распространённой в эллинистическое время драхмы? Это не только маловероятно по существу, но и стоит в полном противоречии со всей практикой боспорского денежного хозяйства, где серебро мелких номиналов составляло основу обращения» (Карышковский 1964: 136). Очевидно, именно отсутствие в рассматриваемых сериях драхмы родосской системы (а не стилистические особенности типа 2 по отношению к типам 1 или 8) заставляло исследователей усматривать в типе 2 искомую драхму. Как представляется, решение этой проблемы находится в связи с изменением относительной стоимости золота и серебра в древнегреческом мире, в частности – на Боспоре и в Афинах.

А.Н. Зограф предположил ценовое равенство между кизикином с весом 16 г и боспорским золотым статером с весом 9,09 г. При этом процентное содержание золота в кизикине принималось в 52%, а серебра – в 48%, при рацио этих металлов как 1:10 (Зограф 1951: 175). Гипотезу А.Н. Зографа уточняет В.А. Анохин, принявший для начала чеканки боспорского статера в 9,1 г рацио золота и серебра на Боспоре как $1:13^{1}/_{3}$. Весовую норму кизикина учёный вычислил в 16,34 г, а его состав – 52,08% золота и 47,92% серебра (Анохин 1986: 36-37).

Вопрос о металле кизикинов исследовали с помощью новейших измерительных приборов Ю.Л. Дюков и Т.Н. Смекалова. Состав изученных ими 9-ти монет IV в. до н.э. дал средние основные показатели в 54,2% золота, 40,5% серебра и 3,8% меди (Дюков, Смекалова 1999: 275). Эти данные ставят под сомнение указанные у А.Н. Зографа и В.А. Анохина 52% золота, поскольку эта теоретическая норма меньше среднего значения, полученного специалистами экспериментально. Более того, обращает на себя внимание весовая близость боспорского золотого к содержанию золота в половине исследованных кизикинов. Эта половина имеет повышенное содержание золота, доходящего в них до 58,2% (Там же: 285, № 49). Например,

[3] Из этого факта «идентичности» исследователи делают необъяснимый вывод о «сближении» типа 2 и типа 9 (Смекалова, Дюков 1998: 231).

[4] Хронология монетной чеканки Боспора VI-III вв. подробно рассмотрена автором в нескольких отдельных работах, подготовленных к печати.

[5] Переход с эгинской монетно-весовой системы на персидскую В.А. Анохин датирует примерно 490 г. (Анохин 1986: 22-24; 1999: 7). Согласно же исследованиям автора, это произошло в начале или в первой половине 70х гг. V в. до н.э. Причём Боспор перешёл на персидскую систему с выпуском совсем не тех серий монет, на которые указал В.А. Анохин. Этот вопрос, как и другие проблемы изучения монетно-весовой системы раннего Боспора, рассмотрены автором в подготовленной к печати статье: «Система младших номиналов и метрология монет Боспора VI-V вв. до н.э.».

монета с весом в 16,01 г состоит из 56,4% золота, 40% серебра и 3% меди (Там же: 285, № 50). Чистого золота в этой монете содержится 9,03 г, серебра – 6,4 г и меди с прочей примесью – 0,58 г. Получается, что только по одному золоту данная монета превосходит стоимость боспорского золотого, поскольку 96-98% золотого состава последнего (Дюков, Смекалова 1999: 280; Смекалова 2000: 271) в весовом отношении составляют только от 8,74 до 8,92 г. Аналогичный расчёт по монете с весом 16,03 г и показателями золота, серебра и меди соответственно в 55, 41,2 и 3,1% даёт содержание золота 8,82 г, то есть – фактически равное среднему содержанию золота (97% = 8,83 г) боспорского статера. Этому же значению близко соответствуют пять из девяти подвергшихся исследованиям монет, имеющих фактический вес золота от 8,73 до 9,23 г. (Дюков, Смекалова 1999: 285, №№47, 49, 50, 52, 54). Серебра в этих монетах содержится от 5,98 до 6,6 г, что превышает вес драхмы и доходит до 7-ми с лишком персидских оболов. Этот факт заставляет усомниться в гипотезе А.Н. Зографа о ценовом равенстве боспорского золотого весом в 9,09 г и кизикина. И отсюда же следует вывод о том, что золотой статер Боспора приравнивался не к стоимостному, а к золотому содержанию кизикина. Такой подход к данному вопросу представляется оправданным для рассматриваемого времени, так как подверженность античного мирового рынка колебанию рацио золота и серебра (Дюков, Смекалова 1999: 278; Смекалова 2000: 271) не была секретом для боспорских монетариев. В случае упомянутого колебания и при варианте ценового равенства боспорского статера к кизикину, боспорцам пришлось бы делать сложные перерасчёты взаимного курса указанных монет. Приравняв же стоимостную разницу между боспорским золотым и кизикином только к условному содержанию серебра в кизикине, местные финансисты страховались от излишних проблем.

Исходя из сказанного, вычислим нормативный вес кизикина с точки зрения боспорских монетариев. В.А. Анохин справедливо полагает, что при практикуемом делении кизикина на 96 частей содержание золота должно составлять некую постоянную и обусловленную часть. Однако 50 долей (из 96), выделенных для этого исследователем и составляющих 52,08% от веса монеты (Анохин 1986: 37), не могут быть приняты по причине несоответствия экспериментально установленному составу монет. Тем более, не могут быть использованы некие «средние значения» в 48,5% золота и в 46% серебра, предложенные Ю.Л. Дюковым и Т.Н. Смекаловой (Дюков, Смекалова 1999: 275, 279; Смекалова 2000: 272). Выбор этих «средних значений» на основе заведомо неточных данных других специалистов и «искусственного уменьшения» собственных результатов (Дюков, Смекалова 1999: 275-276, 278), представляется весьма рискованным на пути решения рассматриваемых вопросов античной нумизматики. Например, исследователи занижают полученные ими же результаты по составу золота на 2%, мотивируя это поправкой на обогащение поверхностного слоя этим металлом. Возможно, при стремлении к получению абстрактной (физической) точности измерений – это и верно. Однако с точки зрения практики древнегреческого денежного обращения, высвобождаемые под действительный состав дешёвой лигатуры проценты должны «повиснуть в воздухе», так как в древности считалось, что, например, меди в кизикинах не содержится.

Если уж пытаться вывести некие закономерности в денежных расчётах эллинов (а не в современных металлографических анализах), то правильнее, очевидно, будет не вносить точную долю лигатуры в итоговый параметр. Необходимо дешёвые примеси в сумме с полученными за счёт обогащения 2% золота поделить пропорционально основному монетному показателю золота и серебра, а полученные в результате этого части добавить к соответствующему составу благородных металлов. Состав сплава боспорских статеров, по справедливому замечанию Ю.Л. Дюкова и Т.Н. Смекаловой (1999: 280), «рассматривался древними как чистый металл». Такое же игнорирование меди и прочих незначительных примесей должно относиться и к кизикинам, что и позволяет поделить эти добавки между долями благородных металлов без опасения получить серьёзные искажения в наших вычислениях.

К наиболее высоким практическим показателям золота в кизикине может быть применено значение в 54 доли, представляющих простую кратность к остальному составу монеты (9:7) и составляющих 56,25% от её веса. Исходя из этих 56,25%, приравненных к весу боспорского статера в 9,1 г, получим нормативный вес кизикина в 16,18 г.

Примем, вслед за В.А. Анохиным, для Боспора на момент начала золотой чеканки в IV в. до н.э. отношения стоимости золота к серебру как $1:13^{1}/_{3}$ [6]. Тогда золотой статер Пантикапея с нормативным весом в 9,1 г при его первоначальном выпуске составил бы на внутреннем рынке эквивалент в 121,3 г серебряной монеты. В таком случае, это позволяло разменивать золотой Пантикапея на $22^{1}/_{2}$ драхмы (45 гемидрахм – триоболов) персидской системы с нормативным весом по 5,4 г (Анохин 1986: 37-38).

С нарастающим внедрением в середине IV в. до н.э. в обращение на греческих рынках золотых статеров аттического веса, отношение к кизикину (с его нестабильным соотношением бла-

[6] В Афинах в это же время рацио составляло 1:13 (Дюков, Смекалова 1999: 278).

городных металлов) как к международному эталону изменилось. Колебание пробы золота в этой монете диктовало ориентировку не столько на её высший показатель, сколько на более низкие (а значит, и более гарантированные) характеристики содержания этого металла. Очевидно, к 30-м гг. IV в. до н.э. в качестве нового международного стандарта был принят нормативный вес статеров Александра Македонского в 8,58 г (Анохин 1986: 37), что вполне соответствовало практическому золотому содержанию части кизикинов со средним или несколько заниженным содержанием золота (Дюков, Смекалова 1999: 285, №№ 47, 48, 51). Возможно, именно этот вес стал приниматься за постоянный критерий кизикинов в торговой практике. Более всего эти 8,58 г могли бы быть эквивалентны 51 доли от веса кизикина. Отсюда расчётный вес кизикина, принятый в это время в Афинах, составит 16,15 г.

Попробуем отчасти проверить это допущение. Если из вычисленного расчётного веса кизикина в Афинах вычесть новый норматив золота, то весовая доля серебра составит 7,57 г (16,15–8,58). Чтобы получить серебряный эквивалент кизикину в Афинах, переведём золотое его содержание в серебро по курсу 1:10 и добавим отнятое серебро (8,58×10+7,57 = =93,37). Итог разделим на курс аттической драхмы к кизикину в Афинах, известный из речи Демосфена против Формиона, произнесённой в 327 г. (Demosth., XXXIV) (93,37:21$^{2}/_{3}$=4,31). Полученный результат в 4,31 г соответствует нормативному весу серебряной аттической драхмы рассматриваемого времени. Что и ожидалось получить.

После начала золотой чеканки на Боспоре стоимость золота медленно падала. По упомянутому пассажу из речи Демосфена курс кизикина на Боспоре равнялся 28 аттическим драхмам, что к 327 г. составляло 13,18 г серебра за грамм золота: 4,31×28 = 120,68; 120,68–7,57=113,11; 113,11:8,58=13,183. Отсюда стоимость боспорского золотого должна была составить 119,96 г (9,1х13,183) серебра за монету, что давало разницу с кизикином в пользу последнего в один аттический обол (0,72 г).

Таким образом, с первой половины и середины к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э. указанное соотношение (45 гемидрахм за статер) уменьшилось до 44$^{2}/_{5}$ (119,96:5,4 = 22,2×2) гемидрахмы за золотой статер. А это диктовало внесение поправок в счётную монетную систему Боспорского государства. Особое внимание к гемидрахмам персидской системы (нормативный вес – 2,7 г) предполагается потому, что эти монеты, выпускаемые Пантикапеем на протяжении почти всего IV в. до н.э., были основой внутреннего денежного обращения Боспора. Но именно в рассматриваемое время (последняя четверть IV в. до н.э.) монетные рынки древнегреческого мира стали активно наполняться александровским золотом (с нормативным весом около 8,58 г). Это привело к ещё более резкому падению цены золота на Боспоре, а значит, и к существенной дестабилизации счетного баланса между пантикапейским золотым статером и местными денежными номиналами серебра.

Для упорядочения этого баланса и была проведена реформа денежно-весовой системы. Золотой статер Боспора переводится на норматив статеров Александра (8,58 г), а серебро – на хиосско-родосскую монетно-весовую систему.

Весовая норма тетрадрахмы хиосско-родосской системы при норме драхмы в 3,9 г должна составлять 15,6 г (Зограф 1951: 44-45; Анохин 1986: 39). Этот вес соответствует среднему весу монет типа 4, вычисленному А.Л. Бертье-Делагардом (1913: 87, №141). Однако при поиске нормативного веса внимание в первую очередь следует обращать на наиболее тяжеловесные экземпляры. В.А. Анохин справедливо пытался придерживаться этого принципа, когда искал переход с эгинской монетно-весовой системы на персидскую (Анохин 1986: 20-23). На результативность такого подхода учёный указывал и при вычислении нормативного веса кизикина, а также при решении вопросов ольвийской нумизматики (Анохин 1986: 37; 1999: 38). Но при исследовании замены на Боспоре персидской системы на родосскую исследователь, по непонятной причине, отказывается от этого правила и за норматив принимает средний вес монет, данный у А.Л. Бертье-Делагарда (Анохин 1986: 39). Но от метода «среднего арифметического» отказался ещё Д.Б. Шелов, применивший более совершенный принцип «весовой шкалы» (выборки наиболее часто встречающихся весов) (Шелов 1956: 56 сл.), который, в свою очередь, менее результативен, чем методика ориентировки на наиболее тяжеловесные экземпляры [7].

Придерживаясь метода «тяжеловесных экземпляров», обратим внимание на то, что большинство монет, аналогичных типу 4, превышают нормативный вес хиосско-родосской системы. Например, из упомянутых А.Л. Бертье-Делагардом восьми этих монет, пять экземпляров превышают вес 15,6 г, достигая в одном случае 15,93 г (Бертье-Делагард 1913: 87, №141), а из приводимых в настоящей статье пяти монет (4-4а) указанный норматив превышен в четырёх случаях (4-4/2, 4а).

Судя по весу большинства монет с Аполлоном и конём, монетарии подобрали номинал, который мог связать новый статер аттического веса с основной массой боспорского серебра, представленного персидскими гемидрахмами. Таким номиналом оказалась тетрадрахма хиосско-родосской системы, но утяжелённого

[7] Эта проблема рассмотрена автором в специальной работе, ждущей публикации. См. прим. 5.

веса. При известном максимальном весе старых гемидрахм персидской системы в 2,66 г (Анохин 1986: 39) и максимальном весе новых тетрадрахм в 15,93 г получается округлённая простая кратность этих весов, равная шести (15,93:2,66=5,98≈6). Отсюда следует, что новую тетрадрахму предполагалось обменивать на 6 персидских гемидрахм, приравненных вследствие этого к боспоро-родосским тетроболам. Теоретический вес новых тетрадрахм должен был бы равняться шестикратному теоретическому весу старых гемидрахм – 16,2 г (2,7×6). Однако принятый новый номинал подстраивался не под теоретический вес, а под практический эквивалентный обмен любых шести существовавших на тот момент в денежном обращении гемидрахм, реальный вес которых из-за действия субъективных и объективных факторов был менее 2,7 г. Если исходить из известного максимального веса гемидрахмы в 2,66 г, то монетарии должны были бы ориентироваться на вес тетрадрахмы в 15,96 г (2,66×6). Однако реальный максимальный вес боспоро-родосских тетрадрахм составляет 15,93 г. Поэтому и сейчас, и в качестве принципа для дальнейших наших вычислений возьмём средний между этими величинами вес. В данном случае этот теоретический вес тетрадрахмы составит 15,94 г (15,96+15,93=31,89:2). Откуда вес гемидрахмы (на который предположительно ориентировались монетарии), приравненный к нормативу боспоро-родосского тетробола, получим в 2,65 г (15,94:6), а нормативный вес боспоро-родосской (не существующей в монете) драхмы – 3,98 г (15,94:4).

Соотношение же тетрадрахм к статеру устанавливается лишь на основании общих предположений. Если к 327 г. эквивалент золотого статера в серебре был около 119,96 г, то в случае пересчёта на новый статер с нормативом в 8,58 г этот эквивалент составил бы 113,1 г. Так как после 327 г. стоимость золота должна была резко уменьшаться, то есть основание считать, что на момент выпуска тетрадрахм с конем последние должны были составлять (в силу осуществления главной идеи выпуска – нормализации счётного баланса) некое простое число экземпляров, общий вес которых вписывается в указанный эквивалент с положительным остатком. Остаток должен отбрасываться вследствие опустившейся цены на золото. Таким ближайшим числом является 7: 113,1:15,94=7,28. Но если бы мы приняли деление нового статера на семь тетрадрахм, то практический эквивалент в серебре нового золотого составил бы около 111,58 г (15,94×7), что за время после 327 г. до смены весовых систем составило бы падение рацио с 1:13,18 до 1:13. На мой взгляд,

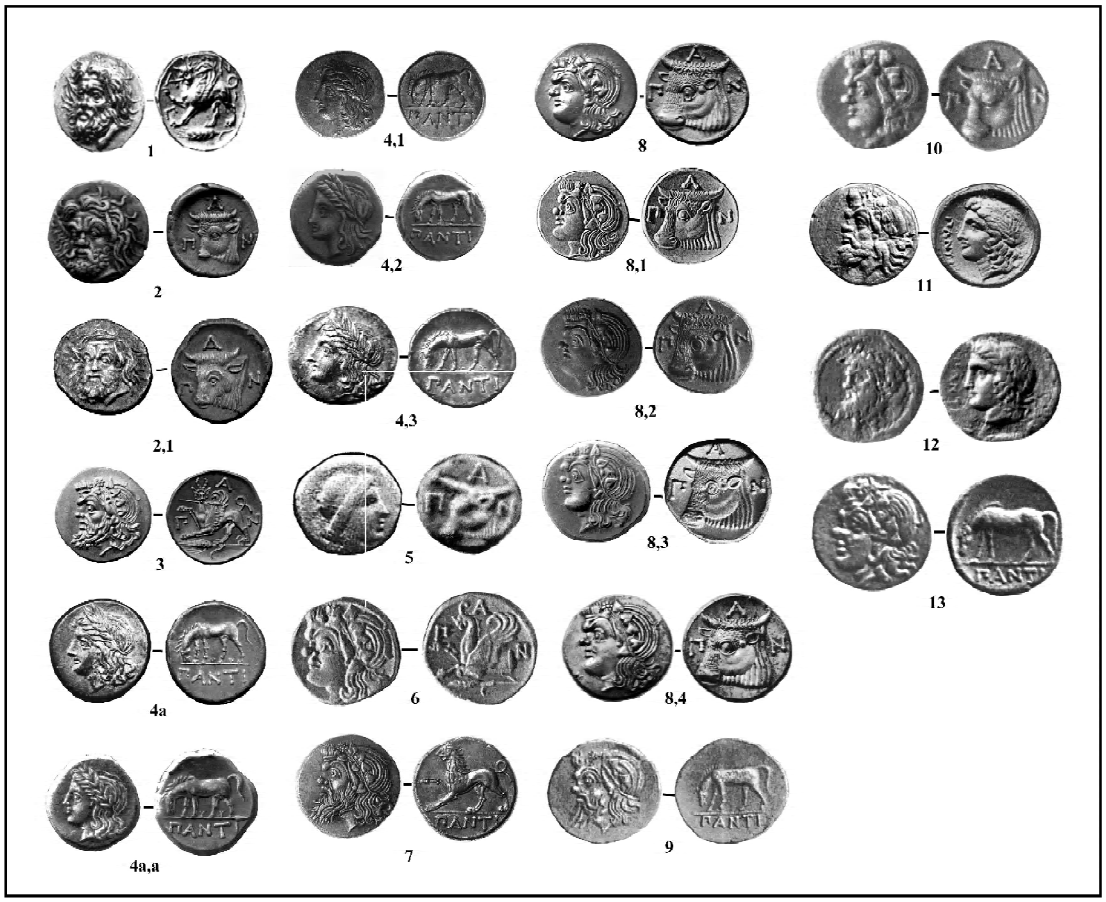

Рис. 1. Монеты Пантикапея (350-290 гг. до н.э.).

такое падение рацио всё же слишком незначительно для оправдания первого (после полуторавекового перерыва) решительного шага по введению новой монетно-весовой системы. Да и деление статера на семь единиц рождает определённые неудобства (не компенсированные в этой серии другими номиналами) при денежных расчётах. Поэтому с гораздо большим основанием можно предполагать уравнивание нового статера не с семью, а с шестью тетрадрахмами (15,94×6=95,64), так как это соответствует снижению рацио до 1:11,15 (95,64:8,58), что выглядит более вероятным. Но, несмотря даже на это снижение, курс золота к серебру был всё ещё достаточно высок на Боспоре в сравнении с материковой Грецией, где рацио в это время приближалось к 1:10.

Если приведённые построения соответствуют истине, то в результате проведённой реформы содержание золотого статера стало измеряться в 24 хиосско-родосские драхмы, которые, как было показано выше, на Боспоре не выпускались. Отсутствие чеканки этих драхм объясняется тем, что целью реформы на Боспоре являлось упорядочение размена (по отношению к золотому статеру) в первую очередь – персидских гемидрахм, обращавшихся теперь из расчёта 36 штук за аттический золотой или 6 шт. за тетрадрахму типа 4. Вместе с тем, отметим попытку частично компенсировать отсутствие драхмы выпуском диобола типа 5 (норматив 1,32 г). Этот диобол в сумме с персидской гемидрахмой (приравненной к боспоро-родосскому тетроболу) составил эквивалент родосской драхме Боспора. Судя по уникальности нового диобола, выпуск его был данью больше теории, чем практике. Упомянутые же выше персидские тетроболы – тип 2 (нормативный вес 3,6 г), выпускавшиеся на Боспоре с 50-х гг. IV в. до н.э. и, возможно, дочеканивавшиеся параллельно с более поздними гемидрахмами второй половины IV в. до н.э., могли разменяться из расчёта 26 шт. за статер.

Вторая серия серебра открывается крупнейшей монетой 7, которая соединила в себе типологические элементы многих предшествующих пантикапейских выпусков. Голова бородатого сатира на аверсе этой монеты практически копирует такое же изображение на статерах тяжёлого (Анохин 1986: №115) и аттического (3) весов. Главное отличие этих изображений составляет только различный разворот пары листьев верхнего ряда венка на голове сатира. Реверсный тип вобрал в себя изображения как львов на серебре (Там же: №85, 99), так и грифонов на золоте типа 3 и предшествующего тяжёлого веса (Там же: №109, 115).

Вес этой уникальной монеты 7 (23,72 г) и максимальный вес следующего по размерам номинала типа 8 (11,9 г) дают вроде бы те же нормативы утяжелённой на Боспоре хиосско-родосской системы, составляя, как будто, номиналы в 6 и 3 драхмы. Нормативные веса для теоретических боспоро-родосских гексадрахмы (3,98×6=23,88 г) и тридрахмы (3,98×3=11,94 г) хорошо подходят к имеющимся в наличии экземплярам (7, 8). Поэтому, может, и можно было бы просто ограничиться констатацией такого необычного номинала, как гексадрахма, и наличием соответствующей ей (или тетрадрахме с конём 1-й серии) тридрахмы. Исследователи так и поступают, отмечая только то, что 2-я серия «по набору номиналов дополняет предыдущую» (Анохин 1986: 39), а «публикуемая монета (7 – О.М.) логично входит в денежно-весовую систему» (Марков 2001: 21). Однако такой беглый взгляд на рассматриваемую тему не учитывает наличие в этой 2-й серии монеты типа 9 [8]. В процессе очистки уникальный экземпляр этого типа потерял в весе 0,85 г (9,1–8,25) так называемого «рогового серебра», представляющего собой бромистое серебро (AgBr) [9]. Содержание чистого металла в бромистом серебре 57,5%, что составит около 0,49 г от утерянных при очистке 0,85 г. Отсюда вес монеты на момент выхода её из обращения вычисляется в 8,74 г (8,25+0,49). Высокий вес этого экземпляра не согласуется не только с предлагаемым В.А. Анохиным для Боспора нормативом родосской дидрахмы – 7,8 г (Анохин 1986: 39) но также и с утяжелёнными боспоро-родосскими нормативами, вычисленными в данной работе (для дидрахмы они составят 7,96 г). П.О. Карышковский предлагал не заострять на этом внимание, «так как серебро чеканилось в это время, как показывает пример Ольвии, с большими индивидуальными колебаниями веса внутри монет одного времени и номинала» (Карышковский 1964: 136). По этому же поводу В.А. Анохин замечает: «Высокий вес монеты младшего номинала по сравнению даже с самыми тяжелыми экземплярами старшего не имеет большого значения ввиду уникальности этой монеты» (Анохин 1986: 39). На мой же взгляд, именно вследствие уникальности этой монеты к указанному весовому несоответствию нужно относиться с большой осторожностью. Ведь характерным явлением в боспорской серебряной чеканке является не превышение нормативного веса, а только стремление к нему подняться [10]. Поэтому трудно допустить, что одновременно с наличием уникального экземпляра мы имеем дело и с редчайшим случаем существенного (порядка обола)

[8] Внутренний состав 2-й серии объединён особенностями исполнения венка на голове сатира, отмеченными В.А. Анохиным (Анохин 1986: 35), но почему-то не учтенными им в отношении монеты 9.

[9] Существует довольно распространенное заблуждение в том, что «роговое серебро» на неочищенных древних серебряных монетах является хлористым серебром – AgCl.

[10] Эта тема исследована автором в подготовленной к печати работе. См. прим. 5.

превышения нормативного веса.

Значит, есть основание поискать для монеты 9 (а вместе с ней и для всей рассматриваемой серии, в том числе и для монеты 7 с весом 23,72 г) монетно-весовую систему, в которой именно сочетание всех имеющихся весов нашло бы себе большее нормативное соответствие. Более всего на такую роль подходит коринфская система. Главным номиналом этой системы был серебряный статер (в просторечии называемый «жеребчиком» – по изображению пегаса на нём) с нормативным весом в 8,73 г, делящийся на 3 драхмы по 2,91 г (Зограф 1951: 44). Представляется, что именно на этой системе и остановили свой выбор боспорские монетарии. Как и в случае с родосской системой, нормативы коринфской были подкорректированы под практические нужды Боспора. Прежде всего они были подогнаны под старые персидские гемидрахмы, которые по-прежнему должны были оставаться основными серебряными монетами на местных рынках. Старший номинал серии приравнивался к 9, а второй по величине номинал – к $4^1/_2$ персидским гемидрахмам. Эти соотношения получаются при делении веса уникальной монеты 7 и реального максимального веса типа 8 на реальный максимальный вес персидской гемидрахмы (23,72:2,66=8,92≈9; 11,9:2,66=4,47≈4,5). Одновременно достигалась связь и с первой из выделенных серий серебра: три боспоро-родосские тетрадрахмы при их максимальном весе (15,93x3=47,79) составляли близкий эквивалент двум старшим номиналам боспоро-коринфской системы (23,72x2=47,44).

Теоретические веса октодрахмы и тетрадрахмы коринфской системы должны были быть 23,28 и 11,64 г соответственно. Эти цифры очень близки к весам монет 7 и 8, что и заставляет видеть в них эти номиналы, но утяжелённой, в согласовании с условиями Боспора, системы. Взяв же вес наиболее тяжёлой персидской гемидрахмы и монеты 8 (с относительно-максимальным весом в 11,9 г) и, произведя расчёт, аналогично проделанному с первой серией, получим неизменившийся средний вес гемидрахм, на который могли ориентироваться монетарии при выпуске новой серии – 2,65 г (2,66×4,5=11,97; 11,97+11,9=23,87; 23,87:2:4,5). Откуда приблизительный нормативный вес октодрахмы вычисляется в 23,85 г (2,65x9) а драхмы – 2,98 г (23,85:8). Отсюда нормативный вес боспорского «жеребчика» должен быть равен 8,94 г (2,98x3). Этому нормативу не противоречит вычисленный вес (8,74 г) монеты 9, которая претендует не только на роль соответствующего номинала в три драхмы, но и на «говорящий тип» боспорского «жеребчика» (пасущийся конь). Норматив же драхмы (2,98 г) находит соответствие в весе монеты 10 (2,53 г).

Таким образом, номиналы серебра рассматриваемой серии представляют собой октодрахму, тетрадрахму, статер-тридрахму («жеребчик») и драхму утяжелённой коринфской системы с нормативными весами порядка 23,85, 11,92, 8,94 и 2,98 г соответственно.

Поскольку выпуски этой и предыдущей серий следовали с минимальным разрывом по времени [11], рацио золота и серебра не успело заметно измениться, опустившись с 11,15 до 11,12 (23,85×4=95,4; 95,4:8,58).

Новые номиналы коринфской системы разменивались за золотой аттический статер из расчета: 4 октодрахмы, 8 тетрадрахм, 10 «жеребчиков» с 2-мя драхмами, 32 драхмы. Помимо этого, три родосские тетрадрахмы предшествующей серии равнялись двум коринфским октодрахмам или четырём коринфским тетрадрахмам серии рассматриваемой. Такой подбор номиналов, с учётом отсутствия в этой серии золотого статера и выпуска только его половины, говорит о том, что целью изучаемой эмиссии являлось создание удобных дополнительных условий для обмена золотых александровских статеров на Боспоре.

Третья серия серебра рассматриваемого периода представлена уникальными монетами 11, 12 и 13 трёх номиналов с весами 12,66, 9,35 и 6,08 г соответственно. Эти веса явно не вписываются (комплексно) в нормативы персидской, родосской, аттической и коринфской систем, применённых в предыдущей чеканке Пантикапея, что находит объяснение в новом изменении монетно-весовой системы серебра. Теперь за основу принимается финикийская система с колеблющимися нормативами драхмы от 3,20 до 3,47 г (Зограф 1951: 44). Прежде всего тетрадрахму с головой Аполлона и сатира подгоняют под целый кратный вес все тех же, по-прежнему массовых, персидских гемидрахм.

К рассматриваемому моменту времени гемидрахмы, согласуясь с действием закона Коперника-Грешема, едва ли достигали веса 2,65 г (не говоря уж о своем нормативе в 2,7 г). Поэтому о практическом их весе (принятом к рассмотрению монетариями) приходится судить по монете из нового выпуска с самым относительно тяжёлым весом, которой является тетрадрахма 11. Поскольку этот номинал даёт ближайшую кратность персидским гемидрахмам, равную пяти (12,66:2,66=4,75≈5), то при предполагаемой ориентировке монетного дво-

[11] По непроверенной информации, полученной со слов коллекционеров, монета 7 входила в состав клада, включавшего немногим более двух десятков экземпляров монет четырёх типов. Помимо одного (?) экземпляра 7 в кладе находилось до двух монет типа 3, до дюжины монет типа 4 и немногим менее десятка монет типа 8. Все монеты практически не имели следов денежного обращения. Столь узкий в типовом отношении состав клада и его сохранность говорят о кратковременном сборе монет, незадолго до сокрытия клада поступивших в обращение с монетного двора.

ра на данный номинал вес гемидрахмы должен был бы быть 2,53 г (12,66:5). Но при учёте самой тяжеловесной гемидрахмы в 2,66 г мы получим средний между этими величинами вес в 2,596≈2,6 г (2,66×5=13,3; 13,3+12,66=25,96; 25,96:2:5). Примем этот вес за гипотетический «изъятый» средний вес гемидрахм, под который подстраивались боспорские финансисты.

Отсюда нормативный вес для тетрадрахм с сатиром и Аполлоном предполагается около 13 г (2,6×5). Тогда норма финикийской драхмы, принятая на Боспоре, получается в 3,25 г (13:4). Нормативный вес тридрахмы можно ожидать около 9,75 г (3,25×3), а дидрахмы – 6,5 г (3,25×2).

Новые номиналы должны были быть согласованы со стоимостью золота, чеканенного по нормативам александровских статеров. Поэтому имеются основания считать, что искомая стоимость составляет простую кратность суммы весов нескольких финикийских тетрадрахм к серебряному эквиваленту золотого статера предыдущей серии, за вычетом положительного остатка, утрачиваемого вследствие продолжившегося падения стоимости золота. Эта кратность равна семи: 95,4:13=7,33. Новый серебряный эквивалент золотому статеру составил около 91 г (13×7). Отсюда можно получить рацио золота к серебру 1:10,6 (91:8,58), что хоть и приблизилось ещё больше к рацио материковой Греции, но всё ещё не уравнялось с ним.

Статер стал теоретически делиться на 28 финикийских драхм или, в практике, – на 35 персидских гемидрахм. К новой тетрадрахме был предусмотрен выпуск номинала в три драхмы, составляющего в сумме со старшим номиналом четверть статера, а также – дидрахмы, дающей дополнительные возможности разменных комбинаций: помимо семи финикийских тетрадрахм, эквивалент статеру составляли одиннадцать тридрахм с дидрахмой.

На этом этапе процесс корректировки рацио серебра и золота в монетном деле Боспора был прекращён развернувшимся денежным кризисом III в. до н.э., прервавшим выпуски монет из драгоценных металлов.

На основании изложенного можно полагать, что с конца третьей четверти IV в. до н.э. до начала «денежного кризиса III в. до н.э.» монетная стоимость золота к серебру на Боспоре упала с 13,18 до 10,6 г серебра за грамм золота. Что не согласуется с предположениями о более низком рацио (Дюков, Смекалова 1999: 280) или даже о его уравнивании к началу III в. до н.э. на Боспоре с общегреческим (Анохин 1986: 39).

По проведении всех арифметических подсчётов необходимо оговорить вопрос их точности. Выведенные нормативные веса родосской, коринфской и финикийских систем, применявшихся в монетном деле Пантикапея, а также значение рацио золота к серебру не могут характеризоваться как абсолютно точные и не подлежащие корректировке. Известная условность вычисленных величин следует из малочисленности добротного (в смысле его сохранности) монетного материала, пригодного для полноценного его использования. На данном этапе исследований было важно показать, как сам процесс денежно-весовых поисков, активно протекавших в монетном деле Боспора накануне «денежного кризиса III в.», так и принципиальную возможность выяснения направлений и основных вех в работе боспорских монетариев и финансистов. Полученные нормативы допускают их дальнейшее уточнение за счёт появления нового нумизматического материала, а также – и за счёт более совершенных методик и расчётов, если таковые будут предложены.

Абсолютная хронология рассмотренной группы монет из трёх серий также не получила единогласной поддержки исследователей. В вопросе об абсолютной датировке типов, входящих, например, в одну серию вместе с октодрахмой 7, существует несколько вариантов: 325-300 гг. (Зограф 1951: 177, Таб. XL,31), 315-300 гг. (Шелов 1956: 138, Таб. V,58), 290-280 гг. (Карышковский 1964: 138), 294/3-284/3 гг. (Анохин 1986: 42, 141; 1999: 76, рис. 17, 3, 4, 6), 304-384 и 303-393 гг. (Markov 2000: 41; Марков 2001: 21; Markov 2001: 20).

На взгляд автора, активный поиск и решительный переход Боспора на новые монетно-весовые системы в золоте и серебре, а также компактный по времени выпуск двух серий крупного серебра (хотя и разных монетно-весовых систем, но связанных между собой возможностью упрощённого пересчёта по утяжелённой хиосско-родосской системе) необходимо связать с правлением Евмела, сына Перисада I.

За время своего недолгого царствования (309-303 гг.) Евмел успел зарекомендовать себя как энергичный и целеустремлённый деятель. Как сообщает Диодор (XX, 22-25), пережив в жестокой братоубийственной войне за наследство отца двух своих братьев, Евмел решительно взялся за политическое и экономическое обустройство отцовских владений. Он стал проводить активную внешнюю и внутреннюю политику, нацеленную на подчинение боспорскому контролю всего Причерноморья. Евмел постоянно выступал в роли покровителя греческих общин, распространив свои благодеяния как на граждан Пантикапея, так и на жителей Византия, Синопы, Каллатиса и на большинство других эллинов Понта. Иммиграционная политика Евмела привела к расцвету области Псои (очевидно – Горгиппии и её хоры), освоенной каллатийцами. Большое внимание молодой царь уделял территории Азиатского Боспора, где установил (уже со времён борьбы за власть в Боспорском государстве) тесные связи с местными правителями. В союзе с си-

раками Евмел уничтожил могущество меотской племенной знати (контролировавшей сухопутные торговые пути в сторону Кавказа), окончательно включив земли меотов в состав Боспора (Алексеева 1999: 164). Евмел разбил пиратствующих в море гениохов, тавров и ахейцев, устранив тем самым серьёзное препятствие для внутрипонтийской торговли. Наведение порядка на морских дорогах создало ему благожелательную репутацию во всём эллинском мире. Присоединив к территории Боспора земли многочисленных соседних варварских племён, представитель рода Спартокидов не собирался на этом останавливаться, нацеливаясь на покорение всех варварских народов, окружающих Понт. Евмел, по-видимому, имел все шансы на осуществление своих грандиозных замыслов, если бы не несчастный случай в дороге, закончившийся его гибелью.

Все исследователи этого периода Боспора непременно отмечали неординарность и масштабность исторической фигуры Евмела. Вот выдержки из их последних высказываний: «В целом же этот удивительно мало находившийся у власти правитель [всего 5 лет и 5 месяцев – (Diod. 20, 25, 3)] поразительно много успел сделать как в укреплении своей власти и внутренней жизни государства, так и в расширении его внешнеполитических связей и утверждения на международной арене» (Шелов-Коведяев 1985: 153); «Евмела вполне можно поставить в один ряд с диадохами Александра…. Акции Евмела явно были направлены на превращение Понта во внутреннее море боспорских правителей» (Анохин 1999: 71).

Естественно было бы полагать, что разносторонняя и энергичная деятельность Евмела нашла адекватное отражение и в монетном деле Боспора. Решительные и быстрые изменения в монетно-весовой системе Пантикапея с применением крупных номиналов, как раз и свидетельствуют о такой энергичной деятельности. Поэтому невозможно согласиться с мнением В.А. Анохина, выделившего для периода правления Евмела выпуск только одного типа золотого статера, да и то по старой боспорской норме в 9,1 г (Анохин 1986: 42, 141, №115; 1999: 72, рис. 16). Именно с притязаниями Евмела на гегемонию во всём Причерноморье надо связать и выпуск боспорской октодрахмы (7), бывшей в рассматриваемое время крупнейшей серебряной монетой Припонтийского региона [12].

На основании сказанного представляется возможным предложить для рассмотренных монетных серий следующую абсолютную хронологию.

1) Серия со статером аттического веса и хиосско-родосским серебром с головой Аполлона: 309-306 гг.

2) Серия с гемистатером аттического веса и серебром (в том числе и октодрахмой 7) коринфской системы: 306-303 гг.

3) Серия уникальных монет финикийской системы придётся уже на правление сына Евмела – Спартока III (303-283 гг.). Это серебро Спартока III вошло в первую его монетную эмиссию и должно быть приблизительно датировано концом IV – первым десятилетием III в. до н.э. (303-290 гг.).

Описание монет Пантикапея [13].

50-е гг. IV в. до н.э.

Тип 1. Л.с. Голова бородатого сатира в 3/4 влево. О.с. Стоящий влево крылатый и рогатый лев (львиноголовый грифон) с повернутой анфас головой, в пасти – дротик или копье вправо, по сторонам – ΠΑΝ, внизу – хлебный колос. Золото. Статер.

1. 9,11 г, 17 мм. Лондон. Издан: Анохин 1986, № 97; SNG, № 859.

50-20 гг. IV в. до н.э..

Персидская монетно-весовая система.

Тип 2. Л.с. То же. О.с. Голова быка в 3/4 влево. Вверху и с боков – ΠΑΝ. Тетробол.

2. 3,44 г, 16 мм. Коллекция Ю.Л. Покраса.

2/1. 3,07 г, 15,6×17,2 мм. Частная коллекция.

309-306 гг. до н.э..

Аттическая монетно-весовая система.

Тип 3. Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. О.с. Как тип 1. Золото. Статер.

3. 8,58 г, 17 мм. Коллекция Ю.Л. Покраса.

Хиосско-родосская монетно-весовая система.

Тип 4. Л.с. Голова Аполлона в венке влево. О.с. На черте – кустики травы и пасущийся конь влево. Тетрадрахма.

4. 15,72 г, 27,3×28,8 мм. Частная коллекция.

4/1. 15,70 г, 27,4×28,7 мм. Частная коллекция. Издан: Markov 2001, 21,74;.

4/2. 15,67 г, 25,8×26,8 мм. Коллекция А. Полищука.

4/3. 15,49 г, 26 мм. Коллекция Ю.Л. Покраса.

Тип 4а. Разновидность. Л.с. то же. О.с. То же, но черта под конём оканчивается утолщением в форме наконечника копья или дротика. Тетрадрахма.

4а. 15,72 г, 25,6×26,8 мм. Коллекция А. Полищука.

Тип 5. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Голова быка в 3/4 влево. Вверху и с боков – ΠΑΝ. Диобол.

5. 1,30 г. Париж. Издан: Анохин 1986, № 123.

306-303 гг. до н.э.

Аттическая монетно-весовая система.

---

[12] Ближайшим к Причерноморью другим крупнейшим серебром являются только октодрахмы Абдеры и фракийско-македонских династов, выпущенные ещё в VI-V вв.

[13] Все монеты, кроме специально оговоренных, изготовлены из серебра.

Тип 6. Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. О.с. Протома крылатого и рогатого льва (львиноголового грифона) влево, по сторонам – ΠΑΝ, внизу – хлебный колос. Золото. Гемистатер.

6. 4,27 г. ГЭ. Издан: Анохин 1986, № 119.

Коринфская монетно-весовая система.

Тип 7. Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. О.с. Лев с поднятой лапой, стоящий на черте влево, под чертой – ΠΑΝΤΙ. Октодрахма.

7. 23,72 г, 29,2×31,7 мм. Частная коллекция. Издан: Markov 2000: 41; Марков 2001: 21; Markov 2001: 20, 73.

Тип 8. Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. О.с. Голова быка в 3/4 влево. Вверху и с боков – ΠΑΝ. Тетрадрахма.

8. 11,9 г. Коллекция Ю.Л. Покраса.

8/1 11,81 г. Лондон. Издан: Анохин 1986, №120; SNG, № 879.

8/2. 11,74 г, 24,6×25,8 Частная коллекция. Издан: Markov 2001: 21,75.

8/3 11,72 г, 24,8×25,4 мм. Коллекция А. Полищука.

8/4. 11,63 г. Коллекция Ю.Л. Покраса.

Тип 9. Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. О.с. На черте пасущийся конь влево, под чертой – ΠΑΝΤΙ. Статер-тридрахма.

9. Вес до очистки – 9,10, после очистки – 8,25 гг. Издан: Голенко 1956, рис. 73, 5, 6; Карышковский 1964, №19.

Тип 10. Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. О.с. Голова быка в 3/4 влево. Вверху и с боков – ΠΑΝ. Драхма.

10. 2,53 г. ГЭ. Издан: Карышковский 1964, №7; Анохин 1986, № 122.

303-290 гг. до н.э.

Финикийская монетно-весовая система.

Тип 11. Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево. О.с. Голова Аполлона в венке влево, вертикально перед лицом – ΠΑΝΤΙ. Тетрадрахма.

11. 12,53 г. ГИМ. Издан: Голенко 1956, рис. 73,4; Анохин 1986, № 127.

Тип 12. Л.с. Как тип 11, но голова сатира заключена в точечный ободок. О.с. Как тип 11. Тридрахма.

12. 9,35 г. ГЭ. Издан: Анохин 1986, № 128.

Тип 13. Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. О.с. На черте, пасущийся конь влево, под чертой – ΠΑΝΤΙ. Дидрахма.

13. 6,08 г. Издан: Голенко 1956, рис. 73, 7; Карышковский 1964, № 12; Анохин 1986, № 129.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1999. Местная среда ранней Горгиппии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев. «Наукова думка».

Анохин В.А. 1989. Монетное дело античных городов Северо-западного Причерноморья. Киев: «Наукова думка».

Анохин В.А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев: «Одигитрия».

Бертье-Делагард А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Т. II.

Голенко К.В. 1956. К датировке пантикапейских тетрадрахм // КСИИМК. Вып. 63.

Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. 1999. Состав электра кизикинов // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. № 16.

Карышковский П.О. 1964. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 11. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ВДИ. № 1.

Марков Д.Б. 2001. Пантикапейская гексадрахма и её место в денежно-весовой системе Боспора // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб.

Смекалова Т.Н. 2000. Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // Древности Боспора. Вып. 3. М.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 1998. Результаты исследования состава боспорских монет VI-II веков до н.э. из собрания Государственного Эрмитажа // Древности Боспора. Т.1. М.

Фролова Н.А. 1988. Проблемы монетной чеканки Боспора VI-II вв. до н.э. (По поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986. // ВДИ. № 2.

Фролова Н.А. 1992. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М.: «Академия наук СССР».

Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: «Наука».

Markov D. 2000. Mail bid auction. 9. Coins & Medals. P.O. Box 950 New York, Ny 10272. Closing Dates: December 14-15.

Markov D. 2001. Mail bid auction. 10. Coins & Medals. P.O. Box 950 New York, Ny 10272. Closing Dates: October 23-24.

Price M. 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1. The Black Sea. London. (Reprint 1996).

Е.Я. Туровский, С.Г. Демьянчук

МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ ОЛЬВИИ IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III в. до н.э.

E.J. Turovskii, S.G. Demyanchuk. Coins Emitted in Olbia in IV – first quarter of III cc. BC.

The article is a study of chronology of the Olbian coins. Unfortunately, it is not a complete one, as it does not include several types of small minted copper coins without any magistrate distinctions. The work relies on the methodological assumptions of P.O. Karyshkovskii. It also brings detailed characteristics of groups and subgroups of the studied coins following P.O. Karyshkovskii's method. The article reflect the modern situation in studies of the Olbian coins.

Настоящая статья посвящена прежде всего вопросам хронологии ольвийских монет. Первые попытки датировки ольвийских монет были предприняты некоторыми исследователями XIX – начала XX в. Однако в основном они не выдержали проверки временем. Первую цельную хронологическую схему ольвийских монет предложил А.Н. Зограф (Зограф 1951: 119-145). Огромный вклад в изучение многих вопросов ольвийской нумизматики внес П.О. Карышковский (Карышковский 1988). По сути дела, он создал относительную хронологию ольвийских монет, которая может быть уточнена только в отдельных позициях. С абсолютной хронологией монет дело обстоит не столь безукоризненно, поскольку для точной датировки отдельных выпусков данных часто недостаточно. К сожалению, П.О. Карышковский не успел выпустить книгу, включающую полный каталог ольвийских монет. Такой каталог представлен в книге В.А. Анохина (Анохин 1989), однако хронологические схемы этого исследователя вызывают большие нарекания. Совсем недавно появился каталог ольвийских монет В.И. Нечитайло, который дает многие новые разновидности ольвийских монет (Нечитайло 2000). К сожалению, объем настоящей статьи не дает возможности остановиться на вопросах историографии ольвийских монет более подробно. Поэтому мы перейдем непосредственно к собственной хронологической схеме ольвийских монет.

В настоящее время можно считать надежно установленным фактом, что первым массовым выпуском ольвийских чеканенных бронзовых монет была серия с головой Деметры (влево или вправо) на аверсе и орлом на дельфине на реверсе. Эмблема на реверсе повторяет в основных деталях изображения на однотипных монетах Истрии и Синопы. Крылья орла обычно тесно прижаты к корпусу, ноги расположены рядом и касаются дельфина в середине длины его тела, а голова наклонена так, что орел представлен клюющим свою добычу. Над орлом, кроме единственного исключения, помещены начальные слоги имени города, а под дельфином (в ряде случаев над его хвостом) часто имеются сокращения личных имен.

Монеты данного типа известны в нумизматической литературе с XIX в. (Бурачков 1884: табл. IV, №№ 58, 59, 66; табл. V, №№ 68-75; табл. VII, №№ 142-145, 147, 149; Pick 1898: tab. IX, №№ 10, 11, 20). Единственная в дореволюционной литературе работа, в которой предпринята попытка классификации этих монет (Голубцов 1914: 92-112), вызвала справедливую критику исследователей (Зограф 1951: 128-129; Карышковский 1978: 87-88). Специальное исследование ольвийской чеканенной бронзы первой серии осуществил П.О. Карышковский, который на основе тщательного анализа разновидностей монет осуществил их группировку (Карышковский 1978: 83-99). Эта классификация основана на объективных данных и не вызывает сомнения. При этом мы полагаем, что выпуски без магистратских имен чеканились ранее монет с именами.

Для большей наглядности изложения полагаем полезным привести подробную характеристику групп и подгрупп данной серии, по П.О. Карышковскому.

I группа (группа М, по П.О. Карышковскому). Монеты первой группы не всегда единообразны по особенностям трактовки волос Деметры и общим чертам стиля изображений, что позволяет разделить ее на четыре подгруппы. Общей чертой для всех монет является валик из уложенных за ленту волос надо лбом и над

© Е.Я. Туровский, С.Г. Демьянчук, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

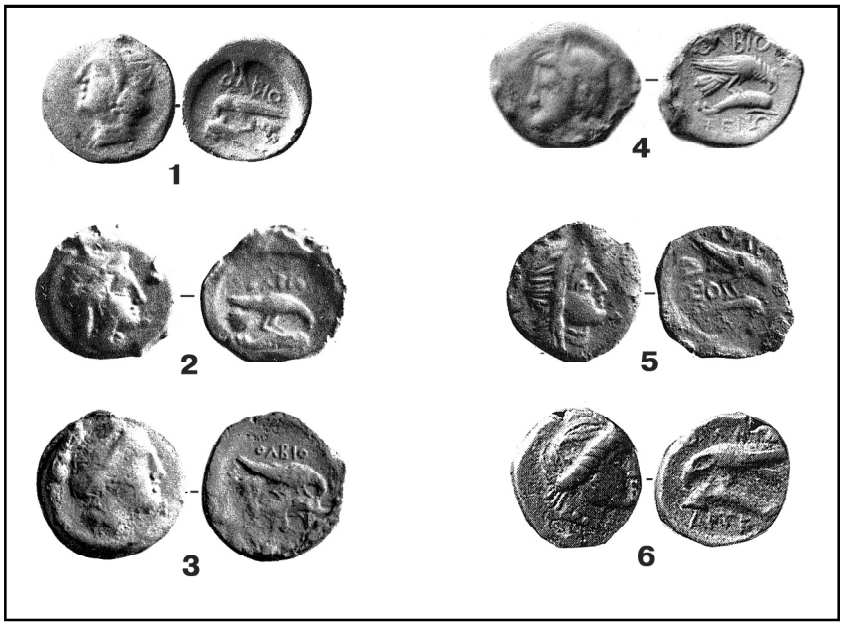

Рис. 1. Бронзовые монеты Ольвии с головой Деметры: 1-4 – I группа, 5-6 – II группа.

висками богини и другой, более пышный валик на ее затылке. Шея иногда открыта, волосы спадают на нее тонкими прядями, порой обрамляющими нетолстую и короткую косу или крупный локон. Серьга, почти всегда украшающая ухо Деметры, имеет разную форму (один, два, три шарика или форму амфоры). На шее богини всегда имеется ожерелье, чаще из одного ряда бус, но встречаются и двойные, и даже тройные ожерелья.

Подгруппа Ia (Mi). Для монет подгруппы известно 11 штемпелей. Изображение богини имеет в основном левый поворот (только на одном штемпеле правый поворот), эмблема также чаще обращена влево, чем вправо. На шее богини заметны лишь тонкие локоны, серьга из одного, двух, трех шариков, ожерелье чаще из одного, чем из двух рядов бус. Название города написано над спиной орла (один раз пропущено). Сокращения имен отсутствуют (Карышковский 1978: рис. 2: 2-5) (рис.1: 1).

Подгруппа I б (Me). Известно 10 штемпелей. Изображение богини и эмблемы всегда повернуты вправо, на шее Деметры заметна коса, серьги состоят из одного или трех шариков, иногда отсутствуют. Ожерелье обычно из одного ряда бус (единственный случай, когда из двух). Сокращений имен нет (рис. 1: 2).

Подгруппа I в (Ma). Известно 13 штемпелей. Профиль богини обращен чаще вправо (11 штемпелей), чем влево (2 штемпеля), но эмблема всегда вправо. Шея богини открыта, пышный пучок волос на затылке обычно резко отделен от валика надо лбом, серьга представлена всеми разновидностями. Известны сокращения имен, размещенные под дельфином: AYΞ, BA, EY, однако, чаще встречаются экземпляры без сокращений (рис.1: 3).

Подгруппа I г (Mo). Известно 12 штемпелей. Богиня чаще (9 штемпелей) обращена влево; серьга либо отсутствует, либо состоит из трех шариков; когда ожерелье достаточно хорошо различимо (9 штемпелей), оно образовано двумя рядами бус. Эмблема обычно обращена вправо. На монетах подгруппы известно 6 сокращений имен: AΓOPA, ANΔP, APIΣT, KAΛΛI, MONI, ΞENΩ. Монеты со всеми шестью сокращениями объединены шестью штемпелями. Можно полагать, что перед нами шесть последовательных годовых эмиссий, причем наиболее вероятная последовательность может быть намечена лишь предположительно, она вытекает из очередности поступления штемпелей в производство (Карышковский 1978: 93) (рис.1: 4).

II группа (группа P, по Карышковскому).

Значительно отличается от монет I группы, прежде всего по характеру прически Деметры. Окружающий верхнюю часть головы валик из волос не охватывает затылка, а переходит в косу, свисающую вдоль шеи; коса свита из толстых, расходящихся к концам прядей, напоминая прическу богини на ранних серебряных статерах. Серьга часто отсутствует, но там, где она изображена, наблюдается разнообразие форм. Ожерелье только на одном штемпеле состоит из двух рядов бус, обычно из одного.

Подгуппа II а (Pe). Известен 21 штемпель. На всех монетах изображение богини и эмблема обращены вправо. Пряди волос на шее богини нетолстые и находят аналогии на серебряных статерах. Известно 7 сокращений, которые во всех случаях изображены ретроградно (рис.1: 5). По месту нанесения они распределяются следующим образом: EIEY всегда под дельфином; EI или EIP всегда под дельфином; EY и над хвостом дельфина и под ним; EYΦ всегда под дельфином; HPΩI под дельфином; ΘEO над дельфином; MH и над хвостом дельфина и под ним.

Подгруппа II б (Ро). Известно 20 штемпелей. Изображение богини всегда повернуто вправо, эмблема обычно повернута влево. По сравнению с предыдущей подгруппой пряди волос на шее богини заметно утолщаются и становятся более небрежными. Сокращения имен расположены слева направо как над хвостом дельфина, так и под ним. П.О. Карышковскому были известны следующие сокращения: ΔΙΟ, ΑΘΗ, ΑΔΕΙ, ΕΥΠΡ, ΠΟΣΕΙ. К ним можно добавить еще одно недавно опубликованное сокращение – ΑΡΤΕ (SNG: № 412) (рис.1: 6).

По-видимому, параллельно со всеми названными выпусками осуществлялась чеканка мелкой меди нескольких типов, однако ее более точная хронология затруднена отсутствием в легендах монет сокращений магистратских имен (рис. 2: 1, 2).

III группа (Ti). Известно 6 штемпелей. Все монеты имеют правый поворот головы Деметры и эмблемы. Сокращения имен отсутствуют.

Подытоживая характеристику выпусков монет Деметра – орел на дельфине (первая серия), отметим следующие важные моменты:

1. Настоящие выпуски открывают практику чеканки бронзовой монеты в Ольвии.

2. Логично предположить, что раньше других чеканились группы Ia, Iб, III, которые не имели в легенде сокращений магистратских имен. Впервые сокращения имен появляются на поздних вариантах монет подгруппы Iв и затем становятся обязательным элементом легенды.

3. Типы изображений крайне неустойчивы: наблюдаются многочисленные варианты причесок, направлений поворота головы Деметры и эмблемы.

4. Следует отметить небрежность и поспешность, проявившуюся в процессе изготовления монет: сокращение имени города иногда читается ретроградно, в одном случае вообще отсутствует; штемпеля далеко не всегда точно ориентированы по центру монетного кружка; большинство дошедших до нас экземпляров отчеканены на кружках, отлитых по несколько штук в ряд и затем отделенных друг от друга так, что на готовой монете заметны выступы – части соединявших кружки и затем разрубленных литейных «мостиков».

На наш взгляд, наиболее поздней группой в первой серии ольвийской чеканенной бронзы является группа II б (Ро). Считаем возможным предположить, что при двух магистратах данной группы (сокращения ΑΘΗ, ΔΙΟ) начинается выпуск серии крупной ольвийской бронзы, тип: голова Деметры влево – орел на дельфине, ΟΛΒΙΟ, сокращение имени магистрата (рис. 2: 3). Орел неизменно изображен в профиль с крыльями, поднятыми параллельно корпусу, с низко опущенной головой.

Новый тип ольвийской бронзы имел большой разброс весов от 7,70 до 12,05 г (такая терпимость веса характерна и для первой серии бронзы). В целом веса первой и второй серий соотносятся примерно 1:3. Характер расположения элементов легенды на монетах новой серии стабилен: сокращенное имя города – ΟΛΒΙΟ всегда под дельфином, имя магистрата над крыльями орла. Всего известно 15 сокращений имен магистратов: ΒΙΩ, ΗΡΩ, ΣΩΣΗ, ΣΚ,ΦΙΛΙ, ΚΛΕ, ΑΓΟ, ΠΑΡ, ΑΘΕ, ΑΚΕ, ΑΡΙΣ, ΔΙΟΝ, ΜΟΣΧΙ, ΡΑΤΩ, ΦΑΙΔΙ. Место настоящей серии ольвийской бронзы в общей схеме чеканки IV в. до н.э. определяется достаточно надежно. Она приходит на смену мелкой бронзе первой серии (может быть, короткое время чеканится с ней параллельно), в свою очередь ей на смену приходит выпуск так называемых «борисфенов» (последнее обстоятельство подтверждается перечеканками).

Относительно последовательности выпусков внутри данной серии мы предлагаем следующую гипотезу. Если верна наша догадка о том, что при магистратах, скрывающихся за сокращениями ΑΘΗ и ΔΙΟ (ΔΙΟΝ), параллельно чеканилась бронза первой и второй серий, то монеты с такими сокращениями должны быть в числе наиболее ранних во второй серии. Не вызывает больших сомнений, что завершали чеканку монет второй серии магистраты, скрывающиеся за сокращениями ΑΡΙΣ и ΜΟΣΧΙ, поскольку при них осуществляется выпуск серебряных дидрахм эгинской системы с теми же сокращениями имен (рис. 2: 4). К ним мы склонны присоединить магистрата, скрывающегося за сокращением ΦΑΙΔΙ, поскольку среди самых ранних ольвийских дидрахм известны монеты с сокращением ΦΑ. Допущение, что за обоими сокращениями скрывается один и тот же магистрат, не кажется нам слишком смелым.

Достаточно сложен вопрос о младшем номинале того же типа, что и крупная бронза второй серии: голова Деметры влево – орел на дельфине. С одной стороны, тип аверса и реверса монет каждого сорта похожи до мелких подробностей, с другой – на крупных монетах обозначены сокращения имен, а на мелких монограммы (в двух случаях по две монограммы). Попытки связать сокращения и монограммы ни в одном случае не привели к успеху. Считать названные выпуски диахронными тоже нет никаких оснований. В период чеканки «борисфенов» в качестве младшего номинала, очевидно, выступали монеты Тихе – стрелок. Мы не берем на себя смелость однозначно объяснить этот факт. Возможны разные варианты: может быть, за монограммами скрываются лица, специально назначаемые надзирать за выпусками младшего номинала.

Здесь уместно оговорить, что маркировка монетных выпусков именами (в разных формах) ежегодно сменяемых магистратов Ольвии IV – начала III вв. до н.э. строго выдерживалась только для бронзы старших номиналов, для младших номиналов бронзы такая маркировка

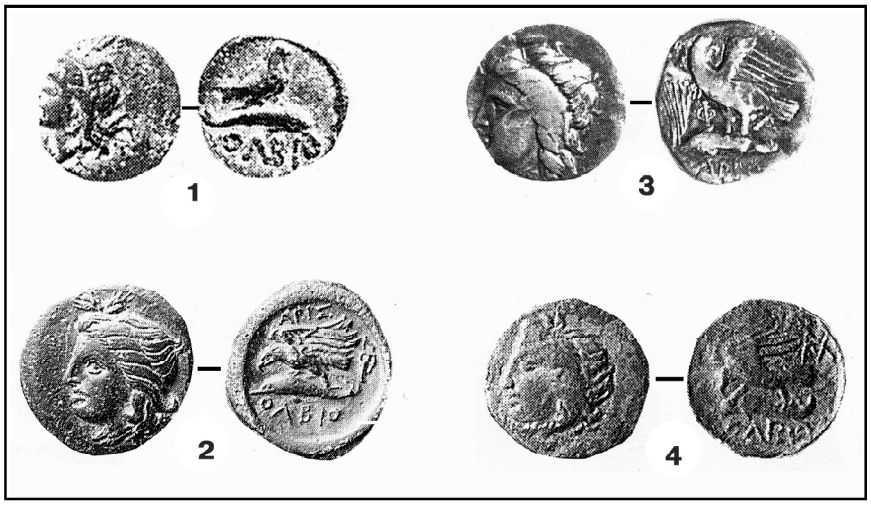

Рис. 2. Монеты Ольвии: 1, 2 – медные, без магистратских имен; 3 – бронзовая, подгруппа IIб, тип с сокращениями ΑΘΗ *и* ΔΙΟ*; 4 – серебряные дидрахмы с сокращениями* ΑΡΙΣ *и* ΜΟΣΧΙ.

осуществлялась спорадически; то же самое можно отметить и для монет из благородных металлов.

Рассмотрим в подтверждение высказанной гипотезы систему маркировки ольвийского серебра IV в. до н.э. Группировку разновидностей этих монет осуществил в свое время П.О. Карышковский (Карышковский 1956: 69-77). Он разделил серебряные монеты «Деметра влево – орел на дельфине» на две противостоящие друг другу группы. К первой группе относятся монеты, отличающиеся хорошим качеством металла, некоторой неправильностью очертаний монетного кружка, четко выраженной вдавленностью оборотной стороны, высоким рельефом изображений, а также наличием добавочных символов (колос, трезубец) и, кроме одного исключения, сокращений магистратских имен. Изображение Деметры на аверсе выполнено в соответствии с лучшими образцами греческого искусства; орел, терзающий дельфина, на реверсе изображен свободно и близко к натуре, крылья его широко разведены в стороны и переданы без всякого схематизма.

Монеты второй группы чеканены из плохого серебра, отличаются круглым, тонким и плоским монетным кружком, низким рельефом изображений. Деметра трактована в иной, более условной и небрежной манере; изображения орла на реверсе схематично и выполнено с геометрической сухостью; кроющие перья представлены точками, маховые – параллельными валиками.

Приведенная П.О. Карышковским общая группировка данной серии серебра не вызывает никаких возражений; что касается предложенной исследователем схемы последовательности подгрупп ранней группы, то она вызывает серьезные нарекания, поскольку в ее основу положен один признак: наличие или отсутствие добавочного символа (колос, трезубец). Мы предлагаем иную схему чередования подгрупп, на наш взгляд, лучше учитывающую всю сумму нумизматических фактов.

Подгруппа А (около 60-х гг. III в. до н.э.). Представлена уникальным экземпляром. Детали прически богини плохо различимы; маховые перья в крыльях орла прямые, кроющие – представлены зубчиками; перья хвоста плотно сжаты. Над орлом – колос вершиной влево. Буквы названия города плотно сжаты, все они мелкие, одного размера. Сокращение магистратского имени отсутствует. Несомненно, что этот выпуск открывает данную серию серебра. П.О. Карышковский отмечал сходство изображения богини на этой монете с изображениями на монетах подгруппы Ре первой серии ольвийской бронзы (Карышковский 1978: 92). Однако, на наш взгляд, скорее выпуск синхронен первым выпускам крупной меди (Деметра – орел на дельфине) и датируется 60-и гг. IV в. до н.э.

Подгруппа В (около 50-х гг. IV в. до н.э.). В состав подгруппы мы включили монеты с сокращениями имен трех магистратов: ΦΑ, ΑΡΙΣ, ΜΟΣΧ. Все три сокращения могут быть сопоставлены с сокращениями на меди Деметра – орел на дельфине (второй серии). И если по поводу первого сокращения – ΦΑ и ΦΑΙΔΙ (на меди) существуют определенные сомнения, то относительно последних никаких сомнений возникнуть не может. Монеты с сокращением ΦΑ имеют много общих черт с монетой подгруппы А, однако, в целом имеют более изысканный стиль изображения, хотя и более примитивный, чем у последующих выпусков. Над головой орла на одной из монет наблюдаются следы колоса. Буквы Φ и Α разделены туловом орла. Монеты с сокращениями ΑΡΙΣ и ΜΟΣΧ выполнены одним штемпелем аверса. Изяществом исполнения монеты отличаются как от предыдущих, так и от последующих выпусков. Сокращения имен нанесены под хвостом орла. Колос над орлом отсутствует. Буквы имени города мелкие, примерно одного размера.

Подгуппа С (около 350-340 гг. до н.э.). В подгруппу включены монеты, в легендах которых на смену сокращениям имен приходят монограммы (за единственным сомнительным

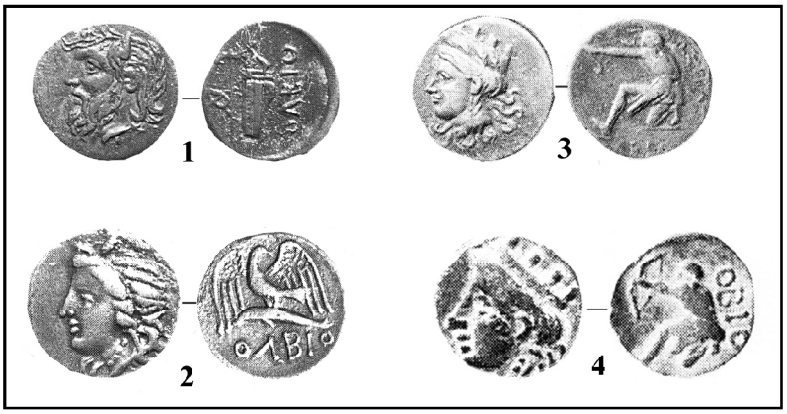

Рис. 3. 1-2 – серебряные монеты Ольвии: подгруппы C и D; 3-4 – медные монеты.

случаем) совпадающие с монограммами на «борисфенах» (рис. 3: 1). Мы полагаем следующую последовательность выпусков внутри подгруппы. Начинается она с выпуска с монограммами ΠΑ и ΑΠ, за которыми, очевидно, скрывается один и тот же магистрат. Он же (известен в форме ΑΠ) отмечен среди магистратов на «борисфенах» I группы. Выпуск «борисфена» этого магистрата не связан общими штемпелями с монетами I группы других магистратов, что позволяет отнести его к первому выпуску данной серии. Статеры с ΠΑ и ΑΠ имели общие штемпеля аверсов, такой же штемпель имеет статер с монограммами ΠΟ и ΠΟ. Мы полагаем, что магистратское имя скрывается за монограммой ΠΟ, которая также представлена среди «борисфенов». Статеры с ΠΑ, ΑΠ и ΠΟ имеют черты сближающие их по стилю со статерами предыдущей группы.

Следующий по времени статер имеет монограмму ΕΚ, такую же монограмму имеет серебряная драхма, золотой статер и «борисфен». Можно уверенно утверждать, что с магистратом, имя которого скрывается за ΕΚ, связан пик в ольвийской монетной чеканке IV в. до н.э. Характерно, что «борисфены» с монограммой ΠΟ и ΕΚ связанны общим штемпелем аверса. На статерах обе монограммы размещены над хвостом дельфина. Однако статеры с ΕΚ отличаются тем, что над орлом расположен колос. Затем, вероятно, следует статер с буквой Ε, которая обозначена на месте колоса над головой орла. Такого дифферента нет на «борисфенах», но учитывая, что есть монограмма ΕΦ, а верхняя гаста Ε на обоих известных статерах уходит за край поля монеты, то можно предположить, что мы имеем дело или с различными способами передачи одного и того же имени (первая буква имени и монограмма), или все с той же монограммой, которая на сохранившихся экземплярах передана не полностью. Та же компоновка элементов изображения (монограмма над головой орла, отсутствие колоса и трезубца) наблюдается на статере с монограммой ΟΤ. Характерно, что статеры с монограммой этого магистрата объединены общим штемпелем аверса со статерами с монограммой ΠΕ (общим штемпелем объединены и «борисфены» с такими же монограммами). У названных статеров впервые появляется на реверсе дополнительный элемент в виде трезубца, расположенного за хвостом орла.

Изображение трезубца обязательный элемент магистрата, скрывающегося за монограммой ΚΕ, при котором (судя по частоте находок) была осуществлена самая массовая эмиссия серебряных статеров. Названный магистрат, по всей видимости, замыкает подгруппу C.

Статеры подгрупп A, B, D чеканены по эгинской весовой системе.

Подгруппа D (около последней четверти IV – начала III вв. до н.э.).

Монеты подгруппы отличаются круглым, тонким и плоским монетным кружком, низким рельефом изображений. Дифференты и сокращения имен всегда отсутствуют. Деметра трактована в иной, более условной и небрежной манере: на одних экземплярах лицо ее приобретает излишнюю полноту и одутловатость, на других, напротив, угловатость и резкость очертаний. Волосы, которые на монетах предыдущей группы всегда моделированы нетолстыми прядями, сходящимися у макушки и непринужденно спускающимися на плечи, показаны широкими параллельными рядами, направленными к затылку, а распущенные локоны уложены неестественно крупными, крутыми завитками (рис. 3: 2). Изображение орла на обороте схематично и выполнено с геометрической сухостью; кроющие перья представлены точками, маховые параллельными валиками, которые сохраняют вначале легкую кривизну и утончаются к нижнему краю крыла, а затем приобретают безжизненную прямизну и тупо обрываются на концах (Карышковский 1956: 70).

Отсутствие на серебре данной подгруппы сокращений и монограмм затрудняет точную хронологическую привязку выпусков, поэтому мы считаем предпочтительной широкую датировку подгруппы. Вопрос о том, почему серебро поздней подгруппы выпускалось без монограммы или имени магистрата, остается открытым. Скорее всего, следует признать правомерной гипотезу П.О. Карышковского, согласно

которой удаление монограмм позволяло легко отличать новые монеты от старых, поскольку чеканились они уже в иной весовой системе (Карышковский 1957: 65).

Нам представляется очевидным, что все ранние подгруппы статеров были выпущены до осады Ольвии Зопирионом, тогда как поздняя подгруппа после нее. Характерно, что между двумя этапами чеканки серебряных статеров лежит выпуск свинцовой монеты с изображением Деметры и орла на дельфине, идентичной серебряным статерам. Мысль о том, что это кредитные монеты, выпущенные в связи с осадой Ольвии Зопирионом (Наумов 1985: 56) представляется нам весьма вероятною. Можно также предполагать и незначительный перерыв в выпуске «борисфенов» (1-2 года), приходящийся на то же время. При этом выпуски «борисфенов» на протяжении более 70 лет осуществлялись, очевидно, ежегодно без перерывов. Приведем последовательную картину монет этого сорта по хронологическим группам П.О. Карышковского.

Группа I (около 350-340 гг. до н.э.) включает монеты с 12 различными монограммами, принадлежавшими 11 магистратам. Штемпельный анализ и сопоставление их с серебряными статерами дает следующий примерный порядок последовательности выпусков. Группа II (около 340-333 гг.) чеканилась при 6 магистратах. Группа III (около 33-325 гг.) – при 6 магистратах. Группа IV (около 325-317 гг.) – при 8 магистратах. Группа V (около 317-293 гг.) – при 24 магистратах. Группа VI (около 293-286 гг.) – при 7 магистратах. Группа VII (около 286-284 гг.) – при 2 магистратах. Группа VIII (около 284-281 гг.) – при 3 магистратах. Группа IX (около 281-279 гг.) – при 2 магистратах. Группа X (около 279- 277 гг.) – при 2 магистратах. Группа XI (около 277-275 гг.) – при 2 магистратах.

В полной мере сознавая, что предложенная схема грешит излишней дробностью, мы, тем не менее, полагаем правомерность ее существования. Такая схема позволяет, например, приблизительно вычислить начало кризиса в монетном деле Ольвии, который, по мнению П.О. Карышковского, начался с выпуска поздних, деградированных и редуцированных «борисфенов» (VII-XI группы). Количество магистратов в этих группах составляет 11, что дает возможность отнести начало кризиса к середине 80-х гг. III в. до н.э.

Обратимся теперь к вопросу о выпусках мелкой меди, синхронной «борисфенам». Ответ на него предложил в свое время П.О. Карышковский, который, исходя, прежде всего, из археологических данных, считал, что единственным сортом мелкой меди, синхронной «борисфенам», являлся тип: ав. – голова Деметры в corona muralis, украшенная колосьями, влево; рев. – коленопреклоненный лучник влево, ΟΛΒΙΟ, сокращение имени, буквенный дифферент или монограмма (рис. 3: 3,4). Для уточнения числа лет, в течение которых чеканились монеты Деметра – лучник, уточним число магистратов, известных на монетах. В каталоге В.А. Анохина указано шесть дифферентов и монограмм (Анохин 1989: № 59-69). К этому следовало бы добавить еще три, опубликованные в своде Британского музея (SNG: №№ 540, 542, 548). Однако сокращение ΦΛΑ – вероятно, ретроградная передача сокращения ΑΛΦ. В одной из статей П.О. Карышковский вслед за ΑΛΦ приводит в круглых скобках ΦΛΑ, вероятно, такой вариант легенды был ему известен (Карышковский 1962: 95). Сокращение ΙΣΛΟ при внимательном рассмотрении является ретроградной передачей этникона – ΟΛΒΙΟ. Единственным новым сокращением является ΝΟΣ. Таким образом, монеты с лучником выпускались как минимум 7 лет, однако на самом деле этот срок должен быть увеличен за счет выпусков без сокращений и монограмм. Монеты с лучником, на наш взгляд, имели два номинала. Старшие, известные с сокращениями: ΣΟΣΤΡΑ, ΑΡ, ΝΟΣ, представляли собою, очевидно, дихалки (половина «борисфена» III-V гр.). Другие, с дифферентами: ΒΑ, Α, ΑΛΦ (ΦΛΑ), ΑΡ, ΗΡ, очевидно, представляли собою халки (1/4 «борисфена»). Магистрат, скрывающийся за монограммой ℵΡ, выпускал, очевидно, монеты с лучником двух номиналов. Отдельно стоят выпуски «лучников» без дифферентов, только с этниконом, иногда в форме ΟΒΙΟ, которые, как правило, отличаются меньшим весом и, по-видимому, синхронны поздним, редуцированным группам «борисфенов».

П.О. Карышковский полагал, что монеты с лучником одновременны второй и третьей группам «борисфенов». При этом он оговаривал, что трудно выделить выпуски, в точности отвечающие тем или иным годовым эмиссиям «борисфенов». В основном разделяя этот вывод, мы, тем не менее, полагаем, что чеканка «лучников» имела дискретный характер и осуществлялась по мере необходимости в младших номиналах в основном теми же магистратами, при которых чеканились «борисфены». Находки монет обоих типов на поселениях ольвийской хоры (последней трети IV – первой четверти III вв. до н.э.) (Урсалов 1978: 42) вполне подтверждает вывод П.О. Карышковского о совместном выпуске и обращении «борисфенов» и «лучников».

В заключении хотим отметить, что предложенная хронологическая схема не является окончательной. В частности, она не включает несколько типов мелкой чеканенной меди без магистратских дифферентов. В то же время мы полагаем, что наша хронология, которая целиком построена на методических посылках П.О. Карышковского, отражает современное состояние изучения ольвийских монет.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Бурачков П.О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса. Ч. I.

Голубцов В.В. 1914. Монеты Ольвии по раскопкам 1905-1908 годов // ИАК. 51.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. №16.

Карышковский П.О. 1956. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н.э. // КСИИМК. Вып. 66.

Каришковский П.Й. 1957. З історіі монетної справи та грошового обігу в Ольвіі // Археологія. Т.11.

Карышковский П.О. 1962. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП. № 4.

Карышковский П.О. 1978. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н.э. // АИСЗП. Киев.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Нечитайло В.И. 2000. Каталог ольвийских монет. Киев.

Наумов В.И. 1985. Свинцовые монеты городов Северного Причерноморья // Проблемы исследования Ольвии. Парутино.

Рубан В.В. Урсалов В.Н. 1978. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана // ВДИ. № 3.

Pick B. 1898. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Berlin. Bd.1.

Sylloge Nummorum Graecorum. 1993. The British Museum 1 The Black Sea. Vol. IX. London.

И. Лазаренко

СПАРАТЕСА – НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАКИЙСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ (КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ III в. до н.э.)

I. Lazarenco. Sparatesa: Unknown Thracian Ruler (the Late Second Decade of III c. BC)

The article sheds light on another, unknown so far page of history. Owing to 5 bronze coins with an unknown Thracian name and royal title on them, kept in a private collection, the author managed to discover no less than a «kingdom», whose existence did not last long and which did not leave any trace in historical records.

Предметом настоящего сообщения являются пять бронзовых монет типа Лисимаха, хранящихся в частном собрании варненского коллекционера Д. Димитрова[1]. Интерес к этим монетам вызван их частично сохранившимися надписями, которые взаимно дополняются и дают часть неизвестного до сих пор фракийского имени, перед которым стоит царский титул.

1. Л.с. Голова Афины, вправо.

О.с. [ΒΑΣ(Ι)Λ]ΕΩΣ / ΣΠΑΡΑΤΕΣΑ. Лев в прыжке, вправо. Под ним – наконечник копья. Изображение льва перекрывает круглая надчеканка Одесса типа «Полулежащий Великий бог влево, без рога изобилия. В поле перед ним – опрокинутая амфора, в отрезе под богом – городская монограмма Д».

Диаметр 18-19 мм; вес 5,61 г; место находки: Шуменский р-н (рис. 1: 1).

2. Л.с. Отчеканена одним штемпелем с монетой №1.

О.с. [ΒΑ]Σ(Ι)ΛΕΩΣ / [Σ]ΠΑΡΑΤΕΣΑ. Отчеканена одним штемпелем с монетой №1. Клеймо то же, но использован другой штемпель.

Диаметр 15,5-17 мм; вес 3,73 г; место находки: Ново-Пазарский р-н (рис. 1: 2).

3. Л.с. Отчеканена одним штемпелем с предыдущими.

О.с. [ΒΑΣ(Ι)ΛΕ]ΩΣ / [Σ]ΠΑΡΑΤΕΣΑ. Отчеканена одним штемпелем с предыдущими. Клеймо то же, выполнено одним штемпелем с клеймом на монете №1.

Диаметр 16-18 мм; вес 5,33 г; место находки: Ново-Пазарский р-н (рис. 2: 1).

4. Л.с. Изображение то же. Отчеканено другим штемпелем.

О.с. [ΒΑΣΙΛ]ΕΩΣ / [Σ]ΠΑΡΑΤΕ[ΣΑ]. Изображение то же. Отчеканено другим штемпелем. Контрмаркирована одним штемпелем с монетами №1 и 3.

Диаметр 15-17 мм; вес 3,84 г; место находки: Шуменский р-н (рис. 2: 2).

5. Л.с. Отчеканена одним штемпелем с монетой №4.

О.с. [ΒΑΣΙΛΕΩΣ] / [Σ]ΠΑΡΑΤΕΣΑ. Контрмаркирована одним штемпелем с монетой №2.Диаметр 14,5-15,5 мм; вес 2,91 г; место находки: Шуменский р-н (рис.2: 3).

По-видимому, небольшая площадь монетного поля не позволила граверу написать полное имя василевса, так как отсутствует окончание родительного падежа. Я предполагаю, что для получения целого имени к сохранившейся части – Σπαρατεσα необходимо добавить еще одну или больше букв. Нельзя исключать и возможность ошибки гравера при изготовлении монетных штемпелей. Возможно, мастер передал полное имя владетеля, но не поставил его в нужный падеж. Думается, что в настоящий момент правильнее всего называть династа той частью его имени, которая написана на монетах, и потому ниже я буду именовать его «Спаратеса».

Время чеканки монет Спаратесы может быть определено сравнительно точно. В последних исследованиях бронзовые монеты Лисимаха типа «Голова Афины/лев в прыжке» датируются 297/296 – 281 гг. до н.э. (Юрукова 1998: 19), а одесские клейма типа «Полулежащий Великий бог влево, под ним городская монограмма Д» – первыми годами после 281 г. до н.э. (Топалов 1997: 31).

Так как Спаратеса едва ли позволил бы себе имитировать монеты Лисимаха при жизни диадоха, а на одесском монетном дворе

[1] Пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить г-на Д. Димитрова за предоставленные для этой публикации монеты.

© И.Лазаренко, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

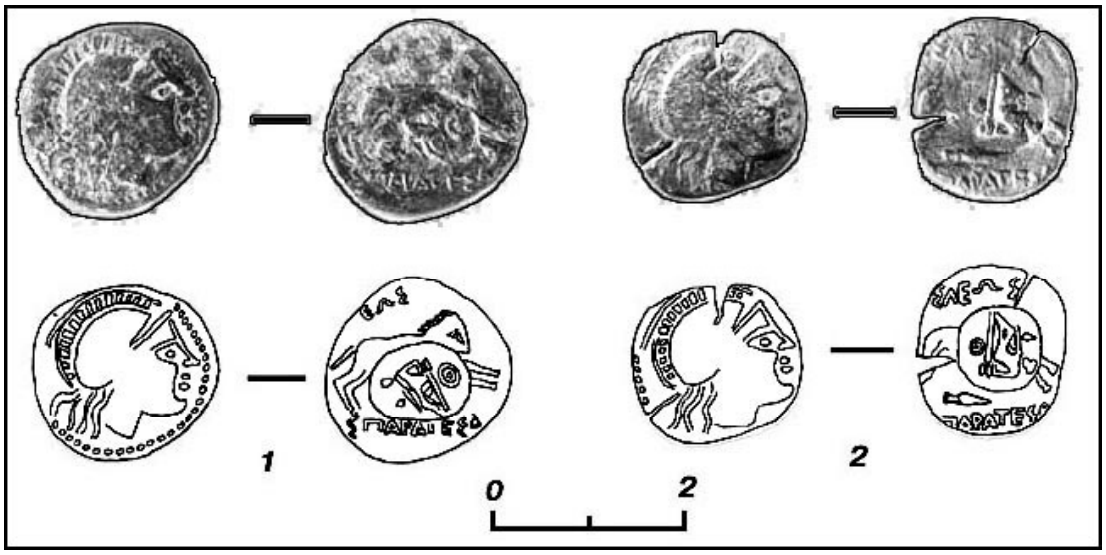

Рис.1. Бронзовые монеты Спаратесы с контрмарками Одесса (фотографии и прорисовки).

едва ли контрмаркировали бы монеты властвующего в данный момент династа, я предполагаю, что эмиссии Спаратесы были отчеканены в период 281-280 гг. до н.э. Из этого следует, что Спаратеса был современником Лисимаха и, вероятно, исчез с политической сцены (убит или свергнут с престола) вскоре после смерти диадоха.

Так как Спаратеса не засвидетельствован в письменных источниках, невозможно сказать ничего конкретного о его родословной. Однако, на основании надписей и изображений на монетах могут быть сделаны некоторые предположения о происхождении правителя.

Прежде всего необходимо обратить внимание на титул βασιλεύς. Он показывает, что Спаратеса происходит из среды властвующей фракийской аристократии. О справедливости данного заключения говорит и само его двухчастное имя – Σπαρα–τεσα. Его первая часть переводится как «копье» (Detschew 1957: 475; Георгиев 1957: 63) и известна по одрисским царским именам Σπαραδοκος и Σπαρτοκος. Имея это в виду, я думаю, что Спаратеса, должно быть, являлся потомком одной из двух ветвей рода Тереса, который правил Одрисским царством в V – первой половине IV вв. до н.э.

В конце IV – начале III вв. до н.э. известны три одрисских династических дома, засвидетельствованные по эпиграфическим и нумизматическим данным. Их владения могут быть локализованы приблизительно между южными склонами Балкан (Гема) и северными склонами Родоп и Странджи.

Территории вблизи черноморского побережья были под контролем семейства, из которого происходит династ Садала. В сохранившейся части декрета (IGBulg. I 1970: 257-262, №307), передающей договор между ним и жителями Месембрии, перечислены имена его четырех предков – Мопсиестия, Тарутина, Медисты и Котиса (Гълъбов 1950: 16). К сожалению, не известно ничего конкретного об отношениях между этими династами и македонскими царями Филиппом II, Александром III и Лисимахом.

В последней четверти IV и в начале первого десятилетия III вв. до н.э. бесспорным одрисским лидером в землях к северо-западу от места слияния рек Марицы, Тунджи и Арды был Севт III. После его смерти наследники – сыновья Гебризельм, Терес, Саток, Садала и его вдова Береника были вынуждены считаться с политически более сильным Спартоком из Кабиле[2].

Среди известных нам предков Садалы и наследников Севта имя Спаратесы не фигурирует. Это дает мне основание предполагать, что, если Спаратеса был одрисским аристократом, то он, должно быть, принадлежал к кабиленской или другой, пока неизвестной династии.

Из представителей кабиленской династии, живших в первые два десятилетия III в. до н.э., нам известен только Спарток. Он был современником Лисимаха, Севта III и их прямых наследников. Нет никаких сомнений, что Спарток пережил Лисимаха, так как лишь после смерти диадоха он мог получить титул βασιλεύς (Драганов 1984: 46; 1993: 18-19). До сих пор Спарток был единственным известным нам фракийским династом III в. до н.э, носившим этот титул. Появление монет Спаратесы, которые хронологически очень близки спартоковым, ставит вопрос, возможно ли существование какого-либо родства между Спартоком и Спаратесой (отец – сын, братья, дядя и племянник) или другого вида связи, приведшего к передаче царской власти и титула βασιλεύς.

[2] Договорные отношения наследников Севта III и Спартока изложены в Севастопольской надписи (IGBulg.III/2, 1964, 147–149, №1731; о ней см.: Манов 1998: 8–15 и указанную там литературу)

Принято считать, что Спарток потерял власть, а вероятно, и жизнь во время разорительного для Фракии кельтского нашествия 279-277 гг. до н.э. (Драганов 1984: 47). В этот период большая часть бронзовых монет Лисимаха уже вышла из обращения, была переплавлена, перечеканена или надчеканена на монетных дворах греческих городов.

Все известные мне монеты Спаратесы – одного типа Лисимаха и носят клеймо Одесса. Это является показателем того, что, если между Спартоком и Спаратесой существовала какая-либо прямая преемственность, то она направлена от Спаратесы к Спартоку, а не наоборот. Если это действительно так, то может оказаться, что Спаратеса является отсутствующим звеном между бесспорным царем Фракии Лисимахом и династом из Кабиле Спартоком, о котором все еще неизвестно, как он получил титул βασιλεύς.

Хотя фракийское происхождение Спаратесы не вызывает сомнения, возникает вопрос: почему же одрисский династ использовал прототипом для собственной чеканки самые популярные бронзовые монеты Лисимаха? Едва ли было бы правильным искать экономические причины для подобного выбора или делать ассоциации со статерами и тетрадрахмами типа Лисимаха, отчеканенными после 281 г. до н.э. на ряде фракийских или малоазийских городских монетных дворах. Имея в виду пропагандистское значение бронзовых царских монет, я считаю, более вероятным, что Спаратеса заимствовал монетный тип Лисимаха с целью показать, что он связан каким-то образом с диадохом и является его законным наследником. Но чтобы действительно являться законным наследником, он должен был приходиться сыном или, в крайнем случае, внуком Лисимаху. Возможно ли, что за именем Спаратесы скрывается личность какого-то неизвестного из других источников потомка Лисимаха с фракийской кровью в жилах?

В защиту подобного предположения можно привести сведения некоторых античных авторов. Согласно им, после окончания войны договоры, улаживающие отношения между фракийцами (одрисами и гетами) и Лисимахом, сопровождались династическими браками. Дети от этих браков становились прямыми наследниками как властвующих во Фракии местных владетелей, так и Лисимаха. При условии, что они достигли совершеннолетия при жизни Лисимаха, логично предположить, что после смерти диадоха они могли претендовать на признание их царской власти в отдельных частях Фракии.

Для выяснения происхождения Спаратесы может оказаться важным факт женитьбы Лисимаха на одной одрисской принцессе. Из Павсания и Апиана узнаем, что от этого брака родился сын Лисимаха Александр (Paus. I, 10, 5; App., Bell. Civ. IV. 368–373). Неизвестно, были ли у диадоха другие сыновья от фракийки, но если Спаратеса его сын, то наиболее приемлемо предположение, что и он от этого брака.

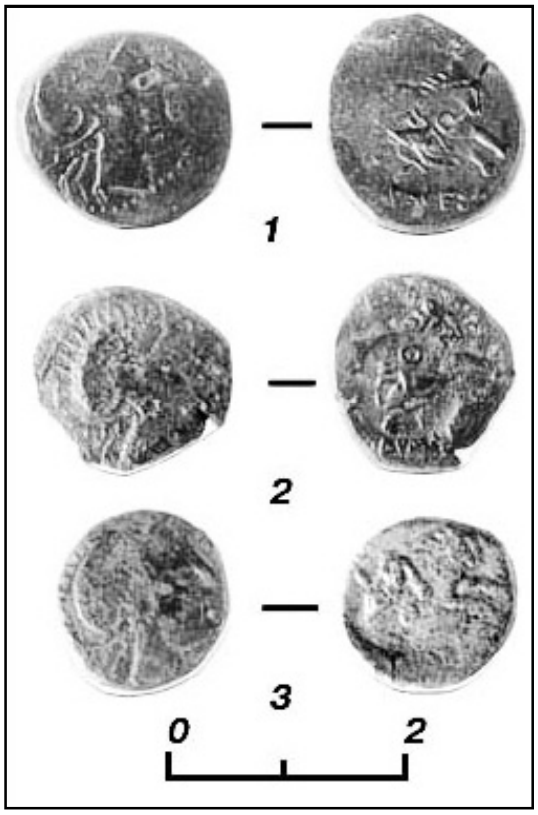

Рис. 2. Бронзовые монеты Спаратесы с контрмарками Одесса.

В настоящий момент невозможно сказать, к какому из перечисленных выше династических домов принадлежала одрисская принцесса. Ее гипотетическая принадлежность семейству Севта (сестра или дочь Севта III) могла бы объяснить наступивший мир или, по крайней мере, отсутствие вооруженных конфликтов между Севтом III и Лисимахом после 312 г. до н.э. (Йорданов 1998: 184). С другой стороны, если она была родственницей Спартока (например, его сестрой), легко понять, почему в конце второго десятилетия III в. до н.э. он был наиболее влиятельным фракийским династом к югу от Гема. После смерти Севта III за его наследниками не стоял никто, в то время как интересы Спартока при дворе Лисимаха могли лоббировать его вероятные племянники – Александр и Спаратеса.

Против предположения, что Спаратеса – сын Лисимаха, может быть выдвинут следующий довод: известные сыновья Лисимаха – Агатокл, Александр, Птолемей, Лисимах и Филипп – носят греческие или македонские имена. Если Спаратеса действительно был сыном Лисимаха, он едва ли составлял бы исключение. Его фракийское имя дает мне основание думать, что, если и существовало какое-либо

родство между ним и Лисимахом, то, вероятно, они были внуком и дедом по материнской линии, а не сыном и отцом.

Единственным отраженным в источниках случаем династического союза между дочерью Лисимаха и фракийским царем является брак, заключенный после безуспешной войны диадоха или его сына Агатокла против гетов (Paus. I, 9, 6). Если Спаратеса был ребенком от этого брака, выходит, что он является сыном Дромихайта и внуком Лисимаха. Эта гипотеза наиболее правдоподобно может обьяснить, как Спаратеса получил титул βασιλεύς и почему он использовал монетный тип Лисимаха как прообраз собственной чеканки. В ее пользу говорят и места находок известных до сих пор монет Спаратесы. К сожалению, у гетской войны (или войн) Лисимаха нет окончательной датировки. В последнее время берет верх мнение, что она (они) велась в первом десятилетии III в. до н.э. (Делев 1994: 17-28; Йорданов 1998: 206, прим. №323). Это означает, что если вообще существовали дети от брака Дромихайта с дочерью Лисимаха, то они были несовершеннолетними в то время, когда Спаратеса носил титул βασιλεύς.

Хотя выбор монетного типа никогда не является случайным, отсутствуют письменные источники, которые могли бы однозначно подтвердить какое-либо родство между Спаратесой и Лисимахом. Возможно, что Спаратеса использовал монетный тип Лисимаха без стремления подчекнуть свое происхождение. Если предполагаемого родства Спаратесы с Лисимахом не существовало, можно допустить, что Спаратеса был гетским династом, наследовавшим Дромихайту. В этом случае отпадает предполагаемая связь Лисимах – Спаратеса – Спарток, как и предположение, что Спарток приобрел титул βασιλεύς после того, как получил или отнял его у своего племянника (?) Спаратесы. Все известные мне монеты Спаратесы открыты в Шуменском или Ново-Пазарском районах. К сожалению, я не располагаю сведениями о находках таких монет южнее Балкан (Гема). Их присутствие или отсутствие в землях, которых предположительно находились под контролем Лисимаха и Спартока, прояснило бы до известной степени вопрос, существовала ли прямая преемственность между Лисимахом, Спаратесой и Спартоком.

Не исключено, что Спаратеса получил определенные полномочия во Фракии от самого Лисимаха. Возможно, в Северо-Восточной Фракии существовала обособленная военно-административная единица, подобная малоазийским сатрапиям, которая служила буфером между владениями Лисимаха к югу от Гема и землями гетов и скифов. С помощью расположенных в области военных частей Лисимах держал под постоянным контролем как склонные к бунту греческие города на современном

Рис. 3. Бронзовые монеты Лисимаха: с контрмарками (1; 2) и городской (?) монограммой Одесса (3).

добруджанском побережье, так и северные подступы к восточно-балканским перевалам. Если такая «сатрапия» существовала, можно предположить, что Спаратеса был наместником Лисимаха (стратегом, эпистатом или др.) в ней.

Точно известно, что монеты Спаратесы участвовали наряду с бронзовыми монетами Лисимаха того же типа в монетном обращении Одесса. В этом случае уместен вопрос, как монеты Спаратесы попали в Одесс. Существуют две возможности. Они или были принесены откуда-нибудь, или чеканились в Одессе. Пока я не располагаю данными о монетах Спаратесы, открытых при археологических раскопках в больших эллинистических центрах ни во внутренних районах страны, ни на побережье Фракии. Поэтому более правдоподобным мне кажется предположение, что монеты Спаратесы чеканились на монетном дворе Одесса. Подтвердить или отбросить это предположение мог бы факт существования действующего городского монетного двора во время Лисимаха.

Широкое распространение монет Лисимаха как к югу, так и к северу от Гема показывает, что в контролируемых им фракийских землях существовало несколько монетных дворов, выпускавших бронзовые однотипные эмиссии. Это заключение подтверждается необычайно

большим количеством бронзовых монет типа «Голова Афины / лев в прыжке» без магистратских монограмм, открытых в Северо-Восточной Болгарии. Изображения на многих из этих монет варваризированы, а надписи воспроизведены неточно (рис.3: 1, 2). Часть из них отчеканена на несоразмерно маленьких ядрах. Большинство таких монет, насколько мне известно, контрмаркировано одесскими клеймами. Существует и одна монета, найденная в Шуменском р-не, на которой под изображением льва гравирована одесская (?) городская (?) монограмма Н[3] (рис.3: 3).

Все эти факты дают мне основание думать, что во время Лисимаха в Одессе существовал царский монетный двор, чеканивший бронзовые монеты, в основном или исключительно, типа «Голова Афины / лев в прыжке» [4].

При сопоставлении однотипных монет Лисимаха и Спаратесы, открытых в Северо-Восточной Болгарии, виден ряд сходных признаков. Их надписи – неточны, изображения – грубы, отсутствуют магистратские монограммы подо львом. Все известные мне монеты Спаратесы и большая часть монет Лисимаха носят одинаковые одесские клейма. Это показывает, что монеты с именами Лисимаха и Спаратесы чеканились в одном и том же месте, вероятнее всего, в Одессе на небольшом промежутке времени. Если это так, то монеты Спаратесы и впредь будут открываться в тех частях Фракии, где находятся и одесские бронзовые монеты первой половины III в. до н.э.

По-видимому, непосредственно после битвы у Курупедиона в начале 281 г. до н.э. владения Лисимаха к северу от Гема были объявлены самостоятельным царством. Это «царство» просуществовало недолго и исчезло, не оставив следов в исторических источниках. Его первым и последним владетелем, вероятно, был Спаратеса, который стал известен благодаря дошедшим до нас бронзовым монетам с его именем и титулом.

ЛИТЕРАТУРА

Георгиев В. 1957. Тракийският език. София.

Гълъбов И. 1950. Един новооткрит надпис от Несебър // Известия на Народния музей Бургас. №1.

Делев П. 1994. За хронологията и географската локализация на гетските войни на Лизимах // Епохи. №4.

Драганов Д. 1984. Кабиле и монетосечене на Скосток // Известия на музеите от Югоизточна България. №7.

Драганов Д. 1993. Монетосеченето на Кабиле. София.

Йорданов К. 1998. Политическите отношения между Македония и Тракийските държави (359–281 г. пр. Хр.) // Studia Thracica. №7.

Манов М. 1998. Големия надпис от Севтополис // Археология. №1-2. София.

Топалов С. 1997. Принос към проучване контрамарките на западнопонтийските градове Аполония, Месамбрия и Одесос III – I в. пр. н. е. София.

Юрукова Й. 1998. Бронзовото монетосечене на Лизимахия // Нумизматика и сфрагистика. №1. София.

Detschew D. 1957. Die thrakischen Sprachreste. Wien.

IGBulg. III / 2. 1964 – Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Inscriptiones inter Haemum et Rhodopem repertae. Serdicae.

IGBulg. I. 1970 – Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Inscriptiones orae Ponti Euxini. Serdicae.

[3] Монета находилась в частном собрании г-на Д. Димитрова. Она была приобретена в г. Шумене и показана на Первой Национальной нумизматической выставке «Монеты Понтийских городов», проведенной в августе – сентябре 1986 г. в Варне. После выставки монета была подарена Варненскому археологическому музею и сейчас хранится в его нумизматическом фонде под инв. №I 3846. О ней впервые сообщил С. Топалов (Топалов 1997: 17, прим. №1).

[4] Идея о том, что в западно-понтийских городах и, в частности, в Одессе чеканились монеты Лисимаха была недавно обнародована С. Топаловым (Топалов 1997: 17, 37). В сущности, она не нова. Впервые я узнал о ней от Д. Димитрова, но не так давно в разговоре с Л. Лазаровым, Сотрудником Исторического музея в г. Дылгополе, выяснилось, что и он пришел к тому же заключению, высказанному им в еще неопубликованной статье, написанной в 1994 г.

С. Граматику

МОНЕТЫ ДРЕВНЕЙ КИЛИКИИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МАРИИ И ДЖОРДЖЕ СЕВЕРЯНУ

S. Gramaticu. The Coins of the Ancient Cilicia from Collection of Maria and George Severeanu.

The paper publishes 8 coins of the ancient rulers coined in the towns of Cilicia. Unfortunately, the author has no information about the place where these coins were found, though it is supposed that they were found in Romania

Коллекция Марии и Джордже Северяну, принадлежащая теперь Музею города Бухарест, имеет несомненную нумизматическую и археологическую ценность. Доктор Джорже Северяну (1879 – 1939) – врач-радиолог и известный коллекционер, генеральный секретарь Румынского Нумизматического общества в 1913 г. Он развернул интенсивную деятельность в рамках Музея города Бухарест, заложив основы нумизматического отдела, которому подарил в 1939 г. ценную коллекцию. Это собрание содержит в значительном количестве античные монеты автономных и колониальных греческих центров северо-западного побережья Черного моря: Ольвии, Каллатиса, Истрии, Томи, Маркианополя, Никополя. Кроме того, оно включает эмиссии греческих монетных дворов из некоторых отдаленных областей, таких, как Галлия, Сицилия, Азия и Египет. В стремлении осветить состав данной коллекции в специальной литературе, представляем несколько античных монет, отчеканенных в городах Киликии: Аназарбе, Селевкии Каликаднейской и Тарсе.

АНАЗАРБ

Юлия Корнелия Паула

Аверс. [IOY] • KOPNH • ΠAYΛA CЄB

Погрудное изображение с покровом и стефаниями.

Реверс. [A]NAZARBO – Y MHTPOΠ. На поле вверху: ГВ.

На обрезе: AMK. Козерог вправо в сфере.

1. AE ↑ 8, 52 г; 24, 6 мм. Инв. №. 5974/4642. Приобретение: Macarian, Mionnet 1808, 553, №79, для основного типа.

BMC – Greek, Lycaonia, p. 35, №24 (для аверса), реверс является вариантом этого типа.

Валериан I

Аверс. AVT•K•Π•ΛIK•OV [-AΛЄPI]ANOC CЄ

Погрудное увенчанное изображение с военным плащом и кирасой. Жемчужный круг.

Реверс: AN–AΣ–APBOV. На поле: Г–Г. На обрезе: Є–T • [BOC] / T • A • M [• K] (год 272 = 253/254 н.э.). Дионис, смотрящий вправо и склонившийся над пантерой, вытянутой вправо, голова которой повернута к божеству, его правая рука поднята над головой, а в левой руке тирс. Жемчужный круг.

2. AE ↓ 11, 88 г; 30 мм. Инв. №5973 / 4638. Приобретение: Union Mionnet 1808.

BMC – Greek, Lycaonia, 39, №40.

SNG Copenhaga, 6, №56 как основной тип.

SNG von Aulock, Kilikien, №5510, как основной тип.

© С. Граматику, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

СЕЛЕВКИЯ НА КАЛИКАДНЕ
Филипп I

Аверс. [AVT KMIO] VΛIOC ΦIΛIΠΠ[OC CЄB?]. На правом поле ⋉. Погрудное изображение в лучах вправо с плащом и кирасой.

Реверс. CЄΛЄVKЄΩN [TΩN ΠROC TΩ KΛΔV] над бюстами KΑΔNIΩ, под ними ЄΛЄVΘЄ и между ними P / A / C. Погрудные изображения лицом к лицу: Аполлон, увенчанный венком, вправо, с ветвью лавра перед лицом; Тихе в калатосе влево с рогом изобилия за спиной.

3. AE ↓ 19,78г; 32,6 мм. Инв.№5960/3579.

Mionnet 1808, 606-607, №325 (аверс) и №323-324 (реверс).

BMC – Greek, Lycaonia, 140, №50, как основной тип.

SNG Copenhaga, 6, №219 как основной тип.

SNG von Aulock, Kilikien, №5847, как основной тип.

ТАРС
Ок. 164 г. до н.э. – начало имперского периода

Аверс. Голова богини крепости в рельефной короне и с покровом. Жемчужный круг.

Реверс. На правом поле TAPΣEΩ[H]. Слева на поле три монограммы, частично видимые, вероятно, ⊬P/⅁/⅄. Памятник Сандана, состоящий из основания, украшенного гирляндами, и пирамидальной конструкции, на которой изображена фигура Сандана, обращённая вправо, верхом на животном, между двумя маленькими алтарями; на вершине пирамиды орел с распростертыми крыльями.

4. AE ↑ 6,26 г.; 18,3×21мм. Реверс, испорченный окислением, имеет небольшое углубление в пластине монеты. Инв. №5985/7563.

Mionnet 1808, №390-392; Mionnet 1835, 257, №395 (как основной тип).

BMC – Greek, Lycaonia, 181, №106-113 датирует эту эмиссионную группу интервалом между около 164 г. до р.Х. и началом имперского периода.

SNG Copenhaga, 6, №339 как основной тип, датирует эту эмиссионную группу ок. 95-86 г. до н.э. или позднее.

SNG von Aulock, Kilikien, №5971, как основной тип, при датировке ссылается на BMC – Greek, Lycaonia.

Максим

Аверс. [Γ]•IOY•OVH• – [M]AZIMOC•KAIC•

Погрудное увенчанное изображение вправо с военным плащом и кирасой. Жемчужный круг.

Реверс. TAPCOV THC M – HTP – OΠO[ΛЄ]ωC. В левом поле A/•/M/K/; в правом поле Γ/B. Аполлон Ликейский, обнаженный, анфас, отклонён слегка влево, смотрит вправо, правая рука согнута за головой, в левой руке, опершейся на колонну, держит лук. Жемчужный круг.

5.AE ↗ 15,41г. 35 мм. Инв.№5995/3602 Mionnet 1808.

BMC – Greek, Lycaonia, 208, №236-238 для аверса.

Пупиен

Аверс.AVT KЄC M ΛOΔ ΠOΠΛHNIOC CЄ–B. На поле Π-П (πατὴρ πατρίδος). Погрудное изображение вправо в лучах с плащом и кирасой. Жемчужный круг.

Реверс. TAPCOV – MHTPOΠOΛЄ[ΩC] AMKTB. Скилла анфас, смотрящая влево, держит в правой руке рог, в который дует, и в левой руке кормило; ее тело заканчивается двумя длинными дельфиньими хвостами, в талии

фланкировано двумя собаками. Круг жемчужный.

6. AE ↘ 20,43 г; 36 мм. Инв. №5965/3612.

Mionnet 1808, 643, №527 (см. Mionnet 1835, пл. VII, №5).

BMC – Greek, Lycaonia, 210, №244 для аверса.

Гордиан III

Аверс. AVT KMANTΓ–ORΔIANOC CЄB. На поле: П-П. Погрудное изображение вправо в лучах с военным плащом и кирасой. Круг жемчужный.

Реверс. [T]ARCOV [MHTRO]–П–[OΛЄΩC]. На левом поле над рукой, A, под рукой M/K; на правом поле Г-B. Скилла анфас, смотрит влево, правая рука поднята, в левой руке держит трезубец; его тело заканчивается двумя длинными дельфиньими хвостами и окружено в талии протомами четырёх собак. Жемчужный круг.

7. AE ↙ 18,87 г; 35x36 мм. Инв. №3599/2200.

Mionnet 1808,-. Mionnet 1835, 280, №502, для реверса.

BMC – Greek, Lycaonia, 215, №268 как основной тип.

Отацилия Севера

Аверс. ΩTAKIΛ CЄYHP–AN ЄYЄYC CЄB. Погрудное изображение вправо со стефаниями (жезл). Жемчужный круг.

Реверс. TAPϽOY MH–TROПOΛЄΩ. В левом поле A/M/K; на правом поле Г/B. Дионис драпированный, в анфас, смотрит влево, левой рукой опирается на тирс, в правой руке держит канфар; у ног его слева стоит пантера, смотрящая на бога. Жемчужный круг.

8. AE ↙ 16,70 г; 33 мм. Инв. №5993/3595.

Mionnet 1808, 651, №584.

BMC – Greek, Lycaonia, 222, №299.

SNG von Aulock, Kilikien, №6064.

Большинство описанных монет представляет варианты уже известных эмиссий. Так, монета Валериана I, выпущенная Аназарбом, соответствует типу BMC-Greek, Lycaonia. С другой стороны, монета Юлии Корнелии Паулы отличается от эмиссии цитируемого каталога следующими чертами: пауза в легенде на реверсе, между O-Y; расположение букв и цифр AMK (πεώτη, μεγίττη, καλλίττη) и ГB, означающих официальную титулатуру города (Head 1887, 599, 607; BMC-Greek, Lycaonia XC – XCI; Weiss 1979, 547-549); в экзерге и в том, что касается козерога – положение козерога вправо, способ написания буквы Y. Этот тип зарегистрирован и у Мионне (Mionnet 1808, 553, №79), но у нас нет полной уверенности, что здесь представлен этот же чекан, поскольку отсутствует изображение монеты, а ее описание недостаточно подробно. Изображение на реверсе монеты, выпущенной в Селевкии Каликаднейской, с Аполлоном Сарпедонием и Тихе, богиней города, специфично для этой монетной мастерской, где подобный тип чеканился в бесчисленных вариантах. Так, особенности монеты Филиппа I, представленной нами, по сравнению с остальными эмиссиями, включенными в BMC-Greek, Lycaonia, состоят в полном воспроизведении названия города; расположении букв титула крепости ἐλευθέρας (BMC-Greek, Lycaonia p.LXVI) в экзерге и потом по вертикали, на поле; воспроизведении атрибутов богов – лавровой ветви и рога изобилия. Экземпляры монет этого правителя с полным воспроизведением имени города на реверсе и с другими характеристиками, указанными выше, зарегистрированы и у Mionnet 1808, 323-324, но для них не специфично расположение легенды на флане монет. Поэтому мы не можем знать, имеют ли эти эмиссии общий чекан с нашей монетой.

Выпущенная в Тарсе монета не очень хорошей сохранности. Из-за того, что реверс сильно окислен, вес монеты гораздо меньше, чем у известных типов. Принадлежа к типичным эмиссиям этого города во II-I в. до н.э., эта монета имеет на реверсе три монограммы, слишком малоразборчивые, чтобы позволить точную идентификацию.

Что же касается монеты Максима, отчеканенной в Тарсе, то она имеет на реверсе иконографическое изображение неизвестное для киликийских монетных мастерских. Подобные монеты не обнаружены и в специальных работах, на которые мы ссылались. Молодой обнаженный бог, в позе отдыха, с правой рукой, согнутой за головой, был идентифицирован как Аполлон Ликейский на основании отрывка из Лукиана (Анахарсис, 7) (Fröhner 1869, 98-99, №75; Daremberg, Saglio 1881, 320; Collignon

1883, 93; Roscher 1884-1890, 460-461, 2175-2176). Левой рукой бог опирается на колонну или на ствол лавра, вокруг которого обвивается змея; в этой же руке он держит лук (иногда лиру). Так изображен Аполлон Ликейский, с другими атрибутами или без них, на монетах таких городов, как Афины (Head 1887, 324, №33, 327), Маркианополь (Pick 1898, 204, №578; 214, №622), или Синаус во Фригии (BMC-Greek, Phrygia, 387, №1-4; 389, №13; 390, №16, 18); для последних двух монетных мастерских это один из представительных монетных типов.

Это относится и к иконографическому типу на реверсе монеты Пупиена, с чудовищем Скиллой (Сциллой), трубящей в рог и держащей кормило в левой руке, в сопровождении двух собак. Этот тип весьма редко встречается в специальной литературе. Такой реверс был идентифицирован на экземпляре, опубликованном Mionnet в своем каталоге, чекан которого тот же, что и у нашей монеты. Второй экземпляр из той же монетной эмиссии, с такими же типами легенд на аверсе и реверсе, был представлен в каталоге общества Numismatik Lanz из Мюнхена (Auktions, 92, 1999, 97, №978), где дается ссылка на Sylloge Nummorum Graecorum (Paris, 1633). В кладе греческих колониальных монет, обнаруженном в Тарсе и опубликованном A.M. Woodward в 1925 г., имеется монета Пупиена, с этим же изображением на реверсе, но с другим расположением легенды и аббревиатур титула города на поле. Несмотря на различные чеканы реверса, данные монеты, наша и из клада, принадлежат к одной эмиссии.

Изображение Скиллы на монетах Тарса продолжалось и при наследнике Пупиена, Гордиане III. Его монета у нас имеется, но с небольшими отличиями: с поднятой вверх правой рукой, с трезубцем в левой, в окружении протом четырех собак. Монета Гордиана III является вариантом эмиссии, зарегистрированной Mionnet (1835), которая имеет другую легенду на аверсе (под №498), равно как и монета из BMC-Greek, Lycaonia, от которой наш экземпляр отличается не только легендой на аверсе, идентифицированной под №271 в каталоге, но и положением аббревиатур на реверсе.

Монета Отацилии Северы также принадлежит к эмиссии, отличной от уже описанных в BMC-Greek, Lycaonia и SNG von Aulock. Отличия состоят в разном структурировании легенды на аверсе: ЄV вместо ЄVT, и в конце ЄVC CЄB вместо ЄVCC/ЄB, а для реверса – написанием буквы C в форме ⊏ и промежутком внутри легенды, между H-T, без конечного C.

Мы не располагаем информацией относительно места обнаружения описанных выше монет. Для двух экземпляров из Аназарба сохранились записки доктора Дж. Северяну, в которых он отметил продавца (Macarian) или магазин (Union), где он приобрел монеты. Все-таки не следует исключать возможность, что рассматриваемые монеты были найдены в Румынии, где с давних пор известны находки килликийских монет. Речь идет прежде всего о тетрадрахмах или статерах типа Александра Великого, выпущенных монетной мастерской Тарса в последней четверти IV века до н.э. и представленных в кладах из Бэтэшань, ком. Валя Маре, уезд Вылча (Poenaru-Bordea, Stoica 1973: 26, №1; Poenaru-Bordea, Dumitraşcu 1996: 3-4) и Гылдэу, уезд Кэлэраш (Mitrea 1968: 327-329); к ним следует добавить и тетрадрахму той же мастерской, найденную отдельно в уезде Муреш (Chirilă 1980, 17-19). Бронзовая монета, имеющая на аверсе изображение двух сидящих магистратов, а на реверсе лавровый венок, была обнаружена в 1979 г. при археологических раскопках в Микэсаса, уезд Сибиу, в пункте «Livada», была отнесена предположительно к городу Тарсу и датирована II в. до н.э. – с некоторыми сомнениями, поскольку легенда полностью уничтожена. Также бронзовая монета, отчеканенная в той же мастерской и имеющая на аверсе бюст Тихе с расписной короной и накидкой, а на реверсе памятник Сандана, датированная 117 г. до н.э., была найдена в Бабадаге, уезд Констанца (Iliescu 1958, 450, №7; Munteanu, Ocheşeanu 1975, 176, таб.1, 183, №4).

Также в Добрудже, а точнее, в окрестностях античного Томиса (совр. Констанца) были найдены 3 бронзовых киликийских экземпляра, из которых один Максимина Цезаря, выпущенный в Аназарбе, и две монеты Траяна Деция и Валериана, отчеканенные в монетной мастерской Тарса; типы реверса всех трех монет отличаются от представленных в BMC-Greek, Lycaonia (Poreea 1982, 31-32, №7-9). Эти последние находки, из Бабадага и Томиса, могут быть связаны с размещением в данной области I Киликийской когорты. Действия этой воинской части засвидетельствованы на кирпичах с печатью когорты, найденных в Сацидаве, и надписями из Томиса (Aricescu 1977, 57-59, №12).

ЛИТЕРАТУРА

Aricescu A. 1977. Armata în Dobrogea romană, Bucureşti.

BMC-Greek, Lycaonia – G. F. Hill.1900. A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Lycaonia, Isauria and Cilicia, London.

BMC-Greek, Phrygia – B.V. Head.1906. A Catologue of the Greek Coins in the British Museum. Phrygia. London.

Chirilă E. 1980. Tezaure şi descoperiri monetare din jud. Mureş. Târgu Mureş.

Collignon M. 1883. Mythologie figurée de la Grèce, Paris.

Daremberg Ch., Saglio Ed. 1881. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Paris.

Fröhner W. 1869. Notice de la sculpture antique du Musée National du Louvre, I. Paris.

Head B. V. 1887. Historia nummorum. Oxford.

Iliescu O. 1958. Însemnări privitoare la descoperiri monetare (II) // Studii şi Cercetări de Numismatică, 2, 447-463.

Mionnet T. E. 1808. Description de médailles antiques grecques et romaines, III. Paris.
Mionnet T. E. 1835. Description de médailles antiques grecques et romaines, Supplement, VII. Paris.
Mitrea B. 1968. Notă suplimentară cu privire la tezaurul de stateri de aur de la Alexandru cel Mare, descoperit la Gâldău (jud. Ialomița) // Studii şi Cercetări de Numismatică, 4. P.327-329.
Mitrofan I., Ardevan R. 1997. Découvertes monètaires dans l'établissement romain de Micăsasa // Studii şi Cercetări de Numismatică, 11 (1955). P.119-133.
Munteanu M., Ocheşeanu R. 1975. Descoperiri monetare în satele Dobrogei romane (sec. I-III e.n.) // Pontica, 8. P.175-213.
Pick B. 1898. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, I. Berlin.
Poenaru-Bordea Gh., Dumitraşcu A. 1996. Date noi privind tezaurul de tetradrahme de la Bătăşani // Al XIII-lea Simpozion Național de Numismatică (rezumatele comunicărilor). Bucureşti.
Poenaru-Bordea Gh. Stoica O. 1973. Câteva descoperiri monetare din Oltenia preromană // Buletinul Monumentelor Istorice, anul XLII, nr. 1. P.25-30.
Popeea Al. 1982. Însemnări didactice. Constanța. P.29-34.
Roscher W. H. 1884-1890. Ausführliches Lexicon der Griechishen und Römischen Mythologie. Leipzig.
SNG Copenhaga – Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum, New Jersey. 1982 (reprint), vol. 6, Phrygia to Cilicia.
SNG von Aulock – Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung von Aulockț Berlin. 1966. Vol. Kilikien.
Weiß P. 1979. Die Abkürzungen ΓΒ und ΓΓ auf den spätkaiserzeitlichen Münzen von Tarsos und Anazarbos // Chiron, 9, 545-552.
Woodward A. M. 1925. A Hoard of Imperial Coins from Tarsus // Numismatic Chronicle, 1, 301-335.

В.П. Алексеев

МОНЕТЫ ЦАРЯ ФАРЗОЯ ИЗ ТИРЫ

V.P. Alexeev. The Coins of the King Pharsoes from Tyra.

The article is the first publication of 6 gold coins of the king Pharsoes found on the ancient Tyra. By A.V. Oreshnikov's classification, the coins belong to the second group, and by Karyshkovskii's classification – to the transitive emission from the coins of the first group to the second group. It is the first time the stamp with abbreviated names of the officials on coins of this king are carved in relief.

В частных коллекциях Одессы и Киева нами обнаружены шесть золотых монет царя Фарзоя, представляющих для науки немалый интерес. Они были отчеканены в Ольвии с именем этого правителя, в котором теперь видят царя не скифов, а одного из сарматских племен (Карышковский 1972: 151; Карышковский 1982: 76). Все публикуемые монеты найдены в Белгороде-Днестровском, на месте античной Тиры, где до настоящего времени подобные монеты не встречались. Другой особенностью этих монет являются помещенные на их реверсах надчеканки, которые дают исследователям новую информацию. К сожалению, остается неизвестным, были ли они обнаружены в разные годы или одновременно. Опишем представляемые монеты (рис. 1).

№ 1. Л. с. Голова царя Фарзоя вправо, прическа передана схематично и напоминает шапку, сзади головы видны развевающиеся концы диадемы, перед шеей расположен наклоненный немного вправо крылатый кадуцей, ручка которого состоит из тесно прижатых друг к другу шариков, слева по краю монеты имеется ряд крупных точек. Об. с. Орел с приподнятыми крыльями, стоящий в три четверти вправо, в лапах едва просматривается тамга в форме двойной рогатки с шаровидными концами, справа немного выше уровня крыла орла помещена буква O (часть сокращенного этникона), ниже на место обычной для монет этого рода монограммы нанесена квадратная надчеканка, содержащая альфу с переломанной поперечной гастой – A и дзету – Z. Вверху и внизу монеты видны остатки горизонтально расположенных надписей – ΑΣΙΛ и ΦΑΡΖΟ. Золото. Д. – 20 мм, в. – 6,97 г.

№ 2. Л. с. То же. Об. с. То же, но под буквой O видна большая часть монограммы. Квадратное клеймо с буквами Z, опрокинутыми основанием вверх, опущено левой стороной несколько вниз. Вверху отдельные буквы титула – ΑΣΙ, внизу – ΦΑΡΖΟ. Золото. Д. – 17 мм, в. – 6,98 г.

№ 3. Л. с. То же. Об. с. То же, но под буквой O и сохранившейся левой гастой лямбды выделяется почти полностью монограмма. Клеймо с теми же буквами помещено под правым крылом орла. В его лапах четко видна тамга упомянутой выше формы. Вверху – ΑΣΙΛ и в конце заметна нижняя часть буквы E, внизу – ΦΑΡΖΟΙΟ. Золото. Д. – 18 мм, в. – 7 г.

№ 4. Л. с. То же. Об. с. То же, но одна нога орла и тамга стерты, клеймо с теми же буквами перекрывает монограмму. В верхней надписи В?ΣΙ бета значительно опущена вниз от уровня остальных букв, внизу – ...ΡΖΟ. Золото. Д. 20 – 16 мм, в. – 7 г. (Монета издана – Алексеев 1998: 7, рис. 1).

№ 5. Л. с. То же. Об. с. То же, под буквой O видна значительная часть монограммы, тамга изображена четко, но под правым крылом орла имеется новое квадратное клеймо, в котором помещены в лигатуре буквы. Вверху: – ΑΣΙΛ, внизу – ΦΑΡΖΟΙ. Золото. Д. – 18 мм, в. – 7,01 г.

№ 6. Л. с. То же. Об. с. То же, но под буквой O и сохранившейся левой частью лямбды почти полностью видна монограмма. Под правым крылом помещено квадратное клеймо с теми же буквами. Вверху -..ΣΙΛ, верхние части надписи не вошли в поле монеты, внизу – ΦΑΡΖΟΙΟ. Золото. Д. – 19 мм, в. – 6,98 г.

Штемпель аверсных сторон монет №№ 1-3, 5, 6 общий, как и штемпель их реверсных сторон. Если последние биты тем же штемпелем, что и реверс монеты из коллекции Р.В. Вассаль (Каришковський 1962: 107, 113, табл. II.3), то штемпель их аверсов новый. Весьма посредственная сохранность монеты № 4 не позволяет точно определить штемпель ее аверса, можно указать только на то, что если он не тождественен штемпелю аверсов описанных монет,

© В.П. Алексеев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Монеты царя Фарзоя (легкие ауреусы) из Тиры.
№1 - в.6,97 г, №2 - в.6,98 г, №3 - в.7 г, №4 - в. 7 г, №5 - в. 7,01 г, №6 - в. 6,98 г.

то очень близок к ним. Штемпель реверса монеты № 4 – новый. Квадратная надчеканка на монетах № 5 и № 6 – встречается на монетах Фарзоя впервые.

Типологические признаки и веса представленных монет (от 6,97 г до 7,01 г) позволяют отнести их ко второй группе монет Фарзоя, по классификации А.В. Орешникова (1921: 227, 228), или к переходной эмиссии от выпусков монет первой группы ко второй, по классификации П.О. Карышковского (1982: 71, 68, рис. 1, 8, 9, с. 71). Вследствие того, что указанные веса публикуемых монет согласуются с весовыми нормами чеканки римской золотой монеты в I в. н.э., данные ольвийские монеты определяются как ауреусы.

Попытаемся выяснить значение букв в клейме на монетах №№ 1-4 (рис. 1: 1–4). Мы понимаем их сочетание как начальный слог имени некоего должностного лица **ΑΣ**…. Косвенное подтверждение этого мы видим в том, что на некоторых золотых монетах Фарзоя имена магистратов представлены своими начальными буквами Др… (в виде монограммы), Ал…, Мол…, Со…, и существует энглифическая надчеканка с двумя буквами **IN**, значение которых до сих пор точно не определено (см.: Карышковский 1962: 113, табл. II, 3-8; 107, 115). В списке должностных лиц Ольвии I-III вв. н.э. мы находим среди имен иранского происхождения патронимик Азиэй и имя Азиаг (Трещева 1977: 177, табл. II, № 11, № 10; Карышковский 1993: 87, 94). Надпись плиты, содержащая имя Скартаны, сына Азиэя, датируется первой половиной II в. н.э. (Трещева 1977: 166, табл. I, № 142). Поэтому деятельность самого Азиэя могла протекать и в последних десятилетиях I в.н.э., когда и была нанесена, по одному из наших допущений, надчеканка с сокращением имени Аз… на рассматриваемые монеты Фарзоя. Ведь первые легкие ауреусы этого царя (переходной эмиссии) выпускались после осуществленной Нероном реформы, понизившей весовые нормы римских золотых монет (т. е. не ранее 64 г. н.э.), а последние монеты Фарзоя были отчеканены до 82 г. н.э. (Карышковский 1982: 72).

Надпись с именем Азиага относится ко II в. н.э. (Трещева 1977: 164, табл. I, № 100). В Ольвии после малочисленных эмиссий сестерциев (тетрассариев) рубежа I-II вв. н.э. и выпусков монет с именем Адоя в 20-х гг. II в. н.э. наступает длительная остановка в работе монетного двора (на протяжении трех десятилетий). В этот промежуток времени обращались только надчеканенные сестерции и дупондии прежних выпусков (Карышковский 1986: 26). Поэтому не исключено, что и в этот период (с конца 20-х – начала 30-х и до начала 60-х гг. II в. н.э.) могло быть нанесено рассматриваемое клеймо на монету Фарзоя с начальными буквами предполагаемого имени Азиаг. Таким образом, надчеканка на данных монетах Фарзоя была произведена по предложенным нами вариантам в период времени с 80-х гг. I в. н.э. до 60-х гг. II в. н.э.

В упомянутом выше списке должностных лиц Ольвии первых веков нашей эры мы находим среди греческих имен такие, которые начинаются теми же буквами, деятельность стра-

тега Никия (**Νεικιαζ**), а Никерат, сын Никерата (**Νεικρατοζ Νεικρατον**) занимал должность первого архонта в один из отрезков времени с I-го по III вв. н.э. (Трещева 1977: 161, табл. I, №№60, 61; Карышковский 1993: 91). В первой половине II в. н.э. отправлял свои функции магистрат Нил, сын Посейдона (**Νειλοζ Ποσειδηον**) и стратег Намгин, отцом которого был некий Никодром (**Ναμγηυος Νεικορομον**) (Трещева 1977: 162, табл. I, № 62; 170, № 194; Карышковский 1993: 91). Таким образом, буквы в клейме на монетах № 5 и № 6 могут являться началом таких имен – Никия (вторая половина I в. н.э.), Нила, Никодрома (первая половина II в. н.э.) и Никерата, деятельность которого могла протекать в I в. либо в первой половине II в. н.э. Попытаемся выяснить, с какой целью были нанесены две рассматриваемые надчеканки на монеты Фарзоя.

Все известные надчеканки с сокращением магистратских имен на монетах Фарзоя имеются только на монетах переходной группы с пониженным весом (на легких ауреусах, от 7,02 г до 6,97 г – Карышковский 1982: 68, рис. 1, 9; 82, № 8, № 10; см. табл. 1-6), штемпеля которых, кроме указания должности первого архонта, скрытой в монограмме, не содержали имен магистратов. Неуклонное падение веса монет Фарзоя привело к тому, что к моменту выпуска легких ауреусов переходной группы (вскоре после денежной реформы Нерона, проведенной в 64 г.) тяжелые статеры и ауреусы с более высокими весовыми данными исчезли из денежного обращения. Ко времени правления преемника Фарзоя Иненсимея (с конца 80-х или начала 90-х гг.) ощущалась нехватка золота, и с приходом к власти нового царя стали чеканить монеты из серебра (Карышковский 1972: 144, рис. 1; 152). Поэтому, вероятно, в период, предшествующий их выпускам, использовали те экземпляры легких ауреусов Фарзоя, на которых не было имен магистратов – на монетах переходной группы – и наносили на них надчеканки с начальными буквами имен первых архонтов. Возможно, первой из них появилась энглифическая надчеканка на одном из ауреусов Фарзоя, буквы которой – I? (Каришковський 1962: 116, табл. III, 6) означают не начальный слог имени Иненсимея, как полагают некоторые, а первые буквы имени ольвийского архонта. Например, **Ιυαμαρζος**, деятельность которого относят к какому-то промежутку времени I-II вв. н.э. или имени патронимика **I?σαζαγος**, носитель которого, возможно, функционировал в качестве магистрата во второй половине I в. н.э. (см. Трещева 1977: 173, табл. I, № 248; 174, № 260).

Исследуя топографию находок монет Фарзоя, П.О. Карышковский предположил, что концентрация их в западном от Ольвии направлении очерчивает районы, подвластные этому царю (Карышковский 1982: 76 сл.). Однако, рассматривая его монеты, впервые найденные в Тире, в свете исторических событий второй половины I в. н.э., трудно представить этот город входящим в сферу влияния Фарзоя. Ведь в Тире в середине I в. н.э. были выпущены монеты с изображением, олицетворяющим римский сенат, и надписью, подтверждающей смысловое значение этого изображения, а в 70-е гг. I в. н.э. были отчеканены медные монеты с головой императора и римским орлом, что явно свидетельствует о признании городом римской власти (Карышковский, Клейман 1985: 86, рис. 28, 7, 8; 88-93). С другой стороны, в указанное время в регионе между Нижним Дунаем и Днестром происходили непрерывные военные конфликты между Римом и различными сарматскими племенами (Карышковский, Клейман 1985: 92). Эти столкновения не могли пройти бесследно для Тиры. Поэтому представляемые монеты Фарзоя могли быть занесены в этот город волнами двух последних в I в. н.э. набегов сарматов на дунайские границы Рима при Домициане – в 89 г. и 92 г. н.э. или оказаться здесь в результате торговых операций. Ведь с середины I в. н.э. Тира, находясь под властью Рима, расширила свои торговые связи (Карышковский, Клейман 1985: 92; Сон 1993: 77-79). Показательным в этом отношении является то, что, несмотря на редкие находки монет Ольвии в Тире, большинство из них относится к I в. н.э. Кроме публикуемых ауреусов Фарзоя упомянем медные монеты с Зевсом (Карышковский 1988: 115), тетрассарии Писистрата Дадакова (Булатович 1989: 84; Алексеев 1997: 17, № 21) и Септимия Севера (Фурманская 1963: 80). Властители варварских племен также были заинтересованы в укреплении торговли и в выпусках собственной монеты, которые были рассчитаны на их обращение на внешнем рынке и соответствовали общепринятым номиналам. (Карышковский 1982: 75; Симоненко, Лобай 1991: 85 сл.). Торговые интересы Ольвии могли обеспечить как Рим, так и варварские цари. Отчасти в этом смысле, нам кажется, можно рассматривать фрагмент ольвийского декрета, в котором говорится о посольстве к гегемонам Мезии и царям Аорсии (Сидоренко 1988: 86 сл.). Первые эмиссии золотых монет Фарзоя, на наш взгляд, отражают не только влияние сарматских племен (на них присутствует тамга Фарзоя), но и Рима. Мы имеем в виду изображение орлов на реверсах этих монет и на ольвийских медных монетах того же времени (с Зевсом), стиль которых соответствует типичным римским образцам – орлам на штандартах римских легионов и римских монетах I в. до н.э. и I в.н.э. (Каришковський 1962: 116, табл. III, 1-5; 119). В лапах такого же орла на статерах Фарзоя находится его родовой или личный знак – тамга. Если видеть в этом изображении, в характере его композиции символ какой-то формы подчинения царя римской власти или их союзных отношений, возможно, только в

качестве предположения, то в трактовке орла влияние римской художественной традиции проступает настолько очевидно, что данное явление следует понимать как факт несомненный. Нам кажется, что данный символ был призван отразить союзные отношения между Римом и Фарзоем. Ведь после убедительного исследования последних лет выясняется, что Фарзой был правителем аорсов (Симоненко, Лобай 1991: 71-75, 85-88), а именно эти сарматские племена, как известно, поддерживали Рим в 40-х гг. I в. н.э. в римско-боспорской войне. С.Ю. Сапрыкин даже считает Фарзоя «римским клиентным правителем», ибо политика Рима в Северном Причерноморье преследовала, по его мнению, ту же цель, которая была реализована империей в отношении западнопонтийских полисов и Фракийского царства. Эта цель заключалась в том, чтобы «связать местных царей с греческими городами путем союза-симмахии, но под своей опекой, а позже превратить клиентное или вассальное государство в римскую провинцию» (Сапрыкин 1997: 54, 55). Нам кажется, что характер взаимоотношений трех субъектов исторического процесса в начале второй половины I в. н.э. – Рима, Фарзоя и Ольвии – в приведенном положении определен более верно, нежели в других гипотезах, которые чрезмерно преувеличивают в политической судьбе Ольвии этого времени то роль варварских племен (Симоненко, Лобай 1991: 86-88), то Рима (Щукин 1982: 37). Отражением изменившихся отношений между ними в 60-е гг. I в. н.э. может служить и новая трактовка орлов на монетах Фарзоя. Когда Рим до конца 60-х гг. I в. н.э. был занят борьбой с парфянами и позиции его в причерноморских степях были ослаблены, как и гражданской войной 68/69 гг., то сарматские племена (в числе которых специалисты не исключают присутствия и аорсов Фарзоя – Симоненко, Лобай 1991: 87 сл.), воспользовавшись этим, дважды вторгались, по свидетельству Тацита (Taciti Hist., I, 79) в Мезию (зимой 67/68 гг. и 69/70 гг. н.э.). И примерно в тот же промежуток времени с монет Фарзоя переходной группы, выпущенных в период 60-68 гг. н.э. (Карышковский 1982: 72), орел в римской транскрипции исчезает, и его место занимает орел, исполненный в сугубо ольвийской изобразительной традиции, хотя к этому времени несколько деградировавшей (Карышковский 1982: 68, рис. 1, №№ 12-15, ср. с №№ 1-3).

После нашей публикации шести монет Фарзоя общее число его монет, известных науке, возросло с 14-ти экз. (Карышковский 1982: 82) до 20-ти, а количество легких ауреусов переходной группы стало равным восьми экземплярам вместо двух (Карышковский 1982: 82, №№ 8, 9). При рассмотрении описанных в статье монет зафиксированы новые штемпеля (для монет 1-3, 5, 6 – штемпель аверсных сторон, для монеты 4 – штемпель реверса) и надчеканки с неизвестными до этого сокращениями магистратских имен AZ и A. На монетах этого царя клейма с сокращениями имен должностных лиц впервые предстают рельефными. Разумеется, данной информацией завершается только первый этап в изучении новых шести монет сарматского царя Фарзоя.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. 1997. Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья. Одесса.

Алексеев В.П. 1998. Новая монета царя Фарзоя // Древнее Причерноморье. Одесса.

Булатович С.А. 1989. Античные монеты из Тиры (1977-1986 гг.) // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев.

Каришковський П.Й. 1962. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XI. Київ.

Карышковский П.О. 1972. Вторая крупная монета царя Иненсимея // СК. № 10.

Карышковский П. О. 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Карышковский П.О. 1986. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Карышковский П. О. 1993. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. № 1.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Киев.

Орешников А.В. 1921. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. № 1.

Сапрыкин С.Ю. 1997. Тира и фракийские цари // Археологія. № 4.

Сидоренко В.А. 1988. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангупом // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. Ч. I. Симферополь.

Симоненко А.В., Лобай Б. И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев.

Сон Н. А. 1993. Тира римского времени. Киев.

Трещева Ю.Н. 1977. Просопография должностных лиц Ольвии I-III вв. н. э. // ВДИ. № 4.

Фурманская А. И. 1963. Клад монет из Тиры // НС. №1. Киев.

Щукин М. Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. Вып. 47.

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.Б. Шагурина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МОНЕТАХ АРТУКИДОВ

G.B. Shagurina. The Origin of Some Images on the Coins of the Artukids.

The images on the coins of the Artukids can be conventionally split into two groups: the first one will include coins imitating mint type of other states; the second – coins with rather independent images created by seal carvers. In his paper, the author follows a system of classifications developed by St. Lane Poole. The author brings several examples of Artukids' coinage and minutely studies the sixth type of the seven that were emitted. The type is related to the second group.

Монеты всех туркменских правителей с изображениями можно условно разделить на две большие группы: первая – монеты, имитирующие чеканки других государств, вторая – монеты, изображения на которых обычно трактуются как оригинальный тип или продукт самостоятельного творчества резчиков штемпелей. В первом случае образцами для подражания часто избирались монеты современников (Византии), иногда прототипы заимствовались в глубокой древности (Греции, Римской империи и т.д.) и были разделены с оригиналами веками. И в том, и в другом случае они определяются довольно легко и точно. Установление источников происхождения изображений на монетах второй группы затруднительно, указать точный прототип в большинстве случаев невозможно. Исследования в этом направлении позволяют рассматривать монету в контексте развития искусства Передней Азии XII в., а иногда имеют и практическое значение – дают возможность уточнить датировки монет.

Приведем несколько примеров из чеканки Артукидов. Монетный чекан Артукидов Хисн Кайфы и Амида начался при четвертом амире Фахр ад-дине Кара Арслане (539-562/1144-1167). Он чеканил монеты семи различных типов. В данной статье мы будем придерживаться системы классификации, разработанной Ст. Лен-Пулем (Poole 1877: 118-124). Она сделана достаточно механически, последовательно соблюдается только один принцип – сначала идут датированные монеты, затем недатированные. «Типоопределяющей» стороной он считал сторону с изображением. Все типы, за исключением одного, копируют более или менее точно византийские монеты примерно того же времени. Монеты первых четырех типов датированы соответственно 556/1160-61, 559/1163-64, 560/1164-65 и 562/1166-67 гг. Интересующие нас монеты относятся к шестому типу, они не датированы, обозначение места чекана отсутствует. Есть два варианта этого типа: первый – на л.с. фронтальное изображение Иисуса Христа, сидящего на троне с книгой в руках, второй – то же, но на левой ножке трона помещено изображение двух драконов, переплетенные тела которых образуют сложный орнамент, хвосты являются картушем, обрамляющим композицию, раскрытые пасти обращены друг к другу, видны глаза, характерные острые уши и лапы (рис. 1, *1, 2*). В 1977 г. Н. Ловик опубликовал большой (13 500 экз.) клад медных монет, состоящий из византийских фоллисов и небольшого количества мусульманских монет. Обстоятельства и точное место находки клада неизвестны, он получил условное название «Мардинский». Особый интерес клад представляет благодаря большому количеству монет с мусульманскими надчеканками. В том числе в этом кладе была обнаружена монета вышеописанного типа, с надчеканкой в виде двух драконов, которая располагалась на левой ножке трона (Lowick, Bendall, Wyitting 1977. Pl.III. N 4.) Интересно происхождение данного мотива на монетах Артукидов. Этот сюжет прослеживается в целом ряде мусульманских памятников архитектуры. Он встречается в декоре крепостных стен Амида, который стал столицей Артукидов Хисн Кайфы в 578/1182-83 г. В XII веке Амид был мощной крепостью с боевыми башнями, войти в город можно было через четверо ворот, названных в соответствии с населенными пунктами, в которые начиналась из них дорога. На фронтоне ворот, ведущих в Халаб, расположена пышная надпись, увековечившая победы султана Махмуда, сына Кара Арслана. Конец надписи с датой 579 вынесен в

© Г.Б. Шагурина, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

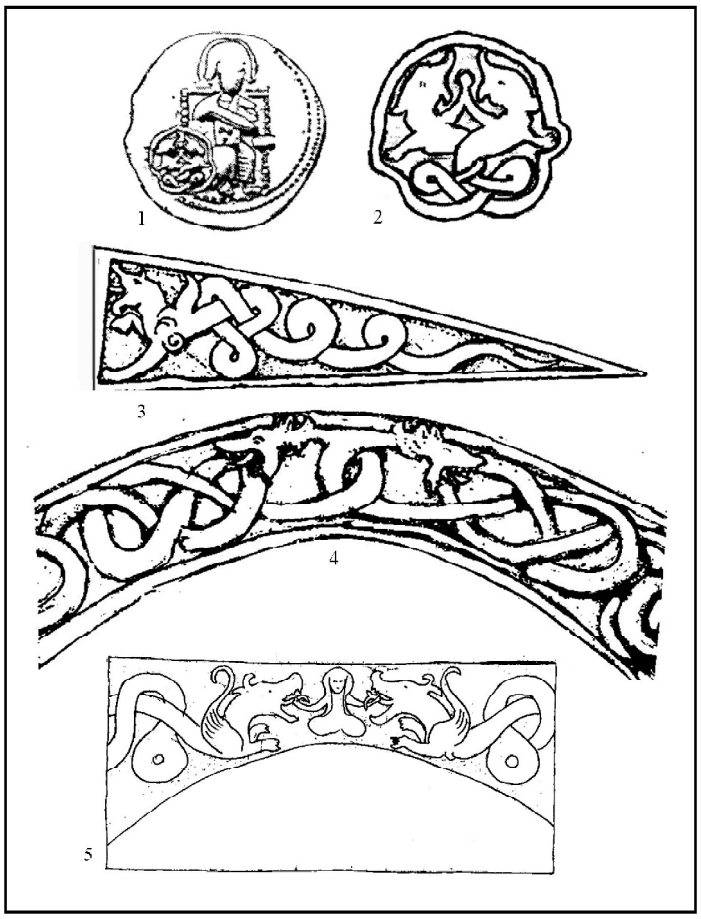

Рис.1. 1 – монета Артукидов Хисн Кайфы и Амида, без обозначения места чекана и года. Л.с. – Христос, сидящий на троне, на левой ножке трона без дракона в фигурном картуше;
2 – увеличенное изображение картуша с драконами;
3 – фрагмент фриза ворот, ведущих в Халаб;
4 – фриз ворот в Халабе;
5 – фриз ворот в Багдаде.

отдельный фриз. Фриз заканчивается двумя сегментами, в каждом из которых изображен дракон (рис. 1, *3*). Драконы обращены друг к другу, они разделены надписью, но можно увидеть некоторое сходство с драконами на монетах: также широко раскрыты их пасти, такие же остроконечные уши, тела, свитые в кольца, образуют сложный орнамент. Ворота крепости Халаб также венчает барельеф с изображением двух драконов. В декоре ворот головы драконов переплетены (рис. 1, *4*) И, наконец, подобный сюжет встречается на воротах Багдада, но в данном случае между двумя широко раскрытыми пастями стремящихся друг к другу драконов есть изображение сидящего человека, который держит в руках языки драконов. Внизу надпись «С именем халифа ан-Насира» и дата 618 г. (рис. 1, *5*). Зарре (Max van Berhem 1910: 82-85) считал, что фигура сидящего человека символизирует халифа, победившего двух опасных врагов – Хорезмшаха Мухаммада и монголов.

Изображение дракона встречается и на более поздних сооружениях, в частности, на медресе в Сивасе, построенном в монгольский период во второй половине XIII в., на тканях, коврах и т.д.

Большинство исследователей считает, что дракон попал в Малую Азию с волной сельджуков из Китая, хотя иконография его претерпела изменения. В. Гордлевский (Гордлевский 1941: 135) высказал предположение, что в данном случае, возможно, имела место реминисценция, и дракон «местного» в смысле территории происхождения – он изображался на знамени Сасанидов, в Шах-наме однажды упоминается дракон как символ мужества. Трудно представить себе, что туркмены настолько хорошо знали иранский эпос, чтобы заимствовать из него сюжеты. Версия о китайском происхождении дракона представляется более убедительной.

Все фризы и барельефы с изображением дракона датированы, на монете дата отсутствует. Если предположить, что она была выпущена в последний год правления Фахр ад-дина Кара Арслана, т.е. в 562 г.х., то и тогда получается, что изображение дракона на монетах появилось на 16 лет раньше, и в то время, когда Амид еще не принадлежал Артукидам. Известно, что Фахр ад-дин неоднократно пытался овладеть этим городом, последняя почти удачная попытка была сделана в 558/1163 г. Он захватил город и удерживал его в течение полугода. Возможно, в этом году была отчеканена и монета. Согласно классификации Лен-Пуля, это монета VI типа (Lane Poole. Op.cit. N 326). Монеты первого типа датируются 556/1160 г. На л.с. поясное изображение человека, повернутое влево. В правой руке – скипетр, в левой–

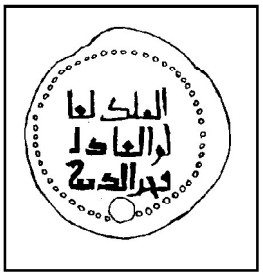

Рис. 2. Артукиды Хисн Кайфы и Амида. Фахр ад-дин Кара Арслан, без обозначения места чекана, 556/1160-1г. О.с.

держава. Возможно, прототипом послужили монеты Константина VI и Ирины. Слева дата по системе «абджат». На о.с. стандартная для монет Артукидов Хисн Кайфы и Амида легенда: в поле в три строки – «Царь мудрый/ справедливый/ Фахр ад-дин». Справа –«Кара-Арслан», вверху «сын Дауда», слева «сын Артука». Внизу орнамент в виде цветочной розетки. Т.е. воспроизведена кунья правителя, восходящая к основателю династии. Полностью кунья звучит так: «Фахр ад-дин Кара Арслан, сын Дауда, сын Сукмана, сын Артука». Одно звено – «сын Сукмана» в данном случае отсутствует. Имени халифа и прочих сюзеренов в легенде нет. Характерно написание слова «Алим» (мудрый): оно не уместилось в одну строку и разделено на два слога (рис. 2). На оборотной стороне монеты с изображением драконов точно такая же легенда, почерк полностью совпадает, и с таким же переносом слова «Алим». Впечатление такое, что они изготовлены одним резчиком штемпелей. Следующая датированная монета выпущена в 559/1162-3 г. Содержание легенд идентично, но расположение другое, отличается и почерк. Возможно, монета с драконами может быть датирована 557/1161-62 или 558/1162-63 гг. Кроме несомненного сходства оборотных сторон, позволяющего поставить эти монеты рядом, есть еще одно обстоятельство, позволяющее говорить, что они не могли быть чеканены позже 560/1164-5 г. Начиная с этого года на монетах Артукидов в обязательном порядке указывается имя правящего халифа. В данном случае это ал-Мустанджид (555-566/1160-1170).

Что касается изображения дракона, то на монетах Артукидов этой ветви династии они больше не появляются, хотя Макс ван Берхем (Berhem 1910: №82) высказывал предположение, что дракон изображался на личном гербе Фахр ад-дина Кара Арслана, а затем стал гербом Хисн Кайфы, города, который не потерял значения и после присоединения Амида и перенесения туда столицы. Для подтверждения этого мнения мы не имеем достаточного количества источников. Исчезнув с монет Артукидов Хисн Кайфы и Амида, мотив дракона появляется на монетах Артукидов Хартапирта. В коллекции Эрмитажа есть монета (инв. № 7982), выпущенная в 582/1195-6 г. Имад ад-дином Абу Бакром (581-600/1185-1203), место чекана отсутствует (рис. 3). На л.с. изображен полуобнаженный всадник, сидящий верхом на драконе влево. Хвост дракона свивается в несколько колец в иконографии просматриваются черты, сходные с драконом, изображенным на крепостных воротах Халаба. И, наконец, последний раз отголоски этого сюжета можно увидеть на монетах Насир ад-дина Юлук Арслана, Артукида Мардина (597-637/1200-1239), чеканенных в 596/1199-1200 г. На л.с. изображен кентавр, идущий вправо или влево, голова в шлеме в фас, в руках лук, из которого он целится в раскрытую пасть дракона; при этом голова дракона есть продолжение или, вернее, завершение хвоста кентавра (рис. 4). Эта достаточно сложная композиция трактуется как астрологический сюжет, ассоциируется со знаком зодиака – Стрельцом. В данном случае абрис головы дракона и некоторые детали (остроконечные уши, зубы и глаза) сходны с изображением на монетах Фахр ад-дина Кара Арслана. Сорок лет разделяют эти монеты, они чеканены на разных монетных дворах.

До сих пор не найдена удовлетворительная интерпретация для изображения на двойном фельсе Хусам ад-дина Юлук Арслана (580-597/1184-1200), чеканенного в Мардине в 589/1193 и 590/1194 гг. Лицевые стороны монет одинаковы – все поле монеты занимает композиция из четырех женских фигур в длинных одеждах. Одна сидит в центре в скорбной позе со склоненной головой и опущенными руками, лицо обращено в фас. За ней видна верхняя часть другой женской фигуры, повернутой влево, с поднятой вверх правой рукой. Слева – изображение женской фигуры, стоящей прямо в рост с поднятыми руками. Справа такое же изображение, но руки опущены вниз. Все в круге из точек (рис. 5). Монеты такого типа чеканились в течение двух лет в 589 и 590 гг.х. Существует два варианта, различающихся содержанием легенд оборотных сторон. Первый вариант – в поле в три строки – Имам ан-На/сир лид-дин/ повелитель верующих. Круговая легенда: «Хусам ад-дин царь Дийарбакра Юлук Арслан сын Ил-Гази сын Артука» и дата словами «589». На монетах второго варианта в поле такая же легенда, но она имеет продолжение: «царь ал-Адил Сайф ад-дин Абу Бакр сын Айюба». При этом отметим, что часть монет первого варианта датируется как 589, так и 590 гг., но все монеты 590 г. относятся ко второму варианту.

Несмотря на наличие большого количества экземпляров хорошей сохранности дата 589 г.х. вызывала разногласия у нумизматов, поскольк-

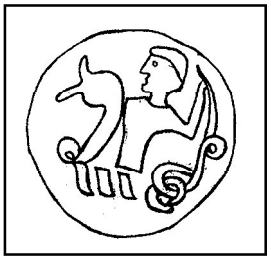

Рис. 3. Артукиды Хартапирта. Имад ад-дин Абу Бакр. Без обозначения места чекана, 582/1186-7 г.
Л.ст. Человек, сидящий на змее? драконе?

Рис. 4. Артукиды Мардина. Насир ад-дин Артук Арслан. Мардин. 599/1202-3 г.
Л.с. Кентавр, идущий вправо.

ку в арабской графике цифры 7 и 9 пишутся одинаково, различаясь лишь расстановкой диакритических знаков – точек, которые в данном случае (можно сказать, и как правило на мусульманских монетах этого времени) отсутствуют. Лен-Пуль и И. Артук, автор вышедшего в 1974 г. каталога монет стамбульского археологического музея, считали, что это – девять (Artuk I., Artuk C. 1971: 399), Б. Бутак (Butak 1947: 35) – семь. Мы склоняемся к тому, чтобы читать дату как 589 г.х., и вот почему. В поле на о.с. есть имя правящего халифа ан-Насира (575-622/1180-1225) с обычным для аббасидских халифов эпитетом «Повелитель верующих». Круговая легенда содержит имя артукидского правителя – Хусам ад-дин Юлук Арслан с титулом «Царь Дийарбакра», ставшим уже обычным для монет Артукидов, и куньей – сын Ил-Гази сын Артука. Имя Айюбида – сюзерена отсутствует. А между тем, с 564 по 589/1169-1193 во главе государства Айюбидов стоял знаменитый Салах ад-дин (Саладин в русской и западноевропейской литературе). Он прославился войнами с крестоносцами и сумел на короткое время объединить отдельные княжества в единое государство. Письменные источники (Ибн ал-Адим, Ибн ал-Фида), подтвержденные нумизматическими данными, свидетельствуют о том, что Артукиды признавали себя его вассалами. На всех выпусках Хусам ад-дина Юлук Арслана, с 581/1185-6 г. и далее в 583/1187-8, 584/1188-9, 585/1189-90 гг., кроме того, на монетах без указания года выпуска (вероятно, как будет видно из нижеследующих рассуждений, их можно датировать 586/1190-588/1192), есть имя Салах ад-дина. В 596/1199-1200 г. появляется имя айюбидского правителя аз-Захира Гази, правившего в Халабе, т.е. на монетах Артукидов, как в зеркале, отражалась реальная политическая ситуация, и они указывали в легендах не только и не столько верховного главу государства Айюбидов, но имя того правителя, с которым у них был заключен договор на данный момент времени. Имя Айюбида-сюзерена отсутствует только на этих монетах. Вывод напрашивается сам собой: если бы монеты датировались 587/1191 г., на них обязательно должно было быть имя Салах ад-дина, если же монета чеканена в 589/1193 г., т.е. после его смерти, естественно, что оно отсутствует. Отсутствие имени наследника Салах ад-дина, что было бы логично ожидать, можно объяснить политической обстановкой, сложившейся в государстве после смерти его главы.

После смерти Салах ад-дина главой семьи стал его старший сын – ал-Афдал Али. Однако, он не обладал авторитетом отца и сразу был втянут в междоусобную борьбу с родственниками, в том числе со своим дядей, братом Салах ад-дина, ал-Адилем. Ал-Адил в то время владел уже Центральной Сирией, частью Джазиры и Майафарикином. Опираясь на сирийскую армию, он оттеснил племянника с позиций главы клана и в 591 году возглавил династию. В том же году он начал чеканить собственную монету, хотя формальное право на это получил только в 592/1195-6 г. Вероятно, Артукиды признали себя его вассалами еще раньше, поскольку на монетах 589/1193 и 590/1193-4 гг. уже появляется его имя. Отсутствие имени сюзерена-Айюбида на некоторых монетах Артукидов 589 г. можно, вероятно, объяснить тем, что Салах ад-дин умер в сафаре 589 г.х. (т.е. во втором месяце лунного года), и некоторое время, до того, как прояснилась ситуация с престолонаследием в государстве – вассальную зависимость, от которого они признавали в течение нескольких десятилетий – чеканились монеты только с именем аббасидского халифа.

Лен-Пуль, справедливо считая, что монета выпущена в 589/1193 г., впервые попытался объяснить происхождение изображения, связав его с датой чеканки, которая была и датой смерти знаменитого правителя. Он интерпретировал сюжет как сцену оплакивания мусульманами Салах ад-дина и считал, что в данном случае не стоит искать какие-то ассоциации: появление именно этого мотива было вызвано конкретным историческим событием. Эта интерпретация получила широкое распространение в западноевропейской литературе и до сих пор кочует по аукционным каталогам. Однако подобная иллюстративность, т.е. живописное изображение исторических событий, не характерно для мусульманских монет и мусульманского искусства в целом. Не известно ни одной монеты, в легендах которой были бы прямые ссылки на исторические события (естественно, в данном случае не принимаются в расчет современные монеты). Поэтому, несмотря на привлекательность и определенную заманчивость такой трактовки, она сомнительна. Артукидские правители всегда были хорошо ос-

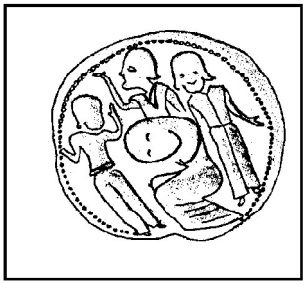

Рис. 5. Артукиды Мардина. Хусам ад-дин Йулук Арслан. Без обозначения места чекана. 589/1193 г.
Л.ст. Композиция из четырех фигур.

ведомлены о том, что происходит в доме сюзеренов. От этого самым непосредственным образом зависела их политика, а иногда и судьба. Вряд ли они решились бы продолжить чеканку монеты с изображением сцены оплакивания Салах ад-дина, добавив имя нового сюзерена, тем более что чеканка продолжалась и в следующем году. Х. Браун в статье «Размышления о монетах с фигурными композициями» (Brown 1974: 353-358), рассматривая среди прочих и интересующие нас монеты, отрицает объяснение, предложенное Лен-Пулем, и предлагает искать прототипы в христианском искусстве, возможно, мозаиках, но более вероятным считается заимствование с каких-то мелких вещей круглой или овальной формы, которые было бы проще скопировать. В данном сюжете она усматривает изображение Рождества Христова или сцену поклонения волхвов. Сам по себе факт копирования христианских образцов для туркменских династий XII-XIII вв. не был исключительным. Выше мы рассматривали монеты Фахр ад-дина Кара Арслана с изображением Христа, сидящего на троне с книгой в руках, на его же монетах можно увидеть погрудное изображение Христа. Встречается подобное изображение и на монетах Данишмандидов; на монетах Тимурташа Артукида Мардина мы видим изображение Девы Марии, венчающей императора на царство, и следует отметить, что изображение выполнено прекрасно. Но во всех вышеописанных примерах четко прослеживаются прототипы, возможно даже, что они исполнены христианскими мастерами, которые привлекались для работы на монетных дворах. Ибн ал-Азрак в истории Майафарикина отмечал такие случаи и объяснял это тем, что монетные дворы Мардин, Амид, Хисн Кайфа, Майафарикин бездействовали в течение предыдущего столетия, и было утрачено искусство резки штемпелей. (Это, конечно, не значит, что мастера-христиане могли резать штемпели по собственному выбору). В данном случае пока не удается найти какой-то конкретный образец для подражания, предположение Х. Браун остается гипотезой, разумеется, имеющей полное право на существование, особенно если учесть, что при определении прототипов, как правило, остается простор для фантазии. Туркмены редко слепо копировали какие-то образцы. Обычно они вносили что-то новое в заимствованные сюжеты. Исключение составляют некоторые монеты Византии, находившиеся в обращении в указанный период, о чем говорят находки их в кладах вместе с монетами атабеков, и, как это ни странно, немногочисленные образцы древних монет (примеры: монеты Сасанидов, Селевкидов). В этих отдельных случаях можно с уверенностью сказать, какую именно монету копировал мастер. В Британском музее хранится плакетка с барельефом, расположение фигур на которой очень похоже (Scott 1853: 295-300). (Правда, на монете фигуры стоят очень близко друг к другу, что диктует форма монетного кружка). На барельефе есть надпись «Пенелопа, оплакивающая Одиссея». Конечно, нельзя утверждать, что сюжет заимствован именно с этого барельефа, в качестве образца мог быть использован какой-то другой предмет подобного рода. О том, что туркмены использовали для копирования не только монеты, но все, с чем они сталкивались в повседневной жизни, мы уже говорили. Это могли быть культовые предметы, печати, памятники архитектуры, книжные миниатюры, бытовые вещи, керамическая и металлическая посуда. А.А. Быков (Быков 1957: 120-134) очень ярко проиллюстрировал это, связав сюжет зангидских монет Нур ад-дина с архитектурными декорами. Что касается вероятности видеть и использовать античные барельефы как образцы для подражания и вдохновения, то здесь имелись неограниченные возможности: территория Египта, Северной Сирии, Средиземноморского побережья буквально усеяна остатками античных строений. Как известно, отношение мусульман к классическому наследию не было однозначным на протяжении веков. Умайадские халифы еще воспринимали эллинистические традиции, что нашло отражение и в философии, и в письменных источниках, и в иконографии. Аббасиды же совершили «антиэллинистический переворот» и всячески демонстрировали пренебрежение и отсутствие интереса к классическому наследию. Так, Якуби, описывая основание Самарры – столицы Аббасидов, утверждал, что ал-Мустасим привозил для строительства мрамор из Латакии (Rogers 1971: 347-348). Но в Латакии не было мраморной добычи. Дж. Роджерс предположил, что мрамор для города привозился с античных развалин Лаодикии. Археологические раскопки подтвердили это. Многочисленные фрагменты, обнаруженные в ходе раскопок (сейчас по большей части хранятся в государственных музеях Берлина), были вырезаны из мрамора, добытого в античные времена. Персидский путешественник Насири Хосроу оставил описание работы мраморщиков в Рамле в Палестине. Из его описания ясно, что античные блоки ценились только как материал, пригодный, для строительства. Они шли на постройку стен и укреплений. Колонны разного размера с базисами использовались как капители, нагромождались друг на друга. На территории Египта для строительства стен использовались каменные блоки из коптских церквей, покрытые орнаментами. Тюрки пришли в Малую Азию, не имея собственных художественных традиций, они восприняли достижения завоеванных стран; в результате возникло новое мусульманское искусство, которое должно было отразить богатство и могущество новых хозяев Востока, и сделать это нужно было так, чтобы способ демонстрации был понятен завоеванному миру.

ЛИТЕРАТУРА

Быков А.А. 1957. Пережитки античности на монетах Зенгидов и Ортокидов.Труды ГИМ. С.120-134.

Гордлевский В. 1941. Государство Сельджуков Малой Азии. М. С.135.

Artuk I., Artuk C. 1971. Arkeoloji Müzeleri Teţhirdeki. Istanbul Islami Sikkeler Catalođu.Cilt 1.Istanbul. P.399, № 1226.

Brown H. 1974. Some reflection on the figured coinage of the Artuqids and Zengids. Studies in honor of George C.Milles/ Near Eastern numismatics, iconography, epigraphy and history. American University of Beirut. P.353-358.

Butak B. 1947. Resimli Turk Paralari. Istanbul. P.35, №33.

Lane Poole, St. 1877. Catalogue of oriental coins in the British Museum. Vol. III. London. P.118-124.

Lowick N.M., Bendall S., Wyitting P.D. 1977. The Mardin Hoard Islamic Countermarks on Byzantine Folles. London, Pl. III, № 4.

Max van Berhem. 1910. Amida. Materiaux pour l'epigraphie et l'histoire musulmanes du Diyar-Bekr. Paris. P.82-85.

Rogers J.M. 1971. A Renaissance of classical antiquity in north Syria (11-12-th centuries) // Annales archéologiques arabes Syriennes Révue d'archéologique et d'Histoire. V.21. Damas. P.347-348.

Scott W. 1853. Note sur deux monnaies Ortokides et sur une monnaie des atabeks. Révue Archéologique. X-e année. P.295-300.

С.Н. Травкин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НУМИЗМАТИКИ И ИСТОРИИ СТАРОГО ОРХЕЯ (ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД)

S.N. Travkin. Some Problems of Numismatics and History of the Old Orhei (Golden Horde Age)

The paper is based on the Golden Horde numismatic evidence and reflects a complex and contradictory history of monetary circulation on the territory of the Old Orhei. The author underlines that the monetary circulation and life on this settlement seem to cover a more extensive period than the dawn of the town itself.

Монеты являются одним из наиболее информативных и разнообразных источников по истории стран средневековой Европы. Они способны нести информацию о развитии экономики, культуры и политики. Монеты, выявленные на территории любого города, являются своеобразным посланием к городу и миру. Они отражают все те многочисленные взаимосвязи, которые обуславливали формирование денежного рынка и торговых маршрутов.

Особое место среди археологических и нумизматических материалов на юге Восточной Европы занимает коллекция средневекового памятника Старый Орхей в Молдавии. Это обусловлено количеством имеющихся материалов и их полнотой. Не претендуя на всеобщий охват обширной коллекции с этого городища и еще более обширной информации, которую она несет, хотелось бы рассмотреть несколько важных, на наш взгляд, вопросов из истории этого поселения. В свое время, благодаря любезному согласию автора раскопок П.П. Бырни, мне удалось ознакомиться с частью монет из Старого Орхея, хранящихся в Музее Института археологии и этнографии АН РМ (пользуясь случаем, считаю своим долгом выразить благодарность за это сотруднице музея А.И. Никулицэ, оказавшей непосредственную помощь в работе над данными нумизматическими материалами). Знакомство с указанной коллекцией заставило задуматься над некоторыми вопросами истории Старого Орхея и монетного обращения на его территории.

Историю Старого Орхея принято делить на два относительно самостоятельных периода: золотоордынский и молдавский. В свое время это послужило основой даже для своеобразного историографического памятника: тремя авторами было опубликовано фактически единое исследование под одним названием, но в виде двух монографий, которые различались только подзаголовком: «Золотоордынский период» и «Молдавский период» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981; 1982). Подобное деление вполне оправдано, и мы позволим себе воспользоваться им, рассмотрев только золотоордынский период в истории Старого Орхея.

Важнейшими вопросами по истории золотоордынского периода Старого Орхея являются время и обстоятельства его возникновения, средневековое название этого поселения, хронология его упадка и исчезновения. Наиболее простым может показаться вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого города.

В письменных источниках не нашло отражения строительство золотоордынского города, превратившегося позднее в городище с названием Старый Орхей. Но обширная нумизматическая коллекция, которая включает в себя значительное число медных номиналов, позволила исследователям сделать целый ряд довольно решительных выводов и заявлений о достаточно поздней датировке золотоордынского поселения на месте городища Старый Орхей (не ранее 40-50-х гг. XIV в.).

В уже упоминавшейся коллективной работе авторы делают следующее заключение о времени появления джучидских монет на этом поселении: «Период их первоначального проникновения вряд ли можно отнести к последним годам правления Токты. Об этом свидетельствует не только ничтожно малое число находок монет Токты в Старом Орхее, но и амплитуда хронологического диапазона их хождения на денежных рынках Золотой Орды (монеты Токты неоднократно зарегистрированы даже в составе кладов, зарытых в XV в.). На малую вероятность синхронного проникновения монет Токты в Старый Орхей указывают исследования С.А. Яниной на Царевском городище, где прослеживается аналогичная Старому Орхею ситуация с находками монет этого

© С.Н. Травкин, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

хана» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 82-83; Янина 1970: 194-222). В соответствии с этим, начало «регулярного притока» монет Золотой Орды на рассматриваемый памятник датируется «лишь со второй половины 40-х гг. XIV в.» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 83).

Похожей точки зрения придерживается и последняя по времени публикации работа о городах низовьев Днестра и Дуная. В частности ее автор Н.Д. Руссев отмечает: «Монеты , выпущенные до воцарения Джанибека, считаются в Старом Орхее случайными, анахронизмом денежного обращения»; и обращает внимание на то, что подавляющее большинство монет середины XIV столетия относится к чеканке трех лет - 751, 752, 753 гг. хиджры. (Руссев 1999: 37, 38-39). Подобное наблюдение позволяет ему сделать достаточно интересные выводы исторического характера. При этом Н.Д. Руссев особо подчеркнул, что на этапе «с середины XIV в. до конца 60-х гг.» происходил «бурный рост ордынских городов Кодр — опять-таки на новом месте» (Руссев 1999: 160-161). Дополнительным основанием для подобных утверждений в монографии Н.Д. Руссева может служить таблица погодичного распределения монет XIII - XIV вв. из Старого Орхея, в которой на долю наиболее ранних монет 679-710 гг. хиджры приходится не более 0,341% от общего числа монет (Руссев 1999: 180).

Основные положения и выводы названных авторов выглядят достаточно убедительными. Действительно, подавляющее большинство монет Золотой Орды, найденных в Старом Орхее, по времени своей чеканки относятся к 50-60-м гг. XIV в. При этом массовое распространение медных монет не может быть датировано ранее 751-753 гг. Хиджры (то есть 1350/1351 - 1352/1353 гг. от Р. Х.). Можно согласиться и с выводом о том, что бурное городское строительство началось на памятнике именно в это время. Однако вызывает достаточно сильное сомнение то, что город был основан «на новом месте». Нам кажется крайне интересным рассмотреть возможность существования на этом памятнике «догородского» периода. В связи с этим представляется необходимым остановиться на некоторых «странностях» монетного обращения на территории Старого Орхея и Бессарабии в целом в конце XIII - первой половине XIV вв.

В коллекции Старого Орхея нам известно не более 3 монет, выпущенных в конце XIII – начале XIV вв. Из них одна является серебряным дирхемом хана Токты 710 г. х., а две – анонимными медными пулами с тамгой рода Бату в треугольной рамке. Медные экземпляры имеют плохую сохранность. Достаточно ясно на них можно разобрать только оригинальный тип оформления тамги. Датированы они А.А. Нудельманом на основании работ С.А. Яниной 1280-1310 гг. (Нудельман 1985: 106; Янина 1954: 432-434). Однако в более поздней своей статье С.А. Янина изменила свое мнение о хронологии чеканки этой группы монет: не отрицая близости этих монет к достоверным чеканкам XIII в., она отнесла время их выпуска после реформы 710 г. х., то есть к началу XIV в. (Янина 1960: 210-211). Исследования последних лет по ранней нумизматике Золотой Орды рассматривают данную группу пулов среди монет XIII в. (Сингатуллина 1998: 61, 75). Все это позволяет, по нашему мнению, отнести медные монеты с тамгой Бату в треугольной рамке по времени чеканки к правлению Токты. В этом случае встает вопрос о времени появления монет этого хана в Старом Орхее.

Период обращения и момент чеканки часто не совпадают для многих типов монет. Особенно характерно это в тех случаях, когда место чеканки и территория хождения монет разделены значительным расстоянием. Максимальной величины этот разрыв достигает для золотых и серебряных номиналов. Период обращения медных монет в подавляющем большинстве случаев более привязан к моменту чеканки и менее обширен в своих границах. Подобное явление достаточно распространено в золотоордынской нумизматике, в частности и для монет конца XIII - начала XIV вв.

Монеты хана Токты действительно известны в кладах до XV в. включительно, более того, они известны и в комплексах XVI-XVIII вв. (Федоров-Давыдов 1960: 168-179). Однако обращает на себя внимание состав этих монет: все они являются серебряными дирхемами. Медные монеты Токты, вероятно, обращались в гораздо более узких рамках (и, к сожалению, гораздо реже попадали в клады). Об этом свидетельствуют прежде всего материалы с золотоордынских городищ: на относительно поздно возникших Селитренном и Царевском городищах дирхемы XIII - начала XIV вв. встречаются очень редко, а медь представлена только единичными экземплярами или отсутствует (по данным некоторых авторов) вообще (в связи с этим представляется интересным сравнить информацию о нумизматических коллекциях данных памятников в работах Евстратова 1997: 111; Федоров-Давыдова 1963: 167; Яниной 1970: 196). При этом обращает на себя одна важная особенность нумизматических материалов с этих городищ: непрерывность монетного ряда.

Золотоордынские монеты XIII в. на городищах в Восточной части Золотой Орды всегда имеют своих преемников первой половины XIV в.: чеканки Узбека и Джанибека. Особенно наглядно это явление выглядит при составлении таблиц (например: Федоров-Давыдов 1963: 165). Это правило относится как к более ранним поселениям, существовавшим еще в XIII в., так и к городам, возникшим уже в XIV в. Подобная ситуация достаточно объяснима: монеты начинали попадать в землю с момента возникновения рынка. При этом часть монет могла

предшествовать по времени чеканки дате появления данного рынка, так как в исходный момент в торговле должны были ходить ранние монеты, которые поступали на новое торговое место в одном потоке с более современными чеканками. В этом случае образуется относительно непрерывная хронологическая последовательность монет от современных к более древним. Действительно, трудно представить ситуацию, когда из обращения ушли бы ранние монеты Узбека, но остались чеканки XIII в. Подобная непрерывность должна была особенно ярко прослеживаться для медных монет, которые по самой своей природе менее склонны к неожиданным путешествиям во времени и пространстве, чем номиналы из драгоценных металлов.

Интересно отметить, что рассмотренная нами ситуация полностью подтверждается на материалах с золотоордынских городищ Бессарабии: Костешт и Белгорода на Днестре. Например, в Белгороде, несомненно, имеются джучидские монеты XIII в. Об этом свидетельствуют как единичные находки (не менее 3 экземпляров, из которых 2 медных), так и состав кладов: в комплексе, найденном в 1904 г., насчитывалось 3263 монеты Тулабуги (1287-1290), Токты (1290-1312) и подражаний им; а в коллективной находке начала XIX в. не менее 5 дирхемов Токты. Но следом за монетами XIII в. в коллекции из Белгорода идут дирхемы и пулы Узбека (1313-1339) и Джанибека (1339-1357) (Булатович 1986: 117-118; ОАК за 1904 г.: 121; Федоров-Давыдов 1960: 132). Совершенно иная обстановка сложилась в Костештах. Вероятно, это городище возникло достаточно поздно. В связи с этим в известных нам публикациях и музейных коллекциях отсутствуют джучидские монеты XIII в., которые были бы найдены на территории этого памятника. Хронологический ряд золотоордынских монет этого поселения начинается монетами Узбека и продолжается чеканками Джанибека и ханов 60-х XIV в. (Полевой 1969: 146-161; Полевой 1979: таблица - вклейка 13; материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ).

Рассмотрим теперь ситуацию в Старом Орхее. В коллекции с этого памятника есть три монеты Токты, а следом за ними идут чеканки Узбека и Джанибека. На первый взгляд, полученная картина полностью соответствует сделанным нами ранее выкладкам. Однако нумизматический пейзаж резко меняется, если разделить монеты по металлу. Серебряные дирхемы сохраняют относительно стройную картину преемственности Токты, Узбека и Джанибека. Однако медные номиналы Узбека отсутствуют полностью, а ранние пулы Джанибека встречаются крайне редко. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81). В рассмотренной нами коллекции из Старого Орхея из 991 медной джучид ской монеты только 13 экземпляров достоверно относится к типу пулов с двуглавым орлом (Материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ).

В хронологическом ряду медных золотоордынских монет из Старого Орхея существует разрыв более чем в 30 лет. При этом распределение медных монет Джанибека создает впечатление о том, что в середине XIV в., в период массового наплыва джучидских монет в Центральную Бессарабию, анахроническим (или «старым») элементом денежного потока выступали именно пулы с двуглавым орлом, а не более ранние чеканки. Иначе трудно объяснить отсутствие медных монет Узбека «промежуточного» периода. Подобная ситуация в монетном обращении может быть достаточно легко объяснена, если вспомнить исторические реалии XIV в. на Нижнем Днестре и Дунае.

В конце XIII в. темник Ногай попытался создать новый политический центр на западе Золотой Орды. Однако эта смелая попытка потерпела неудачу, и Ногай был разгромлен. При этом политическая ситуация на территории к западу от Днестра для первых десятилетий XIV в. остается достаточно неясной. В средневековой и современной историографии существует несколько точек зрения о государственных границах на западе Золотой Орды в начале правления Узбека. Возможной нам кажется гипотеза и о подчинении земель между устьями Днестра и Дуная власти Второго Болгарского царства. Формы этого подчинения могли быть самыми разнообразными: от прямой аннексии до получения владений на правах вассалитета от хана Золотой Орды (Коновалова, Руссев 1988: 33-43). Подробное рассмотрение данного весьма интересного вопроса выходит за рамки нашего исследования. Однако необходимо признать, что после смерти Ногая в районе Нижнего Дуная и Днестра произошло несомненное ослабление активности Золотой Орды.

Изменениям политической ситуации в начале XIV в. полностью соответствуют нумизматические материалы, обнаруженные между Днестром и Дунаем. Концом XIII в. или рубежом XIII - XIV вв. на этих землях датируется два клада из Белгорода-Днестровского (Аккермана) и один комплекс из Измаила (Булатович 1986: 117-118; Руссев 1999: 218). Период правления Узбека представлен в тезаврациях гораздо слабее: только одним кладом из 8 дирхемов. Но и этот клад вызывает определенные сомнения в своей достоверности, так как в исходной публикации его место находки указано весьма приблизительно («Бессарабия»), а местом хранения назван Государственный Музей Татарской ССР (Федоров-Давыдов 1960: 153, 192).

В противоположность кладам, материалы единичных находок не дают столь яркой картины упадка монетного обращения между Нижним Днестром и Дунаем в правление Узбека: среди них даже преобладают монеты Узбека

(см. например: Нудельман 1976: 135-150). Но, возможно, здесь общий пейзаж смазан поступлением поздних чеканок Узбека в одном потоке с номиналами Джанибека в середине XIV в.: материалы единичных находок в большинстве случаев не позволяют даже приблизительно определить время обращения монет.

Рассматривая единичные находки, необходимо отметить, что на достоверно ранних памятниках, имеющих закрытые комплексы XIII и первой половины XIV вв., ситуация совершенно иная. Например, в курганах у Тирасполя из 12 целых джучидских монет 11 относятся к чеканке Тулабуги и Токты и только 1 Узбека, а из 21 фрагмента ни один не может быть достоверно отнесен к монетам Узбека (Гошкевич 1930: 104). При этом общее количество монет Узбека, найденных между Днестром и устьем Дуная, явно уступает в численности чеканкам его предшественников. Вероятно, можно согласиться с мнением Л.Л. Полевого о том, что «к первым десятилетиям XIV столетия относятся немногочисленные единичные находки монет, свидетельствующие о слабом денежном обращении» (Полевой 1988: 11-12).

Таким образом, отсутствие в Старом Орхее медных золотоордынских монет первых десятилетий XIV в. полностью соответствует общей исторической и нумизматической ситуации между Днестром и Дунаем в это время. Однако подобное распределение монет почти полностью исключает возможность поступления медных пулов Токты в одном потоке с более поздними чеканками. В результате всего этого необходимо признать, что крайне малочисленные медные монеты конца XIII и начала XIV вв. попали на территорию Старого Орхея вскоре после их чеканки или во всяком случае, до начала массового обращения пулов Узбека. Но тогда мы будем вынуждены признать, что на месте золотоордынского городища Старый Орхей существовала полоса обитания уже в конце XIII - начале XIV вв. Подобная гипотеза кажется нам вполне допустимой, так как рассматриваемый памятник расположен относительно близко от Днестра и менее чем в 100 километрах от уже упоминавшихся курганов близ Тирасполя, содержавших достоверные материалы XIII в. Остается неясным соотношение материалов (и жителей) XIII в. с более поздним поселением. Однако сам факт присутствия каких-то материалов XIII в. свидетельствует о том, что золотоордынский город возник не на «пустом» месте и имел каких-то предшественников в «предгородской» период поселения.

Дальнейшая судьба Старого Орхея отразилась в нумизматических коллекциях гораздо более полно и ярко. Распределение медных джучидских монет по времени их чеканки достаточно ясно свидетельствует о том, что массовое их появление произошло в середине XIV в. Основными центрами распространения были города Поволжья, прежде всего Сарай ал-Джедид. Особенно важно при этом отметить, что интенсивный приток монет продолжался очень короткий промежуток времени: всего несколько лет (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81-82; Руссев 1990: 118-136). Дискуссии и споры могут происходить только о более конкретной датировке и причинах этого процесса. Частично этот вопрос нами уже упоминался ранее. Необходимо, однако, отметить, что постепенно в исторической литературе произошло изменение взглядов по этой теме.

В более ранней работе Л.Л. Полевой отмечает, что: «медные золотоордынские монеты староорхейской коллекции укладываются в рамки конца 40-х—середины 60-х гг. XIV в.». При этом он упоминает о том, что большинство анонимных пулов с цветком имеют дату 753 г. х. (=1351/1352 г. от Р. Х.). (Полевой 1956: 80). С.А. Янина в своей статье о монетах Шехр ал-Джедида делает замечание о том, что «выпуск монет 752 г. х. во много раз превосходит в количественном отношении монеты выпуска 753 г. х.» (Янина 1977: 207).

Точка зрения А.А. Нудельмана претерпела определенные изменения по этому вопросу, в которых чувствуется влияние как Л.Л. Полевого, так и С.А. Яниной. В 1976 г. А.А. Нудельман указывал на то, что в Старом Орхее (Требуженах) среди медных анонимных монет Золотой Орды было 18 экземпляров 751 г. х., 27 монет 752 г. х., 197 пулов 753 г. х. и 33 60-х гг. XIV в., кроме того, непосредственно к чеканке Джанибека было отнесено 26 монет 751 г. х., 31 - 752 г.х., 40 - 753 г. х. (Нудельман 1976: 140). В более поздней коллективной монографии А.А. Нудельман дает несколько иное соотношение медных джучидских монет середины XIV в. в Старом Орхее: от имени Джанибека 27 экземпляров 751 г. х., 38 - 752 г. х., 44 - 753 г. х., анонимный чекан представляют 28 монет 751 г. х., 106 - 752 г. х., 53 - 753 г. х., 4 - 760 г. х., 19 - 761 г. х. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81). Соотношение между медными монетами 752 и 753 г. х. совершенно поменялось, но ни в монографии, ни в более поздних работах нам не встречалось развернутого объяснения этому явлению. Фактически А.А. Нудельман отказался от датировки большинства пулов с цветком 752 г. х., которую выдвинул в своей ранней статье Л.Л. Полевой. Одновременно с этим А.А. Нудельман сохранил почти без изменений время массового появления джучидских монет в Старом Орхее: «со второй половины 40-х гг. XIV в.». (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 83). Таким образом, частные изменения в хронологии монет не повлекли за собой глобальных исторических выводов.

В работах Н.Д. Руссева наблюдается зеркально обратная ситуация. Н.Д. Руссев в своих исследованиях вплоть до последнего времени использует информацию монографии 1981г.

(Руссев 1999: 197). Однако одновременно с этим данный автор относит время миграции золотоордынского населения в регион (предположительно принесшего с собой джучидские монеты) между 751 и 753 г. х. (1350/1351 - 1352/1353 гг. от Р. Х.), а функционирование городской культуры в Старом Орхее и Костештах 50-60-ми гг. XIV в. (Руссев 1990: 135; Руссев 1999: 149), то есть на 5 - 8 лет позднее, чем это предполагал А.А. Нудельман.

В связи с указанными противоречиями значительный интерес представляет мнение П.П. Бырни и Т.Ф. Рябой, которые попытались совместить две точки зрения. В частности они отмечают, что город на месте Старого Орхея начал существовать «примерно с конца 40-х гг.» XIV в. и пережил два периода расцвета, первый из которых относится к середине 50-х гг. XIV в. (Бырня, Рябой 1996: 20).

Различия в соотношении медных монет середины XIV в. в работах разных авторов, возможно, были вызваны плохим качеством чеканки и сохранности этих монет. В уже упоминавшейся нами коллекции Музея Института археологии и этнографии из 737 пулов с изображением цветка 414 экземпляров полностью стерты или не имеют даты, 7 достоверно датируются 751 г. х., 41 - 752 г. х., 185 - 753 г. х. а 10—60-ми гг. XIV в. Пулы с цветком сопровождают 13 монет с изображением двуглавого орла и более поздние чеканки 60-х гг. XIV в. Приведенные цифры, вероятно, могут быть уточнены при более подробном изучении медных монет с применением штемпельного их анализа. Разночтения в один год, возможно, не имеют принципиального значения, однако весьма показательны и позволяют предположить, что точкой отсчета для массового распространения джучидских монет в Старом Орхее были 1350-1353 гг. от Р. Х. Одновременно указанные разногласия заставляют рассмотреть взгляды разных авторов на механизм появления золотоордынского города и джучидских монет на территории Старого Орхея.

Л.Л. Полевой, не рассматривая этот вопрос подробно, связывал появление золотоордын ских городов в центральной части Днестровско - Прутского междуречья (Старого Орхея и Костешт) с целенаправленной деятельностью ханской администрации и практикой насильственного переселения, известной в Золотой Орде. (Полевой 1979: 30). Похожей точки зрения придерживаются и авторы коллективной монографии по Старому Орхею, которые связывают появление этого города с деятельностью хана Джанибека (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 89). Совершенно особое место занимает мнение Н.Д. Руссева, который попытался связать появление городов в центральной Бессарабии с эпидемией чумы, охватившей Европу в середине XIV в. По его мнению, жители городов Поволжья бежали на западную границу Золотой Орды, спасаясь от «Черной смерти» (Руссев 1999: 46-58). Перечисленные точки зрения достаточно оригинальны и обоснованы, однако необходимо отметить, что, возможно, они не противоречат друг другу. Влияние эпидемии чумы на процесс перемещения населения нельзя отрицать, но одновременно с трудом можно поверить, что подобное массовое передвижение налогоплательщиков могло происходить без санкции верховной власти. Окончательное решение данного вопроса станет возможно только в том случае, если будут найдены достаточно ясные письменные источники (например, надписи на могильных камнях или памятные знаки в городе).

Появление на месте Старого Орхея золотоордынского города и массового обращения джучидских монет является важным моментом в его истории. Следующим по значимости и хронологии является вопрос об имени этого поселения и чеканке в нем монет. В Старом Орхее известно несколько типов золотоордынских монет, возможно, выпускавшихся на его территории или в ближайших окрестностях. Назовем наиболее вероятных кандидатов в хронологическом порядке по времени их чеканки: подражания пулам с цветком, монеты Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра, подражания этим монетам, монеты типа «Костешты-Гырля I и II».

Подражания пулам с цветком носят явно неоригинальный характер. Об этом говорят грубые, неразборчивые надписи и изображения, а кроме того, относительно низкий вес монет. Место их чеканки точно не известно. Однако, по нашему мнению, оно располагалось на территории Бессарабии, возможно, в Старом Орхее. Основанием для подобного предположения служит хронология притока оригинальных пулов с изображением цветка. Период их активного поступления в Бессарабию был очень коротким (Нудельман 1985: 108 и др.). Следовательно у авторов подражаний не было времени для их чеканки в городах Поволжья. Датироваться эти монеты могут временем после появления пулов с цветком в начале 50-х гг. XIV в., но до начала чеканки монет Шехр ал-Джедида в 60-е гг. XIV в., которые пришли на смену серебряным и медным номиналам середины XIV в.

Подражания пулам с цветком отмечены еще С.А. Яниной в 1977 г. (Янина 1977: 208), но в более поздних работах эти монеты постепенно исчезли из историографии. Например, в монографии о Старом Орхее отмечено «появление ряда локальных имитаций медным столичным эмиссиям» (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 84-85), но при этом в общем списке монетных находок они отсутствуют (там же, 81-82). В обобщающей монографии А.А. Нудельмана похожая ситуация: бегло упомянуто о существовании «ряда локальных имитаций медных столичных эмиссий» (Нудельман 1985: 108), но нет

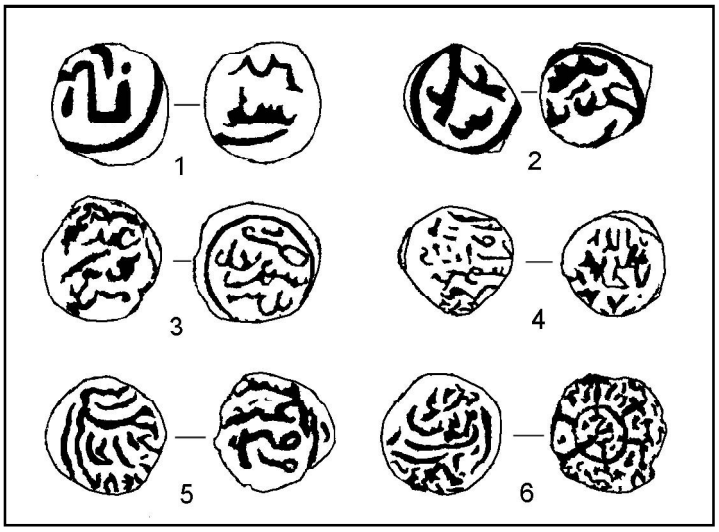

Рис. 1. Некоторые типы монет золотоордынского периода из Бессарабии 1, 2—медные монеты «Костешты Гырля I и II»; 3—медная монета Шехр ал-Джедида; 4—серебряный дирхем Шехр ал-Джедида (770 г.х.); 5—подражание медной монете Шехр ал-Джедида; 6—подражание медной монете с изображением цветка.

ни подробного анализа этих монет, ни статистики их находок. В более поздних работах о монетном обращении и истории Бессарабии данная группа вообще не рассматривается или отождествляются с монетами типа «Костешты Гырля I и II». (Полевой 1988: 7-19; Руссев 1990: 119; Руссев 1991: 41-46, 60; Руссев 1999: 214).

Неясным остается вопрос о том, кто выпускал данные подражания. Наиболее простым ответом может служить гипотеза о работе фальшивомонетчиков. Однако нельзя исключить и другую возможность: чеканка имитаций могла происходить по инициативе местных (например, городских) властей, которые пытались смягчить нехватку мелкой монеты. В этом случае представляется весьма вероятным чеканка данных монет именно в Старом Орхее, так как он занимал видное положение среди золотоордынских городов Бессарабии во второй половине XIV в.

В 60-е гг. XIV в. господствующее место на рынке Старого Орхея заняли монеты Янги-Шехра и Шехр ал-Джедида. Они полностью преобладают над другими джучидскими монетами этого времени в коллекции из Старого Орхея, а среди медных номиналов их количественное преимущество является абсолютным (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 81-82). Вследствие этого подобные монеты рассматриваются значительной частью современных исследователей как продукция монетного двора Старого Орхея. Обращает на себя внимание объединение в одну группу монет, имевших два разных названия и места чеканки. Основанием для этого послужило то, что в обоих случаях название города переводится (с тюркского и арабского) как «Новый город», и его принято рассматривать, как имя одного города (Янина 1977: 193-212). При этом первый вариант известен только на дирхемах, а второй как на дирхемах, так и на пулах.

Легенды данных монет всегда сделаны арабским шрифтом. На подавляющем большинстве монет (и на всех дирхемах) отсутствуют какие-либо изображения живых существ или предметов, но встречается орнамент. Качество надписей на дирхемах постепенно ухудшается, а на пулах было низким почти на всех экземплярах. На одной стороне дирхемов в 765-766 гг. х. (1363/1364-1364/1365 гг. н.э.) указаны титул и имя хана, на другой место и дата чеканки. В 767-769 и 770 гг. х. имя хана исчезло, хотя все его титулы сохранились: на месте имени хана появилась дата чеканки, перенесенная с реверса на аверс (Янина 1977: 195-199). Переходным типом были дирхемы с именем хана и датой на одной стороне. На поздних дирхемах появились новые титулы: в 768 г. х. «шейх», а в 769-770 гг. х. «эмир» (Николае 1999: 142-144). При этом название города Янги-Шехр использовалось только на дирхемах 765-766 гг. х., а Шехр ал-Джедид в 766-770 гг. х., т.е. частично пересекаясь и сменяя друг друга. На пулах с одной стороны помещена надпись со спорным прочтением, а с другой обозначено место чеканки (всегда Шехр ал-Джедид) без обозначения даты чеканки.

Наиболее полный обзор этих монет сделан С.А. Яниной, которая доказывала, что город Шехр ал-Джедид следует отождествлять с городищем Старый Орхей в Бессарабии (Янина 1977). Эту точку зрения поддерживает целый ряд других исследователей (прежде всего молдавских) (Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1984: 33; Нудельман 1985; Руссев 1990: 121). Она сохраняет господствующее положение в историографии до сих пор. В частности, в своей монографии о городах XIII - XIV вв. в низовьях Дуная и Днестра Н.Д. Руссев отмечает: «данная трактовка сегодня может быть признана единственно удовлетворительной, вопреки другим, едва ли более убедительно обоснованным версиям...» (Руссев 1999: 37).

Гипотеза, выдвинутая С.А. Яниной, представляется нам достаточно обоснованной. Однако необходимо отметить, что она не являет-

ся единственной и неоспоримой. Первый по времени исследователь этих монет - Х.Д. Френ разместил Шехр ал-Джедид в Янгкенте в двух днях пути от Аральского моря (Френ 1832: 43). После выхода работы С.А. Яниной собственную точку зрения выдвинул В.Л. Егоров. Он связал название Шехр ал-Джедид с Кучугурским городищем на Днепре. Основанием для этого ему послужили данные археологии и изучение исторической ситуации во второй половине XIV в. на юге Восточной Европы (Егоров 1985: 84-85).

В последние годы спор о географии Шехр ал-Джедида получил свое дальнейшее развитие в работах А.П. Григорьева и В.А. Сидоренко. А.П. Григорьев разместил Янги-Шехр на месте средневековой итальянской гавани Провато в Крыму. При этом он опирался на письменные источники и данные о монетах Янги-Шехра, якобы отчеканенных в 765 г. х. от имени хана Кильдибека (Григорьев 1994: 30-34). Однако используемые А.П. Григорьевым нумизматические материалы вызывают определенное сомнение в своей достоверности (Сидоренко 1999: 149). Подтвердить или окончательно опровергнуть мнение А.П. Григорьева, вероятно, сможет только публикация достаточно обширной нумизматической коллекции с территории Провато.

В.А. Сидоренко, основываясь на особенностях политической борьбы в Золотой Орде за власть во время «Великой замятни», попытался доказать, что: «в период раздела власти с Муридом, Абдаллах продолжает чеканку в Сарае ал-Джедид, переименованном в тюркское Шехр (город, страна) с прежним арабским эпитетом ал-Джедид («новый»), или равнозначным тюркским - Янги» (Сидоренко 1999: 151). Данное предположение достаточно оригинально, однако подобное переименование должно было отразиться в массе письменных источниках. Кроме того, известные нам монеты Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра явно концентрируются значительно западнее Волги (и, следовательно, Сарая).

По мнению автора из всех перечисленных гипотез точка зрения С.А. Яниной представляется наиболее аргументированной, так как она опирается на значительную концентрацию монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра на территории Бессарабии и прежде всего Старого Орхея. Однако необходимо отметить, что в последнее время появилась информация, возможно, частично подтверждающая мнение В.Л. Егорова. Прежде всего это относится к обнаружению дирхема Шехр ал-Джедида в погребении из могильника Мамай-Сурка на территории Запорожской области (Украина). Особое значение здесь имеет то, что тип монеты, найденной у Днепра, не известен С.А. Яниной. (Ельников, Локарев 1997: 64, 68). Кроме того, автору удалось познакомиться с частной коллекцией монет, найденных на территории Запорожской области (в значительной части на Кучугурском городище). В состав этой коллекции входил целый ряд медных джучидских монет второй половины XIV в., в том числе и типичных пулов Шехр ал-Джедида (визуальное определение автора). Интересно при этом отметить, что владелец коллекции относил к чеканке Шехр ал-Джедида несколько весьма спорных типов медных монет, которые не известны нам на территории Бессарабии. К сожалению, в силу технических причин автор не смог визуально изучить фонды Запорожского областного музея, включающих в себя весьма обширную нумизматическую коллекцию.

Материалы с территории Украины заставляют обратить внимание на один весьма важный и почти забытый в последнее время момент. В фундаментальной статье С.А.Яниной описан один тип медных монет Шехр ал-Джедида из фондов Государственного Эрмитажа, который не известен в Старом Орхее и на территории Бессарабии в целом. На одной стороне этих монет типичная для пулов Шехр ал-Джедида надпись с обозначением места чеканки, а на другой изображение зверя (Янина 1977: 207).

В связи с упомянутыми нумизматическими материалами необходимо отметить одно весьма важное методологическое предложение, выдвинутое И.В. Евстратовым для локализации мест чеканки монет Золотой Орды. И.В. Евстратов выдвинул следующую гипотезу: «Золотоордынский город, известный как место чеканки монет, следует локализовать на том конкретном городище, на котором встречаемость различных типов медных монет, чеканенных в этом городе, равно как и частота встречаемости большинства из них, выше, чем на других городищах» (Евстратов 1997: 95). Основанием для этого мнения послужила весьма распространенная в Золотой Орде практика целенаправленного распространения значительных масс монет (в том числе медных) из центров чеканки на окраины. Подобный механизм обычно подразумевается для распространения монет столичной чеканки (Сарая), однако его нельзя полностью исключить и для региональных политических центров, особенно в период «великой замятни» и фактического распада Золотой Орды на отдельные части.

С.А. Янина локализовала Шехр ал-Джедид на месте Старого Орхея, опираясь на концентрацию на нем находок монет данного города (прежде всего медных) (Янина 1977). Однако если учесть поправку, предложенную И.В. Евстратовым, и типы монет (в том числе медных), отсутствующие в Старом Орхее, тогда гипотеза С.А. Яниной не будет выглядеть столь неоспоримой и удовлетворительной.

Разногласия по поводу локализации Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра на территории

Молдавии или Украины могут быть усложнены еще одним дополнительным обстоятельством. До сих пор в процессе спора был почти упущен один важный момент: монеты Шехр ал-Джедида известны в Бессарабии не только в Старом Орхее. Они представлены еще в Костештах и Белгороде- Днестровском (Аккермане). С.А. Янина делала свои выводы, основываясь на материалах Старого Орхея, но данный памятник подвергся наиболее полному изучению. Нумизматические коллекции Костешт и Белгорода уступают материалам Старого Орхея уже в силу масштабов археологических работ. В связи с этим возникает вопрос: на каком из золотоордынских городищ Бессарабии находился город Шехр ал-Джедид? Этот вопрос тесно связан с двумя другими вопросами: когда и при каких исторических обстоятельствах началась чеканка монет Шехр ал-Джедида и распространение их на территории Старого Орхея и Бессарабии в целом?

Хронология чеканки в Шехр ал-Джедиде (Янги-Шехре) может быть установлена по датам на дирхемах из этого города. Первоначально дирхемы этого города датировались 765 - 769 г. х. (1364/1365 - 1367/1368 гг. Р. Х.) (Янина: 1977). В настоящее время известны дирхемы 770 г. х. (Материалы музея с. Сесены; Николае 1999: 143). Пулы Шехр ал-Джедида не имеют дат. Время их выпуска с монетного двора можно определить только на основании косвенных источников: вероятно они выпускались одновременно с дирхемами во второй половине 60-х гг. XIV в.

Рассматривая данную группу монет очень важно отметить одну особенность пулов Шехр ал-Джедида: они должны были заменить, а не дополнить более ранние медные монеты Золотой Орды. Об этой характерной черте свидетельствует факт перечеканки части пулов с изображением цветка в монеты Шехр ал-Джедида. В рассмотренной нами коллекции Музея Института археологии и этнографии АН РМ среди 130 медных монет Шехр ал-Джедида не менее 11 экземпляров относится к числу перечеканенных. Их число может возрасти если к ним добавить сомнительные или спорные монеты. В любом случае мы имеем дело не со случайным явлением, а с целенаправленной акцией, вероятно, санкционированной какой-то властью (центральной, местной или просто городской).

Начало чеканки монет Шехр ал-Джедида (Янги-Шехра) принято связывать с временным перемещением орды Абдуллаха (Мамая) за Днестр (Янина 1977: 208-209) или с татарским князем Деметрием (Дмитрием), известным по венгерской грамоте 1368 г. и сообщению летописей о разгроме трех татарских предводителей у Синих вод литовцами в 1362 г. (Параска 1981: 102-103; Николае 1999: 143).

По нашему мнению, обе версии событий не противоречат друг другу. Однако обращает внимание на себя то, что их авторы стремятся привязать чеканку монет в Бессарабии к одному правителю или событию, соответственно размещая ее только в одном городе. Это противоречит значительному разнообразию нумизматических материалов и сообщениям письменных источников о разгроме Ольгердом в 1362 или 1363 г. в битве при Синих Водах именно ТРЕХ татарских князей (Кутлуби, Хаджибея и Дмитрия), из которых по крайней мере один был позднее и, возможно, правил возле устья Дуная (Параска 1981: 102-103). Подобное стремление к моноцентризму не соответствует и наличию на востоке Бессарабии (в районе концентрации рассматриваемых монет) не менее трех достоверных золотоордынских городов: городища Старый Орхей, Костешты и Белгород (Бырня 1984: 32-33). Другие золотоордынские города находятся либо к западу от области, где были сконцентрированы монеты Шехр ал-Джедида (на Дунае: Килия, Вичина и т.д.), или на восток от Днестра на землях современной Украины. При этом число монетных типов явно приближается к количеству золотоордынских городов на востоке Бессарабии: 2 типа дирхемов (Янги-Шехра и Шехр ал-Джедида); и 3 типа пулов (Шехр ал-Джедида и типа «Костешты-Гырля I и II»).

Значительное разнообразие нумизматических материалов с территории Бессарабии в целом и из Старого Орхея в частности явно соответствует данным археологии и летописей. Можно предположить, что чеканка началась в разных городах, частично дополняя и сменяя друг друга в связи с изменениями политической обстановки на западе Золотой Орды. Нельзя исключить и того, что время и место чеканки монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра могли и не совпадать. Подобное предположение подтверждается своеобразным пересечением, но не совпадением дат на дирхемах. Представляется вполне возможной чеканка монет в двух рядом расположенных городах, имевших похожие названия и единый ареал монетного обращения. При этом максимальная концентрация монет Шехр ал-Джедида на территории Бессарабии была достигнута в Старом Орхее. В уже упоминавшейся нами коллекции Музея Института археологии и этнографии АН РМ из 991 пула Золотой Орда 130 относилось к чеканке Шехр ал-Джедида. В Белгороде из 89 медных джучидских монет Шехр ал-Джедиду принадлежал 21 экземпляр (включая подражания) (Булатович 1986: 117). В Костештах из 118 известных нам джучидских монет только 1 достоверно относится к чеканке Шехр ал-Джедида.

На основании всего этого можно сделать вывод о том, что Старый Орхей на территории Бессарабии и в настоящее время является наиболее вероятным кандидатом на место Шехр

ал-Джедида. Однако остается открытым вопрос о золотоордынских городищах на территории современной Украины, нумизматические материалы с которых могут принести весьма неожиданные сюрпризы. Вероятно окончательно спор о локализации Шехр ал-Джедида и Янги -Шехра может быть решен только после публикации достаточно обширной коллекции монет с Кучугурского городища и других золотоордынских поселений на территории современной Украины или обнаружения надписей с именем Шехр ал-Джедида или Янги-Шехра.

К собственно монетам Шехр ал-Джедида примыкают подражания им. Интересно отметить, что известны подражания как серебряным, так и медным номиналам. Первой их рассмотрела С.А. Янина на основании коллекций Государственного Исторического музея в Москве и материалов из Старого Орхея (Янина 1977: 199, 206). Количество их, по нашему мнению, в общей массе монет было относительно маленьким. Выделение данной группы монет среди медных номиналов затруднено плохим качеством оригинальной чеканки, однако сам факт их наличия не вызывает сомнений. В рассмотренной нами коллекции было не менее 3 подобных подражаний (Материалы Музея Института археологии и этнографии АН РМ: N 397, 719, 1028). Остается не совсем ясным место и время чеканки этих подражаний. Можно предположить, что они были выпущены непосредственно сразу же за чеканкой оригинальных монет и в районе их наиболее активного обращения.

Важной особенностью монет Шехр ал-Джедида и Янги-Шехра была нарастающая тенденция к исчезновению знаков общегосударственного единства. Эта тенденция сохранилась и в следующей группе «местных» джучидских монет из Старого Орхея: медных монетах типа «Костешты-Гырля I и II». Они являются крайне малочисленными в Старом Орхее: например, в уже упоминавшейся коллекции выявлено только 9 экземпляров данных монет.

Внешний вид и технология изготовления резко отличают монеты типа «Костешты Гырля I и II» от всех других джучидских монет из Старого Орхея. Они несут на себе с двух сторон нечитаемые арабские надписи и делятся на 2 типа по наличию или отсутствию тамгообразного знака нетипичной для Золотой Орды формы. Особо необходимо отметить, что на этих монетах отсутствуют какие-либо знаки зависимости от ханов Золотой Орды. Изготовлены монеты «Костешты-Гырля I и II» на неровных кружках, вырезанных из тонкого медного листа, а качество чеканки крайне небрежно. Похожие тонкие монетные кружки известны среди джучидских пулов Азака и Старого Крыма, но изображения на них полностью отличаются от монет «Костешты Гырля I и II» (Фомичев 2000: 71-72).

Впервые данная группа монет была рассмотрена в 1969 г. Л.Л.Полевым в статье о поселении Костешты (Полевой 1969: 146-148). Данному автору принадлежит и деление этих монет на два типа. Однако в более поздних публикациях информация об этих монетах весьма противоречива. В статье С.А. Яниной данная группа нумизматических материалов специально не упоминается (Янина 1977: 193-213). В более поздних работах самого Л.Л. Полевого эти монеты преимущественно проходят под обтекаемым названием «местный чекан XIV в.» (Полевой 1979: таблица 13) или вообще не упоминаются среди монет «местного чекана» (Полевой 1988: 14).

А.А. Нудельман в статье о нумизматических материалах из археологических раскопок 1972-1973 гг., сообщает о находке 5 монет типа «Костешты-Гырля I и II» в Старом Орхее (Нудельман 1974: 197). Однако в итоговой монографии по Старому Орхею в списке находок эти монеты вообще не упоминаются (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 82-83). Можно предположить, что они отнесены к пулам Шехр ал-Джедида (всего 252 экземпляра). В обобщающей монографии о монетном обращении между Днестром и Прутом А.А. Нудельман со ссылкой на консультации С.А. Яниной прямо отождествляет типы «Костешты I» и «Костешты II» с подражаниями монетам «Нового города» (Нудельман, 1985: 98).

Однако необходимо отметить, что С.А. Янина в свое время опубликовала не менее 4 типов подражаний пулам Шехр ал-Джедида, однако все они весьма заметно отличаются от монет типа «Костешты-Гырля I и II» (сравни Янина 1977: 206; фототаблица 15-16; Полевой 1969): не говоря о различиях в надписях, на монетах Шехр ал- Джедида нет тамгообразных знаков, а монетные кружки изготовлялись из расплющенной проволоки. Представляется весьма сомнительной чеканка подражаний принципиально отличавшихся от оригиналов почти по всем основным характеристикам (характер надписей, особые знаки, технология изготовления). Таким образом, говорить о монетах типа «Костешты-Гырля I и II» как о подражаниях пулам Шехр ал-Джедида кажется неправомерным.

У других исследователей также можно встретить разнообразие мнений по этому вопросу. Например, С.А. Булатович среди прочих нумизматических материалов из Белгорода на Днестре называет и «местный чекан типов Костешты-Гирля I и II середины XIV в.» При этом на одной странице перечисляются «местный чекан по типу Шехр аль-Джедида» «по типу Костешты-Гирля I и II» и «подражания местному чекану Шехр аль-Джедида», как равноправные группы монет (Булатович 1986: 117). Однако в дальнейшем С.А. Булатович, рассматривая монетное обращение Белгорода, не выделяет данные монеты в особую категорию находок.

Из местных чеканок упоминается только «чекан Нового города и подражания ему» (Булатович 1986: 117-119). В результате этого непонятно, что подразумевается под монетами «Костешты Гырля I и II»: особый тип монет или еще один вид подражаний пулам Шехр ал-Джедида.

Складывается впечатление, что монеты «Костешты-Гырля I и II» исчезла под вуалью пулов Шехр ал-Джедида и подражаний им. Объяснение этому следует искать в особенностях историографической ситуации: подавляющее большинство найденных материалов и опубликованных работ связано с исследованиями в Старом Орхее. Например, С.А. Янина из нумизматических материалов Бессарабии учитывает только монеты из Старого Орхея, которые дополнены коллекциями из других республик СССР (ГИМ, ГЭ, ГИМ ТАССР) (Янина, 1977). Сходная ситуация существует и с обобщающими работами А.А. Нудельмана, который основывался прежде всего на находках с этого памятника (около 78% всех единичных находок) (Нудельман 1985). Огромная коллекция Старого Орхея оказывает на исследователей подавляющее воздействие.

Но в материалах Старого Орхея монеты «Костешты-Гырля I и II» очень редки и почти полностью исчезают среди многочисленных чеканок Шехр ал-Джедида и подражаний им. Ситуация на других золотоордынских памятниках Бессарабии существенно отличается от Старого Орхея. Например, в Костештах монеты типа «Костешты-Гырля I-II» являются одной из наиболее многочисленных групп нумизматических материалов (Полевой 1969: 146-161). Место их чеканки остается точно не известным, но можно предположить, что оно находилось на одном из городищ, где концентрируются их находки.

Сложным остается вопрос о времени чеканки и обращения данной группы монет. Л.Л. Полевой отмечал, что они найдены совместно с медными монетами 30-60 гг. XIV в. и обращались одновременно с ними (Полевой 1969: 147-148). В 1970 г. эти монеты были обнаружены в одном комплексе с дирхемами Узбека и пулами Джанибека (Нудельман 1975: 96; Булатович 1986: 117). Отсутствие находок этих монет с более ранними материалами позволяет считать, что они появились не ранее второй половины XIV в. Но грубый и явно безграмотный вид этих монет позволяет предположить, что они были выпущены после прекращения чеканки других джучидских монет в Бессарабии в период упадка золотоордынской культуры, то есть в последней трети XIV в. (возможно, после 1370 г.). Еще одним свидетельством этого может быть своеобразная техника чеканки из медных листов.

Спорным остается время прекращения чеканки монет «Костешты-Гырля I и II». В начале XV в. территория Бессарабии вошла в состав Молдавского княжества. Вероятно, эту дату и можно считать абсолютной верхней хронологической границей. Конкретная дата исчезновения монет «Костешты-Гырля I и II», вероятно, располагалась между 1370 и 1400 гг. При этом интересно отметить, что между монетами типа «Костешты-Гырля I и II» и чеканками Молдавского княжества имеется определенное сходство: и те, и другие выпускались на монетных кружках, вырезанных из листа металла. Складывается впечатление, что данная группа монет была деньгами эпохи упадка Золотой Орды в Бессарабии, а возможно, и перехода к новому этапу в истории Старого Орхея и Бессарабии в целом.

Заканчивая рассмотрение золотоордынского периода в истории Старого Орхея нельзя хотя бы кратко не коснуться еще двух вопросов: об иноземных монетах XIV в. на его территории и о завершении монетного обращения под властью Золотой Орды. В нумизматической коллекции Старого Орхея насчитывается не менее 8 монет XIV в., которые не принадлежали к чеканкам Золотой Орды: 1-Индии, 5-Чехии и 2-Галицкой Руси под властью Польской короны (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 86-87). Во прос о возможности их обращения на территории золотоордынского поселения в настоящее время может решаться только на основе монетных кладов с соседних территорий.

Наиболее простым этот вопрос представляется для монет Индии. Они являются достаточно типичным элементом денежного обращения Золотой Орды в XIV в. Ближайшие аналогии золотой монеты Дели 752 г. х., найденной в Старом Орхее, имеются в 2-х кладах: Брэешты (Румыния) и Симферополь (Крым). Первый из них датирован рубежом XIV и XV вв., а второй — 60-ми гг. XIV в. (Нудельман 1975: 99; Крамаровский 1992: 37). Появление золотых монет из далекой Индии на территории Золотой Орды было связано с торговлей и разницами обменного курса золота на серебро в разных странах Евразии (Мухамадиев 1983:74-76). Рассматривая золотые номиналы, нельзя исключить возможность их позднего появления, однако в данном случае представляется весьма вероятным, что индийская монета попала в Старый Орхей еще под властью Золотой Орды.

Находки 7 европейских монет можно разделить на три хронологические группы. В первую входят два медных денария Казимира III (1333/1349-1370) для Галицкой Руси, во вторую— 1 пражский грош Иоанна I (1310-1346), в третью — 4 пражских гроша Вацлава IV (1378-1419). Галицкие денарии Казимира III были отчеканены на территории Восточной Европы в городе, широко известном своими связями с Северным Причерноморьем. При этом период обращения медных монет не мог быть слишком продолжительным. Основываясь на этом

можно предположить, что они поступили в Старый Орхей вскоре после своей чеканки, то есть еще при власти Золотой Орды. Сходная ситуация и с монетами второй группы: пражские гроши на юго-западе Руси признавались платежным средством уже во второй половине XIV - начале XV вв. (Соболева 1998: 178). Кроме того, на левом берегу Дуная было найдено золотоордынское погребение, содержавшее пражский грош Иоанна I (Добролюбский, Субботин, Сегеда 1987: 88-89). Следовательно, у нас есть все основания предполагать, что подобные монеты могли поступать в золотоордынский город на месте Старого Орхея уже в XIV в. Сложнее всего оценить положение грошей Вацлава IV, так как они чеканились относительно поздно: частично даже после смерти Вацлава IV (Соболева 1998: 179). Вероятно, пражские гроши Вацлава IV нельзя отнести к денежному рынку Старого Орхея. В целом необходимо признать очень слабое поступление иноземных монет на территорию Старого Орхея в золотоордынский период.

Массовый приток «стандартных» золотоордынских монет, вероятно, прекратился в 1370 г., когда закончилась чеканка монет Шехр ал-Джедида. Поступление иноземных монет в Старый Орхей, как мы видели, было крайне незначительным. На этом основании принято завершать историю золотоордынского города на месте Старого Орхея концом 60-х гг. XIV в. или 1370 г. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 87-88, 90; Руссев 1999: 149, 160-161). Однако необходимо отметить, что прекращение новых монетных поступлений еще не значит исчезновения всего денежного обращения. Старые монеты могли ходить еще какое-то время после завершения официального монетного чекана или подвоза новых монет. Косвенно об этом могут свидетельствовать подражания пулам Шехр ал-Джедида и монеты «Костешты-Гырля I и II». Обе эти категории нумизматических материалов носили явные следы кризиса денежного рынка и нехватки разменной монеты. Представляется маловероятной их чеканка в период активного поступления в Старый Орхей монет Шехр ал-Джедида: подделывать медные монеты или подражать им имело смысл только при их явной нехватке. Можно предположить, что данные две группы монет завершили свое обращение между 1370 и 1400 гг., завершая короткую, но яркую историю золотоордынского города на месте Старого Орхея.

На основании всего ранее сказанного можно сделать вывод о достаточно сложной и противоречивой истории монетного обращения на территории Старого Орхея в золотоордынский период. При этом особенно хотелось бы подчеркнуть, что монетное обращение и жизнь на этом поселении, вероятно, охватывали несколько более обширный период, чем расцвет самого города.

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхея. Молдавский период. Кишинев.

Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского // Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). Киев.

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев.

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. 1996. Золотоордынский город XIV в. в Днестровско-Прутском междуречье (по материалам городища Старый Орхей) // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса.

Гошкевич В.И. 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами // Вісник Одеськоі комісіі краезнавства при Українській Академіі Наук. Ч. 4-5. Секція археологична. Одесса.

Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. 1987. Золотоордынское погребение у Дуная // Днестровско-Дунайское междуречье в I-начале II тыс. н.э. Киев.

Евстратов И.В. 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897-1997). Саратов.

Ельников М.В., Локарев С.К. 1997. Золотордынские монеты из могильника Мамай-Сурка // Новая парадигма. Вып. 5. Запорожье.

Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1988. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.

Крамаровский М.Г. 1992. Индийский динар из Солхата // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции 25-28 февраля 1992 г. СПб.

Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XIV вв. М.

Николае Е. 1999. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра // Stratum, N 6, Кишинев-Одесса-СПб.

Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV- начале XVI вв. // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет. АКМ, вып. 8. Кишинев.

Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев.

ОАК за 1904 г. — Отчет императорской Археологической комиссии за 1904 г. 1907. СПб.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1956. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старый Орхей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 66. М.

Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1988. Международная Черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII-XIV в. (по материалам истории товарно -денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.

Руссев Н.Д. 1990. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.

Руссев Н.Д. 1991. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм. Кишинев.

Руссев Н.Д. 1999. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII - XIV вв. Кишинев.

Сингатуллина А. 1998. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы для каталога) // Татарская археология. N 1 (2). Казань.

Соболева Н.А. 1998. Первая находка пражского гроша на Новгородском (Рюриковом) городище // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 12. Новгород.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.

Фомичев Н.М. 2000. О группе золотоордынских пулов // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.

Френ Х. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.

Янина С.А. 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. I. МИА, вып. 42. М.

Янина С.А. 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. III. МИА, вып. 80. М.

Янина С.А. 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг. // Поволжье в средние века. М.

Янина С.А. 1977. «Новый город» (Янги-Шехр-Шехр ал-Джедид) - монетный двор Золотой орды и его местоположение // Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. 5, вып. 1. М.

А.Л. Крыжановский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЬВОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА В 1385-1386 гг. И ЧЕКАНКА ЧЕРВОНОРУССКИХ МОНЕТ ВЛАДИСЛАВА ОПОЛЬСКОГО

A.L. Kryzhanovskii. Activities of Lviv Mint in 1385-1386 and Coinage of Red Russian Coins by Vladislav Opolski.

The article debates a generally accepted opinion that the Lviv Mint did not emit coins in 1385-86. According to the same opinion, Władysław Opolski emitted coins with his name only in 1372-77. The author affirms that the Lviv Mint did operate in 1385-86 and Władysław Opolski did coin there the Red Russian groshes with the image of eagle on them.

Существует общепринятое мнение польских и украинских нумизматов, что в период 1385-1386 гг. Львовский монетный двор монет не выпускал: тогда Галицкая Русь находилась под властью венгерской королевы Марии, а червонорусские монеты от ее имени неизвестны.

Владислав Опольский чеканил монеты со своим именем, согласно тому же мнению, только лишь в 1372-1377 гг., во время своего официального правления в Львове.

Проверка этого утверждения и есть задача настоящего исследования, основанного на метрологическом изучении монет в сочетании с анализом исторических фактов и архивных материалов, надо признать, очень скудных.

В первой половине XIV в., разоренное более чем вековой борьбой против монголов, приходит в упадок одно из самых могущественных княжеств Киевской Руси – Галицко-Волынское.

К монгольским опустошениям прибавился и фатальный династический кризис. После гибели в 1323 г. (по одним источникам, в боях с литовцами, по другим – с ордынцами) братьев-князей Андрея и Льва II, трон перешел к Болеславу – сыну их сестры Марии и мазовецкого князя Тройдена. Этот ополячившийся князь, хотя и согласился ради престола на православное крещение и принял имя Юрия II, все же был отравлен боярами весной 1340 г. за тайное содействие распространению на Руси католичества (рис. 1).

Этим не упустили возможности воспользоваться соседи. Польский король Казимир III, используя как предлог свое родство с Юрием II (их жены были сестрами), напал на Галицкую Русь. Волынью завладел еще один «родственник» – литовский князь Любарт, зять галицкого князя Андрея.

К этому времени Казимир III уже сумел объединить разрозненную Польшу. Киевская Русь, вследствие постоянного контроля над ее политическим строем со стороны монголов, не смогла пройти этого закономерного для всей Европы процесса собирания удельных земель, хотя именно своей борьбой с Ордой дала возможность сделать это другим государствам, и прежде всего Польше.

С созданием единого Польского государства возникла необходимость в централизованной монете, которую внедрял своими реформами энергичный король Казимир III.

Похожие шаги он намеревался осуществить и в Галицкой Руси, но в это время Польша еще не была в состоянии полностью контролировать экономическую ситуацию в Червоной Руси.

Свидетельством тому была чеканка Казимиром III в Львове галицкой монеты, совершенно не похожей на польскую. Эти монеты – медные шеляги и серебряные грошики[1] – отвечали существующему до этого денежному обращению в Галицко-Волынском княжестве, в

[1] В польской нумизматической литературе эти монеты называют «червонорусскими квартниками», по аналогии с монетами Силезии конца XIII в. и Польши 1340-х годов, равными четвертой части «скойца» – немецкой денежной единицы. Но в исторических документах Львова XIV-XV вв., в которых идет речь о денежном обращении, «квартники» не упоминаются, название этих монет приводится как «grossiculi», «parvi grossi», «grossiculi parvi», поэтому правильнее эти монеты называть «грошиками».

Что касается названия «червонорусские», то в результате того, что изучение этих монет началось в первой половине XIX в. после их случайного обнаружения в обломках рухнувшей Львовской городской ратуши, и что к этому времени за территорией Галицкой Руси закрепилось название Червоная Русь (не совсем, впрочем, корректное), эти монеты вошли в польскую, немецкую и советскую нумизматическую литературу как «червонорусские». Название «Червоная Русь» сформировалось в письменных источниках XIX в. и произошло от летописных Червенских городов (БСЭ, т.29, 1978: 65).

© А.Л. Крыжановский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

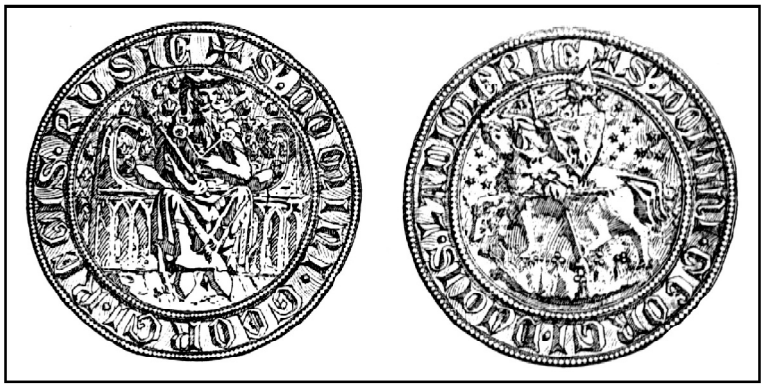

Рис. 1. Печать на грамоте Болеслава Юрия II, направленной Великому Магистру Тевтонского ордена в 1334 г. На самом деле это печать Юрия I, внука Даниила Галицкого, с надписью «Георгий – король Руси», а на оборотной стороне «Георгий – князь Владимирский», которой пользовался, кроме его сыновей Андрея и Льва II, и внук Болеслав Юрий II (Лаппо-Данилевский 1906).

котором из-за отсутствия собственной монеты использовались деньги государств, экономически связанных с Червоной Русью.

Червонорусские грошики изготовлялись из высокопробного серебра 875-950-й пробы и равнялись половине пражского гроша – широко известной в Европе монеты, которая к середине XIV в. завладела рынками центральной и восточной Европы и, естественно, была хорошо известна и в Галицкой Руси.

Медная же монета вообще была неизвестна не только в Польше, но и в Европе, зато была в обращении как разменная монета в Византии и Золотой Орде, с которыми Галицко-Волынское княжество имело тесные торговые контакты.

Грошики Червоной Руси (рис. 2) чеканились во Львове от имени Казимира III Великого (50-е и 60-е гг. XIV в.), Владислава Опольского, который правил Галичиной, согласно официальным источникам, в 1372-1378 гг. как ставленник Людовика Венгерского, самого венгерско-польского короля Людовика в 1379-1382 гг. и, наконец, польского короля Владислава Ягайла (1389-1399 гг.).

Среди червонорусских грошиков Владислава Опольского совершенно отдельное место занимают грошики с изображением орла на аверсе монеты (рис. 3, 4).

Эти грошики являют собой совершенно новый тип монеты, на котором вместо привычного для червонорусских монет Казимира Великого, Владислава Опольского и Людовика Венгерского инициала властелина в четырехдуговом обрамлении (рис. 2: *а, б, в*) мы видим орла в круглом ободке.

Внешне эта монета похожа на червонорусский грошик Владислава Ягайла (рис. 2 *г*), но он чеканился гораздо позже, и, естественно, Владислав Опольский не мог знать загодя о типе монеты, которую впоследствии будет выпускать польский король Владислав Ягайло во Львове. Несмотря на существенные отличия этой монеты от других грошиков, обстоятельства ее чеканки надлежащим образом не изучались.

Не проводилось и специальных метрологических исследований этого типа грошика, а именно, анализа его веса и пробы, который мог бы дать новые результаты о последовательности и временных рамках выпуска монет на львовском монетном дворе.

Разные исследователи по-своему толковали обстоятельства чеканки грошиков Владислава Опольского с орлом.

Так, польские нумизматы К. Строичинский (Stroncynski 1885: 41), М. Гумовский (Gumowski 1914: 170), Й. Швагжик (Szwagrzyk 1973:59) датируют их 1372-1378 гг., то есть периодом выпуска других грошиков Владислава Опольского (с инициалом) во время его правления Галичиной, не обосновывая, впрочем, необходимости

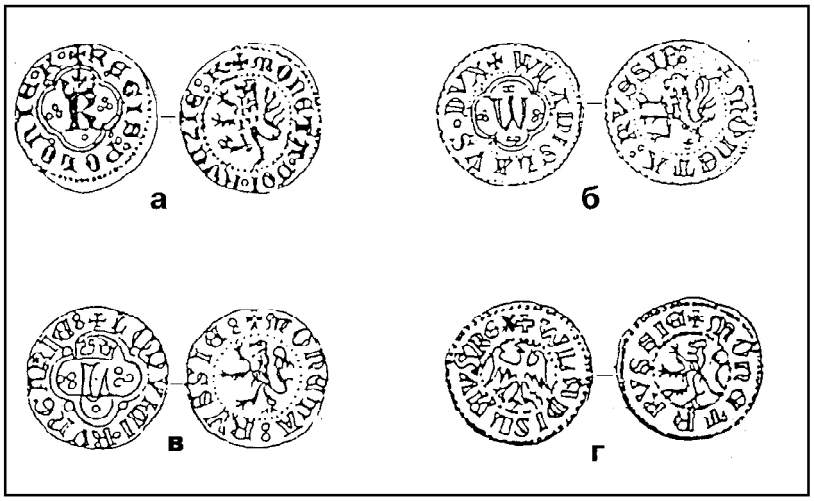

Рис. 2. Червонорусские гро шики:
Казимир Великий (а), Владислав Опольский (б), Людовик Венгерский (в), Владислав Ягайло (г).

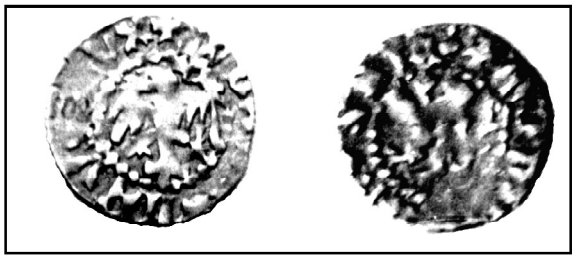

Рис. 3. Грошик Владислава Опольского из коллекции Львовского исторического музея (инв. № Н-75, фотография).
Лицевая сторона: изображение орла и надпись «+WLADISLAVS:DUX».
Обратная сторона: изображение льва и надпись «+MONETA:RUSSIE».

и причин изменения основного типа монет.

Украинский историк М. Котляр, автор наиболее полного исследования по червонорусской нумизматике, к сожалению, не приводит этой монеты не только в своей книге, посвященной монетам Галицкой Руси (Котляр 1968), но и в специальной статье о грошиках Владислава Опольского (Котляр 1965: 38-41).

Исследователи XIX в. Я. Ступницкий (Stupnicki 1865: 97) и К. Болсуновский (Болсуновский 1905: 13), не находя реальных временных рамок для упомянутого грошика, просто относят его к ошибочным разновидностям или к подделкам во время правления Владислава Ягайла, на чем остановимся позже.

Анализ метрологических данных (табл.1) приводит к неожиданным выводам: эта монета не вписывается в весовые рамки типовых грошиков Владислава Опольского (1,04 г против 1,23 г в стандартных типах).

Согласно экономическому закону Коперника – Грешема о постепенной порче веса и пробы монеты, время ее чеканки следует определить между правлением Людовика Венгерского и Владислава Ягайла, т.е. между 1382 и 1387 гг.

Однако, в соответствии с общепринятым мнением польских и украинских нумизматов, в этот период львовский монетный двор монет не выпускал, потому что тогда, как было сказано вначале, Галицкая Русь находилась под властью венгерской королевы Марии, дочери Людовика Венгерского, а червонорусские монеты с ее именем неизвестны.

Для решения этой загадки необходимо ответить на несколько вопросов:

1. Была ли указанная монета ошибочной или фальшивой?

2. Могла ли она выпускаться в общепринятые годы правления Владислава Опольского Галицкой Русью в 1372-1378 гг.?

3. Были ли благоприятные исторические обстоятельства, которые могли привести к чеканке монет Владиславом Опольским в г. Львове в период 1382-1387 гг.?

4. Почему на указанных монетах Владислав Опольский меняет привычный инициал «W» на изображение орла?

Мнения о том, что эта монета фальшивая и чеканилась во время Владислава Ягайла, основывались на известных исторических фактах казни в Кракове в 1407 г. за подделку монет краковского купца Фетера и обвинения в суде за подобные преступления Земовита, князя Мазовецкого (Piekosinski 1878: 195,198,199). Однако метрологические данные отвергают эти предположения: трудно поверить, чтобы «продукция» подпольных мастеров имела бы лучшую пробу и больший вес по сравнению с официальным выпуском монет короля Владислава Ягайла, а сами фальшивомонетчики подделывали монеты не только без прибыли, но и с явными убытками (среднее содержание серебра в этих монетах – 0,96 г против 0,69 г в грошиках Владислава Ягайла).

Эти аргументы, не опровергая фактов обвинения Фетера, Земовита или подобных им в подделывании монет, не позволяют отнести указанную монету к подделкам; впрочем, нигде не указано, что они подделывали именно червонорусские грошики.

Что же касается ошибки «DUX» вместо «REX», то есть титула князя, использованного вроде бы на монетах короля Владислава Ягайла, – то это уже была бы не ошибка, а преступление, оскорбление королевского достоинства, за что грозила неминуемая казнь, и такая монета не могла бы даже выйти за пределы монетного двора.

Кроме того, при сравнении изображений орла, льва и букв на монетах Владислава Опольского и Владислава Ягайла (табл. 2), которые совершенно отличаются друг от друга, выходит, что, допуская ошибку в слове «REX», резчик штемпеля одновременно должен был

Рис. 4. Изображение грошика Владислава Опольского с орлом (см.: Stronczyński 1885: 41; Kopicki 1995).

№ п.п.	Червонорусские грошики	Изображение аверса	Вес (г)		Проба серебра	Среднее содержание серебра (г)	Период чеканки	Количество проанализированных монет
			Средне-арифметический	Средне-списочный				
1	Казимир Великий		1,35	1,29	943°	1,22	50-60-е XIVв.	31
2	Владислав Опольский		1,23	1,23	936°	1,15	1372-1378 гг.	18
3	Людовик Венгерский		1,07	1,08	925°	1,00	1379-1382 гг.	25
4	Владислав Опольский	Орел верхнесилезский	1,04	1,04	923°	0,96	1385-1386гг.	11
5	Владислав Ягайло	Орел пястовский (ягеллонский)	0,95	0,95	731°	0,69	1389-1399 гг.	404

Табл. 1. Метрологические данные грошиков Червоной Руси.

бы менять стиль букв, изображения орла и льва, подбирать для таких ошибочных монет лучшее по пробе и весу монетное серебро.

Такое совпадение выглядит совершенно невозможным; остается признать эти монеты легальным официальным выпуском львовского монетного двора от имени князя Владислава Опольского.

Относительно времени чеканки этих монет, метрологические данные дают основания для сомнений в том, что они выпускались в 1372-1378 гг. – официальные годы правления Владислава Опольского в Червоной Руси.

Так, среднее содержание серебра (0,96 г) в них гораздо меньше, чем в обычных грошиках Владислава Опольского с инициалом «W» (1,15 г). Кроме того, новый тип монеты с заменой инициала правителя («К» – Казимира Великого, «W» – стандартного типа Владислава Опольского) на изображение орла тоже требует изучения причин и, главное, временных рамок таких разительных перемен.

Это изменение можно было бы отнести ко времени самого начала правления Владислава Опольского, когда он еще не выпускал монет с инициалом «W», то есть не был связан традицией продолжения типа монет Казимира. Однако существует монета переходного типа (рис. 5), при чеканке которой Владислав Опольский использовал сохранившийся штемпель реверса Казимира Великого с оригинальной легендой «MONETA:DOI:RUGSIEK», то есть «монета господина Руси Казимира» (на червонорусских монетах других правителей стандартная надпись – «MONETA:RUSSIE»), на аверсе же вырезан инициал «W», а не орёл, что отрицает возможность выпуска интересующей нас монеты с орлом в первые годы княжения Владислава Опольского.

Трудно найти в последующие годы периода 1372-1378 гг. у этого князя основания для декларации каких-то особенностей своего правления чеканкой монеты нового типа, тем более что в 1377 г. его власть в Галицкой Руси была существенно ограничена. Дело в том, что вследствие частых набегов литовских отрядов на Галицкие земли суверен Владислава Опольского – венгерский король Людовик после нескольких побед над литовцами оставил в городах Галичины своих воевод.

Есть также монета переходного типа последних месяцев правления Владислава Опольского или начала непосредственного подчинения Галицкой Руси Венгерскому королевству (рис. 6), на которой с лицевой стороны изображен инициал «L» – Людовика Венгер-

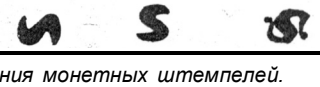
№ п.п	Изображения, буквы	Владислава Опольского	Владислава Ягайло
1	Орел		
2	Хвост льва		
3	Буква "А"		
4	Буква "S"		

Табл. 2. Характерные особенности стиля исполнения монетных штемпелей.

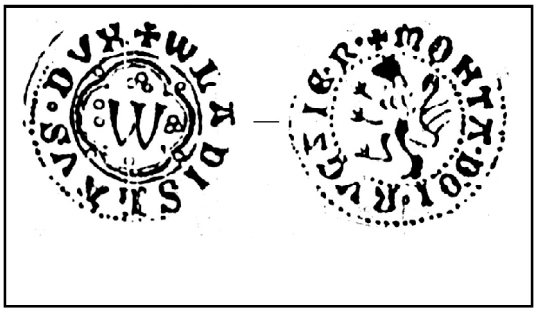

Рис. 5. Монета Владислава Опольского (аверс) со штемпелем Казимира Великого (реверс).

ского, а с обратной стороны вокруг льва надпись – «+WLADISLAVS:DUX».

Это доказывает, что и в конце этого периода Владислав Опольский тоже не выпускал монет с изображением орла.

Все это говорит в пользу того, что в 1372-1378 гг. Владислав Опольский выпускал во Львове только лишь стандартные грошики с инициалом «W» на аверсе. Тогда, может быть, он правил в Червоной Руси гораздо позже и именно в этот период чеканил монету нового типа? Метрологический анализ содержания серебра подтверждает такое мнение, а размещение его монеты с орлом между грошиками Людовика Венгерского (1,00 г) и Владислава Ягайла (0,69 г) дает основание предполагать, что Владислав Опольский правил во Львове некоторое время в период между 1382 и 1387 гг. Но для такого категорического вывода недостаточно только лишь метрологических выкладок.

Для подтверждения такой гипотезы следует изучить исторические возможности его пребывания во Львове и чеканки упомянутой монеты после смерти Людовика Венгерского, а для этого внимательно присмотреться к фигуре Владислава Опольского, довольно авантюрной личности, которого украинский историк М. Грушевский называл все же последним суверенным князем Галицкой Руси (Грушевський 1913: 146).

Обедневший опольский князь Владислав с молодых лет пребывал при дворе своего могущественного родственника – венгерского короля Людовика. Заслужив верной службой доверие этого монарха, он полностью подходил для реализации его планов – присоединения Галицкой Руси к Венгерскому королевству (Breiter 1889: 19, 29).

По соглашению между Польшей и Венгрией после смерти Казимира Великого, у которого не было сыновей, Людовик в 1370 г. унаследовал польский трон, овладев одновременно и Червоной Русью.

Вместе с тем Людовик Венгерский имел аналогичную проблему и с собственным наследием: тоже не имея сына, он видел в недалеком будущем неминуемый распад Польско-Венгерской унии. В этом случае, по соглашению от 1350 г., Венгрия имела право выкупа Галицкой Руси у Польши за 100 тыс. золотых дукатов (Wyrozumski 1982: 89).

Не желая, чтобы после его смерти Венгрия платила такую огромную сумму, Людовик в первые годы своего правления в Польше отделил Червоную Русь от Польши, назначив в 1372 г. Владислава Опольского «господином и князем Руси на вечные времена» (Sroka 1994: 307).

О том, что Владислав знал об определенной ему роли – обеспечить постепенное присоединение Червоной Руси к Венгрии, свидетельствует полное спокойствие, с которым он согласился в начале 1379 г. на замену Галицкой Руси на другие земли в Польше, подаренные ему Людовиком, вне всяких сомнений, гораздо менее ценные. В 1379 г. Владислав выезжает с Червоной Руси в Ченстохову.

После смерти Людовика Венгерского в 1382 г. Владислав Опольский остается в добрых отношениях с Марией, королевой Венгрии – дочерью Людовика. Доверие к нему со стороны Марии и ее матери Елизаветы было таким, что в 1385 г. ему поручили ответственную миссию доведения до «фактического свершения» брака, совершенного еще в детские годы, согласно обычаям того времени, между Ядвигой, сестрой Марии, коронованной уже к этому времени в качестве королевы Польши, и Вильгельмом Габсбургом Австрийским (Грушевський 1907: 131).

По поручению Елизаветы Владислав Опольский тайно привозит в начале августа 1385 г. Вильгельма в Краков, вопреки намерениям польской шляхты, которая перед угрозой войны с Тевтонским орденом планировала выдать 14-летнюю Ядвигу за 40-летнего литовского князя Ягайла. Симпатии Ядвиги были, естественно, на стороне молодого Вильгельма, но победила, как всегда, политика.

Намерения шляхты были закреплены 13 августа 1385 г. Кревской унией между Польшей и Литвой. Миссия Владислава Опольского провалилась, он был вынужден спасаться бегством.

Фактически в Польше произошла смена политических ориентиров – с традиционного венгерского направления, которого Польша придерживалась с начала XIV в., на литовское. В круговорот этих событий попали Владислав Опольский и Галицкая Русь. В Польше росло

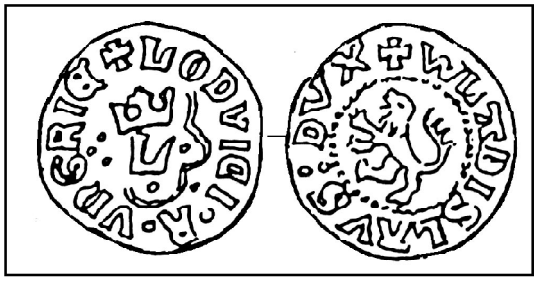

Рис. 6. Монета Людовика Венгерского (аверс) со штемпелем Владислава Опольского (реверс).

недовольство, связанное с переходом Червоной Руси во владение Венгерского королевства, но де-факто Галичина продолжала оставаться под управлением венгерских наместников. Однако в самой Венгрии в это время бушевало восстание, трон под Марией шатался. Дело в том, что после смерти в 1301 г. последнего потомка династии Арпадов, короля Андрея III, на венгерский престол стараниями папы римского был приглашен Карл Роберт Анжуйский из Неаполя. Новая династия в лице Карла Роберта и его сына Людовика укрепила венгерское государство. Но когда после смерти последнего на трон в 1382 г. взошла малолетняя Мария, и власть в Венгрии перешла к ее матери Елизавете, часть венгерских магнатов не захотела подчиняться «женскому управлению» и пригласила Карла II, короля Неаполя, который в 1385 г. был коронован в Буде на венгерский трон. В феврале 1386 г. Карл II был убит в результате заговора, организованного Елизаветой.

Вслед за этим наступило жестокое возмездие: Елизавета с дочерью Марией поплатилась за убийство, попав в руки приверженцев Карла II; Елизавета была казнена, а Мария оставалась в тюрьме до марта 1387 г., когда была освобождена обрученным с ней в детстве чешским принцем Сигизмундом, который с помощью чешской армии 30 марта 1387 г. взошел на венгерский престол вместе с Марией (Dzieje powszechne ilustrowane 1906).

Именно на период смуты в Венгрии – с августа 1385 г. по март 1387 г. – приходятся и наименее изученные годы в истории Галичины.

В эти годы Владислав Опольский мечется между своими силезскими землями, владениями на западе Польши, подаренными ему Людовиком Венгерским, и Галицким княжеством, на правление которым у него остаются тайные надежды. Меняется его отношение и к польскому престолу – от желания наладить отношения до конфронтации, что, в общем-то, понятно, учитывая намерения Владислава Ягайла объединить все польские земли (включая и новые владения Владислава Опольского), а также подчинить себе Червоную Русь.

Возможно, по поручению Марии, перед угрозой потери Червоной Руси вследствие создания Польско-Литовской унии, а возможно, и по собственной инициативе, используя политическую конъюнктуру, осенью 1385 г. Владислав Опольский появляется во Львове. Известны его грамоты от 3 сентября 1385 г., 15 июля 1386 г., 22 июля 1386 г. и 15 августа 1386 г., данные во Львове или в других его владениях, но касающиеся дел Червонорусского княжества, в которых Владислав Опольский снова употребляет титул «князь и самодержец Руси» (Akta grodzkie i zemskie 1876).

Внутренние распри в Венгрии, провал планов и отход Владислава Опольского от польских дел, очевидно, подталкивали князя к постепенному осознанию полной независимости в управлении Галичиной.

Вполне вероятно, что в это время Владислав Опольский мог чеканить во Львове монету, тем более что речь шла не об организации заново монетного двора, а о продолжении его деятельности. Это дело, кроме декларации факта правления, приносило князю еще и немалую прибыль.

Конкретизируя время чеканки грошиков с орлом, мы можем, учитывая большое доверие венгерской королевы Марии к Владиславу, утверждать, что до лета 1385 г. о выпуске такой монеты не могло быть и речи, потому что тогда это была бы монета от имени Марии. Наибольшая вероятность появления этих монет приходится на период после февраля 1386 г., месяца пленения Марии, и до конца 1386 г. К такому суждению склоняет еще и очень интересная деталь: в грамоте от 13 августа 1386 г. Андрей, староста русский, по поручению Владислава Опольского предоставил перемышльским ремесленникам привилегии, аналогичные тем, какие имели львовские мастера. Любопытно, что 9 февраля 1386 г. этот же староста Андрей в другой грамоте совершенно не вспоминает о князе Владиславе (Akta grodzkie i zemskie: II, № 13).

Кроме того, М. Грушевский с немалым сомнением относится к достоверности даты грамоты Владислава Опольского от 9 сентября 1385 г., которая известна в пергаментной копии с конца XIV в. (Грушевський 1907).

Все же, учитывая полное отсутствие каких-либо летописных свидетельств и других документов, освещающих условия второго правления Владислава Опольского во Львове, а говоря более откровенно, подтверждающих сам факт правления, кроме упомянутых грамот, расширим временные рамки чеканки грошиков с изображением орла с сентября 1385 г. (первая известная грамота Владислава) до декабря 1386 г. (время отъезда Владислава Опольского из Львова).

Остается ответить на вопрос о причине появления орла на аверсе монеты. Разгадку этого изображения на новых грошиках Владислава Опольского находим, сравнивая их с монетами, чеканенными им же на своем монетном дворе в Велюне (рис. 7), на которых видим силезского орла – родовой герб Владислава Опольского, похожего на орла, вырезанного на штемпеле львовских монет.

Земля Велюнская, которая граничила с его силезскими владениями, была подарена Владиславу за верную службу Людовиком Венгерским в 1370 г., сразу же после восшествия на польский престол. По мнению польских исследователей, серебряные денарии чеканились в Велюне примерно с 1371 г. до конца 70-х годов XIV в.

Всего в музеях Польши и Германии хра-

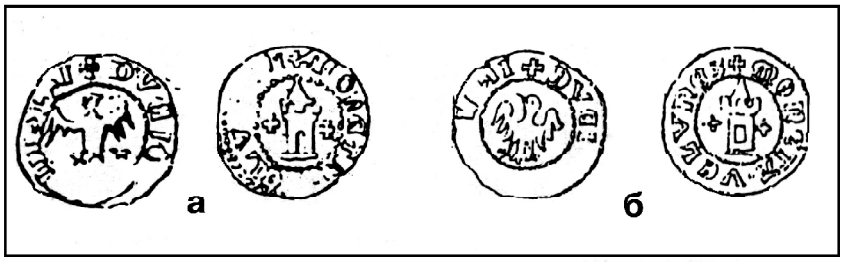

Рис. 7. Велюнский денарий Владислава Опольского:
а – Hutten-Czapski 1880, №5634;
б – Stronczyński 1885.

нится 7 экз. таких денариев (Mikolajczyk 1987: 6, 10).

Еще И. Швагжик подчеркивал, что орел на львовских грошиках Владислава Опольского верхнесилезский. Кроме того, на велюнских денариях тоже круглый ободок, а не четырехдуговой, как на грошиках Казимира Великого, стандартных монетах Владислава Опольского и Людовика Венгерского, что вместе с орлом дает совершенно новый тип монеты.

Возможно, этим типом грошика, отличающимся от своих предыдущих, Владислав Опольский хотел продемонстрировать иной, независимый статус правления в Галичине, а изображением орла – владение Червоной Русью на таких же правах, как и другими своими землями.

Отвечая на возможные предположения о чеканке этого типа грошика не во Львове, а в Велюне, куда мог выехать вместе с князем монетный мастер, отметим отсутствие как экономических, так и политических причин для этого шага: не было смысла Владиславу Опольскому выпускать монету по непривычной для Польши червонорусской монетной стопе, без надежды на возвращение во Львов, вызывая при этом гнев Людовика.

Анализ букв «A» и «S», а также хвоста льва, показывает, что на червонорусских грошиках Владислава Опольского с орлом они такие же, как и на монетах Людовика Венгерского, что свидетельствует о «руке» одного мастера. Понятно, что монетный мастер не мог работать одновременно во Львове и в Велюне. Чеканка монет Людовика именно во Львове подтверждается документально, поэтому, подводя итоги приведенных аргументов, можем утверждать, что червонорусские грошики с орлом Владислав Опольский не мог выпускать в Велюне в 1379-1382 гг., а чеканил их во Львове после смерти Людовика Венгерского, и наиболее вероятное время для этого – осень 1385-1386 гг.

Более того, такие же буквы «A», «S», форма хвоста льва присутствуют и на последнем типе монет Владислава Опольского с инициалом «W» (по метрологическим выкладкам, таковы грошики, на аверсе которых вокруг инициала «W» надпись «+MONETA:RUSSIE», а на реверсе вокруг льва «+WLADISLAVS:DUX»), что свидетельствует о том, что один и тот же мастер работал постоянно во Львове с 1378 г. до 1386 г.

Можно даже рискнуть утверждать, что сходство рассматриваемой монеты (1385-1386 гг.), грошиков Людовика (1379-1382 гг.) и последнего типа монет Владислава Опольского с инициалом «W» (примерно 1378 г.) свидетельствует об одном монетарии, и имя его – Богдан, как следует из судебной книги г. Львова. В этой книге под 1383 г. упоминается вдова покойного на это время монетария Ивана, который, возможно, был мастером во время Казимира Великого и в первые годы правления Владислава Опольского, а как здравствующий монетарий под 1384 г. отмечен Богдан. В 1386 г. сообщается о смерти нового монетария Богдана (Najstarsza księga... 1892).

Более того, сам факт упоминания о действующем монетарии Богдане с 1383 по 1386 гг., пресловутом периоде бездеятельности львовского монетного двора, подтверждает факт чеканки монет в период между смертью Людовика Венгерского и переходом Червоной Руси под власть Владислава Ягайла, а метрологические выкладки говорят, что это были грошики Владислава Опольского с орлом.

Объяснение незначительного отклонения метрологических данных этих грошиков от грошиков Людовика Венгерского (по содержанию серебра – соответственно 0,96 г против 1,00 г) можно найти в стремлении Владислава Опольского заявить о стабильности власти, которая придерживается принятых нормативов чеканки монеты. При метрологических исследованиях этого типа грошиков изучено 11 монет, хранящихся во Львовском историческом Музее (9 экз.), Государственном Эрмитаже (1 экз.) и Национальном музее истории природы и этнографии Молдовы (1 экз. в составе известного Кугурештского клада).

Распределение монет по весу:

0,90 г – 1экз.
1,01 г – 2 экз.
1,02 г – 1 экз.
1,03 г – 1 экз.
1,04 г – 1 экз.
1,05 г – 1 экз.
1,07 г – 2 экз.
1,15 г – 1 экз.
1,17 г – 1 экз.

Была такая монета и в нумизматическом собрании Ossolineума во Львове, но когда во время военного лихолетья эта коллекция была вывезена немцами из Львова и оставлена в спешке на территории Польши, а потом передана воссозданному во Вроцлаве Народному учреждению Ossolinских, этого грошика в ней не оказалось. Эта же судьба постигла и несколько других редких червонорусских монет из Львовского собрания.

Вернемся опять к последнему князю Галицкой Руси.

Судьба Владислава Опольского приняла вскоре совершенно иной оборот. Перед лицом польской угрозы в конце 1386 г. он был вынужден выехать из Львова в землю Велюнскую. В это время армия польской королевы Ядвиги приближается к Перемышлю. 18 февраля 1387 г. Ядвига в Перемышле, употребляя в грамотах титул «государь Руси», подтверждает привилегии местной шляхты. Владислав Опольский рассылает воззвание из своей Ченстоховы к верным подданным в Червоной Руси, призывая их к сопротивлению войскам Ядвиги (Akta grodzkie i zemskie III). Его влияние было все еще столь значительным, что когда в марте 1387 г. Ядвига стояла с армией в Городке, в 20 км от Львова, львовские мещане в течение длительного времени не открывали ей городских ворот.

Дальнейшая судьба Владислава Опольского свидетельствует о его безудержном авантюризме, что, в общем-то, считалось нормальным в средневековые времена, и решительных антипольских выступлениях этого немолодого уже князя.

В 1392 г., в возрасте 66 лет, переодетый купцом, Владислав Опольский ездил к Великому Магистру Ордена Крестоносцев с посольством от Чешского и Венгерского королей с предложением о создании коалиции для «раздела» Польши. Впоследствии он возобновил переговоры с Орденом о продаже части своих земель в Польше, что вызвало военный поход против него Владислава Ягайла в 1396 г., который завершился взятием Велюня – стольного града этого князя (Mikolajczyk 1986).

Впрочем, дни свои Владислав Опольский закончил тоже во время осады своей крепости Болеславец войсками польского короля в 1401 г. (Stupnicki 1865).

Подводя итоги, можно утверждать, что в 1385-1386 гг. львовский монетный двор действовал и что Владислав Опольский чеканил на нем червонорусские грошики с изображением орла.

В ходе исследования данного типа монет результаты метрологического анализа нашли подтверждение в исторических фактах. Новые данные о чеканке грошиков позволяют дополнить скудные сведения по истории Львова и поновому оценить статус Владислава Опольского в Червоной Руси в 1385-1386 гг., обстоятельства пребывания которого здесь характеризуются историками как неясные.

ЛИТЕРАТУРА

Болсуновский К. 1905. Автономные монеты Галицкой Руси XIV ст. Киев.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. 1978. Т. 29.

Грушевський М. 1903. Історія України – Руси. Київ – Львів. Т. IV.

Грушевський М. 1907. Історія України – Руси. Київ – Львів. Т. IV.

Грушевський М. 1913. Ілюстрована історія України. Київ – Львів.

Записки наукового товариства ім.Т. Шевченка. 1903. Львів.

Котляр М.Ф. 1968. Галицька Русь у другій половині XIV – першій чверті XV ст. Київ.

Котляр Н.Ф. 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-волынской Руси IX – XIII в. Киев.

Котляр Н. 1965. Классификация червонорусских монет Владислава князя Опольского. Сообщения Государственного Эрмитажа XXVI. Л.

Лаппо-Данилевский А. 1906. Печати последних Галицко-волынских князей и их советников. СПб.

Лонгинов А.В. 1885 г. Червенские города. Варшава.

Akta grodzkie i zemskie. Lwów, 1876. T. II, № 15, T. IV. № 1, T. VI, № 1.

Akta grodzkie i zemskie. T. II, № 13.

Akta grodzkie i zemskie. T. III, № 39.

Baran E. 1998. Katalog monet Polskich w zbiorach Zakładu Narodowego im. Ossolinskich. T. 1, Wrocław.

Breiter E. 1889. Władysław książe Opolski. Lwów.

Catalogue de la collection des medailles et monnaies Polonaises du comte E. Hutten-Czapski.1880. St. Petersbourg. Vol. III. № 5634.

Dzieje powszechne ilustrowane. 1906. Wiedeń. Część druga. T. 1.

Gumowski M. 1914. Podręcznik numizmatyki Polskiej. Kraków.

Kopicki E. 1995. Ilustrowany skorowidz pieniędzy Polskich i z Polską związanych. Warszawa. №3058.

Mikolajczyk A. 1986. Denary wielunskie Władysława Opolczyka. Łódzkie towarzystwo naukowe. № 32.

Mikolajczyk A. 1987. Zapomniana średniowieczna mennica w Wieluniu. Wielunska Biblioteka Regionalna. №10.

Najstarsza księga miejska 1382-1389. 1892. Lwów.

Piekosiński F. 1878. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w.. Kraków.

Sroka S. 1994. W sprawie daty obięcia Rusi przez Władysława Opolczyka. // Rocznik Przemyski. № XXIX – XXX.

Stronczyński K. 1885. Dawne monety polskie dynastyi Piastów i Jagiellonów. T. III. Piotrków.

Stupnicki J.1865. O monetach Halicko-Ruskich. Lwów.

Szwagrzyk J. 1973. Pieniądz na ziemiach Polskich X-XX w. Wrocław.

Swieżawski A. 1996. Otoczenie ruskie Władysława Opolczyka. Prace naukowe Szkoly pedagogicznej w Częstochowie. Z. III.

Wyrozumski J.1982. Kazimierz Wielki. Wrocław.

Н.Д. Руссев

МОЛДАВСКИЕ МОНЕТЫ КОНЦА XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВВ. (ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ)

N.D. Russev. Moldavian Coins of Late XIV – first third of XV cc. (Peculiarities of Distribution).

The article researches topography of findings of early Moldavian coins emitted during the rule of Petru I Mushat (1375-1391), Stefan I Mushat (1394-1399) and Alexandru I cel Bun (1400-1432). The analysis of numismatic artefacts revealed four areas of their distribution: 1) Moldavia's territory divided into two historical regions by the river Prut; 2) Dobrogea; 3) Wallachia; 4) Polish-Lithuanian possessions. The study showed that in each of the regions Moldavian coins played a special role which reflected peculiar historical destinies of the regions and the nature of their connections with Moldavia in late XIV – first third of XV cc.

Нумизматическое исследование как основа реконструкции прошлого уже давно не является новшеством, хотя его возможности используются далеко не всегда, когда это уместно и необходимо. Дело в том, что при изучении средневековой эпохи практически повсеместно в Старом Свете монетный фонд поставляет вполне добротную информацию о минувших столетиях, иной раз не только вспомогательную, но и оригинальную, первостепенной важности. В отношении Восточной и Юго-Восточной Европы сказанное особенно справедливо, поскольку здесь традиционные письменные свидетельства вплоть до XVI–XVII вв. немногочисленны и бедны по содержанию. Между тем, легко заметить несколько скептическое отношение к нумизматическим находкам, соединяющим в себе достоинства источников как по экономической, так и по политической истории. Эти свойства монет связаны с двоякостью их функций. С одной стороны, деньги выполняют задачу обеспечения развивающихся товарных отношений, а с другой – призваны отличать политический авторитет правителя и страны, атрибутом которых они являются.

Данные о массовых монетных находках могут быть использованы в историческом исследовании только после обобщения. Работа по их собиранию отчасти облегчается наличием сводок, опубликованных нумизматами Молдавии и Румынии (Нудельман 1975: 94-124; 1976: 90-153; Полевой 1956: 91-103; 1960: 317-352; Berciu-Drăghicescu 1990: 54-92; Ursu, Berciu-Drăghicescu 1989: 125-172). К сожалению, они не всегда позволяют точно определить количество, номиналы и эмитентов монет, помимо других, более специальных параметров. Нередко это связано с тем, что извлеченные из земли находки бывают плохой сохранности. Кроме того, обычно монеты находят далекие от науки люди, и множество экземпляров расходится по рукам случайных лиц и любителей-коллекционеров, ускользая от взглядов специалистов. Однако достаточно представительный корпус монетных находок исторически сложившейся государственной территории все же достоверно отражает синхронную ему действительность в экономической и политической сферах жизни общества. По этой причине отличительные черты всей совокупности материала характеризуют породившую его монетную систему и денежное обращение, а также исторические феномены другого порядка. Они связаны друг с другом как часть с целым. Впрочем, путь к реконструкции начинается с частного адекватного описания исходного материала, в данном случае – монет.

В этой статье рассматриваются молдавские монеты, чеканившиеся в Сучаве от имени Петра I Мушата (1375-1391), Стефана I Мушата (1394-1399) и Александра I Доброго (1400-1432) – см. приложение. На основании изученного круга литературы определено 89 пунктов обнаружения монет, в их числе 50 мест коллективного сокрытия. Незнание о составе значительного числа открытых нумизматических комплексов, включая крупные – №№38, 45, 55, не дает возможности выявить четкое количественное отношение между монетами молдавскими и чужеземными, выпусками разных господарей, коллективными и единичными находками. Тем не менее, даже при отсутствии точных вычислений отдельные закономерности выступают вполне рельефно. Можно сказать, что монеты Молдавского государства из состава коллективных сокрытий многократно (в несколько

© Н.Д. Руссев, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

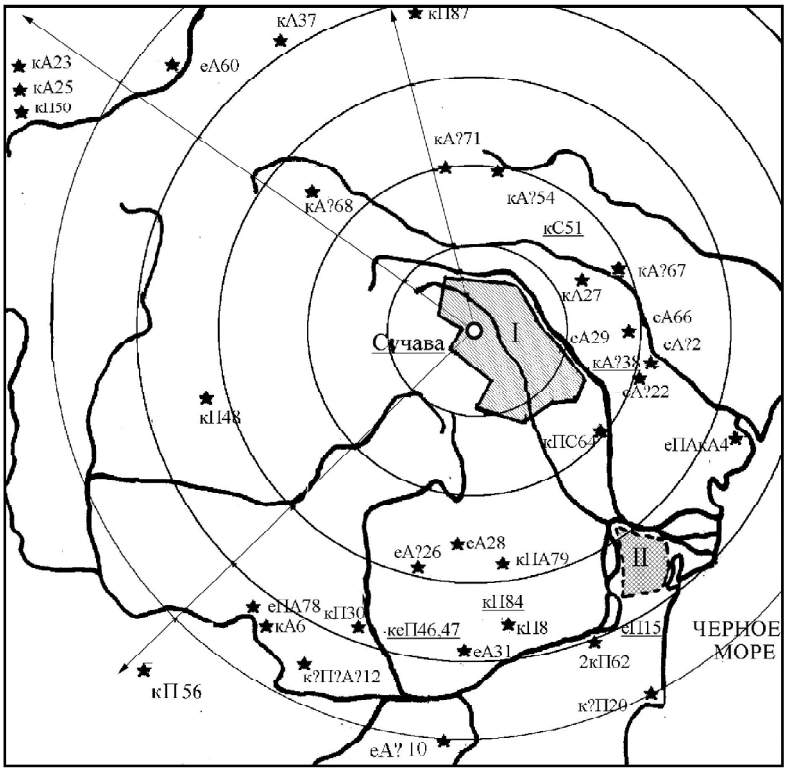

Рис. 1. Находки молдавских монет XIV – первой трети XV вв. на территории Карпато-Дунайского региона.

Условные обозначения:
★ – местонахождение;
е – единичные (изолированные);
к – коллективные;
П – Петр Мушат;
С – Стефан I;
А – Александр I Добрый;
? – неуточненное определение;
_ – нелокализованные находки;
I – зона наибольшей плотности находок (Восточное Прикарпатье);
II – зона наибольшей плотности находок (Добруджа).

десятков раз) превышают количество найденных порознь. Количество индивидуальных находок по приблизительным подсчетам колеблется в пределах 600 экз. или немногим больше. Ряд кладов, среди которых есть и крупные (№№7, 21, 84), состоит исключительно или главным образом из молдавских монет. Однако зафиксировано немало других, в которых деньги Молдавии выглядят случайными. В части тезавраций, насчитывающих от нескольких сотен до нескольких тысяч монет, молдавские гроши и полугроши встречаются в мизерном, от 1 до 4 экз., количестве (№№23, 27, 37, 54, 68, 71). В таких комплексах на их долю приходится всего 0,03-0,25%. Среди монет трех названных господарей деньги Петра Мушата чаще других попадаются в кладах, а выпуски Александра Доброго – в качестве единичных находок. Что касается продукции с именем Стефана I, то она более редка и практически не встречается в коллективных находках вместе с деньгами Александра Доброго, тогда как для эмиссий Петра Мушата это характерно.

Интересные результаты дает картографирование мест находок рассматриваемой нумизматической выборки. Как можно наглядно убедиться (рис. 1), анализируемый материал распределяется на обширной территории радиусом свыше 500 км вокруг Сучавы очень неравномерно. Наиболее отдаленные пункты находок разделены расстоянием куда большим, чем 1000 км: предместье Каунаса (Шанцы) и Югославия (Решава), южная половина современной Польши и северо-восточные земли Болгарии. Довольно неожиданно бедными на находки монет Молдавского государства оказываются Трансильвания с прилегающими к ней областями Венгрии. Между тем, Молдавия поддерживала довольно тесные связи с трансильванскими территориями не только в экономической сфере, но и на уровне этническом. Другие районы на карте с топографией нумизматических находок сравнительно легко удается разделить на отдельные исторические зоны, каждой из которых свойственны определенная судьба и роль в жизни региона XIV-XV вв. (табл. 1). Первый из таких ареалов охватывает земли Молдавского средневекового государства того времени – от Карпат на западе до Днестра и Черного моря на востоке и юго-востоке. Здесь по насыщенности находками выделяются, во всяком случае, два района:

а) между Карпатами и Прутом,

б) между Прутом и Днестром.

Один из них занимает земли, ставшие консолидирующим ядром молдавской государственности с центром в Сучаве, где в годы правления Петра Мушата и впоследствии долгие десятилетия кряду находился господарский престол, административный аппарат страны, ее главный культурный и религиозный очаг, наконец, херегия – монетный двор. Другой район охватывает центральную часть Прутско-Днестровского междуречья с некоторым смещением к северу. Он расположен в некогда поросшей густым лесом холмистой местности – Кодрах – и является естественным продолжением ландшафта Восточного Прикарпатья, спускающегося своего рода «языком» на восток вплоть до Днестра. Замечу, что нигде на территориях

Табл. 1. Пространственное распределение молдавских монет последней четверти XIV – первой трети XV вв.

№№	Территориальные зоны, общее число и доля монетных находок	Монеты разных эмитентов					
		Петр I		Стефан I		Александр I	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
1	Молдавия (67 экз. - 59,29%),	29	25,66	8	7,08	30	26,55
	в том числе:						
а	Карпато-Прутские земли (59 экз. - 52,21%);	28	24,78	8	7,08	23	20,35
б	Прутско-Днестровские земли (8 экз. - 7,08%)	1	0,88	0	0	7	6,19
2	Добруджа (17 экз. - 15,04%)	14	12,39	0	0	3	2,65
3	Валахия (15 экз. - 13,27%)	8	7,08	0	0	7	6,19
4	Польско-литовские владения (11 экз. - 9,73%)	2	1,77	1	0,88	8	7,08
5	Прочие (3 экз. - 2,65%)	2	1,77	0	0	1	0,88
	Всего:	**55**	**48,67**	**9**	**7,96**	**49**	**43,36**

феодальной Молдавии в степи искомые монеты не найдены, за исключением района Белгород-Днестровского.

Второй ареал совсем не велик по площади и лежит в землях Добруджи или, скорее, в ее части, примыкающей с юга к низовьям Дуная. Этот район, историю которого не принято связывать с развитием Молдавского средневекового государства, тем не менее, является едва ли не первым по насыщенности интересующими нас монетными находками. Примечательно, что здесь они обнаружены как в составе тезавраций, порой весьма крупных, так и в виде единичных экземпляров. Другая любопытная деталь, которую необходимо отметить, – абсолютное преобладание среди материалов эмиссий Петра Мушата. Нечто подобное по характеру можно проследить лишь в Прутско-Днестровских землях, но там доминируют выпуски Александра Доброго.

Третья зона представляет собой коренные земли Валахии. Здесь находки встречаются по обе стороны от реки Олт с заметным тяготением к дунайскому левобережью. Среди монет ареала известны деньги, выпущенные и Петром Мушатом, и Александром Добрым. Что касается монет Стефана I, то они почти нигде, кроме как в Карпато-Прутском регионе, не встречаются, да и там довольно редки. Попадание молдавских монет в валашские земли довольно легко связывается с экономическими и, особенно, политическими контактами двух стран в конце XIV – первой трети XV вв. Однако это объяснение еще требует конкретизации.

Четвертая из выделенных зон территориально наиболее обширна и менее других известна по находкам монет, чеканенных в Молдавии рассматриваемой эпохи. Речь идет о землях к северу и северо-западу от государства Мушатинов, политическая судьба которых имеет прямое отношение к истории средневековых Польши и Литвы. Сегодня это польские земли (к югу от Варшавы) и западноукраинские области. Количество мест находок тут не очень велико, а число монет просто мало. Как правило, здесь встречаются единичные экземпляры в составе больших кладов с монетами других государств (Польши, Литвы, Чехии). Вероятно, попадание молдавских денег в этом направлении следует трактовать как результат разноплановых контактов с державой Ягеллонов.

Четыре названных ареала охватывают 96,63% всех учтенных 89 мест находок. За пределами очерченных зон остались только три пункта – №№10, 48, 56, которым соответствуют три монетных комплекса. Это означает, что охват групп собственно нумизматических находок еще более высок – 97,35% (110 из 113). Представление о характере распределения монетных групп в абсолютных показателях и количественном соотношении продукции разных эмитентов внутри каждой из четырех областей находок, а равно и между ними дает табл. 1. Ее цифры не только наглядно демонстрируют изменение концентрации монет Молдавского средневекового государства в зависимости от места обнаружения и времени чеканки, но и ставят ряд вопросов общеисторического звучания в экономическом и политическом ракурсе. В рамках настоящей работы представляется возможным точно наметить пути решения возникающих у исследователя проблем по каждому из регионов. Что касается более их глубокого изучения, необходим анализ всей совокупности источников и высказанных в литературе суждений.

Молдавское государство в своих исторических границах от Карпат до Днестра, Черного моря и низовий Дуная закономерно фиксирует наибольшую насыщенность монетами собственного производства. При этом более

половины всех монетных находок приходится на его коренные земли в северо-западной части страны – Прикарпатье, где сформировалось ядро молдавской средневековой государственности. Находки фиксируют большую интенсивность денежного обращения в конце XIV в. как раз на территориях, прилегающих к Сучаве. Места обнаружения довольно редко удалены от столицы больше чем на 100 км. Мало того, даже земли в горных массивах, находившиеся в этом радиусе, не были вовлечены в товарно-денежные отношения ни в XIV в., ни в первой трети XV в. За отдельными исключениями, деньги XIV в. до сих пор нигде на территории между Прутом и Днестром достоверно не зафиксированы.

Не менее интересным оказывается пространственное распределение монетных выпусков Александра Доброго. Несмотря на многочисленность его эмиссий, количество монетных комплексов с деньгами этого господаря сравнительно невелико – всего 30 за более чем три десятка лет правления. Причем некоторые из них тезаврированы ближе к середине XV в., уже после смерти эмитента (№№43, 70б, 70 в и др.). Они содержат монеты господарей, находившихся у власти в 1432-1457 гг. Вместе с тем, в молдавских землях отмечено 37 находок с монетами Петра Мушата и Стефана I, общая продолжительность правления которых гораздо меньше Александра I. К тому же и монетных типов с именами господарей XIV в. чеканилось не так много. Зато монеты Александра Доброго позволяют хорошо проследить развитие денежного обращения на территории Молдавии вглубь и вширь.

Представляется, что монетные комплексы с деньгами Александра Доброго более крупны (это особенно справедливо для городских коллекций). В них содержится большое число медных монет. Известны и небольшие клады низкопробных денег – №№4а, 70, 89а, 89б. Отмеченное обстоятельство говорит о развитии мелкотоварного обмена, а значит, и местных рынков. В товарно-денежных отношениях уже участвовали широкие слои населения, включая и рядовых обитателей молдавских земель. Монетная циркуляция начала активно входить в жизнь восточных районов страны – почти четверть всех находок денег Александра Доброго происходит из Прутско-Днестровского междуречья, главным образом из зоны Кодр. Как раз в годы правления данного господаря здесь, судя по монетам, разворачивается активная торговая и ремесленная деятельность. На р. Реут быстро разрастался город Орхей (впоследствии городище Старый Орхей), ставший важнейшим экономическим и политическим центром у восточных границ Молдавии.

Особенности развития денежного обращения Восточного Прикарпатья и центральной части Прутско-Днестровских земель, а также общие черты этого процесса, на мой взгляд, могут быть изучены посредством сравнения городских коллекций, содержащих монеты конца XIV – первой трети XV вв. Для такого рода работы, к сожалению, пока не доступны целиком материалы Сучавы. Имеющиеся сведения о них неполны и все еще требуют точной атрибуции и обобщения. Ввиду отмеченных обстоятельств, я рассматриваю коллекцию из Байи – первой столицы Молдавии. Сводные данные о количестве и составе монетных находок из этого пункта были опубликованы румынскими исследователями (Neamțu, Cheptea 1986: 29, 30). В качестве эталона, характеризующего эволюцию денежной циркуляции у восточных пределов Молдавского государства, используются нумизматические находки городища Старый Орхей (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63, 64).

Сравнение двух выборок монет из городов, находившихся в противоположных краях страны – на западе и востоке, дает основания для важных наблюдений (табл. 2). Можно легко заметить, что среди монет рассматриваемого периода абсолютно преобладают деньги домашней (сучавской) чеканки, составляя для Байи примерно 8/10, а для Старого Орхея около 9/10 общего количества экземпляров. Однако, несмотря на близость этих показателей, качественно соотношения денег различных эмитентов на каждом из памятников имеют мало общего. В Байе выпуски конца XIV в., составляют более 1/10. В Старом Орхее, напротив, молдавских монет, чеканившихся до Александра I Доброго, вообще нет.

Иностранные монеты в каждом из названных городов также распределяются по-разному. Бросается в глаза значительное количество нумизматических находок венгерского происхождения в Байе. Выпуски 1342-1437 гг. составляют в наиболее ранней части монетной коллекции первой молдавской столицы лишь несколько менее 2/10. Вместе с тем, в Старом Орхее синхронные эмиссии Венгрии совсем не известны. При этом городище на Реуте показывает заметную роль в местном денежном обращении польских и чешских монет конца XIV – первой трети XV вв. – свыше 11%. Среди аналогичных находок из Байи зафиксирован единственный денар Польши (в числе монет выборки его доля очень мала – всего 0,5%). Отмечу, что, в отличие от Старого Орхея, в коллекции Байи имеются две монеты Валахии.

Дополнительные знания о монетах, найденных в Байе и Старом Орхее, позволяют уточнить характер денежного обращения в каждом из молдавских средневековых городов. В Байе из 28 монет Венгрии чеканки Сигизмунда (1387-1437) почти две трети (18 экз.) являются медными (Neamțu, Cheptea 1986: 30). Столько же монет приходится в коллекции на долю выпусков Петра Мушата, чеканенных в серебре.

Табл. 2. Количественное соотношение продукции различных эмитентов конца XIV – первой трети XV вв. в коллекциях Байи и Старого Орхея.

№№	Государства и правители	Байя		Старый Орхей	
		к-во	%	к-во	%
Молдавия:					
1	Петр I Мушат	18	9,05	0	0
2	Стефан I Мушат	2	1,01	0	0
3	Александр I Добрый	139	69,85	79	89,77
Венгрия:					
4	Людовик I (1342-1382)	8	4,02	0	0
5	Мария (1382-1385)	1	0,5	0	0
6	Сигизмунд (1387-1437)	28	14,07	0	0
Польша:					
7	Владислав Ягайло (1386-1434)	1	0,5	5	5,68
Чехия:					
8	Вацлав IV (1386-1419)	0	0	4	4,55
Валахия:					
9	Влад I (1394-1396)	1	0,5	0	0
10	Михаил I (1418-1420)	1	0,5	0	0
	Всего:	**199**	**100**	**88**	**100**

Сказанное может означать только одно: существенная роль венгерских денег в монетной циркуляции района Восточного Прикарпатья заключалась в удовлетворении ими не только потребностей внешнего, но также и внутреннего рынка. Ориентация Байи именно в направлении Венгрии представляется очевидной, причем не исключено, что эти экономические связи и проникновение венгерских монет через Карпаты следует начинать еще со времени, когда Молдавское государство не имело собственных денег. Что касается Старого Орхея, то здесь интерес вызывает разнообразие монет Александра Доброго, в котором преобладают эмиссии второй половины правления этого господаря. Более 3/4 находок отчеканено в 1415-1431 гг. – 60 экз. против 19 экз., а самых ранних монет Александра I 1400-1408 гг. всего 10 экз. или менее 13% (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63). Вывод, лежащий на поверхности, прост – местный рынок оформился в изучаемом пункте лишь спустя одно-два десятилетия после прихода к власти Александра Доброго.

Моим наблюдениям за характером распределения нумизматического материала, по всей видимости, можно найти подтверждение в памятниках письменности. Привилей господаря Александра от 8 октября 1408 г., выданный купцам из Львова (ИС-I 1965: 40-43), впервые показывает пути к торговым местам Прутско-Днестровского междуречья, которые были промежуточными пунктами для тех, кто направлялся «до Татарскои стороне». Два маршрута: Сучава – Яссы – Белгород и Сучава – Яссы – Тягинякч (Тигина, Бендеры) как раз фиксируют места находок монет Александра Доброго в крае. Кроме Белгорода, эти деньги встречаются в Кодрах и более всего в Старом Орхее. С другой стороны, можно предполагать, что из Галицкой Руси, входившей тогда в состав Польши, в Поднестровье проникали монеты польские и чешские. Именно на территории северо-запада современной Украины их находки довольно многочисленны (Котляр 1971: 63-91). Наконец, грамота 1408 г. демонстрирует нахождение Байи («Бани») на пути купцов, идущих в Венгрию или оттуда. В городе находился один из таможенных пунктов, контролировавших вывоз товаров из Молдавии «до угор» и ввоз – «из угор».

Освоение Молдавским государством восточных территорий выражалось не только в развертывании тут торговой деятельности и установлении таможенного режима. Кроме того, из этих земель, поначалу, вероятно, целиком входивших в господарский домен, начинается выделение вотчинных владений для молдавской знати. Любопытно, что впервые такой акт зафиксирован лишь во второй половине правления Александра Доброго. Грамота от 25 апреля 1420 г. сохранила сведения о пожаловании ворнику Вана десяти сел на р. Быковец (DRH.A-I 1975: 67) – правом притоке р. Бык, в районе современных населенных пунктов Калараш и Страшены. Сосредоточение деятельности в районе Кодр объясняется его относительно плотной заселенностью. Это подтверждает известие Гильберта де Ланнуа 1421 г., который на своем пути по стране с севера на юг пересек некие «большие пустыни» (Бельцкую степь) и только затем «встретил воеводу Александра, господаря помянутой Валахии и Молдавии, в деревне, ему принадлежащей, именуемой Козял» (Ланнуа 1853: 438). Упомянутое селение находилось в собственности господаря и, возможно, недалеко от имений боярина Вана, служившего верой и правдой не только Александру I, но и его предкам. О начале осво-

ения данной территории свидетельствует и тот факт, что господарь дает земли своему ворнику под пасеки – «да осадить соби пасикы, коли иметь мочи осадить» (DRH.A-I 1975: 67). Так в еще сохранявшихся лесах центральной части Прутско-Днестровского междуречья разворачивалась активная деятельность господствующей в Молдавии феодальной верхушки. Более того, сам господарь заботился, чтобы на вновь осваиваемых землях владения получали преданные ему люди, которых он нацеливал развивать здесь виды деятельности, имевшие большое значение для всего государства. В частности, пчеловодство должно было удовлетворять потребности в меде и, особенно, в воске. Причем эти продукты составляли важные статьи вывоза из страны.

В Белгороде-Днестровском данные о монетных находках не столь полны, но и здесь монеты Александра Доброго абсолютно преобладают. Это единственный пункт на востоке страны, где найден грош Петра Мушата. Находка сама по себе, как и факт ее единичности, вполне логично объясняются материалами письменных свидетельств. Впервые о Белгороде в связи с Молдавским государством становится известно из грамоты Юрга Кориатовича 1374 г. (DRH.A-I 1975: 416), если не считать документ фальшивкой, и затем из книги массариев Кафы 1386 г. (Параска 1981; Papacostea 1973: 55-58). Однако в обоих случаях нельзя говорить о прямом правлении в городе молдаван. В одном документе говорится о литовском князе, а в другом – о некоем Косте, который мог быть лишь вассалом Петра Мушата. Понятно, что такое положение Белгорода ставило его рынок в особые по отношении к Молдавии условия. Греческая надпись, как будто бы свидетельствующая о строительстве в 1399 г. крепости на Днестровском лимане Югой (господарем?) и Костей (Войцеховский 1972: 371-374), в сущности, только подкрепляет аргументацию высказанной позиции.

Надо думать, что и в Белгороде реальная власть господаря стала ощущаться лишь во времена Александра Доброго. Символами этих превращений стало решение Константинополя о признании Молдавской митрополии, перенос мощей Иоанна Нового из Белгорода в Сучаву (Spinei 1982: 235, 236 etc.), что вело к снижению статуса города на Днестровском лимане. Тем не менее, когда тот же Гильберт де Ланнуа именует Александра сеньором Манкастро – «wiwoude Alexandrie, seigneur du dit Mancastre» (Ланнуа 1853: 440), в этой формуле читаются своеобразные отношения сучавского правителя с городом, ставшим его вассалом. Наличие определенной автономии Белгорода-Манкастро все же не могло стать барьером на пути усиления здесь роли молдаван. Не случайно названный источник говорит о молдавском населении – «Wallackes», обитавшем в Белгороде наряду с генуэзцами и армянами (Ланнуа 1853: 438).

Таким образом, монетные находки отмечают временную изменчивость ареала денежного обращения в пределах исторических территорий Молдавского государства. Особенно ярко это проявляется в первой трети XV в., когда в сферу монетной циркуляции Молдавии активно вовлекаются значительные по площади районы Прутско-Днестровского междуречья. Разумеется, эти трансформации круга товарно-денежных отношений прямо связаны с уровнем экономического развития молдавского общества, а также с успехами и неудачами внешней и внутренней политики феодальной элиты во главе с господарем. Чрезвычайно трудно определить, что в конкретных случаях было причиной, а что следствием (ОВИМК 1987: 21-53). Дело не только в отсутствии однозначно трактуемых источников. Скорее всего, следует говорить о многофакторности процесса активизации или сворачивания монетного обращения, тесном переплетении и взаимодействии «первичных» и «вторичных» причин, существовании ряда цепочек обратной связи. Важнее представляется факт согласованности нумизматических и письменных свидетельств, не противоречащих, а дополняющих в данном вопросе друг друга. Кстати, монетные находки фиксируют и изменения конфигурации коренного ареала денежного обращения, непосредственно связанного с Сучавой и районом Восточного Подкарпатья.

Хотелось бы обратить внимание на так называемую «Шипинскую землю» (территория современной Черновицкой области, Украина). Вероятно, возникнув изначально в качестве самостоятельной единицы, эта «земля» во времена Петра Мушата вошла в состав Молдавского государства (Полевой 1979: 60, 61; Бырня 1984: 6, 7). Неоспоримо ее вовлечение в ареал активного обращения молдавской монеты – комплексы №№34, 85, 86. Однако о находках монет Молдавии более позднего времени вплоть до Стефана III Великого (1457-1504) в этой зоне ничего неизвестно. Вероятный выход Шипинской земли за пределы круга интенсивного обращения молдавских денег уже после смерти Петра Мушата также можно попытаться связать с причинами политического порядка. Не исключено, что сказалось пограничное положение района, соседившего с Польшей. К тому же поляки считали его переданным некогда молдаванам короной, а потому претендовали на владение территорией, на которой находились города Хотин, Цецин (Чечунь) и Хмелев, а также важный таможенный пункт Черновцы (ОВИМК 1987: 57). Однако еще более долгая и острая борьба между Молдавией и Польшей велась за Покутье. Спор вокруг этой проблемы, восходящий к невозвращенному долгу 1388 г., привел во времена Алек-

сандра Доброго к настоящей войне (Параска 1981а: 23-31). Может быть, не менее значительное влияние на денежное обращение в Шипинской земле оказывала и монетная политика молдавского господаря. В отличие от Петра Мушата, господарь Александр выпускал на рынки массу неполноценных денег, которые на молдавско-польском пограничье совершенно не выдерживали конкуренции с краковскими и львовскими полугрошами, отличавшимися куда более высокой пробой. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и факт сравнительно слабой изученности Буковины.

Мои наблюдения по поводу монетных находок в пределах Молдавского средневекового государства ограничены неудовлетворительной разработкой ряда известных нумизматических комплексов, неравномерностью знаний о различных частях страны. Все же, думается, отмеченные черты денежного обращения и политической ситуации дают правильное представление о композиции исторической картины конца XIV – первой трети XV вв. с некоторыми новыми выявленными только теперь деталями. Отсюда логично перейти к анализу синхронных исторических явлений в соседних регионах, каждый из которых может оказаться либо самостоятельным ареалом проникновения молдавских монет, либо частью уже описанного, основного.

Добруджа в румынской исторической науке, а равно в медиевистике вообще, рассматривается как особый район с сильными традициями византийского типа, с древними торговыми городами, сыгравший большую роль в истории Валахии конца XIV – первых десятилетий XV вв., но затем отторгнутый османскими завоевателями. Принадлежность Добруджи Валахии хорошо аргументируется письменными (чаще всего лапидарными) свидетельствами, а также находками монет, выпущенных в основном господарем Мирчей Старым (1386-1418). Между тем, в сложной судьбе добруджанских земель остается место и для иных государств того времени, искавших выхода к устьям Дуная и черноморскому побережью, что должно было отражаться и в нумизматических находках.

Молдавские монеты в Добрудже найдены в виде единичных экземпляров и в составе кладов. Среди последних имеются тезаврации, в которых гроши Петра Мушата смешаны с монетами других государств – таких больше (№№33, 45, 55, 62а, 62б). Другие клады (№№19а, 20, 61), по-видимому, собирались только из эмиссий Петра Мушата. К сожалению, затрудняет исследование почти полное отсутствие досконально изученных комплексов. Из городских коллекций района опубликованы данные только по памятнику XIII-XIV вв. на дунайском острове Пэкуюл луй Соаре (близ г. Кэлэраш, Румыния), но в числе монетных находок с городища нет ни одной молдавской. Некоторые данные все же можно получить о нумизматическом материале из Енисалы (у оз. Разельм, жудецул Тулча, Румыния).

Специальное картографирование находок молдавских монет в добруджанских землях (рис. 2) показывает необычайную плотность их распространения на правобережье Нижнего Дуная несколько выше современной Тулчи. Интенсивное денежное обращение в районе развитой городской цивилизации и большой международной торговли само по себе не удивительно. Неожиданной во многом выглядит та роль, которую играют молдавские монеты в зоне дельты Дуная конца XIV в. Несомненно, серебряные гроши Петра Мушата выполняли функцию основного платежного средства, наряду с деньгами Валахии и, в меньшей мере, других стран (табл. 3). Если исходить из того, что районы наиболее интенсивной циркуляции денег определенных эмитентов совпадают с ареалами их политического властвования, то вопрос о возможности установления власти Молдавии в низовьях Дуная конца XIV в. выглядит вполне правомерным. При этом трудно пройти мимо формулы, появившейся в 1392 г. в титуле молдавского господаря Романа I. Она раздвигает границы «Земли Молдавской» от Карпат до Черного моря – «от планины до моря» (DRH.A-I 1975: 3-6; Грамоти 1974: 109, 120, 121). Обычно в литературе говорится о прорыве Молдавии к причерноморскому побережью в районе Белгорода, но там, в отличие от Подунавья, известна лишь одна монета Петра Мушата. Исследования последних лет показали, что придунайские земли до самого моря были присоединены к Молдавии между 1386 и 1390 гг. Килия перешла под власть Сучавы позже – в 1408-1412 гг. При этом прежние «венгерские владения к юго-востоку от Карпат были поделены между Валахией и Молдавией» (Параска 1980: 75; 1981: 106). Но было в зоне Подунавья и так называемое «татарское наследство» – территории, включенные в состав Молдавии в 1386-1392 гг. Из-за них Молдавия и Валахия вели военное соперничество в течение полтораста лет (Papacostea 1973: 58). Поскольку эти сюжеты мною уже анализировались (Руссев 1993: 39-46), обращаю внимание только на еще не освещенные аспекты проблемы.

Каков был характер денежного обращения последних трех десятилетий XIV в. на территории Добруджи? Из табл. 3 видно, что здесь вместе с валашскими и молдавскими монетами имели хождение деньги Венгрии и Видинской Болгарии. Однако, по всей видимости, не во всех добруджанских землях они были в ходу одновременно. Скажем, на Пэкуюл луй Соаре, где состав обращавшейся монетной массы сменялся несколько раз за два столетия, среди серебряных монет 1370-1396 гг. абсолютно преобладают монеты Валахии (11 экз.) и известны 2 экз. Видинской Болгарии. Однако

здесь вообще не отмечены деньги Молдавии и Венгрии. При этом потребность в серебряных монетах удовлетворяли деньги Валахии, а в медных – чеканка местных мастеров, продолжавших традиции Второго Болгарского царства (Iliescu 1977: 148-167). Аналогичная ситуация сложилась и в Енисале, где зафиксировано молдавское и валашское серебро, а также медь местного гибридного типа, возможно, связанная с «генуэзско-татарским» монетным производством Килии (Oberländer-Târnoveanu, Oberländer-Târnoveanu 1981: 106; 1989, 128). Нечто подобное прослеживается и в Силистре: там массовые эмиссии из меди местного происхождения, тогда как среди серебряных денег известны молдавские, валашские, болгарские и венгерские выпуски (Ştirbu, Stancu 1975: 162; Йорданов 1982: 123). Налицо общая направленность развития Добруджи – в крупных сделках на ее рынках в последних десятилетиях XIV в. использовалось чужеземное серебро (главным образом Валахии и Молдавии), а разменной монетой служили медные деньги местного производства. Данная черта резко отличает рынки Добруджи от «национальных» центров, коллекции которых характеризуются чистотой состава. Так, например, в столице Болгарии Тырново среди находок монет, выпущенных в 1300-1396 гг., собственные эмиссии охватывают около 83% (Дочев 1992: 184).

С точки зрения политической, нумизматические материалы Добруджи конца XIV в. демонстрируют дезинтеграцию региона, различную ориентацию его отдельных зон. Соперничество Молдавии, Валахии и в какой-то мере Болгарии и Венгрии не привело к окончательному верховенству одной из них, ибо победа досталась османам. Тем не менее, известные по кладам «смеси» монет (табл. 3) формировались, конечно же, на рынках Добруджи. Есть основания предполагать, что неоднородность состава обращавшихся в регионе денег отражает мозаичность социально-политических феноменов, образовывавших здесь своего рода «единство без смешения».

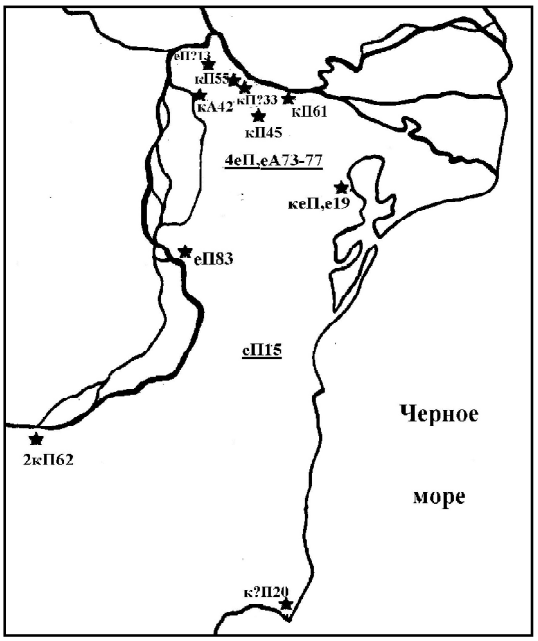

Рис. 2. Находки молдавских монет XIV – первой трети XV вв. на территории Добруджи.
Нумерация мест находок соответствует порядку, принятому в Приложении.

В попытке выявить способы смешения денег различных государств я обратился к изучению комбинаций этого явления. Хотя полученные данные предварительны, они фиксируют два, на мой взгляд, значимых момента. Во-первых, в Добрудже нет кладов, содержащих одновременно только молдавские и болгарские монеты. Во-вторых, отсутствуют клады, в которых сокрыты исключительно валашские и венгерские монеты. Точно так же, кажется, не отмечены тезаврации чисто болгарских (видинских) и чисто венгерских денег рассматриваемого периода. Это позволяет сделать важный вывод: монеты Видина проникали в Добруджу через Валахию, а венгерские эмиссии – через молдавские владения. В таком случае реальными политическими силами в добруджанских землях, кроме местных постоянно дробившихся структур, могли быть лишь Валахия и Молдавия.

Вопрос о характере и хронологии властвования Валахии на Нижнем Дунае отчасти разрешает изучение эволюции титула господаря Мирчи Старого, с успехами которого историки и связывают выход его страны к черноморскому побережью. Собственно говоря, это прямо следует из звучного титула правителя. В наиболее полном виде (грамота от 6 августа 1413 г.) он провозглашает Мирчу великим воеводой и господином «всей земли Угровлахии и запланинским, еще же и к татарским странам и оба поля по всему Подунавью, даже и до Великого моря, и милостью божьей и города Силистры владелец» (DRH.D-I 1977: 197). Меня интересуют владения валашского господаря от «татарских стран» и далее в плане их фиксации во времени. Упоминания о них в грамотах были расширены за счет всех иных данных о Подунавье или Дунае, а также включением в круг рассматриваемых документов еще двух, наиболее ранних, аттестующих Мирчу Старого в качестве деспота владений Добротицы – «terrarum Dobrodicii despotus» (DRH.D-I 1977: 122, 125). Всего выбраны данные пятнадцати грамот 1389-1415 гг. (DRH.B-I 1966: 28, 31, 36, 50, 55, 56, 63, 66, 70, 73, 75, 80; DRH.D-I 1977: 119, 122, 125, 127, 174, 197), включая двенадцать с оригинальными текстами, главным образом славянскими и латинскими. Содержащиеся в них формулы господарского титула разбиты на элементы, называющие отдельные владения Валахии на Нижнем Дунае, которые сведены в табл. 4.

Табл. 3. Взаимовстречаемость молдавских монет с деньгами других государств в кладах Добруджи

№№	Государства и правители	Нумерация кладов (по табл. 1)								
		19а	20	33	42	45	55	61	62а	62б
Молдавия:										
1	Петр I Мушат	+	+	?	+	+	+	+	+	+
2	Александр I Добрый	-	-	-	+	-	-	-	-	-
Валахия:										
3	Влайку I (1369-1377)	-	-	+	-	-	-	-	-	-
4	Раду I (1377-1384)	-	-	+	-	+	-	-	-	-
5	Дан I (1384-1386)	-	-	-	-	+	-	-	+	+
6	Мирча Старый (1386-1418)	-	-	-	-	+	+	-	+	+
7	Влад I (1394-1396)	-	-	-	-	+	-	-	-	+
Венгрия:										
8	Людовик I (1342-1387)	-	-	-	-	+	-	-	-	+
9	Сигизмунд I (1387-1437)	-	-	-	-	+	-	-	-	+
Видинская Болгария:										
10	Иван Срацимир (1360-1365, 1369-1396)	-	-	+	-	-	+	-	+	-
	Всего:	**1**	**1**	**4?**	**1**	**7**	**3**	**1**	**4**	**6**

Как можно видеть, ранее всего в грамотах появляется упоминание Дуная, но лишь в аморфной формулировке «Подунайские страны». Эту формулу сменяют более четкие «все Подунавье», «по всему Дунавию» и т. п. – №№3, 6, 7, 8. Что касается фразы «оба поля по всему Подунавью, даже и до Великого моря», то она впервые отмечена в грамоте, датируемой приблизительно 1404-1406 гг., а самый ранний точно датируемый документ с ней составлен 23 ноября 1406 г. Понятие «татарские страны» более устойчиво и встречается в документах чаще. Высказано мнение, что локализовать их нужно в низовьях Дуная, западнее Сирета. Однако при этом наиболее раннее упоминание «татарских стран» в грамоте 1391 г. признано сомнительным (Ciociîtan 1987: 349-355). Силистра впервые называется владением Мирчи 20 января 1390 г. и остается в его титуле позднее, вплоть до 1415 г. Наконец, валашский господарь именуется деспотом земель Добротицы лишь дважды (1390-1391 гг.). Типичный для феодальной эпохи способ покорения новых земель, заключавшийся, с одной стороны, в сохранении местных структур в неизменном виде, и предусматривавший, с другой стороны, принятие новым господином традиционного для присоединяемых территорий титула правителя, целиком относится и к Мирче Старому.

Относительно позднее появление указания на принадлежность подунайских земель до моря Валахии, а это было важным моментом утверждения государства, можно объяснить только тем, что в конце XIV в. Мирча Старый не владел ими. Именно на это время приходятся находки молдавских серебряных монет в зоне дунайской дельты и документальная констатация пределов распространения власти молдавского господаря – от гор до моря. Косвенно на владение уже Петром Мушатом низовьями Дуная, по всей видимости, указывает предоставление молдавским господарем в 1388 г. своему сюзерену, польскому королю Владиславу Ягайло, крупного займа в несколько тысяч рублей. Мое внимание привлек тот факт, что вся сумма была выдана «фряжским серебром» (Грамоти 1974: 79-81). Это прямое указание на связь серебряных слитков с итальянской торговлей до сих пор явно недооценивалось. Между тем столь плодотворные контакты с итальянским купечеством у молдаван могли возникнуть именно на Нижнем Дунае, где находились крупные фактории генуэзцев. Напротив, в Белгороде позиции Генуи были куда слабее, здесь заправляли делами в основном греки, а ранее ордынцы. Несомненно, столь успешные торговые дела с итальянцами, которые дали не только доход, но и

Табл. 4. Упоминания нижнедунайских владений Валахии в титуле Мирчи Старого (по данным господарских грамот)

№№	Перечень и датировка грамот	Дунай		Татарские страны	Силистра	Земли Добротицы
		"оба поля" до моря	другое			
1	*4.09.1389 г.	-	+	-	-	-
2	*20.01.1390 г.	-	-	-	+	+
3	1390-1400 гг.	-	+	-	-	-
4	*6.07.1391 г.	-	-	-	+	+
5	12.12.1391 г.	-	-	+	-	-
6	*1400-1403 гг.	-	+	-	-	-
7	20.07.1400 г.	-	+	-	-	-
8	*1401-1406 гг.	-	+	-	-	-
9	*1404-1406 гг.	+	-	+	-	-
10	*ок. 1406 г.	-	-	+	-	-
11	*23.11.1406 г.	+	-	+	+	-
12	*1407-1418 гг.	+	-	+	+	-
13	*11.05.1409 г.	+	-	-	+	-
14	*6.08.1413 г.	+	-	+	+	-
15	*10.06.1415 г.	+	-	+	+	-
	Всего:	**6**	**5**	**7**	**7**	**2**

* – *грамоты, известные по оригиналам*

возможность одолжить несколько сот килограммов серебряных слитков, Петр Мушат мог вести, только имея прочные позиции на Дунае.

Если говорить о «татарских странах» из грамот Мирчи Старого, то контекст, в котором они называются, да еще с предлогом – «к татар ским странам», – предполагает, что Валахия ими не владела. Одной из таких соседних стран вполне могла быть «земля» татарского князя Деметрия – «domini Demetrii, principis Tartarorum»; «terra ipsius domini Demetrii», о торговле купцов которого с брашовянами говорится в грамоте венгерского короля Людовика I (1342-1382) от 22 июня 1368 г. (DRH.D-I 1977: 90). «Татарские страны», надо полагать, находились в придунайских степях, ведь крупные кочевые улусы существовали недалеко от Килии еще в 1361 г. (Pistarino 1971: 16, 22, 175).

Известные нумизматические материалы дают образцы, несущие в своей символике элементы, роднящие их как с молдавскими, так и с ордынскими традициями монетного дела. На лицевой стороне этих медных полугрошей, лишенных надписей, изображен молдавский герб – голова быка, а на реверсе имеется знак в виде ордынской тамги. Ныне известно, по меньшей мере, две разновидности этих очень редких, отмеченных всего в нескольких экземплярах монет (рис. 3). Две из этих монет локализуются. Одна представляет собой случайную находку из крепости Дробета-Турну Северин у дунайских Железных Ворот, а другая происходит из клада, обнаруженного в 1931 г. в Бистрице – жудец Мехединць (Stînga 1992: 133-136). Поскольку клад датируется дукатами Валахии 1415-1418 гг., очевидно, что молдавские монеты данного типа едва ли отчеканены значительно позднее 1418 г. Однако молдавские господари Петр Мушат и Стефан I медных полугрошей не выпускали, а потому эмитентом признан Александр Добрый. В таком случае появление этих разменных денег приходится на довольно широкий хронологический промежуток – 1400-1418 гг.

На мой взгляд, рассматриваемая чеканка знаменует включение определенной области в состав Молдавии. Видимо, это была одна из «татарских стран», в какой-то мере еще сохранявшая свою политическую автономию в новых условиях. Ее статус отражает помещенный на монете тамгообразный знак. Такое производство могло быть налажено в землях дунайских низовий, где и ранее существовали монетные мастерские, выпускавшие гибридные деньги. Кроме того, развитые традиции местной торговли требовали производства разменных монет. Разумеется, нужно иметь в виду крупный центр в составе Молдавии. Городом, отвечающим перечисленным характеристикам, является Килия, где по некоторым сведениям другого типа медные деньги с тамгой чеканились еще во второй половине XIV в., вероятно, вплоть до 80-х гг. Приходится только сожалеть, что остатки средневековой Килии, позволяющие пролить свет на многие из поднятых вопросов, археологически не изучены.

Валашское государство специально в качестве ареала распространения молдавских монет не исследовалось. Находки денег Молдавии в Валахии обычно объясняются торговыми

связями двух государств, но этим едва ли исчерпываются проблемы взаимодействия сфер денежного обращения стран. Количество монетных комплексов, содержащих эмиссии Петра Мушата и Александра Доброго, на территории Валахии значительно (рис.1, табл. 1). Проникали монеты в земли по обе стороны Олта как в XIV в., так и в первой трети XV в. Однако, судя по коллекции из Куртя де Арджеш, молдавские монеты не играли существенной роли даже на столичном рынке (Constantinescu 1984: 117-122). Надо сказать, что аналогичная картина имела место и в Байе (табл. 2), не говоря уже о Старом Орхее. При этом различие в насыщенности каждой из стран монетами другой – разительное. Кроме единичных экземпляров из Байи, на территории средневековой Молдавии до сих пор зафиксировано лишь два клада с валашскими монетами. Один найден в Серете, а тезаврирован был, по всей видимости, еще до начала чеканки в Молдавии собственных денег, ибо они в этом комплексе не содержатся (Нудельман 1975: 98). Другая коллективная находка объединяет в основном гроши Петра Мушата и 15 иноземных монет, среди которых обнаружен лишь один валашский денар. Судя по наличию в кладе выпусков Ивана Срацимира и серебряных слитков, тезаврация из Буруйенешть (№7) имеет нижнедунайское происхождение.

Можно предполагать, что такой перекос в обмене платежными средствами между соседними странами вызван реальным местоположением зон активной международной торговли. Дунай был важной торговой магистралью Юго-Восточной Европы, на которой свою коммерческую нишу имели не только представители Валахии, Молдовы, Болгарии, Сербии, но также негоцианты из Венгрии, Италии, Византии и других отдаленных стран, доставлявшие сюда товары чуть ли не со всего Старого Света. Не случайно право вести здесь торговые дела

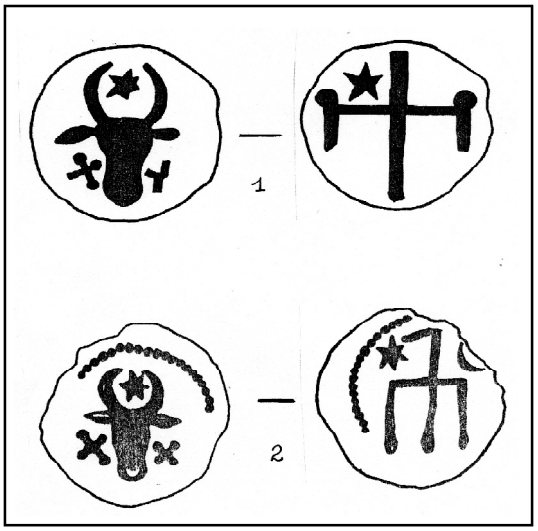

Рис. 3. Молдавские полугроши с изображениями тамгообразных знаков.

добились львовские купцы. Мирча Старый разрешил им продавать и покупать товары «по всем торгам, по всем бродам, подунайским, начиная от Железных ворот даже до самих Браил» (ИС-I 1965: 46; Грамоти 1974: 104). Еще одна причина отмеченного положения вещей видится в большей доброкачественности молдавских грошей XIV в. Понятно, что монеты Петра Мушата охотно брали и на рынках Валахии. В то же время молдаване предпочитали не иметь дело с деньгами соседей, которые значительно уступали их собственным в реальной стоимости, зависевшей от качества серебряного сплава и веса каждого отдельного экземпляра.

С точки зрения политики молдавских господарей, а равно и валашских, тогдашний рынок соседа едва ли представлял большой интерес. Экономическое родство двух государств, возможность поставить для продажи близкий ассортимент товаров делали Молдавию и Валахию малоинтересными друг для друга партнерами и даже конкурентами. В этом плане Молдавское государство стремилось получить возможность участия в международной торговле на Дунае, отнюдь не собираясь стать экспортером валашской продукции. Высказанные соображения согласуются с активностью Молдавии на Нижнем Дунае на протяжении всего рассматриваемого периода. В валашско-молдавских отношениях именно Молдавия выглядит более инициативной стороной, что было продиктовано жизненными потребностями страны. Активность, проявлявшаяся молдаванами в этом направлении, и одновременно стремление избежать конфронтации с Портой при Александре Добром, не могли не вызвать раздражения, переросшего во вражду, со стороны Венгрии, Польши, да и Валахии, озабоченных не только османской угрозой, но и желанием за счет Молдавии укрепить собственные позиции. Естественно, что в таких ситуациях молдавская сторона прибегала к ответным мерам, а ее отношения с Валахией в течение долгого времени постоянно колебались с большой амплитудой – от взаимных протекций до кровопролитных войн (ОВИМК 1987).

Польско-литовские земли отличаются от других ареалов наибольшей дисперсностью находок с молдавскими монетами. Как правило, монеты Молдавии находятся здесь в составе кладов и являются единичными. Исследование польского нумизмата А. Миколайчика, посвященное этому вопросу, наглядно показало, что доля молдавских денег в этих комплексах составляет от 0,03 до 0,25% (Mikolajczyk 1988: 263-271). Можно с уверенностью говорить при этом и о регулярном проникновении небольшого количества монет сучавской чеканки на территории, лежавшие севернее Молдавии.

В составе рассматриваемых коллективных находок в большом количестве чаще всего присутствуют монеты Польши, особенно чеканенные

от имени Владислава Ягайло (1386-1434). Типичны для тезаврации данного ареала галицко-русские выпуски того же эмитента, включая монеты Львова. Кроме того, нередки тут пражские гроши, чаще всего Вацлава IV (1378-1419). Монеты Литвы, ордынские дирхемы, деньги Венгрии в них также довольно обычны. В сравнении с большинством названных эмиссий монеты Молдавии проигрывали и в весе, и в пробе металла. Кажется, такова загадка малочисленности молдавских денег в коллективных находках из этого региона. При этом любопытно, что некоторые из монет Молдавии, выпущенные Петром Мушатом и Александром Добрым, сокрыты уже после смерти эмитентов, в середине или даже в конце XV в. (№23, 37, 50). Наблюдаемое явление свидетельствует об ординарности молдавских монет на польских рынках, хотя в реальном обращении предпочтение отдавалось деньгам других стран.

Справедливость этих суждений доказывает и состав ряда кладов, открытых на территории современной Республики Молдова (№№27, 38, 67). Количество молдавских монет в них также исчисляется единицами. Все они принадлежат чеканке Александра Доброго и попали в землю в правление данного господаря или вскоре после его смерти. В кладе из Кугурешт абсолютно преобладают выпуски Владислава Ягайло, как польские, так и галицкие – более 2/3 общего числа монет. В значительном количестве представлены пражские гроши и джучидские дирхемы – соответственно 108 и 46 экз. В кладе из Строешт более 96% монет приходится на деньги Чехии и перечеканенные литовцами дирхемы Золотой Орды. В то же время в первом случае зафиксирован всего один молдавский грош, а во втором – 2 экз. Не локализованная точно тезаврация (№38), надо понимать, также состоит главным образом из эмиссий Владислава Ягайло. К этим кладам примыкает и находка из Сорок, в составе которой не было ни одной молдавской монеты (Нудельман 1975: 99-101). Она целиком представлена чешскими монетами. Все названные клады открыты в северных районах республики и прямо указывают на открытость Молдавского государства в этом направлении, что прослеживается и по составу коллекции из Старого Орхея (табл. 2). Более того, можно однозначно утверждать, что в первой трети XV в. и несколько позже приднестровские земли на севере современной Молдавии входили в польско-литовский ареал денежного обращения, соприкасаясь непосредственно с зоной активной циркуляции молдавских монет, прежде всего в районе Кодр.

Вассальная зависимость Молдавии от Польши, начиная с 1387 г., создавала благоприятные условия для польских, в первую очередь львовских, купцов в молдавской торговле. На мой взгляд, можно даже говорить о своеобразной валютной экспансии Польского королевства в северо-восточные пределы Молдавии. Нельзя исключать, что ее успех становился одним из факторов, служивших предпосылкой осуществления политических поползновений короны распространить свою власть на земли Буковины, а то и еще дальше на юг, до самого черноморского побережья.

Обращаясь к политике Молдавии того времени, уместно поставить вопрос о том, насколько однозначно положительно следует оценивать режим торговых привилегий, обеспечивавшийся в стране для купцов из Львова (Подградская 1968; Мохов 1974). Конечно, политика господарей в этой области была направлена на извлечение прямых выгод представителями молдавской знати, однако она все более «привязывала» слабый молдавский рынок к могущественному соседу. Иностранные деньги постепенно вытесняли собственные из сферы более-менее крупных торговых операций. Молдавской монете оставалось только поле внутреннего мелкотоварного обмена. Доминирование иноземных монет приводило к кризисным явлениям в товарно-денежных отношениях. Поскольку источник кризиса находился за пределами страны, неизбежно обострялись противоречия во внешнеполитической сфере. Добрые взаимоотношения с Польшей сменялись конфликтами, доходя временами и до войн. Впрочем, затем цикл повторялся (см. Ciobanu 1985). Противоречие между получавшей большие доходы от торговли иностранцев в стране феодальной верхушкой и общегосударственными интересами приобретал новый размах, а в итоге молдавская чеканка становилась и вовсе бессмысленной. Для местной монеты на внутреннем рынке уже не было места.

Молдавское государство конца XIV – первой трети XV вв. переживало период самоутверждения в исторических реалиях Восточной и Юго-Восточной Европы. Монетные находки позволяют увидеть, сколь сложным был этот процесс, чреватый в большей мере неудачами, нежели успехами. Самых значительных достижений Молдавия добилась на Нижнем Дунае при Петре Мушате, а в центральной части Прутско-Днестровского междуречья и в Белгороде – при Александре Добром. На юго-западном и северном направлениях ситуация была более тяжелой. Особенно это касалось молдавско-польско-литовского пограничья, где уже в первой трети XV в. доминирование польских денег было неоспоримым. По-видимому, монетная интервенция, дорогу которой волей-неволей, а открыли господарь и его окружение, могла сыграть дестабилизирующую роль в экономическом и политическом развитии страны. Хозяйственный и общественный разлад, назревавший уже в последние годы правления Александра Доброго, стал общемолдавским бедствием после смерти господаря и продолжался несколько десятилетий.

Приложение 1. Молдавские монеты последней четверти XIV – первой трети XV вв. в составе нумизматических комплексов[1].

№№	Локализация находок	Сведения о монетах			
		Петр I	Стефан I	Александр I	Всего
1	2	3	4	5	6
1 а	*Бакэу, Р.	+	-	+	?
б	*Бакэу, Р.	1	1	2	4
2	Балцата, М.	-	-	1(?)	1
3 а	*Бая, Р.	+	-	+	?
б	*Бая, Р.	18	2	139	159
4 а	*Белгород, У.	-	-	26	26
б	*Белгород, У.	1	-	17+?	18+?
5	Беркишешть, Р.	-	-	1	1
6	*Бистрица, Р.	-	-	1	1+?
7	*Буруйенешть, Р.	1737	-	-	1751
8	*Бухарест, Р.	+	-	-	30
9	Васлуй, Р.	+	-	5+?	5+?
10	Велико Тырново, Б.	-	-	5(?)	5
11	*Вырваць, Р.	+	-	-	?
12	*?Галичуйка, Р.	+(?)	-	+(?)	?
13	Гарвэн, Р.	1(?)	-	-	1
14	Джулешть, Р.	1	-	1	2
15	Добруджа, Р.	1	-	-	1
16	*Долхештий Марь, Р.	+	-	-	?
17	Драгомирна, Р.	-	-	1	1
18	Драгомирна-монастырь, Р.	-	-	1	1
19 а	*Енисала, Р.	+	-	-	?
б	Енисала, Р.	1	-	1	2
20	*?Калиакра, Р.	1+?	-	-	1+?
21а	*Корлэтень, Р.	2300+?	220+?	-	6440
б	Корлэтень, Р.	-	-	1	1
22	Костешты, М.	-	-	2(?)	2
23	*Косцельна Весь, П.	-	-	1	3539
24	Коцушка, Р.	1	-	-	1
25	*Кробанов, П.	-	-	1	1+?
26	Куртя де Арджеш, Р.	-	-	1(?)	1
27	*Кугурешты, М.	-	-	1	596
28	Кымпулунг Мусчел, Р.	-	-	1	1
29	Кэзэнешть, М.	-	-	1	1
30	*Кэлую, Р.	+	-	-	?
31	Летя Ноуэ, Р.	-	-	1	1
32	Лунка, Р.	-	1	-	1
33	*Лункавица, Р.	?	-	-	5+?
34	*Маморница, У.	100+?	-	-	103+?
35	Миклэушень, Р.	-	-	1	1
36	Мовила руптэ, Р.	-	-	1	1
37	*Модринец, П.	-	-	1	462
38	*Молдавия, М.	-	-	?	ок. 3000
39	*Молдова-Буковина, Р.?	39	-	-	39

[1] Сводка отражает состояние знаний о монетных находках на начало 90-х гг. и включает данные из следующих работ: (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63-92; Котляр 1968: 131-136; 1971: 87, 88, 90; Маркевич, Полевой, Фин 1961: 75-112; Нудельман 1974: 200; 1975: 98-102; 1976: 93, 94, 138-148; 1981: 184; Полевой 1956: 96-101; 1969: 160; 1979: табл. 15, 16; Сиверс 1922: 22; Тимощук 1964: 216, 1969: 134; Федоров 1949: 64, 68, 74; Федоров-Давыдов 1960: 177, 178; Заседание 1913: 91; Штерн 1913: 99; Berciu-Draghicescu 1990: 54-92; Diaconu, Constantinescu 1960: 89-91; Iliescu 1958: 456, 458; 1970: 38, 39; 1990: 653-655; Luchian 1957: 470; 1968: 413-422; Mikołajczyk 1988: 263-271; Neamţu, Cheptea 1986: 29, 30; Petrişor 1986: 171-182; Smaranda, Florescu 1992: 297, 298; Stînga 1992: 133-136; Ştirbu 1980: 77-86; Ştirbu, Stancu 1975: 147-166; Ursu, Berciu-Draghicescu 1989: 125-172; Vertan, Custurea 1989: 381-383).

*Условные обозначения: * – коллективная находка; ? – сомнительная достоверность; Б. – Болгария; Л. – Литва; М. – Молдавия; П. – Польша; Р. – Румыния; У. – Украина; Ю. – Югославия.*

№№	Локализация находок	Сведения о монетах			
		Петр I	Стефан I	Александр I	Всего
1	2	3	4	5	6
40	Мунчелу де Сус, Р.	1	-	-	1
41	*Мэрмурень, Р.	+	+	-	ок. 300
42	*Мэчин, Р.	-	-	6	6
43	*Неизвестное место, Р.	-	-	+	?
44	Нетези, Р.	-	-	1	1
45	*Никулицел, Р.	-	-	-	ок. 6000
46	*Олтения, Р.	1	-	-	289+?
47	Олтения, Р.	1	-	-	1
48	*Орадя, Р.	24	-	-	24
49	Осой, Р.	2(?)	-	-	2
50	*Плесы, П.	1	-	-	св. 400
51	*Подолия, У.	-	+	-	?
52	*Пояна Мэрулуй, Р.	+	-	-	?
53 а	Пятра Нямц, Р.	4+1(?)	1(?)	1+?	6+?
б	Пятра Нямц, Р.	5	-	1	6
54	*Райкивци, У.	-	-	1(?)	1004
55	*Ракелу-Лункавица, Р.	46+?	-	-	ок.2000
56	*Решава, Ю.	+	-	-	?
57	Роман, Р.	4	-	3	7
58	Ротопэнешть, Р.	1	-	-	1
59	Рэдэуць, Р.	?	-	1	1+?
60	Сандомир, П.	-	-	1	1
61	*Саон-Паркес-Сомова, Р.	1+?	-	-	1+?
62 а	*Силистра, Б.	+	-	-	100
б	*Силистра, Б.	+	-	-	43
63	Силиште, Р.	-	-	1	1
64	*Скинень, Р.	+	+	-	178
65	*Скобинць, Р.	21+?	-	-	до 300
66	Старый Орхей, М.	-	-	79+?	79+?
67	*Строенцы, М.	-	-	2(?)	83
68	*Стрый, У.	-	-	3(?)	ок. 1200
69	Сулица, Р.	-	-	1	1
70 а	*Сучава, Р.	-	-	38	38
б	*Сучава, Р.	-	-	22	73
в	*Сучава, Р.	-	-	+	39
г	*Сучава, Р.	-	-	23	33
д	Сучава, Р.	9+?	1+?	183+?	193+?
71	*Теребовля, У.	-	-	4(?)	ок. 4000
72	Топиле, Р.	1	-	-	1
73-77	Тулча-жудец, Р.	4	-	1	5
78	Турну Северин, Р.	2	-	5	7
79	*?Тыргушор, Р.	+	-	+	?
80	Фэлтичень, Р.	+	-	+	?
81	Хлинча, Р.	1	-	5	6
82 а	*Худум, Р.	3	-	1	4
б	Худум, Р.	1	-	1	2
83	Хыршова, Р.	1	-	-	1
84	*Цара Ромыняскэ, Р.	ок. 1000	-	-	ок. 1000
85	Цецин, У.	+	-	-	?
86	*Черновцы I-II, У.	192	-	-	192
87	*Шанцы. Л.	+	-	-	?
88	Шкея, Р.	3	-	2	5
89 а	*Яссы, Р.	-	-	14+5?	19?
б	*Яссы, Р.	-	-	19	19
в	*Яссы, Р.	-	-	+	54
г	Яссы, Р.	-	-	2+?	2+?

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхея. Молдавский период. Кишинев.

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев.

Войцеховский В.А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. С. 371-374.

Грамоти 1974. – Грамоти XIV ст. Київ.

Дочев К. 1992. Монети и парично обръщение в Търново XII-XIV в. Велико Търново.

Заседание 1913. – 419 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Т. XXI. С. 91.

ИС 1965. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. Документы и материалы. Т.I: 1408-1632. М.

Йорданов И. 1982. Монетосечене на българските владетели в Добруджа (втора половина на XIV в.) // Средновековна България и Черноморието. Варна. С. 119-129.

Котляр М.Ф. 1968. Галицька Русь у другий половині XIV – перший чверті XV ст. Історико-нумізматичне дослідження. Київ.

Котляр М.Ф. 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ.

Ланнуа Г. 1853. Путешествия и посольства господина Гилльберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399-1450 годах // ЗООИД. Т. III. С. 433-445.

Маркевич В.И., Полевой Л.Л., Фин Ш.Р. 1961. Кугурештский монетно-вещевой клад XV в. // Труды Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР. (За 1960 год). Кишинев. С. 75-112.

Мохов Н.А. 1974. Молдавский торговый путь в XIV-XV вв. // Польша и Русь. М. С. 298-307.

Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. // АИМ (1973 г.) С. 204-208.

Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 94-124.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // АКМ. Вып. 8.

Нудельман А.А. 1981. Находки монет эпохи феодализма из раскопок и сборов 1974-1976 гг. // АИМ (1974-1976 гг.) С. 204-208.

ОВИМК 1987. – Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX вв.). Кишинев.

Параска П.Ф. 1980. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев. С. 62-87.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.

Параска П.Ф. 1981а. К вопросу о молдавско-польских отношениях конца XIV – первой половины XV в. (заем 1388 г.) // ИАНМ. №3. С. 23-31.

Подградская Е.М. 1968. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI-XVII веках. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1956. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII – XV вв. // ИАНМ. №4 (31).

Полевой Л.Л. 1960. Монеты из раскопок Старого Орхея (I947-1956) // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. С. 317-352.

Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 146-161.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV веков. Кишинев.

Руссев Н.Д. 1993. Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в. // Молдавский исторический журнал. №1. С. 39-46.

Сиверс А.А. 1922. Топография кладов с пражскими грошами // Российская Академия истории материальной культуры. Труды нумизматической комиссии. Т. II. СПб.

Тимощук Б.А. 1964. Исчезнувшие города Буковины // ВИ. №5. С.

Тимощук Б.О. 1969. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород.

Федоров Г.Б. 1949. Топография кладов с литовскими слитками и монетами // КСИИМК. Вып. XXIX. М. С. 64-75.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // НЭ. Т. I.

Штерн Э.Р. 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. Т. XXI. 1913. С. 92-101.

Berciu-Draghicescu A. 1990. Repertoriul descoperirilor monetare de pe teritoriul Moldovei (secolele XIV-XV) // CSS. Opuscula bibliologica, geneologica şi numismatica. II. P. 54-92.

Ciobanu V. 1985. Ţările Romane şi Polonia. Secolele XIV-XVI.Bucureşti.

Ciocîltan V. 1987. «Către părtile tătăreşti» din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrin. // AIIAX. T. XXIV.

Constantinescu N. 1984. Curtea de Argeş (1200-1400). Asupra inceputurilor Ţării Româneşti. Bucureşti.

Diaconu Gh., Constantinescu N. 1960. Cetatea Scheia. Monografie arheologica. Bucureşti.

DRH. – Documenta Romaniae Historica. Bucureşti: A. Moldova. Vol. I (1384-1448), 1975. B. Ţara Românească. Vol. I (1247 -1500), 1966. D. Relaţii între ţările române. Vol. I (1222-1456), 1977.

Iliescu O. 1958. Insemnari privitoare la descoperiri monetare (II) // SCN. Vol. II. P. 447-463.

Iliescu O. 1970. Moneda în România (491-1864). Bucureşti.

Iliescu I. 1977. Monede medievale şi moderne descoperite la Păcuiul lui Soare în anii 1956-1974 // Diaconu P., Baraschi S. Păcuiul lui Soare. Vol. 2: Aşezarea medievală. Bucureşti. P. 148-163.

Iliescu O. 1990. Monedele Ţării Româneşti şi ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV-XV) // RI. T. I. Nr.6. P. 651-656.

Luchian O. 1957. Descoperiri de monede moldoveneşti // SCN. Vol. I. P. 470-471.

Luchian O. 1968. Un tezaur de monede moldoveneşti găsit în judeţul Bihor // SCN. Vol. IV. P. 413-422.

Mikolajczyk A. 1988. Moldavian Coins in the 15th Century Poland // AM. Vol. XII. P. 263-271.

Neamțu V., Cheptea S. 1986. Contacte între centrul şi sud-estul Europei reflectate în circulația monetară de la Baia (secolele XIV-XV) // Românii în istoria universală (I). Iaşi. P. 18-30.

Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981. Contribuții la studiul emisiunilor monetare şi al formațiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII-XIV // SCIVA. Nr. 1. P. 89-110.

Oberländer-Tîrnoveanu E., Oberländer-Tîrnoveanu I. 1989. Noi descoperiri de monede emise în zona Gurilor Dunării în secolele XIII-XIV // SCN. Vol. IX. P. 121-128.

Papacostea S. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Considerații pe marginea unui izvor necunoscut // Studii şi materiale de istorie medie. Vol. VI. Bucureşti. P. 43-59.

Petrişor E. 1986. Date preliminare asupra tezaurul medieval de la Buruieneşti, comuna Dolješti, județul Neamț // MA. Vol. XII-XIV (1980-1982). P. 171-182.

Pistarino G. 1971. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-1361). Bordighera.

Smaranda A., Florescu L. 1992. O monedă moldovenească de la Alexandru cel Bun la Cîmpulung Muscel // BSNR. Anii LXXX-LXXXV (1986-1991). Nr. 134-139. P. 297-298.

Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI-XIV. Bucureşti.

Stînga I. 1992. Contribuții privind circulația monedelor moldoveneşti în Țara Romînească // BSNR. Anii LXXX-LXXXV (1986-1991). Nr. 134-139. P. 133-136.

Ştirbu C. 1980. Valori romîneşti păstrate în muzeile din străinătate – un tezaur de la Petru Muşat // CN. Vol.III. P. 77-86.

Ştirbu C., Stancu P. 1975. Monede din tezaurul de Rachelu aflate în colecția muzeului de istorie al R.S. România şi împortanța lor istorică // BSNR. Anii LXVII-LXIX (1973-1975). Nr. 121-123. P. 147-166.

Ursu A., Berciu-Draghicescu A. 1989. Descoperiri monetare de pe teritoriul Țării Româneşti (secolele XIV-XVI) // CSS. Opusculă numismatică. P. 125-172.

Vetran A., Custurea G. 1989. Cronica descoperiri monetare în Dobrogea (VIII) // Pontica. Vol. XXI-XXII. 1988-1989. P. 369-390.

ПИСЬМЕНА

В.М. Зубарь

НОВЫЕ ЛАТИНСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ II – СЕРЕДИНЫ III вв. ИЗ ХЕРСОНЕСА, БАЛАКЛАВЫ И ХАРАКСА

V.M. Zubar. New Latin Epigraphic Records of II – middle III c. A.D. from Chersones, Balaclava and Charax

The year 1983 saw publication of the book by E. I. Solomonik, which gathered all Latin epigraphic records found during over 170 years of excavations in Chersones Tauricos (Solomonik 1983). But after this edition many of Latin epigraphic records were reedited, a lot of information was added and interpreted in a new way. And during excavations in Chersones, Balaklva and Charax new inscriptions were found, which were published in various scientific editions. That is why this article gathers together all the Latin epigraphic records of II – middle III cc. found, edited and reedited in 1984-2000. They are very important source for a researcher of a complex of questions connected with the Roman military presence in Taurica. It seems that publication of these inscriptions will help further deeper studies of history and culture of the Northern Black Sea area in the first centuries A.D.

В 1983 г. из печати вышла книга Э.И. Соломоник, в которой были собраны все латинские эпиграфические памятники, обнаруженные в ходе более чем 170-летних раскопок в Херсонесе Таврическом (Соломоник 1983). Однако после выхода этого корпуса целый ряд латинских эпиграфических памятников был переиздан, дополнен или интерпретирован по-новому. Более того, в ходе археологических раскопок на территории Херсонеса, современной Балаклавы и Харакса были обнаружены новые надписи, опубликованные в разных научных изданиях. Поэтому в настоящее время назрела настоятельная необходимость собрать их воедино с тем, чтобы они стали более доступными для исследователей, занимающихся историей и культурой Таврики в первые века н.э.

ХЕРСОНЕС

1. В 1906 г. при исследовании Загородного храма в полу алтаря была обнаружена фрагментированная четырехстрочная латинская надпись, вырезанная на мраморной плите (рис. 1). Надпись была впервые издана М.И. Ростовцевым (Ростовцев 1907: 1 – 3; IOSPE I^2: №550) и переиздана Э.И. Соломоник (Соломоник 1983: 56–57; №29) в следующем виде:

eq(ues) Rom(anus) [praep(ositus)]
v(e)x(illationis) per qua[dr(iennium) Leg(ionis)
XI Cl(audiae) filio [caris–]
simo

Согласно такому восстановлению, это надгробие было поставлено сыну римским всадником, который четыре года командовал вексилляцией XI Клавдиева легиона. Такое чтение было принято Э.И. Соломоник, которая вслед за М.И. Ростовцевым отнесла памятник к концу II – III вв. (Соломоник 1983: 56-57).

Однако аббревиатура VX от VEXILLATIO до настоящего времени не встречена в латинской эпиграфике (Cagnat 1914: 441; Gordon 1948: 100,103; Saxer 1967: 5-116; Федорова 1069: 369). Исходя из размеров второй строки, где, по подсчетам М.И. Ростовцева, утрачено всего пять букв, то нужно будет признать, что здесь имелось еще одно неизвестное в латинской эпиграфике сокращение quadr от quadriennium. Вследствие этого предложенное восстановление надписи не может быть принято.

По своему содержанию надпись, безусловно, надгробная. В верхней, несохранившейся части было вырезано имя умершего и отца – римского всадника. Для правильного понимания сохранившейся части памятника ключевой является аббревиатура VX, которая обозначает либо vixit, либо uxor (Cagnat 1914: 441; Gordon 1948: 100,103). Но в данном случае она может быть восстановлена только как uxor (ср.: IDR 1977, vol. II: 47; 1980, vol. III/2: 366; ISM 1980, vol. V: 79), так как, судя по аналогиям, возраст всегда указывался перед именем лица, поставившего надгробие (см., напр.: IOSPE I^2: №547).

[1] Выражаю сердечную признательность безвременно ушедшему из жизни Ю.Г. Виноградову, который на протяжении последнего десятилетия сотрудничал с автором и помогал ему в эпиграфических штудиях, а также Т. Сарновскому, в творческом содружестве с которым был прочитан и интерпретирован целый ряд эпиграфических памятников из раскопок Балаклавы и Харакса.

© В.М. Зубарь, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

Следовательно, в несохранившемся конце первой строки должно было стоять имя жены римского всадника.

В следующей строке после VX стоит PER, потом разделитель, а затем три хорошо читаемых буквы QUA, которые М.И. Ростовцев дополнил как qua(driennium). Но в латинских надписях хорошо известны сокращения quae, quaes, quaest, quaist от quaestor, т. е лица, ведавшего финансами (IDR 1977, III/1: 76). Следовательно, если могут быть приняты предложенные восстановления указанных аббревиатур, то надпись может быть восстановлена так:

eq(ues) Rom(anus)
ux(or) per qua[est(uram) leg(ionis)
XI Cl(audiae) filio [caris–]
simo

Перевод: ...римский всадник ... жена через квестуру XI Клавдиева легиона, поставили дражайшему сыну (Зубарь 1989: 123-127)

2. В 1928 г. при раскопках цитадели Херсонеса К.Э. Гриневичем был обнаружен известняковый алтарь с посвящением Юпитеру (рис. 2). Э.И. Соломоник датировала памятник II в. и впервые издала его (Соломоник 1964: №60), а затем с рядом дополнений переиздала в следующем виде:

1 I(ovi) O(ptimo) M(aximo)
sacrum.

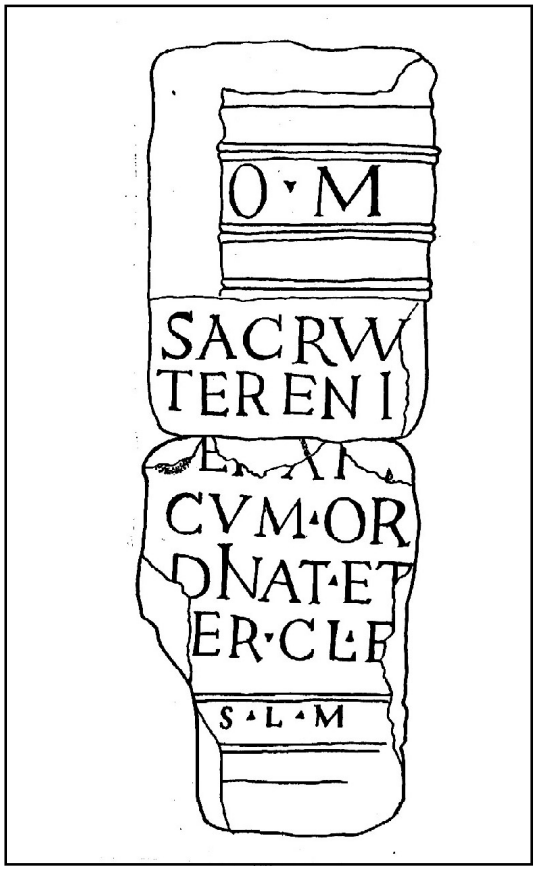

Рис. 2. Посвящение Юпитеру, поставленное Теренцием вместе с ординаторами и капитанами из Херсонеса.

Рис. 1. Надгробие сына римского всадника из Херсонеса.

Terenti(us)
Se[r]ap[io(n)] ?
5 cum or–
dinat(o) et
[c]er(ario) cl(assis) f(ecerunt).
8 [v(otum)] s(olverunt) l(ibentes) m(erito).

Перевод: Юпитеру Лучшему Величайшему посвящено. Теренций Серапион (?) с ординатором (т. е. центурионом) и писцом флота соорудили. Исполнили обет, жертвуя по заслуге.

Однако в дальнейшем с таким чтением не согласился М.П. Спейдел. Указав на ряд спорных моментов в предложенном Э.И. Соломоник восстановлении, исследователь обратил внимание на то, что слова, обозначающие ранги, должны читаться во множественном числе, а также предложил в седьмой строке читать не [c]er(ario) – должность писца, неизвестную на флоте, а [tri]er[archis]. Учитывая, что третья строка посвящения может читаться и по-другому, он предложил восстанавливать памятник следующим образом:

I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / sacrum /.
Tere№ti(us) / [...]A[...] / cum or/ dinat(is)
et / [tri]er[archis] cl(assis) F(laviae) /
[v(otum)] s(olvit) l(ibens) m(erito).

Исходя из такого восстановления, посвящение было поставлено неким Теренцием вместе с ординаторами (центурионами) и капитанами (Соломоник 1983: 33-34, №6; Спейдел 1988: 119-121).

3. В 1970 г. при раскопках И.А. Антоновой в цитадели Херсонеса была найдена известняковая плита с латинской надписью (рис. 3), которая была датирована II в. и издана Э.И. Соломоник:

[– – – – – – – – – – – –]
1 [– – – vix]it a№[№(is)]
LV, mil[it(avit)]
ann(is) XX[– –]
Auluz[e –]

5 nus C[o –]
cleiu[s] ?
here[s h(uius)]
[fecit].

Перевод: (Такой–то) прожил 55 лет, прослужил 20 – –. Авлудзен Коклей, наследник (соорудил).

М. Спейдел отметил, что «Cocleius» неизвестно в качестве римского имени, а «Auluzenus», весьма часто употребляемый cognomen, никогда не встречается как nomen. Это, а также чуть большее расстояние между CL и EIU[S] делают возможным прочитать здесь: cl(assis) eiu[sd(em)]. На основании того, что после имени следует буква C или O, он также предположил, что Авлудзен – выходец из Фракии, был не простым моряком, а cen(turio) или or(dinatus). Причем, базируясь на достаточно солидном возрасте этого военнослужащего, М.П. Спейдел считал возможным говорить о том, что Авлудзена мог быть ветераном, который поселился в Херсонесе после окончания срока своей службы. В восстановлении М.П. Спейдела этот памятник выглядит так:

[– – – vet(erano) ?]
[cl(assis) Fla(viae) M(oesicae),]
[vix(it)] ann(os)
LV, mil(itavit)
ann(os) XX[– –]
Auluz[e –]
nus o[rd(inatus) ?]
cl(assis) eiu[sd(em)]
here[s f(aciundum) c(uravit).]

В предложенном М.П. Спейделом виде получается, что это надгробный памятник Авлудзена – ветерана Мезийского Флавиева флота, который прожил 55 лет, прослужил 20 – –, поставленный наследником (Соломоник 1983: 54 –55, №26; Спейдел 1988: 121-123).

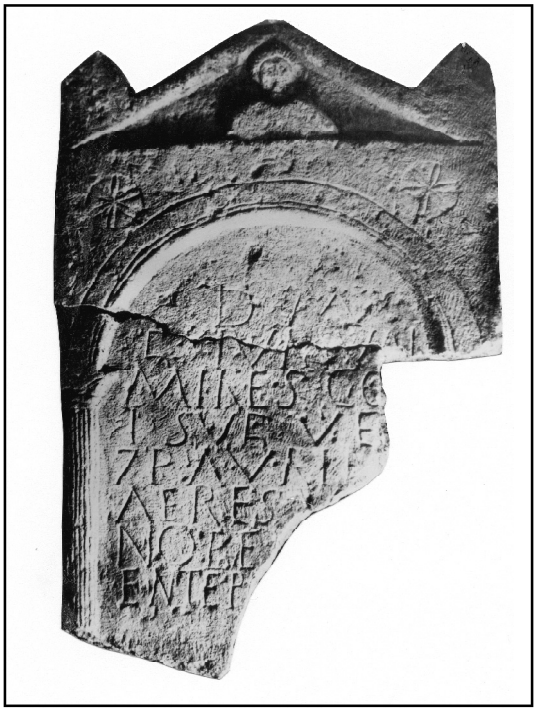

Рис.4. Надгробие Гая Юлия Валента, солдата I Сугамбрской ветеранской когорты из Херсонеса.

Рис. 3. Надгробный памятник Авлудзена – ветерана Мезийского Флавиева флота из Херсонеса.

4. В 1995 г. Национальным заповедником «Херсонес Таврический» было приобретено надгробие солдата I Сугамбрской когорты, случайно обнаруженное на территории некрополя. Памятник представляет собой фрагментированную известняковую плиту, состоящую из двух частей. Ширина плиты – 0,73, толщина – 0,17, сохранившаяся высота – 1,10 м. Верхняя часть стелы выполнена в виде фронтона с акротериями по краям. В тимпане помещен бюст безбородого молодого мужчины. Под тимпаном, в поле плиты, имеются две шестилепестковые и одна, средняя, трехлепестковая розетки, вписанные в круг. Ниже розеток – арка, опирающаяся на пилястры с каннелюрами и капителью (рис. 4). В поле арки, между пилястрами, размещен текст восьмистрочной эпитафии:

1 *D*M*
G * IVL * V[A]Λ
MIΛES CO—
I SVG VE—
5 7 PΛVΛI[N]–
ΛERES [V]—
NOBE—
ENTEP—

Следует обратить внимание на шрифт надписи, в которой использованы апексированные буквы, встречающиеся как в монументальном, так и актуарном шрифте латинских эпиграфических памятников. Буква G по форме близка

актуарному шрифту, который начинает широко использоваться в эпиграфических памятниках не ранее конца II в. (Sandys 1969: 49-50; ср.: Hollestein 1995: 181; Avram, Barbulescu 1992: 204-205, fig. 26; подр. см.: Gordon 1957; ср.: Huguet 1946: 15). Весьма показательно и написание буквы L с высоко поднятой вверх и скошенной вниз горизонтальной гастой. Такое написание буквы L является наиболее характерным для довольно позднего времени и рассматривается в качестве показателя «вульгарного» стиля в латинской эпиграфике (Sandys 1969: 51). Причем интересно, что аналогичное написание буквы L уже отмечено в латинской эпиграфике Херсонеса, в надписи, которую Э.И. Соломоник считает возможным датировать III в. н.э. (Соломоник 1983: 66, №41). В первой, второй и четвертой строках эпитафии стояли разделители в виде листиков (hederae distinguentes). Смешение шрифтов, различное расстояние между буквами и их неодинаковые размеры – все это позволяет заключить, что надпись делалась не профессионалом, а, видимо, простым солдатом, сослуживцем умершего.

Вне всякого сомнения, перед нами надгробие некоего Г. Юлия Валента. В конце третьей и четвертой строках эпитафии стоит CO I SVG VE, что, безусловно, может быть интерпретировано как название одного из подразделений вспомогательных войск римской армии – Cohors I Claudia Sugambrorum (Sygambrum) Veterana Equitata (Туровский, Филиппенко 1996: 141).

В пятой строке эпитафии стоит знак 7, который обычно обозначает должность центуриона или центурии, и далее PAVLIN . Если здесь имелось в виду личное имя Павл, которое носила центурия, то в надписи должно быть восстановлено cen turia Pauli с дословным переводом: центурия Павла или же в родительном падеже: centuriae Pauli – (солдат) центурии Павла. Однако, как и в подавляющем большинстве латинских воинских эпитафий (Bohec 1993: 13), в надгробии название центурии, образованное от личного имени, имеет форму субстантивированного прилагательного (Paulina), которое в роде, числе и падеже должно быть согласовано с существительным centuria. Поэтому название центурии в эпитафии должно быть восстановлено как PAULIN[A].

В шестой строке надписи стоит aeres. Его, видимо, следует интерпретировать исходя из значения слова aes, которое во множественном числе, aera, среди многих значений переводится и как «военная служба». Наряду с militavit и stipendia, в надгробных эпитафиях термином aera обозначался срок военной службы (Cagnat 1914: 378; Cohen , Egbertt, Cagnat 1982: XVIII; Bohec 1993: 13; ср.: Collingwood, Wright 1965: 66, №201; Holder 1980: 273, №391; 275, №451, 453; 272, №351; 289, №801 и др.). Причем некоторые исследователи подчеркивают, что особенно часто такая форма зафиксирована на территории Испании (Bohec 1993: 13). Однако в рассматриваемой надписи неправильно воспроизведено множественное число от слова aes. Скорее всего, резчик не задумывался над тем, что слово aes – среднего рода и написал наиболее распространенное в третьем склонении окончание мужского или женского рода во множественном числе. Таким образом, в эпитафии и появилось слово aeres. Причем, окончание -es принадлежит и именительному, и винительному падежам. Судя по контексту надписи, aeres стоит в винительном падеже. Попутно отметим, что в латинских эпиграфических памятниках встречаются и другого рода неточности в написании множественного числа слова aes.[2] В ряде случаев оно ошибочно отнесено ко второму склонению, и родительный падеж множественного числа имеет форму aerorum (Thesaurus 1900: 1076, aes militare; Holder 1980: 275, №451).

В надписи после aeres сохранилась верхняя часть буквы или цифры V, а в начале следующей строки NO. Если исходить из того, что AERES может быть интерпретировано как «военная служба», то после него должна была стоять цифра, начинавшаяся, скорее всего, на V, а окончание шестой и начало седьмой строк может быть восстановлено как [AN]NO. Учитывая место, остающееся для утраченных букв в шестой строке в предложенном восстановлении, здесь, видимо, стояло VI, VII или VIII, что хорошо согласуется с изображением бюста безбородого, сравнительно молодого мужчины в тимпане надгробия. Что касается восстановления ANNO, то такая форма, наряду с классическим ANNIS, часто встречается в латинских эпитафиях (Sandys 1969: 63). Форма ANNOS зафиксирована в значительном количестве эпитафий позднеантичного времени, обнаруженных на территории Дунайских провинций Римской империи (Thesaurus 1900: 149–152, №196 и др.; Зубар, Антонова 1996: 92).

В восьмой строке надписи стоят буквы EN TE, сохранившиеся от слова [MER]ENTE, и P. Исходя из того, что в пятой строке стоит название центурии в именительном падеже, восстанавливать окончание надписи следует также в единственном числе. В эпитафии отсутствует указание на то, кто конкретно поставил надгробие. Поэтому можно заключить, что, судя по конструкции эпитафии, надгробие Г. Юлию Валенту было поставлено не частным лицом, а именно центурией.

---

[2] Т. Сарновский, ознакомившись с повторной публикацией этого памятника (Зубар, Сон 1997: 120-128), полагал, что в aeres следует видеть ошибочно написанное heres (наследник) (Sarnowski, Savelja 1998: 18). Однако, как представляется, интерпретация aeres как heres плохо согласуется с текстом эпитафии, где имя, которое могло бы принадлежать наследнику, отсутствует.

Известно, что в римских воинских подразделениях повсеместно существовали общественные кассы (saccus undecimus), которыми руководили сигниферы когорт, а со времени Септимия Севера они были переданы в ведение специальных принципалов (Parker 1958: 219; Зубарь 1989: 126). Солдаты вносили в такие кассы деньги, которые шли на различные общие нужды, в том числе и на захоронение членов таких касс, так как в эпоху империи цена погребения солдата в зависимости от обстоятельств и места колебалась в пределах от одной до двух тысяч сестерций (Duncan-Jones 1974: 86). Поэтому вполне логично предположить, что отсутствие в эпитафии упоминания лица, поставившего надгробие, объясняется именно тем, что оно было сооружено на средства кассы центурии, а фактически на деньги самого Г. Юлия Валента.

Следовательно, в конце надписи, скорее всего, стояло be[ne mer]ente p[osuit] в единственном числе. Судя по количеству букв, которые могут быть размещены в последней строке в предложенном восстановлении, в конце надписи должно было стоять еще какое–то слово или, скорее всего, сокращение. Сейчас трудно уверенно реконструировать окончание эпитафии, но, исходя из приблизительного количества букв, для которых остается место в этой строке, рискнем предположить, что там могло стоять сокращение TIT от TITULUS (ср.: Sandys 1969: 309; IDR 1977, vol. II: 77, №134; 251, №648; IDR 1977, vol. III: 115 – 116, №32; 184, №157; 233, №269; IDR 1980, vol. III/2: 123, №120; 322, №382; 350, №413; 383, №448; IDR 1988, vol. IV/4: 50, №50; 114, №147; 149-153, №196; 154, №198; ISM, 1980, vol. V: 267, №250; ISM, 1987, vol. II: 262, №266; 288, №303 и др.; Соломоник 1983: 45, 46, №15; 68; №42; 70, №45). Предлагаемый вариант восстановления окончания хорошо согласуется с общим содержанием эпитафии и с аналогичным восстановлением окончания эпитафии надгробия Аврелия Демаса, предложенным после находки его нового фрагмента в самое последнее время (Зубар, Антонова 1996: 92).

И, наконец, следует обратить внимание на то, что вместо классической формы bene merenti в дативе, которая обычно встречается в латинских надгробиях повсеместно, в херсонесской эпитафии вырезано merente. Грамматически это форма аблятива. Поэтому дословно она может быть переведена как «хорошо заслужившим». Попутно следует отметить, что окончание E вместо I в слове merente – обычное явление в латинских надписях с территории Нижней Мезии (CIL III: 2044; ISM 1987, vol. II: 310-311, №346 (182)).

На основании всего изложенного, как представляется, эпитафия может быть реконструирована следующим образом:

1 D(is) M(anibus)

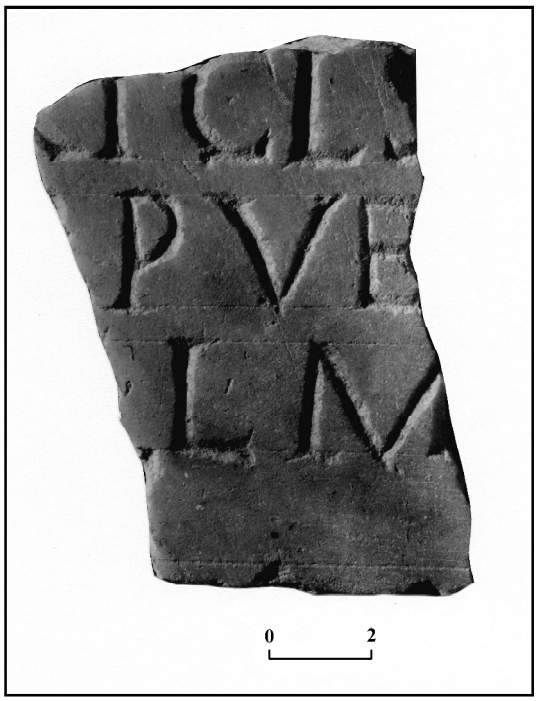

Рис. 5. Фрагмент надписи с упоминанием XI Клавдиева Севериановского легиона из Херсонеса.

G(aius) Iul(ius) Val(ens)
miles co[h](ortis)
I Sug(ambrorum) Ve[t](eranae)
5 (centuria) Paulin[a]
aeres [V — an]
no be[ne mer]
ente p[osuit tit(ulum)]

Перевод: Богам Манам. Гай Юлий Валент, солдат I Сугамбрской ветеранской когорты. Павловская центурия (за) военную службу (в течение) V – – лет, хорошо заслужившему поставила (надгробный памятник?) (Туровский, Филиппенко 1996: 140-143; Зубар, Сон 1997: 120-128; 2000: 39-47).

5. В 1998 г. при раскопках XXXIV башни 21 куртины в юго-восточной части Херсонесского городища, на территории римской цитадели, обнаружен фрагмент латинской надписи, вырезанной на фрагменте хорошо отполированной плитки белого мрамора (рис. 5). С трех сторон фрагмент обломан, а нижняя хорошо заглажена и представляла нижнюю часть эпиграфического памятника, на котором сохранился фрагмент трехстрочной латинской надписи:

—XI CL S—
—P VE—
—L M—

Надпись нанесена на отполированную поверхность по предварительно прочерченным линейкам. Расстояние между строками 0,6–0,7 см. Буквы высотой 2–2,1 см вырезаны глубоко, тщательно и красиво, их концы украшены апексами. За исключением буквы C и L в первой строке, все остальные буквы расположены на некотором удалении друг от друга. Шрифт

рядом элементов близок другим эпиграфическим памятникам с упоминанием военнослужащих XI Клавдиева легиона, датирующихся концом II – началом III в. (Соломоник 1983: 38-40, №10; 58-59, №31; ср.: Sandys 1969: 48-52). Судя по сохранившимся следам известкового раствора на тыльной стороне плитки, первоначально надпись крепилась на стене какого-то сооружения.

Учитывая, что в этом фрагменте после названия XI Клавдиева легиона легко читается буква S, окончание этой строки может быть уверенно дополнено в качестве почетного титула этого соединения Severiana. Несмотря на крайне фрагментированный характер найденной надписи, она может быть определена как посвятительная и с известной долей риска восстановлена следующим образом:

—[LEG(ionis)] XI CL(audiae) S[everianae]—
—[PRAE]P(ositus (?)) VE[X(illatione)]—
—L(ibens) M(erito)—

Varia lectio: v. 1. S[(everianae Alexandrianae)]; v. 2. [PRAE]P(ositus (?)) VE[X(illatione) CERSONES(sitanae)] (IOSPE 1²: №404. 34, 46).

Перевод: ... легиона XI Клавдиева Севериановского – командующий(?) (херсонесской) вексилляцией – (по обету) охотно, достойно (поставил) (Зубарь, Антонова 2000: 66-70)

6. В 1990 г. в ходе раскопок И.А. Антоновой на территории цитадели Херсонеса был обнаружен обломок известняка, на котором имелось пять строк латинской надписи:

– – – [V]S
– – – ET
– – –NOS
– – – II
– – –[T]V[L]V

Сравнение этого фрагмента с уже опубликованными латинскими памятниками из Херсонеса показало, что он является правой нижней частью стелы с изображением «загробной трапезы» и эпитафией Аврелия Демаса, который был опубликован Э.И. Соломоник (Соломоник 1964: 139-142, №63; 1983: 57-56, №30) (рис. 6). С учетом нового фрагмента, текст надгробия Аврелия Демаса может быть восстановлен следующим образом:

1 Vius s(ibi) [et s(uis)]
Aurel[iu]s
Demas [v]et(eranus)
Vivet an nos
5 LXXII
posu[it] [ti]tu[lu(m)].

Перевод: При жизни себе и своим (близким) Аврелий Демас, ветеран, (который) прожил 72 (года), поставил эпитафию.

Сравнение шрифта этой эпитафии с другими латинскими эпиграфическими памятниками Херсонеса показало, что она может быть датирована первой половиной III в., а не концом II – началом III в., как думала Э.И. Соломоник (Зубар, Антонова 1996: 91-97).

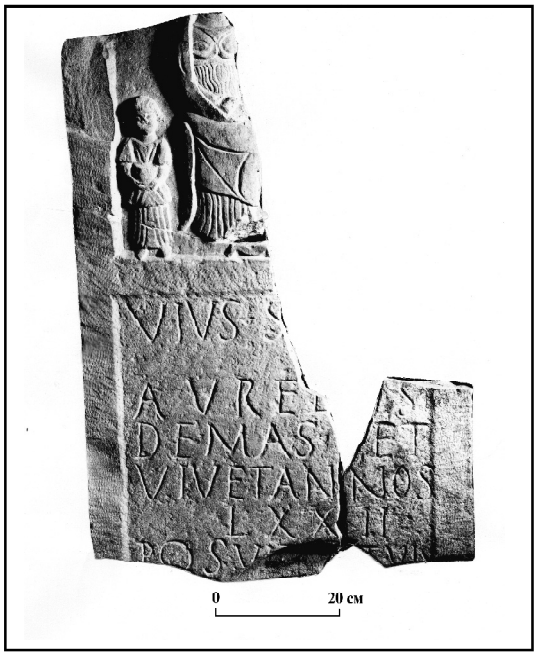

Рис. 6. Надгробие ветерана Аврелий Демаса из Херсонеса.

7. В 1952 г. в кладке облицовки 5 куртины оборонительной стены Херсонеса был обнаружен фрагмент надгробия, который был издан Э.И. Соломоник в следующем восстановлении:

[...] Antonia
[P]rocula
[f]iliae
5 [b(ene)] m(erenti) p(psuit).

Э.И. Соломоник предположила, что в несохранившейся части текста в три – четыре строки стояло традиционное D(is) M(anibus). Далее стояло имя умершей и количество прожитых лет. Исследовательница датировала памятник II в. (Соломоник 1964: 144-145, №65; 1983: 53, №24).

Позднее Т. Сарновский и О. Савеля, сравнив этот памятник, с текстом посвящения Вулкану на алтаре, обнаруженном в 1996 г. при раскопках в Балаклаве, предложили новое восстановление и перевод памятника:

[D(is) M(nibus)
[————]
[vix(it) an n(is) —]
[Antonius]
5 [Proculus]
[>(centurio) leg(ionis) XI Cl(audiae)]
[e]t Antonia
[P]rocula
filiae
10 [b(ene)] m(erenti) p(osuit).

Перевод: [Богам Манам. Такая-то, прожила столько-то. Антоний Прокул, центурион XI Клавдиева легиона,] и Антония Прокула дочери, (хорошо) заслужившей, поставили.

По мнению Т. Сарновского и О. Савели, это надгробие датируется концом II – началом III в.

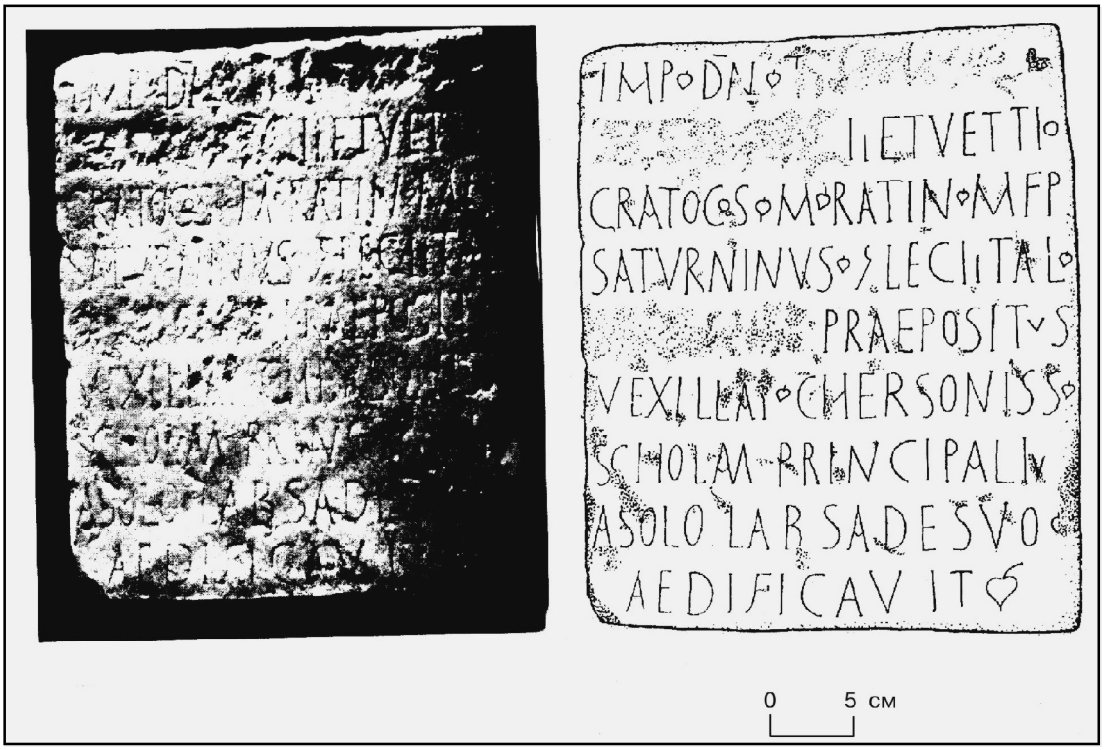

Рис. 7. Надпись 250 г. о восстановлении схолы принципалов из Херсонеса.

(Савеля, Сарновский 1999: 42-43; Сарновский, Савеля 2000 б: 198–200).

8. Надпись обнаружена в 1990 г. при раскопках помещения терм на территории цитадели Херсонеса, в вымостке пола, которое, по мнению И.А. Антоновой, являлось фригидарием. Памятник представлял собой неповрежденную прямоугольную плиту белого, с серыми прожилками мрамора высота 0,435, ширина 0,33, толщина 0,06 м, задняя и боковая поверхности которой обработаны суммарно, то есть первоначально плита была вмонтирована в стену. На лицевой отполированной поверхности неглубоко, но аккуратно вырезаны девять строк латинской надписи. Следов предварительной разлиновки не заметно. Высота букв 0,037 м, расстояние между строками 0,01 м (рис. 7). Несмотря на предпринятую в строках 1,2 damnatio memoriae, текст документа читается без труда:

1 IMP *DT *[[TRAIANO]]
[[DECIO*AUG]] II ET VETTIO
GRATO COS*M*RATIT *M*F*P*
SATURNITUS*>*LEG*I*ITAL
5 [[DECIATAE]]*PRAEPOSINUS
VEXILLAT*CHERSONISS*
A SOLO*LABSA*DE SUO
AEDIFICAVIT*

Во всех строках, кроме второй и третьей стоят словоразделители то в виде точки, то в виде листиков плюща (hederae distinguentes), высота которых колеблется от 1,5 см в стк.[3] до 3,5 см в конце надписи. Кроме постоянных аббревиатур следует отметить в строке 1 – DN под титлой, в строке 7 – AM, IVM в лигатурах. Вытянутые формы букв имеют легкий наклон вправо и местами легкое апицирование. Перекладина A то прямая, то с перегибом, то ломаная. G по форме не отличается от C. В строке 4 стоит символ, обозначающий должность центуриона.

Надпись может быть восстановлена следующим образом:

1 Imp(eratore) D(omine)
n(ostro) [[Traiano]]
[[Decio Aug(usto)]] et Vettio (=250 A. D.)
Grato co(n)s(ulibus)
M(arcus) Ratin(us) M(arci) f(ilius)
P(apiria) vel P(ollia tribu)
Saturninus (centurio) Leg(ionis) I Ital(icae)
5 [[Decianae]] praepositus
vexillat(ionis) Chersoniss(itanae)
sholam principalium
a solo labsa(m) de suo (sc. sumptu)
aedificavit.

Перевод: При консулах императоре, господине нашем Траяне Деции Августе во второй раз и Веттии Грате Марк Ратин, сын Марка, Сатурнин из Папириевой (или: Поллиевой) трибы центурион I Италийского легиона Децианова, командир Херсонесской вексилляции воздвиг от основания на свой счет обрушившуюся схолу принципалов.

Фонетика и редакторский стиль надписи несут отпечаток поздней провинциальной латыни.

[3] Латинская эпиграфика дает достаточно много параллелей подобной форме именно этого слова. См.: Dessau 1916: 5484, 5556, 5586 и др.

В строке 6 имеется итацизм Chersoniss(itanae) по сравнению с классической формой vexillatione Chersoness itanae в переписке о проституционной подати (IOSPE I^2: 404, 34, 46). В слове labsa(m) не только допущено озвончение губного (вместо lapsam), но и концевое m опущено, видимо не из-за аббревиации (в строке вполне достаточно места), а по ложной ассимиляции с предыдущим abl. a solo.[4] Стилистически неудачно и месторасположение этого слова. Корректнее было бы: scholam lapsam a solo suo sumptu aedeficavit.[5] Уничтоженное посредством domnatio memoriae почетное название I Италийского легиона – Deciana, впервые встречено применительно к этому воинскому соединению. До сих пор в отношении других частей оно было документировано тринадцатью эпиграфическими памятниками из Италии и западных провинций (Fitz 1983: 182). До этого было известно, что I Италийский легион за воинскую доблесть получал в свое время имена Antoniniana, Severiana, Gordiana.[6]

Nomen центуриона Ratinus (или Ratinius) в надписи впервые засвидетельствован в латинской просопографии. Напротив, его cognomen Saturninus достаточно часто встречается в латинской антропонимии.

Датируется надпись очень точно 250 г. по второму консульству императора Траяна Деция и первому Веттия Грата (Schillinger-Hafele 1986: 76, 192; Kienast 1990: 202; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 129-141; Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 71-80).

9. В 1995 г. в ходе работ на территории Портового района Херсонеса во время разборки кладок средневекового времени был обнаружен массивный алтарь с остатками фрагментированной латинской надписи. Алтарь вытесан из цельного бока местного крупнозернистого известняка и сохранился на высоту 0,78 м, в основании его ширина составляет 0,42 м, а уцелевшей лицевой части 0,33–0,34 м. На фронтальной части алтаря частично сохранилась три нижние строки посвящения. Буквы вырезаны ровно, по предварительной разметке, слова разделены интерпункцией. Высота букв 4,6–4, 8 см (рис. 8). Сохранившаяся часть надписи С.Ю. Сапрыкиным и С.В. Дьячковым прочитана следующим образом:

VIR CLA[R ET]
L IVL MVC[AZ]
ENVS TRIB [MI]

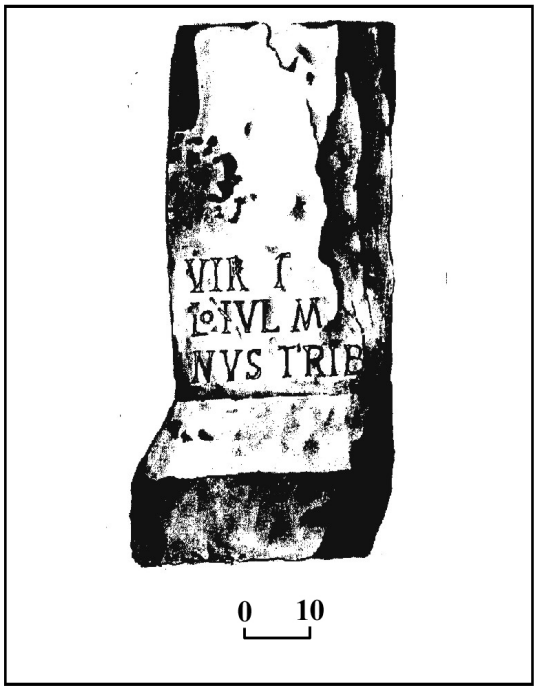

Рис. 8. Известняковый алтарь с фрагментированной латинской надписью из Херсонеса.

Реконструкция текста представлена издателями так:

vir cla[rissimus]
L(ucius) Iul(ius) Muc[az]–
enus trib(unus) [mi(litum)]

Перевод: «...муж прекраснейший, и Луций Юлий Муказенус, военный трибун».

На основании данных латинской надписи, обнаруженной в Монтане, имя военного трибуна восстановлено издателями как Луций Юлий Муказенус. По мнению С.Ю. Сапрыкина и С.В. Дьячкова, Луций Юлий Муказенус на территории Мезии, в Монтане, служил в должности бенефициария консуляра I Италийского легиона, а затем, будучи повышенным в чине до военного трибуна этого же легиона, командовал римскими войсками в Таврике. Хотя вплоть до военных реформ третьей четверти III в. это вряд ли могло иметь место, так как в римской императорской армии военные трибуны, как правило, были выходцами из сословия всадников, что и предопределяло их должностной статус в римской армии. Лишь после проведения указанных реформ стало возможным выдвижение особенно отличившихся центурионов на более высокие армейские должности (подр. см.: Grosse 1920: 1-23; Nagy 1965: 289-307).

Авторы публикации не исключают и того, что Луций Юлий Муказенус мог быть и сыном Юлия Муказенуса, упомянутого в надписи из Монтаны. Причем на основании датировки надписи из Монтаны и данных о присутствии римского гарнизона в Херсонесе в 250 г. они полагают, что памятник может быть датирован первой половиной – серединой III в. Причем почетный

[4] В качестве ближайшей аналогии можно привести хронологически близкую надпись времени правления Филиппа Араба: Dessau 1916: 5870: viam... vetustate corrupta (sic!) restituit.

[5] Ср. к примеру, надпись, воздвигнутую в Помпеях после землетрясения 62 г. н.э. (CIL X: 846 = Dessau 1916: 6367: aedem Isidis terrae motu conlapsam a fundamento p(ecunia) s(ua) restituit.

[6] CIL III: 6224, 7591, 12394, 12439, 12889, 13719; AE 190: 20,1957: 282, 294, 306-505, 1972: 526.

титул лица, имя которого стояло перед военным трибуном, с точки зрения издателей, позволяет считать, что он был легатом I Италийского легиона, под началом которого служил Луций Юлий Муказенус. На основании организации римских войск в Таврике во II в., С.Ю. Сапрыкин и С.В. Дьячков делают вывод о том, что военный трибун Луций Юлий Муказенус осуществлял командование всеми римскими военными отрядами, расквартированными в Крыму около середины III в. (Сапрыкин, Дьячков 1999: 71-78; Saprykin, Dyatchkov 2000: 115–122).

Однако предложенное восстановление надписи на алтаре, интерпретация надписи и ее датировка вызывают определенные сомнения. В первую очередь это касается несоответствия опубликованных фото и прорисовки тексту. В прорисовке надписи нет CLA и букв VC после M, т. е. в начале имени Mucazenus (ср.: Сарновский 2000: 270). Буква E, имеющаяся в тексте восстановления надписи, отсутствует на прорисовке. Это, вне всякого сомнения, снижает степень достоверности восстановления имени на основании параллели с надписью из Монтаны. Помимо этого, восстановление vir clarissimus в первой сохранившейся строке весьма интересно, но этот титул применительно к ho№orati, как правило, стал употребляться только после времени Константина Великого (306-337 гг.), а в Херсонесе известен только в строительной надписи 70-х гг. IV в. (IOSPE I^2: №449; Соломоник 1983: 23-30, №3).

Все сказанное заставляет сомневаться в правильности предложенного восстановления и датировки этого памятника. Не исключено, что это посвящение может датироваться не первой половиной III, а IV в., на что косвенно указывает форма написания букв M, S и V в последней строке надписи. Исходя из этого, сейчас вряд ли можно безоговорочно включать Луция Юлия Муказенеса в число военных трибунов I Италийского легиона, на которых были возложены обязанности командования римскими войсками в Херсонесе в первой половине или середине III в., как думают издатели памятника (Сапрыкин, Дьячков 1999: 77). Опубликованное посвящение нуждается в серьезной повторной ревизии и лишь после этого может быть использовано для реконструкции римской военной организации в Таврике.

БАЛАКЛАВА

1. Надгробие изготовлено из мелкозернистого известняка местного происхождения в виде прямоугольной стелы. Верхняя часть с лицевой стороны имеет вид треугольного фронтона со стилизованными акротериями по краям. В тимпане фронтона изображен диск, под фронтоном в эдикуле – спокойно стоящий всадник в плаще, который развевается за его плечами. Перед ним две пешие фигуры, одна из которых протягивает руку всаднику. Высота надгробия

Рис. 9. Надгробие Юлия Валента, кавалериста из алы I Атекторигианы из Балаклавы.

190, ширина 65 и толщина 15-20 см. Лицевая и левая боковая поверхности обработаны зубаткой, а торцы, обратная сторона и низ лицевой поверхности – топориком и зубилом (Зубар, Антонова, Савеля 1991: 102-108; Савеля, Сарновский 2000: 193-196) (рис. 9).

По форме надгробие идентично аналогичным памятникам, которые хорошо известны в Северной Италии, на Рейне, а также на территории Дунайских провинций Римской империи (Florescu 1942: 45, 46; Gabelmann 1972: 73-80, typ.1, Abb. 42). Типологически близкие надгробия есть и в Херсонесе. Это стела вольноотпущенников Цинция и Ведия, а также надгробия Марка Мецилия и Аврелия Сальвиана (Соломоник 1983: 58, 59; №31; 60, 61, №33). Под эдикулой вырезана восьмистрочная латинская эпитафия:

1 DM
IVL VΛLES
ΛLΛE ΛTECTOR
TVR CE—I
5 VIX AN NXXXX
POSVIT IVL
VΛLES ΛER BE
NE MERENTI

В целом интерпретация текста эпитафии не вызывает особых сложностей. Из него следует, что перед нами надгробие Юлия Валента, кавалериста из алы Атекторигианы, который прожил 40 лет. Причем памятник умершему был поставлен также Юлием Валентом. Только в двух местах при восстановлении эпитафии возникают трудности. Вследствие того, что окончание четвертой строки повреждено, не совсем понятным остается название турмы, в которой служил погребенный. Но исходя из того, что в

римской армии в большинстве случаев турмы назывались по именам их командиров, окончание этой строки может быть восстановлено как Ce[ls]i (ср.: Collingwood, Wright 1965, vol. 1: 33, №109; 386, №1172; Dobo 1975: 68, №316).

В седьмой строке, после имени Юлия Валента, который установил надгробие, стоит аббревиатура AER, которая не известна среди сокращений, которыми обозначались должности принципалов в римских вспомогательных войсках (подр. см.: Зубар, Антонова, Савеля 1991: 103-105). Поэтому ее, видимо, можно восстановить как aerarius в значении казначея турмы. Ведь хорошо известно, что в римской армии были специальные кассы, куда солдаты вносили деньги, которые в частности использовались и для погребения (подр. см.: Зубарь 1989: 126). Во II–III вв. роль таких касс в жизни военнослужащих римской армии возросла, поэтому, скорее всего, здесь aerarius должно быть переведено как казначей (ср.: Sarnowski 1995: 327).[7] Если это так, то эпитафия может быть восстановлена следующим образом:

1 D(is) M(anibus)
Iul(ius) Vales eq(ues)
alae Atector(igianae)
tur(ma) Ce[ls]i
5 vix(it) ann(is) XXXX
posuit Iul(ius)
Vales aer(arius) be
ne merenti

Перевод: Богам Манам. Юлий Валент, кавалерист алы Атекторигианы, из турмы Цельса, прожил 40 лет. Юлий Валент, казначей, хорошо заслужившему поставил.

Таким образом, перед нами надгробие кавалериста, который служил в одном из подразделений вспомогательных войск римской армии. Текст эпитафии хорошо дополняет всадник в эдикуле, который изображен в момент прощания со своими товарищами. Причем следует подчеркнуть, что здесь, скорее всего, изображен сам умерший в образе фракийского всадника. В пользу такого заключения свидетельствует не только содержание самой эпитафии, но и целый ряд надгробий военнослужащих римских кавалерийских частей, обнаруженных на территории римских провинций (ср.: Holder 1980: 265, №121; 273, №392; 227, №439; 282, №611; 289, №801; 293, №871; 372, №221), которые отражают связь погребенных именно с этим родом войск (Kraft 1951: 145-146) (Зубар, Антонова, Савеля 1991: 102-108; Sarnowski 1995: 327; Sarnowski, Savelja 1998: 18, прим. 34).

2. Восьмистрочная латинская надпись вырезана на лицевой стороне постамента статуи прямоугольной формы, изготовленного из мшанкового известняка инкерманского месторождения. База и карниз с лицевой стороны профилированы. Поверхность памятника отесана топором, обработана бучардой и затерта теркой. Высота постамента 0,66 м, ширина по фасаду 0,47 м (рис. 10). Надпись читается полностью:

HERCVLI SACR
PRO SALVTE IMP
ANTONINI AVG ET M
AVRELI CAES ANTON
5 VALENS TRIB MILIT
LEG I ITAL PERNOVI
VMVLPIAN > LEG
EIVSD

Надпись расположена на карнизе и средней части постамента. Она выполнена профессиональным мастером по предварительной разметке четко вырезанными буквами. Высота букв колеблется в пределах от 2,5 (последняя строка) до 5 см (первая). Концы букв украшены апексами. Во всех строках надписи за исключением первых двух имелись разделители в виде треугольных точек. В первой строке этой надписи буквы H и E, в третьей – N и I, в четвертой и пятой – L и I, а также в шестой строках I и T, даны в лигатурах. При этом в четвертой и шестой строках O по размерам значительно меньше остальных букв.

Надпись может быть восстановлена следующим образом:

1 Herculi sacr(um)
pro salute imp(eratoris)
Antonini Aug(usti) et M(arci)
Aureli(i) Caes(aris) Anton(ius)
5 Valens trib(unus) milit(um)
leg(ionis) I Ital(icae) per novi-
um Ulpian(um) > (centurionem) leg(ionis)
eiusd(em).

Перевод: Геркулесу посвящено. За здравие императора Антонина августа и Марка Аврелия цезаря. Антоний Валент, военный трибун I Итальйского легиона, (поставил) с помощью Новия Ульпиана, центуриона того же легиона.

Время установки статуи Геркулесу позволяет уточнить содержание надписи на постаменте, где сказано, что она поставлена «За здравие императора Антонина, августа, и Марка Аврелия, цезаря». Причем интересно, что здесь использована очень краткая титулатура как Антонина Пия (138-161 гг.), так и Марка Аврелия (161-180 гг.) (см.: Rohden 1896: 2501; Dessau 1955: 280; Cohen, Egbert, Cagnat 1982: 37-39; ISM 1983, vol. I: №№317, 324, 325, 326, 367; 1980, vol. V: №№21, 141, 1550-158 и др.). В 139 г. 18-летний Марк Аврелий получил титул цезаря

[7] На возможность такого восстановления обратил мое внимание Ю.Г. Виноградов. В противоположность этому, Т. Сарновский считает, что в данном случае следует восстанавливать aer(es), которым ошибочно было передано heres (в значении наследник) (см.: Sarnowski, Savelja 1998: 18, прим. 34; Савеля, Сарновский 2000: 195). А Ю.П. Калашник указал, что в данном случае мог иметься в виду ремесленник-медник (Калашник 1997: 41-42), с чем в принципе согласились позднее Т. Сарновский и О.Я. Савеля (Савеля, Сарновский: 2000:195).

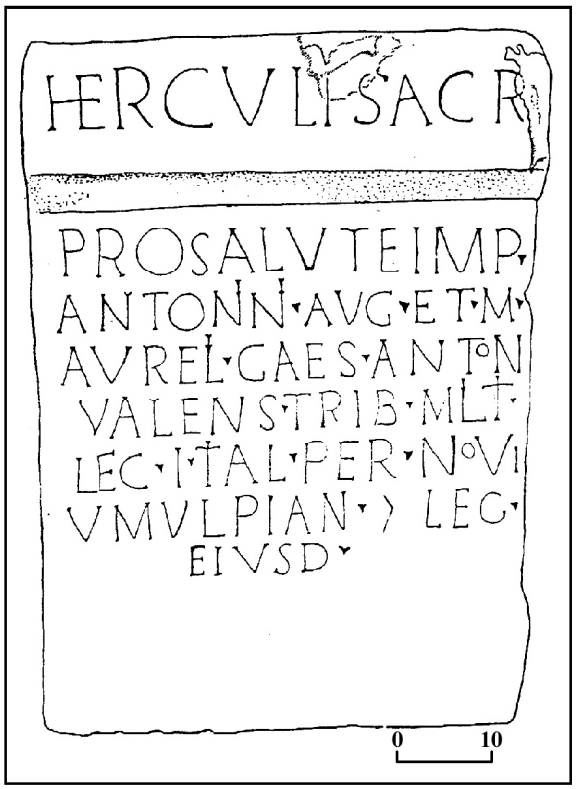

Рис. 10. Постамент статуи Геркулеса с посвящением из раскопок в Балаклаве.

и стал официально именоваться Aurelius Caesar Augustus Pii filius. А 1 декабря 147 г. ему были дарованы трибунские полномочия и проконсульская власть (Rohden 1896: 2503; Arnim 1894: 2286–2288; Kienast 1990: 137). 7 марта 161 г., после смерти Антонина Пия, Марк Аврелий стал правящим императором (Kienast 1990: 134, 137, 143). Исходя из этого, постамент статуи Геркулеса может быть широко датирован промежутком времени между 139 и 161 гг. Однако более вероятно, что эта датировка может быть сужена до 147-161 гг., когда Марк Аврелий получил трибунские полномочия, чем и было вызвано их совместное упоминание в эпиграфических памятниках (Сон 1986: 65). В пользу сказанного косвенно свидетельствует и то, что из четырех датированных 139-161 гг. нижнемезийских посвящений Геркулесу два приходится на время наместничества Витразия Поллиона (Vitrasius Pollio) (156?–159?) (Thomasson 1984: 134–135, №87; Kolendo 1992: 199-205) (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 68-69; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 325-326; Sarnowski, Savelja 1998: 42; Зубарь, Сарновский, Савеля 1999: 198-202;Сарновский, Савеля 2000 а: 93-94, №23).

3. Фрагмент средней части прямоугольного алтаря, изготовленного из инкерманского известняка, с четырьмя строками латинской надписи, обнаруженный в 1997 г. Размеры камня: высота 0,29, ширина 0,495, толщина 0,31 см. Во 2 – 4 строках надписи имелись треугольные разделители. Высота букв колеблется в пределах 5–5,5 см. Часть букв в надписи дана в лигатуре. В первой строке это H и E, а также L и I, в третьей строке – V и A, а также L и I, в четвертой – I и L (рис. 11).

Сохранившаяся часть памятника читается так:

HERCULI SAC
SUB CUR ANT
VAL TIB MILIT
VEXILL EXERC

На основании предыдущей надписи текст посвящения может быть восстановлен без труда:

1 Herculi sacr(um)
sub cur(a) Ant(onii)
Val(entis) trib(uni) milit(um)
vexill(atio) exerc(itus)
5 [Moesiae inf(erioris)]

Перевод: Геркулесу посвящено через Антония Валента, военного трибуна военной вексилляции Нижней Мезии...

Исходя из упоминания трибуна Антония Валента, который известен по посвящению Геркулесу, обнаруженному в 1996 г., памятник может быть датирован тем же временем, что и предыдущий. На это указывает и шрифт надписи (Sarnowski, Savelja 1998: 43; Сарновский, Савеля 2000 а: 94-95, №24).

4. Два фрагмента левой половины плиты инкерманского известняка с восьмистрочной фрагментированной латинской надписью, обрамленной прямоугольной профилированной рамкой размерами 0,62 × 0,69 × 0,11 м. Внутреннее поле 0,425 × 0,585 м. Плита тщательно отесана бучардой с лицевой и боковых сторон.

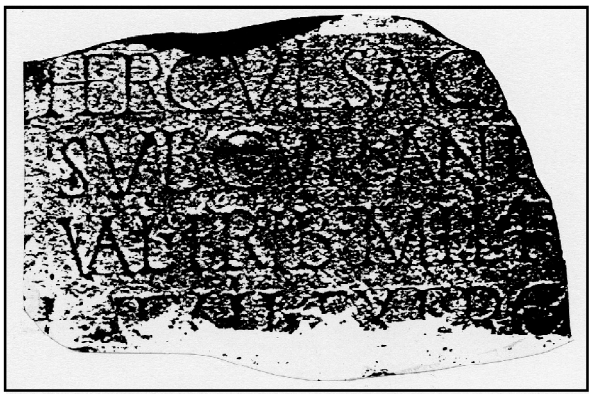

Рис. 11. Посвящение Геркулесу из раскопок в Балаклаве.

По всей поверхности зачищена троянкой. Тыльная сторона оббита. Надпись сохранилась не полностью. В первой строке отсутствует окончание имени божества. Окончания последующих строк также обломаны. Причем если во второй строке сохранилось десять знаков, то в последней, восьмой, только четыре. Таким образом, от надписи сохранилась только левая половина текста (рис. 12).

Сохранившаяся часть памятника читается следующим образом:

1 I O M DOLICHE——
VEXILLAT ————————
IN FQVAEEST ————————
SVBCVR————————————
5 TIS TRIB————————————
TEMPLV————————————
TITVI————————————————
VLPI————————————————

Надпись выполнена рукой достаточно профессионального мастера. Буквы тщательно и глубоко вырезаны по тонко прочерченным линейкам. Высота букв колеблется в пределах от 5,5 см (первая строка) до 3–4,5 см в остальных. В углублениях букв сохранились следы красной краски. Их концы украшены апексами. Шрифт этого памятника тождественен предыдущему. Причем, исходя из начертания букв, не исключено, что оба памятника вышли из-под руки одного мастера и датируются близким временем. Написание букв в целом близко монументальному шрифту времени правления Траяна и Антонинов (Cagnat 1914: pl.1; Huguet 1946: 115, fig. 38; Sandys 1969: 48-53). К особенностям следует отнести наличие в первой, второй и пятой строках разделителей в виде треугольных точек. В третьей строке буквы N и F, а также V и A, даны в лигатуре, а S в этой же строке по размерам в два раза меньше остальных. Буква Q имеет сравнительно длинный и несколько загнутый вверх хвостик, характерный для надписей ранней императорской эпохи (Sandys 1969: 52).

Первая строка надписи уверенно может быть восстановлена как I(OVI) O(PTIMO) M(AXIMO) DOLICHE(NO). Во второй строке, в связи с тем, что в начале третьей строки стоит IN F (ERIOR) и, исходя из аналогичной легенды на черепичном клейме из Харакса (CIL III: 14214,4), после VEXILLAT (IO) должна быть восстановлена принадлежность вексилляции провинции MOESIA (ср.: CIL VII: 939; 942; VIII: 2490; XIII: 1358, 12538, XIII: 12541-12558; IDR 1988, vol. III/4: 184, №30; Saxer 1967: 42, №73). А перед

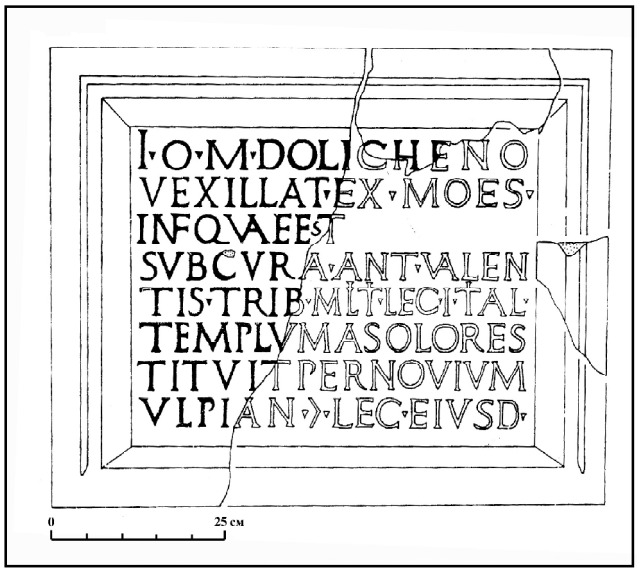

Рис. 12. Плита с надписью о строительстве храма Юпитера Долихена из раскопок в Балаклаве.

названием провинции, исходя из надписи, которая была обнаружена в 1997 г. (Sarnowski, Savelja 1998: 43, №32), стояло EX(ercitus).

Окончание третьей строки самое трудное для восстановления. Исходя из того, что после названия провинции стоит QVAE EST, окончание этой строки следует определять как придаточное предложение, которое относилось к слову vexillatio. Здесь могло стоять in statione, in castello, in praesidio и т.д. Но не исключено, что здесь имелось наименование области (Taurica), в которой дислоцировалась вексилляция. Ведь в надгробной эпитафии Тиберия Плавтия Феликса Феррунтиана он прямо назван препозитом войск, расквартированных в Скифии и Таврике (CIL VIII: 619; Беляев 1968: 128; Соломоник 1973: 144; Zubar 1995: 201). Однако, учитывая возможность многовариантного восстановления окончания этой строки, нет оснований останавливаться только на одном из предложенных.

В начале четвертой строки стоит SUB CURA (ср.: CIL II: 2552, 2555; III: 1980: 14433; VII: 964; VIII: 2466; XII: 2228; XIII: 7946; Карышковский 1959: 116-117, №5 и др.), а далее следовало, видимо, двухсоставное имя римского военного трибуна, заканчивавшееся на -TIS. Исходя из наличия в предыдущей надписи из этого же святилища, близкой по времени рассматриваемой, имени Антония Валента, военного трибуна I Италийского легиона, здесь следует восстанавливать [ANTONII VALEN]TIS, TRIB(UN I) [MILIT(UM) LEG(IONIS) I ITAL(ICAE)].

В начале шестой строки стоит TEMPLV[M] – сооружение, построенное вексилляцией под командованием трибуна I Италийского легиона Антония Валента. Исходя из многочисленных аналогий, конец этой строки и начало следующей первоначально были дополнены как [RES]TITUI[T], а перед ним должно было стоять A SOLO (ср.: IDR 1977, vol. II: 106, №190; 1977, vol. III/1:. 237-238, №272; 1980, vol. III/2: 42-43, №№17, 18; 44-45, №19; 45-46, №20; 174, №198; ISM 1980, vol. V: №245; Speidel 1978: 68, №38; Bozilowa, Kolendo, Mrozewicz 1992: 68, №38: 74, №43 и др.), так как, судя по размерам несохранившейся части этой строки, иные восстановления представлялись издателям менее вероятными. Но недавно Дж. Линдерский предложил восстанавливать здесь [CONS]TITUI[T], что представляется более верным. Наличие в восьмой строке надписи римского имени собственного позволяет предполагать, что после [CONS]TITUI[T] здесь мог стоять предлог PER. После него, исходя из посвящения Геркулесу, может быть восстановлено [NOVIVM] VLPI[ANUM > LEG(IONIS) EIUSD(EM)]. Если сказанное справедливо, то можно предполагать, что в конце надписи стояло имя центуриона, который непосредственно руководил восстановительными работами и, вероятно, являлся командиром римского военного отряда, расквартированного на месте современного города Балаклавы.

Таким образом, вся надпись может быть восстановлена так:

I(ovi) o(ptimo) m(aximo) Doliche[no]
vexillat(io) e[x(ercitus) Moesiae]
inf(erioris) quae est [—]
sub cur[a Ant(onii) Valen]-
tis trib(uni) [milit(um) leg(ionis) I Ital(icae)]
templu[m a solo cons]-
titui[t per novium]
Ulpi[an(um) > (centurionem)
leg(ionis) eiusd(em)].

Перевод: Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену. Военная вексилляция Нижней Мезии, которая дислоцируется [—], под командованием Антония Валента, военного трибуна I Италийского легиона, храм (от основания) возвела с помощью Новия Ульпиана, центуриона того же легиона (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 70-71; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 326-329; Sarmnowski, Savelja 1998: 43-44; Зубарь, Сарновский, Савеля 1999: 202-205; Сарновский, Савеля 2000 а: 95-96, №25; Linderski 2000: 128-129).

5. Верхняя профилированная часть алтаря, изготовленного из инкерманского известняка высотой 0,33, шириной 0,45 и толщиной 0,49 м. Ниже карниза сохранились буквы I O M высотой 5 см. В углублении буквы I прослежены следы красной краски. По мнению Т. Сарновского, здесь может быть восстановлено начало посвящения I(ovi) O(ptimo) M(aximo) [Dolicheno)?] (Sarnowski, Savelja 1998: 44, №35; Сарновский, Савеля 2000 а: 96, №26).

6. Два складывающихся фрагмента прямоугольной плиты, изготовленной из мшанкового известняка инкерманского месторождения, размерами 0,91 × 0,565 × 0,08 м. Верхняя плоскость плиты слабо заглублена и по периметру обрамлена небрежно выполненной прямоугольной рамкой. В центре нижней поверхности плиты имеется круглое углубление, служившее для соединения с ножкой. Плита обработана зубаткой и зачищена троянкой. На торцовой лицевой стороне по предварительной разметке в одну строку грубо вырезана латинская надпись I(ovi) O(ptimo) M(aximo) Dolicheno с разделителями в виде треугольных точек. Высота букв, концы которых украшены апексами, неодинаковая. Если первая буква была высотой 6 см, то последняя – только 4 см. (рис. 13) (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 71; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 330; Сарновский, Савеля 2000 а: 79–80, №17).

7. Два фрагмента прямоугольной тщательно обработанной плиты мшанкового инкерманского известняка размерами 0,35 × 0,64 × 0,095 – 0,12 м. Верхняя плоскость заглублена и обрамлена широкой скошенной рамкой шириной 0,105 м. На торцовой части плиты сохранился фрагмент аккуратно вырезанной по предварительной разметке двухстрочной латинской

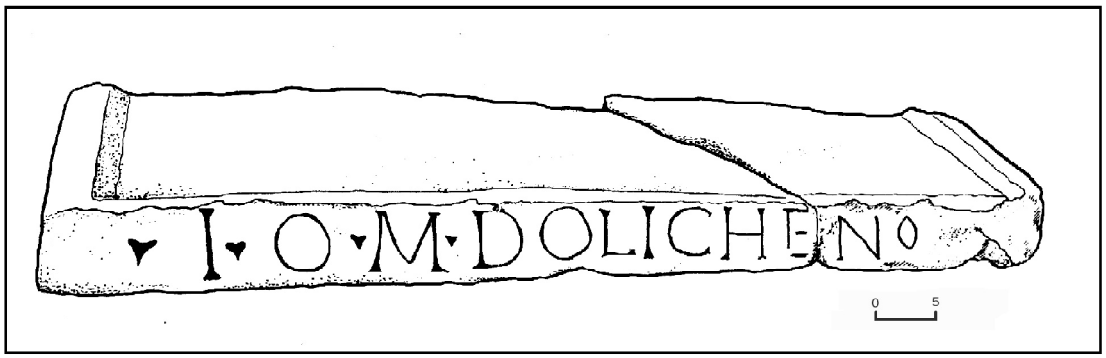

Рис. 13. Плита с посвящением Юпитеру Долихену из раскопок в Балаклаве.

надписью: I O [M D]/ [N]OVIVS. Высота четко вырезанных букв, украшенных апексами, в первой строке 3,3 см, во второй – 4 см. От третьей буквы первой строки и первой буквы второй строки сохранилась лишь вертикальные гасты. К особенностям следует отнести написание буквы S, которая по размерам почти в два раза меньше других, и наличие треугольной точки–разделителя (рис. 14). По шрифту надпись тождественна вышеописанным.

Надпись может быть восстановлена следующим образом:

I(ovi) o(ptimo) [m(aximo) Dolicheno]
[N]ovivs [Ulpianus —]

Перевод: Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену Новий Ульпиан —.

Наличие во всех рассмотренных надписях точек-разделителей в виде треугольников (Gordon 1957: 113, 120, 126, 129), а не листиков (hederae distinguentes), которые в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья появляются не ранее второй половины II вв. н.э. (IOSPE I^2: №236, 547; Соломоник 1983: 58, 59, №31; 66, 67, №41; Зубар, Антонова, Савеля 1991: 103; ср.: Sandys 1969: 54), позволяет датировать рассматриваемые памятники временем около середины II в. (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 72-74; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 329-330; Зубарь, Сарновский, Савеля 1999: 205; Сарновский, Савеля 2000 а: 79, №16).

8. Еще один памятник представлен посвящением, вырезанным на лицевой стороне алтаря из мшанкового инкерманского известняка. База и карниз профилированы с трех сторон. Высота алтаря 0,5 м. Ширина лицевой части по карнизу и базе 0,3 м, по тулову – 0,25 м. Ширина боковой поверхности карниза и базы 0,22 м, тулова – 0,18 м. На верхней поверхности алтаря вырезано округлое углубление для совершения жертвоприношений диаметром 0,18 м, глубиной 0,038 м. Лицевая поверхность обработана бучардой, а карниз и база по бокам затерты щеткой (рис. 15).

Пятистрочная надпись читается полностью:

VOLCANO
SACRVM
HOST V V
ANTO PROC
5 > LEG XI CL

Посвящение выполнено профессиональным мастером по заранее прочерченным линейкам и сохранилось полностью. Причем вторая строка надписи на алтаре несколько смещена вправо. Буквы четкие, их концы украшены апексами. Высота букв 3-4 см. В трех последних строках, как и в предыдущих надписях, стояли треугольные точки-разделители. В конце четвертой строки буквы O и C даны в лигатуре. Шрифт этой надписи достаточно близок другим, рассмотренным выше. О том, что этот памятник относится к несколько более позднему времени, чем постамент статуи Геркулеса и надпись о строительстве храма Юпитера Долихена, свидетельствуют стратиграфические наблюдения. Алтарь с посвящением Вулкану зафиксирован в более позднем горизонте, чем постамент статуи Геркулеса. Причем алтарь с посвящением Вулкану был поставлен центурионом XI Клавдиева легиона, солдаты которого в Херсонесе, видимо, появляются позже, чем

Рис. 14. Фрагментированная надпись с посвящением Юпитеру Долихену от имени Новия Ульпиана из раскопок в Балаклаве.

военнослужащие I Италийского легиона (Ростовцев 1900: 144; Зубар 1991: 123; 1994: 50–53).

В третьей строке посвящения стоят HOST V V. Первая часть этой строки с сокращением HOST может быть восстановлено от HOSTIA в значении «приношение в жертву животного» (Thesaurus 1988: 3046–3048, s. v. Hostia.). Сокращение V V должно быть восстановлено как UT VOVIT (Dessau 1955: №№3210, 3674, 3859, 4202, 4206, 4820). Если справедливо наблюдение о том, что в предпоследней строке посвящения буквы O и C даны в лигатуре, то здесь можно восстановить имя центуриона ANTO(NIUS) PROC(ULUS) (ср.: Mocsy, Feldman, Marton, Szilagyi 1983: 255). Исходя из сказанного, посвящение может быть прочитано следующим образом:

Volcano
sacrum
host(iam) u(t) v(ovit)
Anto(nius) Proc(ulus)
5 > (centurio) leg(ionis) XI Cl(audiae).

Перевод: Вулкану посвящено. Жертвоприношение по обету (совершил) Антоний Прокл, центурион XI Клавдиева легиона (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 74-75; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 330-331; Sarnowski, Savelja 1998: 44-45; Зубарь, Сарновский, Савеля: 1999: 206-207; Савеля, Сарновский 1999: 42; Сарновский, Савеля 2000 а: 96, №27; ср.: Linderski 2000: 129).

9. Два небольших фрагмента известняковой плиты плохой сохранности размерами 0,52 × 0,30 × 0,185 м с рамкой шириной 0,1 м, со слабо сохранившимися следами трехстрочной латинской надписи. Уверенно могут быть прочитаны лишь четыре буквы последней строки: EIVS, высота которых 4 см. Не исключено, что это была либо строительная, либо посвятительная надпись. На основании текста на постаменте статуи Геркулеса, можно заключить, что здесь стояло указательное местоимение eiusd(em) (того же), заменявшее в данном случае упомянутое выше название легиона (Зубар, Савеля, Сарновський 1997: 75; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 331–332; Sarnowski, Savelja 1998: 45; Зубарь, Сарновский, Савеля 1999: 207; Сарновский, Савеля 2000 а: 97, №28).

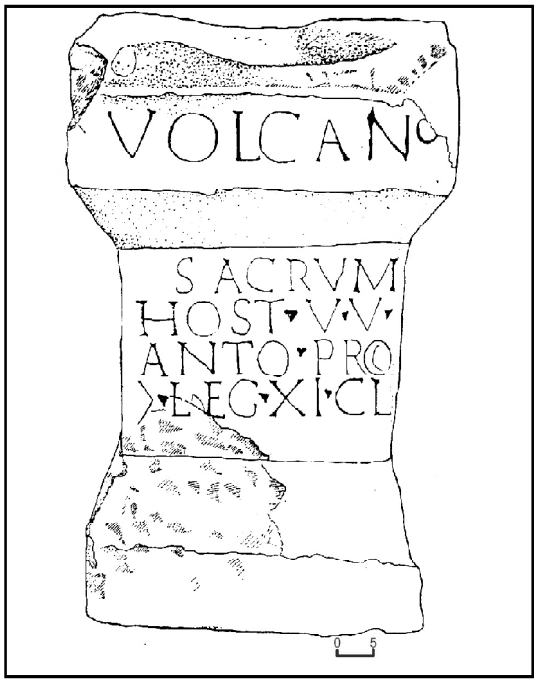

Рис. 15. Алтарь с посвящением Вулкану из раскопок в Балаклаве.

10. Пять фрагментов блюда серого мрамора диаметром 0,49 м, толщина стенок 0,016 – 0,019 м. На внутренней поверхности, вдоль края, глубоко вырезана латинская надпись: I(ovi) o(ptimo) m(aximo) Doliche[no —] – Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену (рис. 16). Внутри букв прослежены следы красной краски. Буквы C и H даны в лигатуре (Sarnowski, Savelja 1998: 35, Taf. 10, 5; Сарновский, Савеля 2000 а: 80, №20).

11. Помимо рассмотренных эпиграфических памятников в ходе раскопок было также найдено шесть небольших известняковых фрагментов с отдельными латинскими буквами (Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 332-333; Sarnowski, Savelja 1999: 45-46, Abb. 20; Сарновский, Савеля 2000 а: 97, №29) (рис. 17).

ХАРАКС

1. Надпись вырезана на плите плотного белого мрамора и представляла собой фрагмент правой части документа на латинском языке в

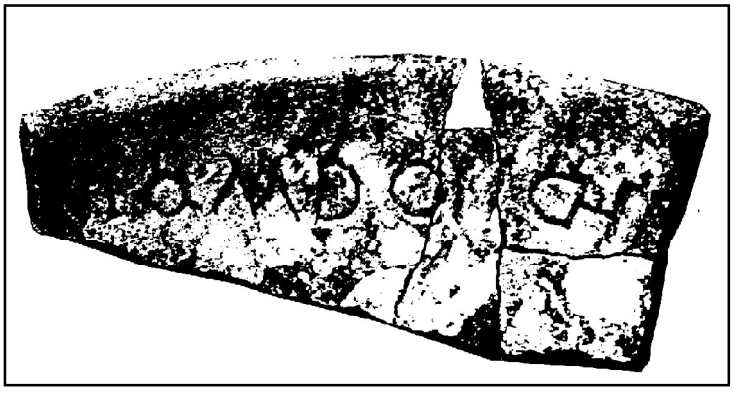

Рис. 16 Фрагмент мраморного блюда с посвящением Юпитеру Долихену из раскопок в Балаклаве

профилированной рамке (Sarnowski, Zubar 1996: 229-234; Зубарь, Сарновский 1997: 50-59). Он состоит из десяти строк, вписанных в профилированную и покрытую красной краской рамку (tabula ansata). В правом нижнем углу, под рамкой, имелось изображение мужской маски. От другого изображения внутри рамки сохранились лишь незначительные следы заглубления. До настоящего времени дошла приблизительно одна треть документа, который первоначально был вырезан на плите размерами около 140 × 80 см (рис. 18). Надпись нанесена на отполированную поверхность без линеек. Буквы высотой 3,5 – 5 см вырезаны глубоко, тщательно и красиво. За исключением буквы S и T в третьей строке, а также четырех лигатур (стр. 6: T+E; стр. 8: E+R и V+E; стр.9: E+N), все остальные буквы расположены на значительном удалении друг от друга. Слова в надписи разделены точками треугольной формы. В конце последней строки помещен листик плюща. Шрифт памятника напоминает scriptura mo№ume№talis и близок надписи на фронтоне неизвестной небольшой постройки из Тиры времени Антонина Пия (Сон 1986: 60– 68, рис. 1, 2), а лигатуры – посвятительной надписи из Херсонеса 185 г. (CIL III: 14214, 34 = IOSPE 1^2: 417 = Соломоник 1983: 37, №9). Сохранившаяся часть документа читается:

– – –IBVS
– – –NO ET
– – –GVSTIS
– – –HICIS//
5 – – –IIII OP/– – –
– – –/ TEGVLIS
– – – ANVS
– – –ER VEXILLAT
– – –AGENTE
10 – – –XI CL

В конце четвертой строки, после HICIS и

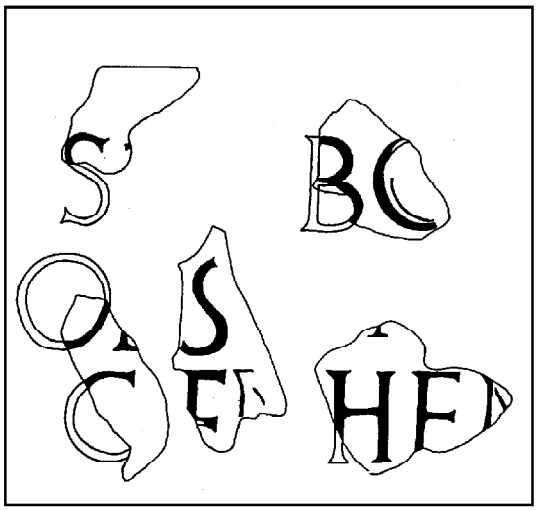

Рис. 17. Известняковые фрагменты с отдельными латинскими буквами из раскопок в Балаклаве.

разделителя, сохранились остатки двух первых букв следующего слова: вертикальная гаста первой и апекс второй. В конце пятой строки видна вертикальная гаста с апексами. С левой стороны перед ET сохранился верхний фрагмент последней буквы (C, E, F, G, S или T) предшествующего слова, а на поврежденной поверхности плиты перед N VS в седьмой строке виден нижний конец наклонной линии буквы A, R или X.

Пять первых строк документа содержит титулатуру двух (строки 2–3: [– –]NO ET/[– – –AV]GVSTIS) августов, которые именовались Парфянскими (стр. 4: [– – –PART]HICIS) и одновременно в тот же самый раз (строки 5: IIII или [V]IIII) были императорами. Первый из упомянутых императоров носил имя на –nus (строка 2: [– – –]NO). Учитывая эти данные, можно отождествить этих двух августов с Марком Аврелием и Луцием Вером, которые в 166 г. стали в четвер-

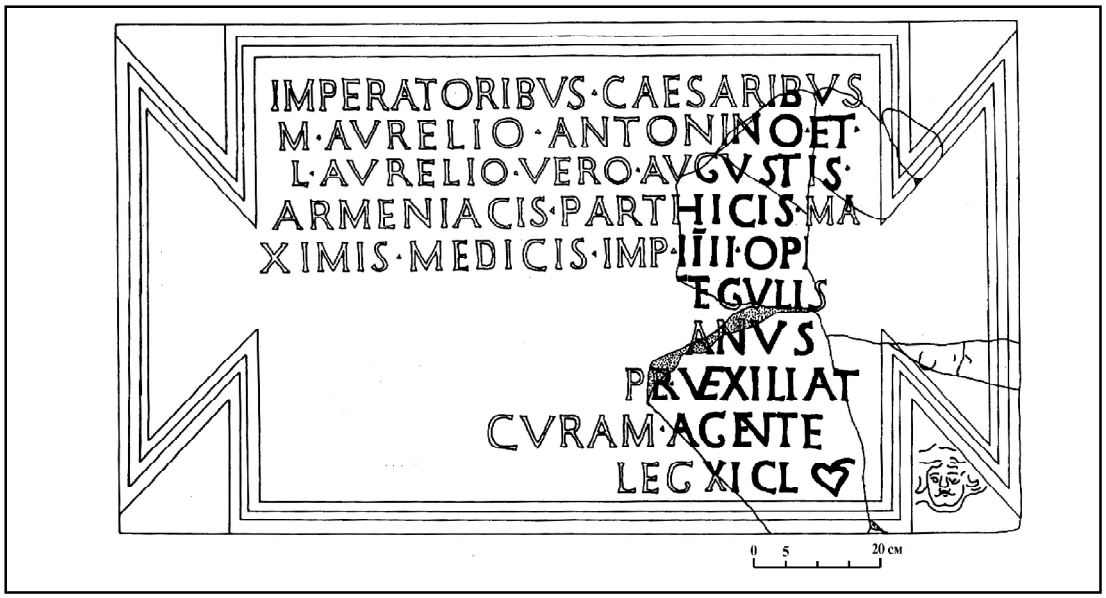

Рис. 18. Строительная надпись из раскопок Харакса.

тый раз императорами (Kienast 1990: 139, 144). Почетное имя Parthicus maximus они получили около середины этого же года после победы над парфянами (victoria Parthica) (Johne 1967: 178; Kneissl 1969: 97). Следовательно, надпись может быть датирована второй половиной 166 г. или началом 167 г., так как, вероятно, уже в 167 г. оба августа были в пятый раз императорами, а Марк Аврелий в 171 г. стал им в шестой раз (Kienast 1990: 139, 144). Можно заключить, что в пятой строке надписи, кроме IMP, перед цифрой, были помещены только прозвища августов – Medici, которые ими были получены также летом 166 г. (Kienast 1990: 139, 144).

Видимо, можно предположить и то, что перед [PART]HICIS в четвертой строке во множественном числе стоял титул Armeniacus, который Луций Вер носил с осени 163 г., а Марк Аврелий – с середины 164 г. (Kienast 1990: 139, 144). В пятой и шестой строках памятника упоминались в винительном падеже либо какие–то сооружения (OP[ERA]) с черепицей (TEGULI[S]), либо в творительном падеже пристройка или отделка, которой (например, opere tectorio – лепным декором) вместе с черепицей было дополнительно украшено существующее здание. Трудно сказать, шла ли в слове TEGVLI[S] речь о черепичной крыше или, например, об используемых часто в воздушном отоплении tegulae mammatae. В следующей, седьмой строке, говорилось о том, что такой-то (имя на –ANVS) построил, восстановил или украсил неизвестное нам сооружение. Название должности этого лица, скорее всего в сокращенном виде, занимало начало восьмой строки надписи. Как и в тирской строительной надписи времени правления императора Траяна (Nicorescu 1944: 502-503; Карышковский 1959: 116, №5), вероятно, это был легат провинции Нижняя Мезия. В то время этот пост мог занимать либо M. Сервий Максим, либо M. Потий Лелиан (Stein 1940: 76-79; Fitz 1966: 47-48; Alföldy 1977: 232-233). Однако нельзя исключить и того, что здесь упомянуто какое–то иное должностное лицо римской администрации (ср.: CIL VIII: 619; Dessau 1916: 2747; Saxer 1967: 42, 92, №74; Беляев 1968: 127–137). Но так или иначе строительные работы в крепости были осуществлены солдатами вексилляции или вексилляций (строка 8: [P]ER VEXILLAT[IONEM или –IONES])[8], заботой (строка 9: [CVRAM] AGENTE) неизвестного нам, видимо, центуриона XI Клавдиева легиона (строка 10: [– – –> LEG] XI CL), штаб-квартира которого располагалась в Дуросторуме, в Нижней Мезии. Из нескольких возможных восстановлений утраченного в девятой строке названия принадлежности вексилляции или вексилляций наиболее приемлемым представляется засвидетельствованное вторым типом керамических клейм из Харакса наименование провинции (Moesia inferior), откуда в Таврику откомандировывались солдаты для несения службы.

Если предложенные выше наблюдения и замечания справедливы, то новая надпись из Харакса восстанавливается следующим образом:

[Imperatoribus Caesar]ibus
[M.Aurelio Antoni]no et
[L. Aurelio Vero Au]gustis
[Armeniacis Part]hicis [Ma]-
5 [ximus Medicis imp.] IIII op[– – –]
[– – –] tegulis
[– – –] anus
[– – – p]er vexillat(ionem или -iones)
[– – – curam] agente
10 [– – – >(centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae).

Приведенные выше эпиграфические памятники являются бесценным источником по всем аспектам проблемы, связанной с римским военным присутствием в Таврике. Поэтому хотелось бы надеяться, что их публикация в одной статье даст новый импульс дальнейшему углубленному изучению римских военных древностей не только в Юго-Западном и Южном Крыму, но и во всем Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев С.А. 1968. К пониманию CIL,VIII, 619 // ВДИ. №4.
Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И. А. 1999. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. Т. XVI.
Зубарь В.М. 1989. К пониманию IOSPE,I², 550 // ВДИ. №2.
Зубар В.М. 1991. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. №1.
Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
Зубар В.М., Антонова І.А., Савеля О.Я. 1991. Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // Археологія. №3.
Зубар В.М., Антонова І.А. 1996. Новий фрагмент латинського напису з Херсонеса// Археологія. №1.
Зубар В. М., Сон Н.О. 1997. З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. №1.
Зубарь В.М., Сарновский Т. 1997. Новая строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н.э. // ВДИ. №4.
Зубар В.М., Сарновський Т., Савеля О.Я. 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. №4.

[8] По мнению профессора В. Эка, при написании текста памятника не имелась в виду передача удвоения L (L geminata) одной буквой, как первоначально думали авторы публикации, но такое написание vexill было обычным в надписях, хотя поперечный штрих в нижней части второй буквы L значительно короче, чем в первом L.

Зубарь В.М., Сарновский Т., Савеля О.Я. 1999. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. №2.

Зубар В.М., Крапивина В.В. 1999. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в.// Vita Antiqua. №2.

Зубарь В.М., Антонова И.А. 2000. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. №1.

Зубарь В.М., Сон Н.А. 2000. Надгробие солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса // ВДИ. №3.

Калашник Ю.П. 1997. Об эпитафии римского кавалериста из Балаклавы // Херсонес в античном мире. Историко–археологический аспект. Тезисы докладов. Севастополь.

Карышковский П.О. 1959. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. №4.

Ростовцев М.И. 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. №4.

Ростовцев М.И. 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. Вып. 23.

Савеля О.Я., Сарновский Т. 1999. Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. №1.

Савеля О.Я., Сарновский Т. 2000. Надгробие Юлия Валента из Балаклавы // Сарновский Т., Савеля О.Я. 2000. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschu.

Сарновский Т. 2000. К вопросу о римской оккупации Южного Крыма в свете новых данных // Сарновский Т. Савеля О.Я. 2000. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschu.

Сарновский Т. Савеля О.Я. 2000 а. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschu.

Сарновский Т. Савеля О.Я. 2000 б. К вопросу о семейной жизни римских офицеров и солдат в Крыму // Сарновский Т. Савеля О.Я. 2000. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschu.

Сапрыкин С.Ю., Дьячков С.В. 1999. Новый римский алтарь из Херсонеса // ВДИ. №4.

Соломоник Э.И. 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.

Соломоник Э.И. 1973. О пребывании римского флота в Крыму// АДСВ. Вып. 10.

Соломоник Э.И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.

Сон Н.А. 1986. Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. №4.

Спейдел М. 1988. Капитаны и центуриона в Херсонесе // ВДИ. №3.

Туровский Е. Я., Филиппенко А. А. 1996. Новое надгробие римского солдата с некрополя Херсонеса Таврического // Археологія. №2.

Федорова Е.В. 1969. Латинская эпиграфика. М.

Alföldy G. 1977. Konsulant und Seatorne stand unter den Antonie // Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Führungsschicht. Bonn.

Arnim H. 1894. Annius (94) // RE. I.

Avram A., Barbulescu M. 1992. Inscripţii inedite de la Callatis aflate în colecţiile muzeului de Istorie Naţională şi arheologie din Constanţa // Pontica. 25.

Bohec Y. 1993. Le. Die römische Armee. Von Augustus zu Kostantin d. Gr. Stuttgart.

Božilowa V., Kolendo J., Mrozewicz L. 1992. Inscriptiones latines de Novae. Poznań.

Cagnat R. 1914. Cours d'épigraphie latine. Paris.

Cohen H., Egbert J. C., Cagnat R. 1982. Latin Epigraphy II. The Coin-Inscriptions and Epigraphical Abbreviations of Imperial Rome. Chicago.

Collingwood R. G., Wright R. P. 1965. The Roman Inscriptions of Britain. Oxford.

Dessau H. 1916. Inscriptiones Latinae selectae. Berolini. Vol. 3. Part 2.

Dessau H. 1955. Inscriptiones latinae. Berolini.Vol. 3. Pars 1.

Dobo A. 1975. Inscriptiones extra lines Pannoniae Daciaeque Reperte ad res earun dem provinciarum pertinentes. Budapest.

Duncan–Jones R. 1974.The Economy of the Roman Empire. Cambridge.

Fitz J. 1966. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar.

Fitz E. 1983. Honorific Titles of the roman military Units in the 3rd Century. Budapest, Bonn.

Florescu Gr. 1942. Monumenti funerari Romani della Dacia Inferior. Bucureşti.

Gabelman N.H. 1972. Die Typen der römischen Grabstelen am Rhein // Bonner Jahrbücher. Bd. 172.

Gordon A.E. 1948. Supralineate Abbreviations in Latin Inscriptions // University of California Publications in Classical Archaeology. Vol. 2. №3.

Gordon J.S. and A.E. 1957. Contributions to the palaeography of Latin Inscription. – Barkeley and Los Angeles.

Grosse R. 1920. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themen verfassung. Berlin.

Holder P.A. 1980. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. London.

Hollenstein L. 1995. Neue Meilensteininschriften aus Bulgarien // Römische Inschriften – Neufunde, Neulesungen und Neuinterpretationen. Basel. Bd. 2.

Huguet B. 1946. Epigrafia latina. Barcelona.

Inscripţiile Daciei Romane. 1977. Bucureşti. Vol. 2.

Inscripţiile Daciei Romane. 1977. Bucureşti. Vol. 3/1.

Inscripţiile Daciei Romane. 1980.Bucureşti. Vol. 3/2.

Inscripţiile Daciei Romane. 1988. Bucureşti. Vol. 3/4.

Inscripţiile din Scythia Minor Greceşti şi Latine. 1983. Bucureşti. Vol. 1.

Inscripţiile din Scythia Minor Greceşti şi Latine. 1987. Bucureşti. Vol. 2.

Inscripţiile din Scythia Minor Greceşti şi Latine. 1980. Bucureşti. Vol. 5.

Johne K.-P. 1967. Zu den Siegerbeinamen der Kaiser Marc Aurel und Commodus // Klio. 48.

Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt.

Kolendo J. T. 1992. Vitrasius Pollio gouverneur de la Moésie inférieuré et son activitй dans cette province // Studia aegaea et balcanica in honorem L. Press. Warszawa.

Kraft K. 1951. Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern.

Latyschev B. 1916. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli. Vol. 1. Ed. 2.

Linderski J. 2000. Iuppiter Dolichenus, Hercules and Volcanus in Balaclava // Historia. Bd. 49. Heft 1.

Mócsy A., Feldmann R., Marton E., Szilágyi M. 1983. Nomenclator proviciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpinae cum indice inverso. Budapestini (Dissertationes Pannonicae. Ser. III,1).

Nagy T. 1965. Commanders of the Age of Gallienus // AAH. T. 17.

Nicorescu P. 1944. O inscripţie a împăratului Traian gasită la Cetatea Alba // Analele Academiei Romîna. Memoriile secţiunii istorice. Ser. III, 26.

Parker H.M. D. 1958. Roman Legions. New York.

Rohden P. 1896. Aurelius (138)// RE . Bd. 2.
Sadys J. Ed. 1969. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of latin Inscriptions. Groningen.
Saprykin S., Dyatchkov S. 2000. Un autel portant une inscription latine // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut moyen–age. Leiden, Boston, Köln.
Sarnowski T. 1995. L'orga isatio hiérarchique des vexillationes Ponticae au miroir des trouvailles épigraphiques recentes // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romanine. Paris.
Sarnowski T., Zubar V.M. 1996. Römische Besätzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // ZPE. Bd. 112.
Sarnowski T., Zubar V. M., Savelja O.Ja. 1998. Zum religiosen Leben der Niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem Neuentdeckten Dolichenum von Balaklawa // Historia. Bd. 47/3.
Sarnowski T., Savelja O. 1998. Das Dolichenum von Balaklawa und die römischen Streitkrafte auf der Südkrim // Archeologia. 49.
Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien 1.
Schillinger-Hofele U. 1986. Consules, Augusti, Caesares. Stuttgart.
Speidel M.P. 1978. The Religion of Iuppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden.
Stein A. 1940. Die Legaten von Moesien. Budapest.
Thesaurus linguae latinae. 1900. Lipsiae. Vol. I.
Thesaurus linguae latinae. 1988. Lipsiae. Vol. VI. – 3.
Thomasson B.E. 1984. Laterculi praesidum. Göteborg. Vol. I.
Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. 1995/1996. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. II.
Zubar V. 1995. Zur römischen Militärorganisation auf der Taurike in der zweiten Hälfte des 2. und am Anfang des 3. Jahrhunderts // Historia. Bd. 44/2.

В.М. Зубарь, В.В. Крапивина

НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ СЕРЕДИНЫ III в.

Zubar V.M., Krapivina V.V. (Kyiv). The New Latin Inscription and Some Questions of History of Olbia in the Middle of the III Century.

During excavations in the south-eastern part of the Upper City of Olbia in 1998, a small fragment of a marble slab with the relief of a Thracian horseman and two lines of Latin inscription was found. The relief belongs to the group of rather rare reliefs, where a Thracian horseman was depicted during hunting for a wild-boar, who was running under a croup of a horse. The appearence of such slabs in Olbia was connected with Thracian warriors in the Roman garrison here. The inscription can be restored in such way: – ET COH(ortis) I CILICUM DE/[CIANAE] –––[EX] VOTO POSUIT. The translation is: «–and coh(ort) I Cilicianae De(cianae)–––(by) promise dedicated». In accordance with this interpretation, the inscription can be dated by 249-250. It is the latest epigraphical monument, which testifies residence of the warriors of the Ist Cilicianae cohort on the territory of Moesia Inferior and in the Greek centers of the Northern coast of the Black Sea. It is also the first epigraphical monument, which testified residence of the warriors of the Ist Cilicianae cohort in Olbia and that the cohort was rewarded with the honourable title Deciana. Together with already known epigraphical monuments this dedication permits to specify some aspects of the history of Olbia in the middle of the III century, first of all concerning composition of the Roman garrison, the date of its withdrawal from the city, penetration and dissimination of Thracian cults here. Till the middle of the IIIrd century, the Roman military administration assigned Olbia a certain role to play in politics of holding the barbarians on the Danubian frontiers of the Empire.

В ходе раскопок 1998 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии в слое, образовавшемся в результате разрушения города во второй половине III в., был найден фрагмент правой нижней части небольшой мраморной плитки с изображением фракийского всадника и двумя строками фрагментированной латинской надписи[1].

Плитка плоская, со скошенными боками, крупнозернистого мрамора, серо-белого цвета, покрыта местами коричневатым известковым налетом. Лицевая сторона полированная, обратная и боковые-пиленые. Размеры фрагмента: высота 11,5-14,4 см, ширина 6,0-9,2 см, толщина 2,2-2, 8 см. Изображение было выполнено в низком рельефе, высотой 0,2-0,5 см и окаймлено гладкой неширокой прямоугольной рамкой, шириной 0,2-0,5 см слева и 2,6-2,8 см снизу. Сохранился достаточно грубо вырезанный корпус кабана, бегущего вправо, передняя нога с копытом и часть крупа лошади с коленом правой ноги всадника, скачущего в том же направлении (рис. 1, 2).

Этот памятник, безусловно, принадлежит кругу рельефов с изображением фракийского всадника, которые исследователями по сюжетам разделены на несколько групп. Такие мраморные плитки, первоначально укреплявшиеся на стенах святилищ (см., например: Гочева 1990: 134-142), связанных с религиозными представлениями фракийского населения Подунавья, в своей массе датируются II-III вв. (Kazarow 1938; Goceva, Oppermann 1979: 9-25, 30-40, 48-63, 65-71, 73-113; Goceva, Oppermann 1984: 4-133). К сожалению, фрагментированный характер вновь найденного ольвийского рельефа не позволяет уверенно отнести его к тому или иному известному типу аналогичных памятников. Сейчас можно лишь констатировать, что он принадлежал к группе рельефов, где фракийский всадник изображен в момент охоты на кабана, который бежит под крупом лошади в ту же сторону, куда скачет всадник. Относительно близкие по иконографии и стилю изображения датируются III в. (Goceva, Oppermann 1979: №104, pl. XLVI; Goceva, Oppermann 1984: №649, pl. LXIX).

Под фрагментом рельефа сохранилась правая часть двустрочной латинской надписи:

L COH I CILICVM DE
VOTO POSVIT

Перед нанесением надписи плитка была размечена горизонтальными линиями, следы которых имеются в начале первой строки. Однако надпись выполнена несколько выше линии разметки, видимо, непрофессиональным

[1] Инвентарный номер О-98/Р-25/1446, найден на участке Р-25, руководители работ В.В. Крапивина, А.В. Буйских. Хранится в Музее археологии Института археологии НАН Украины.

© В.М. Зубарь, В.В. Крапивина, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис.1. Обломок мраморного рельефа с фрагментированной латинской надписью из раскопок Ольвии.

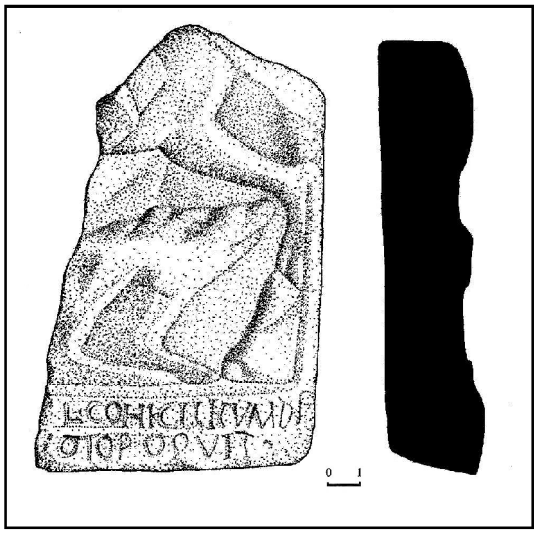

Рис. 2. Прорисовка обломка мраморного рельефа сфрагментированной латинской надписью из Ольвии.

резчиком. Об этом свидетельствует также разное расстояние между буквами и небрежный шрифт, который по своему характеру достаточно близок «вульгарному» стилю поздних латинских эпиграфических памятников (ср.: Sandys 1969: 51-52). Высота букв 0,5-0,9 см. Из особенностей шрифта следует отметить, что цифра I, буквы I, L и V имеют апексы, а буква D в конце первой строки значительно меньше следующей за ней E. Буквы V и M вырезаны очень небрежно и даны в лигатуре (рис. 3).

Начало сохранившейся части первой строки может трактоваться двояко: как буква L и разделитель или E и T в лигатуре. При восстановлении надписи, видимо, следует отдать предпочтение последнему варианту. В пользу этого говорит незанятое текстом поле перед L, трудно объяснимое при восстановлении здесь [MI]I(es), а также отсутствие апексов, которые украшают букву L в слове Cilicum. Кроме того, поперечная средняя гаста по своему написанию аналогична гасте буквы E в конце этой строки. Таким образом, в начале сохранившейся части первой строки должны быть восстановлены E и T в лигатуре, а не L от [MI]L(es).

После ET читается название I Киликийской когорты вспомогательных войск римской армии – COH I CILICVM. В конце первой строки уверенно читаются еще две буквы D и E. Они сохранились от слова, которое, по всей вероятности, можно рассматривать в качестве дополнения к наименованию этого воинского подразделения. Известно, что в посвятительной надписи из Том зафиксирован почетный титул I Киликийской когорты Philippianae (ISM 1987: 363-364; № 452(2)). Исходя из этого, окончание первой и, вероятно, начало второй строк публикуемой надписи можно дополнить как почетный титул De[ciana], который эта когорта могла получить только в период правления римского императора Траяна Деция Августа (249-251 гг.) (Kienast 1990: 202-203). В настоящее время известно четырнадцать эпиграфических памятников, в которых этот почетный титул сочетался с названиями римских воинских подразделений (CIL, III, 4300; VI, 32558-32560; XIII, 6658; XVI, 154; AE, 1944: 45; 1976: 277. Ср.: Fitz 1983: 179-182; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 129-143; Виноградов, Зубарь, Антонова 1998: 71-80). Судя по имеющимся данным, все они получили этот титул в промежуток времени между приходом к власти Деция в июне 249 и концом 250 гг.(Kienast 1990: 202-203). Ни один из известных сейчас эпиграфических памятников с почетным наименованием Deciana не может быть отнесен к 251 г., последнему году правления императора (Fitz 1983: 182). Исходя из этого, и новая надпись из Ольвии с упоминанием Cohors I Cilicum De[ciana], скорее всего, датируется тем же временем. Этому не противоречит археологический контекст находки, грубоватый характер исполнения памятника и шрифт надписи.

Итак, на основании всего изложенного, фрагментированная надпись из раскопок Ольвии 1998 г. может быть восстановлена следующим образом:

--- ET COH(ortis) I CILICVM DE/
[CIANAE] ------[EX] VOTO POSVIT

Рис. 3. Прорисовка надписи с рельефа.

Перевод: --- и когорты I Киликийской Дециевой --- по обету поставил.

Публикуемая плитка с надписью позволяет уточнить ряд аспектов истории Ольвии в середине III в., прежде всего касающихся количественного и качественного состава римского гарнизона, времени вывода его из Ольвии, проникновения и распространения здесь фракийских культов.

Упоминаемая в надписи I Киликийская когорта вспомогательных войск римской армии впервые фиксируется в Ольвии. Это подразделение было сформировано в период правления династии Юлиев-Клавдиев на территории Киликии. По мнению В. Вагнера, префект этой когорты М. Магий Антик упомянут в надписи первой половины I в., обнаруженной на территории современного города Сан-Эстебан де Гормаз, где располагался римский Уксам, который входил в состав провинции Тарраконская Испания, образованной в 27 г. до н.э. (Dessau 1916: №8968; Wagner 1938: 120; Holder 1980: 230, 244, E 23). Впервые на территории Мезии I Киликийская когорта фиксируется военным дипломом в 78 г. (CIL, XVI, 22). Причем не исключено, что тогда она дислоцировалась в Наиссусе (совр. Югославия) (Benes 1976: 56; Benea 1983: 26; Strobel 1984: 127, note 96). В это время, судя по упоминанию в дипломе солдата-уроженца киликийского города Agi(us) – Парасауса, когорта формировалась из уроженцев восточных областей империи (Тудор 1960: 241). На территории Верхней Мезии это подразделение оставалось и после раздела единой провинции Мезия на две (86 г.), о чем свидетельствуют военные дипломы с упоминанием военнослужащих этого подразделения, датирующиеся 93, 96 и 100 гг. (CIL, XVI, №№39, 46; Benea 1983: 149; Aricescu 1977: 57-58; Roxan 1978: 36-37, №6).

В период I Дакийской войны Траяна, в связи с вторжением даков в Нижнюю Мезию, в 101 г. она была передислоцирована на территорию этой провинции, где, вероятно, силами ее солдат в 103-105 гг. был возведен укрепленный лагерь в Сацидаве на берегу Дуная (Scorpan 1981: 102). После окончания Дакийских войн солдаты I Киликийской когорты участвовали в Восточном походе Траяна, принимали участие в подавлении иудейского восстания (CIG, 3498; AE, 1926: 150; Saxer 1967: 60; Strobel 1983: 127), а после этих событий были возвращены на территорию Нижней Мезии, где найдены военные дипломы солдат этого подразделения, датирующиеся 112, 134, 145, 157 гг. (CIL, XVI, 78; Aricescu 1977: 58; Roxan 1978: 72-73, №50; Roxan 1985: 146, №85; Torbatov 1994: 160-162). Во второй половине II в. военнослужащие этого подразделения по эпиграфическим памятникам также известны в Нижней Мезии (CIL, III, 144437, 2; ISM, 1987, vol. II: 309-310, №345(18)). Первой половиной III в. датируется надгробие Аврелия Валента и Элия Юлия – солдат I Киликийской когорты из Херсонеса, где они несли гарнизонную службу вместе с военнослужащими XI Клавдиева легиона (рис. 4) (Соломоник 1983: 64-65, №39), которому эта когорта была подчинена в оперативном отношении (Benes 1976: 24; Ср.: Sarnowski 1988: 144). К 244-249 гг. относится посвящение Корнелия Валентина, солдата I Киликийской когорты из Том, из которого следует, что подразделение в это время носило почетный титул Philippiana (ISM, 1987, vol. II: 363-364; № 452(2)). Исходя из известных сейчас эпиграфических памятников, можно уверенно говорить, что в состав I Киликийской когорты (Cohors milliaria equitata) входили пехотинцы и всадники. Как всякое такое подразделение вспомогательных войск римской армии, она состояла из 720 пехотинцев и 280 кавалеристов (Holder 1988: 21-26).

Пока еще окончательно не решен вопрос о том, где располагался штаб и основной лагерь этой когорты на территории Нижней Мезии. Д. Тудор полагал, что он находился недалеко от Том (Holder 1988: 21-26). Я. Бенеш считал возможным говорить о дислокации этого подразделения в Тропеум Траяна (совр. Адамклисси), когда когорта находилась в оперативном подчинении командования XI Клавдиева

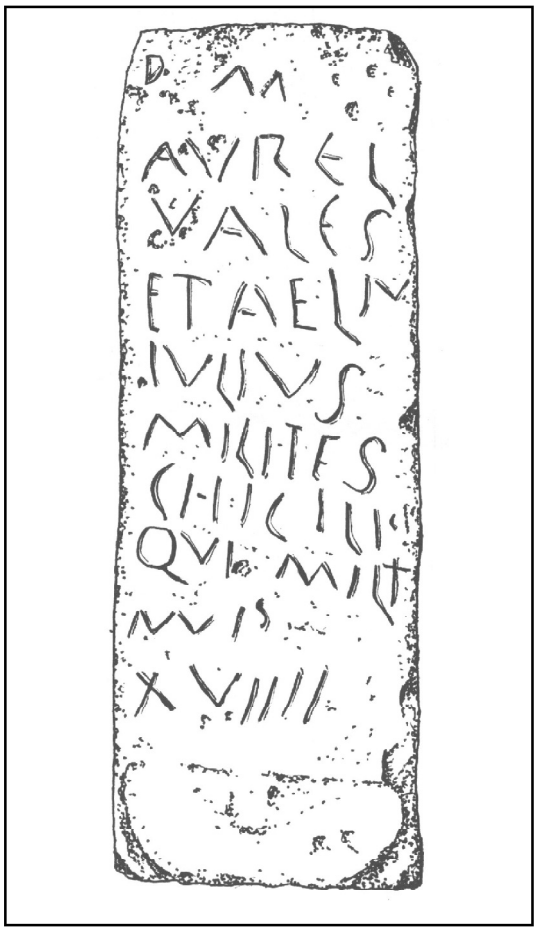

Рис. 4. Надгробие солдат I Киликийской когорты из Херсонеса.

легиона (Benes 1976: 24). К. Скорпан на основании находок целой серии эпиграфических памятников локализовал лагерь когорты в Сацидаве, на Дунае (Scorpan 1981: 101-102). Последнее мнение представляется наиболее аргументированным. Однако военнослужащие этого подразделения на протяжении II – первой половины III вв. дислоцировались и в других пунктах Нижней Мезии, что было обусловлено изменениями военно-политической обстановки в течение этого достаточно продолжительного отрезка времени (Scorpan 1981: 102). Этим, вероятно, объясняются находки эпиграфических памятников, в которых упоминается I Киликийская когорта, в разных местах на территории провинции.[2] Например, в период правления императоров Филиппа Араба и Деция вексилляция этой когорты находилась в Томах (Benes 1976: 25), где обнаружено надгробие кавалериста этого подразделения Клавдия Матрона (Aricescu 1977: 58-59, fig. 12; ISM, 1987, vol. II: 309-310, №345 (18)).

Сейчас трудно с уверенностью определить, какое количество солдат из каждого подразделения римской армии выделялось для несения гарнизонной службы в тот или иной пункт Северного Причерноморья, в том числе и в Ольвию. Но хронологически близкие надгробная эпитафия двух солдат I Киликийской когорты и надгробие Г. Юлия Валента, солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса, поставленное центурией, а также ряд других косвенных данных позволяют заключить, что в римские вексилляции включались не отдельные солдаты, а целые тактические единицы римских воинских подразделений, например, центурии и турмы (Зубар, Сон 1997: 122-123). Если это так, то римские вексилляции состояли из одной или нескольких тактических единиц подразделений Мезийской армии, видимо, во главе с унтерофицером, и насчитывали, как минимум, около сотни солдат. Вероятно, количественный состав римской вексилляции Ольвии в середине III в., когда в нее входили солдаты I Киликийской когорты, был приблизительно таким же. В противном случае дислокация в столь удаленном от основного района концентрации римских вооруженных сил месте римского отряда теряла смысл, и он не мог выполнять стоявшие перед ним оперативные задачи.

Видимо, восстановление в первой строке перед названием когорты ET позволяет предполагать, что в ее несохранившейся части могло стоять наименование еще одного подразделения римской армии, а в начале строки – имя римского военного должностного лица и далее наименование вексилляции. В связи с этим следует вспомнить, что в Ольвии уже давно был найден алтарь с посвящением Меркурию, поставленный римским солдатом в 248 г. (IOSPE, I2, №167). Т.Н. Книпович считала, что в посвящении упомянуты два солдата с фракийскими односоставными именами Bithus и Pyrrus (Книпович 1968: 197, ср.: Крыкин 1993: 37). Однако вряд ли это так. Вероятно, памятник был поставлен не двумя солдатами, а одним. В правильности такого заключения убеждает фотография этого алтаря с надписью, в соответствии с которой для союза et между Bithus и Pyrrus нет места. В этой латинской надписи имя солдата, поставившего алтарь, имеет двусоставную римскую структуру, в которую входят два, по мнению исследователей, типично фракийских имени – Битус и Пиррус (Крыкин 1993: 37, 85). Следовательно, перед нами римский солдат фракийского происхождения, который, судя по его имени, не являлся римским гражданином, а, следовательно, и не мог быть легионером. Он должен был служить в одном из римских вспомогательных подразделений, которые выделяли солдат для несения службы в Ольвии.

В просопографии Ольвии первых веков н.э. известны и другие фракийские имена в латинской транскрипции. Причем лица, упомянутые в латинских надписях, были либо солдатами римского гарнизона Ольвии, либо членами семей солдат. Поэтому, несмотря на общее небольшое число имен в латинской транскрипции, все же можно сделать некоторые выводы о римских военнослужащих, которые несли здесь гарнизонную службу.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие среди этих имен трех, безусловно фракийского происхождения. Фракийцем был Валерий Мукатралис, а следовательно, и его сын, который, правда, получил cognomen Secundinus (Книпович 1968: 197, ср.: Крыкин 1993: 121). Это позволяет предполагать, что ряд двусоставных типично римских имен мог принадлежать выходцам из фракийской этнической среды. Известно, что солдаты вспомогательных войск, поступая на римскую службу, получали новые имена с римской структурой, которыми их прежние имена заменялись либо частично, либо полностью (Ramsay 1941: 6, 9). Поэтому не исключено, что фракийцами по происхождению могли быть Элий Сатурнин, на что, возможно, указывает аналогичное имя его жены Элии Сатурнины, и Аврелия Квирина (или Квирния), а также легионер Галерий Монтан и его мать Галерия Монтана. Вероятно, и Ольвия Брисаис, жена или сожительница Валерия Мукатралиса, также была фракийского происхождения (IOSPE, I2, №236; Крыкин 1993: 37).

К сожалению, в публикуемой надписи имя дедиканта не сохранилось. Однако фрагмент рельефа фракийского круга, ниже которого был вырезан текст посвящения, свидетельствует

[2] Попутно следует отметить, что находки клейм с аббревиатурой CIC, вероятно, не могут безоговорочно рассматриваться в качестве керамической продукции, изготовленной солдатами I Киликийской когорты (подр. см.: Тудор 1960: 248-249; Клейман 1965: 179-182; Benes 1976: 25; Aricescu 1977: 58).

о том, что солдат I Киликийской когорты был адептом одного из фракийских божеств, которому по обету, возможно, за победу в одном из военных столкновений с варварами (см.: Штаерман 1987: 301), он посвятил мраморную плитку (ср.: IDR, 1977, vol. II: 138, №308; ISM, 1980, vol. V: 202, №164; 203-204, №167; 238, №219; 255, №239; 264, №248; 303, №296; IDR, 1988, vol. III/4: 99-100, №131; 227-228, №285). Крайне фрагментарный характер памятника не позволяет сказать что-то определенное о том, какому именно божеству было адресовано посвящение солдата, так как в виде всадника на территории Мезии и Фракии в первые века н. э. почитался не только Герой, но и Асклепий, Дионис, Зевс, Плутон, Аполлон, Митра, Серапис, Сильван, Артемида и даже Артемида-Бендида (Щеглов 1969: 174; Oppermann 1974: 353-362; Попов 1981: 16-18, 20, 78, 83, 95-96, 103; Крыкин 1990: 75-76; Крыкин 1993: 137-143; Русяева 1993: 152 и др.). Вполне возможно, что и сами дедиканты не имели единого и устоявшегося представления о роли и функциях своего конного бога (Штаерман 1961: 248; Штаерман 1987: 30, 132, 234, 301; ср.: Тачева-Хитова 1982: 144, №39; 156-157, №55 а; 168, №74; 268-270, №17; 276-277, №22), но его связь с борьбой разных начал (земного и небесного, жизни и смерти, римлян и варваров), особенно характерной для аналогичных памятников середины III в. (Штаерман 1987: 301), и фракийское происхождение, несомненны (Oppermann 1984; 244-249).

В ходе многолетних раскопок в Ольвии ранее были обнаружены фрагменты мраморных вотивных рельефов, которые исследователи уверенно относят к памятникам фракийского круга: четыре из них – с изображением фракийского всадника, четыре – Митры-Тавроктона, еще на двух представлены бородатые боги, Деметра и Кора (Ростовцев 1911: 17-19; Блаватский 1951: 256-258; Щеглов 1967: 255-259; Русяева 1993: 152-153; Крапивина 1994: 168-171). Посвящение на одном из рельефов с изображением фракийского всадника из Ольвии на основании аналогий было удачно интерпретировано как посвящение Поробону, который являлся кельтским божеством (IOSPE, I2, №171; Соломоник 1973: 55-56; Русяєва 1982: 11; Крыкин 1992: 140-147). Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что такие вотивные рельефы находились в местах стоянок римских войск (Domaszewski 1895: 1-124; Ростовцев 1911: 1-42; Русяева 1993: 152).[3] Они отражают верования и религиозные представления выходцев с территории Мезии и Фракии (Тачева-Хитова 1982: 447-450, 458-459; Найденова 1986: 56-59; Крыкин 1988: 79; Goceva 1990: 88-98; Clauss 1992: 218-233, 235), уроженцы которых составляли значительный процент римских военнослужащих, особенно подразделений вспомогательных войск Мезийской армии (Holder 1988: 109-139; Mann 1983: 38, 66). Из состава именно этой римской армии выделялись солдаты для несения службы в античных городах Северного Причерноморья, в том числе и Ольвии (Ростовцев 1915: 8; Зубарь 1998: 98-106).

Не исключено, что на территории Верхнего города солдатами римского гарнизона было построено святилище, где вплоть до середины III в., о чем свидетельствуют алтарь 248 г. и публикуемая надпись 249-250 гг., отправлялись культы наиболее почитаемых в солдатской среде божеств, в том числе и фракийского происхождения. Наличие святилища фракийских божеств в Ольвии или ее окрестностях предполагал еще М.И. Ростовцев (Ростовцев 1911: 17-18; Колосовская 1985: 223-225). Там же могли располагаться и плитки с изображением Митры, почитавшиеся наряду с другими фракийскими и римскими божествами, которые рассматривались в качестве покровителей римской армии (Русяева 1993: 155; Krapivina 1997: 82; ср.: Garbsch 1985: 355-462). Косвенно об этом свидетельствует ольвийская надпись времени императора Севера Александра, в которой речь идет о строительстве Аврелием Юлианом в городе храма, посвященного Серапису, Исиде, Асклепию, Гигиее и Посейдону (IOSPE I2, №184), где, вероятно, почитались все перечисленные божества. Сказанное хорошо согласуется с тем, что на территории дислокации римского гарнизона в Балаклаве в специальном помещении, открытом в 1996 г., имелись посвящения разным римским божествам: Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану (подр. см.: Зубар, Сарновський, Савеля 1997: 67-88; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 321-341).

А.С. Русяева, анализируя вотивные рельефы фракийского круга из Ольвии, пришла к выводу о том, что ограниченное количество таких памятников позволяет говорить о малочисленности римского гарнизона города (Русяева 1993: 158-159). Это заключение хорошо согласуется с общим незначительным количеством латинских эпиграфических памятников из Ольвии в сравнении, например, с Херсонесом и его округой. Кроме того, в Херсонесе известно достаточно много латинских надгробий с упоминанием легионеров, в то время как в Ольвии их обнаружено только четыре, при этом два из них пока не опубликованы. Учитывая вышеизложенное, а также то, что фракийское население Подунавья более активно проникало в состав вспомогательных войск, куда набирались в основном неримские граждане (Holder 1980:

[3] Помимо Харакса, Херсонеса, Ольвии и Тиры, где уже давно известны рельефы фракийского круга (Щеглов 1969: 135-137), аналогичные фрагментированные памятники, к сожалению, до сих пор должным образом не опубликованные, обнаружены на Сакской пересыпи в Северо-Западном Крыму. (подр. см.: Ланцов 1988: 249-250).

109-139; Mann 1983: 38, 66), можно с известной долей вероятности предположить, что и качественный состав вексилляций Херсонеса и Ольвии был различным. Для последней было, вероятно, характерно количественное преобладание солдат вспомогательных войск.

В связи с этим следует обратить внимание на интерпретацию текста одной греческой эпитафии, предложенную Ю.Г. Виноградовым. Исходя из ее содержания, можно говорить о том, что после окончания Дакийских войн Траяна, между 106 и 111 гг., для защиты Ольвии римской администрацией был отправлен военный отряд пехотинцев, вооруженных длинными щитами. Судя по греческому имени и патронимику погребенного, это подразделение было сформировано не из легионеров, а из солдат вспомогательных иррегулярных войск (Виноградов 1990: 29-31), а в правление императора Адриана для защиты Ольвии от посягательств варваров были задействованы кавалеристы из состава боспорских войск (Зубар 1993: 148-151; Зубарь 1998: 99-106). Если предположение относительно качественного состава римского гарнизона Ольвии во второй половине II-III вв. правомерно, то, вероятно, можно говорить об определенной преемственности в военной политике провинциальной администрации по отношению к гражданской общине ольвиополитов.

Тем не менее, согласно латинской строительной надписи конца 60-х – начала 70-х гг. II в., в Ольвии находилась вексилляция, состоявшая из солдат V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов (Зубарь, Сон 1995: 181-187). Если это соотнести с результатами археологических исследований, которые свидетельствуют о начале интенсивного строительства на территории Верхнего города именно в это время (Крапивина 1993: 10-20; Крапивина, Буйских 1997: 125-126), то можно заключить, что именно с помощью легионеров были предприняты меры по укреплению оборонительных сооружений и возведению новых построек. Но вскоре основная масса легионеров из города была выведена, и римские военнослужащие в конце II – середине III вв. здесь были представлены солдатами вспомогательных войск, набранными главным образом из среды фракийского населения Подунавья. В пользу этого свидетельствуют не только фракийские имена, но и некоторые принадлежности римского вооружения, обнаруженные при раскопках Ольвии (Сон, Назаров 1993: 120-123). Такие вексилляции, формировавшиеся на основе вспомогательных подразделений и выполнявшие различные оперативные задачи, хорошо известны в римской военной практике первых веков н.э. (CIL, VI, 421; XII, 1358; подр. см.: Saxer 1967: 59-61, 119-120). Возможно, именно этим объясняется отсутствие в Ольвии легионных клейм.

Однако наряду с солдатами вспомогательных войск, которые составляли, вероятно, подавляющее большинство военнослужащих ольвийской вексилляции, здесь, безусловно, служило и какое-то количество легионеров, о чем свидетельствует надгробие, поставленное в конце II в. Галерием Монтаном своей матери и Прокуле, вероятно, жене или сожительнице (IOSPE, I2, №236). В данном случае особый интерес представляет то, что Галерий Монтан был не простым солдатом XI Клавдиева легиона, а принадлежал к его арматуре, т. е. по своему должностному положению он был принципалом и руководил тактической подготовкой солдат. Такие принципалы были своеобразными инструкторами солдат-новобранцев (Dobson 1967: XV). Поэтому можно предположить, что Галерий Монтан, находясь в составе римской вексилляции Ольвии, которая, как предполагается, в основном состояла из солдат вспомогательных войск – по происхождению фракийцев, также должен был отвечать за подготовку ее солдат (Зубарь 1998: 99-106). Возможно, сам он также был фракийцем (см. выше).

Публикуемая нами надпись из раскопок Ольвии 1998 г., как указывалось выше, датируется достаточно точно 249-250 гг. Она хронологически близка другим памятникам этого времени из Северного Причерноморья, в которых упоминаются военнослужащие римской армии. Поэтому ее, безусловно, следует рассматривать в тесной связи с уже упоминавшимся ольвийским алтарем 248 г. с посвящением Меркурию (IOSPE, I2, №167) и строительной надписью 250 г. из Херсонеса, в которой говорится о восстановлении схолы принципалов, видимо, на территории римской цитадели города Марком Ратином Сатурнином, центурионом I Италийского легиона (Vinogradov, Zubar 1995/1996: 129-143; Виноградов, Зубарь, Антонова 1998: 71-80; ср.: Антонова 1997: 19-24; 1997a: 10-14). Все эти памятники, безусловно, свидетельствуют об активизации римской политики в отношении античных государств Северного Причерноморья в период правления императоров Филиппа Араба (244-249 гг.) и Траяна Деция (249-251 гг.).

В середине III в. в римской внутренней и внешней политике Подунавье играло достаточно важную роль. В частности, Филипп Араб, а впоследствии Деций осуществили ряд военных акций против варваров, угрожавших Мезии и Фракии (подр. см.: Zosim I, 20, 1; Dexipp, 18; Iord. Get., 90-93; Ременников 1954: 36-39; Буданова 1990: 84-85). Причем, как известно, последний вместе с сыном погиб в 251 г. во время повторного похода против готов в Добрудже около Абрита, утонув в болоте (Zosim I, 23; Zonar. XII, 20; Vict. Caes. 29, 4.). Не удивительно, что именно в период правления этих двух императоров в Ольвии и Херсонесе эпиграфическими памятниками четко фиксируется присутствие римских войск, что, вне всякого сомнения, следует

рассматривать в тесной связи с римской политикой в Подунавье и борьбой империи с активизировавшимися в это время варварами. Дислокация здесь пусть даже количественно небольших римских гарнизонов, которые взяли на себя защиту греческого населения, превращала эти центры в естественных союзников на подступах к границам империи и позволяла противостоять агрессивным устремлениям варваров, что, вероятно, было важной составляющей целенаправленной римской политики по отношению к античным государствам Северного Причерноморья в это время (см.: Зубарь 1998: 131).

После гибели Дециев новым императором становится Требониан Галл (251-253 гг.), виновный, по мнению большинства древних авторов, в их гибели. Он заключил позорный для империи мир с готами и, вероятно, вскоре было принято решение об окончательном выводе римских гарнизонов из античных центров Северного Причерноморья, и в частности, Ольвии. Империя в это время остро нуждалась в вооруженных силах и резервах на собственных границах. Об этом свидетельствует, с одной стороны, реформа римской армии, начатая еще Филиппом Арабом и продолженная Валерианом (253-259 гг.) и Галлиеном (259-268 гг.) (Grosse 1920: 1-23; Regibus 1939: 105-129; Jones 1964: 21-36; Alföldy 1967: 342-374), а с другой – крайнее напряжение военных усилий империи в борьбе с варварами на Дунае в правление последнего из названных императоров (Regibus 1939: 63-82). Аналогичными соображениями, видимо, руководствовался позднее и император Аврелиан (270-275 гг.), который принял решение об окончательной эвакуации римской провинции Дакия (Scorpan 1980: 134; Catanicia 1981: 53-55). Все это позволяет утверждать, что именно вследствие бурных событий на дунайской границе империи не позднее третьей четверти III в. римские войска окончательно были выведены из античных городов Северного Причерноморья, и в их истории начинается новый, позднеантичный этап развития (Зубарь 1994: 132; Vinogradov, Zubar 1995/ 1996: 139-140; Зубарь 1998: 142 сл.; ср.: Крижицький, Крапівіна, Лейпунська 1994: 22). Причем археологический контекст находки в Ольвии алтаря 248 г. и публикуемой надписи, как и целый ряд других данных (Зубарь 1998: 130-131), хорошо согласуется со сказанным.

В связи с этим, видимо, уместно вспомнить, что в Тропеум Траяна (Адамклисси), где несколько раньше дислоцировались солдаты I Киликийской когорты, было обнаружено посвящение Юпитеру Ольвиополитанскому, поставленное Марком Невием Теотимианом за здравие и благополучие августов Диоклетиана и Максимиана, а также цезарей Константина Хлора и Галерия (286-305) (Карышковский 1968: 169-170; Kienast 1990: 262-283). Эту эпиклезу Юпитера П.О. Карышковский, несомненно справедливо, связал именно с Ольвией Понтийской, где в первые века н.э. был известен культ Зевса Ольвия (Карышковский 1968: 179; см.: IOSPE, I2, №42, 143; Русяева 1993: 62-63). Это, в качестве одной из гипотез, позволяет рассматривать упомянутого дедиканта в качестве уроженца или потомка кого-то из жителей Ольвии, которые покинули город вместе с римскими войсками в третьей четверти III в. и обосновались в одном из населенных пунктов на территории Нижней Мезии (Крапивина 1993: 155).[4]

Итак, новая латинская надпись из Ольвии в предложенной интерпретации пока является самым поздним эпиграфическим памятником, свидетельствующим о пребывании на территории Нижней Мезии и в античных центрах Северного Причерноморья военнослужащих I Киликийской когорты, а также первым эпиграфическим памятником, в котором засвидетельствовано ее пребывание в Ольвии и получение этим подразделением почетного титула Deciana. Наряду с уже известными надписями, это посвящение позволяет утверждать, что вплоть до середины III в. римская военная администрация отводила Ольвии определенную роль в политике сдерживания варваров на дунайской границе империи. Естественно, ввиду крайне ограниченного количества источников, эта проблема пока может быть лишь поставлена. Однако каждый полевой сезон приносит много интересного, и кто знает, может быть, мы стоим на пороге новых удивительных открытий в области ольвийской эпиграфики, которые, наконец, позволят реконструировать заключительный этап истории этого античного центра во всем его многообразии и неповторимости.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова И.А. 1997. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь.

Антонова И.А. 1997а. Административное здание херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989-1993 гг.) // Хсб. Вып.VIII.

Блаватский В.Д. 1951. Харакс // МИА. №19.

Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.

Виноградов Ю.Г. 1990. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М.

Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. 1998. Schola Principalium в Херсонесе // НЭ. Т.XVI.

Гочева З. 1990. Святилища на тракийский конник в района на Провадия // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. IV.

Даньшин Д.И. 1990. Танаиты и танаисцы во II-III вв. // КСИА. Вып.197.

[4] В этом отношении показательно, что в период военной угрозы миграции населения имели место и в других районах Северного Причерноморья, например, на Боспоре (подр. см.: Даньшин 1990: 55-56).

Зубар В.М. 1993. Ольвія і Рим в першій чверті II ст. // Археологія. №4.
Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
Зубарь В.М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев.
Зубар В.М., Сарновський Т., Савеля О.Я. 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. №4. С. 67-88.
Зубарь В.М., Сон Н.А. 1995. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE, I2, №322) // ВДИ. №3.
Зубар В.М., Сон Н.О. 1997. З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. №1.
Карышковский П.О. 1968. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. №1.
Клейман И.Б. 1965. К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты // КСОАМ за 1963 г. Одесса.
Книпович Т.Н. 1968. К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I-III вв. н. э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
Колосовская Ю.К. 1985. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. Т.II. М.
Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. Киев.
Крапивина В.В. 1994. Рельеф с Митрой Таврактоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса.
Крапивина В.В., Буйских А.В. 1997. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982-1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейпунська Н.О. 1994. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. №2.
Крыкин С.М. 1988. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // Thracia. 8.
Крыкин С.М. 1990. Вотивный барельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // ВДИ. №1.
Крыкин С.М.1992. Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. №3.
Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.
Ланцов С.Б.1988. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Тезисы докладов конференции «Проблемы античной культуры». Ч.III. Симферополь,
Найденова В.П. 1986. Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // Проблемы античной культуры. М.
Попов Д. 1981.Тракийская богиня Бендида. София.
Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.
Ростовцев М.И. 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып.40.
Ростовцев М.И. 1915. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 58.
Русяєва А.С. 1982. Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // Археологія. Вип.37. Київ.
Русяева А.С. 1993. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
Соломоник Э.И. 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. №1. С. 55-56
Соломоник Э.И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
Сон Н.О., Назаров В.В. 1982. Нахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. №1.
Тачева-Хитова М. История на източните културе в Долна Мезия и Тракия V в. пр. н.е. – VI в. н.е. София.
Тудор Д. 1960. Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде (Новые данные в изучении связей западного и северного побережья Черного моря в I-III вв. н. э.) // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев.
Штаерман Е.М. 1961. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М.
Штаерман Е.М. 1987. Социальные основы религии Древнего Рима. М.
Щеглов А.Н. 1967. Два вотивных рельефа из Ольвии // ЗОАО. Т.II.
Щеглов А.Н. 1969. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. №150.
Alföldy G. 1967. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts. Darmstadt.
Aricescu A. 1977. Armata in Dobrogea Romană. Bucureşti.
Benea D. 1983. Din istoria militară a Moesiei Superior şi a Daciei. Cluj-Napoca.
Benes J. 1976. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha.
Catanicia I.B. 1981. Evolution of System of Defens Works in Roman Dacia. Oxford.
Clauss M. 1992. Cultores Mithrae. Stuttgart.
Dessau H. 1916. Inscriptiones Latinae selectae. Vol.3. Part 2. Berolini.
Dobson B. 1967. Einfuhrung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln, Graz, S. XV.
Domaszewski A. 1895. Die Religion des römischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Jahr. 21.
Fitz J. 1983. Honorific Titles of Roman Military Units in the 3rd Century. Budapest.
Garbsch von J. 1985. Das Mithraeum von Pons Aeni // Bayerische Vorgeschichtsblatter. 50.
Goceva Zl. 1990. Weihungen für den Thrakischen Reiter von Mitgliedern der römischen Legionen // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia.
Goceva Zl., Oppermann M.1979. Monumenta Orae Ponti Euxini Bulgariae // CCET. I.
Goceva Zl., Oppermann M. 1984. Monumenta inter Danubium et Haemun reperta // CCET.II, 2.
Grosse M. 1920. Römische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin.
Holder P.A. 1980. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxford.
Holder P. 1988. Cohortes Equitatae from Augustus to Hadrian // Military Illustrated. №13.
Jones A.H.M. 1964. The Late Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. I.
Kazarow G.I. 1938. Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest.
Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzuge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt.
Krapivina V.V. 1997. About the Cult of Tauroctonous

Mithra in Olbia // The Thracian World at the Crossroads of Civilization. I. Bucharest.
Mann J. 1983. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principat. London.
Oppermann M. 1974. Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // Thracia. 3.
Oppermann M. 1984. Iconographische Untersuchungen zur Weihplastik der thrakischen Gebiete in Römischer Zeit // Dritter Internationale thrakischer Kongreß. Bd. 2.
Ramsay A. 1941.The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen.
Regibus L. 1939. La monarchia militare di Gallieno. Milano.
Roxan M. 1978. Roman Military Diplomas 1954-1977. London.
Roxan M. 1985. Roman Military Diplomas 1978 to 1984. London.
Sandys J.E. 1969. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions.Groningen.
Sarnowski T. 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzezu morza Czarnego. Warszawa.
Sarnowski T., Zubar V.M., Savelja O.Ja. 1998. Zum religiosen Leben der Niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neu-entdeckten Dolichenum von Balaklawa // Historia. Bd. XLVII/3.
Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen der römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. 1.
Scorpan C. 1980. Limes Scythiae. Topographical and Stratigraphical Research on the Late Roman Fortifications on the Lower Danube. Oxford.
Scorpan C. 1981. Cohors I Cilicum in Sacidava and Scythia Minor // JRS. Vol. 71.
Strobel K. 1984. Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donauraumes in der Hohen Kaiserzeit. Bonn.
Torbatov S. 1994. A newfound Roman military Diploma from Nigrinianis (Lower Moesia) // LIMES a cura di Giancarlo Susini. Studi di storia. 5.
Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. 1995/1996. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il mar Nero. II.
Wagner W. 1938. Die Dislokation der römischen Auxiliarformationen in der Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus. Berlin.

Е.Н. Торшин

НОВАЯ НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОЙ НАДПИСИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ КНЯЖЕСКОГО ЗНАКА В СМОЛЕНСКЕ

E.N. Torshin. A New Find of an Early Russian Inscription and an Image of a Knyaz' Sign in Smolensk.

The article is about an inscription and a knyaz' sign found on a wall in St.-Trinity Monastery on the Klovka river. Both are related by the author to the activities of the knyaz Rostislav Rurikovich, although it is only one of suppositions.

На многих сооружениях и предметах, относящихся к домонгольскому периоду истории Древней Руси, встречаются изображения двузубцев, трезубцев или фигур багровидной формы различных очертаний. Они встречаются на объектах самого разного назначения: от бытовых вещей и инструментов до украшений, парадного оружия и даже монументальных построек. Некоторые из этих знаков присутствуют на древнейших русских монетах и печатях, то есть символах княжеской власти и полномочий, поэтому данные изображения были интерпретированы как личные знаки древнерусского княжеского рода Рюриковичей. Иногда для обозначения этих знаков употребляется тюркский термин «тамга».

В настоящее время, по оценкам исследователей, известно несколько десятков разновидностей «знаков Рюриковичей» (Молчанов 1985: 66-67). Однако только некоторые из них можно уверенно соотнести с тем или иным князем. Имя владельца ставилось рядом со знаком крайне редко. Такое сочетание встречается, пожалуй, только на древнерусских монетах. В остальных случаях атрибуция знаков носит гипотетический характер. Чаще всего для этого используют памятники сфрагистики. Но даже они не могут быть надежным источником. Например, изображение святого на печатях не обязательно указывает на имя князя, которому принадлежал знак, помещенный на оборотной стороне (Янин 1970: 144).

Отсутствие точной персонификации знаков создает серьезные трудности в их изучении. Пока остается не совсем ясным, как происходило изменение или наследование знака, какой порядок существовал в их применении, да и все ли знаки в виде двузубцев или трезубцев следует считать княжескими? Для решения этих вопросов по-прежнему требуются хорошо атрибутированные изображения.

Находка такого княжеского знака, сопровождаемого именем владельца, была сделана в Смоленске.

В 1997 году Смоленский отряд архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством автора проводил археологические исследования на месте Троицкого монастыря. Этот монастырь располагался к западу от Смоленска, за пределами древнего города, на мысу при впадении в Днепр небольшой реки Кловки. В письменных источниках не сохранилось сведений о времени основания обители. Впервые монастырь был упомянут только в документах начала XVI века (Акты 1846: 370). Гораздо больше сведений сохранилось о последних десятилетиях существования монастыря. В 1633 г. здесь находился лагерь русских войск, осаждавших Смоленск. После неудачи этой военной экспедиции отступающие войска по приказу воеводы Прозоровского взорвали монастырскую церковь (Byblioteka 1995: 42). Действительно, на главном графическом источнике по топографии древнего Смоленска – гравюре Гондиуса 1634 г. в устье реки Кловка изображена разрушенная постройка (Воронин, Раппопорт 1979: 197).

В 1972-1973 гг. на территории монастыря были проведены археологические раскопки (руководитель П.А. Раппопорт), в ходе которых обнаружены и исследованы руины древнего храма (Воронин, Раппопорт 1979: 196-220). Это оказалась постройка домонгольского времени, о чем свидетельствует, в первую очередь, строительная техника здания, построенного из плинфы на цемяночном растворе. По архитектурным формам храм представлял довольно близкую аналогию церкви Архангела Михаила (1180-1196 гг). Это позволило автору исследований памятника сузить датировку до 90-х гг.

© Е.Н. Торшин, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Смоленск. Троицкий монастырь на реке Кловке. Валун с надписью и княжеским знаком (XII–XIII вв.) в стене трапезной палаты монастыря XVI в.

XII в. (Воронин, Раппопорт 1979: 213).

Таким образом, первая постройка в устье реки Кловки появилась еще в домонгольское время. Учитывая удаленность этого места от Смоленска, можно полагать, что тут располагался загородный монастырь или княжеский двор. Поблизости находился также монастырь Бориса и Глеба на Смядыне, служивший усыпальницей смоленских князей. Вокруг него группируются несколько памятников домонгольской архитектуры, в числе которых и уже упомянутая церковь Архангела Михаила. Существует версия, что все эти здания были постройками дворов смоленской княжеской династии или княжеских монастырей (Алексеев 1980: 153-154). Таким образом, появление подобного монастыря на Кловке и возведение в нем монументальных построек выглядит вполне закономерным.

Но около домонгольского собора Троицкого монастыря сохранились руины еще одного памятника.

В 1997 г. начались археологические раскопки остатков неизвестного здания, расположенного под холмом к западу от монастырского храма (Е.Н. Торшин). Открытое сооружение представляло собой постройку, состоящую из трех помещений. Самое большое из них было квадратным в плане и перекрывалось сводами, опирающимися на столб в середине. Одно из малых помещений, находившееся в юго-западном углу здания, как показали исследования 1999 г., заканчивалось с востока полукруглой апсидой. Такой план обычно имели трапезные палаты с церковью, которые строились в русских монастырях в XVI-XVII вв. Однако в начале XVII века постройки монастыря были уже разрушены. Это хорошо видно на плане Гондиуса 1636 года (Даниловский 1904). Следовательно, палата появилась раньше, но наличие апсиды у трапезной церкви указывает, что она была построена ближе к концу XVI века. Такой дате не противоречит и строительная техника здания. Оно было построено из брускового кирпича на булыжном фундаменте, в основание которого, в дно рва, были забиты деревянные сваи.

Во время изучения руин трапезной палаты в южной стене этого памятника была обнаружена ниша, в которой находился крупный осколок гранитного валуна размером 1,20 × 1,00 м (рис.1). На образовавшейся в месте скола плоскости был высечен «знак Рюриковичей» в виде двузубца на ножке, загнутой влево. Правый отрог двузубца был завернут вправо, левый заканчивался перпендикулярной перекладиной. Ниже перекладины, справа к левому отрогу примыкал ещё один завиток. Знак был выполнен тщательно, глубина линии составляла 1-1,5 см.

Вокруг знака располагалась четырехстрочная надпись, являющаяся комментарием к данному изображению: «СТЕПАНЪ ТИВУНЪ НАѰАЛЪ П(Я)ТНЪ РОСТИСЛАВЛЬ». Надпись и знак занимали только верхнюю половину плоскости, на которой они были высечены.

Несмотря на то, что камень был вставлен в стену здания XVI века, надпись относится к более раннему времени. По палеографическим особенностям она датируется, по определению Т.В. Рождественской и Е.Э. Сливы, последними десятилетиями XII – началом XIII вв. Вероятно,

первоначально камень находился поблизости от монастырского собора, может быть, на месте трапезной палаты. Он был вкопан в землю, и этим объясняется расположение надписи в его верхней части. После строительства трапезной валун был перенесен в специально подготовленную для него нишу.

Надпись на смоленском камне дает новую информацию для решения целого комплекса вопросов интерпретации знаков, их функции и порядка употребления.

Двузубец на смоленском камне назван «п(я)тн(о)». Именно этим словом назывались в древнерусских письменных источниках знаки, которыми отмечалось имущество. «Пятна» упоминаются в Ипатьевской летописи («холопи ею покралѣ конѣ Мьстиславли оу стадѣ и п□тны своѣ въсклалѣ» – ПСРЛ, т.II: 541). В смоленской надписи впервые изображение двузубца и его название оказались рядом. Таким образом, этот текст подтвердил функцию «знаков Рюриковичей». Теперь, благодаря этой находке, мы можем уверенно считать, что подобные знаки действительно служили для обозначения имущества.

Однако изображения двузубцев или похожих фигур мы встречаем часто на предметах, напрямую не связанных с князьями. К таким можно отнести, например, керамику или строительные материалы. Это может вызвать сомнения в том, что все подобные знаки можно считать княжескими. В тексте же обнаруженной нами надписи говорится, что двузубец был высечен тиуном, то есть представителем администрации князя, действующим, как это следует из контекста, от его лица. Таким образом, нет сомнения, что данный знак является княжеским. Велика вероятность, что и другие похожие на него знаки следует также связывать с Рюриковичами.

О назначении камня с княжеским знаком можно судить лишь гипотетически. Это не единственный объект подобного рода древнерусского времени. Похожий валун со «знаком Рюриковичей» находился, например, около села Волгино Верховье (Ильин 1947: 179-181). Учитывая имущественный характер этих изображений, вероятно, мы имеем дело с межевыми знаками, отмечающими границы княжеских владений.

И, наконец, самое главное. Смоленская надпись называет имя владельца тамги – Ростислав. Кто из князей с этим именем пользовался знаком, изображенным на камне?

Принято считать, что каждый князь из династии Рюриковичей имел свою индивидуальную тамгу, которая идентифицировала его имущество, причастность князя к определенным действиям и, следовательно, должна была узнаваться современниками и потомками. Порядок изменения знаков был реконструирован по этнографическим данным. Известно, что каждый новый хозяин, в нашем случае – князь, добавлял к знаку своего отца лишь небольшую дополнительную черту – «отпятныш» (Рыбаков 1940). Поэтому знаки родственников должны быть похожи.

Определить, кому из князей принадлежал знак на смоленском камне, на первый взгляд, достаточно просто. Можно предположить, что владения в устье Кловки могли иметь князья, занимавшие смоленский престол, среди них двое носили имя Ростислав. Первым следует назвать Ростислава Мстиславича старшего, княжившего в Смоленске с 1125 по 1159 г. Кроме него, в летописях в качестве смоленского князя упомянут другой Ростислав. Он был князем в Смоленске в 1230-1232 гг. и около 1239 года, и затем, в 1240 г., ненадолго захватил Киев (ПСРЛ, Т. II: 334,339). Предположительно, это был сын князя Мстислава Романовича и правнук старшего Ростислава Мстиславича (Янин 1970: 97). Учитывая палеографическую датировку надписи, знак на камне следовало бы связать с Ростиславом, княжившем в Смоленске в 30-х гг. XIII века. Однако атрибуция изображения усложняется тем, что знак подобного вида встречается довольно часто.

Двузубец таких же очертаний, как и на камне из Смоленска, находится на свинцовых печатях, происходящих из Новгорода. На оборотной стороне одной из них изображен св. Мина, на двух других – св. Николай (Янин 1970: № 297, 298). Как мы видим, изображения святых не могут указывать здесь на имя владельца знака. Мы полагаем, что следует согласиться с В.Л. Яниным, который считал, что Мина и Николай являются христианскими именами лиц, представлявших князя, например, тысяцких (Янин 1970: 146). Смоленская надпись подтверждает возможность такой ситуации. Ведь текст надписи можно рассматривать как документ особого рода. Смысл же действий, зафиксированных этим актом, состоит в том, что тиун Степан от имени князя устанавливает и закрепляет его право на определенную территорию, в подтверждение чего на камне ставится княжеская тамга. В этой связи можно предположить, что и печати с княжескими знаками прикладывались к документам, касающимся княжеских прав или имущества.

Но если буллы из Новгорода не дают возможности достоверно определить, чьим «пятном» был рассматриваемый нами двузубец, то другие случаи открытия данного знака указывали, как казалось, на его бесспорную атрибуцию.

Точно такой же знак был высечен на двух каменных постройках Владимира: Золотых воротах и кивории перед церковью в Боголюбове (Воронин 1946: 65; 1949: 215). Заказчиком обеих построек был Андрей Боголюбский, что позволило считать данный двузубец знаком этого князя. Смоленская находка полностью

разрушила эту атрибуцию, так как рядом с «пятном» стояло имя Ростислав.

Но в бесспорности принадлежности знаков из Владимира Андрею Боголюбскому сомневался В.Л. Янин. Он пытался найти объяснение появлению печатей с изображением данного вида знака в Новгороде, где никогда не княжил Андрей. Конечно, буллы могли попасть в Новгород вместе с документами, присланными из Владимира, но В.Л. Янин предложил другую версию. По его мнению, знаки на кивории и Золотых воротах не тождественны друг другу. Двузубец на кивории, согласно В.Л. Янину, имеет дополнительный горизонтальный отрог на вершине левого зубца. Именно эту «тамгу», полагал исследователь, и следует связывать с Андреем Боголюбским. Тогда как другой знак должен принадлежать родственнику Андрея, так как оба двузубца очень близки друг другу. В качестве наиболее вероятных обладателей этого знака В.Л. Янин называет брата Андрея – Мстислава Юрьевича или его сына Юрия Андреевича (Янин 1970: 146). Все они какое-то время были новгородскими князьями. Но среди родственников Андрея Боголюбского, занимавших престол в Новгороде, был и его старший брат Ростислав Юрьевич.

Имя этого князя не только соответствует названному в смоленской надписи, но и некоторые обстоятельства его жизни также тесно связаны со Смоленском. Ростислав был старшим сыном Юрия Долгорукого. На протяжении многих лет Юрий был главным противником своих племянников – смоленского князя Ростислава и его брата, волынского князя Изяслава, – в борьбе за Киев. Но отношения между двумя ветвями потомков Владимира Мономаха не всегда носили враждебный характер. Открытое противостояние началось только в 1147 г., когда Изяслав стал киевским князем. До этого Мономаховичи даже пытались организовать совместные действия против общего врага – князей из черниговского рода Ольговичей. Так в 1138 г. в Смоленске для похода на Киев должны были соединиться силы Юрия Долгорукого, смоленского Ростислава Мстиславича и Ростислава Юрьевича, княжившего тогда в Новгороде. Но накануне новгородцы выгнали от себя Ростислава. Сын Юрия бежал в Смоленск (НПЛ, 1950: 211).

С этого времени между Ростиславом Юрьевичем и смоленским князем поддерживались особые отношения. Иногда они шли вразрез с позицией его отца. Такое поведение старшего сына Юрия мотивировалось отсутствием у него собственного удела. Ростислав был вынужден подчиняться воле отца и занимать те престолы, которые были нужны Юрию для реализации его политических целей. Но Ростислав часто оказывался заложником политики отца. Находясь в центре столкновений разных княжеских династий, он сам оказывался разменной фигурой. В этой ситуации Ростислав стремился найти надежных союзников. Возможно, поэтому происходит его сближение с потомками Мстислава Великого.

Пребывание Ростислава Юрьевича в Смоленске, казалось, позволяет считать знак из Троицкого монастыря на Кловке его «тамгой». Однако следует помнить, что старший сын Юрия умер в 1151 году. Строительство же Золотых ворот во Владимире и кивория в Боголюбове, на которых изображены интересующие нас знаки, было осуществлено Андреем Боголюбским значительно позднее, в 60-е гг. XII в. Появление «тамги» уже умершего князя на зданиях, созданных его братом, объяснить трудно. Правда, владимирский престол ненадолго в 1175 году занял сын Ростислава Юрьевича Ярополк (ПСРЛ, Т. I, 1926: 373). Но если мы будем придерживаться мнения, что каждый князь-Рюрикович имел собственную тамгу, то этому князю также не мог принадлежать знак на постройках Владимира.

Кроме того, союз Ростислава Юрьевича со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем существовал недолго. Уже в 1149 г., по сообщению Ипатьевской летописи, Ростислав приезжает к Юрию Долгорукому с жалобой на Мономаховичей, выгнавших его с Переяславского княжения (ПСРЛ, Т. II, 1962: 372). Это означает, что еще раньше он перешел на сторону своего отца, который и посадил его в Переяславле. Следовательно, Ростислав находился в Смоленске только в 40-х гг. XII века. Но надпись на камне датируется концом XII века. И хотя палеографические датировки всегда допускают их корректирование в ту или другую сторону, все же ранняя дата надписи и знака вызывает сомнение.

При интерпретации смоленского «пятна», на наш взгляд, следует учесть еще одно обстоятельство. Изображения, напоминающие «знаки Рюриковичей», встречаются на плинфе многих памятников архитектуры Смоленска. Мы сознаем, что для атрибуции княжеских знаков довольно рискованно привлекать изображения на строительных материалах. Знаки на плинфе очень разнообразны, и фигуры, близкие «знакам Рюриковичей», составляют среди них лишь небольшую долю. Их интерпретация к тому же затруднена тем, что мы не знаем достоверно функцию изображений на плинфе. П.А. Раппопорт предполагал даже, что они имели чисто производственное назначение: по таким меткам определяли порядок и время сушки и обжига кирпича-сырца (Раппопорт 1977: 28-33).

Однако на смоленской плинфе есть серия знаков, очертания которых с высокой долей вероятности позволяют относить их к княжеским «тамгам». Эти изображения были обнаружены при исследовании широкого круга памятников. В него входят Борисоглебский собор

Смядынского монастыря, церковь Петра и Павла, собор на Поротоке, церковь на Воскресенской горе и собор Троицкого монастыря на реке Кловка (Раппопорт 1999: рис.1, Белецкий 1999: табл.1). Все эти здания были возведены в разное время разными заказчиками. Но «знаки Рюриковичей» на плинфе из этих построек, как правило, очень сходны друг с другом. Чаще всего это двузубцы колоковидных очертаний. К знакам такого типа относится и «пятно Ростиславле».

Возможно, Ростислава, упомянутого в надписи на камне, все-таки следует искать среди представителей княжеской династии Смоленска. Для этого, мы полагаем, следует обратиться к истории освоения территории в устье реки Кловка в том виде, как она представляется по археологическим данным.

Мы уже упоминали, что ближайшая округа этого места была районом княжеских монастырей и дворов. Возможно, что камень со знаком и отмечал территорию такого монастыря. Археологические исследования, проведенные в 1997 г. экспедицией Государственного Эрмитажа показали, что культурный слой в устье Кловки практически не содержал домонголь ского материалов. Вероятно, до строительства собора эта территория не была освоена. Таким образом, время строительства плинфяного храма и возможное основание монастыря совпадают, а Ростислав – имя его основателя. Церковь на реке Кловке была построена в 90-е гг. XII века, следовательно, и Ростислав, названный в надписи на камне, должен был жить в эти годы. При этом наши поиски не должны ограничиваться только кругом лиц, княживших или постоянно пребывавших в Смоленске или Смоленской земле, ведь иметь свой монастырь мог любой член смоленской княжеской семьи.

Среди князей смоленской династии, кроме уже названных, известен еще один с именем Ростислав. Это сын Овручевского князя, а затем и князя Киевской земли Рюрика Ростиславича. Рюрик, хотя и никогда не княжил в Смоленске, после смерти своего старшего брата Романа был фактически главой смоленских князей и главным претендентом на киевский престол. Его сын Ростислав долгое время был при отце, участвовал вместе с ним в походах. С конца 80-х гг. XII века он занимал ряд уделов в Киевской земле, среди них – Белгород, Вышгород и Овруч. В 1204 г. он становится даже киевским князем. Но для нас важным является то, что Ростислав был женат на дочери владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (ПСРЛ, Т. II, 1965: 658). Всеволод оказывал покровительство своему зятю, и Ростислав даже какое-то время жил во Владимире. Таким образом, именем этого князя оказываются связанными два пункта, где существуют памятники с «пятном» Ростислава.

Следует вспомнить и еще один случай обнаружения данного княжеского знака. В Галиче был найден перстень с «тамгой», аналогичной изображенной на владимирских Золотых воротах и на смоленском камне (Володченко 1951). Тогда, естественно, ее посчитали знаком Андрея Боголюбского. Но известно, что Ростислав Рюрикович неоднократно бывал в Галиче и Галицкой земле и даже претендовал на это княжение. Так, в 1189 г. он вместе с Романом Мстиславичем участвует в походе на Галич, закончившимся осадой Пресненска (ПСРЛ, Т. II, 1962: 662). По сообщению Татищева, галичане обращались в 1197 г. к киевскому князю Рюрику Ростиславичу прислать им княжить своего сына Ростислава (Татищев 1995: 165). В 1206 г. Ростислав Рюрикович вместе с отцом принимал участие в походе на Галич коалиции князей (ПСРЛ, Т.I, 1926: 462; Татищев 1995: 182). Поэтому перстень с «тамгой» этого князя мог вполне появиться в Галицкой земле. Следовательно, данный предмет мы также можем связать с именем Ростислава Рюриковича. Перстень мог носить кто-то из окружения князя, может быть также его тиун.

Итак, связь надписи на камне со строительством храма на Кловке, родственные связи и эпизоды деятельности князя Ростислава Рюриковича позволяют видеть в нем наиболее вероятного обладателя знака на смоленском камне.

Конечно, атрибуция «пятна» Ростислава Ростиславу Рюриковичу не может считаться окончательной. У нас еще нет достаточных оснований, чтобы остановиться на одной из предложенных версий. Возможно, дальнейшие исследования княжеских знаков позволят уточнить, подтвердить или опровергнуть одну из них. Однако редчайший случай подписанной княжеской тамги открывает новые возможности в разрешении загадки «знаков Рюриковичей», их значения и порядка употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Акты 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. СПб.

Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в XI – XIII вв. М.

Белецкий С.В. 1999. К вопросу об информативных возможностях знаков на древнерусских кирпичах // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб.

Даниловский А. 1904. План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг. с объяснительным текстом // Материалы Военно-ученого архива. Картографические материалы. Вып.II. СПб.

Володченко З.А. 1951. Перстень-печать XII в. // КСИ ИМК. Вып. XXXVI.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. 1979. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.

Воронин Н.Н. 1946. Боголюбовский киворий // КСИИМК. Вып. XIII.
Воронин Н.Н. 1949. Оборонительные сооружения Владимира. // МИА СССР. Вып. 11. М.
Ильин С.Н. 1947. Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги // КСИИМК. Вып. XVII.
Молчанов А.А 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X – XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. М.
НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.
ПСРЛ. 1926. Полное собрание русских летописей. Т. I. Л.
ПСРЛ. 1962. Полное собрание русских летописей. Т. II, М.
Раппопорт П.А.1977. Знаки на плинфе // КСИА. Вып.150.
Раппопорт П.А. 1999. Княжеские знаки на памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб.
Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв.// СА. Т. VI.
Татищев В.Н. 1995. История российская. Т.2. М.
Янин В.Л.1970. Актовые печати Древней Руси. М.
Byblioteka 1895. Byblioteka ordynacyi Krasinskich. Warszawa, t.13.

П.П. Бырня, Е. Николае

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТКА XV в. ИЗ СТАРОГО ОРХЕЯ

P.P. Byrnja, E Nicolae. A Signet Ring of XV c. from the Old Orhei

The article studies the frame of a bronze signet ring found in filling of one of the features (No. 37) on the Old Orhei (Moldavian town of XV c.).

The emblem of the signet is a schematic figure, which can be related to the "town gate" category (its destination in the Moldavian heraldry being so far debatable). It is inscribed into the Slavic ring legend, which contains the name of the ring's owner, pan Galesh (Sir Galesh). it was Galesh the comis (groom), whose son Ieremia the visternik (treasurer) was married to Annushka, who was daughter of Vlaicu, the uncle of Steven the Great (Ştefan cel Mare).

This Vlaicu was member of gospodar's council and in various periods used to carry out the duties of a pircalab (governor) of the fortresses of Cetatea Alba, Hotin and Orhei (1480-1484).

It is supposed that the surname of Galesh, the family of Galesh mentioned also in a gravestone inscription in the Old Orhei used to carry out military and administrative functions in the region till 1499 when the Tatars ruined the town.

В 1980 г. раскопками в Старом Орхее близ правого берега Реута примерно в 50 м к востоку от каменной цитадели было открыто сооружение № 37. Оно было опущено в материк на глубину 1,15 м. Котлован сооружения прямоугольной формы, углы, плавно скруглены. Пол — материковый, ровный. Стены (западная и северная) отвесные, ровные.

С юга к котловану примыкал тамбур входа, западная стена которого являлась продолжением стены котлована. Котлован тамбура в плане имеет прямоугольную форму, стенки скошены, дно неровное, в углублениях. Выделяются три плохо сохранившиеся ступеньки, расположенные соответственно на глубине 2,2 м; 2,23 м; 2,27 м. Размеры сооружения по линии С-Ю – 5,58-6,2 м, по линии З-В – 5,12 м. Сооружение ориентированно длинной осью по направлению С-Ю.

В котлован был опущен сруб, нижние венцы которого в виде обуглившегося дерева сохранились на полу вдоль западной, северной и восточной стен котлована. Длина сохранившихся венцов достигает от 3,3 до 5 м; ширина 0,15 м. Пространство между котлованом и срубом (0,10-0,25 м) было заполнено глиной, которая служила гидро- и теплоизоляцией.

Грунт заполнения сооружения представлял собой рыхлый чернозем, обильно насыщенный фрагментами древесного угля, кусками обугленных плах, обожженной глиной, участки которой были сосредоточены, главным образом, по периметру стен котлована.

В заполнении сооружения № 37 были найдены 2 железных ножа и кольцо, 16 сосудов молдавского времени, 2 точильных бруска, деревянная обугленная ложка с коротким черенком, 2358 фрагментов керамики молдавского времени конца XV – начала XVI вв. и бронзовый литой щиток от перстня-печатки (Абызова, Бырня 1983: 66-71; VII/5).

Щиток или оправа перстня имеет форму фигурной шестилепестковой розетки, диаметром 23 мм и толщиной 2 мм (рис. 1). Внутреннее печатное поле повторяет ту же форму розетки, только в уменьшенном виде, благодаря углубленной полосе, которая как бы сопровождает контуры лепестков (при накладывании на воск полоса создает шестилепестковую рельефную каёмку) изображение напоминающее обрамление с шестью лепестками на некоторых господарских печатях (Cernovodeanu 1977: pl. XXV; 1-3).

Печать (оттиск), полученная путем приложения (нажима) щитка (оправы) представляет кольцевую легенду со «схематизированной» эмблемой в линейном круге.

При размещении букв резчик был вынужден учитывать лепестковую кайму (обрамление), чем быть может объяснятся деформирование некоторых из них, и неумелое исполнение затрудняет чтение.

Первая буква первого слова нечеткая: по причине размещения напротив отправной точки двух лепестков, горизонтальная линия была проведена ниже. Вторая буква похожа на «Л», поскольку в таком начертании она известна и на других печатях, и в надписи надгробной плиты Кристиана, открытой также в Старом Орхее.

© П.П. Бырня, Е. Николае, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Щиток перстня из раскопок сооружения № 37 (1980 г.):
а – фотография;
б – прорисовка;
в – позитивное изображение при оттиске.

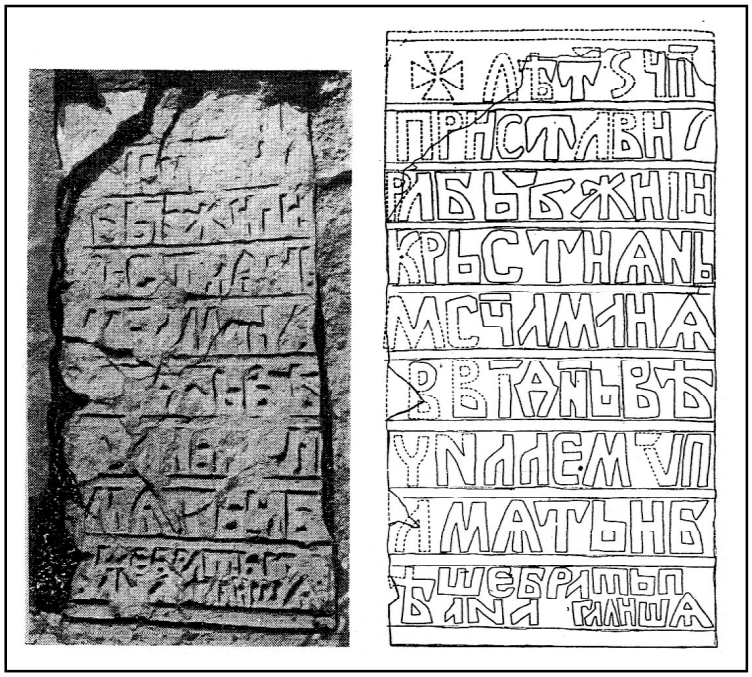

Рис. 2. Надгробная плита из деревянной церкви (1960 г.)

Последняя буква излишне развернута по горизонтали и не ясна из-за отрыва поля при наложении косой линии; за ней следует вертикальная линия, которая могла бы представлять попытку внести первую букву следующего слова, от которой отказались из-за отсутствия пространства, поместив ее на соседнем лепестке.

Из пяти букв имени владельца ясно начертаны лишь только первая, третья и четвертая: Г, /\ – с левой более короткой линией, и Є в позитиве, особенность которой можно объяснить не невниманием гравера, а тем, что при обычном ее размещении буква вышла бы за край поля в месте, отмечающем начало двух лепестков. Вторая буква, вне всякого сомнения, гласная, прочитанная нами как А, похожа на П. У последней буквы, Ш, недостает вертикальной черты в середине.

«Схематизированная» эмблема имеет форму П с крестом сверху. Подобные изображения были известны на монетных эмиссиях, приписываемых Штефану II, интерпретируемые сейчас как «схематические крепостные ворота», идентифицируемые с гербом «Нижней Молдовы» (Nicolae 1996: 188-193). Данная находка подтверждает существование герба такого типа и подтверждает мнение о том, что речь идет не о семейном гербе (Nicolae 1996: 191-193).

Чтобы попытаться идентифицировать владельца, вернемся к уже упомянутой надгробной надписи. В 1960 г. сотрудница Молдавской археологической экспедиции - антрополог М.Великанова при раскопках кладбища молдавского времени в Старом Орхее вскрыла остатки деревянной церкви, в основном ее юго-западную сторону, расположенную к востоку от каменной цитадели. В наосе церкви возле ее южной стены (западная стена придвора) находилось захоронение покрытое каменной надгробной плитой (рис. 2) (Смирнов, Полевой, Рафалович 1962: 45-46) со славяно-молдавской надписью, которая гласит: «В лето 698 (1472-1481) преставился раб божий Кристиан месяца мая в 12 день вечная ему память был (он) братом пана Галиша» (Смирнов, Полевой, Рафалович 1962: 45-46). Итак, датированная 1472-1481 гг. надпись показывает в конце, что покойник Кристиан «был братом пана Галиша».

Издатели надписи, сделали попытку идентифицировать этого Галиша (Галеша), которому принадлежит, по нашему мнению, описанный выше перстень, используя два документа, опубликованные И. Богданом и М. Костэкеску.

Из первого документа от 20 ноября 1499 г. явствует, что Штефан Великий купил село Джулешть в цинуте Нямц и пожаловал его пану Иеремии вистернику, сыну пана Галеша «…господством и … та пожаловах нашу слугу пана Еремию вистерника, сына Галешова, и дадох ему тое предреченное село що у Немецкой волости на Черном потоце на имя Джулештий…» (Bogdan 1913, II: 144-146).

Во втором документе от 25 апреля 1576 г. говорится, что Васутка, дочь Марины, внучки Иеремии бывшего вистиерника, правнучка Влайкула продала свою вотчину Кишинев из подтвердительного привилея полученного ее прадедом Влайкулом от Штефана Великого («Васутка дочка Марики, внука Еремии бывший вистерник, що се именовал по мнишеский (монашеский) чин Евлогие, преунучата Влайкула … продала свою правую отнину и деднину, едно село на имя Кишинеул на Быку, у волост Лапушною, и с млини у Быку и с привилие на подтверждение що имал прадеда ей Влайкул от Старого Стефана воевод» (Costăchescu 1933: 8 МЭФ 1961 II: 89).

Как справедливо заключают авторы из содержания первого документа ясно вытекает, что Иеремия вистерник был сыном Галеша. Из содержания же второго документа авторы статьи и сам М. Костэкеску приходят к выводу, что Васутка, внучка Иеремии была и правнучкой Влайку (Влайкула), которого якобы звали Галеш, что свидетельствовало бы, о превращении имени Галеш в фамильное (Costăchescu 1933: 8; Смирнов, Полевой, Рафалович 1962: 50). Принималась, таким образом, родственная связь Влайку – Иеремия вистериник – Марина – Васутка. Хорошо известно, что Влайку был братом Марии-Олти, матери Стефана Великого, и дядей последнего. На это прямо указывается и в некоторых документах: в грамоте от 1466 г. говорится, что Штефан чел Маре «… нашему верному и честному боярину нашему дяде Влайку … дали и подтвердили селище у Кишинева» (DRHA 1976 II: 187); в документе от 1 января 1467 г. выданном Штефаном Великим, находим выражение «вера пана Влайка уйка (дяди) нашего» (Bogdan 1913 I: 117).

В документе от 8 октября 1472 г. содержится напоминание: «а все его (слуги господаря - Петра) привилие что имел, все похорили (сгорели) в доме Русулов от Флорешть, тогда когда погорили и привилей пана Влайкула уйка нашего» (Bogdan 1913 I: 177).

Из сказанного следовало бы, что небезызвестный сын Влайку, Дума названный и Дума Влайкович (Bogdan 1913 II: 425,441), член господарского Совета и пыркалаб Хотинский (1469-1473), Белгородский (1478-1480) и Орхейский (1481-1484) (Stoicescu 1971: 408) был бы братом Иеремии, а Кристиан был бы его дядей по отцу, как брат Влайку (это в случае, если Влайку был бы Галеш). Таким образом, Влайку, дядя господаря, названный Галешом, был одним из известных сановников эпохи правления Штефана чел Маре, сначала пыркалабом Белгорода и Хотина, а в 1481-1484 гг.– пыркалабом Орхейским. В этот период вместе со своим сыном Думой в Орхее, по мнению указанных авторов, находился и брат Влайку «Галеша» Кристиан, который умер здесь и был захоронен в церкви, около цитадели Старого Орхея.

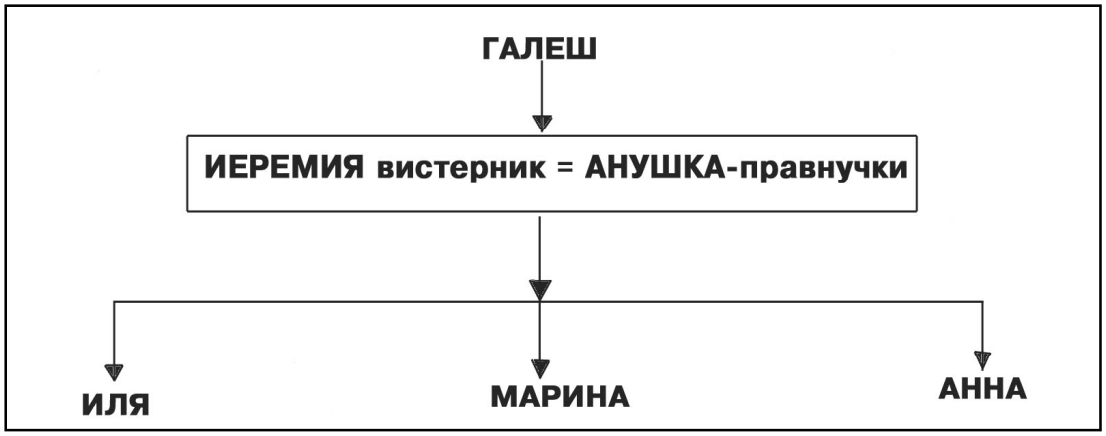

Рис. 3. Линия родства Галеша.

Примерно таким представляется вывод, который можно было сделать из статьи исследователей надписи.

Это мнение авторов и самого М. Костэкеску весьма привлекательно и довольно легко решает вопрос идентификации Кристиана, но оно могло быть поддержано или признано только до 1940 г. – до выхода в свет нового сборника молдавских документов изданного М. Костэкеску.

В нем автор, опираясь на новые документальные данные, которые не были учтены авторами статьи о надписи надгробия из Старого Орхея, ставит под сомнение выдвинутое им самим мнение о том, что Иеремия вистерник является сыном Влайку и что его отец называется Влайку Галеш (Costăchescu1940: 118, 126), откуда бы следовало, что Кристиан был братом Влайку.

М. Костэкеску прямо говорит, что из содержания грамот от 1499 и 1576 гг. можно было подумать, что Иеримия вистерник является сыном Влайкула и двоюродным братом Штефана чел Маре. Однако он обращает внимание читателя на содержание нового документа Петра Рареша от 29 апреля 1529 г., где сын Иеремии вистерника, Иля, называет своими сестрами Маринку и Анну, а свою мать Аннушку, жену Иеремии вистиерника, показывает как внучку по линии сына Думы (Costăchescu 1940: 118; DIR. A, XVI, I 1953: 320-321).

Это подтверждается другой, более поздней грамотой, выданной Богданом Лэпушняну 15 апреля 1569 г. В ней говорится: «Анна, дочь Иеремии вистерника … княгиня (жена) Томы Логофэта, правнучка Влайку Пыркалаба Белгороди и Кэлнэу спатаря, Иоана Лимбадулче и Галеша Комиса продала свою вотчину … села Вылчешть» (Costăchescu 1940: 118, DIR. A, XVI, II 1953: 320-321).

Таким образом, возвращаясь к Васутке (из документа 1576 г.) – дочери Марины, которая была дочерью Иеремии вистерника (из документа 1569 г.), отметим: она была правнучкой пана Влайку через свою бабушку Аннушку – жену Иеремии вистерника, а не через ее дедушку Галеша – отца Иеремии вистерника.

Итак, М. Костэкеску устанавливает новую линию родства (Costăchescu 1940: 118) (рис. 3).

Это генеалогическая линия не подтверждает генеалогию, предположенную авторами статьи о надгробной плите из Старого Орхея, в соответствии с которой Влайку якобы был отцом Иеремии.

Из грамоты от 1569 г. совершенно четко вытекает, что Влайку не был Галешем и не являлся отцом Иеремии вистерника и, что самое важнее, никак не мог быть братом Кристиана упомянутым, в надгробной надписи из церкви Старого Орхея.

Касаясь родственных отношений рода Галеша, напомним, что Клэнэу (упомянутый в цитированном документе от 1569 г.) являлся членом господарского совета при Штефане Великом (Bogdan 1913, I: 222 – 514; 1913 II: 4-464) и был породнен с последним женитьбой на племяннице господаря – Драгне, дочери Шендри Хатмана (рис. 4).

Сын Клэнэу Спатаря и Драгны – Турку Сулжер был мужем Марины – дочери Иеремии вистерника и Анушки, а Васутка была их дочерью. Это подтверждается грамотой от 22 июня 1597 г., где говорится о селах Флорешть и Бэбичень купленных «… у Васутки дочери Турку Сулжера, внучки Клэнэу Спатаря и его жены Драгны (Costăchescu 1940: 223-224). Исходя из сказанного можно совершенно определенно утверждать, что Васутка, будучи дочкой Марины (Марии) и Турку Сулжера, приходилась правнучкой пана Влайку по материнской линии и внучкой Клэнэу спатара по отцовской линии.

Имя боярина Иоана Лимбэдулче не связывается ничем и никак с обсуждаемыми персонажами помимо данного документа (1569 г.). Что же касается Галеша Комиса, то в упомянутой грамоте от 1569 г. говорится, что Анна, дочь Иеремии вистерника и жена Томы Логофэта, является не только правнучкой

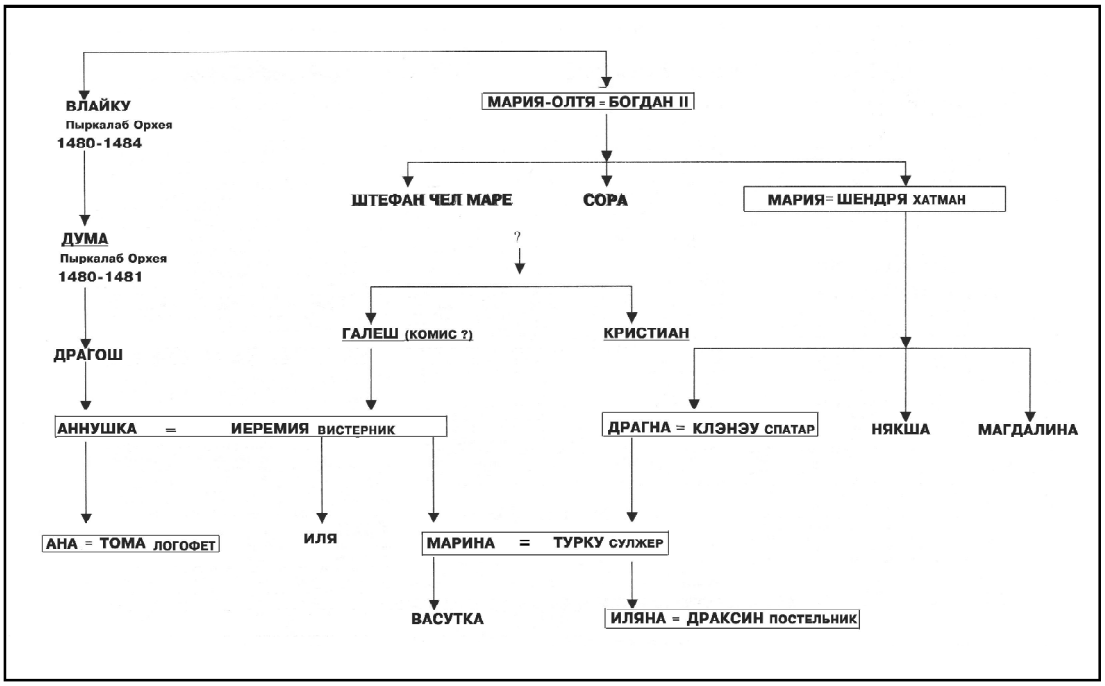

Рис. 4. Родство семейства Галеша со Штефаном Великим.

Влайку Пыркэлаба, Клэнэу спатару и Иоана Лимбэдулче, но и внучкой Галеша комиса, который вполне мог быть братом Кристиана и отцом Иеремии вистерника.

Таким образом, ряд документов XV-XVI вв. и многие выдержки из грамот, опубликованных М. Костэкеску (Costăchescu 1933: 7-15), позволили сделать попытку восстановить генеалогию обсуждаемых лиц и более убедительно объяснить, насколько это возможно, проблему родства Кристиана Галеша. Установление родственных отношений с семьей Влайку пыркэлаба, наделенного высокими должностями в Нижней Молдове, и открытия в Старом Орхее свидетельствуют о важной роли, которую играл род Галеша в военной жизни и администрации этого региона до татарского нашествия 1499 г. Именно тогда был разрушен город: погибли церковь, в которой был захоронен Кристиан, и сооружение, в котором была открыт щиток перстня-печатки.

Следует вспомнить, что личности Галеша недавно посвящен еще один небольшой материал (Barsan 1999: 79-81), в котором ставилась задача выяснить, кто такой Влайку Галеш. При этом в публикации заявлено, что целью не является выяснение родословной Галешей, а лишь установление его личности. Но, как было показано выше, невозможна атрибуция исторической личности без изучения родословной.

Названная заметка, к сожалению, содержит массу неточностей вплоть до явной фальсификации материалов источников. В итоге создается впечатление, что автор поставила себе цель ввести читателя в заблуждение относительно родословной изучаемой личности. В частности, первое упоминание Влайку Галеша отнесено к 8 сентября 1439 г., когда он якобы появляется среди бояр сопровождавших Богдана II во время его путешествия в Влахию (Barsan 1999: 79). Однако в документе, регулирующем торговые отношения между Валахией и Львовом, на который сделана ссылка, о Галеше ни слова не сказано (Ciocaltan 1976: 1784).

Далее автор утверждает, что 17 октября 1451 г. среди членов семьи Богдана II, которая как будто бы переселились в Трансильванию по уговору с Яном Хунедоара, был и Влайку Галеш (Barsan 1999: 80). В подтверждение Л. Барсан ссылается на работу, где этот факт также не отмечен, а имя Влайку Галеш вообще не упоминается (Rezachevici 1982: 118).

Утверждая, что имя Влайку Галеша сохраняется вплоть до 1457 г., автор ссылается на материал, где Влайку назван или дядей господаря, или пыркалабом известных крепостей. Ни о каком Галеше здесь упоминания нет (Stoicescu 1971: 289).

Заявление о том, что Иеремия вистерник – это сын Влайку Галеша, автор отсылает к документам относящимся к эпохе правления Петра Хромого от 1579 г., где никаких указаний об Иеремии нет, да и быть не может (Catalogul 1957: 168).

Далее, в документе от 15 апреля 1569 г. речь идет об Анне, жене Томы Логофэта, правнучке Влайку Пыркэлаба Белгородского (Catalogul 1975: 67-68), а не Влайку Галеша, как это утверждает автор материала (Barsan 1999: 80). Здесь, как и везде, явная подмена понятий.

Автор во что бы то ни стало старается убедить (правда, совсем не аргументированно) читателя, что фамилию Галеш носил Влайку, но эти два имени никогда в одном источнике не встречаются вместе.

Влайку назван дядей – «уйком» господаря, когда речь идет об отчуждении или жаловании земельной собственности (DRHA 1976: 208, 280) или паном Влайку старостой или пыркэлабом крепостей, когда он упоминается как свидетель и член господарского совета заверяющий государственные документы (DRHA 1976, II: 356-402, 408; AIIA, VIII: 407).

Сама фраза «Коман сын Галеша», да и другие упоминания о Галеше показывают, что это личное, а не родовое имя, поэтому и понятно недоумение самого автора по поводу того, что ни один из потомков пана Влайкула не пользуется фамилией Галеш. Даже сын Влайкула, Дума, отмечает Л. Барсан, именуется как Дума Влайкулович и Дума Влайкула.

Итак, невзирая на упорное стремление автора материала, ей так и не удалось хоть чем-то обосновать, что Влайку носил фамилию Галеш. Такой фамилии, судя по всему, не существовало. Известно лишь имя Галеш и название села – Галешешть, произошедшее от имени Галеша.

Все это позволяет лишний раз убедиться, что Влайку не носил фамилию Галеш, а отец Кристиана из надгробной надписи был не Влайку, а совсем другой человек.

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н., Бырня П.П. 1983. Исследования в Старом Орхее в 1979-1980 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. Кишинев. С 66-71, рис. VII/5.

Смирнов Г.Д., Полевой Л.Л., Рафалович И.А. 1962. Надгробие XV века из Старого Орхея со славяно-молдавской надписью // Лимба ши литература молдовеняскэ. № 4.

Barsan L. 1999. Acest Vlaicu Gales: // Tiragetia. Vol.7. Chişinau.

Bogdan I. 1913. Documentele lui Stefan cel Mare. Vol I, II. Bucureşti.

Catalogul 1957. – Catalogul documentelor moldoveneşti din arhiva istorica centrala a statului. 1381-1620. Vol I. Bucureşti.

Catalogul 1975. – Catalogul documentelor moldovenesti din directia arhivelor centrale. Supliment I (1403-1620). Vol. I. Bucureşti.

Cernovodeanu D. 1977 Ştiinta şi arta heraldică în România. Bucureşti. Pl. XXV, fig. I (Roman I), 2 (Alexandru cel Bun şi Ştefan cel mare).

Ciocaltan V. 1976. Intre Sultan şi împărat: Vlad Dracul in 1433 // Revista de istorie N 11. Bucureşti.

Costachescu M. 1935. Arderea tirgului Floci şi al Ialomitei in 1470. Iaşi.

Costachescu M. 1940. Documentele moldovenesti de la Bogdan Voevod. Bucureşti.

Costachescu M. 1933. Documentele moldovenesti de la Stefan cel Mare. Bucureşti.

DIR. A 1953. Moldova, veacul XVI. Vol I. Bucureşti.

DIR. A. 1951. Moldova, veacul XVI, vol II. Bucureşti.

DRH. A. 1976. Moldova, vol II (1449-1486). Bucuresti.

Nicolae E. 1966. Descoperiri monetare de la Suceava // BSNR 86-87 (1992-1993).

Rezachevici C. 1982. Familia lui Stefan cel Mare. Imprejurarile ocuparii tronului // Revista arhivelor. 2, Bucureşti.

Stoicescu N. 1971. Lista marilor dregatori moldoveni (1384-1711) // AI IA, VIII. Iaşi.

М.Е. Шлапак

САМАЯ ЗАГАДОЧНАЯ НАДПИСЬ БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКОЙ КРЕПОСТИ

M. Em. Shlapak. The Most Mysterious Inscription in Belgorod-Dniestrovsk Fortress

The article studies the most mysterious inscription carved on the watch tower in Belgorod-Dniestrovsk fortress. For 150 years the scholars have been arguing about its contents. The author suggests both her own interpretation of the inscription and a possible date it was made. Its first part was written in Moldovan period by its military commander Stan (Stanciul) in 1452 after construction (reconstruction) of one of the fortress's walls, while its second part was made in the Ottoman period in 1603, probably after repairs or a reconstruction.

Эта интересная памятная надпись находилась когда-то на дозорной башне средней разделительной стены Белгород-Днестровской крепости. На плите неизвестных размеров можно было увидеть несколько рядов чередующихся букв, а также два щита с гербами (рис. 1). Первый включал изображение направленного вверх острого угла и спрятанного в нем равнобедренного треугольника. Похоже, что тут был пересеченный треугольный щит, в верхнем поле которого находилось стропило – геральдический элемент, распространенный в средневековье во Франции, Англии, Германии и Италии. Восстановление элементов второго щита сегодня не представляется возможным.

Данная надпись была изучена многими исследователями: Н.Н. Мурзакевичем (Мурзакевич 1848), В.В. Латышевым (Латышев 1896), Н. Йоргой (Iorga 1899), И. Богданом (Bogdan 1908), В.А. Войцеховским (Войцеховский 1969, 1972), Шт.С. Горовеем (Gorovei 1994), А. Пиппиди (Pippidi 1998) и др., будучи опубликована, переведена и воспроизведена 10 раз.

Впервые ее упоминает в 1843 г. польский путешественник Крашевский. Чуть позже она описана в Записках Одесского Императорского Общества Истории и Древностей русским исследователем Н.Н. Мурзакевичем. Расшифровав в 1848 г. греческий текст, он остановился на следующем варианте: «τέλος ἔλαβεν Θεία τὸ τεῖχος, ἔλθη (ἡ χάρις) Ις. Χε τῶ πεποιηκότι (?)…» («Постройка стены /сей/ с Божьею помощью окончена; да снидет благословение твое, Иисусе Христе, на строителя…») (Мурзакевич 1848: 481).

В 1896 г. русский эпиграфист В.В. Латышев попытался интерпретировать немного иначе этот же текст, основываясь на результатах Н.Н. Мурзакевича: «/'Εν ἔτει…/ τέλος ἔλαβ/ε τόδ/ε / τὸ τεῖ/χος. /Βοή/θη, 'Ι/η/σ/οῦ/ Χ/ριστ/έ, τῶ πεπ/ο/ιηκότι…» («В лет… закончена эта стена. Помоги, Иисусе Христе, строителю (тому, кто ее построил)…») (Латышев 1896: 2). По его словам, в это время доска «похоже, что уже была утеряна» (там же).

Следующий перевод надписи сделал в 1899 г. румынский историк Н. Йорга. В своей монографии, посвященной Четатя Албэ (Белгороду – прим. авт.) и Килии, он предложил следующую версию: «Закончена Божья стена, приди, Иисусе Христе, на помощь тому, кто ее построил…» (Iorga 1899: 99).

Очень компетентно подошел к данному во просу румынский эпиграфист И. Богдан в 1907 г. (Bogdan 1908: 324). Отметив некоторые неточности у Н.Н. Мурзакевича, он предложил следующий вариант расшифровки: «Τέλος ἔλαβ/ε/ν ἡ θεία τὸ τεῖχος, ἔλθης, 'ι/η/σ/οῦ/ χ/ριστ/έ, τῶ πεποιηκότι…» – «Окончена Божья стена, приди, о Иисусе Христе, на помощь строителю…» (там же: 323–324).

Но никто из этих исследователей не рискнул расшифровать год, указанный в первой верхней строке между гербами и в самом конце нижней строки. Лишь И. Богдан предположил, что плита могла быть установлена на башне примерно в 1440 г., так как рядом, на приступной стене, находилась другая греческая надпись, датированная этим же годом (там же: 323).

В 1972 г. впервые была опубликована зарисовка данной надписи. Молдавский архитектор В.А. Войцеховский обнаружил в Государственном Военно-Историческом Архиве СССР рисунок, называющийся «Гербы и надписи, находящиеся в разных местах Аккерманской (Белгородской – прим. авт.) крепости», выполнен-

© М.Е. Шлапак, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Памятная надпись в Белгород-Днестровской крепости.

ный русскими военными в 1818 г. Теперь, согласно указанному внизу масштабу, можно было определить размеры всей плиты: 20×25 дюймов или 51×62 см.. Уже с рисунка В.А. Войцеховский прочел текст следующим образом: «Сокрушитель врагов Ио Юга. Конец получила Белая крепость. Приди на помощь, Иисус Христос, б/оярину/ Косте. В лето 6907 (1399 – прим. авт.)» (Войцеховский 1969: 341). По мнению архитектора, «эта надпись проливает свет на строительную деятельность господаря Юги и, видимо, пыркэлаба (военного коменданта – прим. авт.) крепости Кости, имя которого находим в документах среди думных бояр с титулом витязя» (Войцеховский 1972: 374).

Эта информация вызвала большой восторг у румынского историка Л. Киценску, который объявил ее открытием «огромной важности», доказывающим, что Белгородская крепость – «творение молдавского народа конца XIV в.» (Chițescu 1972: 49, 53, 130).

Но кроме вышеуказанного варианта расшифровки текста, В.А. Войцеховский предлагает еще один: «Месяца сентября 7 Ио Юга закончил строительство сей богохранимой крепости. Приди на помощь, Христе, б/оярину?/ Косте, год 6907» (Войцеховский 1972). К сожалению, как и в первом случае, греческий текст здесь не был приложен.

Тут же последовала и реакция: румынский историк Ш. Папакостя поспешил объявить существование загадочного Кости, воеводы Нижней Молдавии в 1396 г. и исправника в 1399 г., состоящего на службе у господаря Юги (Papacostea 1982: 59). Сразу всем вспомнился таинственный Костя из поминания Быстрицкого монастыря, он же предполагаемый родитель господарей Петра и Романа Мушатов, он же губернатор Белгорода, с которым общались в XIV в. генуэзцы из Каффы. Белгородский Костя становится «объединителем» Нижней и Верхней Молдавии, а Юга начинает свое княжение 7 сентября 1399 г. (кстати, точная дата его восхождения на трон до сих пор неизвестна).

В 1982 г. румынский историк Шт.С. Горовей выразил некоторые сомнения по поводу вариантов В.А. Войцеховского (Gorovei 1982: 659). Почему при имени господаря отсутствует его титул? Ведь молдавский воевода (dominus) считался божьим ставленником и к своим титулам в документах относился достаточно серьезно. Почему имя «Юга» так странно укорочено? И почему буквы, составляющие имя господаря, гораздо крупнее всех остальных? Еще Шт.С.Горовей высказал предположение, что три знака первого ряда скорее всего являются «остатками каких-то орнаментов» (там же).

Исследователь возвращается к надписи еще раз в 1994 г. Теперь он заявляет о непреднамеренной фальсификации давно известного источника, считая, что В.А. Войцеховский «использовал лишь собственную фантазию: надпись не имеет даты, не содержит имени «Юга», а буквы, составляющие имя «Костя» входят в состав греческого слова» (Gorovei 1994: 44). Шт.С. Горовей отмечает, что на плите обозначен «год, указанный лишь тремя знаками (буквами, имеющими числовое значение), что позволяет получить большое количество хронологических решений, причем нужная дата может находиться между 1392 и 1482 гг. В отсутствии самой надписи нельзя ничего уточнить» (там же).

Он же приводит интересную выдержку из парижской публикации русского коллекционера графа А.С. Уварова: «На большой высоте… (на одной из башен Белгородской крепости – прим. авт.) находился встроенный камень с надписью. Его расположение, а также лигатуры между буквами очень затруднили его зарисовку, тем более, что во всем городе Аккермане я не смог найти лестницу, которая достала бы до надписи» (Там же, цитируя: Compte Alexis Ouvaroff 1855). Отсюда напрашивается вывод, что из-за большой высоты, а также из-за скромных размеров самой плиты русские военные могли перерисовать текст недостаточно точно.

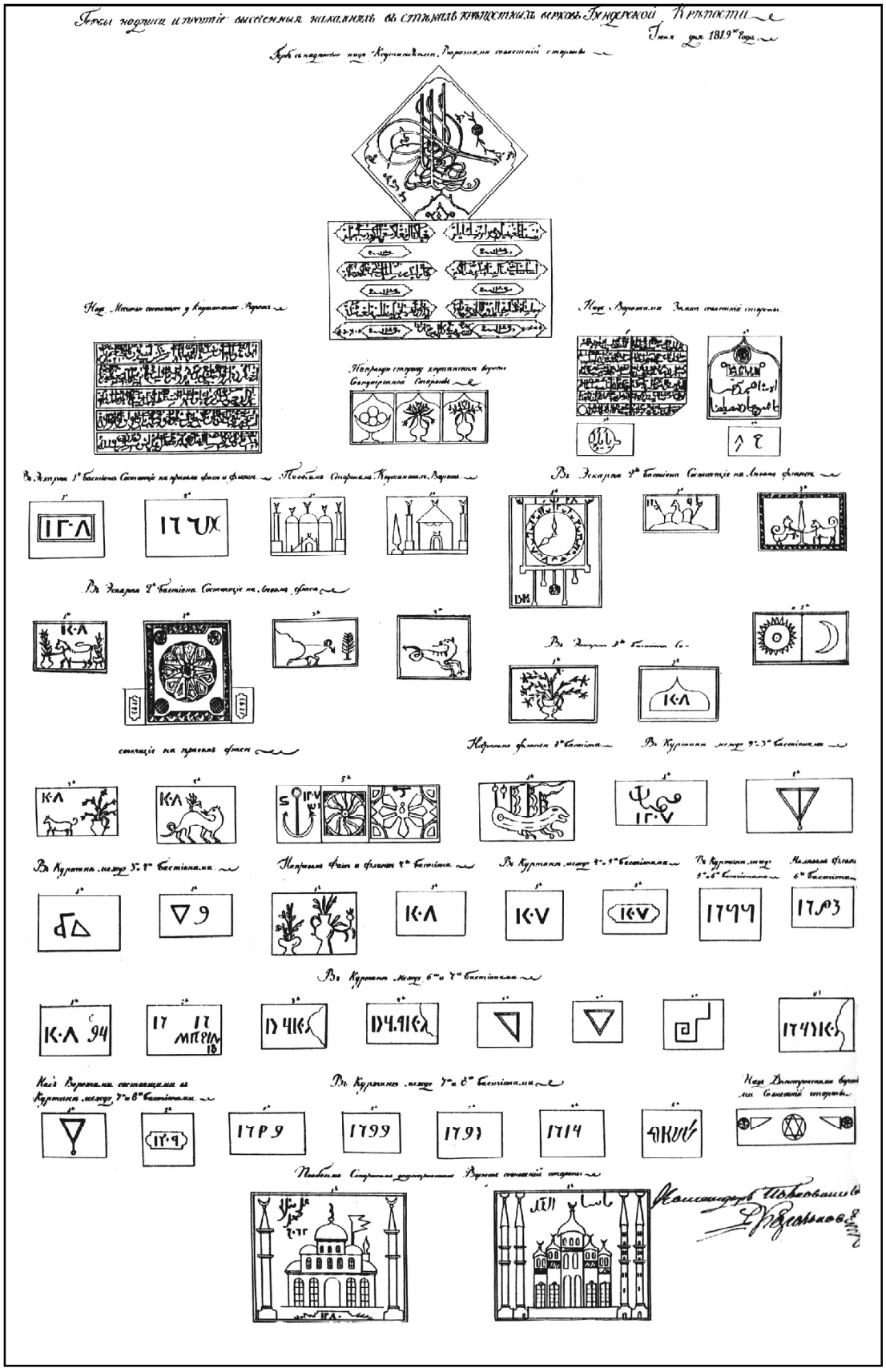
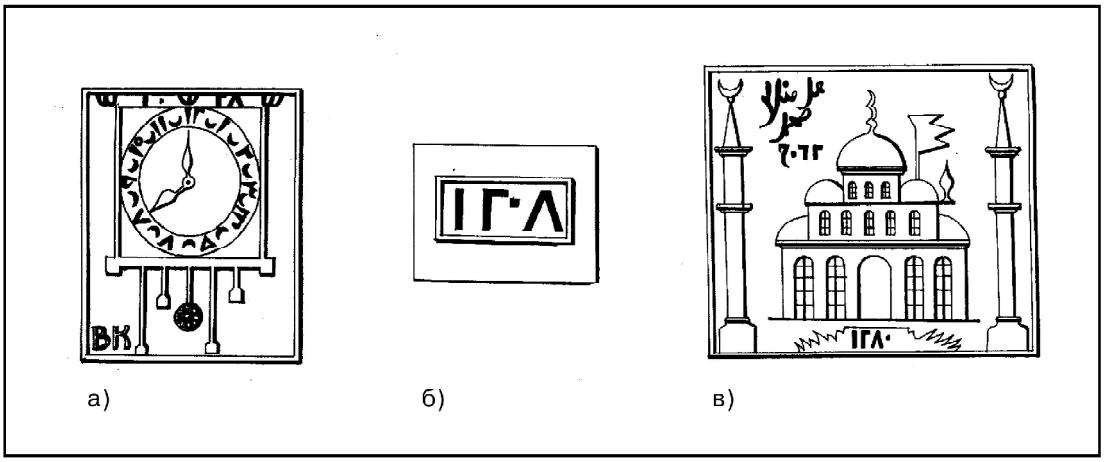

Рис. 2. Рисунок гербов и надписей, находившихся в Бендерской крепости (Российский Государственный Военно-Исторический Архив г. Москвы).

а) б) в)

Рис. 3. Отдельные рисунки и надписи в Бендерской крепости.

Последним обратился к этому эпиграфическому памятнику румынский историк А. Пиппиди в 1998 г. Раскритиковав все предыдущие варианты, он выдал собственную версию:

«τέλος ἔλαβεν θεία τὸ τήχος ἔλθ/ον ὁ/ ἱερος ναὸς Χ/ρι/στοῦ πεντηκοστη ἔτει □ ϡκ»

(«Окончена Божья постройка, будучи завершена святая церковь Христа в Троицын день год 6960 (1452 г. – прим. авт.) (Pippidi 1998: 77). Как видно, здесь идет речь не о крепости, а о церкви XV в. Исследователь имеет собственное мнение в связи с прочтением двух верхних рядов. Здесь написано по-старославянски: «в /□□□□ лт/□□ък□□/□анн/□□□□т/□□ѵмень/□□» («В лет 7060 (1552– прим. авт.) Ио/анн/ иг/умен/». Это редкий случай славяно-греческой надписи, где нижняя часть, греческая, отражает завершение строительства какого-то культового сооружения, а верхняя, славянская, добавлена Иоанном игуменом гораздо позднее, после серьезной перестройки храма.

Но этот вариант не выдерживает никакой критики! Там, где за буквами $I^{ω}IΓ$ В.А. Войцеховский увидел «Ио Югу», А. Пиппиди «обнаружил» «Иоанна игумена». Богатое воображение румынского историка подтверждается детальным описанием молдавского герба, «увиденного» им в пустом верхнем углу доски. Также непонятно, зачем первому резчику оставлять так много свободного места между двумя гербами? Или мастер абсолютно бездарен как художник, или он специально ждет, когда придет «Иоанн игумен» и через сотню лет заполнит этот композиционный пробел, притягивающий наибольшее внимание зрителей. Совершенно непонятно, как в турецкий период (после 1484 г. – прим. авт.) могла попасть эта плита на видное место Аккерманской крепости. А. Пиппиди упоминает о «вторичном применении строительного материала после разрушения православного храма» (Pippidi 1998). Но разве можно говорить о памятной доске как о добротном строительном материале в эпоху артиллерии? И где находилась вышеупомянутая церковь? Явно не на территории турецкого военного объекта, если ее ремонтируют в 1552 г. Зачем же османам привозить из города и вмуровывать во вновь перестроенную башню чужую памятную доску, упоминающую культовое сооружение «неверных»? Итак, вариант А.Пиппиди представляется нам абсолютно фантазийным.

В Российском Государственном Военно-Историческом Архиве г. Москвы мы обнаружили интересный рисунок, выполненный русскими военными в том же 1918 г., что и документ, найденный В.А. Войцеховским. Это «Гербы, надписи и прочие: высеченные на камнях в стенах крепостных верков Бендерской крепости» (Ф.349, оп. 3, д. 4633, л. 1) (рис. 2)*. На архивном листе находятся 55 разных изображений, включающих оттоманские памятные надписи, монограмму султана Мустафы III, рисунки драконов, животных, птиц, кораблей, деревьев, ваз с растениями и фруктами, розеток, орнаментов, мечетей с минаретами, различных охранных и геометрических знаков, отдельных букв, цифр и др. Особо интригующим нам показалось изображение часов с маленькими маятниками и круглым циферблатом (рис. 3а). По его окружности проставлены цифры арабского начертания от 1 до 12. Напомним, что и наши теперешние цифры часто называются «арабскими», хотя они отличаются от последних достаточно сильно (рис. 4) (Берман 1956). Одна из стрелок часов показывает число Λ (8), другая же число ΙΓ (12). Над циферблатом проставлено еще одно число, состоящее из этих же цифр – ΙΓΛ. Несложно догадаться, что таким оригинальным способом указан некий примечательный год: $IΓ^{0}Λ$=1208 г. по хиджре, т.е. 1793 г.

* Мы хотели бы выразить свою благодарность фонду Сороса, оказавшему нам финансовую поддержку для работы в московском архиве (грант RSS, № 259/2000), Е. Маринчук, переславшей нам заказанные фотографии московских материалов, а также С. Табаку, давшему нам ряд ценных советов и рекомендаций при написании настоящей статьи.

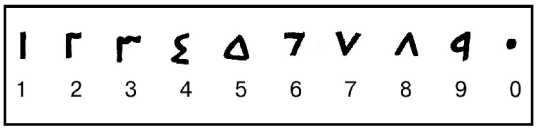

Рис. 4. Цифры арабского начертания

Этот же год в варианте ΙΓ⁰Λ указан еще дважды на русском документе: один раз включенный в оконтурованный багетом прямоугольник, а другой раз под изображением красивого культового сооружения (рис. 3 б, в). В европейском варианте 1793 он встречается дважды возле изображения розетки, один раз в прямоугольнике и еще один раз над рисунком орла (рис. 2). Известно, что именно в этом году в Бендерской крепости турецкие и французские инженеры проводили крупномасштабные строительные работы (Аствацатуров 1997: 96). Обратим внимание, что внизу, возле часов, находятся две рельефные буквы ВК. По логике, это должны быть чьи-то инициалы. Но чьи? Вспомним, кто являлся автором проекта бастионной Бендерской крепости и главным руководителем строительных работ в 1793 г. Это зодчий Кауффер – batisseur Kauffer (фр.), известный французский инженер, состоящий на службе у султана Селима III и тайно работающий на русских (Гуляев, Соглаев 1995: 128). Именно отсюда и должны происходить латинские буквы ВК. Буква К, дополненная различными арабскими цифрами, встречается еще не раз на архивном листе (смотри рис. 2). Это, похоже, опять первая буква фамилии главного строителя.

Все эти изображения подтверждают, что османы любили увековечивать окончания каких-либо серьезных восстановительных или ремонтных работ в крепостях Поднестровья, высекая на камне год, когда было завершено строительство.

Далее хотелось бы вернуться к надписи в Белгород-Днестровской крепости. Похоже, что мы смогли найти ключ к расшифровке ее самой загадочной части. Что, если посмотреть на таинственные знаки Ιʷ ΙΓ не как на славянские или греческие буквы, а как на цифры арабского начертания? Ι – это один, Γ – это два, а маленькая ω, странно прилепившаяся к верхней части первого символа, не что иное, как небольшой кружочек-ноль, правда несколько поврежденный временем. В результате получаем число 1012, т.е. 1012 г. по хиджре или 1603 г. Здесь оказался частично прав А. Пиппиди, предположив, что надпись сделана в два этапа, правда, сначала в ней появляется греческий текст и лишь затем, когда османы завершают какие-то серьезные оборонительные работы в крепости, увековечивается 1603 г. Турецкий гарнизон, расквартированный внутри, а также приезжее военное начальство никак не реагируют на греческую вязь, зато замечают год, написанный крупными, привычными для них цифрами.

Но что происходило здесь в это время? Известно, что в 1603 г. на обратной дороге с австрийского фронта татарский хан Гази Гирей II посетил Белгородскую твердыню. Не исключено, что переделки в крепости были обусловлены войной Оттоманской Империи и «Священной Лиги», во время которой укрепление многократно атаковалось, а окрестности опустошались. Арон воевода пытался завоевать крепость в 1594 г., а в 1595 г. ее атаковали казаки.

Достоверно известно, что в самом начале XVII в. по приказу султана Ахмеда I турки основательно занялись перестройкой крепостных сооружений Бессарабии. Немного раньше, после значительных разрушений 1587 г. султан Мурад III отправил людей молдавского господаря Петра Хромого на восстановление Бендерской крепости. Позже, в 1639 г. итальянский монах Никколо Барси пишет о мощных, приспособленных к артиллерии укреплениях Белгорода, Килии и Бендер.

Итак, 1603 г., указанный на памятной надписи Белгород-Днестровской крепости, подтверждается реальными событиями. С другой стороны, факт двухэтапного изготовления надписи подтверждается также тем, что символы второй строки гораздо больше и жирнее всех остальных. Расстояние между второй и третьей строками неоправданно мало: крупные знаки буквально «садятся» на остальной текст. И в то же время вся композиция доски не особенно пострадает, если полностью убрать вторую строку (I этап). Тогда между двумя симметрично расположенными щитами будет все же присутствовать горизонтальная объединяющая связь – первая строка, а в нижней части композиция поддерживается двумя другими горизонталями – одинаковыми по длине строками.

А теперь обратимся еще раз к первой строке, состоящей из трех непонятных знаков. Отметим, что они очень похожи на три последних символа самой нижней строки.

Учитывая весь предыдущий опыт расшифровки этой надписи, а также некоторые особенности изображенных символов, их повреждения и возможные искажения при перерисовке, мы думаем, что здесь могли быть высечены знаки □, ϡ и к, составляющие вместе 6960 г. (1452 г. – прим. авт.). Средневековый мастер вырезает дважды этот год – в самом начале и в самом конце надписи.

Следует отметить, что в другой хорошо известной памятной надписи Белгород-Днестровской крепости, датируемой 1454 г., говорится о пыркэлабе Станчуле, воздвигнувшим приступную стену. Но почему этот военачальник не оставляет своего имени на нашей памятной доске? Может он знает, что немного позднее, после окончания всего комплекса работ, он увековечит его на другой официальной надписи?

А теперь приглядимся повнимательнее к знакам, расположенным сразу после буквы К

в самом конце текста. Это греческая буква С (пририсованная к нижней части буквы О, с которой она составляет один символ, как и в слове ΤΗΞΟΧ), Т и N (нарисованная точно так же, как и в слове ΕΛΑΒΝ). Следует отметить, что сочетание этих трех букв пока никто не объяснил. Не аббревиатура ли это имени «Станчул» или «Стан» (ΣΤ/Α/Ν)? И не увековечил ли себя на этой памятной доске усердный «строитель» пыркэлаб Стан-Станчул? Если да, то почему первая буква имени военного коменданта пририсована столь скромно к букве предыдущего слова? И почему имя «градского наместника» укорочено? И не спутали ли мы букву N с буквой I или с разделительным крестом? И не обвинят ли нас впоследствии в появлении нового надуманного персонажа типа «Ио Юги» или «Иоанна игумена»? К тому же неизвестно, насколько точно изображены все знаки текста русскими военными.

Тем не менее, мы предлагаем еще один вариант расшифровки самой загадочной надписи Белгород-Днестровской крепости (□ϡκ Ι^{ω}ΙΓ ΤΕΛΟC ΕΛΑΒΝ Η ΘΕΙΑ ΤΟ ΤΗΧΟC ΕΛΘΗC ΙΗΣΟΥ ΧΕ ΤΩ ΡΕΚΟ CΤΝ ΕΤΙ □ϡ **к**): «(□ϡ**к** (I этап). Ι^{0}ΙΓ (II этап). Τέλος ἔλαβ/ε/ν ἡ θεία τὸ τῆχος, ἔλθης, Ἰησοῦ Χ/ριστ/έ, τῶ̃ πε/ποιη/κό/τι Ст/α/ν ἔτει □ϡ**к** (I этап)». («/Год/ 6960 (1452 г. – прим. авт.) (I этап). /Год/ 1012 (1603 г. – прим. авт.) (II этап). Окончена Божья (богохранимая) стена (постройка), приди, о Иисусе Христе, на помощь строителю Стану (Станчулу) (?), год 6960 (I этап)».

ЛИТЕРАТУРА

Аствацатуров Г. 1997. Бендерская крепость. Бендеры.

Берман Г.Н. 1956. Счет и число (как люди учились считать). М.

Войцеховский В.А. 1969. Этапы строительства в Белгород-Днестровском // Материалы докладов пятой научно-технической конференции Кишиневского политехнического института. Кишинев.

Войцеховский В.А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев.

Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. 1995. Фельдмаршал Кутузов. М.

Латышев В.В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб.

Мурзакевич Н.Н. 1848. Аккерманские греческие надписи // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. II. Одесса.

Bogdan I. 1908. Inscripţiile de la Cetatea Albă şi stăpînirea Moldovei asupra ei // Analele Academiei Române. Memoriile secţiei istorice. T. XXX. Bucureşti.

Chiţescu L. 1972. Fortificaţiile Moldovei în secolele XIV-XVI. Cetăţi voievodale şi fortificaţii orăşeneşti. Teză de doctorat. Bucureşti.

Ouvaroff Ŕ. 1855. Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale et des côtes de la Mer Noire.

Gorovei Şt.S. 1982. Inscripţia lui Iuga vodă din 1399 // Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie. XIX. Iaşi.

Gorovei Şt.S. 1994. Enigmele Cetăţii Albe // Magazin istoric. Nr. 8, 9. Bucureşti.

Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albe. Bucureşti.

Papacostea Ş. 1982. La începuturile statului moldovenesc // Studii şi materiale de istorie medie. VI. Bucureşti.

Pippidi A. 1998. Din nou despre inscripţiile de la Cetatea Albă // In Honorem Paul Cernovodeanu. Ed. V. Barbu. Bucureşti.

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А.А. Пескова

СВ. НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ В ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭНКОЛПИОНОВ XI-XIII вв.[1]

A.A. Peskova. Saint Nicholas of Mirlikia in the Iconography Programme of the Ancient Russian Encolpia of XI-XIII cc.

The article analyses images on the ancient Russian breast crosses-reliquaries of St. Nicholas of Mirlikia, one of the most esteemed saints in Russia. The iconography of the ancient Russian encolpia is studied against the background of the Byzantine tradition.

The iconography passed through two stages in its development. At the first stage (XI-XII cc.), the central images of Christ and the Virgin are supported by images of saints of the oecumenical church of the highest order and the holy warriors (most often St. George), and St. Nicholas. The exception are encolpia with the central image of St. Boris and Gleb. At the second stage (early XIII c.), encolpia have images of creators of liturgy – St. John, Basil, Gregory, the anargiri Cosma and Damian and other protectors.

The study covered a very extensive material (over 1000 objects) to reveal that the changes in the contents and composition of the images on the ancient Russian encolpia reflect:

1. The highest level of respect to St. Nicholas in the ancient Russia (equally to the Apostles, Evangelists, and holy warriors) shown already at the first stage (late XI-XII cc.) of cross-encolpia manufacturing. In Byzantium, a similar tradition can be traced on crosses-reliquaries and processional crosses since IX-X cc.

2. Focus of attention on protective and healing power of St. Nicholas, made null and void after introduction of such saints as Cosma and Damian, St. Sisinius and Sihail, St. Panteleimon, St. Nikita (XIII c.) into the iconographic programme of Nicholas' encolpia.

Византийская по своим истокам традиция ношения на груди двустворчатых крестов-реликвариев (энколпионов) с принятием христианства на Руси получила очень широкое и своеобразное развитие, приведшее к созданию нового пласта культовых памятников, поражающих многообразием иконографических схем, форм, техники исполнения и, наконец, количеством дошедших до нас памятников[2]. Главная особенность древнерусских энколпионов состоит в том, что в них синтезированы палестинские и провинциально-византийские по происхождению традиции массового культового литья из медных сплавов (отсюда их относительная доступность и широкая распространенность в древнерусском обществе) и традиции константинопольских мастерских, работавших с драгоценными материалами (отсюда большая вариативность иконографических схем).

Возникновение традиции изготовления нагрудных крестов-реликвариев принято связывать с деятельностью паломнических центров при монастырях и мартириях в Сирии, Палестине, Малой Азии – у истоков культа святых[3]. Эти кресты, как правило, несут на себе изображения в рост почитаемого святого в сочетании с изображением Богоматери или орнаментальной композиции на другой створке. Значительная часть ближневосточных крестов-энколпионов имеет совершенно иное оформление: на одной створке – композиция Распятия (Христос неизменно изображается в колобии), на другой – Богоматерь в позе оранты с Богомладенцем или без него (на рельефных энколпионах с 4-мя евангелистами на концах створок). Существует гипотеза, что такие кресты-реликварии были предназначены для хранения частиц древа Креста Господнего[4]. Та же композиционно-иконографическая схема повторяется и на драгоценных (золотых и серебряных с чернью) крестах-ставротеках, иногда вложенных внутрь крестов-энколпионов с более сложной многофигурной композицией, что уже прямо

[1] Работа выполнена на основе каталога энколпионов древней Руси XI-XIII вв., подготовленного к печати при финансовой поддержке РГНФ (проект №97-01-00269а).

[2] В настоящее время автором учтено свыше 1600 древнерусских энколпионов XI-XIII вв.

[3] Наиболее последовательно и обстоятельно эта тема раскрывается в работах В.Н. Залесской. Основные ее статьи по этому вопросу приводятся в каталоге выставки «Христиане на Востоке» – СПб., 1998.

[4] Развернутая аргументация содержится в статье Кинга (King 1928).

© А.А. Пескова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

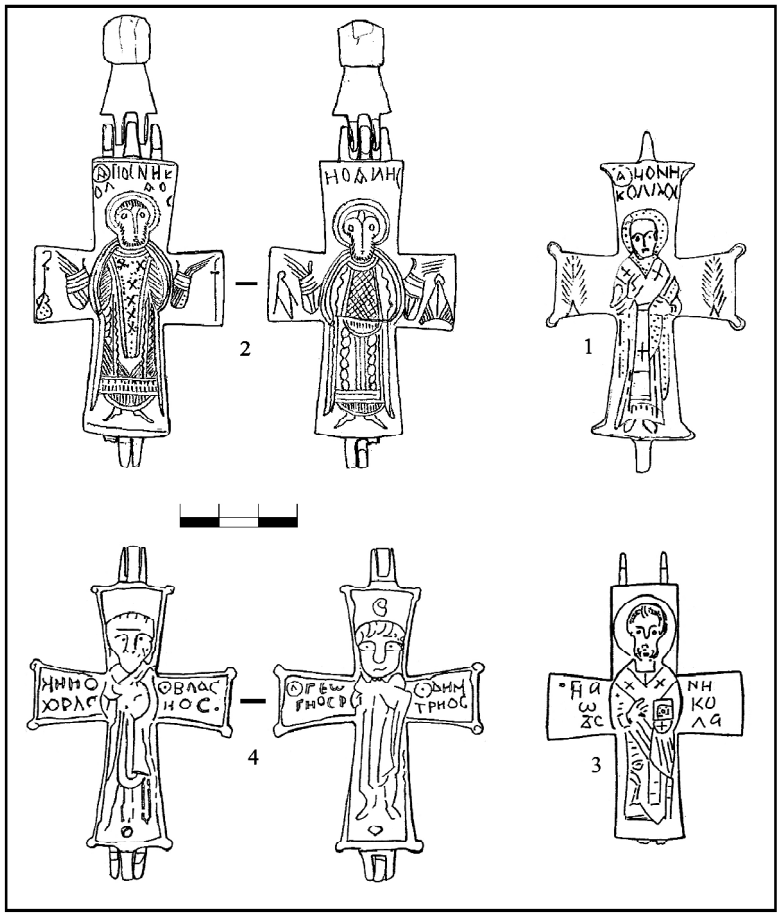

Рис. 1. Византийские энколпионы с изображениями св.Николая (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 14, л. 76-77; д. 15, л. 1-2):
1 – ГЭ (СПб.), №w. 139, поступление 1899 г. (покупка В.Г.Бока в Стамбуле);
2 – ГЭ (СПб.), №w. 207, поступление 1911 г. из собр. О. Нури-Бея;
3 – Каневский у. Киевской губ. (из собр. Б.И. и В.Н. Ханенко);
4 – ГЭ (СПб.), №w. 195, поступил из собр. А. Сырку-Болтенковой.

подтверждает эту гипотезу[5]. Состав изображений на этих энколпионах, с одной стороны, непосредственно напоминает о крестной жертве Христа, с другой стороны является концентрированным выражением христианского вероучения в зримых образах. В древней Руси, не имевшей поначалу своего сонма святых[6], естественно была принята именно эта композиционно-иконографическая схема для крестовскладней, поскольку она подходила не только для хранения частиц Животворящего древа. Счастливых обладателей такой святыни, конечно, было намного меньше, чем довольно широко распространенных меднолитых крестовмощевиков. Но их иконография отвечала любой вложенной в них христианской святыне, будь то кусочки губки, раздаваемой священником после чина омовения мощей[7], или иные материальные частицы, бывшие в *контакте* с *чудотворной* иконой или чудотворным источником.

Однако, прежде чем обратиться к рассмотрению древнерусских энколпионов, необходимо остановиться на одном спорном (пограничном) памятнике (рис. 1: *3*). Это оборотная створка прямоконечного энколпиона, найденная в районе Канева Киевской губ., с изображением в рост св. Николая, занимающим всю вертикальную плоскость креста, и выполненным глубокими, отлитыми в форме, линиями, как и славянская надпись на боковых концах створки **(ѳ)ГИА/Ѡ/ѢС НИ/КѲ/ЛА** (Ханенко 1899: №117). Св. Николай изображен в святительском облачении, с Евангелием в левой руке и благословляющим жестом правой руки, в манере, существенно отличающейся от изображений этого святого на ближневосточных энколпионах. Учитывая все это и особенно славянскую надпись, Г.Ф. Корзухина допускала возникновение модели на Руси, относя ее к начальному этапу развития древнерусской культовой металлопластики (Корзухина РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 15, л. 1-4). Единственной пока аналогией рассматриваемой створке является створка, происходящая из Судака и хранящаяся в Одесском археологическом музее (Тимашкова 1991: 122, рис. 2, *5*). В древнерусском художественном литье данная модель не получила даже

[5] Таковы, например, энколпионы из Плиски и Пизы, из музея Бенаки в Афинах (Donceva-Petkova 1979: 74-91; Kartsonis 1986: fig. 25-26; Frolov 1965: 70, fig. 28).

[6] Единственная в древней Руси модель энколпиона, посвященная отдельным святым – Борису и Глебу, ни формой, ни композицией или техническими приемами, ничем не напоминает провинциально-византийские кресты, изготовлявшиеся в местах почитания изображенных на них святых.

[7] О существовании такой традиции в древней Руси см.: Мусин 2000: 61-64).

отдаленных реплик. Зато среди византийских энколпионов выделяется, хотя и немногочисленный, ряд никольских крестов-складней, в который легко вписывается и интересующий нас крест, возможно как заключительный вариант этого ряда (рис. 1, *1-2, 4*). Ближе всех к нему в этом ряду стоит модель энколпиона с изображениями в рост святых на обеих створках, подписанных двойными именами (NHKOΛAOC – BΛACHOC на лицевой створке, ΓEOPΓHOC – ΔHMHTPHOC – на оборотной) (рис. 1: *4*). Сближает их почти полное отсутствие «сирийских» черт в изображении святых, в размещении и характере надписей, на этот раз греческих, и техника исполнения, но есть отличия в форме створок и конструкций петель. На лицевой створке энколпиона, приобретенной В.Г. Боком в Стамбуле (рис. 1: *1*), изображение святителя Николая по манере исполнения довольно близко к рассматриваемым, но характер греческих надписей, помещенных на верхнем конце креста, и кипарисы на боковых соответствуют ближневосточной традиции. Наконец, энколпион с чрезвычайно условными и обильно декорированными изображениями св. Николая на лицевой створке и св. Иоанна на оборотной являет собой пример классического ближневосточного энколпиона (рис. 1: *2*), происхождение которого с большой долей уверенности можно связывать с Мирами Ликийскими (или Эфесом?). Створка энколпиона, купленная в Стамбуле (рис. 1: *1*), по мнению В. Н.Залесской, могла относиться к энколпиону, служившему евлогией монастыря, где особо почитался св. Николай[8]. Такое же предположение допустимо и в отношении створки из Каневского уезда (рис. 1: *3*), но с уточнением: этот монастырь или, может быть, даже отдельный храм должен был находиться где-то в славянских землях. Единственной прочной аналогией створке из Каневского уезда (по технике нанесения рисунка и надписей) являются энколпионы со святыми, поименованными двойными именами (рис. 1: *4*), в связи с чем придется остановиться на них подробнее.

В настоящее время известно 18 экз. таких энколпионов, и почти все они связаны с Балкано-Дунайским регионом[9], в том числе 14 непосредственно с Болгарией, где были обнаружены на памятниках, расцвет которых приходится на XII-XIII вв. (Дончева-Петкова 1992: 11-19). Исходя из полного отсутствия таких энколпионов на памятниках Первого Болгарского царства, из локализации находок и некоторых иконографических аналогий (в частности, с изображением на мощехранительнице св. Димитрия в Солуни), Л. Дончева-Петкова высказала два предположения о налаживании их изготовления в конце XII века[10]: 1). в Солуни; 2). в столице Второго Болгарского царства Велико Тырново или поблизости от нее. В святых, изображенных на энколпионах, исследовательница видит широко известных и почитаемых во всем христианском мире, и особенно в Болгарии, св. Николая – архиепископа Мирликийского, св. Власия – епископа из Севастии, св. Георгия Каппадокийского и св. Димитрия Солунского[11]. С. Смядовски в развитие позиций Л. Дончевой-Петковой обратил внимание на огромную популярность названных святых на всем православном Востоке, на их семантическую близость в народном сознании (Никола-Власий, Никола-Георгий), объясняемую, на его взгляд, «дополнительной семантизацией» – перенесением древних черт богов славянского языческого пантеона на христианских святых (Смядовски 1991: 19-22).

Дата, предложенная Л. Дончевой-Петковой (конец XII в.), и локализация находок позволяют гипотетически увязать эту серию энколпионов с храмом *св. Димитрия* в Тырнове, который был построен Асенем «*для "обоих народов*", то есть для болгар и влахов, которые посещали ее вместе и одновременно» (Литаврин 1972: 135). Возведение этой церкви, по-видимому, было результатом тесного сотрудничества влашской знати с болгарскими вождями, вместе восставшими в 1185 г. против византийского владычества, что привело к созданию Второго Болгарского царства, возглавляемого влахами – Асенидами. Влахи византийских источников XI-XIII вв. – это «один из своеобразных этнических феноменов на Балканах в центральный период средневековья» (Литаврин 1972: 92). Известно, что влахи были пастушеским кочевым народом. В то же время они «платили налоги, несли военную службу, выполняли отработочные повинности, были прихожанами церкви...» (Литаврин 1972: 112).

Начало христианизации влахов на Балканах, согласно византийским источникам, Г.Г. Литаврин относит «к тому же времени, к какому относят и христианизацию прочих этнических групп (в частности, славян)» (Литаврин 1972:

[8] Кресты, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (см. рис. 1: *1-2, 4*), подробно анализируются в статье В.Н. Залесской «Византийские евлогии св. Николая», находящейся в печати.

[9] Исключением являются одна находка из Херсонеса и еще одна, поступившая в ГЭ (СПб.) из частной коллекции (см. рис. 1: *4*).

[10] Исследователи, публиковавшие такие энколпионы, в основном повторяли дату, предложенную некогда без серьезного основания К. Миятевым (Миятев 1922: 86, обр. 66) – X-XI вв.

[11] Иного мнения придерживается В.Н. Залесская, доказывающая, что эти кресты-евлогии изготовлялись для паломников г. Амастриды (Малая Азия), где находилась мощехранительница св. Георгия Амастридского и где могли одновременно почитаться малоазийские святые Власий – епископ г. Севастии, Николай – один из 40 севастийских мучеников, Димитрий из г. Скепсис на Геллеспонте (Залесская, в печати).

133). До конца XI в. у влахов не было своей епископии: «они принадлежали к тем приходам, в которых лежали их зимовища» (Литаврин 1972: 135). К концу XI или первой половине XII вв. относится известие об особой епископии для влахов близ Прилепа с центром во Вранье. В конце XII в. горная Фессалия составляла провинцию с официальным названием «Влахия» или «Великая Влахия», епископский центр которой находился *в Димитриаде* (Литаврин 1972: 135). Ряд исследователей подчеркивает значительное влияние на влахов богомильства, проявившееся в чрезвычайном распространении в древнем влашском фольклоре темы диавола и злых духов (Литаврин 1972: 136). Р.А. Рабинович полагает возможным «обратное воздействие религиозных представлений влахов на возрождение дуалистических религиозных представлений на Балканах» (Рабинович 2000: 288, 292-293, 314 и др.). Основанием к тому является предложенная им новая, детально разработанная «восточная» гипотеза происхождения волохов (Рабинович 2000: 262-390). Согласно «восточной» гипотезе, выводящей этот загадочный этнос из Восточной Европы еще в гуннское время, «волохи на востоке Европы представляются неславянской этнической группой индоевропейского происхождения, наиболее вероятно, балтского, но в раннесредневековое время уже тесно связанной с финно-угорским миром» (Рабинович 2000: 364). Балканские потомки влахов, переселившихся некогда из Восточной Европы, ведущие пастушеский образ жизни, должны были унаследовать культ Волоса/Велеса, очень популярный в балтском мире.

Изучению контаминации христианских и языческих представлений в процессе христианизации Руси посвящено немало исследований, главным образом филологического характера. О св. Власии как «христианском заместителе» Волоса/Велеса в них говорится довольно часто[12]. Огромный материал, отражающий многообразные проявления отождествления св. Николы с Волосом/Велесом, имевшие место на славянской почве, рассматривается в монографии Б.А. Успенского (Успенский 1982: 31-116). Однако автор, подчеркивая, что работа строится на восточнославянских данных, не исключает, «что объединение св. Николая с противником Бога-громовержца (в том или ином конкретном его воплощении) может быть обнаружено и вне пределов славянской территории», и далее подчеркивает, «что с распространением христианства отождествление такого рода происходило каждый раз заново: иначе говоря, мы должны предположить в этом случае, что уже греческий образ данного святого заключает в себе определенные предпосылки, способствующие подобному отождествлению» (Успенский 116-117). Однако мы далеки от того, чтобы изображение святого с двумя именами NHKOΛAOC – BΛACHOC на энколпионах считать прямым отражением отождествления этих святых в той среде, в какой кресты были созданы.

Появление избранных святых на кресте-реликварии должно быть обусловлено прежде всего их значимостью для того храма или монастыря, в котором крест исполнен. В данном случае, по-видимому, очень важны были обе пары святых, а элементы их подобия и, возможно, более глубокие связи позволили соотнести с одним изображением двух святых. Решусь предположить, что избраны были пары святых, *преимущественно* почитаемых в среде двух народов: Николая и *Власия* у влахов (пастушеского по образу жизни народа), Георгия и *Димитрия* – у болгар. Напомню, что храм, построенный Асенем «для обоих народов», был посвящен св.*Димитрию*.

Сравнение створки со св. Николаем из Каневского уезда (рис. 1: *3*) с рассматриваемыми энколпионами (рис. 1: *4*) выявляет, с одной стороны, их близость в композиционно-иконографическом и технологическом отношении, что позволяет, с учетом славянской надписи, отнести каневскую створку к кругу памятников Балкано-Дунайского региона XII-XIII вв. С другой стороны, некоторые конструктивные особенности в устройстве верхней пары петель указывают на то, что разработаны эти модели были в разной среде: каневская устроена традиционно, со знанием дела, а модель с двойными именами святых своеобразно, вопреки обыкновению, как будто автор забыл или не знал, что между верхними петлями створки креста должны поместиться еще петли оглавия[13].

Древнерусские энколпионы массовых типов в большинстве своем (за исключением борисоглебских) следуют второй византийской композиционно-иконографической схеме (Распятие – Богоматерь), на основе которой разрабатывается множество вариантов. При этом в композиции Распятия на древнерусских крестах Христос изображается препоясанным, а не в колобии, и в традиционный состав этой композиции, помимо предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова, могут входить еще один или два святых. Еще больше отличий на створках с центральным изображением Богоматери. Если на византийских энколпионах преобладают изображения Богоматери Оранты или Киоритиссы с 4 евангелистами, то на древнерусских наряду с этим иконографическим типом Богоматери помещались изображения Богоматери Одигитрии, Ассунты, Агиоритиссы, тронной Богоматери с младенцем (Печерской) в сочетании с определенным для каждого иконографического типа составом святых на концах

[12] Ссылки на литературу см.: Успенский 1982: 127-128.

[13] Изображения таких крестов в комплекте с оглавием см. в статье Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова 1991: рис. 1-2).

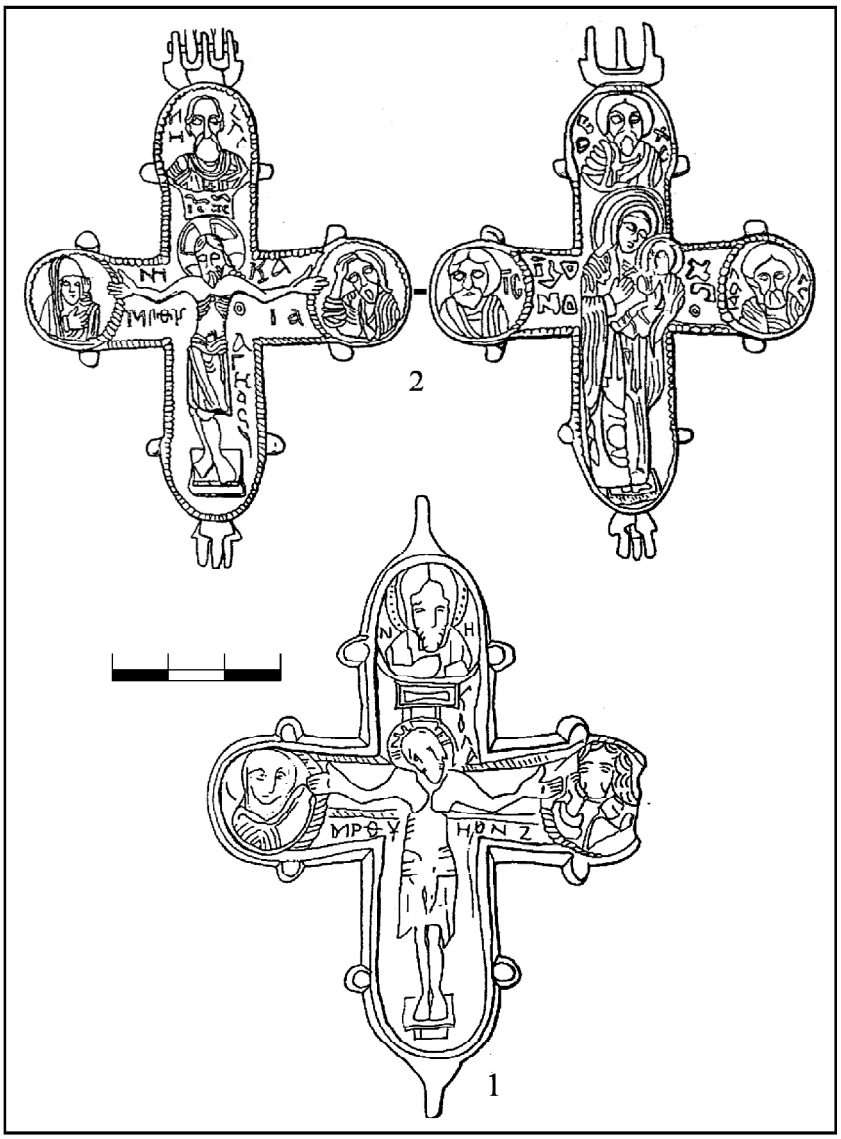

Рис. 2. Древнерусские энколпионы с высокорельефными изображениями (Распятие с предстоящими, св.Николай – Богоматерь Одигитрия и трое святых):
1 – лицевая створка энколпиона с композицией Распятия I иконографического варианта. НМИУ (Киев), №В-882 (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 15, л. 14);
2 – энколпион с композицией Распятия II иконографического варианта (типа Купятицкого). Раскопки Н.Ф. Беляшевского на городище Княжа гора Каневского у. Киевской губ., Украина. НМИУ (Киев), №В-952 (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф.77, д. 15, л. 16).

створок. Состав этот обычно (но, к сожалению, далеко не всегда) устанавливается благодаря сопутствующим надписям. Чаще других в него входят апостолы Павел и Петр, святитель Николай и св. Георгий, а также свв. воины Димитрий и Нестор, свв. целители Козьма и Дамиан, творцы литургии – свв. Василий, Григорий и Иоанн, евангелисты свв. Марк, Матфей, Лука и Иоанн, архангелы Михаил и Гавриил, свв. Константин и Елена.

Святитель Николай занимает в этом списке особое место, так как включен в большей или меньшей степени в иконографическую программу почти всех технологических групп древнерусских энколпионов XI-XIII вв. (рельефных, рельефно-черневых, черневых[14] и выполненных в технике выемчатой эмали), неизвестен пока лишь в группе крестов с перегородчато-выемчатыми эмалями.

В группе рельефных энколпионов исследователями традиционно выделяются кресты со свободно скомпонованными изображениями, выполненными в высоком рельефе, и кресты с плотно скомпонованными мелкими рельефными изображениями (часть из них с зеркальными надписями). Возникновение первых принято относить к концу XI века, а расцвет производства к XII в. (Корзухина 1958: 130-137; Зоценко 1981: 113-124; Pucko 1986-1987: 49-58), возникновение вторых – к первой четверти или 30-м годам XIII века (Рыбаков 1948: 262-263, 454-456, 615-616; Корзухина 1958: 133; Пескова 1998: 250-251; Пуцко 1999: 165-171; Ширинский 1999: 131-141).

Для энколпионов с высокорельефными изображениями самой распространенной композиционно-иконографической схемой является композиция Распятия с 3 погрудными изображениями святых в медальонах на лицевой

[14] В группе черневых крестов (точнее, инкрустированных чернью, серебром, эмалью) пока достоверно выявляется только один тип энколпионов, включающий изображения св. Николая; он представлен единичными экземплярами.

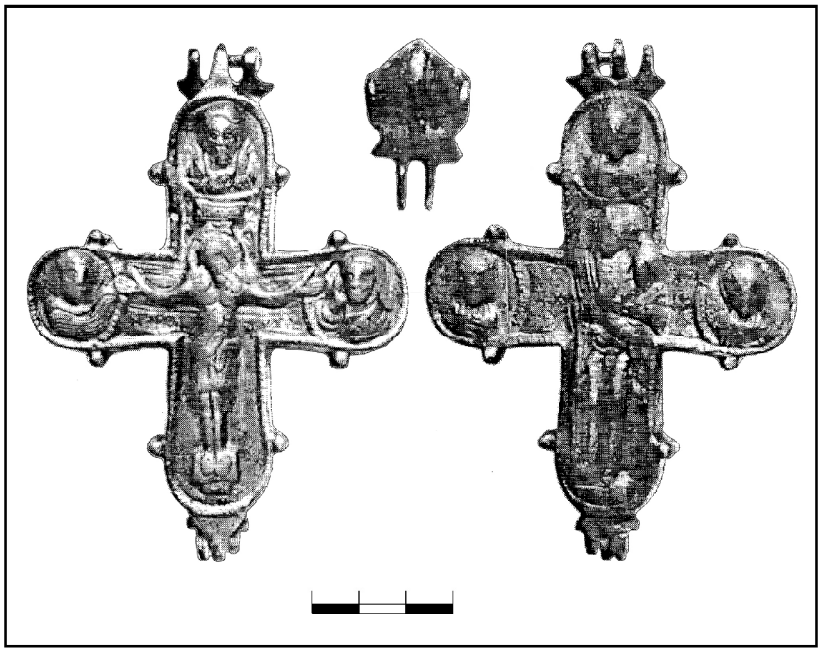

Рис. 3. Древнерусский энколпион с высокорельефными изображениями (Распятие с предстоящими, св.Николай – Богоматерь Одигитрия и три святых воина) I иконографического варианта. Венгерский национальный музей (Будапешт), инв. №1870.117. (по: Lovag 1971: 158-159, fig. 4a,b,c). (Оглавление, помещенное в статье Ж. Ловаг на рис. 4c, судя по описанию, должно относиться к энколпиону из Сентмиклоша, изображенному там же на рис.7).

створке и Богоматери Одигитрии в рост с 3 погрудными изображениями святых в медальонах на оборотной. В настоящее время насчитывается свыше 230 таких энколпионов, в том числе 134 адресные, остальные неизвестного происхождения, все с закругленными концами. Среди них большие энколпионы (~11×9,5 см) единичны и отличаются составом изображений в медальонах: на лицевой створке в композиции Распятия – Богоматерь, Иоанн Предтеча и архангел Михаил, на оборотной – около Богоматери Одигитрии апостолы Павел и Петр, архангел Гавриил. Большинство же энколпионов с центральными изображениями Распятия на лицевой створке и Богоматери Одигитрии на оборотной представлены крестами средней величины (8-9×7-8) см, на которых в верхнем медальоне лицевой створки помещается погрудное прямоличное изображение святителя Николая, в боковых – изображения предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова. Состав изображений святых в медальонах оборотной створки точно не устанавливается (рис. 2, *3*). По иконографическим признакам и частично сохранившимся надписям выделяется два варианта подбора святых в медальонах оборотной створки при иконографически неизменном центральном изображении Богоматери Одигитрии: 1) все святые безбородые, в плащах, скрепленных на правом плече (святые воины Георгий, Димитрий, Нестор?) (рис. 3); 2) все святые-средовеки с длинными усами и бородами (свв. Петр, Павел, Иоанн?) (рис. 2, *2*). Состав изображений лицевой створки этого типа энколпионов остается стабильным на протяжении всего периода его активного бытования на Руси, за исключением отдельных случаев отступления от основной модели при повторных отливках путем оттискивания в глине с уже нечеткого образца. Однако иконографические и стилистические особенности композиции Распятия позволяют также выделить два варианта оформления лицевой створки, которые нагляднее всего проявляются в изображении распятого Христа: 1) Христос со склоненной к правому плечу головой, согнутыми в локтях руками, почти прямыми ногами со слегка разведенными или сомкнутыми ступнями, в препоясании выше колен с неровным краем, косо опускающимся по сторонам ниже колен (рис. 2, *1*; 3, *2*) голова Христа слегка наклонена к правому плечу, руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях (левая немного впереди правой), ступни разведены в стороны, препоясание выше колен с ровноскошенным в одну стороны краем (рис. 2: 2). Если первый иконографический вариант в изображении Распятия является прямым продолжением византийской традиции X-XI веков, то второй представляет собой, по-видимому, следующий этап в развитии этой композиции на древнерусской почве. Время появления 2-го иконографического варианта композиции Распятия на древнерусских энколпионах можно определить не позднее 1182 г. на том основании, что лицевые створки крестовскладней с таким Распятием часто находятся в комплекте с оборотными створками, на которых изображение Богоматери Одигитрии дополняется изображениями в медальонах святых-средовеков с преувеличенно выраженными бородой и усами, то есть со створками типа Купятицкого энколпиона с чудотворным образом Богоматери Одигитрии, явленным, по легенде в 1182 г. в с. Купятичи Пинского уезда (Беларусь) (Пуцко 2001: 144-153[15]). Купятицкий энколпион, оправленный в драгоценный оклад,

[15] На с. 152-153 приведен обстоятельный список литературы.

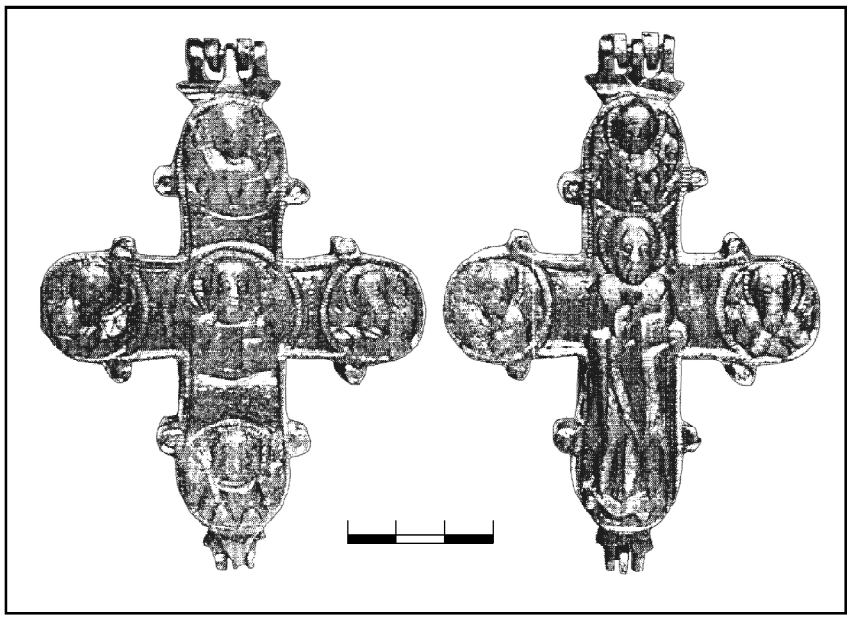

Рис. 4. Древнерусский (?) энколпион с высокорельефными изображениями (Деисус пятичастный – святитель Николай и святые Георгий, Василий, Прокопий) из Сент-Миклоша, Венгрия. Венгерский национальный музей (Будапешт), инв. №1870.254. (по: Lovag 1971: 152, 164, fig. 7, 2a,b).

известен только по воспроизведениям его со стороны оборотной створки. Однако стилистическое единство изображений в медальонах лицевой створки второго иконографического варианта и оборотной, типа Купятицкого креста, как и случаи нахождения таких створок в комплекте (рис. 2: 2) позволяют выделить собственно Купятицкий тип энколпионов среди более 230 на первый взгляд, очень похожих крестов-складней. При этом состав изображений лицевой створки новой модели энколпиона полностью сохраняется, в том числе и святитель Николай в верхнем медальоне. Меняется только состав святых на створке с центральным изображением Богоматери Одигитрии (вместо святых воинов – святые средовеки).

Чрезвычайно близким к рассмотренному типу энколпионов по форме, размерам (8,3×7,7 см), характеру рельефных изображений является крест-складень из Сентмиклоша (Венгрия) (Lovag 1971: 162, fig. 7) (рис. 4). Но композиционно и по составу изображений он существенно отличается от них. На его лицевой створке в пяти медальонах погрудно изображены Христос Пантократор в средокрестии, обращенные к нему в молении Богоматерь и Иоанн Предтеча, а также архангелы Михаил и Гавриил, составляющие вместе деисусную композицию. На оборотной створке центральное место занимает изображение в рост святителя (с крестчатым омофором), согласно надписи – св. Николая; в боковых медальонах погрудные прямоличные изображения святителей (в прочтении Ж. Ловаг, святых Василия и Прокопия), в верхнем медальоне погрудное и прямоличное изображение св. Георгия. Энколпион был обнаружен вместе с крестами XII-XIV вв. и датирован Ж. Ловаг XIV веком со ссылкой на М. Фасмера на основании надписи в форме **ИѢАN** около изображения Иоанна Предтечи. Однако известно и значительно более раннее употребление этого имени в такой форме – например, в берестяной грамоте №502, обнаруженной в слое рубежа XII-XIII вв. на Троицком раскопе в Великом Новгороде (Арциховский, Янин 1978: 96-99, №502). Встречается оно и в надписях на литейной форме для отливок домонгольских крестов (в форме **ИѢАNѲ**) (Каргер 1958: табл. XLVII; Церква... 1996: 175, №21). Композиционное решение лицевой створки энколпиона из Сентмиклоша не имеет аналогий в группе рельефных древнерусских энколпионов. На Руси такая пятичастная композиция применялась только на энколпионах, украшенных перегородчато-выемчатыми эмалями, в Византии гораздо шире – на процессионных крестах, на крестах-энколпионах с эмалями и меднолитых односторонних крестах. Аналогичная композиция встречается и на единичных серебряных энколпионах как с рельефными, так и с черневыми изображениями XI и XII вв., обнаруженных в Северной Европе и выполненных в русле византийской традиции, но с выраженными местными особенностями (Duczko 1997: fig. 7: 1; Purhonen 1998: 74, fig. 66-67; Staeker 1999: 450-451, №58). К тому же кругу памятников культового литья принадлежит и створка энколпиона, обнаруженная при раскопках святилища Реком в Цейском ущелье на Северном Кавказе (Кузнецов 1968: 83, №11, рис. 1: 8). По составу изображений святых в медальонах, зачастую не атрибутируемых, приводимые в качестве композиционных параллелей кресты отличаются друг от друга. Объединяет их такая общая черта, как острые углы средокрестья, характерные именно для византийских по своим истокам крестов. На энколпионе из Сентмиклоша углы средокрестья прямые, как и на подавляющем большинстве древнерусских энколпионов.

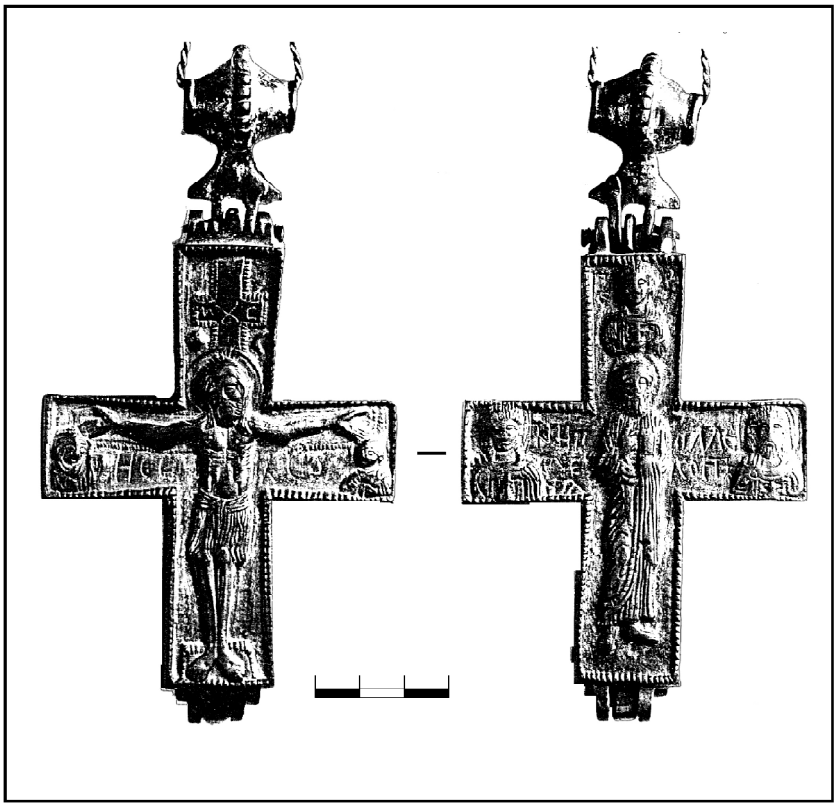

Рис. 5. Древнерусский энколпион с высокорельефными изображениями (Распятие с предстоящими – св. Николай (?) со святыми Георгием, Константином и Еленой) из с. Хмельное Каневского у. Киевской губ. Пражская национальная галерея (Чехия), инв. №P6502. (по: Hlavaukova 1993: 310-313.

Композиция оборотной створки энколпиона из Сентмиклоша в общих чертах следует древнерусской традиции – центральное изображение святого в рост и 3 погрудных изображения святых в медальонах, но по общему составу изображений эта створка не имеет подобных. Только изображение св. Георгия в верхнем медальоне является традиционным в группе энколпионов с высоким рельефом. Святительская же тема (а на этой створке изображены сразу три святителя) на древнерусских энколпионах заметно проявляется только в первой половине XIII века – на богородичных энколпионах с мелкими литыми изображениями с зеркальными надписями с обращением «святая Богородица, помогай». Самое раннее включение святителей, в том числе и св. Николая, в иконографическую программу византийских крестов-реликвариев фиксируется на золотом с черневыми изображениями крестеэнколпионе из Плиски, который Л. Дончева-Петкова датирует концом IX – началом X вв. (Donceva-Petkova 1979: 74-91, fig. 15)[16], а также на процессионном кресте из Адрианополя, датируемом второй половиной X века (Bouras 1979: fig. 1, 15, 16). Единичный случай помещения изображения св. Николая в качестве *центрального* на оборотной створке древнерусского энколпиона из Сентмиклоша (с закругленными концами и высокими рельефами традиционных размеров и пропорций) наряду с нестандартным подбором святых в медальонах, акцентирующим внимание на святительском служении св. Николая, а также с необычной композицией лицевой створки, более характерной для византийской металлопластики, – все это указывает на то, что этот энколпион, скорее всего, был изготовлен по индивидуальному заказу духовного лица высокого ранга. По форме, размерам, частично и композиции, а также технике исполнения его можно отнести к XII в.

В той же технологической группе энколпионов (с высокими рельефными изображениями, но с прямоугольными концами) выделяется модель энколпиона, представляющая собой отдаленную иконографическую параллель энколпиону из Сентмиклоша (рис. 5). Объединяет их прежде всего нетрадиционность сопоставления на лицевой и оборотной створках центральных изображений Христа (на этот раз в композиции Распятия) и св. Николая вместо обычного для массовых типов энколпионов сопоставления Христос – Богоматерь или Крест.

Эти большие (9-9,5×7,5-8) см энколпионы с прямыми, едва заметно расширяющимися концами на лицевой створке несут изображение Распятия с предстоящими, с выделением поперечной перекладины Крестного древа, с возглавием и подножием, с символами солнца и луны над головой Распятого. Тип Распятия

[16] Имеется в виду внутренний крест, обычно обозначаемый как «Плиска II», на оборотной створке которого центральное изображение Богоматери Кириотиссы дополняется четырьмя медальонами на концах креста с погрудными изображениями св. Николая (справа от Богоматери, с надписью НИКОЛАЄ) и творцов литургии св. Иоанна Златоуста, св. Василия и св. Григория.

соответствует выделенному нами в группе рельефных энколпионов с закругленными концами I варианту, хотя выполнен в необычной, более реалистичной манере (ср. рис. 2: *1*). Несоразмерно малые полуфигурки предстоящих помещены под руками Христа в нижних углах боковых концов. На оборотной створке центральной фигуре святого Николая в апостольских одеяниях с благословляющей правой рукой перед грудью и Евангелием в левой руке, сопутствуют полуфигуры святых Константина и Елены на боковых концах и св. Георгия вверху (все трое изображены в плащах, застегивающихся у правого плеча, с крестом в правой руке). Углубленные надписи, тождественные на большинстве экземпляров, отливались вместе со створками. На лицевой створке: в возглавии **ИСХ**, под руками Христа **ЇСС ХСЪ**. На оборотной створке: по сторонам от центральной фигуры **НИКОЛ(А)Є** – верхняя строка, под ней на левом конце створки **(О)ЛЄ□НА**, на правом конце **КОСТ**; по сторонам от полуфигуры святого на верхнем конце **ГЄѠРГИ**. На позднейших отливках надпись меняется.

Лицевая створка в композиционном отношении очень напоминает византийские («сирийские») рельефные энколпионы: та же разномасштабность центральной фигуры Христа и фигурок предстоящих, та же утесненность их расположения на концах створки, тот же крест (а не святой) над головой Христа (возглавие), правда, несколько иной формы, и обозначения солнца и луны. Даже лики предстоящих сохраняют восточные черты (но Христос изображен препоясанным, а не в колобии).

Оборотная створка в композиционном отношении более всего сопоставима с соответствующей створкой энколпиона из Сентмиклоша, хотя по составу изображений на боковых концах створки (*равноапостольные* Константин и Елена) и необычной иконографии св. Николая (не в святительском, а в *апостольском* одеянии) видно, что здесь разрабатывается иная – не святительская тема. Примечательно, что над головой св. Николая в обоих случаях помещается изображение св. Георгия.

Центральная фигура святого в апостольском одеянии вызывает много вопросов. Несоответствие его, поименованного **НИКОЛАЄ**, привычному иконографическому типу св. Николая в святительском облачении вызвало обоснованное предположение о том, что надпись вторична, и на кресте представлено изображение Христа Пантократора (Пуцко 1987: 63-65). Однако той же рукой написаны имена Константина и Елены, соотнесение которых с боковыми рельефами не вызывает сомнений. А изображение св. Николая в апостольском одеянии представляется вполне допустимым и оправданным, учитывая его особое место среди Отцов Церкви, единственного, память которого внесена в Октоих, на Четверг, в один день с памятью святых Апостолов. Е.А. Моршакова, отстаивая связь данной модели энколпиона с культом св. Николая Мирликийского, относит ее появление к 90-м годам XI века, когда, после перенесения мощей святого в Бари в 1087 г., на Руси устанавливается празднование этого события (1089 г.) и создается целый ряд произведений, посвященных святому, в том числе Похвальное слово на перенесение мощей, где он называется «славой апостольской» (Моршакова 2001: 160-163, илл. 1). Изображение св. Николая в окружении императора Константина и его матери Елены увязывается с одним из важнейших моментов в житии святого – явлением его во сне Константину (Моршакова 2001: 162).

Отнесение рассматриваемого типа энколпионов к одному из древнейших на Руси (Пуцко 1987; Моршакова 2001) во многих отношениях представляется оправданным, несмотря на то, что надежно датированных экземпляров XI века так и не обнаружено. Настораживает характер углубленных надписей – отлитых, а не врезанных, как на всех ранних типах энколпионов, а также необычная продолжительность активного бытования этого типа. Дело в том, что те немногие домонгольские типы энколпионов, которые перешли в XIV век, претерпев какие-то изменения, возникли не ранее конца XII в. Ни одного типа, восходящего к XI веку, в их составе мне неизвестно. Тем не менее, среди немногочисленных отливок энколпионов рассматриваемого типа выделяется несколько экземпляров с полностью измененными надписями и совершенно иным трансформированным типом Распятия (без предстоящих), что позволяет говорить об их длительном бытовании. Ориентиром в определении срока бытования типа может служить энколпион, обнаруженный в слоях XIII-XIV в. при раскопках в Москве[17]. Он составлен из лицевой створки с Распятием трансформированного типа и гладкой, без изображений, оборотной створки. Прямой аналогией ему является энколпион из собрания ГРМ №7152-М1618 (тоже с гладкой оборотной створкой). Створка с таким изображением Распятия есть и в собрании Б.И. и В.Н. Ханенко, происходит из Волынской губ. (Ханенко 1899: №122). С другой стороны, створка с изначальной иконографией Распятия (насколько можно судить по публикации), но представляющая собой грубую отливку по оттиску готового изделия, была найдена в одном комплексе с еще одной створкой древнерусского рельефно-черневого энколпиона в жилище средневекового селища на мысу Чиракман близ Каварны (Болгария), которое датируется исследователями концом XII – началом XIII века (Дончева-Петкова 1983: 119, рис.

[17] Фонды Центра археологических исследований Москвы ГД-98 р.6 №457 (л). Приношу искреннюю благодарность А.Г. Векслеру, ознакомившему меня с материалами раскопок.

VI, 2). Таким образом, прослеживается трансформация типа, его угасание во времени и параллельно воспроизведение древних образцов, все более теряющих качество отливки. Наглядным тому примером служит энколпион, происходящий из раскопок в Городце на Волге (в печати).

География немногочисленных адресных находок энколпионов этого типа (6 из 21 учтенных экземпляров) широка – от Каварны (Болгария) до Городца на Волге. При этом только крест из Хмельной на Каневщине может быть отнесен к первоначальным отливкам, остальные – к повторным.

Еще одна модель рельефных прямоконечных энколпионов, включающих изображения св. Николая, имеет небольшие размеры (6×4 см) и *два* варианта композиционного оформления оборотной створки (рис. 6). На лицевой створке неизменно изображается Распятие, на оборотной – Богоматерь Агиосоритисса в рост и 3 святых погрудно (рис. 6: *3*) или Богоматерь Агиосоритисса и 1 святой погрудно (на верхнем конце) (рис. 6: *1-2*). В первом случае изредка около центрального изображения Богоматери с трудом прочитываются углубленные греческие надписи (М)НР (Θ)Y, во втором случае все надписи русские, что, возможно, указывает на первичность композиции с тремя рельефами святых на концах створки и греческими надписями. Состав святых на концах створки в первом случае неопределим, во втором, благодаря углубленным надписям на свободных боковых концах створки, устанавливается предположительно. Справа от центрального изображения Богоматери расположена надпись в три строки **БОГОРОД(И)ЧА**, слева – два имени **N(И)К-(О)ЛА** и **ИѠАN**, разделенные ступенчатой линией и относящиеся, по-видимому, к изображению святого на верхнем конце створки (рис. 6: *1-2*). Ни один из 27 (в том числе 9 адресных) известных на сегодня энколпионов этого типа не сохранил достаточно ясных иконографических признаков святых на концах створок. По аналогии с памятниками византийской культовой пластики, над головой Богоматери Агиосоритиссы можно было бы предположить погрудное изображение Христа с благословляющей десницей, а в склоненных к Богоматери (или вместе с ней в молении Христу) полуфигурах святых по бокам – архангелов (для первого варианта композиции оборотной створки) (рис. 6: *3*).

Наряду с этим можно допустить, что надписи имен святых Николая и Иоанна (второй композиционный вариант) появились как замена изначальных рельефных изображений именно этих святых (первый композиционный вариант). Так или иначе, во втором варианте композиции оборотной створки эти два имени соотносятся уже только с поясным прямоличным изображением святого на верхнем конце. Аналогичных примеров двойных имен на древнерусских энколпионах домонгольского периода пока неизвестно. В качестве единственной параллели можно назвать балкано-дунайские, по локализации находок, энколпионы с двойными именами NHKOΛAOC – BΛACHOC и ГЕОРГНОС – ΔНМНТРНОС (Дончева-Петкова 1991: 11-19), рассмотренные в начале статьи. В отличие от рельефных древнерусских энколпионов, на створках балкано-дунайских складней помещены изображения святых в рост, выполненные углубленными линиями, отлитыми в форме вместе с надписями. Большинство

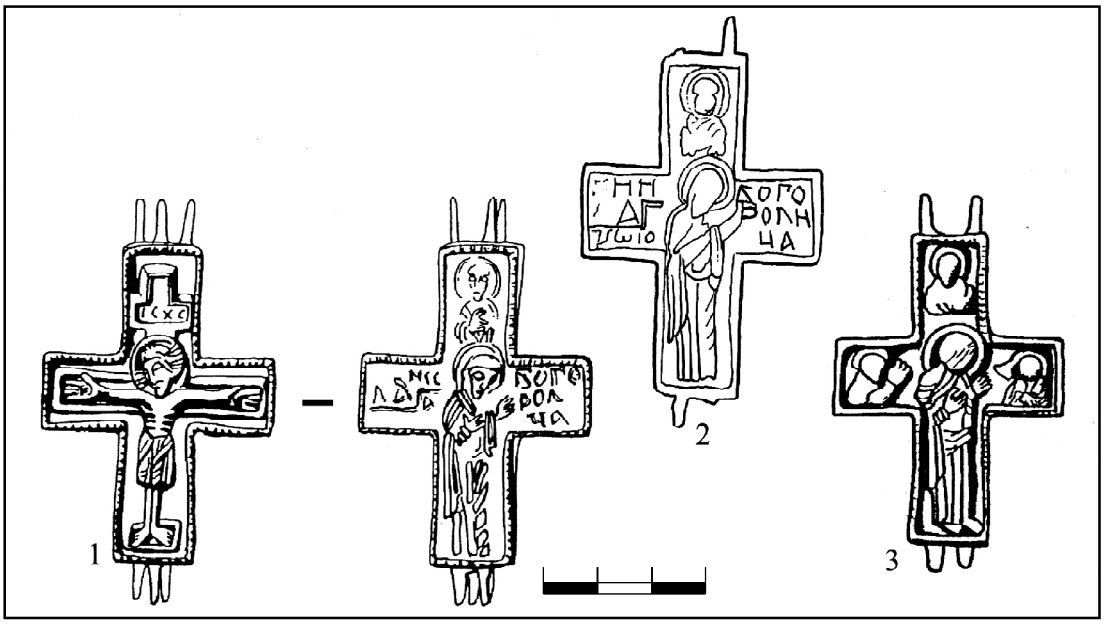

Рис. 6. Древнерусские энколпионы с рельефными изображениями (Распятие – Богоматерь Агиосоритисса с одним или тремя святыми) (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 15, л. 126): 1 – Овруч Волынской губ., Украина; 2 – из бывшей колл. А.С. Уварова; 3 – городище Княжа гора Каневского у. Киевской губ., Украина.

таких энколпионов, как указывалось, обнаружено на территории Болгарии, где они датируются концом XII века. Сопоставляемые с ними древнерусские энколпионы, происходящие из раскопок в Торопце и Друцке, по совокупности находок в культурном слое датируются XIII веком (Алексеев 1974: 205-206, рис. 1: 7; Малевская, Фоняков 1991: 53; 2000: рис. 71, 1), правда оба они относятся к первому композиционно-иконографическому варианту – с 3 полуфигурами святых на концах створки. Ни один энколпион второго варианта (с надписями вместо святых на боковых концах створки) не имеет пока стратиграфической даты. Иконографический и стилистический анализ рассматриваемого типа энколпионов, предпринятый В.Г. Пуцко, привел к выводу о его возникновении в конце XII – начале XIII вв. (Пуцко 1988: 209-225). Этим же временем (первой половиной XIII в.) датируется каменная иконка с изображениями Богоматери Агиосоритиссы в рост и св. Николая, происходящая из раскопок на городище Тележинцы Хмельницкой обл. (Николаева 1983: №359), которая фиксирует один из ранних в древнерусской культовой пластике примеров парности этих изображений, тем самым косвенно указывая, что композиция створки с изображениями Богоматери Агиосоритиссы и Николая-Иоанна вполне могла сложиться также в конце XII – начале XIII века. Но необходимо помнить, что датированными археологическими находками это пока не подтверждено.

Отличительной, принципиально новой особенностью рассматриваемого типа энколпионов является наличие среди них крестов со смешанными (греческими и славянскими) надписями. Этой же особенностью отмечены и *энколпионы с закругленными концами с плотно скомпонованными мелкими рельефными изображениями*, на лицевой створке которых центральное изображение в рост Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью (Ассунта), дополняется четырьмя погрудными изображениями святых в медальонах (вверху и внизу святителей Петра и Василия, по бокам святых целителей Козьмы и Дамиана). На оборотной створке центральное изображение Распятия дополняется погрудными изображениями святителей Николая и Григория в верхнем и нижнем медальонах и скорбящих Богоматери

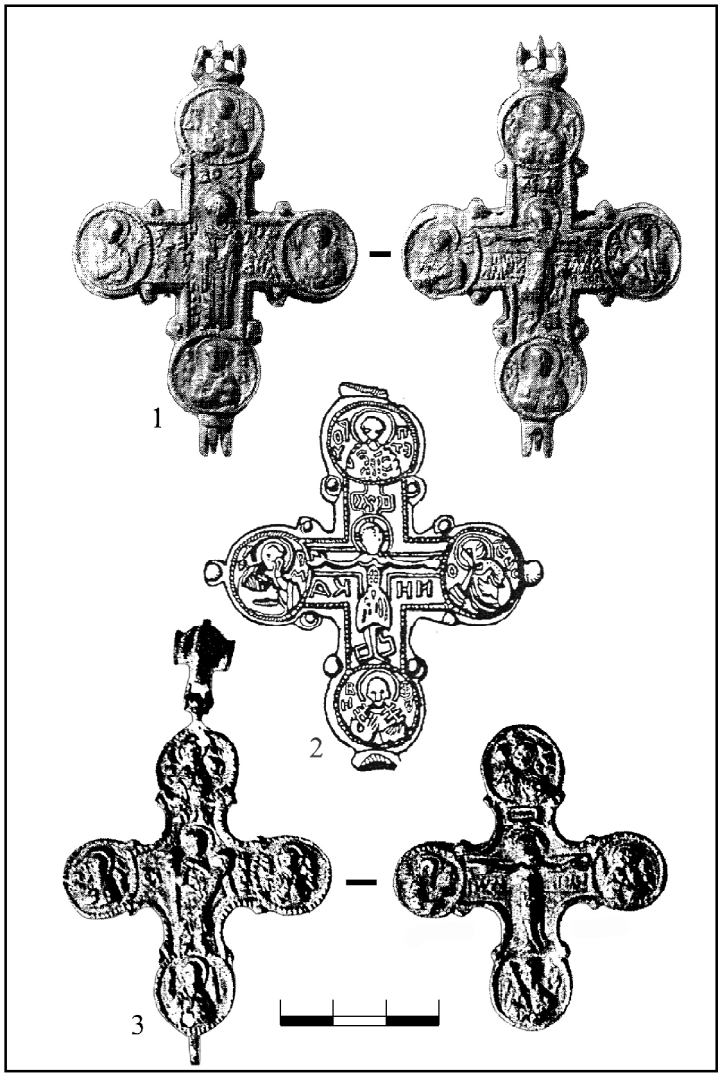

Рис. 7. Древнерусские энколпионы с мелкими плотно скомпонованными рельефными изображениями.
1 – Богородичный энколпион с русскими зеркальными подписями – с обращением «святая Богородица, помогай» (Богоматерь Ассунта со святителями Петром и Василием и святыми целителями Козьмой и Демьяном – Распятие с предстоящими и святителями Николаем и Григорием) из раскопок на городище у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл., Украина. Фото ИИМК РАН.
2 – Вариант Богородичного энколпиона – с греческими надписями и тремя «слезками» на боковых концах створки (Распятие с предстоящими и святителями). ГРМ СПб., №ДР/М 1761 (4211) (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 15, л. 108).
3 – Энколпион с изображениями на лицевой створке архангела Сихаила и 4 святых, на оборотной – композиции Распятия с предстоящими и архангелами. Переяславль-Хмельницкий, окрестности, Украина. 1905 г. (по: Варвянська, Супруненко 1997: 116-117, рис. 3).

и Иоанна Богослова в боковых (рис. 7: *1*). Все надписи славянские, рельефные, в зеркальном исполнении: на лицевой створке помимо имен святых читается еще и молитвенный возглас «святая Богородица, помогай», на оборотной створке наряду с именами святых около изображений в медальонах, по обе стороны от изображения Распятия размещена трехстрочная надпись «Крест нам похвала, крест нам у[тешение]». Такова композиционно-иконографическая схема основной модели этого самого распространенного и самого многочисленного типа среди древнерусских энколпионов (256, в том числе 146 адресных). Вариант энколпионов этого типа с греческими (тоже зеркальными) надписями представлен единичными экземплярами и, на первый взгляд, почти не отличается от основной модели (рис. 7: *2*). Бросаются в глаза лишь дополнительные третьи выступы-»слезки» на боковых медальонах. Все рельефные фигуры немного крупнее, чем на энколпионах основной модели, при этом изображения святителей в верхнем и нижнем медальонах створки с Распятием подписаны именами Петра и Василия (?), а не Николая и Григория, как это сделано на створках основной модели энколпионов. Размещение погрудных изображений святителей на створках с Богоматерью в этом варианте пока не устанавливается, так как не сохранилось ни одной такой створки с надписями, хотя можно предположить по аналогии с основной моделью, что в верхнем и нижнем медальонах были свв. Николай и Григорий, а в боковых – святые целители Козьма и Дамиан.

Датируется появление основной модели данного типа энколпионов, как уже указывалось, первой четвертью – 30-ми годами XIII в. Не выходит за эти хронологические рамки и вариант энколпионов с греческими надписями, о чем свидетельствует находка одной такой створки в Старой Рязани (Даркевич, Пуцко 1981). Типологически и, по-видимому, хронологически энколпионам с обращением «святая Богородица, помогай» близка модель энколпионов с закругленными концами, литыми рельефными надписями и изображениями на лицевой створке архангела Сихаила в рост со святыми Николаем, Сисинием, Пантелеймоном и неизвестным святым в медальонах, на оборотной – композиции Распятия с предстоящими и архангелами в медальонах (рис. 7: *3*). В XIV-XV вв. эта иконография получила развитие на энколпионах с прямыми дополнительно перекрещенными концами.

Выше уже отмечалось, что самое раннее появление изображений св. Николая вместе с творцами литургии св. Иоанном, св. Василием и св. Григорием на византийских энколпионах и процессионных крестах, относится к концу IX–X векам (золотой крест-энколпион из Плиски и Адрианопольский процессионный крест из музея Бенаки в Афинах). К этому же времени восходит и помещение изображений святых целителей Козьмы и Дамиана на крестах, как правило, вместе или на одной стороне с изображением Богоматери, что отмечается на памятниках того же круга – крестах из музея Бенаки (Bouras 1979: fig. 1, 17-18, 29). На византийских печатях изображения анаргиров XI в. сопутствуют изображению Богоматери (Шандровская 2001: 69-78). Таким образом, иконография Богородичных крестов имеет в своей основе устойчивую и глубокую византийскую традицию, проявившуюся в русской культовой пластике со значительным временным промежутком (в начале XIII в.).

В группе энколпионов, украшенных выемчатыми эмалями, выделяется модель креста с изображением на лицевой створке Распятия с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом и архангелами в медальонах, на оборотной – св. Николая в типе Зарайского (Заразского) с четырьмя погрудными изображениями святых в медальонах (рис. 8: *2-3*). Все надписи литые, даны в прямом написании и выполнены невысоким рельефом, вровень с плоскорельефными изображениями на фоне, заполненном эмалью. На лицевой створке по сторонам от изображения Христа **ІС Х̄С** то есть **ІС ХС Н(И)К(А)** в медальонах **МР ΘУ**, **ІѠ Н**, **(М)Х**, **(Г) (Л)**. На оборотной створке около изображения св. Николая **НИКѺЛА**, в медальонах **ЄУПА(Т)** (вверху), **МИК ИТ(А)** (внизу), **СИХА** (слева), **СИ С(ИН)** (справа). По форме эта модель чрезвычайно близка к энколпионам с обращением «святая Богородица, помогай», отличаясь от них несколько большими размерами, скругленными углами средокрестия и слабо выраженными выступами-«слезками», то есть чертами, которые принято считать характерными для крестов, отливавшихся после татаро-монгольского вторжения на Русь, главным образом в XIV-XV веках. Однако, находка одного такого креста при раскопках древнего Торопца (рис. 8: *2*) в слое второй половины XIII века, позволяет датировать появление данной модели не позднее этого времени (Малевская, Фоняков 1991: 53; 2000: рис. 71 верхний). Концом XIII – началом XIV вв. датирует М.Д. Полубояринова фрагментированную створку аналогичного энколпиона, найденного случайно поблизости от валов древнего Болгара (Полубояринова 1988: 52-55, рис. 1). Состояние торопецкого креста, сильно поврежденного огнем, не позволяет уверенно утверждать, был ли он украшен эмалью, как болгарский (скорее всего, не был). Иконографически эти два памятника чрезвычайно близки (вплоть до полного совпадения в расположении отдельных букв литых надписей) и, безусловно, восходят к одной модели, хотя детальная проработка лицевых изображений на болгарской створке с эмалями отличается схематизацией и упрощением рисунка, на торопецкой – довольно

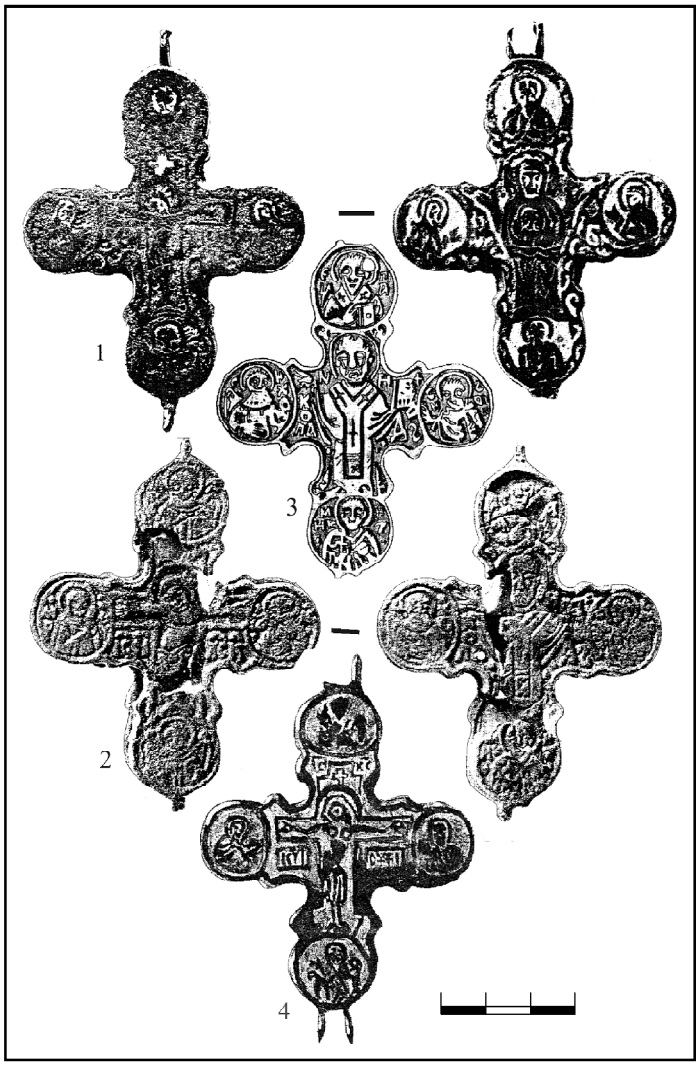

Рис. 8. Древнерусские энколпионы, украшенные выемчатой эмалью.
1 – Распятие с предстоящими и архангелами – Богоматерь Знамение и 4 святых. Киевская губ., до 1907 г. – Киевский музей русского искусства, инв. №V-49 (по: Ханенко 1907: 41, табл. XXXVIII, №591-592).
2 – Распятие с предстоящими и архангелами – св. Николай (Зарайский) и 4 святых. Торопец Тверской обл., 1960 г. – ГЭ (СПб.), ОИРК. Фото ИИМК РАН.
3 – Створка с изображением св. Николая (Зарайского) и 4 святых (Ипатия, Никиты, Сисиния и арх. Сихаила) в прорисовке Г.Ф. Корзухиной. ГРМ (СПб.), №11776. (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д.16, л. 49).
4 – Створка с изображением Распятия с предстоящими и архангелами (вариант). НМИУ (Киев), №В-4626/260, колл. Б.И. и В.Н. Ханенко. (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 16, л. 53).

реалистичной манерой, особенно в передаче черт лица св. Николая. Таким образом, торопецкая находка снимает предположение о том, что парной для створки энколпиона с изображением св. Николая Зарайского в среднике может быть створка с изображением Богоматери[18] (Полубояринова 1988: 53-54). Это тем более важно, что очень верно выделенная М.Д. Полубояриновой аналогия – створка с изображением в среднике Богоматери с воздетыми руками и Богомладенца перед ней (Знамение?), «абсолютно точно совпадающая по размеру и форме с болгарской находкой» (Полубояринова 1988: 53), к счастью, не единственная. В Киевской губ. в конце XIX века был найден целый энколпион, украшенный эмалями, с изображениями на лицевой створке Распятия и святых в 4 медальонах, на оборотной – Богоматери с младенцем и 4 святых в медальонах (Ханенко 1907: №591, 592) (рис. 8: *1*). Его лицевая створка по форме, размерам, композиции и составу изображений совпадает с соответствующей створкой торопецкого креста. Даже надписи под руками Христа одинаковые, отличающиеся лишь «начертанием» литых букв. Главное же их отличие – в иконографии Распятия. На киевском энколпионе прямые руки Христа изображены немного поднятыми вверх, как бы обозначая провисание тела Спасителя, передаваемого при этом почти прямым, с соблюдением правильных пропорций. На торопецком энколпионе руки Христа изображены строго горизонтально, а тело сильно изогнутым, с согнутыми в коленях ногами. Укрупнение изображения Христа в этом варианте повлекло за собой и некоторые другие изменения – иные формы возглавия, подножия и отказ от растительного орнамента, украшающего края створки в нижних углах средокрестия. Оборотные створки этих двух памятников по внешним параметрам также совпадают вплоть до общего контура центральных изображений Богоматери в позе оранты с младенцем перед грудью на киевском энколпионе и св. Николая с воздетыми руками – на торопецком.

Поясные изображения разных святых в 4 медальонах той и другой створки одинаково

[18] Имеется в виду створка, происходящая из Среднего Поднепровья и опубликованная в своде Б.И. и В.Н. Ханенко (Ханенко 1900: таб. XXVI, №295).

скомпонованы. Но на торопецком экземпляре все они заметно (особенно лица святых) укрупнены. Состав святых в медальонах около изображения Богоматери с младенцем точно не устанавливается, около св. Николая – святые Ипатий и Никита (вверху и внизу), архангел Сихаил и св. Сисиний (в боковых медальонах).

Подбор святых на створке со св. Николаем знаменует новый этап в развитии иконографической программы древнерусских энколпионов, когда изображения на одной из створок выходят за рамки христологических или богородичных сюжетов, акцентируя внимание на целительной силе и оградительно-охранительной функции креста-реликвария, усиленной введением таких святых, как св. Сисиний с архангелом Михаилом и св. Никита. Параллелью для энколпионов с Николой Зарайским в этом отношении является уже упоминавшаяся серия энколпионов с закругленными концами (без эмалей) с изображением в среднике лицевой створки архангела Сихаила и 4 святых в медальонах, на оборотной – композиции Распятия с предстоящими и архангелами в 4 медальонах[19] (рис. 7: *3*). По форме и композиции они, как и кресты с Николой Зарайским, следуют схеме, сложившейся при создании энколпионов с обращением «святая Богородица, помогай», но, в отличие от никольских, они также продолжают традицию размещения композиции Распятия на оборотной створке – традицию, неизвестную в серийном культовом литье древней Руси до начала XIII в.[20] Иконография энколпионов с архангелом Сихаилом (с закругленными концами), возникла, по-видимому, в середине – второй половине XIII века и получила развитие в XIV-XV веках на створках энколпионов и подражающих им монолитных крестах с квадратом в средокрестии и крестовидными концами (Алексеев 1974: рис. 4, *2-3*; Седова 1981: 59, рис. 19, *1-2*; и др.). Благодаря сохранившимся на них надписям, ретроспективно устанавливается состав святых на створке с архангелом Сихаилом: вверху св. Николай, внизу неизвестный святой, по бокам святые Сисиний и Пантелеймон. Таким образом, состав святых на энколпионах с Николой Зарайским и энколпионах с архангелом Сихаилом в большей своей части, включая главных персонажей, повторяется. Более того, под влиянием этих моделей, очевидно, со временем трансформируется и исходная для энколпионов с Николой Зарайским модель энколпионов с Богоматерью Знамение. Об этом свидетельствуют одна целая и одна фрагментированная лицевые (!) створки с изображением Богоматери Знамение и три оборотных (!) створки с Распятием, несомненно относящиеся к данному типу энколпионов, хотя и несколько видоизмененные. Помимо перемещения композиции Распятия на оборотную створку (рис. 8, *4*), происходит уменьшение и упрощение центрального изображения, видоизменяются отдельные детали (например, архангелы на створке с Распятием иногда изображаются с жезлами или рипидами (?) как на энколпионах с архангелом Сихаилом).

Известен также вариант прямоконечных энколпионов с плоскорельефным изображением св. Николы Зарайского на оборотной створке. Он представлен всего двумя очень неглубокими створками из раскопок в Пскове и из Рыбинского музея (не опубликованы). Этот вариант, несомненно, восходящий к иконографии энколпионов XIII века, по-видимому, следует датировать не ранее конца XIII-XIV вв.

Энколпионов с изображением Богоматери Знамение и св. Николая Зарайского сейчас известно примерно поровну (соответственно 8 и 7 экз.). Первые представлены находками южнорусского происхождения, в основном из коллекции Ханенко, а также неизвестного происхождения из собраний ГИМ (Москва) и ГРМ (СПб.), вторые – находками из Киева, древнего Болгара, Старой Ладоги и Торопца, а также коллекционными экземплярами из собраний НМИУ (Киев) и ГРМ (СПб.). Такое распределение находок позволяет довольно уверенно связывать происхождение энколпионов с Богоматерью Знамение с киевскими мастерскими. Возможно, это относится и к модели энколпиона с Николой Зарайским, учитывая, что она разработана на основе модели с Богоматерью Знамение, а также принимая во внимание иконографию св. Николы, чрезвычайно близкую к самым ранним (XIII-XIV вв.) иконописным изображениям святого, в том числе на киевской по происхождению иконе из ГТГ (№21440) (Антонова 1957: 375-392, рис. 1-4).

Исключительный интерес представляют маленькие прямоконечные энколпионы (~4×3,5 см) с фронтальными рельефными изображениями на лицевой створке св. Николая (в рост, в святительском облачении) со святыми целителями Козьмой и Дамианом, на оборотной – Христа Пантократора (в рост) с Богоматерью и Иоанном Богословом (?). Надписи тоже рельефные, отлитые вместе с крестом: на лицевой створке вверху (NH)ΚΟΛΑ(ΟC), на поперечной перекладине ΟΑ ΚΟC/ΜΑC , Ο ΑΓ (Δ)ΜΙΟ/ΝΟC; на оборотной створке вверху IC XC, на поперечной перекладине ΜΡ/ΘΥ, Ο Α (ΙΝΟ).

Один такой энколпион обнаружен при раскопках городища-святилища в уроч. Звенигород на Збруче (Русанова, Тимощук 1993: 39, рис. 33.1; Ягодинська 1993: 67, рис. 1,6) (рис. 9)[21], другой

[19] Лучше всего ранние отливки этого типа энколпионов воспроизводятся в статье Л.В. Алексеева (Алексеев 1974: рис. 2: 4-5, 7).

[20] Имеется в виду условное (техническое) определение: лицевая створка имеет по одной петле вверху и внизу, оборотная – по две (независимо от состава изображений).

[21] Благодарю М.А. Ягодинскую за присланные рисунки и фотографии.

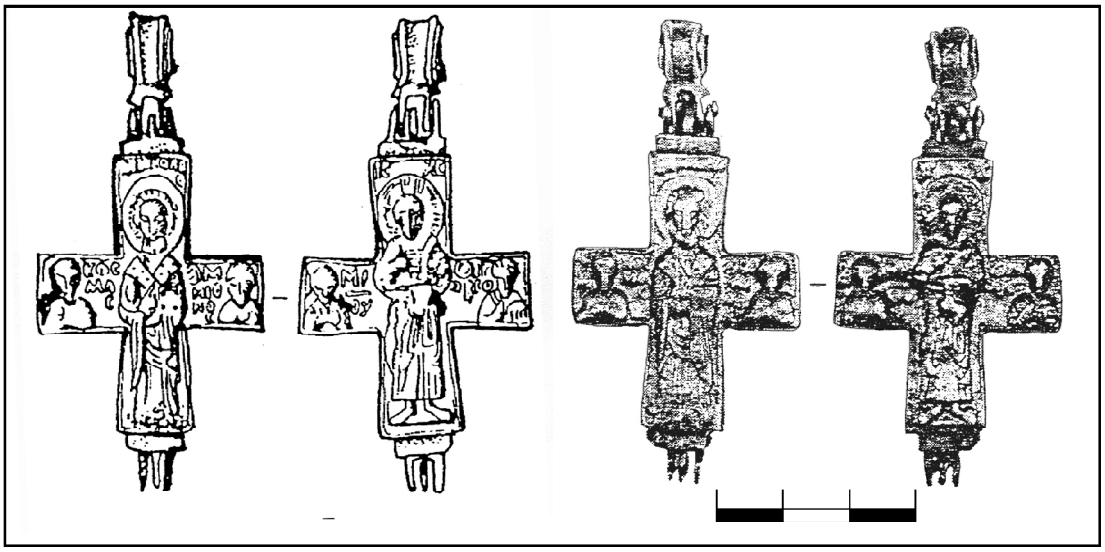

Рис. 9. Энколпион с рельефными изображениями на лицевой створке святителя Николая со святыми целителями Козьмой и Демьяном, на оборотной – Христа Пантократора, Богоматери и св. Иоанна Богослова (?). Из раскопок на городище в уроч. Звенигород на р. Збруч, 1985 г., И.П. Русанова, Б.А.Тимощук. Рисунок и фото М.А. Ягодинской.

(оборотная створка) случайно найден на месте летописного Звенигорода на Белке Львовской обл. (Грушевський 1899: 23-24, таб. II, 9).

Энколпионы из Звенигорода на р. Белке (Львовского) и Звенигорода на р. Збруче (Крутиловского) по таким общим признакам, как плотность компоновки мелких рельефных изображений и надписей и помещение изображения Христа на оборотную створку сближаются с богородичными энколпионами с обращением «святая Богородица, помогай». Но по составу изображений, композиционному решению и манере исполнения, не говоря уже о форме створок и размерах, они существенно различаются. Более того, греческие надписи и форма оглавия, совершенно не свойственная древнерусским энколпионам, но нередко встречающаяся в Причерноморье и Средиземноморье, позволяют предполагать, что это были привозные изделия или выполненные приезжими греческими мастерами.

Прямых иконографических параллелей этим крестам пока не найдено. Однако невольно напрашивается сравнение с большими рельефными прямоконечными энколпионами с изображениями на лицевой створке Распятия с предстоящими, на оборотной – святого Николая в рост и трех святых на концах. Во-первых, и в том, и в другом случае, хоть и разными способами, акцентируется внимание на фигуре св. Николая. Во-вторых, бросается в глаза фронтальность погрудных изображений святых на боковых концах створок звенигородских энколпионов, очень схожих с фронтальными изображениями Константина и Елены на больших энколпионах. На последних, правда, полуфигурки предстоящих на лицевой створке, хоть и очень сильно утесненные, все же обращены в сторону распятого Христа. На звенигородских же створках все 4 боковых изображения фронтальны. В полной мере эта черта присуща «сирийским» энколпионам.

Общая датировка памятника, на котором обнаружен целый энколпион, а также помещение образа св. Николая со святыми врачами-бессребрениками Козьмой и Демьяном на лицевую створку сопоставимое с аналогичным перемещением образа Богоматери на древнерусских энколпионах с обращением «Богородица, помогай», где к тому же в боковых медальонах изображены те же целители, позволяют довольно уверенно связывать появление этого типа энколпионов с первой половиной XIII в.

Невысокое качество отливки крутиловского экземпляра (из Звенигорода на Збруче) не мешает видеть, что первоначальная модель была сделана с большим мастерством. На основании присутствия греческих надписей и нестандартной формы оглавия энколпион этот и вовсе следовало бы отнести в группу привозных, но отсутствие аналогов за пределами древней Руси и гипотетическая возможность изготовления такой модели приезжим мастером в южнорусских землях не позволили это сделать.

Последний в *рельефной группе* XIII века тип энколпиона, включающий изображение св. Николая, представлен пока единственным образцом (рис. 12). Этот меднолитой крест, поступивший в музей «Московский Кремль» из ризницы Благовещенского собора Кремля, где он хранился в специально для него изготовленном на рубеже XIV-XV вв. *серебряном* кресте-ковчеге с черневыми изображениями, видимо, относился к особо почитаемым (Моршакова 2000: 175-177, кат. 47; 2001: 163-167, илл. 3-4). Его размеры (15,6×12,4×2,1 см) превышают размеры больших серийных крестов, форма створок отличается от традиционных домонгольских слегка

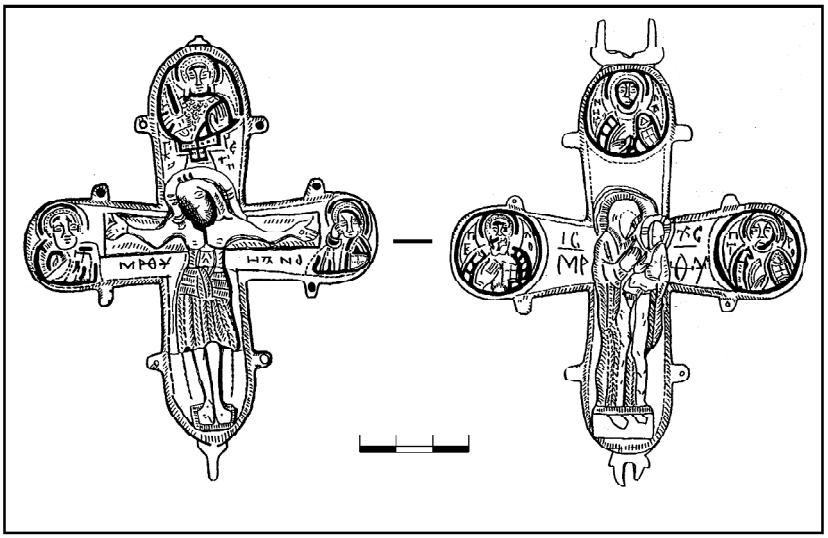

Рис. 10. Древнерусский энколпион рельефно-черневой группы (Распятие с предстоящими, св. Георгий – Богоматерь Одигитрия с апостолами Павлом и Петром, св. Николай). ГРМ (СПб.), №ДР/М 1504, 1505. (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф.77, д. 15, л. 39, 40).

приостренными боковыми концами с шишечками.

На лицевой (!) створке центральное изображение тронной Богоматери с младенцем дополняется изображениями стоящих архангелов Михаила и Гавриила в боковых медальонах, святителя Николая (в пояс) в верхнем медальоне и неизвестного святого – в нижнем. На оборотной створке в центре Распятие с полуфигурами предстоящих Богоматери и Иоанна Предтечи (?) по бокам и святого Василия Кесарийского вверху. Надписи углубленные; на лицевой створке – **АГИОСЪ НИКОЛА, МИХАИЛ, ГА...**; на оборотной створке – **IC XC NI KA**. Композиция оборотной створки (с Распятием и 3 святыми) более всего характерна для XII в., лицевой (с Богоматерью и 4 святыми) – для XIII в.; их сочетание аналогов не имеет. Состав святых лицевой створки вполне в традициях XIII века, хотя изображение тронной Богоматери с младенцем на энколпионах только начинает появляться (на складнях-квадрифолиях). На Руси, по общепринятому мнению, оно восходит к мозаике Киево-Печерской церкви. В Москве, как указывает автор публикации данного креста Е.А. Моршакова, особенное внимание образу Богоматери Печерской оказывалось при митрополичьем дворе. «Не исключено, – пишет исследовательница, – что к кругу памятников, связанных с митрополичьим двором, относится и энколпион Благовещенского собора, в котором, в этом случае, особое значение приобретает «святительская тема», раскрывающаяся в изображениях Василия Великого и святителя Николая и продолженная в изображениях ковчега, специально исполненного для креста, в состав которых включены полуфигуры святого Николая и Михаила Исповедника» (Моршакова 2000: кат. 47). При такой трактовке ясно выступает значимость помещения изображения св. Николая именно на створке с Богоматерью Печерской. Ведь в иконографии серийных рельефных энколпионов XII века, на которые, как видно (ср. рис. 2, *3*) ориентировался автор данной оригинальной модели, на лицевой створке над головой Распятого обычно помещалось изображение св. Николая.

В рельефно-черневой группе большие и средние[22] энколпионы с изображениями Распятия на лицевой стороне и Богоматери Одигитрии на оборотной (рис. 10) по форме, композиционному решению, а главное, тождественностью центральных изображений[23] очень близки соответствующим крестам рельефной группы (ср. рис. 2, 3). Меняется отчасти состав черневых с гравировкой изображений святых на трех концах каждой створки. На лицевой створке в верхнем медальоне появляется поясное прямоличное изображение св. Георгия с поднятым в правой руке мечом (вместо бывшего здесь изображения св. Николая на рельефных энколпионах). Зато св. Николай помещается в верхнем медальоне оборотной створки в сочетании с изображениями святых апостолов Павла и Петра в боковых медальонах. Рельефно-черневых энколпионов данного типа известно значительно меньше, чем соответствующих рельефных (80 экз., в том числе 49 адресных). Находки их распределяются главным образом на территории южной Руси, в северной и северо-восточной Руси они единичны.

В черневой группе энколпионов, известных в большом количестве и отличающихся разнообразием композиционно-иконографических типов, только один тип включает изображения св. Николая. Представлен он всего пятью коллекционными экземплярами. Это энколпионы

[22] Присутствие изображений св. Николая не исключается и на многочисленных рельефно-черневых энколпионах малого размера, но состав святых, включенных в композицию этих крестов, пока остается неустановленным – нет ни одного экземпляра с сохранившимися надписями.

[23] На рельефно-черневых энколпионах наблюдается только один из двух иконографических вариантов Распятия, зафиксированных в рельефной группе, а именно – первый (см. рис. 2: *1*).

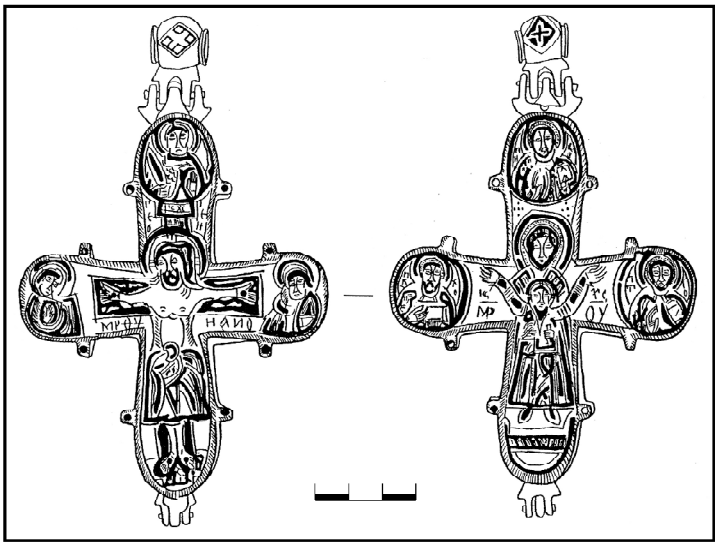

Рис. 11. Древнерусский энколпион черневой группы (Распятие с предстоящими, св. Георгий – Богоматерь в позе оранты с Богомладенцем перед ней, апостолы Павел и Петр, св. Николай). ГРМ (СПб.), №ДР/М 1476 (4145). (по: Корзухина, РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 15, л. 63-65).

больших размеров (11×9 см) с закругленными концами (рис. 11). Они состоят из лицевой створки, почти полностью совпадающей в иконографическом отношении с большими рельефно-черневыми крестами (ср. рис. 10), и оборотной, совпадающей с ними лишь составом и иконографией святых (Николай, Павел и Петр) в медальонах. Центральное изображение в рост Богоматери Оранты с Богомладенцем перед ней на оборотной створке этих энколпионов не характерно для древнерусской культовой металлопластики. Однако среди рельефных энколпионов известна одна створка меньших размеров (8,2×7, см) с аналогичным композиционно-иконографическим решением, найденная «в земле» в конце XIX в. в Киеве на Б. Подвальной ул. (ныне ул. Ярославов вал) (Леопардов I (н. с.) 1891: таб. I-6). Взаимосвязь иконографии этой створки с рассматриваемыми черневыми энколпионами очевидна. Иконографические и стилистические параллели изображению Богоматери с воздетыми в молении руками и Богомладенца перед нею наиболее характерно для провинциально-византийских меднолитых энколпионов с рисунком, нанесенным углубленными линиями (врезанными и без черни, а не литыми с дополнительной гравировкой, как на древнерусских энколпионах) (Кондаков 1914: рис. 168, 170-171; Куницький 1990: рис. 6, *1, 2*). Столь редкое на древнерусских энколпионах черневой группы присутствие изображений св. Николая отчасти объясняется тем, что их композиционный строй, иконография и, до некоторой степени, стилистика, более, чем на энколпионах других технологических групп, следуют композиционно-иконографической схеме провинциально-византийских энколпионов, что проявляется даже на энколпионах с закругленными концами, типичными главным образом для древнерусских крестов-складней. В основе этой схемы, византийской в широком смысле и палестинской по своим истокам, лежит композиция Распятия с предстоящими (Христос в колобии) на лицевой створке прямоконечных складней, а на оборотной изображение в рост Богоматери Оранты (реже Кириотиссы) и 4 святых в медальонах, чаще всего евангелистов (отступления наблюдаются, как правило, на энколпионах, сделанных из драгоценных металлов, то есть на заказ, или на позднейших модификациях). Древнерусские черневые прямоконечные энколпионы средних размеров ближе всего к византийской схеме: на лицевой створке в композиции Распятия с предстоящими (Христос изображается препоясанным) на верхнем конце створки – только крест с обозначением солнца и луны, на оборотной – около изображения Богоматери Оранты 4 медальона со святыми, подписанными именами 4 евангелистов или 2 апостолов (Петра и Павла) и 2 евангелистов.

Анализ состава изображений и композиций рельефно-черневых и черневых энколпионов показывает, что изображения св. Николая вместе с апостолами Павлом и Петром сопутствуют изображению Богоматери. На энколпионах с высокорельефными изображениями, как было показано, св. Николай неизменно изображается на лицевой створке над головой распятого Христа с Богоматерью и Иоанном Богословом (иногда Иоанном Предтечей) в боковых медальонах. По месту на кресте (вверху) св. Николаю на парной створке обычно соответствует св. Георгий. Примечательно, что на тех энколпионах, где изображение св. Николая является центральным (рис. 4-5), вверху над его головой также располагается изображение св. Георгия независимо от иконографии св. Николая (святительской или апостольской).

Обобщенная (широкая) дата возникновения этих массовых моделей энколпионов – конец XI – середина XII вв., период активного бытования – весь XII век. Стержнем иконографических программ древнерусских энколпионов на этом I этапе являются христологические и богородичные композиции, включающие только

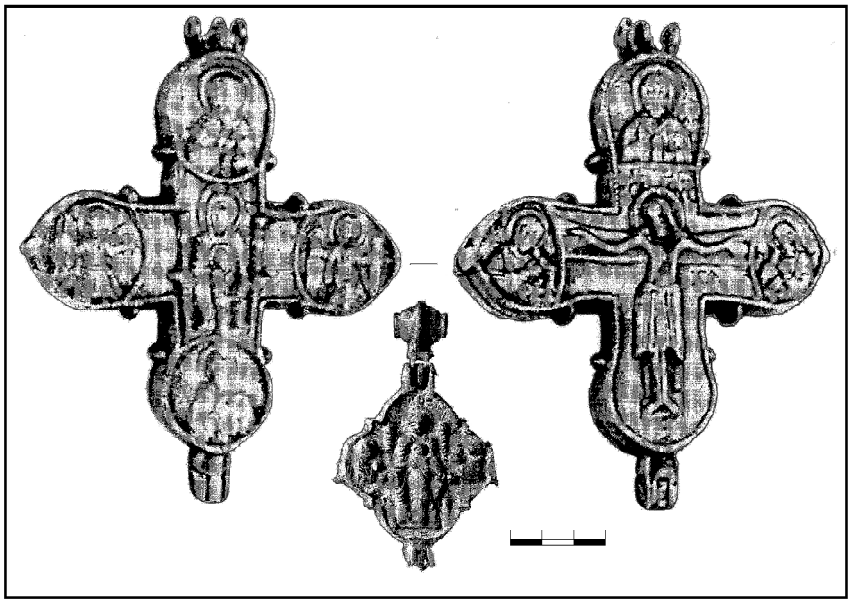

Рис. 12. Древнерусский энколпион с рельефными изображениями на лицевой створке тронной Богоматери с младенцем, архангелов, св. Николая и неизвестного святого, на оборотной – Распятия с предстоящими и св. Василия. ГММК (Москва), инв. №МР-6167/2. (по: Моршакова 2001: илл. 3-4).

самых главных святых вселенской церкви. Введение св. Николая в их иконографическую программу, пусть не в качестве центральной фигуры, но всегда помещаемого на верхнем конце створки, наряду с предстоящими у креста в композиции Распятия или с апостолами около Богоматери, несомненно указывает на высочайший уровень почитания его на Руси в этот период, а широкая распространенность таких крестов, особенно в землях южной Руси, позволяет думать, что в христианском сознании древнерусского общества имя святителя Николая изначально было неразрывно связано со святыми вселенской Церкви высшего порядка. Более того, введение древнерусским мастером изображений св. Николая в композиции христологического цикла заметно выделяло его в сонме святых. На втором этапе (с начала XIII в.) на энколпионах появляются изображения творцов литургии свв. Иоанна, Василия, Григория, святых врачей-бессребренников Козьмы и Демьяна и других скорых защитников – св. Сисиния и арх. Сихаила, свв. Пантелеймона, Ипатия, Никиты (рис. 7-9, 12).

Изображения св. Николая на II этапе тоже помещаются в верхнем медальоне (на створке с Распятием ему сопутствуют изображения предстоящих Богоматери и св. Иоанна и св. Григория (рис. 7, *1*), на створке с Богоматерью – архангелов и неизвестного святого (рис. 12), на створке с архангелом Сихаилом – свв. Сисиния, Пантелеймона и неизвестного святого (рис. 7, *3*). В то же время, как и на I этапе существуют энколпионы с *центральным* изображением св. Николая (Зарайского) и сопутствующих ему св. Сисиния и арх. Сихаила, св. Пантелеймона и св. Никиты (рис. 8, *2-3*). На одной из редких моделей этого времени св. Николай со свв. Козьмой и Дамианом представлен даже на лицевой створке энколпиона (рис. 9). Такое акцентированние внимания на оградительно-охранительной и целительной силе св. Николая, несомненно, свидетельствует о новом характере почитания св. Николая на Руси в XIII веке.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западно-русских земель // СА, №3.

Антонова В.И. 1957. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Т. XIII.

Арциховский А.В., Янин В.Л. 1978. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962-1976 гг. М.

Варвянська Т.В., Супруненко О. Б. 1997. Переяславські старожитності у Полтавському епархиальному Давньосховищі // АЛЛУ, №1/2. Полтава.

Грушевський М. 1899: Звенигород Галицький. Історико-археологічна розвідка М. Грушевського // Записки НТШ, т. XXXI, XXXII, кн. V-VI. Львів.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г. 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.) // СА, № 3.

Дончева-Петкова Л. 1983. Кръстове-енколпиони от Варненския музей // Известия на народния музей Варна. XIX (XXXIV).

Дончева-Петкова Л. 1991. Кръстове-енколпиони с образу на светци и надписи NHKOΛAOC – BΛACHOC и ГЕОРГНОС–ΔНМНТРНОС // Археология, XXXIII, №1. София.

Дончева-Петкова Л. 1992. Проблеми при производството на кръстове-енколпиони (материали, технологии, ателиета) // Археология XXXIV, кн. 4. София.

Залесская В.Н. В печати. Византийские евлогии св. Николая.

Зоценко В.Н. 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности среднего Поднепровья. Киев.

Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Т. I. М.-Л.

Кондаков Н.П. 1914. Иконография Богоматери. Т. I. СПб.

Кондаков Н.П. 1915. Иконография Богоматери. Т. II. СПб.
Корзухина Г.Ф. 1958. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // Византийский временник 14. М.
Корзухина Г.Ф. Памятники медного культового литья домонгольской Руси XI-XIII вв. РА ИИМК РАН, ф. 77, д. 17.
Корзухина Г.Ф. РА ИИМК РАН: ф. 77, д. 14, д. 15, д. 16, д. 17.
Кузнецов В.А. 1968. Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М.
Куницький В.А. 1990. Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія, №1. Київ.
Леопардов Н.А. 1891. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. I (новая серия). Киев.
Литаврин Г.Г. 1972. Влахи византийских источников X-XIII вв. // Юго-восточная Европа в средние века. Кишинев.
Малевская М.В., Фоняков Д.И. 1991. Древний Торопец. Т. 1. Торопец.
Малевская М.В., Фоняков Д.И. 2000. Древний Торопец. Т. 2. Торопец.
Миятев Кр. 1922. Палестински кръстове в България // Годишник на Народния музей за 1921 год. София.
Моршакова Е.А. 2000. Крест-энколпион в серебряном ковчеге // Христианские реликвии в Московском Кремле. Кат. №47. М.
Моршакова Е.А. 2001. Кресты-энколпионы XI-XIII вв. // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова. М.
Мусин А.Е. 2000. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М.
Николаева Т.В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ, В. Е 1-60. М.
Пескова А.А. 1998. Херсонесский киотный крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Церковная археология. Вып. 4. Материалы II-й всероссийской конференции. СПб.
Полубояринова М.Д. 1988. Крест с эмалью из Болгара // Древности славян и Руси. М.
Пуцко В.Г. 1988. Киевский крест-энколпион с Княжей горы // Slavia Antiqua, v. XXXI.
Пуцко В.Г. 1999. Бронзовый киотный крест из Херсона. (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) // Византийский Временник, т.58 (83).
Пуцко В.Г. 2001. Купятицкий крест-энколпион // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г. Н. Бочкарева. М.
Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // Stratum plus, №5.
Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.
Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
Седова М.В. 1982. Ювелирные изделия древнего Новгорода X-XV вв. М.
Смядовски С. 1991. За енколпионите с надписи ΝΗΚΟΛΑΟC, ΒΛΑCΗΟC, ΓΕΟΡΓΗΟC, ΔΗΜΗΤΡΗΟC // Археология. Кн. 1. София.
Тимашкова Т.Г. 1991. Кресты-энколпионы XI-XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев.
Успенский Б.А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.
Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1899. Древности русские. Кресты и образки. Вып. I. Киев.
Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1900. Древности русские. Кресты и образки. т. II. Киев.
Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1907. Древности Приднепровья. Вып. VI. Киев.
Церква… 1996 – Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
Шандровская В.С. 1999. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // ВВ, 58 (83).
Шандровская В.С. 2001. Печати с изображениями анаргиров // Пилигримы. Санкт-Петербург.
Ширинский С.С. 1999. Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви в древней Руси // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI международного конгресса славянской археологии. Вып. 5. М.
Ягодинська М. 1993. Хрести та іконки княжої доби із західного Поділля // Studia Archaeologica, №1. Львів.
Bouras L. 1979. The cross of Adrianople. Benaki museum. Athens.
Donceva-Petkova L. 1979. Croix d'or-reliquaire de Pliska // Culture et art en Bulgarie medievale (VIII-XIV s.). Sofia.
Duczko W. 1997. Byzantine presence in Viking age Sweden. Archaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum wahrend des 8-14 Jahrhunderts. Band. I. Mainz.
Frolov A. 1965. La culte de la Vrae Croix á la fin du VI-e – et au début du VII-e siècles.
Hlavackova H. 1993. Kievan Enkolpia in Prague Collections // Byzantinoslavica, r. LIV. Praha.
Kartsonis A. 1986. Anastasis. The making of image. Princenton.
King E.S. 1928. The date and provenance of a bronze reliquary cross in the museo Cristiano Vaticano // Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia, Serie III. Memorie, vol. II. Roma.
Lovag G. S. 1971. Byzantine type reliquary pectoral crosses in the Hungarian national museum // Follia archaeologica, XXII. Budapest.
Pucko P. 1986-1987. Kijevski krizic-enkolpion iz okolice Knina // Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji, 26, Split.
Purhonen P. 1998. Kristinuskon Saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja Finska Fornminnesforeingens Tidskrift, 106. Helsinki.
Staeker J. 1999. Rex regum et dominus dominorum. Stockholm.

Г. Мэнуку-Адамештяну, И. Полл

МЕДАЛЬОН СО СВЯТЫМИ КОСМОЙ И ДАМИАНОМ ИЗ ИСАКЧИ

Gh. Mănucu-Adameşteanu, I. Poll. A Medallion with St. Cosma and St. Damian Found in Isaccea (Tulcea County, Romania).

Isaccea, the ancient Noviodunum, one of the large Byzantine centres in Dobrogea (Vicina?), is very attractive to the archaeologists. In 1996, in an extra muros settlement, archaeologists found a triangular medallion with the image of two saints (its dimensions: height – 63 mm, length – 53 mm, thickness – 11 mm). The object was found in an area where deposition of the first half of ?I c. was destroyed by a household pit dated by a few stamena by the first half of XIII c. Laboratory studies revealed its chemical and mineralogical composition (ceramic) and the manufacturing method (mould).

The medallion depicts two figures of saints with beards, each of them holding a knife in his left hand and a scroll in his right hand. It seems that it is Manus Dei depicted above their heads. There are traces of a bronze holding ring on the top. Though there are no inscriptions, these two characters can be identified as holy doctors Cosma and Damian.

Their cult, well-known in Cilicia, started spreading after the synod in Ephesus (431), and these two brothers-doctors became holy doctors – anargyroi. They were frequently depicted on ivory, steatite, precious metals till XII-XIII cc. For Dobrogea, and Romania as a whole, but also for Serbia and Bulgaria, the specimen found in Isaccea is unique.

Of special interest are crosses-reliquaries (encolpia) from Kiev Russia, primarily spread in XII-XIII centuries. Of these, attention is caught by the type with the crucified Christ on the obverse, and the Mother of God full-length on the reverse. On the ends of the transverse crossbar on the reverse of medallions, when the inscriptions are readable, there are images of St. Cosma and Damian, with St.-Peter above and St. Basil below. A cross of this type was occasionally found not far from Isaccea, and another one in Cândesti (Moldova). The author doubts that these specimens were connected with the cult of holy anargyroi among the local population. Most likely, they were used just as simple crosses.

One can affirm that the medallion with two saints was manufactured in Isaccea in the first half of XIII c.

Исакча, древний Новиодунум, один из крупных византийских центров в Добрудже, отождествляемый некоторыми исследователями с Вичиной, привлекает особое внимание археологов. Археологические исследования, проводившиеся до 1996 г. в форме разведок, обнаружили компактное отложение с археологическими материалами римской и византийской эпох. Для X–XIV вв. известны тысячи монет (клады и единичные находки), многочисленные керамические находки, предметы украшения и культа; некоторые из них уникальны для территории провинции между Дунаем и Чёрным морем (Barnea 1981: 97-106; Mănucu-Adameşteanu 1983: 171-174; 1984: 375-388; 1995: 345-366; 1997: 119-149; Topoleanu 1988: 311-317).

С 1996 г. был сделан сплошной разрез перпендикулярно южной стене укрепления – единственной, о которой не было никакой информации, – пересекший также и поселение вне стен, находящееся за пределами крепости (Bauman 1998: 34-35; Mănucu-Adameşteanu 2000: 47-48). Во время этих исследований, в квадратах 17-18, на глубине 1,40 – 1,53 м был обнаружен медальон треугольной формы (рис. 1), закруглённый в верхней части, на котором изображены двое святых. Предмет, хранящийся в ICEM (Институте Эко-Музейных Исследований) г. Тулча, имеет следующие размеры: высота 64 мм, ширина 53 мм, толщина 11 мм. Стратиграфически он находился в зоне, где отложение первой половины XI в. было нарушено хозяйственной ямой, которая по множеству обесцененных монет-стаменов датируется первой половиной XIII в.

Находка была подвергнута серии лабораторных исследований, позволивших установить не только ее химический и минеральный состав, но и технику исполнения. Так, при макроскопическом исследовании с помощью лупы, рентгеновском, информационном и спектральном анализе удалось установить, что медальон изготовлен из высококачественной глины с примесью охры (цвет определяется оксидами и гидроксидами железа) и мелких гранул кварца. Спектральный анализ выявил, помимо других элементов, бор, никель и титан, часто присутствующие в железняках. Смесь глин с железняками обычна для болотистых районов

© Г. Мэнуку-Адамештяну, И. Полл, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Керамический медальон из Исакчи (XIII в.).

вблизи гранитных массивов со старыми палеозойскими породами, что характерно для Добруджи.

Что касается техники, использованной для изготовления предмета, можно указать на параллельные полосы под уровнем лощения и на чёткую гладкую зону. Это свидетельствует о том, что мягкую пасту глинистого материала обработали штампом, а затем она была обезвожена путём слабого обжига. Моделирование фигур производилось на стадии мягкой или полумягкой пасты, поскольку на материале обнаружены не следы резьбы, а скорее шлифовки. Эта гипотеза подтверждается наблюдением, что поверхности предмета могли получиться только путём оттиска и шлифования на стадии, когда материал был ещё мягким. Мысль, что исходным материалом была смесь высококачественной глины и железняка, подтверждается и второстепенными элементами, имеющимися в составе материала.

На поверхности изделия имеется плёнка толщиной около 0,5–0,6 мм, очень тёмного бурого цвета. Это может объясняться следующим: а) после затвердения исходной формы предмет был преднамеренно покрыт слоем более тёмным, чем основа, но сходного состава, для выделения фигур – эта гипотеза может подтверждаться наличием на поверхности изделия параллельных бороздок, которые могут быть следами кисти; б) более тёмный цвет может быть следствием слабого обжига.

Данные исследований свидетельствуют, что перед нами – керамический, а не бронзовый медальон (Paleocreştinism 2000: 64, nr.123), полученный путём штамповки.

Иконография обоих изображённых персонажей одинакова: бюсты двух молодых мужчин, в нимбах и с бородами, которые держат в правой руке остроконечный предмет, идентифицируемый со стилем или ножом, а в левой – свиток пергамента; над головой, по всей видимости, изображён «*Manus Dei*». Контур изделия обозначен линией из зёрнышек в двойной кайме. В верхней части сохранились остатки бронзового ушка-крепления.

Несмотря на отсутствие каких-либо инициалов или надписей, эти два персонажа, на основе чрезвычайно ясной иконографии, могут быть отождествлены со святыми врачевателями Космой и Дамианом.

Как известно, существовали три группы мучеников с такими именами: римские, убитые в правление Карина (283-285); два брата-араба, обезглавленные в 287 г. по приказу проконсула Лисия; и сыновья Феодоты, единственные, кто избежал насильственной смерти. Их культ, известный изначально в Киликии, начинает распространяться в годы после Эфесского собора (431 г.). Оба брата становятся для всего Востока святыми целителями – «бессребрениками» (*anargyroi*), поскольку, согласно легенде, они не брали денег за лечение больных (Agnello 1962: 299-300; Farmer 1999: 138-139; Marrou 1999: 203-204; Reau 1958, III/I: 332-338).

Под покровительством императора Юстиниана I, воздвигшего в честь этих святых многочисленные церкви в Константинополе (в столице первые постройки появились веком раньше) и Антиохии, их культ в VI в. распространяется и на Запад. В Италии – в Риме можем упомянуть мозаики из церкви, воздвигнутой папой Феликсом IV (526-530), фрески из Санта Мария Антиква, фрески из Санта Лючия в Сиракузах (Agnello 1962: 164, fig.177-178; Grabar 1946, II: 101; Delvoye 1976, I: 148-149; Iorga 1974: 77, 188, 194). Однако подобные же постройки известны во Франции, Германии, Испании и т.д. (Ledermann 1997: 521-525; Reau 1958, III/I: 333-335).

Возвращаясь к византийской территории, можно назвать несколько фресок из Греции – XI века из Эпископи (Evans 1997: 49-50, nr.15) и XV в. из Мистры (Reau 1958, III/I: 333-334), а также находки из славянского мира, находившегося под сильным влиянием Византийской империи. Это в Парентуме (ныне Пореч на Адриатическом море) – базилика, воздвигнутая в середине VI в. епископом Евфросием (Delvoye 1976, I: 136), в Кастории (Djurova 1988/1989: 662), капелла церкви Богоматери в Кракове (Reau 1958, III/I: 334). Для Востока следует отметить фрески VI-VIII вв. из капеллы № 28 в Бауит в Египте (Grabar 1946, II: 207, чертёж L /2) и церковь XII-XIII вв., построенную итальянской общиной в Тире (Chehab 1979, II: 479-480).

Как известно, икона была введена в Византии в качестве наглядного образа Христа

Рис. 2. Медальоны со свв. Космой и Дамианом на серебряном кресте из Адрианополя, X в. (по: Cotsonis 1995).

и святых, причём последние поначалу изображались в позе орант, как мы и видим братьев Косму и Дамиана (Grabar 1946, II: 106-107, примеч.1). Однако с VI-VII вв. распространяется их изображение с врачебными атрибутами – ящичком с лекарствами, который им вручает сам Христос, или стилем и книгой. Охранительный характер их изображения на различных предметах (крестах, иконах, медальонах и пр.) усиливается надписями, выразительно взывающими к исцелению от болезней (Cotsonis 1995: 53; Sandrin 1993: 50; Vikan 1994: 84).

Присутствие святых врачевателей на крестах отражает традиционный взгляд, согласно которому крест сам по себе есть средство духовного и телесного исцеления. Показательный пример тому – серебряный крест для процессий X в. из Адрианополя (Cotsonis 1995: 52-53).

Культ двух братьев-врачей, похоже, был широко распространён, его свидетельства весьма часты вплоть до XII-XIII вв. Напомним здесь ряд изделий из слоновой кости (Bank 1985: 294-295; Delvoye 1965: 190-191; Evans 1997: 201-202, № 138), стеатита (Bank 1970: 132; 1985: 287-288; Laverdou-Tsigarida 1997: 287-288, №92) и драгоценных металлов (Bank 1985: 306, №182-183; Beer 1920: 384-385; Evans 1997: 80-81, № 39). Многие из упомянутых предметов представляют собой коллекционные экземпляры без указания места происхождения, и это затрудняет решение вопроса о географической и хронологической распространённости культа святых Космы и Дамиана.

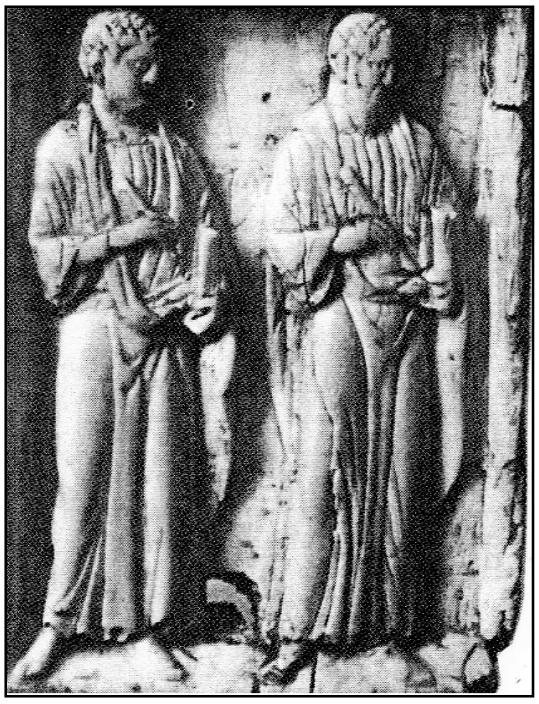

Рис. 3. Часть триптиха из слоновой кости со свв. Космой и Дамианом в нижней части, X в. (по: Bank 1985).

Для Добруджи и даже для всей территории Румынии находка из Исакчи уникальна в том, что касается изображения свв. Космы и Дамиана; это кажется справедливым и для соседних областей – Сербии и Болгарии. Однако к югу от Дуная можно отметить свинцовую иконку со св. Пантелеймоном рубежа X-XI вв. (Atanasov 1994: 47-48) и стеатит XI-XII вв. с изображением св. Артемия (Ovčarov 1984: 63-66): оба этих святых прославлены, прежде всего, своими достоинствами целителей.

Особую категорию составляют кресты-энколпионы Киевской Руси, распространённые преимущественно в XII-XIII вв. Среди них наше внимание привлекает категория с рельефными фигурами и четырьмя бюстами на аверсе и реверсе, помещёнными в медальонах на концах перекладин креста. На аверсе изображён распятый Христос, а на реверсе – Богоматерь в полный рост. В медальонах на реверсе обычно изображаются четыре евангелиста, но когда надписи читаемы, то нередко можно заметить, что на боковых концах креста изображаются свв. Косма и Дамиан, на верхнем – св. Пётр, а на нижнем – св. Василий. Крест такого типа, целый, высотой 8,5 см был случайно найден в 2–3 км к юго-востоку от поселения Исакча и на основе аналогий был датирован первой половиной XIII в. В качестве специфической особенности следует отметить надпись на реверсе – кириллицей, по-русски, справа налево: «Святая Богородица, помоги!», – содержащую некоторые ошибки (Barnea 1981: 152, чертёж 62). Идентичный крест был обнаружен и на территории Молдовы, в Кындешть, в погребении на кладбище с ныне исчезнувшей деревянной церквушки (Theodor 1975: 82-84, fig.6, 7/1). Эти два экземпляра примыкают к другим крестам киевского типа, обнаруженным на территории Румынии (свыше 15 экземпляров), из которых многие найдены в Добрудже: 7 в Исакче и 2 в Пэкуюл луй Соаре (Mănucu-Adameşteanu 1987: 285-292; Spinei 1975: 235-242).

Возвращаясь к типу креста со свв. Космой и Дамианом, можно предположить, что он был выработан в Киеве накануне монгольского нашествия, угрожавшего городу в 1239-1240 гг., чем объясняется призыв на реверсе: «Матерь

Рис. 4. Бронзовая доска из Сицилии с Феодотой и свв. Космой и Дамианом, XI в. (по: Agnello 1962).

Божия, помоги нам» (Рыбаков 1984: 454-455). Кресты, изготовленные в той же форме, с ошибочной надписью на реверсе и с высотой 8,5 см или около того, обнаружены во многих местах на территории Руси (Алексеев 1974: 212-213, рис.4/5-6; Рыбаков 1984: 39, №41). Отдельные случайные находки можно отметить в коллекциях некоторых музеев Болгарии (Дончева-Петкова 1983: 122-123, чертёж V/2), Венгрии (Lovag 1971: 160, fig.6/1a-1b) и Германии (Byzantinische 1977: 61, №113b, pl.33).

Если об экземплярах, найденных на Северном Кавказе и вдоль Волги, было предположено, что они попали туда вместе со своими владельцами, взятыми в плен татарами (Рыбаков 1984: 615), то для изделий, найденных в местах, куда более удалённых от Киевской Руси – Германии, Сербии, Венгрии, – следует учесть и факторы религиозного или экономического характера (Перхавко 1992: 206-219). По торговым путям, ведущим на Русь, кресты и попали на территорию Добруджи, так же как и другие предметы русского происхождения XII-XIII вв.: пряслица из Овруча, глиняные глазурованные яйца, стеклянные браслеты, найденные в укреплённых центрах по линии Дуная: Пэкуюл луй Соаре, Диногеция-Гарвэн, Исакча, Нуфэру.

Что касается керамического медальона, найденного в Исакче, полагаем, что его прототипом послужило изделие, привезённое из Киевской Руси. Как характер исполнения, так и отсутствие надписей убеждает нас, что он был изготовлен в Исакче, что, по-видимому, подтверждается и лабораторными исследованиями состава материала.

На основе стратиграфии квадратов 17-19 мы полагаем, что медальон можно датировать первой половиной XIII в.; он принадлежит к хозяйственной яме №31, где было также обнаружено несколько обесцененных стаменов, обращавшихся в первой половине XIII в. Более ранняя датировка – отнесение медальона к культуре первой половины XI в. – не подтверждается хронологией аналогичных изделий с территории Киевской Руси, откуда происходят все экземпляры, выполненные из подобных материалов – камня и бронзы. По статистике изображений на камне можно назвать не менее 7 находок этого рода (Порфиридов 1972: 203-205), но следует упомянуть несколько изделий из металла (Путко, Коваленко 1993: 377, рис.3/6; Николаева 1991: 77, рис.XVI/4; Седова 1981: 62, рис.20/3) и даже из стеатита (Путко 1998: 311, рис.1/3). Подавляющее большинство их датируется XII-XIII вв.

Итак, можно утверждать, что медальон со свв. Космой и Дамианом был изготовлен в Исакче в первой половине XIII в. и является единичным экземпляром как в Добрудже, так и во всей Румынии.

Едва ли кресты киевского типа с бюстами двух святых, найденные в Исакче и Кындешть, как-то связаны с почитанием святых – *anargyroi* среди местного населения. Скорее всего, они использовались как предметы культа, как кресты, а не ради целительских сил святых врачевателей Космы и Дамиана. Весьма вероятно, что их владельцы не знали русского языка, что и объясняет отсутствие пояснительных надписей на медальоне.

Открытие изделия со свв. Космой и Дамианом дополняет наши представления об уровне материальной и духовной жизни, достигнутом населением Исакчи – важного политического, экономического и религиозного центра Добруджи XII-XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. 1974. Мелкое художественное литьё из некоторых западнорусских земель (кресты и иконы Белоруссии) // СА, № 3. С.204-219.

Атанасов Г. 1994. Ранносредновековна оловна икона със Сф. Пантелимон. // Археология. София. XXXVI, 2. С.47-52.

Дончева-Петкова Л. 1983. Кръстове енколпиони във Варненская Музей // Изв.Варна, 19 (34).

Коваленко В., Путко В. 1993. Бронзовые кресты-энколпионы из Княжей Горы // Byzantinoslavica, LIV, 2.

Николаева Т.В., Чернецов А.В. 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Перхавко В.Б. 1992. Находки энколпионов на территории Югославии // СА, № 4. С.206-219.

Порфиридов Н.Г. 1972. Древнерусская мелкая каменная пластика и её сюжеты // СА, № 3. С.203-205.

Путко В. 1998. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica, LIX, 2.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси. М.

Рыбаков Б.А. 1964. Русские датированные надписи XI-XIV веков. М.

Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.

Agnello G. 1962. Le arti figurative nella Sicilia bizantina. Palermo.

Bank A. 1970. Monuments des arts mineures de Byzance (XI-XIIe siècles) au Musée de l'Hermitage // IX Corso di Cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna.

Bank A. 1985. L'art byzantin dans les musées de l'Union Sovietique. Leningrad.

Barnea I. 1981. Arta creştină în România. 2. Bucureşti.

Barnea I., Barnea Al. 1984. Săpăturile de salvare de la Noviodunum // Peuce, IX. P.97-105.

Bauman V.H., Mănucu-Adameşteanu Gh., Iacob M., Paraschiv D., Mănăstireanu S. 1998. Isacceea, jud. Tulcea // Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1997. Călăraşi. P.34-35.

Byzantine Art a European Art (Zappeion Exhibition Hall). 1964. Atene.

Byzantinische Kostbarkeiten aus Museen, Kirchenschatzen und Bibliotheken der DDR. Berlin. 1977. (Ausstellung im Bode-Museum).

Chehab M. 1979. Tyr à l'époque des Croissades. II. Paris.

Cotsonis J.A. 1995. In: Byzantin Figural Processional Crosses. Ed. Susan A. Boyd, H. Maguire. Dumbarton Oaks Collection Publications, №10. Washington D.C.

Delvoye Ch. 1965. Les ateliers d'art somptuaires à Constantinople // XII Corso di Cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna.

Delvoye Ch. 1976. Arta bizantină. I. Bucureşti.

Djurova A. 1988-1989. L'intégration du monde slave dans le cadre de la communauté orthodoxe (IX–XII-e siècles). Notes préliminaires // Harvard Ucrainian Studies. XII/XIII.

Evans H.C., Wilson W.D. 1997. The Glory of Byzantium. N.Y.

Grabar A. 1946. Martyrium. Recherches sur le culte des réliques et l'art chrêtien antique. II. Iconographie. Paris.

Iorga N. 1974. Istoria vieţii bizantine. Bucureşti.

Ledermann L. 1996. Côme et Damien dans les Musées suisses // Acta Musei Napocensis, 34, II. P.521-525.

Lovag Z. 1971. Byzantine type reliquary pectoral crosses in the Hungarian National Museum // Folia Archeologica, XXII.

Loverdou-Tsigarida K. 1997. Minor Art in Treasures of Mount Athos. Thessaloniki.

Mănucu-Adameşteanu Gh. 1983. Un fragment de steatit figurat descoperit la Isaccea // SCIVA, XXXIV, 3. P.171-174.

Mănucu-Adameşteanu Gh. 1987. Noi descoperiri arheologice la Isaccea // SCIVA, XXXVIII, 3.

Mănucu-Adameşteanu Gh. 1997. Un atelier monetar dobrogean din secolul al XI-lea // SCIN, XII. P .119-149.

Mănucu-Adameşteanu Gh. 2000. Isacceea, jud. Tulcea // Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1999. Deva. P.47-48.

Marrou H.I. 1999. Biserica în antichitatea târzie (303-604). Bucureşti.

Ovcarov N. 1984. Relief en stéatite de Târgovişte à représentation rare de S. Artemios // Археология, XXVI. София.

Pavilič S. 1999. Osnovni tipovi vizantskikh relikvijarnykh pektorali // Prilozi Institut za Arkheologia u Zagrebu, 13-14 (1996-1997).

Reau K. 1958. Iconographie de l'art chrêtien, III/I. Paris.

Sandrin K. 1997. Liturgy, Pilgrimage and Devotion in Byzantine Objects // Bulletin of the Detroit Institut of Arts, 67, 4.

Spinei V. 1975. Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premiere quart du II-e millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia, N.S. XIX. P.227-242.

Theodor D.Gh. 1975. Obiecte de cult din secolele XII-XIII pe teritoriul Moldovei // Mitropolia Moldovei şi a Sucevei, LI, 1-2.

Topoleanu F. 1988. Un médaillon byzantin en émail cloisonné découvert à Noviodunum // RÉSEÉ. XXVI, 4. P.311-317.

Vikan G. 1984. Art, Medicine and Magic in early Byzantium // Dumbarton Oaks Papers, 38.

Г. Атанасов

ИКОНОГРАФИЯ ОБРАЗА «СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ НА ТРОНЕ» В СРЕДНИЕ ВЕКА

G. Atanasov. Medieval Icons of St. George on Throne

The article studies rather rare but interesting icons of St. George on Throne which appeared in XII-XIII and widely spread by XV-XVII. An icon made of bone recently found in Chersoneses, however, suggests a need to review the theory. From the stylistic and iconographical viewpoint, the artifact found in Crimea is connected with the late Macedonian neoclassicism of the second half of X - early XI c., which supports an earlier origin of the image. It seems to be connected with contamination of iconographies of emperors and saints, which, according to A. Grabar', can be observed most often.

The Medieval written records on St. George do not contain direct references to appearance of the icons with the saint on throne. It is an explanation to their later appearance and limited spread.

If this icon was to be met rarely in XII-XIII cc., when along with St. George, St. Dimitri and St. Theodor were depicted in the same way, then already from the late XIV - early XV c. it becomes typical only to St. George. This is the period by which the icon from Sofia was dated, and it is the most delicate image of St. George on throne. So far, this icon has been dated by XVI c., but its style and iconographical analysis reveal late Paleolog stylistic features of the late XIV - early XV c.

St. George on Throne icons got widest spread in the late XV - XVII cc. Particularly, on banners, St. George is depicted wearing Moldavian princes' crown in the form of a lily. Taking into account a downcast dragon lying at his feet, one can see here a contamination of the images of a saint-triumphant and an emperor-triumphant – a tradition with roots already in Byzantine art of X c., spread thereafter from the post-Byzantine territory in XV c.

Семантика иконографии образа «святой Георгий на троне» трудна для разгадывания, прежде всего потому, что в житии и чудесах святого отсутствуют источники, которые изображали бы такую сцену. Очевидно, она сформировалась сравнительно поздно, поскольку до сих пор не зарегистрирована на ранних портретах кападокийского великомученика.

Однако совсем недавно при раскопках Херсонеса в Крыму была открыта костяная плитка (рис. 1), на которой низким рельефом передан сидящий воин с вертикально поднятым копьем в правой руке и мечом, придерживаемым левой рукой на коленях (ВХ 1991: 218, № 236). На нем туника, поверх которой надет пластинчатый доспех, на спине видна присобранная хламида. Сопутствующей надписи нет, но по округленному безбородому лицу и особенно прическе, представленной в виде пышной шапки волос, можно без особенного риска идентифицировать святого воина со св. Георгием. Крымские археологи относят эту находку к XIII в., но не приводят достаточно серьезных аргументов по датировке. Мощная мускулистая фигура, умело присобранные одежды, спокойный лучезарный взгляд и сравнительно укороченные пропорции, с моей точки зрения, позволяют отнести находку к поздним проявлениям македонского неоклассицизма конца X – начала XI вв. В качестве дополнительного аргумента в пользу такой датировки можно указать и на слегка раздвоенную пробором прическу. В средневековье среди воинов-святых таким образом выглядела только прическа св. Георгия. Она отмечена лишь на ранних памятниках VIII – начала XI вв. вроде камеи из халцедона, хранящейся в Эрмитаже (Банк 1978: 133, рис.117), санктпетербургского триптиха из слоновой кости (Bank 1985: pl.124) и нескольких бронзовых медальонов, также найденых в Крыму (Репников 1906: табл. XII-4; Айбабин 1990: 68-69, рис. 55: 3, 4). Наконец, только в X и первой половине XI вв. большой популярностью в Византии пользовались предметы из слоновой кости, на поверхности которых кападокийский святой часто представлен как воин или мученик (Goldaschmidt, Weitzmann 1934: 27, 28, 33-36, 49. Taf. III, V, X, XI, XV). Кроме того, во второй половине X и начале XI вв. мастерская, изготавливавшая изделия из кости, наиболее активно функционировала в самом Херсонесе, причем в стилевом и технологическом отношении местные умельцы не очень уступали столичным (Банк 1978: 83). Удивляет, однако, изображение св. Георгия в позе, которая до этого момента являлась исключительной прерогативой Богородицы, Христа и его земного наместника – василевса.

В данном случае совершенно необходимо вновь вспомнить утверждение А. Грабаря, что

© Г. Атанасов, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Костяная икона из Крыма (X-XI вв.)

именно при Македонской династии происходит слияние двух иконографий: Христа и императора (Grabar 1971: 85-87). И поскольку св. Георгий являлся патроном представителей этой династии (Лазарев 1953: 201), совершенно естественно, что художники изображали его подобно императорам, в том числе и сидящим на троне. И все же официальное столичное искусство и консервативный Восток, по всей видимости, с трудом воспринимали идею о том, что на троне, на котором изображали Христа и Богородицу, могут восседать и святые воины. До этого времени они всегда исполняли лишь роль почетной стражи у их престола.

Только к концу XII – XIII вв. средневековые художники чаще и смелее стали изображать сидящими и святых из воинского сословия. В качестве примеров обычно указывают на известную икону св. Димитрия конца XII в., хранящуюся в Третьяковской галерее (Лазарев 1983: 41, рис. 20), стеатитовую иконку XIII в. со св. Феодором и св. Димитрием (Kalavrezou-Maxeiner 1985: 187, pl. 53-107) и хрисовул болгарского царя Ивана Асеня II (1218-1241) со св. Димитрием (Юрукова, Пенчев 1990: 52, табл. III-23). За этот период единственое сходное изображение св. Георгия (рис. 2) отмечено на фасадном рельефе XIII в. венецианского кафедрального собора св. Марка (Demus 1960: 125, 130-131, pl. 40-41). Святой восседает на троне, очень напоминающим конструкцию т. н. престола Карла Великого, что является новым указанием на контаминацию его иконографии с аналогичными образами императоров. Одежда и прическа исполнены целиком в духе византийских традиций, но трон, сопутствующая латинская надпись и форма меча свидетельствуют о сильных западных влияниях. Иначе и быть не может, поскольку храм создавался в католической Венеции, а мастера являлись гостями из Византии.

Сравнительно большей популярностью иконографии «Св. Георгий на троне» отмечены XV-XVI вв. Самыми замечательными в художественном и историческом отношении памятниками этого периода являются портретные изображения на знамени Стефана Великого 1499-1500 гг. (Constantinescu 1927: 25, fig. 129; Myslivec 1933-34: 325-326, tab.VI-5; RMDATŞM 1958: 302-303, fig. 211; Mischevca, Negrei, Nichitici 1994: 39-40) и стенопись в Кремиковцах близ Софии 1493 г. (рис. 3) (Паскалева 1980: 74-76, обр.46). Абсолютно тот же сюжет «Св. Георгий на троне» воплощен на грузинском серебряном кресте, датированном опять же XV в. (рис. 4) (JMMG 1986: pl. 209, 213). Опущенный меч, убитый зверь и царственное спокойствие, которое излучает фигура, предполагают, что художники хотели изобразить победителя над сатанинскими силами и их воплощениями. Весьма удачно эта поза

Рис. 2. Рельеф из собора Сан Марко в Венеции (XIII в.)

связывается (Лазарев: 200) с известным стихотворением Мануила Фила, прославляющим св. Георгия: «Прекратив бой, в котором изгнал врага из душ наших, ты вновь пребываешь в размышлении и отдыхе» (Manuelis Philae 1854: 119, CCXXVI). Может быть, речь идет о конечном иконографическом сюжете, почерпнутом из самого распространенного в XIII-XV в. чуда со спасенной царевной.

Описанная победа действительно является триумфом, который оправдывает как трон, так и коронацию святого ангелами, показанными на знамени Стефана Великого (рис. 5). Обычно, однако, считается, что диадемы на головах святых изображают, в сущности, мученические венцы (Piltz 1977: 26). Это в принципе верно, но в некоторых случаях, в том числе и рассматриваемом, очевидно, речь идет о триумфальных сюжетах, которые полностью совпадают с триумфальной императорской иконографией (Grabar 1971: 16-25, 43-45). Вот почему трон и корона св. Георгия в названных памятниках являются скорее регалиями победы, следующими традиции, которая живет непрерывно в византийском императорском искусстве. К тому же, подобное толкование подкрепляет лежащий у трона побежденный дракон и, особенно, форма короны на знамени Стефана Великого, которая скорее королевская, чем типично мученический венец. Действительно, на знамени корона с лилиями, венчающая голову св. Георгия, полностью соответствует короне, в которой представлен сам Стефан Великий на миниатюре из Евангелия монастыря Хомор, епитрахили из Дубровэц и нескольких фресках конца XV – начала XVI вв. (Constantinescu 1927: 20-25, fig. 108-118; RMDATŞM 1958: 27, 308-379, fig. 31, 41, 49, 204, 213, 216, 256) (рис. 8). Кстати, это еще одно подтверждение мнения А. Грабаря о слиянии христианской и императорской иконографии, но перенесенное уже в поствизантийское пространство. Не следует забывать еще и то, что именно в конце XV – начале XVI вв. Стефан Великий является практически самым могущественным правителем православного христианского мира, самым щедрым дарителем и опорой Афонских монастырей. И как раз в это время вместе с афонским монашеством он формирует мнения и посылает идеологические, политические и художественные послания ко всему православному миру. Если добавить, что только Стефан Великий был тогда единственный из православных правителей, успешно противостоящий турецким мусульманским армиям и даже побеждающий (а ислам отождествлялся со змеем), то сцена на боевом знамени молдавского господаря не должна удивлять. Более того, создается впечатление, что создатель знамени искал определенные идеологические и художественные ассоциации, представляя кападокийского святого в короне и на троне молдавского правителя. Он не только иллюстрировал факт, что св. Георгий является покровителем-защитником

Рис. 3. Фреска из монастыря Св. Георгия в с.Кремиковцы возле Софии (конец XV в.)

Рис. 4. Изображение Св. Георгия на грузинском серебряном кресте XV в.

Рис. 5. Изображение св. Георгия на знамени Стефана Великого из музея военной истории в Бухаресте (1499-1500).

Стефана Великого и молдавской армии, но косвенно намекал, что для православных Стефан Великий является земным воплощением св. Георгия Победоносца. Вот почему я безоговорочно отстаиваю идею, что знамя Стефана Великого принадлежит к ярким памятникам, на которых наблюдается слияние иконографии каппадокийского святого и правителей-христиан. Если начало этого процесса улавливается еще при императорах македонской династии в X-XI вв., то в данном случае можно фиксировать его завершение. Это слияние в иконографии на знамени находит свой отклик и в поверженном св. Георгием драконе. С одной стороны, Чудо св. Георгия с царевной, действительно, завершается сценой убийства обессиленого чудовища св. Георгием на глазах удивленных граждан, после чего люди целуют ему ноги и ликуют.

С другой стороны, растаптывание побежденного противника входило еще в ранневизантийский императорский церемониал как символ триумфа монарха (Constantinus Porphirogenitus 1830: 610, 15-612). В этом смысле сцена со св. Георгием, увенчанным короной Стефана Великого, носит совершенно определенную смысловую нагрузку, на что было указано выше.

Эти и другие памятники конца XV в. показывают, что художники перегружают картинный рассказ подробностями, касающимися вооружения и одежды, но на этой особенности работы я остановлюсь позднее. Здесь следует только сказать, что данная тенденция продолжается и в XVI-XVII вв., которыми датируются одна сербская икона из Печа (Petković 1987: 35), воронецкие стенописи и фрески афонского монастыря Ксенофон (Myslivec 1933-1934: 327, pl.VI-5; Millet 1927: 178-4. ΕΚΔΟΣΗ 1997: 147-148, № 2-77). На портрете из Ксенофона (рис. 6) имеется сопутствующая надпись Ο ΑΓΙΟC ΓΕΩΡΓΗΟC [ΔΗΟ] COVPHTHC («Св. Георгий спаситель»). Это еще раз демонстрирует генетическую связь данной иконографии с чудом, в котором св. Георгий спасает царскую дочь и убивает дракона.

К наиболее поздним репродукциями этого картинного рассказа относится и икона из крипты в храме-памятнике Александра Невского в Софии, которая неоднократно становилась объектом исследовательского интереса (рис. 7).

Наибольшее распространение получила датировка Д. Панайотовой, посвятившей проблеме специальное исследование (Панайотова 1966: 14-17, фиг.1) и Кр. Миятева (Миятев 1966: XCIII), которые причисляют ее к памятникам XVI в. С другой стороны, В. Пандурски предложил датировать икону XIII-XIV вв. (Пандурски 1963: 25-27, фиг.1), а К. Паскалева (Паскалева 1981: 84) и А.Божков (Божков 1964: фиг.29; 1984: обр.73, 76) – XIV в., правда, их мнение приведено лишь в аннотациях к альбомам, без всякой аргументации.

Я опускаю детальное описание иконы, поскольку оно уже достаточно исчерпывающе сделано Д. Панайотовой и Кр. Миятевым. Следует только акцентировать внимание на основном. На золотистом фоне изображен св. Георгий,

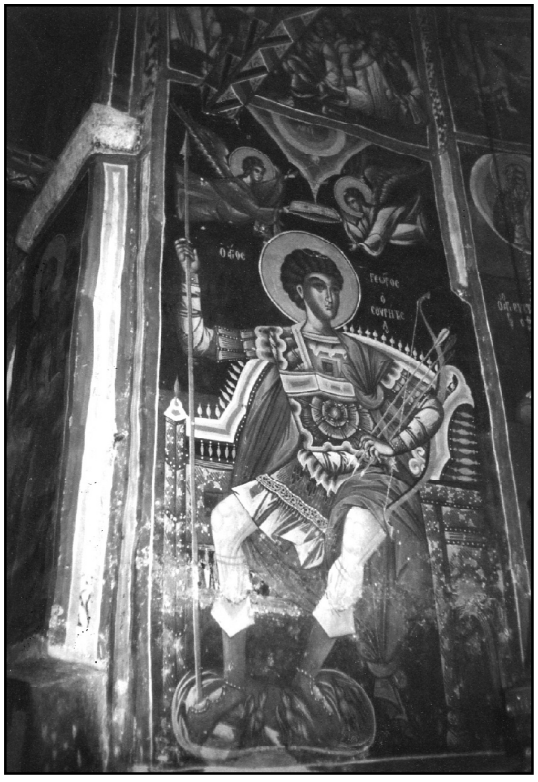

Рис. 6. Св. Георгий на фреске в монастыре Ксенофон на Афоне XVI в.

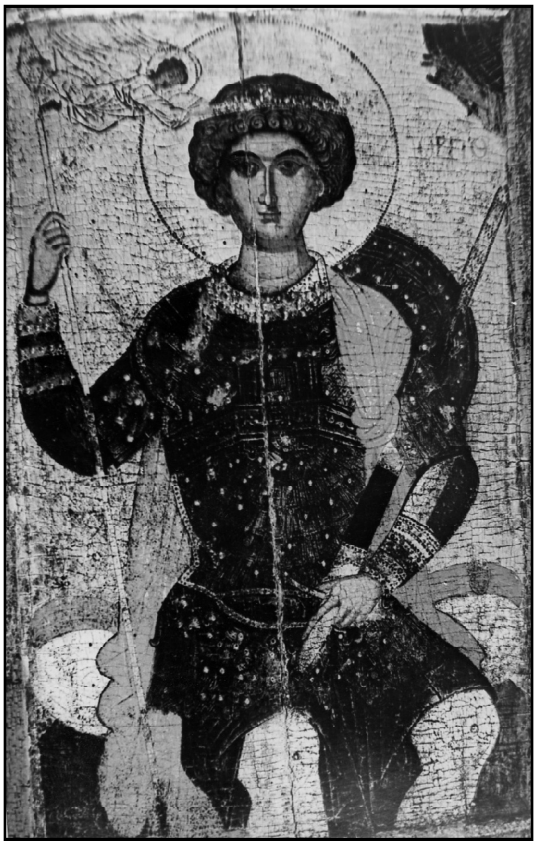

Рис. 7. Изображение Св. Георгия на иконе из Софии (конец XIV-XV вв.).

восседающий строго фронтально на троне. В правой руке он держит копье с ромбовидным наконечником, а в левой – меч в ножнах. Святой одет в темно-синюю тунику, поверх которой надет черный пластинчатый доспех. Расположенные радиально трапециевидной формы пластинки имеют по центру рельефные круги. К спине святого прикреплен небольшой круглый щит, а на доспехи накинута красная хламида, завязанная узлом у левого плеча. Слева маленький ангел венчает его голову венцом-стематогирионом, а справа видна благословляющая божья десница.

Предложившая позднюю датировку (XVI в.) Д. Панайотова не рассматривала софийскую икону на фоне сходных иконографических решений, а основывалась на специфике отвлеченных стилистических характеристик. Она правильно указывает на плоскостное, графическое и очень контрастное решение фигуры, однако давно отмечено, что эти приемы введены в изобразительное искусство на юго-западе Балкан еще примерно в середине XIV в. – т.н. македонская школа (Лазарев 1971: 30-375; 1986: 158-159). Поэтому здесь необходим другой подход к произведению. Я рассматриваю икону в контексте остальных тронных портретов св. Георгия, чтобы найти наиболее прямые параллели позе, лицу, одеждам и вооружению, и только потом буду говорить о стиле и художественных влияниях.

С первого взгляда создается впечатление, что на тронных портретах св. Георгия конца XV в. (стенопись из Кремиковцев, знамя Стефана Великого и грузинский крест) святой попирает дракона ногами, в то время как в произведениях XI-XIII вв. чудовище отсутствует. В этом смысле икона из Софии занимает промежуточное место между изображениями XI-XIII вв. и конца XV в. Это, однако, не является решающим аргументом для датировки, поскольку на фреске конца XVI в. в афонском монастыре Ксенофон и на сербской иконе в Пече XVII в. Св.Георги вновь изображен сидящим на троне, но не попирающим дракона. По этой причине я предпочитаю начать с элементов одежды и вооружения св. Георгия на софийской иконе и искать им прямые аналогии в более точно датированных памятниках. Прежде всего, следует всмотреться в трон, который подобно престолам со св. Георгием на рельефах из Херсонеса и собора Сан Марко, не имеет спинки. Без спинок и троны св. Димитрия и св. Феодора на стеатитовой иконке и живописной иконе из Третьяковской галереи, датированных XII-XIII вв. Только к XVI в. к трону св. Димитрия на иконе из Третьяковской галереи добавлена спинка (Лазарев 1983: 41, 167, рис. 20). Примечательно, что на всех прочих тронных портретах св. Георгия с конца XV до XVII века – знамени Стефана Великого, фресках из Кремиковцев, Ксенофона, Воронца, грузинском кресте и иконе из Печа всегда присутствуют массивные и украшенные спинки. В этом смысле трон св. Георгия на софийской иконе ближе к произведениям XI-XIII вв., чем к памятникам конца XV-XVII вв.

Аналогии мечу, который св. Георгий придерживает левой рукой, его рукояти, перекрестию

Рис. 8. Изображение Стефана Великого на миниатюре в Евангелии из монастыря Хомор (конец XV в.).

и ножнам можно найти на портретах святого XIV в. в монастырях Дечаны (Петковић 1941: 21-27, Т. XC; Марковић 1995: 621, сл.2, 13), Прототрон и Хилендар на Афоне (Millet 1927: 48-2,74-2) и портрете св. Димитрия в церкви Св. Никиты близ Чиреча (Millet 1962: 37, 1). Похожий меч держит св. Георгий и на иконе из Третьяковской галереи, которая написана в XII в., но сам меч дорисован в XIV в. (Лазарев 1983: 163-164, рис.2). Самая близкая аналогия по форме и захвату меча (левой рукой и под мышкой) отмечена на изображении св.Ефтимия XIV в. из Хилендарского монастыря (Millet 1927: 74, 4).

Копье св. Георгия на софийской иконе имеет ясно выраженный ромбовидный наконечник, подобный тем, которые изображены на копьях с икон XIV в. в Дечанах и Третьяковской галерее. На последней можно найти и наиболее близкую аналогию малому круглому щиту.

Доспехи с радиально расположенными пластинками появляются в XIV в., а близкие аналоги им известны по изображениям св. Феодора в печском кафедральном соборе, в церкви св. Никиты у Чиреча (Millet 1962: 37, 1; Petkovič 1987: 15), афонском монастыре «Прототрон» (Millet 1927: 48, 3) и доспехам св. Георгия из Дечан и св. Прокопия в прилепской церкви св. Николая (Марковић 1995: 621, сл.2, 13; Millet 1962: 29, 4).

Специфическое завязывание (вместо прикалывания фибулой) хламиды св.Георгия на узел у левого плеча опять же получило распространение и стало модным в XIV в. Оно встречается массово среди названных выше памятников, представляющих св. Георгия, св. Феодора, св. Димитрия, св. Меркурия и др. в Дечанах, Пече, в храмах св. Климента в Охриде и св. Никиты в Чирече, в афонских монастырях Прототрон и Хилендар и прочих (Марковић 1995: 621, сл.2, 13; Millet 1962: 17-3, 4; Millet 1927: 1, 3; 74, 2, 4).

Диадема св. Георгия на софиийской иконе принадлежит типу «стефанос», который в XIV в. начинает называться стематогирион (Piltz 1977: 261). Она усыпана бисером и имеет прямоугольный налобный щиток. Наиболее близкие аналоги находятся на тех же, указанных выше, произведениях XIV в. в церквях св. Климента в Охриде, св. Николая в Прилепе, св. Николая в Фессалониках (Millet 1962: 17-2,4, 29-3; Velmans 1966: 149, fig.16), афонском монастыре Прототрон и на иконе св. Георгия из Третьяковской галереи, на которой диадема дорисована в XIV в. (Millet 1927: 48-2; Лазарев 1983: 163-164, рис.2). Примечательно, что насыщенный золотистый фон на иконе из Софии совпадает по колориту с фоном на иконе со св. Георгием из Третьяковской галереи. Впрочем, этот фон и специфическая рельефная псевдорамка характерны для целой серии икон XIV в., хранящихся в Синае, Санкт-Петербурге, Москве, Охриде и Софии (Лазарев 1986: 500, 511-516, 543-557).

Обновленная в XIV в. икона из Третьяковской галереи и два других образа св. Георгия-воина середины XIV в. в Дечанах наиболее близки к трактовке неповторимого по одухотворенности лица св. Георгия на тронной иконе из Софии. И действительно, расположенные по окружности спиралевидные кудри волос, тонкий удлиненный нос, мягко закругленный подбородок, осветления лика у глаз, спокойный взгляд внушают официальность и торжественность, которые указывают на произведения позднепалеологовского стиля второй половины XIV – начала XV вв.

С другой стороны, некоторые элементы одежды и вооружения св. Георгия, известные по иконе из Софии, продолжают воспроизводиться на изображениях святого и в XVI в. (Лазарев: 156-165)[1], но это не должно вводить в заблуждение. На указанных тронных изображениях св. Георгия конца XV-XVI вв. (знамя Стефана Великого, Кремиковцы и грузинский серебряный крест) и изображениях в качестве пешего воина XVI в. (Ћурић: 128, n 85; Millet 1927: 139-2,3,4; 186-2) улавливается отчетливая склонность к перегрузке композиции и игре мелкими деталями.

Одежды манерно и неестественно присобраны, подчеркнуты большие размеры и пышность трона, доспехов и оружия, в то время как на более ранних памятниках XIV в. (включая и софийскую икону) такого рода порывы еще ограничены и господствует чувство меры. После середины XVI в. эти тенденции усиливаются в еще большей степени, и это заметно по стенописям из Ксенофона и Воронца, не говоря уже об иконе XVII в. из Печа.

Господство орнамента, подробности аксессуаров и манерные позы уже доведены до абсурда. На этом фоне контраст с софийской иконой, со спокойной и уравновешенной фигурой святого, с ее четкой декорацией и стремлением избежать перегруженности очевиден. Вот почему с большей обоснованностью ее можно отнести к творениям второй половины XIV или начала XV вв., среди которых находятся самые близкие аналогии, а не к их манерным репликам XVI в. В этом смысле икона из Софии является своеобразным связующим звеном между тронными изображениями святых воинов XI-XIII вв. (иконка слоновой кости из Херсонеса, стеатитовая иконка и иконы из собора св. Марка и Третьяковской галереи) и тронными портретами св. Георгия конца XV-XVII вв. из Кремиковцев, знаменем Стефана Великого, грузинским крестом,

[1] Сходным образом лицо и прическа св. Георгия стали передаваться еще на ранних памятниках, связанных с палеологовским стилем конца XIII – начала XIV вв., вроде иконы из Синая, мозаики и фрески в Кахрие джами и стенописи в церкви Св. Николая в Фессалониках. (См.: G. et M. Sotiriou 1958: 245, fig.167; Underwood: 2, 304, fig.165; 3, 488. fig.250; Velmans: 149, fig.16).

образами из монастырей Ксенофон, Воронец и Печ. Примечательно, что в XI-XIII вв. на троне изображали воинов-великомучеников вообще, а после XIII в. этот вид иконографии характерен лишь для св. Георгия. Между прочим, даже в XIV в. Мануил Фил упоминает о подобного рода высокохудожественном изображении св. Георгия! И все же эта сцена имела ограниченное распространение и отмечена лишь на десятке памятников. Впрочем, она недостаточно аргументирована и регламентирована в канонической литературе, из-за чего появлялась от случая к случаю, а до начала XI в. и вовсе отсутствовала в репертуаре художников.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма послеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и этнографии Таврии. I. Симферополь

Банк А.В. 1978. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. М.

Божков А. 1964. Българско изобразително изкуство. София.

Божков А. 1984. Българската икона. София.

Византийский Херсонес. 1991. М.

Лазарев В.Н. 1953. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. VI.

Лазарев В.Н. 1971. Византийская живопись. М.

Лазарев В.Н. 1983. Русская иконопись от источников до начала XVI века. Иконы XI-XIII в. М.

Лазарев В.Н. 1986. История византийской живописи. М.

Марковић М. 1995. О иконографији и светих ратника у источно-хришантској уметности и о представама ових светитель у Дечанима // Зидано сликарство манастира Дечана. Белград.

Миятев К. 1966. Иконите в България // Икони от Балканите. Синай, Гърция, България, Югославия, София, Белград.

Панайотова Д. 1966. Икона на св.Георги на трон // Археология 4.

Пандурски В. 1963. Иконите през Второто българско царство // ГДА. XIII.

Паскалева К. 1980. Църквата «Свети Георги» в Кремиковския манастир. София.

Паскалева К. 1981. Икони от България. София.

Петковић, Бошковић. 1941. Манастир Дечани, II. Београд.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники крымских готов // ИАК, 19.

Ћурић В. Иконе из Југославије. Белград.

Юрукова Й., Пенчев Вл. 1990. Български средновековни печати и монети. София.

ΕΚΔΟΣΗ Β. 1997. ΟΗΧΑΥΡΟΙ ΤΟΥ «ΑΓΙΥ» ΟΡΟΥΧ. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ.

Bank A. 1985. Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad.

Constantinescu N. 1927. Albumul istoriei Romînilor. Bucureşti.

Constantinus Porphirogenitus. 1830. De cerimoniis aulae byzantinae (ed. J. Reiskii). Bonnae.

Demus O. 1960. The Church of San Marco in Venice. Washington.

Goldaschmidt A., Weitzmann K. 1934. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X-XIII Jahrhunders. II. Berlin.

Grabar A. 1971. L'Empereur dans l'art byzantin. London.

Jewellery at Metalwork in Museums of Georgia 1986. Leningrad.

Kalavrezou-Maxeiner I. 1985. Byzantine Icons in Steatite. Wien.

Manuelis Philae. 1854. Carmina (ed. Miller), I. Paris,

Millet G. 1927. Monumentes de l'Athos. Paris.

Millet G. 1962. La peinture du Moyen âge en Yougoslavie, III. Paris.

Mischevca V., Negrei I., Nichitici A. 1994. Simbolurile Ţării Moldovei. Chişinău.

Myslivec J. 1933-34. Svatý Jiří ve východokřestanském umění // Byzantinoslavica. 5.

Petković S. 1987. Das Patriarchat von Peć. Beograd.

Piltz E. 1977. Kamelaukion et mitra. Insignies byzantines émperiaux et ecclesiastique. Uppsala.

Repertoriul monumentelor şi obiectelor de arta din timpul lui Ştefan cel Mare. 1958. Bucureşti.

Velmans T. 1966. Les fresques de Saint-Nicolas Orphanos à Salonique et rapport entre la peintre d'icones et la décoration monumentale au XIVème siècle // Cahiers Archeologiques. XVI.

К АНТРОПОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Л.А. Мосионжник

СМЕРТЬ В КИТАЕ (ЭПОХА ДРЕВНОСТИ)

La muerte que yo canto no es cruz de cementerio,
ni ilusión metafísica de las mentes sonámbulas,
ni lóbrego infinito de intrincados filósofos.
La muerte que yo canto es una sombra pensadora
de blancas mariposas que crucen en caminos de viento,
de tallos que estremezcan la pulpa maternal de la tierra,
de claros manantiales que sacudan las entrañas del mundo.
Miguel Otero Silva. La mar que es el morir, II.[1]

L.A. Mosionjnik. The Death in China (the Ancient Period).

The article attempts to restore the concepts of death (in close connection with the sense of life) in the traditional Chinese culture. The author focuses on real Chinese concepts, free of the Buddhist influences, the reason why special attention is concentrated on the ancient period. Starting point for the author was the desire to check the conclusions drawn by Ph. Aries in his work «L'homme devant la mort» for their universality: are these conclusions true only for the Western (more precisely – French) culture, or do they have a broader application?

Analysis has shown that Aries' ideas help one understand, to a great extent, the psychological foundations of the Chinese culture, though one cannot apply them literally. First of all, it is important to recognise that the Chinese culture spreads out from the original Shang-Yin and Zhou mythological concept: the souls of the dead go to the world, which is not only a copy of the earthly one, but which is not even separated from it, and at the same time connected somehow with the water element. It is there where they become powerful spirits, capable to influence the earthly affairs of their successors (and thus keeping their ties with the life). Therefore, it is prestigious to become one of them, and it is not everybody's destiny, and the death is sort of sacrifice for the sake of the collective. Even the gods, according to such concepts, are just the dead ancestors, rather than personified natural phenomena, compared to most other mythologies. Moreover, unlike in other mythologies, in the Chinese mythology one can become a god only through death: it practically does not know other divinities besides the beatified ancestors. There is no question about one's personal after-death destiny in this conceptual system: we have to deal with the typical «pre-axis» (by K. Jaspers) culture, which has not yet worked out its concept of personality.

Parallel to this, Chu kingdom saw development of religious and mythological concepts of the autochthonous population, minutely studied by M.E. Kravtsova. According to these concepts, the after-death immortality in Elysium above the stars does exist, but only for the selected souls, capable of passing the after-death trial, i.e. to repeat the path of the Sun (more precisely, part of the path located within the pure celestial spheres). The other souls remain within this world, where they are threatened by the chthonic monsters. We can only guess about the principles of distinction among the "selected" and "other" souls, based on the analogies. To a great extent, Chu concepts of the world are similar to Zhou and Shnag-Yin ones, but it is still difficult to say why. Does one deal here with two "sub-traditions" (as M.E. Kravtsova believes) within the same culture, or with two different cultures and their inter-influences which led to a complete merge in the Han epoch. So far, given the firm parallels drawn by the early Chinese records between the Chu and Xia, as well as traces of northern and north-western influences, it is difficult to decide which of the two traditions was the primary one, and whether they were both autochthonous or at least one of them was imported.

During Jaspers' "Axenzeit" and later epochs, these concepts were clearly materialised in Confucianism, classic Daosism, and at last, the "celebrities" (mingshi) of the epoch of Six Dynasties (Liuchao, III-VI AD).

Автор выражает искреннюю благодарность Марине Евгеньевне Кравцовой, любезно согласившейся ознакомиться с этой работой в рукописи и высказавшей замечания и указания, которые были учтены автором при доработке.

[1] Смерть, которую я пою, – не крест на кладбище,
не метафизическая иллюзия лунатичных умов
и не туманная бесконечность путаников-философов.
Смерть, которую я пою, – это сумрачная мечтательница
о белых бабочках, кружащихся на дорогах ветра,
о стеблях, сотрясающих материнскую плоть земли,
о светлых источниках, будоражащих недра мира.
(Мигель Отеро Сильва. Море, которое смерть, II. Подстрочный перевод мой – Л.М.).

© Л.А. Мосионжник, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Введение

...и только одно может помочь вам прозреть – знание смерти, которое даст тебе и другим знание жизни.
Г. Гаррисон. Запад Эдема, I, 2.

Ни одно жизненное состояние не занимает в человеческой культуре такого места, как смерть. Человек – единственное существо в мире, знающее о своей смертности и способное сознательно строить свою жизнь с учётом этого факта. Об экзистенциальном значении смерти написано много. В нашей культуре можно считать уже общим местом мысль, повторяющуюся у многих философов (Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ламонт) и писателей (Б. Прус, К. Чапек, А. и Б. Стругацкие): жизнь без смерти была бы и жизнью без цели. «Именно потому, что жизнь человеческая ограничена во времени, человек смертен, он должен преодолевать пространство и время. Для бессмертного божества автомобиль не имел бы смысла», – замечает Х. Ортега-и-Гассет в 4-й главе «Восстания масс» (Ортега-и-Гассет 1989: 130). Ценность жизни выявляется лишь в итоге.

Странным образом до недавних пор культурология мало интересовалась этой темой. Всерьёз открыл её, пожалуй, лишь Филипп Арьес в своей знаменитой книге «Человек перед лицом смерти» (Арьес 1992). Несмотря на ряд недостатков этой работы, отмеченных критикой, труд всей жизни Арьеса до сих пор остаётся непревзойдённым образцом по широте взгляда и глубине психологического и культурологического анализа.

Заметим, однако, что Арьес рассматривал отношение к смерти только в европейской культуре, более того, – почти исключительно во французской. Уже испанский материал, скорее всего, привёл бы его к иным выводам. Хотя роль представлений о смерти в любой культуре громадна, она всё же неодинакова. В самом деле, много ли общего между *danse mâcabre*, о котором так много пишет Арьес, и настойчивым рефреном «Хагакурэ бусидо»: «Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти»? Между египетской «Книгой мёртвых», этим путеводителем к вечному блаженству, и индийским учением о сансаре? Между «безносой привратницей эпох» у Шекспира и смертью как «единственным надёжным советчиком» у Кастанеды?

Не зная, как относится культура к смерти, нельзя сказать, какова будет основанная на ней жизнь. Этот вопрос – стержневой в любой религии, а стало быть, и во всех культурах, в основе которых лежат эти религии. Своего рода классификацию даёт румынский мифолог Виктор Кернбах:

«Так, религии устанавливают доктринальную ориентацию в первую очередь с точки зрения их направленности перед лицом смерти, в соответствии с чем утверждается, что смерть есть: цель жизни (*египетская мифология*), этап завершения существования (*брахманизм*, *буддизм Махаяны*), уничтожение экзистенции (*классический буддизм*), преображение в другой способ существования (*анимизм, тотемизм* и другие примитивные религиозные формы), трибунал жизни (*маздаизм, христианство*), прекращение телесного существования (*иудаизм*), возвращение в природную субстанцию (все религиозные и светские формы *пантеизма*), превращение как таковое в небесную сущность (în condiția celesta) (учение Залмоксиса в *дако-гетской мифологии*), этап освобождения (*буддизм*, *христианство*)» (Kernbach 1989: 399).

Несмотря на свою подробность, классификация В. Кернбаха неполна: она не охватывает всех религий, не говоря уже о культурах. В частности, в ней «блистает своим отсутствием» культура Китая. Впрочем, тут В. Кернбах не одинок. В «Мифах народов мира», в статье, посвящённой смерти (Токарев 1987), эта культура тоже не упоминается. Мимо Китая прошёл и такой неутомимый собиратель и каталогизатор мифов, как Дж.Дж. Фрэзер, и даже классик современного религиоведения – Мирча Элиаде мало затрагивал эту культуру (кроме разве что китайской алхимии). В «Трактате по истории религий» (Элиаде 1999) китайские мифы упоминаются лишь мельком, причём заметно (в частности, по транскрипции имён собственных), что автор работал не с первоисточниками. В составленной М. Элиаде тематической хрестоматии «Священные тексты народов мира» (Элиаде 1998а) Китай опять же не представлен.

Что это, незнание? Нет. Ко времени Фрэзера и тем более Элиаде китайская культура была уже хорошо известна в Европе. Дело в другом: китайское мировоззрение слишком своеобразно, чтобы можно было легко поставить его в *pendant* с другими религиями. Случайно ли, например, Фрэзер, пересказав почти на ста страницах мифы о потопе, собранные на всех пяти обитаемых континентах (Фрэзер 1989: 63-160), упомянув при этом и миф одного из племён яо из провинции Гуанси (ср. Юань Кэ 1987: 39-43), ни словом не обмолвился о китайском потопе? Явно не случайно. Ведь китайский потоп настолько не похож на библейский, что Фрэзер явно не знал, куда классифицировать и как использовать столь странный миф. И чем он мог бы помочь выявлению смысла рассказа Книги Бытия? Ведь общего между ними лишь то, что потоп когда-то был. Проще было вообще о нём не упоминать.

Мифологические представления

Немецкие профессора так удивительно усовершенствовали древний греческий язык!

Г. Уэллс. Машина времени.

Ни одна культура, сопоставимая с китайской по масштабам и длительности существования, не донесла до нас свою мифологию в столь же неполном виде. По сути, корпуса древней китайской мифологии до сих пор нет, и вряд ли когда-либо его удастся полностью реконструировать. В нашем распоряжении остались либо обрывки древних мифов, вкраплённые в виде иллюстраций в тексты совсем иной направленности (например, в даосские или конфуцианские трактаты), либо сочинения вроде «Книги перемен» или «Книги гор и морей», тёмные и непонятные уже для ранних комментаторов. Неясно даже само понятие «древнекитайской мифологии», так как на самом деле в Китае существует целых четыре мифологических системы: 1) древнейшие мифы; 2) даосские; 3) буддийские; 4) мифы позднего средневековья. Причём в последнем случае мы не всегда можем решить, где перед нами народное поверье, а где – учёное литературное творчество. Так, в 1622 г. был официально канонизирован в качестве бога войны Гуань Юй – не столько как реальный полководец начала III в.н.э. (тут он не выше многих других военачальников), сколько как герой популярного романа «Троецарствие» и как божество, культ которого начал складываться ещё с эпохи Тан. Будем ли мы считать этот образ элементом народного мифа, персонажем государственного культа или детищем великого писателя – Ло Гуаньчжуна? Любой из этих ответов сам по себе неполон.

Профессор Юань Кэ, которому мы обязаны самым полным изложением собранных и реконструированных по письменным источникам древних китайских мифов, приводит мнение Лу Синя, который называл три главных причины их плохой сохранности. Во-первых, «жизнь их [предков китайцев] была трудной, и главным для них была практическая деятельность, а не размышления о фантастическом, поэтому они не смогли на основе древних преданий создать монолитные большие произведения». Во-вторых, конфуцианцев интересовало лишь этическое и политическое учение, которое они и подкрепляли отрывками из древних мифов, всё остальное не было записано и вскоре забылось. Наконец, в-третьих, древние не различали добрых и злых духов, а души умерших могли превращаться как в тех, так и в других. «При таком смешении человеческого и божественного, когда ещё сохранялись первобытные верования, но уже появлялись новые предания, старые вытеснялись и умирали. “Новые” же предания, именно в силу того, что они были новыми, не могли стать популярными, поэтому они тоже почти не сохранялись» (Юань Кэ 1987: 13).

При этом сам же Юань Кэ называет первую причину «несколько дискуссионной» (Юань Кэ 1987: 13). Да, жизнь древних обитателей долины Хуанхэ была трудна. А где и когда она была лёгкой? Но это же не помешало возникновению мощных мифологических систем, например, в Египте или Месопотамии, где ирригация требовала не меньшего труда. То же самое относится и к третьей причине: рассуждая так, следовало бы признать невозможным возникновение таких «новых преданий», как христианство и ислам.

Со своей стороны, Мэн Чжоу в критической рецензии на книгу Юань Кэ, опубликованную в «Гуанмин жибао» в 1960 г., видел ещё одну причину гибели древних мифов в сложности древнекитайского письма: «Именно поэтому, утверждает Мэн Чжоу, до нас дошло слишком мало текстов эпохи рабовладельческого строя, а когда Китай вступил в период феодализма, то развитие культуры ушло слишком далеко от первобытного общества и мифы уже почти не записывались. Думается, что это мнение не лишено оснований» (Рифтин 1987: 381).

Но опять же: египетская письменность была не проще китайской, да и вавилонская клинопись, в которой один слог мог обозначаться шестью разными способами, а один знак в зависимости от контекста – иметь шесть вариантов чтения, – ненамного проще. Однако это не помешало не только записи, но и сохранению богатейших мифологических систем.

Остаётся лишь одна бесспорная причина, вторая в перечне Лу Синя, которую и Юань Кэ (1987: 14) признаёт «одной из основных». Живая мифология существовала в устной форме. Её запись впервые была осуществлена конфуцианцами – рационалистами древнего Китая. Дело, конечно, не в примитивном «стремлении объяснить содержание мифов в соответствии с интересами господствующих классов» (Юань Кэ 1987: 15). Конфуцианцы не были марксистами и не делили общество на классы с чётко осознаваемыми интересами: они вообще не делили общество ни на какие категории, кроме возрастных (Мартынов 1987: 16-17). Но их собственная рационалистическая методология определяла, что они отбирали из мифологического наследия и как они это наследие понимали.

Поясним эту мысль сравнением. Во 2-й и 3-й книгах «Государства» Платон рассуждает

о значении мифов для воспитания граждан, прежде всего стражей. Поэтому он, во-первых, предлагает внушать гражданам «благородный вымысел» о том, что бог сотворил их неравными – с примесью разных металлов (415a), и даже сожалеет, что поверить в такой миф может лишь второе или даже третье поколение «стражей» (415c-d). Во-вторых, он подвергает мифологию строжайшей чистке, не щадя даже Гомера – и даже именно Гомера:

«– Что же? Кто считает Аид существующим, и притом ужасным, разве будет тот чужд страха смерти и разве предпочтёт он поражению и рабству смерть в бою?

– Никогда.

– Нам надо, как видно, позаботиться и о таких мифах и требовать от тех, кто берётся их излагать, чтобы они не порицали всё то, что в Аиде, а скорее хвалили: ведь в своих порицаниях они не правы, да и не полезно это для будущих воинов.

– Да, этим надо заняться.

– Вычеркнем же, начиная с первого же стиха, всё в таком роде:

Лучше б хотел я живой, как подёнщик работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мёртвыми царствовать, мёртвый;

а также:

И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги;

или:

Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный…»

(Государство III 386b-d; Платон 1994: 149).

И так далее (я специально привёл длинную цитату, так как она близко касается нашей темы). Затем из текста предлагается выбросить все упоминания о Стиксе, покойниках и прочих вещах, от которых «у всех слушателей волосы встают дыбом» (387b), а также все «плачи знаменитых героев, предоставив их женщинам, и то несерьёзным, да разве ещё и никчемным мужчинам» (387d). А также сцены, где боги или герои ведут себя недостойно – например, принимают дары или восхваляют чревоугодие… Поистине, даже инквизиция была не столь строга к художественным сочинениям!

Теперь представим себе на минуту, что единственным доступным нам источником по греческой мифологии оказался бы Гомер, прошедший цензуру Платона. Много ли узнали бы мы из такого текста о мировоззрении древнейших греков? Зато наверняка нашли бы в нём и «благородный вымысел», и «идею блага», и многое другое, что относилось бы не к архаическому мифу, а к платоновскому рационализму. И вряд ли нам удалось бы отделить одно от другого. В частности, мы не сумели бы различить именно картину Аида – как мрачного царства теней, жизнь в котором хуже даже небытия, где души не испытывают ни радости, ни муки, ни надежды, ни интереса к земным делам (хотя и могут их предсказывать). Её заменил бы весьма возвышенный, но на самом деле чисто умозрительный миф о хождении Эра из X книги того же «Государства».

К счастью для науки, Платон не сумел осуществить свою «разумную цензуру» и даже не надеялся на это, как видно из заключительных слов его IX книги. Но то, чего не смог Платон, удалось конфуцианцам. Например, народные песни древнего Китая дошли до потомков только в их записи. Но Конфуций и его школа отобрали для «Шицзина» только 305 песен, хорошо согласовывавшихся с их нравственным идеалом. Авторитет народной песенной лирики как бы оправдывал их собственные этические и политические построения. (Вот так же Жуковский писал «Народные песни», первой из которых была «Боже, царя храни»). Всё прочее, в чём строгий конфуцианский вкус усмотрел аморальность или, не дай Бог, мистику, в сборник не было включено. Кто знает, может быть, и эти песни были кем-нибудь записаны, но не пережили сожжения книг в 212 г. до н.э. и пожара Сяньяна пятью годами позже, когда погибли официальные списки? Сыма Цянь, во всяком случае, даёт основания для таких предположений:

«В древности стихов-*ши* имелось свыше 3.000 текстов. Учитель Кун отбросил те из них, которые повторяли [один другой], выбрал те, [которые] имели отношение к ритуалу/благопристойности-*ли* и справедливости/правилам-*ли*… всего – 305 текстов» (цит. по Кравцова 1994: 44; см. тж. Федоренко 1986: 37).

Ну, если известно даже примерное количество текстов, стало быть, имелись и источники, по которым производился подсчёт! Если Сыма Цянь прав, то «Шицзин» – нерепрезентативная (лишь одна десятая часть имевшихся когда-то текстов), более того, тенденциозная выборка из древнейшей китайской поэзии. Мы видим её через очки, навязанные нам Учителем Кун. Так или иначе, это – всё, что есть к нашим услугам.

То же самое произошло и с мифологическим прошлым, с мифами о «вневременной вечности». Конфуцианцы слишком чтили авторитет древности, чтобы объявить эти предания простым вымыслом. Но они истолковали их, как обычно считается, в духе эвгемеризма (позже мы увидим, что это не совсем верное сопоставление): боги и полубоги превратились в древних царей и их чиновников. Из конфуцианских исторических сочинений по возможности исключались любые чудеса. Всё становится правдоподобным, а стало быть, неясно, где конча-

ются подлинные события и начинается миф. Поэтому вплоть до начала аньянских раскопок многие учёные считали династию Шан-Инь такой же мифической, как Фу-си или Хуан-ди. А в наше время раскопки в Эрлигане и Эрлитоу заставляют внимательнее присмотреться к легендам о династии Ся: быть может, и в них есть реальное историческое зерно (Васильев 1983: 81-86)?

Сыма Цянь допускает чудеса лишь в упоминаниях о том, что мать основателя такой-то династии родила необычным путём (например, наступив на след великана). Лишь в рассказе о роковой красавице Бао-сы, послужившей причиной гибели Западного Чжоу, «отец китайской истории» не удерживается от того, чтобы рассказать легенду: она-де родилась из слюны драконов, хранившейся в секретном шкафу, который однажды по неосторожности открыли. Но подобного рода эпизоды – капля в море перечней, хронологических списков, кропотливо переписанных докладов, статистических данных, специальных трактатов и даже художественных новелл, которыми так богат труд Сыма Цяня.

Если составлять себе представление о мировоззрении древних китайцев только по трудам такого рода, может и впрямь создаться впечатление, что «древние китайцы были весьма практичными людьми» (Л.Н. Гумилёв). Между тем само конфуцианство – достаточно поздний плод развития долгой культурной традиции. К тому же оно, как убедительно показывает М.Е. Кравцова, не свободно от элементов древнего мифологического мировоззрения хуася – предков современных северных китайцев, живших в среднем и нижнем течении Хуанхэ. Другое дело, что эти элементы могут быть выявлены только кропотливым культурологическим анализом.

«Мир иной»

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине…

А.С. Пушкин

Согласно логике, следовало бы предположить в китайской мифологии некое царство мёртвых, куда уходят души после смерти, если не египетские «поля Иалу», то хотя бы некое поле «среди цветов», в котором, по Ф. Арьесу, покоятся до воскресения и Страшного суда души умерших на первом этапе развития европейских представлений о смерти («смерть своя»). Однако в китайской литературе, в сущности, нет описания такого загробного мира, хотя бы отдалённо напоминающего картины Аида в «Одиссее» или ада в христианской литературе «хождений». Правда, нередко упоминаются некие «Жёлтые Источники»: «уйти к Жёлтым Источникам» – эвфемизм, означающий «умереть». Но это место нигде не описано, и более того, нигде не утверждается, что все умершие (или какие-то конкретные их категории) попадают именно туда. По словам М.Е. Кравцовой, «в Китае имелось несколько разновидностей представлений о мире мёртвых как о подземном мире, хотя все они остались в зародышевом состоянии, не превратившись в какую-либо стройную и чётко оформленную систему взглядов», и в сноске: «Представления о подземном царстве-аде были привнесены в Китай буддизмом» (Кравцова 1994: 173-174).

Как и в иудаизме, у древних китайцев не было не только чёткой картины загробного мира, но не было даже уверенности в том, что об этом вообще можно что-либо знать. Американский писатель-еврей Г. Вук вспоминает поразившие его слова своего деда – очень авторитетного раввина из Минска: «Разумеется, мы не можем быть полностью уверены, что загробный мир таки-да существует. Но *может быть*… помни: *может быть*…» (Вук 1989: 246). Вполне в духе Дэвида Юма, указывавшего, что существование Бога и загробного воздаяния нельзя не только доказать, но и опровергнуть, – своего рода «последний рубеж веры» (И.С. Нарский). Теперь сравним это с историей, рассказанной Мо-цзы, о том, как Ду-бо (в переводе В.С. Таскина – «дуский *бо*», князь владения Ду) покарал своего убийцу – предпоследнего царя из династии Западной Чжоу (782 г. до н.э.):

«Чжоуский Сюань-ван убил своего слугу, правителя владения Ду, который не имел за собой никакой вины. [Перед смертью] правитель владения Ду сказал: “Мой господин хочет убить меня, хотя за мной нет никакой вины. Если мёртвые не обладают сознанием, то этим всё кончится. Если же мёртвые обладают сознанием, не пройдёт и трёх лет, как я дам знать вану, что оно существует”.

Через три года чжоуский Сюань-ван, собрав *чжухоу*, остановился в Пу. Несколько сот колесниц и несколько тысяч лиц, сопровождавших вана, заполнили собой всю степь. В полдень дуский *бо*, сидевший в простой колеснице, запряжённой белой лошадью, одетый в красную одежду, с красной шапкой на голове, с красным луком и красной стрелой в руках, догнал ехавшего на колеснице чжоуского Сюань-вана и выстрелил в него из лука. Стрела попала в сердце, перебила спинной хребет; был так убит ван» (Мо-цзы, цз.8; цит. по: Го юй 1987: 313).

Конечно, для Мо-цзы важно доказать, что духи существуют и даже вмешиваются в

людские дела, но он делает это по собственным соображениям, далёким от мифологии (см. Титаренко 1985: 111-115). Для самого Дубо, как видно из текста самого же Мо-цзы, это не столь ясно: «*Если* мёртвые не обладают сознанием, то этим всё кончится. *Если же* мёртвые обладают сознанием, не пройдёт и трёх лет, как я дам знать вану, что оно существует» (выделено мной – Л.М.). Причём как именно он сумеет «дать знать вану», будет ли это месть (как оно и вышло) или просто какое-то предупреждение, – Ду-бо и в этом не уверен. «Но *может быть*… помни: *может быть*…»

Та же неуверенность слышится и в предсмертных словах юэского князя Фу Ча, обращённых к духу У Цзысюя: «Если умерший ничего не знает [о происшедшем], на этом всё кончится, но если он знает, с каким лицом я встречусь с вами, Юань!» (Го юй 1987: 290). Вновь эта юмистская оговорка: если... А может быть, и так «на этом всё кончится». Во всяком случае, великий магистр тамплиеров в подобном же положении просто объявил папе и королю, что вызовет их на Божий суд в течение года, без всяких «если».

Зато китайская литература полна случаев, когда души покойников обретают себе место где-либо на земле: в Срединном царстве или в землях варваров (в углах квадратной Земли, которые, согласно китайской космографии, не покрываются круглым Небом), в качестве реальных или призрачных существ. Более того, души после смерти могли обретаться в нескольких местах разом. Дело в том, что по китайским представлениям духовная сущность человека дискретна: у каждого есть три души *хунь* 魂, управляющих разумной и чувственной сферами, и семь душ *по* 魄, регулирующих вегетативные и животные функции организма. При этом обычно считалось, что *хунь* расположены в печени, а *по* – в лёгких (Юань Кэ 1987: 364, сноска Б.Л. Рифтина). Уже то, что три *хунь* и семь *по* не носят специальных имён, указывает, что функции их были разграничены нечётко и что, допустим, одна *хунь* могла при случае заменять другую. Более того, в «Призывании души» о поэте говорится, что «без душ *обеих* он остался» (одной *хунь* и одной *по*), да притом ещё при жизни, как видно из слов «вещуньи Ян»: «Боюсь, что он умрёт скорее, Чем души я верну ему» (Цюй Юань 1956: 143, 144), да и из самих жалоб поэта – от первого лица. Впрочем, после этого «вещунья Ян» начинает призывать только душу *хунь* (это слово вынесено и в заголовок «Призывания»), не вспоминая о *по*. А в одном из эпизодов романа о царе обезьян Сунь Укуне его тело покидают «*все семь* душ» – потом он, правда, воскресает. Иными словами, сколько именно душ у человека, было неясно, но во всяком случае, много. Согласно Е.А. Торчинову, лишь авторитет Кун Инда (574-648) закрепил классический взгляд на души («обычно считалось», что у человека три *хунь* и семь *по*), разделение же функций между ними и в дальнейшем проводилось по-разному (рис. 1; Торчинов 1994: 9-10).

Отчего бы тогда одной душе *хунь* не уйти в загробное царство, другой – стать местным духом, третьей – воплотиться в новом человеке согласно буддийским представлениям, ещё одной (эта уже явно из числа *по*) – остаться в могиле, пятой – в поминальной табличке? И никому не пришло бы в голову спрашивать, как спросил лукиановский Диоген Геракла в 16-м из «Разговоров в царстве мёртвых»: «Да разве возможно кому-нибудь на половину быть богом, а другой половиной умереть?» (Лукиан 1909: 55).

Так, Ван Чун в «Критических суждениях» пишет: «Некогда у Чжуаньсюя родилось три сына, родились и умерли, один поселился в реке Цзяншуй и стал духом лихорадки, другой поселился в реке Жошуй, это был Ванлян, третий – в углах жилищ и насылал мор» (цит. по: Юань Кэ 1987: 282).

Юань Кэ упоминает (там же), что сходный рассказ есть и в 16-м цзюане «Записок о поисках духов» известного даоса Гань Бао. Души утопленников часто становились духами тех вод, в которых они утонули: «Как рассказывают историки древности, дочь Чжэньмэна украла чёрную жемчужину Хуан-ди, утопилась в реке и, превратившись в *цисян*, стала речным духом» (Юань Кэ 1987: 287; Цисян – Удивительный Облик – чудище с телом дракона и лошадиной головой: Юань Кэ 1987: 87). В «Книге гор и морей», глава «Бэй цы сань цзин», есть такой миф:

«В двухстах ли далее на север находится гора Фацзю, поросшая деревьями кудрани. Там есть птица, похожая на ворону, но с пёстрой

Рис. 1. Три хунь и семь по (Торчинов 1994: 11).

головой и красными лапами. Сама выкрикивает своё имя – *цзинвэй*. А была она младшей дочерью Янь-ди (бога огня, он же Шэньнун) по имени Нюйва. Она плыла по Восточному морю и утонула там, превратившись по смерти в *цзинвэй*. Она постоянно носит [куски] дерева и камни с Западных гор, чтобы завалить Восточное море» (цит. по: Юань Кэ 1987: 277).

Далее, Фу-фэй (или Ми-фэй), дочь первого из Трёх правителей – Фуси, – утонула в реке Лошуй и стала духом этой реки (Юань Кэ 1987: 46, 267). Ей посвящены многие оды, в частности, знаменитая поэма Цао Чжи «Фея реки Ло».

Мужем Фу-фэй был ещё один утопленник – Бинъи, или Фэнъи, которому Небесный владыка после смерти пожаловал титул Правителя рек – Хэ-бо 河伯 (Юань Кэ 1987: 149, 314). (Иероглиф *бо* 伯 может переводиться и как «князь 3-го ранга», условно – «граф», и как «дядюшка» или «старший брат»). С этим Хэ-бо связано множество мифов. В частности, Цюй Юань в «Вопросах к Небу» утверждает, что Стрелок И убил его ещё раз, чтобы жениться на одной из его жён (Юань Кэ 1987: 314). Хэ-бо был очень разгульным духом, и, как отмечает Сыма Цянь в жизнеописании Симэнь Бао, ещё в эпоху Сражающихся Царств (а если верить Ли Даоюаню – то даже в эпоху Троецарствия, III в.н.э.) ему ежегодно устраивали «свадьбу», принося в жертву девушек (Юань Кэ 1987: 314-315). Причём случай с Симэнь Бао, покончившим с этим обычаем, произошёл на реке Чжаншуй – левом притоке Вэйхэ (до 11 г.н.э. – Хуанхэ). Обращается к Хэ-бо и Цюй Юань, проживший всю жизнь на Юге. Стало быть, этот «речной дядюшка» был духом не одной лишь Жёлтой реки (она же просто Река, *Хэ* 河), а всех рек Китая.

Вообще древнекитайский «тот свет», как кажется, тесно связан с водой. Похоже, что несколько раз проскальзывающая в устах нескольких персонажей фраза: «Если бы не Великий Юй, мы бы все превратились в рыб» – нечто большее, чем поэтическая метафора, дань уважения усмирителю потопа. Не значит ли в этой фразе «превратиться в рыб» не просто «утонуть», но и вообще «умереть»? Рыба, как известно, – хтоническое существо, слуга подводных духов, и во многих мифах разных народов она символизирует подземный мир, так же как водный рубеж – границу между миром сим и миром потусторонним. (Случайно ли, кстати, в современном китайском языке имя Великого Юя 禹 и слово *юй* 魚 – рыба – звучат почти одинаково?). С другой стороны, именно у китайцев рыба амбивалентна: при особых условиях она может превращаться в дракона (ещё один дух водной стихии). Рыбак, ловящий и убивающий рыб, – тоже сакральный персонаж, стоящий на самой границе того и этого мира (Кравцова 1994: 347-348). Стоит вспомнить святых рыбаков – апостолов Петра и Андрея Первозванного («идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» – Матф.4:19), а также то, что в первые века христианства рыба была тайным символом самого Христа – формально на основе криптограммы: ΙΧΘΥΣ («рыба») = Ιησους Χριστος Θεου Υιος Σωτηρ (Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель). Что же касается Китая, то вот несколько случаев, когда в рыб превращаются отнюдь не утопленники:

«Подобно другим небесным владыкам, Чжуаньсюй, как гласит предание, тоже умер, и после смерти с ним произошло удивительное превращение. Когда с севера подул сильный ветер, подземная вода под действием ветра выступила на поверхность и залила землю. В это время змеи превратились в рыбу, и мёртвый Чжуаньсюй благодаря этому превращению прилип к телу одной из рыб и ожил. У ожившего Чжуаньсюя одна половина тела была как у человека, а другая – как у рыбы. Это странное существо называлось *юйфу* (рыба-женщина). Смысл этого превращения, видимо, состоял в том, что рыба, став его женой, снова вернула его к жизни. Согласно преданию, с Хоу-цзи – предком народа чжоу – произошло такое же превращение: он воскрес в своей могиле и одна половина его тела напоминала рыбу» (Юань Кэ 1987: 75).

«Книга гор и морей», раздел «Дахуан си цзин»: «Есть наполовину высохшая рыба, зовётся “рыба-жена”. С севера налетел ураган, всё небо превратилось в сплошной водный поток, в это время змея превратилась в рыбу и стала рыбой-женой. Чжуаньсюй умер и опять ожил». Комментарий Го Пу: «Хуайнань-цзы говорит: могила Хоу-цзи находится к западу от *цзяньму*, сам же он умер и воскрес, превратившись наполовину в рыбу. Очевидно, здесь речь идёт о том же». Истолкование текста принадлежит Хао Исину (Юань Кэ 1987: 283).

Получается, что загробный мир связан не только с подземельем («мрачный Тартар», до которого наковальня, брошенная с земли, будет лететь девять дней – столько же, сколько с небес на землю), но и с подземными водами. И притом расположен он гораздо ближе, чем Тартар: оттуда можно вернуться. А рыба способна исполнять роль психопомпа – во всяком случае, она сумела вернуть душу Чжуаньсюя на этот свет, хотя и в странном, наполовину рыбьем обличье.

Не менее распространено было поверье, что душа умершего остаётся там, где находится его тело (или где оно находилось в момент смерти). Отсюда строки Ду Фу (712-770): «Души недавно павших // Плачут на поле брани…» («В снегу»). В экономическом разделе официальной «Истории династии Суй» – «Трактате о продовольствии и ценностях» (Ши хо чжи) рассказывается о душах рабочих, погибших на строительстве суйского дворца и бродивших вокруг него в виде блуждающих огоньков:

«В 13-м году [эры правления] *Кайхуан* (593 г.) император приказал Ян Су выехать в

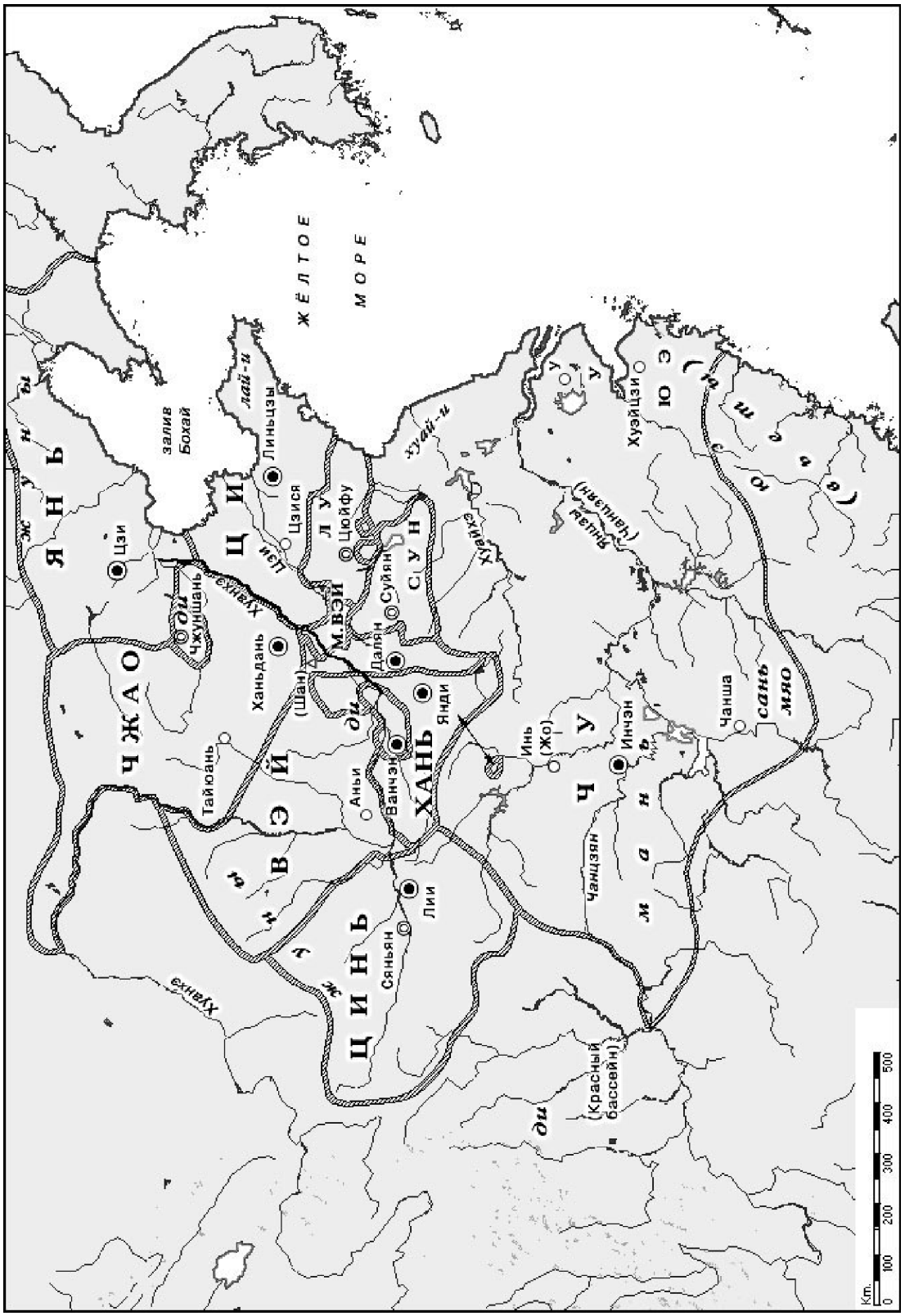

Рис. 2. Древний Китай. Обзорная карта.

северную часть округа Цичжоу для сооружения там дворца Жэньшоу. И тогда Ян Су сровнял горы и засыпал ущелья, возвёл террасы и павильоны, высокую башню во много ярусов, которые затейливо переходили один в другой. Отрабатывавших здесь трудовую повинность работников торопили, жестоко [обращались с ними], и многие [из них] умирали. Падавших ничком от усталости сбрасывали в ямы и, наполнив [их], засыпали сверху землёй и камнями, утрамбовывали и выравнивали поверхность. Умерших [насчитывалось] более 10 тыс. […] Позже, в конце года, когда стало рано темнеть, император поднялся в дворцовый зал Жэньшоу и стал обозревать [простиравшуюся] внизу равнину. Увидев поодаль от дворца множество блуждающих огоньков и услышав плач, [он] приказал приближённым взглянуть на это. Те объяснили, что это “огоньки умерших душ”. Император сказал: “Это те, кто отрабатывал трудовую повинность и умер здесь. Так как приближается конец года, [их] души скорбят о возвращении [в родные края]”. И он приказал окропить [могилы жертвенным] вином и прочесть заклинания, дабы с помощью этого изгнать их. С тех пор блуждающие огни погасли» (Материалы… 1980: 105).

В старом Китае отчаявшийся должник мог грозить ростовщику, что повесится на воротах его дома. Считалось, что в этом случае его дух станет призраком и будет мучить хозяев, поэтому угроза обычно воспринималась более чем серьёзно (см., напр. Сидихменов 1985: 58). В 1879 г. цензор У Кэду в знак протеста против узурпации власти регентшей Цыси повесился в кумирне близ кургана покойного императора Тунчжи. Свою предсмертную записку на имя настоятеля кумирни он начал со слов: «Настоятель Чжоу, не бойтесь. У меня нет желания причинить вам зло» (цит. по: Сидихменов 1985: 112) – иными словами, после смерти он не намерен остаться там, где умер. Ритуалы, посвящённые духу умершего, могли происходить в доме, где на алтаре стояла его поминальная табличка (считалось, что дух переселяется в эту табличку), или на могиле. Например, над могилой зачитывались указы о посмертной реабилитации или о посмертном присвоении ранга знатности.

Не менее важны были и обстоятельства смерти. Так, очень долго сохранялось поверье, что душа человека, съеденного тигром, превращается в особый дух – *чан* 倀. Чтобы не быть единственной жертвой подобного несчастья, этот дух прислуживает тигру: подстерегает в лесу одиноких путников и нападает на них, удерживая до тех пор, пока не подойдёт тигр. До сих пор существует поговорка: «служить духом-наводчиком при тигре» (爲虎作倀 *вэй ху цзо чан*), означающая «быть приспешником злодея» (Proverbes chinois 1984: 9-10). Пикантную подробность добавляет В.М. Алексеев:

«Рассказывают, что когда человек повстречает тигра, то его платье и пояс сами собой расстёгиваются, ибо тигр ест только голого. Это устраивают слуги-бесы. Откуда же они берутся? А вот: когда тигр загрызёт человека, то душа его не смеет никуда уйти и служит тигру, как барину» (Алексеев 1988: 514).

Жаль только, нигде не говорится, куда деваются эти бесы *чан*, когда тигр умирает.

Многочисленны и свидетельства того, какое огромное значение китайцы придавали тому, чтобы смерть не была связана с расчленением тела. Поэтому, начиная с «Кодекса династии Тан», отсечение головы считалось высшей мерой наказания, более суровой, чем удушение, хотя методы последнего могли быть куда более жестокими, чем испанская гаррота (более варварские наказания, такие, как четвертование, были упразднены танским кодексом).

Получается, что в китайской мифологии (если не брать буддийские представления, о которых особый разговор) мир мёртвых не отграничен от мира живых. Это не «мир иной», а лишь иное измерение нашего собственного. И это естественно, ведь в китайской культуре вообще нет непроходимой грани между богами, полубогами, героями и людьми. Человек легко мог стать богом или бессмертным как при жизни, так и после смерти. Так, мы уже упоминали о посмертной канонизации Гуань Юя в качестве бога войны. Знаменитый ремесленник Лу Бань (он же, возможно, Гуншу Бань, о чудесных изобретениях которого упоминает его учитель Мо-цзы) стал богом ремесленников. Не менее прославлен бог каллиграфии Ван Сичжи, реально живший в IV в.н.э. Разительнее всего, пожалуй, случай с канонизированным в XVII веке богом часовщиков – бодхисаттвой Ли Мадоу. При жизни он был не буддистом (как можно было бы подумать по титулу бодхисаттвы), а иезуитом, звался Маттео Риччи и поразил китайцев тонким знанием их культуры, а также некоторыми европейскими вещами, новыми для Срединной империи. В числе этих вещей были и часы, – всё остальное понятно. О чём бы ни мечтал при жизни фра Маттео, но только не о такой небесной карьере – в роли языческого божества!

На это можно возразить: но ведь Цюй Юань в «Призывании души» заклинает её от ужасов потустороннего мира и призывает вернуться в город Ин, который она покинула! Конечно, «Призывание души» – не просто поэзия, а магический текст, заклинание, – тем более ему можно доверять в таком вопросе. Юань Кэ даже считает описанное Цюй Юанем место Юду самым настоящим адом, царством тьмы, куда после смерти уходят души. Вот, например, как он описывает страдания опального Стрелка И и его жены:

«Чанъэ… очень боялась, что после смерти попадёт в подземное царство Юду, где будет

вместе с духами и чертями вести печальную и мрачную жизнь. И тоже не хотел попасть в подземное царство, так как он всё же был божеством, и ему было страшно и стыдно жить среди чертей. Шло время, и каждый день приближал его к этой участи. Смелого И начал охватывать страх…» (Юань Кэ 1987: 154).

А после предательства жены, укравшей для себя одной эликсир бессмертия, рассчитанный на обоих, «И как-то переменился: он стал думать о том, что в аду не так уж плохо, что на небе царит несправедливость, а на земле обман» (Юань Кэ 1987: 159).

К сожалению, приходится констатировать, что именно в данном вопросе такой замечательный и авторитетнейший мифолог, как Юань Кэ, вряд ли прав. Попытка непременно увидеть в Юду либо китайский ад, либо (что вернее) китайский Аид, приводит его к противоречию с источниками. Так, рассказывая о смерти Гуня, отца Великого Юя, он связывает это событие с горой Юйшань, в которую ведут «ворота Диких гусей» – Яньмэнь. «Страшный ад Юду, где, по преданию, души мёртвых находили своё последнее пристанище, вероятно, находился в окрестностях этой горы» (Юань Кэ 1987: 167). Это рассуждение подкрепляется ссылкой на «Книгу гор и морей» (глава «Хайнэй цзин»), где, однако, говорится несколько иное:

«Гора Юйшань, или Вэйюйшань, находится на “тёмном склоне северной оконечности земли, где не видно солнца. Юду – Столица мрака находится в Северном море. Люди и звери там чёрные”» (Юань Кэ 1987: 321).

Но в таком случае, во-первых, почему Юду – это «подземное царство», если оно находится на севере, да ещё и в море? (На странице 101 Юань Кэ пытается снять это противоречие, трактуя выражение «*бэй хай*» 北海 не как «северное море», а как «местность Бэйхай»). Далее, почему эти мрачные места, напоминающие «чёрную страну Мордор» у Толкиена, описаны в главе «Хайнэй цзин» 海內經 – «Трактат о том, что между морями», то есть в пределах ойкумены, а не в землях, соответствующих греческим антихтонам и антиподам? И действительно, округ Яньмэнь существовал на севере провинции Шаньси ещё в начале XX века, причём расположен он как раз на северном склоне самого северного из пяти священных пиков – горы Утайшань. Этот округ соответствует землям древнего удела Дай, а его центр сейчас называется Дайсянь. Само название Юду 幽都 (Столица мрака, по мнению Юань Кэ, или Сокровенный град) явно ассоциируется с крайним северо-восточным округом империи Хань – Ючжоу 幽州, простиравшимся как раз от Яньмэня (Дай) до средней части Кореи, столица его лежала близ нынешнего Пекина. Постоянно повторяется «чёрная» атрибутика Юду: «Оно находилось в местности Бэйхай, и жили там чёрные птицы, чёрные змеи, чёрные барсы, чёрные тигры и чёрные лисы с пушистыми-препушистыми хвостами. Была там и большая чёрная гора, на которой жили чёрные люди» (Юань Кэ 1987: 101). Однако в пятицветном китайском «спектре» чёрный цвет (точнее, чёрный с красным или фиолетовым отливом – *сюань* 玄) – атрибут Севера, цвет ночного неба и притом отнюдь не связан со смертью или погребением.

Хотя из описания демона Ту-бо, стерегущего вход в Юду, Юань Кэ делает вывод, «какова же была мощь самого владыки царства тьмы» (там же), роль этого владыки (под которым имеется в виду Хоу-ту) в других мифах совсем мала. К тому же М.Е. Кравцова считает этого Ту-бо 土伯 («Старший брат/дядя Земли») не просто стражем ворот Юду, этаким китайским Цербером, а самим владыкой, причём хватающим не души умерших, а живых людей, и притом замечает, со ссылкой на самого же Юань Кэ, что «других древних источников с упоминанием Ту-бо или какого-либо аналогичного ему существа нет» (Кравцова 1994: 174). Нынешние реконструкции облика Ту-бо тоже нельзя признать убедительными. Так, Сунь Цзоюнь увидел это божество в одном из изображений из гробницы в Мавандуй (близ Чанша) – в «чудовище с головой оленя и длинным хвостом, в человеческой одежде» (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 260-261). Однако это изображение ничем не напоминает описание Ту-бо, которое мы видим у Цюй Юаня: «Там у князей по девяти рогов... Трехглазые, с тигриной головой, И тело их с быком могучим схоже…» Словом, всё указывает именно на север, а не под землю.

В этой связи стоило бы сослаться на мнение Б.Л. Рифтина: «Судя по “Хуайнань-цзы”, Юду часто обозначало просто крайнюю точку на севере» (Мифологический словарь 1990: 625). Ворота в Юду ведут через гору Бучжоушань 不周山 (Неполную), которую когда-то повредил Гунгун, потерпевший поражение в борьбе с Фуси. Согласно более поздним источникам, «на Бучжоушань растут чудесные плоды, похожие на персики, отведавший их не будет знать усталости» (Мифологический словарь 1990: 107). Юду – страна, «управляемая Хоу-ту» (а не Ту-бо), но при этом Хоу-ту – божество земли и управляет сторонами света. И даже: «В более поздние времена Хоу-ту стал восприниматься как женское божество, к имени Хоу-ту в народе стали добавлять титул няннян (“матушка”)» (Мифологический словарь 1990: 580; все статьи «Мифологического словаря», на которые даны ссылки в этом абзаце, написаны Б.Л. Рифтиным). Как хотите, это похоже на что угодно, кроме ада!

Наконец, главное: почему Стрелок И так боится именно попасть именно в Юду (в описании Юань Кэ)? Точно ли его неминуемо ждёт сия «мрачная обитель Аида»? Описана она в основном по Цюй Юаню, так заглянем

ещё раз в «Призывание души»: нигде в нём Цюй Юань не говорит, что отлетевшей душе один путь – в Юду. Напротив, призывая душу вернуться, жрец говорит ей об опасностях всех стран света мифической географии: на севере плохо, на западе не лучше, на востоке то же самое… А душа при этом как бы свободна выбирать между этими путями! Потусторонние миры севера, запада, юга, востока, подземелья и даже неба, о которых говорит Цюй Юань, – это не круги дантова ада, в каждый из которых можно попасть за строго определённое преступление. Душа, которую заклинает чуский поэт, вольна выбрать одну из многих дорог. Вот только все эти дороги плохие – кроме обратной, которая закрыта. Да ещё в астральные сферы не попасть: для этого одного желания мало, туда попадают лишь избранные. Впрочем, о чуских астральных сферах – особый разговор впереди. Пока же заметим: и «Призывание души», и «Хуайнань-цзы», из которых мы узнаём о «столице Мрака», – памятники не чжоуской, а чуской традиции, которую следует рассмотреть отдельно.

«Donc l'athéisme c'est votre réligion!»

Так боги оправдывают человеческую жизнь, сами живя этой жизнью, – единственная удовлетворительная теодицея!
Ф. Ницше. Рождение трагедии из духа музыки.

Свой интереснейший обзор представлений древнего населения Северного Китая М.Е. Кравцова завершает таким резюме:

«Представители центральной субтрадиции обладали рядом специфических ментальных признаков, к каковым относятся, в первую очередь, "рациональность", ритуалистическое мироосознание и постоянная нацеленность на мироупорядочивающую деятельность. Всё это находит воплощение в ритуальной активности иньцев и чжоусцев. Центральное место в общественной идеологии шан-иньской и чжоуской цивилизации занимал комплекс представлений о верховной власти и её носителе, ставший впоследствии составной частью официальной идеологии уже имперского Китая» (Кравцова 1994: 131).

Это явно так, и рационализм китайской традиции хорошо известен, хотя Е.А. Торчинов называет его иначе (и, пожалуй, точнее) – «натурализм». А Вл. Соловьёв, говоря, правда, не о китайском, а об иудейском духе, счёл возможным даже выражение «религиозный материализм», примеры которого мы дальше увидим. С другой стороны, несомненно (и М.Е. Кравцова это не раз подчёркивает), что рационализм учения Конфуция не родился в голове его создателя, как Афина в голове Зевса: у Конфуция нет ни строгой теории познания, как у Сократа и Платона, ни вообще чётко сформулированной методологии, хотя есть отдельные высказывания на эти темы. Его корни уходят в мифологические представления шан-иньцев и чжоусцев, в их глубоко прагматичный даже на дофилософском уровне склад мышления. Это не исключительная черта Китая, этим же объясняется глубокий прагматизм мировоззрения римлян (см. Штаерман 1994). Римляне настолько мало интересовались своими богами, что даже не были уверены в их поле и обращались к ним осторожно: «бог ты или богиня, муж или женщина», а называя их по имени, прибавляли: «или каким иным именем ты желаешь называться». Основное внимание они уделяли не мифам, а строгому соблюдению магических обрядов, чёткости ритуальных форм и ритуального поведения: считалось, что в этом случае божество будет чуть ли не юридически обязано выполнить свой долг. Это и нашло своё воплощение в духе знаменитого римского права с его классически чёткими формулировками и определениями, в юридическом складе всего мышления древних римлян и даже в психологии католицизма (см. Мосионжник 2000: 482-485). Отсюда же и римский принцип, сформулированный Варроном, о том, что община выше, чем её боги, а гражданские установления выше религиозных (Штаерман 1994: 543).

Сходную картину мы видим и в древнейшем Китае – шан-иньском и чжоуском. Религия иньцев сводилась к космогоническим мифам, магии пространства (то и другое нашло отражение уже в неолитической керамике Яншао – см. Кравцова 1994: 82; Рифтин 1987: 660; и особенно Евсюков 1988) и к почитанию предков – *ди* 帝, во главе которых стоял Верховный предок – *Шан ди* 上帝. Лишь чжоусцы в XI в. до н.э. принесли в Китай культ Неба – *Тянь* 天 (Тенгри), явно кочевого происхождения. (О кочевом прошлом чжоусцев см., напр., Кравцова 1994: 30, 66-67, 151; о связи между китайским «Тянь» и тюрко-монгольским «Тенгри» – Элиаде 1999: 134-138). Но и у чжоусцев Небо никак не олицетворяется – настолько, что в течение всего периода Чуньцю-Чжаньго не прекращались споры, обладает ли Небо активной волей или действует механически, как природный закон. Даже тексты самого Конфуция не позволяют решить, к какой из этих двух точек зрения склонялся Учитель.

В иньских гадательных надписях вопросы не обращены к Небу. Чаще всего они просто безадресны: «В день цзи-мао гадатель Цзюэ задал вопрос: "Будет ли дождь?". Ван прочёл

ответ: “Будет”. В день жэнь-у действительно прошёл дождь» (Крюков, Хуан Шуин 1978: 14, 346). Нередко, однако, встречается вопрос:

勿求于妣庚 «Не следует просить у прародительницы Гэн?»; или:

今日求于大庚于大庚求
求大甲求妣辛

«Сегодня будем спрашивать у Великого Гэна? Будем просить у Великого Цзя? Просить у Великого Цзя? Просить у прародительницы Синь?» (Крюков, Хуан Шуин 1978: 24, 346).

Иногда, правда, упоминаются не только конкретные умершие предки, но и просто *ди*, без имён. Например, в день синь-мао гадатель Цзюэ спрашивал: 帝其熯我 «Верховное божество не накажет нас засухой?» (Крюков, Хуан Шуин 1978: 34, 347). Но даже если принять перевод М.В. Крюкова и Хуан Шуин (*ди* = «Верховное божество»), то что это за персонаж? Считается, что конфуцианцы превратили древних богов и полубожественных героев в идеальных монархов и их приближённых, якобы живших в седой древности (точнее, во вневременной изначальной эпохе «сразу после Творения», архетипической на все будущие века, – *in illo tempore*, как постоянно называет это мифическое время М. Элиаде). При этом обычно тревожат тень Эвгемера. Но чтение иньских гадательных надписей наводит на мысль, что могло быть наоборот: сначала умершие предки превращались в богов, и лишь затем просвещённые потомки «вернули» их с небес на землю.

Как известно, у австралийских аборигенов нет чёткого представления о богах. Их роль играют предки: они – творцы мира (точнее, упорядочили поначалу хаотический мир), они же – объект культовых и магических действий. Больше того, душа даже живого человека могла существовать отдельно от него (например, воплощаться в чуринге) и стать при этом объектом магического воздействия – целебного или вредоносного. Это настолько известно, что советские этнографы всегда указывали на верования австралийцев как на главный аргумент в пользу дорелигиозной стадии развития человечества. Эта картина чрезвычайно близка к мировоззрению древнейших китайцев: представление о богах самое смутное, если оно вообще есть («Donc l’athéisme c’est votre réligion!»[2]), всё внимание сосредоточено на духах предков. Похоже, что эти духи не только сообщают живым, «будет ли дождь», но сами же его и посылают (или не посылают). В таком случае понимание *ди* как «Верховного божества» более чем проблематично.

Сомнительно, чтобы «наказать нас засухой» могло именно «Верховное божество». М. Элиаде убедительно показал, что во всех архаических мифологических системах есть подобный персонаж – уранический бог (то есть олицетворение небесной тверди), изначальный Творец, и что везде, от Эллады до Новой Зеландии, главная его черта – ПАССИВНОСТЬ (Элиаде 1999: I, 109-116). Это, по выражению румынского исследователя, *deus otiosus* – «праздный бог» или «бог на покое». Сотворив мир, такой бог быстро утрачивает интерес к своему созданию и даже не всегда сам заканчивает свой труд. К нему не обращаются с молитвами и просьбами (разве что если не помогли обращения «по инстанциям» к другим божествам), у него нет ни храмов, ни ритуального почитания: это бесполезно, поскольку «лазурное Небо вдали» неизменно и именно поэтому холодно и глухо. Уранический бог и верующие равнодушны друг к другу. Вывод автора:

«Эта уточняющая деталь весьма показательна: она демонстрирует нам народное понятие о трансцендентности и пассивности верховного божества, слишком далёкого от человека, чтобы заниматься удовлетворением его бесчисленных потребностей, религиозных, хозяйственных и жизненных» (Элиаде 1999: I, 110).

Таким образом, по Элиаде, пассивность уранического божества выражает понятие архаического человека о трансцендентности. На мой взгляд, возможно и другое объяснение: таким образом в архаическое сознание входит понятие объективной реальности, определяющей условия человеческой жизни, но при этом безразличной к человеку. Как бы то ни было, понятие о верховном небесном боге-творце есть практически у всех народов, даже самых отсталых, но к этому богу обращаются лишь тогда, когда другие потусторонние силы не помогли. Поклоняются же чаще всего не этим верховным существам, не вмешивающимся в земные дела, а другим, более близким, хотя бы они и были «ниже рангом». Иная картина в развитых религиях (христианство, иудаизм, ислам) возникла лишь за счёт слияния уранического Творца с каким-либо иным образом – например, с образом Яхве, первоначально бога грозы, громовержца и мироустроителя, витязя богов («Яхве Воинств» – *Яhве Цэваот* יהוה צבאות), победителя Моря (Шифман 1986: 72), но поначалу отнюдь не Творца. И, между прочим, крупнейший средневековый еврейский богослов Рамбам (Маймонид) именно так и представлял себе исчезновение культа уранического божества:

«В дни Эноша люди впали в грубое заблуждение, и совет мудрых людей в этом поколении стал глупым. […] Вот в чём состояло их заблуждение. Поскольку Бог, рассуждали они, сотворил эти звёзды и [небесные] сферы, дабы править миром, поместил их в выси и почтил их, и поскольку они — слуги, прислуживающие перед

[2] «Так значит, безбожие и есть ваша религия!». Эти слова, по свидетельству Ф. Энгельса, ранние марксисты не раз слышали от верующих последователей Огюста Бланки.

ним, то они достойны восхваления и прославления, и им следует воздавать честь. И такова воля Бога, да будет Он благословен, чтобы человеки превозносили и почитали тех, кто превозносит и почитает Его, так же как царь желает, чтобы проявляли почтение к прислужникам, стоящим перед ним, и тем самым честь воздаётся самому царю[3]. […] Они, однако, не утверждали, что нет Бога, кроме некоей звезды [служившей им предметом поклонения]». Они думали, что это пустое поклонение угодно Богу, но «с течением времени чтимое и страшное имя Божье было забыто людьми, исчезло из их душ и перестало быть известно им». Лишь немногие, как Енох (Энош), Мафусал, Ной, Сим и Евер, хранили память о Творце (Рамбам 1990: 53).

Тем более это относится к Китаю, где миф об ураническом Творце вообще не зафиксирован. Нет идеи творения *ex nihilo*: хаос был всегда. Упорядочивать его начал Первочеловек – Паньгу, который утвердил Небо на нужном расстоянии от Земли – иными словами, своими трудами создал только пространство. «И он умер» (Быт. 5:5, 8, 11, 14, 17 и далее) – как упорно завершает Элохист биографии всех персонажей, которых нельзя больше принимать за богов[4]. Впрочем, в китайских мифах как люди, так и боги равно могут быть смертными или бессмертными.

«Наконец, небо и земля, видимо, стали достаточно прочными, и Паньгу мог более не опасаться, что они соединятся вновь, – ему ведь тоже надо было отдохнуть. В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вздох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луной, туловище с руками и ногами – четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь – реками, жилы – дорогами, плоть – почвой, волосы на голове и усы – звёздами на небосклоне, кожа и волосы на теле – травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. – блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капли дождя и росу. Одним словом, Паньгу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным» (Юань Кэ 1987: 34-35, со ссылкой на «Толкование истории» Ма Су, 1620-1673).

Итак, даже Паньгу – не столько божественный Творец, сколько Первопредок и даже Первочеловек, в котором «благословятся все племена земные» (Быт. 12:3, 18:18). Архетипически важный, предок не только людей, но и всего живого и даже неживого, но всё-таки – человек: «и он умер».

Помимо всего прочего, это означало, что мир мёртвых в Китае – отнюдь не безнадёжный Аид, бездна забвения, худшая, чем небытие, и не Шеол, картина которого так ужасала Иова. Напротив! Умирая, человек становится могущественным духом, начиная с духа местности (вспомним Хэ-бо и Фу-фэй) и кончая ролью покровителя живущих потомков. Уже поэтому смерть не должна была особо пугать. Быть может, она была даже престижна – отсюда не только безудержная пышность погребального ритуала, сохранявшаяся до самой революции, но и удивительная лёгкость, с которой в эпоху Чуньцю-Чжаньго совершались самоубийства. Источники полны примеров такого рода.

У Чжуан-цзы, например, в главе XXVIII «Уступление Поднебесной» рассказывается, как Шунь предлагал своему другу У Цзэ уступить престол, а Чэн Тан сделал такое же предложение Бянь Сую и У Гуану. Все трое покончили с собой лишь потому, что их приняли за суетных властолюбцев (все трое, заметим, сделали это одним и тем же способом – утопились). Посмотрим на их мотивировки:

«– Ну и странный у нас государь! – сказал У Цзэ-северянин. – Он покинул свою деревню и пришел ко двору Яо, но и это еще не все. Теперь он хочет, чтобы я разделил с ним его позор. Мне противно даже видеть его.

И он бросился в воды реки Цинлин».

«Тан посоветовался с И Инем, пошел походом против Цзе и победил его. Тут он стал уступать Поднебесную Бянь Сую, а тот отказался принять власть, сказав:

– Вы, государь, собираясь в поход против Цзе, пришли за советом ко мне, хотели подтолкнуть меня к мятежу. Победив Цзе, уступаете мне Поднебесную, так что меня могут счесть корыстолюбцем. Хотя я живу в смутное время, но не могу стерпеть, когда человек во второй раз приходит ко мне с унизительным предложением.

С этими словами он бросился в воды реки Чжоу и утонул.

Тогда Тан стал уступать Поднебесную У Гуану, говоря ему:

– Сей поход затевал знающий, осуществил отважный, человечный же воспользуется плодами его: таков Путь древних. Почему бы вам, уважаемый, не встать во главе всех?

У Гуан же отказался, сказав:

– Низложить государя – значит нарушить долг. Убивать людей – значит попрать человечность. Если другой человек, пренебрегая опасностью, пошел на преступление, то мне воспользоваться плодами его поступка – значит опозорить свое имя. Я слышал, что “нарушивший свой долг не получает своего жалованья; в

[3] Произвольность такого толкования могла быть замечена уже и во времена Маймонида (XII-XIII вв.): он не учёл, что «в дни Эноша» (до потопа) Библия не упоминает ни о каких царях. Первым царём на Земле она считает Нимрода, внука Хама (Быт. 10:8-10).

[4] Этот вопрос я специально рассматриваю в другой работе, посвящённой Прологу книги Бытия.

земли, где нет Пути, входить нельзя". Тем более же нельзя требовать уважения к себе. Нет, я не в силах этого вытерпеть!

С этими словами У Гуан обнял большой камень и бросился в воды реки Лу» [5].

В ханьской новелле «Яньский наследник Дань» советник Тянь Гуан, указавший Даню на Цзин Кэ (террориста, способного на задуманное яньским наследником дело – убийство Цинь Ши-хуанди), кончает с собой прямо на глазах у Цзин Кэ лишь потому, что Дань просил его не разглашать тайну: стало быть, наследник в нём не слишком уверен, а жить под подозрением стыдно (Поэзия и проза… 1973: 346-347). Сохранился рассказ о том, как некий мудрец, решив погубить трёх вражеских полководцев, послал им две драгоценности, которые должны были достаться храбрейшим из них. Сначала все трое заспорили, кто из них достоин такой чести, а затем по очереди покончили с собой от стыда. Удивительнее всего не то, как легко они погибли от собственных рук, а то, что инициатор стратагемы заранее знал, чем именно должно кончиться дело!

Мёртвые постоянно присутствовали в «информационном поле» живых – иными словами, живые верили в их реальное присутствие и считались с ним. Так, у покойников были потребности, примерно такие же, как при жизни. Поэтому вплоть до похорон (а похороны могли быть отложены и на годы) на специальном столике перед гробом каждый день ставилась еда. Не смущало даже то, что гроб специально делался герметичным, чтобы не пропускать гнилостные газы, а ведь и газ, и пневма, и дух объединялись понятием *ци* 氣: непроницаемое для одного вряд ли могло быть проницаемо для другого. О жертвоприношениях на могиле, совершаемых как минимум трижды в год, можно даже не упоминать – это всем известно. В доме на поминальном столике постоянно находились таблички всех усопших предков – утончённый аналог австралийской чуринги. Поклонение этим табличкам совершалось перед любым важным делом. Не менее весом был авторитет покойников в земных делах. Согласно требованиям конфуцианства, почтительный сын в течение трёх лет не должен был менять ничего из того, что установил покойный отец; лучше же, если он этого не делал всю жизнь. Авторитет предков был выше авторитета самого Неба, действовавшего с механичностью природного круговорота, и там, где христианский или мусульманский мыслитель сослался бы на волю Бога или веление Аллаха, китайский просто говорил: «В древности…».

Быть может, не будет преувеличением сказать, что Небо для китайцев символизировало холодный и далёкий от человечности неорганический мир, с законами которого надо лишь считаться. А вот испытывать по их поводу какие-либо серьёзные чувства так же бессмысленно, как бессмысленно любить или ненавидеть формулу $h = gt^2/2$, для которой нет разницы, свободное падение кого или чего она описывает. Природный закон действует, и изменить этого никто не может, только и всего. А всё человеческое в мире персонифицировалось предками. Оттого-то и любой бог, «рассчитывающий» на поклонение, должен был стать предком. Причём непременно – ПОКОЙНЫМ. В этом принципиальная разница между конфуцианцами и Эвгемером: последний, объявляя богов некогда жившими и давно умершими героями, тем самым их РАЗВЕНЧИВАЛ и доказывал АБСУРДНОСТЬ их культа, конфуцианцы же их таким путём, напротив, ВОЗВЕЛИЧИВАЛИ и делали ДОСТОЙНЫМИ культа.

Поэтому попасть в могущественный круг божеств и духов-покровителей можно было только через смерть. Именно поэтому в Китае смертны даже боги (и явно не раз, как мы видели в мифах о двух смертях Хэ-бо). Умер Паньгу, породив из своего тела все природные явления. Умер Божественный Земледелец – Шэньнун, по некоторым версиям, отравившись растениями, лечебные свойства которых испытывал на себе:

«Другое предание гласит, что он пробовал на вкус различные целебные травы, чтобы определить их свойства, и за один лишь день отравлялся семьдесят раз (ссылка на «Хуайнаньцзы», глава «Сю у»). Ещё одно народное предание гласит, что Шэнь-нун перепробовал множество трав и в конце концов, когда попробовал траву, вызывающую сильное отравление, умер, пожертвовав жизнью для блага людей» (Юань Кэ 1987: 60).

Заметим в скобках, что самопожертвование Пань-гу и Шэньнуна заставляет вспомнить о некоторых индийских религиозных концепциях, согласно которым любое действие, совершаемое богами или людьми, даже обычное дыхание, – есть жертвоприношение. Во имя кого, если даже сами боги приносят жертвы (см., напр., Ригведа, X, 90)? Для китайцев ответ вряд ли сложен: во имя Поднебесной. Именно Поднебесная здесь – высшая ценность, с которой сверяются и по которой меряются все остальные, как Город для римлян или Россия для русского сознания (с той лишь поправкой, что Поднебесная для китайцев – это именно весь мир, а не отграниченная национальная территория). С этой точки зрения сознательное самопожертвование во имя Поднебесной – вершина и религиозного, и этического поведения (ср. с культом мучеников в христианстве).

Умер и Хуан-ди, вознёсшийся на колеснице на небо вместе со свитой. Яо, Шунь, Великий

[5] Ссылки на тексты «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы» в переводе В.В. Малявина здесь и далее даются по электронной версии: http://www.chat.ru/~ellib/

Юй и даже тиран Чжоу-синь – все они умерли при чрезвычайно схожих обстоятельствах: лишившись престола (первые трое – добровольно), они отправились на юг, в сторону стихии Огня, осматривать свои (уже не свои) владения и там скоропостижно скончались. М.Е. Кравцова видит здесь указание на ритуальное убийство «священных царей», которых старость лишила былой мистической силы – *дэ* (Кравцова 1994: 108-111).

Больше того, смерть была возможна даже на том свете. Мы уже видели это в мифах о двух смертях Хэ-бо, сначала утонувшего и ставшего речным богом, затем (уже в этом качестве) убитого Стрелком И, но тем не менее всё ещё управляющего водами (ему приносились жертвы). Царь обезьян Сунь Укун, сражаясь с оборотнями, падших небесных духов арестует и отправляет в «небесные канцелярии» для суда и расправы, но мелких бесов (якша или ракшасов) не загоняет в ад, как сделал бы христианский подвижник, а просто ударом посоха оставляет от них мокрое место. Выходит, и бесы смертны? В Китае – оказывается, да!

Словарь под редакцией Ошанина приводит целых два иероглифа – *цзянь* 僵 и *чжань* 殭, обозначающие *ДУШИ УМЕРШИХ БЕСОВ* (БКРС 1983: II, 950; IV, 483), причём хотя и указано, что их смешение ошибочно, но сходство начертаний и толкований говорит, что речь идёт явно об одном и том же. Комментарий к первому же иероглифу гласит: 鬼死作僵、鬼見怕之«[Когда] чёрт умирает, он превращается в адский призрак, при виде которого живые черти пугаются» (БКРС 1983: II, 950) – так же, как обычные люди пугаются «живых чертей», которые в Китае, не забудем, чаще всего тоже – духи покойников. По некоторым сведениям, эти призраки *цзянь* и *чжань* питались оборотнями, во всяком случае, их изображения или указанные иероглифы помещали над входом в дом в качестве оберегов. Своего рода *memento mori* для нежити?! Причём иероглифы, обозначающие этих «дважды покойных покойников», явно довольно поздние, судя по структуре и по близкому соответствию чтения целых иероглифов и их фонетика, но само понятие об умерших чертях – явно не буддийское: ведь цепь кармы не включает двух смертей подряд, чтобы умереть второй раз, нужно сначала родиться второй раз. А тут…

Как бы то ни было, смерть не только равняла людей с богами (будь то обожествлённые предки или сошедшие на землю небожители), но и служила как бы непременными воротами из одного мира в другой. Воротами, рядом с которыми не было никаких «запасных калиток», никаких обходных «царских путей».

Не случайно, видимо, столь двусмысленно звучит высказывание Конфуция:

«Линь Фан спросил о сущности церемоний. Учитель ответил: “Это важный вопрос! Обычную церемонию лучше сделать умеренной, а похоронную церемонию лучше сделать печальной”» (Луньюй, III, 3).

Осторожный совет («лучше сделать печальной») можно понимать и так: многие поступали иначе, да и сам Учитель не вполне уверен, следует ли горевать. Во всяком случае, в средние века праздники, связанные с поминовением усопших (*цинмин*, *чжунъюань*, 3-й день 10-й луны), были скорее радостными (Крюков, Малявин, Софронов 1984: 201, 204-206).

При всём том в загробном существовании было слишком много неопределённого, чтобы китайским философам-прагматикам хотелось об этом рассуждать. Китайское мировоззрение, как и римское, было магическим – в том смысле, как понимал магизм А.В. Мень (см. Мень 1971). В представлении Меня, магическое мировоззрение отличается от религиозного прежде всего оценкой роли человека и характера его отношений с природными или надприродными силами. Здесь он старается ПОДЧИНИТЬ себе силы природы с помощью знания законов естественной причинности (или веры в знание этих законов – *belief* по Д. Юму) БЕЗ вмешательства высших сил, чтобы управлять ими «во имя своё». Это — попытка человека «устроиться без Бога», то есть в данном случае — без морального закона, который был бы выше всех личных и групповых эгоизмов. Способ, которым это делается (с помощью ли колдовских обрядов или компьютерной техники), влияет лишь на степень успешности таких попыток (и в связи с этим — на их масштабность), но не меняет их природы, а главное — не меняет природы самого человека. Поэтому в потусторонних вопросах магизм интересуется только практической стороной: как воздействовать на духов, чтобы получить желаемый результат. Всё остальное непознаваемо, а потому и не заслуживает пристального внимания. Колдун или маг действует по принципу бихевиоризма: $S \rightarrow R$ (однозначный стимул – однозначная реакция).

Впрочем, А.В. Мень исследовал в основном историю Ветхого и Нового Завета, к тому же с ортодоксальных православных позиций. Китайское мировоззрение, в котором Поднебесная – высшая ценность, превыше любой (даже божественной!) личности, вносит в эту картину существенные поправки. В частности, реформа Конфуция в том и заключалась, что под ритуал (*ли*), изначально магический, он подвёл именно ЭТИЧЕСКОЕ обоснование, более того – в его время такое обоснование оказалось уже единственно возможным. Но «в начале» был всё-таки магизм.

Впрочем, здесь всё это говорится с единственной целью: показать, почему мировоззрение, рождающееся из магического отношения к миру, столь неохотно рассуждает о потусторонних вещах. Общеизвестен принципиальный отказ Конфуция распространяться на подоб-

ные темы: 子不曰怪力亂神 «Учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках и духах» (Луньюй, VII, 22). Не менее знаменит единственный в «Беседах и суждениях» отрывок, специально посвящённый смерти:

«Цзы-лу спросил о том, как служить духам. Учитель ответил: “Не научившись служить людям, можно ли служить духам?” [Цзы-лу добавил:] “Я осмелюсь узнать, что такое смерть”. [Учитель] ответил: “Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?”» (Луньюй, XI, 11).

О том, что ведёт человека к смерти, конфуцианцы тоже не любили говорить. По словам Ван Чуна, «моисты считают, что смерть человека не предопределена судьбой, конфуцианцы же полагают, что смерть предопределяется судьбой» (Ван Чун, Лунь хэн, II, 2, цит. по: Степугина 1988). В устах конфуцианцев ссылка на судьбу (то есть неведомую причину) равносильна отказу от всякого суждения.

Любопытно ещё раз провести параллель. Говоря о просветительском отношении к смерти («смерть одичалая»), Ф. Арьес отмечает, что просветители стремились к упорядочению мира на основе разумных, понятных, человечных принципов. (Точно так же и мышление древних китайцев, хотя и по своим причинам, было ориентировано на деятельность по упорядочению мира – Кравцова 1994: 93-94, 98). Следовательно, две самые стихийные силы в человеческой природе, менее всего поддающиеся разумному регулированию, – смерть и секс – более всего нарушали их стройную концепцию, более всего возмущали их нравственность. О таких вещах старались не говорить, они были абсолютно неприличны. Поэтому смерть выпадала из системы разумных объяснений и обретала свой изначальный вид – слепой, противоразумной, дикой (вновь одичавшей, по мнению Ф. Арьеса) силы (Арьес 1992: 15). То же самое мы видим и в китайской культуре.

Что касается секса, то здесь лучше было бы уступить слово М.Е. Кравцовой с её великолепным анализом отношения древнейшей северокитайской культурной традиции к браку и любви (Кравцова 1994: 118-131). Ограничусь лишь кратким резюме: эта традиция одобряла секс лишь до тех пор, пока он служил разумной цели – продолжению рода и сохранению телесного здоровья. Вот тут «удовлетворение интимных потребностей всех домочадцев женского пола вменялось в обязанность *благородному мужу*, от которой он освобождался лишь после достижения им 60 лет» (Кравцова 1994: 122, курсив автора). Но интимные отношения здесь явственно подчинены «ритуалу» (*ли*) – норме цивилизованного поведения, и мы знаем, как последователь Мэн-цзы – У Лу-цзы в ответ на провокационный вопрос: «Что важнее, любовь или ритуал?» – без колебаний ответил: «Ритуал важнее», так что Мэн-цзы пришлось самому распутывать парадокс, в который попал его чересчур прямолинейный ученик (Мэн-цзы, VI, 2, 1). В поэзии допускалось описание лишь ЖЕНСКОЙ страсти – поскольку женщина есть существо, причастное тёмной стихии *инь* и потому менее разумное. Ещё и в средние века любовная лирика писалась от лица женского персонажа, даже если на самом деле автором был мужчина (например, южнотанский Ли Юй или Оуян Сю). Зато стихи, описывающие любовное томление МУЖЧИНЫ, пусть даже вполне платоническое, ещё в середине XX века изымались из хрестоматий (Кравцова 1994: 128-130) – и именно по той же причине, по которой Платон стремился изгнать неудобные места из Гомера. В крайнем случае пылать страстью мог антигерой, но никак не благородный муж.

То же самое относилось и к смерти. Благородному мужу полагалось говорить лишь о презрении к ней, о том, когда и как её надо встречать, но не более того. Вот мнение столпов конфуцианства:

«Когда учитель серьезно заболел, Цзы-лу заставил учеников прислуживать ему. Когда болезнь прошла, учитель сказал: “Ю давно занимается этим ложным делом! Претендовать на почести, оказываемые сановнику, когда я не являюсь сановником, кого я этим обманываю? Я обманываю небо! Кроме того, разве умереть на руках у подданных лучше, чем умереть на руках своих учеников? И хотя мне не будут устроены великие похороны, разве я умру посреди дороги?”» (Луньюй, IX, 11).

«Учитель сказал: “Целеустремленный человек и человеколюбивый человек идут на смерть, если человеколюбию наносится ущерб, они жертвуют своей жизнью, но не отказываются от человеколюбия”» (Луньюй, XV, 8).

«Учитель сказал: “Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть”» (Луньюй, IV, 8).

«Смерть – тоже то, что я ненавижу, но есть вещи, которые я ненавижу больше смерти, поэтому есть опасности, которых я не избегаю. [...] Поэтому среди любимых (вещей) есть нечто большее, чем жизнь, а среди ненавидимых – нечто большее, чем смерть» (Мэн-цзы, VII, 1. 10).

Не правда ли, полная аналогия с рационализмом Просвещения? А если мне возразят: «Но ведь было же сказано, что речь идёт, в сущности, о древних мифологических представлениях, лишь обработанных и по-новому обоснованных Конфуцием, как же можно их ставить на одну доску с развитой философией XVIII века?» – на это я отвечу: да, о мифологических корнях конфуцианства уже было сказано. Стоило бы поговорить и о *мифологических корнях европейского рационализма*, явно уходящих в античность, о «вере неверующих». Ведь любая система мировоззрения имеет вненаучные истоки, это известно со времён Климента Александрийского. С этой точки зрения между конфуцианцами,

влившими в «ветхие мехи» архаического мировоззрения «молодое вино» новых обоснований – уже не магических, а этических (см. Кравцова 1984: 115-116), и «классической европейской философией XV-XIX вв.», проделавшей сходную процедуру с дохристианским античным мировоззрением, сходство действительно велико. И прежде всего для нашей темы существенно то, что «одичалая смерть» и «одичалая любовь» каждый раз выступали на сцену во всём своём разрушительном великолепии, стоило рационализму дать трещину.

«Народ-цивилизатор» в Китае?

…он [Г. Винклер] был страстным поборником так называемого панвавилонизма – теории, по которой всё, что в мире хоть чего-либо стоит, уходит корнями в Вавилон.

В. Замаровский. Тайны хеттов, I, 3.

– Почти все великие открытия сделаны нами, шимпанзе, – с горячностью подтвердила она.

Пьер Буль. Планета обезьян, II, 2.

Особый вопрос составляет индоевропейское влияние на потусторонний мир древних китайцев. Открытие в 1950-х годах колесничных погребений в ареале шан-иньской и чжоуской цивилизации (так называемые *чэ-ма кэн* 車馬坑 – «погребения с колесницей и лошадьми») позволило обоснованно утверждать сам факт таких влияний и вдохнуло новую жизнь в теории времён Альфреда Вебера о значении арьев для мировой культуры. В специально посвящённой этому вопросу статье И. Пыслару указывает на появление колесниц со спицами в Китае в эпоху Шан-Инь, в то время как в IV-III тыс. до н.э. здесь были распространены лишь повозки со сплошными колёсами, пригодные для волов, но слишком тяжёлые для коней (Пыслару 2000: 330), а также на целый ряд китайских божеств, управлявших конями: Сыма дашэнь (Великий дух, ведающий лошадьми), Ма-ван (Конский царь), Сянь-му (Первопастух) и др. Вслед за У. Уотсоном, У. Сэмолином и П.М. Кожиным он указывает на резкий разрыв между технологическим уровнем Шан-Инь и предшествующей эпохи (Пыслару 2000: 333) – факт, вообще-то, хорошо известный, но до сих пор труднообъяснимый, а также на то, что «удивительное сходство ряда китайских мифов с индийскими, как, например, Паньгу и Пуруша, объясняется исследователями происхождением от общеевразийского мифа, принесённого предками населения царства Чу, имеющими этническое родство с народами Южной и Центральной Сибири» (Пыслару 2000: 323). М.Е. Кравцова (1994: 224-225) считает возможным даже осторожное предположение: «Здесь наличествуют многие детали, указывающие на индоевропейское происхождение чусцев», хотя другие детали чуских верований находят параллель с представлениями народов Северо-Восточной Азии.

К этому можно добавить и практику погребений в курганах (*лин* 陵, *цю* 丘), что сразу же наводит на мысль о кочевом мире. Причём, в отличие от грунтовых могил (*фэнь*), курганы были аристократическим погребением, настолько престижным, что слово «курган», несмотря на явную связь со смертью, годилось даже для личных имён, которые должны были нести в себе пожелание блага: так, личное имя Конфуция было как раз Цю 丘. В средние века традиция курганных погребений сохранилась практически только для монархов. К этой эпохе относятся, например, знаменитые «Тринадцать курганов» (Шисаньлин 十三陵) – погребения императоров династии Мин (1368-1644), каждое из которых по масштабам, трудоёмкости и богатству погребального инвентаря превосходит даже египетские пирамиды.

В древности картина была сложнее. В «Речах царств» говорится:

«После того, как цзиньский Вэнь-гун утвердил [на престоле] Сян-вана в Цзя, ван в благодарность хотел пожаловать ему земли, но Вэнь-гун отказался и просил только о праве на внесение гроба в могилу по подземному ходу» (Го юй 1987: 42-43).

В.С. Таскин, ссылаясь на мнение Кун Иньда, поясняет, что «гроб с телом Сына Неба вносили в могилу по тоннелю, в то время как гроб с телом *чжухоу* [6] опускали в могилу на верёвках» (Го юй 1987: 319). Первое имело смысл в случае катакомбного курганного погребения, второе – грунтового или курганного без катакомбы [7]. Так или иначе, чжоуский ван отказал в этой просьбе, пространно объяснив, что право на могилу, в которую гроб вносится по тоннелю, принадлежит лишь Сыну Неба, и князь, даже такой, как Вэнь-гун, может добиться того же только двумя путями: либо низложив чжоуский дом и основав новую царскую династию, либо тайком и «без моего ведома», то есть в нарушение ритуала (см. Го юй 1987: 43-44). В ханьское время над могилой насыпали холм высотой до 9 *м* (об этом говорится в «Чжоу ли», памятнике, описывающем якобы порядки динас-

[6] *Чжухоу* – владетельные князья (собирательный термин).

[7] Автор выражает благодарность Д.А. Топалу за консультацию по данному вопросу.

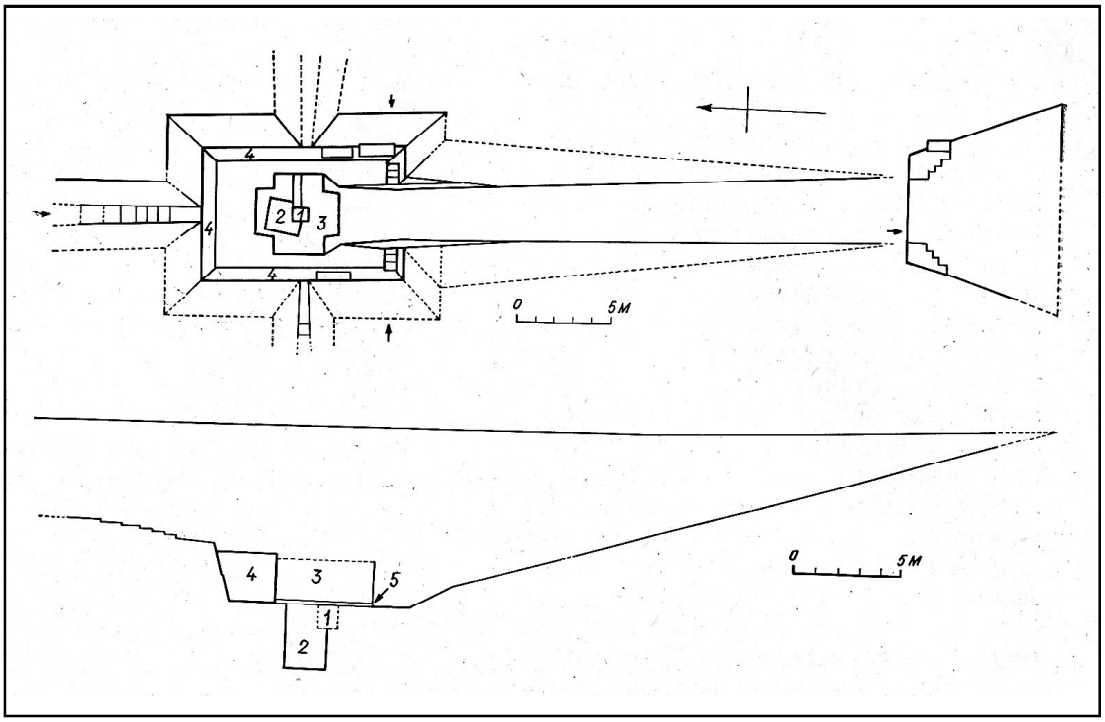

Рис. 3. Погребение в Суфутунь (Кучера 1977: 122-123).

тии Чжоу, но на самом деле составленном в эпоху Ван Мана); высота холма определялась рангом погребённого (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 247).

Всё это можно трактовать как курганный погребальный обряд, но письменные источники, к сожалению, не дают полной картины, и археология их пока что тоже слабо проясняет. Во всяком случае, авторы, на которых я только что ссылался, опираются в своём изложении на материал лишь трёх погребений – в Маньчэне, Мавандуй и Динсянь, всё остальное строится только на материале письменных источников (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 244-248). С другой стороны, давно описанное суфутуньское погребение эпохи Инь (рис. 3 – Кучера 1977: 120-126) демонстрирует сложнейшую конструкцию, включая четыре тоннеля (из которых только один доходит до погребальной камеры, остальные упираются в её внешнюю стенку), но оно лишено курганной насыпи, больше того – не нуждается для своего объяснения в гипотезе, что курганная насыпь здесь когда-то была. Таким образом, даже если Кун Иньда прав в своём толковании (Сын Неба имеет право на могилу, в которой гроб вносится по тоннелю), это ещё не указывает на конкретную конструкцию самой могилы (курган, склеп, грунтовая могила типа сяотуньской или что-либо иное). Выходит, курганы-то в Китае есть, а вот подробностей, позволяющих увязать их именно со степными культурными влияниями, да ещё на стадии генезиса китайской культуры, – нет.

Всё сказанное вряд ли позволяет говорить о серьёзном вкладе именно арьев (индоиранцев) в историю китайской культуры. Во-первых, как я уже упоминал, чуские верования имеют куда больше параллелей не с индоиранским миром (хотя бы с Синташтой – наиболее вероятным центром зарождения колесничного транспорта), а с восточной Сибирью, где следы арьев до сих пор не обнаружены. Советские исследователи, занимавшиеся этим вопросом, смогли увидеть следы скифов в Китае лишь в древностях, оставленных племенами ди, в частности, в находках из древнего царства Чжуншань – маленького, но очень беспокойного соседа могучих Чжао, Ци и Янь (см. Крюков, Софронов, Чебоксаров 1978: 184). Но эти находки, как и другие следы «скифской триады» (например, в Ордосе), относятся ко временам, когда культура древних китайцев уже приобрела свой классический облик, – к эпохам Чуньцю и Чжаньго.

Во-вторых, известно, что культура (материальная и духовная) кочевых народов имеет очень много общего, невзирая на языковые различия: ираноязычные скифы во всех отношениях куда ближе к тюркам или монголам, чем к соплеменным персам. Итальянский исследователь Ф. Кардини даже считает возможным говорить «о культурной тюрко-монголо-ираногерманской общности, сложившейся в среде народов-всадников» (Кардини 1987: 98). Правда, по его мнению, такая общность возникла под влиянием гуннской волны, хотя её предпосылки сложились гораздо раньше. Так что в роли арьев вполне могли выступить не индоиранцы, а жуны либо сюнну (древнейшие тюр-

ки) или какие-то иные входившие в эту же общность народы, языки которых не дожили до наших дней.

Наконец, в-третьих, контакты с арьями (даже если это были именно арьи) не стали для китайской культуры принципиально важными. Самое большее, мы находим лишь их следы, вроде уже упомянутых погребений с колесницей и лошадьми. В конце концов, для реконструируемых представлений арьев первичен культ коня – как солярного и в то же время хтонического существа, как психопомпа, переносящего души из мира живых в потусторонний и обратно (см., напр., Кардини 1987: 63-77). А вот этого-то, ПЕРВИЧНОГО для индоарьев образа в Китае и нет. Что с того, что лошадьми ведало целых шесть божественных персонажей (Пыслару 2000: 333), если в каждом китайском доме проживало ровно столько же божеств, включая даже особую богиню отхожего места (Рифтин 1987а: 660)? Пусть даже мы, чтобы «выровнять счёт» в нашу пользу, прибавим к небесным покровителям лошадей ещё и царя обезьян Сунь Укуна, который, если верить роману У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), одно время занимал в Небесном дворце должность конюшего, на том основании, что лошади-де боятся обезьян. Зато главной своей мистической функции – переносчика душ – конь у китайцев не выполнял! Читаем ли мы о вознесении Хуан-ди (Юань Кэ 1987: 115), или о потустороннем странствии души, например, в «Лисао» («Скорби изгнанника»), видим ли мы блюдо *пань*, изображающее колесницу солнца (Кравцова 1994: 105), обычно в эти колесницы запряжены не лошади, а драконы! (Как вариант – Хуан-ди возносится верхом на драконе, без колесницы и тем более коней). И это при том, что символика дракона у китайцев и у индоевропейских народов прямо полярна по знаку: китайский *лун* – благодетель, податель дождя, верный слуга Жёлтого предка Хуан-ди, добывающий ему победу над Чию (Юань Кэ 1987: 98-99), охранитель от нечисти, эмблема верховной власти, ездовое животное бессмертных, в то время как европейский или русский змий – символ зла, хаоса, а то и язычества, он производит разрушения и требует кровавых жертв, его должен победить культурный герой. Так что о простой замене коня на дракона, тем более о синкретическом образе «коня-дракона» вряд ли приходится говорить. Более того, сама колесница для мистического путешествия (*ю* 遊) не обязательна, оно может совершаться и другими способами, например, верхом на облаках или на ветре. В других древнейших преданиях, как мы это уже видели, роль психопомпа отводится рыбе. На этом фоне единичные упоминания о конях в такой роли (например, у Сун Юя – Кравцова 1987: 171) не меняют общей картины. Самое большее они свидетельствуют о том, что мировоззрение древних китайцев не было принципиально враждебно конскому культу, и только. Можно лишь попытаться выстроить цепочку, соединяющую коня с другими солярными животными, но и в этом случае она слишком далека от почитания именно коня у индоевропейцев. Ведь, в сущности, трудно найти народ, не почитавший КАКОЕ-НИБУДЬ солярное животное.

Это относится и к вопросу о *чэ-ма кэн*. По словам С. Кучеры (1977: 140), «данные о религиозных воззрениях иньцев, которые можно почерпнуть из разных источников, …не содержат свидетельств существования у них обособленного культа повозки или лошади, сопоставимого с культом последней, например, у саков». Больше того, практически все исследователи согласны, что скелеты, обнаруженные в таких погребениях, принадлежат не знатным покойникам, а жертвам: они лежат по одному в каждой могиле, не на самой повозке или рядом, а

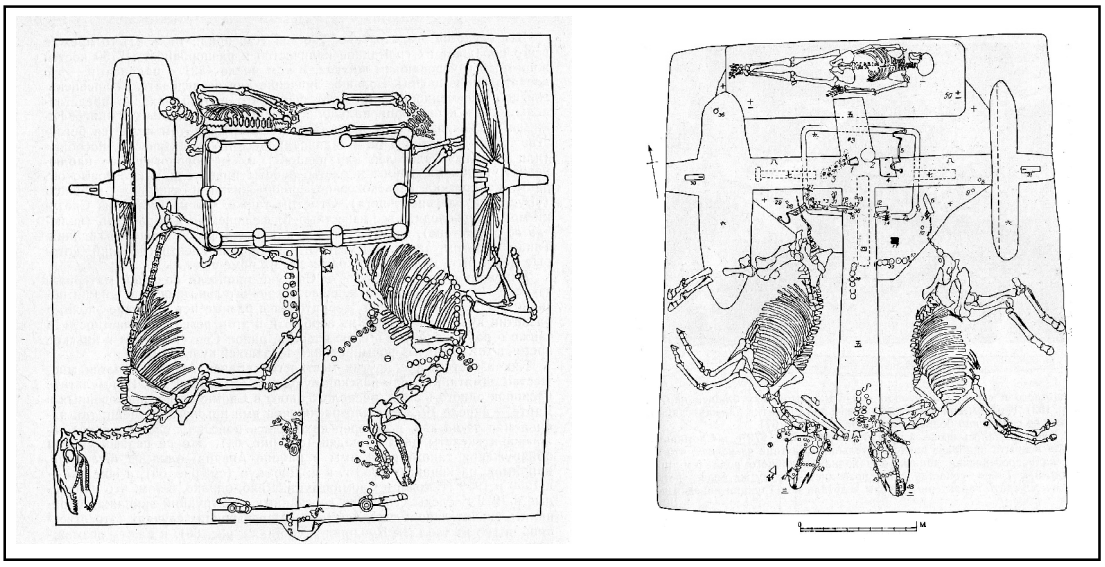

Рис. 4. Два чэ-ма кэна: левый (из Сяоминьтунь) – «халатный», правый (из Дасыкун) – строгий. (Кучера 1977: 134-135).

всегда сзади, при них нет инвентаря. Это явно не пассажиры, а возницы, вот только кого они должны были везти? Ведь, «насколько известно, до сих пор рядом с *чэ-ма кэнами* не удалось обнаружить могил их возможных владельцев» (Кучера 1977: 140). А в одном случае (и это из четырёх известных на 1977 год!) погребение произведено просто халатно: яма вырыта таких размеров, что колесница в неё едва поместилась, в неё уложили тела двух лошадей и одного человека, которые затем буквально придавили повозкой (рис. 4 – Кучера 1977: 139). Между тем считалось важным, чтобы колесница не была раздавлена землёй, поэтому в других погребениях для колёс выкапывались канавки такой глубины, чтобы повозка сразу легла на землю всем днищем, здесь же их хотя и вырыли, но не использовали (там же). Спешка? Но погрешности в действительно важном ритуале не могут быть оправданы никакой спешкой.

Получается, *чэ-ма кэны* имеют лишь внешнее сходство со степным погребальным обрядом: при аналогичном составе – совсем иной ритуал.

Что же остаётся от культа коня? Единичные предания о выдающихся скакунах (восемь коней чжоуского Му-вана, Красный Заяц Лю Бэя)? Но было бы странно, если бы китайцы, знакомые с лошадью и с тем, как порой от качеств коня зависит жизнь всадника, не создали таких преданий сами, вне зависимости от того, были они до этого знакомы с индоарийскими мифами или нет. Изображения всадников и коней в танской живописи и пластике? Но это было связано уже совсем с иными культурно-историческими обстоятельствами.

В этом вопросе, видимо, следует остановиться на мнении, высказанном М.Е. Кравцовой:

«К моменту появления в Китае чжоусцев в центральных регионах страны уже сложился мощный культурный очаг, не поддающийся трансформирующему воздействию извне. Чжоуские культурные традиции остались на уровне не более как отдельных новаций, не приведших к качественным изменениям уже имевшихся государственных структур и идеологических образований» (Кравцова 1994: 224).

С точки зрения Поднебесной

Я счастлив, что я этой силы частица…

В.В. Маяковский

Итак, отметим важную черту древней северокитайской традиции, на которую опиралось конфуцианство: смерть считалась равно естественной как для людей, так и для богов, её причины не исследовались – пусть даже на уровне мифа, подобного «мифам о сбрасываемой коже» или «мифам о ложной вести» (Фрэзер 1989: 36-50; Токарев 1987: 457). При всём том часто отмечается, что характернейшая черта китайской культуры – это пафос неприятия смерти и утверждения земной жизни. С чем, кстати, не согласен венесуэльский поэт Мигель Отеро Сильва: «y los que citan los libros sagrados de la China sin sacudir las rosas de polvo que los cubren…» («и те, кто цитирует священные книги Китая, не проницая покрывающих их роз из праха…» – Otero Silva 1982: 213). Вообще, замечу, культура стран испанского языка обнаруживает с китайской культурой весьма неожиданные пересечения именно в вопросе о смерти. Тем не менее «исследователями замечено, что в древнекитайской “Книге песен” ещё довольно трудно найти выражение чувства, близкого страху смерти. То же самое касается и такого памятника, как “Чуские строфы”» (Бежин 1982: 88). Как же удавалось совместить несовместимое?

Выход чжоуская (а позднее – конфуцианская) традиция видела лишь в том, чтобы сделать столь серьёзное «личное дело» «общественным». Именно коллектив для него вечен, община превыше личности, а Община Всех Общин, Поднебесная – превыше всего, она была всегда и пребудет всегда. Сыма Цянь начинает историю прямо с Хуан-ди, не упоминая о сотворении мира и людей. И нигде в древней китайской литературе нет никаких упоминаний о конце света. Отдельный человек (живой или мёртвый) – лишь часть этого вечного целого, подчинённая закону своей роли: вначале – религиозному, установленному традицией, начиная с Конфуция – нравственному (идеал благородного мужа). Даже умерев, он остаётся связанным со своим коллективом – в качестве духа-покровителя или, напротив, злого духа (если он жил и умер не так, как следовало; впрочем, китайская культура не знает жёсткого и бескомпромиссного противопоставления добра и зла).

Однако стать могущественным божеством – духом предка было дано не всем. «Что касается судьбы простого народа, то о ней в текстах нет никаких свидетельств. Не исключено, что общества архаической аристократии просто отказывали в праве на бессмертие людям низкого происхождения» (Торчинов 1994: 9). Это же мнение поддерживает и В.Я. Сидихменов, правда, не приводя ссылок. Подтверждением может служить 19-я глава «Сюнь-цзы», где говорится, что приносить жертвы Небу может только ван, земле – удельные князья, а «носить траур [по умершим]» – «лишь учёные и сановники» (Древнекитайская философия 1973: II, 177). В другом месте Сюнь-цзы пишет:

«Поэтому и существуют семь видов гробов и саркофагов для сына неба, пять видов – для *чжухоу*, три вида – для сановников, два вида –

для учёных; [поэтому и существует] несколько видов неодинаковых саванов – богатых и скромных, а узоры на гробах и покрывалах различны в соответствии с рангом [умершего]; это делается для того, чтобы проявить почтительность и внимание к умершему и тем самым выразить одинаковое [отношение] к жизни и смерти, началу и концу; это делается для того, чтобы полностью удовлетворить желания людей» (Древнекитайская философия 1973: II, 181).

Заметим, что здесь Сюнь-цзы, как и в других местах своей книги, отводит ритуалу не мистическую, а чисто воспитательную роль. А «семь видов гробов и саркофагов для сына неба» и т.д. означали, что все семь саркофагов вкладывались один в другой, как в Египте. Так, в погребении Мавандуй I, принадлежавшем чуской княжне, было обнаружено четыре гроба, вложенных один в другой (см. Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 246). Но сейчас для нас важнее другое: на «учёных» Сюнь-цзы кончает свой перечень, ни слова не говоря о том, как хоронили простолюдинов. Лишь в легистском «Трактате о соли и железе» (I в. до н.э.) упоминается, что «бедняки же кладут в погребение шёлковую одежду, узорчатые мешочки и яркие узлы с утварью» – в то время как даже «люди среднего достатка готовят внешний гроб из катальпы, а внутренний – из камфарного дерева» (там же: 244-245, со ссылкой на Го Можо).

Вероятно, чтобы войти в ряды духов, влияющих на судьбы людей, следовало достичь хоть какого-то ранга ещё при жизни. Можно предположить (хотя доказать это я пока не могу), что положение начало меняться только при династии Хань, основатель которой пожаловал низший ранг знатности всем главам семейств. Окончательный же поворот пришёл лишь с буддизмом, признающим бессмертную душу не только за всеми людьми без исключения, но даже за всеми животными.

Впрочем, даже знатные покойники после смерти просто встраивались в уже имевшуюся потустороннюю иерархию. Бессмертие, которое их ждало, было безличным, и это естественно: «доосевая», по К. Ясперсу, культура, ещё не знала понятия личности и тем более ценности уникального человека. Ещё раз обратимся к Арьесу: по его мнению, лишь с появлением идеи индивидуальной, а не общей для всех, посмертной судьбы, огромное внимание начинает уделяться завещаниям – «инструменту колонизации» загробного мира. Иными словами, до этого умирающий не обладал посмертной волей, которую следовало бы выполнить, его почитали как бы усреднённо. Это мы и видим в «Речах царств». В 12-м отрывке ван и его советники, обсуждая появление духа в Синь, приходят к выводу, что это был дух некоего Дань-чжу, но из этого не делается никаких выводов, связанных с личностью Дань-чжу. Вместо этого они прямо переходят к тому, что дух явился покарать владение Го, так как его правитель отошёл от правильного пути (Го юй 1987: 34-35).

В 212-м эпизоде чуский ван перед смертью просит, чтобы ему дали посмертное имя Лин-ван («вызвавший смуту, но сам не пострадавший») или Ли-ван («убивавший невиновных»). После смерти монарха «Цзы-нан стал думать о том, какой посмертный титул дать ему. Дафу сказали: “Ван сам распорядился на этот счёт”. Цзы-нан сказал: “Нельзя так делать”». По его настоянию покойному был присвоен более уважительный титул Гун-ван – «совершивший ошибки, но исправивший их» (Го юй 1987: 247, 418).

Ещё красноречивее 213-й отрывок. Чуский сановник Цюй Дао, любивший водяные орехи, перед смертью пожелал, чтобы это лакомство обязательно приносили ему в жертву. Однако стоило ему умереть, как его сын Цзы-му запретил это делать, сославшись на правила погребального ритуала, установленные самим же покойным:

«В имеющихся правилах для жертвоприношений [оставленных Цюй Дао] говорится: “Правителю владения приносится в жертву бык, *дафу* – баран, *ши* – поросёнок и собака, простым людям – жареная рыба. И высшим и низшим всё подаётся в бамбуковых корзинах для сухих фруктов и на деревянных подносах для солений на высоких ножках. Не подносятся необычные редкие кушанья и слишком много жертвоприношений”. Покойный не мог из-за любви к водяным орехам нарушить существующие во владении правила» (Го юй 1987: 248).

Дух покойного так и не получил водяных орехов, ему пришлось довольствоваться положенной по чину жертвой – мясом барана. Ещё сто лет спустя «благородные мужи» ссылались на этот случай как на пример того, что «приказ нарушен, но правильный путь соблюдён» (Го юй 1987: 257). Что же касается «простых людей», которым, судя по приведённому отрывку, тоже приносятся посмертные жертвы, то это явно противоречит уже цитированным словам Сюнь-цзы. Объяснений возможно несколько: либо культы простонародья для конфуцианских учёных были не в счёт, как грубое суеверие, либо простолюдин мог удостоиться посмертной доли в порядке исключения. Наконец, учтём, что этот случай произошёл в Чу, а культура этого царства заметно отличалась от культуры Центральной равнины. Лишь в эпоху Шести Династий положение изменилось: учёные «часто считали своим долгом отдать на смертном одре распоряжения о своих похоронах и поминках» (Крюков, Малявин, Софронов 1979: 201). Происходит та же «колонизация загробного мира», о которой писал Арьес, и по тем же причинам: как раз эта эпоха была временем, когда в человеке начали ценить именно яркую индивидуальность.

Для архаического же сознания всё это было просто: души уходят в свой особый мир, впрочем, устроенный так же, как и земной. Последнее – важное отличие китайских представлений о смерти от, скажем, египетских или греческих, облегчившее впоследствии торжество буддизма с его идеей сансары и метемпсихоза. Заметим, что буддийские миссионеры, направленные Ашокой, не добились успеха в западных (эллинистических) странах: хотя греки и были знакомы с идеей переселения душ (вспомним орфиков, Пифагора, Платона), для них эта идея так и осталась экстравагантной и чуждой. А в Европе Нового времени она сгодилась лишь для фантастики и памфлетов на грани литературной сказки (как, например, «Путешествие в загробный мир и прочее» Г. Филдинга). Успех ждал буддийских проповедников лишь на просторах между Каспием и Тихим океаном: здесь почва для идеи метемпсихоза оказалась куда благоприятнее. В самом деле, если духи (по китайским представлениям, восходящим к шаманизму), могут вселяться в людей НА ВРЕМЯ, – почему бы им этого не делать ПОСТОЯННО, как учат буддисты?

Впрочем, столь лёгкий взгляд на смерть (Поднебесная – всё, человек – ничто) имел и оборотную сторону: он позволял властям, не задумываясь, швыряться жизнями. Безнаказанными, однако, такие дела не оставались. В 613 г. после подавления одного из мятежей суйский Ян-ди сказал:

«Стоило Ян Сюаньганю кликнуть [клич], и у него последователей стало больше, нежели [людей] на рынке. Осознав это, не следует стремиться, чтобы в Поднебесной было много народу. Когда [людей] много, [они] становятся разбойниками, [и если последних] всех не казнить, [то] не будет убедительного примера на будущее» (Материалы… 1980: 114).

Власти поступили, как было указано свыше. Однако режим чудовищного террора вызвал всеобщее восстание. Не прошло и пяти лет, как Ян-ди потерял жизнь, а его династия – престол.

Вопиющий случай приводит в своих воспоминаниях граф С.Ю. Витте. Дело происходит 18 мая 1896 г., на балу у французского посла по случаю коронации Николая II. Утром этого же дня произошла катастрофа на Ходынском поле: от 4 до 5 тысяч погибших, 3 тысячи раненых, десятки тысяч искалеченных. Новый царь решил делать вид, что ничего не случилось. И вот Витте, в то время министр, встречает съезжающихся на торжества дипломатов, в числе которых – фактический правитель Китая, фаворит императрицы Цыси Ли Хунчжан:

«Подъехал и экипаж Ли Хун-чжана с его свитой. Когда Ли Хун-чжан вошёл в беседку и я подошёл к нему, он обратился ко мне через переводчика […] со следующим вопросом:

– Правда ли, что произошла такая большая катастрофа и что есть около двух тысяч убитых и искалеченных?

Так как, по-видимому, Ли Хун-чжан знал уже все подробности, то я ему нехотя ответил, что да, действительно, такое несчастье произошло.

На это Ли Хун-чжан задал мне такой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, неужели об этом несчастье всё будет подробно доложено государю?

Я сказал, что не подлежит никакому сомнению, что это будет доложено, и я даже убеждён, что это было доложено немедленно после того, когда эта катастрофа случилась.

Тогда Ли Хун-чжан помахал головой и сказал мне:

– Ну, у вас государственные деятели неопытные; вот когда я был генерал-губернатором Печилийской области[8], то у меня была чума и поумирали десятки тысяч людей, а я всегда писал богдыхану, что у нас благополучно, и когда меня спрашивали, нет ли у вас каких-нибудь болезней, я отвечал: никаких болезней нет, что всё население находится в самом нормальном порядке.

Кончив эту фразу, Ли Хун-чжан как бы поставил точку и затем обратился ко мне с вопросом:

– Ну скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего государя, я, конечно, всё от него скрыл бы. Для чего его бедного огорчать?

После этого замечания я подумал: ну, всё-таки мы ушли далее Китая» (Витте 1960: 68-69).

Впрочем, в своём самодовольстве «цивилизованного человека» Сергей Юльевич пребывал недолго – лишь несколько часов. Вечером почти то же самое ему пришлось услышать от дяди царя – великого князя Сергея Александровича, одного из главных виновников трагедии:

«…эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачить праздник коронации, ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать.

При этих словах мне, естественно, пришла в голову аналогия между этим рассуждением и рассуждением, которое я слышал утром от великого государственного человека в Китае – Ли Хун-чжана» (Витте 1960: 74).

«Великий государственный человек» явно преувеличил свою «опытность». Крах обоих режимов был не за горами. У России впереди были три революции (1905 и 1917 гг.), у Китая и того раньше – восстание Ихэтуань (1900 г.), бегство императорского двора из Пекина и занятие столицы войсками восьми держав, Синьхайская революция 1911 г. Впрочем, Ли Хунчжан успел умереть до этих событий.

[8] Тогдашнее европейское название провинции Чжили (ныне Хэбэй).

«И там всё то же», или «Ритуал важнее»

Сколько их? куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

А.С. Пушкин.

Итак, загробный мир китайских народных представлений – практически точная копия земного мира (не идеализированная, как в современном христианстве – см. Ламонт 1984: 144-156, – а именно точная). В этот мир уходят души людей, умерших «спокойной смертью» (ненасильственная смерть в родных местах либо погребение на родине) и продолжают там жить обычной, практически земной жизнью благодаря заботам потомков. В культуре, пронизанной традиционализмом, эти воззрения дожили не только до средних веков, но и до наших дней.

Академик В.М. Алексеев, видевший старый Китай на рубеже XIX-XX вв., не подтверждает мнения о том, что китайскую культуру пронизывает «пафос неприятия смерти» (Крюков, Малявин, Софронов 1984: 192). Напротив, вот его наблюдения:

«В соответствии с патриархальной религией и культом предков, смерти в Китае всегда уделялось чудовищное внимание. Похоронный обряд необычайно сложен и тянется мучительно долго. Место, где надлежит похоронить покойника, избирается магическим компасом в руках гадателя-геоманта (конечно, шарлатана) и откупить его надо любой ценой. Гадание о выборе кладбища считается первой обязанностью каждого сына или дочери. Геомант же, разумеется, не торопится, и всё это время гроб стоит в доме (только богатые могут переправить его в храм). Гроб делается поэтому с особой заботливостью и щели его заливаются знаменитым китайским лаком, не пропускающим газов. Панихида может тянуться чуть ли не месяц. Для заупокойного служения приглашаются всевозможные служители культа, дабы привлечь побольше духов. Всё это стоит денег огромных. Ритуал похорон обставлен с предельной роскошью: покойника несут в тяжёлом двойном гробу и в тяжёлом балдахине [вероятно, следует читать «паланкине» – Л.М.], для чего требуется много носильщиков; перед ним несут всякого рода древние символы почтения к важной персоне; женщин сажают в экипажи и т.д. Одна похоронная обрядность могла истощить благосостояние зажиточной семьи надолго» (Алексеев 1988: 511).

Место, где будет похоронен покойный, избиралось по принципам фэншуй – китайской геомантии, и от того, хорошо ли там будет чувствовать себя дух, зависело благополучие или, напротив, несчастье, которое он пошлёт потомкам. Впрочем, выбору места погребения столь пристальное внимание начали уделять лишь в эпоху Северных и Южных дворов – на рубеже китайского средневековья (Крюков, Малявин, Софронов 1979: 206). Идеальным считалось погребение на родине, вместе с остальными предками, чего бы это ни стоило. До сих пор хуацяо (китайцы-эмигранты) тратят безумные средства на то, чтобы похоронить своих умерших в какой-нибудь деревне, откуда когда-то эмигрировали их предки и в которой они, может быть, ни разу в жизни не были, хотя продолжают считать эту деревню своей родиной. Комментарий В.М. Алексеева:

«Обычай требовал похоронить родителя на родной земле. Стоимость провоза тяжёлых гробов и сопряжённые с похоронами расходы были весьма значительны, но традиция требовала обязательного выполнения установленного обряда, и потому нетрудно представить себе горе девушки, не имевшей средств» (Алексеев 1988: 547).

При этом считалось, что покойный на том свете будет нуждаться в том же, в чём нуждался при жизни, – отсюда жертвы на похоронах и после них. В древности дело доходило и до человеческих жертв, которые в иньском Китае приносились с тем же размахом, что и в Шумере и вообще почти во всех обществах на подобной стадии развития. Ху Хоусюань в 1974 г. подсчитал, что только в известных к этому времени 1350 гадательных надписях упоминается о принесении в жертву 13052 человек, не считая 1145 надписей, в которых упоминается лишь о принесении жертв, но не о их количестве, которое могло достигать 500 человек за один раз (см. Кучера 1977: 117-119).

Для эпохи Чжоу и Чуньцю-Чжаньго также известны подобные жертвы на похоронах и даже случаи добровольного следования слуг в могилу за господином. Один из таких случаев стал поводом для стихотворения Цао Чжи «Трое благородных»:

«Пусть другие нас венчают славой,
Мы свой долг не забываем в час любой:
На могиле циньского Му-гуна
Три сановника покончили с собой.
Жил Му-гун – их счастье было общим,
Умер – общей связаны судьбой.
Кто сказал: идти легко в могилу?!
Думать же о ней труднее во сто крат.
Утирают слёзы и вздыхают,
В небо устремив прощальный взгляд.
На могиле циньского Му-гуна
Скорбный совершается обряд.

Кто уйдёт – тот больше не вернётся,
Мрак ночной без срока, без конца.
Иволга кричит, кричит от боли,
И в тоске сжимаются сердца».

(Перевод Л. Черкасского)

Не стоит, впрочем, думать, будто перспектива сопровождать сеньора в загробном мире могла когда-либо вызывать радость или, скажем, жертвенную готовность (вроде японского «харакири вслед за господином» или некоторых случаев из истории кельтов, о чём упоминает Цезарь, и ацтеков). Это видно уже по настроению стихов Цао Чжи. Ещё красноречивее текст из «Шицзина» («Песни царства Цинь», 6):

«Жёлтым пташкам порхать хорошо
Среди зелёных древесных вершин.
Кто с государем в последний путь?
Чжун-хан, богатырь, Чжун-хан, исполин.
Он стоил сотни в битве один.
В сраженье враг от него бежал,
А пред могилой он сам задрожал.
Синее небо! Закон твой суров.
Неумолима твоя высота.
Могила всё ещё не сыта.
Живыми закапываем смельчаков.
Каждый из них нам дороже ста».

(Перевод В. Микушевича, по: Поэзия и проза 1973: 271-272).

То, что этот текст включён в «Шицзин», явно говорит о том, что конфуцианцы стремились покончить с человеческими жертвами. И действительно, большинство царств отказалось от этого мрачного ритуала ещё в эпоху Вёсен и Осеней. Лишь в более отсталом царстве Цинь человеческие жертвы на похоронах появились позже, чем в других княжествах, зато и продержались вплоть до конца III в. до н.э. Ещё в 209 г. до н.э. в могилу Цинь Ши-хуана по приказу его сына Эр-ши сошли все жёны и наложницы, которых владыка не успел «познать» при жизни. Лишь после крушения легистской империи Цинь этот бесчеловечный пережиток древности окончательно отмер, хотя теоретически такое было возможно и в дальнейшем. Ещё в 1861 г. император Сяньфэн перед смертью издал указ с требованием казнить свою наложницу Цыси «с тем, чтобы она могла бы прислуживать моему духу на том свете. Наложница не должна оставаться живой. Её неблаговидные поступки могут нанести вред нашей династии» (цит. по: Сидихменов 1985: 136-137). Указ, правда, не был исполнен, а сама Цыси после смерти Сяньфэна пришла к власти, которую удерживала почти полвека. Но характерно, что требование принести наложницу в жертву духу императора даже тогда казалось лучшим поводом для её казни, чем простое обвинение в «неблаговидных поступках».

Осталась, правда, идея *само*пожертвования во имя коллектива (известна, например, легенда минских времён о фарфоровой вазе, которую удалось обжечь и не повредить лишь после того, как в печь бросился один из мастеров). Но эта идея более или менее неявно присутствует в любых религиях (вспомнить хоть христианских мучеников) и даже в светском мировоззрении (герои революции, мученики науки).

В Китае же произошла весьма любопытная вещь: кровавые (или просто дорогостоящие) жертвы были не просто упразднены, а вытеснены СИМВОЛИЧЕСКИМИ ЗАМЕНИТЕЛЯМИ. Одним из атрибутов похорон, совершавшихся на глазах у В.М. Алексеева, было «соломенное чучело – соломенный призрак, то есть изображения слуг, жён покойного; их бросали в могилу или сжигали» (Алексеев 1988: 502). Такое чучело называлось *чу лин* 芻靈 – дословно «травяная душа» или даже «травяной покойник» (БКРС 1983: III, 456; II, 90). В «Дао дэ цзин», §5, упоминается «соломенная собака» (*чу гоу* 芻狗), также употреблявшаяся на похоронах – и вероятно, с той же целью, хотя после погребения её могли и выбрасывать. Во всяком случае, переводчики «Дао дэ цзин» на русский язык единодушно трактуют эту «травяную собаку» как синоним «никому не нужной вещи».

Точно так же вещи личного обихода заменялись моделями и символами. В гробнице Цинь Ши-хуана, судя по некоторым описаниям, находилась не только знаменитая глиняная армия, но и макет (или даже действующая модель) Поднебесной: царю обеспечено царство даже за гробом! В ханьских погребениях обнаружена масса моделей домов, усадеб, повозок с лошадьми, зернотёрок с работающими на них слугами, фигурки рабов и домашних животных, – одним словом, призраки всего, что служило усопшему при жизни и должно было служить его призраку после смерти. Ещё позже терракотовые модели сменились бумажными: их можно было сжечь на могиле не только во время похорон, но и когда угодно после. Естественно, годилась не любая имитация, а лишь освящённая даосским магом, зато моделировалось (и моделируется) буквально всё. Известны китайские бумажные деньги, бумажные цветы, бумажные фигурки домашних животных… В 1980-х годах в московском «Новом времени» промелькнула заметка ошарашенного западного корреспондента: в Северо-Восточном Китае он наблюдал, как на могилах сжигают бумажные автомобили и телевизоры!

Ещё одним видом жертв служили, как и у славян, трапезы на могилах. Считалось, что в них участвуют и духи умерших, которые, однако, потребляют лишь нематериальную часть пищи (её «духовную сущность»), живым же достаётся всё остальное. Поэтому вылазки всей семьёй на кладбище нередко превращались в пикник, в котором участвовали и дорогие покойники. В раннесредневековой Европе, как её описывает Ф. Арьес, кладбище становилось своего рода форумом, где народ собирался и для печали, и для веселья, и для любви, и для торговых сделок: мёртвые как бы продолжали участвовать в делах живых, именно поэто-

му их старались хоронить в посещаемой церкви, и во всяком случае – недалеко от себя, в пределах города. Учтём, что именно такое отношение к смерти (раннесредневековое) Арьес считал нормальным и правильным, гарантирующим психическую устойчивость человека. В Китае так было, в сущности, всегда. Лишь в больших городах средневековья большинство населения не могло себе позволить такую роскошь и было вынуждено перейти к кремации, несмотря на противодействие властей и буддийской церкви (Крюков, Малявин, Софронов 1984: 194-195).

Вряд ли во всей западной литературе есть хоть одно произведение, в котором загробный мир выглядел бы ТОЧНОЙ копией земного, без малейших чудес и фантастических допущений. Самая близкая аналогия, какую я знаю, – рассказ Болеслава Пруса «Возвращённый», в котором улицы ада похожи на улицы тогдашней Варшавы. Но и здесь грешники заняты только вечными муками, хотя и своеобразными. В ратуше, например, десятки комитетов без конца обсуждают канализацию, дороговизну мяса и тому подобные вопросы, не поддающиеся никакому решению; от отчаяния «отцы города» выбрасываются из окон, но, увы, разбившись о мостовую, тут же воскресают, чтобы завтра вновь обсуждать всё то же. В книжном магазине продаётся брошюра: «О применении асфальта для адских мук и о его преимуществах перед обычной смолой». Редакторы газет осуждены вскипятить тысячелитровые самовары, вода в которых, как ни старайся, остаётся тепловатой (видно, немало такого чая Болеслав Прус выпил в редакциях). Театральные критики наказаны тем, что теперь они сами выступают на сцене, а потом читают сами про себя свои же рецензии (а публика по привычке верит печатному слову). Что же касается авторов популярных экономических брошюр, то они устроились хорошо: их премудрость всё равно никто не может понять, поэтому и покарать их нечем. Эти брошюры подсовывают для чтения лишь самым закоренелым грешникам, которые в отчаянии рвут на себе волосы и жутко проклинают своих мучителей (Prus 1976: 174-175). Словом, «пекло» как пекло, хоть и на современный лад: есть и загробный суд (в который попадает герой новеллы), и вечная кара по грехам. Совершенно иная картина в Китае.

В новеллах Пу Сунлина с духами умерших можно прожить долгую жизнь, при этом совершенно ничего необычного не заметив. Умершая дочь может через медиума сообщить родителям, что на том свете удачно вышла замуж и стала знатной дамой, а в новой семье её любят и балуют («Воскресший Чжур»). Бывшая возлюбленная через много поколений возвращается к прежнему любовнику, причём она – дух, а он живёт в новом перерождении и не помнит, кем был когда-то, и обоим это не слишком мешает («Царица Чжэнь»). Духа можно вызвать с того света просто для того, чтобы поиграть с ним в буриме – в параллельные фразы («Божество спиритов»).

Не менее характерен роман Чжан Тяньи «Записки из мира духов», увидевший свет в 1931 г. Хотя именно туда попадают души умерших (провожатым наблюдателя служит его покойный друг), но живут они там совершенно так же, как на земле. По улицам города снуют люди, озабоченные бизнесом, а прочное положение в обществе даёт лишь протекция. Работают заводы, и войска подавляют забастовки, а полиция разгоняет митинги оппозиции. Браки заключаются путём открытой сделки, и лишь после того, как будущие супруги сторговались, им даётся три минуты (по часам), чтобы по команде «излить чувства». Священники проповедуют веру в богов, которых никто не видел, а на вопрос корреспондента, на каком языке говорит Христос, отец Чжу, помявшись, отвечает: «На китайском, сын мой. На кантонском диалекте». У входа в туалет висит выполненная известным каллиграфом табличка: «Место отдохновения» (один из вечных китайских эвфемизмов). В парламенте две партии, обе они зависят от крупного капитала и различаются лишь тем, кто их кормит (а формально – по позе, которую принимают члены обеих партий в «месте отдохновения»). Учёные, журналисты и священники спорят о дарвинизме, а поэты пишут декадентские стихи. Вооружённые конфликты между мелкими странами улаживаются вмешательством крупной державы, озабоченной судьбой своих капиталов… Мало того, в этом «мире мёртвых» люди по-прежнему рождаются и умирают, хотя куда они уходят после ЭТОЙ смерти, уже решительно никто не знает. (А Лукиан-то полагал, что «отсюда в другое место умереть уже невозможно»!). Вот разве что город выстроен в два яруса – один для богачей и богемы, другой для простонародья, да ещё носы приходится прятать под колпачком – нос считается неприличным местом по причинам, которых никто не может внятно объяснить («кажется, в какой-то классической книге сказано…»). И на все вопросы удивлённого наблюдателя – один ответ: «у нас тут всё так же, как и на земле, только яснее».

Конечно, роман Чжан Тяньи – ни в коей мере не мистика, а сатира на порядки и идеалы гоминьдановского Китая его времени. Но у нас и сатира такого рода вряд ли была бы возможна: местом её действия стали бы в лучшем случае вымышленные страны (на которые столь богата китайская «мифическая география»), иные планеты, но никак не тот свет. Заметим, что по крайней мере одну свою функцию, привычную для нас, – срывать всякие маски и фиговые листки – смерть выполняет и в Китае. Как бы ни различались религиозные воззрения Пу Сунлина и, скажем, Гоголя или Булгакова, – в их произведениях потусторонние силы заняты одним и тем же делом.

Ну и, разумеется, в загробном мире, как и в земном, никуда не деться от благодетельного начальства, судов и кляуз. В бюрократической системе жалоба – практически единственный способ, которым подданный может по собственной инициативе общаться с властями. Это пришлось испытать уже Сётоку-тайси, наследному принцу Японии. Стоило ему начать создавать аппарат власти по китайскому образцу, как в 604 г. в 5-й статье своей «Конституции» он вынужден констатировать:

«Ведь жалоб простого народа за один день [накапливается] до тысячи. Если даже за один день столько [жалоб], то сколько их наберётся за годы?» (Конституция Сётоку 1984: 23).

365 тысяч жалоб в год – это значит, что в среднем каждый житель тогдашней Японии, включая грудных детей и неграмотных, подавал жалобу не реже чем раз в два-три года. Тут было отчего возопить администратору.

Трудно сказать, когда в китайском загробном мире появляются жалобы. Традиция относит их уже ко временам Хуан-ди:

«…Чию поднял народ мяо на мятеж против Хуан-ди. […] Согласно преданию, погибло множество людей и души невинно убитых отправились к Верховному правителю с жалобами. Хуан-ди повелел провести расследование. И действительно, выяснилось, что злодеяния мяо очень велики. Пытаясь защитить добрых людей, Хуан-ди тотчас же послал небесное воинство на землю, чтобы покарать мяо» (Юань Кэ 1987: 71).

По тексту Юань Кэ трудно определить, древний ли это миф или его поздняя интерпретация. Во всяком случае, в ханьское время «загробная канцелярия» стала уже именно канцелярией. В одной из ханьских новелл дух подаёт жалобу императору У-ди и успокаивается после того, как тот удовлетворяет его иск. Какое-то время считалось, что загробный суд находится под горой Тайшань: «Бог и повелитель Тайской горы заведует подземным судилищем, распределяя награды и наказания всем мёртвым» (Алексеев 1988: 530). Впрочем, культ Тайшаньяо-дади – весьма поздний и сложился уже под влиянием культа Янь-вана [9].

В средние века загробным судьёй стал Яньван 閻王 (Яньло-ван 閻羅王) – индийский Яма, пришедший в Китай вместе с буддизмом. Но как он не похож на свой прежний облик хтонического божества и первого в мире покойника, каким он был у себя на родине! Или хотя бы на всеведущих Миноса, Эака и Радаманта! Теперь это – важный иноземный князь, натурализовавшийся в Китае и получивший видный пост. Он – глава ведомства, ему подчинено десять замов («судей смерти») и восемнадцать департаментов, дела в которых могут пылиться веками. На службе у него целая армия ракшасов (*лоча* 羅刹) – посыльных, стражников, конвоиров (рис. 5).

Рис. 5. «Три Яньло». Вверху – Ямараджа (фреска и храмовая маска, по Е. Парнову). В центре – китайский Яньло-ван с помощниками Воловьей Башкой и Лошадиной Мордой; под ними – сцена воздаяния тем, кто помогал бедным. Народный лубок (Мифы народов мира. 1991. М. СЭ. Т.1. С.387). Внизу – Эмма-д 閻羅王, японский аналог Яньло-вана (по Ф. Мараини).

[9] Любезное указание М.Е. Кравцовой.

Ни единым словом не говорится, что весь этот аппарат (от самого Яньло до последнего посыльного) служит злу. Напротив! Они – стражи справедливости и правопорядка, грозные, конечно, но в меру – как любая полиция или суд. Хотя в переносном смысле «яньван» и может означать «злодей, изверг, изувер» (БКРС 1983: III, 127), но это не образ самого Яньло. Не такой уж он чёрт, хоть и чёрен (индиец всё-таки). Во всяком случае, прозвища *Яньло-Баолао* 閻羅包老 («старик/почтенный Бао-Яньло») удостоился не кто иной, как сунский наместник Кайфына Бао Чжэн (БКРС 1983: III, 127), Судья Бао, китайский «мудрый Соломон», герой первых в мире детективных историй и анекдотов, выражавших народные мечтания о правде в суде. Называть такого человека «Яньло» можно было только в знак признательности.

И те же ракшасы – уже не демоны, пожирающие людей (БКРС 1983: II, 355). Теперь они – китайские *лоча*, служители закона в культурной стране, и когда приходят за обречённой душой, то связывают её не прежде, чем предъявят письменные полномочия… А потом отводят связанную душу в ямынь (присутственное место) самого Яньло-вана или одного из судей смерти для рассмотрения её дела. Но пожирать без суда – да что вы! После суда те же *лоча* отводят душу к месту наказания (буддийский ад) или отдыха (рай), а по истечении срока того и другого возвращают в мир:

«Из мистического понятия “колеса закона” народная религия и фантазия сделала представление о громадном колесе, вращаемом бесами и выбрасывающем в свет для нового рождения те души, которые отбыли своё наказание» (Алексеев 1988: 517).

Как видим, картина совершенно китайская, лишь слегка окрашенная в буддийские тона. Более того, Янь-ван и его помощники могут и ошибаться, и попадать в тупик, так же как их земные коллеги-чиновники. Умный студент может, получив власть в загробном суде на сутки, решить загробные тяжбы (жалобы убитых на своих убийц – ханьского государя Гао-цзу и его приближённых), по которым судьи смерти не могли вынести справедливый приговор четыреста лет («Сюцай в царстве теней», новелла минского времени). Царь обезьян Сунь Укун может силой вырваться из подземного царства, да ещё и учинить там дебош, и попортить документацию – вычеркнуть своё имя и имена остальных обезьян из книги смерти, и всё, что может после этого сделать Янь-ван, – в свою очередь, пожаловаться небесному царю Юйхуан-дади (роман У Чэнъэня «Путешествие на Запад», XVI в.). Как и любой начальник, Яньло не вполне владеет положением даже в своей управе. Иначе почему бы русскому «жалует царь, да не жалует псарь» соответствовала китайская поговорка: 閻王好見、小鬼難當 «Янь-ван благоволит, а на мелкого беса управы нет» (БКРС 1983: III, 127)?

Очень может быть, что буддизм именно потому и победил в Китае, что не оказался для него чем-то принципиально новым и чуждым по духу. Во всяком случае, в вопросе о смерти буддизм и традиция, идущая ещё от Чжоу, сходятся: что было, то и будет. Традиция уверяет, что душа уйдёт в мир, точь-в-точь похожий на этот, буддизм – что просто вернётся в этот мир. Разница настолько невелика, что оба представления оказались совместимы.

С точки зрения Поднебесной (2)

Мы живы, пока о нас помнят.
К. Чапек. Мать, д.3.

Вернёмся, однако, к древности. Как бы ни были стойки древние представления, уходящие корнями ещё в архаическую мифологию, какой бы приспособляемостью они ни обладали, они были слишком грубы уже для духовной элиты «ста школ». В ту эпоху (конец Чуньцю и Чжаньго) вера в духов явно ослабевала, зато росла роль творческой индивидуальности, талантливого служилого (*ши*), для которого роль безличного винтика громадной машины Поднебесной была уже слишком мала. В эту эпоху становится возможным не только нестандартное, не подчинённое шаблону культурного архетипа (а значит, греховное – Элиаде 1998: 132) поведение, но и прямое пародирование ритуала и сознательное акцентирование его противоречивости. Яркий случай – пример Ян Вансуня, который велел сыновьям похоронить его голым, чтобы заставить их выбирать между строгостью погребальной церемонии и подчинением отцовской воле (Тао Юаньмин 1972: 139, 226). Перед конфуцианцами встала дилемма: верить старым мифам они не могли, а создать новый миф (как это пытался делать Платон) не позволял их прагматизм, заставлявший искать разгадки только в пределах чувственного мира и не вторгаться в сферу «чудес, [неведомых] сил, хаоса и божеств» (怪力亂神).

Единственный выход оказался лежащим в сфере духа. Современные мистики, аудитория которых привыкла к научной терминологии, предпочитают говорить не о душах и демонах (дремучее средневековье, фи!), а об «информационных сущностях»: душа умершего продолжает жить как информация. Но что получится, если перевести эти «намёки тонкие на то, чего не ведает никто», на нормальный язык? Ведь у информации есть немаловажное свойство: она существует лишь до тех пор, пока существует хоть один реципиент, способный её воспри-

нимать и декодировать (см. Лем 1968: 180-183). Стало быть, «душа как информационная сущность» означает всего-навсего: умерший продолжает жить в памяти коллектива. К тому же итогу приходит в финале своих знаменитых «Строф» Хорхе Манрике (1440-1478): «…И хотя он утратил жизнь, Но потомкам оставил свои Воспоминанья». И то же самое мы встречаем в «Девятнадцати древних стихотворениях» ханьского времени («Я назад повернул…»):

«Ни один человек
не подобен металлу и камню,
И не в силах никто
больше срока продлить себе годы.
Так нежданно, так вдруг
превращенье и нас постигает,
Только добрую славу
оставляя сокровищем вечным»

(Перевод Л.З. Эйдлина, по: Поэзия и проза… 1973: 305).

Эта мысль – единственное, что говорят конфуцианцы о посмертной судьбе души. По Конфуцию, «благородный муж огорчен тем, что после смерти его имя не будет упомянуто» (Луньюй, XV, 19). Чуский дафу Цзяо-цзюй (У Цзюй) стремится вернуться на родину, где ему грозила смертельная опасность, со словами: «Если бы мне удалось вернуться в Чу, пусть меня даже постигнет смерть, но имя моё не истлеет» (Го юй 1987: 248). По Мэн-цзы, «когда нельзя достичь того и другого разом, отказываюсь от жизни и выбираю долг» (Мэн-цзы, VII, 1, 10). Даже в «Хагакурэ бусидо» повторяется этот мотив: «Жизнь человеческая быстротечна, имя вечно». А ведь, казалось бы, к услугам авторов «Хагакурэ» была и буддийская картина сансары, и китайский Янь-ван (в отличие от Китая, в Японии он выглядит как откровенный чёрт), и учение синто.

По сравнению с этим теряет значение даже погребальная обрядность, о которой китайцы всегда очень заботились. В какой-то мере её необходимость оспаривает даже сам Конфуций: «Разве умереть на руках у подданных лучше, чем умереть на руках своих учеников? И хотя мне не будут устроены великие похороны, разве я умру посреди дороги?» (Луньюй, IX, 11). Конечный вывод сделал Сюнь-цзы: ритуал вообще не имеет никакого значения, кроме чисто воспитательного. Это, если хотите, культурная парадигма, общепринятые правила игры, и если к ритуалу относиться именно так, – лишь тогда он полезен (Древнекитайская философия 1973: 174-175). Любопытно, что двести лет спустя к подобному же выводу пришёл римский стоик Муций Сцевола: мы вновь убеждаемся, что в основе китайского и римского сознания лежит одна и та же архетипическая логика.

Что касается взглядов Сюнь-цзы на ритуал как на средство, делающее возможным человеческое общежитие (и не более того), в XX веке они получили доказательство от противного – я бы даже сказал, от очень противного. Как заметил Ф. Арьес, старые ритуалы, связанные со смертью и похоронами, играли важнейшую психологическую роль: и сами умирающие, и потрясённые горем родственники, и те, кто стараются их как-то утешить, всегда знали, что они должны делать, как себя вести. Растерянному человеку оставалось лишь держаться шаблона, чтобы пережить самые трудные дни и почувствовать, что жизнь продолжается. Но романтизм и индивидуализм покончили с этими шаблонами: «одни и те же затёртые фразы! ханжество! лицемерие! нет естественного чувства!». В результате современный человек, с виду такой раскованный, сплошь и рядом становится в тупик в обычных жизненных ситуациях. Например, он не знает, о чём вообще можно говорить с умирающим или с родственниками умершего. Общение с ними превращается в тягостный долг, таких людей сторонятся, оставляя их наедине со своим горем. По словам Арьеса, в доме покойника даже телефон не звонит. Похоже, избавившись от старых «лицемерных» ритуалов, мы действительно потеряли очень многое.

Впрочем, взгляды Сюнь-цзы не стали общепринятыми даже среди культурной элиты, не говоря уже о простонародье.

Итог конфуцианского взгляда на смерть можно выразить так: всё, что после этого остаётся от человека, – это имя в потомстве. Высшая награда – стать примером для будущих поколений (в полном соответствии с «категорическим императивом» Канта: поступай так, чтобы максима твоего поведения могла стать всеобщим правилом; поступай так, как если бы ты подавал пример всему свету). Это и значит, что дух умершего («информация») сохраняется в «информационном поле» (читай: коллективной памяти и парадигмах поведения) потомков. Пока этот дух способен определять это поведение, – человек в какой-то мере жив.

Ян Чжу

На вопрос, является ли смерть злом, он (Диоген Синопский) ответил: «Как же может она быть злом, если мы не ощущаем её присутствия?»

Диоген Лаэртский VI, 68.

Однако прагматизм конфуцианцев оказался всё же слишком прямолинейным, чтобы удовлетворить людей с высокими личными запросами. Самым радикальным критиком конфуцианских взглядов на смысл жизни и смерти выступил Ян Чжу (IV в. до н.э.), высказывания которого донесла до нас книга «Ле-цзы» (примерно III в.н.э.). Л.Е. Бежин усматривает у этого философа параллель с великим ветхозаветным скептиком:

«Автор “Ле-цзы” выразился здесь почти словами Экклесиаста: “Что было, то и будет, и что творилось, то творится, // И нет ничего нового под солнцем”. Однако итог “Ле-цзы” – оптимистичнее. Хотя лёгкость, проповедуемая в этой книге, словно феникс, возродилась из пепла отчаяния и пессимизма» (Бежин 1982: 90).

Однако такое звучание слова Ян Чжу приобретают только в контексте книги, в которой они приведены, а как раз о главе «Ян Чжу» В.В. Малявин пишет:

«Данная глава столь разительно отличается от остального текста “Ле-цзы”, что, по мнению большинства исследователей, едва ли может считаться памятником древней даосской мысли. Большинство её сюжетов восходит к школе философа Ян Чжу, жившего в середине 4 в. до н. э. Наибольший интерес среди них представляет диалог Ян Чжу с последователем Мо Ди Цинь Гули – вероятно, наиболее достоверное свидетельство подлинного учения Ян Чжу. Это учение предстаёт как бесхитростная, почти целомудренная в своей воинственности проповедь гедонизма (который, заметим в скобках, недвусмысленно осуждается в других главах “Ле-цзы” – например, в начальных сюжетах 2-й и 3-й глав). Страстность этой проповеди заметно контрастирует с общим для древней даосской литературы отстранённо-ироническим тоном» (Чжуан-цзы, Ле-цзы 1995: сноска 48).

Одно дело – что проповедовал сам Ян Чжу, другое – что для себя нашли в его проповеди даосские составители «Ле-цзы».

Взгляды Ян Чжу – безусловно, материалистические, и тут авторы первого советского издания (Атеисты… 1960), безусловно, были правы, включив его в число «атеистов, материалистов, диалектиков древнего Китая». Но это – не научный материализм просветителей и Маркса и даже не Эпикур с его принципом эвдаймонии («Нельзя жить сладко, не живя разумно, нравственно и праведно; и нельзя жить разумно, нравственно и праведно, не живя сладко» – Диоген Лаэртский, X. 140 – 1979: 438). Это – материализм в духе «грубых чарваков» («ешь, пей и веселись!»), который в Европе вплоть до П. Бейля считался синонимом аморальности и от которого открещивался даже Спиноза.

Ян Чжу не верит ни в какую загробную жизнь: и совершенномудрые, и подлецы после смерти «ничем не отличаются от старого пня или кома земли». Не верит он и в возможность бессмертия и даже простого долголетия, особенно же – в их плодотворность. Приведём полностью фрагмент, в котором Л.Е. Бежин усмотрел мотивы Экклезиаста:

«Мэн Суньян спросил Ян Чжу:

– Предположим, есть человек, который ценит жизнь и бережёт тело. Может ли он жить вечно?

– По закону природы бессмертия не бывает.

– А может ли он продлить свою жизнь?

– По закону природы нет и долгой жизни. Жизнь нельзя продлить тем, что ценишь её, здоровье нельзя сберечь тем, что заботишься о нем. Да и какой прок от долгой жизни? Все наши чувства, наши пристрастия и наклонности таковы, какими они были в старину. Опасности и удобства для нашего тела, радости и горести нашей жизни, удачи и неудачи, благоденствие и смута в мире таковы, какими они были и в старину. Всё это мы уже видели, слышали, всё испытали. Даже и сотни лет достаточно для того, чтобы мы насытились жизнью. Неужто мы сможем и дальше нести бремя этой жизни?

– В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? – спросил Мэн Суньян. – И стало быть, чтобы добиться желаемого, нужно ходить по лезвию меча и ступать по остриям пик, бросаться в кипящую воду или огонь?

– Нет. Пока ты жив, откажись от умствования, положись на свои природные влечения и спокойно жди смерти. Пусть смерть свершит дело, ты же отрекись от умствований и положись до конца на свою отрешённость.

Тогда ничто не будет потеряно, ибо ты ни на что не будешь полагаться. К чему торопить или задерживать события?»

Не удержусь от нового сопоставления, но эту же «экклезиастовскую» мысль с новой силой выразил в середине XX века испанский поэт Леон Фелипе в стихотворении «¡Qué pena!» («Как печально!»):

«Кто мог бы десять веков Истории
Прочесть до последней точки, когда
Под разными датами, в разном порядке
Всё тех же событий плывёт череда?
Всё те же войны, всё те же страны,
Всё те же тюрьмы, всё те же тираны,
Всё те же секты и шарлатаны,
Под разными датами, в разном порядке
Всё тех же поэтов плывёт череда!

Печально,
Как стар этот список событий,
Составленный кем-то для нас навсегда!»

(Перевод Юнны Мориц)

Итак, вернёмся к Ян Чжу. Его «человеческий проект» сводится к тому, чтобы «исчерпать свои жизненные возможности», как это делают великие злодеи Альбера Камю – Дон-Жуан (глава «Донжуанство» «Мифа о Сизифе» – Камю 1989: 270-276) или герой трагедии «Калигула». Собственно, именно эта мысль (о достижении предела жизненных возможностей) и привлекла к Ян Чжу внимание даосов. Однако они не доходили до апологии Калигулы и Нерона китайской легендарной истории – одиозных тиранов Цзе и Чжоу. А Ян Чжу именно это и делает! По его словам, Цзе был «самый весёлый и жизнерадостный человек в Поднебесном мире», а Чжоу – «самый свободный, самый беззаботный человек в Поднебесном мире», поскольку он, «прежде чем был казнён, прожил

весёлую жизнь». Эти злодеи взяли от жизни всё, что могли, а смерть уравняла их с легендарными праведниками: совершенномудрым монархом Шунем («самый несчастный и неудачливый человек в целом мире»), усмирителем мирового потопа, китайским Гераклом – Великим Юем («это был величайший страдалец Поднебесного мира!»), Конфуцием («самый суетный и бестолковый человек в Поднебесном мире!»), которые потратили свою жизнь на труды без всякого вознаграждения. Теперь все они, герои и злодеи, мертвы, «не отличаются от старого пня или кома земли» и не чувствуют своей посмертной славы – ни доброй, ни дурной. Значит, и в самом деле – «ешь, пей и веселись», пока жив!

«В жизни – Яо и Шунь, после смерти – сгнившие кости. При жизни – Чжоу и Цзе, после смерти – сгнившие кости. А сгнившие кости все одинаковы, кто знает, какая между ними разница? Так наслаждайтесь жизнью, пока живы, и не думайте о том, что будет после смерти!»

Но если экзистенциалисты находят для нравственности другое основание, не связанное с загробными наградами и «метафизическими утешениями», – а именно «стремление жить не подлежащей обжалованию жизнью» (Камю), стремление быть самим собой, ибо «строгая последовательность характерна лишь для честности» (Сартр 1989: 340), то у Ян Чжу всего этого нет. Здесь к нему ближе не Сартр и Камю с их суровой ответственностью перед собой, а Аристипп Киренский с его предельным цинизмом (см. Диоген Лаэртский II, 81). Вершина эгоизма Ян Чжу – знаменитый диалог:

«Ян Чжу сказал:

“Бочэн Цзыгао не помогал никому даже волоском. Он отрёкся от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не желал пользы для одного себя; он так трудился, укрощая потоп, что тело его наполовину усохло. Люди в древности не согласились бы лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесному миру. А если им преподносили всю Поднебесную, они её не брали. Если бы никто не жертвовал волоском, если бы никто не старался принести пользу Поднебесному миру, то в Поднебесной воцарился бы мир”.

Цинь-цзы спросил Ян Чжу:

– Если бы ты мог помочь миру, отдав один волосок, сделал бы ты это?

– Миру, конечно, одним волоском не помочь, – ответил Ян Чжу.

– Но предположим, это было бы возможно. Тогда отдал бы?

Ян Чжу не ответил.

Цинь-цзы вышел и рассказал об этом разговоре Мэн Суньяну.

– Ты не понял мысли учителя, – сказал Мэн Суньян. – Позволь, я объясню тебе. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить десять тысяч золотых?

– Согласился бы.

– А согласился бы ты лишиться сустава, чтобы получить царство?

Цинь-цзы промолчал.

– Волосок, конечно, меньше кожи, – продолжил Мэн Суньян, – а кожа меньше сустава. Однако по волоску собирается кожа, а кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже одним волоском, если он тоже – часть собственного тела?

– Мне нечего тебе возразить, – ответил Цинь-цзы, – но, если бы я спросил об этом Лао-цзы и Гуань Инь-цзы, они бы сочли истинными твои слова, а если спросить об этом Великого Юя или Мо-цзы, то они согласились бы со мной.

Тут Мэн Суньян, повернувшись к своим ученикам, заговорил о другом».

Итог диалога – красноречивое молчание. Обе стороны – и Ян Чжу со своим учеником Мэн Суньяном, и моист Цинь-цзы, договорились до такого места, за которым слова бесполезны. Точно так же как человек, говорящий: «Это подлость! Это просто подлость!», – не может объяснить словами, что такое подлость: либо собеседник понимает это сам, либо с ним не о чем говорить. Предельный эгоизм Ян Чжу и столь же предельный альтруизм учения Мо-цзы говорят на разных языках.

В условиях Китая с его коллективистским общественным сознанием и подсознанием учение Ян Чжу не нашло аудитории и вскоре заглохло. Иное дело – утончённая философия даосов.

Забытая цивилизация

«Если ты из Линнани, значит, ты варвар...»
Алтарная сутра Шестого патриарха.

Даосская философия опиралась на иную, и притом весьма мощную, культурную традицию, сложившуюся прежде всего в царстве Чу. Весьма убедительную реконструкцию чуских мифологических представлений предложила М.Е. Кравцова в уже не раз цитированной работе (Кравцова 1994). Краткая общая характеристика чуской культуры здесь звучит так:

«Она репрезентирует принципиально иной [чем чжоуский] – “интравертный” тип менталитета. Для этого типа менталитета характерно: приоритет единичного над общим (индивидуума над социумом), ориентация на “естественность” всего сущего и отрицательное отношение к любым проявлениям цивилизации, а также ярко выраженное поэти-

ческое осмысление мира» (Кравцова 1994: 225).

Ей противостоит культура чжоусцев (и их наследников – «срединных царств» района среднего и нижнего течения Хуанхэ) с «экстравертным» менталитетом, который характеризуется «признанием полного приоритета общего над единичным, что наглядно проявляется в морально-этической доктрине конфуцианства; ритуалистическим мироосознанием и нацеленностью на созидательную деятельность для превращения “природного хаоса” в максимально упорядоченную среду обитания людей» (Кравцова 1994: 224).

Действительно, в чуской культуре куда больше, чем в чжоуской, говорится о человеке и куда меньше – о Поднебесной. Но хотелось бы попутно отметить любопытный парадокс. Чжоуская культура с её приматом Поднебесной (государства) над личностью породила с самого начала весьма рыхлую государственность (уже У-ван, фактический основатель династии Чжоу, роздал десятки уделов) и не смогла предотвратить раскол страны на сотни враждебных друг другу мелких царств. Напротив, Чу с его «индивидуализмом» с начала и до конца выступает как единое государство, причём таких размеров, что и в наши дни на карте Азии оно выглядело бы очень внушительно, а в Европе было бы великой державой. При этом за всю историю царства не отмечено попыток его раздела на части (например, между двумя претендентами на престол), и лишь раз (в 848 г. до н.э.) сменилась династия. Едва ли не первым из крупных царств (сразу же вслед за Лу) Чу отказалось от системы общинного землепользования («колодезных полей»), заменённой семейной собственностью и поземельным налогом. Зато политический режим здесь был самым консервативным во всём Китае, а власть чуской аристократии так и не была поколеблена. Итак, в политике «индивидуализм» чусцев оказался эффективнее «коллективизма» чжоусцев. Что это, диалектический переход – «мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное»? Или мы просто чего-то не учли?

Во всяком случае, чусцы явно чувствовали, что их культура – иная, чем у чжоусцев, и не просто «отрицательно относились к любым проявлениям цивилизации», но и бравировали своим «варварством». В эпоху Чуньцю царство Чу было очень воинственным и резко враждебным населению долины Хуанхэ. Достаточно сказать, что если чусцы в течение пяти лет не совершали ни одного набега на земли Центральной равнины, они считали это таким грехом, который лишал их права встретиться после смерти с духами предков. Временами Чу находилось в состоянии перманентной войны со всеми чжоускими уделами. Уже в 704 г. до н.э. правители Чу приняли титул ванов и отказались даже от формального подчинения чжоускому Сыну Неба; другие князья осмелились это сделать лишь 400 лет спустя. Это явно была не столько претензия на верховную власть (в 606 г. до н.э. затея чуского Чжуан-вана «порасспросить о треножниках» [10] – палладиуме династии Чжоу – не пошла дальше зондирования почвы), сколько претензия на обособление, попытка возвести Чу в равный ранг не с прочими уделами (даже с самыми сильными, вроде Ци), а со всем чжоуским миром в целом. И, похоже, не первая попытка: ещё чжоуский Му-ван вёл тяжёлую войну с неким Не-ваном, обосновавшимся где-то на юге. И хотя в то время большое южное царство не сложилось, но и до 704 г. до н.э. правители Чу носили имя или титул *ао* 敖, не входивший в чжоускую систему титулов. Иногда, впрочем, вместо *ао* встречаются рифмующиеся с ним *мао* или *гао* – ср.: Жо-ао (790-764); Сяо-ао (763-758); Фэнь-мао (757-741); Ду-ао (676-672); И-гао (618-613), – что весьма напоминает попытку иероглифической транскрипции звуков совершенно иного языка. Точно так же, кстати, как и династийное имя Невана, не встречающееся больше ни в одной династии.

Эмблемой царства Чу (первоначально тотемом чусцев) был медведь – далеко не самое характерное для долины Янцзы животное, и царский род носил фамилию Сюн 熊 – «Медведь». Возможно, и здесь мы видим связь между Чу и династией Ся: её основатель Великий Юй иногда превращался в медведя (Юань Кэ 1987: 175), а его отец Гунь после смерти возродился в облике медведя (Künstler 1985: 188-190). Это не случайность, а явно тотемный знак: если бы Юю просто нужна была звериная сила, чтобы проложить проход в горах, то ведь кабан (вспомним хотя бы Чжу Бацзе из «Путешествия на Запад» У Чэнъэня) справился бы с этим лучше, чем медведь.

Что касается этнической истории чусцев, то тут очень мало что известно. Разве лишь то, что уже в эпоху Западной Хань они ассимилировались с потомками чжоусцев в единый ханьский этнос, а их прежнее национальное самосознание угасло. Единственную попытку создать в Южном Китае «империю Чу» предпринял в 403-404 гг. полководец Хуань Сюань, ненадолго свергший Восточную Цзинь. В средние века жители бывшего Чу уже считали себя китайцами, хотя ещё Ду Фу, побывав в Хубэе (где находился центр древнего Чу), замечал:

«Северян не жалуют на Юге,
Их осмеивают без пощады».

[10] Находясь с войском вблизи чжоуской столицы, Чжуан-ван начал расспрашивать прибывшего к нему посла вана о девяти священных треножниках: каков их вес, сколько человек нужно, чтобы их поднять, и прочее, что относилось к транспортировке. Посол понял, что Чжуан-ван хочет знать, в состоянии ли он увезти треножники с собой, и сумел отговорить его от этой затеи. Выражение «порасспросить о треножниках» вошло в поговорку в смысле покушения на захват верховной власти.

М.Е. Кравцова, как уже говорилось, предполагает индоевропейское происхождение чусцев, а в их мифологии, очень богатой и тесно связанной с литературой и философией, видит много общего с античным мировоззрением (Кравцова 1994: 225). Я уже упоминал, что есть не меньше оснований выводить их из Северо-Восточной Азии или с юга и востока Сибири (Пыслару 2000: 323). В частности, если культ медведя действительно связан не только с Чу, но и с Ся, то ведь «династия Ся» относится ко временам задолго до миграции индоевропейцев (традиционная датировка – III тыс. до н.э., в то время как синташтинская культура складывается не раньше рубежа следующего тысячелетия). Со своей стороны, Д.В. Деопик относит Чу к древнейшей Юго-Восточной Азии, точнее, к её «чускому (тайскому)» блоку, преемником же чуской культуры он считает царства древних таи – Дянь и Наньчжао-Дали (Деопик 1977: 20, 23). В этом случае прямыми потомками чусцев могут оказаться современные таи и лао, предки которых переселились в Индокитай как раз с территории Наньчжао-Дали. И кстати, у этих народов господствует буддизм Хинаяны, как раз более индивидуалистичный, чем в Китае или Вьетнаме. Другие авторы указывают на родство чусцев с современными народами мяо-яо (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 66), что вряд ли подлежит сомнению.

Перейдём, однако, к религиозно-мифологическим представлениям чусцев. Согласно реконструкции М.Е. Кравцовой, основанной на огромном фактическом материале, они были таковы. Космос мыслился двухполюсным (восток – запад), причём главное внимание было обращено к западу – стране смерти и воскресения. Там, на Западе, обитала глава чуского пантеона – Великая богиня, позже отождествлённая с Царицей Запада – Сиванму 西王母 (до этого Сиванму считалась всего лишь одним из звероподобных чудищ). В разных источниках Великая богиня выступает под разными именами (в «Скорби изгнанника», например, это – Лин-фэнь 靈氛); связано это с чускими представлениями об эзотеричности подлинного знания, которое может быть высказано лишь через намёки, загадки и парадоксы. Возможно, чусцы, как и этруски, вообще не произносили подлинных имён своих богов, заменяя их иносказательными обозначениями (см. Немировский 1983:190), поэтому так трудно установить действительный состав их пантеона. Возможно также, что даже знать эти подлинные имена могли лишь жрецы, а произносить – лишь немногие жрецы и лишь в особых случаях, как у иудеев в эпоху Второго Храма.

Важнейшую роль у чусцев играл «колесничный солярный миф» и тесно связанная с ним идея мистического «путешествия» или «странствия» – *ю* 遊. Согласно этому мифу, солнце каждый день проходит путь от крайней восточной точки мира до крайней западной в колеснице, запряжённой драконами. Позже маркёрами обеих точек («полюсов», или пределов – *цзи* 極) стали два древа: Солнечная Шелковица (Фусан 博桑) на востоке и Древо Жо (Жому 若木) на западе, оба не связанные с исходными чускими мифологемами, но именно тут пришедшиеся как нельзя кстати. (Заметим, кстати, что и иероглиф *цзи* 極 – «полюс мира, предел» – имеет ключ «дерево»[11]). Опустившись на ветви Древа Жо, утомлённое за день солнце умирает – и затем возрождается вновь (возможно, воскрешённое живительными соками древа, своего рода «живой водой»). Затем оно проходит сквозь подземный мир, в котором восстанавливает силы, после чего поднимается оттуда на ветви Древа Фусан, с которых вновь начинает свой видимый путь – к новой смерти и новому воскресению.

Именно поэтому чусцы поклонялись не восходящему, а ЗАХОДЯЩЕМУ солнцу: момент смерти светила был начальным актом мистерии его воскресения. Этот же обряд чжоуские историки приписывали предкам шан-иньцев, жившим в эпоху мифической династии Ся (по мнению М.Е. Кравцовой – реконструируя царство Ся, считавшееся полуварварским, по образцу более знакомого Чу). Позже ритуал поклонения заходящему солнцу возродился в эпоху Шести Династий, после бегства двора и культурной элиты на Юг, вместе с другими чускими обычаями и поверьями.

Так или иначе, от идеи смерти и последующего (быть может, даже немедленного) воскресения солнца на ветвях Древа Жо уже недалеко до идеи тождества смерти и бессмертия. Однако человеку, чтобы обрести бессмертие, следовало повторить путь солнца. Это и есть «путешествие» – *ю*. В различных его описаниях герой садится в колесницу, запряжённую драконами и/или фениксами. Вообще в описании очень часто упоминаются птицы: то герой запрягает их в колесницу вместе с драконами, как Цюй Юань[12], то надевает на себя птичьи перья, как Цао Чжи («Бессмертие»):

Открыты мне / небесные врата,
Из перьев птиц / я надеваю платье;
Взнуздав дракона, / мчусь я неспроста
Туда, где ждут меня / мои собратья.

[11] Это могло бы говорить в пользу гипотезы о кочевом происхождении предков чусцев: степи кончаются там, где начинаются леса.

[12] Поэма «Скорбь изгнанника» (Ли сао) традиционно приписывается Цюй Юаню, хотя не исключено, что само имя Цюй Юаня в данном случае служит как собирательное. Точно так же в индийской традиции вся классическая драматургия приписывается только одному, самому прославленному автору – Калидасе. В данной работе я не останавливаюсь специально на этом вопросе, поскольку для наших целей неважно, имеем ли мы в виду под именем «Цюй Юань» одного поэта как личность либо целую персонифицированную традицию.

Я линчжи рву / в восточной стороне,
В краю бессмертных, / у границ Пэнлая:
Ты снадобье прими, / сказали мне,
И будешь вечно жить, / не умирая.
(Перевод Л. Черкасского).

Здесь необходимо разъяснение: почему поэт рвёт снадобье бессмертия «в восточной стороне», а не на западе, как следовало бы из сказанного? Дело в том, что религия китайцев уже ко временам Цао Чжи (192-232) была явно синкретичной. В ней переплелись верования хуася – жителей Центральной равнины, восходящие к шан-иньским и чжоуским, чусцев и жителей двух царств крайнего Востока – Ци и Янь. Как раз эти два последних царства были особым культурным регионом, центром культа бессмертных – *сянь* 仙 (Торчинов 1994: 8, 13), живущих на островах Восточного моря. Здесь нет даже необходимости напоминать о всегдашней веротерпимости китайцев, блестяще обыгранной Х. ван Зайчиком («"Чтишь Коран?" – "Коран не чту. Чту сказанное Гаутамой". – "Тоже добре"»). Достаточно вспомнить, что языческие культы не исключают друг друга, и греки даже в классическую эпоху включали в свой пантеон богов фракийского, фригийского, лидийского и ближневосточного происхождения, не говоря уже об эпохе эллинизма и Римской империи. Так что «восточная сторона» вместо западной не должна смущать, коль скоро речь идёт уже о довольно позднем поэте. Важнее другое. У многих народов птица – образ души умершего, от «Одиссеи» до сказок народов Крайнего Севера. Стало быть, «платье из перьев птиц» – знак того, что путешествует всё же отлетевшая душа. Но ни в одном описании «мистического путешествия» об этом прямо не говорится! Цюй Юань, например, переходит к описанию странствия прямо от жалоб:

«Шёл по стопам я мудрецов старинных,
Но участи печальной не избег…
Чрез реку Сян я направляюсь к югу,
Чтоб обратиться с речью к Чун-хуа».

И по окончании речи:

«Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными скрываю слёзы,
Но слёзы скорби льются без конца.
Склонив колени, чувства изливаю,
Моей душе я вновь обрёл покой.
На феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бренным миром я взмываю ввысь»
(Перевод А. Ахматовой)

Здесь много НАМЁКОВ на смерть: путешествие через реку (рубеж между миром живых и умерших) к югу – в край стихии Огня (такое же, какое в своё время предприняли Яо, Шунь, Юй и Цзе); посещение Цанъу – могилы Чунхуа (императора Шуня); начало путешествия именно из Цанъу (ОТ могилы – или ИЗ могилы?); наконец, упоминание о птице… Много намёков, но нигде не сказано прямо, что это путешествие – посмертное. Не случайно потомки трактовали *ю* то как парение возвышенного духа творческой личности, то как маршрут *бес*смертного, то даже как чистую метафору вдохновения.

Проследим, однако, дальнейший маршрут мистического путешествия. Взмыв от Цанъу, душа движется по дороге солнца, но бог грома предупреждает её, что она ещё не готова к апофеозу («Но бог Лэй-шэнь грохочет: "Не готов!"»). Лишь пройдя этот путь несколько раз, посетив при этом несколько священных мест (и, заметим, ни разу не опустившись под землю), герой попадает на горы Куньлунь (запад чуского космоса). Здесь Великая богиня Лин-фэнь угощает его эликсиром бессмертия. После этого душа может, наконец, устремиться ввысь, через Небесный брод (участок в середине Млечного Пути) к Западному пределу (Кравцова 1984: 144) – в астральное царство бессмертных и блаженных душ.

Итак, по чуским представлениям, душа после смерти должна повторить путь солнца, за исключением подземного этапа. Почему? Быть может, под землёй солнце получает нечто, не позволяющее ему удалиться от земли? Так или иначе, М.Е. Кравцова отмечает, что маршрут путешественника лежит в одной плоскости, в надземном пространстве, ограниченном сверху горами Куньлунь. Для этого путешествия душа получает и атрибуты солнца, включая колесницу. Отсюда кони и колесницы в погребениях *чэ-ма кэн*, а позже их символический заменитель – блюдо (*пань*) в виде той же солярной колесницы. Точно так же в боспорской погребальной скульптуре умерший изображался всегда в виде всадника, даже если при жизни не имел никакого отношения ни к войне, ни к коням. «Повторив подвиг солнца» и пройдя тем самым мистическое испытание, душа обретает бессмертие с помощью Великой богини, живущей близ Западного полюса, в горах Куньлунь.

Откуда же все те ужасы, которыми переполнено «Призывание души» того же Цюй Юаня? Вероятно, путь в надзвёздный мир (аналог мокши) был открыт не для всех. Вспомним, что чуское общество было аристократическим, а религия – эзотерической, подлинное знание в ней было тайным и энигматическим (Кравцова 1994: 214-217). Очень может быть даже, что для пропуска в мир блаженных надо было пройти ещё и какие-то мистерии, вроде Элевсинских. Вспомним эпизод из биографии Диогена Синопского:

«Афиняне просили его принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвящённые ведут в Аиде лучшую жизнь. "Смешно, – сказал Диоген, – если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящён, – обитать на островах блаженных!"» (Диоген Лаэртский VI, 39 – 1979: 246).

Так или иначе, для пути по «дороге солнца» требовалась какая-то духовная и физическая подготовка. Даже у такого раннего даоса, как

Чжуан-цзы, уже встречается упоминание о «даосских практиках» как комплексах физических упражнений, причём сам Чжуан-цзы относится к ним пренебрежительно, как к увлечению внешними формами без постижения их внутренней сути:

«По-особенному вдыхать и выдыхать, удалять из себя старое и привлекать в себя новое, ходить по-медвежьи и вытягиваться по-птичьи, мечтая только о продлении своих лет, – таковы нравы знатоков телесных упражнений, совершенствующих свое тело; эти любят только секреты долголетия Пэн-цзы» (глава XV «Тщеславные помыслы»).

Если учесть, что корни даосизма уходят в чускую культуру, то там же должны лежать и истоки физических практик, которые ныне называются даосскими, – раз даже Чжуан-цзы нашёл их уже «в готовом виде». Тем более что уже в этом описании перед нами не только телесная тренировка, но и приёмы симпатической магии, например, подражание медведю (опять медведь!) и птице. Только всесторонняя и весьма суровая физическая и моральная подготовка давала право на «колесницу, запряжённую драконами», а тем самым и ключ к астральному миру. Все остальные души оставались в пределах ЭТОГО мира (включая видимое небо), где их подстерегали чудовища. Судьба более чем незавидная, если учесть громадный каталог фантастических и чаще всего опасных существ, которыми пестрит «Шань хай цзин». Впрочем, и в других религиях (и отнюдь не обязательно индоевропейских) мы находим два загробных мира для разных родов душ: Валгалла и царство Хёлль у германцев, Тлалокан и Миктлан у ацтеков, рай и ад в христианстве. Причём в первых двух случаях путь на небо или под землю определяется вовсе не грехами: Один и Тлалок отбирают для себя тех, которые им любы или зачем-то нужны (у германцев – для последней апокалиптической битвы), все прочие идут в Хёлль или Миктлан просто «на общих основаниях».

Вот варианты такой «общей» судьбы по «Призыванию души» (перевод А. Ахматовой [13]):

«Душа, вернись, вернись, душа!
Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему…
А ты, душа, погибнешь неизбежно.
Душа, вернись, вернись, душа!
Той стороне не должно доверяться!

Душа, вернись, вернись, душа!
И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,
Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлёбку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.

Душа, вернись, вернись, душа!
Иди обратно, о, иди обратно!
Там оставаться никому нельзя!
Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!
А если чудом избежишь несчастья,
Там всё равно пустыня ждёт тебя,
Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.
Там ни один из злаков не родится,
И жители, как скот, жуют бурьян.
И та земля людей, как пекло, жарит…
Воды захочешь – где её найти?
И помощь ниоткуда не приходит,
Пустыне необъятной нет конца…
Приди обратно, о, приди обратно,
Замедлив там, столкнёшься ты с бедой.

Душа, вернись, вернись, душа!
На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся…
Приди обратно, о, приди обратно,
Там невозможно долго пребывать…

Вернись, душа, душа, вернись!
Душа, не торопись взойти на небо:
Там тигры ждут у девяти застав,
Они грызут людей, с земли пришедших.
Девятиглавцы рыщут в небесах,
В день вырывая десять тысяч елей.
Там волки глаз не сводят с человека
И стаями скитаются вокруг,
Они играют мёртвой головою
И к бездне тело бедное влекут.
Царю небес они о том доносят,
Затем идут спокойно на ночлег.
Взлетев туда, себя навек погубишь…

Душа, вернись, вернись, душа!
Не опускайся и в столицу Мрака:
Там у князей по девяти рогов,
Острее их рога всего на свете,
Их спины толсты, пальцы их в крови,
И за людьми они гоняться любят –
Трехглазые, с тигриной головой,
И тело их с быком могучим схоже,
И человечину они едят…
Душа, вернись, душа, приди обратно,
А то несчастья ты не избежишь!

Душа! Вступи в врата Инчэна,
Здесь заклинатель ждёт тебя,
Чтоб указать тебе дорогу,
И твой наряд уже готов.
Над ним без устали трудились
Трёх княжеств чудо-мастера.

[13] Разумеется, классический ахматовский перевод – труд скорее художественный, чем научный, и нередко довольно сильно отличается от оригинала, особенно в тонких нюансах (любезное указание М.Е. Кравцовой). Однако автор вынужден с сожалением признаться, что это был единственный доступный ему перевод.

Чтоб вызвать душу, всё готово –
И причитанья начались.

Душа! Приди, приди обратно
В жилище прежнее своё.
И на земле, и в небе дальнем –
Везде опасностей не счесть!
Уже твой образ в отчем доме,
Там в тишине ты отдохнёшь (…)»

(Цюй Юань 1956: 144-146)

Заметим, как переплетено в этой картине реальное и мифическое. Описания юга и запада, кроме фантастики (чудовищные осы и муравьи, стаи оборотней и девятиглавые удавы), содержат весьма точные подробности: жаркая пустыня северо-запада с её малопригодной для человека растительностью; огромные змеи на юге – в Индо-Малайской зоогеографической области; обычай покрывать тело магической татуировкой, никогда не исчезавший в Юго-Восточной Азии, но не слишком привычный для древних китайцев (Чжуан-цзы в главе 1 упоминает о нём как об юэской экзотике, и действительно, во Вьетнаме он был упразднён лишь в средние века).

Описание Севера как самой настоящей Арктики было бы не удивительно, если бы не полное его отсутствие в чжоуской традиции. Напротив, Великий Юй во время своих странствий именно на крайнем севере обнаруживает страну блаженных с идеально мягким климатом и водой, утоляющей не только жажду, но и голод, а в больших количествах пьянящей (Юань Кэ 1987: 177). Эта «Земля Санникова» среди сопок так и называется: Чжунбэй 終北 – «Крайний Север». Ле-цзы описывает, видимо, эту же страну так:

«На самом севере восточного предела Земли есть страна, которая зовется Фуло. Там всегда жарко из-за избытка света солнца и луны, там не произрастают лучшие злаки. Тамошние жители питаются кореньями и плодами и не умеют готовить пищу на огне. От природы они грубые и жестокие, сильные притесняют слабых. Они чтут лишь победителей и не признают справедливости. Они много бегают и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят» (гл. III).

Как видим, всё это куда меньше напоминает реальный северо-восток Азии, чем картина ледяной пустыни из «Призывания души». Похоже, что у чусцев географический кругозор был шире чжоуского.

Так реальная ли это география (пусть даже в мифологическом восприятии) или потусторонние миры? Спросим ещё раз: а есть ли разница? Душа, напомним, может направиться в любую из шести сторон, и везде её ждёт погибель: даже небо в описании Цюй Юаня ничуть не лучше преисподней («Там тигры ждут у девяти застав… Девятиглавцы рыщут в небесах, В день вырывая десять тысяч елей. Там волки глаз не сводят с человека…»). А Царь небес, который поручил «вещунье Ян» вернуть *живому* Цюй Юаню его *отлетевшую* душу, – не тот ли самый, который принимает доклады этих волков, «к бездне тело бедное влекущих» («Царю небес они о том доносят»)? Или «вещунья» просто пугает душу, чтобы та скорее вернулась? Более того, неожиданный финал «Призывания души» – «Сюда, ко мне, в *погибельный* Цзяннань!» (выделено мной – Л.М.) – позволяет судить, что и наш собственный, земной мир – лишь ещё один круг вселенского ада, и о «прахе-мерзости» именно этого круга так скорбит Цюй Юань буквально во всех своих произведениях. А родина, ода которой занимает чуть не половину поэмы, – не более чем убежище, «своя норка» в этой инфернальной картине.

Оставляли ли чуские верования для этих душ какую-то надежду – скажем, на то, чтобы вновь переродиться и в одной из будущих жизней всё же вырваться из «плена сансары» («трижды побыв душой философа», по Платону)? Или они должны были вечно расплачиваться за то, что при жизни не заботились «о главном»? Или, наконец, просто погибали в пастях хтонических чудищ? Этого мы не знаем. Чуская традиция не оставила сводного памятника, подобного Ведам или Ветхому Завету, или хотя бы такого рационализированного свода, как конфуцианский канон. Этому препятствовал её принципиальный эзотеризм. Поэтому о многом нам остаётся только догадываться.

«Jenseits des Lebens und Todes»

…Мудрые не скорбят ни о живых, ни о мёртвых. Никогда не было так, чтобы не существовал Я, или ты, или все эти цари; и никогда не будет так, чтобы кто-то из нас прекратил своё существование.

Бхагавад-гита, II, 11-12.

Как уже говорилось, даосизм зародился в рамках чуской культурной традиции. С этим согласны все исследователи, несмотря даже на то, что классики даосской философии по рождению были отнюдь не чусцами. Так, родиной Лао-цзы называют то Чжоу, то Чэнь, Чжуан-цзы был родом из Сун – царства, считавшегося оплотом шан-иньской традиции, а Ле-цзы, как указывают первые же строки приписываемой ему книги, сорок лет жил в Чжэн, после чего перебрался в Малое Вэй. Тем не менее родство даосских идей с реконструируемой М.Е. Кравцовой «южной субтрадицией» (культурой Чу) очевидно.

Так же, впрочем, как и осознанный разрыв между ними. В реконструкции М.Е. Кравцовой Цюй Юань (точнее, его образ, который вырисовывается из традиции) предстаёт не столько как «поэт-патриот», каким его увидели в разгар антияпонской войны Го Можо (Го Можо 1956) и Н.Т. Федоренко (Федоренко 1986), сколько как чуский жрец-ортодокс, своего рода фарисей, защищающий чистоту своей веры и от наступления иной культуры (чжоуской), и от вольнодумцев – даосов. Об этом говорит и спор Цюй Юаня с «отцом-рыбаком» (*юй фу* 漁父), высказывающим даосские идеи, и «Вопросы к Небу», направленные не только против конфуцианства, но отчасти и против даосизма, и насмешки Чжуан-цзы (гл.XVIII) над отжившей своё чуской святыней (Кравцова 1994: 347-350). После чтения однообразных ламентаций Цюй Юаня («весь мир грязен, один я чист» – «Отец-рыбак»; «За мудрецами шёл я неотступно, // Но никаких похвал не услыхал», «“Всё кончено!” – в смятенье восклицаю, // Не понят я в отечестве моём» – «Скорбь изгнанника»; «Как грязен мир! Никто меня не знает, // И некому свою открыть мне душу» – «С камнем в объятиях») – после всего этого трудно отделаться от мысли, что это в чуских ортодоксов метил Чжуан-цзы в начале главы XV «Тщеславные помыслы»:

«Выделяться тщеславными помыслами и необычными поступками, уходить от мира и жить не так, как все, презрительно рассуждать о людях и насмехаться над ними, быть одержимым собственным величием – таковы нравы мужей гор и ущелий, отвергнувших свет и находящих удовольствие в том, чтобы всячески мучить и терзать себя».

Заметим, однако, что это – спор нового со старым внутри ОДНОЙ традиции, где обе стороны понимают друг друга с полуслова. Говоря словами Платона, «это Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребёнок свою мать» (Диоген Лаэртский V, 2).

Древнейшими даосскими памятниками считаются «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы». Второй из них, по единодушному мнению, принадлежит философу из Сун – Чжуан Чжоу (умер в 286 г. до н.э.), хотя письменную фиксацию осуществили, скорее всего, уже его ученики – не ранее середины III в. до н.э., а может быть, даже в начале ханьской эпохи. Что же касается «Дао дэ цзин», то о легендарном его авторе – Лао-цзы – до сих пор идут споры: жил ли он в V или IV в. до н.э. и жил ли вообще? Существовала даже версия (впрочем, серьёзного обоснования она не получила), что и «Дао дэ цзин» мог принадлежать кисти Чжуан-цзы. Во всяком случае, этот трактат по традиции считается первым по времени даосским памятником и произведением Лао-цзы (имя ли это реально существовавшего человека или условное обозначение неизвестного автора).

Обобщением даосского опыта в новую эпоху стал трактат «Ле-цзы», созданный где-то между I и III вв.н.э., едва ли не половина текста которого чуть не буквально повторяет текст «Чжуан-цзы». Наконец, важным источником по истории даосских идей ханьской эпохи служит труд, созданный кружком Хуайнаньского князя Лю Аня (конец II в. до н.э.), – «Хуайнань-цзы». Дополняет картину «Каталог гор и морей» (Шань хай цзин), рисующий не столько даосскую, сколько мифологическую картину мира, в котором порой заметны чуские черты.

Довольно сложно понять, что думает о смерти автор «Дао дэ цзина». Из 81 раздела этого трактата она упомянута лишь в шести, причём в четырёх из них говорится не о смерти как таковой, а лишь об отношении к ней и о ведущих к ней обстоятельствах:

42. «Чему люди учат, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своем обучении».

74. «Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью? Кто заставляет людей бояться смерти и считает это занятие увлекательным, того я захвачу и уничтожу. Кто осмеливается так действовать?

Всегда существует носитель смерти, который убивает. А если кто его заменит – это значит заменить великого мастера. Кто, заменяя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку».

75. «Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь».

76. «Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое».

Остаются лишь два – §33 и §50. В первом из них повторяется, в сущности, конфуцианская идея: «Кто умер, но не забыт, тот бессмертен» – ср.: «благородный муж огорчен тем, что после смерти его имя не будет упомянуто» (Луньюй, XV, 19). В последнем отрывке речь совсем о другом:

50. «[Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три – к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит от того, что у них слишком сильно стремление к жизни.

Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти».

Итак, уже здесь идёт речь о «человеке Пути», который настолько «овладевает жизнью», что для него «не существует смерти». Однако «Дао дэ цзин» ещё не разъясняет, как это возможно. Остаётся лишь гадать, верит ли его автор в бессмертие. Очень может быть, что и для него, как и для Конфуция, бессмертен лишь тот, кто «умер, но не забыт», реальное же (земное либо потустороннее) бессмертие невозможно. Во всяком случае, такое впечатление оставляет текст крупнейшего даосского мыслителя – Чжуан-цзы.

Здесь не место говорить подробно о философии даосизма и конкретно Чжуан-цзы, тем более что на эту тему уже есть великолепные исследования (Малявин 1985; ряд недавних работ Е.А. Торчинова). Скажем лишь о том, что относится к нашей теме. По Чжуан-цзы, подлинное и высшее бытие едино, как Единое Парменида и Плотина, и столь же неподвижно. Все противоречия, в том числе противоречие между жизнью и смертью, в нём сходятся и снимаются – в том смысле, какой придал этому слову Гегель. Высшее бытие («Великий Ком») пассивно, но движет всем – как Бог Аристотеля, служащий Перводвигателем лишь как объект устремлений всех естественных вещей. Поэтому одно лишь постижение Единого и Пути к нему делает человека естественным и позволяет выполнить жизненное предначертание, о котором говорится чуть ли не словами Камю:

«Соединись до конца с Беспредельным и обрети свой дом в бездонном покое. Исчерпай то, что даровано тебе Небом, и не желай приобретений: будь пуст – и не более того. У Высшего человека сердце что зеркало: оно не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, вмещает все в себя – и ничего не удерживает. Вот почему такой человек способен превзойти вещи и не понести от них урона» (гл. VII).

Только такой путь, по мысли Чжуан-цзы, позволяет достичь… нет, не бессмертия, а состояния ПО ТУ СТОРОНУ жизни и смерти, состояния, в котором между ними нет разницы. Это не значит, что философ легко разделался с вопросами экзистенции и вообще легкомысленно судит о более чем серьёзных вещах. Его проповедь – это *clamor ex profundis*, призыв из бездны отчаяния. Одно из мест II главы заставляет вспомнить Хорхе Манрике с его образом смерти как моря, поглощающего реки [14]:

«Однажды получив свое тело, мы обладаем им до самой смерти и не можем взять себе другое. Не зная покоя, мы плывем по бурным водам жизни, неудержимо стремясь, словно скачущий конь, к общему для всех концу. Как это печально! Мы изнемогаем всю жизнь в бесплодных усилиях, в трудах и заботах проводим дни и даже не ведаем, за что нам выпал такой удел. Как это горько! Для чего говорить о бессмертии, коли тело наше рано или поздно обратится в прах, а вместе с ним исчезнет и сознание? Вот поистине величайшая из людских печалей! Неужто жизнь человека и впрямь так неразумна? Или я один такой неразумный, а другие умнее меня?» (гл. II).

Выход, по Чжуан-цзы, – в том, чтобы преодолеть само различие между жизнью и смертью. Если мы вместе с мудрецом из Сун допускаем, что подлинное бытие едино (как это делали Ксенофан, Парменид, индийские даршаны-астика), отсюда логически вытекает, что видимое многообразие вещей иллюзорно, что всё это – майя, а реальность – сон. Не будем перечислять всех, кто так или иначе пришёл к этой идее, от П. Кальдерона («La vida es sueño») до Л. Кэрролла (сон Чёрного Короля из «Алисы в Зазеркалье») и А. Шопенгауэра, который, впрочем, заимствовал эту идею из буддизма вместе с самим понятием майи. Но именно у Чжуан-цзы эта мысль повторяется постоянно, на все лады и с огромной выразительной силой. Чего стоит уже одна его знаменитая притча о бабочке в конце II главы!

«Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!»

Избавиться от иллюзии можно, лишь подавив в себе суетность, приковывающую нас к ложным благам, иными словами – изгнав из себя всё «слишком человеческое» (Menschliches, Allzumenschliches). Надо сказать, что параллель между идеями Чжуан-цзы и Ницше, особенно в вопросах нравственности – основанной на естественном поведении КУЛЬТУРНОГО человека, а не на морали, навязанной извне, – проводится уже давно (см., напр., Россман 1988, там же дальнейшие ссылки). В этом же духе В.В. Малявин в нижеследующем отрывке переводит *цин* 情 («чувства») как «человеческие наклонности», и текст получает яркую ницшевскую окраску:

«Хуэй Ши спросил у Чжуан-цзы: “Верно ли, что люди изначально не имеют человеческих наклонностей?”

[14] «Nuestras vidas son los ríos Que van a dar a la mar, Que es el morir» – «Ведь наши жизни лишь реки, И путь им дан в океан, Который – смерть» (перевод О. Савича).

– Да, это так, – ответил Чжуан-цзы.

– Но если человек лишен человеческих наклонностей, как можно назвать его человеком? – вновь спросил Хуэй Ши.

– Дао дало ему облик, Небо дало ему тело, как же не назвать его человеком?

– Но если он человек, то как может он жить без свойственных ему наклонностей?

– Одобрение и порицание – вот что я называю человеческими наклонностями, – пояснил Чжуан-цзы. – Я называю человеком без человеческих наклонностей того, кто не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри, следует тому, что само по себе таково, и не пытается улучшить то, что дано жизнью.

– Но если он не улучшает того, что дано жизнью, как может он проявить себя в этом мире?

– Дао дало ему облик, Небо дало ему тело. Он не позволяет утверждением и отрицанием ущемлять себя внутри. Ты же вовне обращаешь свой ум на внешние вещи, а внутри насилуешь свою душу. Прислонись к дереву и пой! Облокотись о столик и спи! Тебе тело вверили небеса, а вся твоя песня – “твердость” да “белизна”!»

В сноске к этому отрывку В.В. Малявин поясняет:

«Знак “*цин”,* переводимый здесь словами “*человеческие наклонности”,* в позднейших текстах обычно означает просто “чувства”. Следует, однако, иметь в виду, что в китайской традиции чувства не противопоставлялись разуму и “жить чувствами” в китайском понимании означало также и “жить разумно”».

Следует признать, что трактовка В.В. Малявина явно справедлива – в свете всего только что сказанного. И так же, как Ницше, Чжуан-цзы не ждёт «метафизических утешений»: у одного сказывается атеизм, у другого – китайская посюсторонность. Никаких картин загробного мира! Никаких посулов бессмертия! Может ли человек избежать смерти? Чжуан-цзы не говорит твёрдого «нет»: подобно Пиррону, он «не знает даже того, что ничего не знает» («“Стало быть, никто ничего не знает?” – “Как я могу это знать?”»: гл. II) и потому «воздерживается от суждений»:

«Откуда мне знать, что привязанность к жизни не есть обман? Могу ли я быть уверенным в том, что человек, страшащийся смерти, не похож на того, кто покинул свой дом и боится вернуться[15]? Красавица Ли была дочерью пограничного стражника во владении Ай. Когда правитель Цзинь забрал ее к себе, она рыдала так, что рукава ее платья стали мокрыми от слез. Но когда она поселилась во дворце правителя, разделила с ним ложе и вкусила дорогие яства, она пожалела о том, что плакала. Так откуда мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что прежде молил о продлении жизни? Кто во сне пьет вино, проснувшись, льет слезы. Кто во сне льет слезы, проснувшись, отправляется на охоту. Когда нам что-нибудь снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и, лишь проснувшись, знаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что есть великий сон. А глупцы думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто в мире царь, а кто пастух. До чего же они тупы!» (Чжуан-цзы, гл. II)

«– Смерть – это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?» (Ле-цзы, гл. I)

«Сказать, что Небо и Земля погибнут, – это неправда. И сказать, что Небо и Земля не погибнут, – тоже неправда. Погибнут они или нет – этого мы знать не можем. Все зависит от того, как на это посмотреть. Ведь живые не знают, что такое смерть. Мертвые не знают, что такое жизнь. Те, кто есть сейчас, не знают тех, кто был прежде. А те, кто был прежде, не знают тех, кто есть сейчас. К чему нам беспокоиться о том, погибнут Небо и Земля или нет» (Ле-цзы, гл. I).

Вернее, не совсем так. Один раз Чжуан-цзы всё же разговаривает с умершим – но едва ли не для того, чтобы поддразнить читателя. Это знаменитый эпизод из главы XVIII «Высшее счастье»:

«Когда Чжуан-цзы пришел в земли Чу, он наткнулся на голый череп, уже побелевший от времени, но еще крепкий.

Хлестнув череп плеткой, Чжуан-цзы стал расспрашивать его: “Довела ли вас, учитель, до этого безрассудная привязанность к жизни? Или вы служили побежденному царству и сложили голову на плахе? Довели ли вас до этого беспутная жизнь и поступки, опозорившие ваших родителей, жену и детей? Довел ли вас до этого голод и холод? Или, может быть, вас довела до этого тихая смерть, пришедшая после долгих лет жизни?”

Так Чжуан-цзы поговорил с черепом, а потом положил его себе под голову и лег спать. В полночь череп явился ему во сне и сказал: “Ты говорил, как любитель попусту рассуждать. В речах твоих отобразились заботы живых людей. Умершим они неведомы. Желаешь ли ты выслушать глас мертвого?”

– Да, – сказал Чжуан-цзы.

– Ну так слушай. Для мертвого нет ни государя наверху, ни подданных внизу, ни времен года. Безмятежно следует он круговороту Неба и Земли, и даже утехи державного владыки не сравнятся с его счастьем.

[15] Распространённая в китайской философской литературе попытка толкования смысла слов по их омонимии: *гуй* 鬼 – душа умершего, *гуй* 歸 – вернуться.

Чжуан-цзы не поверил этим словам и спросил: “А хочешь, я велю Владыке судеб вернуть тебя к жизни, снова дать тебе тело, воскресить твоих родителей, жену и детей, друзей и соседей?”

Череп словно бы нахмурился грозно и сказал: “Да разве сменю я свое царственное счастье на человеческие тяготы!”»

Как видим, картина «счастья» тут предельно туманная, не столько даже райские наслаждения, сколько нирвана – отсутствие любых желаний и ощущений (в том числе и наслаждения): «безмятежно следует он круговороту Неба и Земли». Зато претензии на личное бессмертие для Чжуан-цзы – не только вздорные мечты («Для чего говорить о бессмертии, коли тело наше рано или поздно обратится в прах, а вместе с ним исчезнет и сознание?»), но и попытки выйти из рамок, положенных человеку, отказ «следовать круговороту Неба и Земли», короче – суетная активность, достойная всяческого порицания.

С точки зрения Дао, человек – лишь элемент вечного круговорота. Позади и впереди – бесконечная цепь превращений. Материальных? Духовных? Для Чжуан-цзы это не принципиально: китайская культура вообще не знала противопоставления между материальным и духовным. Такие дихотомии характерны в основном для западной культуры с её чёткими противопоставлениями света и тьмы, добра и зла (Померанц 1993), а крайние их формы – для иранского маздаизма и восходящих к нему учений, например, альбигойства. Слегка отвлёкшись, вспомним булгаковского Коровьева – «тёмно-фиолетового рыцаря», наказанного за то, что когда-то «его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош». И.Л. Галинская, анализируя истоки творчества Булгакова, сумела найти эту неудачную шутку в провансальской «Песни об альбигойском крестовом походе» – в двустишии на смерть Симона де Монфора:

«A tots cels de la vila, car en Symon moric,
Venc aitals aventura que l’escurs esclarzic»

(«На всех в городе, поскольку Симон умер, / Снизошло такое счастье, что из тьмы сотворился свет» – Галинская 1986: 102).

Это и был грех, за который рыцарю пришлось «прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал»: по понятиям альбигойцев, грань между светом и тьмой непреодолима, они не могут переходить друг в друга, «вот почему по содержанию каламбур «l’escurs esclarzic» в равной степени не мог устраивать ни силы света, ни силы тьмы» (Галинская 1986: 103). Совсем не то в Китае, где в центре внимания – единство Поднебесной, а не раздирающие бытие противоречия. Там, где западный пророк восхвалял бы истинное бытие: «О пресветлое, о блистающее!», – Лао-цзы воспевает Дао: «О неясное, о туманное!» (Померанц 1993: 27). Потому-то путь становления китайского учения о душе – «не от натуралистического анимизма к идеалистической психологии, а исключительно развитие, конкретизация и отчасти рационализация исходной натуралистической модели, что практически исключало формирование в Китае учения о бестелесном бессмертии за гробом» (Торчинов 1994: 10). Китайская диалектика была нацелена не на использование противоречий, а на их избежание (Фань Вэнь-лань 1958: 254), на их сведение к лишённому противоречивости единству. Поэтому и бессмертие не могло мыслиться как чисто духовное: для него требовалось также и бессмертное тело, без которого души были обречены на распад и растворение в небесной или земной пневме (Торчинов 1994: 9-10). Поэтому китайцы, как и египтяне, принимали все меры, чтобы уберечь тело от разложения. Методы консервации, которые они применяли, неизвестны, но, например, тела покойников из погребения Мавандуй (близ Чанша) были обнаружены в таком сохранном состоянии, что их мышцы ещё не утратили упругости (Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 260).

А вот как выглядит «превращение» (переход через смерть из одной жизненной формы в другую) у Чжуан-цзы:

«В семенах есть зародыши. Попадая в воду, они становятся ряской, на границе воды и суши они превращаются в “лягушачью кожу”, в полях же они становятся подорожником. Когда подорожник попадает на плодородную почву, он превращается в “воронью лапку”. Корни вороньей лапки превращаются в земляных червей, а ее листья – в бабочек. Бабочки тоже претерпевают превращения и становятся насекомыми, которые плодятся у очага и выглядят так, словно они сбросили свою кожу. Зовут их цюйдао. Через тысячу дней цюйдао превращается в птицу ганьюйгу. Слюна птицы ганьюйгу становится (насекомым) сыми, а сыми превращается в существо илу, живущее в винном уксусе.

Насекомое илу рождается от насекомого хуанхуан, а хуанхуан рождается из насекомых цзюю. Насекомые фу-цюань рождаются из насекомых маожуй. Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, уже не дающим побегов, рождает насекомое циннии. Циннин порождает леопарда, леопард порождает коня, конь порождает человека, а человек снова возвращается в зародыши. “Вся тьма вещей происходит из мельчайших зародышей и в них возвращается”» (Чжуан-цзы, гл. XVIII «Высшее счастье»).

«Гамлет: Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля, и поесть рыбы, которая питалась этим червём.

Король: Что ты хочешь этим сказать?

Гамлет: Я хочу вам только показать, как король может совершить путешествие по кишкам нищего» (Шекспир, Гамлет, IV, 3. Перевод М. Лозинского).

Любопытно, что подобное же соображение, но независимо от Чжуан-цзы, повторяют и некоторые материалисты – например, американский философ Корлисс Ламонт в книге «Иллюзия бессмертия»:

«По крайней мере для меня одно из лучших противоядий против мысли о личном угасании заключается в полном понимании естественности смерти и её необходимого места в великом жизненном процессе эволюции, который создал условия для роста индивидуальности и в конечном счёте породил уникальное и блестящее явление – самого человека.

Другое соображение, которое может противостоять перспективе забвения, состоит в том, что каждый человек буквально носит всю вечность в своём собственном бытии. Я имею в данном случае в виду, что первичные элементы тела, как требует закон неуничтожимости материи, всегда существовали в той или иной форме и всегда будут существовать. Неразрушимая материя, из которой состоят наши физические организмы, была частью вселенной пять миллиардов лет назад и будет оставаться ею через пять миллиардов лет. Бесконечное прошлое как бы фокусируется в наших телах, и из них также излучается бесконечное будущее» (Ламонт 1984: 278).

Таким образом, и для Чжуан-цзы, и для К. Ламонта смерть – это не просто «превращение», переход из одного равноценного состояния в другое, но и необходимая часть миропорядка. К. Ламонт объясняет это так: мы питаемся органической пищей и используем органические материалы – для одежды, для меблировки, в качестве горючего. Но ведь органика – это результат гибели живых организмов, недавней (если речь идёт о мясе или древесине) или давней (нефть). Без их гибели не было бы и нашей жизни, да и вообще жить тогда могли бы лишь простейшие автотрофы (Ламонт 1984: 276-277). По словам Р. Шекли, «вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств» (рассказ «Страж-птица»). Рассуждение «Ле-цзы» на эту тему, быть может, не столь глобально, зато весьма убедительно. Когда циский Цзин-гун вместе с приближёнными начал сетовать: «Почему я должен буду когда-нибудь навсегда покинуть этот град? Если бы с древних времен не было бы смерти, я бы ни за что не ушел отсюда!», Янь-цзы с улыбкой возразил:

«– Если бы добродетелью можно было продлевать жизнь, то ваши предки Тай-гун и Хуань-гун жили бы вечно. Если бы отвагой можно было продлевать жизнь, тогда Чжуан-гун и Лин-гун жили бы вечно. А если бы эти государи были живы и сегодня, то вы, мой повелитель, сейчас стояли бы посреди поля в соломенной накидке и бамбуковой шляпе и думали бы только о ваших тяготах. Разве нашлось бы у вас тогда время думать о смерти? Ибо как же вы, повелитель, смогли взойти на царский трон? Потому только, что предки ваши занимали его один за другим, пока не пришла ваша очередь. И плакать по этой причине недостойно вас. Я вижу перед собой лишь недостойного государя и льстивых слуг. Вот почему я улыбался» (Ле-цзы, гл. VI «Сила и судьба»).

Итак, смерть – не просто закон жизни, но и необходимый закон. По сравнению с этим теряет значение и погребальная обрядность, и даже скорбь. Книги Чжуан-цзы и Ле-цзы переполнены рассказами о людях, сохранявших спокойствие и даже веселившихся на похоронах; в позднейшей даосской традиции (особенно в эпоху Шести Династий, III-VI вв.н.э.) такое поведение стало даже признаком принадлежности к культурной элите. Ритуал же становится предметом изысканной иронии Чжуан-цзы:

«У стража ворот Янь умер отец, и он так извелся в трауре, что получил титул “наставника служащих”. Тогда его сородичи тоже бросились мучить себя в трауре, и половина из них даже умерла» (Чжуан-цзы, гл. XXVI «Внешние вещи»).

«Ах, Чацкий, любите вы всех в шуты рядить – угодно ль на себя примерить?». Серьёзно ли говорил Чжуан-цзы или играл словами, можно узнать, лишь зная, как держался перед смертью он сам. А об этом как раз и говорится в конце предпоследней главы его книги:

«Чжуан-цзы лежал на смертном одре, и ученики уже собирались устроить ему пышные похороны. Чжуан-цзы сказал: “Небо и Земля будут мне внутренним и внешним гробом, солнце и луна – парой нефритовых дисков, звезды – жемчужинами, а вся тьма вещей – посмертными подношениями. Разве чего-то не хватает для моих похорон? Что можно к этому добавить?”

– Но мы боимся, – отвечали ученики, – что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

Чжуан-цзы сказал: “На земле я достанусь воронам и коршунам, под землей пойду на корм муравьям. У одних отнимут, а другим дадут. За что же муравьям такое предпочтение?”» (гл. XXXII «Ле Юйкоу»).

Как не вспомнить ещё одного великого иронника и мужественного человека – Диогена Синопского:

«Некоторые рассказывают, что, умирая, он приказал оставить своё тело без погребения, чтобы оно стало добычей зверей, или же сбросить в канаву и лишь слегка присыпать песком; а по другим рассказам – бросить его в Илисс, чтобы он принёс пользу своим братьям [т.е. собакам]» (Диоген Лаэртский VI, 79).

Впрочем, ученики нарушили последнюю волю Чжуан-цзы. Ещё 700 лет спустя Тао Юаньмин в стихотворении «В годы юности ранней…» упоминал, что ему довелось видеть курган, в котором был погребён философ:

«Лишь увидеть пришлось мне
самых древних времён курганы.
У проезжей дороги
два высоких холма могильных,
Где Бо-я похоронен,
где покоится Чжуан Чжоу!» (Тао Юаньмин 1972: 173-174).

Слишком труден оказался «путь иссушающей ясности», на который звал мудрец из Сун. Слишком многие не смогли обойтись без «метафизических утешений» и предпочли «нас возвышающий обман». С этого началось перерождение даосизма.

«Allein ich will!»

Мефистофель
Весь этот свет, всё мирозданье –
Для Бога лишь сотворены;
Себе он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены,
А вы – то день, то ночь испытывать должны.
Фауст
Но я хочу!

Гёте, Фауст, I, 4. Пер. И. Холодковского.

С учением Чжуан-цзы произошло то же, что и с учением Ницше и экзистенциалистов. Оно было рассчитано на сильную личность. А таких всегда мало, особенно среди прилежных учеников. И хотя идеи даосизма выжили, а когда его собственный творческий потенциал угас, нашли себе новое воплощение в чаньбуддизме, понадобился эрзац для широкой публики.

А «публика» искала прежде всего средств бессмертия. Идея эта носилась в воздухе. В царствах Ци и Янь культ бессмертных процветал издревле, хотя это были не столько люди, сколько полубоги или духи. Вот описание одного из таких *сяней* у Ле-цзы – в даосской редакции, разумеется:

«Гора Гуешань стоит на островах, там, где Желтая Река впадает в Океан. На этой горе живет Божественный человек. Он вдыхает ветер, пьет росу и не ест злаков. Его сердце – как бездонный источник, его внешность – как у юной девушки. Он не ведает ни милости, ни любви, но небожители и мудрецы рады быть его советниками. Он не внушает страха, никогда не сердится, но люди способные и добросовестные рады быть его посланниками. В них нет щедрости и доброты – а другие всего имеют в достатке. Он ничего не собирает и не делает запасов, но ни в чем не нуждается. Там силы Инь и Ян всегда пребывают в согласии, солнце и луна всегда светят в положенное время, четыре времени года исправно сменяют друг друга, равномерно дуют ветры и идут дожди, своевременно взрастает все живое, урожай всегда обилен, а в округе не бывает мора, не умирают преждевременно люди, не болеют животные, а души умерших не доставляют беспокойства живым» (Ле-цзы, гл.II «Жёлтый Владыка»).

Впрочем, похоже, что к бессмертным не всегда относились с пиететом. У Ле-цзы рассказывается о горах в Восточном море, на которых они жили (глава V «Вопросы Тана»):

«Однако же горы те не имеют основания, поэтому они поднимаются и опускаются вместе с волнами океана и ни единого мига не стоят спокойно. Бессмертные были этим весьма недовольны и пожаловались Верховному владыке. Владыка испугался, что они уйдут на Запад и он лишится обители мудрейших душ, поэтому он велел Юйцяну послать пятнадцать огромных черепах поддерживать горы на своих головах, заступая на эту службу в три смены, а каждая смена длится шестьдесят тысяч лет. С тех пор горы стояли неподвижно».

Но затем некий великан из страны Лунбо («Драконьего Князя») изловил и изжарил шестерых из 15 черепах. «Тут две горы, Дайюй и Юаньцзяо, уплыли на север и затонули в великом океане, а с ними отнесло и несчетное множество небожителей» (перевод В.В. Малявина). Юань Кэ, пересказывая этот эпизод, добавляет иронических бытовых красок: «Мы уже никогда не сможем узнать, сколько бессмертных металось по небу со своим скарбом в поисках нового пристанища» (Юань Кэ 1987: 55). Но и без них история уморительная и едва ли не коммунальная: бессмертные жалуются Верховному владыке (*ди*) на проблемы с жильём, а тот боится, «что они уйдут на Запад и он лишится обители мудрейших душ». Неужто и тогда существовала проблема *brain drain*? Как бы там ни было, особого почтения к бессмертным в этом рассказе не видно. Настолько не видно, что любой человек может попытать счастья – войти в их число.

Чуская религия, похоже, обещала такую возможность, – но это было, так сказать, «посмертное бессмертие» в духе стоиков: души мудрецов живут в мировом эфире до конца света («обогневения»), души всех остальных – гибнут. Известны экспедиции, которые снаряжал в поисках эликсира бессмертия Цинь Ши-хуан. Ханьский У-ди всю жизнь разыскивал снадобья и секреты бессмертия, в которых, однако, под конец жизни разочаровался:

«Разве есть в Поднебесной бессмертные? Перепробовал я разные способы и искусства тайные, а всё один вздор. В пище и питье был умерен, принимал пилюли даосов, а преуспел лишь в том, что мало болел» (Бань Гу 1980: 81).

Не уступал У-ди и его дальний родственник – Хуайнаньский князь Лю Ань, деливший время между заговорами с целью захвата трона, мистической философией и попытками достичь вечной жизни (в конце концов он был обвинён У-ди в мятежных замыслах и принуждён к самоубийству). И маги, обещавшие такую возможность титулованным заказчикам, всегда находились.

Теоретиками возможности бессмертия стали, конечно, даосы: в условиях древнего Китая только их философия всерьёз поднимала метафизические вопросы. Чжуан-цзы всего лишь не отрицал принципиальной возможности вечной жизни. И заметим, в число даосских святых он не попал, хотя в их пантеоне нашлось место не только для Лао-цзы (отныне – *Тайшан Лаоцзюнь*, Великий Вышний Старец-Князь), но и для юродивых и даже колдунов-шарлатанов. Авторы «Ле-цзы» уже доказывают, что возможность бессмертия нельзя теоретически опровергнуть. Однако подлинными теоретиками «жизни вечной» стали Цзи Кан (223-263) и Гэ Хун (283–343).

Особенно крупной фигурой был Гэ Хун – автор трактата-автобиографии «Мудрец, Хранящий Простоту», алхимик и маг, отличный писатель и фармацевт, имя которого вошло в историю китайской медицины. Чуть ли не в самом начале своего трактата (часть I, гл. 2 «Рассуждение о бессмертных») он доказывает оппонентам возможность реального физического бессмертия:

«Несведущий станет отрицать даже Чжоугуна и Конфуция, а уж искусство бессмертных тем более. Противоположность жизни и смерти, начала и конца свойственна всей природе. Но если углубиться в этот вопрос, мы увидим, что иногда этой противоположности нет. Разнообразие вещей бесконечно, и некоторые вещи едины по природе, хотя внешне кажутся различными. Общего закона тут не выведешь.

Те вещи, у которых было начало, должны иметь и конец, но и тут нет общего правила. Говорят, что летом всё цветёт, а чеснок и пшеница, наоборот, увядают. Говорят, что зимой всё замерзает, а бамбук и сосна расцветают в это время года. Говорят, что всё имеющее начало должно когда-нибудь кончиться, но Небо и Земля не имеют конца. Утверждают, что за жизнью следует смерть, но черепаха и журавль живут вечно. Летом погода должна быть жаркой, но часто случаются и холодные дни. Зиме следует быть холодной, но бывают и тёплые зимние дни. Сто рек бегут на восток, но одна река течёт на север. Земля по природе своей спокойна, но бывает, что она дрожит и трескается. Вода по природе холодна, но в Тёплой долине бьют горячие источники. Огонь по природе горяч, но под Холмом Сяо светит холодное пламя. Тяжёлое должно тонуть, но в южных морях встречаются плавающие камни. Лёгкое должно плыть, но есть ручей Цзанкэ, в котором тонет даже птичье перо. Если слишком далеко идти с обобщениями, это всегда кончается плохо, что и доказывают эти примеры. Поэтому не следует удивляться, что бессмертные отличаются от прочих смертных» (цит. по Бежин 1982: 107-108).

Суть аргументов Гэ Хуна сводится, как видим, к насмешке над близорукостью чисто эмпирического знания и к рассуждению о том, что все закономерности в природе – чисто статистические и потому допускают исключения. Нетрудно заметить, однако, что всё это – простая софистика. Разве так-таки всё цветёт именно летом, особенно в субтропическом поясе Южного Китая, где жил Гэ Хун? Разве сосна (голосеменное растение) вообще цветёт? Можно ли сопоставить количественное и относительное различие (тепло – холод) с качественным и абсолютным (жизнь – смерть)? Можно утверждать, что Вселенная имеет начало и конец, или напротив, что у неё нет ни того, ни другого, но кто и когда считал (как пишет Гэ Хун), что Небо и Земля имеют ТОЛЬКО начало БЕЗ конца? Откуда известно, что якобы «черепаха и журавль живут вечно»? И почему этот ВАЖНЕЙШИЙ для Гэ Хуна пример (о том, что реально есть вечноживущие существа) утоплен чуть ли не в середине этого «парада примеров»? Далее, ручей Цзанкэ – не реальный, а мифический, он упоминается ещё в «Шаньхайцзине», правда, под другим названием – Жошуй 弱水 («Слабые Воды»). Кто видел «плавающие камни» в южных морях, а если видел – то проверил ли, камни ли это? И так далее. И ведь все эти вопросы можно было задать уже на том уровне научных знаний!

Однако в делах веры логика, как известно, ни при чём: верить можно лишь в то, чего нельзя проверить, что вне логики. Гэ Хуну очень ХОЧЕТСЯ, чтобы бессмертие было возможно, – он и старается убедить в этом и себя, и своих слушателей, столь же жаждущих вечной жизни – и потому поддающихся на его аргументы. Стало быть, вопрос не в том, искажало ли желание Гэ Хуна и его слушателей логику его рассуждений, а в том, откуда именно в эту эпоху возникло столь страстное желание.

Неверно было бы полагать, что позиция Лао-цзы и Чжуан-цзы просто была более мужественной и строгой, а в их последователях говорило примитивное самолюбие, заставляющее искать лазейки в законах природы. Если «знаменитости» эпохи Шести Династий (III–VI вв.) искали индивидуальных исключений из общей судьбы, то причина для этого была весьма серьёзна. Их не удовлетворяла самая суть даосского мистицизма.

Как и все мистические учения (например, суфизм), даосизм предлагает БЕЗЛИЧНУЮ победу над смертью. Идеал мистиков един: душа должна прийти к «разуму лунной сферы» (у Аверроэса), или к Богу (у суфиев или в «Бхагавад-гите»), или к Великому Дао – и слиться с ним без остатка. Всё, что делает человека неповторимой личностью, мешает такому слиянию и потому осуждается. Для мистиков личность – это «ложное Я» (Бхактиведанта 1986: passim), любое нешаблонное поведение так же греховно, как для архаического сознания – поведение не по архетипической модели (Элиаде 1998: 132; см. также Мосионжник 1999: 505, 510). У Чжуан-цзы в первой же главе говорится:

«Мудрый человек не имеет ничего своего. Божественный человек не имеет заслуг. Духовный человек не имеет имени».

Это «ничего своего» дословно повторено Л.Н. Толстым в характеристике Кутузова, вложенной в уста князя Андрея (Война и мир, т.3, ч.2, гл.XVI), – а Кутузов здесь выглядит именно как даосский мудрец, «управляющий посредством недеяния» (Толстой был знаком с даосскими идеями). Классический образец отношения мистиков к личности – притча о «моём» и «твоём» Джалал ад-Дина Руми:

Ко другу в двери друг стучал чуть свет.
«Кто ты, стучащий в двери, дай ответ!»
«Да это я», – сказал за дверью друг.
«Ступай, мне быть с тобою недосуг!»
Приветить друга друг не захотел:
«Я не толкую с теми, кто незрел.
Пойдёшь в далёкий путь, займёшься делом,
Даст Бог, и ты, незрелый, станешь зрелым!
Ступай скорее в дальние края,
Чтоб сжечь своё в огне разлуки “Я”!»
И друг ушёл во скорби и тревоге,
И жёг его огонь тоски в дороге.
Но, воротясь лет эдак через пять,
Он в двери друга постучал опять.
Снедаемый любовью и виною,
Он робко потянул кольцо дверное.
Спросил хозяин: «Кто стучится в дверь?»
«Твой друг, что сам тобою стал теперь!»
Хозяин встретил гостя добрым словом.
«Двум “Я” нет места под единым кровом!
Теперь едино наше бытиё,
“Твоё” отныне то же, что “моё”.
Отныне мы не будем, видит Бог,
Разниться, как колючка и цветок!

(Руми 1986: 28, перевод Н. Гребнева)

Вот как комментирует эту притчу О.Ф. Акимушкин:

«Здесь формулируется одно из главных положений мистицизма: подлинно влюблённый не достигнет предмета своего желания, не познает Истину, слившись с ней, пока не уничтожит в себе собственное “я”. Это положение рассматривалось в двух аспектах: а) глобальном, т.е. единение с Истиной, [...] и б) личном, когда ученик (*мурид*) растворяется духовно в наставнике [...]. На этой основе получило развитие главнейшее положение мистицизма – растворение, исчезновение человека в Боге и обмен позициями (не субстанциональными): человек приобретает духовные атрибуты божества, а божество забирает у него человеческие, но они – божество и человек – нераздельны (на духовном уровне), являя собой один дух в двух телах: “я стал ты, а ты стал я” [...]» (Руми 1986: 238).

Высокая самооценка личности – тем более личности творческой, понимающей, что она способна свершить нечто неповторимое, и потому сознающей свою индивидуальную ценность, – несовместима с такими настроениями. Там, где индивидуализм предъявляет свои права и свою правду, мистике приходится умолкнуть. А именно такова была обстановка времён Шести Династий. Падение древней династии Хань, правление военных узурпаторов в эпоху Троецарствия и Западной Цзинь, захват всего Севера варварами, – всё это подрывало не только авторитет конфуцианства («благородный муж», служивший таким правителям, не мог сохранить благородство), но и традиционного коллективизма. Для «знаменитостей», культурной элиты того времени, Поднебесная больше не была высшей ценностью. Они не рассуждали, занять ли им на жизненном пиру «место хозяина» или «место гостя»: каждый из них имел своё, и ТОЛЬКО СВОЁ место. Среди них царил культ индивидуальности, неповторимой творческой личности, живущей по законам, которые она предписала себе сама. Теперь в текстах Чжуан-цзы и Ле-цзы замечали не столько Великий Путь, сколько призывы найти свой собственный Путь и быть на нём последовательным. Теперь под «естественностью» (*цзыжань* 自然), которую классики даосизма превратили в жизненный принцип, понимали следование уже не вселенскому закону, а собственной натуре – здоровой натуре КУЛЬТУРНОГО человека (принципиальное уточнение, без которого нельзя правильно понять не только даосов, но и Ницше!). Такой стиль жизни получил название *фэнлю* 風流 – «ветер и поток».

И разумеется, для личности, сознающей свою собственную особую ценность и уникальность, не подходили прежние решения проблемы смерти. Ведь все они исходили из того, что смерть одного человека – не такая уж потеря, пока сохраняется коллектив, Поднебесная или Вселенная. Перед «знаменитостями» встала проблема, которой не задавались ни Конфуций с его бездной шаблонов для поведения «благородного мужа», ни Лао-цзы с его Великой Пустотой безличного Дао: ***как сохранить то ценное, что приходит в мир вместе с уникальной личностью***? Ответить помогала только идея бессмертия – в том или ином виде.

Какие же средства предлагались для того, чтобы «отбросить прочь земную шелуху» и «ле-

теть туда, где я вовеки не был» (Цао Чжи)? Во-первых, физическая подготовка, известная ещё чусцам, и даосская духовная практика. Но то и другое требовало слишком больших усилий и времени. Да и вообще, как отмечает Л.Е. Бежин (1980), в Китае не было культа здорового тела, подобного античным канонам красоты. Напротив, «знаменитости» восхищались тонкими, субтильными фигурами, да и сами любили болеть: это давало «острую справку», повод избавиться от службы и посвятить время культурному досугу.

Далее, «воспарить» помогало вино, породившее в эпоху Шести Династий целый пласт литературы. Гомерическими запоями прославились Жуань Цзи, Лю Лин и многие их последователи, а в танское время великий поэт Ли Бо даже получил прозвище «бессмертного пьяницы». Более изысканными средствами, к тому же с налётом неотмирности, служили Волшебный гриб *линчжи* 靈芝 (имеются в виду два вполне реальных растения: гирофора съедобная *Gyrophora esculenta* Miyos. и трутовик японский *Fomes japonicus* Fr. – БКРС 1983: II, 92) [16], а также «Порошок пяти камней». Увы, как удалось установить, это были галлюциногены (Бежин 1982: 99-104), действовавшие примерно так же, как ЛСД, воспетый Кастанедой [17]. Пьяный угар и наркотические галлюцинации как бы симулировали состояние, в котором должен пребывать дух во время путешествия-*ю*. Возможно, в какой-то мере это был приём симпатической магии – вызывания подобного подобным.

Более серьёзен был поиск эликсиров бессмертия или хотя бы долголетия (и то, и другое по-китайски охватывается одним понятием – *шоу* 壽). Ещё Цзи Кан посвятил подобным средствам целый трактат, его поиски продолжил и углубил Гэ Хун. Как и средневековые европейские алхимики, одержимые идеей панацеи, даосы, гоняясь за миражом бессмертия, попутно открыли множество действительно ценных лекарственных средств и заложили основы китайской валеологии (учения о здоровом образе жизни). Особое внимание они уделяли регулярному и правильному сексу – впрочем, никак не связанному с тем, что мы понимаем под любовью (см. Бежин 1982: 96-97).

Однако знатных заказчиков интересовали именно эликсиры, а ещё лучше – пилюли, дающие бессмертие в один приём и не требующие таких усилий, как строгий распорядок жизни (для многих, особенно чиновников, придворных и военных, – недоступный) и тем более духовная работа по изменению собственной личности, а стало быть – по борьбе как раз с индивидуальностью, которую «знаменитости» ценили превыше всего на свете. Разумеется, постоянно высокий спрос на такого рода средства открывал простор для шарлатанства. Китайские рецепты вообще очень сложны (одно лекарство может включать до 100 и более компонентов), но снадобья бессмертия были архисложными, а их ингредиенты – порой небезвредными. О том, во что это выливалось, говорит такой факт: из 22 императоров династии Тан семеро (каждый третий!) умерли от эликсиров бессмертия (Вогралик, Вязьменский 1961: 33).

В таких условиях магам требовалось найти такое объяснение, которое могло бы оправдать их даже при летальном исходе. И переход в бессмертие оказался «внешне» очень похожим на смерть. В это легко было поверить как раз людям, ещё помнившим чускую традицию с её «странствием по дороге солнца». Вот типичное описание такого, по словам Чжуан-цзы, «превращения»: такой-то принял снадобье и умер. Когда его хоронили, заметили, что гроб слишком лёгок. Гроб вскрыли и обнаружили в нём только одежду: покойник воскрес и воспарил, тело исчезло. Именно так, например, описывается смерть уже известного нам Гэ Хуна (Вогралик, Вязьменский 1961: 32). В отличие от православия, в котором для канонизации требуется нетленность мощей, в даосизме для этого требовалось совсем обратное – исчезновение тела: «…его труп начнёт исчезать, как полагается бессмертному» (Алексеев 1988: 522). Действовала старая парадигма, общая как для чжоусцев, так и для чусцев: бессмертие достигается только через смерть, оба состояния неразрывно связаны и для высших душ тождественны. Именно этим – а не благоговейным эвфемизмом, как полагал на заре российского китаеведения академик В.М. Алексеев, – объясняется отмеченный им факт: «на гробах пишут *шоу* – долгая жизнь» (Алексеев 1988: 535). Тем не менее нетрудно было заметить, что тело умершего таким образом исчезает, мягко говоря, далеко не всегда. Видимо, именно необходимость как-то обуздать разгул шарлатанства на почве «эликсиров бессмертия» и

[16] В аннотации к вьетнамскому препарату «Женьшень плюс» (на упаковке указаны синонимы: Ginseng plus, Linh chi sâm, Renshen lingzhi), производимому Центральным Государственным фармацевтическим предприятием №26-ОРС в г. Хошимине и поступающему в некоторые аптеки Кишинёва, в качестве линчжи указан третий вариант – *Ganoderma lucidum*. Капсула содержит 1 *г* сушёного экстракта этого гриба и 0,25 *г* порошка женьшеня; суточная доза – от 2 до 6 капсул.

[17] Впрочем, с линчжи всё не так просто. Галлюцинации – очень характерный симптом при отравлении ядовитыми грибами, например, мухоморами. Однако в терапевтической дозе линчжи вызывает лишь общеукрепляющий и тонизирующий эффект без галлюцинаций, подобно женьшеню или элеутерококку (проверено мною на личном опыте). Впрочем, в древности и в средние века даже врачи имели смутное понятие о терапевтических дозах. Достаточно вспомнить, что ещё во времена Парацельса (XVI в.) препараты ртути полагалось давать больному до тех пор, пока того не начнёт рвать серым, – с весьма предсказуемым результатом. Тем более вряд ли заботились о правильной дозировке пациенты, к тому же столь экзальтированные, как «знаменитости».

побудила власти издать в 502 г. первую в мире государственную фармакопею «Шэньнун бэнь цао цзин» в 7 томах (Вогралик, Вязьменский 1961: 34). Заметим, что после эпохи Тан ажиотаж вокруг «эликсиров» идёт на убыль, литература упоминает о них гораздо реже, хотя эта идея и не исчезает полностью.

Тем не менее культурную элиту не могли удовлетворить столь «простые решения» сложных вопросов. Тем более решения, доступные любому бездарю, у которого нашлись деньги на эликсир. В конце концов, бессмертные – это ещё и могущественные духи, даосские святые, упорядочивающие мир вокруг себя (пусть и путём недеяния, но всё-таки). Как же можно было поверить, будто в их число способен попасть любой, кому перепала толика эликсира? Поэтому «знаменитости» не раз испытывали свой идеал на прочность. Гэ Хун рассказывает, что Хуайнаньский князь раздобыл-таки эликсир, вознёсся с его помощью на небо (даже вместе с курами и собаками, случайно доевшими небрежно брошенные Лю Анем остатки снадобья – Юань Кэ 1987: 116), но был изгнан оттуда за заносчивое поведение (Пурпурная яшма 1980: 98). Иными словами, даже эликсир не помог неподготовленной, грешной душе достичь небесного ранга. Лю Ицин в «Ходячих толках в новом пересказе» приводит саркастическую шутку Жуань Сюаньцзы:

«– Те, кто “встречался” с привидениями, – говорил Жуань, – уверяют, будто они одеты, как при жизни. Выходит, не только у мертвеца есть душа, но и у платья – тоже?!» (Пурпурная яшма 1980: 283).

Действительно развитая личность находила «метафизическое утешение» в другом. Как мы уже говорили, в описании мистического путешествия (*ю*) нигде прямо не сказано, что совершает его именно душа покойника, а само оно весьма напоминает творческий экстаз. Отсюда уже недалеко до мысли, что поэтическое и художественное творчество само по себе способно привести человека в состояние *шоу*. Эта мысль не чужда и Платону, и Шопенгауэру с их взглядами на искусство. Закрепить же достигнутое, сделать этот мимолётный момент вечным достоянием позволяла конфуцианская идея бессмертия имени, памяти в потомстве. Не зря духовная элита Шести Династий получила название *миншн* 名士 – дословно «мужей с именем» («знаменитости» – перевод Л.Е. Бежина).

Лишь с этого момента берёт в Китае начало трепетное отношение к авторству. Создаются целые антологии поэтических произведений, афоризмов и даже анекдотов о людях, чьим «произведением искусства» служила сама их жизнь, их «ветер и поток». Оригинальность доходила до оригинальничанья, ибо небывалый поступок мог обеспечить бессмертие имени того, кто его совершил. Таков известный рассказ о монахе Дае, который встал на голову и умер, как только услышал, что до сих пор никто не умирал в такой позе. Кантовский императив (поступай так, чтобы все могли следовать твоему примеру) при Шести Династиях утратил всякое значение: ценились только небывалые и неподражаемые слова и поступки, единственные в своём роде на все времена. Надо сказать, что те, кто так жил, добились своего: многих из них, таких, как Ван Цзыю или его друг, уже упомянутый монах Дай, помнят до сих пор – именно благодаря восхитительной эксцентричности их поведения.

Но именно поэтому путь «знаменитостей» не мог быть доступен всем. Призыв: «Эй, вы, задние, делай, как я! Это значит – не надо за мной!» – рассчитан лишь на сильную и яркую личность, а таких по определению не может быть много: звёзды ярко светят лишь на тёмном фоне. Духовный кризис, вызванный крахом старых общинных ценностей, вторжением кочевников, вынужденной миграцией огромных масс населения, затронул всё общество, а не только мыслящую верхушку. Уже Тао Юаньмин находил патриархальную идиллию и древние простые нравы только в «Персиковом Источнике» – или, говоря словами Чжуан-цзы, в «Деревне-Которой-Нет-Нигде». Значение именно личности и страх именно за её посмертную судьбу возросли и в умах простых людей. И тут не могли помочь ни даосы, ни «знаменитости»: и те, и другие были слишком элитарны, их бессмертие предназначалось только для избранного круга.

Говоря проще, нужна была религия спасения. В условиях Китая ею стал буддизм, утверждающий вечность именно индивидуальной души и возможность посмертной *личной* награды или наказания.

Выводы

Делай то, что от тебя зависит, и не беспокойся насчёт иных миров.
Генри Д. Торо.

Я не буду переходить здесь к средневековой эпохе, за начало отсчёта которой в духовной истории Китая может быть принято торжество буддизма или возрождение конфуцианства. Во-первых, потому, что средневековая китайская культура была построена, если воспользоваться выражением А.Дж. Тойнби, на «эвокациях прошлого». Главной такой «эвокацией» было само средневековое конфуцианство с его культом древности. Его возрождение в VI-VII вв. стало торжеством «традиционности самой традиции», в жёстких рамках которой

держались даже инновации. Поэтому те типы и способы отношения к смерти, которые нам удалось наблюдать, существовали и далее, многообразно переплетаясь. Во-вторых, потому, что для анализа этих переплетений потребуются новые источники и подходы.

Подведём итоги. В ходе анализа нам удалось выявить следующие типы представлений о смерти в культуре древнего Китая:

1) **Исходное шан-иньское и чжоуское мифологическое представление**: души умерших уходят в мир, не только копирующий земной, но и не отграниченный от земного (и при этом как-то связанный с водной стихией – по крайней мере, поначалу). Там они становятся могущественными духами, способными влиять на земные дела потомков (и стало быть, не утрачивающие связи с жизнью). Поэтому попасть в их число престижно и не всем дано, а смерть – своего рода жертвоприношение во имя коллектива. Даже боги в этих представлениях – именно умершие предки, а не персонифицированные явления природы, как в большинстве других мифологий. Вопрос о личной посмертной участи в этой системе взглядов не встаёт: мы имеем дело с типичной «доосевой» (по К. Ясперсу) культурой, ещё не выработавшей понятия личности.

2) **Чуские религиозно-мифологические представления**: загробное бессмертие существует, но лишь для избранных душ, способных пройти посмертное испытание – повторить путь Солнца (точнее, часть этого пути, лежащую в пределах чистых надмирных сфер). По завершении этой «посмертной инициации» они получают от Великой богини снадобье бессмертия и попадают в надзвёздный элизиум; о дальнейшей их судьбе мы не знаем. Все остальные души остаются в пределах этого мира, где им угрожают хтонические чудовища. О том, на каких основаниях различаются «избранные» и «прочие» души, мы можем пока лишь догадываться на основе аналогий. Во многом чуская картина мира сходна с чжоуской и шан-иньской (хотя в ней посмертное существование ничем не напоминает земное), но пока трудно сказать, почему. Имеем ли мы дело с двумя «субтрадициями» (как считает М.Е. Кравцова) внутри одной культуры или с двумя разными культурами и их взаимным влиянием, завершившимся полным слиянием в ханьское время? Пока что, учитывая настойчивые параллели, проводимые древнекитайскими источниками между Чу и Ся, и следы северных и северо-западных влияний (в частности, внезапное появление коней и вполне сложившегося типа колесницы в эпоху Шан-Инь), трудно даже решить, какая из этих традиций была первична, а также – были ли они обе автохтонными, или по меньшей мере одна из них была привнесена извне – скажем, гипотетическим «юевым народом», обитавшим к западу от дельты какой-то большой реки (Кравцова 1994: 156-157).

3) **Конфуцианские представления** выросли из чжоуских, но уже на базе новых, «осевых» взглядов, требующих признать значение личности. Возникшее противоречие конфуцианство разрешило тем, что полностью подчинило личность коллективу (точнее, Поднебесной – коллективу высшего порядка) и его моральным требованиям, а единственным возможным видом бессмертия и в то же время высшей наградой считало память в потомстве и роль морального примера для будущих поколений.

4) **Взгляды Ян Чжу** упомянем лишь мельком, так как они не стали культурообразующими. Подобно грубым материалистам других цивилизаций, Ян Чжу считал смерть абсолютным концом личности и делал отсюда крайне индивидуалистический вывод: возьми от жизни всё, пока жив, и не заботься о Поднебесной и о доброй памяти.

5) **Классический даосский взгляд** вырос из чуского так же, как конфуцианский – из чжоуского. Согласно ему, личность – не более чем одно из временных, вечно перетекающих из одной формы в другую, состояний мировой пневмы, и тот, кто познал это, становится выше различия между жизнью и смертью, это различие теряет смысл для такого человека. Это и есть единственная возможная победа над смертью, которую обещает «китайский Ницше» – Чжуан-цзы. И так же, как у Ницше и экзистенциалистов, это учение предназначено только для сильной личности, не нуждающейся в утешительных иллюзиях. Сильной, но не слишком яркой – и поэтому готовой к тому, чтобы после смерти раствориться без остатка в мировом эфире.

6) **Представления «знаменитостей» эпохи Шести Династий** стали развитием даосских взглядов в эпоху кризиса конфуцианского коллективизма и осознания роли и самостоятельной ценности неповторимой личности. Приходится поправить Ясперса: осознание экзистенции, а стало быть, и «осевое время» приходится в Китае не на VII-II вв. до н.э., как считал немецкий гуманист (то есть тогда же, когда и в Греции и Передней Азии), а на более позднее время – эпоху Шести Династий. Здесь, как никогда, расцветают надежды на личное бессмертие и поиски путей его достижения, от предельно грубых (пилюли, наркотики) до высших («памятник нерукотворный»). Похоже, «знаменитостям» удалось найти удачный синтез нескольких идей: даосского «следования естеству» (*цзыжань*), представлений о бессмертных небожителях (восходящих к мифологии северо-восточного региона древнего Китая – царств Ци и Янь), чуской идеи мистического путешествия (*ю*), уводящего в бессмертие, и, наконец, конфуцианской идеи бессмертия как вечной памяти. Именно этот синтез, позже дополненный буддийскими идеями (в условиях Китая – очень глубоко переработанными в духе отече-

ственной традиции), и определял отношение просвещённых китайцев к смерти на протяжении всего средневековья и даже позже, а по меньшей мере отчасти – и до наших дней.

Теперь сопоставим эту картину с теми пятью этапами развития представлений о смерти, которые выделил для европейской культуры Ф. Арьес. Оказывается, тут много общего. Так, первый этап («смерть прирученная») мы находим в мифических представлениях древнейших китайцев. Похоже, что это – древнейшие общечеловеческие представления, характерные именно для «доосевых» культур с их невероятной психологической устойчивостью и комфортностью. Не случайно Ф. Арьес оценивает именно такой взгляд на смерть как идеальный в качестве «механизма защиты от природы», а все остальные – как результат краха этого механизма. Второй тип («смерть своя»), связанный, по Арьесу, с осознанием ценности индивида, – да вот же он: в даосизме, у Ян Чжу, отчасти даже уже в чуской культуре. Третий вариант («смерть одичалая») мы уже видели в китайском аналоге просветительства – конфуцианстве. Отчасти можно обнаружить параллель даже арьесовскому «времени прекрасных смертей» (XIX век, в основном эпоха романтизма) – во временах Шести Династий.

Не находим мы только пятой ипостаси – «прячущейся смерти», появляющейся лишь в современном западном мире с его фактическим атеизмом и вопиющим противоречием между культом индивидуальности и массовой обезличкой. Впрочем, быть может, мы найдём её в средневековых городах Китая с их колоссальной скученностью, дешёвыми комнатами в высотных (по тем временам) домах вместо собственного дома, который мог бы хранить память о предках, и отсутствием того простора, которого требовал выбор места для погребения по всем правилам фэншуй? Ведь не случайно же именно среди горожан распространяется обычай кремации, казавшийся всем окружающим (от властей до сельского населения) не просто варварским, но и противоестественным.

Попутно мы можем ещё раз указать на ошибку Ф. Арьеса: его пять трактовок – не этапы развития культуры, а способы полагания смысла смерти (и жизни), сосуществующие в рамках одной культуры в одни и те же эпохи. Что это именно так, видно у самого же Ф. Арьеса, который, например, для иллюстрации «прирученной смерти» легко отыскивает примеры не только в её эпохе (раннем средневековье), но и в более поздних, почти вплоть до своего времени.

И последнее. Теперь мы можем говорить о «практицизме» китайцев более обоснованно, чем в начале работы. На самом деле китайцы никогда не закрывали глаза на трагический факт конечности человеческого бытия – об этом говорит хотя бы сложный погребальный ритуал. Но они и не уделяли особого внимания вещам, от человека явно не зависящим, – например, детальным картинам «того света». Поначалу это было связано с магическими корнями шан-иньской культуры (вспомним, что «магизм явно посюсторонен» – Мень 1971: 77), затем было закреплено могучей и рационалистической в своих основах культурной традицией. Это тот же принцип, что и в иудаизме, который тоже нигде не обещает загробных наград: делай своё и положись на Бога, который сделает своё – оценит тебя и найдёт, чем и как вознаградить. Не блаженная смерть, а достойная человека жизнь всегда была в центре внимания китайцев. И по всем правилам «параллельных фраз» на знаменитый девиз *memento mori* китайцы могли бы ответить более созвучным их духу девизом:

VIVERE MEMENTO
Помни о жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.М. 1988. Комментарии // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М. ХЛ. С. 495-553.

Арьес Ф. 1992. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс. «Прогресс-Академия».

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы. 1960. М.: Наука.

Бежин Л.Е. 1980. Се Линъюнь. М.: Наука. ГРВЛ.

Бань Гу. 1980. Старинные истории о ханьском У-ди – государе Воинственном // Пурпурная яшма.

Бежин Л.Е. 1982. Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III-VI веков. М.: Наука. ГРВЛ.

БКРС 1983 – Большой китайско-русский словарь. Под ред. проф. И.М. Ошанина. Тт. 1-4. М.: Наука. ГРВЛ.

Бхактиведанта, Шри Шримад А.Ч. Свами Прабхупада. 1986. Бхагавад-гита как она есть. Бхактиведанта Бук Траст. М.–Л.–Калькутта–Бомбей–Нью-Дели.

Васильев Л.С. 1983. Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука. ГРВЛ.

Витте С.Ю. 1960. Воспоминания. Т.2 (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. М.: Соцэкгиз.

Вук Г. 1989. Это Б-г мой. Изд. 3-е. Иерусалим. Шамир.

Вогралик В.Г., Вязьменский Э.С. 1961. Очерки китайской медицины. М.: Медгиз.

Галинская И.Л. 1986. Загадки известных книг. М.: Наука. Серия «Из истории мировой культуры».

Го Можо. 1956. Цюй Юань // Цюй Юань. Стихи. М.: ГИХЛ. С.165-272.

Го юй (Речи царств). 1987. Пер. с кит., вступление и примечания В.С. Таскина. М.: Наука. ГРВЛ.

Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. Т.1. М.: Мысль. 1973.

Деопик Д.В. 1977. Регион Юго-Восточной Азии с древнейших времён до XV в. // Юго-Восточная Азия в мировой истории. М.: Наука. ГРВЛ. С.9-69.

Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Серия «Философское наследие». М.: Мысль.

Камю А. 1989. Миф о Сизифе // Сумерки богов. (Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.-П.Сартр). М.: ИПЛ. С.222-318.
Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. Сокращённый пер. В.П.Гайдука. М. Прогресс.
Конституция Сётоку. 1984. // Попов Н.А. Законодательные акты средневековой Японии. Перевод с японского. Вступительная статья. Комментарий. М.: Наука. ГРВЛ. С.22-26.
Кравцова М.Е. 1994. Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб. Центр «Петербургское Востоковедение».
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. 1979. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука. ГРВЛ.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. 1984. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М.: Наука. ГРВЛ.
Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1983. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука. ГРВЛ.
Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1978. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука. ГРВЛ.
Крюков М.В., Хуан Шуин. 1978. Древнекитайский язык. М.: Наука. ГРВЛ.
Кучера С. 1977. Китайская археология 1965 – 1974 гг.: Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М.: Наука. ГРВЛ.
Ламонт К. 1984. Иллюзия бессмертия. Изд. 2. М.: ИПЛ.
Лем С. 1968. Сумма технологии. М.: Мир.
Лукиан. 1909. Избранные сочинения. Перевод Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. Главн. Управл. Удел.
Луньюй (Беседы и суждения) // Древнекитайская философия. Т.1. М.: Мысль. 1973.
Малявин В.В. 1985. Чжуан-цзы. М.: Наука. ГРВЛ.
Мартынов А.С. 1987. Конфуцианская утопия в древности и в средневековье // Китайские социальные утопии. М.: Наука. ГРВЛ. С.10-57.
Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. 1980. (Разделы «Ши хо чжи» из династийных историй). Перевод с китайского А.А. Бокщанина и Лин Кюнъи. М.: Наука. ГРВЛ.
Мень А.В. (Эммануил Светлов). 1971. Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи Великих Учителей. Брюссель. Жизнь с Богом.
Мифологический словарь. 1990. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. СЭ.
Мосионжник Л.А. 1999. Вечные возвращения мифа. К выходу в свет на русском языке книги Мирчи Элиаде «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость» // Stratum plus. №5. СПб. – Кишинёв – Одесса – Бухарест. С.500-514.
Мосионжник Л.А. 2000. Антропология цивилизаций. Курс лекций. Кишинёв. ВАШ.
Немировский А.И. 1983. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука. ГРВЛ.
Ортега-и-Гассет Х. 1989. Восстание масс // Вопросы философии. №3, с.119-154; №4, с.114-155.
Платон. 1994. Государство // Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.3. М.: Мысль. С.79-420.
Померанц Г. 1993. До основанья, а затем... // Знание-сила. №1. С.24-28.
Поэзия и проза Древнего Востока. 1973. Серия «БВЛ». М.: ХЛ.
Пурпурная яшма. 1980. Китайская повествовательная проза I-VI веков. М.: ХЛ.
Пыслару И. 2000. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. №2. СПб. – Кишинёв – Одесса – Бухарест. С.322-345.
Рамбам (Маймонид). 1990. Избранное. Т.1. Иерусалим. Б-ка Алия.
Рифтин Б.Л. 1987. О китайской мифологии в связи с книгой Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Изд. 2. М.: ГРВЛ. С.378-477.
Рифтин Б.Л. 1987а. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.: СЭ. С.552-562.
Россман В.И. 1988. Добродетель без морали: Чжуан-цзы – Ницше // Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.I. М.: Наука. ГРВЛ.
Руми, Джалал ад-Дин. 1986. Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи. Перевод с персидского Н. Гребнева. М.: Наука. ГРВЛ.
Сартр Ж.-П. 1989. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. (Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр). М.: ИПЛ. С.319-344.
Сидихменов В.Я. 1985. Маньчжурские правители Китая. М.: Наука. ГРВЛ.
Сыма Цянь. Исторические записки. Т.1-2. (Издание продолжается).
Тао Юаньмин. 1972. Стихотворения. Пер., вст. ст. и примеч. Л.З. Эйдлина. М.: ХЛ.
Титаренко М.Л. 1985. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука. ГРВЛ.
Токарев С.А. 1987. Смерть // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. М.: СЭ. С.456-457.
Торчинов Е.А. 1994. Введение. Религиозная доктрина даосизма: учение о бессмертии и путях его обретения // Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь). СПб. Центр «Петербургское Востоковедение». С.7-53.
Фань Вэнь-лань. 1958. Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М.: Изд. АН СССР.
Федоренко Н.Т. 1986. Цюй Юань. Истоки и проблемы творчества. М.: Наука. ГРВЛ.
Фрэзер Дж.Дж. 1989. Фольклор в Ветхом Завете. М.: ИПЛ.
Цюй Юань. 1956. Стихи. М.: ГИХЛ.
Чжуан-цзы, Ле-цзы. 1995. Перевод В.В. Малявина. Серия «Философское наследие». Т.123. М.: Мысль.
Шифман И.Ш. 1986. Во что верили древние евреи? // Атеистические чтения. №16. М.: ИПЛ. С.66-76.
Штаерман Е.М. 1994. Римская мифология // Легенды и мифы Древнего Рима и Древней Греции. Кишинёв. НПФ «Лита». С.538-547.
Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя.
Элиаде М. 1998а. Священные тексты народов мира. М. КРОН-ПРЕСС. Серия «Академия».
Элиаде М. 1999. Трактат по истории религий. Т. 1–2. СПб.: Алетейя.
Юань Кэ. 1987. Мифы древнего Китая. Изд. 2. М.: ГРВЛ.
Kernbach V. 1989. Dicţionar de mitologie generală. Bucureşti. Ed. ştiinţifică şi enciclopedică.
Künstler M.J. 1985. Mitologia chińska. Seria «Mitologie świata». Wyd. Artystycznie i Filmowe. Warszawa.
Otero Silva M. 1982. La mar que es el morir // Otero Silva M. Obra escogida. Moscú. Ed. Progreso. P.209-223.
Proverbes chinois annotés (Chengyu gushi xuan). 1984. Beijing. Ed. en Langues étrangères. (Текст на кит. яз.).
Prus B. 1976. Nawrócony // Prus B. Nowele wybrane. Państwowy Institut Wydawniczy. Warszawa. S.153-182.

Г. Мэнуку-Адамештяну

НАШЕСТВИЯ ПЕЧЕНЕГОВ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ (1027-1048 гг.)

Gh.Mănucu-Adameşteanu. Invasions of the Petchenegers in the Mouth of the Danube (1027-1048).

Progress of the Petchenegers to the Danube's shores coincided with the death of Basil II. The devastating invasions lasted until 1091. The first of them happened in 1027, and by a common hypothesis, it did not touch Dobrogea. However, based on new numismatic finds, reviewed archaeological discoveries and some data of monetary circulation, the author proves that the Petchenegers' invasion of 1027 did target Dobrogea as well.

Based on the chronological calculations suggested by C. Morrison for anonymous folles of 969-1092 instead of F. Grierson's chronology used by the Bulgarian colleagues, the author attempts to interpret the discoveries in Bulgaria and Dobrogea.

Grierson's suggestions contradict with the numismatic finds, as the classes of folles which must be present on sites, according to this chronology, are either absent or too scarce in fact.

Племенная конфедерация тюркского происхождения, печенеги появляются в византийских источниках под названием *Patzinakitoi*, Patzinakoi (исходное значение «свояк»), восходящим к термину древних тюркских языков *bajanaq*, *baginaq*; таким образом, названию печенегов можно приписать этимологию «клан/племя, входящее в родственный союз» (Spinei 1996: 52). Впервые печенеги отмечены у дунайских рубежей в 896 г., когда они вмешиваются в борьбу между болгарами и венграми; в 934 г. вместе с мадьярами и другими племенами тюркского происхождения они организуют первую грабительскую экспедицию на правый берег Дуная, достигая области к югу от Балканского хребта. Со второй половины X в. начинается исход кочевых групп на равнины к северу от Дуная, где они проживают бок о бок с местным населением, о чем свидетельствует большое число памятников типа Дриду, датируемых рубежом X-XI вв.

Время, когда печенеги обосновались компактной массой на равнине к северу от Дуная, определяется противоречиво, так как ни письменные источники, ни археологические данные не представляют достаточных свидетельств для такой оценки.

Некоторые исследователи полагают, что присутствие печенегов в этих местах можно считать реальностью уже для последней трети X в. (Sâmpetru 1973: 452-453; Sâmpetru 1974: 256-261; Spinei 1996: 71).

Отсутствие элементов материальной культуры, специфичных для печенегов: предметов вооружения и сбруи, глиняных котлов, украшений, – как и продолжающееся существование местных поселений после второй половины X в., составляет аргументы тех, кто считает, что печенеги проникли на северный берег Дуная лишь в начале XI в. (Diaconu 1970: 22-25, 39; Diaconu 1984: 73; Barnea, Ştefănescu 1971: 122) или даже на несколько десятков лет позже (Poenaru-Bordea, Popa 1978: 140).

Присутствие печенегов может быть обнаружено почти исключительно по погребениям всадников, погребальный инвентарь которых (предметы вооружения и сбруи, вотивные предметы) не позволяет их точно датировать. Они вписываются в довольно длительный период со второй половины X по начало XII в., а значительное их большинство датируется XI в. (Diaconu 1967: 135-140; Diaconu 1970: 23; Sâmpetru 1937: 443-468; Spinei 1974: 389-415; Harţuche, Anastasiu 1980: 263-280; Constantinescu 1994: 165-178).

В ряде случаев, наряду с относительной хронологией, ставится под сомнение и этническая принадлежность памятников: погребение из Куркань рассматривается то как печенежское последней трети X в. (Sâmpetru 1974: 257), то как куманское XI-XII вв. (Diaconu 1978: 19-21).

Глиняные котлы, которые часть исследователей считает специфически печенежскими, присутствуют в незначительном количестве и в Кымпия Мунтенией: Балдовинешть (Harţuche 1970: 14, №9 – несколько фрагментов в одном жилище), Буфтя (Comşa 1989: 37), Кокони (Constantinescu 1972: 29, рис. 9, несколько фрагментов открытых вне стратиграфических условий), Дриду – Кошерень (Zaharia 1967: 81, pl. XV/7, один фрагмент, найденный в верхней части культурного слоя), Дриду «Ла Метерезе» (Mihai 1983: 441-443, fig.2/2, 3) целые сосуды и фрагменты, открытые в инвентаре некоторых

© Г. Мэнуку-Адамештяну, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

жилищ XI-XII в. Подавляющее большинство керамического материала – 86% – представлено глиняными котлами и, что уникально, на Румынской равнине, и на всей территории Румынии (Ioniţă 1989): Тыгшор (Păunescu 1976: 305-306 – фрагменты 2-х сосудов, найденные в землянке, которые присоединяются к другим, более ранним находкам в этом поселении), Рошкань (Spinei 1982: 175 – фрагмент котла; Antal 1984: 328), Стойкань (Antal 1984: 329; Spinei 1982:175), Султана (фрагмент котла, открытый в поселении XI в. при проведении поверхностных исследований, Şerbănescu, Trohani 1978: 21, пункт 7, 41).

В Олтении не было найдено ни одного глиняного котла, что порождает серьезные сомнения в связи с вкладом печенегов и куманов в распространение этой категории керамики (Antal 1984: 323; для открытий в Молдове см. Spinei 1982: 196-199).

Интересное явление, единичное для Румынской равнины, составляет листовидная подвеска из бронзы, отрытая в 1963 году в Бухаресте – Стрэулешть, в культурном слое поселения типа Дриду, которое существовало и в первой половине XI в. Анализ схожих предметов, найденных в России, Болгарии и в Румынии – в Добрудже и Молдове, показал, что подобного типа украшения носили печенеги и узы (Mănucu-Adameşteanu 1992: 64-65).

Появление этой подвески на автохтонном поселении Дунайской равнины подтверждает присутствие печенегов здесь в первой половине XI в.; с другой стороны, ее открытие в культурном слое заставляет нас пересмотреть утверждение, что появление мигрантов в этом географическом пространстве было связано с *безжалостным уничтожением всех сельских поселений* (о совместном проживании печенегов с местным населением см. Oikonomides 1987: 189).

Археологически засвидетельствован ряд сел, которые продолжали существовать и в первой половине XI века: на Румынской равнине известны открытия в Буку (Păunescu, Renţa 1998: 51-77, где производится номинализация пунктов открытий X-XI века), Дриду (Zaharia 1967: 135; причем Е.Захария считает, что поселение было разрушено узами в 1064 г., в то время как А.Андроник предполагает, что разрушение – следствие массированного проникновения печенегов после 1040 года – см. Andronic 1969: 1030), Грэдиштя – Кэлэрашь (Moscalu 1979: 390 – на основании двух фоллисов класса А можно считать, что поселение существовало в первые десятилетия XI века), в Цэндэрей (Păunescu, Renţa 1992: 109-110) или на территории Бухареста – Куртя Веке и Грозэвешть, последнее можно датировать даже второй половиной XI в. (Panait 1969: 36; Mănucu-Adameşteanu 1992a: 67-69). К этому можно прибавить и некоторые изолированные фрагменты сосудов, украшенные колесиком, открытые в Коконь, Султана, Бицина Унгурень и Бицина Пэмынтень (Constantinescu 1972 рис 9(I); Şerbănescu, Trohani 1978: 21,41; Trohani 1986: 28, пункты 19, 22). Такова керамика, датируемая XI веком.

На юге Молдовы напомним лишь поселения из Шендрень (Teodor 1967: 129-136) и Сэрэцень (Coman 1969: 309, рис. 16/1), датируемые по анонимным фоллисам класса В, выпущенным при императоре Романе III (1028-1034). О других находках см. Teodor 1978: 100-129: Teodor 1996; а также Spinei 1994: 107-109: «поздняя фаза культуры Дриду продолжалось самое меньшее три десятилетия в XI веке, может быть, вплоть до концентрации значительных сил печенегов на северном берегу Нижнего Дуная, перед их переправой через реку в царствование Константина IX».

Переселение все большего числа печенегов в область левобережья Дуная под давлением новой кочевой волны из Северного Причерноморья совпало со смертью императора Василия II (1025 г.). Договор с Византийской империей, заключенный в 971 г. (Malamut 1995: 116-117), не был продлен, и начались опустошительные печенежские нашествия, беспокоившие Византию до 1091 г., когда победой при Лебунионе император Алексей I Комнин окончательно устранил печенежскую угрозу.

Первое нападение, открывшее цепь конфликтов XI века, произошло в 1027 г. L.Bréhier (1970: 204) считает, что вторжение началось в 1025 г., когда император Василий II был еще жив; N.Banescu (1946: 121-122) относит это событие к 1026 г.; V.Spinei (1996: 76) называет 1025/1027 гг.; J.Ferluga (1979: 53) высказывается за 1027 г. «В этом году и печенеги напали на Болгарию и убили и пленили много войска и стратегов и тагматархов. Поэтому император (Константин VIII, 1025-1028) поставил архонта Сирмия и дуку фемы Болгарии Диогена; этот после столкновения с ними в бою – так как они были рассеяны – многократно поднял их, заставил переправиться через Истр и угомониться» (Cedrenos II: 483, по FHDR III; 149); «печенеги – это, как сказали выше, скифы, – перейдя Истр, немало бед причиняли краю Болгарскому, и, пойдя против них, Константин Диоген, губернатор Сирмия, который был назначен и дуком Болгарии, обратил их в бегство, заставил перейти и утихомириться» (Zonaras III: 571, по FHDR III: 219).

Из данных Скилицы и Кедрена явствует, что это нападение было нацелено на Болгарию. Поскольку для его отражения были направлены войска этой провинции, можно предположить, что нашествие затронуло территорию, которая охватывала города Сердика – Наисс (Ниш) – Еутзапелон, и кончилось захватом большого числа пленных (Diaconu 1967: 465; Божилов 1971: 171). Последнему автору кажется

любопытным направление данного нашествия, которое затронуло область Сердика – Ниш – Овчиаполе, а не Добруджу или другие области; Тъпкова-Заимова (1976: 71-73) считает, что нашествие печенегов привело к обезлюдению области Ниш-София.

Исходя из интерпретации археологических наблюдений, сделанных на поселениях Добруджи, П. Диакону утверждал, что «печенежское нашествие 1027 г. не потревожило покой данной области [...] ни в одном из поселений, исследованных до настоящего времени – Новиодунум-Исакча, Диногеция-Гарвэн, Дервент и Пэкуюл луй Соаре (все расположены вдоль Дуная), не было выявлено уровня обитания, который бы пострадал от разрушений в этот период» (Diaconu 1967: 464).

Более чем через 30 лет после публикации данного исследования можно попытаться рассмотреть новые данные и переоценить некоторые из старых нумизматических открытий. В последнем случае надо иметь в виду, что фоллисы класса А – единственные, которые могут представить некоторые хронологические ориентиры – рассмотрены в некоторых новых исследованиях, на основе которых стала возможна дифференциация отдельных поздних вариантов, включенных в класс А3, который датируется интервалом 1019/1020-1028 гг. (Metcalf 1979: 57-58).

К сожалению, в настоящий момент мы не располагаем ни одним кладом, самой поздней монетой которого был бы фоллис класса А3, что могло бы представить первую зацепку в данном направлении. В специальной библиографии опубликована часть клада, обнаруженного в с. Хория, уезд Тулча, из которых сохранились лишь 2 фоллиса класса А3, из общего количества 15 экз.; частичная сохранность этого клада не позволяет установить, когда именно он был спрятан и заканчивался ли он теми двумя фоллисами класса А3 (Mănucu-Adameşteanu 1992: 51, п.1,2). Г.Атанасов (Атанасов 1999: 112) считает, что греческий клад содержит фоллисы класса А2, но он сформирован из 49 золотых монет, чеканенных от времени Василия I (867-886) до Василия II (976-1025).

Мы рассмотрим здесь центры Дунайского лимеса – первые цели захватчиков, которые будут представлены сверху вниз по течению реки.

Таким образом, констатируем, что ситуация в Пэкуюл луй Соаре осталась неизменной: поселение не было затронуто никакими событиями с большими последствиями в первой половине XI века.

Иная картина вырисовывается по соседству, в Дервенте: до опубликования археологического материала и открытых комплексов, привлечем в дискуссию нумизматические находки.

Здесь были найдены 20 фоллисов, их которых 14 (70% из общего количества находок) – эмиссии класса А2-А3, введенные в обращение во времена правления Василия II – Константина VIII (976-1028), за ними следуют несколько отдельных экземпляров – один Романа III (1028-1034), один Михаила IV (1034-1041) и два Константина IX (1041-1055); два позднейших, похоже, указывают на последний период жизни поселения.

Эти монеты, по-видимому, свидетельствуют, что наибольшее развитие поселения приходится на период правления императоров Василия II – Константина VIII. В третьем десятилетии XI в. произошла катастрофа. В условиях, когда нет достаточных сведений о здешних археологических реалиях, невозможно уточнить, было ли это разрушение, вызванное печенежским набегом 1027 г., что кажется весьма вероятным, или жители покинули его вследствие какого-то мора.

После полученного удара, укрепление продолжало существовать, о чем говорят несколько разрозненных экземпляров времен Романа III, Михаила IV и Константина IX.

Спускаясь по течению Дуная, остановимся в Капидаве, одной из крепостей, которая пережила самые большие разрушения.

Монеты класса А, 47 фоллисов из общего количества 99 обнаруженных экземпляров, открытых – в интервале между правлениями Иоанна Цимисхия и Константина IX – в подавляющем большинстве случаев не привязаны к стратиграфическим условиям. Все же в секторе V были дифференцированы две категории землянок, относящиеся к различным хронологическим моментам: «Первая фаза [...] кончается вследствие внешнего нападения, когда сожжены и разрушены все землянки» (Capidava 1:157). Одна из них – землянка 8 – датируется на основании монеты императоров Василия II – Константина VIII (Capidava I: 240, каталог №10): экземпляр, в соответствии с новыми атрибуциями, является фоллисом класса А3, вариант 41, датируемым после 1019/1020 гг. Он может указывать на связь между разрушениями этого уровня землянок и нападением 1027 г.

Возможное подтверждение данной гипотезы может представить Диногеция-Гарвэн – поселение, которое прошло через многие тяжелые моменты в течение XI в.: «По наблюдениям из различных секторов выходит, что в Гарвэне задокументированы сожженные землянки, лишенные инвентаря, *датируемые на основании монет и стратиграфии временем правления Василия II*» (Dinogetia I: 29). «Также и за пределами крепости было зафиксировано несколько уровней землянок, уничтоженных пожаром (две или три), которые хронологически вписываются между концом X (фактически началом XI в., поскольку на основе новых интерпретаций, предложенных для анонимных фоллисов классов А2-А3, удалось уточнить, что поселение *extra muros* датируется первыми

десятилетиями XI века) и серединой XI века» (Ştefan, Barnea, Chişvasi-Comşa, Mitrea 1959: 642).

Для уточнения момента первого разрушения, зафиксированного в Диногеции-Гарвэне, были использованы старые отчеты о раскопках, опубликованные и неизданные, а также найденные здесь неизданные монеты [1].

В 1949 году в секторе II крепости в очаге землянки с обгорелыми бревнами был найден анонимный фоллис класса A (дневник раскопок И. Барня, стр. 92-95). В 1957 году *extra muros,* в B-C-B оконечности сектора 3A, была исследована сгоревшая землянка, датируемая монетой императора Константина VIII (Ştefan, Barnea, Comşa, Chişvasi, Comşa, Mitrea 1961: 588; Barnea 1961: 307), которая является эмиссией варианта 14, 22, 35, 41?. В том же году в разрезе 5, на пепелище возле западной стены землянки №3, была найдена монета Василия II (Ştefan, Barnea, Comşa, Chişvasi-Comşa, Mitrea 1961: 589-590) – фоллис варианта 39-40?, класс A3 (1019/1020-1028). Другая сожженная землянка – №187 – была открыта в 1987 г., ее разрушение было отнесено на счет печенежских нашествий 1036 года (Vasiliu 1991: 377-378, 386), но экземпляры класса A из ее инвентаря – вариант 23 и 41 (Mănucu-Adameşteanu 1991: 576, каталог №8-9), свидетельствуют о более раннем моменте, который мог бы соответствовать нападению 1027 г.

На основании стратиграфического отчета исследователей Диногеции-Гарвэн, дополненного теперь новыми датировками экземпляров класса A3, полагаем, что можно выделить горизонт сгоревших землянок, которые, как представляется, были разрушены во время нашествия 1027 г.

К сожалению, раскопки, осуществленные в других важных центрах Дунайского лимеса – Хыршова, Исакча, Нуфэру, – еще не опубликованы или не дают информацию, относящуюся к этому событию.

На нынешней стадии наших знаний, нам остается только высказать гипотезу, подкрепленную некоторыми археологическими открытиями: пожарища землянок в Капидаве и Диногеции-Гарвэне, датируемые фоллисами класса A3, или отдельные аспекты денежного обращения – см. ситуацию в Дервенте, – возможно, указывают, что *нападение печенегов 1027 года затронуло и территорию Добруджи.*

В IV-ом десятилетии нашествия печенегов стли более частыми, нападения охватили очень большую территорию.

Первое нашествие имело место в 1032 году: «Печенеги атаковали Мезию» (Cedrenos 1839: II, 499). «Тогда арабы захватили Месопотамию, а печенеги Болгарию» (Zonaras III: 579, по FHDR III: 221).

В 1034 г., «перейдя Истр, печенеги ограбили всю Мезию до Фессалоник» (Skilitzes – Cedrenos II: 514, по FHDR III 149); «Печенеги совершили грабежи у мизян» (Zonaras III: 589, по FHDR III: 221).

В 1035 году «был нестерпимый мороз, Истр замерз, а печенеги, перейдя его, немало вреда причинили Мезии и Фракии до Македонии» (Skilitzes – Cedrenos II: 514, по FHDR III: 149).

Ситуация повторяется в следующем, 1036 году, когда хроники упоминают о трех последовательных набегах: «в 6544, 14 индикта, весной, печенеги, совершив три вылазки против ромеев, уничтожали все, что стояло у них на пути, убивая массами захваченных и подвергая неописуемым казням полоненных. Они пленили и пятерых стратегов: Иоанна Дермокайтеса, Варду Петцеса, Леона Халкотуба, Константина Птерота и Михаила Стработикара» (Cedrenos II: 514-515, по FHDR III: 149-151); «печенеги, много раз перейдя Истр, причинили много вреда стране ромеев, убивая схваченных в цветущем возрасте» (Zonaras III: 590, по FHDR III: 221). Принимая во внимание сведения византийских хроник и сопоставляя их с отсутствием каких-либо археологических данных – ни в одном из центров по линии Дуная (исключая одну землянку из Aegyssus – Тулчи) и в поселениях внутри провинции не отмечены разрушений, которые могли бы датироваться анонимными фоллисами класса B императора Романа III (1028-1034) – считаем, что первое нашествие IV-го десятилетия 1032-1033 гг. (Malamut 1995: 118 – единственный автор, который говорит, что печенеги перешли Дунай и в этом году; Spinei 1996: 76 – сообщает о нападении в 1032/1033 г., когда печенеги вновь заполонили Болгарию), 1034 и 1035 годов не затронули территории Добруджи.

Набеги печенегов были нацелены на территорию Болгарии. Осенью 1034 г. они дошли до Фессалоник, которые разграбили (Diaconu 1970: 43; Тъпкова-Заимова 1976: 72-73).

Вторжение 1035 года было направлено на Фракию и Македонию, печенеги перешли Дунай по льду. Это нашествие причинило большой ущерб восточной Фракии (Diaconu 1967: 466-468; Тъпкова-Заимова 1976: 73; Spinei 1996: 76-77; Malamut 1995: 118). Только Г. Атанасов (1992: 21) высказал мнение, не подтвержденное археологически, о нападении на Добруджу в 1034/1035 году, от которого пострадала Диногеция.

Отсутствие каких-либо следов разрушений в поселении Пэкуюл луй Соаре может послужить серьезным аргументом против тезиса о нападении на Добруджу в этой кампании (Diaconu 1970: 43-46). Но, думается, надо подчеркнуть тот факт, что и в следующем году,

[1] Автор выражает по этому случаю благодарность коллегам из Нумизматического кабинета Института археологии им. Василе Пырвана в Бухаресте – Г. Поенару-Бордя и Е. Николае, которые предоставили мне доступ ко всем монетным находкам из Диногеции.

когда в Добрудже были разрушены многочисленные укрепления лимеса, поселение Пэкуюл луй Соаре не было атаковано. Как ни странно, похоже, что этот центр не был затронут ни одним нашествием печенегов и узов на протяжении XI в. Единственное отмеченное нападение было совершено в 1094 г., когда набег куманов прервал жизнь на поселении.

Если до сих пор Добруджа, как кажется, переживала период спокойствия и процветания, кроме, может быть, вылазки 1027 года, – убедительные материальные свидетельства указывают на насильственные разрушения в центрах дунайского лимеса в ходе весенней кампании 1036 г.

В специальной литературе отмечалось, что были частично или полностью разрушены поселения как на юге провинции – Капидава, Дервент, – так и в северной ее части, как Диногеция-Гарвэн (Diaconu 1970: 46-49; Barnea, Ştefanescu 1971: 124; Тъпкова-Заимова 1976: 73 и прим. 10).

Сведения хроник о массовых убийствах пленных подтверждаются и некоторыми археологическими открытиями: в Капидаве в 1959 г. было открыто коллективное захоронение с 8-ю скелетами взрослых (из них один обезглавлен) и один детским, брошенными вповалку; они были отнесены на счет нашествий весны 1036 года (Florescu Gh., Florescu R., Ceacalopol 1962: 702; Diaconu 1967: 470). Некоторые авторы, основываясь на существовании горизонта сгоревших жилищ и сопоставив его с самыми поздними монетами, известными на тот момент, – анонимными фоллисами класса C, выпущенными императором Михаилом IV (1034-1041), – установили, что поселение было окончательно разрушено в это время (Florescu Gh., Florescu R., Ceacalopol 1962: 702; Barnea, Ştefănescu 1971: 124).

Наличие в материальной культуре элементов, свойственных пришельцам, в данном случае печенегам, – таких, как банки с ушками, глиняные котлы, светильники изготовленные на медленном ручном круге (Capidava I: 211-215; Vâlceanu 1961: 400), а также находки нескольких анонимных фоллисов класса D времени императора Константина IX (1042-1055), наводит на мысль, что поселение было возрождено еще на десятилетие; можно предположить, что в этой последней фазе рядом с местными населением присутствовали и печенежские элементы. Ситуация не должна нас удивлять, поскольку источники отмечают, что император Константин IX разрешил печенегам Кегена перейти Дунай и обосноваться в Добрудже (Barnea, Ştefănescu 1971: 126-127; Diaconu 1967: 472).

Нахождение обезглавленных скелетов в последнем культурном горизонте, который был разрушен жестоким пожаром, указывает, что поселение в Дервенте прекратило свое существование весной 1036 года (Diaconu 1967: 467). До опубликования местных раскопок будем оперировать только нумизматическим материалом, довольно малочисленным, но который может дать нам некоторые идеи: во время исследований 1996 года в заполнении одного захоронения была найдена монета Михаила IV (1034-1041), которая как бы подтверждает, что поселение было уничтожено в 1036 году, после чего в этих местах начал действовать некрополь жителей острова Пэкуюл луй Соаре.

Эти ясные стратиграфические реалии могут быть поставлены под сомнение двумя анонимными фоллисами класса D, выпущенными Константином IX (1042-1055), которые ставят нас перед двумя гипотезами:

1. Монеты представляют часть прежних находок и, согласно сообщению Петра Диакону, руководителя раскопок в Пэкуюл луй Соаре и Дервенте, в начале исследований в Пэкуюл луй Соаре, делалось уточнение «пункт Дервент», хотя на самом деле монеты были найдены в Пэкуюл луй Соаре.

2. Поскольку поселение в Капидаве прекратило свое существование вследствие печенежского нападения в 1046 г., нельзя исключить возможность того, что рейд, который затронул юг Добруджи, уничтожил и поселение в Дервенте. Из раскопочных заметок, еще не опубликованных, но предоставленных П. Диакону, вытекает, что поселение прошло через два насильственных разрушения. Дальнейшие исследования должны вывести из дискуссии одну из трех дат выдвигаемых на данный момент: 1027, 1036 или 1046 г.

Жители Дервента укрылись в поселении Пэкуюл луй Соаре, где констатируется не только демографический взрыв во время императора Михаила IV (Diaconu 1967: 471; Diaconu 1970: 49), но и особо большие масштабы монетного обращения как во время Михаила IV, так и в правление Константина IX: во времена Романа III индекс монеты/годы правления составлял 20,17, чтобы во время Михаила IV «прыгнуть» на 31,71 и спуститься на 29,38 во время Константина IX; за исключением правления императора Романа IV, когда было достигнуто 38,00, цифры времени правления этих двух императоров представляют самые большие показатели за интервал 969-1092 гг.

Один из упомянутых рейдов – 1036 или 1046 года – прошелся по сельскому поселению из Кастелу, где конец обитания отмечен слоем пожарища (Panaitescu 1980: 289-290).

Много находок происходит из Диногеции-Гарвэна, где нападение весны 1036 г. разрушило как поселение *extra muros,* так и жилища, находящиеся внутри крепости (Dinogetia I: 29; Diaconu 1970: 44, nota 120; Barnea, Ştefănescu 1971: 124).

Во время раскопок 1949 года было установлено, что «жилища первого периода были уничтожены, и это случилось из-за всеобщего, очень сильного пожара» (Ştefan 1950: 70). Из дневниковых записей о раскопках были получены некоторые дополнительные сведения: в III-м секторе между 0,50 – 0,80 м было обнаружено несколько анонимных фоллисов класса C императора Михаила IV (дневник И. Барни, л. 55), в квадрате 15 на глубине 0,50 м – монета, в квадрате 16, на глубине 0,20 м – монета (дневник И. Барни, л. 55), в квадрате 25, на 0,50 м – монета (дневник И. Барни, л. 43). Следует отметить, что в этом культурном слое, наряду с другими материалами, встречаются фрагменты глиняных котлов и ядра для пращи, которые были атрибуированы печенегам (дневник Б. - Митря, 1960, пл.12-15). Б. Митря на основе открытий в Саркеле считает, что глиняные ядра характерны для печенегов.

В 1951 году, в секторе D, была вскрыта сожженная землянка 87, датируемая двумя фоллисами класса C Михаила IV (Şantier 1952: 378 [2]); в жилище 47, исследованном в 1951-1952 гг. в разных местах пожарища найдены 4 фоллиса Михаила IV (Şantier 1953: 291, 4 монеты времен Феодоры). В 1953 г. была выявлена «категория землянок, которая характеризовалось мощными слоем пожарища, в некоторых были найдены монеты времен Михаила IV» (Şantier 1954: 170-171). Среди них отметим землянку 19 с двумя экземплярами и землянку 40a, в которой был найден клад в 100 монет, в том числе 41 экземпляр надчеканенных фоллисов класса C (Dinogetia I: 355). Другой клад был найден в 1953 году в жилище 38: «на его полу в двух кучках приблизительно 100 бронзовых монет времен императрицы Феодоры (сейчас относятся к чеканке Михаила IV – прим.авт.). Часть из них распалась из-за повреждений во время пожара, который уничтожил землянку» (Şantier 1954: 170), сохранились 36. В сезоне 1954 года, также в секторе B, землянка 167, сгоревшая, датировалась фоллисом императора Михаила IV (Şantier 1955: 724). За пределами стен отмечена другая сгоревшая землянка в 5-ом разрезе, исследованная в 1957 г., в наполнении которой была найдена монета Михаила IV; она принадлежит к горизонту землянок, уничтоженных пожаром, датируемым монетами Михаила IV (Ştefan, Barnea, Chişvaşi, Comşa, Mitrea 1959: 640-643). В 1966 в жилище 177 были найдены 7 скелетов взрослых и детей, принадлежащие одной семье (Nicolaescu-Plopşor, Popovici 1971: 13-19), которая погибла во время того же нападения, как нам доказывает другая монета времен Михаила IV (Barnea 1973: 307-308).

[2] В источнике они описаны как две монеты времен Феодоры – неверная идентификация, основная на каталоге Wroth.

Археологические реалии красноречивы: две сгоревшие землянки – 38 и 40a, каждая с кладом анонимных фоллисов Михаила IV, к которым можем добавить другие сгоревшие землянки, датируемые теми же анонимными фоллисами класса C, – все это доказывает, что поселение было сильно разрушено во время этого набега.

Нумизматические находки указывают, что жизнь на поселении была возобновлена, но в меньшем масштабе: соотношение монеты/годы правления – 27,43, самое высокое для правления Михаила IV, – упадет до 7,46 при его наследнике Константине IX, и, кажется, поселение никогда не вернется к уровню развития, достигнутому при Романе III (1028-1034) и Михаиле IV (1034-1041). Утверждая так, мы имеем в виду нумизматический материал, известный в настоящее время; так, из общего количества находок фоллисов интервала 969-1092 гг., 37% представляют эмиссии двух императоров. Теперь же зарегистрирован самый высокий индекс соотношения монеты/годы правления – 27,43 во время Михаила IV и 13.00 при Романе III – по сравнению с 9,13 для четырех эмиссий Константина X (1059-1067).

Нашествие 1036 года, вероятно, драматически сказалось и на поселении Troesmis – Восточная крепость, где самые поздние известные монеты тоже относятся ко времени Михаила IV (Mănucu-Adameşteanu, Georgescu 1996: 285); отсутствие позднейших монетных находок делает невероятным продолжение обитания до 1064 г., как я это предполагал в другой работе (Mănucu-Adameşteanu 1980: 234).

На счету того же нападения и разрушения в Эгиссе-Тулче (Opait 1980: 275, нападение 1035 г.?; Vasiliu, Mănucu-Adameşteanu 1984: 143-144). Здесь были открыты лишь несколько жилищ, из которых только одно сгоревшее (землянка 3), которая датируется двумя фоллисами: один класса A, вариант 5, и другой класса B. Последний отчеканен императором Романом III (1028-1034).

По общему количеству находок монеты выстраиваются следующим образом: шесть монет класса A2-A3 (Василий II – Константин VIII), шесть класса B (Роман III), одна класса C (Михаил IV) и последняя из класса D (Константин IX) или класса F (Константин X) (Mănucu-Adameşteanu 1995: 363-364).

Сопоставив нумизматические данные с археологическими, можно предположить, что укрепления Эгисса познали последствия этого нападения, продолжая существование до 1046 или 1065 г. Здесь известны еще три монеты Иоанна Цимисхия, из которых одна имеет на аверсе Христа на троне; посылка недостаточна для того, чтобы уточнить, является ли монета экземпляром класса D (тогда поселение прекратило свое существование в 1046 г.), или

Рис. 1. Монетные и археологические находки в румынской Добрудже, отражающие вторжения печенегов.

она класса F – а тогда обитание могло продолжиться до 1065 г. (Dirnian 1957: 200). Археологические открытия финального этапа (наземное жилище – Vasiliu, Mănucu-Adameşteanu 1984: 145-147), являются несущественными и не допускают никаких хронологических уточнений в данном направлении.

Печенежские орды прошли всю территорию Добруджи. В это время прекратили свое существование и некоторые сельские поселения, находившиеся внутри провинции. На севере это Енисала, где были найдены 3 монеты Василия II – Константина VIII (976-1028), две Романа III (1028-1034) и две – Михаила IV (1034-1041) (Iacob, Ana-Maria Velter, Mănucu-Adameşteanu, Costin 1999). Далее это Мартие-Сэлчиоара, откуда известны два фоллиса Романа III (1028-1034) и два – Михаила IV (1034-1041) (Mănucu-Adameşteanu M., Mănucu-Adameşteanu Gh. 1996: 106, там же библиография), Гьолул-Петрей (Mănucu-Adameşteanu 1991 a: 365-371). Но и отметим и некоторые пункты побережья: Истрия, из которой на сегодняшний день известны лишь две монеты Василия II – Константина VIII, две Романа III и две – Михаила IV (Preda 1954: 532-533; Preda, Nubar 1973: 227, №2046; Mitrea 1976: 291, №106; Vertan, Custurea, 1982: 282, №520; Poenaru Bordea 1997: 16-17).

Прекращение обитания в Истрии не означает, что «нашествие 1036 года имело фатальные последствия для прибрежных поселений». (Г.Атанасов (1996: 11-12; 1999), как и другие болгарские авторы, использует новую хронологию, предложенную Филиппом Гриерсоном; возражения по этому поводу смотри ниже). В двух наиболее важных приморских поселениях – Констанца и Мангалия – регистрируем падение индекса монеты/годы правления с 0,85 при Михаиле IV (1034-1041) до 0,46 при Константине IX (1041-1055) для Констанцы и от 2,14 до 0,38 для Мангалии. Но в непосредственно следующий период монетное обращение заметно возрастает: во время правления Константина X (1059-1067) в Констанце отмечается рост индекса от 0,46 до 0,62, а в Мангалии – с 0,38 до 0,75.

Бездоказательным кажется нам утверждение, что в это время «были покинуты *почти все поселения* внутри Добруджи» (выделено авт.) (Парушев 1993: 167; Атанасов 1996: 11-12); непрерывность обращения мелкой бронзовой монеты в Острове и Канлии на юге, или в Бештепе, Лункавице, Никулицеле, Сарыкёй, Телице, Валя Теилор на севере, оставляет без подтверждений подобную гипотезу. Также неоправданным кажется утверждение, что при археологических раскопках не найдено ни одной монеты позднее класса B (Атанасов 1999: 120, прим. 14).

Требуется, однако, нюансировка этих реалий: из простого перечисления поселений удивляет малое число южных, что отражается и индексом монеты/годы правления; во время Романа III (1028-1034) достигнута вершина для всего XI века – 3,17, затем последовала

нисходящая кривая во время Михаила IV (1034-1041) – 1,45, и только 0,92 при Константине IX (1042-1055). Уменьшение количества монет на территории являлось последствием печенежских рейдов 1036 и 1046 годов.

На севере Добруджи большое количество поселений позволяет различать разные реалии: индекс монеты/годы правления – 5,67 при Романе III (1028-1034), не снизился, как на юге, но возрос, дойдя до 6,57 при Михаиле IV (1034-1041), продолжившись впечатляющим спадом (лишь 2,23 во время Константина IX, 1041-1055), что, конечно, связано с нашествием 1046 г.

Из этих статистических данных следует, что вопреки урону, нанесенному набегами весной 1036 г., которые охватили всю территорию между Дунаем и морем, наблюдается пик денежного обращения при Михаиле IV (1034-1041). Зарегистрированные цифры – 130,14 для уезда Тулча и 39,89 для уезда Констанца – представляют одни из самых высоких показателей в интервале 969-1092 г. Этим коротким периодом покоя и процветания провинции, продолжавшимся до нападения 1046 г., датируется и свидетельство Кирилла Филеота: он нанялся матросом на торговое судно, которое поднималось вверх по Дунаю, в период 1042-1045 гг., чтобы заключать сделки в укрепленных поселениях на берегу реки (Sargologus 1964: 39, 284-285; FHDR III: 159 и прим.2).

Причины прекращения печенежских набегов в период между 1036 и 1046 гг. не вполне ясны. Это могли быть поражения в боях с Киевской Русью – в этом интервале зафиксированы нападения на юг России, за которыми последовали перемещения на север Молдовы, где было разграблено много укрепленных поселений в бассейнах Сирет, Прут, и Днестр (Postică 1995: 45). Но это могло быть также следствием столкновения с узами или существования договора с Византией.

Из-за каких-то неурядиц между двумя печенежскими правителями – Тирахом и Кегеном, причем последний был поддержан лишь двумя племенами из 13, император Константин IX позволил Кегену поселиться на территориях Добруджи.

Хроника Скилицы – Кедрена является единственным источником, который описывает события, связанные с обоснованием печенегов на территории Византии. Они произошли по крайней мере за год до нашествия зимой 1046 или 1048 г. (Diaconu 1970: 50-58; Barnea, Ştefănescu 1971: 130; Spinei 1996: 77).

20 000 печенегов под предводительством Кегена перешли Дунай возле Доростола и стали вначале на острове по соседству, прося покровительства у Константина IX, через посредничество правителя Паристриона Михаила (Brătianu 1935: 21). Принимая в расчет близость Доростола и географические указания, можно предположить, что речь идет об острове Пэкуюл луй Соаре (Nestor, Diaconu 1959: 588; Oikonomides 1965: 78; Barnea, Ştefănescu 1971: 127; Божилов 1973: 115).Отсутствие всяких следов разрушения на поселении Пэкуюл луй Соаре – оно было единственным укреплением, не атакованным печенегами, – может представлять другой аргумент в пользу существования договоренности между различными группами печенегов (Vâlceanu 1967: 613).

Петре Диакону, руководитель раскопок в Пэкуюл луй Соаре, который изначально разделял эту гипотезу, позднее считал, что здесь сделано очень мало находок печенежского происхождения и что остров был слишком мал, чтобы принять 20.000 печенегов, и вследствие этого высказался в пользу локализации событий на «Балта Яломицей» (Diaconu 1976: 313 и прим. 16).

Император после встречи с Кегеном послал на Дунай монаха Евфимия для крещения печенегов (Theodorescu 1974: 72); Кеген получил титул патрикия, три крепости и большой участок земли на правом берегу Дуная, которые обязался защищать.

Косвенным образом эти события, кажется, находят подтверждение открытием в Силистре печати, владельцем которой был Иоанн, магистр и архонт Патцинакии. Печать датируется серединой XI в., в эпоху, когда титул магистра присваивался военачальникам и наместникам провинций, в связи с чем такой титул мог принадлежать и Кегену, но не могут быть исключены и другие печенежские предводители, как Тирах или Селте (Iordanov 1992: 79-82).

Три крепости, полученные Кегеном, находились на севере Добруджи (Brătescu 1925-1926: 146, прим.3 – на западе и севере Добруджи; Cihodaru 1961: 169) или на северо-западе современной Болгарии (Diaconu 1970: 58, прим. 162, где отрицается первоначальный вариант касательно севера Добруджи; Ferluga 1979: 54).

Уступка трех укреплений не означает непосредственного занятия их печенегами, но не исключает присутствия печенежских элементов в среде населения дунайского лимеса. Существование печенегов подтверждается целой серией находок глиняных котлов. М. Комша (Comşa 1957: 278, прим.58) присоединяется к группе исследователей, которая отрицает вклад печенегов в распространение этих сосудов и считает, что они были принесены протоболгарами). Эту проблему вряд ли удастся разрешить уже теперь, однако мы не считаем, что печенеги не имели никакого отношения к распространению глиняных котлов на территории Добруджи в первой половине XI в. Такие находки сделаны в Пэкуюл луй Соаре, Капидаве, Тресмисе, Мэчине, Диногеции-Гарвэне, Исакче (Diaconu 1967: 255), Тулче-Эгиссе (Vasiliu, Mănucu-Adameşteanu 1984: 150 pl. IX/3), Нуфэру, а также на некоторых поселениях в глубине провинции, в Капул Дялулуй (Diaconu 1967: 252,

Табл.1. Единичные находки фоллисов X-XI в. (969-1092 гг.) из Добруджи

императоры	годы	Исакча			Нуфэру			Диногеция			Пэкуюл луй Соаре		
		всего	%	монеты/ годы	всего	%	монеты/ годы	всего	%	монеты/ годы	всего	%	монеты/ годы
Иоанн Цимисхий (969-976)	7	6	0,25%	0,86	2	0,12%	0,29	1	0,14%	0,14	3	0,21%	0,43
Василий II - Константин VIII (976-1028)	52	509	20,86%	9,79	235	14,35%	4,52	202	27,52%	3,88	96	6,78%	1,85
Роман III (1028-1034)	6	202	8,28%	33,67	135	8,24%	22,5	78	10,63%	13	121	8,55%	20,17
Михаил IV (1034-1041)	7	384	15,74%	54,86	212	12,94%	30,29	192	26,16%	27,43	222	15,69%	31,71
Константин IX (1042-1055)	13	342	14,02%	26,31	322	19,66%	24,77	97	13,22%	7,46	382	27,00%	29,38
Константин X (1059-1067)	8	276	11,31%	34,5	242	14,77%	30,25	73	9,95%	9,13	212	14,98%	26,5
Роман IV (1067-1071)	4	207	8,48%	51,75	152	9,28%	38	32	4,36%	8	152	10,74%	38
Михаил VII (1071-1078)	7	131	5,37%	18,71	99	6,04%	14,14	27	3,68%	3,86	106	7,49%	15,14
Никифор III (1078-1081)	3	200	8,20%	66,67	117	7,14%	39	26	3,54%	8,67	67	4,73%	22,33
Никифор Базилакиос (1078)	1	0	0,00%	0	0	0,00%	0	0	0,00%	0	0	0,00%	0
Алексей I (1081-1092)	11	183	7,50%	16,64	122	7,45%	11,09	6	0,82%	0,55	54	3,82%	4,91
Всего		**2440**			**1638**			**734**			**1415**		

прим.22), Кастелу (Panaitescu 1980: 288-290), Истрии (неопубликованный фрагмент, найденный в 1958 г., находящийся в музее Констанцы – инв. №37899), листовидные подвески, которые в большинстве своем происходят из укрепленных центров дунайского лимеса – Пэкуюл луй Соаре (Diaconu 1987: 113-114), Диногеция-Гарвэн (Вагпеа 1976: 275-278), Нуфэру (Mănucu-Adameşteanu 1992a: 64), Махмудия (Oberländer-Târnoveanu 1980: 66), с побережья, в Истрии (Suceveanu 1973: 497-498), но и на некоторых сельских поселениях, в Валя Дачилор или Тыргшор (Papasima 1990: 359-361).

С этим соотносятся и археологические данные, которые подтверждают наличие тюркских элементов в могильниках, принадлежащих местному населению: в Диногеции-Гарвэне на краю кладбища было найдено погребение тюрка (Popovici 1972: 52).

Меры, принятые Константином IX, который разрешил группе печенегов поселиться в Империи, далеко не уладили ситуацию. Напротив, в условиях, когда печенеги из Византии атаковали тех, что остались к северу от Дуная, обострение конфликта и жестокая реакция племен, предводимых Тирахом, были неизбежны. Племена эти начали новое нашествие, которое по размаху превзошло все предыдущие.

«По окончании осени, с началом зимы, когда солнце находилось в созвездии Козерога, задул такой сильный северный ветер, что река замерзла на 15 локтей в глубину. Так как отсутствовала какая-либо охрана, Тирах [...] перешел Истр со всеми печенегами, которых было, как рассказывают, 800.000 и расположился в краю по сю сторону реки, опустошая и уничтожая все на своем пути. Итак, были посланы письма к императору с просьбой о немедленной помощи. А тот, не читая все письма, написал дуке Адрианопольскому (это был Константин Ариянит, магистр), чтобы тот взял македонские войска, как и Василию Монаху, дуке Болгарии, чтобы взял болгарские войска и шел на соединение с Михаилом и Кегеном воевать вместе с ними против печенегов [...]. Те же, перейдя реку, нашли большое изобилие скота, и вина, и напитков, изготовленных на меду, о которых и не слыхивали никогда, и также пресыщались каждый день без всякой меры такими вещами, схватила их болезнь живота и гибли каждодневно несметные количества. Узнав об этом через дезертира и рассчитав, что сейчас подходящий момент напасть на врагов [...], Кеген убедил ромеев [...] броситься на врагов. А эти, устрашенные их быстрым приходом и боясь сразиться с ними, бросили оружие, и сам Тирах, и все вожди, и остаток отрядов сдались» (Skylitzes-Cedrenos: 585-587, по FHDR III: 155-157)

В отличие от прошлых нашествий, этот переход Дуная носил характер переселения: число 800.000, названное Скилицей и Кедреном, отражает шок, испытанный византийцами при появлении громадной толпы мужчин, женщин и детей. По сравнению с 20.000 человек – численности двух племен Кегена, можно предположить, что 11 племен, оставшихся под началом Тираха, насчитывали 100.000 человек (Diaconu 1970: 62).

Первая проблема, которая породила разногласия – вопрос о дате этого события.

Скилица говорит, что печенеги перешли реку в начале зимы, когда Дунай замерз, между 16 декабря и 14 января (Shepard 1975: 74). Считается, что вторжение произошло зимой 1048/1049 гг. (Brătianu 1935: 21; FHDR III: 35; Diaconu 1970: 62-65; Ferluga 1979: 54), хотя другие авторы высказываются за зиму 1046/1047 гг. (Каждан 1969: 177-184; Oikonomides 1965: 77-78; Barnea, Ştefănescu 1971: 125). Новая хронология, которая предлагает 1046 год, основывается на двух речах Иоанна Маурепа, митрополита Эвхайтов, произнесенных при чествовании одного святого мученика – воина. Первая, по случаю дня Св.Георгия, 23 апреля 1047 г., в присутствии императора Константина IX и двух императриц – Зои и Феодоры, описывает события предыдущего года (FHDR III: 3-13; Lefort 1976: 265-303). Исходя из даты, предложенной для первой речи, ученые относят нападения к 1046/1047 гг. (Тъпкова-Заимова 1976: 75, прим.18) или возвращаются к старой версии – 1048/1049 гг. (Shepard 1975: 61-89)

До появления дополнительных данных отметим, на основе описаний Скилицы, какой оборот приняли события. Столкнувшись с губительной эпидемией и атакованные быстро и решительно византийской армией, печенеги были вынуждены сдаться. Весной Тирах и часть вождей были крещены, оставшиеся в живых печенеги были поселены в области Сердика – Ниш – Эутзапелон, опустошенной во время прежних набегов (Diaconu 1970: 64-65; Barnea, Ştefănescu 1971: 127)

Другую неясность представляет зона, пострадавшая от этого массированного перемещения печенегов. Хроники не представляют никакой информации в этом смысле, и поэтому нам остается прибегнуть к археологическим открытиям.

На основе данных, известных в 1960-х гг., было высказано предположение, что территория Добруджи при этом не была затронута (Diaconu 1970: 62-63), хотя и существовали некоторые признаки указывавшие на принятие определенных мер предосторожности: в Пэкуюл луй Соаре ворота перестроены в третий раз, в то время как в Диногеции-Гарвэне появилась внешняя пристройка в зоне ворот (Diaconu 1970: 63, прим. 126). Момент этой последней постройки уточнить не удалось из-за многочисленных перестроек.

На поселении Диногеция-Гарвэн нужно упомянуть и клад обнаруженный в 1939 году, состоящий из 106 золотых монет: Василий II – Константин VIII (976-1025) – 103 экз., Роман III (1028-1034) – 1 экз., Константин IX (1042-1055) – 2 экз., дата тезаврации которого породила много разногласий. Его сокрытие было отнесено, между прочим, и на счет нападения печенегов Тираха в 1046 г. (Dinogetia I: 379) или 1048 г. (Metcalf 1965: 55; Metcalf 1979: 75, прим.16). Если принять в расчет новые хронологические атрибуции для золотых эмиссий

Табл.2. Единичные находки фоллисов X-XI в. (969-1092 гг.) из Добруджи

императоры	годы	всего в уезде Тулча			всего в уезде Констанца			всего в Добрудже		
		всего	%	монеты/годы	всего	%	монеты/годы	всего	%	монеты/годы
Цимисхий (969-976)	7	9	0,17	1,29	13	0,71	1,86	27	0,36	3,86
Василий II-Константин VIII (976-1028)	52	1080	19,83	20,77	255	13,96	4,9	1387	18,64	26,67
Роман III (1028-1034)	6	512	9,40	85,33	208	11,39	34,67	747	10,04	124,5
Михаил IV (1034-1041)	7	911	16,73	130,14	279	15,28	39,86	1217	16,36	173,86
Константин IX (1042-1055)	13	857	15,74	65,92	420	23,00	32,31	1287	17,30	99
Константин X (1059-1067)	8	660	12,12	82,5	236	12,92	29,5	914	12,28	114,25
Роман IV (1067-1071)	4	432	7,93	108	162	8,87	40,5	606	8,15	151,5
Михаил VII (1071-1078)	7	278	5,10	39,71	115	6,30	16,43	395	5,31	56,43
Никифор III (1078-1081)	3	367	6,74	122,33	80	4,38	26,67	455	6,12	151,67
Никифор Базилакиос (1078)	1	1	0,02	1	0	0,00	0	1	0,01	1
Алексей I (1081-1092)	11	339	6,22	30,82	58	3,18	5,27	404	5,43	36,73
Всего		**5446**			**1826**			**7440**		

Табл.3. Единичные находки фоллисов X-XI вв. (969 - 1092 гг.) на сельских поселениях (уезд Констанца)

императоры	Канлия		Остров		Лиману		уезд Констанца	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Цимисхий (969-976)	1	4,55	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Василий II-Константин VIII (976-1028)	7	31,82	5	41,67	5	71,43	20	37,04
Роман III (1028-1034)	1	4,55	1	8,33	2	28,57	15	27,78
Михаил IV (1034-1041)	1	4,55	2	16,67	0	0,00	7	12,96
Константин IX (1042-1055)	5	22,73	1	8,33	0	0,00	6	11,11
Константин X (1059-1067)	2	9,09	0	0,00	0	0,00	3	5,56
Роман IV (1067-1071)	1	4,55	1	8,33	0	0,00	3	5,56
Михаил VII (1071-1078)	2	9,09	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Никифор III (1078-1081)	0	0,00	2	16,67	0	0,00	0	0,00
Алексей I (1081-1092)	2	9,09	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Всего	**22**		**12**		**7**		**54**	

Константина IX, самая поздняя монета этого клада была бы отчеканена в конце его правления – между 1054-1055 гг. (Grierson, III, 2: 742, класса IV a). В этом случае не могут приниматься в расчет прежние нападения печенегов, и депонирование клада можно связать с нашествием узов в 1064 г. На основе других соображений эта же дата была предложена П.Диакону (Diaconu 1970: 175; Diaconu 1976: 238).

Единственный добруджанский клад, захоронение которого можно связать со смутным положением второй половины 1050-х гг., может быть комплекс анонимных фоллисов Михаила IV (1034-1041, пять монет класса C) и Константина IX (1042-1055, две монеты класса D), найденный в результате археологических исследований в Пэкуюл луй Соаре в 1990-1991 гг. (Papasima, Vertan 1996: 176-277, каталог №19-23, 26-27). Авторы не дают никакого пояснения, но монеты слиплись по две-три и все были найдены в 4-ом квадрате, между 1,75 и 1,96 м.

Появление печенегов по соседству с поселением Пэкуюл луй Соаре обернулось катастрофой для жителей Дервента – укрепления, находящегося напротив острова Пэкуюл луй Соаре. Наличие двух фоллисов класса D, выпущенных императором Константином IX, похоже, доказывает, что сгоревшее поселение погибло в правление этого императора (последний уровень обитания уничтожен пожаром, как сообщает автор раскопок П. Диакону).

Последствия этого печенежского рейда на юге Добруджи подтверждены и ситуацией в Капидаве: здесь найдены 99 фоллисов, наиболее поздние из которых (3 экз.) представлены анонимными эмиссиями класса D императора Константина IX (Mănucu-Adameşteanu 1996a: 326).

Малое количество монет этого императора в кладе из Пэкуюл луй Соаре и на поселениях Дервент и Капидава, может быть признаком, позволяющим предположить, что нападение печенегов произошло в 1046 г. – ближе к начальному периоду правления Константина IX, – а не в 1048 г.

Спускаясь по Дунаю до Диногеции-Гарвэна, рассмотрим несколько сгоревших землянок, датируемых на базе каталога Wroth второй половиной XI века. Пересмотр старых находок и их реатрибуция в свете новых хронологических оценок, дополненные некоторыми сведениями, полученными на основе изучения полевой документации, а также идентификации некоторых неопубликованных монет, позволяет нам выйти на новые хронологические ориентиры. В 1949 г. была отрыта землянка B, отнесенная к третьему слою (Ştefan, Mitrea, Protase, Vataşianu 1951: 32-33), что видно на плане, опубликованном позднее. Она была сожжена во второй половине XI в. (Şantier 1954: 162-163, рис. 1). Наличие одной монеты класса D позволяет установить, что данное жилище было разрушено несколькими десятилетиями ранее, соответственно в 1046 г. (Şantier 1952: 381).

Группа землянок была идентифицирована в секторе C: в 1951 г. была исследована землянка 106, датируемая монетой Константина IX – в соответствии с каталогом Wroth, – принадлежащий предпоследнему уровню обитания, и землянка 123. Обе они сожжены во второй половине XI в. (Şantier 1952: 379 и рис. 1,381), но на основе двух экземпляров класса D их можно отнести к уровню землянок, разрушенных в 1046 г. В 1953 г. частично отрыта землянка 130, «сожженная во второй половине XI века» (Şantier 1954: 162-163, рис.1), в которой были найдены два анонимных фоллиса класса D.

В секторе B была исследована треть землянки 94a, где найдена монета Константина X (Şantier 1954: 170; Şantier 1955; 735),

Табл.4. Единичные находки фоллисов X-XI в. (969 - 1092 гг.) на сельских поселениях (уезд Тулча)

императоры	Бештепе		Енисала		Лункавица		Налбант		Сарыкёй		Телица		Валя Теилор		уезд Тулча	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Цимисхий (969-976)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Василий II-Константин VIII (976-1028)	0	0,00	3	42,86	3	37,50	3	50,00	3	37,50	2	20,00	2	33,33	38	23,46
Роман III (1028-1034)	1	16,67	2	28,57	1	12,50	1	16,67	1	12,50	3	30,00	0	0,00	25	15,43
Михаил IV (1034-1041)	2	33,33	2	28,57	1	25,00	1	16,67	1	12,50	3	30,00	1	16,67	36	22,22
Константин IX (1042-1055)	2	33,33	0	0,00	1	25,00	1	16,67	1	12,50	0	0,00	3	50,00	21	12,96
Константин X (1059-1067)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	12,50	1	10,00	0	0,00	21	12,96
Роман IV (1067-1071)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	10,00	0	0,00	7	4,32
Михаил VII (1071-1078)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	5	3,09
Никифор III (1078-1081)	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	12,50	0	0,00	0	0,00	4	2,47
Алексей I (1081-1092)	1	16,67	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	5	3,09
Всего	**6**		**7**		**8**		**6**		**8**		**10**		**6**		**162**	

на основании которой было предположено, что она была сожжена во второй половине XI в. Реатрибуция этой монеты как относящейся к правлению Константина IX (анонимный фоллис класса D) относит разрушение жилища к 1046 г. Ситуация повторяется с монетой Константина IX (Şantier 1955: 714-715, рис.1)

Также на счет печенегов, но уже в нашествие 1036 г., относится и разрушение землянки 185, исследованной в течение 1983-1984 гг. (Vasiliu 1991: 376, 386). На основании обнаруженного здесь фоллиса класса D (Mănucu-Adameşteanu 1991: 577, №26) мы полагаем, что и эта землянка была разрушена в 1046 г.

Получается, что большая миграция печенегов зимы 1046/1047 гг. сопровождалась сожжением многих землянок, находящихся в различных зонах внутри укрепления, что равносильно временному прекращению обитания. Эту ситуацию, как кажется, подтверждает и индекс монеты/годы правления, который показывает катастрофическое падение для Диногеции во время Константина IV и в сравнении с остальными крепостями севера Добруджи: Диногеция – от 27,43 до 7,46, Исакча – от 54,86 до 26,31, Нуфэру – от 30,29 до 24,77.

Из простого просмотра этих цифр можно заметить, что поселение Диногеции, как представляется, пострадало сильнее прочих: количество монет, находящихся в обращении, снизилось примерно в 4 раза, в то время как в Нуфэру этот разрыв очень мал. Эта параллель заставляет предполагать, что нападения печенегов были в меньшей мере ощутимы близ устья Дуная. Из внутрипровинциальных центров, только для Бабадага есть некоторые признаки того, что он оказался на пути захватчиков: здесь были найдены шесть фоллисов императоров Василия II – Константина VIII и два фоллиса Константина IX, – но до проведения новых археологических исследований этого нельзя утверждать. В частности, И. Василиу утверждает, что поселение было разрушено набегом узов в 1064 г. (Vasiliu 1996: 178).

Невозможно признать, что соседние поселения Енисала и Сэлчиоара, где самые поздние монеты относятся ко времени Михаила IV, были разрушены в 1047-1048 гг.: это можно допустить только в отношении Черны, где найдена лишь одна монета Константина IX (Oberländer-Târnoveanu, Opait 1984: 274, №117). Из сельских поселений, по всей видимости, тогда же прекращают свое существование Лункавица и Бештепе, находившиеся по линии Дуная, а внутри провинции – Налбанта и Валя Теилор (см. таблицы настоящей статьи) и, может быть, Слава Русэ: здесь найдены два фоллиса Василия II – Константина VIII и два – Константина IX.

Факт, что в это время была разрушена большая часть поселений севера Добруджи, подтверждается индексом монеты/годы правления, который показывает уменьшение мелкой наличности, обращающийся на территории, от 6,57 при Михаиле IV до 2,23 при Константине IX, то есть от 46 фоллисов до всего лишь 29 экземпляров.

На юге провинции, хотя количество монет возрастает от 10 до 12 экз., индекс монеты/годы правления – благодаря более длительному правлению Константина IX – регистрирует падение от 1,43 до 0,92.

С другой стороны, отметим тот факт, что на севере обнаружено большее количество монет, – естественное следствие продолжающих существовать важных центров лимеса: Трезмис – Западная крепость, Диногеция, Исакча, Нуфэру, в то время как на юге – поселение Пэкуюл луй Соаре.

Эта параллель еще лучше прослеживается, если представить статистику всех монетных находок в этом хронологическом интервале: в Добрудже известно 1217 монет Михаила IV, из которых 911 были найдены в уезде Тулча (74,86%), и всего лишь 279 – в уезде Констанца (25,16%); известны 1287 экземпляров монет Константина IX, из которых 857 в уезде Тулча (66,58%) и 420 в уезде Констанца (33,42%).

Возвращаясь к теме нашего исследования – нашествию печенегов в 1046 г., – констатируем прекращение существования поселений в Капидаве и, возможно, в Дервенте, Диногеции-Гарвэн, которые были сожжены. Опустошительный эффект этой большой миграции ощутили и сельские поселения, многие из них были окончательно разрушены.

После разгрома весной 1047 г. следует короткая передышка до 1049 г., когда печенеги возобновляют свои грабительские вылазки во Фракию и Македонию (1049-1053 гг.).

Из печенегов, покоренных в 1047 г., император Константин IX создал контингент из 15.000 солдат, которых пытался использовать против турок-сельджуков. Но, добравшись до Малой Азии, печенеги (Oikonomides 1987: 187-190) решили вернуться в дунайские края. Перейдя Босфор и перевалив Гем (Балканский хребет), они расположились в местности «сто холмов». Проблема ее локализации достаточно противоречива: Н. Йорга и Г.И. Брэтиану предположили, что речь идет о горной зоне на севере Добруджи, с чем согласен и К. Чиходару, в то время как на юг Добруджи указывают П. Мутафчиев и К. Брэтеску (о дискуссии по данной проблеме см. Diaconu 1970: 66-69).

Как нам кажется, из краткого представления монетного обращения на территории Добруджи во время Константина IX, которое, за исключением Диногеции, не дает оснований для далеко идущих выводов, нельзя сделать заключение об оседании групп печенегов в Добрудже, откуда они нанесут удары в 1049-1053 гг. Поэтому более подходящей представляется гипотеза, поддерживаемая В. Томашеком, К. Иречеком, В.Н. Златарским и П. Диакону, которые предлагают, что они осели в северо-восточной зоне Болгарии, где находились города Плиска и Преслав (Diaconu

Табл.5. Единичные находки фоллисов X-XI в. (969-1092 гг.) на сельских поселениях Добруджи

императоры	годы	всего уезд Тулча			всего уезд Констанца			всего Добруджа		
		всего	%	монеты/ годы	всего	%	монеты/ годы	всего	%	монеты/ годы
Цимисхий (969-976)	7	0	0,00	0	1	1,05	0,14	1	0,33	0,14
Василий II-Константин VIII (976-1028)	52	54	25,71	1,04	37	38,95	0,71	91	29,84	1,75
Роман III (1028-1034)	6	34	16,19	5,67	19	20,00	3,17	53	0,17	8,83
Михаил IV (1034-1041)	7	46	21,90	6,57	10	10,53	1,43	56	0,18	8
Константин IX (1042-1055)	13	29	13,81	2,23	12	12,63	0,92	41	0,13	3,15
Константин X (1059-1067)	8	25	11,90	3,13	5	5,26	0,63	30	0,10	3,75
Роман IV (1067-1071)	4	7	3,33	1,75	5	5,26	1,25	12	0,04	3
Михаил VII (1071-1078)	7	6	2,86	0,86	2	2,11	0,29	8	0,03	1,14
Никифор III (1078-1081)	3	4	1,90	1,33	2	2,11	0,67	6	0,02	2
Алексей I (1081-1092)	11	5	2,38	0,45	2	2,11	0,18	7	0,02	0,64
Всего		**210**			**95**			**305**		

1970: 66-69). При этом Преслав был захвачен печенегами еще в 1045-1048 гг. (Iordanov 1982: 41)

Первый аргумент заключается в том, что все сражения разворачиваются в области не между Дунаем и Балканами, а за цепью Балканских гор (Diaconu 1970: 69). С другой стороны, денежное обращение этих двух важных центров Болгарии (Преслав и Плиска) представляет нам важные данные.

В Преславе было обнаружено 974 монеты периода 969-1092 гг., из них 600 Иоанна Цимисхия, Василия II – Константина VIII, что составляет 61,60% из общего количества находок, и 236 монет Романа III, т.е. 24,23%. Затем наблюдается более чем впечатляющее падение. Правления рядаимператоров представлены лишь несколькими процентами: Михаил IV – 35 экз. (3,59%); Константин IX – 22 экз. (2,26 %), в то время как для следующих 22 лет, охватывающих периоды правления Константина X, Романа IV, Михаила VII, Никифора III, можно указать лишь 78 монет (8,01 %); наконец, для начала правления Алексея I от 1081 до 1092 г. известны всего лишь 3 анонимных фоллиса (0,31 %) (Iordanov 1987: 186, tab. 1).

Еще более показательна ситуация в Плиске: за 342 монетами (95,27 %) Иоанна Цимисхия, Василия II, Константина VIII, Романа III следует несколько разрозненных экземпляров, покрывающих остаток XI века: Михаил IV – 6 экз. (1,67 %); Константин IX – 8 экз. (2,23 %); от Константина X до Никифора III лишь 3 экз. (0,84 %) и ни одного фоллиса императора Алексея I. (Iodanov 1987: 186, tab. 1).

Не думаем, что можно говорить о перерыве византийского владычества в Добрудже (Божилов 1971: 171-172 и прим.6) между 1049-1059 гг. П. Диакону также выступил против этой гипотезы (Diaconu 1970: 70-71).

Если ряд сельских поселений был разрушен во время рейда 1046-1047 гг., то другие, в глубине провинции – Никулицел, Сарыкёй или Телица, – продолжали свое существование, как доказывают анонимные и номинированные фоллисы Константина X (1059-1067).

Археологические открытия (ни в одном поселении не зафиксирован перерыв обитания) дополняют реалии, представляемые обращением монет. Выпущенные Константином IX 1287 фоллисов позволяют окончательно отказаться от идеи о возможности печенежского присутствия на территории между морем и Дунаем в ущерб византийскому.

Простое сравнение монетных находок в Плиске и Преславе, важных центрах Болгарского государства, в которых было найдено всего 30 монет Константина IX, с добруджанскими находками (1287 экз. того же императора) опровергает всякую попытку обоснования прекращения византийского владычества в Добрудже в данный период. И. Йорданов отмечает и резкий спад количества экземпляров класса D (Iordanov 1987: 192).

Последний вопрос, который будет предложен к рассмотрению, составляет хронология византийских анонимных монет. Я основывался на «классических» хронологических выкладках, предложенных Сесиль Морисон для анонимных и номинированных фоллисов интервала 969-1092 гг., а не на датировках Филиппа Гриерсона, которыми пользуются болгарские коллеги (из последних статей напомним: Атанасов 1999: 118-120 и табл.2). Его предложения я принял сдержанно (другие мнения см. Poenaru Bordea 1981: 251, прим. 15; Oberländer-Târnoveanu 1998: 74). Для лучшего понимания напомним хронологию Гриерсона по интересующему нас периоду:

класс A2 (976?-1030/1035),
класс B (1030/1035 – 1042?),
класс C (1042?-1050),
класс D (ок.1050 – ок.1060)

– и как она отражается на открытиях в Болгарии.

Первое печенежское нападение 1027 г. нужно датировать фоллисами класса A2, помимо клада из пяти золотых монет, выпущенных Василием II в интервале 1005-1025 гг. открытый в Оброчище (Парушев 1993: 164, №59), не можем упомянуть другое собрание (Атанасов 1999: 111 указывает клад из Преслава, но эта находка содержит фоллисы класса B по Джингову 1966: 44-45). Из поселений можем напомнить Балик – фоллис класса A2 и класса A3 (Paruşev 1993: 150, класса A2), Дядово – четыре фоллиса классов A2-A3 (Diadovo I: 369), Генерал Тошево – два фоллиса класса A2-A3 (Парушев 1993: 154, №18), Кладенци – 8 экз. класса A? (Vaklinov, Stanilov 1981: 83, Атанасов 1999: 117, табель 1).

Нападение 1032 г., которое пришлось на территории южнее Дуная, продолжил рейд 1034 г. в том же направлении, но гораздо более дальний, вплоть до Салоник. Влияние новых набегов должно быть отмечено новыми находками фоллисов класса A2, но, как мы уже констатировали, их число подозрительно мало.

Следующие анонимные монеты-фоллисы класса B – выпущены в 1030/1035 гг., и их малое количество может быть связано с этими рейдами – см. клад в Кладенци-Скала (Йотов, Атанасов, 1998: 130 и рис.92) или поселения у Червен (Dimova 1985: 273-275) Добрич или Долина (Парушев 1993: 156, №21-22), где было найдено лишь по одному фоллису класса B. Эта гипотеза была оспорена Г. Атанасовым. Он предполагает, что данная эмиссия была пущена в обращение в 1034/1035 гг., и поэтому нашествия 1032 и 1034 гг., серьезно затронувшие Болгарию, не могут пользоваться нумизматической аргументацией. По его новой хронологии, монеты класса B отметили бы нападение 1036 г., имевшее драматические последствия

для Добруджи и минимальные – для Болгарии, но с другой стороны, она не может объяснить клады с десятками фоллисов класса В – Девня 450 экз., Добротица, 18 экз., Лэджена – 100 экз. (Йорданов 1981: 64, табл.5), Правенци, 124 экз. (Юрукова 1978: 61), Река Девня 96 экз. (Мирчев 1966: 148-151), которые не могли быть аккумулированы в интервале 1034/1035 – 1036 гг. Новая хронология класса В (1034/1035-1042 гг.) не коррелирует с нападениями 1046/1048 гг.

Надо отметить также тот факт, что анонимные фоллисы класса D датированы по Гриерсону в интервале ок. 1050 – ок.1060 гг., то есть в период, для которого источники не отмечают ни одного события на территории Добруджи, способного вызвать жестокие пожары и разрушения, которые уничтожили поселения Дервент и Капидава, и затронули даже столицу провинции Доростол (Ангелова, Колева, Ангелова, Иванова 1996: 33-34). По тем же соображениям мы не можем принять предложение, которое оперирует датировкой 1034-1035 гг. для фоллисов класса С и 1055-1059 гг. для фоллисов класса D (Oberländer-Târnoveanu 1998: 74).

Используя хронологию, предложенную Сесиль Мориссон для класса В (1028-1034), можно уловить особое влияние на Болгарию нападений 1032 и 1034 гг.: тогда было скрыто больше всего кладов (15) и прекращают свое существование очень много поселения (10). Находки класса С (1034-1041) очень редки: один клад в Плиске (Герасимов 1979: 141) и несколько поселений – Ятрус (Iatrus I: 207) или Ветрен (Атанасов, Йорданов 1994: 91-92). Эти нумизматические реалии согласуются с археологическими открытиями и подтверждают, что нападение 1036 г. очень мало затронуло территории южнее Дуная.

Полагаясь на хронологию, принятую С. Морисон, можно считать, что интерпретация археологических и нумизматических данных согласуется с информацией письменных источников. Это, в конечном счете, позволяет установить некоторые верные ориентиры для ряда событий истории Византии, оказавших влияние на жизнь нижнедунайских сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелова С., Колева Р., Ангелова Е., Иванова Р. 1996. Църква №2 в Дръстър // Минало, III, 3. С.28-40.

Атанасов Г. 1992. Поглед към Добруджанския Дунавски бряг от XI до XV в. // ИПр, XVIII, 8-9. С.13-31.

Атанасов Г., Йорданов И. 1994. Средновековният Ветрен на Дунав. Шумен.

Атанасов Г. 1996. Етнодемографически и етнокултурни процеси по Добруджанското Черноморие през средновековието // ИПр, LII, 2. С.3-30.

Атанасов Г. 1999. Анонимные византийские фоллисы класса В и нашествие печенегов в Добруджу в 1036 г. // Stratum plus. №6. С.111-122.

Божилов И. 1973. Към тълкованието на две известия на И. Скилица за градовете по Долния Дунав в края на X в. // ИНМВ, IX (XXIV). С.111-122.

Ваклинов С., Станилов С. 1981. Кладенци. Ранносредновековно българско селище. Варна.

Герасимов Т. 1979. Монетни съкровища намерени в България през 1968, 1969 и 1970 // ИАИ. София, XXXV. С. 134-141.

Диакону П. 1964. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР // Dacia. N.S. VIII. С.249-264.

Димова В. 1985. Монетите от цитаделата // Средновековният Червен, I. София. С.273-287.

Джингов Г. 1966. Принос към материалната култура на Преслав и неговите околности // Археология. София. 2. С.42-56.

Йорданов И. 1981. История на финансовата и кредитната система на България. 1. Варна.

Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X – XI век до с. Кладенци, Тервелско. София.

Каждан А.П. 1963. Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в. // ЗРВИ, VIII. С.177-184.

Мирчев М. 1966. Колективни монетни находки // Известия. Варна. II (XVII). С.148-151.

Парушев В. 1993. Непубликовани средновековни монети от Южна Добруджа (8-14 в.) // Добруджа. 10. С.145-167.

Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав – граничиа зона на византийски запад. София.

Юрукова И. 1978. Монетните находки открити в България през 1975 и 1976 г. // Археология. София. XX, 4. С.58-62.

Andronic A. 1968. Recenzie la Eugenia Zaharia, Săpăturile de la Dridu. Contribuţii la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român. Bucureşti // RRH., VIII, 6. P.1025-1032.

Antal L. 1984. Observaţii privind răspîndirea căldărilor de lut pe teritoriul României // SCIVA35,4. P.320-330.

Bănescu N. 1946. Les duches byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucureşti.

Barnea I. 1961. Noi contribuţii la cunoaşterea ţesutului în aşezarea de la Garvăn (secolele X – XII) // SCIV XII, 2. P.307-312.

Barnea I. 1973. Noi descoperiri din epoca feudalismului timpuriu la Dinogetia-Garvăn, jud. Tulcea (1963-1968) // Materiale, X. P.291-331.

Barnea I. 1976. Pandantive din epoca feudală timpurie de la Dinogetia // SCIVA 27, 2. P.275-276.

Barnea I. Ştefănescu Şt. 1971. Din istoria Dobrogei, III, Bizantini, români şi bulgari la Dunărea de Jos. Bucureşti.

Božilov I. 1971. Les Petchenegues dans l'histoire des terres du Bas-Danube (Notes sur le livre de P.Diaconu, Les Petchenegues au Bas-Danube) // Et. Balk., VII, 3. P.170-174.

Brătescu C. 1925-1926. Pecenegii. Pagini din istoria medievală (sec. XI) // A.D., V- VI. P.145-154.

Brătianu Gh. I. 1935. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă, Bucureşti.

Brehier L. 1970. Le monde byzantin. II. Les institutions de l'empire byzantin. Paris.

Capidava I = Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P. 1958. Capidava. Monografie arheologică. Vol. I. Bucureşti.

Cedrenus = Georgius Cedrenus Ioannis Skylitzae ope ab Immanuele Bekkero Suppletus et emendatus, I-II. Bonnae.

Cihodaru C. 1961. Observaţii critice asupra însemnărilor «toparhului bizantin» // S.C.S., XII, 2. Iaşi. P.259-272.

Coman Gh. 1969. Cercetări arheologice de suprafață în zona de nord vest a oraşului Buftea // Buftea, pagini de istorie. Bucureşti. P.35-39.
Comşa M. 1957. Unele concluzii istorice pe baza ceramicii din secolele VI – XII // SCIV, VIII, I-4. P.267-294.
Constantinescu N. 1972. Coconi. Un sat din Câmpia Română în epoca lui Mircea cel Bătrîn. Bucureşti.
Diaconu Gh., Diaconu P. 1967. Un mormînt de călăreț din secolele XI-XII descoperit la Movilita (Urziceni, reg.Bucureşti) // SCIV, 18, I. P.135-140.
Diaconu P. 1967. Despre pecenegi la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XI-lea // SCIV, 18, 3. P.463-476.
Diaconu P. 1970. Les Petchenegues au Bas-Danube. Bucureşti.
Diaconu P. 1976. Les rives du Danube â la lumiere de quelques passages de la chronique de Skylitzes // R.E.S.E.E., XIV, 2. P.311-322.
Diaconu P. 1978. Les Coumans au Bas Danube aux XI et XII siècles. Bucureşti.
Diaconu P. 1984. Pătrunderea pecenegilor în Câmpia Română şi argumentul numizmatic // SCIVA, 35, I. P.68-73.
Diaconu P. 1987. Două pendative foliforme de bronz de la Păcuil lui Soare // Cultură şi civilizație, III- IV. P.113-114.
Dimian I. 1957. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R.P.R. // SCN, I. P.189-216.
Dinogeția I = Ştefan Gh., Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967. Dinogeția I. Aşezarea feudală timpurie de la Bisericuța – Garvăn. Bucureşti.
Djadovo 1 – Djadovo. Vol. 1. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th – 12th Century). 1992. Tokai Univercity Press.
F.H.D.R. 111= Fontes Historiae Daco-Romane, III. Scriitori bizantini (secolele XI – XIV), publicate de Ak. Elian şi N. Şerban Tanaşoca. 1975. Bucureşti.
Ferluga J. 1979. Quelques problemes de politique byzantine de colonisation au XI siècle dans les Balkans // BF, 7. P.37-56.
Florescu Gr., Florescu R., Ceacalopol Gl. 1962. Săpăturile arheologice de la Capidava // Materiale, VIII. P.693-704.
Grierson, III, 2 = Grierson Ph. Catalogue of the byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. III. Part 2. Basil I to Nicephorus III (867-1081). Washington. 1973.
Harțuche H. 1970. Repertoriul arheologic al județului Brăila. P.7-34.
Harțuche H., Anastasiu E. 1980. Morminte de călăreți nomazi descoperite în județul Brăila // Istros, I. P.263-280.
Iacob M., Velter A.M., Mănucu-Adameşteanu Gh., Costin B. 1999. Monede dintr-o colecție particulară (Bogdan Costin – Babadag) // C.N., VIII – sub tipar.
Iatrus I = Iatrus-Krivina, I.Spatantike. 1979. Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau, der Ausgrabungen, 1966-1973. Berlin.
Ioniță A. 1998. La ceramique du Haut Moyen Âge de «Dridu-La Metereze» // Dacia N.S., XL-XLI. P.305-382.
Iordanov I. 1982. Établissement administratif byzantin à Preslav aux X-XI siècles // XVI Internationales Byzantinistenkongreß, Viena, 1981, Akten II / 2. P.35-44.
Iordanov I. 1987. Dobrudza (491-1092) – selon les données de la numismatique et de la sphragistique // Dobrudza. Études ethno-culturelles. Sofia. P.182-207.
Iordanov I. 1992. Sceux d'archonte de Patzinakia du XI siècle // Et. Balk., 28, 2. P.79-82.
Lefort J. 1976. Rhétorique et politique: trois discours de Jean Mauropous en 1047// TM, 6. P.265-303.
Malamut E. 1995. L'image byzantine des Petchenegues // B.Z., 88, I. P.105-147.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1980. Urme de locuire din perioada feudal timpurie la Troesmis // Peuce, VIII. P.230-247.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1991. Cronica descoperirilor monetare din nordul Dobrogei (III) // Peuce, X, I. P.575-587.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1991 a. Săpăturile de salvare din aşezarea feudal timpurie de la Ghiolul Pietrei – Independența, județul Tulcea // Peuce, X, I. P.365-371.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1992. Monede bizantine din colecția Muzeului de istorie şi Artă al Municipiului Bucureşti // R.M, XXIX, 3. P.51-54.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1992 a. Aspecte ale culturii materiale vechi româneşti în lumina descoperirilor de la Bucureşti // CAB, IV. P.57-74.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1995. Raport final asupra locuirii medievale timpurii de la Aegyssus – Tulcea (sec. X-XV) // Peuce, XI. P.363-372.
Mănucu-Adameşteanu Gh. Georgescu D. 1996. Monede bizantine din colecția Georgescu (sec. X – XIII) // Peuce, XII. P.285-294.
Mănucu-Adameşteanu Gh. 1996. a. Din nou despre monedele bizantine turnate din secolul al XI-lea descoperite în Dobrogea // Peuce, XII. P.321-377.
Mănucu-Adameşteanu Gh. Mănucu-Adameşteanu M. 1996. Contribuții la topografia antică a Dobrogei // Peuce, XII. P.103-112.
Metcalf D. M. 1965. Coinage inthe Balkans. 820-1355. Thessaloniki.
Metcalf. D. M. 1979. Coinage in South – Eastern Europe. 820-1396, Second Edition, London.
Mihai V. 1983. Cercetările arheologice de la Dridu – «La Metereze» (1978-1980) // Materiale. Braşov, 1981. Bucureşti. P.439-445.
Mitrea B. 1976. Decouvertes monetaires en Roumanie // Dacia, N.S., XX. P.287-293.
Morrisson, II = Cecile Morrisson, Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliotheque Naționale. 1970. Tome II. De Philippicus a Alexius III (711-1204). Paris.
Moscalu E. 1979. Sondaje şi cercetări de suprafață // Cerc. Arh., III. P.385-400.
Nestor I, Diaconu P. 1959, Săpăturile arheologice de la Păcuiul lui Soare // Materiale, V. P.587-592.
Nicolaescu-Plopşor D., Popovici I. 1971. Caracterizarea antropologică a unei familii din prima jumătate a secolului XI de la Dinogeția // SCA, 8, I. P.13-19.
Oberländer-Târnoveanu E., Opaiț C. 1984. Cronica descoperirilor monetare din nordul Dobrogei (II) // Peuce, IX. P.267-279.
Oberländer-Târnoveanu E. 1998. Monede antice şi bizantine descoperite la Nufaru (jud. Tulcea), păstrate în colecția Muzeului Militar Central // BSNR, LXXXVIII-LXXXIX (1994-1995). Bucureşti. P.71-106.
Oberländer-Târnoveanu I. 1980. Stațiuni antice pe raza comunei Mahmudia (jud. Tulcea) // Peuce, VIII. P.55-76.
Oikonomides N.A. 1965. Recherches sur l' histoire du Bas – Danube aux X-XI siecles: la Mesopotamie de l'Occident // RESEE, III, 1-2. P.57-80.
Oikonomides N.A. 1987. Des Valaques au service de Byzabce // RESEE, XXV, 2. P.187-190.
Opaiț A. Sion A. Vasiliu A. 1980. Aegyssus 79 // Materiale, Tulcea. P.267-275.
Panait I.P. 1969. Însemnări arheologice pe şantierele de construcție din Bucureşti (II) // MIM, VII. P.29-40.

Panaitescu A. 1980. Date noi privind feudalismul timpuriu în zona comunei Castelu // Pontica, XIII. P.284-290.
Papasima T. 1990. Pandativ foliform descoperit în Dobrogea // Pontica, XXIII. P.359-361.
Papasima T. Vertan A. 1996. Monede romane şi bizantine inedite din colecţia muzeului constăţean // Pontică, XXVIII – XXIX. P.271-277.
Păunescu A. 1976. Căldări de lut cu torţi interioare descoperite la Târgşor, jud. Prahova // Cerc.Arh., II. P.305-310.
Păunescu A., Renta E. 1992. Cercetări arheologice la Ţăndărei, jud. Ialomiţa // Cerc. Arh., IX. P.109-110.
Păunescu A., Renta E. 1998. Aşezarea medievală timpurie de la Bucu, jud. Ialomiţa // Arh. Med., II. P.51-77.
Poenaru-Bordea Gh., Popa C. 1978. Noi date numismatice privind prezenţele bizantine în Câmpia Română în secolele IX-XI // Ilfov. P.135-141.
Poenaru-Bordea Gh. 1981. Cîteva monede romane şi bizantine descoperite întîmplător la Capidava // B.S.N.R., LXX – LXXIV. P.247-251.
Poenaru-Bordea Gh. 1997. Supliment la descoperirile monetare 1914-1970 de la Histria, Al XIV-lea Simpozion Naţional de Numismatică. Tulcea, 16-18 mai. P.16-17 (rezumatul comunicării).
Popovici I. 1972. Nouvelles données anthropologiques concernat la population de Dinogeţia (X-XII siècles) // ARA, 9. P.51-60.
Postică Gh. 1995. Civilizaţia veche românească din Moldova. Chişinău.
Preda C. 1954. Urme de viaţă la Histria din secolele XII – XIII // SCIV, V, 3-4. P.531-538.
Preda C., Nubar H. 1973. Histria III. Descoperirile monetare (1914-1970). Bucureşti.
Sargologus E. 1964. La vie de Saint Cyrille le Phileote, moine byzantin (†1100). Bruxelles.
Sâmpetru M. 1973. Înmormîntări pecenege din Câmpia Dunării // SCIV, 24, 3. P.443-468.
Sâmpetru M. 1974. La region du Bas – Danube au X siècle de notre ere // Dacia, N.S., XVIII. P.239-264.
Shepard J. 1975. John Mauropous, Leo Tornikios and an alleged russian army: the chronology of the pecheneg crisis of 1048-1049 // JOBG, 24. P.61-89.
Spinei V. 1974. Antichităţile nomazilor turanici din Moldova în primul sfert al mileniului al II-lea // SCIV, 25, 3. P.389-415.
Spinei V. 1982. Consideraţii cu privire la populaţia locală din zona centrală şi meridională a Moldovei în secolele XI-XII // CI, XII – XIII. P.172-203.
Spinei V. 1994 Moldova în secolele XI-XIV. Chişinău.
Spinei V. 1996. Ultimile valuri migratoare la nordul Mării Negre şi al Dunării de Jos. Iaşi.
Suceveanu Al. 1973. Un mormînt din secolul XI e.n. la Histria // Sciv, 24, 3. P.495-502.
Şantier 1952 = Şantierul Garvăn (Dinogeţia) // SCIV, III. P.349-423.
Şantier 1953 = Şantierul Garvăn – Dinogeţia // SCIV, IV, 1-2. P.238-270.
Şantier 1954 = Şantierul Garvăn (Dinogeţia) // SCIV, V, 1-2. P.161-197.
Şantier 1955 = Şantierul Garvăn – Dinogeţia // SCIV, VI, 3-4. P.713-752.
Şerbănescu D., Trohani G. 1978. Cercetări arheologice pe Valea Mostiştei // Ilfov. P.17-42.
Ştefan Gh. 1950. Rezultatul săpăturilor arheologice de la Dinogeţia, comuna Garvăn-Tulcea //SCIV, I, I. P.69-74.
Ştefan Gh., Barnea L, Mitrea B. Protase D., Vătăşianu V. 1951. Raport preliminar asupra săpăturilor arheologice de la Garvăn – Dinogeţia. 1950 // SCIV, II, I. P.19-50.
Ştefan Gh., Barnea L, Mitrea B. 1957. Şantierul arheologic Garvăn- Dinogeţia // Materiale, IV. P.195-210.
Ştefan Gh., Bamea L, Chişvaşi-Comşa M., Mitrea B. 1959. Săpăturile de la Garvăn // Materiale, VI. P.629-652.
Ştefan Gh., Barnea L, Comşa E., Comşa M., Mitrea B. 1961. Şantierul arheologic Garvăn // Materiale, VII. P.583-598.
Ştefan Gh., Bamea I, Chişvaşi-Comşa M,, Mitrea B, 1959. Săpăturile de la Garvăn // Materiale. VI. P.583-598.
Teodor D.Gh. 1967. Descoperiri arheologice de la Şendreni – Galaţi // Danubius. I. P.129-136.
Teodor D. Gh. 1978. Teritoriul est-carpatic în veacurile V – XI e.n. Contribuţii arheologice şi istorice la problema formării poporului român. Iaşi.
Teodor D. Gh. 1996. Descoperiri arheologice si numizmatice la est de Carpaţi în secolele V – XI d.H. (Contribuţii la comunitatea daco-romană şi veche românească). Bucureşti.
Theodorescu R. 1974. Bizanţ, Balcani, Occident la începuturile culturii medievale româneşti (secolele X – XIV). Bucureşti.
Trohani G. 1986. Noi cercetări arheologice de suprafaţă pe valea Moştiştei // Cultura şi civilizaţie. II. P.15-36.
Vasiliu I., Mănucu-Adameşteanu Gh. 1984. Consideraţii finale asupra locuirii feudal timpurie (sec. X-XI) de la Aegyssus – Tulcea (campaniile 1959-1980) // Peuce. IX. P.143-156.
Vasiliu I. 1991. Săpăturile de la Dinogetia (1982-1985) // Peuce. X, 1. P.371-391.
Vasiliu I. 1996. Consideraţii finale asupra locuirii feudal timpurii de la Babadag // Peuce. XII. P.169-186.
Vâlceanu D. 1961. Opaiţe din aşezarea feudală timpurie de la Capidava // SCIV, XII, 2. P.395-400.
Vâlceanu D. 1967. Debarcaderul şi problema poziţiei geografice a cetăţii bizantine de la Păcuiul lui Soare // SCIV, 18, 4. P.593-615.
Vertan A., Custurea G. 1982. Descoperiri monetare în Dobrogea (IV) // Pontica. XV. P.275-292.
Zaharia E. 1967. Săpăturile de la Dridu. Contribuţii la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român. Bucureşti.

А.О. Добролюбский

ЕВРЕИ-ЗАПОРОЖЦЫ ПОД СТЕНАМИ ХАДЖИБЕЯ

A.O. Dobrolyubskii. Cossack Jews from Zaporozhie Under the Walls of Hadjibei.

The article researches 9 fragments of Jewish gravestones found during archaeological excavations on the remains of the foundation of the right bastion of the Hadjibei castle. The inscriptions on the gravestones are made in Russian and Hebrew. The gravestones can be dated by a «pre-Odessa» period for sure.

Летом 1998 года были продолжены археологические раскопки на Приморском бульваре в Одессе. Они проводились в районе найденных ранее (в 1997 году) остатков фундамента правого бастиона Хаджибейского замка, которые оказались «впущенными» в слой древнегреческого города VII-IV вв. до н.э. – Борисфена-Гавани Истриан (Исиаков). Об этом уже неоднократно сообщалось в периодической и научной прессе (Добролюбский 1998: 76-80). Дальнейшая разборка всего слоя производилась вдоль берегового склона бульвара по обе стороны бастиона.

Примерно в 5 метрах к югу от остатков бастиона была изучена обширная (и обильная) свалка мусора XIX – первой половины XX вв. Самыми ранними из содержавшихся в ней находок, были, пожалуй, фрагменты лепнины из дома Куликовского, разобранного при строительстве Воронцовского дворца (до середины 1820-х гг.). Мусорная свалка в нижней своей части отделялась стерильной прослойкой от предшествующей ей по времени ямы, которая стратиграфически соответствовала слою Хаджибейского замка и датировалась, таким образом, временем его существования – 1765-1789 гг.

Эта небольшая яма (80×60 см) сохранилась на глубину до 20 см и была впущена в античный слой. Она резко отчленялась от этого слоя и перекрывавшего его более позднего мусорника XIX в. своим заполнением – мраморным бутом и крошкой. На дне и частично в заполнении ямы были найдены обломки мраморных плит с надписями – видимо, от надгробий (рис.1.*2)*.

Первое сообщение об этой находке было сделано О.И. Губарем (Губарь 1998). Уточним, что обнаружено девять фрагментов различных надгробий, из которых четыре – на русском языке, а пять – на иврите. Все они выполнены на тщательно обработанных мраморных плитах (одинаковой толщины – 20 мм), что само по себе уже может указывать на сравнительно высокий статус умерших. Приведем их последовательное описание.

На одной из «русских» надписей прочитывается имя – «Исаак» (рис.1: *1*), на буквах местами сохранились остатки позолоты. Три других обломка с надписями сохранились хуже. На одном – одна лишь буква «Я» (рис.1: *6*), на другом – буквы «ЕЛ» (рис.1: *7*), на третьем – видимо, нижние части букв «ИМА» с подстрочной цифрой «20» (рис.1: *5*).

Верхняя часть одного надгробия с надписью на иврите сохранила достаточно внятное сообщение о том, что здесь «похоронена скромная женщина, имеющая великие древние корни» (рис.1: *11*). Видимо, сходная информация содержалась и на еще одном фрагменте (рис.1: *8*). Эти консультации получены в Одесском просветительском объединении «ОР САМЕАХ», которому, пользуясь случаем, мы приносим глубокую благодарность. Еще на одном фрагменте (рис.1: *10*) также имеется знак «похоронен». Рядом с ним изображен символ дома Ааронитов – одной из семей в израильском колене Левитов. Эта семья издревле состояла лишь из священнослужителей. Изображен знак благославления в виде соприкасающихся пальцев обеих ладоней, которые «формируют» Звезду Давида. Такой знак ставят только на мужских захоронениях, он показывает, что усопший имеет древние корни в роде Коген.

Сохранившиеся фрагменты надписей на иврите на двух других обломках надгробий (рис.1: *2*, 1: *9*) читаются куда менее уверенно. Поэтому здесь мы просто приводим их изображения в надежде на возможную помощь со стороны читателей. Остается попытаться понять полученную информацию, которая оказалась, как можно видеть, достаточно неожиданной.

И вот почему. О.И. Губарь, сообщая о находке надгробий, указал на достаточно широкую возможность их датировки – от времени начала строительства Хаджибейского замка (1765 г.) вплоть до 1820-х гг., до строительства

© А.О.Добролюбский, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

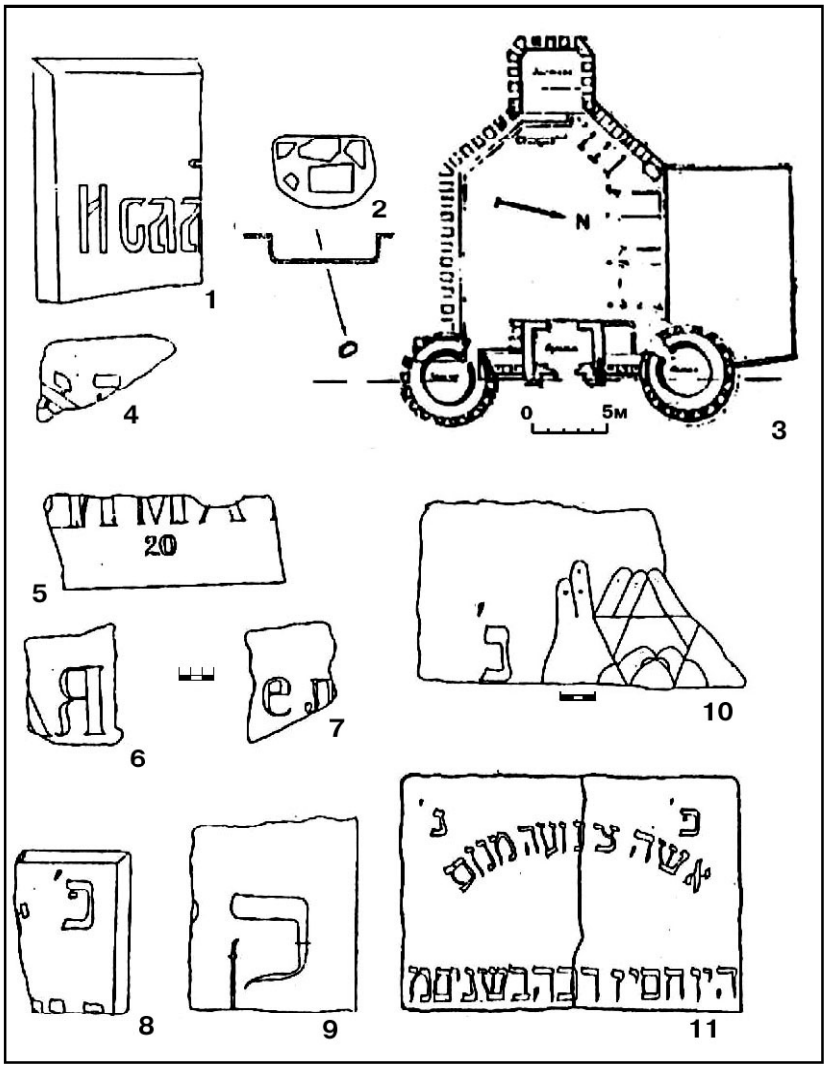

Рис. 1. 1, 4-11 – прорисовки с надгробий;
2 – яма с надгробиями (план и разрез);
3 – схема расположения ямы с надгробиями у Хаджибейского замка.

Воронцовского дворца. Если бы наши надгробия относились к первым десятилетиям существования Одессы, то их обнаружение легко объяснимо – наличие здесь значительной прослойки еврейского населения фиксируется уже ревизией 1795 г. (246 из 2349 душ). Между тем, как уже сказано, стратиграфическое положение описываемой ямы позволяет достаточно точно датировать ее «доодесским» периодом, т.е. до конца 80-х гг. XVIII в., точнее, до взятия замка отрядом Иосифа Де Рибаса. Если это так, то мы впервые получаем ясное археологическое подтверждение тому, что немалое число евреев проживало в Хаджибее и близ него до 1789 г.

Эти сведения не слишком соответствуют нашим нынешним представлениям о населении края в конце XVIII в. Впрочем, знатоков одесской истории это не удивляет. О посещении еврейскими торговцами Хаджибея еще в прошлом веке писал известный историк Одессы В.А. Яковлев. Это же, столетие спустя, подтверждает Патриция Херлихе. А в «Краткой еврейской энциклопедии» (1992) сообщается, что до взятия Хаджибея русскими войсками в нем обитало шесть евреев (О.И. Губарь полагает, что речь идет о шести семьях). Эти данные вполне соотносимы со сведениями о старинном еврейском кладбище с надгробиями XVIII в., которое сохранялось еще в конце XIX в. «по дороге на Хаджибейский лиман».

Мы здесь снова воспроизводим эти сведения отнюдь не только для того, чтобы лишний раз привлечь внимание к «еврейским» страницам истории края. Весь контекст нашей находки таит в себе иную загадку. По археологическим наблюдениям, обломки надгробий были аккуратно уложены на дно специально вырытой для этого ямы у подошвы Хаджибейского бастиона и тщательно забутованы. В этом и состоит историко-археологическая «изюминка»: мы столкнулись с сознательным захоронением надгробий под стенами Хаджибейского замка. Вероятно, была необходимость их надежно спрятать. И это никак не могло произойти в тайне от турок – слишком близко к стенам замка произошло захоронение. А произойти оно могло лишь в предощущении очевидной

опасности неминуемого осквернения еврейских могил. Такая опасность могла исходить, в данном случае, лишь от непосредственного врага – общего и для турок, и для «хаджибейских» евреев. Этим врагом могла быть лишь Россия и служившие ей украинские казаки.

Так, при первом набеге на Хаджибей осенью 1769 г. казаки, «напавши на нього, чоловіків і жінок покололи, багато хат і різних будівель у селище й навколо нього попалили, а здобич забрали собі; тут же частково вирізавши, а частково забравши в полон пастухів, захопили 20 тисяч коней, тисячу рогатої худоби, 4 тисячи овець і 180 верблюдів» (цит. по: Яворницький 1990: 272-273). Национальная принадлежность жертв этого набега не указывается, вероятно лишь, что пастухами были ногайцы. Такой же набег повторился через год. Известно также, что в июле 1774 г. Хаджибейский замок был взят русскими войсками, а затем, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, возвращен Турции вместе со всей Очаковской областью.

Маловероятно, чтобы в эти беспокойные годы под Хаджибеем было такое количество евреев, чтобы они успели умереть в достаточном числе для образования кладбища. Видимо, упомянутое кладбище образовалось позднее, в период между русско-турецкими войнами (1775-1787 гг.), который для Хаджибейского замка оказался относительно спокойным – вплоть до казацкого набега осенью 1788 г. под руководством З.Чепеги.

Откуда же здесь взялось еврейское население? Напомним, что менее чем через год после окончания русско-турецкой войны, летом 1775 г., по приказу Екатерины II была уничтожена Запорожская Сечь. Часть запорожцев осталась на службе России и образовала со временем Черноморское казачье войско. Отряды черноморцев под руководством Антона Головатого, Захара Чепеги и др. составляли особые подразделения в составе русской армии. Их история хорошо изучена.

Другая часть запорожцев перешла в Очаковскую область, на земли между Бугом и Днестром, которые принадлежали тогда Турции и Крыму. Эта акция также продолжалась несколько лет. Украинские историки (от Ф. Вовка до А. Бачинского) сообщают, что в 1775 году в турецкие земли ушло 5 тыс. человек («в Тилігул, на заробітки»), а к 1778 г. их число достигло 12 тыс. и продолжало увеличиваться – до 40 тыс. человек, образуя население так наз. «Ханской Украины».

Перешедшие на сторону Турции запорожцы поселились в Очаковской области, на Березани, по Тилигулу, у Хаджибея и Балты, от Аккермана до Бендер, а также в Буджаке, в дунайских гирлах, где они жили в землянках. В августе 1778 г. им были выделены земли для основания Сечи в низовьях Днестра и Кучургана, а кошевому атаману – полковнику Гнату – присвоено звание бунчужного паши. Старшина принял присягу, согласно которой 40 тысяч запорожцев обязывались служить «турецкому двору верно и непременно». В апреле 1779 г. запорожский кошевой договаривается в Константинополе о расселении казаков у Хаджибея, Аджидера и у Березани. Все это вызывало серьезную обеспокоенность русского правительства, которое стремилось отселить враждебных России запорожцев за Дунай, подальше от русских границ. Однако этот вопрос так и не был решен до начала очередной русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Очевидно, что запорожцы, оставшиеся на службе России, и запорожцы, служившие Турции, оказались «по разные стороны баррикад». Надо полагать, их численность была сопоставимой с обеих сторон. Известно, что черноморские запорожцы составляли 12500 человек, в то время как демографический потенциал «турецких» запорожцев (более 40 тыс. «заблудших овец», по выражению А. Скальковского) вполне мог противопоставить не меньшее число вооруженных людей (см. об этом Бачинський 1994: 6-17).

Вернемся к еврейским надгробиям. Сама мысль о пребывании евреев в запорожской среде кажется маловероятной, пожалуй, любому человеку, воспитанному в духе российско-советской исторической традиции. Это настолько очевидно, что когда в начале 1950-х гг. секретарь Одесского обкома Компартии по идеологии В.С. Готт рассказал в своем докладе, что «был в Одессе профессор, который разыскал в Запорожье Янкелей и Ицек», то это заявление вызвало оживление и хохот в зале (Боровой 1993: 192).

Этим профессором «был» знаменитый ныне историк С.Я. Боровой, который еще в 1930-е гг. обнаружил в открытом А.А. Скальковским архиве Запорожской Сечи множество документов на еврейском языке. Скальковский читать по-еврейски не умел, а Боровой умел превосходно. Опуская здесь подробности судьбы архива, сообщим лишь читателю, что эти документы, до того времени никем не читанные, легли в основу докторской диссертации С.Я. Борового, защищенной в 1940 г. в Институте истории АН СССР. Диссертация называлась «Исследования по истории евреев на Украине XVI-XVIII вв.» и состояла из трех частей: «Евреи в Запорожской Сечи», «Национально-освободительная борьба украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» и «Евреи в Левобережной Украине в XVII-XVIII вв.». Первые две части были опубликованы, соответственно, в научных журналах «Исторический сборник», т.1, Ленинград, 1934, и «Исторические записки», т.9, Москва, 1941. Третья часть, как и другие работы Борового на эту тему, изданы не были. А «чудом» опубликованные разделы диссертации, как с грустью

сообщает Саул Яковлевич, были «профилактически» изъяты многими библиотекарями. Поэтому трудно упрекнуть широкого читателя за незнакомство с трудами С.Я. Борового – они были неизвестны даже таким маститым авторам, как В.А. Голобуцкий и Е.И. Дружинина, специально занимавшимся в то время историей Запорожья. Видимо, они мало известны и ныне действующим украинским историкам. Это понятно – диссертация Борового была в свое время «напечатана на обороте блеклых обоев в трех экземплярах». Но она не прошла незамеченной и, как пишет автор, «была положительно оценена в ряде рецензий и даже стала источником повести одного украинского писателя (фамилию его Боровой не указывает – А.Д.) о евреях-запорожцах». После войны С.Я. Боровому вернуться к этой теме не удалось.

Автор этих строк обязан своей относительной осведомленностью в этом сюжете как личному знакомству с Саулом Яковлевичем, так и его посмертно изданным «Воспоминаниям» (Боровой 1993: 189-217), к которым можно смело отослать читателя за подробностями. Применительно же к нашим надгробиям ясно, что они являются всего лишь археологическим подтверждением существования еврейского населения в среде запорожцев, в том числе и ушедших под Хаджибей после 1775 г. Труды Борового показывают, что доля евреев в запорожской среде была весьма значительной – настолько, что евреи в некоторых случаях даже выступали как «воюющая сторона», как самостоятельные военные еврейско-казацкие отряды.

На фоне сказанного кажется естественным, что группа евреев-казаков оказалась в числе запорожцев, которые, начиная с 1775 г., после разгрома Сечи, «тогда убрались под Турка, к Тилигулу, там не усидели, но поселились у подошвы Гаджибейской крепости, в т.н. ныне Карантинной балке, и после основали предместье нашего города – Пересыпь» (цит. по: Брун 1879: 188). И если это так, то само расположение еврейского кладбища с надгробиями XVIII в. близ «дороги к Хаджибейскому лиману» вполне объяснимо: это было кладбище евреев-запорожцев, бежавших под защиту турок. Осквернить это кладбище могли лишь их тогдашние враги в условиях начавшейся войны 1787-1791 гг.

Наиболее вероятно, что упомянутое кладбище подверглось разрушению в ноябре 1788 г., во время набега казацкого отряда Захара Чепеги под Хаджибей. Ведь черноморские казаки, как и в предыдущих случаях, даже не пытались взять крепость – набег был осуществлен лишь «для истребления сооруженных там магазинов для провианта» (Дерибас 1990: 3). Видимо, нетрудно было при этом и покрушить надгробные памятники на «жидівськом» кладбище – ничего зазорного в этой акции православные казаки не усматривали. А в тревожных военных услових того времени уцелевшие хаджибейские евреи опасались восстанавливать могилы своих родичей – обломки надгробий были тщательно спрятаны, «захоронены» под защитой хаджибейских стен. Замок охранял это «захоронение» вплоть до своего падения в сентябре 1789 г.

Показателен состав обломков в «захоронении» – ясно, что после вандализма на еврейском кладбище были отобраны и спрятаны наиболее «ценные», значимые обломки надгробий, принадлежавшие самым родовитым членам общины, в том числе и священнослужителю-левиту (рис.1: *10*, *11*). Это же, видимо, касается и обломков с надписями на русском языке. Так, очевидна «еврейская окрашенность» имени Исаак. Можно лишь предположить, что в еврейской среде запорожцев язык общения не имел существенного значения. По наблюдениям С.Я. Борового, многие документы из архива Запорожской Сечи написаны на украинском языке, транскрибированном еврейскими буквами. Это – редчайший случай в архивной практике. Поэтому А.А. Скальковский не сумел их прочесть.

Другой редчайший случай – в археологической практике – сберег описанный памятник до наших дней. Именно археологическая удача позволила нам вырвать этот драматический эпизод предыстории Одессы из мрака забвения.

ЛИТЕРАТУРА

Бачинський А.Д. 1994. Січ Задунайська. Одеса: Гермес.

Боровой С.Я. 1993. Воспоминания. Москва-Иерусалим.

Брун Ф.К. 1879. Черноморье. Ч.1. Одесса.

Губарь О.И. 1998. Новые загадки старого Хаджибея // Вестник региона. №37. Одесса.

Дерибас А.М. 1990. Старая Одесса. Одесса.

Добролюбский А.О. 1998. Причудливая судьба остатков Хаджибея // Restoration. Reconstruction. Urboecology. Щорічник НК ICOMOS (RUR-98). Одеса, Б-Дністровський.

Яворницький Д.І. 1990. Історія запорізьких козаків. Т.1. Львів: Світ.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

С.В. Белецкий

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ[1]

S.V. Beletskii. The Origin of the Russian Heraldry.

The term «heraldry» is not used with the personal and urban emblems of the Russian Middle Age. Indeed, in XIV-XVII Russia did not know stems. There were, however, signs, which undoubtedly were symbols of power. These were the Rurik dynasty's bidents or tridents; their images are found on various objects, including the earliest coins and stamps. Majority of researchers are inclined to interpret them as personal and family symbols of the Russian knyazes in X-XIII c.

The Rurik dynasty's signs treated as stems face an essential difficulty. The stem's layout follows strict rules, its inheritance is also strictly regulated. Meanwhile, the written records do not mention any rule on inheritance of the dynasty's tamga. The same signs would be ascribed to different knyazes upon an assumption that a son of a trident's owner could use a bident, and after that could use the trident again. If so, then it seems there were no laws in transmitting the signs from one generation to another, and hence, the signs are heraldic in essence. A conclusion on chaotic rules of inheritance of the signs, however, is wrong, because genealogical schemes have been built so far upon various ideas about personifications of the signs depending on the place they were found and dating of the object.

To overcome this hypothetic practice, a new research has been pursued of the primary record. It reviewed objects dated by X – XI cc. with images of the Rurik's dynasty: coins (Chapter 1), stamps (Chapter 2), graffiti on coins (Chapter 3), drawings on household items and walls of temples (Chapter 4), the so-called "heraldic pendants" (Chapter 5), potter's stamps (Chapter 6) and graffiti on bludgeon made of horn (Chapter 7). The research has crowned with a genealogical scheme (fig. 35) containing personified signs of the Russian knyazes. It established that a simple bident was used by the ruling dynasty since Igor, and could be used already by his father Rurik. Until the IV generation the sign was inherited without any changes. Its first transformations took place in time of Svyatoslav's sons: one of them, Yaropolk, was entitled to receive the family's bident, Oleg changed its leg's shape, and Vladimir used trident when his father was still alive. Apparently, it was during Svyatoslav's sons' fight for their father's heritage that Rurik's family sign transformed into personal-family one.

This transition to use of personal-family signs is also connected with representatives of the V generation of the dynasty. Svyatopolk Yaropolchich, the only son of Svyatoslav's eldest son, used his family's bident till 1013, later to change its form. St. Vladimir's sons originally used to possess personal-family signs: Vysheslav added a cross to the leg of his father's trident; his younger brothers would change the shape of the central dent. The same principle by which the elder son changes the leg of the inherited trident can be seen with representatives of VI-VII generations – grand- and great-grandchildren of Vladimir Svyatoslavich.

So, Russia not only had a set-up structure of personal and family signs, but also followed a detailed order of their inheritance. One can be sure ascertaining that in X-XI cc. there was a peculiar heraldic system in Russia, and Rurik dynasty's signs we find today are Russia's earliest stems.

Предисловие

В отечественной литературе термин «геральдика» применительно к изучению личных и городских эмблем эпохи русского средневековья практически не употребляется: исследователи подменяют его нейтральным понятием – «эмблематика». «Характерной особенностью герба является его наследственность... Изображение может считаться гербом только тогда, когда оно переходит от отца к сыну, из поколения в поколение... Эмблемой является условное изображение какого-либо понятия... Совокупностью эмблем занимается эмблематика», – подчеркивали Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов в учебном пособии по русской сфрагистике и геральдике (Каменцева, Устюгов 1974: 5-7). Исследователи полагали, что геральдики в строгом смысле слова на Руси не было вплоть до 1722 г., когда по инициативе Петра Великого в России создается герольдмейстерская контора и учреждается должность герольдмейстера. Для допетровского времени обычно указывают на первые робкие попытки герботворчества: «В XVII в. русская геральдика как система определенных требований делала лишь первые шаги. Это в равной мере относится и к государственному гербу, и к городских гербам, и к гербам частных лиц. Настоящее развитие русское гербоведение получает в XVIII в.», – констатировали Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов (1974: 172).

[1] Работа подготовлена в рамках проекта «Начало русской геральдики», поддержанного РФФИ (проект № 00-06-80318а).

© С.В. Белецкий, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

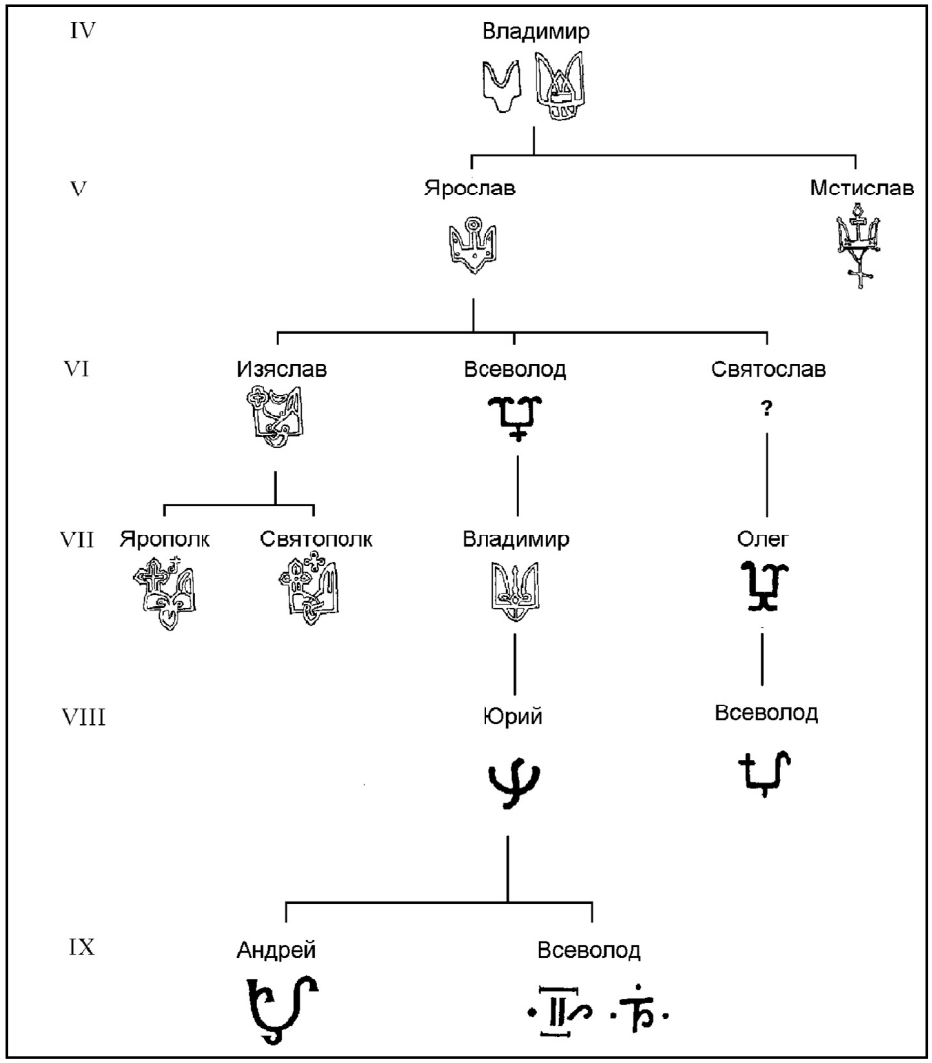

Рис.1. Генеалогия знаков Рюриковичей по Орешникову (1930; 1936), Рыбакову (1940).

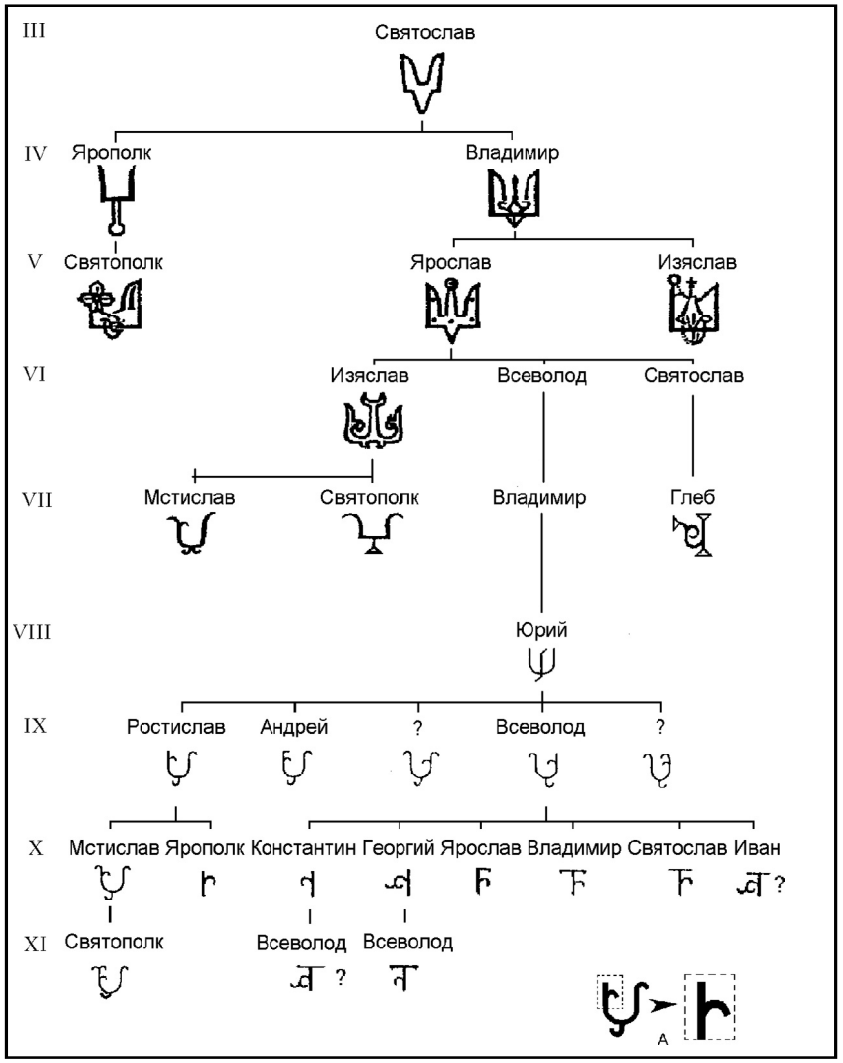
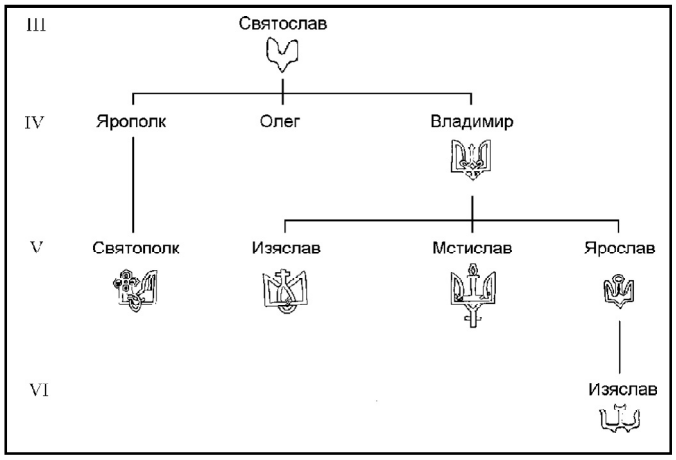

Рис.2. Генеалогия знаков Рюриковичей по Янину (1956, 1957, 1970, 1982).

Рис.3. Генеалогия знаков Рюриковичей по Сотниковой, Спасскому (1983).

Сходного мнения придерживается и Н.А. Соболева. Анализируя предысторию городских и областных гербов Российской империи, исследовательница отмечает: «Если говорить о Руси, то следует признать, что здесь еще в домонгольский период существовали *эмблемы*, которые могли превратиться в городские гербы. Монголо-татарское нашествие затормозило развитие *эмблем* и *символов* на Руси... Создание Русского централизованного государства повлекло за собой возникновение и общегосударственных *эмблем*. Особенности исторического развития исключали возможность становления института городских гербов в русских землях в период, когда в странах Западной Европы городские гербы получили широкое распространение. Однако нельзя отрицать, что существовавшие в древней Руси *эмблемы* могли лечь в основу городских гербов, если бы таковые возникли. В XV-XVI вв. территориальные *эмблемы* получают в Русском государстве право на существование» (курсив мой – *С.Б.*) (Соболева 1981: 15-17).

«Для России характерно довольно позднее формирование геральдических принципов..., – соглашается с общим мнением А.Л. Хорошкевич, делая при этом неожиданный вывод: Стертость формальных признаков, указывающих на существование... государственной символики, свидетельствует о медленности процесса формирования на Руси государственного, общественного, социального самосознания» (Хорошкевич 1993: 9-10). Исследовательница убеждена, что «вплоть до конца XII в. Русь не

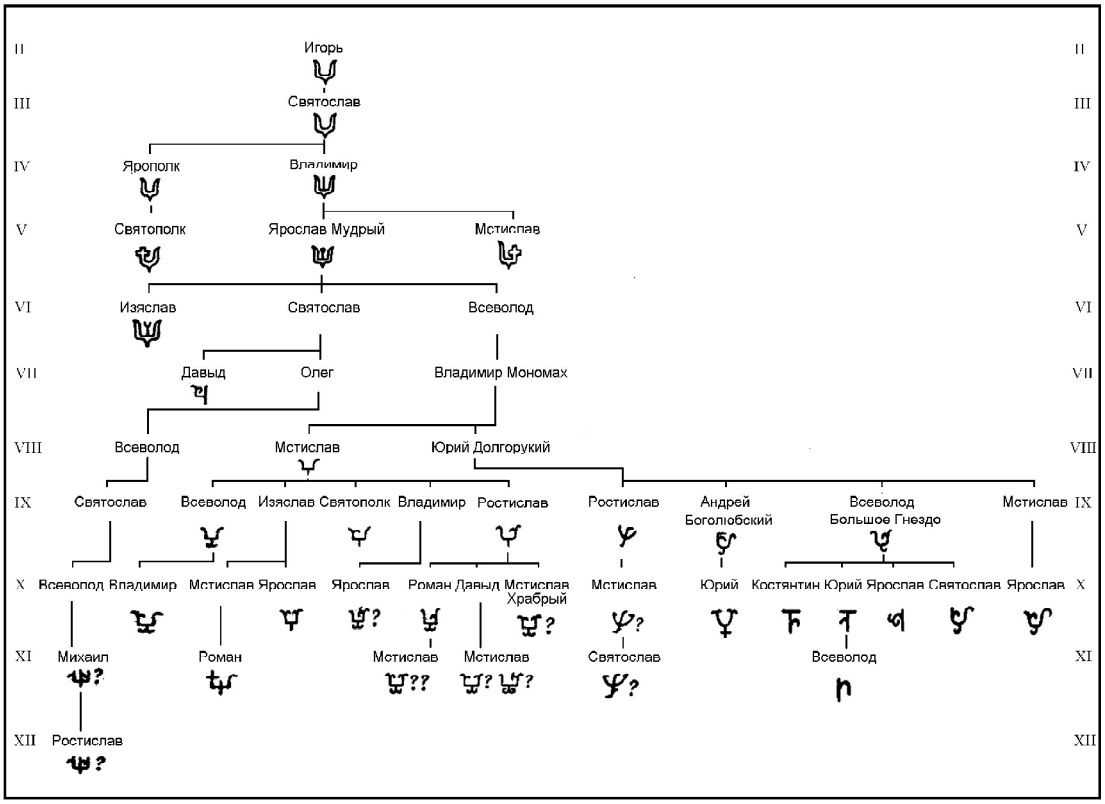

Рис.4. Генеалогия знаков Рюриковичей по А.А. Молчанову (1984).

имела собственной государственной эмблематики» (Хорошкевич 1993: 14).

Действительно, в XIV-XVII вв. Россия не знала гербов в строгом смысле слова. Широко известные по монетам и печатям этого времени изображения воинов, зверей, птиц и проч. не имели каноничной иконографии. Даже широко известные изображения «лютого зверя» – хищника семейства кошачьих – изображались настолько по-разному, что порой угадать, кто именно изображен, можно было только по мягким кошачьим лапам животного. Изображение конного копейного воина, с XV в. являвшееся символом Московского княжества (с середины XVI в. – царства) также не отличалось строгой иконографией, хотя, безусловно, заключало в себе информацию о конкретном государственном образовании, и именно в этом качестве воспринималось современниками.

Однако имеется большая группа источников, принадлежность которых к символам власти никем всерьез не оспаривается. Речь идет о так называемых знаках Рюриковичей – двузубцах или трезубцах либо производных от них формах, изображения которых отмечены на самых разных предметах, в том числе – на древнейших русских монетах и печатях. Большинство исследователей признает за знаками Рюриковичей значение лично-родовых символов русских князей X-XIII вв., указывающих на место их носителей в общественной иерархии своего времени. Но можно ли считать знаки Рюриковичей гербами русских князей?

В настоящее время известно около 300 вариантов знака Рюриковичей. Круг памятников с изображениями этих знаков весьма широк: подвесные печати и пломбы, прикладные печати и перстни-печатки, предметы вооружения и снаряжения воина, произведения прикладного искусства и орудия труда ювелира, памятники монументальной и станковой живописи, бытовая и строительная керамика. Благодаря фундаментальным исследованиям нескольких поколений историков[2] установлено, что генезис знака основан на принципе появления или исчезновения «отпятнышей», придававших знаку индивидуальные черты. Наиболее ранние из известных знаков Рюриковичей относятся к X в. а в середине XIII в. знаки Рюриковичей исчезают из обихода.

Проблема геральдического характера знаков Рюриковичей, то есть – выполнения знаками функции гербов, традиционно наталкивается на существенную трудность. Оформление герба подчинено строгим правилам, и, равным образом, строгим правилам подчинено наследование герба при переходе от отца к сыну. Между тем, правила наследования тамги Рюриковичей в литературе никогда не фиксировались. Одни и те же знаки разные исследователи приписывали разным князьям (рис. 1-4), допуская, что при наследовании знака сын владельца трезубца мог пользоваться двузубцем, а его сын, в свою очередь, мог вернуться к трезубцу. Если это так, то наследование знака при переходе от отца к сыну действительно оказывается бессистемным, и, следовательно, говорить о геральдическом характере знаков Рюриковичей не приходится.

Полагаю, вытекающая из существующих версий генеалогии знаков хаотичность их наследования на самом деле мнимая. Дело в том, что генеалогические стеммы строились с опорой на догадки относительно персонификации знаков. Отождествление одних и тех же знаков к разным лицам, известными по письменным источникам, проводилось с опорой на сведения о месте находки предмета и на датировку этого предмета без учета возможного пути трансформации знака.

Но, коль скоро в основу построения генеалогии знаков положены гипотетические персонификации, сама генеалогическая стемма теряет доказательную силу и, во всяком случае, не может стать основанием для вывода об отсутствии правил наследования знака при переходе от отца к сыну: в основе масштабных построений оказываются не препарированные факты, а общие соображения. Полагаю, что попытки персонифицировать знаки до решения вопроса о правилах наследования этих знаков остаются на уровне гипотез, недостаточно аргументированных для того, чтобы быть положенными в основу принципиальных выводов.

Очевидно, что единственным путем проверки сказанного является новое обращение к первоисточнику – к предметам, несущим изображения знаков Рюриковичей.

Предлагая вниманию коллег реконструкцию правил наследования знаков Рюриковичей (Белецкий 1991; 1996в; 1998а; 1998б; 2000а), я отдаю себе отчет в том, что эта версия не бесспорна. Однако подробное изложение мнений предшественников до некоторой степени нейтрализуют авторскую оценку информативных возможностей имеющегося источника. Кроме того, воспроизведение прорисовок большинства известных в настоящее время изображений знаков Рюриковичей X-XI вв. позволит читателю делать самостоятельные выводы.

Отдельные части настоящей работы обсуждались на заседаниях Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН (СПб), кафедры музееведения СПбГУКИ, на конференциях и семинарах в ИРИ РАН (Москва), Европейском университете (СПб), Псковском музее-заповеднике (Псков), на Шестой и Восьмой Всероссийских нумизматических конференциях (СПб. 1998; Москва 2000) и на Шестом Международном конгрессе славянской археологии (Новгород, 1996). Пользуюсь случаем поблагодарить коллег, принимавших участие в обсуждении предлагаемой работы за доброжелательно-критический интерес к ней.

[2] Подробный историографический обзор см.: (Молчанов 1997: 104-115).

Глава 1
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ МОНЕТАХ

Древнейшие русские монеты – златники и сребреники – известны исследователям с конца XVIII в. (Сотникова 1995: 128). Типология монет и хронологическая последовательность чеканки были установлены еще И.И. Толстым (1882). Изданный в 1983 г. сводный каталог русских монет X-XI вв. (Сотникова, Спасский 1983) включал сведения о 334 монетах, большая часть которых происходит из двух кладов – найденного в 1852 г. в местечке Нежин на Черниговщине (около 200 монет) и обнаруженного в 1876 г. в Киеве (около 120 монет). В 1995 г. М.П.Сотникова подготовила дополненную версию каталога, в которой были включены сведения о 340 монетах, сгруппированных в 10 типов[1] (Сотникова 1995):

1. Златники с именем Владимира;
2. Сребреники с именем Владимира типа I;
3. Сребреники с именем Владимира типа II;
4. Сребреники с именем Владимира типа III;
5. Сребреники с именем Владимира типа IV;
6. Сребреники с именем Святополка;
7. Сребреники с именем «Петрос»;
8. Сребреники с именем «Петор»;
9. Сребреники с надписью «Ярославле сребро»;
10. Сребреники с надписью «Ярославле сребро» с буквой R.

Знаки на златниках и сребрениках Владимира типа I

Златники и сребреники Владимира типа I оформлены сходно: на аверсе[2] размещено изображение Вседержителя, на реверсе – изображение князя. Знак помещен над левым плечом князя (рис. 5).

Знаки на златниках Владимира однотипны: это – трезубцы с широкими боковыми зубцами и широким основанием, обозначенные контуром, тонким центральным зубцом, в середине или в нижней части которого близко к основанию имеется утолщение-точка. Ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вниз (рис. 5: *2-6*). Вершины боковых зубцов чаще всего имеют вид скошенных внутрь плоскостей, отделенных от боковых сторон зубца отчетливыми «изломами».

Знаки на сребрениках Владимира типа I несколько разнообразнее, однако в целом близки знакам на златниках. В большинстве своем это трезубцы с широкими боковыми зубцами и широким основанием, обозначенными контуром, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз. У ряда трезубцев вершины боковых зубцов имеют вид скошенных внутрь плоскостей, отделенных от боковых сторон зубца отчетливыми «изломами» (рис. 5: *8-11, 15, 16, 18, 20, 24*), однако есть и трезубцы, вершины боковых зубцов у которых плавно сходят на острие (рис. 5: *12-14, 17, 19, 21-23, 25, 2*6). В ряде случаев на центральном зубце (в середине или в нижней части) имеется одно (рис. 5: *9-11, 18, 26)* или два (рис. 5: 7, *8, 13, 25*) утолщения-точки, однако подобные утолщения могут и отсутствовать вовсе (рис. 5: *12, 14-17, 19-24*). Ножка трезубца в большинстве случаев обозначена контуром (рис. 5: *9-19, 22, 25, 26*), однако могла обозначаться также двойным контуром (рис. 5: *20, 21, 23, 24*). У трезубца на монете № 38[3] ножка хотя и имеет вид треугольника, обращенного острием вниз, но само острие скруглено, так что треугольник оказывается близким по очертаниям к овалу.

У трезубца на монете № 7 (рис. 5: *8)* ножка имеет вид вытянутого по вертикали овала с острыми вершинами, однако верхняя часть овала накладывается на основание трезубца, соединяясь с центральным зубцом, так что нижняя часть овала (собственно ножка трезубца) в конечном счете также имеет вид треугольника, обращенного острием вниз. Тем не менее именно схема построения этого трезубца объясняет особенность оформления нижней части центрального зубца на монетах, отчеканенных штемпелями № 10, 15 и 18 (рис. 5: *10, 13, 18*): центральный зубец трезубцев на этих монетах опирается не непосредственно на основание трезубца, а на треугольное расшире-

[1] В каталоге 1983 г. М.П. Сотникова и И.Г. Спасский отмечали, что они в основном следуют классификации монет, установленной И.И. Толстым (Сотникова, Спасский 1983: 59). «Новый каталог...построен в соответствии с классификацией Толстого», – подчеркивала М.П. Сотникова и в монографии 1995 г. (Сотникова 1995: 172).

[2] За аверс у златников и серебреников Владимира типа I принимается та сторона монеты, на которой помещено изображение Вседержителя. Аверс и реверс у серебреников Владимира типов II–IV, а также у серебреников Святополка определен в соответствии с формулой легенды, начинающейся у большинства штемпельных пар на стороне с изображением князя и завершающейся на стороне с изображением знака. По аналогии с этими монетами определяется аверс и реверс у монет с именем «Петор». Изображение Св. Георгия можно расценивать как символическую передачу имени эмитента, то есть в качестве синонимичного изображению князя, поэтому именно эта сторона монет принимается за аверс.

[3] Здесь и далее: ссылки в тексте даются на номера штемпельных пар по каталогу М.П. Сотниковой (1995).

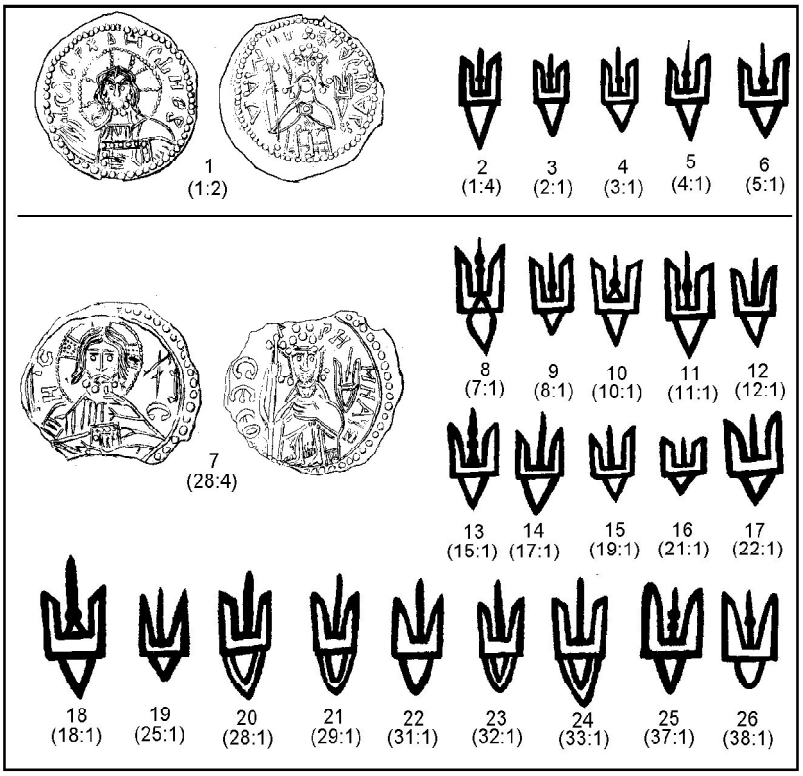

Рис.5. Знаки на златниках (1-6) и сребрениках (7-25) Владимира типа I. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1, 7 – прорисовки по И.И. Толстому; 2-6, 8-25 – прорисовки по фотографиям.

ние, обозначенное контуром (рис. 5: *10, 18*) либо имеющее вид расширения нижней части зубца (рис. 5: *13*). Во всех перечисленных случаях основание центрального зубца представляет собой, подобно трезубцу на монете № 7, верхнюю часть овала, нижняя часть которого является ножкой трезубца, а центральная часть скрыта за основанием трезубца.

Таким образом, знаки на златниках и сребрениках Владимира типа I могут быть разделены на две группы:

А. Трезубцы с широкими боковыми зубцами, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Б. Трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким центральным зубцом, переходящим в вытянутый овал, верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием трезубца и становится ножкой знака. Овал либо перекрывает основание трезубца, либо скрыт за ним.

Знаки обеих групп занимают на монетах одинаковое положение и, безусловно, взаимозаменяемы. Очевидно, что речь идет о чисто декоративных различиях, поскольку и знаки группы А, и знаки группы Б, в конечном счете, являются трезубцами с широкими боковыми зубцами, тонким центральным зубцом и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Знаки на сребрениках Владимира типов II-IV

На аверсе сребреников Владимира типов II-IV помещено изображение князя в регалиях, а изображение знака в форме трезубца занимает реверс монеты.

Знаки на сребрениках типа II (рис. 6: *1*) однотипны – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и центральным зубцом, переходящим в вытянутый овал, верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием трезубца и становится ножкой знака. В большинстве случаев центральный зубец тонкий либо незначительно утолщенный в центральной части, только на монете № 89 (рис. 6: *13*) центральный зубец, возможно, имеет копьевидную форму[4].

Место соединения центрального зубца с верхней частью овала в большинстве случаев обозначено кружком, причем этот кружок по своему диаметру чаще всего не превышает толщину центрального зубца. На монетах № 87, 88 и 90 (рис. 6: *14*) овал перекрывает основание

[4] Именно так данный элемент обозначен на прорисовке в работе И.И. Толстого (1882: табл.11: *5*). Правда, судя по фотографии, опубликованной в корпусе М.П. Сотниковой, копьевидная форма зубца связана с деффектностью единственного экземпляра от штемпельной пары № 89: на этой монете, происходящей из Нежинского клада,. центральный зубец трезубца как будто бы слегка расплющен, а верхняя часть реверса монеты сильно стерта.

трезубца, во всех остальных случаях он перекрыт основанием трезубца, причем в одних случаях контуры овала зрительно прослеживаются довольно отчетливо (рис. 6: *1, 6, 10, 12, 13*), а в других нижняя часть овала «отрывается» от верхней, так как точки соединения ножки с основанием не вписываются в контур овала (рис. 6: *2-5, 7-9, 11, 15-16*).

Верхняя часть контура основания трезубца образована двумя изогнутыми линиями, образующими под правым и левым зубцами петлевидные кружки, на которые опираются внутренние линии контуров боковых зубцов. В центральной части основания линии верхней части контура соединяются и образуют единую вертикальную черту, разделяющую надвое ножку трезубца (рис. 6: *1-16*).

Очевидно, трезубцы на сребрениках Владимира типа II по схеме построения соответствуют трезубцам группы Б на златниках и сребрениках Владимира типа I, причем такая схема построения знака является чисто декоративным приемом, а исходный – «простой» тип трезубца соответствует трезубцам группы А на златниках и сребрениках Владимира типа I.

Знаки на сребрениках типа III (рис. 7: *1*) по схеме построения более разнородны, нежели знаки на сребрениках типа II. Хотя все знаки – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким (кроме монеты № 117) центральным зубцом, схема построения трезубца различна: в большинстве случаев угадывается схема, лежащая в основе трезубцев группы Б, однако только на части монетах эта схема, осложненная дополнительными орнаментальными завитками и петлями, читается безусловно (рис. 7: *1, 7-9, 15, 20, 21*), в других случаях нижняя часть овала, составляющая ножку трезубца, имеет вид треугольника, обращенного острием вниз (рис. 7: *6, 11, 16, 17*) либо — сердцевидный облик (рис. 7, *2, 5, 18, 19*).

В ряде случаев центральный зубец не опирается на вершину овала, а пересекает ее, опираясь на петли, составляющие верхнюю границу основания трезубца. Отмеченная для трезубцев на сребрениках типа II точка-выступ, отделяющая центральный зубец от вершины овала, на сребрениках типа III часто размещена на зубце выше точки соединения его с овалом (рис. 7: *3-5, 7, 9, 10. 13, 14*).

Вполне очевидно, что резчики штемпелей не всегда осознавали такую схему построения трезубца, при которой ножка составляла с основанием центрального зубца единый овал. При этом принцип оформления трезубца, при котором боковые зубцы шире центрального, а ножка имеет форму треугольника, соблюдался неукоснительно. Это дает основание считать, что большинство элементов трезубца на сребрениках типа III являются декоративными.

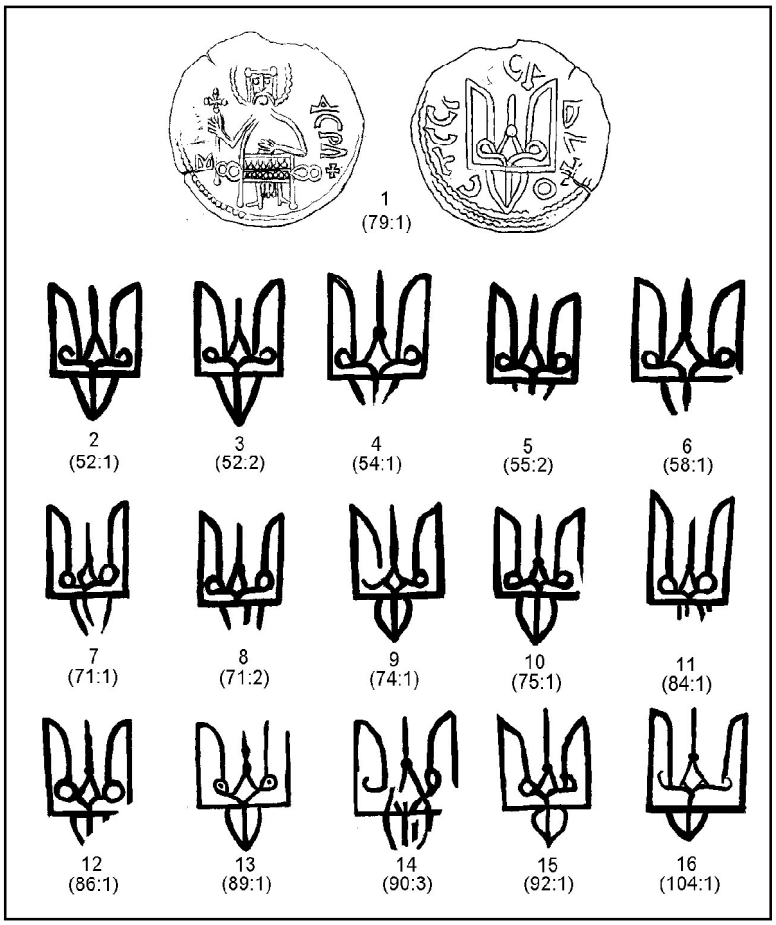

Рис. 6. Знаки на сребрениках Владимира типа II. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-16- прорисовки по И.И. Толстому.

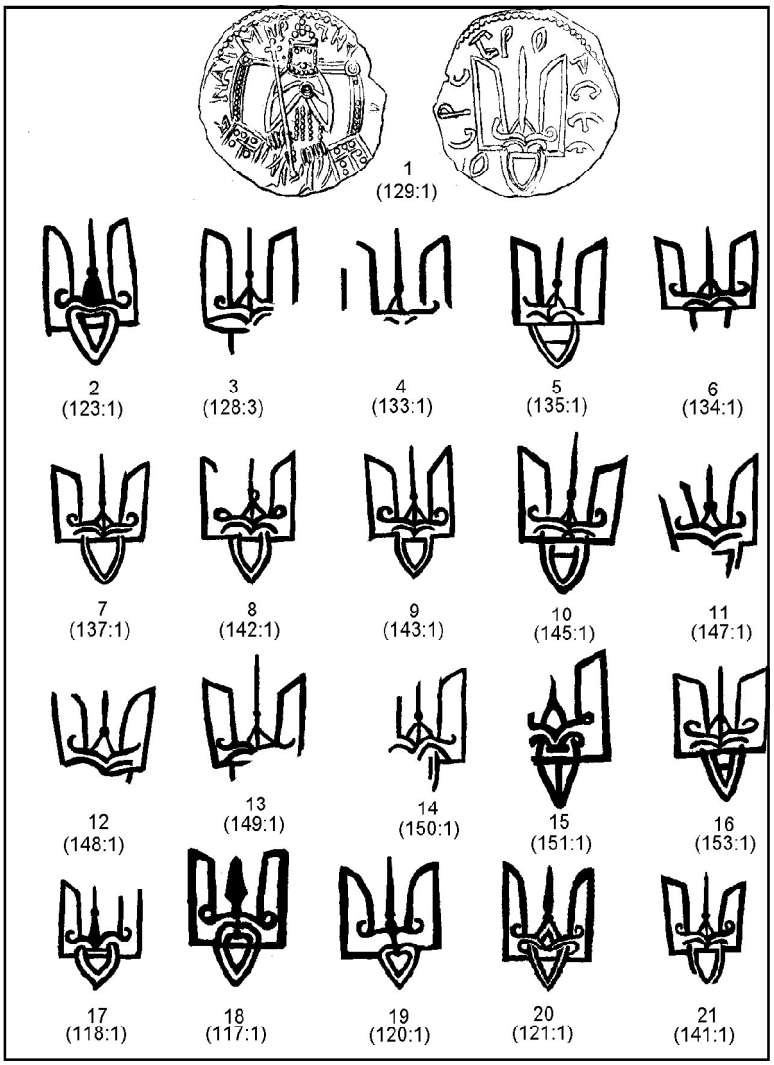

Рис. 7. Знаки на сребрениках Владимира типа III. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-17-прорисовки по И.И. Толстому; 18-21 – прорисовки по фотографиям.

Среди других знаков на сребрениках типа III выделяется трезубец на монете № 117 (рис. 7: *18*). Центральный зубец у этого знака имеет ярко выраженное копьевидное завершение, а ножка – сердцевидную форму, обозначенную двойным контуром. Если права М.П. Сотникова, полагавшая, что штемпельная пара для монеты № 117 изготовлена тем же мастером, что и штемпеля для монет № 118-122 (Сотникова 1995: 73-75, 186), то копьевидное оформление центрального зубца, не повторяющееся в трезубцах на монетах № 118-122, можно считать чисто декоративным элементом оформления трезубца[5].

В основе построения знака на сребрениках Владимира типа IV (рис. 8: *1*) лежит схема Б – это трезубцы с широкими боковыми зубцами и тонким центральным зубцом, переходящим в вытянутый овал, верхняя часть которого находится над основанием трезубца и представляет собой расширение центрального зубца, а нижняя часть находится под основанием трезубца и является ножкой знака. Верхняя часть контура основания трезубца образована двумя изогнутыми линиями, образующими под правым и левым зубцами петлевидные кружки, на которые опираются внутренние линии контуров боковых зубцов. В центральной части основания линии верхней части контура соединяются и образуют единую вертикальную черту, разделяющую надвое ножку трезубца. Центральная часть овала размещена поверх основания трезубца, составляя вместе изогнутыми линиями верхней части контура основания сложную «плетенку». Точка на центральном зубце у одних монет находится в месте соединения зубца с овалом (рис. 8: *2, 9*), у других размещена ближе к середине высоты зубца

[5] Полной уверенности в том, что штемпеля реверса на монете № 117 и монетах № 118-122 резались одним мастером, у меня нет, поскольку оформление ножки трезубца на этих монетах различное: на монетах № 117 и 120 ножка сердцевидной формы, в то время, как на монетах № 118-119 и 121-122 достаточно отчетливо читается схема построения трезубца, аналогичная схеме Б златников и сребреников типа I. Однако в любом случае трезубцы на монетах № 117 и 120, близкие по оформлению ножки, различаются по оформлению центрального зубца.

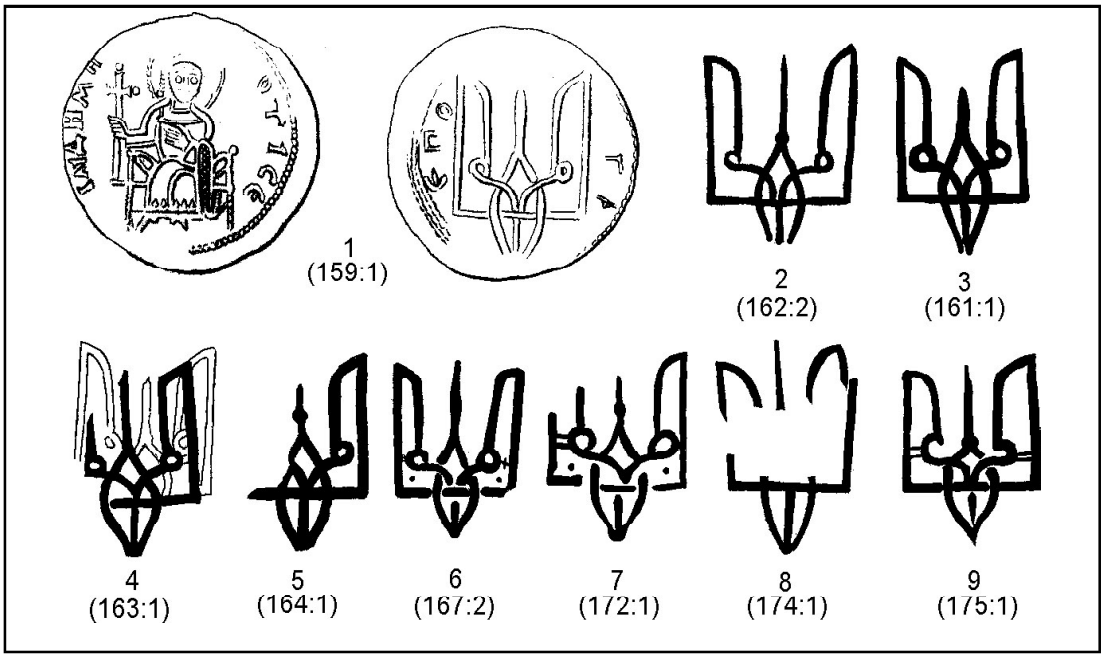

Рис. 8. Знаки на сребрениках Владимира типа IV. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-9 – прорисовки по И.И. Толстому.

(рис. 10: *5, 7*), но в ряде случаев отсутствует вовсе (рис. 8: *1, 3, 4, 6*). В некоторых случаях под боковыми зубцами в углах основания трезубца имеются точки (рис. 8: *6, 7*).

Таким образом, знаки на сребрениках Владимира типа IV оформлены весьма однородно, что подтверждает мнение М.П. Сотниковой, связывавшей изготовление штемпелей для этих монет с работой одного мастера (Сотникова 1995: 188). Построение трезубца ближе всего к трезубцам схемы Б на сребрениках типа I, а также к трезубцам на сребрениках типа II, хотя находит себе соответствие и в части трезубцев на сребрениках типа III. Мелкие различия (наличие или отсутствие точек под боковыми зубцами, различное размещение точки на центральном зубце или ее отсутствие, плавные или угловатые вершины боковых зубцов) могут быть объяснены декоративным характером элементов, не имевших смыслового значения в оформлении знака.

Знаки на сребрениках Святополка

На аверсе сребреников Святополка помещено изображение князя в регалиях, а изображение знака занимает реверс монеты (рис. 9: *1*). Знак на сребрениках Святополка принципиально отличается от знака на златниках и сребрениках Владимира: на подавляющем большинстве монет с именем Святополка помещено изображение не трезубца, а двузубца с широким правым и крестовидным левым зубцами.

Внутреннее пространство правого зубца в большинстве случаев разделено надвое изогнутой линией, опирающейся на верхнюю границу основания двузубца (рис. 9: *2-5, 9*). Во внутреннее пространство левого зубца вписан равносторонний четырехконечный крест, вершина мачты и концы перекладины у которого завершаются точками, а основание раздваивается, переходя в верхнюю границу основания двузубца. Ножка на ряде монет имеет форму треугольника, обращенного острием вниз и разделенного надвое вертикальной линией (рис. 9: *7, 8*). На других монетах ножка имеет форму овала. Верхняя часть овала, по обе стороны от которой помещены кружки-завитки, перекрывает основание двузубца, а нижняя, выступающая за пределы основания двузубца, фактически также представляет собой треугольник, обращенный острием вниз (рис. 9: *4-6, 9*). На монетах № 184, 185, 187 (рис. 9: *4*), 191, 196, 198 и 204 ножка, зрительно близкая к овалу, наложенному на основание двузубца, в действительности оформлена в виде изящного плетеного орнамента. По-видимому, ножки двузубцев, оформленные в виде овала, являются репликами плетеного орнамента, причем завитки, обозначенные по обе стороны от овала, представляют собой неумелую попытку повторить элементы плетенки. Эти же соображения можно адресовать и клювовидному выступу, обозначенному на ножке у ряда монет (рис. 9: *1, 6, 9*).

Исключением среди монет Святополка является монета № 203: вместо традиционного двузубца с крестообразным оформлением левого зубца на реверсе этой монеты помещено изображение трезубца (рис. 9: 10), аналогичного трезубцам на сребрениках Владимира. Хотя легенда на монете читается плохо, со

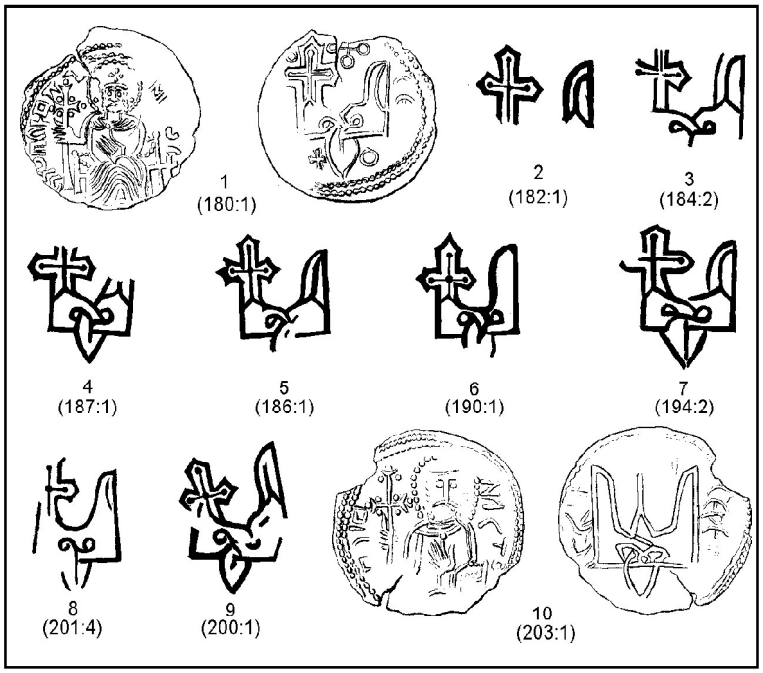

Рис. 9. Знаки на сребрениках Святополка. Номера в скобках соответствуют номерам монет по корпусу М.П. Сотниковой. 1-10 – прорисовки по И.И. Толстому.

сребрениками Святополка эту монету уверенно сопоставил уже И.И. Толстой (1882: 51-52).

Тот же вывод повторили И.Г. Спасский и М.П. Сотникова (1983: 85; см. также: Сотникова 1995: 107-108, 194). Действительно, соединение ножки с основанием трезубца на монете № 203 имеет вид узла, сходного с узлом-плетенкой знаков именно на монетах Святополка, а не на монетах Владимира, так что с выводом исследователей можно согласиться.

И.И. Толстой, а вслед за ним и М.П. Сотникова полагали, что монетный тип сребреников Святополка в своем оформлении восходит к сребреникам Владимира типа IV, причем штемпельная пара № 177 Святополка изготовлена мастером, резавшими штемпеля для сребреников Владимира № 159-162 (Толстой 1882: 47; Сотникова 1995: 96). Можно думать, что и декоративный характер оформления знаков на сребрениках Святополка восходит к знакам на сребрениках Владимира типа IV. Тогда ряд элементов оформления двузубца Святополка – таких как узел-плетенка, вписанный в левый зубец равноконечный крест с точками на концах и линия, разделяющая надвое правый зубец – можно рассматривать как чисто декоративные элементы оформления знака, не имеющие геральдического значения.

Знаки на сребрениках с именем «Петрос» и «Петор»

На монетах с именем «Петрос» (рис. 10: *1*) реверс занят изображением знака, а на аверсе помещено изображение святого. Стилистическая общность этих монет с монетами Святополка была доказана еще И.И. Толстым (1882: 194) М.П. Сотникова, сопоставившая изображение святого с изображениями на византийских печатях, достаточно убедительно показала, что на аверсе монет помещено изображение Св. Петра (Сотникова 1995: 196-198).

Знак на реверсе сребреников с именем «Петрос» (рис. 10: *1-4*) можно считать идентичным знакам на сребрениках Святополка. Это также двузубец с широким правым зубцом и крестовидным левым зубцом, во внутреннее пространство которого вписан равносторонний четырехконечный крест с точками на вершине мачты и концах перекладины. Ножка имеет вид овала, верхняя часть которого наложена на основание двузубца, а нижняя выступает за пределы основания. Подобные знаки на монетах Святополка выше были расценены в качестве не слишком умелых реплик двузубцев, ножка у которых была оформлена в виде узла – плетенки. Вероятно, этот же вывод можно адресовать и знакам на монетах с именем «Петрос».

На монетах с именем «Петор» реверс занят изображением знака, а на аверсе, как убедительно показала М.П. Сотникова (1995: 203), помещено изображение князя (рис. 10: *5*). Знак на монетах с именем «Петор» (рис. 10: *5-7*), хотя и отличается по оформлению от знаков на монетах с именем «Петрос» и монетах Святополка, по схеме построения, несомненно, тождественен последним, что было справедливо отмечено уже И.И. Толстым (1893: 365-366), а позднее поддержано В.Л. Яниным (1970: 39-40) и М.П. Сотниковой (1995: 203). Это также двузубец, правый зубец у которого обозначен двойным контуром и разделен изогнутой линией надвое, а левый зубец увенчан крестом, во внутреннее

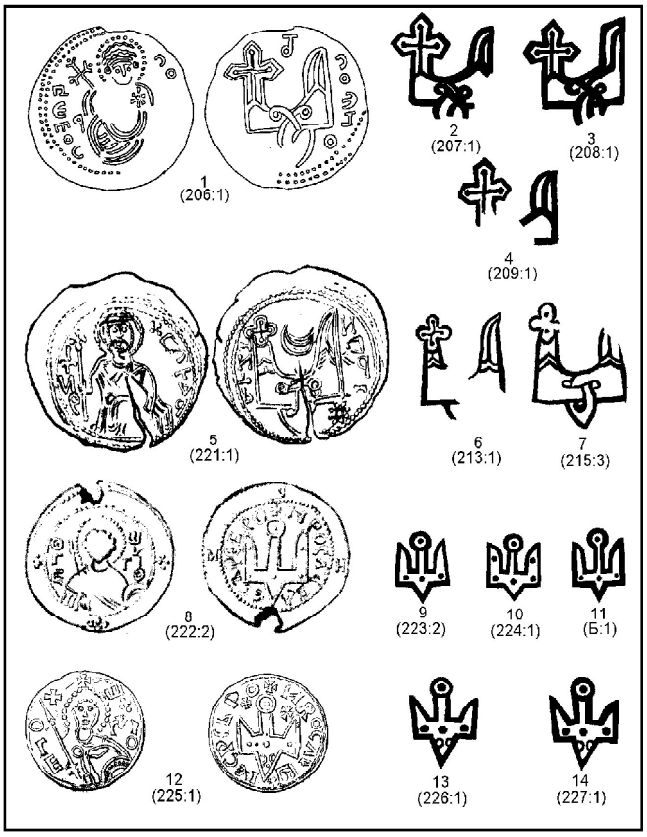

Рис. 10. Знаки на сребрениках с именами «Петрос» (1-4), «Петор» (5-7) и с легендой «Ярославле сребро» (8-14). Номера в скобках соответствуют номерам монет по каталогу М.П. Сотниковой. 1-4, 9-11, 13,14 – прорисовки по фотографиям; 5-8,12 – прорисовки по И.И. Толстому.

пространство которого вписан четырехконечный крест с точками на концах. Ножка двузубца, имеющая вид треугольника, обращенного острием вниз, оформлена отчетливым узлом плетенки, причем схема построения узла аналогична узлу на монетах Святополка.

А.В. Орешников (1930; 1936), а вслед за ним Б.А. Рыбаков (1940) и Н.Д. Мец (1960) усматривали различия между знаками на монетах Святополка и монетах типа «Петор» и «Петрос» в значках, помещенных между зубцами двузубцев: «крестик» на монетах Святополка (рис. 9:*1*), «нота» или «якорь» на монетах типа «Петрос» (рис. 10: *1*) и «полумесяц» на монетах типа «Петор» (рис. 10: *5*). На этом основании знаки приписывались разным лицам. Однако сравнительно недавно И.И. Синчук высказал любопытную гипотезу, объясняющую происхождение значков между зубцами двузубца на монетах типа «Петрос» и «Петор», а также своеобразие двузубца на монетах типа «Петор» деффектным характером монеты Святополка, использованной в качестве образца при изготовлении новых штемпельных пар (Синчук: 1994: 231-235). Если это так, то гипотеза об использовании в качестве геральдически значимых символов разнотипных значков, размещенных между зубцами двузубцев, теряет доказательную силу. В любом случае, на общую схему построения двузубцев на монетах Святополка, монетах типа «Петрос» и монетах типа «Петор» дополнительные значки никак не влияют.

Знаки на монетах с легендой «Ярославле сребро»

На аверсе монет с легендой «Ярославле сребро» обоих типов помещено изображение Св. Георгия, а реверс занят изображением знака (рис. 10: *8, 12*). Монеты разделены на две группы, различающиеся по технике исполнения штемпелей, весу монеты, а также наличию в легенде на монетах малого веса латинской буквы R; кроме того, известна серия литых копий с монет большого веса. Установлено, что сребреники большого веса чеканились по южнорусской весовой норме, в то время как сребреники малого веса чеканились по весовой норме западно- и североевропейских денариев (Толстой 1882: 83; Сотникова 1995: 213-215). Подробный разбор существующей в литературе дискуссии о старшинстве этих групп и месте чеканки монет, позволил М.П. Сотниковой рассматривать монеты с латинской буквой R как вторичные по отношению к сребреникам Ярослава большого веса (Сотникова 1995: 206-215).

Знак на монетах (рис. 10: *8-10, 12-14*) и литых копиях с монет (рис. 10: *11*) представляет собой трезубец с боковыми зубцами, сходящимися к острой вершине, вертикальным центральным зубцом, увенчаным кружком с точкой

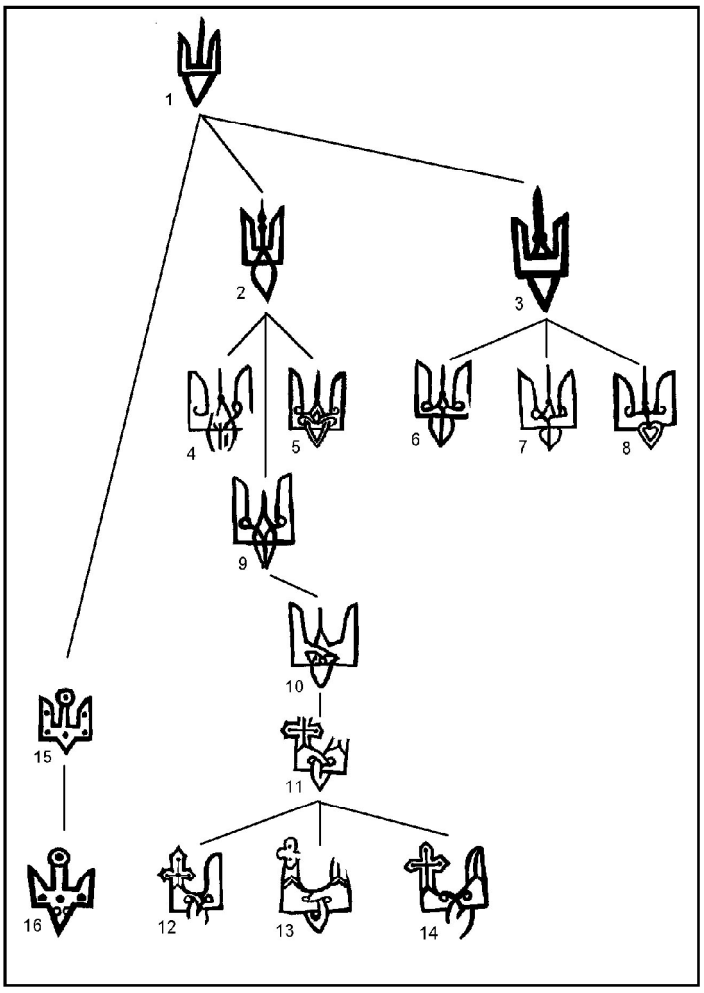

Рис. 11. Схема соотношения декора знаков на древнейших русских монетах. 1 – златник Владимира; 2, 3 – сребреники Владимира типа I; 4, 6, 7 – сребреники Владимира типа II; 5, 8 – сребреники Владимира типа III; 9 – сребреник Владимира типа IV; 10-12 – сребреники Святополка; 13 – сребреник с именем «Петор»; 14 – сребреник с именем «Петрос»; 15 – «Ярославле сребро» большого веса; 16 – «Ярославле сребро» малого веса.

в центре, и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз. Декоративность в оформлении знаков отсутствует: единственным украшением трезубцев на сребрениках большого веса являются три или пять точек, симметрично размещенных по внутреннему пространству трезубца (рис. 10: *8-10*). У трезубцев на монетах малого веса, кроме точек по основанию, зафиксированы также два симметричных полукружия на ножке трезубца (рис. 10: *12-14*).

Отсутствие у знака на монетах Ярослава декоративных элементов сближает схему трезубца с трезубцами группы А на златниках и сребрениках Владимира типа I: в основе и того, и другого лежит трезубец с вертикальными зубцами и ножкой в виде треугольника. Все дополнительные элементы в оформлении трезубцев на монетах Владимира являются декоративными. И так, как к декору трезубцев на монетах Владимира (рис. 11) восходят декоративные элементы двузубцев на монетах Святополка, типа «Петрос» и «Петор», можно полагать, что все они не имели геральдического значения, а схема знака сводилась к двузубцу с вертикальным правым зубцом, крестовидным левым зубцом и ножкой в виде треугольника.

О смысловом значении и принадлежности знаков на монетах

И.И. Толстой (1882: 165-185), подводя некоторые итоги обсуждению смыслового значения «загадочных знаков» на древнейших русских монетах, перечислил основные версии, предлагавшиеся к обсуждению: трезубец (Карамзин), светильник или паникадило (Воейков, Шодуар, Сахаров, Шуберт), хоругвь (Волошинский, Ланглуа, фон Тиленау), портал храма (Строганов), якорь (Бартоломей), птица-ворон (Кёне) или голубь (Куник), навершие византийского скипетра (Уваров). Сам И.И. Толстой видел в этом изображении хоругвь (Толстой 1882: 165-185), однако осторожно высказался в пользу геральдического значения знаков: «Это было знамя (в смысле отличительного знака, герба) великих князей Киевских... Если принять, что наша фигура имеет геральдический смысл, то все изменения ее (различия между знаками на разных монетах – *С.Б.*) становятся тотчас допустимыми. Действительно, геральдическая фигура имела всегда свойство изменяться, служа отличительным знаком рода, при переходе

из одного поколения в другое или из линии в линию» (Толстой 1882: 158, 179).

А.А. Куник, читавший текст Толстого в рукописи, дополнил эти рассуждения следующим комментарием: «Так как фигура эта находится не только на монетах Владимира, но появляется и на монетах его двух сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно было бы исследовать, не представляет ли она собой семейное знамя, фамильный знак... Такие родовые знамена нередко возникали из знаков собственности... Унаследован ли знак Владимиром... или он выдуман после его крещения, пока трудно решить. В пользу первого предположения говорит то обстоятельство, что он употреблялся и двумя его сыновьями» (Толстой 1882: 185).

«Последнее объяснение г. Куника фигуры знаком собственности заслуживает серьезного внимания и, кажется, ища именно в этом направлении, можно будет со временем найти разгадку загадочной фигуры... Первоначальная форма знаков собственности постоянно изменяется при переходе по наследству от одного лица к другому. Изменения эти состоят или в урезке какой-нибудь части основной фигуры, или же в прибавке каких-нибудь украшений; особенно часто замечается прибавка крестов к какой-нибудь части фигуры, причем кресты бывают самой разнообразной формы. То же явление мы замечаем и в нашей загадочной фигуре», – отметил Толстой, публикуя замечания Куника в своем труде (Толстой 1882: 186, примеч.1).

О смысловом значении знаков на монетах высказывались и другие мнения. Так, П.И. Милюков сопоставлял трезубец на монетах Владимира со шлемами, изображенными на ковре из Бойе (Орешников 1894: 304). Д.Я. Самоквасов предлагал обратиться в поисках истоков для трезубца к скифским древностям (Орешников 1894: 304). Т. Арне присоединялся к мнению исследователей, угадывавших за трезубцами на монетах Ярослава и Владимира схематизированное изображение птицы (Arne 1911). П.М. Сорокин, а вслед за ним и А.В. Орешников, полагали, что знак на монетах являлся родовым и изменялся при переходе от отца к сыну (Орешников 1894; 1930; 1936: 33). Для К.В. Болсуновского было также очевидным, что «загадочная фигура» «представляет собою родовой знак, печать либо герб великих князей Киевских». Исследователь полагал, что знак в форме трезубца на монетах Владимира «образовался из букв греческого алфавита, которые составляют титул монарха», и интерпретировал знак как монограмму слова ΒΑΣΙΛΕΥΣ (Болсуновский 1908: 3-6).

Большинство из перечисленных гипотез сохранилось в литературе вплоть до настоящего времени, кроме того, к ним добавились и некоторые новые. Так, О.М. Рапов (1968), С.С. Ширинский (1968) и В.И. Кулаков (1988) видят в знаке схематичное изображение птицы – сокола или орла, при этом О.М. Рапов напоминает о предположении, высказанном С.А. Гедеоновым в 1876 г.: «Изображенная на игоревой (? – *С.Б.*) гривне птица с поднятыми кверху когтями может быть сокол-рерик» (Гедеонов 1876: XXXIV; цит. по: Рапов 1968: 63) и полагает, что это предположение могло относится к какой-то из древнейших русских монет (Рапов 1968: 63). Г. Шаповалов (1992: 4-17) считает трезубцы на монетах Ярослава изображениями якоря (Шаповалов 1997: 125-126). В знаках Рюриковичей видят также изображение шпоры[6] или ладьи (Сотникова 1995: 240-245). А.Л. Хорошкевич, убежденная в крайней «медленности процесса формирования на Руси государственного, общественного, социального самосознания» (Хорошкевич 1993: 9-10), считает, что наиболее ярко этот вывод иллюстрируется на примере именно знаков Рюриковичей, и без аргументации интерпретирует трезубец Владимира Святого в качестве христограммы, которую князь поместил «на лицевой стороне своих монет, тем самым торжественно оповещая всех, что и он принадлежит к христианскому миру, что и он не языческий, а христианский правитель» (Хорошкевич 1993: 13). По мнению украинского философа А. Братко-Кутинского (1992), символика трезубца пронизана глубоким философским смыслом: исследователь уверен в том, что трезубец символизирует тысячелетнюю украинскую самостийность, генетически связан со знаковыми системами древних народов (от энеолита до Боспорского царства) и обозначает триединство жизнетворящих энергий («мудрость, знание, любовь»; «огонь, вода, земля» и проч.).

Отдавая должное остроумным построениям, лежащим в основе большинства высказанных мнений, я хотел бы подчеркнуть: вначале следует установить место знаков Рюриковичей в системе социального этикета своего времени[7] и только потом обсуждать семантику знака и его исторические корни. Развивая наблюдения Б.А. Рыбакова (1940) о месте знаков Рюриковичей в хозяйственной и политико-

[6] Гипотеза высказана Д.А. Мачинским в дискуссии на Вторых чтениях памяти А.Д. Мачинской (Старая Ладога, декабрь 1996 г.).

[7] Вероятно, именно невыясненность места знаков Рюриковичей в системе социального этикета своего времени привела к тому, что авторы вузовского учебника по вспомогательным историческим дисциплинам вообще опустили вопрос об этих знаках в главе «Геральдика», лишь вскользь упомянув знаки Рюриковичей в главе «Нумизматика» в связи с описанием внешнего облика древнейших русских монет и в главе «Сфрагистика» в связи с характеристикой древнерусских печатей (Леонтьева, Шорин, Кобрин 1994: 93, 136).

административной жизни древней Руси, А.А. Молчанов подчеркивал: «Долгое время ученые старались хотя бы гадательно определить прототип или расшифровать конкретное смысловое значение знаков. Все эти попытки не увенчались успехом... Более плодотворным явился переход от попыток угадывания прообраза к изучению закономерностей употребления тамг князьями Рюрикова дома» (Молчанов 1976б: 3; 1984).

В настоящее время можно считать установленным, что древнейшие русские монеты чеканились только тремя князьями: Владимиром Святославичем (†1015), Ярославом Владимировичем (†1054) и Святополком Ярополчичем (†1019)[8]. В соответствии с принадлежностью монет персонифицируются теперь и знаки на этих монетах. Трезубец с широкими боковыми зубцами, более тонким центральным зубцом и треугольной ножкой, помещенный над плечом у «князя» на реверсе златников и сребреников типа I, а также занимающий реверс у сребреников типов II-IV, атрибуирован Владимиру Святославичу. Трезубец с широкими боковыми зубцами, несколько более узким центральным зубцом, увенчанным кружком, и треугольной ножкой, занимающий центральную часть реверса монет с легендой «Ярославле сребро», атрибуирован Ярославу Владимировичу. Двузубец с широким правым зубцом, крестообразным левым зубцом и треугольной ножкой, размещенный на реверсе монет Святополка, монет с именем «Петрос» и «Петор», атрибуирован Святополку Ярополчичу.

Знак на монете можно рассматривать как указание на эмитента (*кто* выпустил монету в обращение и является гарантом доброкачественности этой монеты) либо в качестве символа власти эмитента (*что* гарантирует эмиссионную деятельность, *каков* характер полномочий эмитента). На златниках и сребрениках Владимира типа I символом власти князя является, как и на византийских солидах, изображение Христа Пантократора – символа суверенной независимой власти, «власти от Бога». Поэтому знак, размещенный над плечом князя, действительно мог принадлежать (и, скорее всего принадлежал) самому Владимиру Святославичу, являясь, в данном случае, личным символом великого киевского князя.

Если сказанное справедливо, то знаки на сребрениках Владимира типов II-IV также принадлежали Владимиру Святославичу: схема знаков на монетах Владимира идентична, а различия между изображениями носят сугубо декоративный характер.

Особенностью сребреников Владимира типов II-IV является отсутствие на этих монетах изображения Христа, но зато увеличение в размере княжеского знака, который теперь занимает почти все пространство реверса монеты. Изображение князя на монетах, несомненно, указывает на то, кто именно эмитировал монету, и кто является гарантом ее доброкачественности. Отсутствие изображения Христа теоретически компенсируется появлением нимба вокруг головы князя, что можно было бы расценить как символическую передачу эпитета «божественный» (обладающий «властью от Бога»), традиционно адресуемого византийскому императору. Однако нимб вокруг головы князя отсутствует на сребрениках Владимира типа III, что свидетельствует о необязательном характере данного изобразительного элемента для древнерусской монетной символики. Иными словами, на сребрениках типов II-IV, в отличие от златников и сребреников типа I, нет ярко выраженного изобразительного символа, указывающего на властные полномочия князя и его право на эмиссионную деятельность.

В таком случае, единственным изобразительным символом, который может указывать на полномочия эмитента, оказывается изображение княжеского знака. Полагаю, трезубец, являвшийся, судя по златникам и сребреникам Владимира типа I, личным княжеским знаком самого Владимира, на сребрениках типа II-IV указывал на принадлежность князя к правящей династии, то есть – являлся также и родовым знаком, символизируя эмиссионную деятельность великого князя на основании «прав по рождению».

В какой степени трезубец Владимира являлся личным и в какой – родовым знаком Рюриковичей, становится понятно при сопоставлении этого трезубца со знаками на монетах Ярослава и Святополка. Общим для знаков, помещенных на монетах Владимира и Ярослава является форма трезубца с вертикальными зубцами и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз, а единственное существенное различие заключается в наличии кружка на вершине центрального зубца у трезубца Ярослава[9]. Этот элемент, присутствующий на изначально схематизированном знаке, безусловно, имел смысловое значение –

[8] Персонификация знаков на монетах с именем «Петрос» и «Петор» Изяславу Ярославичу († 1078), Ярополку Изяславичу († ок. 1078) и Владимиру Всеволодичу († 1125), как уже отмечалось, опирается на различия в значках, помещенных между зубцами двузубцев. Негеральдический характер этих значков сейчас очевиден.

[9] Вряд ли стоит рассматривать в качестве значимых элементов полукружки, обозначенные в пространстве ножки трезубца на серебрениках Ярослава малого веса: эти монеты вторичны по отношению к серебренникам большого веса, так что оформление внутреннего пространства ножки, скорее всего, явилось результатом «переосмысления» исходного знака мастером-варягом, резавшим штемпеля (Сотникова 1995: 211).

символизировал отличие знака сына (Ярослав) от знака отца (Владимир). Таким образом, знак на сребрениках Ярослава, вероятнее всего, являлся личным знаком Ярослава Владимировича, а исходно общая для обоих знаков форма трезубца позволяет говорить о знаках Владимира и Ярослава как о лично-родовых, сочетающих в себе элементы родового знака и персональные отличия, позволяющие по знаку определить, кому именно из представителей рода он принадлежал. Именно эти соображения адресовал знакам на древнейших монетах А.А. Куник, и именно эта оценка различий между знаками является в настоящее время общепринятой.

Монеты с именем Святополка оформлены по типу сребреников Владимира (Сотникова 1995: 192-193): на аверсе помещено изображение князя в нимбе, а на реверсе – княжеский знак. Признавая знак на сребрениках Владимира знаком самого князя, мы можем согласиться с исследователями, считавшими двузубец с вертикальным правым зубцом, крестовидным левым зубцом и треугольной ножкой княжеским знаком Святополка.

Различие в форме знаков Владимира и Святополка давно объяснено происхождением Святополка – посмертного сына Ярополка Святославича, племянника Владимира, усыновленного великим киевским князем (ЛЛ: стб. 33-34). «Знак Святополка потому и отличен от тамг Владимира и Ярослава, что он базируется на иной основе – знаке Ярополка Святославича, не дошедшем до нас», – писал В.Л. Янин, комментируя знаки на древнейших русских печатях и монетах (Янин 1970: 40), а И.Г. Спасский и М.П. Сотникова подчеркивали: «Наличие на монетах Святополка Окаянного княжеского знака, принципиально отличного от знаков Владимира Святославича... можно рассматривать как свидетельство, что сам-то Святополк считал себя Ярополчичем» (Сотникова, Спасский 1983: 82-83; см. также: Сотникова 1995: 193).

Такое объяснение представляется мне абсолютно верным. Однако оно, как будто бы, вступает в противоречие с оформлением монеты № 203, на которой вместо двузубца с крестовидным правым зубцом помещено изображение трезубца Владимира. На это обратил внимание И.И. Толстой, объяснявший несоответствие знака на монете ошибкой резчика штемпелей: «Резчик даже для того времени был из самых посредственных. Эта монета... указывает на то, что неловкий чеканщик по ошибке впал в анахронизм и придал изображаемому предмету форму, уже не соответствующую его эпохе» (Толстой 1882: 181). Этот же вывод адресовали монете № 203 М.П. Сотникова и И.Г. Спасский: «Штемпель 203... интересен ошибкой в изображении княжеского знака» (Сотникова, Спасский 1983: 85; Сотникова 1995: 107-108, 194).

Разумеется, теоретически можно предполагать ошибку резчика штемпельной пары. Ничего невероятного в этом предположении нет: среди монет, атрибуируемых Святополку Ярополчичу, имеются «оригинальные уроды», к числу которых М.П.Сотникова и И.Г. Спасский отнесли и № 203. Поэтому гипотеза об ошибке резчика, изготовившего штемпельную пару для № 203, в принципе имеет право на существование. Однако прокламативный характер первых русских чеканок и большая вероятность преимущественно репрезентативного использования монет делает эту гипотезу, на мой взгляд, не единственно возможной.

Дело в том, что монета № 203 принципиально отличается от всех известных в настоящее время древнейших монет России: в то время как на монетах Владимира Святославича, Ярослава Владимировича и большинстве монет Святополка Ярополчича на аверсе помещено изображение княжеского знака эмитента, на аверсе монеты № 203 помещено изображение знака не эмитента, а его сюзерена. Если не считать это обстоятельство ошибкой мастера, резавшего штемпеля, то монета № 203 уникальна прежде всего тем, что она была отчеканена еще при жизни Владимира Святого, причем не только с ведома и согласия, но и под патронатом великого киевского князя. Речь, следовательно, может идти о вассальной эмиссии.

Свидетельств того, что кто-либо из сидевших по городам сыновей Владимира распола-гал правом эмиссионной деятельности, оставаясь вассально зависимым от великого киевского князя, в настоящее время нет. Следовательно правовое положение Святополка в структуре власти на Руси в какой-то момент принципиально отличалось от правового положения родных сыновей Владимира. Заманчиво предположить, что чеканка монеты № 203 материализовала собой юридическое положение Святополка Ярополчича в качестве первого вассала великого киевского князя Владимира Святославича (Белецкий В., Белецкий С. 1998а). При том, что «Владимир его не любляше» (Татищев 1963: 56), такое положение Святополка должно иметь серьезные основания.

Святополк, судя по двузубцу на монетах, осознавал себя Ярополчичем, то есть – законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» убийцей отца. Есть основания считать, что в своих претензиях на верховную власть он находил достаточно широкую поддержку: об этом свидетельствует не только летописный рассказ о поддержке Святополка вышгородскими боярами[10], но и отмеченное В.И. Татищевым присутствие сторонников Святополка среди новгородцев[11]. Вероятность того, что Святополк в период пребывания на туровском

[10] «Святополк... рече им (вышгородцам – *С.Б.*): прияте ли ми всем сердцем? Рече же Путьша с вышегородьци: можем главы своя сложити за тя» (ЛЛ: 132).

столе находился в оппозиции Киеву, таким образом, достаточно велика: именно следствием фрондирования стало известное по Хронике Титмара[12] пребывание Святополка и его жены в Киеве в темнице по обвинению в заговоре.

Однако в момент смерти Владимира Святославича, летом 1015 г., Святополк уже не был в заключении: он берет управление в Киеве под свой контроль, тайно посещает своих сторонников в Вышгороде, против него выступает с новгородским войском и варягами Ярослав. Думается, что освобождение Святополка из тюрьмы и изменение его политического статуса, выразившееся в предоставление права эмиссионной деятельности – это взаимосвязанные события.

Победоносный поход на Русь польского князя Болеслава I (тестя Святополка), состоявшийся в 1013 г., исследователи не без основания считают «местью Болеслава за заключение в Киеве его дочери и зятя» (Древняя Русь 1999: 322), так что арест Святополка состоялся раньше 1013 г. Думается, что именно следствием военных действий Болеслава стало освобождение туровского князя и его резкое возвышение. Именно реакцией на возвышение Святополка стал, вероятнее всего, отказ Ярослава в 1014 г. платить дань Киеву.

Таким образом, в соотношении штемпельных пар у сребреников Святополка первоначальной следует считать № 203 свода Сотниковой. Полагаю, эта монета была отчеканена в Киеве вскоре после освобождением Святополка из заключения, то есть может быть датирована 1013-1015 гг.[13] Чеканка прочих сребреников с именем Святополка, очевидно, происходила после смерти Владимира Святого (Сотникова 1995: 205), то есть в 1015 г.

Монеты с именем «Петрос»и «Петор» оформлены иначе, нежели монеты Святополка: хотя реверс занят изображением двузубца Святополка, на аверсе помещено изображение не самого князя, а святого Петра. По аналогии с оформлением сребреников Ярослава, на которых помещено изображение Св. Георгия, соответствующее крестильному имени Ярослава Владимировича, можно думать, что изображение на монетах типа «Петрос» и Петор» соответствует крестильному имени Святополка, о чем писал еще в середине 1950-х гг. В.Л. Янин (1955: 44; 1956а: 166). «Выпуском сребреников с именем Петра Святополк мог отметить свое второе вокняжение на киевском столе в 1018 г.» (Сотникова 1995: 205).

* * *

После всего изложенного генеалогия знаков, изображенных на первых русских монетах, принимает следующий вид (рис. 12). Заметим, что трезубец Ярослава отличается от трезубца его отца на один элемент – у него более сложная вершина центрального зубца. В остальном знаки Ярослава и Владимира совпадают.

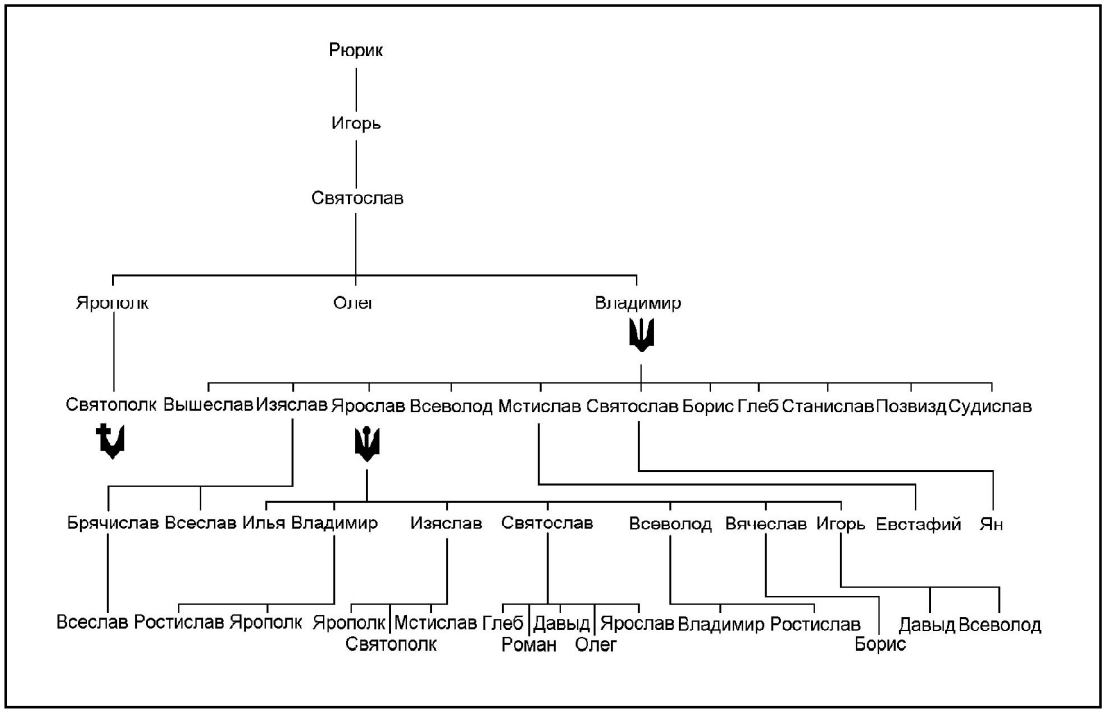

Рис. 12. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 1.

[11]«Новгородцы не всхотели слышать Ярослава и умыслили его ссадить, а Святополку поддатися» (Татищев 1963: 238).

[12] «Названный король (Владимир – *С.Б.*) умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице» (Титмар: VII,73, цит по : Древняя Русь1999: 319).

[13] Ранее предполагалось, что чеканка монеты № 203 относится ко времени пребывания Святополка на туровском столе (Белецкий В., Белецкий С. 1998а: 99).

Глава 2
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ПЕЧАТЯХ

Присутствие на древнерусских печатях княжеских знаков – факт, давно отмеченный в литературе. Большая часть известных печатей с изображениям княжеских знаков датирована XII-XIII вв. К X-XI вв. относятся две печати (Янин 1970: 34-41, № 1, 2).[1]

Печать (рис. 13: *1*), найденная при раскопках 1912 г. в Десятинной церкви Киева (Янин 1970: № 1), уже неоднократно привлекала внимание специалистов (ЛСА: табл. LIII, 14; Артамонов 1962: 430; Орешников 1930: 93-95; 1936: 35). На обеих сторонах этой печати помещены одинаковые двузубцы с вертикальными зубцами и ножкой в форме треугольника, обращенного острием вниз. Вокруг двузубцев размещались круговые надписи.

Опираясь на простую форму знака и мнение Н.П.Лихачева, прочитавшего в круговых легендах на разных сторонах буллы ...**стла**..., В.Л. Янин атрибуировал печать Святославу Игоревичу († 972), а двузубцы, изображенные на печати, считал княжеским знаком Святослава (Янин 1970: 40, 41). Святославу Игоревичу атрибуировали знак А.П. Моця и А.К. Сыромятников (1984). Но только после исследования А.А. Молчанова (Молчанов 1988: 50-52; 1994; 1996), предложившего чтение круговых легенд на печати в форме искаженного (Σφενδο)σθλα(βος), атрибуция двузубцев на печати получила обоснование.

Печать (рис. 13: *2*), найденная в Новгороде в выбросе из слоя 19 яруса (1134-1161 гг.) Неревского раскопа (Янин 1955; 1956б; 1970: № 2), несет на одной из сторон изображение трезубца, окруженного фрагментарно сохранившейся надписью. Боковые зубцы у трезубца широкие, сходятся к острой вершине, тонкий центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого составляет ножку трезубца, разделенную вертикальной чертой надвое. Выше линии основания трезубца вертикальная черта, разделяющая ножку, сама разделяется натрое, что, по-видимому, должно было имитировать плетенку. Возможно, при изготовлении матрицы для печати мастер ориентировался на стилистику княжеского знака, сходного со знаками на сребрениках Владимира типа II или IV. Изображение и надпись на другой стороне не читаются.[2]

В.Л. Янин уверенно атрибуировал печать сыну Владимира Святого, полоцкому князю Изяславу Владимировичу. Комментируя буллу, исследователь подчеркивал: «Определению... способствует и хорошо читаемая надпись **Изас(лав)ос**, и строение изображенного на ней княжеского знака, чрезвычайно близкого тамге Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца» (Янин 1970: 41). В действительности никакого кружка на вершине левого зубца у этого трезубца нет: за кружок, как справедливо отметил А.А. Молчанов (1984: 68, примеч.15), была принята буква **о** из круговой легенды, а надпись в действительности читается как **Изас(ла)осо**. Молчанов полагал, что на печати из Новгорода помещено изображение трезубца Владимира (Молчанов 1984: 68), однако с этим я согласиться не могу: вершину центрального зубца у трезубца на этой печати увенчивает крестик – элемент, отсутствующий у знаков на монетах Владимира.[3]

Среди древнерусских печатей известны еще две буллы со знаками, традиционно приписываемыми князьям XI в. Печать, найденная в Новгороде в слое 22 яруса Неревского раскопа (1076-1096 гг.), атрибуирована в литературе князю Изяславу Ярославичу († 1078) – сыну Ярослава Мудрого. На одной из сторон этой печати изображен Св. Дмитрий Солунский в рост, на другой стороне помещено изображение знака якоревидной формы (рис. 14: *1*). По поводу этого знака В.Л. Янин писал: «Княжеский знак печати как бы продолжает линию развития знака Ярослава Мудрого, изображенного на монетах. Это тоже трезубец, но на вершине его среднего зубца помещен не круг, а полукружие» (Янин 1970: 35-36).

Печать, найденная на левом берегу р.Шексна напротив урочища Старый город,

[1] В 1995 г. мною совместно с А.А. Купранисом была опубликована печать с изображениями двух разнотипных трезубцев, хранящаяся в частном собрании и, по сведениям владельца, происходящая из Новгорода. Печать была предварительно датирована X в. (Белецкий, Купранис 1995: 61-63). Датировка печати тогда же вызвала сомнение у А.А. Молчанова, высказанное им автору в частной беседе: Молчанов полагал, что печать является современным фальсификатом. В третьем томе корпуса актовых печатей древней Руси В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков комментировали эту печать среди сомнительных (Янин, Гайдуков 1998: 225). В настоящее время я также склонен признать, что булла, вероятнее всего, является хорошо выполненным современным фальсификатом. Е.А. Мельникова (1998: 181) упоминает также «печать Ярополка Святославича», однако о какой печати идет речь не ясно.

[2] Отметим заметное отличие печати Изяслава от всех остальных известных русских печатей X-XI вв.: она оттиснута на очень массивном свинцовом бруске, канал имеет щелевидную форму и в нем, как будто бы, прослежены остатки кожаного ремешка (Янин 1956б: 157). Несомненно, при изготовлении данного предмета использовался обычный буллотирий, однако технические особенности предмета не исключают, что функционально печать Изяслава отличалась от собственно актовых печатей.

[3] Именно так прочитали знак на печати М.П. Сотникова и И.Г. Спасский (1983: 84, рис. 23; Сотникова 1995: 195).

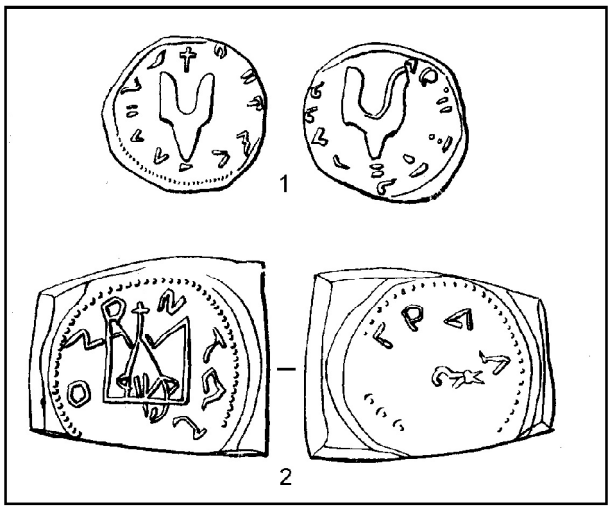

Рис. 13. Знаки на древнейших русских печатях (прорисовки по В.Л. Янину).

соотносимого с древнерусским городом Белоозером, издана и обстоятельно комментирована А.В.Чернецовым и Н.А. Макаровым. На одной стороне печати помещено погрудное изображение Св. Георгия, на другой стороне – знак якоревидной формы (рис. 14: *2*). Исследователи отмечали, что «форма (точнее – трактовка) знака настолько необычна, что можно было бы усомниться в том, что перед нами русский княжеский знак» (Макаров, Чернецов 1988: 235). Опираясь на гипотезу Янина о принадлежности знака на печати из Новгорода Изяславу Ярославичу, А.В. Чернецов и Н.А. Макаров атрибуировали знак на печати из Белоозера Ярославу Мудрому. В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков, поместившие печать из Белоозера в третьем томе корпуса актовых печатей древней Руси среди печатей XII-XIII вв. (Янин, Гайдуков 1998: 149, № 282б), отказались от хронологического комментария и персонификации знака, но отметили, что «печати такого разряда (с изображением знака якорной формы – *С.Б.*) не были раньше известны» (Янин, Гайдуков 1998: 55); тем самым исследователи отказались считать знаки на печатях из Новгорода и Белоозера близкородственными.

Еще одна печать со знаком, идентичным знаку на белозерской печати, опубликована в самое недавнее время (рис. 14: *13*). Место находки этой печати неизвестно, она находится в частной коллекции и привезена в Москву из Киева (Янин, Гайдуков 2000: 299, № 282в).Все три знака весьма близки: они имеют якоревидные очертания и даже отдаленно не напоминают знак на сребрениках Ярослава Владимировича. Зато сходные по рисунку знаки можно увидеть в клеймах на кирпичах Богоявленского собора (рис. 14: *4-6*) и ц. Параскевы Пятницы (рис. 14: *7-10*) в Чернигове. Создателем Борисоглебского собора был Давыд Святославич, занимавший княжеский стол Чернигова с 1097 по 1123 гг. (Раппопорт 1982: 41), что определяет датировку кирпичей временем не ранее конца XI – начала XII вв. Е.В. Воробьева и А.А. Тиц относили время возведения собора к началу 20-х гг. XII в. (Воробьева, Тиц 1974: 98-111). Сведений о времени возведения Пятницкой церкви в

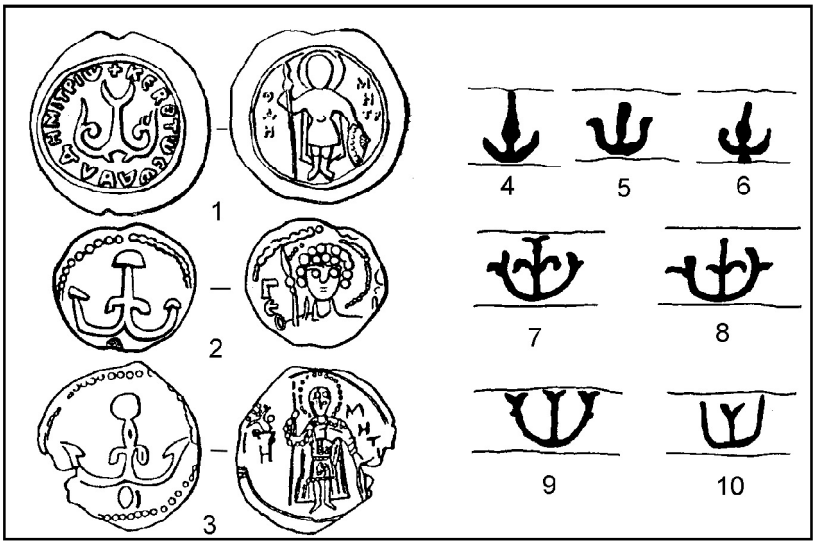

Рис. 14. Знаки на печатях (1-3) и кирпичах из храмов Чернигова XII в. (4-6 – Богоявленский собор; 7-10 – Пятницкая церковь; прорисовки по В.Л. Янину и Н.В. Холостенко).

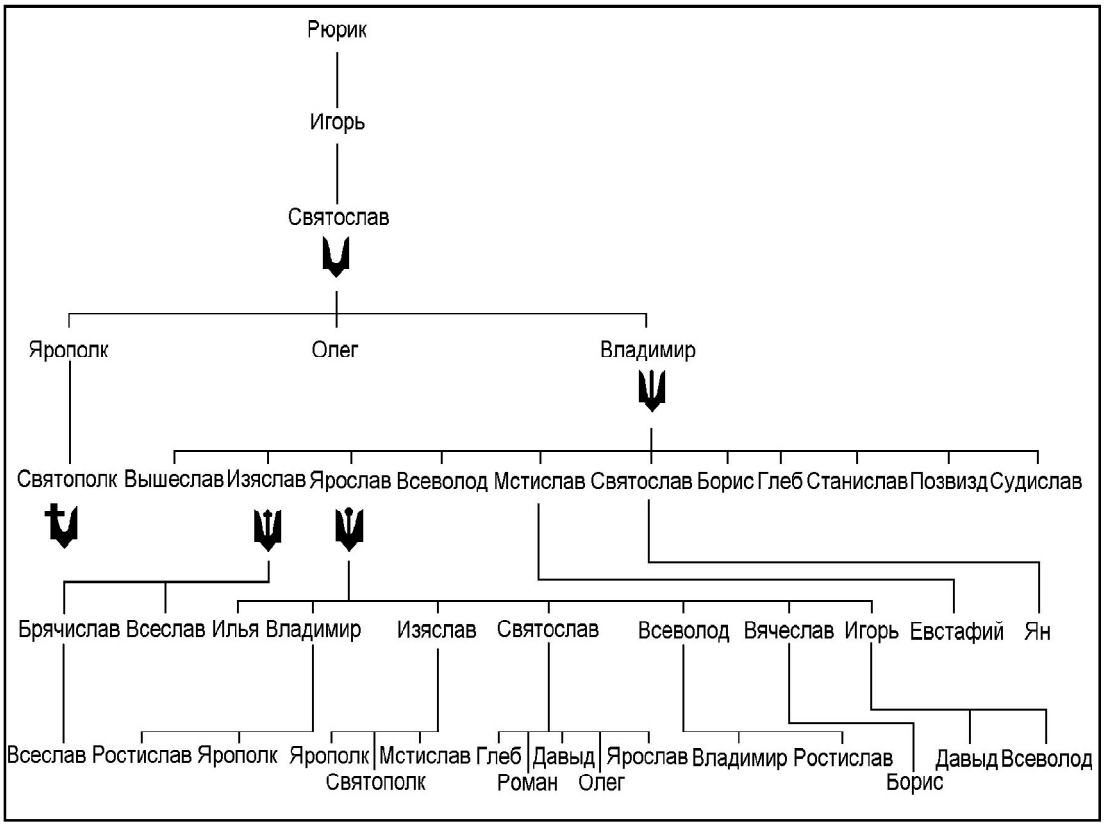

Рис. 15. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 2.

источниках нет; по мнению П.А. Раппопорта, строительство ее относится к концу XII – первой трети XIII вв. (Раппопорт 1982: 44). Таким образом, якоревидные знаки на печатях не принадлежали князьям первой половины – середины XI в.

* * *

С учетом знаков, помещенных на печатях X-XI вв., генеалогия знаков Рюриковичей принимает следующий вид (рис. 15). Отметим, что двузубец Святополка Ярополчича продолжает развитие тамги деда, имевшей форму двузубца, и отличается от нее на один элемент (форма зубца). Тамга Владимира Святославича отличается от тамги отца на один элемент, но этот элемент принципиально меняет основу знака – с добавлением центрального зубца двузубец превращается в трезубец. Трезубец Изяслава Владимировича отличается от тамги отца на один элемент – у него более сложная вершина центрального зубца. Между собой трезубцы Изяслава и Ярослава Владимировичей различаются на один элемент – оформлением вершины центрального зубца. Однако принцип оформления вершины зубца у братьев-Владимировичей одинаковый – усложнение вершины центрального зубца отцовского трезубца: у знака Ярослава центральный зубец увенчан кружком, а у знака Изяслава – крестом.

Глава 3
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В ГРАФФИТИ НА МОНЕТАХ

Знаки Рюриковичей, зафиксированные среди граффити на монетах, введены в научный оборот благодаря нескольким публикациям: 1) свод 1991 г., подготовленный И.Г. Добровольским, И.В. Дубовым и Ю.К. Кузьменко (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991); 2) свод 1994 г., изданный В.Е. Нахапетян и А.В. Фоминым (Нахапетян, Фомин 1994); 3) ряд публикаций Е.А. Мельниковой (1996; Арендарь, Мельникова 1995).

Специальное исследование граффити на монетах посвятила Е.А. Мельникова (1998: 172-181). Исследовательница изучила 15 монет с процарапанными знаками (рис. 16: *1-15*), проанализировала места находок и датировку монет и пришла к следующему заключению: «Граффити на восточных монетах позволяют датировать появление знака Рюриковичей на Руси концом IX – рубежом IX-X вв.; выявить его связь с дружинной средой и великокняжеской властью; наконец, установить существование единого и неизменяемого вида знака от момента его возникновения до времени правления Владимира Святославича, что заставляет

отказаться от его (знака – *С.Б.*) интерпретации — для этого времени — как лично-родового знака Рюриковичей» (Мельникова 1998: 181).

Некоторые из знаков, учтенных в работе Е.А. Мельниковой, на мой взгляд, не имеют отношения к знакам Рюриковичей. Так, сомнительным представляется сопоставление с трезубцем Владимира граффити на монете из Козьянок (рис. 16: *7*) и на монете из фондов Черниговского музея (рис. 16: *10*). Граффито на монете из Звеничева (рис. 16: *8*), возможно, является незавершенным рисунком двузубца, однако уверенности в этом нет. Фрагментарен рисунок на монете из Васьково: в площади обрезка монеты читается только ножка княжеского знака в форме треугольника, обращенного острием вниз (рис. 16: *13*), поэтому неясно – двузубец или трезубец был здесь процарапан. В то же время, вне исследования Е.А. Мельни[illegible] свода 1991 г. и № 253 свода 1994 г. (рис. 16: *16, 17*).[1]

Таким образом, в настоящее время известно не менее девяти достоверных знаков Рюриковичей, процарапанных на монетах – семь двузубцев (рис. 16: *3-6, 9, 15, 16*) и два трезубца (рис. 16: *14, 17*).

Древнейший из знаков – граффито № 72 свода 1991 г., передающее изображение двузубца контурным рисунком (рис. 16: *3*). Граффито зафиксировано на монете IX в. (?) из клада у д. Погорельщина (Беларусь), сокрытого после 903/904 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, № 72). Согласно периодизации монетного обращения, предложенной В.Л.Яниным (1956а: 118-127), клад у д. Погорельщина относится к третьему периоду обращения диргема в Восточной Европе, то есть – ко времени 900-938 гг. В.Н. Рябцевич полагает, что клад был сокрыт в 910-е гг. (Археалогія 1993: 471), а Е.А. Мельникова датирует клад первым десятилетием X в. (Мельникова 1996: 47; 1998: 176). Таким образом, знак на монете был процарапан в годы великого княжения Игоря Рюриковича. И, следовательно, двузубец определенно появляется на Руси не в годы княжения Святослава Игоревича, а уже при жизни его отца.

Изображения двузубцев (рис. 16: *4-6*), переданные контурным рисунком, процарапаны на монетах 913/914 (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 144, № 149), 919/920 (Мельникова 1996: 47, № 5) и 924/925 гг. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 162, № 433). Монеты не связаны с конкретными кладовыми комплексами, и происхождение их не установлено. Граффити могли быть нанесены на монеты только после того, как сами монеты были отчеканены. Вероятно, соотносить эти граффити следует со временем княжения либо Игоря

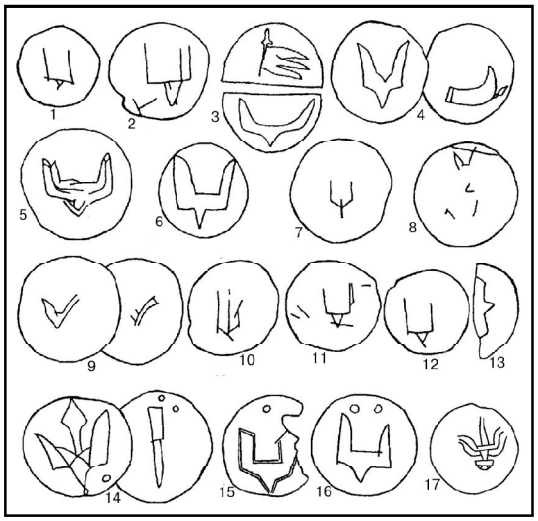

Рис. 16. Знаки-граффити на восточных монетах (1-15, 17 – по Е.А. Мельниковой, И.Г. Добровольскому, И.В. Дубову и Ю.К. Кузьменко; 16 – по В.Е.Нахапетян и А.В. Фомину).

Рюриковича, либо Святослава Игоревича.

К этому же времени относится граффито на монете 911/912 г. из Копиевки (рис.16: *9*), происходящее из клада, сокрытого в середине 50-х гг. X в. (Мельникова 1996: № 8). Изображение двузубца здесь менее отчетливо, чем в других граффити, но все-таки достаточно определенно угадываются и широкие зубцы, и ножка в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Граффито № 253 (рис. 16: *16*) свода 1994 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 159), несущее изображение двузубца, обозначенного контурным рисунком, нанесено на монету 974/975 г. Этот двузубец не мог быть процарапан на монете при жизни Святослава Игоревича, поскольку сама монета была отчеканена уже после гибели князя (972 г.). Конечно, не исключено, что на монете изображение двузубца Святослава было процарапано через некоторое время после его гибели. Правда, это противоречило бы мнению И.Г. Добровольского, И.В. Дубова и Ю.К. Кузьменко, полагавших, что «княжеское клеймение дирхемов могло иметь место до начала чеканки собственной монеты... Русские князья клеймили дирхемы, имевшие хождение на Руси, своим знаком. Монеты после такой операции становились государственной единицей и могли играть важную роль в развитии экономики и торговли древнерусского государства» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 128,130): при такой оценке функций граффити-тамги их нанесение на монеты при жизни правителя предопределено самой гипотезой. Однако ничтожно малое число дирхемов, отмеченных знаком Рюриковичей, не позволяет принять гипотезу составителей Свода 1991 г. безоговорочно.[2]

[1] Граффити № 74 (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 55-57) нанесено на византийскую монету, так что, строго говоря, оно тематически выпадает из исследования Мельниковой, посвященного граффити на восточных монетах.

С другой стороны, граффито на монете из клада у д. Погорельщина уже дало нам основание предполагать, что Святослав наследовал родовой двузубец без изменений. Поэтому весьма вероятной следует признать возможность наследования тамги Святослава без изменения его сыном. Речь может идти только о старшем сыне Святослава, Ярополке Святославиче, наследовавшем по отцу великокняжеский киевский стол.[3] Монета, несущая граффити № 253 Свода 1994 г., отчеканена в годы правления Ярополка Святославича, так что вероятность нанесения на нее знака именно Ярополка представляется мне достаточно высокой. Именно так, кстати говоря, расценил граффити № 253 Е.В. Пчелов (1995: 37-38).

Сказанное допускает альтернативное толкование граффито № 82 Свода 1991 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 140): монета, несущая изображение двузубца, обозначенного контуром (рис. 16: *15*), происходит из клада, сокрытого около 975 г., что не исключает нанесения на нее знака в годы великого княжения Ярополка Святополчича.

Среди граффити на восточных монетах выделяется группа знаков, напоминающих двузубцы Рюриковичей (рис. 16: *1, 2, 11, 12*): точно так же, как и у двузубцев, переданных контурным рисунком, у этих знаков имеется треугольная ножка, но зубцы изображены не контуром, а простыми вертикальными линиями.[4] Если эти знаки признать двузубцами Рюриковичей, то граффито на монете 877/878 г. (рис. 16: *1*) из клада, сокрытого в первой половине 880-х гг. (Мельникова 1996: 47, № 1), было нанесено в годы новгородского княжения Рюрика. Происхождение монеты 894 г. не ясно, так что граффито (рис.16: *2*) на этой монете (Мельникова 1996: 47, № 2) могло быть нанесено как в годы княжения Игоря Рюриковича, так и позднее, но, во всяком случае, не раньше года чеканки монеты.

Граффити (рис. 16: *11, 12*) на монетах 979/980 г. (Мельникова 1996: № 11) и 988/989 г. (Мельникова 1996: № 12) процарапаны на монетах, чеканенных уже после гибели Ярополка. Если считать линейные двузубцы с треугольной ножкой знаками Рюриковичей, то оказывается, что по крайней мере в 80-е – 90-е гг. X в., то есть – в годы великого княжения Владимира Святославича, двузубец продолжал оставаться реально существующим символом власти.

Если бы великий киевский стол после гибели Ярополка перешел к сыну Ярополка или к его брату, Олегу древлянскому, использование в юридической практике двузубца легко объяснялось бы сохранением существующей традиции престолонаследия. Однако Олег Святославич к 980 г. был убит, а единственный известный нам сын Ярополка Святополк родился после смерти отца. Княжеский же стол Киева был занят Владимиром Святославичем, лично-родовой знак которого, как мы уже знаем, имел форму трезубца. Конечно, теоретически можно было бы предположить, что Владимир, занявший великий киевский стол после убийства Ярополка, какое-то время пользовался родовым двузубцем, но затем вновь вернулся к трезубцу. Однако такая конструкция представляется мне излишне громоздкой.

Е.А. Мельникова высказала гипотезу, призванную объяснить отмеченное несоответствие: «Изображение знака Рюриковичей на протяжении первых трех четвертей X в. сохраняет устойчивость: это двузубец со слегка отогнутыми наружу или прямыми (в основном, в линейном варианте) зубцами и соединенным с основанием остротреугольным завершением внизу. Этот же тип двузубца представлен на печатях Святослава Игоревича и Ярополка Святославича (? – *С.Б.*). До начала правления Владимира знак не имеет индивидуализирующих признаков (третьего зубца, отрогов и т. п.). Лишь в конце X – начале XI в. его форма начинает развиваться: Владимир использует трезубец, Святополк Ярополчич (?) сохраняет двузубец, но дополняет его отрогом на левом зубце... Неизменность формы знака с момента его возникновения и до 80-х гг. X в., на протяжении почти столетия, за которое сменилось несколько поколений великих киевских князей, позволяет заключить, что в это время знак не являлся лично-родовым символом. Это содержание было приобретено им значительно позднее, не ранее последних десятилетий X в. На начальном этапе своего существования он принадлежал, вероятно, лишь главе рода Рюриковичей – верховному правителю Руси или, что менее вероятно, рассматривался как общеродовой знак Рюриковичей» (Мельникова 1998: 181).

К сожалению, изящная гипотеза Мельниковой вступает в противоречие с хронологией бытования трезубца, полученного Владимиром

[2] Напомню, что для первых русских эмиссий М.П. Сотникова и И.Г. Спасский не исключали прежде всего репрезентативный характер использования монет (Сотникова, Спасский 1983: 110; Сотникова 1995: 238, 239). Между тем, эти монеты представлены в настоящее время в 340 экземплярах, что никак не сопоставимо с единичными граффити.

[3] Владимир Святославич, сын Святослава от наложницы Малуши, пользовался знаком в форме трезубца. Олег, младший брат Ярополка Святославича, великого киевского стола не занимал. Теоретически он мог претендовать на право пользоваться отцовским двузубцем, но при старшем брате, наследовавшем отцу, это представляется нереальным.

[4] Следует согласиться с Е.А. Мельниковой (1998: 175) в том, что дополнительные вертикальные царапины на монете из фондов Черниговского музея (рис. 16: *11*) и в граффити, зафиксированном Стокгольм ским каталогом (рис. 16: *2*), зубцами трезубца не являются.

уже при жизни Святослава (см. ниже), так что требуется какое-то иное объяснение использованию двузубца в юридической практике конца X в.

В конце X – начале XI вв. единственным известным по письменным источникам представителем старшей ветви рода Рюриковичей был Святополк Ярополчич. Именно он имел право наследовать по отцу и родовой двузубец, и великий киевский стол. И именно этим обстоятельством объясняют использование Святополком в качестве лично-родового знака двузубца с крестовидным левым зубцом. Как было показано в главе 1, особое положение Святополка среди других наместников Владимира Святославича, сидевих «по городам», явилось следствием вмешательства во взаимоотношения Владимира с пасынком тестя Святополка, польского князя Болеслава I, предпринявшего в 1013 г. военный поход на Русь для освобождения дочери и зятя, заключенных Владимиром в темницу в Киеве.

Комментируя особое положение Святополка в последние годы правления Владимира Святого, я отмечал, что арест и заточение туровского князя объясняется, вероятнее всего, его оппозиционной деятельностью по отношению к великому киевскому князю. Конкретизировать события позволяют, на мой взгляд, именно граффити на монетах 979/980 г. и 988/989 гг.

Использование Святополком в качестве лично-родового знака двузубца с крестовидным левым зубцом – факт безусловный, однако причина усвоения князю знака, измененного по сравнению с двузубцем его отца и деда, требует объяснения. Конечно, это могло быть вызвано требованиями этикета, согласно которому племянник-вассал не мог иметь знак «старшего типа» по сравнению со знаком «младшего типа», которым располагал дядя-сюзерен. Правда, в этом случае Святополк должен был бы сразу же после смерти Владимира заменить знак производной от родового двузубца формы на собственно родовой двузубец. Однако это не произошло. Более того, двузубец с крестовидным левым зубцом известен нам как раз по монетам Святополка, чеканившимся после смерти Владимира Святого.

Рискну предложить гипотезу, которая, как кажется, устраняет все отмеченные противоречия. Получив «из руки» Владимира туровский стол, Святополк, встал в оппозицию к дяде, занимавшему великокняжеский стол. Одним из проявлений оппозиционности стало использование Святополком родового двузубца. Фактически, это означало претензии Святополка на верховную власть в государстве, обусловленные происхождением Святополка Ярополчича от старшего сына Святослава. Именно демонстративное использование родового двузубца могло стать главной причиной ареста Святополка.[5] Поход же Болеслава I на Киев заставил Владимира не только выпустить Святополка из заточения, но и признать за ним право престолонаследия.

Однако результатом соглашения, достигнутого между Владимиром и Святополком, стали, очевидно, взаимные уступки: Владимир был вынужден провозгласил Святополка «первым вассалом» и предоставил ему право эмиссионной деятельности, но взамен Святополк был вынужден признать себя вассалом Владимира и внести изменение в форму двузубца.[6] Заметим, что изменение это было произведено путем усложнения зубца двузубца, то есть – по образцу изменения формы трезубца при наследовании его сыновьями Владимира: Изяслав Владимирович, в частности, получил право пользоваться трезубцем, вершина центрального зубца у которого была осложнена именно перекрестием.

Если предложенная реконструкция справедлива, то граффити на монетах 979/980 и 988/989 гг. могут быть связаны с периодом туров ского княжения Святополка Ярополчича.

Убеждает в правильности реконструкции весь ход событий 1014-1015 гг.: отказ Ярослава Владимировича платить ежегодный «урок» Киеву; подготовка Владимиром похода на Новгород; попытка вооруженного мятежа с участием наемников, предпринятая Ярославом; попытка киевских бояр, поддерживавших Бориса Владимировича, скрыть факт смерти Владимира из-за присутствия в Киеве Святополка; отмеченное летописью (весьма нелестно отзывавшейся о Святополке) признание старшинства Святополка со стороны Бориса[7] – любимца Владимира и наиболее вероятного, с точки зрения летописца, претендента на киевский великий стол. Очевидно, что и Святополк, и Владимир, и Борис вели себя в соответствии с достигнутым в 1013 г. соглашением, по которому великое княжение после Владимира должно было перейти Святополку.

Единственным из братьев-Владимировичей, нарушившим установленный в 1013 г.

---

[5] Возможно, отголоски этих событий зафиксированы в «Саге о Бьёрне», сведения которой Н.И. Милютенко отнесла ко времени до 1010 г. и сопоставила с «заговором Святополка» (Милютенко 1996: 40-42).

[6] Формальной причиной этого изменения могло стать и происхождение Святополка, являвшегося посмертным сыном Ярополка, и произошедшее в результате междуусобицы Святославичей нарушение порядка престолонаследия, и оба эти обстоятельства одновременно.

[7] «Весть приде к нему (Борису – *С.Б.*): отец ти умерел. И плакася по отци вельми, любим бо бе отцем своим паче всех. И ста на Льте пришед. Речи же ему дружина отня: се дружина у тобе отьня и вои – поиди, сяди Кыеве на столе отни. Он же рече: не буди мне възняти рукы на брата своего стареишаго, аще и отец ми умре, то сь ми буди в отца место. И се слышавше вои, разидоша от него» (ЛЛ: 132).

порядок престолонаследия, оказывается, в таком случае, Ярослав, заявивший свои претензии на великий киевский стол сразу же по получении сообщения о смерти отца. Действия Ярослава летописец оправдывает местью за убийство Бориса и Глеба. В свете предложенной выше реконструкции событий, убийство Бориса и Глеба, приписанное летописцем Святополку, оказывается нелогичным, поскольку именно Святополк в сложившейся ситуации был менее всего заинтересован в гибели Бориса, признавшего право Святополка на великое княжение.

В этой связи вспомним сведения, содержащиеся в Пряди об Эймунде – скандинавской саге, подробно повествующей об участии наемной дружины варягов в войне «за наследство» Владимира Святого и сообщающей, в частности, что конунга Бурицлава убили варяги по приказу конунга Ярицлейва. Последние по времени комментарии к тексту Пряди приведены в фундаментальном исследовании Т.Н. Джаксон (1994: 161-174), там же дан подробный разбор предлагавшихся в литературе отождествлений для главных персонажей Пряди – братьев-князей Ярицлейва, Вартилава и Бурицлава. Подводя итоги более чем полуторастолетней дискуссии, Т.Н. Джаксон отмечает: «Конунга Бурицлава исследователи традиционно отождествляют со Святополком Владимировичем... Несходство имен объясняется тем, что в борьбе Ярослава со Святополком значительную роль играл польский князь Болеслав I Храбрый (992-1025), его тесть... Ярицлейв – Ярослав Мудрый... Вартилава исследователи традиционно отождествляют с полоцким князем Брячиславом Изяславичем... Р. Кук небезосновательно полагает, что фигура Вартилава являет собой соединение двух образов – Брячислава, от чьего имени образовано имя «Вартилав» и чья резиденция (Палтескья – Полоцк) упоминается в тексте, и Мстислава Владимировича, князя тмутараканского, который, как и Вартилав в Пряди, заключил с Ярославом мирный договор, а после смерти оставил свой удел Ярославу» (Джаксон 1994: 162-163).

Отдавая должное сказанному, решусь все-таки присоединиться к мнению тех исследователей (Алешковский 1972; Хорошев 1986), которые видели в имени Бурицлав искаженную форму имени Борис. Действительно, сохранившееся в тексте Пряди описание убийства Бурицлава по ряду деталей (подосланные убийцы-варяги, отрубленная голова конунга, предъявленная брату-убийце) совпадает с летописным описанием убийства Бориса. Конечно, о полном отождествлении Бурицлава и Бориса речи нет – такому отождествлению противоречит, в частности, зафиксированный Прядью затяжной характер конфликта между Ярицлейвом и Бурицлавом, продолжавшегося, с перерывами, на протяжении по крайней мере трех лет, так что в этом отношении отождествление Бурицлава со Святополком безупречно. Однако соглашаясь с тем, что в образе Вартилава соединились сведения о Брячиславе Изяславиче и Мстиславе Владимировиче и принимая гипотезу о собирательном характере образа Бурицлава, считаю возможным допустить, что в образе Бурицлава соединились сведения не о Святополке и Болеславе I, а о Святополке и Борисе Владимировиче. Отмеченные исследователями «литературные штампы», встречающиеся в тексте Пряди, предлагаемой гипотезе не противоречат: они явно представляют собой «результат того, что она (Прядь – *С.Б.*) прошла через много рук на своем пути от устного предания до того вида, в котором мы ее теперь знаем» (Рыдзевская 1940: 69; цит. по: Джаксон 1994: 162).

Граффито № 74 свода 1991 г. нанесено на византийскую монету 945-959 гг., происходящую из Ериловского клада на Псковщине, сокрытого в конце 70-х гг. X в. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, № 74). Знак (рис. 16: *17*) имеет форму крылатого меча, в котором угадывается трезубец: центральный зубец передан клинком меча, боковые зубцы – крыльями, основание трезубца – перекрестием меча, а ножка – рукоятью и навершием. Комментируя граффито, составители свода подчеркивали, что изображение меча можно сопоставить с мечами типа V, датирующимися X в., а само граффито в целом, обозначали как крылатый меч. «Перед нами стилизованное изображение трезубца (ведущий мотив символа Рюриковичей), основание которого выполнено в виде рукояти меча, а клинок является средней мачтой знака», – резюмировали И.Г. Добровольский, И.В. Дубов и Ю.К. Кузьменко (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 55-56).

Соглашаясь с тем, что граффито № 74 передает в стилизованной форме изображение трезубца Владимира Святославича, и датируя нанесение граффити на монету в интервале 960-970-х гг., я считаю возможным связывать его появление с периодом новгородского княжения Владимира Святославича. Таким образом, есть основания считать, что трезубцем Владимир пользовался уже при жизни отца.

Седьмой из достоверных знаков на монетах зафиксирован граффито № 103 свода 1991 г. Граффито нанесено на дирхем IX в. из клада Свирьстрой, сокрытого во втором десятилетии XI в. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 141, № 103). Знак имеет форму трезубца с центральным зубцом, увенчанным ромбом (рис. 16: *14*). И.Г. Добровольский, И.В. Дубов и Ю.К. Кузьменко, комментируя граффито, отмечали: «Схема знака... хорошо известна по другим находкам и интерпретируется как княжеский символ Владимира Святославича... Дирхем чеканки 813-833 гг. происходит из клада, зарытого в землю в 1015-1020 гг., а княжил

Владимир Святославич в 978-1015 гг. Отсюда следует, что в период нахождения у власти этого князя дирхем находился в обращении, и вполне закономерно, что он был отмечен его личным знаком» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 73, 74).

Действительно, центральный зубец трезубца Владимира Святославича на некоторых монетах имел более или менее выраженное копьевидное завершение. Однако в изображениях на монетах этот элемент, как уже отмечалось, относится к числу декоративных и геральдически значимым не является. В то же время трезубец в граффито № 103, лишенный декоративных элементов, имеет ярко выраженное ромбовидное завершение. Если считать этот элемент значимым, то напрашивается сопоставление знака с трезубцами Изяслава и Ярослава Владимировичей: оба знака отличаются от трезубца Владимира усложненным, по сравнению со знаком отца, завершением центрального зубца. От трезубцев Изяслава и Ярослава Владимировичей знак в граффито № 103 также отличается завершением центрального зубца. Иными словами, различие между рассматриваемым знаком, с одной стороны, и знаками Изяслава и Ярослава, с другой, такое же, как и различие между знаками Изяслава и Ярослава, то есть – между знаками братьев. От знака Владимира знак в граффито № 103 отличается точно так же, как от последнего отличаются знаки сыновей Владимира. Полагаю, что не будет особой натяжкой атрибуировать знака в граффито № 103 брату Изяслава и Ярослава Владимировичей, одному из сыновей Владимира Святого (рис. 17: *А*).

Еще одно граффито – № 329 свода 1994 г., процарапанное на монете Ахмада бен Исмаила, чеканеной в аш-Шаше в 298 г.х. (910/1) – никогда не рассматривалось в литературе в качестве знака Рюриковичей (рис.17: *3*). Публикуя это граффито, В.Е. Нахапетян и А.В. Фомин отмечали, что оно «по манере рисунка и по таким деталям, как маленькие кресты ... определяется как скандинавское ... Аналогий данному изображению найти пока не удалось», — резюмировали исследователи (Нахапетян, Фомин 1994: 170, 207). Полагаю, что пессимизм в отношении аналогий изображению вряд ли оправдан: граффито № 329 может быть интерпретировано как знак Рюриковичей в виде двузубца с равновеликими зубцами.

Особенностью двузубца в граффито № 329 является нижняя часть ножки, от острого основания которой отходят две тонкие линии, завершающиеся маленькими крестиками. Если рассматривать последние в качестве орнаментального приема, аналогичного оформлению концов стяга в граффито № 74 Свода 1994 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 158, рис. 7а), то ближайшей аналогией знаку в граффито № 329 является знак, процарапанный на роговом гребне из раскопок городища Инднакар чепецкой культуры в Удмуртии (рис. 17: *2*). Гребень происходит из слоя X — начала XI вв. (Амелькин 1987) и, как представляется, именно этот предмет дает возможность дешифровать граффито № 329.

Знак на гребне из городища Инднакар имеет вид трезубца, боковые зубцы и основание которого обозначены контуром, а центральный зубец имеет вид короткого штриха, пересекающего верхний контур основания знака. Треугольная ножка знака осложнена раздвоением. Можно было бы предположить, что это раздвоение представляет собой чисто орнаментальный прием, призванный обозначить элементы плетеного орнамента. Однако этому противоречит схематизм знака на гребне. А.О. Амелькин, опубликовавший гребень с городища Инднакар, сопоставил знак с трезубцем Владимира Святого и полагал, что эта находка свидетельствует о существовании русско-удмуртских контактов в X-XI вв. (Амелькин 1987: 107). А.М. Белавин не исключал, что знак, процарапанный на гребне, является грубым подобием тамги Владимира (Белавин 2000: 152).

Отмечу важное наблюдение А.О. Амелькина: центральный зубец у знака на гребне, обозначенный короткой чертой, вырезан значительно глубже, чем остальной контур знака. Амелькин связал это «с исправлением тамги Святослава Игоревича на тамгу его сына Владимира» (Амелькин 1987: 107), то есть — с переделкой знака из двузубца в трезубец. Таким образом, раздвоенная ножка у знака на гребне относится к первоначальному двузубцу (рис. 17: *2*), а не к трезубцу, в который двузубец был переделан. И так как знак лишен какого-либо декора, полагаю, что раздвоенную ножку следует считать значимым элементом первоначального двузубца.

Как мы уже установили, знаки отца и сыновей различаются между собой на один элемент. Во всех отмеченных случаях изменения были

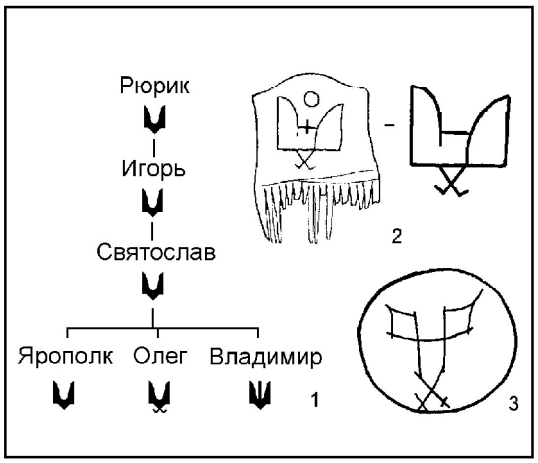

Рис. 17. Граффито № 329 свода 1994 г. (3), знак на гребне с городища Инднакар (2) и персонификация знака (1).

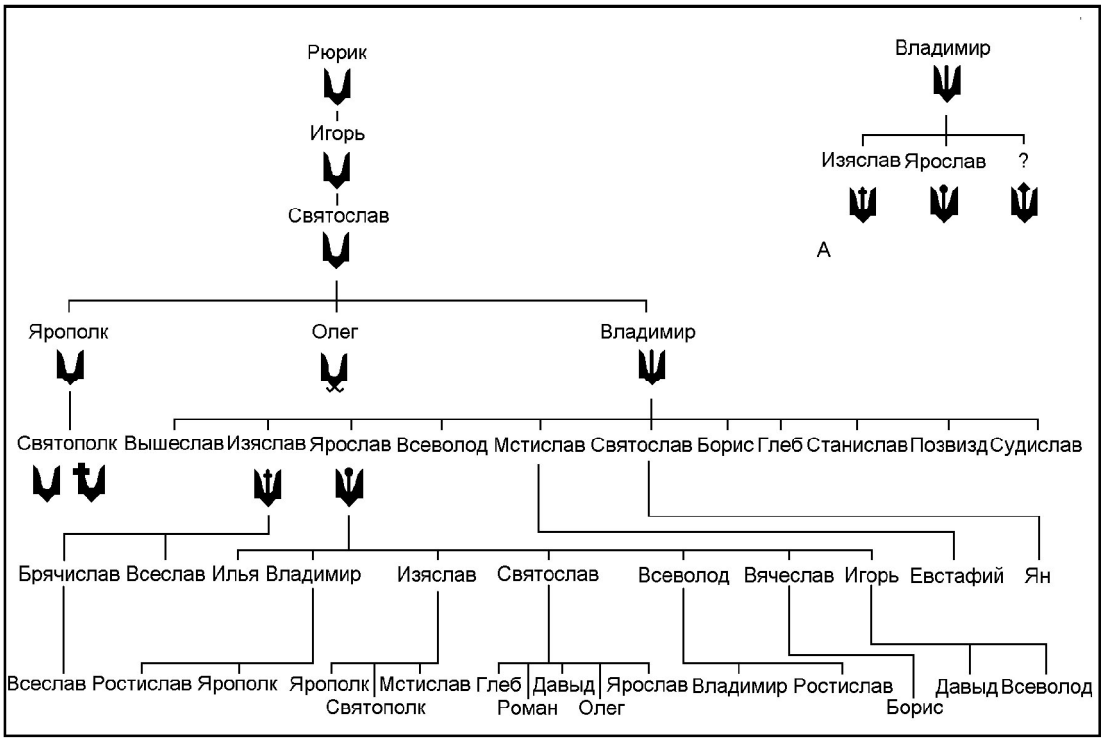

Рис. 18. Генеалогия знаков Рюриковичей X – XI вв. Стемма 3.

связаны с усложнением формы одного из зубцов — левого у знака Святополка и центрального у трезубцев, принадлежавших сыновьям Владимира Святого. Различие между исходным двузубцем на гребне и родовым двузубцем Рюрика (?) — Игоря — Святослава — Ярополка — Святополка (?) иное: здесь усложняется форма не зубца, а ножки знака. Тем не менее, принцип усложнения — на один элемент — тот же самый, и это дает основание считать, что исходный знак на гребне принадлежал сыну человека, пользовавшегося родовым двузубцем Рюриковичей. Более того, речь вряд ли может идти о старшем сыне владельца двузубца, поскольку последний, как мы уже знаем, обладал правом пользоваться родовым двузубцем без изменения исходной формы. Гребень с городища Инднакар найден в слое X — начала XI вв., так что владельца знака, процарапанного на этом гребне, следует искать среди князей X в. Все сказанное подводит нас к единственно возможному владельцу знака — второму сыну Святослава Игоревича, Олегу древлянскому, убитому по приказу старшего брата Ярополка в 977 г. в битве под Овручем (рис.17: *1*). Тогда «исправление» знака на гребне можно связать с событиями династической войны 970-х гг.: первоначально на гребне был изображен двузубец, принадлежавший Олегу Святославичу, а после гибели князя владелец гребня переделал двузубец в трезубец, отчетливо обозначив, таким образом, свои политические симпатии – он явно являлся сторонником новгородского князя Владимира, а не великого киевского князя Ярополка, с которым после гибели Олега ассоциировалось в глазах современников изображение двузубца.[8]

Если персонификация знака на гребне из раскопок городища Инднакар верна, то Олегу Святославичу может быть атрибуирован и знак в граффити № 329.

* * *

Таким образом, генеалогия знаков Рюриковичей, с учетом граффити на монетах (рис. 18) дополнилась знаками сына Святослава, Олега древлянского и еще одного, пока непоименованного, сына Владимира Святого. Кроме того, установлен факт использования Святополком Ярополчичем в период ранее 1013 г. родового двузубца. Следовательно, период, в течение которого Святополк пользовался двузубцем с крестовидным правым зубцом, сужается до короткого отрезка времени – между 1013 и 1019 (?) гг.

[8] О путях попадания гребня со знаком на территорию Удмуртии остается только догадываться, но ясно одно — это не могли быть контакты с Новгородом, реконструируемые большинством современных исследователей для русско-удмуртских связей X-XI вв. Отмечу, кстати, что сам гребень, на котором процарапан знак, является достаточно типичным для средневековых финно-угорских древностей, так что речь должна идти не о том, каким путем попал гребень в Верхнее Прикамье, а о том, кто и когда процарапал на гребне изображение древнерусского княжеского знака.

Глава 4
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В РИСУНКАХ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ И В ГРАФФИТИ НА СТЕНАХ ХРАМОВ

Бытовые предметы

В эту группу памятников, несущих изображения знаков Рюриковичей, объединены разнородные предметы, большинство из которых найдено при археологических раскопках. Наиболее представительная серия находок происходит из Новгорода. Среди них особое внимание привлекает костяная подвеска (рис. 19, *1*), найденная в Троицком раскопе.[1] Комментируя эту подвеску, В.Л. Янин писал: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; впо следствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин 1982: 149). Действительно, подвеска найдена в слое 26 яруса Троицкого раскопа, формировавшимся в 954-973 гг. Однако на эти годы приходится не только момент перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, но и самое начало великого княжения Ярополка Святославича. И так, как верхняя хронологическая дата подвески определяется началом княжения Ярополка, отмеченный факт переделки знака на подвеске приобретает особое значение.

Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что знаки на разных сторонах подвески разновременны. Напротив, тот факт, что дополнительный центральный зубец у трезубца «процарапан... очень легким штрихом», указывает на возможность иной реконструкции судеб подвески: первоначально на ее сторонах были размещены разные знаки (рис.19: *1а*), и только потом двузубец на одной из сторон был переделан в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.

Таким образом, владелец подвески первоначально выступал представителем двух лиц – владельца двузубца и владельца трезубца. Впоследствии владелец подвески получал полномочия уже только от владельца трезубца, что и потребовало переделки двузубца на одной из сторон подвески в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.[2]

Переделка знака на одной из сторон костяной новгородской подвески, безусловно, свидетельствует об изменении характера власти, представлять которую был полномочен держатель подвески. Напомню, что на середину 970-х гг. приходится борьба между Святославичами, завершившаяся гибелью в битве под Овручем Олега древлянского и бегством Владимира «за море» (ЛЛ: 74, 75). Комментируя эти события, О.М. Рапов писал: «По-видимому, древлянский и новгородский наместники рассматривали свои земельные владения, полученные от отца, а не от старшего брата, как полную безусловную собственность... Узнав о сепаратистских тенденциях Олега и Владимира, Ярополк решил пресечь их в корне. Ему удалось с помощью военной силы возвратить Руси отпавшие от нее земли» (Рапов 1977: 32, 33).

Отмеченные изменения в полномочиях владельца новгородской костяной подвески в полной мере соответствуют данной реконструкции событий 977 г. Сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески первоначально выступал полномочным представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского наместника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича (в статусе соправителя отца?). Переделка подвески потребовалась в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе, поскольку родовым двузубцем теперь стал пользоваться Ярополк. Заменив двузубец на трезубец, владелец подвески превратился в представителя исключительно Владимира Святославича. И так как подвеска обнаружена в слое, верхняя хронологическая граница формирования которого определена 973 г., можно утверждать, что с самого начала великого княжения Ярополка Святославича чиновник, представлявший Владимира, выступал исключительно от имени новгородского князя,

[1] Строго говоря, подвеску нельзя относить к бытовым предметам: как и широко известные «геральдические подвески» из меди и серебра, анализируемые в главе 5, эта подвеска могла исполнять (и, вероятнее всего, исполняла) функции верительного знака, то есть — являлась регалией власти.

[2] Я сознательно избегаю в определении сторон у подвески терминов «лицевая сторона» и «оборотная сторона». У двустороннего юридического знака (печать, подвеска, пломба) определение аверса и реверса является существенным при правовой оценке полномочий владельца. В том случае, когда на обеих сторонах двусторонней регалии размещены юридически равнозначные символы (в данном случае – княжеские знаки), определение аверса и реверса принципиально невозможно; только по косвенным данным и в редчайших случаях удается высказать осторожное предположение о том, какую из сторон владелец расценивал в качестве «лицевой» («первой», «главной»).

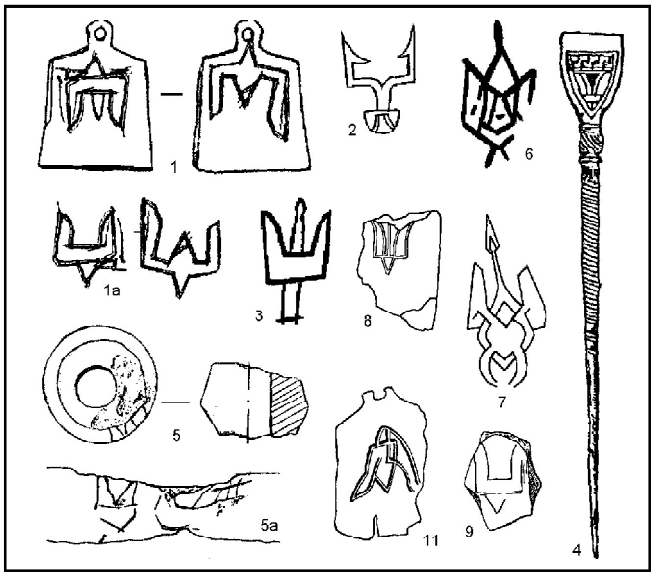

Рис. 19. Предметы с изображениями знаков Рюриковичей. 1-3, 4, 6, 10 – Новгород; 5 — Рапти-Наволок; 7 – Жовнино; 8 – Киев; 9 – Таманское городище, 11 – Прудянки (прорисовки по В.Л. Янину, Б.А. Колчину, Г.Е. Дубровину, Б.Б. Овчинниковой, Б.А. Рыбакову, С.Р. Килиевич, П.П. Толочко).

а вовсе не от имени одновременно и новгородского, и киевского князей, как это было при жизни Святослава Игоревича. Таким образом, костяная подвеска из Новгорода позволяет уверенно утверждать, что Владимир Святославич пользовался трезубцем в качестве личного княжеского знака уже при жизни отца.[3]

Еще одна костяная подвеска происходит из с. Прудянки на верхнем Днепре (рис. 19: *11*). Публикуя эту подвеску, Б.А. Рыбаков отмечал, что знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей» (Рыбаков 1940: 239, 240, рис.38). А. А. Молчанов, изучавший предмет в фондах ГИМ, подчеркивал, что подвеска «оказалась случайно поцарапанной с обеих сторон» и причислена к рассматриваемой группе памятников ошибочно (Молчанов 1976а: 77). Мне пока не удалось осмотреть подвеску из Прудянок de visu, однако на прорисовке Б.А. Рыбакова достаточно определенно читается трезубец Владимира, причем не схематичный, как это полагал Рыбаков, а «парадный», хотя и изображенный крайне неумело. Полагаю, что подвеска из Прудянок нуждается в новом изучении, до проведения которого какие-либо оценки достоверности памятника нецелесообразны.

В связи с изложенными выше комментариями к костяной подвеске из Новгорода показательны изображения знаков в форме двузубца и трезубца, вырезанные на деревянных предметах, найденных в Новгороде (Колчин 1968: 22, рис.12: *3, 8*). Стилизованный двузубец (рис.19: *2*) обнаружен на предмете из слоя 28 яруса Неревского раскопа (953-972 гг.), то есть – происходит из слоя, формировавшегося в годы великого киевского княжения Святослава Игоревича. Трезубец, вырезанный на поплавке (рис.19: *3*) найден в слое 27 яруса Неревского раскопа (972-989 гг.), то есть – происходит из отложений, формировавшихся в период новгородского княжения Владимира и в годы междуусобицы Святославичей.

В самое недавнее время Г. Е. Дубровин опубликовал деревянное зооморфное навершие с изображением трезубца (рис. 19: *6*), найденное в слое 23-24 яруса Троицкого VII раскопа в Новгороде (Дубровин 2000: 425, рис.160). В издании знак не комментируется, а слой, из которого происходит навершие, датирован концом X в. Схема трезубца отличается от классического трезубца Владимира: хотя боковые зубцы широкие, а центральный, более тонкий зубец опирается на овал, собственно треугольная ножка отсутствует, зато основанию трезубца приданы очертания треугольника, обращенного острием вниз. Можно было бы сомневаться в том, что этот знак имеет отношение к знакам Рюриковичей. Однако аналогично оформлена ножка у двузубца, процарапанного на шиферном пряслице (рис. 19: *5, 5а*) из Боровского Купалища под Лугой (Михайлова, Соболев, Белецкий 1998)[4], так что подобный прием в изображении треугольной ножки знака,

[3] В главе 3 я допускал, опираясь на граффити № 74 свода 1991 г., что Владимир, вероятнее всего, пользовался трезубцем в годы своего новгородского княжения. Благодаря костяной подвеске из Троицкого раскопа это допущение становится фактом.

[4] Предложенную в первой публикации пряслица из Боровского купалища датировку – X в. – взял под сомнение К.В. Шмелев. Исследователь полагает, что рядом со знаком на пряслице процарапан «схематично изображенный корпус судна с высоко поднятой носовой оконечностью, наклоненной в корму мачтой, неким сооружением на корме». К.В. Шмелев не исключает, что это изображение «судового тента или шатра на стойках» и сопоставляет рисунок на пряслице с широко известным изображением ладьи на гребне конца IX – X вв. из Псковского городища. Подчеркнув, что подобных шатры или тенты размещались обычно у мачты, а не на корме, Шмелев считает более вероятным, что на пряслице изображено судно с

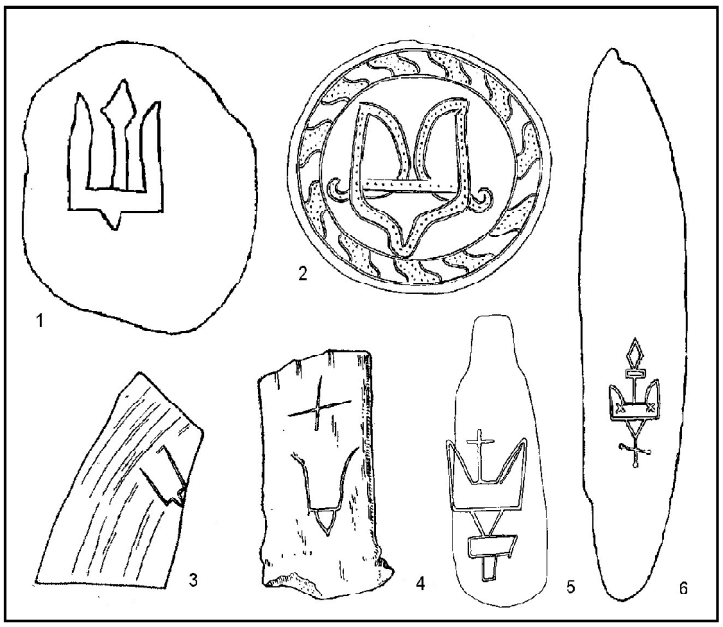

Рис. 20. Предметы с изображениями знаков Рюриковичей. 1 – Новгород; 2-4 – Саркел; 5 – Измерское поселение; 6 – Таманское городище (прорисовки по В.Л. Янину, А.М. Щербаку, А.Ф. Медведеву, Е.П. Казакову).

очевидно, считался допустимым. Сходный со знаком на пряслице двузубец был, как будто бы, изображен на стилосе из слоя первой половины XI в. в Троицком XII раскопе в Новгороде. К сожалению, опубликованная (Овчинникова 2000: 70, рис. 2, *8*) прорисовка стилоса (рис. 19: *4*) не слишком отчетливо передает особенности декора лопатки, поэтому у меня нет полной уверенности в том, что здесь изображен именно двузубец. Напомню также, что ножка у некоторых трезубцев, изображенных на златниках и сребрениках Владимира типа I, в своей верхней части почти равна основанию трезубца.

Обращают на себя внимание два отростка, отходящие от основания трезубца на зооморфном навершии (рис 19: *6*). Сходный элемент зафиксирован у трезубца, изображенного на костяном предмете, найденном в начале 1960-х гг. при раскопках городища у с. Жовнино – детинца древнерусской Желни[5] (рис. 19: *7*). В последнем случае знак передан в «парадной» версии: основание и треугольная ножка оформлены сложным плетеным орнаментом, сходным с плетенкой на монетах Владимира Святославича. Полагаю, что плетенка, включая ее свободные концы, «повисающие» по обе стороны от ножки, является декоративным элементом, а сам знак на костяном предметы из Желни вполне определенно атрибуируется Владимиру Святому (Килиевич 1965: 193). С учетом того, что мастер, вырезавший знак на новгородском зооморфном навершии, попытался довольно неумело передать элементы плетеного орнамента, отростки у основания этого трезубца также следуеть расценить в качестве декоративных элементов, а сам знак на деревянном навершии можно атрибуировать Владимиру Святославичу.

Среди новгородских находок особо следует выделить изображение трезубца на заготовке каменного грузила (рис. 20: *1*). Комментируя эту находку, В.Л. Янин (1982: 150) сопоставлял изображенный на грузиле трезубец с изображением трезубца на монетах Ярослава Мудрого. Датировка слоя, из которого происходит грузило, такой атрибуции не противоречит: заготовка найдена в слое яруса 24 Неревского раскопа (1025-1055 гг.), что соответствует времени активной деятельности Ярослава Владимировича. Однако вершина зубца у трезубца Ярослава увенчана кружком, в то время как у трезубца, изображенного на грузиле, вершина центрального зубца имеет ромбовидное завершение.

Знак, изображенный на заготовке каменного грузила из Новгорода, аналогичен трезубцу в граффито № 103 свода 1991 г. (рис.16: *14*), атрибуированному ранее одному из сыновей Владимира Святого – брату Изяслава и Ярослава Владимировичей.

В этой связи принципиально важным представляется изображение трезубца, процарапанное на костяной пластине (рис. 20: *6*), найденой при раскопках Таманского городища в 1931 г.

кормовой надстройкой, время появления которых относится только к XII-XIII вв. (Шмелев 2000: 202-205). Полагаю, что намечающееся противоречие в датировке знака и «судна» на самом деле мнимое: у меня нет уверенности в том, что «сооружение» является кормовым, поскольку контур судна на пряслице явно остался незавершенным, и вероятность размещения «тента» ближе к центральной части судна достаточно велика. В этом случае рисунок судна действительно сопоставим с изображением на Псковском гребне IX-X вв., и хронологическое противоречие снимается.

[5] Город Желня, впервые упомянутый в летописях под 1093 г., в XI-XII вв. входил в состав Переяслав ского княжества.

(Миллер 1932: 59) и введенной в научный оборот Б.А. Рыбаковым.[8] Исследователь атрибуировал знак на пластине брату Ярослава Мудрого, Мстиславу тмутараканскому (Рыбаков 1940: 241, 242).[9] С этой атрибуцией знак вошел в большинство последующих публикаций (Медведев 1966: табл.3, 6; Сотникова, Спасский 1983: 84, рис.23).

Между тем, нетрудно заметить, что знак на тмутараканской пластине отличается от трезубца Владимира не на один, а на два элемента: у него не только более сложная форма центрального зубца, увенчанного ромбом, но и более сложная форма ножки, треугольная часть которой дополнена крестом. Это не позволяет рассматривать трезубец, изображенный на пластине, в качестве знака, принадлежащего сыну Владимира Святославича: между трезубцем Владимира Святого и трезубцем на пластине должно было бы быть еще одно, промежуточное звено, обеспечивающее постепенный характер развития знака.

Именно таким промежуточным звеном являются трезубцы, изображенные в граффито № 103 и на заготовке каменного грузила из Новгорода: отличаясь от тамги Владимира на один элемент, они на один элемент отличаются и от тамги на тмутараканской накладке. Однако в последнем случае отличие иное: у знака на таманской накладке треугольная ножка трезубца дополнена крестовидным завершением. Если знак на грузиле и в граффито № 103 передают тип тамги, принадлежащей сыну Владимира, то знак на тмутараканской костяной накладке, по всей видимости, принадлежал сыну этого сына, то есть – внуку Владимира Святого.[10]

Отказавшись от атрибуции трезубца на тмутараканской накладке Мстиславу Владимировичу, я, тем не менее, считаю достаточно серьезным главный довод Б.А. Рыбакова – место находки предмета. Действительно, с наибольшей вероятностью владельца тамги следует искать среди лиц, связанных с тмутараканским княжеским столом.

Находка происходит из слоя, датированного А.А. Миллером X-XII вв. (Миллер 1932: 58). По периодизации, предложенной С.А. Плетневой (1963: 63, 68-70), верхняя хронологическая граница «русского слоя» Тмутаракани определяется началом XII в. И.И. Ляпушкин (1941) датирует русский период жизни на поселении от конца X до XII в. Наиболее вероятным претендентом на отождествление с владельцем знака на тмутараканской накладке является, на мой взгляд, князь Евстафий – единственный сын Мстислава Тмутараканского, скончавшийся в 1033 г. (ЛЛ: 150) в возрасте немногим более 30 лет (Татищев 1963: 69).[11]

После всего сказанного считаю возможным атрибуировать знак, зафиксированный в граффито № 103 Свода 1991 г. и на заготовке каменного грузила из Новгорода сыну Владимира Святого, Мстиславу Владимировичу.

В Киеве находки бытовых предметов X-XI вв., помеченных знаками Рюриковичей, на удивление немногочисленны. Кажется, единственная опубликованная находка – это кость (ребро ?) животного с процарапанным на ее поверхности трезубцем (Толочко, Гупало, Харламов 1976: 44, рис. 15, в центре). К сожалению, вершина центрального зубца у трезубца не сохранилась (рис. 19: *8*), поэтому уверенно персонифицировать знак не удается. Археологический контекст находки из публикаций[12] не ясен.

Ряд предметов с изображениями знаков Рюриковичей происходит из раскопок Саркела.[13] Хрестоматийный костяной кружок[14] с декоративным изображением двузубца (рис. 20: *2*), (Щербак 1959: 364, рис.1), может быть отнесен ко времени правления не только Святослава Игоревича, но также Ярополка Святосла-

[8] Строго говоря, костяную пластину из Таманского городища, следовало бы отнести к числу предметов вооружения, а не к бытовым предметам, поскольку эта пластина представляет собой накладку на рукоять сложного боевого лука.

[9] К такому же выводу независимо от Б.А. Рыбакова пришел и И.И. Ляпушкин (1941: 231-215). В.В. Мавродин полагал, что знак на костяной пластине из Тмутаракани принадлежал Ярославу Мудрому (Мавродин 1935: 224).

[10] А.А. Молчанов, на мой взгляд, совершенно незаслуженно упрекает Б.А. Рыбакова, приписывая ему утрированный характер прорисовки знака на тмутараканской накладке (Молчанов 1984: 68, примеч.12). Ссылка на мнение В.В. Мавродина мало что дает: пластина из раскопок Таманского городища была издана И.И. Ляпушкиным (1941: табл.5,*10*), а позднее воспроизведена А.Ф. Медведевым (1966: табл.3,6). Эти издания позволяют убедиться в достаточной точности прорисовки, опубликованной Б.А. Рыбаковым (1940: 242, рис.41). Поэтому исключение знака, изображенного на тмутараканской накладке, из числа личнородовых знаков Рюриковичей (Молчанов 1984: 67,68, табл.1), на мой взгляд, не оправдано.

[11] К моменту смерти Евстафия, умершего еще при жизни отца, резиденцией Мстислава Владимировича уже был Чернигов. Место княжения Евстафия неизвестно, однако не исключено, что после перенесения своей резиденции в Чернигов Мстислав оставил сына на тмутараканском столе.

[12] В коллективной монографии «Новое в археологии Киева» повторена таблица из статьи 1976 г. и сказано о находке «двух обломков костяных пластин со знаками Рюриковичей» (Новое 1981: 329); второй предмет, кажется, не публиковался.

[13] Саркел – хазарская крепость на Дону, захваченная войсками Святослава Игоревича в 965 г. До начала XII в. на ее месте существовал древнерусский город Белая Вежа.

[14] Вероятнее всего, кружок из Саркела являлся печатью-матрицей для оттискивания по воско-мастичной основе.

вича и даже Святополка Ярополчича, хотя первая из датировок предпочтительнее. То же можно сказать и о двух процарапанных на амфорах (Щербак 1959: табл. VI, IX; Флерова 1997: табл. XV, 229, 230) схематичных двузубцах (рис. 20: *3, 4*), сопоставимых с граффити на восточных монетах (рис.16: *1, 2, 11, 12*).[15] С граффити на восточных монетах (рис. 16: *6, 15, 16*) можно сопоставить также двузубец (рис. 18: *9*), процарапанный на амфоре из раскопок Таманского городища (Флерова 1997: табл. XVII, *6*).

Изображение княжеского знака зафиксировано также на костяной рукояти шила, найденной при раскопках Измерского поселения X-XI вв.[16] (Казаков 1991: 348, рис. 8).[17] Знак имеет форму трезубца с широкими боковыми зубцами, сходящимися к острой вершине, тонким центральным зубцом с крестовидной вершиной и сложной ножкой – верхняя часть ножки, примыкающая к основанию трезубца, имеет форму треугольника, обращенного острием вниз, нижняя часть ножки представляет собой вертикальный выступ и прямоугольник, образующий с этим выступом и острием треугольной части ножки перекрестие (рис. 20: *5*).

Зубцы трезубца, вырезанного на рукояти из Измерского поселения, находят себе соответствие в трезубце, помещенном на печати из раскопок Новгорода (рис. 14: *2*); этот знак был ранее атрибуирован Изяславу Владимировичу, второму сыну Владимира Святого. Однако

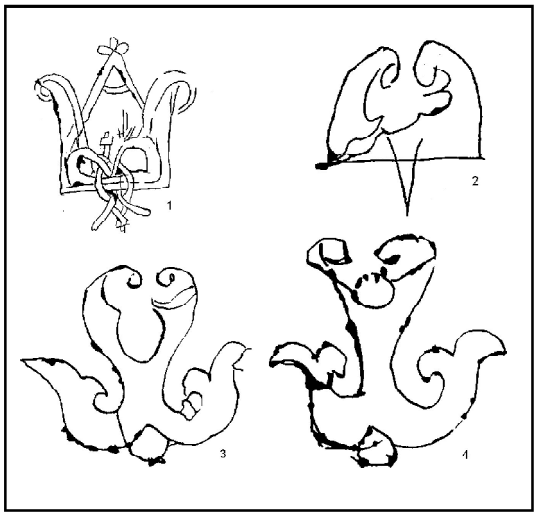

Рис. 21. Граффити на стенах Софийского собора в Киеве (прорисовки по С.А. Высоцкому).

считать знак на рукояти трезубцем Изяслава не приходится: от трезубца Изяслава трезубец на рукояти шила отличается на один элемент – треугольная ножка дополнена крестом. Точно такое же различие было установлено для знаков, атрибуированных Мстиславу тмутараканскому и его сыну Евстафию. Если эта персонификация верна, то знак на рукояти шила из раскопок Измерского поселения может быть атрибуирован одному из сыновей Изяслава Владимировича – Брячиславу или Всеславу.

Граффито из Софийского собора в Киеве

Дополнительную информацию дают граффити на стенах Софийского собора в Киеве. Три из четырех знаков (рис. 21: *2-4*), связываемых в литературе со знаками Рюриковичей (Высоцкий 1976: 123-124, табл. CXLIX, CL), таковыми, вероятнее всего, не являются[18]. Единственный безусловно относящийся к числу древнерусских княжеских знаков трезубец зафиксирован в граффито № 75 во Владимирском приделе на одном из столбов южной галереи, которая до перестроек была внешней северной стеной храма (Высоцкий 1966: № 75). Знак образован сложным переплетением неравномерной по ширине «ленты»: широкие боковые зубцы отогнуты наружу, вершина центрального зубца увенчана перекрестием, ножка образована сложным узлом плетенки и завершается неотчетливо читающимся крестом, образованном при наложении друг на друга концов «ленты» (рис. 21: *1*). Большинство элементов, составляющих трезубец, следует считать декоративными. К числу значимых элементов, на мой взгляд, относится крестовидное завершение центрального зубца, которое находит себе ближайшее соответствие в оформлении вершины центрального зубца у трезубца на печати Изяслава Владимировича и у трезубца на рукояти шила из Измерского поселения.

Форма ножки у трезубца в граффито № 75 не вполне отчетливая. Если считать наложенные друг на друга концы «ленты» крестом, то ближайшей аналогией окажется знак на рукояти шила из Измерского поселения. Но если связывать наложение концов «ленты» с декором знака, то полной аналогией ему

[15] Подавляющее большинство двузубцев и трезубцев, зафиксированных на различных предметах (керамике, кирпичах, каменных блоках) из Саркела, причисленных А.М. Щербаком к знакам Рюриковичей (Щербак 1959: 264), таковыми не являются (Флерова 1997: 79, 80).

[16] Измерский археологический комплекс, расположенный на левом берегу Волги при впадении в нее Камы, является остатками крупного торгово-ремесленного поселения X-XI вв. (Казаков 2000: 87-99).

[17] Пользуюсь случаем поблагодарить Е.П. Казакова (Казань), познакомившего меня с фотографией рукояти и предоставившего возможность сделать с этой фотографии прорисовку.

[18] Возможно, криновидные знаки (рис. 21: *3-4*) представляют собой варианты знаков якоревидной формы (ср: рис. 14: *4-10)*.

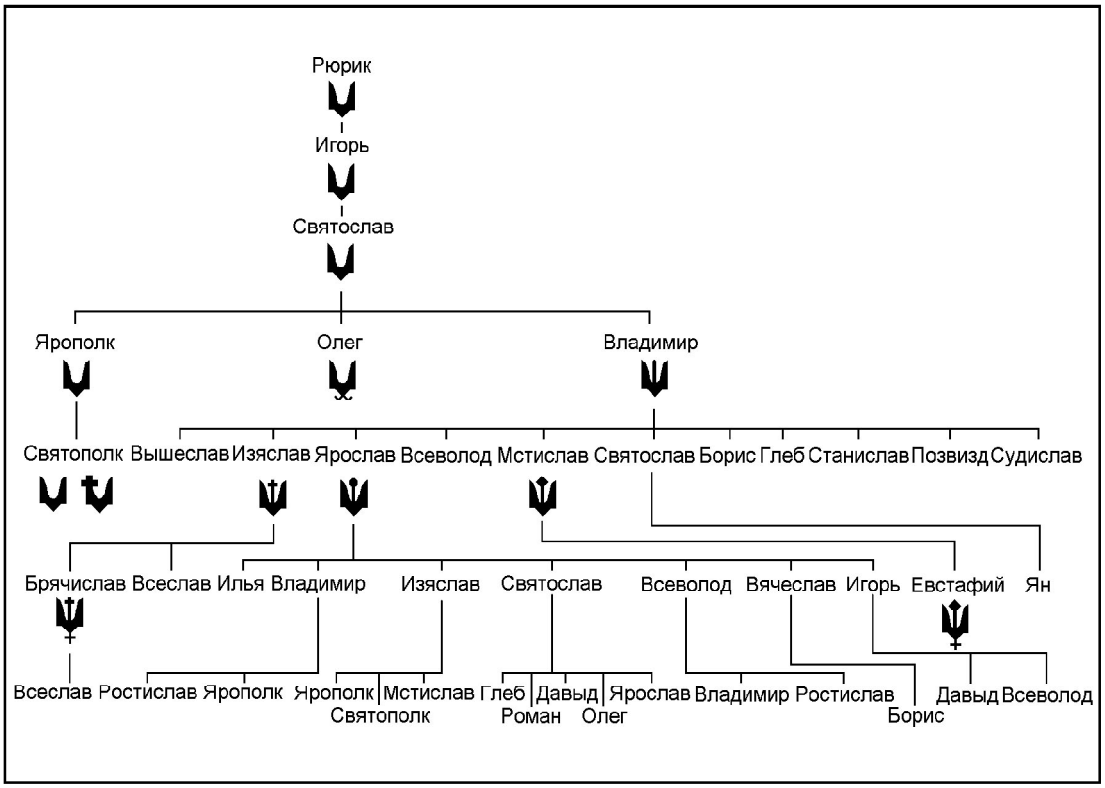

Рис. 22. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 4.

окажется знак на печати Изяслава. Иными словами, владельцем знака в граффито № 75 мог быть либо Изяслав Владимирович, либо один из его сыновей.

Решение вопроса о принадлежности знака непосредственно связано с вопросом о времени строительства Софийского собора в Киеве. Подводя итоги многолетней дискуссии, П.А. Раппопорт (1982: 11-13) подчеркивал: «Неясность сведений о времени постройки Софийского собора привела к сложению двух точек зрения...: некоторые исследователи считают, что собор был заложен в 1017 г. и закончен в 1031-1032 или 1037 г.; другие полагают, что он был заложен в 1037 г., а закончен в 40-х гг. XI в. ... Доказано, что все здание возведено единовременно, без существенных перерывов в строительстве».

Сам П. А. Раппопорт связывал начало строительства собора с 1037 г. (Раппопорт 1982: 13; 1993: 33-38). Этой же точки зрения придерживался и В.Н. Лазарев (1973: 22). Г.Н. Логвин (1977: 170-186) обстоятельно аргументировал раннюю дату строительства собора. С.А. Высоцкий (1976: 240-251) относил закладку собора к 1017 г., а начало строительных работ – к 1024 или 1026 гг.

При любой из трех существующих датировок ни Изяслав Владимирович († 1001), ни Всеслав Изяславич († 1003), не дожили даже до закладки храма, уже не говоря о времени создания фрескового убранства. И так как граффито могло быть процарапано по фреске только после того, как храм был возведен и расписан, оба князя могут быть исключены из числа вероятных владельцев знака. Таким образом, знак принадлежал Брячиславу Изяславичу († 1044), старшему сыну Изяслава Владимировича, двоюродному брату Ярослава Мудрого и одному из его основных оппонентов в династической войне 20-х и 30-х гг. XI в.

Атрибуируя знак в граффито № 75 Брячиславу Изяславичу, мы тем самым атрибуируем этому же князю и знак на рукояти шила из Измерского поселения.

* * *

Таким образом, после рассмотрения знаков, процарапанных на бытовых предметах, а также на стенах Софийского собора в Киеве, генеалогию знаков Рюриковичей X-XI вв. (рис. 22) удалось дополнить лично-родовыми знаками Мстислава Владимировича, Евстафия Мстиславича и Брячислава Изяславича.

Глава 5
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОДВЕСКАХ

Важнейшим источником для изучения знаков Рюриковичей являются металлические трапециевидные подвески, на одной или на обеих сторонах которых помещены княжеские знаки в парадном оформлении (рис. 23-24). Эти памятники неоднократно привлекали внимание исследователей.

Две медные подвески, происходящие из окрестностей Киева (рис. 24: *3*) и из Новгорода (рис. 24: *4*),[1] впервые комментировались еще А.В. Орешниковым (1930: 94, 95) и Н.П. Лихачевым (1930: 171-173): оба исследователя отмечали сходство знаков, изображенных на подвесках, со знаком, помещенным на «Ярославле сребре», а самим подвескам придавали «официальный характер».

В комментариях к таблицам «Сфрагистического альбома» Н.П. Лихачев повторил свои наблюдения (ЛСА: 499, 500, 510, 511), подчеркнув отличие подвески из Новгорода от подвески из окрестностей Киева: «Любопытная особенность (новгородской подвески – *С.Б.*) – кресты или крестообразные украшения на вершине знака (на ножке трезубца – *С.Б.*)» (ЛСА: 510). Здесь же была воспроизведена еще одна медная подвеска, идентичная новгородской (рис. 24: *8*). Лихачев отмечал, что новая подвеска, поступившая в фонды Русского музея (СПб) происходит «также из Новгорода» (ЛСА: 510, рис. 14). В действительности, эта подвеска происходит из Белгорода.[2]

В статье 1940 г. Б.А. Рыбаков анализировал четыре подвески: в дополнение к рассмотренным в работе Орешникова находкам из окрестностей Киева и из Новгорода учтены также подвеска из Белгорода (включенная Лихачевым в «Сфрагистический альбом») и подвеска с Рюрикова городища (рис. 24: *1*); у последней была воспроизведена только сторона «а»[3] (в крайне неточной прорисовке) (Рыбаков 1940: 238-240). Рыбаков отметил сходство знаков на подвесках со знаком на монетах Ярослава Мудрого и полагал, что подвески являлись своего рода вернительными знаками, которые «киевские князья давали... своим посадникам, даньщикам, тиунам, вирникам» (Рыбаков 1940: 238, 239).

В контексте с подвесками исследователь рассматривал также ременные бляшки с изображениями растительного крина (Рыбаков 1940: 240, рис. 39, 40), полагая, что поясные наборы, украшенные подобного рода бляшками, могли принадлежать княжеским дружинникам (Рыбаков 1940: 240).[4]

Рассматриваемая группа памятников пополнилась в результате раскопок в Новгороде. В 1954 г. в слое 25 яруса Неревского раскопа (1006-1025) была найдена односторонняя серебряная подвеска (рис. 23: *1*), публикуя которую, В.Л.Янин отметил: «Подвеска несет знак, представляющий детальную аналогию знакам сребреников. Это первая находка княжеского знака «в парадном варианте», сделанная в хорошо датированном слое, а дата этого слоя совпадает со временем правления Владимира Святославича» (Янин 1956б: 158).

В 1976 г. сводку металлических подвесок со знаками Рюриковичей опубликовал А.А. Молчанов. Исследователь учел уже шесть подвесок: кроме перечисленных выше, в эту публикацию была включена подвеска (рис. 24: *2*), найденная в слое 22 яруса в Неревском раскопе Новгорода (1076-1096). Одностороннюю подвеску из раскопок 1954 г. Молчанов вслед за Яниным отнес «по нумизматическим аналогиям и данным дендрохронологии» ко времени княжения Владимира Святославича (Молчанов 1976: 72), знаки на подвесках из окрестностей Киева, из Новгорода и из Белгорода атрибуировал, вслед за А.В. Орешниковым, Ярославу Владимировичу (Молчанов 1976: 75), знаки на подвеске с Рюрикова городища отказался комментировать из-за плохой сохранности предмета (Молчанов 1976: 76), а знаки на подвеске из раскопок в Новгороде в 1956 г. посчитал декоративными композициями на тему трезубца Рюриковичей, сходными с мотивом растительного крина (Молчанов 1976: 76).

За пределами сводки А.А. Молчанова осталась серебряная (?) подвеска, обнаруженная при раскопках на Даугмальском городище (рис. 23: *4*) и изданная Э.С.Мугуревичем (1965: 87, рис. 34: 1): она упомянута Молчановым только в примечании в связи с группой поздних (XII в.) подвесок-украшений из ливских могильников (Молчанов 1976: 77, примеч. 10). Исследователь не исключал, что даугмальская подвеска

[1] А.В. Орешникова (1930: 94) ошибочно указывает на происхождение подвески из Белгорода: в комментарии к табл. LIV, 4 «Сфрагистического альбома» Н.П. Лихачев отмечает, что подвеска происходит из Новгорода (ЛСА: 510).

[2] Путаницу с происхождением подвесок специально анализировал А.А. Молчанов (1976а: 74, 75).

[3] О принципе обозначения сторон подвески см. примеч. 2 к главе 4.

[4] Идея Б.А. Рыбакова об использовании княжеской тамги в оформлении бляшек для поясных наборов княжеских дружинников получила продолжение в работе С.С. Ширинского (1968: 215-223, рис. 1: 2), однако уверенно признать растительные и геометрические орнаменты на бляшках изображениями княжеских знаков я бы пока не решился. Эти памятники, безусловно, нуждаются в специальном исследовании, в том числе – с точки зрения геральдического истолкования декора.

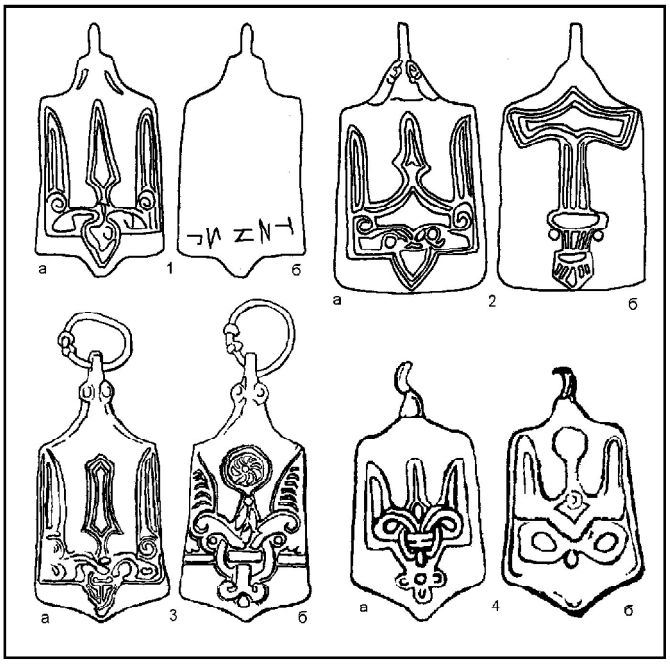

Рис. 23. Металлические подвески со знаками Рюриковичей. 1 – Новгород; 2 – Рождественский могильник; 3 – Победище (Ладога); 4 – Даугмальское городище (прорисовки по А.А. Молчанову, Э.С. Мугуревичу, Н.Б. Крыласовой, В.П. Петренко).

может быть аналогична другим рассмотренным в сводке памятникам, но от комментариев воздержался. Анализируя функциональное назначение подвесок, Молчанов присоединился к мнению об их официальном характере и считал рассматриваемые памятники купеческими верительными знаками (Молчанов 1976: 84).[5]

В 1982 г. к оценке функционального назначения подвесок обратился В.Л. Янин. Комментируя найденные при раскопках в Новгороде деревянные цилиндры, использовавшиеся для опечатывания «собранных вирниками ценностей» (Янин 1982: 150), исследователь отметил: «Думаю, что трапециевидные подвески с изображениями княжеских знаков, объявленные А.А. Молчановым верительными знаками купцов, в действительности были верительными знаками вирников» (Янин 1982: 154). От обоснования гипотезы Янин воздержался.

После выхода из печати сводки А.А. Молчанова, стали известны еще три металлические подвески. Медная подвеска (рис. 23: *3*), найденная в погребении Победищенской сопки близ Ладоги (Петренко 1977; 1994: 82, рис. 43: *7*), несет, по оценке В.П. Петренко, «изображения в форме трезубцев». Опираясь на находки подвесок XII в. в ливских женских погребениях, Петренко считал затруднительной «интерпретацию данных изделий в качестве княжеского мандата». Привлекая аналогии из этнографии Приуралья и Сибири, исследователь не исключал, что трезубцы, подобные изображенным на подвесках, «использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков» (Петренко 1977: 58, 59).

Серебряная подвеска (рис. 23: *2*), обнаруженная в погребении родановской культуры из Рождественского могильника в Прикамье (Крыласова 1995: 192-197), по определению Н.Б. Крыласовой, несет на одной стороне трезубец Владимира Святославича, а на другой – «изображение меча, соединенного с молотом бога Тора» (Крыласова 1995: 195). Комментируя это изображение, Крыласова отмечает: «Знаки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер..., и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором..., встречаются довольно часто. Но изображение, в котором сочетаются меч и молот, на подвеске с Рождественского могильника является пока единственным. Возможно, что данный знак имеет для скандинавского мира значение, аналогичное знаку Рюриковичей для Руси» (Крыласова 1995: 196). Присоединившись к мнению Молчанова о назначении подвесок удостоверять официальный характер деятельности их держателей, исследовательница напомнила об упомянутом В.Н. Татищевым торговом договоре 1006 г., заключенном болгарами с Владимиром Святым: согласно этому договору, болгары получили от Владимира печати для беспрепятственной торговли (Татищев 1963: 88, 89). Крыласова полагает, что погребение, из которого происходит подвеска, «является захоронением болгарского купца, одного из тех, кто в соответствии с договором 1006 г. имел право на получение подобных печатей для ношения» (Крыласова 1995: 196).

[5] Вернувшись позднее к проблеме происхождения традиции верительных знаков на Руси, исследователь соотнес подвески с известными по скандинавским источникам jartegnir – верительными знаками, призванными удостоверять официальный характер миссии, возложенной правителем на держателей таких знаков (Молчанов 1986: 185; 1996б: 32-35).

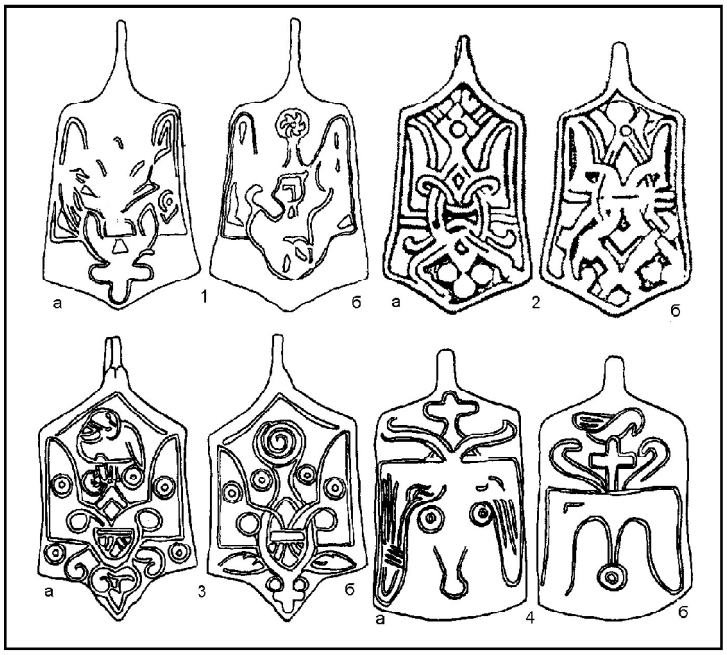

Рис. 24. Металлические подвески со знаками Рюриковичей. 1 – Рюриково городище (Новгород); 2, 4 – Новгород; 3 – окрестности Киева, 4 – Белгород (прорисовки по А.А.Молчанову, Н.П. Лихачеву).

К мнению Крыласовой присоединился А.М. Белавин (2000: 152).

В самое недавнее время стала известна еще одна серебряная подвеска, хранящаяся в частной коллекции в Москве. Подвеска пока не издана и поэтому ее прорисовка в настоящей работе не воспроизводится.[6] По сочетанию знаков – двузубец на одной стороне и стяг на другой – ближайшей аналогией этой подвеске являются граффити на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г.[7] По непроверенным сведениям, подвеска происходит из подъемного материала в черте Гнездовского археологического комплекса близ Смоленска.

Таким образом, в настоящее время известно не менее 10 металлических подвесок, несущих на одной или на обеих сторонах знаки Рюриковичей в их парадном изображении. Принимая версию о юридическом значении этих памятников, призванных удостоверять официальный характер миссии, возложенной на держателя подвески, я хотел бы подчеркнуть одну существенную особенность подавляющего большинства известных подвесок: на разных их сторонах помещены разные, хотя, чаще всего, близкородственные знаки.[8]

В отличие от костяной подвески из Новгорода,[9] знаки на которой лишены декора, все знаки на металлических подвесках изображены с максимальной декоративностью. «Парадный» характер изображений в ряде случаев не сразу позволяет схематизировать знак, но тем не менее, схемы знаков на всех подвесках читаются, в конечном счете, вполне определенно (рис. 25).

Принадлежность ряда знаков устанавливается сравнительно просто. Так, на подвеске из Победищенской сопки близ Ладоги (рис. 23: *3*) помещены знаки Владимира Святославича (сторона «а») и Ярослава Владимировича (сторона «б») (Белецкий 1995б: 36-39; 1996д: 30), а на новгородской подвеске из раскопок 1956 г. (рис. 23: *6*) помещены знаки Мстислава (сторона «а») и Ярослава (сторона «б») Владимировичей (Белецкий 1996а: 1-7). Подвеска из раскопок 1954 г. в Новгороде несет на себе трезубец Владимира Святого (рис. 23: *1*), а на другой стороне процарапана нечитающаяся

[6] На симпозиуме, посвященном ювелирному делу, проходившем весной 2000 г. в Эрмитаже (СПб), эта подвеска была предметом специального доклада: М.С. Шемаханская и И.Г. Равич отметили, что подвеска, по сведениям владельца коллекции, найдена «на поле», прошла антикварную очистку от окислов, изготовлена из низкопробного серебра и сохранила следы закисла меди, образовавшегося во время пребывания предмета в земле. Тем самым исследователи подтвердили, что подвеска является археологическим предметом, а не новоделом (Шемаханская, Равич 2000: 62-64).

[7] Комментарии к граффити см. в главе 3.

[8] Кажется, на это обратила внимание только Е.Л. Назарова, отметившая в комментарии к даугмальской подвеске: «Единственная подвеска с территории Латвии, которая считается импортом с Руси (городище Даугмале, слой XI в.), хотя и идентична русским по форме, но содержит изображения сразу двух княжеских знаков – Владимира и Ярослава, чем отличается как от русских, так и от латвийских находок» (выделено мною – *С.Б.*). Поскольку ранее никто из исследователей не указывал на эту особенность подвесок, Е.Л. Назарова была вынуждена констатировать: «Считать ее (подвеску – *С.Б.*) атрибутом официального лица начала XI в. без дополнительных подтверждений нет оснований» (Назарова 1986: 180).

[9] Комментарии к костяной подвеске из Новгорода см. в главе 4.

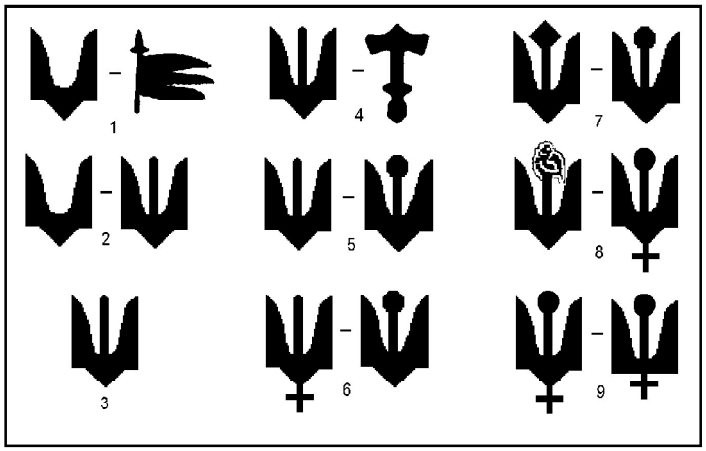

Рис. 25. Схематизация знаков на двусторонних подвесках.1 – Гнездово (?); 2 – Новгород (костяная подвеска, до «исправления» знака); 3 – Новгород (металлическая подвеска – рис. 22: 1; костяная подвеска после «исправления» знака); 4 – Рождественский могильник (рис. 22: 2); 5 – Победище (рис. 22: 3), 6 – Даугмальское городище (рис. 22: 4) и Рюриково городище (рис. 23: 1); 7 – Новгород (рис. 23: 2); 8 – окрестности Киева (рис. 23: 3); 9 – Новгород и Белгород (рис. 23: 4).

надпись, выполненная рунообразными знаками.

При общем сходстве со знаком Ярослава Владимировича обоих знаков, помещенных на подвеске из окрестностей Киева, с последним не совпадает полностью ни один из них (рис. 23: *7*): на стороне «а» изображен трезубец, близкий трезубцу Ярослава, однако на вершине центрального зубца вместо кружка помещена фигурка птицы; на стороне «б» изображен трезубец, близкий трезубцу Ярослава, но отличающийся от него крестообразным завершением треугольной ножки.

Разные, хотя и родственные трезубцу Ярослава Владимировича, знаки помещены на подвесках из Новгорода и Белгорода (рис. 23: *8*): на стороне «а» изображен трезубец, отличающийся от знака Ярослава Владимировича усложненной крестообразным завершением ножкой, на стороне «б» размещен близкородственный последнему знак, отличающийся, однако, формой ножки – вместо треугольника острием вниз, усложненного крестом, здесь ножка имеет крестовидную форму, увенчанную изображением птицы, а треугольная часть ножки отсутствует.

Даугмальская подвеска (рис. 23: *4*) несет на стороне «б» трезубец Ярослава Владимировича; на стороне «а» у этой подвески помещен знак, чрезвычайно близкий трезубцу Владимира Святославича, но отличающийся от него усложненной крестообразным завершением ножкой. Точно такие же знаки удалось выявить при непосредственном осмотре на стертой подвеске с Рюрикова городища.[10]

Наличие на подвесках одновременно двух знаков представляется мне принципиально важным как для понимания самих памятников, так и для изучения генезиса лично-родовых знаков Рюриковичей. С одной стороны, присутствие на подвеске двух различных знаков свидетельствует о деятельности держателя подвески в качестве представителя двух князей одновременно. С другой стороны, размещение двух различных знаков на одной подвеске предоставляет дополнительные возможности для персонификаций знаков и дает основания для уточнения времени использования подвесок в юридической практике. Так, подвеску из Победищенской сопки можно датировать в пределах узкого хронологического интервала – от вокняжения Ярослава Владимировича в Новгороде и до смерти Владимира Святославича, то есть – 1010-1015 гг. (Белецкий 1995б: 36-39). Подвеска из раскопок в Новгороде в 1956 г. фиксирует известное летописи соправительство Ярослава и Мстислава Владимировичей и может быть датирована временем от 1026 г. (Городецкий мир, положивший начало дуумвирату Владимировичей) до 1034 г. (кончина Мстислава Владимировича) (Белецкий 1996а: 1-7).

С учетом сделанных ранее наблюдений о принципах изменения тамги при переходе от отца к сыну, можно попытаться персонифицировать владельцев тех знаков, которые по другим геральдическим памятникам не фиксировались. Прежде всего, обращают на себя внимание знаки, помещенные на подвесках из Даугмале и с Рюрикова городища (рис. 23: *4*; 24, *1*). Знак на сторонах «б» у этих подвесок достаточно определенно соотносится с трезубцем Ярослава Владимировича, что позволяет определять время использования подвесок между концом 980-х годов[11] (начало политической деятельности Ярослава) и 1054 г. (кончина князя). Знак на стороне «а» у этих подвесок представлен трезубцем, чрезвычайно сходным с трезубцем Владимира Святославича,[12] но отличающемся от него усложненной формой ножки: треугольная основа дополнена крестовидным завершением.

[10] Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудника Русского музея (Санкт-Петербург) С.Новаковскую, любезно предоставившую мне возможность познакомиться с подвесками, хранящимися в фондах музея.

[11] Согласно наиболее ранним летописным источникам (Лавреньевская, Ипатьевская, Новгородская Первая летописи), старшие сыновья Владимира были определены на княжения в 988 г.

[12] Именно этот трезубец Е.Л. Назарова приняла за знак Владимира Святославича (Назарова 1986: 180).

Именно такое отличие было отмечено при сопоставлении знака на тмутараканской костяной пластине со знаками на заготовке каменного грузила и в граффито № 103 на арабской монете из свода 1991 г.: знаки были атрибуированы Мстиславу Владимировичу и его единственному сыну, Евстафию Мстиславичу. Аналогичным образом различаются между собой трезубец на печати Изяслава Владимировича и трезубец, зафиксированный в граффито № 75 на стене Софийского собора в Киеве и на рукояти шила из Измерского поселения: два последних знака были атрибуированы старшему сыну Изяслава Владимировича, Брячиславу Изяславичу.

Если отличие тамги старшего сына от тамги отца действительно заключается в усложнении на один элемент ножки путем добавления к треугольной части крестовидного завершения, то знак на сторонах «а» у подвесок из Даугмале и с Рюрикова городища должен быть атрибуирован старшему сыну Владимира Святославича, Вышеславу Владимировичу, занимавшему с конца 980-х гг. по 1010 г. новгород ский княжеский стол. Тогда знак Ярослава Владимировича на подвесках из Даугмале и с Рюрикова городища фиксирует период ростовского княжения Ярослава, а держатели подвесок в своей деятельности оказываются представителями одновременно ростовского и новгородского князей. Верхняя хронологическая граница использования подвесок в качестве юридического знака в любом случае определяется годом смерти Вышеслава Владимировича.

Знак, размещенный на стороне «б» подвески из окрестностей Киева (рис. 24: *3*) и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода (рис. 24: *4*), близок знаку Ярослава Владимировича: в обоих случаях на подвесках изображен трезубец, центральный зубец которого увенчан кружком. Но, в отличие от трезубца Ярослава Владимировича, здесь знак имеет усложненную крестовидным завершением ножку. Считая кружок на вершине центрального зубца отличительным признаком ветви Ярославичей, можно полагать, что знак принадлежал старшему сыну Ярослава Владимировича.

Старший сын Ярослава, Илья Ярославич, был около 1019 г. ребенком направлен в Новгород под опеку троюродного деда, Костянтина Добрынича, и в Новгороде же в 1020 г. скончался. Теоретически именно ему мог принадлежать рассматриваемый знак. Однако уверенности в такой персонификации у меня нет.

Дело в том, что сочетания пар знаков на рассматриваемых подвесках различное. На подвеске из окрестностей Киева знак на стороне «а» представлен трезубцем, вершина центрального зубца у которого завершается стилизованным изображением птицы (рис. 24: *3*). Этот знак отличается на один элемент от трезубца Владимира Святославича, причем отличие совершенно аналогично отличию от знака Владимира Святославича знаков его сыновей – Изяслава, Ярослава и Мстислава. Вероятнее всего, знак на стороне «а» у подвески из окрестностей Киева принадлежал еще одному сыну Владимира Святого, брату Изяслава, Ярослава и Мстислава Владимировичей. В период пребывания Ильи Ярославича в Новгороде, на политической сцене Руси, кроме Ярослава и Мстислава Владимировичей оставался всего один их брат – Судислав псковский, и знак на стороне «а» подвески из окрестностей Киева должен быть атрибуирован именно ему. В таком случае, держатель подвески, из окрестностей Киева выступал представителем новгородского и псковского князей, а юридическую силу подвеска имела на рубеже второго и третьего десятилетий XI в.

Однако реконструированная картина вступает в противоречие с информативными возможностями двух идентичных подвесок, происходящих из Новгорода и Белгорода (рис. 24: *4*). Знак на стороне «а» у этих подвесок сопоставим со знаком на стороне «б» подвески из окрестностей Киева, и также может быть соотнесен с деятельностью старшего сына Ярослава Владимировича. Правда, в отличие от кружка на вершине центрального зубца у знака на стороне «б» подвески из окрестностей Киева, вершина этого знака увенчана крупной точкой, однако ничем иным, кроме как кружком, эта точка быть не может.

Знак на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода состоит из трезубца, центральный зубец которого завершен кружком. Ножка трезубца имеет крестовидную форму. Трезубец чрезвычайно близок знаку Ярослава Владимировича, отличаясь от него именно формой ножки. Близок он и знаку на стороне «а», соотносимому со знаком старшего сына Ярослава: от этого знака трезубец на стороне «б» отличается на один элемент – ножка не имеет треугольной части и крестовидная часть соединена непосредственно с основанием трезубца.

Таким образом, в обоих случаях отличие между трезубцами заключается в изменении формы ножки. Однако в первом случае ножки у трезубцев совершенно различны: у трезубца Ярослава ножка треугольная, а у знака на стороне «б» подвесок из Новгорода и Белгорода крестовидная. Во втором случае речь может идти об упрощении исходной формы ножки путем исключения из нее треугольной части.

Полагаю, непосредственно вывести знак на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода из знака Ярослава Владимировича невозможно, поскольку происходит полная замена одного из элементов, составляющих знак. В то же время этот знак безусловно представляет собой результат развития знака старшего сына Ярослава: мы вновь оказываемся свидетелем изменения ножки трезубца на один элемент

(на этот раз – путем упрощения) с сохранением особенностей исходной формы. Иными словами, трезубец, изображенный на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода, я считаю возможным атрибуировать сыну владельца трезубца, изображенного на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода. Таким образом, трезубец с широкими боковыми зубцами и крестовидной ножкой оказывается принадлежащим представителю поколению внуков Ярослава Владимировича. Илья Ярославич, как известно, умер ребенком и сыновей не оставил. Тогда атрибуировать ему знаки, изображенные на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода, оснований нет.

Рискну в этой связи предположить, что в период, предшествующий дуумвирату Ярослава и Мстислава Владимировичей (до 1026 г.) функции представителя официальной великокняжеской власти в Новгороде продолжал отправлять Костянтин Добрынич (исполнявший в конце 1010-х годов, наряду с посадничьими обязанностями, также функции дядьки-воспитателя при юном Илье Ярославиче), а Илья вообще не являлся юридическим представителем великокняжеской власти в Новгороде. Подвеска из раскопок в Новгороде в 1956 г. (рис. 24: *2*) принадлежала лицу, выступавшему в своей деятельности от имени Ярослава и Мстислава Владимировичей (Белецкий 1996а: 5,6), и я не исключаю, что держателем этой подвески мог быть именно Костянтин Добрынич, сохранявший в годы соправительства Ярослава и Мстислава Владимировичей должность новгородского посадника.[15]

Если сказанное справедливо, то знак на стороне «б» у подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» у подвесок из Новгорода и Белгорода с большим основанием следует атрибуировать второму сыну Ярослава Мудрого, Владимиру, посаженному отцом на новгородский стол в 1034 г. в возрасте 14 лет. Начало княжения Владимира в Новгороде (1034 г.) приходится на период после смерти Мстислава тмутараканского и начавшейся опалы Костянтина Добрынича, так что Владимир Ярославич, безусловно, являлся юридическим представителем великокняжеской власти в Новгороде. В этом случае именно Владимир Ярославич первым из сыновей Ярослава Мудрого приобретает политический статус, то есть – оказывается юридически старшим среди Ярославичей, и усвоение ему знака «старшего сына» оказывается допустимым.

Признавая знак, изображенный на стороне «б» подвески из окрестностей Киева и на стороне «а» подвесок из Новгорода и Белгорода, лично-родовым знаком Владимира Ярославича, вновь обратимся к трезубцу, помещенному на стороне «а» подвески из окрестностей Киева (рис. 24: *3*). Если верно предположение о том, что этот знак принадлежал Судиславу Владимировичу псковскому[16], то время употребления в юридической практике подвески, несущей знаки новгородского и псковского князей, следует ограничить коротким интервалом – временем между вокняжением Владимира Ярославича в Новгороде и арестом Судислава.[17] Между этими событиями прошли считанные недели 1034 г.[18] В пользу предлагаемой атрибуции свидетельствует тот факт, что подвеска практически не стерта, то есть – употреблялась короткое время.[19]

Возвращаясь к двум идентичным подвескам из Новгорода и Белгорода (рис. 24: *4*), мы можем теперь с большой степенью вероятности считать, что эти подвески несут изображения тамги Владимира Ярославича и его старшего сына – Ростислава Владимировича. Владимир Ярославич княжил в Новгороде до

[15] Предложенная персонификация держателя подвески (Белецкий 1996а: 5, 6) вызвала возражения со стороны А.А. Молчанова. Исследователь убежден, что «предположение ... об использовании могущественным посадником-наместником Новгорода 1016-1030 годов Константином Добрыничем в качестве рангового знака изношенной бронзовой подвески» сомнительно, «поскольку даже рядовым дружинникам князья жаловали тогда золотые шейные гривны» (Молчанов 1997: 113, примеч.18). Однако ранговое сопоставление регалии власти (подвеска) с наградной регалией (шейной гривной) вряд ли оправдано, и, во всяком случае, ранг подвески, на мой взгляд, неизмеримо выше, нежели ранг гривны, хотя подвеска и изготовлена из меди, а не из золота. Стертость же подвески легко объяснима длительным отправлением должностных обязанностей держателем подвески.

[16] О противостоянии Судислава Владимировича брату Ярославу свидетельствует не только арест Судислава, произведенный по приказу Ярослава в 1034 г., но и вероятная ситуация этого ареста (Белецкий 1996б: 78-86).

[17] После ареста Судислав Владимирович четверть века находился в заключении. Из поруба его выпустили в 1059 г. племянники, Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, причем Судислав сразу же после освобождения был пострижен в монахи.

[18] «В лето 6542. Мьстиславъ изыде на ловы, и разболеся, и умре... По семь же прия власть его Ярослав, и бысть единовластечь Рускои земли. Иде Ярослав к Новугороду, посади сына своего Володимера... В то же лето всади Ярослав Судислава вь порубь, брата своего Плескове, оклеветаны к нему» (ИЛ: 138-139).

[19] В какой мере претензии Судислава на полномочия племянника, материализовавшиеся подвеской из окрестностей Киева, являлись свидетельством претензий на власть в государстве последнего из остававшихся на политической сцене Владимировичей, и в какой мере эти претензии стали толчком для последовавшего в том же году ареста и заточения псковского князя, еще предстоит выяснить.

самой смерти (1052 г.), так что сочетание знаков Владимира и Ярослава на подвесках позволяет определять хронологический интервал, в пределах которого могли использоваться данные верительные знаки, временем после 1038 г. (год, когда, по сведениям В.Н.Татищева (1963: 78) родился Ростислав Владимирович), но – до 1052 г. Держатели подвесок выступали в своей деятельности представителями одновременно Владимира Ярославича и Ростислава Владимировича.

Владимир Ярославич скончался новгородским князем еще при жизни отца, занимавшего великий киевский стол, так что вопрос о правовом статусе Ростислава Владимировича требует специального комментария. Чрезвычайно заманчиво было бы предположить, что при жизни отца Ростислав Владимирович занимал ростовский стол: в этом случае подвески из Новгорода и Белгорода оказались бы адекватны подвескам из Даугмале и с Рюрикова городища, поскольку последние также фиксируют представительство их держателей от лица одновременно новгородского и ростовского князей. Однако, по сведениям В.Н. Татищева (1963: 83), ростовское княжение Ростислав Владимирович получил только после смерти Владимира Ярославича. Кроме того, О.М. Рапов, специально исследовавший политическую судьбу Ростислава Владимировича и его перемещения по княжеским столам (Рапов 1977: 68, 69), отмечал сомнительность сведений Татищева о ростовском княжении Ростислава. Вопрос о том, каким статусом обладал Ростислав при жизни отца, в литературе, кажется, специально не поднимался.

Не претендуя на решение вопроса, хотел бы отметить любопытную особенность знака, размещенного на стороне «б» подвесок из Новгорода и Белгорода: на ножке перевернутого зубцами вниз трезубца помещено изображение птицы. Считать это изображение элементом, усложняющим форму ножки, не приходится, поскольку оно не мотивировано геральдически: размещение трезубца как зубцами вниз, так и зубцами вверх предполагает определенную схематизацию элементов, составлявших знак: эти элементы должны одинаково восприниматься как при одном, так и при другом положении трезубца. При размещении же трезубца зубцами вверх изображение птицы оказывается перевернутым, так сказать, «вниз головой».

В то же время изображение птицы, увенчивающее ножку у трезубца Ростислава Владимировича нельзя считать случайным: напрашивается сопоставление его с изображением птицы на вершине центрального зубца у трезубца Судислава псковского. Не означает ли это, что Ростислав Владимирович в годы пребывания Владимира на новгородском столе занимал псковский стол, и включение в оформление его знака изображения птицы было призвано за свидетельствовать преемственность власти, прешедшей к Ростиславу после ареста Судислава? В таком случае подвески из Новгорода и Белгорода оказываются в юридическом отношении синонимичны подвеске из окрестностей Киева: их держатели представляли в правовом отношении одновременно власть новгородского и псковского князей. Замечу, что подвески из Новгорода и Белгорода сильно стерты, то есть – находились в употреблении по крайней мере несколько лет.

Изложенные наблюдения сведены в таблицу (рис. 26), составленную с учетом неопубликованной подвески из Гнездова (?), а также костяной подвески из Новгорода, комментированной в гл. 4.

Из этой таблицы, кстати говоря, следует большая вероятность существования пока неизвестных подвесок, на одной из сторон которых был бы помещен трезубец Ярослава Владимировича, а на другой – трезубец Владимира Ярославича. Если такие подвески будут, когда-нибудь найдены, они окажутся адекватными костяной подвеске из Новгорода (до переделки) и подвеске из Победищенской сопки, поскольку держатели подвесок представляли одновременно власть великого киевского и новгородского князей.

Безусловно, совершенно особое положение среди других подвесок занимает экземпляр, происходящий из Рождественского могильника: на одной из сторон этой подвески размещен трезубец Владимира Святого, на другой стороне – изображение меча, переходящего в «молот Тора» (рис. 23: 2). Н.Б. Крыласова, на мой взгляд, права, рассматривая изображение меча-молота в качестве парадного варианта тамги, принадлежавшей этническому скандинаву. Знак «меч-молот» помещен на одной подвеске вместе со знаком Владимира, и, следовательно, держатель подвески выступал представителем одновременно и Владимира Святого, и владельца этого знака. Таким образом, владелец знака «меч-молот», во-первых, являлся современником Владимира Святославича, во-вторых, принадлежал к числу выходцев из Скандинавии и, в третьих, обладал на Руси обширными полномочиями и статусом, равным, по крайней мере статусу сыновей Владимира Святого. Не решаясь однозначно персонифицировать владельца знака, отмечу, что этот человек так же, как и сыновья Владимира, почти наверняка занимал один из княжеских столов в пределах владений великого киевского князя (Белецкий 1996: 35-40).

В этой связи нельзя не учитывать известие о военных действиях ярла Эйрика Хаконарссона в землях Владимира Святославича в 997 г.: «А весной собрал он свое войско и поплыл вскоре по Аустрвегу. И когда пришел он в государство Вальдмара, стал он воевать, убивал людей и

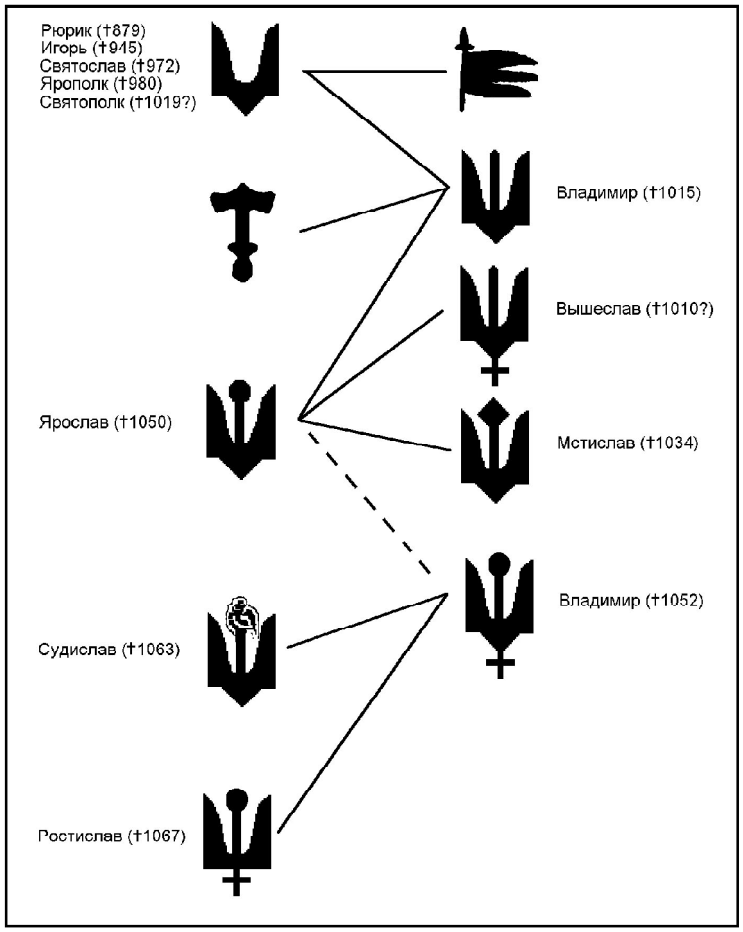

Рис. 26. Совстречаемость знаков на подвесках.

жег постройки там, где он проходил, и опустошил землю. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял города, убил там много народа, и разрушил и сжег всю крепость, воевал он затем во многих местах в Гардарики... Ярл Эйрик провел в этом походе всего пять лет» (Джаксон 1993: 184); Альдейгьюборг-Ладога в этом рассказе отчетливо воспринимается как составная часть владений великого киевского князя. Достоверность сведений о походе Эйрика подтверждается археологическими материалами (Петренко 1985: 91, 92, 115; см. также: Джаксон 1993: 214-215).

Особое положение Ладоги – первой резиденции Рюрика и древнейшей столицы Руси – в пределах владений киевского великого князя сохранялось на протяжении всего XI в. После того как Ладога и принадлежащее к ней ярлство были переданы Ярославом Владимировичем в качестве свадебного дара Ингигерд, здесь осуществлял управление ее родственник Рёгнвальд, а после смерти Рёгнвальда – его сын Эйлив, так что правление в Ладоге этнических скандинавов было традиционным. Заметное присутствие скандинавов в Ладоге на рубеже X-XI вв. зафиксировано и археологическим материалом. Решусь предположить, что владельцем знака в виде меча-молота на подвеске из Рождественского могильника является человек, контролировавший управление в Ладоге, подобно тому, как контролировали управление в других центрах Руси сыновья Владимира Святославича.[20]

В этой связи на память приходит ситуация, зафиксированная в «Саге об Олаве Трюггвасоне»: Сигурд Эйрикссон «имел такой большой почет от конунга (Вальдмара – *С.Б.*), что он получил от него большие владения и большой лен, и поручено ему было вести дела конунга и собирать дань конунга по всем областям; а его повеления должны были иметь силу во всем государстве конунга» (Джаксон 1993: 133). Т.Н. Джаксон полагает, «что объем власти, который имел Сигурд на Руси, преувеличен сагой. Место Сигурда при дворе русского князя и отношение к нему конунга изображены ... в соответствии со стереотипом, выявляемым в сагах при описании знатных норвежцев (конунгов, ярлов, хёвдингов)

[20] Политическая история Ладоги и, в частности, имена тех, кто управлял здесь на рубеже X-XI вв. от лица Владимира Святого, не отражена в письменных источниках. Однако напомню, что еще при жизни Владимира, в годы новгородского княжения Ярослава Владимировича, великокняжескую власть в Ладоге отправлял один из представителей местной элиты (Белецкий 1995б).

за пределами Скандинавии: как правило, в этих случаях повествование подчинено задаче возвеличения скандинавского вождя» (Джаксон 1993: 194; см. также: Джаксон 1991: 70-79). Возможно, в отношении Сигурда Эйрикссона исследовательница права, однако подвеска из Рождественского могильника позволяет предполагать, что по крайней мере один из скандинавов, современников Владимира Святого, мог обладать перечисленными полномочиями: держатель подвески выступал в своей деятельности от имени одновременно и этого лица, и Владимира Святославича, причем нет оснований полагать, что полномочия последнего в той области права, которая материализовалась подвеской, были существенно иными, нежели у его скандинавского партнера.

Следует, однако, подчеркнуть, что знак меч-молот вряд ли мог принадлежать ярлу: статус соправителя Владимира Святого скорее приличествовал бы конунгу. Поэтому нет оснований связывать этот знак с Сигурдом Эйрикссоном: с большей вероятностью ярл Сигурд мог бы быть держателем подобного рода подвески, нежели лицом, знак которого был на подвеске помещен.[21] Кроме того, атрибуция Сигурду знака на подвеске из Рождественского могильника вступает в противоречие с наблюдениями Н.Б. Крыласовой о вероятной принадлежности подвески: если исследовательница права в том, что держатель подвески принадлежал к числу лиц, получивших верительный знак вследствие договора 1006 г.,[22] то признать Сигурда Эйрикссона владельцем знака в виде меча-молота не удается, поскольку деятельность ярла в качестве полномочного представителя Владимира Святославича относится к 970-977 гг. (Джаксон 1993: 193), то есть – отстоит от периода деятельности держателя подвески более чем на четверть века.

Чрезвычайно заманчиво было бы отождествить с владельцем знака меч-молот другого современника Владимира Святого – Олава Трюггвасона, дядей которого был Сигурд Эйрикссон. Статус приемного сына Владимира Святого, которым обладал Олав, ставит его в один ряд с сыновьями Владимира, занимавшими княжеские столы и пользовавшимися лично-родовыми знаками.

Однако деятельность Олава при дворе Владимира Святославича приходится на 977-986 гг., в 995 г. он уже становится правителем Норвегии, а около 1000 г. исчезает с политической арены. Если правы исследователи, полагавшие, что около 1000 г. Олав Трюггвасон погибает (Джаксон 1993: 119), то в событиях после 1006 г. он явно не мог принимать участия.

С другой стороны, сведения о гибели Олава противоречивы. В «Саге об Олаве» после сообщения о смерти Олава в битве с Эйриком Хаконарссоном, отмечено: «Вендский корабль, на котором были люди Астрид, поплыл прочь и вернулся в Страну Вендов. И вот сразу же многие стали рассказывать, что Олав конунг якобы сбросил с себя под водой кольчугу, вынырнул вдали от боевых кораблей и поплыл к вендскому кораблю, а люди Астрид доставили его на борт... Как бы там ни было, конунг Олав сын Трюггви так и не вернулся к власти в Норвегии» (Снорри Стурлусон 1995: 166). Правда, сомнения в этом высказывались уже современниками: «Халльфред Трудный Скальд говорит так:

«Дуб побоищ добрый
Твердил, будто родич
Трюггви смог от смерти
Уйти, всевластитель.
Только я не внемлю
Той молве, что Олав
Жив еще и тщетной
Не тешусь надеждой...

Снова уверяют
Люди, будто конунг
То ли ранен в пенье
Стали, то ли спасся.
Но теперь о смерти
Княжьей – мало вижу
Складу в толках этих –
Достоверны вести» (КЗ: 166).

[21] Вопрос о возможном участии Сигурда Эрикссона и Олава Трюггвасона в управлении Ладогой был предметом обсуждения с Н.И. Милютенко (СПб), которой я искренне признателен за сделанные замечания.

[22] Напомню, что захоронение, из которого происходит подвеска, относится к родановской культуре, носители которой принадлежат к группе прикамских финнов (Розенфельдт 1987: 153-162) .

[23] Не присутствием ли в Ладоге представителей Олава Трюггвасона объясняется поход Эйрика 997 г.? Из контекста рассказа о походе Эйрика на Альдейгьюборг, приведенного в «Красивой коже», следует, что «воевал ярл Эйрик ... в государстве конунга Вальдамара, когда Олав Трюггвасон был конунгом в Нореге. И делал он это из мести и неприязни к конунгу Олаву и вражды после гибели Хакона, своего отца» (Джаксон 1993:154). Сомнения в такой мотивировке военных действий высказала Е.А. Рыдзевская: «Нет никаких оснований думать, что Эйрик мог видеть в русском князе союзника Олафа и тем самым – своего личного врага» (1945:54). К этому присоединилась и Т.Н. Джаксон, подчеркивавшая справедливость сомнений Рыдзевской (Джаксон 1993: 214). Полагаю, основания считать Владимира Святославича союзником Олава у Эйрика, все-таки были достаточно серьезными, так что к оценкам, высказанным в «Красивой коже», я предложил бы относиться с большим доверием.

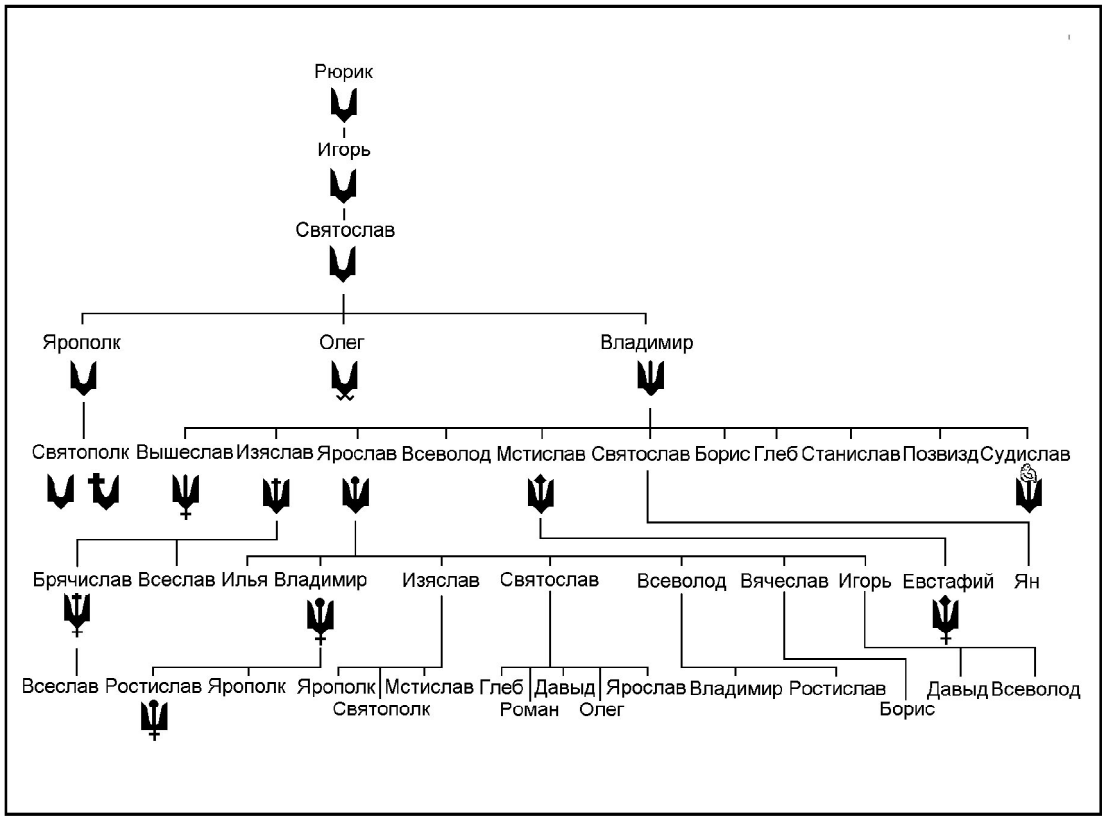

Рис. 27. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 5.

Не исключая того, что и Сигурд Эйрикссон, и, позднее, Олав Трюггвасон могли иметь отношение к управлению в Ладоге,[23] я полагаю, что вопрос о том, кому мог принадлежать знак на стороне «б» у подвески из Рождествен ского могильника, в настоящее время, все-таки, остается открытым[24].

Особую группу подвесок составляют подвески-украшения из финно-угорских погребений XII в. Изображенные на них сильно стилизованные знаки напоминают парадные варианты знаков Рюриковичей X-XI вв. Эти памятники требуют специального анализа и здесь не рассматриваются. За пределами статьи остается также подвеска со знаками Рюриковичей из Пскова (Лабутина 1983: 21, рис.10), в которой, по мнению А.А. Молчанова, опознается современный фальсификат (Молчанов 1986: 185).[25]

* * *

Таким образом, после анализа знаков на металлических подвесках генеалогию знаков Рюриковичей (рис. 27) удается дополнить знаками Вышеслава и Судислава Владимировичей, Владимира Ярославича и Ростислава Владимировича.

[24] Надо лишь подчеркнуть, что знак этот, как и помещенный на стороне «а» той же подвески трезубец Владимира, представлен в «парадной форме», и нижняя часть знака («меч») поразительно напоминает орнаментальное оформление ножки двузубца, вырезанного на деревянном предмете из Новгорода (рис. 19: *2*), а также оформление ножки трезубца в граффито № 74 свода 1991 г. (рис. 16: *17*), так что в упрощенном и схематизированном виде знак на стороне «б» подвески должен был, вероятно, иметь вид руны «тюр», а это, в свою очередь, вызывает ассоциации с именем Трюггви, отца Олава. Пользуюсь случаем, благодарю Г.С. Лебедева (СПб), принявшего активное участие в обсуждении этого сюжета.

[25] Комментарии к этой подвеске см.: (Белецкий 1996б: 84-85, прим. 23).

Глава 6
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ В КЛЕЙМАХ НА БЫТОВОЙ И СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ

Клейма в виде знаков Рюриковичей на бытовой и строительной керамики датируются в основной своей массе XII-XIII вв., а к X-XI вв. относятся только единичные предметы. Тем не менее, каждая из этих находок заслуживает самого пристального внимания.

Гончарные клейма

Среди разнообразных точек зрения относительно смыслового значения гончарных клейм – оттисков по сырой глине на днище сосудов – высказанных за последние полтора столетия, наибольшее распространение получили три: клейма – религиозно-магические символы, обереги продукции, охранявшие посуду от момента производства и до реализации на рынке (К.Н. Тышкевич, И.А. Хойновский, В.И. Сизов, Н.В. Тухтина, Е.В. Каменецкая, П.П. Толочко и др.); клейма – знаки мастеров, метивших продукцию своим клеймом или клеймом хозяина, если гончар не был лично свободным (А. Котляревский, А.С. Уваров, В.И. Козловская, А.А. Мансуров, М.К. Каргер, Б.А. Рыбаков и др.); клейма – знаки заказчиков продукции гончара, метившие не отдельные сосуды, а партии сосудов, знаки собственности на продукцию (Р.Л. - Розенфельдт, К. Черногорский, В.И. Ставиский, Т.А. Бобровский и др.). Не вступая в обсуждение проблемы в целом, отмечу редкость клейменых сосудов по сравнению с сосудами, на днищах которых клейма отсутствовали, что позволяет считать наиболее предпочтительной последнюю из существующих версий. В таком случае, использование в качестве гончарных клейм княжеских знаков свидетельствует не о связи гончара с вотчинным княжеских хозяйством, а о заказе сосудов, сделанном гончару княжеским чиновником и об оплате этих сосудов из средств князя. Учитывая, что глиняные сосуды – предметы хрупкие и часто бьются, можно думать, что большинство найденных клейм в виде княжеских знаков связаны с сосудами, использовавшимися и разбитыми там, где они и были найдены при раскопках. Иными словами, присутствие в материалах раскопок поселения гончарных клейм в виде княжеских знаков свидетельствует о пребывании в этом населенном пункте представителей княжеской администрации.

Среди известных в настоящее время гончарных клейм в виде знаков Рюриковичей к X-XI вв. можно уверенно отнести всего пять находок.[1] Наиболее ранняя из них – это гончарное клеймо в виде двузубца с широкими боковыми зубцами и ножкой в виде полуовала (рис. 28: *2*), найдено при раскопках начала 1950-х годов в детинце древнерусского города Плеснеска (Кучера 1961: 144, рис. 1: *6*).[2] Архаичный облик знака позволяет определенно относить его к числу родовых двузубцев Рюриковичей X в. С кем именно из князей следует связывать заказчика сосуда – с Игорем ли, Святославом или же Ярополком – определить невозможно, поскольку первое упоминание Плеснеска на страницах летописей относится только к 1188 г. (ИЛ: 662). Но, в любом случае, находка гончарного клейма в форме княжеского двузубца позволяет определенно утверждать, что Плеснеск уже в X в. контролировался великим киевским князем и здесь находился представитель великокняжеской администрации.

Еще одно клеймо в виде двузубца с широкими зубцами и неясной формой ножки происходит из Владимира Волынского (рис. 28: *3*). К сожалению, опубликованная в монографии М.М. Кучинко (1994: 148, рис. 32: *6, 25*) прорисовка клейма слишком схематичная, а археологический контекст, с которым связана эта находка, никак не охарактеризован. Тем не менее, находка клейма в виде двузубца именно во Владимире Волынском весьма показательна.

Владимир Волынский впервые упомянут на страницах летописи под 988 г. в качестве стольного города Всеволода Владимировича, сына Владимира Святославича. По общему мнению исследователей, город был основан в конце X в. Владимиром Святым и на протяжении длительного времени являлся важнейшим опорным пунктом на западной границе Киевского государства. Обнаружение здесь гончарного клейма в виде двузубца свидетельствует, что в какой-то момент в городе находился представитель князя, пользовавшегося родовым двузубцем.

[1] К X в. относят также гончарные клейма в виде трезубца из раскопок поселения на Менке (Загорульский 1982: 38, рис. 9, 21-25), отождествляемого с первоначальным Минском (Штыхов 1978). Хотя эта датировка весьма вероятна, и полной уверенности в ней у меня все таки нет, поэтому считаю целесообразным рассматривать клейма из поселения на Менке в контексте княжеских знаков XII-XIII вв, имевших форму трезубца. Сосуд с клеймом в виде трезубца обнаружен также в кургане № 53 Шестовицкого могильника (Бліфельд 1977: 203, табл. XIV, 10), однако опубликованная фотография этого клейма недостаточно четкая.

[2] Древнерусский город Плеснеск находится в верховьях Западного Буга, на юго-западной окраине древнерусского государства.

В годы княжения Владимира Святославича единственным представителем рода Рюриковичей, имевшим право на родовой двузубец оставался Святополк Ярополчич, занимавший Туровский стол. Именно с ним мы связывали граффити-двузубцы на монетах 979/980 и 988/989 гг. Если опубликованное М.М. Кучинко гончарное клеймо действительно происходит из Владимира Волынского и действительно соответствует родовому двузубцу Рюриковичей, то эта находка подтверждает высказанную гипотезу об использовании Святополком Ярополчичем в период его пребывания на Туровском столе родового двузубца.

Гончарное клеймо из Владимира Волынского позволяет вернуться к вопросу о том, кто именно осуществлял контроль за Волынью в конце X – начале XI вв. Под 988 г. «Повесть временных лет» сообщает о передаче Владимира Волынского Всеволоду Владимировичу (ЛЛ: 121). Если принять предлагавшееся отождествление Всеволода с конунгом Висивальдом, сватавшимся в 995 г. к Сигрид Гордой и погибшим от ее руки (КЗ: 126), то следует признать, что Всеволод в начале 990-х гг. покинул Русь и «ушел за море в «Варягы» вследствие разрыва с отцом» (Пресняков 1993: 32).

Не был ли вызван разрыв Всеволода с отцом тем обстоятельством, что волынский князь принял сторону Святополка туровского, выступившего против великого киевского князя? Оставляя этот вопрос открытым,[4] подчеркну: клеймо из Владимира Волынского свидетельствует, что в конце X в. в городе могли находиться представители Святополка.

Третье клеймо происходит из Могилева.[5] В недавно опубликованной работе И. Марзалюка[6] (1998: 210, рис. 26), посвященной историческим судьбам Могилева, воспроизведены прорисовки княжеских знаков в клеймах на днищах трех гончарных сосудов. Два из трех клейм датируются XII-XIII вв., а третье определенно относится к более раннему времени. Знак (рис. 28: *4*) имеет вид трезубца с широкими подтреугольными боковыми зубцами (нижняя часть левого зубца плохо оттиснута) и центральным зубцом, увенчанным крестиком. Вершина правого зубца раздвоенная. Судя по крестовидному завершению вершины центрального зубца, ближайшими аналогиями знаку являются трезубцы Изяслава Владимировича и его старшего сына Брячислава Изяславича.

По прорисовке И. Марзалюка, форма ножки у трезубца в могилевском гончарном клейме не ясна: через деревянную подставку, помещавшуюся на гончарном круге, проходила трещина, и обозначенная на прорисовке «вертикальная ножка» является продолжением

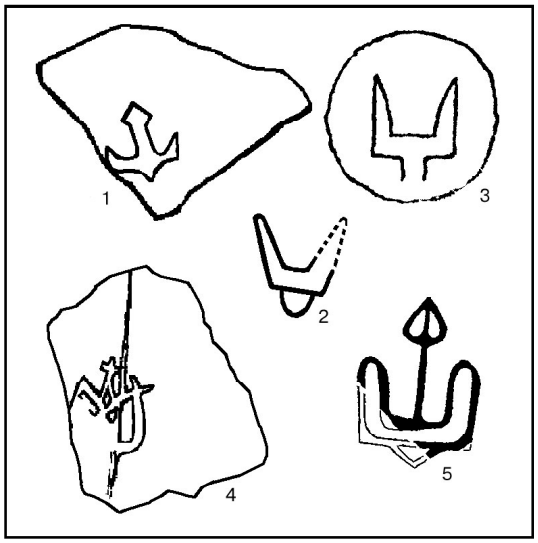

Рис. 28. Знаки Рюриковичей в гончарных клеймах. 1 – Берестьеч; 2 – Плесневск; 3 – Владимир Волынский; 4 – Могилёв; 5 – Вышгород (прорисовки по М.П. Кучере, М.М. Кучинко, И. Марзалюку и П.Ф. Лысенко).

отпечатка этой трещины. Судя по всему, ножка трезубца читается также плохо, как и основание левого зубца.

Обращает на себя внимание оформление вершины правого зубца у трезубца, отличающееся от оформления вершины левого зубца: если это не случайное искажение, получившееся при вырезании матрицы клейма на деревянной плоскости гончарнного круга, то знак представлял собой усложненный вариант трезубца, имевшего крестовидное завершение центрального зубца. И так как крестовидная вершина центрального зубца являлась наследственным признаком потомков Изяслава Владимировича, очевидно, что усложнение вершины бокового зубца трезубца является признаком наследования знака сыном князя, знак которого имел симметричные боковые зубцы.

У Изяслава Владимировича было два сына – Брячислав и Всеслав. Последний, как будто бы, потомков не оставил, и полоцкую ветвь Рюриковичей продолжил единственный сын Брячислава – Всеслав Брячиславич. Знак последнего нам пока не известен, а знак Брячислава Изяславича, как мы уже знаем, повторял трезубец Изяслава Владимировича, усложняя на один элемент форму ножки.

По хронологическим соображениям связывать знак с с сыновьями Всеслава Брячиславича не приходится: все они получили столы после 1101 г., когда система княжеских знаков на Руси и стилистика их изображения существенно изменились. Таким образом, владельцем знака, сохраненного могилевским гончарным

[4] Отождествление Всеволода Владимировича с Висивальдом признают далеко не все исследователи; подробнее см. (Джаксон 1993: 210-211).

[5] Средневековый город Могилев находится на правом берегу Днепра при впадении в него р. Дубравенки.

[6] Благодарю И.И. Синчука (Минск), обратившего мое внимание на эту публикацию.

клеймом, мог быть один из двух князей – либо Всеслав Изяславич, либо его племянник, Всеслав Брячиславич.

Если верна атрибуция знака на стороне «б» у подвесок из Новгорода и Белгорода, то Всеслав Брячиславич должен был внести изменение не в форму зубца, а в форму ножки трезубца (путем «изъятия» из ножки отцовского трезубца треугольной части ?). В таком случае, единственным претендентом на знак могилевского клейма остается Всеслав Изяславич – младший сын Изяслава Владимировича (Белецкий 2000б: 342-345).[7]

Сведений о Всеславе Изяславиче источники почти не сохранили: известно только, что он скончался в 1003 г. (ЛЛ: 55). Старший брат Всеслава Изяславича, Брячислав, наследовал в 1001 г. после смерти отца Полоцк. Могилев, при раскопках которого найдено клеймо, расположен на пограничье Полоцкой и Смоленской земель. Возникновение города обычно относят ко времени не ранее XIII в. Однако большинство исследователей признает, что на месте города в XI-XIII вв. существовало несколько сельских поселений. Территориально ближайшим к Могилеву крупным населенным пунктом Полоцкой земли XI в. являлся Друцк, к сельской округе которого могли принадлежать поселения на месте Могилева. Не исключено, что после смерти Изяслава Владимировича к его младшему сыну отошел именно Друцк.[8]

Четвертое из известных гончарных клейм XI в. в виде княжеских знаков найдено при раскопках древнерусского города Берестья.[9] Знак представляет собой трезубец с боковыми зубцами, имевшими острые вершины, отчетливо выраженной ромбической вершиной центрального зубца и ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз (рис. 28: *1*). П.Ф. Лысенко, опубликовавший находку, оставил знак без комментария (Лысенко 1985: 334, рис.236, третий ряд сверху, крайний левый рисунок). Между тем, этот знак находит себе прямые аналогии в граффити № 103 свода 1991 г. на диргеме из клада, сокрытого около 1015-1020 г., в изображении на заготовке каменного грузила из Новгорода, а также в подвеске из Новгорода. Перечисленные знаки уже были атрибуированы князю Мстиславу Владимировичу. Ему же можно атрибуировать и знак в берестейском гончарном клейме.

Таким образом, гончарное клеймо из Берестья определенно указывает на то, что здесь находился представитель Мстислава тмутараканского. Это обстоятельство является принципиально важным для понимания военно-политической ситуации, сложившейся в ходе династической войне 1015-1026 годов. Напомню, что Берестье впервые упомянуто в летописи под 1019 г. – сюда после поражения в битве при Альте от войска Ярослава Мудрого привезли раненого Святополка Ярополчича, и именно отсюда он отправился в Польшу к тестю, Болеславу Храброму. По сведениям М. Стрыйковского, в 1019 г. Берестье контролировалось Болеславом, и здесь сидел его наместник (Лысенко 1985: 14). Однако в рассказе о захвате Болеславом червенских городов в 1018 г. Берестье не упоминается, так что сведения Стрыйковского остаются не подтверждены русскими источниками. Не исключено, что этот участок русско-польского пограничья, входивший в состав Туровской земли, в 1019 г. продолжал оставаться под контролем Святополка.

В 1022 г. Ярослав Мудрый, как известно, совершил неудачный поход на Берестье. Этот поход обычно связывают с антипольской деятельностью Ярослава. Однако находка гончарного клейма с изображением знака Мстислава Владимировича позволяет поставить вопрос о походе 1022 г. в контекст борьбы за власть в государстве между Ярославом и Мстиславом. Вряд ли случайным является то обстоятельство, что Мстислав Владимирович предъявил претензии на часть верховной власти в Киевском государстве в 1023 г., сразу же после неудачного похода Ярослава на Берестье. И вряд ли случайностью можно объяснять тот факт, что червенские города были взяты Ярославом Мудрым под контроль только после смерти Мстислава. Решусь предположить, что в династической войне между Ярославом Владимировичем и Святополком Ярополчичем Мстислав Владимирович был изначально на стороне Святополка, а после поражения последнего в битве при Альте сохранил контроль над русско-польским пограничьем. Именно противостоянием Ярослава и Мстислава я склонен объяснять поход Ярослава на Берестье, и именно неудачная осада Берестья в 1022 г. явилась casus belli для вступления Мстислава в открытое вооруженной противостояние с братом. Напомню, что результатом противостояния стало поражение Ярослава в битве при Листвене и последовавший за этим поражением Городецкий мир 1026 г.

Еще одно гончарное клеймо с изображением знака Мстислава Владимировича (рис. 28: 5) найдено при раскопках в Вышгороде (Строкова

[7] Атрибуируя Всеславу Изяславичу знак в гончарном клейме из Могилева мы, таким образом, допускаем, что не оттиснувшаяся ножка этого трезубца имела форму треугольника, обращенного острием вниз.

[8] В территориальной близости от Могилева находятся города Копысь и Мстиславль, однако эти города принадлежат уже к Смоленской земле; кроме того, первые укрепления Копыся относятся только ко второй половине XI в., а возникновение Мстиславля принято относить к середине XII в. (Алексеев 1980: 164-165, 171, 177).

[9] Древнерусский город Берестье (Берестий) находится в среднем течении Западного Буга, на западной окраине древнерусского государства.

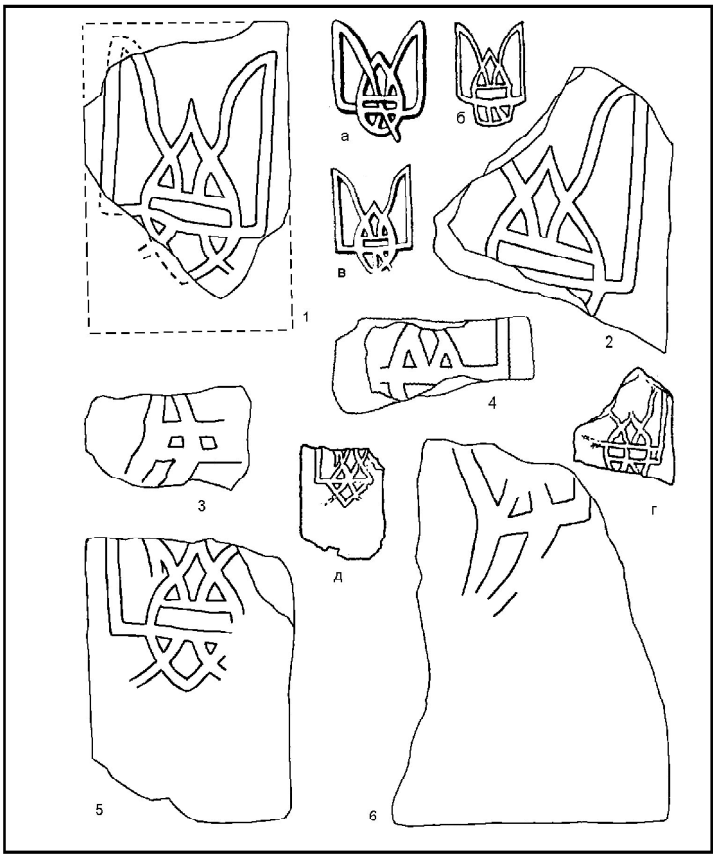

Рис. 29. Клейма на кирпичах Десятинной церкви (1, 3-6) и княжеского дворца (2) в Киеве. 1-6 – прорисовки по фотографиям; а-в – прорисовки Б.А. Рыбакова; г, д – прорисовки Н.В. Холостенко.

2000: 163, рис.6: 5). Жители этого города — одного из важнейших центров Среднего Поднепровья, расположенного на правом берегу Днепра в 15 км выше Киева — в 1015 г., как известно, поддержали Святополка Ярополчича в его претензиях на великокняжеский стол. Находка в Вышгороде гончарного клейма с изображением знака Мстислава Владимировича определенно указывает на то, что в городе находились представители князя. Поскольку по условиям Городецкого мира 1026 г. за Мстиславом Владимировичем было закреплено левобережье Среднего Поднепровья, в то время как Ярослав Владимирович контролировал правобережные земли[10], рискну предположить, что представители Мстислава контролировали Вышгород ранее этого времени, вероятнее всего — в 1023-1026 гг., то есть — в период активной борьбы Мстислава за власть с братом Ярославом. Таким образом, клеймо из Вышгорода свидетельствует о том, что после Лиственской битвы вся территория Среднего Поднепровья перешла под контроль Мстислава Владимировича, и именно с этих позиций он выступал при заключении в 1026 г. Городецкого мира.

Клейма на кирпичах

Знаки на древнерусских строительных материалах учитывали и публиковали многие исследователи, так или иначе обращавшиеся к проблемам древнерусской геральдики и древнерусской архитектуры (К.В. Болсуновский, И.М. Хозеров, Б.А. Рыбаков, Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, Н.В. Холостенко, П.А. Раппопорт, Л.А. Беляев и др.). Исследователи единогласны в том, что клейма на кирпичах, то есть – оттиски специально изготовленных штампов по сырой глине, нанесены мастерами, изготавливавшими кирпичи-плинфу. П.А. Раппопорт убедительно показал, что клеймами метились партии кирпича перед обжигом (Раппопорт 1994: 30).

Использование в качестве клейма изображений княжеских знаков обычно объясняют либо зависимостью мастеров-строителей (как и других ремесленников, метивших свой товар княжескими знаками) от князя (Рыбаков 1948а: 169; 1948б: 367), либо принадлежностью владельцев княжеских знаков к числу донаторов храма (Раппопорт 1999: 5-8). Учитывая то, что на кирпичах многих храмах зафиксировано по несколько (2-3 и более) разнотипных знаков, вторая точка зрения представляется предпочтительнее (Белецкий 1999: 8-10).

[10] «И разделили Рускую землю по Днепр: Ярославу западную, а Мстиславу восточную страны, и начали жить мирно» (Татищев В.Н. История Российская, с.76)..

Подавляющее большинство известных в настоящее время клейм на древнерусских кирпичах относится к XII-XIII вв. К X-XI вв. можно уверенно отнести пока только клейма на кирпичах из Десятинной церкви и из развалин постройки, открытой «на усадьбе Петровского» в Киеве. Они были найдены при раскопках 1907-1908 (Церква Богородиці 1996: 113-114, кат. № 44) и 1938-1939 гг. (Каргер 1958: 455, 456). К настоящему времени опубликовано не менее шести клейм.[11] Два экземпляра из раскопок 1907-1908 гг. (рис. 29: *1-2*) фиксируют, что в клейме изображен трезубец с широкими боковыми и тонким центральным зубцами. Центральный зубец представлен вытянутой вверх острой вершиной каплевидного овала, нижняя часть которого являлась ножкой трезубца. Ножку трезубца пересекают две изогнутые линии, выходящие за пределы контура ножки и зрительно являющиеся продолжением внутреннего контура боковых зубцов трезубца.

На фрагментах кирпичей из раскопок 1938-1939 гг. клейма сохранились фрагментарно (рис. 29: *3-6*). Тем не менее, очевидно, что эти клейма по схеме знака соответствуют находкам 1907-1908 гг.

Важность находки была оценена практически сразу же после раскопок 1907 г. Уже в работе 1908 г. К.В. Болсуновский опубликовал довольно точную прорисовку кирпича из раскопок 1907 г. (рис. 29: *1*), посчитал его изразцом и подчеркнул аналогичность знака знакам на златниках и сребрениках Владимира Святого (Болсуновский 1908: 3).

Б.А. Рыбаков, также как и Болсуновский, атрибуировал знак Владимиру Святославичу (Рыбаков 1940: 247; 1948а: 169). При этом исследователь был убежден, что знак является не трезубцем, а двузубцем (Рыбаков 1940: 247). В другой работе Рыбаков развил идею Болсуновского о функциональном назначении кирпичей со знаками: «Обширное здание градницы было украшено орнаментальным фризом из изразцов с рельефными узорами... Узор изображал княжеский знак Владимира Святославича... Этот фриз из поливных изразцов является древнейшим памятником киевской поливной керамики» (Рыбаков 1948б: 359-360).

М.К. Каргер, специально комментировавший клейма на кирпичах из раскопок Десятинной церкви, правильно истолковал знаки как трезубцы. Исследователь исправил ошибку в интерпретации находок 1907-1908 гг., допущенную Болсуновским и повторенную Рыбаковым: «Тщательное изучение этого кирпича, хранящегося в Киевском историческом музее, позволило убедиться, что никаких следов поливы на кирпиче нет... Рельефные полоски трезубца в действительности слегка прорисованы белой гуашью, по-видимому, для удобства фотографирования» (Каргер 1958: 455-456).

Все последующие исследователи опирались в своих рассуждениях на находки 1907-1908 и 1938-1939 гг. В персонификации знака Вадимиру Святому также расхождений не было: кроме общего сходства знака со знаками на монетах весомым аргументом в пользу этого вывода стало происхождение кирпичей из Десятинной церкви, поскольку о донаторстве Владимира определенно свидетельствует «Повесть временных лет» (ЛЛ: 121-122).

Действительно, принадлежность знака в клеймах Владимиру Святославичу сомнений не вызывает: об этом свидетельствует не только форма трезубца, но и полное соответствие его построения знакам группы Б на златниках и сребрениках Владимира. О закладке церкви Богородицы (Десятинной) летопись сообщает под 989 г., а в 996 г. постройка уже была освящена (ЛЛ: 121-122, 124). Таким образом, парадный тип трезубца Владимира, в основе которого лежит схема построения знаков группы Б, существовал уже на рубеже 980-х и 990-х годов, то есть соответствует времени чеканки златников и сребреников типа I, приуроченной, по мнению М.П. Сотниковой «к крещению Руси и женитьбе Владимира в 989 г. на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII» (Сотникова 1995: 191-192). Однако, из двух схем построения знака первичной все-таки является схема группы А: об этом свидетельствует оформление трезубца на костяной подвеске начала 970-х гг. из Новгорода.

* * *

Таким образом, после анализа знаков в клеймах на керамике генеалогию знаков Рюриковичей (рис. 30) удается дополнить знаком Всеслава Изяславича, младшего сына Изяслава полоцкого.

[11] В литературе фигурируют несколько разных прорисовок клейм из Десятинной церкви. Так, Б.А. Рыбаков отмечал, что по двум, найденным Хвойко фрагментам удалось «почти полностью восстановить знак на кирпичах» (Рыбаков 1940: 247). Однако рисунки, изданные в разных работах исследователя, в деталях отличаются, так что, по-видимому, Рыбаков не был полностью уверен в своей реконструкции (ср.: рис. 28, а-в). В статье Н.В. Холостенко (1965) воспроизведены не вполне точные рисунки двух клейм (рис. 28, г, д): в одном случае воспроизводится прорисовка кирпича из раскопок 1908 г. (рис. 28, 2), в другом случае – из раскопок 1938-1939 гг. (рис. 28, 5).

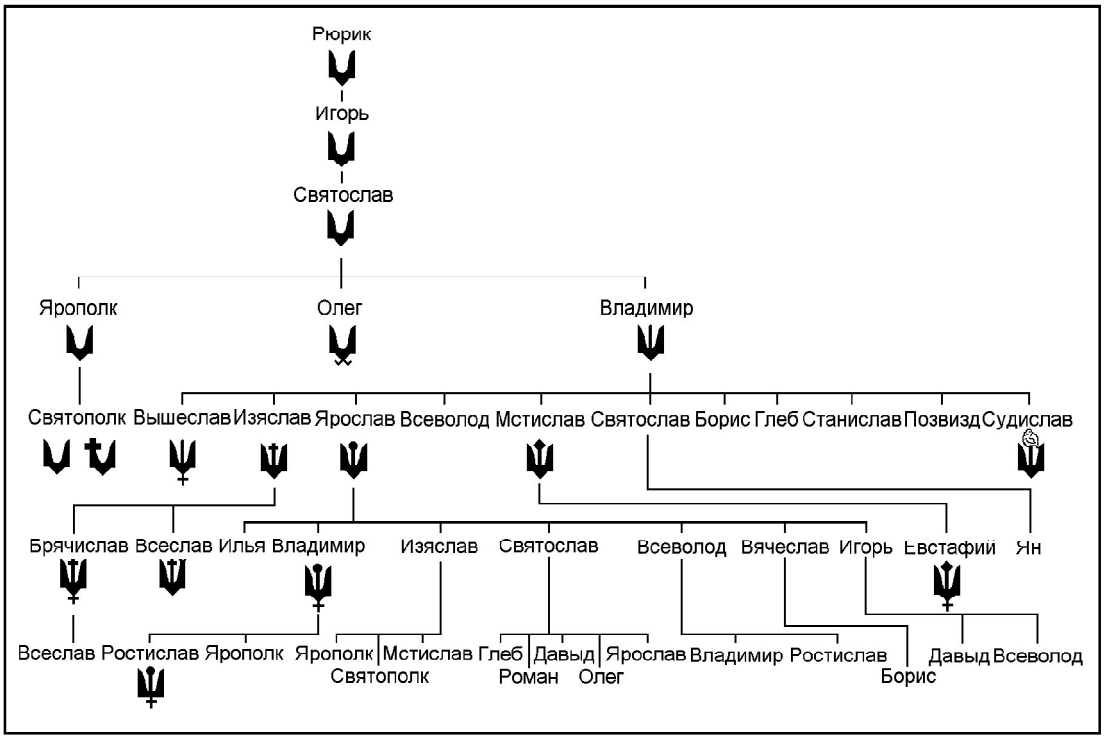

Рис. 30. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 6.

Глава 7
ЛИЧНО-РОДОВЫЕ ЗНАКИ НА РОГОВЫХ КИСТЕНЯХ

Совершенно особую группу геральдических памятников древней Руси составляют роговые кистени с процарапанными на поверхности знаками Рюриковичей. Таких кистеней к настоящему времени найдено не менее четырех – в Саркеле, Минске, Киеве и на острове Ледницком близ Гнезно.[1] По двум из четырех кистеней (Саркел, Минск) имеется достаточно большая литература, причем знаки, процарапанные на поверхности кистеней, не только по-разному оцениваются, но и по-разному воспроизводятся.

Все четыре кистеня однотипны: они яйцевидной формы, имеют продольный осевой канал, в который вставлялся железный стержень с петлей на одном конце и заклепкой на другом. Не исключено, впрочем, что какая-то часть таких кистеней вообще не имела железного стержня, и осевой канал использовался для пропуска кожаного (?) жгута (Крыганов 1987: 63; Кирпичников 1966: 59) По классификации А.Н. Кирпичникова, такие кистени появляются в X в. и доживают до XIII в. включительно (Кирпичников 1966: 59). По наблюдениям А.Р. Артемьева, кистени рассматриваемого типа в Новгороде известны с рубежа X-XI вв. и встречаются до конца XII в. (Артемьев 1990: 6-7).

Кистень из Минска

Обломок кистеня из Минска был найден при раскопках 1949 г. В.Р. Тарасенко, руководивший раскопками, дважды обращался к этому памятнику.[2] В статье 1950 г. (Тарасенко 1950: 126, рис.42) была опубликована прорисовка кистеня (рис. 31: *1*) с обозначением на нем двух знаков: 1) двузубец без ножки, обозначенный контуром, между зубцами двузубца показан крестик (далее – знак «А»); 2) двузубец линейного рисунка с треугольной ножкой, обращенной острием вниз, с отогнутым наружу правым зубцом и невнятно прорисованным левым зубцом, в пространстве между зубцами несколько выше знака также показан крестик (далее – знак «Б»).

Комментируя знаки, В.Р. Тарасенко писал: «Знаки Рюриковичей в двух вариантах нанесены нарезными линиями и оба имеют очертания двузубца с крестом вверху... Центральное изображение (знак «А» – *С.Б.*) выполнено в виде двух параллельных линий, соединяющихся у верхнего окончания слегка отогнутых наружу зубьев. Сбоку имеется второй знак (знак «Б» – *С.Б.*),

[1] Кистени с процарапанными на поверхности знаками найдены также в Новгороде (Артемьев 1990: 20, рис. 2, *2*) и на булгарском городище Хулаш (Измаилов 1997: 104, рис.70, *I*). Однако в обоих случаях знаки, как будто бы, не имеют отношения к системе лично-родовых знаков Рюриковичей.

[2] В.Р. Тарасенко считал кистень навершием посоха.

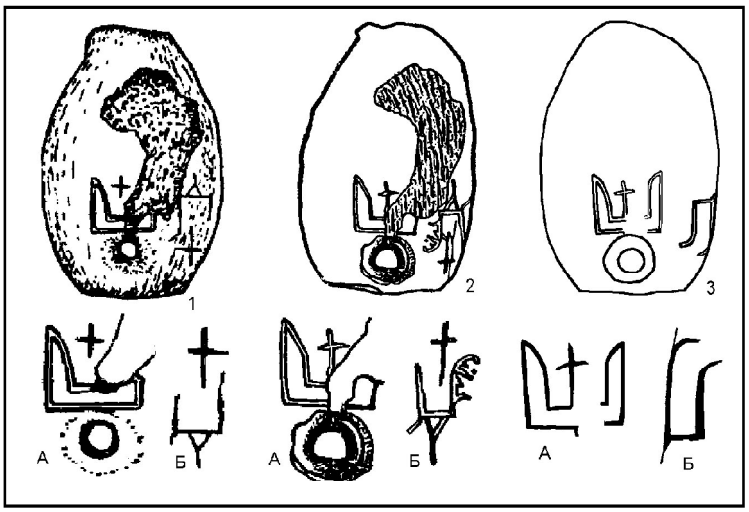

Рис. 31. Кистень из Минска. 1 – прорисовка 1950 г.; 2 – прорисовка 1957 г.; 3 – прорисовка по фотографии.

помещенный по отношению к первому верхней частью вниз. Он также состоит из двузубца с крестом вверху, но очертания этого двузубца намечены только одной линией, причем концы обоих зубьев отогнуты наружу. Последний из этих родовых знаков очень близок к знаку, имеющемуся на литейной форме, найденной при раскопках древнерусских слоев на Старом замке города Гродно[3]. Но для нас особенно интересен знак на привесной печати, найденной в Киеве, на обеих сторонах которой схематично изображены двузубцы.[4] По предположению А.В. Орешникова, подобный знак мог иметь отец Ярослава. Этот знак, у которого отсутствует сверху крест, аналогичен в основном первому из описанных выше знаков (знаку «А» – *С.Б.*). А.В. Орешников считал невозможным отнести знак на киевской печати ко времени Владимира. Архаичность минского знака объясняется, скорее всего, тем, что он принадлежал князьям младшей ветви дома Рюриковичей, которая, начиная с Изяслава Владимировича, положила начало полоцкой ветви князей Рюриковичей, осложнивших изображение древнего двузубца прибавлением к нему сверху креста. В таком случае, знак минского посоха следует, повидимому, отнести не ранее чем к XII в. Это соображение вполне согласуется с летописными данными, согласно которым минское княжество с центром в г. Минске выделилось из состава Полоцкого княжества в 1101 г., после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Первым минским князем был один из сыновей Всеслава Брячиславича, Глеб Всеславич. Ему-то или одному из его ближайших потомков и мог принадлежать посох с княжескими знаками, найденный на минском Замчище в 1949 г.» (Тарасенко 1950: 126).

В монографической статье 1957 г. В.Р. Тарасенко опубликовал прорисовку кистеня (рис. 31: *2*), отличающуюся в ряде существенных деталей от ранее опубликованной, и повторил основные положения первоначального комментария (Тарасенко 1957: 244-245). На прорисовке 1957 г. знак «А» читается как трезубец с широкими боковыми и узким центральным зубцом, вершина последнего увенчана крестиком. У знака «Б» на этой прорисовке левый зубец показан вертикальным, причем вершина этого зубца хотя и выходит за пределы сохранившегося фрагмента кистеня, но, тем не менее, почти достигает высоты правого зубца; от левого угла основания двузубца показан отпятныш влево, завершение которого также выходит за пределы сохранившейся части кистеня.

Л.В. Алексеев включил в исследование, посвященное Полоцкой земле, прорисовку 1950 г. (Алексеев 1966: 147, рис. 28: *3*). Вслед за Тарасенко, он рассматривал оба знака на кистене как одинаковые двузубцы «с крестиком наверху» и приписывал эти знаки князю Глебу Всеславичу.

Сопоставив знаки на минском кистене со знаками Рюриковичей, анализировавшимися Б.А. Рыбаковым (1940; 1948а), Алексеев полагал, что минские знаки близки «двузубцам Рюриковичей, отличительной чертой которых является значок над двузубцем в виде луны или креста»[5] (Алексеев 1966: 254). Опираясь на мнение Б.А. Рыбакова, атрибуировавшего последние Изяславу Ярославичу и его сыновьям, Ярополку и Святополку, Алексеев подчеркивал: «Знак Глеба Минского – двузубец с крестиком наверху... был заимствован этим князем у своих могущественных союзников, родственников жены» (Алексеев 1966: 254).

Э.М. Загорульский, впервые опубликовавший фотографию минского кистеня, считал, что знак «А» «находит свое место в ряду знаков ближайших потомков Владимира Святославича».

[3] Формочка из Гродно с процарапанным трезубцем (!) опубликована Н. Н. Ворониным (1954); она датируется XII в.

[4] Имеется ввиду печать Святослава Игоревича из раскопок Десятинной церкви в Киеве (рис 13: *1*).

[5] Имеются ввиду знаки на монетах Святополка; подробнее см. гл. 1.

Аналогией этому знаку исследователь считал трезубец на печати Изяслава Владимировича (Загорульский 1982: 217). Знак «Б» Загорульский не комментировал.

Последними по времени высказались по поводу знаков на минском кистене А.Р. Артемьев и А.А. Молчанов. Исследователи воспроизвели прорисовку кистеня по изданию 1957 г., скорректировав ее по фотографии, опубликованной Э.М. Загорульским. Ссылаясь на фрагментарность сохранившихся изображений, Артемьев и Молчанов отказались от попыток персонифицировать знаки. Впрочем, знак «А» исследователи вполне определенно датировали XI в. (Артемьев, Молчанов 1995: 189).

Знаки на минском кистене действительно сохранились фрагментарно. Тем не менее, после публикации фотографии кистеня появилась возможность уточнить высказывавшиеся в литературе соображения и оценки, а зафиксированное на кистене сочетание знаков дает, на мой взгляд, некоторые возможности для персонификации их владельцев.[6]

Знак «А» имеет форму трезубца с широкими боковыми зубцами, обозначенными контуром, и таким же широким основанием. Правый зубец частично разрушен эрозией поверхности кистеня, но это разрушение не мешает угадывать в нем симметрию левому зубцу. Центральный зубец узкий, обозначен вертикально процарапанной мачтой с крестовидным завершением. Пространство, примыкающее к основанию трезубца, в пределах которого должна была быть изображена ножка знака, уничтожено отверстием, просверленным при ремонте кистеня, однако небольшой фрагмент ножки все-таки угадывается в хаосе царапин, которыми покрыто пространство вокруг отверстия.

Ближайшей аналогией знаку «А» на минском кистене можно считать трезубцы Изяслава Владимировича, Брячислава и Всеслава Изяславичей: общим у этих трезубцев является крестообразное завершение центрального зубца. Однако говорить о тождестве знака «А» какому-то одному из перечисленных знаков нельзя, поскольку ножка у знака «А» практически полностью уничтожена отверстием, просверленным при ремонте кистеня.

Некоторые основания для определения типа ножки у знака «А» все-таки имеются. У трезубца, атрибуированного Изяславу Владимировичу, ножка имела вид треугольника, обращенного острием вниз. Связывая знак в клейме из Могилева с Всеславом Изяславичем, мы допускали, что ножка у этого знака сохраняла форму ножки отцовского трезубца, то есть также имела вид треугольника, обращенного острием вниз. Знак, атрибуированный Брячиславу Изяславичу, имел ножку в форме треугольника, обращенного острием вниз и усложненного крестовидным завершением.

У знака «А» на минском кистене по всей длине основания прослежена сплошная горизонтальная линия, соединяющая углы основания трезубца, а в центральной части этой линии как будто бы угадывается вертикальная линия, отходящая от основания трезубца почти под прямым углом. Таким образом, треугольник, обращенный острием вниз, у этого знака наверняка отсутствовал.

В этой связи вспомним знаки, атрибуированные Ярославу Мудрому, его сыну Владимиру Ярославичу и внуку, Ростиславу Владимировичу: трезубец Ярослава имел треугольную ножку, у трезубца Владимира треугольная ножка опиралась на крестовидное завершение, а у трезубца Ростислава треугольная часть ножки исчезла и сохранилась только крестовидная ее часть, непосредственно соединенная с основанием трезубца.

Отсутствие у знака «А» треугольной части ножки и фрагмент вертикальной линии, отходящей вниз от основания трезубца дают основание предполагать, что ножка у знака на минском кистене имела, вероятнее всего, крестовидную форму. В таком случае, единственным возможным владельцем этого знака является Всеслав Брячиславич († 1101) – единственный сын Брячислава Изяславича.

Знак «Б». Согласно обеим прорисовкам В.Р. Тарасенко, знак «Б» – это двузубец с отогнутыми наружу зубцами и треугольной ножкой, обращенной острием вниз. Однако на фотографии хорошо видно, что в действительности никакой треугольной ножки у знака нет – за процарапанную ножку знака приняты трещинки поверхности, поврежденной эрозией. Отчетливо читается правый зубец, отогнутый наружу, а также вертикальный зубец, воспринятый всеми исследователями как левый зубец двузубца, но на самом деле являющийся центральным зубцом трезубца. Вершина этого зубца имела раздвоенное завершение, от которого сохранился отгиб вправо. Именно этот отгиб, пересеченный вертикальной царапиной, и был принят Тарасенко за крест. Левый зубец знака «Б» не сохранился. Не ясна и форма ножки трезубца, от которой прослежен только небольшой фрагмент, отходящий под углом от от точки соединения центрального зубца с основанием знака.

Хотя реконструировать знак «Б» из-за плохой сохранности предмета невозможно, очевидно, что этот знак относится к более позднему времени, чем знак «А», поскольку большинство

[6] Раздел, посвященный минскому кистеню, первоначально был опубликован в виде статьи (Белецкий 1998: 20-26). В процессе работы над настоящим изданием знаки на минском кистене были повторно прорисованы по увеличенной фотографии из книги Загорульского, при этом удалось выявить фрагмент ножки знака «А», уточнить форму правого зубца у этого знака, а также определить завершение центрального зубца у знака «Б».

известных на сегодняшний день датированных трезубцев линейного рисунка относятся к XII-XIII вв. Таким образом, кистень находился в употреблении длительное время и был наверняка разбит уже после смерти Всеслава.

Датировка слоя, из которого происходит кистень, не вполне ясна. Кистень был найден близ северной апсиды недостроенного храма на Минском замчище, на уровне поверхности, «на которой сооружен древний каменный храм» (Тарасенко 1957: 243). В.Р. Тарасенко (1957: 205-223) и Л.В. Алексеев (1966: 203-207) датировали фундаменты храма XII в., связывая закладку постройки с деятельностью Глеба Всеславича († 1119), получившего минский стол не позднее кончины отца, а возможно, еще при жизни Всеслава Брячиславича.

Э.М. Загорульский относит строительство храма ко второй половине XI в., связывая постройку с деятельностью Ярополка Изяславича, который, по мнению исследователя, мог на протяжении короткого промежутка времени между 1071 и 1073 гг. занимать минский стол (Загорульский 1982: 189-202).

П.А. Раппопорт затруднялся отдать предпочтение одной из двух датировок (1982: 101), однако в итоговой работе, посвященной древнерусской архитектуре, все-таки датировал храм 1071-1073 гг., оговорив при этом (со ссылкой на Загорульского): «Датировка условна. Основана на предположении ряда исследователей, что возможным заказчиком церкви был Ярополк Изяславич, занимавший минский престол в 1069-1073 гг.» (Раппопорт 1993: 268).

Персонификация знака «А» на минском кистене Всеславу Брячиславичу, в целом не противоречит датировке слоя XI в. Однако наличие на кистене знака «Б» дает основание относить археологизацию кистеня к XII в. Замечу, что в письменных источниках нет сведений о княжении Ярополка Изяславича в Минске.

Кистень из Саркела

Роговой кистень, найденный при раскопках хазарской крепости Саркел (древнерусская Белая Вежа), неоднократно привлекал внимание исследователей.

В литературе фигурируют две прорисовки знаков, процарапанных на кистене, опубликованные М.И. Артамоновым (1958, вклейка между с.76 и 77, рис. 55) и А.М. Щербаком (1959: 364, рис.1). Прорисовки очень близки между собой (рис. 32: *2*), однако в мелких детялях все-таки различаются, и это потребовало нового обращения к находке. При любезном содействии сотрудника Эрмитажа С.В. Томсинского, я осмотрел саркельский кистень, находящийся в экспозиции Эрмитажа, и сделал новые прорисовки знаков (рис. 32: *А-Д*). Очевидно, что они процарапаны в разное время и/или разными лицами.

Знак «А» уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. В пространстве между зубцами нанесены две соединяющиеся под углом линии.

Знак «Б» вырезан на поверхности кистеня очень глубокими желобками, прослежены следы повторного углубления рисунка. Знак имеет форму двузубца, напоминающего по очертаниям букву Y.

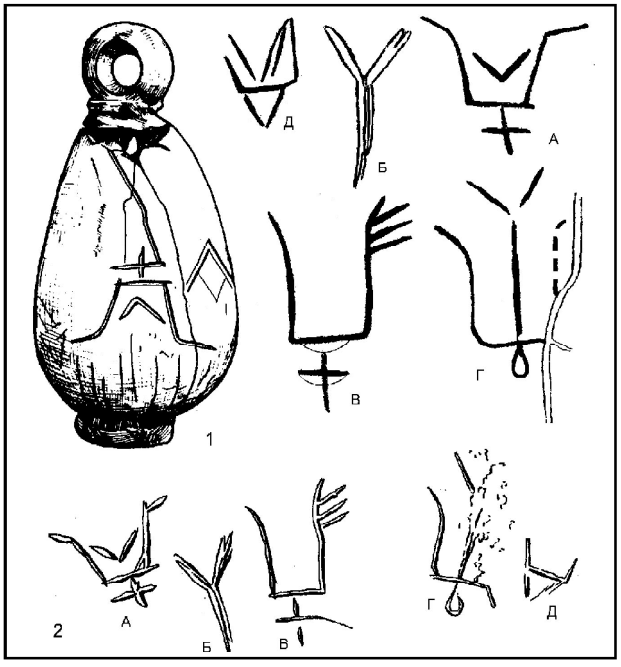

Рис. 32. Кистень из Саркела (1) и развертка знаков (2) на его поверхности (по М.И. Артамонову).

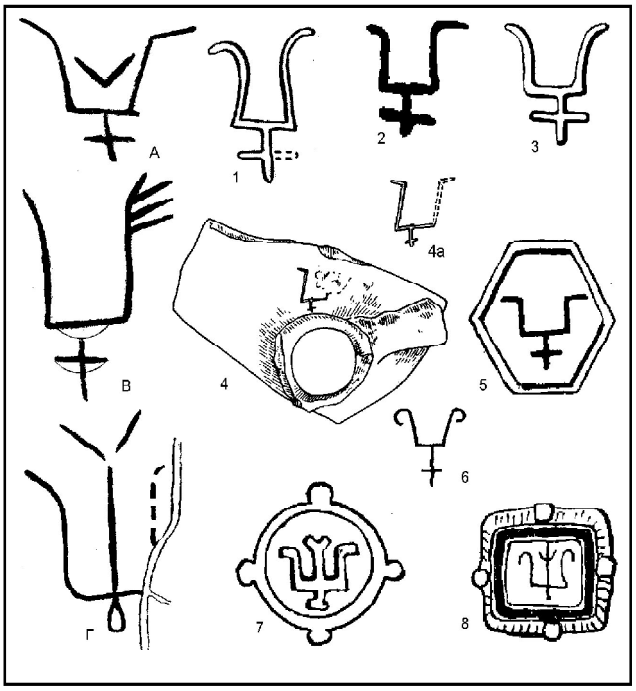

Рис. 33. Знаки «А», «В» и «Г» на кистене из Саркела и некоторые аналогии этим знакам. 1, 3, 7 – Киев; 2 – Дрогичин; 4 – Саркел; 5 – Княжая Гора; 6 – Владимир Волынский; 8 – Святое озеро.

Знак «В» уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. Фрагмент ножки в месте соединения с основание двузубца и под перекладиной креста срезан (в последнем случае – не полностью). С внешней стороны правого зубца под отгибом прослежены три параллельных желобка, соединенные с мачтой зубца.

Знак «Г», так же, как знаки «А» и «В», уверенно процарапан глубокими желобками. Знак имеет форму трезубца линейного рисунка с отогнутым наружу левым зубцом и вертикальным центральным зубцом, вершина которого раздвоена, ножка имеет петлевидную форму. Правый зубец трезубца уничтожен разрушением полированной поверхности кистеня и трещиной.

Знак «Д» процарапан на поверхности кистеня слабым штрихом. Он имеет форму двузубца с широкими зубцами, обозначенными контуром, и треугольной ножкой, обращенной острием вниз.

Очевидно, что состав знаков, нанесенных на поверхность кистеня, разнороден. Знак «Б» явно не принадлежит к числу лично-родовых знаков Рюриковичей: подобные знаки, в основе которых лежит простейшая вилообразная форма, известны на разных территориях и датируются разным временем; территориально ближайшие аналогии обнаруживаются среди граффити на кирпичах (Флерова 1997: табл. VI, 80-83) и амфорах Саркела (Флерова 1997: табл. XV, 251, 252, 256), в граффити (Флерова 1997: табл. I, 123, 124, 126-128) и среди знаков строителей Маяцкого городища (Флерова 1997: табл. IV, 86-90). С учетом того, что роговые кистени яйцевидной формы с железным стержнем датируются в салтово-маяцких древностях Подонья не ранее IX в. (Крыганов 1987: 63), знак Б на саркельском кистене вряд ли может быть датирован более ранним временем, скорее следовало бы говорить о X в.

Знак «Д» можно вполне определенно относить к числу двузубцев Рюриковичей X в. (не исключая также конец IX и начало XI вв.). Более позднее время для нанесения этого знака на поверхность кистеня, на мой взгляд, исключено.

Знаки «А» и «В» чрезвычайно близки друг другу и, фактически, являются разными вариантами начертания одного и того же знака – двузубца линейного рисунка с отогнутыми наружу зубцами и крестовидной ножкой. Различия между знаками «А» и «В» несущественны: две соединные под углом линии, нанесенные в пространстве между зубцами у знака «А», вероятнее всего, являются рудиментом внутреннего контура широких боковых зубцов, а три параллельных желобка под отгибом правого зубца у знака «В», хотя и прочерчены вполне осознанно, но явно не являются геральдически значимым элементом знака.

Аналогии для знаков «А» и «В» серийно представлены в памятниках Руси XII в.: в гончарных клеймах из Киева (рис. 33: *3*) и Владимира Волынского (рис. 33: *6*), на пломбе из Дрогичина (рис. 33: *2*), в граффито на литейной форме из Киева (рис. 33: *1*) и на щитке перстня с городища Княжая Гора (рис. 33: *5*). Возможно, этот же знак был процарапан на плечике амфоры из Саркела (рис. 33: *4, 4а*), однако полной уверенности в этом нет, поскольку у граффито на саркельской амфоре не сохранился правый зубец двузубца. С учетом верхней даты времени формирования древнерусского слоя Саркела (1117 г. – год, когда из Белой Вежи было выведено русское население, (см.: Артамонов

1958: 83), есть основание атрибуировать знак одному из русских князей, живших в начале XII в. С учетом же широкой известности знака в пределах Киевского государства (от Киева до Дрогичина и от Владимира Волынского до Саркела) речь, очевидно, должна идти о князе, занимавшем великий киевский стол.

Для знака «Г» аналогии пока, кажется, не известны, хотя сходного типа трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами и раздвоенной вершиной центрального зубца зафиксирован на щитке перстня, о существовании которого свидетельствует литейная форма из раскопок В.В. Хвойко в Киеве (Рыбаков 1940: 238, рис. 89).

Б.А. Рыбаков сопоставлял этот знак со знаком на щитке перстня из клада в урочище Святое озеро на Черниговщине (Макарова 1986: 129, № 64), что, на мой взгляд, сомнительно, поскольку у знака на святозерском перстне вершина центрального зубца не раздвоена, а утроена (рис. 33: *8*). Тем не менее, можно вполне определенно считать, что знаки, подобные знаку «Г», относятся ко времени не раньше, чем первая половина XII в.

Отмечу чрезвычайное сходство со знаком «Г» сохранившейся части знака «Б» на кистене из Минска. Если у последнего зубцы были симметричны, то знаки можно было бы рассматривать как аналогичные. Это подкрепляет датировку знака на минском кистене XII в.

Таким образом, саркельский кистень, как и кистень из Минска, находился в употреблении длительное время – по крайней мере, с X и до начала XII в. (Белецкий, Белецкий 1998б).

Кистень с Острова Ледницкого

Два знака, процарапанные на фрагменте кистеня с Острова Ледницкого (рис. 34: *1, А, Б*), опубликованы в виде прорисовок (Wrzosek 1961: 254, tabl. I, 12). Знак «Б» представляет собой трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами, обозначенными контуром, и центральным зубцом в виде вертикальной мачты, завершающейся крестом. Ножка у трезубца, судя по опубликованной прорисовке, отсутствует. Знак «А» сохранился только наполовину: левый зубец его аналогичен правому зубцу знака «Б».

Трезубцы, лишенные ножек, хотя и не принадлежат к числу широко распространенных древнерусских княжеских знаков, но все-таки известны[7]: они зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Авенариус 1890: № 27; Болсуновский 1894: № 953) и Новгорода (Лихачев 1930: рис. 68-69, 4-й ряд сверху, крайняя правая), а также в клейме на кирпиче из Благовещенской церкви в Витебске (Раппопорт 1993: 252, рис. 6), Отмечу, что знаки на дрогичинских и новгородской пломбе являются практически полной аналогией знаку «Б»: это трезубцы с отогнутыми наружу боковыми зубцами и вертикальным зубцом с крестовидным завершением. Главным отличием оказывается принцип передачи изображения – контурный рисунок на кистене и линейный на пломбах.

И для минского, и для саркельского кистеней мы уже отметили долговременный характер использования, засвидетельствованный нанесением на них знаков как контурного, так и линейного рисунка. Можно думать, что именно на рубеж XI-XII вв. приходится смена контурных изображений на линейные. В таком случае, вероятным представляется использование в это время одними и теми же лицами и контурных, и линейных знаков одновременно. В пользу этого свидетельствует знак «А» на саркельском кистене, сохранивший рудименты внутреннего контура широких боковых зубцов.

Если сказанное справедливо, то знак «Б» на кистене с Острова Ледницкий можно датировать концом XI или рубежом XI-XII вв. Иными словами, он оказывается близок по времени знаку «А» на минском кистене, атрибуированном выше Всеславу Брячиславичу. Крестовидная вершина центрального зубца связывает знак на кистене с Острова Ледницкий с княжескими знаками полоцких Рюриковичей.

При всем сходстве знака «Б» на кистене с Острова Ледницкий со знаками Изяслава Владимировича, Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича, между ними существует принципиальное различие, выразившееся в отсутствии ножки у знака на кистене с Острова Ледницкий. Уже отмечалось, что именно форма ножки изменялась при наследовании отцовского трезубца старшими сыновьями, в то время как младшие сыновья сохраняли форму ножки отцовского трезубца неизменной. Если лишить трезубец ножки, то автоматически исчезнут различия между знаками отца и старшего сына. Таким образом, отсутствие у княжеского знака ножки, безусловно, свидетельствует об особом положении, которое занимали владельцы подобных знаков.

Вероятно, можно сразу же исключить предположение о присвоении знака, лишенного ножки, бастардам: Владимир Святославич, сын Святослава от рабыни был вообще лишен права пользоваться родовым двузубцем, и ему уже при жизни отца был присвоен знак в форме трезубца, так что принцип передачи родового

[7] Теоретически не исключено, что знаки на кистене с Острова Ледницкий не являются княжескими знаками, а представляют собой своеобразно изображенные процветшие кресты: центральный зубец является собственно крестом, а боковые зубцы и основание представляют собой схематичное изображение лозы. Однако двузубцы и трезубцы, лишенные ножек, зафиксированы среди безусловных знаков Рюриковичей XII-XIII вв., и это делает предпочтительным предположение о юридическом характере знаков на кистене.

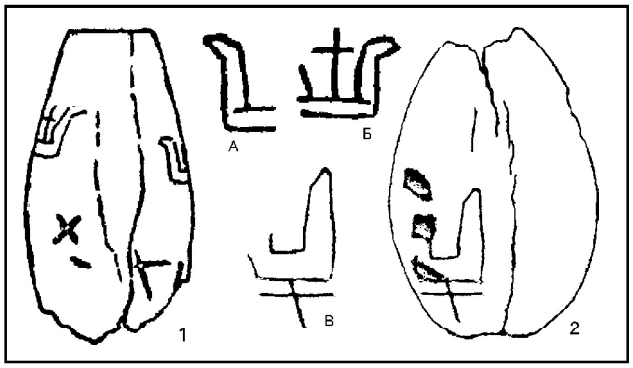

Рис. 34. Кистени со знаками с Острова Ледницкий (1) и из Киева (2) (прорисовки по A. Wrzosek и И. Мовчану).

символа незаконнорожденному сыну был иным.

Наследование знака без ножки посмертным сыном, то есть – сыном, родившимся после смерти отца, также вряд ли возможно: как ни относиться к гипотезе о возможном использовании Святополком (посмертным сыном Ярополка Святославича) родового двузубца без изменений, княжеский знак Святополка, зафиксированный на монетах, имеет не только зубцы (правда, несимметричные), но и ножку.

Маловероятным представляется усвоение знаков без ножки лицам, получившим статус «усыновления». Если истолкование знака «меч-молот» на подвеске из Рождественского могильника в качестве знака этнического скандинава, получившего статус «приемного сына» Владимира Святого, справедливо, то получение такого статуса не влекло за собой присвоение родового знака.

Но если знаки, лишенные ножки, не могли принадлежать князьям, то наиболее вероятными владельцами таких знаков оказываются княгини, использовавшие упрощенные версии княжеских знаков своих мужей.[8] Судя по исключительной редкости находок знаков без ножки, случаи их использования были крайне редки. Иными словами, употребление княгинями знаков без ножки в каждом конкретном случае было вызвано экстраординарными обстоятельствами, при которых сами князья оказывались недееспособными.

Если предложенная гипотеза справедлива, то знак «Б» на кистене с Острова Ледницкого мог принадлежать жене Изяслава Владимировича, жене Брячислава Изяславича или же жене Всеслава Брячиславича, поскольку различия между княжескими знаками мужей, как было установлено, сводятся к различиям в форме ножки трезубцев. С учетом же того, что знак «Б» находит себе аналогии на пломбах, датировка которых времем ранее рубежа XI-XII вв. маловероятна, наиболее вероятным претендентом на владение этим знаком оказывается неизвестная по имени жена Всеслава Брячиславича (рис. 35: *А*).

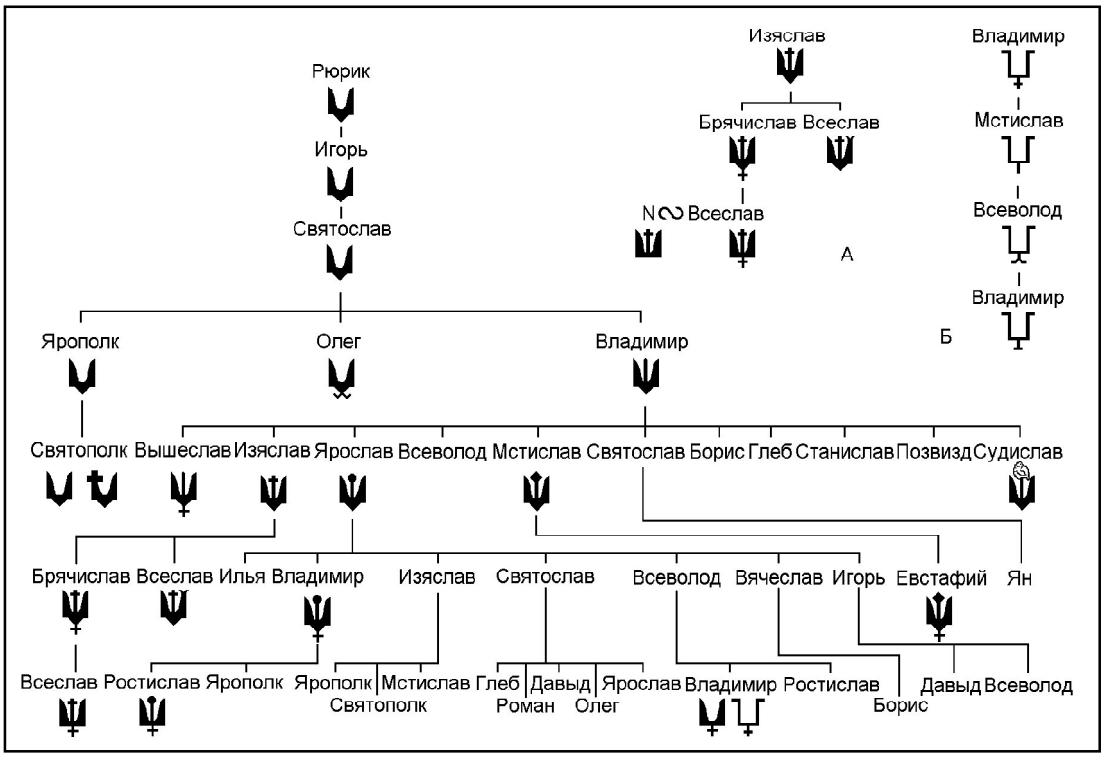

Рис. 35. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. Стемма 7.

Кистень из Киева

Обломок кистеня с изображением княжеского знака был обнаружен при раскопках на территории города Владимира в Киеве (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117, рис.5). Знак имел вид двузубца с крестовидной ножкой. Ножка процарапана двумя тонкими пересекающимися линиями, зубцы и основание двузубца обозначены контуром (рис. 34: *2*). По наблюдениям авторов публикации, «знаки такої схеми ... е на кераміці та цеглі з Саркелу – Білої Вежі, персні-печатці з городища Княжа Гора та свинцевій товарній пломбі дрогичинського типу» (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117). Отметив, что княжеские знаки в форме двузубца прямоугольных очертаний принадлежали потомкам Мстислава Великого (†1132), исследователи констатировали: «У нас немае підстав датувати його (кистень – *С.Б.*) раніше, ніж другою половиною XI ст.» (Мовчан, Боровьский, Архіпова 1998: 117).

Знак на киевском кистене представляет несомненный интерес, прежде всего, архаичностью своего облика. Обозначенные контуром широкие зубцы и основание двузубца находят себе прямое соответствие среди знаков-граффити X – начала XI в. на арабских монетах. Однако наличие у двузубца на киевском кистене крестовидной ножки отличает его от ранних знаков и не позволяет относить находку к эпохе Игоря – Святослава – Ярополка. Ножка точно такой формы, как на киевском кистене, зафиксирована у знаков, атрибуированных представителям VII колена рода Рюриковичей – Ростиславу Владимировичу и Всеславу Брячиславичу. Именно в знаке «А» на минском кистене находит стилистическое соответствие знак, процарапанный на киевском кистене. Таким образом, владелец знака на киевском кистене принадлежал, вероятнее всего, к VII колену рода Рюриковичей. Деятельность этих князей приходится на середину XI – первую четверть XII в.

Главное отличие знака на киевском кистене от знаков Ростислава Владимировича и Всеслава Брячиславича заключается в том, что на киевском кистене изображен не трезубец, а двузубец. Появление двузубца у представителя VII колена рода Рюриковичей не мотивировано ни генеалогически, ни геральдически, поскольку старшая ветвь рода, представители которой пользовались двузубцем, пресеклась еще в V колене.

Однако среди известных в настоящее время знаков Рюриковичей XII-XIII вв. фиксируется решительное преобладание двузубцев над трезубцами (Белецкий 1999б: 315, 322, рис.28: 34). Чем это вызвано – вопрос особый, для нас же существенно, что при всем стилистическом архаизме знак на киевском кистене вписывается в систему именно поздних, а не ранних княжеских знаков древней Руси.

В этой связи вспомним о знаках «А» и «В» на Саркельском кистене. Если не учитывать различное оформление зубцов двузубца (линейные на саркельском кистене и контурные на кистене из Киева), то знаки принципиально соответствуют друг другу.[9] При этом у знака «А» на саркельском кистене мы уже отмечали рудименты широких боковых зубцов двузубца, что также может свидетельствовать в пользу принадлежности всех трех знаков одному лицу – князю, жившему в начале XII в., обладавшему общерусской известностью и занимавшему великий киевский стол. Наиболее вероятным владельцем знаков на саркельском и киевском кистенях, в таком случае, оказывается Владимир Всеволодич Мономах.[10]

* * *

После рассмотрения знаков на роговых кистенях генеалогия знаков Рюриковичей дополняется знаками Владимира Всеволодича (Мономаха), Всеслава Брячиславича, а также знаком, которым могла пользоваться неизвестная по имени жена Всеслава полоцкого (рис. 35).

---

[8] Речь должна идти, разумеется, именно о княгинях, а не о княжнах, получивших лично-родовой знак от отца: в этом случае все дочери одного отца пользовались бы одним и тем же знаком, причем такой же знак был бы в распоряжении их теток, двоюродных бабок и проч.

[9] Аналогичную ситуацию мы фиксировали и для знака на кистене с Острова Ледницкий, находящего себе линейное соответствие в знаках на пломбах.

[10] Подтверждением атрибуции знаков «А» и «В» на саркельском кистене и знака на киевском кистене именно Владимиру Мономаху является персонификация княжеских знаков, принадлежавших (рис. 35, Б) Мстиславу Великому, Всеволоду Мстиславичу и Владимиру Всеволодичу – сыну, внуку и правнуку Владимира Мономаха (Белецкий 1999а: 11-19).

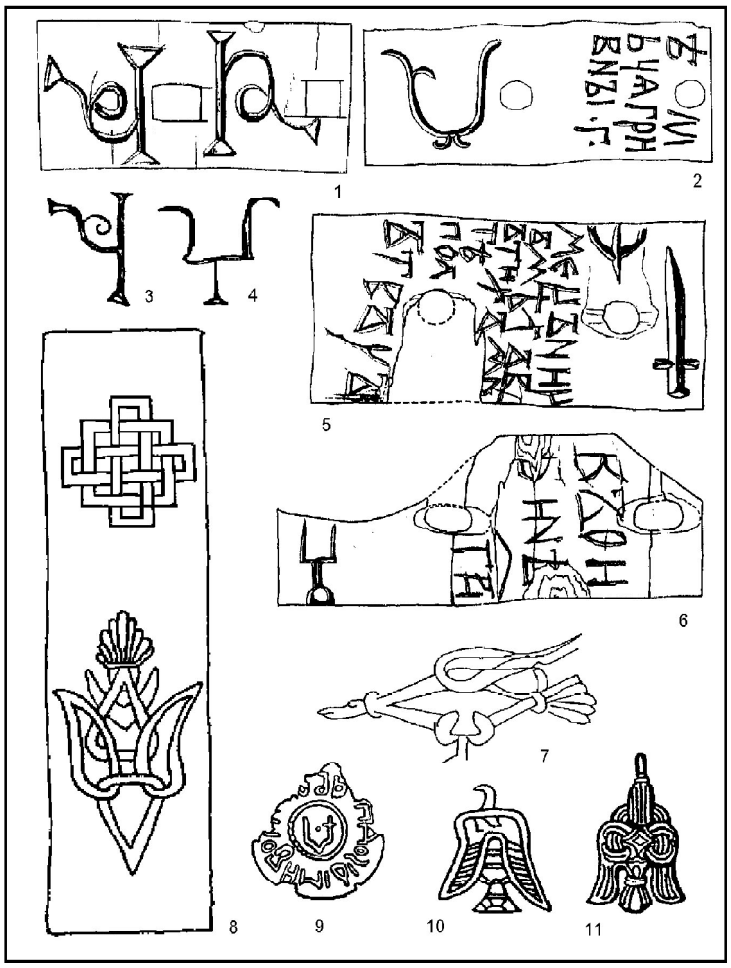

Рис. 36. Знаки, неправомерно относимые к X-XI вв. (1-6, 9) и знакообразные изображения птиц (7, 8, 10, 11).

Заключение

«Для России характерно... позднее формирование геральдических принципов» — выразила общее мнение историков А.Л. Хорошкевич (1993: 9-10). Отдавая должное историографической традиции в оценке геральдических возможностей имеющихся на сегодняшний день источников, я решительно не согласен с этим утверждением. Если отказаться от методически некорректной практики привлекать к обсуждению древнейшей геральдики Руси X-XI вв. отдельные княжеские знаки более позднего времени (рис. 36),[1] то есть основание утверждать: к рубежу X-XI вв. на Руси не только существовала детально разработанная структура лично-родовых символов, но сложилась соблюдаемая система наследования этих символов представителями правящей династии.

Коротко процесс формирования системы можно свести к следующим основным этапам.

Этап 1. Конец IX – середина X в. Простой двузубец использовался в качестве родового символа Рюриковичей со времен правления, по крайней мере, сына Рюрика, Игоря, а возможно, употреблялся уже самим Рюриком. Вплоть до IV колена происходило наследование непосредственно родового двузубца, передававшегося от отца к старшему или единственному сыну.

[1] В литературе князьям-Рюриковичам X-XI вв. приписывают ряд знаков. О трех печатях с якореобразными знаками, датировка которых временем ранее XII в. сомнительна, речь шла в главе 2. Не имеют отношения к князьям X-XI вв. знаки линейного рисунка на так называемом «таманском брактеате» (рис. 36: *9*), на можжевеловой палочке (рис. 36: *3, 4*) и на деревянных цилиндрах № 1 и 6 (рис. 36: *1, 2*) из раскопок в Новгороде: все эти знаки находят себе аналогии среди знаков Рюриковичей XII-XIII вв. Вряд ли можно признать трезубцем Владимира Святого знак на деревянном цилиндре № 5 из Новгорода (рис. 36: *5*);этот знак целесообразно анализировать в контексте близкородственных знаков более позднего времени, выраженных на других цилиндрах из Новгорода. Не имеет отношения к знакам Рюриковичей изображение на деревянной «шашке» (рис. 36: *8*), найденной на Земляном городище в Старой Ладоге: ближайшие аналогии этому изображению обнаруживаются среди стилизованных изображений птиц из Гнездово (рис. 36: *11*), Волина (рис. 36: *10*) и Турова (рис. 36: *7*); кроме того, шашка из Старой Ладоги обнаружена в слое начала 80-х гг. IX в., то есть оказывается почти на сто лет старше трезубца Владимира Святого.

Этап 2. Середина X – начало XI в. Начало изменений в форме родового знака Рюриковичей приходится на период деятельности сыновей Святослава: Ярополк получил право пользоваться непосредственно родовым двузубцем, Олег изменил форму ножки отцовского знака, а Владимир Святославич, не имея права на двузубец, уже при жизни отца пользовался трезубцем. Этот этап можно определить как время перехода от использования общего для Рюриковичей родового знака к употреблению лично-родовых символов. Переходный этап связан с деятельностью представителей не только IV, но и V колена рода. Завершением этапа становится 1013 г., когда Святополк Ярополчич пользовавшийся до этого родовым двузубцем, был вынужден изменить форму левого зубца.

Этап 3. Конец X – XI вв. Этот этап накладывается на предыдущий, поскольку сыновья Владимира Святого изначально пользовались уже не родовым символом, а символами лично-родовыми: старший сын Владимира наследовал отцовский трезубец, усложнив треугольную ножку крестом, а его младшие братья, сохранив без изменений форму ножки отцовского трезубца, усложняли форму центрального зубца. Принцип наследования знака, при котором старший сын меняет форму ножки отцовского трезубца, а младшие сыновья изменяют форму зубца, прослежен и у представителей VI-VII колен рода – поколения внуков и правнуков Владимира Святого.

Очевидно, что система родовых символов, опирающаяся на разработанные правила наследования и соблюдаемая всеми представителями правившей династии, в большой степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются к геральдике. Рискну поэтому утверждать, что в X-XI вв. на Руси существовала своеобразная геральдическая система, а дошедшие до нас знаки Рюриковичей являются теми самыми древнейшими гербами, из которых состоит эта система.

В какой мере геральдические традиции, восходящие к деятельности первых поколений правившей династии, сохранилась на протяжении последующих полутора столетий и почему в середине XIII в. система лично-родовых знаков Рюриковичей в одночасье рухнула? На эти вопросы можно ответить только после рассмотрения древнерусских геральдических памятников XII-XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус Н.А. 1890. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах. СПб.

Алексеев Л.В. 1966. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. М.

Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Алешковский М.Х. 1972. Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.

Амелькин А.О. 1987. Знак на гребне с городища Инднакар (к вопросу о начальном периоде русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.

Артамонов М.И. 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА, № 62.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Артемьев А. Р. 1990. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Артемьев А.Р., Молчанов А.А. 1995. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. № 2.

Арендарь А.П., Мельникова Е.А. 1995. Граффити на восточных монетах из собрания Черниговского исторического музея им. В. Тарновского // Словяно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів.

Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. 1993. Мінск.

Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1998а. О монете № 203 Корпуса древнейших монет России // ТД Шестой Всероссийской нумизматической конференции. СПб.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1998б. О знаках на кистене из Белой Вежи // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. ТД. СПб. с.169-173.

Белецкий С.В. 1991. К вопросу о порядке наследования родовой тамги князьями-Рюриковичами в конце X – начале XI вв. // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Тези доповідей першої науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчу з дня народження В.В. Хвойки. С. Білгородка, 1991 р. Київ., с.13-14.

Белецкий С.В. 1994. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // П.С.К.О.В., СПб.

Белецкий С.В. 1995а. К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве // Церковная археология. Вып. 2. СПб., Псков.

Белецкий С.В. 1995б. К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. ТД научной конференции. СПб.

Белецкий С.В. 1996а. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181 // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. М.

Белецкий С.В. 1996б. Начало Пскова // Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Городское ядро средневекового Пскова. Часть 1. СПб.

Белецкий С.В. 1996в. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X-XI вв. // АИП. Вып.15. Псков, с. 107-112.

Белецкий С.В. 1996г. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Се-

верная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
Белецкий С.В. 1996д. Подвеска со знаками Рюриковичей // Austrvegr, № 2, Tallinn.
Белецкий С.В. 1997а. К атрибуции княжеского знака на граффити №75 из Софии Киевской // Археологія. № 3. Київ.
Белецкий С. В. 1998а. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X-XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
Белецкий С.В. 1998б. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X-XI вв.) // У источника. Ч. I. М.
Белецкий С.В. 1998в. О знаках на роговом кистене из Минска // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск.
Белецкий С.В. 1999а. Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
Белецкий С.В. 1999б. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского) // Stratum plus. № 6.
Белецкий С. В. 1999в. К вопросу об информативных возможностях княжеских знаков на древнерусских кирпичах // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. ТД. СПб.
Белецкий С.В. 2000а. Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилева //ΣΥΣΣΙΤΙΑ.Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.
Белецкий С.В. 2000б. Роговой кистень с древнерусским княжеским знаком из Киева // АИП. Вып.16. Псков.
Белецкий С.В., Купранис А.А. 1995. Печать X в. из Новгорода (предварительное сообщение) // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК. 11-14 апреля 1995 года. СПб.
Белецкий С.В., Купранис А.А. 1996. Новые сфрагистические памятники XII-XV вв. из частных собраний (материалы для Корпуса актовых печатей древней Руси) // Archaeologia Petropolitana, № 1.
Бліфельд Д. І. 1977. Давньоруські памятки Шестовиці. Київ.
Болсуновский К.В. 1894. Дрогичинские пломбы. Часть 1. Киев.
Болсуновский К.В. 1908. Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских. Киев.
Братко-Кутиньский О. 1992. Нащадки Святої Трійці. Київ.
Воробьева Е.В., Тиц А.А. 1974. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // СА. № 2.
Воронин Н.Н. 1954. Древнее Гродно // МИА. № 41.
Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев.
Высоцкий С.А. 1976. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XVII вв.). Киев.
Гедеонов С. 1876. Варяги и Русь. Т. II. СПб.
Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999.
Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
Джаксон Т.Н. 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М.
Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, переводы, комментарий. М.
Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть.XI в.). Тексты, переводы, комментарий. М.
Дубровин Г.Е. 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X-XV вв. по археологическим данным. Т. 2. Иллюстрации. М.
Загорульский Э.М. 1982. Возникновение Минска. Минск.
ИЛ – Ипатьевская летопись // ПСРЛ, т. 2, 1962.
Измайлов И. Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской булгарии X – начало XIII в. Казань – Магадан.
Казаков Е.П. 1991. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2-й региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород.
Казаков Е.П. 2000. Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. 1974. Русская сфрагистика и геральдика. М.
Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М-Л. Т. 1.
Кіліевич С.Р. 1965. Археологічні розкопкі біля с. Жовнин // Археологія, Т. XIX.
Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. // САИ. Е 1-36.
Колчин Б.А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е 1-55, М.
КЗ – Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.
Крыганов А. В. 1987. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. № 2.
Крыласова Н.Б. 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. №2.
Кулаков В.И. 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // СА. № 3.
Кучера М. П. 1961. Кераміка древнього Пліснеська // Археологія. Т. XII.
Кучинко М.М. 1994. Нариси стародавньої і середньовічної історії Волыні (від палеоліту до середини XIV ст.). Луцьк.
ЛЛ – Лаврентьевская летопись // ПСРЛ, т.1, 1962.
Лазарев В. Н. 1973. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. М.
Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. 1994. Ключи к тайнам Клио. М.
Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л.
Логвин Г.Н. 1977. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М.
ЛСА – (Лихачев Н.П.) «Сфрагистический альбом». Часть I. Русские металлические печати. Текст описания составлен Н.П. Лихачевым. Л. 1936.
Лысенко П. Ф. 1985. Берестье. Минск.
Ляпушкин И.И. 1941. Славяно-русские поселения IX-XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6.
Мавродин В.В. 1935. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани // ПИДО. № 9-10.

Макаров Н.А., Чернецов А.В. 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.

Макарова Т.И. 1986. Черневое дело древней Руси. М.

Марзалюк І. 1998. Магилеу у XII-XVIII стагоддзях. Минск.

Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е 1-36, М.

Мельникова Е.А. 1994. «Знак Рюриковичей» и становление центральной власти на Руси // Черниігівська земля у давнину і середньовіччя. Б.м.

Мельникова Е.А. 1995. Граффити на арабских монетах из собраний Украины // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. М.

Мельникова Е.А. 1996. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. М.

Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Історія Русі – Украіны. Київ.

Мец Н. Д. 1960. Сребреники из с. Митьковки // СА. № 1.

Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения ГАИМК. № 3-4.

Милютенко Н.И. Русские события начала XI в. в «Саге о Бьёрне» // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Михайлова Е.Р., Соболев В.А., Белецкий С.В. 1998. Прясліце с граффити X в. из урочища Боровское купалище // ТД Шестой Всероссийской нумизматической конференции. СПб.

Мовчан І.І., Боровський Я.Е., Архіпова Е.І. 1998. Нові знахідки виробів прикладного мистецтва з «Міста Володимира» // Археологія. № 2.

Молчанов А.А. 1976а. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. № VII.

Молчанов А.А. 1976б. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни древней Руси // Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. М.

Молчанов А.А. 1982. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3.

Молчанов А.А. 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X-XIII вв. // ВИД. № XVI.

Молчанов А.А. 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // ТД X СК. М.

Молчанов А.А. 1988. Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики древней Руси X в.) // Внешняя политика древней Руси. М.

Молчанов А.А. 1994. Древнейший памятник русской сфрагистики. Моливдовул князя Святослава Игоревича середины X в. // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник. № 3. М.

Молчанов А.А. 1996. Самая древняя печать // Наука и жизнь. № 4.

Молчанов А.А. 1997. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // Московское нумизматическое общество. Нумизматический сборник. № 5. М.

Молчанов А. А. 1996. «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Моця А.П., Сыромятников А.К. 1984. Княжеские тамги Святослава Игоревича как источник изучения истории древнерусских городов // Древнерусский город. Киев.

Мугуревич Э.С. 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII в. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.

Назарова Е.Л. 1986. Из истории взаимоотношение ливов с Русью (X-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 г. М.

Нахапетян В.Е., Фомин А.В. 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М.

Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв. // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.

Орешников А.В. 1894. Новые материалы к вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. Т.10.

Орешников А.В. 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР, № 2, М.

Орешников А.В. 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М.

Петренко В.П. 1977. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // КСИА. № 150.

Петренко В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. СПб.

Петренко В.П. 1995. Раскоп на варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Плетнева С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Пресняков А. Е. 1993. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. М.

Пчелов Е.В. 1995. Еще раз о «знаке Рюриковичей» в свете нумизматических данных // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. М.

Рапов О.М. 1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. № 3.

Рапов О.М. 1977. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XI в. М.

Раппопорт П.А. 1982. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л.

Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Раппопорт П.А. 1999. Княжеские знаки в памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. ТД. СПб.

Розенфельдт Р.Л. 1987. Коми-пермяцкие племена в IX-XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т.17. М.

Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. VI. М.-Л.

Рыбаков Б.А. 1948а. Ремесло // История культуры древней Руси. Т.1. М.-Л.

Рыбаков Б.А. 1948б. Ремесло древней Руси. М.

Рыдзевская Е.А. 1940. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. Вып. VII.

Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. № XI.

Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге

(итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
Синчук И.И. 1994. О загадочном княжеском знаке на сребрениках с именем «Петор» // П.С.К.О.В. СПб.
Соболева Н.А. 1981. Российская областная и городская геральдика XVIII – XIXвв. М.
Сотникова М.П. 1995. Древнейшие русские монеты X-XI веков. Каталог и исследование. М.
Сотникова М.П., Спасский И.Г. 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л.
Тарасенко В.Р. 1950. Раскопки минского Замчища // КСИИМК. № 35.
Тарасенко В.Р. 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск. Т.1.
Татищев В.Н. 1963. История Российская. Т.II. Л.
Толстой И.И. 1882. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского.Нумизматический опыт. СПб.
Толстой И.И. 1893. О древнейших русских монетах X-XI вв. // ЗРАО, н.с., т.6, вып. 3-4
Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. 1976. Розкопки Киевоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Киева. Київ.
Флерова В.Е. 1997. Граффити Хазарии. М.
Холостенко М. В. 1965. З історіі зодчества Древньоі Русі X ст. // Археологія, т. XIX.
Хорошев А.С. 1986. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М.
Хорошкевич А.Л. 1993. Символы русской государственности. М.
Церква Богородиці Десятинна в Киеві. 1996. Київ.
Шаповалов Г. 1992. Походження українського тризуба або як поедналися якор и хрест. Запоріжжя.
Шаповалов Г. 1997. Корабли веры. Судоходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье.
Шемаханская М.С., Равич И.Г. 2000. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб.
Шмелев К.В. 2000. Изображение корабля на средневековых граффити в свете новых находок // АИП. Вып. 16. Псков.
Щербак А.М. 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. № 75.
Ширинский С.С. 1968. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М.
Штыхов Г. В. 1978. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск.
Янин В.Л. 1955. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК. № 57.
Янин В.Л. 1956-а. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
Янин В.Л. 1956-б. Вислые печати из новгородских раскопок 1951-1954 гг. // МИА. № 55.
Янин В.Л. 1956в. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. № 64.
Янин В.Л. 1957. К вопросу о дате Лопастицкого креста // КСИИМК. № 68.
Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 1. М.
Янин В.Л. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. III. М.
Arne T.J. Sveriges Forbindelser mad Ostern under Vikingatigen // Fornvannen medeelanden fran Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens, Stockholm 1911,№ 6.
Wrzosek A. 1961. Zabytki wszesnosredniowieczne z Ostrowa Lednickiego, pow. Gniezno // Fontes archaeologici posnanienses. Annales Musei archaeologici posnaniensis. XII. Poznan.

НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ

Л. Лазаров

ХОРЕЗМСКИЙ ДИРХЕМ ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

L. Lazarov. Khorezm Dirham found in North-Eastern Bulgaria.

The publication is the first scientific research of the rarest coin found in North-Eastern Bulgaria – a dirham minted in Khorezm in 1367-1368. The author makes a link between its penetration into the lands so remote from the Middle Asia with migration of some groups of the declining Golden Horde to the Danube.

В собрании мусульманских монет Васила Василева из Великого Преслава находится много интересных джучидских монет. В их числе привлекает внимание редкий хорезмский дирхем. Благодаря любезности владельца, появилась возможность для публикации этой монеты [1].

Л. С.: В прямоугольной «жемчужной» рамке надпись, выполненная хорезмско-куфическим шрифтом:

الملك لله — т.е. «Господь Бог

الواحد — един,

القهار — всемогущ»

Монетное поле вокруг рамки орнаментировано волютами.

О.С.: В рамке в виде четверолистника надпись, выполненная хорезмско-куфическим шрифтом:

ضرب — т. е. «Чеканена

سكة — монета

خوارزم — [в] Хорезме

سنة ٧٦٩ — год 769»

В слово سكة вплетен орнамент «развязанный узел»; «жемчужный» круг.

AR; ↓; Ø 16,5—17 мм; вес: 1,87 г; пробита (Федоров-Давыдов 1965: 184, тип 23, табл. I, 23). Происходит из Северо-Восточной Болгарии.

Представленный дирхем чрезвычайно интересен. Он принадлежит к так называемым анонимным эмиссиям, чеканенным в период междоусобиц, охвативших Золотую Орду в 60-80-е гг. XIV в. На монете обозначена дата – 769 г.х. (1367-1368), по данный экземпляр не следует связывать с оспаривавшими тогда право на ханский престол Абдуллахом, Азиз-Шахом, Булак Мухаммедом или Тимур Булатом. В рассматриваемый период смена правителей почти не влияла на монетные типы анонимных денег, выпускавшихся в Хорезме.

Тенденция к автономии Хорезма проявилась еще в правление таких могучих ханов, как Узбек (1313-1342) и Джанибек I (1342-1357). С началом эпохи усобиц обособление Хорезма от Улуса Джучи усилилось. Оно отразилось и в чеканке анонимных серебряных и медных денег с обозначением различных годов выпуска (Федоров-Давыдов 1965: 181 и сл.). Эти монеты, произведенные в 60-70-е гг. XIV в., были введены в обращение династией Кунградских Суфи, которые чувствовали себя достаточно самостоятельными от правителей Сарая ал-Джедид, чтобы не чеканить их имена на хорезмских деньгах. В то же время они все-таки оставались сравнительно слабыми, не смея открыто заявить о своей независимости и выпускать монеты с собственными именами (Федоров-Давыдов 1965: 185, 191).

С 40-х гг. XIV в. денежное обращение в Золотой Орде разделилось на три главные и почти самостоятельные области, которые обслуживались определенными монетными дворами:

1). Поволжье – чеканка Сарая, Сарая ал-Джедид, Гюлистана ал-Джедид;

2). Крым и Приазовье – Крым [2] и Азак;

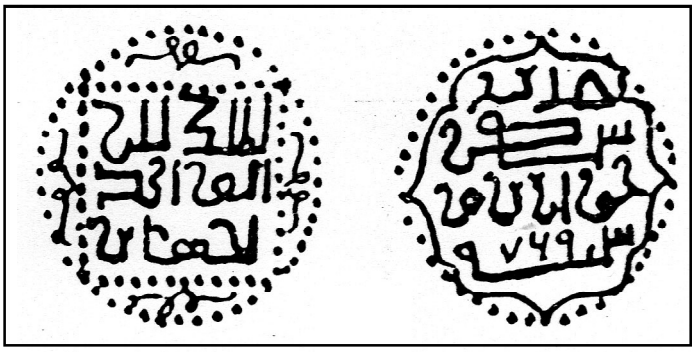
3). Среднеазиатский регион – Хорезм (Янина 1958: 393). При этом даже в Средней Азии хорезмские монеты циркулировали главным образом в Хорезмском оазисе, а также играли существенную роль к северу и северо-востоку от Сырдарьи в направлении т.н. Семиречья. В южной части среднеазиатского региона их распространение было ограниченным (Федоров-Давыдов 1965: 215 и сл.). Среди нумизматического материала хорошо исследованных больших джучидских центров Поволжья (Булгар, Сарай, Сарай ал-Джедид, Увек и др.), а также

[1] Автор сердечно благодарит владельца монеты за возможность её публикации.

[2] Хотя в 1325-1375 гг. в Крыму (ныне Старый Крым) дирхемы не чеканились , этот монетный двор, по всей видимости, производил в середине XIV в. медные эмиссии. (см. Лебедев 2000: 17, 24).

© Л. Лазаров, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Хорезмский дирхем, тип 23 (Федоров-Давыдов 1965: табл. I, 23)

в кладах дирхемов XIV-XV вв., монеты Хорезма встречаются в совсем незначительных количествах (Федоров-Давыдов 1965: 215, 219, прим. 179). А в юго-западной части Золотой Орды – в Приазовье, Крыму и Днестровско-Дунайском регионе – такого рода эмиссии почти не встречаются. Среди опубликованных к настоящему времени монет из Азака (Азова) хорезмские выпуски отсутствуют (Фомичев 1981: 219 и сл.). Также нет ни одного экземпляра хорезмской чеканки в числе единичных находок и в составе кладов из Молдавии (Нудельман 1976: 90, 93, 96-97, 135, 140, 148, 150). Что касается серебряных дирхемов 769 г.х., то, если не считать их наличия в коллекциях нескольких больших музеев (Федоров-Давыдов 1965: 164, прим. 131), в литературе есть сообщение только об одной такой монете с точно установленным происхождением. Речь идет об экземпляре в кладе из Ат-Крыглан в Ташаузской области Туркмении – район Хорезмского оазиса (Федоров-Давыдов 1960: 53, № 129а; 1965: 216, № 11).

Таким образом, хотя находки монет Золотой Орды в Северо-Восточной Болгарии не редкость (Хараланов 1975: 153; Парушев 1992: 145; Дочев 1992: 167-168; Лазаров 2001: 28, прим. 112-113, там же литература), открытие в этой части страны хорезмского дирхема, притом чеканенного позднее 1362 г. – после битвы при Синих водах [3], является действительно сенсационным.

Едва ли в данной находке следует видеть свидетельство прямых торговых контактов между средневековой Болгарией и Хорезмом. Мне с трудом представляется, чтобы монета могла попасть в болгарские земли, постепенно продвигаясь на запад по маршрутам купцов (хотя такую возможность и нельзя полностью исключить).

Дело в том, что хорезмские дирхемы были тяжелее монет того же номинала, чеканившихся в европейских центрах Улуса Джучи (см. Федоров-Давыдов 1965: 199, рис.1; Мухамадиев 1983: 86-87) и, вероятнее всего, достаточно быстро изымались из обращения или хотя бы обрезались уже при проникновении в Поволжье. Объяснение факту попадания публикуемой монеты из Средней Азии на территорию Болгарии, по всей видимости, нужно искать в другом. Дирхем был пробит еще в средневековье и служил медальоном. Скорее всего, он принадлежал какому-то татарскому воину или просто кочевнику, а этот житель Золотой Орды мог прибыть в болгарские земли во второй половине XIV в. в составе одной из поселившихся в Добрудже татарских групп, например, бека-христианина Димитрия (Греков, Якубовский 1950: 282; Добролюбский, Руссев 1986: 184) или эмира Актау (Гюзелев 1972/73: 168-169).

ЛИТЕРАТУРА

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.

Добролюбский А. О., Руссев Н. Д. 1986. Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X-XIV вв. ИАСЗП.

Гюзелев В. 1972/73. Chornicon Mesembriae (Бележки върху българското Черноморие в периода 1366-1448). ГСУ ИФ, LXVI.

Дочев К. 1992. Монети и парично обръщение в Търново XII-XIV в. Л.

Егоров В. Л. 1985. Историческая география Золотой Орды в XII-XIV вв. М.

Лебедев В. П. №2, 2000. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XII – нач. XV в.). ВОМН.

Лазаров Л. 2001. част. 3. Данни за монетната циркулация на Провадийската крепост (по материали от Дългополския музей) Велико Търново. НПМ

Мухамадиев А. Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.

Нудельман А. А. 1976. 8 вып. Топография кладов и находок единичных монет (Археологическая карта Молдавской ССР.) К.

Парушев. В. 1990. 26/41. Средновековни монети от Калиакра. ИНМВ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода – НЭ, V.

Фомичев Н. М 1981. 1.Джучидские монеты из Азова. СА.

Хараланов В. 1975. Джучидски монети от Шуменския Хисарлък. ГМСБ, I.

Янина С. А. 1958. 61. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг. МИА.

[3] В результате разгрома, который потерпели татарские войска в этом сражении от литовско-русских войск князя Ольгерда, Золотая Орда утратила свои позиции между Дунаем и Бугом. См.: Греков, Якубовский 1950: 282; Егоров 1985: 51, 81, 216.

В.В. Майко

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОЛДАВСКАЯ МОНЕТА ИЗ СУГДЕИ

V.V. Majko. Medieval Moldavian Coin from Sudak.

The article studies Stefan the Great"s silver grosh, the early type dated by 1457 - 1476, which is the unique find in medieval Sugdea on the Crimean peninsula.

Изучение связей средневековой Таврики с Молдавским государством остается одной из важных проблем крымской медиевистики. К сожалению, до недавнего времени главным источником для решения этого вопроса оставались немногочисленные письменные свидетельства. В последние годы, благодаря привлечению археологического и прежде всего нумизматического материала, появилась возможность конкретнее проследить разнообразные экономические связи и поставить вопрос о возможных политических взаимоотношениях. В этой связи любая новая находка молдавских монет на территории средневековой Таврики заслуживает внимания. На сегодняшний день П.П. Бырней и Н.Д. Руссевым в недавно опубликованной монографии сделана попытка составления предварительной сводки всех молдавских средневековых монет, обнаруженных на территории Крымского полуострова (Бырня, Руссев 1999: 206-207, 212, рис. 36). За исключением двух опубликованных В.П. Кирилко монет, обнаруженных в Алустоне и замке Фуна (Кирилко 1997: 181-184), и двух экземпляров, происходящих с территории Неаполя Скифского (Харко 1961: 217, 222), все остальные монеты, число которых не превышает десяти (Мангуп, Солхат), не атрибутированы и не опубликованы, обстоятельства и место находок не установлены. В лучшем случае о них содержится упоминание (Крамаровский 1989: 153), а в большинстве случаев лишь устная информация исследователей. Однако и уникальные документированные экземпляры, за исключением одной, обнаруженной на территории средневекового некрополя Алустона (Бырня, Руссев 1999: 206), являются случайными находками, не связанными с конкретным археологическим объектом или культурным слоем. Сказанное справедливо и по отношению к Сугдее, где, по словам В.П. Кирилко, известны три неопределенные монеты, обстоятельства и места находок которых не установлены (Бырня, Руссев 1999: 207). К сожалению, ничего добавить к этому не могу и я. По крайней мере, в период 1991–2000 гг. таких находок сделано не было. Возможно, указанные монеты происходят из раскопок М.А. Фронджуло. Все вышесказанное свидетельствует об актуальности публикации первой документированной монеты из средневековой Сугдеи.

Публикуемая монета (рис. 1) была обнаружена в 1991 г. на участке куртины XV Судакской крепости в подъемном материале возле жилой застройки XIV–XV вв. школьниками Судакской средней школы № 2[1] . Практически с полной уверенностью можно сказать, что монета происходит из культурного слоя, связанного

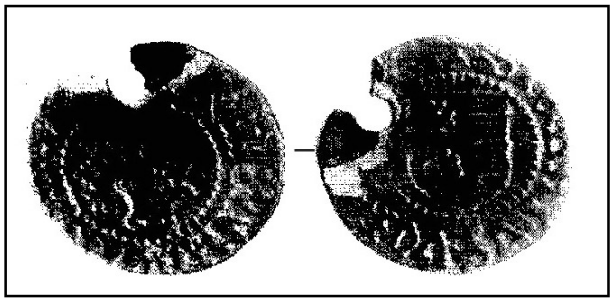

Рис.1. Фотография монеты из Судакской крепости.

[1]В настоящее время точное местонахождение монеты неизвестно, скорее всего, она поступила в частную коллекцию одного из жителей Судака.

© В.В. Майко, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

с разрушением жилого двухкамерного помещения, исследованного в 1988-1989 гг. Судакской археологической экспедицией под руководством И.А. Баранова.

Публикуемая серебряная монета по своим размерам атрибутируется как грош. Диаметр его минимальный для этой категории молдавских монет и составляет 13,5 мм. К сожалению, монета не была взвешена. Экземпляр имеет относительно хорошую сохранность и легко поддается определению. Отметим, что в верхней части монеты имеется небольшая лакуна, не влияющая на атрибуцию, на месте отверстия для подвешивания. Аналогов ей на территории полуострова мне не известно. Исходя из этого, приведем ее подробное описание (рис. 2).

Аверс: герб молдавского государства – голова быка с рогами округлой формы и сопутствующими атрибутами: звездой, расположенной между рогами, полумесяцем и пятилепестковой розеткой. Последние размещены, соответственно, с правой и левой стороны головы быка. По справедливому замечанию П.П. Бырни и Н.Д. Руссева, пятилепестковая розетка на аверсе и само изображение головы животного стилистически близки изображениям на предшествующих монетах Петра Арона (Бырня, Руссев 1999: 197). Круговая легенда +MONETAMOLDAVIE обрамлена с внутренней стороны ободком из слившихся точек. Обязательный в начале легенды мальтийский крест расположен на месте пробитого впоследствии отверстия.

Реверс: геральдический щит с мальтийским крестом и более крупной и стилистически несколько отличной пятилепестковой розеткой, расположенными, соответственно, первый над второй в левом поле щита. В правом поле – три горизонтальные геральдические балки. Круговая легенда, начинающаяся мальтийским крестом: +STEFANVSVOIEVODA – также ограничена с внутренней стороны точками, слившимися в окружность. Подчеркнем еще раз чрезвычайную тщательность и выразительность в проработке всех деталей изображения, особенно головы быка или тура, ранее подмеченную специалистами (Бырня, Руссев 1999: 197).

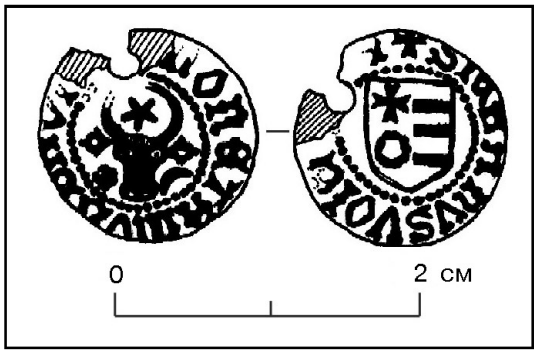

Рис.2. Рисунок монеты из Судакской крепости.

Исходя из вышесказанного, монета с уверенностью может быть отнесена к ранним монетным выпускам Стефана Великого периода 1457-1476 гг. (Бырня, Руссев 1999: 197, рис. 24).

Гипотетическая реконструкция событий, приведших к появлению подобной, уникальной пока для Сугдеи, монеты – тема отдельной работы. Для более точной датировки нашего экземпляра важно его использование в качестве медальона. Причем хорошая сохранность монеты позволяет предположить ее непродолжительное использование в этом качестве. Общеизвестно, что Стефан Великий в 1472 г. вторично был женат на мангупской княжне Марии, а тремя годами позже валашский отряд участвовал в обороне Мангупа (Кирилко 1997: 181). Отметим и справедливо подмеченный факт находок уникальных молдавских монет как в феодоритских, так и в генуэзских крепостях (Кирилко 1997: 183-184).

ЛИТЕРАТУРА

Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии (историко-нумизматические очерки) // Stratum plus. № 6. СПб., Кишинев, Одесса. С. 176-247.

Кирилко В.П. 1997. О находке молдавской монеты на Фуне // Археология Крыма. Симферополь. №1. С. 181-184.

Крамаровский М.Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII – XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л. С. 141-157.

Харко Л.П. 1961. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции 1946-1950 и 1957 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 96.

Г.О. Аствацатуров

ПЕТРОГЛИФЫ БЕНДЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

G.O. Astvatsaturov. Petroglyphs of the Bender Fortress

The author describes 22 images made on stone walls of the Bender fortress. These images are made by skillful masters from Crimea and Moldova. They must have appeared on the walls of the fortress in early XVIII century during the general reconstruction. One can distinguish several classes of images: narrative, with geometric ornamentation, with Arab, Latin or Cyrillic writing, etc. Scarcity of images to be compared, however, does not allow a detailed analysis of the petroglyphs.

Тщательное изучение изображений на камне, этого важного материального свидетельства истории средневековья, еще ждет своих исследователей в молдавской исторической науке. Дошедшая до наших времен Бендерская крепость представляет собой уникальную «галерею» разнохарактерных петроглифов. Знаменитый «тарих Сулеймана», висевший над южными воротами цитадели, уже достаточно описан исследователями (Турецкая надпись... 1534; Маркс 1917; Inscripţia sultanului... 1956; Аствацатуров 1987), однако, помимо него, на стенах имеются 22 изображения на камне, не подвергавшихся еще описанию. Абсолютное большинство изображений (двадцать одно) находится в южном рву крепости. К сожалению, представляется технически сложным произвести фотографирование или оттиски изображений в связи с тем, что большей частью они находятся на высокой отвесной стене каменного рва. Автору статьи удалось запечатлеть на фотографии лишь три изображения, остальные срисованы им во время исследования стен крепости. Значительная часть изображений представлена в барельефном высокопрофессиональном исполнении. Татарские мастера-каменотесы из Кафы, Бахчисарая и других крымских городов славились своим искусством. Возможно, своим мастерством, судя по буквам кириллицы, хотели иногда блеснуть и молдавские каменотесы. Можно с большой степенью вероятности предположить, что петроглифы появились в южном рву крепости в начале XVIII столетия в период генеральной реконструкции крепости. Время изготовления могло быть и более ранним: вероятнее всего, часть петроглифов была перенесена из старых разрушенных построек. Условно изображения на камне можно разделить на несколько групп:

– изображения с геометрическим орнаментом;

– изображения т.н. «звериного стиля»;

– сюжетные изображения;

Рис. 1. Изображение хищного зверька.

© Г.О. Аствацатуров, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

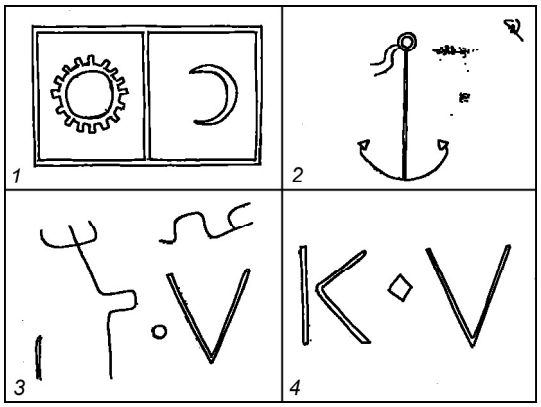

Рис. 2. 1 – солнце и месяц; 2 – якорь; 3 – изображения в виде тамги и буквы V; 4 – «буквы» K и V.

– тамги;

– изображения с арабской вязью;

– изображения с латиницей или кириллицей.

Предлагаем описание рисунков на камне с некоторыми комментариями.

1. Единственное изображение на прямоугольном камне с «вдавленным» рисунком. Состоит из трех фрагментов: в левом верхнем углу схематическое изображение топора. Под ним «лежащая» буква «П». Справа вертикальный прямоугольник с полосками.

2. Изящное изображение хищного зверька: куницы, ласки или т.п. (рис. 1).

3. Изображение лошади.

4. В горизонтальном прямоугольнике, разделенном на две части: слева – изображение солнца, справа – месяца (рис. 2: 1).

5. Изображение якоря. Справа от него неразборчивая арабская вязь. Возможно, крымская тамга. Примерно такие же якоря, но более схематичные, описаны О. Акчокраклы (Акчокраклы 1927) (рис. 2: 2).

6. На горизонтальном прямоугольнике изображение нескольких замысловатых линий. Напоминает крымские и ногайские тамги (Лавров 1978: 165-166). В правом нижнем углу, слева от небольшого круга – римская цифра (или буква) «V» (рис. 2: 3).

7. На горизонтальном прямоугольном камне две буквы, разделенные небольшим ромбом: «К» и «V» (рис. 2: 4).

8. Изображение изящной вазы с цветами (рис. 3: 1).

9. Сложный рисунок. Можно предположить, что средневековый автор хотел изобразить знаменитую мечеть в Стамбуле с четырьмя минаретами – бывший собор Св. Софии (рис. 3: 2).

10. Весьма любопытно следующее изображение. В отличие от большинства петроглифов, оно находится не на стене рва, а в нижней части наружной стены восьмигранной башни. Два схематичных изображения мужской и женской фигуры и справа от них – дерева. В правом верхнем углу – неразборчивая арабская вязь. Подобное изображение описывал Э. Челеби и даже приводил содержание надписи: «Ах, душа моя, Рюкийе-ханым! Любящий ее Маджар Мустафа» (Челеби 1961: 43), но турецкий путешественник располагал этот тарих рядом с надписью Сулеймана (рис. 3: 3).

11. Великолепная композиция, изображающая часы. В отличие от остальных петроглифов, находится на повороте южного рва с видом на Днестр. Вместо цифр циферблата – трудноразборчивые буквы. В нижнем левом углу – две буквы «ВХ» (рис. 3: 4).

12. Сложная композиция из двух прямоугольников разной величины. Вероятно, незаконченная. В верхнем изображен купол какого-то сооружения, в нижнем – незаконченный рисунок зверя и деревьев.

13. На одном камне изображение трех равноудаленных колец. Возможно, это тамга. Очень распространенный символ, встречающийся у сарматов, алан, ногайцев и др. кочевников (Яхтагинов 1993: 186-188).

14. Удлиненный прямоугольник с геометрическим орнаментом в виде треугольников и ромбов. Не закончен. В правой стороне прямоугольника орнамент отсутствует.

15. В углах прямоугольника изображены

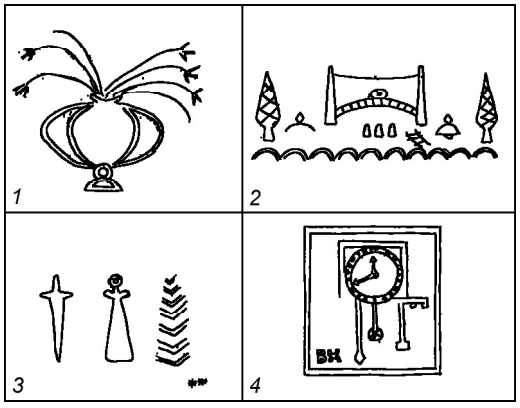

Рис. 3. 1 – ваза с цветами; 2 – «мечеть с четырьмя минаретами»; 3 – схематические изображения мужчины, женщины и дерева; 4 – часы.

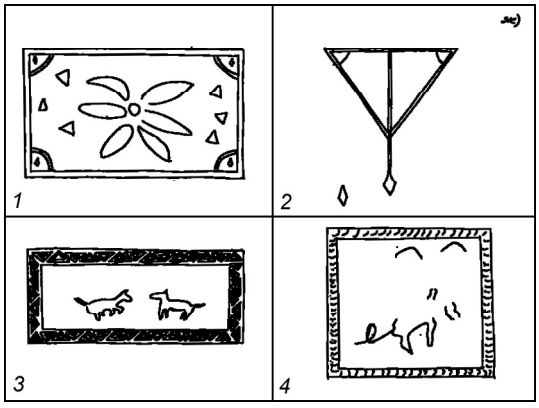

Рис. 4. 1 – композиция с цветком; 2 – тамга (?) в виде лука и стрелы; 3 – «резвящиеся лошади»; 4 – контуры лошади (?).

прямоугольные треугольники. Посередине – схематическое изображение цветка.

16. Сложная композиция цветка с шестью лепестками. По сторонам цветка – по три треугольника. Композиция расположена в прямоугольнике, углы которого помечены дугами (рис. 4: 1).

17. Вероятно, тамга. Лук в виде равнобедренного треугольника со стрелой. Слева от стрелы – маленький ромб (рис. 4: 2).

18. Прямоугольник, обрамленный геометрическим орнаментом. Посередине – изображение двух резвящихся лошадей (рис. 4: 3).

19. Вероятно, незаконченный рисунок – контуры лошади в квадратной рамке (рис. 4: 4).

20. Треугольник – часто встречающаяся крымская тамга. Под ней – многоугольник.

21. Добротно выполненная, но не законченная композиция с геометрическим орнаментом и стилизованным изображением цветка посередине.

22. В прямоугольнике – изображение лошади. В правом верхнем углу – две буквы. Первая видна нечетко в связи с попаданием осколка, вероятнее всего «К», вторая буква – «Л».

К сожалению, имеющиеся единичные описания отдельных изображений на камне в крепостях Аккерман и Сороки (Чеботаренко 1984) и скудные сведения в специальной литературе не дают пока возможности для подробного анализа бендерских петроглифов.

ЛИТЕРАТУРА

Акчокраклы О. 1927. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского пединститута им. Фрунзе. Симферополь. Кн. 1

Аствацатуров Г. 1987. Бендерская крепость. Бендеры.

Лавров Л.И. 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград

Маркс Н.А. 1917. К истории Бендерской крепости. Одесса.

Турецкая надпись султана Сулеймана 1534 г. в Бендерской крепости // ЗООИД. 1883. Т. XIII. Одесса.

Чеботаренко Г.Ф. 1984. Сорокская крепость – памятник старины. Кишинев.

Челеби Э. 1961. Книга путешествия. Вып. 1. М.

Яхтагинов Х. 1993. Северокавказские тамги. Нальчик.

Inscripţia sultanului Suleiman Magnificul în urma expediţiei în Moldova (1538/945) // Studii 1956. Revista de istorie. № 2-3. Bucureşti.

Н.Д. Руссев, Е.Н. Сава

ПАТРИЦА ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА XVIII ВЕКА?

N.D. Russev, E.N. Sava. Is a XVIII Counterfeiter's Patrix Found?

The article publishes a rather unusual object – a bronze disk with relief images in round medallions, imitating the obverse and the reverse sides of the Turkish coins of big value dated by the second half of XVIII c. It is suggested that this occasional finding from Tiraspol's neighbourhoods is an example of counterfeiter's work, who attempted to create a patrix while staying with the Russian army troops deployed there during the war with the Ottoman Empire in 1768-1774.

В 1989 г. к сотрудникам археологической экспедиции Академии наук Молдовы, работавшей у с. Терновка на левобережье Днестра (предместье Тирасполя), на короткое время попал бронзовый предмет в виде диска. Его владелец, местный житель, сообщил, что эта случайная находка происходит из расположенного близ старицы реки сада. Недалеко от указанного пункта, где экспедиция исследовала поселение бронзового века «Терновка – Кривое озеро», до сих пор видны следы хутора столыпинских времен.

Поскольку удалось сделать чертеж (рис. 1), размеры и материал предмета позволяют с помощью стандартных расчетов [1] определить его массу примерно в 280 г. На обеих сторонах диска выполнены замысловатые изображения, напоминающие надписи арабской вязью. Картинки из рельефных знаков в точечных кругах (диаметры по 53-54 мм), выглядящие как тексты, не одинаковы. Однако они обнаруживают композиционно-стилистическое сходство. По названной причине их можно рассматривать как одну смысловую пару.

Даже на первый взгляд, некоторые аналогии нашим парным изображениям обнаруживаются в османских монетных номиналах XVIII в. Наибольшее сходство демонстрируют некоторые выпуски монет султана Мустафы III (1757-1774). В частности, обращает на себя внимание самый крупный серебряный номинал стамбульской чеканки, на котором расположенные рядами легенды занимают практически все монетное поле, как аверса, так и реверса. Эта монета, носившая название «алтмышлык», имела диаметр 43 мм при весе 28,5 г (Pere 1968: 216. № 632). Впрочем, при детальном рассмотрении оказывается, что «надписи» на бронзовом диске являются всего лишь грубым нечитаемым подражанием оригиналу (рис. 2).

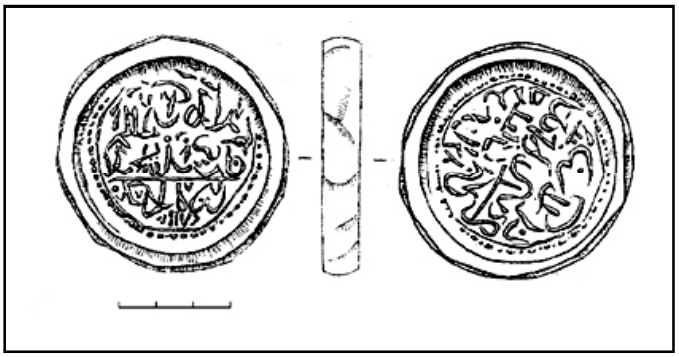
О том, что столичная эмиссия Мустафы III послужила образцом для кустаря, свидетельствует фрагмент нижней трети псевдолегенды одной из сторон диска (рис. 2: *2б*). При его сличении с монетой (рис. 2: *1б*) обнаруживается большое сходство с частью надписи реверса, фиксирующей место чеканки и год начала правления султана – Islambol, 1171. В анализируемом случае примечательна близость именно с приведенным начертанием названия Стамбула, а не с другим вариантом – Kostantiniye, известным по выпуску алтмышлыков правившего в 1774-1789 гг. Абдул-Хамида I (Pere 1968: 224. № 674). Что касается даты (1171 г. по хиджре – мусульманскому летоисчислению, или 1757 г. Р. Хр.), то она скопирована частично – вместо четырех цифр три: 117. Совершенно очевидно, что изготовитель предмета не понимал текста и не особенно заботился о точности передачи изображения.

Однако данная находка вовсе не поддельная монета. Предмет невозможно принять за платежное средство ни по размеру, ни по весу, ни по металлу. Это скорее образ монеты. По всей видимости, в поле внимания археологов оказалась действительно редкая вещь – патрица фальшивомонетчика. Технология чеканки с патрицей, широко известная с начала XIX в., позволяла существенно ускорить процесс изготовления матриц. Речь идет о получении сразу нескольких пар штемпелей с негативными изображениями монет. Они-то и могли затем служить непосредственно для чеканки фальсификатов (Фенглер, Гироу, Унгер 1993: 327).

[1] Поскольку «монетная» бронза обычно содержит до 8% олова, а «колокольная» – 10-14% (см. Потин 1993: 137), при расчетах условно принята пропорция 9 частей меди и 1 олова. В этом случае плотность сплава (8,72 г/см^3) лишь немногим уступает той же характеристике меди (8,88 г/см^3). Исходя из формулы $m = pR^2hr$, масса находки должна составить: 3,14 × 10,24 см^2 × 1 см × 8,72 г/см^3 = 280,3435 г.

© Н.Д. Руссев, Е.Н. Сава, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Рис. 1. Предмет из Терновки, 1989 г.

При изучении находки из Терновки бросается в глаза несоответствие размеров рабочей поверхности предмета диаметру реальных османских монет того времени (табл. 1). Создается впечатление, что мастер фальсификатор намеревался выпускать монеты, превосходившие по внешним данным все обращавшиеся на рынке аналоги. Разумеется, столь грубыми имитациями можно было обмануть только неграмотных и небогатых людей, плохо знавших крупные османские монеты.

Близость проходившей по Днестру границы Молдавии и турецкой крепости Бендеры, а также вероятное время изготовления вещи – третья четверть XVIII в., дают возможность связать ее с событиями русско-турецкой войны 1768-1774 гг. В самом деле, на протяжении всей кампании воинские подразделения дислоцировались у переправы через Днестр, в Бендерской крепости и напротив нее (Аствацатуров 1997).

Именно в ходе этой войны командование дунайской армии организовало чеканку бронзовых монет для Молдавии и Валахии из трофейных турецких пушек. Этими монетами имелось в виду расплачиваться с местными жителями при покупке у них продовольствия и фуража. В имении Садогура у северной границы Молдавии (современная Черновицкая область) было организовано производство денег, быстро наводнивших и расстроивших хозяйство обеих стран. Поскольку дело дошло до бунтов, выпуск монет пришлось срочно свернуть. Позднее, во время войны 1806-1812 гг., в Петербурге наладили выпуск монет, следовавших турецким образцам, но с заниженным содержанием серебра. С их помощью предполагалось наладить снабжение вступившей в Молдавию русской армии (Спасский 1957: 107-109; ИНХ 1976: 404-405).

Не исключено, что найденный предмет свидетельствует о разработке этой идеи и в начале 70-х гг. XVIII в. По всей видимости, конечным продуктом должны были стать бронзовые плакированные серебром монетоподобные изделия. Скорее всего, попытка осуществить их производство являлась делом разума и рук умельца, находившегося при армии Российской империи. Как он технически намеревался изготавливать штемпеля, далеко не ясно. Думается, примитивное исполнение образца и явную общую неудачу задуманного мероприятия можно объяснять тем, что его автор был одиночкой, действовал без высокой поддержки и не имел легального статуса. Более простым объяснением

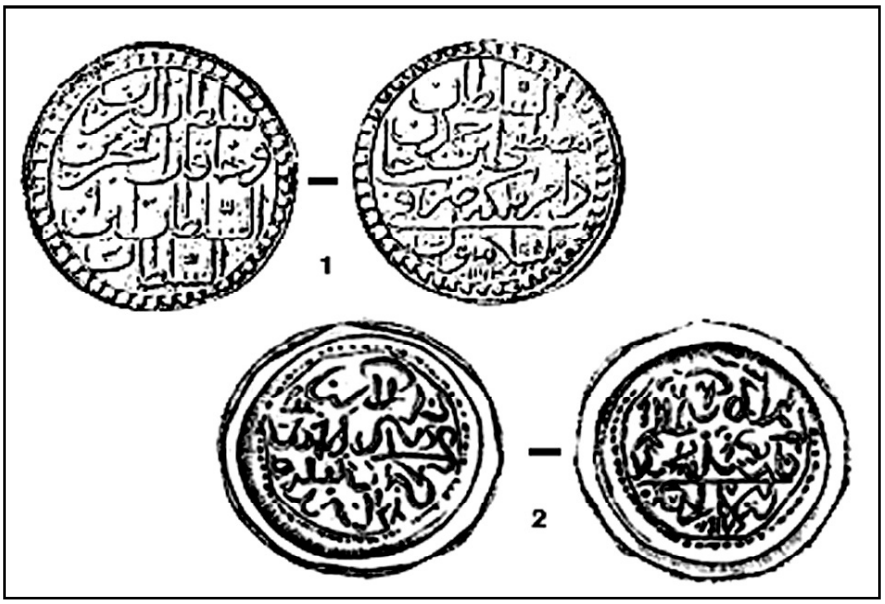

Рис. 2. Парные изображения на алтмышлыке султана Мустафы III и бронзовом диске.

Табл. 1 Диаметр наиболее крупных номиналов османских монет XVIII – первой половины XIX вв. (по Pere 1968).

Имя султана	Диаметр монет (мм)		
	Золото	Серебро	Бронза
Ахмед III (1703-1730)	46	40	37
Махмуд I (1730-1754)	47,5	39	38
Осман III (1754-1757)	49	31	-
Мустафа III (1757-1774)	35,5	43	21
Абдул-Хамид(1774-1789)	47	44	38
Селим III (1789-1807)	36	44	42
Мустафа IV (1807-1808)	24	42	-
Махмуд II (1808-1839)	29	41	37

происхождения находки является определение ее в качестве пробного изделия мастера, желавшего продемонстрировать свои способности неизвестному нам заказчику.

Стремление фальсифицировать алтмышлык Мустафы III следует связывать как со значительным весом монеты, так и с ее распространенностью в молдавских землях. Из 53 кладов XVIII в., зафиксированных на территории между Прутом и Днестром, в 26 находились эмиссии названного султана. При этом полтора десятка тезавраций надежно датируется началом 70-х гг. (Нудельман 1990: 228-255) – временем, к которому может быть отнесена и любопытная находка из-под Тирасполя.

ЛИТЕРАТУРА

Аствацатуров Г.О. 1997. Бендерская крепость. Бендеры.

ИНХ 1976. – История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев.

Нудельман А.А. 1990. Монетные клады XVIII – начала XIX в. в Днестровско-Прутском регионе // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 227-263.

Потин В.М. 1993. Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. СПб.

Спасский И.Г. 1957. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. 1993. Словарь нумизмата. М.

Pere N. 1968. Osmanlilarda Madeni Paralar. Yapi ve Kredi Bankasinin Osmanli Paralari Koleksiyonu. İstanbul.

И.Е. Гончарова

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ В 1735-1878 гг. В МЕДАЛЯХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ МОЛДОВЫ

I.E. Goncharova. The Russian-Turkish Wars of 1735-1878 Reflected in Medals from the Collection of Moldavian National Museum of History.

The article attempts to systematize the regular army's award and memorable medals kept in the numismatic collection of the Moldavian National Museum of History. The medals are dedicated to the Russian-Turkish wars and embrace a period from 1735-1739 to 1877-1878.

The collection contains 52 medals and objects of medal-work art. The author succeeded in determining designers and medal masters, the time when the medals were introduced and rules of wearing award medals. Designers of many medals are well-known masters of European fame: Iohann Karl Hedlinger, Timofei Ivanov, Samuil Yudin, Iohann Kaspar Eger, Iohann Baltasar Hass, Karl Leberecht, D. Loos, A. Gube.

The published medals are a peculiar record owing to which the history of Carpathian-Danube lands in XVIII-XIX cc. discloses its new pages.

В нумизматической коллекции Национального музея истории Молдовы (НМИМ) определенное место занимают медали исторической серии, среди которой 52 медали периода русско-турецких войн, начиная с войны 1735-1739 гг. до войны 1877-1878 гг. В музей медали были переданы в 80-е годы XX в. из фондов Национального музея природы и этнографии, Государственного Эрмитажа, по приказу Министерства культуры СССР № 752, 1978 г., родственниками участника войны Алексея Гончаренко, а также были закуплены у коллекционеров П.С. Коновалова, А.А. Монастырского из Одессы и Б.Ю. Надночия, М. Зайдмана, Н.И. Пилата из Кишинева.

В конце 30-х годов XVIII века была сделана попытка создать новую серию медалей. В обращении к Кабинету промемории от декабря 1739 г. директор монетного правления граф М.Г. Головкин говорил о необходимости отчеканить медали в память событий царствования Анны Иоанновны. Указывая, что за границей уже выпущено несколько медалей, посвященных событиям войны России с Турцией, Головкин писал о желательности выпуска отечественных медалей, «чтоб российским подданным впредь не могло в слабость причтено быть того, что в прочих государствах о российских славных делах медалии для памяти печатаются» (Щукина 1962: 43). Приложенный к документу список сюжетов показывает, что имелось в виду создание своего рода «медалической» летописи военных событий 30-х гг. XVIII в.

В фондах музея хранятся серебряная медаль и жетон «На мир с Турцией» (Фонды НМИМ FB – 4474, 4478) 1739 г. На аверсе помещен погрудный портрет императрицы Анны Иоанновны, круговая легенда: «Анна Б.М. императрица и самодержица Всеросс.» На реверсе изображен двуглавый орел, лавровые ветки и надпись «Мир с турками 7 сентября 1739» (D-60 мм). Медаль без ушка. В течение всей первой четверти XVIII в. русские наградные медали, хоть и предназначались для ношения, но чеканились монетным двором без ушка. Это можно объяснить не столько традицией, сколько отсутствием технических возможностей для чеканки медалей сразу с ушком. Поэтому приспосабливать награду для ношения должен был сам получивший её. Первые русские наградные медали, имевшие ушко, были отчеканены лишь в 1760 году (Нумизматический сборник 1977: 142). Медаль была изготовлена Иоганном Карлом Гедлингером (1651–1771), уроженцем Швейцарии, наиболее видным медальером в Европе, работавшим некоторое время в России по приглашению. Медаль была специально ему заказана. На медали стоят его инициалы I. C. H. F. Отмечая достоинства работ Гедлингера, не лишним будет напомнить о том, что он, как крупный художник с европейским именем, был поставлен в несравненно более благоприятные условия, чем его собратья по резцу, и не был связан заранее заданным наброском, самостоятельно создавая композиции своих медалей.

© И.Е. Гончарова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

Период 70-х – 90-х гг. XVIII в., возродивший петровские традиции награждения боевыми медалями, можно считать «золотым веком» солдатских и матросских наград. И в петровское время, и позже – в XIX в. медали за отдельные кампании и войны давали, как правило, и офицерам, и солдатам. Но в екатерининское время медаль в регулярных войсках была исключительно солдатской и матросской наградой, офицеры же получали знаки отличия других видов.

Музей располагает 12 медалями (Фонды НМИМ FB – 4479-4483; 4492; 7453-7457, 7459, 11178) периода русско-турецкой войны 1768-1774 гг., среди которых серебряная наградная медаль за победу при Кагуле 21 июля 1770 г. Здесь русские войска под командованием П.А. Румянцева, насчитывавшие всего 30 тыс., нанесли решительное поражение огромной 150-тысячной турецкой армии. 22 сентября был подписан именной указ Военной коллегии об учреждении серебряных медалей для награждения нижних чинов – участников сражения при Кагуле. На следующий день, 23 сентября, этот указ был объявлен Военной коллегии от имени Екатерины II: «В память одержанной первою нашею армиею 21 минувшего июля при озере Кагуле совершенной над неприятелем победы, повелели мы сделать особливые медали, и оными всемилостивейше жалуем всех бывших на сей баталии унтер-офицеров и рядовых, дабы они сей знак храбрости их и оказанной через то нам и отечеству услуги носили на голубой ленте в петлице» (Дуров 1990: 223).

На лицевой стороне медалей за Кагул традиционно был помещен портрет императрицы Екатерины II, на оборотной – надпись в четыре строки: «Кагул / июля 21 дня / 1770 / года». Мы знаем об изготовлении 18 тыс. кагульских медалей. Сам П.А. Румянцев за победу при Кагуле получил чин генерал-фельдмаршала. В Царском Селе был сооружен обелиск с надписью, прославляющей Кагульскую победу и самого П.А. Румянцева.

Кагульская медаль (D-39 мм) была изготовлена русским медальером Тимофеем Ивановым. Мастер прошел школу медальеров на Петербургском монетном дворе, где учился у Скотта. Т. Иванову принадлежат почти все штемпеля лицевых сторон рублевых монет с портретом Екатерины II. Основная ценность наследия Иванова – в его портретных работах. На нашей медали изображение Екатерины спокойно, несколько торжественно, легкая улыбка придает образу жизненность, локоны красиво ниспадают на плечи, складки одежды становятся более спокойными, определенными. Силуэт часто очерчен мягкой линией. На его медалях подписи I.F., ТИМОΘЕЙ Іановъ, ТИМОΘЕЙ Іанов, T. Іванов и T.I.F. (Косарева 1982: 29). Т. Иванов, остававшийся на службе до 1800 г., по объему выполненных им работ и по качеству их является одним из ведущих мастеров во всей истории русского медальерного искусства.

Одновременно с победами П. Румянцева в Причерноморье, русская эскадра под командованием адмирала Г.А. Свиридова нанесла поражение турецкому флоту в Чесменском бою 26 июля 1770 г. 23 сентября 1770 г. вышел указ императрицы о наградах для нижних чинов, участвовавших в сражении при Чесме. В экспозиции музея выставлена серебряная «матросская» медаль за Чесму (D-39мм). На лицевой стороне Екатерина II вправо, в малой короне, с вплетенными в прическу длинными нитками жемчуга, в мантии, с орденской лентой через плечо. Круговая легенда: «Б.М. ЕКАТЕРИНА II ІМПЕРАТ. И САМОДЕРЖ. ВСЕРОСС.» Подпись медальера «Т.ІВАНОВЪ». На оборотной стороне на первом плане четыре русских военных корабля, за ними турецкие суда. Слева, вдали, берег с городскими строениями и надпись «Чесме.» В верхней части поля медали – лаконичная и выразительная надпись «Былъ», которая означает: был-де турецкий флот – и нет его. В обрезе в две строки: «Чесме. 1770 года / июля». Под обрезом подпись медальера «Ю». Самуил Юдин, родившийся в семье монетчика, с 1741 г. – ученик медальерной школы на Монетном дворе, позднее – медальер и главный медальер Монетного двора. Интересно отметить, что подлинные кагульские и чесменские медали чеканились в весе русских серебряных рублей, теоретически соответствующем в это время 24 г.

10 июля 1774 г. был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший победоносную для России войну 1768-1774 гг. с Турцией. Все участники военных действий с турками получили право на особые серебряные наградные медали оригинальной ромбической формы (31×42 мм) с ушками. На лицевой стороне помещен погрудный портрет Екатерины II вправо, в малой короне, с орденской лентой через плечо. На оборотной стороне в верхней половине поля медали в лавровом венке надпись в две строки: «Победи / телю» . Внизу в обрезе в четыре строки: «Заключенъ миръ / съ / Портою / 10 июля / 1774 г.» Носилась эта медаль на голубой андреевской ленте. Автор С. Юдин.

Была отчеканена и памятная серебряная медаль на заключение мира с Турцией 10 июля 1774 г. (D-80 мм) (рис. 1). На лицевой стороне погрудный портрет Екатерины II вправо в малой короне с орденской лентой через плечо. Круговая легенда – Б. М.Екатерина II ІМПЕРАТ. и САМОДЕРЖ. ВСЕРОССІЙС. В нижней части инициалы медальера I. G. I Æ G E R. F . Иоганн Каспар Егер был принят на русскую службу в 1772 г. со званием медальера. Выполняя на монетном дворе работу по резьбе медальных штемпелей, был приглашен для преподавания

Рис. 1. Памятная серебряная медаль в честь заключения Кючук-Кайнарджийского мира.

в Академию художеств. Его медали исторической серии свидетельствуют о том, что ему предпочтительно поручались особо сложные штемпели.

На оборотной стороне медали на фоне флотилии, воинского орудия и доспехов в центре женская фигура, олицетворяющая воина-победителя с поднятым вверх копьем и указывающая жезлом на низверженный турецкий флот. В верхней части надпись: «ТВЕРДОСТІЮ РАЗУМОМЪ И СИЛОЮ». В нижней части инициалы медальера Gass.F. и надпись «МИРЪ СЪ ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ ЗАКЛЮЧЕНЪ 10 ІЮЛЯ 1774 ГОДА». На медали сказалось умение Гасса работать в области многопланового рельефа. Иоганн Балтазар Гасс начал работать на Петербургском монетном дворе по контракту с 1768 г. в качестве резчика «секретных» штемпелей. В 1773 г. был удостоен звания императорского медальера (Щукина 1962: 95).

Аналогичная медаль «На заключение мира с Турцией 10 июля 1774 г.» из серебра (D-50 мм) была изготовлена Самуилом Юдиным. Автор много занимался копированием медалей. Обращение художника к работам иностранных медальеров было вызвано не столько его личными склонностями, сколько требованиями свыше: медальерам иностранного происхождения по-прежнему отдавалось предпочтение, и их работы служили своего рода образцами. Но всегда Юдин оставлял за собой право самостоятельного создания портретов лицевых сторон, заменяя старые изношенные штемпели.

Для самого П.А. Румянцева была выбита именная медаль с надписью «Побѣдителю и Примирителю». В фондах музея хранится медная памятная медаль в честь фельдмаршала Румянцева 1774 г. (D-93 мм) (рис. 2). На лицевой стороне погрудный выпуклый портрет Румянцева вправо и круговая легенда «Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Фельдмаршалъ». В нижней части инициалы медальера I. G. Æ G E R.F. На оборотной стороне в центре изображение воина-победителя в доспехах с лавровой ветвью в правой руке и с копьём в левой. Круговая легенда «ПОБѢДИТЕЛЮ И ПРИМИРИТЕЛЮ», дата 10 июля 1774 года, инициалы мастера – П.Б. – Пуда Бабровщикова. На Монетный двор он поступил в самый разгар работы над исторической серией, ему также поручались и штемпели оборотных сторон медалей с изображением географических карт.

На протяжении всего XVIII в., особенно во второй его половине, время от времени появляются медали, сочетающие в себе признаки медалей памятных и наградных. Такова медаль в честь Румянцева. Она сочетает в себе признаки наградных (по крайней мере один экземпляр предназначен был лицу, изображенному на ней) и памятных, так как прославляет и лицо, в честь которого выбита медаль, и событие, послужившее причиной награждения.

8 медалей в нумизматической коллекции музея посвящены русско-турецкой войне 1787-1791 гг. (Фонды НМИМ FB – 4484, 4486, 4493, 7452, 7455, 7458, 7460, 7461). За взятие сильнейшей турецкой крепости Измаил в 1790 г. все низшие чины получили серебряные овальные

Рис. 2. Памятная медаль в честь фельдмаршала П.А. Румянцева.

Рис. 3. Медаль в честь А.В. Суворова за взятие Измаила.

медали на георгиевских лентах с вензелем Екатерины II – «Е II» под императорской короной и с надписью в восемь строк. «ЗА / ОТМѢННУЮ / ХРАБРОСТЬ / ПРИ / ВЗЯТЬЕ / ИЗМАИЛА / ДЕКАБРЯ 11 / 1790.» (30×40,5 мм, с ушком). Воинские наградные медали постепенно совершенно теряют присущие им в прошлом изобразительные моменты. Оборотные стороны медалей занимают одни лишь надписи. В честь А.В. Суворова за Измаил была выбита медаль наподобие медали в честь Румянцева (рис. 3). На одной стороне медали изображен портрет полководца и круговая легенда – «ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ ГЕН. АНШЕФЪ.» Под портретом инициалы мастера – C.L.F. – Карла Леберехта, родившегося в Саксен-Майнингене в 1755 г. Его пригласили в Россию на монетный двор, где он стал главным медальером и был удостоен звания академика. В конце жизни художник дослужился до чина статского советника, имевшего орден св. Анны 2 ст. с бриллиантами (Щукина 1962: 98). Наиболее значительной его работой стала медаль в честь Суворова. В её рельефе окончательно исчезает манерная мягкость и изысканность, свойственная медалям Егера и Гасса. Подчеркнута угловатость черт худощавого лица полководца с обилием морщин, убран традиционный парик, но волосы не повторяют характерную прическу Суворова, а лежат свободными прядями, как на античных портретах. Сходство с героем древности дополняет драпирующая плечи львиная шкура – символ силы и могущества.

Оборотная сторона скупо орнаментирована трубой славы, перекрещенной с лавровой ветвью и венком из дубовых листьев, к которому подвешены четыре щита с надписями «Кинбурнъ», «Рымникъ», «Фокшаны» и «Измаил». В верхней части надпись «ПОБѢДИХЪ ВЪ 1787-1789 И 1790 ГОДѢХЪ» и инициалы мастера I. B. G. – Иоганна Георга Вехтера, родившегося в 1726 г. в Гейдельберге и находившегося на русской службе при Петербургском Монетном дворе с 1762 г.

Взятие Измаила в ряду других побед русского оружия предрешило поражение Турции, и 29 декабря 1791 г. в Яссах был подписан выгодный для России мир с Оттоманской Портой. В память этого события императорским манифестом от 2 сентября 1793 г. в числе прочих «дарованных народу милостей» было велено раздать всем войскам, «которые в походе противу неприятеля находили, на каждого человека из нижних чинов по серебряной медали для ношения в петлице на голубой ленте» (Дуров 1988: 137). На медали, кроме обычного вензеля Екатерины II «Е II», помещена надпись: «ПОБЕДИТЕЛЯМ ПРИ МИРЕ ДЕКАБРЯ 29 1791» (32×40 мм).

Одна медаль «На мир с Турцией 1791 г.» в коллекции музея является работой медальера Леберехта. На лицевой стороне погрудный портрет Екатерины II вправо в короне и в лавровом венке. Круговая надпись: «Б.М. Екатерина императрица и самодержица Всеросс». Под портретом инициалы мастера G. LEBERECHT.

На оборотной стороне на фоне пейзажа помещен щит с Российским гербом и карта территории, присоединенной к России по миру с Туцией. Над ними лавровые ветви и надпись: «ПОБЕДАМИ ПРИОБРЕТЕН МИР ДЕКАБРЯ 29 ДНЯ 1791 ГОДА».

Шесть медалей в коллекции музея относятся к периоду русско-турецкой войны 1828-1829 годов (Фонды НМИМ FB – 4485, 11154 – 11156, 22820 –15;16). Среди них интерес представляет медная медаль «На Адрианопольский мир» 1829 г. (D 38 мм) (рис. 4). На лицевой стороне портрет Николая I вправо в лавровом венке, круговая легенда «NICOLAUS I TOTIUS RUSS / AE IMPERATOR» и инициалы медальеров G. LOOS DIR., H.GUBE F.F.G. Лоос (1735-1831) – немецкий медальер и резчик монетных штемпелей – работал главным гравером на Берлинском монетном дворе, получил звание придворного медальера, основал в 1819 г медальерную мастерскую Д. Лооса. А. Губе (1805-1848) – также берлинский мастер, автор многихмедалей в честь правителей, выдающихся

Рис. 4. Медаль «На Адрианопольский мир», 1829 г.

деятелей и исторических событий (Косарева 1982: 49).

На оборотной стороне медали на переднем плане многоплановый сюжет заключения мира двумя правителями российским императором и турецким султаном, скрепляющих руками лавровую ветвь и знамя российской империи. Фигуры изображены с тщательностью в сложных ракурсах и поворотах. Художника привлекает своеобразие и эффектность национального костюма и военных доспехов. Круговая надпись: «PAX DATA TURCIS PETENTIBUS / HADRIANOP. D. II. SEPT. ST. V. MDCCC XXIX.»

Серебряная медаль «На Адрианопольский мир» изготовлена русскими медальерами В. Алексеевым и А.Клепиковым. Алексеев идет по пути изображения пространственного пейзажа. Художником исполнена одна сторона медали, на которой дано изображение города Бургаса. Другая сторона с видом города Адрианополя исполнена медальером Клепиковым. Пейзаж сохраняет классицистическую фронтальность. На медали изображены панорама города, морской берег, горные вершины, полоса моря. Парусные суда подчеркивают архитектонику медали.

На медной медали (D-38мм) (рис. 5) «На взятие Силистрии» 1829 г. на лицевой стороне помещено изображение портрета Николая I вправо в лавровом венке. Круговая легенда: «NICOLAUS I TOTIUS RUSSIAE IMPERATOR». Под портретом инициалы медальера G. LOOS DIR. На оборотной стороне в лавровом венке надпись в семь строк «SILISTRIA / FRVSTRA DEFENSA / DEDITUR / RVSSOR.EXERCITVI / PERSEVERANTI / D.XVIII IVN. ST. V / MDCCCXXIX».

В фондах музея хранятся две бронзовые авторские медали (D-38 мм) медальера Лооса, посвященные событиям войны 1828-29 гг. Одна в честь Балканского похода императора Николая I с изображением на лицевой стороне на фоне крепостных стен фигуры воина в античной одежде со знаменем в руке и круговой легендой: «HADRIANOPOL. VICTR. RVSSOR. C. OPIIS. DEDITA / D.8.AVC.51.V. 1829». На оборотной стороне имеются изображение лаврового венка и надпись: «AVSPICIIS GLORIOSISSIMIS NICOLAI I ETOVCTL. COMIT.10 DE DIEBITSCU SABAL-KANSK».

Другая памятная медная медаль «Варна – победоносным Российским воинством взята сентября 29 дня 1828 года» с изображением

Рис. 5. Медаль «На взятие Силистрии». 1829 г.

Рис. 6. Наградная серебряная медаль «За защиту Севастополя».

портрета Николая I, надписью «НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ» и с изображением лаврового венка с легендой.

Самой крупной из войн XIX столетия, не считая наполеоновских, была Крымская война, которую вела Россия с коалицией Великобритании, Франции, Турции и присоединившейся к ним позднее Сардинии. Война эта была захватнической, несправедливой с обеих сторон, но отдельные её сражения, такие, как защита Севастополя, остались яркими вехами российской военной истории. Музей располагает девятью медалями этого периода (Фонды НМИМ FB – 2221-2 (а; в); 4487; 5780-6765,11162; 14020; 16937; 22820-19).

Основной русской наградой в память Восточной войны (как официально называлась война 1853-1856 гг.) была учрежденная в августе 1856 г. бронзовая медаль для всех гражданских и военных чинов империи. Медали участников войны 1853-56 гг. были двух видов: светлой бронзы – для чинов военного и морского ведомств – и темной бронзы, которые получали гражданские лица. Позднее награждение светлой бронзовой медалью на андреевской ленте было распространено «на лиц всех сословий, даже крепостного состояния, имеющих Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест), медаль за Севастополь или раненых во время военных действий» (Дуров 1989: 8).

Все медали D-27 мм с ушком, с одинаковым изображением – вензелем Николая I и Александра II под императорскими коронами на фоне расходящихся лучей, датой 1853-1854 – 1855-1856 и с надписью в пять строк на оборотной стороне: «На тя господи уповахомъ, Да не постыдимся во вѣки».

Участники героической обороны Севастополя были награждены медалью «За защиту Севастополя» – серебряной на георгиевской ленте (рис. 6). Медаль D-27 мм с ушком, с вензелем Николая I и Александра II под императорскими коронами на лицевой стороне и с надписью «За защиту Севастополя съ 13 сентября 1854 по 28 августа 1855» на оборотной. Право на её получение имели все, в том числе и лица крепостного состояния, участвовавшие в обороне с 13 сентября 1854 г., когда Севастополь был объявлен на осадном положении, по 27 августа 1855 г., день последнего штурма города. Дата завершения обороны города на самой медали указана не 27, а 28 августа, когда русские были вынуждены отойти на новую линию обороны. В указе специально отмечалось право на эту медаль женщин, «которые несли службу в госпиталях или во время обороны Севастополя оказали особые услуги».

За участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в ходе которой было окончательно подорвано турецкое господство на Балканах, была учреждена русская наградная медаль в трех разновидностях металла. Серебряную медаль получили все участники героической обороны Шипки, Баязета, а также штурма турецкой крепости Карс. Учреждена она была 17 апреля 1878 г. Светло-бронзовой медалью были отмечены воины, участвовавшие в прочих сражениях, и, наконец, темно-бронзовые медали получили лица, находившиеся по делам службы в зоне военных действий, но непосредственного участия в боях не принимавшие.

Рис. 7. Бронзовая медаль «В память освобождения болгар» (лицевая сторона).

В музее 11 аналогичных медалей (Фонды НМИМ FB – 2221-4, 4488-4490; 5780-2; 13 11166; 14021, 14022, 15511, 16958, 19296, 22697, 22820-17; 20) (D–27 мм), с изображением на лицевой стороне на фоне расходящихся лучей православного креста и полумесяца и даты «1877-1878». На оборотной стороне в центре лаврового венка помещена надпись: «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему» .

Две бронзовые медали, хранящиеся в фондах, были выбиты «В память освобождения болгар» 1878 г. (рис. 7). На лицевой стороне медали портрет Александра II вправо в лавровом венке. Круговая легенда: «Б.М. Александръ II императоръ и самодержецъ Всероссійскій / царь освободитель». Дата – 19 февраля 1878 г. Под портретом инициалы медальера Пиплело. На оборотной стороне на фоне «Всевидящего ока» изображение православного креста и полумесяца. По окружности надпись: «Въ памятъ освобожденія болгаръ / сѣющіе со слезами будутъ пожинать с радостію».

В память освобождения Балкан от турецкого ига были учреждены также болгарские, сербские, черногорские и румынские награды. Музей располагает одной болгарской медалью (рис. 8) и румынским крестом 1877-1878 гг. На лицевой стороне медали изображен вензель Александра II под императорской короной, а по окружности – названия освобожденных городов: Шипка, Шейново, Ески Загра, дата – 19 июля 1880. На оборотной стороне надпись на болгарском языке: «На ополченцитѣ за освобождението 1877-1878». С двух сторон – дубовая и лавровая ветви (D-30мм).

Рис. 8. Болгарская медаль в честь освобождения Балкан (лицевая сторона).

Серебряный румынский крест «За переход через Дунай» 1877 г. представляет собой зачерненный «балканский» крест на красной с двумя черными полосами ленте. На аверсе надпись на румынском языке «Trecerea Dunării» и дата «1877». На реверсе – надпись «Carol I». Крестом награждались не только румынские военнослужащие, но и многие русские участники переправы.

ЛИТЕРАТУРА

Дуров В. А. 1988. Наградные медали России 2-й пол. XVIII века // Нумизматика: Материалы и исследования. М.

Дуров В. А. 1989. Русские и советские боевые награды. М.

Дуров В. А. 1990. Наградная медаль за победу при Кагуле // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С.222-227.

Косарева А. 1982. Искусство медали. М.

Нумизматический сборник. 1977. Ч.5, вып. 2.

Щукина Е. С.1962. Медальерное искусство в России XVIII века. Л.

И.В. Корпусова

ПЕЧАТИ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

I.V. Korpusova. Seals of Odessa History and Antiquities Society.

Based on archival and museum records, the article describes seals of XIX c. that belonged to Odessa History and Antiquities Society. The author studies the seals as historical and artistic objects, determines the time of their manufacture and use.

Работа посвящена печатям Одесского общества истории и древностей (ООИД). Цель ее – определить время изготовления и назначение этих печатей. Для выяснения некоторых вопросов привлекались фонды Государственного архива Одесской области, Одесского историко-краеведческого музея, Крымского краеведческого музея в Симферополе.

Устав ООИД был утвержден 25 марта 1839 г. В § 61 записано: «Общество имеет свои печати, большую и малую, с изображением щита, разделенного на четыре части, с гербами губерний: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской области, и с надписью: «ПЕЧАТЬ ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ». Согласно уставу, были заказаны две печати общества – малая и большая. Большая печать прикладывалась к дипломам, а малая употреблялась для опечатывания всяких пакетов (Устав ООИД 1839: 16). Малая печать была изготовлена резчиком Швефельбергом. За эту работу он получил 25 рублей (ГАОО, ф.93: 8). Секретарь являлся хранителем печатей (Устав ООИД 1839: 7). К сожалению, их матрицы не сохранились. Сохранились только репродукции оттисков, изготовленные типографским способом (рис.1. *1*). Рисунок печати на них круглый. Диаметр 33 мм. В центре поля – гербовидный щит под императорской короной. Щит четверочастный. В первой части – герб Екатеринославской губернии: вензель императрицы Екатерины II, наложенный на цифры, означающие год, в который заложили город. Вокруг вензеля семь звезд. Во второй части – герб Херсонской губернии: черный двуглавый коронованный орел, который в правой лапе держит лавровую ветвь, а в левой – пламя. На груди орла восьмиконечный крест. В третьей части – герб Таврической области: двуглавый коронованный орел, в правой лапе которого – держава, а в левой – булава. На груди орла шестиконечный крест, означающий, что крещение во всей России произошло через Херсонес. В четвертой части – герб Бессарабской области: щит разделен на две половины. В верхней части – двуглавый орел. В нижней половине изображена воловья голова, представляющая герб Молдавии. По кругу надпись: ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. С большой долей вероятности можно предположить, что репродукции оттисков, изготовленные типографическим способом, являются копиями печатей ООИД. Они полностью совпадают с описанием печатей в § 61 устава ООИД. Вероятно, печати ООИД были выполнены мастером с нарушением правил геральдики. Им допущены ошибки и неточности. Неточно переданы детали некоторых предметов. Так, на гербе Екатеринославской губернии, утвержденном 29 июня 1811 г., изображено девять, а не семь звезд. Звезда на гербе – символ уезда. Как известно, в состав Екатеринославской губернии входило 9 уездов (Винклер 1990: 50). На гербе Херсонской губернии, утвержденном 3 октября 1803 г., вместо шестиконечного креста изображен восьмиконечный (Винклер 1990: 161). На гербе Таврической области, утвержденном 8 марта 1784 г., вместо шестиконечного креста изображен восьмиконечный крест. К тому же державу необходимо было изобразить в левой лапе, а не в правой; скипетр в правой, а не в левой лапе орла (Винклер 1990: XIX; рис. 27). В гербе Бессарабской области, утвержденном 2 апреля 1826 г., совершенно не просматриваются некоторые детали – в частности, изображение на щите, расположенном на груди орла. Плохо просматриваются предметы, которые находятся в его лапах (Винклер 1990: XXI; рис. 33).

Вероятно, репродукции оттисков печати ООИД использовались в качестве экслибрисов на книгах, принадлежавших библиотеке

© И.В. Корпусова, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

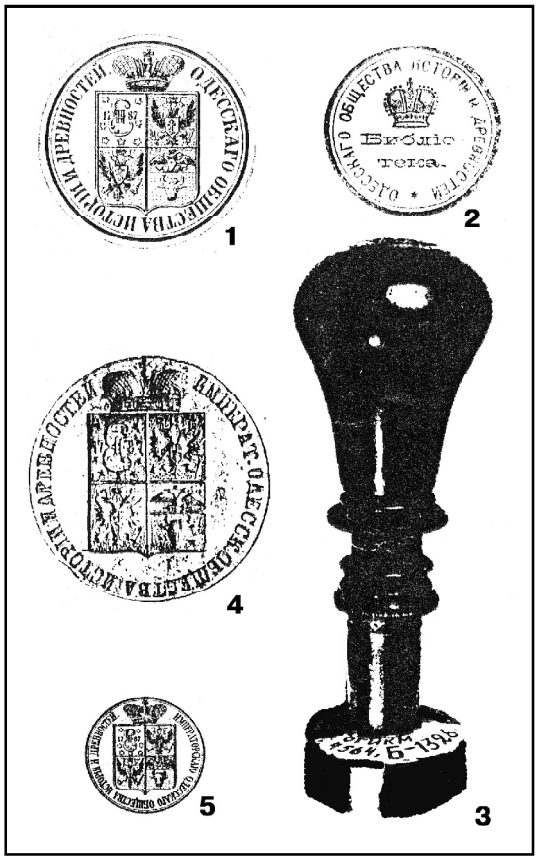

Рис. 1. Печати Одесского общества истории и древностей. XIX в.

общества, до тех пор, пока не была заказана специальная печать (рис.1: *2*).

28 ноября 1872 г. ООИД было пожаловано звание «Императорского». В связи с этим были изготовлены две новые печати, одна из которых хранится в Одесском историко-краеведческом музее (инв. № Б-1326). Куплена у гр. Шпака А.С. в 1962 г. Печать круглая, стальная, имеет в диаметре 34 мм. Рукоятка у нее деревянная, грушевидной формы. Сохранность хорошая (рис.1: *3, 4*). Изображение и надпись на печати совпадают с ее описанием в новом уставе ООИД, утвержденном 25 февраля 1896 г. (Устав ООИД 1912: 19). Ошибки и неточности, допущенные на оттисках, описанных выше, повторяются и на новой печати. Так, полностью повторяются неточности, допущенные в гербах Екатеринославской губернии, Таврической и Бессарабской областей. На гербе Херсонской губернии вместо лавровой ветви и пламени коронованный орел держит в правой лапе державу, а в левой – булаву.

Местонахождение второй печати ООИД неизвестно. В Государственном архиве Одесской области хранится диплом под № 296, свидетельствующий об избрании М.Г. Попруженко действительным членом общества (ГАОО, ф.159: 13). Диплом выдан в апреле 1896 г. В его левом нижнем углу – оттиск печати (рис. 1: *5*). Изображение на нем совпадает с изображением на печати из фондов ОИКМ. Единственным отличием является то, что на оттиске легенда дана без сокращений. Это позволяет определить функциональное назначение печатей. Печать с сокращениями в легенде, хранящаяся в ОИКМ, являлась малой печатью общества и употреблялась для пакетов. Большая печать общества была с легендой без сокращений и прикладывалась к дипломам.

Таким образом, первые печати ООИД были изготовлены в 1839 г. и использовались еще около десяти лет после присвоения обществу звания «Императорского». Об этом свидетельствует диплом действительного члена ООИД А.Л. Бертье-Делагарда, хранящийся в архиве Крымского краеведческого музея в Симферополе (ККМС, п.21). Диплом датируется 1880 г. На оттиске печати еще отсутствует слово «Императорского». Печати с этим словом могли быть изготовлены не ранее 1880 г. и, очевидно, использовались вплоть до распада ООИД в начале 1920-х гг.

Все они, вероятнее всего, выполнены одесскими мастерами. Качество исполнения печатей свидетельствует о невысоком профессиональном уровне резчиков. На печатях ООИД помещены территориальные гербы Новороссийского края и Бессарабии. В § 61 устава общества говорится: «ООИД учреждается для распространения исторических и археологических сведений о Южной России, преимущественно о Новороссийском крае и Бессарабии» (Устав ООИД 1839: 1). Таким образом, изображение гербов на печатях ООИД тесно связано с его целями и задачами.

Описанные выше печати ООИД – исторические и художественные памятники, заслуживающие внимания исследователей как дополнительный источник по изучению деятельности ООИД.

ЛИТЕРАТУРА

Устав ООИД. 1839. – Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса.

Устав ООИД. 1912. – Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса.

Винклер П.П. фон. 1990. Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в Полное собрание законов Российской империи за 1649-1900 гг. М.

ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1. – Государственный архив Одесской области.

ГАОО, ф. 159, оп. 1, д. 56. – Государственный архив Одесской области.

Крымский краеведческий музей г. Симферополя, ф. А.А. Бертье-Делагарда, оп. 5, № 65, папка 21.

РЕЦЕНЗИИ

Л.А. Мосионжник

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ И НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рецензия на книгу: H. Härke (ed.). Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. 2nd, revised edition // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.7. Frankfurt a.M. etc. «Peter Lang».

L.A. Mosionjnic. The German Experience and Our Perspectives.

The article is dedicated to recently edited book about relations between the science and the society in Germany in XX century. It focuses on problems which make this experience especially important for contemporary Central and Eastern Europe.

В 2000 г. Европейское научное издательство «Peter Lang» выпустило сборник статей под редакцией Генриха Херке: «Археология, идеология и общество. Германский опыт». О том, насколько серьёзные проблемы затронула эта книга, говорит появление уже два года спустя второго, пересмотренного издания. Авторы статей – видные учёные (археологи и не только) из Германии – в основном Западной (о причинах этого в книге говорится особо), а также Великобритании, США, Нидерландов и Намибии.

Чем же так актуален этот сборник? Об этом говорит сам Г. Херке во вступительной статье «***Германский опыт***» (с.13-40). Немецкий стиль научного мышления и организации научной деятельности издавна считался эталонным для стран Центральной и Восточной Европы. Поэтому и проблемы немецкой науки – это, так или иначе, проблемы любой страны к востоку от Одера, и её вчерашний и сегодняшний опыт – это и наше «не сегодня-завтра».

В течение всего послевоенного полувека немецкие археологи упорно держались своей «традиционалистской культурно-исторической перспективы» (с.16). С точки зрения их ещё более западных коллег, это значит: «эмпирическая работа; большее внимание к описанию, чем к интерпретации; превосходная техника при малом внимании к базовым вопросам; иерархичность; отсутствие живых дискуссий; добровольная самоизоляция от магистрального русла европейской археологии» (с.18, со ссылкой на статью Дж. Блоомерса в этом же томе). Сам Г. Херке обобщает особенности немецкой научной традиции несколько иначе:

«– тщательная критика источников;

– воздержание от поспешных обобщений и преждевременных публикаций;

– доверие скорее к надёжным археологическим методам, чем к плохо понятым научным приёмам;

– преемственность в работе и совершенствование методологии в противовес быстро сменяющейся научной моде;

– и, в целом, серьёзные намерения соответствовать… научным и академическим стандартам» (с.18).

Поэтому немецкие учёные не приняли «новую археологию» англосаксонских стран, принципы которой во многом противоположны только что описанным. Сложились два лагеря, диалог между которыми не получился: они говорили на разных языках (в самом прямом смысле слова), не очень стараясь услышать друг друга. Между ними заняли промежуточную позицию археологи Нидерландов и скандинавских стран, пытавшиеся сочетать принципы немецкой и англо-американской школ без претензии на «новое слово» или «третий путь».

В наши дни германская археология переживает кризис, в немалой мере структурный и финансовый. Поиски выхода из него заставили вновь оценить пройденный путь со всеми его зигзагами и сегодняшние проблемы. Из этих проблем Г. Херке особо выделил две.

Начнём со второй – с проблемы языка. Немецкий язык вообще, по словам автора, «печально знаменит своей трудностью» (с.32), и не раз в тексте встречаются ссылки на то, что, например, слово *seriös* («серьёзный») в применении к науке нельзя перевести на английский буквально. Однако немецкий *научный* язык (*Wissenschaftsdeutsch*) труден даже для большинства населения самой Германии. Когда-то он был выработан для предельно точного описания и выражения мыслей, но затем превратился в групповой жаргон, призванный отделять посвящённых от профанов. В своём нынешнем виде он часто служит для того, чтобы автор мог представить свои результаты, не делая выводов (с.33-34). Впрочем, это намерение бывает сознательным, о чём далее говорится в статье С. Вольфрам.

© Л.А. Мосионжник, 2000.
© Английское резюме Ю.Д. Тимотиной, 2000.

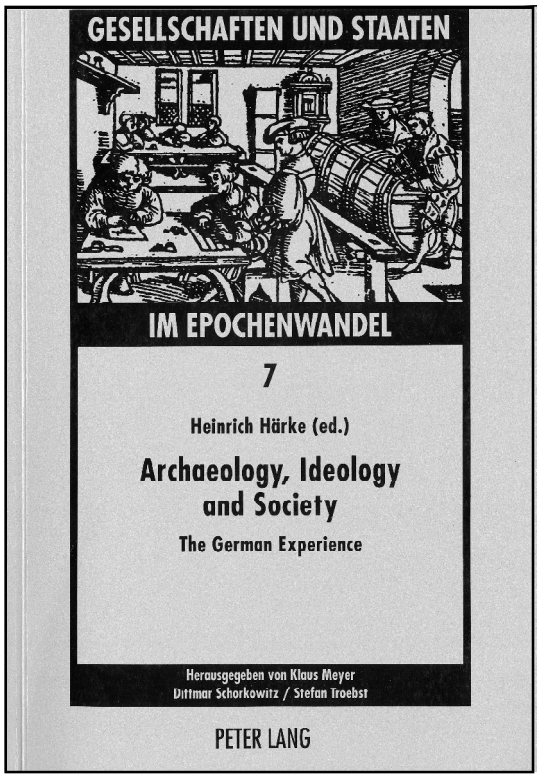

Рис. 1. Обложка книги «Археология, идеология и общество. Германский опыт».

Интересно, пытался ли кто-нибудь так же проанализировать русский научный язык (*Wissenschaftsrussisch*), и если да, то пришёл ли к другим выводам? Ведь и язык нашей науки следует в русле немецкой традиции. И нам легко понять немецких археологов, которым язык их англоговорящих коллег кажется «упрощённым или даже высокомерным, потому что он приложим лишь к ситуациям более ясным, чем может обеспечить археология по самой своей природе. Добавьте к этому мессианское рвение и необоснованные претензии англоязычной “новой археологии” 1960-1970-х годов, и вы начнёте понимать, как язык сыграл роль (хотя и не главную) в отказе германской археологической общественности от процессуальной археологии» (с.34).

Кто из нас не испытывал подобные чувства? Добавим, что англосаксонские коллеги, со своей стороны, считают немецкий стиль письма неестественно усложнённым и многословным. Издатели полагают, что один лишь перевод с немецкого на английский сокращает текст примерно на 20%, что произошло и с рецензируемой книгой (с.34). Ведь проблема языка – это, прежде всего, проблема стиля мышления. Аналитический язык, вроде английского или китайского, лучше подходит для ясных ситуаций с двузначной, чёрно-белой логикой; синтетический, вроде немецкого или русского, – для ситуаций многозначных, где между элементами нелегко провести грань. На этом фоне даже «эзопов язык» советской археологии (Klejn 1997: 184-197) и его аналог в ГДР не кажется сложным: читателю, разбирающемуся в предмете, достаточно лишь внимательно следить за логикой автора, и фигуры умолчания от него не ускользнут.

Однако проблема языка для Г. Херке – только вторая. Первая же – это «коллаборационизм, согласие и оппортунизм» (с. 22-32). Иными словами, как относиться к поведению учёных, согласившихся обслуживать идеологические заказы диктатур? И можно ли сегодня использовать их тогдашние работы? Сам Г. Херке считает, что он не вправе давать такие оценки: он не жил ни в Третьем рейхе, ни в ГДР и не знает, как повёл бы себя в таких условиях сам (с.32). Это, конечно, более достойная позиция, чем попытка Канта двести лет назад. В то время, когда в Париже свирепствовал красный террор и по всему городу разыскивали скрывающихся «врагов народа», – в это самое время Кант, сидя в безопасном Кёнигсберге, учил на этом самом примере, что нельзя лгать даже для спасения укрывшегося в твоём доме друга (Кант 1980). Позиция авторов сборника выше: даже для того, чтобы позорные явления не повторились, их надо не судить (с позиций ницшевской «критической истории»), а понимать.

Вопрос ведь не в том, что под давлением мы одни, а на воле – другие. Беда в том, что давление есть всегда. В демократическом обществе его формы менее грубы, зато более эффективны. По словам М. Гроха, «оппортунизм» археологов в демократических странах нормален и даже неизбежен, поскольку гуманитарные науки в этих странах зависят от государственного финансирования (с.30). А разве при диктатурах их финансирует кто-то другой? Разве когда-то было иначе? Где можно встретить средневековых учёных и поэтов, если не при дворах султанов и королей? Ведь без их спонсорства ни учёные, ни поэты не могли заниматься своим делом. А кто платит, тот заказывает музыку. Разве наука «свободного мира» более свободна? Тупого или злобного начальника можно уговорить, переубедить, наконец, найти управу. Пустой кошелёк уговорам не поддаётся.

Тирания – это когда власть стрижёт народ, как овец. Демократия – это когда овца сама себя стрижёт, сама приносит шерсть и благодарит, если эту шерсть взяли. И никакая конституция не в состоянии сама по себе сделать человека свободным и полным достоинства. Г. Херке вспоминает, как он рассказал своему коллеге с Востока об абсолютной власти главы отдела в британском университете, решающего учебные и административные вопросы по своему произволу. Коллега воскликнул в тревоге и недоверии: «*Das gab es nicht einmal in der DDR!*» – «Такого не было даже в ГДР!» (с.27). Меняются режимы, но остаётся проблема, сформулированная Стругацкими так: не в том вопрос, кто на нас давит, а в том, как жить под

давлением («За миллиард лет до конца света»).

Служение идеологическому заказчику, участие или неучастие в преступлениях, порядочность человека и учёного – это вопросы на все времена. Германский опыт последних 130 лет (с момента установления первой диктатуры – кайзеровской) даёт тому яркие и наглядные примеры. И можно лишь благодарить немецких учёных за их готовность публично обсуждать горький опыт своей страны и своей науки. Опыт, который наверняка хотелось бы забыть, как ночной кошмар.

* * *

Первый блок сборника составляют статьи, посвящённые пути «от национализма к нацизму» – археологической науке в гитлеровской Германии и причинах её перерождения. Статья Ульриха Файта (Ulrich Veit) «***Густав Косинна и его концепция национальной археологии***» (с.41-66) посвящена центральной фигуре всей германской преистории первой трети XX века. Сам Гордон Чайлд даже после войны, когда и в СССР, и в самой Германии о Косинне старались не вспоминать, напоминал о нём как об одном из своих учителей (с.46). Л.С. Клейн совсем недавно вернулся к этой фигуре на страницах нашего журнала (Клейн 2000). Со своей стороны, У. Файт указывает на «три источника вдохновения» Косинны. Это:

1. Романтический национализм, основанный на изучении народной культуры. Причём национализм в его специфическом виде, сложившемся раньше всего именно в Германии, а затем распространившемся оттуда по всем остальным странам Центральной и Восточной Европы. Эта идеология старается не вспоминать о «нации» (Nation) в её англо-французском смысле – как носителе самоуправления и демократических начал. Напротив, её основная категория – «народ» (Volk), то есть обособленная группа, физические и биологические характеристики которой связаны с общностью происхождения (с.52). Такой национализм плохо подходит для создания мировых империй, и не случайно, как отмечают другие авторы этого же тома (Х. Хассманн, Ф. Феттен), с конца 1930-х гг. нацистская идеология перешла от *völkisch* (националистической) фазы к *reichisch* [1] (державной) фазе.

2. Научный позитивизм XIX в. Его влиянием и объясняется тот факт, что Косинна, при всех его претензиях на создание «чрезвычайно национальной науки» (*hervorragend nationale Wissenschaft*), лишь очень поздно встал на позиции расизма, сторонники которого, со своей стороны, воспринимали его весьма сдержанно. Куда более влиятелен среди них был К. Шухардт, главный оппонент Косинны.

3. Работы в области материальной культуры, прежде всего классические методы Томсена, Монтелиуса и Тишлера. Косинна не был полевым археологом, на раскопках он за всю жизнь провёл лишь несколько дней (Клейн 2000). Тем не менее он, несомненно, почувствовал разницу между историей, основанной на доверии к письменным свидетельствам, и археологией, требующей совсем иной герменевтической процедуры. Основы этой процедуры Косинна и заложил. А его последователи *вне* Германии освободили эту методологию от националистических иллюзий её основоположника.

В самой же Германии последствия косиннизма оказались зловещими. Статья Хеннинга Хассманна (Henning Haßmann) «***Археология в "Третьем рейхе"***» (с.67-142) посвящена судьбам и организации науки в эпоху нацизма. Для самого Гитлера учёность была лишь орудием пропаганды, и чем ниже её уровень, тем, значит, шире аудитория. Однако в своих штудиях насчёт «нордического духа» нацисты предпочитали обращаться именно к преистории (*Urgeschichte*), а не к письменной истории. Они считали, что именно преистория показывает народы в их «естественном», «неискажённом» состоянии, именно здесь отчётливее выступает «расовый дух». К тому же со времён Косинны было известно, что немые археологические свидетельства гораздо легче интерпретировать в любом угодном духе, чем письменные памятники. Отсюда огромное внимание к преистории, причём именно германской. Наука как поиск объективной истины нацистов не интересовала. Учреждения, занимавшиеся провинциальной римской археологией, даже такие солидные, как Римско-Германская Комиссия во Франкфурте, испытали это на себе. Число археологов-«классиков» с 1926 по 1941 г. уменьшилось примерно на треть, а труды оставшихся было рекомендовано публиковать лишь в специальной литературе, не для широкой публики, чтобы не затенять «арийские» древности. Но за этот же период в дополнение к единственной прежней кафедре археологии (в Марбурге) было создано ещё семь – от Тюбингена до Кёнигсберга, а число пре- и протоисториков возросло более чем вдвое (с.89-92).

Машина нацистского рейха не была централизованной. Как и во многих других диктатурах, в её основе лежал принцип соперничества между органами с пересекающимися функциями,

[1] Русский перевод слова «Reich» как «империя» общепринят, но ошибочен. Так, государство во главе с императором по-немецки – не просто Reich, но Kaiserreich, так же как королевство – Königreich. В то же время этим словом обозначалась и Веймарская республика, и современные республиканские Франция (Frankreich) и Австрия (Österreich). На самом деле – это крупное и могущественное государство вообще, безотносительно к форме правления. Во французском языке найти аналог этому понятию сложно, на что указывал М. Блок (1986: 92), в русском же и украинском оно в точности соответствует слову «держава».

что позволяло диктатору выступать в роли третейского судьи. С самого начала было создано «Управление Розенберга» (*Amt Rosenberg*) для контроля за культурой, в рамках которого постепенно сложился «Имперский союз германской преистории» (*Reichsbund für Deutsche Prähistorie*). Возглавил эту организацию Ганс Райнерт, до 1933 г. – приват-доцент (университетский преподаватель без штатной должности и оклада) в Тюбингене, автор раскопок в Федерзее. После неудачных попыток добиться штатной профессуры он пошёл на союз с нацистами, чтобы под их опекой сделать научную карьеру (с.72). Эта борьба за пост наложила отпечаток на всю его дальнейшую судьбу, привела к сознательной жертве научной истиной ради соображений «партийной линии» и собственного служебного положения. Крупный учёный, Райнерт, однако, беззастенчиво манипулировал фактами в угоду идеологии. Кроме того, обретённую власть он постоянно использовал для интриг и сведения счётов с «завистниками», реальными или мнимыми соперниками. В конце концов недобросовестный стиль руководства Райнерта разложил Reichsbund. Серьёзные учёные его покинули, остались шарлатаны.

Конкурентом Райнерта был отдел СС «Наследие предков» (*SS-Ahnenerbe*) под контролем Гиммлера. Здесь создалась более благоприятная обстановка. Сам Гиммлер мечтал об академической карьере и поэтому, хотя сам и не был высокообразованным, умел уважать учёных. Конечно, он рассматривал их как своих «негров», но всё-таки не завидовал чужому таланту, как Райнерт. Борьба между «Имперским союзом» и «Наследием предков» не прекратилась даже после Победы и завершилась лишь в конце 1940-х годов. Денацификация в этой сфере свелась лишь к тому, что Райнерт (единственный из археологов, служивших режиму) был лишён профессуры. В дальнейшем он вновь получил профессорскую степень, но не должность, вёл лишь небольшие раскопки, занимал невысокие посты в частных организациях и до самой смерти демонстрировал верность идеям, с которыми слишком тесно себя связал. Морально же его учреждение распалось ещё раньше. Что касается *SS-Ahnenerbe*, то его куратор В. Сиверс был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала, но не за действия в области науки, а как один из высших чинов СС, повинный в тяжких военных преступлениях. А работавшие под его началом преисторики не пострадали.

Что касается самих учёных, то их поведение многие авторы, в том числе и Х. Хассманн, называют «фаустовской сделкой». Как известно, Фауст отдал душу чёрту во имя высоких целей, в данном случае – научных. Действительно, в рамках «Наследия предков» раскопки продолжались, а их технический уровень безупречен даже по сегодняшним меркам. Мало того, технологию раскопок (например, метод аэрофотосъёмки) удалось развить далее. И всё же, как отмечает Х. Хассманн, цена «фаустовской сделки» оказалась слишком высока. Наука, откровенно превратившаяся в служанку политики, утратила доверие коллег, то мировое признание, которым она пользовалась целый век до этого. Учёным пришлось занять место бок о бок с откровенными шарлатанами, археологам – с астрологами, историкам – с оккультистами. Мало того, лёгкость, с которой вроде бы твёрдо установленные научные факты удавалось применить для обоснования бредовых идей, компрометировала не только конкретных исследователей, но и научное знание как таковое. Статья Х. Хассманна полна примеров такого рода.

Большие усилия отдавались работам в области символики и примитивной религии. Однако серьёзные работы в этих областях (Ж. Дюмезиля, М. Элиаде, А.Ф. Лосева, а также специальные труды К.Г. Юнга) появились лишь после войны, и вовсе не в Германии. Нацистскую же активность в этих сферах Х. Хассманн оценивает как раз очень невысоко: «Широкое поле лженаук – особо интересная область, и Герман Вирт, фактический основатель *Ahnenerbe*, был самым известным представителем этой тенденции. *Довольно неопределённая, но общедоступная область исследования* символов, происхождения и ранних форм религии, корни которой уходят в XIX век и далее, достигла вершины расцвета при нацизме и всё ещё популярна сегодня» (с.116; выделено мной – Л.М.).

И уж совсем не поддаётся оправданию деятельность «Наследия предков» в захваченных странах, где она целиком сводилась к обоснованию «исторических прав» Германии на востоке. Таковы, например, раскопки военного времени в Крыму (с.110). Чудовищны были результаты этой активности в Польше. Погибла треть польских археологов, в своё время сильных оппонентов Косинны, воевавших против него его же оружием (Клейн 2000: 125-127). Университеты в Варшаве и Познани были закрыты, богатейшие археологические коллекции не просто разграблены или вывезены, как на Украине, а уничтожены. Взамен были созданы новые, по сути оккупационные, учреждения, с чисто политическими задачами. Так, в Кракове был создан «Институт для работы на германском Востоке» (*Institut für deutsche Ostarbeit*), кафедру преистории в котором возглавлял профессор В. Радиг, до этого работавший в педагогическом колледже (!) в Эльбинге. В его задачу входила в основном пропаганда, научная же работа сводилась к охране памятников (с.102).

Общий вывод Х. Хассманна звучит как серьёзное предупреждение всей нашей науке:

«Преисторическая археология имеет три сущностных характеристики, которые сделали её потенциальным средством идеологического использования: во-первых, пре- и протоистория изучает временные измерения народов

и культур; во-вторых, природа археологических свидетельств оставляет практически неограниченное поле для интерпретаций; и наконец, наша дисциплина может быть высокохудожественной и кажется полной тайн, что привлекает к ней повышенный интерес публики.

Поэтому неудивительно, что нацисты взяли эту науку под свой контроль с точки зрения организации, персонала и оборудования, ради её эксплуатации и манипулирования в политических целях. В этих условиях многие преисторики вели себя не просто лояльно или приспособленчески по отношению к государству, но и активно поддерживали режим, тесно сотрудничая с ним. Предполагаемая судьба германцев была археологически “доказана” и использовалась для обоснования немецкого господства путём войны, массовых убийств и агрессии. В то же время не все преисторики дали себя совратить в “фаустовскую сделку”, и даже нацисты, полностью разделявшие нацистскую идеологию, иногда выполняли работы на превосходном научном уровне» (с.132).

Этот опыт, по словам Х. Хассманна (и Й. Трёгера, на которого он ссылается), должен быть учтён, если мы хотим, чтобы подобное не могло повториться.

Многое из сказанного Х. Хассманном конкретизирует Франк Феттен (Frank Fetten) в статье «***Археология и антропология в Германии до 1945 г.***» (с.143-182). Здесь больше говорится об особенностях самой науки, сделавших столь лёгкой её фашизацию, вплоть до вопроса: «Были ли преисторики и физические антропологи попутчиками национал-социализма – или наоборот, руководители Третьего рейха были попутчиками некоторых научных теорий, которые они смогли, наконец, провести в жизнь?» (с.153).

Есть в этой статье многое, от чего берёт оторопь. Так, центральной идеей фашистской археологии было приравнивание культуры к этнополитической группе со своим языком и «расовой душой» (с.146). Разве это не характерно для многих школ нынешнего СНГ, кроме (временами) последнего пункта? Аксиомой считалось дискретное культурное развитие, множественность культур. Для нас цивилизационный подход – завоевание демократической науки. Пусть это так, пусть даже такой гуманист, как Карл Ясперс (1991) видел единую общечеловеческую культуру лишь в исторической перспективе, – и всё же достаточно начать делить культуры на высшие и низшие, чтобы получить старую нацистскую теорию, только без слова «раса». А признать все культуры одинаково высокими – погрешить против истины. Вот вам выбор между Сциллой нацистской лжи и Харибдой лжи обыкновенной (но тоже идеологической).

Северная Германия (вместе с Южной Скандинавией) считалась прародиной «индогерманцев» (индоевропейцев). А сейчас у нас не хватает только переименования «индогерманцев» в «индославян». Не редкость встретить утверждения вроде того, что ирландские фоморы – это русские поморы, к тому же явившиеся в Ирландию прямиком из Трои (Рыжков 2002: 115), что король Артур был «русским витязем» (там же: 104), что пирамиды были построены «русской ордой» (А.Т. Фоменко – см. Портнов 2000), что вандалы говорили по-русски, а египетские боги – на самом деле славянские (любой номер журнала «История»)... Полное совпадение с «походами индогерманцев»! Правда, в этих случаях эксплуатируется не столько археология, сколько лингвистика, которая даже в ещё большей мере «оставляет практически неограниченное поле для интерпретаций» (по Вольтеру, для этимологов «гласные ничего, а согласные почти ничего не значат») и к тому же «может быть высокохудожественной и кажется полной тайн, что привлекает к ней повышенный интерес публики» (Х. Хассман, с.132).

У нацистов «расовая душа», определённая нарочито туманно (и тем самым выведенная за грань научности), объявлялась наследственным фактором, полностью определяющим поведение индивида. Достаточно заменить «расу» на «суперэтнос», и… опять приходим к концепции, весьма популярной в СНГ (см. Гумилёв 1990: 4, 6 сл.). Кто-то не знает, куда ведёт такой путь? Или выбирает его сознательно?

Положительно, такие книги нам нужны были давно. Демонизация фашизма, начиная с 1941 г., сыграла с нами дурную шутку. Привыкнув к его карикатурному образу (зверский оскал, косая чёлка, пятна крови, непременная свастика), мы теперь не можем его опознать, даже столкнувшись с ним нос к носу. Не можем узнать опасного уклона даже в том, что делаем сами, вот что самое страшное! Нам казалось, что фашизм возможен где угодно, только не у нас. Хорошо выразился на этот счёт Дэвид Кросби: «“С нами такого случиться не может” – это фраза номер один в списке знаменитых последних слов».

Кто сказал, что фашизм всегда будет нам предъявлять свою визитную карточку? Это коммунизм всегда заботится о том, чтобы его узнавали. А фашизм – мастер мимикрии. Достаточно сказать, что среди всех стран, где фашистские партии когда-либо представляли собой реальную силу, невозможно назвать и двух, где бы эти партии одинаково назывались.

Немецкий опыт показывает, что альтернативы были возможны. Ещё до Косинны лидером германской антропологии и преистории был Р. Вирхов (взглядам которого в статье посвящена целая глава), чуждый расизму и шовинизму. Но его линия не была востребована. Сложился психологический климат, в котором «убеждения ценились больше, чем критическая, методичная работа. В результате физическая антропология превратилась в ресторан

самообслуживания, где каждый выбирал себе, что хотел» (с.177).

* * *

Второй блок статей посвящён археологии в послевоенной ФРГ. Способы разрыва с нацистским прошлым – тема статьи Сабины Вольфрам (Sabine Wolfram) «***"Прорыв посредством технологии" или синдром Косинны? Археологическая теория и социальный контекст в послевоенной Западной Германии***» (с.183-204). Отвращение к нацистской спекуляции на прошлом вызвало у населения отвращение к историческому знанию вообще, красочно описанное Себастьяном Хаффнером: «Древние греки, римляне, Лютер, Старый Фриц, Наполеон – в моё время это были фигуры более или менее привычные, даже интересные для каждого школьника. История выглядела как увлекательная книжка с картинками, и находилось немало охотников узнать о ней побольше. Сегодня от этой книжки воротят нос. Зачем это нам, какое нам дело до всей этой мертвечины, к тому же достаточно лживой?» (Хаффнер 1994: 58). Со своей стороны, археологи и преистрики, чтобы не допустить нового идеологического использования их науки, стали вообще избегать широких обобщений. Год за годом выходили чисто фактологические труды, посвящённые лишь описанию находок без их интерпретации. Отсюда же – то отсутствие дискуссий, которое отмечают Г. Херке и Дж. Блоомерс. Естественным результатом стало падение интереса к археологии и преистории даже у студенческой молодёжи.

Можно понять немецких учёных, которые таким способом стремятся предотвратить любую новую возможность злоупотребления наукой. Но гуманитарное знание, избегающее выводов, попросту не выполняет своих задач. Естественные науки существуют ради познания мира и управления им ради пользы человека, их конечный продукт – новые машины, материалы, товары и услуги. А конечный продукт гуманитарных наук – мировоззрение: знания, позволяющие человеку познать себя и своё место в мире. Такое знание не может быть свободно от идеологии, иначе оно никому не нужно. Условием его полной безвредности оказывается полная бесполезность.

Вопрос в другом: какая идеология, и в конечном счёте – кто здесь играет первую скрипку? Если наша идеология зависит от научных истин, проверяется ими и при этом не свободна от нравственной оценки, – тогда всё в порядке настолько, насколько вообще возможно в этом мире. Если же наоборот, если учёный должен сверять свои будущие результаты с априорной идейной установкой («Тут вот сообщение о чуме, так вы не знаете – наша партия за чуму или против?» – К. Чапек), – вот тогда жди беды. Тогда и начинается тот самый «ресторан самообслуживания» по Ф. Феттену, в котором учёным отводится роль поваров, а далёким от науки людям – роль капризных заказчиков. Тогда наука перестаёт быть самой собой, тогда и начинается коллаборационизм, открывающий путь к соучастию в любых преступлениях.

Впрочем, немецкие учёные сами осознают, что путь отказа от интерпретаций ведёт в тупик. В последние годы в ФРГ вновь начали появляться теоретические и интерпретационные работы несомненного научного значения (см., напр.: Aktuelles 2001; Schleife 2002 и др.).

Педагогическому опыту ФРГ и судьбе древней университетской традиции в XX веке посвящена статья Ульрики Зоммер (Ulrike Sommer) «***Преподавание археологии в Западной Германии***» (с.205-243). Традиционное для немецких университетов деление на факультеты восходит ещё к средневековому делению «свободных искусств». До университетской реформы 1975 г. факультеты были слабо связаны друг с другом. Каждый из них организовывал собственные дочерние учреждения во главе с ординарными профессорами, полностью независимые. С конца 1970-х годов высшее образование стало доступно всем слоям общества, а не только членам традиционных элит. Однако сокращение населения, особенно за счёт молодёжи, привело к тому, что новые университеты больше не основываются, а старые лишь сохраняют ранее достигнутый уровень.

Интересны «Заключительные наблюдения» автора (с.239). По её мнению, немецкие студенты стремятся к большей самостоятельности, чем их английские и американские коллеги. Они в среднем старше по возрасту, они работают с более трудной литературой, без помощи хрестоматий и учебников, которые здесь довольно редки. И преподаватели, как правило, стремятся отвратить их от использования вторичной литературы, заставляя работать с первоисточниками, на каком бы языке они ни были написаны. Но эта независимость не распространяется на интеллектуальную сторону. Студенты «не смеют своего сужденья произнесть» вплоть до получения степени доктора философии. Обычно они более критично относятся к данным, чем к выводам. В целом немецкая система благоприятна для воспитания не столько заинтересованных и оригинальных студентов, сколько гибких, устойчивых к фрустрациям и готовых к тому, чтобы получать мудрость готовой из рук наставников.

Методы и средства популяризации археологических знаний рассматривает Мартин Шмидт (Martin Schmidt) в статье «***Археология и немецкая общественность***» (с.244-274). Интерес к этой науке среди широкой публики по-прежнему велик, о чём говорит хотя бы колоссальный успех знаменитой книги К.В. Керама «Боги, гробницы, учёные». Впрочем, это интерес скорее художественный, чем серьёзный, судя по результатам просмотра в Германии

«Парка юрского периода». «Датировка – трудное понятие для многих: древность есть древность, будь то юрский период, палеолит или средневековье» (с.251). Вряд ли будет преувеличением сказать, что для рядового зрителя прошлое превратилось в жанр *fantasy*, где встреча неандертальца с динозавром лежит в пределах вольности, дозволенной «художнику слова».

Средства пропаганды знаний преистории – несколько ежегодных публичных конференций (с.245), а также работа школ и музеев. Однако школьные учебники представляют серьёзную проблему: «…многие иллюстрации и тексты в школьных учебниках не только низкого качества, но даже ложны; так, школьники из южной Германии должны иметь дело с мегалитическими погребениями северной Германии, которых нет на юге, и наоборот» (с.253). Такая проблема, по мнению автора, связана с необходимостью малых федеральных земель приспосабливать к собственным условиям учебные программы большой страны. Однако не отпускает мысль: так нам, получается, и вовсе не следует «иметь дело с мегалитическими погребениями», коль скоро их нет в Молдове?! Не грозит ли нам на этом пути провинциализм, от которого мы и без того не знаем, как спасаться? Тот самый воинствующий провинциализм, который Т. Манн (1961: 305-306) в своё время считал характерной немецкой чертой?

Общий вывод автора пессимистичен: интерес публики к археологии довольно высок, интерес же учёных к публичным контактам – стремится к минимуму. Пропаганда науки через музеи, исторические общества, вечерние колледжи и т.п. не достигает особого результата, так как рассчитана лишь на узкую аудиторию. Публику же интересуют в основном «сокровища, мистические ритуалы, магия и эзотерика» (с.271). Речь уже шла о том, что целомудренное воздержание археологов во многом вызвано нежеланием повторить опыт Косинны. Но тогда с ролью, от которой отказывается наука, вполне справятся «магия и эзотерика», тот же нацизм это уже показал. В конце концов, пропаганда науки нужна уже для того, чтобы сон разума перестал порождать чудовищ.

И ещё две статьи этого блока посвящены особой теме: преистория и женщины. Ева-Мария Мертенс (Eva-Maria Mertens) рассматривает «***Положение женщин-археологов в Западной Германии***» (с.275-288). Женщин в германской преистории достаточно много, но высокого уровня достигают лишь немногие. Доступ к образованию равный, дискриминации нет. В 1989 г. женщины составляли 50% всех, кто изучал археологию в ФРГ. Однако в Германии, как и везде, женщине труднее, чем мужчине, совместить семью, детей и стремление к степени PhD. Добротная и взвешенная статья Е.-М. Мертенс подкреплена солидным статистическим аппаратом.

Близка по теме и статья Сигрун М. Карлиш (Sigrun M. Karlisch), Сибиллы Кестнер (Sibylle Kästner) и Хельги Брандт (Helga Brandt) «***Женщины в подполье: гендерные исследования в германской археологии***» (с.289-307). Авторы рассказывают, что гендерные исследования, зародившиеся в Скандинавских странах более 30 лет назад, пришли в Германию сравнительно поздно – лишь в конце 1980-х гг. Эта страна, по мнению авторов, «не родина для археологов-феминисток» («Germany: no fatherland for feminist archaeologists?», с.293). К сожалению, из статьи не совсем ясны заслуги феминистской археологии за последние 15 лет. Большая часть места уделена анализу причин академического «консерватизма».

* * *

Третий блок посвящён теме: «Восточная Германия и воссоединение». Обстоятельная и деловитая статья Вернера Кобленца (Werner Coblenz) – увы, не дожившего до выхода в свет этой книги, – «***Археология под коммунистическим контролем: Германская Демократическая Республика, 1945-1990 гг.***» (с.308-341) рассказывает об организации научной деятельности в ГДР. Автор, работавший с последних лет Веймарской республики до нынешней эпохи объединения Германии, не поддался искушению судить и осуждать. Нет, он не в восторге от ушедшей ГДР. Говорит он и о «железном занавесе», отгородившем учёных из этой республики от западных коллег, и о партийном контроле над наукой, и о многом другом. И в то же время – о работе Академии Наук, музеев, о пропаганде знаний по преистории, о несомненных успехах… Система эта сама по себе нам в основном знакома, примерно такая же была и в СССР. Интереснее сделанные В. Кобленцем обобщения (с.333-336). Сферами, где требовались исключительно марксистские оценки, была новая и новейшая история. Археология была более или менее в тени. Здесь можно было не обращать чрезмерного внимания на линию партии, отдав ей «кесарево» лишь несколькими дежурными фразами. Как и у нас. Откроем, например, классическую работу А.Ф. Лосева «Античная мифология» (Лосев 1957): в начале – пара цитат из классиков марксизма, несколько раз – ссылка на заблуждающихся «буржуазных учёных», ни разу, однако, не названных по имени. И всё. Если эти фразы выпустить, смысл текста не изменится. Всё остальное – собственные мысли А.Ф. Лосева, глубокого философа-платоника, прожившего всю советскую эпоху с ярлыком «идеалиста».

Конечно, науке приходилось действовать в рамках, определённых властями. Так, аэрофотосъёмка была запрещена по соображениям государственной безопасности, а уже имевшиеся снимки можно было использовать только с разрешения МВД. Ознакомиться с трудами

зарубежных коллег было сложно – и не столько из-за «железного занавеса», сколько из-за проблем с валютой. То же самое было и у нас. Больше того, в «новых независимых государствах» в этом отношении положение даже ухудшилось: теперь мешают таможни и нищая государственная казна. Как тогда, так и теперь главный канал, через который поступают новые издания (и не только с Запада, но теперь уже и из других республик бывшего Союза) – личные контакты между учёными, да иногда ещё Internet. Зато партийный контроль над наукой в ГДР никогда не был столь жёстким, как в Третьем рейхе. Только один пример В. Кобленца: до 1982 г. из 15 сотрудников Государственной археологической службы в Дрездене только один был членом СЕПГ. Конечно, партийность помогала сделать личную карьеру, но не более того. Взаимная поддержка учёных и научных учреждений была сильнее любого давления. А в этих учреждениях партийные активисты, оппортунисты (приспособленцы), «беспартийные попутчики» и диссиденты обычно работали бок о бок до самого конца ГДР (с.335). Кроме того, идеологические и политические статьи по научным вопросам обычно вообще публиковались отдельно – в специальных изданиях.

«Важным фактором было взаимное доверие и помощь в пределах и между различными учреждениями, что гораздо чаще встречается в трудных условиях, чем в более благоприятных обстоятельствах. Несмотря на различные политические или идеологические представления, все преисторики ГДР могли и желали работать вместе. Конечно, были и исключения, но такое можно найти в любой политической системе» (с.334-335).

Об этом следует помнить тем, кто сейчас бездумно смешивает две системы под одним названием «тоталитаризм». Во многих отношениях они противоположны. В отличие от фашизма с его сознательной ставкой на мистику и интуицию, марксизм, не забудем, – изначально научное мировоззрение, продолжающее традиции просветителей. Конечно, его уровень – это уже уровень позапрошлого века. Но коммунистический режим в ГДР никогда не видел в науке лишь средство пропаганды. Созданная им система организации науки позволяла работать и достигать результатов, ценных не только (и не столько) для властей. Г. Херке вспоминает, как его научный руководитель Г. Янкун во время лекции как-то раз произнёс гневную тираду против археологов ГДР, обозвав их «социалистическим сбродом», потом сделал паузу и задумчиво произнёс: «aber gute Fragestellungen haben sie!» («но у них есть хорошо поставленные вопросы!»).

Вся эта система, с её плюсами и минусами, в результате объединения страны была разрушена. Статья доктора Йёрна Якобса (Jörn Jacobs) из Ростока «***Объединение Германии и восточногерманская археология***» (с.342-355) – это крик души. Реструктуризация восточногерманской науки после воссоединения вылилась в массовые чистки и замену прежних специалистов выходцами из западных земель. Господствующее настроение всего этого процесса – это *Siegermentalität* («комплекс победителей»). С самого начала был закрыт целый ряд научных учреждений. Затем начались «проверки чести» (*Ehrenüberprüfung*), когда каждый должен был дать либо подписку, что не сотрудничал с госбезопасностью («Штази»), либо подробную информацию, в чём именно заключалось его сотрудничество. За этим последовали массовые увольнения. Учебная база была подорвана. В Ростокском университете, где в своё время получил докторскую степень Шлиман, уже к лету 1993 г. потеряли должность полторы тысячи преподавателей, в том числе все историки (с.347). Именно этим обстоятельством Г. Херке и объясняет тот факт, что Восточная Германия так слабо представлена в сборнике. С 1997 г. Ростокский университет был вынужден прекратить набор студентов-археологов и переориентировать их на университет в соседнем Грейфсвальде (с.346).

Чем это объяснить? Был ли уровень археологической науки в ГДР слишком низок? Никто этого не утверждал, особенно на фоне её состояния в ФРГ, описанного выше. Так, значит, сведение счётов и делёж мест? Г. Херке, никогда не живший в ГДР, а сейчас работающий в Уэльсе, счёл себя обязанным поднять голос в защиту своих восточных коллег (нередко, увы, бывших). Справедливо ли, спрашивает он, что каждый третий из прошедших «проверку чести» в результате потерял работу, если даже денацификация стоила занимаемой должности только ОДНОМУ нацистскому археологу – Райнерту (с.31-32)? К тому же лишь после того, как юрисдикция перешла в руки самих немцев (с.121): в тот раз победители не тронули учёных. Вспомним решение, принятое насчёт Мартина Хайдеггера: да, он явно и сознательно виновен, но нельзя, чтобы мыслитель такого масштаба замолчал (Мотрошилова 1992: 207-210). А для лжеучёных, вроде тех же оккультистов, хватило и того, что была восстановлена в правах обычная научная критика, которая и без всяких «судов чести» способна определить, где тут, по словам Крылова, «таланты истинны», а где – «поддельные цветы». И разве борьба с пережитками марксизма – оправдание для разгрома академической организации, имевшей некоторые бесспорные преимущества по сравнению со своим западным партнёром (с.32)?

Ничем, кроме «комплекса победителей», такое отношение объяснить нельзя. Всё-таки марксистская идеология – не фашизм, и режимы ГДР и Третьего рейха по многим парамет-

рам нельзя даже сравнивать (ср. с.336, статья В. Кобленца). Разумеется, историки были связаны с партией. В СССР беспартийный не мог преподавать историю даже в средней школе. Другое дело, как они это делали. Именно от нашего учителя истории, прошедшего всю войну от Сталинграда до Берлина, вернувшегося инвалидом, я впервые услышал, что «коммунизма не будет». Не верить ему в таком деле было нельзя. А это был 1975 год, когда крах СССР ещё и представить себе было невозможно. Если речь не идёт просто о дележе трофеев, – можно ли всех мести под одну гребёнку? Вспомним, в конце концов, что даже в той же ГДР вполне официально существовала НДПГ – партия бывших нацистов, не совершивших военных преступлений, с гарантированными местами в Народной палате. И в ФРГ официально существует НДП. Откуда же такая мстительность к восточным коллегам – повальная, без особого разбора?

Один из принципов бусидо гласит: «Тот, кто прощает, не глуп. Глуп тот, кто не умеет прощать».

Не случайно статья Й. Якобса оказалась самой пессимистической во всём сборнике. По его словам, кадровые перестановки закончились в 1998 г. – с истечением контрактов доцентов. С этого момента «инновационные идеи лишены шансов, так как научный истеблишмент воспримет их лишь как покушение на свои позиции. Широкомасштабная замена археологического персонала распространила на восток интеллектуальный застой западногерманской археологии» (с.354).

* * *

Последняя группа статей посвящена международным перспективам германской археологии. Статья доктора Джона Кинахана (John Kinahan) из Намибийского археологического общества в Виндхуке «***“Земля мечты” на юго-западе (Traumland Südwest): Два момента из истории германских археологических исследований в Намибии***» (с.356-377) посвящена малоизвестным страницам истории науки. Почти забыт научный подвиг, который совершил в 1920-х гг. немецкий художник Рейнхард Маак, впервые сумевший увидеть в скальных рисунках Юго-Западной Африки свидетельство высокой палеолитической культуры бушменов, одной из самых угнетённых общин тогдашней Намибии. Его материалы оставались неизданными более полувека: общественное мнение колонии не желало видеть в бушменах людей. Вместо этого был принят расистский миф о «Белой Леди» – якобы свидетельстве европеоидности создателей скальных рисунков, созданный аббатом Брейлем: «Грубый карандашный эскиз, сделанный в своё время Мааком, в конечном счете достиг Брейля, который смог посетить участок после войны благодаря поддержке южноафриканского премьера фельдмаршала Смэтса [создателя системы апартеида – Л.М.]. Так возник миф о Белой Леди, отвергнутый всеми уважаемыми археологами, но поддержанный фантазией колонистов и стремлением отрицать собственную культурную историю бушменов» (с.367). Германские исследования были возобновлены в 1960-х гг. институтом Генриха Барта в Кёльне, но в то время они несли печать эмпиризма, господствовавшего в западногерманской археологии. Лишь после провозглашения независимости Намибии их результаты начали использоваться по прямому назначению – для охраны культурного наследия бушменов. К сожалению, делается всё ещё меньше, чем возможно: «В мире программ исследований, зависящих от иностранного финансирования, германские исследования скальной живописи представляют собой сценарий, которого прежние колониальные власти предпочли бы избежать» (с.374).

«Взгляд со стороны» представлен статьёй амстердамского профессора Дж. Блоомерса (J.H.F. Bloemers) «***Германская археология в опасности? Критический взгляд соседа на традицию, структуру и прозорливость***» (с.378-400). Он рассматривает археологию как часть общества и системы образования и науки в целом. Но сегодня её социальный контекст – не германское общество в отдельности, а европейское общество в целом. Свои выводы автор сформулировал как пять рекомендаций германской археологии:

– она должна сознавать своё прошлое при различных режимах, но не быть парализованной крайностями этого прошлого;

– она должна учитывать перемены в германском и европейском обществе, в его политической, экономической, культурной, образовательной и других сферах;

– она должна учитывать, что эти перемены чреваты для неё не только риском, но и новыми возможностями, ибо археология отвечает на серьёзные вопросы – например, об исторической идентичности и устойчивости общества;

– она должна сознавать свою собственную традицию, общественную роль, и в связи с этим – ответственность за свою позицию;

– она должна использовать своё географическое положение в центре Европы и давние международные связи на Западе и Востоке не только для сотрудничества, но и для роли посредника в международном диалоге (с.393).

Наконец, заключительная статья Беттины Арнольд (Bettina Arnold) «***Трансатлантические перспективы германской археологии***» (с.401-426) подводит итог всего сборника. Из всех рассмотренных тем автор особо выделяет три: а) археология и политика; б) проблемы исторического просвещения; в) археология и женщины. Побег от объективности в культурный релятивизм дорого обошёлся германской археоло-

гии. Теперь, однако, то же самое переживают англоговорящие страны. Главная причина тому – поиск «удобного прошлого», *usable past* (с.405). Делается ли это под флагом постмодернизма или под каким иным, но это означает конец научности. Уже сейчас для разных групп «удобно» разное прошлое. И пусть эти группы (расовые, этнические, социальные, гендерные) имеют свои поводы для недовольства, но подчинение науки политическим и вообще вненаучным целям приведёт лишь к тому, к чему уже привело в Третьем рейхе. Не кто иной, как Гиммлер, в своё время заявлял, что, поскольку «Германия» Тацита – тенденциозный документ, и «наше знакомство с германскостью много лет было основано на фальшивке, мы вправе делать то же самое в любое время» (с.408). Б. Арнольд предупреждает: «Попытка предоставить всем заинтересованным сторонам равные права, независимо от того, насколько их требования могут опираться на эмпирическую очевидность, приведут лишь к одному: если все мнения равны, господствующим станет мнение той группы, которая лучше других умеет душить оппозицию. Это – определение диктатуры. Культурный релятивизм – одно из необходимых условий для злоупотреблений, совершённых такими системами, как нацистский режим, специалист по фабрикации “удобного прошлого”» (с.408).

Итак, проблема политического манипулирования наукой в принципе одинаково остра по обе стороны Атлантики. Это же относится и ко второй проблеме – роли науки в массовом сознании. Археология родилась в век увлечения античностью. Сейчас на дворе иное время – век практической целесообразности. Известно, что американцы предпочитают практически применимые знания в ущерб фундаментальным наукам, хотя сейчас это – не специфически американская черта. Вопрос о том, «сколько долларов тратится на науку», ставится перед каждыми выборами. И как ни сложно положение в Германии, описанное в статье У. Зоммер, оно всё же не так плохо, как в Штатах, где каждый волен верить, что индейские культуры созданы «потерянными десятью коленами израилевыми, заблудшими валлийцами, финикийцами, викингами» или кем ему угодно ещё (с.413). Ситуация с учебными текстами, выставками, музеями в США ненамного лучше, чем в Германии.

Наконец, проблема феминистской археологии. О ней сказано не так много. На сегодняшний день прогресс – скорее количественный: больше женщин-археологов, в том числе и с учёной степенью, но всё ещё мало принципиально новых идей. А без этого говорить о специфической гендерной археологии оснований не больше, чем об особой археологии, допустим, тридцатилетних. В силу того же, о чём говорила Б. Арнольд в начале статьи, требования феминисток, так же как, скажем, защитников коренных или чёрных американцев, должны опираться на «эмпирическую очевидность», чтобы можно было всерьёз обсуждать эту тему. Иначе это будет не вопрос науки, а всего лишь вопрос рабочих мест.

Всё сказанное представляет собой лишь краткий обзор содержания сборника. Можно лишь приветствовать мужественную решимость немецких археологов говорить перед лицом всего мира о проблемах своего прошлого и настоящего. Проблемах, которые – повторяю – придётся решать и нам в настоящем или ближайшем будущем. Эта книга необходима всем нам, и не только археологам. Хотелось бы надеяться, что мы сможем увидеть её русский перевод.

ЛИТЕРАТУРА

Блок М. 1986. Апология истории или Ремесло историка. Изд.2. М. Наука.

Гумилёв Л.Н. 1990. География этноса в исторический период. Л. Наука.

Кант И. 1980. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. М. Наука. С.292-297.

Клейн Л.С. 2000. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. №4. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест. С.88-140.

Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в её историческом развитии. М.

Манн Т. 1961. Германия и немцы // Манн Т. Собр. соч. Т.10. Статьи 1929-1955. М. ГИХЛ. С.303-326.

Мотрошилова Н.В. 1992. Драма жизни, идей и грехопадений Мартина Хайдеггера // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М. ИПЛ.

Портнов А. 2000. Как Чингис-хан стал Юрием Долгоруким // Наука и жизнь. 2000. №2. М. С.2-12.

Рыжков Л.Н. 2002. О древностях русского языка. М. ИЦ «Древнее и современное».

Хаффнер С. (Претцель Р.). 1994. Улыбка сфинкса. (Из книги «В тени истории») // Новое время. №2. С.58-59.

Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. М. ИПЛ.

Aktuelles 2001 – Aktuelles zur Frühbronzezeit und frühe Mittelbronzezeit im nördlichen Alpenvorland // Hemmenhofen Skripten 2. Landesdenkmalamt Baden-Württemberg. Freiburg. 2001.

Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. 2002 / H. Härke (ed.). 2nd, revised edition. // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.7. Frankfurt a.M. etc. “Peter Lang”.

Schleife 2002 – Schleife, Schlitten, Rad und Wagen. Zur Frage früher Transportmittel nördlich der Alpen // Hemmenhofen Skripten 3. Landesdenkmalamt Baden-Württemberg. Freiburg. 2002.

Klejn L.S. 1997. Das Phänomen der sowjetischen Archäologie. Geschichte, Schulen, Protagonisten // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.6. Frankfurt a.M. etc. «Peter Lang».

А.А. Романчук

«СТОЛПОТВОРЕНИЕ» НАШЕГО ВРЕМЕНИ: МЕЖДУ НИЦШЕ И ХРИСТИАНСТВОМ

(Размышления по поводу: H. Härke (ed.). Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. 2nd, revised edition // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.7. Frankfurt a.M. etc. «Peter Lang».

Отсутствие доказательств есть признак высшей интеллектуальной честности.
В.В. Малявин. Чжуан-цзы.

A.A. Romanchuk. The «Babel» of our Time: Between Nietzsche and Christianity. (Ideas on «Archaeology, Ideology and Society: The German Experience». / H. Härke (ed). – 2, rev. ed., – Lang, 2002 (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel; Bd. 7).

In his comments, the author starts from the problems of modern archaeology touched upon by the authors of the reviewed volume, and addresses the problem of self-reflection in science. He draws the readers' attention to the fact that the modern science still has not overcome the contradictions noticed already by Nietzsche, and which grew even more complicated in postmodernism. As the author believes, a key to solution of these problems lies in the necessity to reform the ethics of the science, which will allow, first of all, to direct the destructive potential of postmodernism into the creative direction. In author's opinion, while engaging to reform its ethics, it would be useful for science to consider the experience of "Dao science", and Shou Dao first of all. And though it may merely imply that "one form of Christianity will be replaced by another", the present requires the science to overcome religion within itself. And "everyone must create one's own synergetics".

Однажды одного программиста попросили сотворить. Нет, не чудо. Но почти – программу, которая производила бы типологию и культурную атрибуцию лепной керамики сама. Без «подсказок» археолога, того самого «предзнания», которое так сурово осудил во всякой археологической типологии Л.С. Клейн. И без которого в конечном итоге не смог обойтись и сам, предложив в качестве выхода ту же процедуру «герменевтического круга» (Клейн 1991).

Затея с созданием программы успехом не увенчалась. Но меня тогда поразило одно обстоятельство. Прежде чем приступить к созданию программы, мастер попросил нас ответить на один вопрос. И подчеркнул: пока мы не ответим, он не представляет, с какого конца ему браться за решение задачи.

Вопрос звучал очень просто: зачем мы копаем?

Однако, посмеявшись, мы обнаружили, что смеялись над собой. Самый логичный из найденных нами ответов звучал как пародия на ответ славного, но недалекого Портоса: «Мы копаем потому, что копаем».

Увы, эти слова действительно могут быть начертаны на знамени современной археологии. Подавляющее большинство археологов копает просто потому, что копает.

Разумеется, можно спросить: а стоит ли вообще искать ответ на этот вопрос? Ведь, в определенном смысле, это равнозначно поискам смысла жизни. Что, как давно известно, занятие бессмысленное.

Опять-таки – увы. С этого бессмысленного занятия только и начинается наука.

Это прекрасно показал Т. Кун: наука развивается лишь постольку, поскольку начинает сомневаться и проверять свои собственные аксиомы (Кун 1975). Более того, наука, собственно, только и существует в моменты отрицания старых и создания новых аксиом – парадигм.

В промежутке между этими событиями люди, занимающиеся наукой, на самом деле занимаются не более чем истолкованием. В это время возникает ощущение конечности знания.

Впрочем, и сама смена парадигм во многом является только иллюзией перемен. На самом деле каждая парадигма есть просто перевод старых истин на новый язык. Это особенно заметно на примере математики, которая постоянно «открывает» то, что издавна, если не всегда, считалось общим местом философии.

Сегодняшний бум синергетики в гуманитарных науках слепит глаза многим. Однако, на

© А.А. Романчук, 2000.
© Английское резюме Ю.Д.Тимотиной, 2000.

вершине своей популярности, к чему же сводит сама себя синергетика? К грандиозному в своей простоте и изначальности принципу «Инь-Ян» (Князева, Курдюмов 1994).

А в целом, все глубины постижения мира, добытые синергетикой, вполне могут быть изложены языком древнекитайской (или же древнегреческой) философии. Как, впрочем, и глубины современной физики (Капра 1994).

Здесь на самом деле кроется главный, наверное, из столпов нашей способности к постижению. Неважно, чего. Или, точнее, всего.

Потому что, оказывается, права древняя мудрость – «глядя в песчинку, можно познать вселенную». Или – «величайший путешественник не выходит со двора».

А между тем, мы, не знающие, зачем копаем, что делаем мы?

Вместо того, чтобы всматриваться в песчинки, мы нагромождаем их кучами и не можем остановиться. В погоне за впечатлениями от путешествия мы превращаем само путешествие в иррациональную гонку, гонку собаки за собственным хвостом, которой уже не до впечатлений.

Классический анекдот советской археологии – анекдот о диссертанте, которому для защиты диссертации постоянно не хватает одного черепка.

При этом главной задачей науки объявляется доказательство. «Отсутствие тяги к проверке выводов и доказательствам… есть главное отличие дилетанта от ученого» (Клейн 2000: 133). Мы доказываем и не можем остановиться в своих доказательствах. Иногда мысль, которую можно выразить в одном слове, доказывают увесистыми томами.

Может быть, поэтому так радостно глазу видеть любую попытку археологии «сделать остановку» и заняться саморефлексией. И особенно – немецкой археологии, в которой сегодня торжествует настоящий «культ факта» и отказ от теоретических изысканий (Wolfram 2002: 184). И в которой с начала 1960-х годов, с появлением в англоязычных странах «новой археологии», стало обычным, что немецкие и англоговорящие археологи, обсуждая одну и ту же проблему, «могли и двадцать и тридцать лет совершенно не замечать друг друга» (Härke 2002: 17).

Тем более что некоторые представители немецкой археологии предлагают еще более пессимистические прогнозы на будущее, заявляя: «…инновационные идеи не имеют шансов. Интеллектуальная стагнация западногерманской археологии распространилась на Восток» (Jacobs 2002: 353-354).

Впрочем, хотя немецкую археологию сегодня ругают за «культ факта», но так ли уж это плохо?

И так ли уж плохо, что она сегодня открывает заново уже давно открытое той же англо-американской археологией? Может, лучше все же изобретать велосипеды, но свои?

«Стоит овцам позволить самим выбирать себе дорогу, как на ней тут же попадается что-нибудь интересное» (Пауло Коэльо).

И хотя однозначных ответов на эти вопросы нет, главное – что они заданы. Вопросы, в данном случае, кажутся важнее ответов.

И поэтому, говоря о сборнике с многозначительными словами в названии – «The German Experience», мне хотелось бы поблагодарить эту попытку саморефлексии немецкой археологии именно с позиции того, что она есть попытка ответа на вопрос – «зачем мы копаем?». И уже неважно, насколько удачен сам ответ.

Поэтому же мне хочется поступить как пристрастному читателю, который часто может вычитать в книге то, что видно только ему. Но именно об этом он и будет говорить с наивеличайшим интересом.

И, на мой взгляд, самая желанная цель любой научной работы – будить мысль. Только на этом пути она может избегнуть того, что «произведения классической науки выходят на пенсию», в отличие от «классиков поэзии» (Клейн 2000: 134).

Но прежде пару слов о сборнике вообще.

Он построен по хронологическому принципу как очерк развития немецкой археологии в течение прошлого века. И тематически делится на несколько частей.

Часть первая посвящена периоду «от Косинны до фюрера», затем следуют части, посвященные послевоенной Западной Германии, Восточной Германии и ситуации в немецкой науке после объединения обоих немецких государств.

В некоторых работах (Sommer 2002) сборник оборачивается своей неожиданно практической стороной – как пособие по организации обучения преистории. И даже если чужой опыт неприемлем, он все равно ценен возможностью сравнения.

Однако наибольший интерес вызывают работы, собственно и посвященные проблеме взаимодействия трех заявленных в названии компонент – археологии, идеологии и общества. И особенно в такие переломные и яркие эпохи развития Германии, как период третьего рейха и сегодняшняя объединенная Германия.

Разумеется, можно и добавить еще к сказанному авторами сборника, и по-иному расставить некоторые акценты.

Так, немаловажно, что сам «третий рейх» был, в определенном смысле, и грандиозным научным экспериментом, и «научной революцией».

Мало вспоминают, что в гитлеровской Германии была официально принята космогоническая теория, согласно которой Земля – полый внутри шар, и люди обитают – на его внутренней (!) поверхности (Повель, Бержье 1994: 303-311).

Как тут не вспомнить «Обитаемый остров» Стругацких?!

Исходя из этой теории, в 1944 году, в самые критические для Германии дни войны, была снаряжена целая экспедиция на о. Рюген, которая с помощью радаров, направленных строго в зенит (!), должна была отыскать английский флот.

Другие примеры этой «научной революции» в изобилии приведены в работе упомянутых выше авторов. И без них наше понимание феномена науки «третьего рейха» вряд ли будет адекватным.

Но радикального изменения смыслов эти добавления все же не производят.

Вероятно, вне зависимости от воли авторов, сами переломные эпохи и задают вопрос о смысле археологии, и дают наилучшую возможность ответа на него.

И мне хотелось бы отвернуться от этих эпох в ту сторону, которая только намечена авторами сборника. Но все же намечена – и в немецкой археологии, как в капле воды – океан, отразилась наша наука. И мы рядом с ней.

Наука туда вообще редко смотрит. Наверное, потому, что труднее всего увидеть – самого себя.

Генрих Херке в своей вступительной статье предлагает свою формулировку как «The German Experience», так и тех вопросов, которые мучают сегодня немецкую археологию.

Пожалуй, наибольший интерес вызывают затронутые им проблемы коллаборационизма и оппортунизма в науке (и не только) тоталитарного общества. Сотрудничать или бороться – вопрос далеко не праздный, особенно для обитателей постсоветского пространства.

Однако, если сам Г. Херке предлагает «не иметь четкого ответа на эти вопросы» и решать его на уровне – «а как я поступил бы в этой ситуации» (Härke 2002: 32), нам эта проблема представляется в ином свете.

И дело не только в том, что археологи – тоже люди.

Ведь, с другой стороны, пример фашистской Германии показал, что в современном обществе именно ученые – та социальная группа, которая наиболее поддается манипулированию (Хайек 1983: 142). Случайно ли это?

Наука и ученые в двадцатом веке заняли очень интересное положение в обществе. Лучше всего его выразил словами Ницше: «что раньше воздавалось церкви, теперь воздается науке» (Ницше 1998: 209).

Вообще, читая Ницше, нельзя воспринимать его иначе как пророка двадцатого (только ли?) века. И представители «The German Experience» нашли бы у него не только ответы, но многие вопросы, еще и не вставшие перед ними.

И общепринятые сегодня теории «постиндустриального общества», где наука и ее представители проецируются на роль правящей элиты нашего общества, и работы, где интеллектуалы объявляются той кастой, которая на уровне сакральных архетипов выступает сменившими обличье жрецами индоевропейской триады Дюмезиля (Эрлих 1999), подтверждают: науке сегодня «воздается кесарево».

Нет, я вовсе не хочу напомнить об ответственности, с которой неизбежно сопряжены такие «почести».

Хотя в советской литературе (особенно официальной) достаточно был представлен образ ученого (особенно в мире «акул бизнеса») – героя и борца против несправедливости. Как правило, с честью погибающего.

Другое волнует меня. Если наука сегодня правит миром, то с кем ей бороться?

Тот, кто принимает решения, имеет возможность выбора. Но кто сегодня принимает решения?

Иными словами, если довести до логического завершения мысль о науке как религии нашего общества, то она – просто освящает сложившееся положение вещей. Или – «каждый народ заслуживает тех правителей, которых имеет».

Как выразился Луи Повель, цитируя Вальтера Ратенау, «даже эпоха тирании достойна уважения, потому что она является произведением не людей, а человечества, стало быть, имеет творческую природу, которая может быть суровой, но никогда не бывает абсурдной» (Повель, Бержье 1994: 16).

То есть, как для общества в целом, так и для науки в частности подобные «испытания» – неизбежная необходимость. Именно поэтому история ничему не учит. Знание становится таковым только через опыт. Его надо прожить. По словам Ницше, «кто не пережил некоторых вещей глубже и шире всех, тот не сумеет растолковать чего-либо из великого и возвышенного в прошлом» (Ницше 1998: 200).

Тогда – наука становится наукой. И неважно, чем пользоваться – теорией «пяти первоэлементов», или же – синергетикой.

Точнее – каждый должен создавать «свою синергетику».

Иначе любая научная деятельность – не более, чем «исполнение обрядов». Или – «кто привык склонять голову перед “властью истории”, тот под конец механически станет поддакивать любой власти» (Ницше 1998: 212).

Это очень хорошо показал Эрих Фромм в своей ранней (и, на мой взгляд, лучшей) работе – «Бегство от свободы» (Фромм 1992). Сотрудничество многих немцев с гитлеровским режимом было не просто искренним, но во многом – безотчетным и бессознательным, «роботизированным». Оно фактически представляло собой удовлетворение внутренней потребности в подчинении.

Именно здесь кроется, на мой взгляд,

смысл этой проблемы. Безотчетность поведения – противоречие в определении не только ученого, но и человека вообще.

Кто же сегодня принимает решения?

...Отсюда вопрос – «бороться или сотрудничать?» превращается в другие – «как бороться?» или «как сотрудничать?».

Ответ на них скрывается там, где сегодня не ищут.

Генрих Херке пишет: «английская публика была шокирована, когда узнала, насколько высок был уровень коллаборационизма и братанья жителей островов Ла-Манша с гитлеровской оккупационной армией» (Härke 2002: 25).

Разумеется, и у нас сразу возникают негативные ассоциации. Однако завоеванные жители о. Джерси своим умом дошли до известной персидской пословицы – «живая собака лучше дохлого льва».

Эта пословица показывает, насколько проблема коллаборационизма является проблемой нашей этики.

И хотя двадцатый век провозгласил плюрализм этик различных культур (и не последняя тому причина – феномен «третьего рейха»), на деле это – миф.

Одним из первых над этим задумался Карл Ясперс, задавшись вопросом о причине практически синхронного возникновения мировых религий (Ясперс 1992). И – обратил внимание на близость их этики.

Действительно, этика мировых религий – этика сотрудничества и нивелировки этнических и расовых различий. Ясперс в первую очередь оперировал этикой христианства, двумя опорными столпами которого являются заповеди: «если ударят по правой щеке, подставь левую», и «несть эллина, несть иудея».

Стоит добавить, что и Коран не столь радикален, как современные исламские фундаменталисты, и прямо указывает на возможность мирного сожительства мусульман и «неверных». Буддизм же и даосизм, равно как и конфуцианство, игнорируют даже то, на чем спотыкаются и христианство, и ислам, – вопрос о вероисповедании.

Вообще же в некоторых современных даосских школах существует взгляд на мировые религии как на ступеньки эволюционной лестницы. В самом низу находится ислам, как наименее толерантное учение, затем следуют христианство, буддизм и на вершине – даосизм. Каждая из мировых религий, согласно этой точке зрения, стремится подняться на ступеньку выше. И следует ожидать превращения мусульманства в христианство, а христианства – в буддизм, и так далее.

Невзирая на обоснованность таких футурологических прогнозов, следует заметить, что действительно, даосизм – наименее авторитарное из всех этих учений (Медведева 2002).

То, что даосизм возникает в одном из самых авторитарных обществ Земли – не парадокс, а объяснение.

Даосская, чрезвычайно индивидуалистская, этика возникает именно как ответ на невыносимое давление общества.

Индия и Китай «обогнали» нас в прочувствовании на своей шкуре проблемы «скопища людей». И, соответственно, в решении проблемы выживания в такой ситуации.

Поражающее европейцев в Японии – туалеты без стен на оживленнейших улицах. Японец, едущий в купе поезда с незнакомой женщиной, может раздеваться перед ней без всякого стеснения. Как будто ее вообще здесь нет.

Но стоит ему с ней познакомиться, как он тут же застегивает свой пиджак до последней пуговицы.

Этика «языческих» религий в такой ситуации делает выживание просто невозможным. «Око за око и зуб за зуб» годятся для относительно небольших обществ. И когда есть, куда уйти.

Очень показателен в этом смысле диалог из романа Валентина Иванова (интереснейшего философа, на мой взгляд, и обладателя редкого лирического дара; его осмысление феномена империи может быть сопоставлено со Шпенглером и Ницше) «Русь изначальная», происходящий между варваром Индульфом и ромеем – историком Прокопием из Кесарии.

«– Право? Право быть рабом? – переспрашивал Индульф, не улавливая двусмысленную тонкость рассуждения. – Я не могу быть рабом. Я убил бы или меня убили бы.

– Потому-то ты и свободен, – с еще более лукавой улыбкой пояснял ученый советник полководца».

И, в другом месте:

«Имперская армия обладала умением воспитывать ромеев. Это простое чудо случалось одинаково и с подданными, и с военнопленными. Отбор происходил естественно и довольно быстро. Кто не мог свыкнуться с воинской неволей или с разлукой, тот бежал, погибая в бегстве, либо в казарме угасал от тоски. В рядах оставались люди, наделенные силой жизни, подобной силе ползучих растений, – умевшие гнуться, извиваться, приспосабливаться».

Пример индейцев, умиравших в неволе прежде всего от психологического дискомфорта, что и стало причиной расцвета в колониях торговли неграми, более «цивилизованными», тоже показывает тенденцию развития человеческих этик.

Мы сегодня – на пороге пережитого более древними цивилизациями. Порукой этого служат тоталитарные режимы двадцатого века. А потому, на мой взгляд, лучше воспользоваться этикой даосизма и «прожить» этот опыт до того, как в нем возникнет срочная необходимость.

Предпочтение даосизму перед христианством следует оказывать, на мой взгляд, не только из априорных соображений.

Христианство, пусть из лучших побуждений, но все-таки – догматично. Там, где «воины жизни» видят только уловку, военную хитрость, пытаются вести себя подобно «всаднику на спине ветра, следящему за серединой», там христианство видит только белое и черное. И – либо искренне стремится согнуться и унизиться, превратиться в раба, либо – геройски погибнуть во имя своих принципов.

«Напрасно высматривал я в Новом Завете хоть одну симпатичную черту. Сплошная трусость, сплошное закрывание глаз и самообман» (Ницше 1998а: 675-676).

Впрочем, скорее можно видеть в христианстве знание, ключ к которому потерян. Потерян, потому что «слово» разошлось с «делом». И христианство не только не знает «как», но даже и «чего» оно хочет.

А результатом этого является неприменимость рецептов христианской этики на практике. Легко сказать: «возлюби ближнего своего, как самого себя». Попробуй его так возлюбить.

И тогда христианство становится лицемерием. Именно поэтому Эрих Фромм видит в средневековой Европе (да и современной) язычество под одеждами христианства (Фромм 1994).

Или же – бунт. Хоть и нерусский, но бессмысленный и беспощадный. Как гитлеровская попытка создать новую религию (Повель, Бержье 1994: 295-300).

Как заметили братья Стругацкие в «Обитаемом острове», «если голодному человеку долго внушать, что он сыт, он может сойти с ума».

Еще в большей мере это относится к буддизму – но не дзен-буддизму, о котором мне уже случалось упоминать в связи с наукой (Романчук, Тельнов 2000), и который, однако, фактически представляет собой синтез даосизма и буддизма (Померанц 1993: 6), – где люди зачастую и сходят с ума. Потому что иначе, как сумасшедшими, нельзя назвать огромное количество людей – приверженцев этого учения, которые могут сделать целью всей своей жизни, например, простоять на одной ноге на каком-нибудь столпе.

Отсутствием догматизма и стремлением к реальной оценке жизни как раз и отличается даосизм. «На этой земле сильное гнетет слабое, твердое давит мягкое, злое теснит доброе, ищущие не находят, жаждущие не утоляют жажды. Но это вовсе не означает, что не может быть по-другому. Владеющий Шоу кормит коня волчьим мясом…» (Медведева 2002: 6).

Ни загробного мира, ни перерождений – у человека есть только эта жизнь, и «надо жить...».

А как – это уже твое дело. Даосская этика не навязывает себя. Но выбирать может только тот, кто действительно знает.

И, заметим в скобках, если наука действительно будет следовать своему стремлению избавляться от любых догм, сближение ее с даосизмом неизбежно.

Однако у науки и даосизма есть и одно коренное разногласие – разно понимаемый гуманизм и любовь к человеку. Наука любит человека как своего раба.

У Ницше это выражено мягче: «она (история) руководствуется весьма смелым, но опасным девизом: *fiat veritas, pereat vita*» (Ницше 1998: 181).

Но, вольно или невольно, она должна будет дать ему вольную. Иначе человек не выдержит расцвета науки.

Потому что любовь науки к человеку исходит из унаследованной от христианства идеи о том, что такое «любовь».

В самых неожиданных местах можно сегодня встретить высказывания о том, что «вдохновляющим примером любви и уважения к человеку служит поступок Бога, сознательно обрекшего Своего Сына на мучительную смерть на кресте ради спасения человечества» (Политология 2001: 123).

Лучше выразилась только «старуха Бойбабченко» у Евгения Шварца: «…я старуха добрая. Когда мне кого-то жалко, я и человека убить могу».

Различие в подходах современного европейского, научного сознания и даосской мысли как раз и можно показать на обозначенной Г. Херке проблеме коллаборационизма ученых с антигуманным тоталитарным режимом.

Современный европеец, воспитанный на демократической идее о высшей ценности человеческой жизни, вовсе не склонен жертвовать ею даже ради демократии. И хотя сегодня и европейские, и американские солдаты то и дело «защищают» где-нибудь «демократические ценности», в целом идея коллаборационизма не кажется европейцу чем-то диким.

Однако когда дело касается отмеченной Эрихом Фроммом «жажды подчинения», ситуация меняется. И дело не в том, что и сегодня европеец живет под прессом жестких регламентаций, по сути своей – тоталитарных.

Это отмечают и авторы, описывающие «The German Experience».

Как пишет Г. Херке, «когда я описал одному коллеге, проработавшему тридцать лет в коммунистической Восточной Германии, структуру британских университетов, где декан обладает абсолютной властью распределять административные и учебные обязанности, он в ужасе и недоверии воскликнул: “Такого не было даже в ГДР!”» (Härke 2002: 27).

А описание Йерном Якобсом положения преисториков Восточной Германии после объединения напоминает плач Екклезиаста (Jacobs 2002: 342-354). Введение «судов чести», массовые увольнения профессуры – весьма «демократичные» мероприятия.

Приезжие из стран бывшего СССР замечают прежде всего другое. Демократия в Европе, и особенно в той же Германии, соседствует с чрезвычайно жестким неформальным кодек-

сом поведения. Многочисленные «табу» подстерегают на каждом шагу.

Если ты относишься к такой-то социальной группе, ты должен покупать вещи в таких-то магазинах, ходить в такие-то места и не ходить в другие. Перед нарушителем двери «приличного общества» закроются.

Законопослушность доходит до раболепия перед законом. И превращается в жажду. Ту самую жажду, которую так безжалостно заметил Эрих Фромм, – жажду быть винтиком в машине.

Самые «свободолюбивые» социальные группы европейского общества, вроде хиппи или анархистов, обладают еще более жестким неформальным кодексом поведения.

Все вышесказанное о европейцах не следует расценивать как слова осуждения. Тем более, что общество может не только закрывать двери. Но и расстреливать. И как знать, не будем ли мы через пару лет вспоминать с умилением и сожалением о тех временах, когда общество выражало свое недовольство одним только «закрыванием дверей».

Но стоит спросить себя: сколько шагов от «закрытых дверей» до расстрелов?

Во всяком случае, достаточно очевидно – решения в европейском обществе (впрочем, как и в любом другом нашей планеты) принимают сегодня вовсе не ученые. И не политики.

И даже не – просто люди. А – их жажды.

Жажды подчинения и господства. Жажда славы. И – жажда знаний.

Допустим, что эта жажда будет осознана европейцами.

Европейский менталитет диктует привычный (и освященный тем же христианством) способ поведения – жажду надо побороть.

Выльется ли это в индивидуальную аскезу, либо же в полномасштабную кампанию «по борьбе с жаждой» – значение не имеет.

С точки зрения даосского же мировоззрения, бороться с жаждой бесполезно, глупо и даже вредно (Медведева 2002: 69).

Жажда может быть только удовлетворена.

Тогда она превращается в простую потребность, которую человек может контролировать и извлекать из этого пользу.

С этой точки зрения, что есть «третий рейх», как не удовлетворение целого ряда мучивших немцев жажд?

Ницше их достаточно перечислил в свое время. В том числе – и жажд людей науки. И жажд, провоцируемых и поощряемых наукой.

Наука сегодня – один из столпов нашего мира.

Но ее главная потенция заключается вовсе не в том, что она «принимает решения» и управляет.

Наука сегодня стремится превратить себя в жажду. Главную жажду человечества. И тогда она действительно станет управлять.

Боюсь только, что результатом ее правления станет воплощение «pereat vita».

«О жизни мудрейшие люди всех времен судили одинаково: она не стоит ничего… Здесь, во всяком случае, что-нибудь должно быть больным, ответим мы» (Ницше 1998b: 566).

«Поэтому наука нуждается в высшем контроле и надзоре; рядом с наукой возникает учение о гигиене жизни» (Ницше 1998: 230).

Возникает ли?

Кризис науки – «притча во языцех» XX века.

Постмодерн – последний из пророков, обещавших науке смерть. Наука же продолжает жить.

Постмодерн хорошо начал. Он начал с того же, что и «Даодэцзин»: «Дао, выраженное словами, не есть постоянное Дао». Европейская мысль выразила это устами Тютчева даже резче: «Мысль изреченная – есть ложь».

Да, постмодернизм начинает с выхода за пределы слова. Но к чему он приходит?

Приходит он, увы, к науке. Или же к другой игре ума, часто – бесплодной.

«Нарождается новый род философов… эти философы будущего хотели бы… называться “искусителями”. Наверняка, они не будут догматиками. “Мое суждение есть мое суждение”, и они ни с кем не хотели бы его делить» (Ницше 1998c: 276-277).

Увы, жажда быть «искусителями» явно перевешивает сегодня в постмодернизме все остальное. И тогда можно услышать, что «постмодернизм – это отрицание объективности истины, добра и красоты».

Постмодернизм сегодня – шизофрения, переходящая в кататонию. Он демонстративно отказывается искать общий язык с другими. Сам себя он (в лице не считающего себя постмодернистом одного из «отцов постмодернизма») иногда называет «пародией на эпистолярную литературу» (Деррида 1999: 6).

Да, постмодернизм свел себя к бесплодной игре ума. И – игре слов.

Вместо того, чтобы молчать, постмодернизм – болтает без умолку. Он запутался в собственных словах, застрял в своих «непрозрачных реальностях». И забыл другое изречение «Даодэцзин»: «Кто знает, не говорит. Кто говорит, не знает».

Поэтому постмодернизм закономерно пришел к «Голубому салу».

Я долго думал, стоит ли писать так о постмодернизме. Да и что можно добавить к сказанному противниками его? Пообщавшись с «живым постмодернистом», человеком, который «исповедует» постмодернизм и живет им, решил – стоит. Вживую это – еще выразительнее, чем в слове писаном.

Кстати, этот «живой постмодернист» заметил: «настоящих постмодернистов можно встретить только в сумасшедшем доме». И действительно, когда «все мерзко» – жить нельзя.

«Но не стоит больше тратить по этому поводу серьезных слов, когда можно сказать нечто веселое» (Ницше 1998: 215).

Или, как сказал Жванецкий: «А те, кто знает все до конца, те при встрече молча пожимают друг другу руки и расходятся, смахивая слезу».

Постмодернизм – не знает. И по большей части – пережевывает Ницше.

Ницше писал о «неудобоваримых камнях знания в желудках современного ему человека» (1998: 182). О том, что «постепенно исчезает всякое соответствие между человеком и областью его знаний» (Ницше 1998: 191). О том, что «новейшее поколение ученых мудро только в одном отношении, и в этом отношении оно, пожалуй, мудрее, чем все люди прошлого, во всех же остальных оно только, мягко выражаясь, бесконечно отлично от ученых прежнего склада» (Ницше 1998: 205).

«Посмотрите на ваших ученых, этих истощенных наседок. Поистине, они не похожи на “гармонические натуры”; только кудахтать они умеют больше, чем когда-либо, так как они чаще несут яйца; правда, зато яйца делаются все меньше (зато книги все толще)» (Ницше 1998: 206).

Да, постмодернизм пережевывает Ницше. Но явно забывает, чем закончил Ницше – этот «ну прямо Дон Кихот» (Петер Гаст).

От умных слов до умных дел – целая пропасть. И не постмодернизму ее перепрыгнуть – превращение жизни в сплошной стеб жизни не способствует.

Но так же, как наука сегодня совершенно необходима человечеству, так же и постмодернизм – совершенно необходим науке. Даже в виде «Голубого сала».

Потому что постмодернизм обладает той всеядностью, которой так не хватает науке. Потому что он обладает той тонкостью в чувствовании нюанса, которой так не хватает науке. Потому что он обладает той поверхностностью, которой так не хватает науке.

Потому что постмодернизм в лучшем своем выражении – есть лучшая сегодняшняя наука.

Но если помножить пессимизм науки на пессимизм постмодернизма, какая жизнь выдержит это?

Между тем всякий настоящий ученый хочет – быть Ницше и не сойти с ума.

Ницше пророчит гибель науки в ее инкубаторских стремлениях. Но, скорее, можно ожидать гибели ученых.

Жажда интеллектуальных построений, как и любая жажда, границ не имеет. И уже сегодня многие ученые (и я в том числе) вполне подобны крысам из знаменитого эксперимента со вживлением электродов в центры удовольствия в головном мозге. Крысы, поняв принцип, нажимали на рычаг, замыкавший электрическую цепь, все свое время, не обращая внимания ни на какие иные потребности. Пока не умирали от истощения.

Жажда знаний превращается в жажду смерти. Вполне освященную этикой науки – наука приветствует смерть во славу свою.

«Воины смерти, конечно, могут получить удовольствие от смерти. Но сделать это они могут только один раз» (Медведева 2002a: 9).

Японские самураи умирали, выполняя свой долг. Ученые – выполняют свой. Как «ограниченный контингент советских войск в Афганистане».

А кому мы, собственно говоря, и что – должны?

Этого-то вопроса себе никто и не задает.

Наука (или общество?) требуют от нас специализации. «Какова цель всякой высшей школы? Сделать из человека машину» (Ницше 1998b: 611).

Успех ждет того, кто способен вгрызться в «совершенно изолированный отрывок прошлого», который «отдан на жертву его остроумию и усвоенному им методу» (Ницше 1998: 205). Цель оправдывает средства?

Но когда знание становится самоцелью, наука превращается в борьбу с ветряными мельницами, а ученые – в рыцарей печального образа...

«Отсутствие тяги к проверке выводов и доказательствам… есть самое главное отличие дилетанта от ученого».

Возможна ли наука без доказательств? Не знаю.

Но, на мой взгляд, глубокая истина – в доказательстве не нуждается.

Размышляя над этим, В.И. Вернадский пришел к выводу, что в основе нашего познания лежит интуитивное, иррациональное знание, так называемая «эмпирическая наука». В основе ее – эмпирические обобщения, интуитивно чувствуемые и не нуждающиеся в доказательстве. Именно они двигают науку. А уже потом приходят гипотезы, теории, парадигмы (Вернадский 1975: 20).

К подобному же выводу приходит и Шоу Дао. И это совпадение – симптоматично.

Потому что наука сегодня мечется между Ницше и христианством. Между идолопоклонством и безумием. Между двумя видами юродства.

И это нормально.

Наука сегодня ищет свой «срединный путь» – «стать Ницше и не сойти с ума». Думаю, так или иначе, «срединный путь» будет найден.

Но в этих поисках опыт Шоу Дао (который, кстати, достаточно сильно отличается от других популярных сегодня на Западе систем) не будет лишним.

Потому что там, где европейское сознание бьется в тисках бинарных оппозиций, Шоу Дао начинает с «жемчужного треугольника противоположностей».

Впрочем, на Западе сегодня идеи различных течений «восточной» философии – от йоги

до буддизма и от суфизма до даосизма составляют не только очень заметный элемент массовой культуры, но проникают, и достаточно глубоко, в научную и околонаучную мысль. Идет «серьезный диалог западной культуры и дзен (К.Г. Юнг, Э. Фромм, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн)» (Померанц 1993: 12).

Наверное, одни из наиболее ярких примеров такого диалога – «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» и «Алхимик». Вероятно, чем дальше, тем больше европейская мысль будет развиваться под влиянием этого источника идей.

Разумеется (и об этом говорит само появление этих книг), все это может свестись к тому, что одно «христианство» сменится другим. Тот же дзен, который пренебрежительно относится к книжной мудрости, передается на Запад в основном в книжном виде. И вызывает в первую очередь книжный бум.

Аристотелевское представление о «биос теоретикос», как наилучшем из возможных варианте жизни, по-прежнему определяет европейское сознание. «Наставники более мудры не благодаря умению действовать, а потому, что они обладают отвлеченным знанием... Знание тем ценнее, чем менее оно связано с получением непосредственной выгоды» (Met. I 1, 981 b 5, цит. по: Кессиди 1983: 9).

Похоже, «слово» опять разойдется с «делом». А «серьезный диалог» так и останется «Беседой на проселочной дороге» (погребенной под сотней с лишним томов прочих работ М. Хайдеггера). Более того, «книжный дзен», вызывая «смущение умов» и не в силах научить их успокоению, вместо большой пользы может принести еще больший вред.

Наверно, это тоже нормально.

«Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

Однако зачем я тогда пишу эти строчки?

Наверно, прежде всего для того, чтобы излить свои мысли и забыть о них. Но и потому, что только тот, кто знает, может выбирать.

Пожалуй, выражение «кто знает», следовало бы изменить на другое – «кто умеет».

«Знают» (вроде бы) сегодня очень многие. Умеют же – много меньше.

И такое положение усугубляется еще одним обстоятельством. Мало того, что заимствованное знание (тот же даосизм или дзен-буддизм) у нас тут же обращается в книжную форму. Источником этого знания зачастую является тоже не живая традиция, а книжная мудрость.

Притча, конечно, отражает в себе мудрость. Но, например, в Шоу Дао притчи рассматриваются как «путь ложного знания», через который ученика проводят, но по мере возможности не дают ему застрять на нем.

Кроме того, эта книжная мудрость зачастую уже сама достаточно далека от истин оригинала.

Так, тот же Чжуан-цзы, рассматриваемый как наиболее оригинальный и «самый даосский» из даосских мыслителей, на деле представляет собой, в определенном смысле, – и отрицание даосизма, и его вырождение.

Сам Чжуан-цзы издевается над теми, кто «ходит по-птичьи, и ступает по-медвежьи», и особым образом «глотает слюну, надеясь достичь бессмертия». То есть издевается над даосами-практиками и их психофизическими упражнениями.

Чжуан-цзы – интеллектуал, «бунтарь и отшельник». Это китайский Эпикур, если не Диоген.

«Бунтари» и представители «интеллектуальной элиты» Китая эпохи Шести династий – течения «Ветра и потока» (см. Романчук, Тельнов 2000). Да, они стремятся противопоставить себя диктату общества. Они действительно «интеллектуальная элита», в определенном смысле – «прозревшие».

Но вся их жизнь – не более чем бунт. Проявление своего «ветра и потока» стало для них самоцелью, а экстравагантность поведения – эталоном. Жестким эталоном, не обращающим внимания на жизнь – их девизом могли бы стать слова Макаревича: «не стоит прогибаться под изменчивый мир...».

Нет, они вовсе не «воины жизни», они – люди слабые, наркоманы и пьяницы (см. Бежин 1982).

И представители «ветра и потока», и Чжуан-цзы хорошо описаны Эрихом Фроммом. И он же показал, что поведение такого типа людей есть поведение людей отчаявшихся в борьбе, но не могущих стать «винтиками общества». Это – бунт бессилия.

Бунт – не лучшая стратегия. И изменчивый мир отнюдь не собирается прогибаться под нас – скорее, он перемелет в порошок любых бунтарей.

А потому, мне кажется, нам хватает своего бунта, бунта Ницше – не стоит присовокуплять к нему еще один, чужой. Может, хватит «знаний» без «умений»?

И, в целом, для мира, в котором «информации становится все больше и больше, а смыслов – все меньше и меньше» (Ж. Бодрийяр), для «галактики Гутенберга», следует ожидать того, чтобы «слово» все больше и больше проверялось «делом». За информационным обществом должно родиться «пост-информационное».

Общество, которое осознает, что каждому приходится создавать «свою синергетику». И именно здесь и начинается наука, и становится наукой тем больше, чем больше она выходит за рамки науки.

Общество, которое не забывает о словах М. Жванецкого: «Писáть, как и пúсать, следует тогда, когда уже не можешь».

«Из всего написанного люблю я то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух. Нелегко понять чужую

кровь: ненавижу читающих бездельников» (Ницше 1998d: 29).

Наше общество тоже очень любит написанное кровью. Слушая «Охоту с вертолета», ощущаешь это особенно остро...

Но кто пишет кровью – не должен забывать, что кровь ему нужна для жизни...

Не знаю, возможна ли наука без доказательств. Но исконное значение слова дилетант – «получающий наслаждение».

Так, может, и нам – поменьше доказывать и побольше наслаждаться. Наслаждаться – жизнью, а не смертью.

И, может быть, в своем самоопределении науке стоит вспомнить о Бальтасаре Грасиане и таких, как он? Правда, и этот мыслитель собственной жизнью опроверг свои же идеи (Бирнштейн, Боршевич, Тудос 2000), как бы показав, что выдающийся человек и стратагемное поведение – вещи почти несовместимые. Как высокое дерево притягивает к себе молнии, так и люди такого типа повязаны своей неординарностью.

Но он хотя бы пытался.

И, возвращаясь к восточнонемецким ученым, изгоняемым со своих кафедр и подвергающимся «судам чести» (на самом деле, самый волнующий и тревожный мотив сборника), стоит спросить себя: разве на этом жизнь заканчивается?

Арабская пословица по этому поводу говорит: «пусть утешится не имеющий башмаков, ибо есть – не имеющие ног». И разве роль ученого – не просто одна из социальных ролей?

Ученый, политик или крестьянин – всегда меньше, чем человек.

Во всяком случае, «человек не должен делаться Дон Кихотом» (Ницше 1998: 189). Пора вспомнить, что путь важнее цели.

Но кто умеет – может становиться и Дон Кихотом без вреда для себя. Просто надо уметь возвращаться.

Наверное, в науке главное – учиться быть свободным.

Впрочем… «Кто знает – не говорит…»

«Поэтому даже удар молнии, поражающий Дон Жуана в финале, решительно никого не смог удовлетворить».

«Вода в своей природе неизменна
Как капля нежная источит каменную твердь,
Так слабость силу побеждает.
Всяк знает это,
Но немногие умеют».

(Даодэцзин: 78).

ЛИТЕРАТУРА

Бежин Л.Е. 1982. Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III – VI веков. М.

Бирнштейн Б., Боршевич В., Тудос В. 2000. К истории учений о стратагемном поведении и мышлении людей // Acta Academia, Chişinău.

Вернадский В.И. 1975. Размышления натуралиста. Т. 1. М.

Даодэцзин // Вон Кью Кит 2001. Тай-цзи цюань. Полное руководство по теории и практике (перевод с англ. Ю. Бондарева).

Деррида Ж. 1999. О почтовой открытке от Сократа и до Фрейда и не только. М.

Капра Ф. 1994. Дао физики. М.

Кессиди Х. Ф. 1983. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения. Т.4. М.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. 1994. Законы эволюции и самоорганизации в сложных системах. М.

Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.

Клейн Л.С. 2000. Археология в седле. (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus, №5.

Кун Т. 1975. Структура научных революций. М.

Малявин В.В. 1985. Чжуан-цзы. М.

Медведева И.Б. 2002. Обучение у воды. Киев.

Медведева И.Б. 2002a. Тайное учение даосских воинов. Киев.

Ницше Ф. 1998. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения, т. 1. М.

Ницше Ф. 1998a. Антихрист. Проклятие христианству // Сочинения, т. 2. М.

Ницше Ф. 1998b. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Сочинения, т. 2, М.

Ницше Ф. 1998c. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения, т. 2. М.

Ницше Ф. 1998d. Так говорил Заратуштра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения, т. 2. М.

Повель Л., Бержье Ж. 1994. Утро магов. Киев.

Померанц Г. 1993. Парадоксы дзен (вместо предисловия) // Железная флейта. Киев.

Политология. 2001. Справочное пособие. М.

Романчук А.А., Тельнов В.Н. 2000. «Ветер и поток» в современной теоретической археологии // Stratum plus, №2.

Чжуан-цзы, Ле-цзы. 1995. Перевод В.В. Малявина. Серия «Философское наследие», т. 123. М.

Фромм Э. 1992. Бегство от свободы. М.

Фромм Э. 1994. Иметь или быть? М.

Хайек Ф. 1983. Дорога к рабству. М.

Эрлих С.Е. 1999. Россия колдунов-2 (Раскопки сакрального текста) // Stratum plus, №5.

Ясперс К. 1992. Смысл и назначение истории. М.

Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. / H. Härke (ed).- 2, rev. ed., – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002 (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel; Bd. 7).

Härke H. 2002. The German Experience // Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. P.13-40.

Jacobs J. 2002. German unification and East German archaeology // Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. P.342-355.

Sommer U. 2002. The teaching of archaeology in West Germany // Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. P.205-244.

Wolfram S. 2002. Vorsprung durch Technik or «Kossinna Syndrome»? Archaeological theory and social context in post-war West Germany // Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. P.183-205.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

.

АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск.
АИЗ	– Археологические известия и заметки.
АК	– Археологическая комиссия.
АЛЮР	– Археологическая летопись Южной России.
АО	– Археологические открытия.
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР, Киев.
Арх.	– Археологія, издание ИА АН УССР, Киев.
Арх. София	– Археология. Орган на Археологически Институт и Музей при Българска Академия на Науки. София.
БИАМ	– Бахчисарайский историко-археологический музей.
БКРС 1983	– Большой китайско-русский словарь. Под ред. проф. И.М. Ошанина. Тт. 1-4. М. Наука. ГРВЛ. 1983.
В	– Вес.
ВВ	– Византийский временник.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВИ	– Вопросы истории.
ВОКК	– Вісник Одеської комісії краезнавства.
ВОМН	– Вестник Одесского музея нумизматики.
ВУАК	– Всеукраинский археологический комитет.
Газ.	– Газета.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры.
ГАОО	– Государственный архив Одесской области.
ГИКМ	– Государственный историко-краеведческий музей Молдавской ССР, Кишинев.
ГИМ	– Государственный исторический музей, Москва.
ГМ Абхазии	– Государственный музей Абхазии, Сухуми.
ГМА	– Государственный музей Армении, Ереван.
ГМАз	– Государственный музей Азербайджана, Баку.
ГМГ	– Государственный музей Грузии, Тбилиси.
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств, Москва.
ГМСБ	– Годишник на музеите от Северна България, Варна.
ГРВЛ	– Главная редакция восточной литературы. М. (Изд. «Наука»).
ГСУ ИФ	– Годишник на Софийския университет Исторически факултет.
ГХМ	– Государственный Херсонесский музей, Севастополь.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.
Д	– Диаметр.
ДАК	– Дело Археологической комиссии.
ДАН	– Доклады Академии Наук.
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского.
ДПХУ	– Дело Правления Харьковского Университета.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАО	– Записки археологического общества.
ЗВО	– Записки восточного отделения Русского археологического общества.
ЗНТШ	– Записки Наукового товариства імени Шевченка, Львів.
ЗОЛКА	– Записки Общества любителей кавказской археологии.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества.
ЗРВИ	– Зборник Радова Византолошког Института. Белград.
ИА	– Институт археологии.
ИАИ	– Известия на Археологическия Институт – София.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии.
ИАСЗП	– Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья, Киев.
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИ	– Институт истории АН СССР.
ИМ	– Исторический музей.
ИНМВ	– Известия на Народния музей - Варна, Варна.
ИОЛЕА	– Известия Общества любителей естествознания и антропологии.
ИОН	– Институт общественных наук АН УССР, Львов.
ИПЛ	– Издательство политической литературы. М.

ИПр. – Исторически Преглед. София.
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, Симферополь.
КВ (III-XV) АС – Каталог выставки (III-XV).
КГИМ – Киевский Государственный исторический музей.
КДА – Киевская духовная академия.
КЗВУАК – Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету.
ККМС – Крымский краеведческий музей г. Симферополя.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСОГАМ – Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ.
ЛГИМ – Львовский Государственный исторический музей.
Лит. – Литература.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии.
ЛХМ – Летопись Херсонского музея.
МАО – Московское археологическое общество.
МАР – Материалы по археологии России.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград.
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР.
Минало – Минало. София.
МКУ – Музей Киевского университета.
НСф – Нумизматика и сфрагистика.
НТШ – Научное товарищество имени Т.Г.Шевченко.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика, Москва.
ОАК – Отчет Археологической комиссии.
ОГАМ – Одесский государственный археологический музей.
ОИКМ – Одесский историко-краеведческий музей.
ООИД – Одесское общество истории и древностей.
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ.
РАН – Российская Академия Наук.
СА – Советская археология, Москва.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников.
САИИ – Сектор археологии Института истории АН Молдавской ССР.
СНГ – Секция нумизматики и глиптики ГАИМК.
СЭ – Советская этнография.
ТОНГЭ – Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
ТР. (I-XV) АС – Труды (I-XV) Археологического съезда.
Тр. КГУАК – Труды Курской губернской ученой архивной комиссии.
Тр. КДА – Труды Киевской духовной академии.
Тр. МПК – Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда, вып. I. М., 1906.
Тр. Оренб. УАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
Тр. РУАК – Труды Рязанской ученой архивной комиссии.
Тр. СУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
Тр. ХПК – Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда.
УКМ – Уманский краеведческий музей.
ХГУ – Харьковский Государственный университет.
ХЛ – Художественная литература. М.
Хр. – Место хранения.
ЦГИАЛ – Центральный Государственный исторический архив, Ленинград.
ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, Киев.
AAC – Acta Archaeologica Carpathica, Kraków.
AAH – Acta Archaeologica Hungarica.
AD – Analele Dobrogei. Constanţa.
AE – Archaeologiai Ertesito, Budapest.
AE – L'année épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine.
AI IA – Anuarul Institutului de istorie şi arheologie "A.D. Xenopol".
ARA – Annuaire Roumain d'Anthropologie. Bucureşti.
Arch.f.Anthr. – Archiv für Anthropologie. Zeitschrift für Naturgeschichte und Urgeschichte des Menschen.
Arch.f.osterreich. Gesch. – Archiv für österreichische Geschichte.
Arch.Kozl. – Archaeologiai Kozlony.
Arh. Med. – Arheologia Medievală. Reşiţa.
BBl – Berliner Blätter.
BF – Byzantinische Forschungen. Amsterdam.
BMC – H.Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum. London, 1923-1951.
BMC, Galatia – W.Wroth. A catalogue of the Greek coins in the British Museum. Galatia, Cappadocia and Syria. London, 1899.
BSNR – Buletinul Societăţii Numizmatice Române. Bucureşti.
BZ – Byzantinische Zeitschrift. München.

CAB – Cercetări arheologice în Bucureşti. Bucureşti.
Cerc. Arh. – Cercetări Arheologice. Bucureşti.
CI – Cercetări Istorice. Iaşi.
CIL – Corpus inscriptionum Latinarum.
CN – Cercetări Numizmatice. Bucureşti.
Cultura şi civilizaţie – Cultura şi civilizaţie la Dunărea de Jos. Călăraşi.
Dacia N.S. – Dacia. Recherches et découvertes archéologiques en Roumanie. Bucureşti.
Danubius – Danibius. Galaţi.
DIR – Documente privind istoria României.
DRH – Documenta Romaniae Historica.
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua.
Et. Balk. – Études Balkaniques. София.
IDR – Inscripţiile Daciei Romane.
Ilfov – Ilfov. File de Istorie. Bucureşti.
IOSPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
IOSPE I² – Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.
ISM – Inscripţiile din Scythia Minor.
Istros – Istros. Brăila.
JfA – Jahrbuch für Altertumskunde. Wien.
JOBG – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Wien.
JPEK – Jahrbuch der prähistorischen und ethnographischen Kunst.
KMA – Kraków, Muzeum Archeologiczne.
MAAE – Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1896-1914.
Materiale – Materiale şi Cercetări Arheologice. Bucureşti.
Memoires – Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.Petersbourg.
MIM – Materiale de Istorie şi Muzeografie. Bucureşti.
Mitt.Osnabruck – Mitteilungen des Vereins für Geschichte und Landeskunde von Osnabrück.
Monatsh. Wien – Wiener numismatische Monatshefte, Wien.
Mousaios – Mousaios. Buzău.
Munzbl. Berlin – Berliner Münzblätter, Berlin.
MZK – Mitteilungen der K.K. Zentralkommision für Erforschung. Wien.
NCCsl – Numismaticky časopis československy, I-XXI, Praha, 1925-1952.
NL – Numismaticke listy, Praha.
Num.Kozl. – Kozlony Numizmatikai. Budapest.
Num.Zeitung – Numismatische Zeitung. Weissensee.
NZ – Numismatische Zeitschift. Wien.
OBLK – Österreichische Blätter für Literatur und Kunst.
Peuce – Peuce. Tulcea.
PMA – Państwowy Muzeum Archeologiczny, Warszawa.
Pontica – Pontica. Constanţa.
Prah.Z. – Prähistorische Zeitschrift, Leipzig.
Prah.Z. – Prähistorische Zeitschrift, Wien.
RE – Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
Rec. – E.Babelon, Th.Reinach. Récueil général des monnaies Grecques d'Asie Mineure, t.I, fasc.1. Paris, 1904; t.I, fasc.2. Paris 1908.
RESEE – Revue des Études Sud-Est Européennes. Bucureşti.
RIC – H.Mattingly, E.Sydenham. The Roman imperial coinage, vol.I-IX. London, 1923.
RM – Revista Muzeelor. Bucureşti.
Rocznik PAU – Rocznik Polskiej Akademii Umiejętnosci, Kraków.
Rocznik ZAU – Rocznik Zarządu Akademii Umiejętnosci, Kraków.
RRH – Revue Roumaine d'Histoire. Bucureşti.
Sb.Kurl. – Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literarur und Kunst.
Sb.Riga – Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga.
SCA – Studii şi Cercetări de Antropologie. Bucureşti.
SCIV(A) – Studii şi Cercetări de Istorie Veche (şi Arheologie). Bucureşti.
SCN – Studii şi Cercetări de Numizmatică. Bucureşti.
SCS Iasi – Studii şi Cercetări Ştiinţifice. Iaşi.
SEG – Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat.
Send.Kurland – Sendungen der Kurländischen Gesellschaft für Literarur und Kunst.
Slown.geogr. – Słownik geograficzny, Kraków.
Spraw.Gr.Kons. – Sprawozdanie Grona Konserwatorów Galicji wschodniej. Lwów, 1906.
Syd. – E.A.Sydenham. The Coinage of Caesarea in Cappadocie. London, 1933.
Teka Gr. Kons. – Teka Grona Konserwatorów Galicji wschodniej. Lwów.
TM – Travaux et Mémoires. Paris.
Verh.GEG – Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft. Dorpat.
WA – Wiadomości archeologiczne. Warszawa.
WNA – Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków.
ZfE – Zeitschrift für Ethnologie. Berlin.
ZfN – Zeitschrift für Numismatik. Berlin.
ZOW – Z otchlani wieków. Poznań.
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.
ZWAK – Zbior wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1877-1895.

НАША ГЕОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «STRATUM PLUS» ЗА 2000 Г.

Монографии

Белецкий С.В. (С.-Петербург, Россия). Зарождение русской геральдики 6 364
Кашуба М.Т. (Кишинёв, Молдова). Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) 3 241
Клейн Л.С. (С.-Петербург, Россия). Археология в седле. (Косинна с расстояния в 70 лет) 4 88
Коробкова Г.Ф. (С.-Петербург, Россия), Джуракулов М.Д. (Самарканд, Узбекистан). Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (Специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) 1 385
Рабинович Р.А. (Кишинёв, Молдова). Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы5 262
Субботин Л.В. (Одесса, Украина). Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы 2 350

Статьи

Абрамова З.А. (С.-Петербург, Россия). Мамонт и женщина в палеолитическом искусстве Европы 1 319
Абызова Е.Н., Клочко Е.О. (Кишинев, Молдова). Курганный могильник у с. Кирилень 2 516
Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. (Симферополь, Украина). Об атрибуции одной из средневековых церквей Феодосии . 5 425
Алексеев В.П. (Одесса, Украина). Монеты царя Фарзоя из Тиры 6 172
Аникович М.В. (С.-Петербург, Россия). Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы 1 11
Анисюткин Н.К. (С.-Петербург, Россия), Борзияк И.А. (Кишинев, Молдова). Палеолитическая стоянка Ярово на Среднем Днестре 1 315
Аствацатуров Г.О. (Армавир, Россия). Почему молчал Боплан? 5 440
Аствацатуров Г.О. (Армавир, Россия). Петроглифы Бендерской крепости 6 427
Атанасов Г. (Силистра, Болгария), Йотов В. (Варна, Болгария), Засыпкина Г.В., Руссев Н.Д. (Кишинёв, Молдова). Исследования городища Руйно – Картал-Кале (предварительное сообщение) 5 97
Атанасов Г. (Силистра, Болгария). Иконография образа «Святой Георгий на троне» в средние века 6 288
Атанасов Г. (Силистра, Болгария). Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X – начало XI вв.) 5 183
Банффи Э. (Будапешт, Венгрия). Юго-Западное Задунавье как посредническая зона. Данные к культурной истории раннего и среднего энеолита в свете последних исследований 2 63
Барфилд Л.Х. (Бирмингем, Англия), Монтаньяри Кокели Э. (Триест, Италия). IV и III тыс. до н.э. в Северной Италии: от позднего неолита к эпохе меди 2 12
Батизат Г.В. (Одесса, Украина). Раннехристианские и византийские источники о распространении христианства на территории современной Украины 5 477
Белецкий С.В. (Санкт-Петербург, Россия). Еще раз о нижнем слое Псковского городища 4 209
Бруяко И.В. (Одесса, Украина). «...И это прекрасно!» 3 9
Бруяко И.В., Росохацкий А.А. (Одесса, Украина). К собранию светильников римского времени из Тиры 4 342
Бруяко И.В., Росохацкий А.А. (Одесса, Украина). Погребения эпохи бронзы из позднеантичного могильника Беленькое ... 2 563
Бруяко И.В., Сапожников И.В. (Одесса, Украина). Белгород-Днестровская крепость как памятник военно-инженерного искусства (основные этапы истории конца XIV – начала XIX вв.) 5 443
Бырня П.П., Николае Е. (Бухарест, Румыния). Перстень-печатка XV в. из Старого Орхея 6 252
Вакуленко Л.В. (Киев, Украина). Северные германцы в Украинском Закарпатье в конце позднеримского периода 4 312
Васильев С.А. (С.-Петербург, Россия). Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири 1 178
Васич Р. Фибулы Центральных Балкан 3 240
Вахтина М.Ю. (С.-Петербург, Россия). Келермесское зеркало, сектор 6: Лиса, Медведь и Птица 3 52
Виноградов Ю.А. (С.-Петербург, Россия). Феномен Боспорского государства в отечественной литературе 3 98
Вишняцкий Л.Б. (С.-Петербург, Россия). «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины ... 1 245
Вишняцкий Л.Б. (С.-Петербург, Россия). Предисловие редактора 1 9
Воротинский А.В. (Санкт-Петербург, Россия). О черняховских чашах с крестами из Лепесовки 4 273
Гойда М. (Прага, Чехия). Археология в республике Чехия: учет и охрана памятников, разведка древнего и исторического ландшафта 5 502
Голованова Л.В. (С.-Петербург, Россия). Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе 1 158
Гончарова И.Е. (Кишинёв, Молдова). Русско-турецкие войны в 1735-1878 гг. в медалях из коллекции Национального музея истории Молдовы 6 433
Гончарова Ю.В. (С.-Петербург, Россия – Кишинев, Молдова). Дорогами степного коридора. Типы, варианты, предположения 2 590
Горончаровский В.А. (С.-Петербург, Россия). Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры 3 229
Граматику С. (Бухарест, Румыния). Монеты древней Киликии из коллекции Марии и Джордже Северяну 6 167
Григорьев Г.П. (С.-Петербург, Россия). Тридцать лет спустя, или что правильно, а что неправильно в книге «Начало верхнего палеолита» 1 211

Григорьева Г.В. (С.-Петербург, Россия). Украшения и орнаментированные бивни из верхнепалеолитического поселения Юдиново 1 326
Грифони Кремонези Р. (Пиза, Италия). Энеолит Центральной Италии 2 40
Гудкова А.В. (Одесса, Украина). Ранняя кружальная керамика черняховской культуры 4 346
Демиденко Ю.Э. (Киев, Украина). «Крымская загадка» – среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур Сюрени I: альтернативные гипотезы для решения проблемы 1 97
Дергачев В.А. (Кишинев, Молдова). Два этюда в защиту миграционной концепции 2 188
Добролюбский А.О. (Одесса, Украина). Евреи-запорожцы под стенами Хаджибея 6 360
Добролюбский А.О., Красножон А.В. (Одесса, Украина). Турецкий поселок и замок Хаджибей на месте Одессы 5 459
Егорейченко А.А. (Минск, Белоруссия). Зарубинецкое селище в Давид-городке 4 66
Еременко В.Е. (Санкт-Петербург, Россия). Новые перспективы исследования планиграфии и топохронологии могильников раннего железного века (по материалам зарубинецких могильников Чаплин и Велемичи I) 4 36
За строкой биографии. К 70-летию Павла Петровича Бырни 5 11
Засыпкина Г.В. (Кишинёв, Молдова). Даки II-III вв. к востоку от Карпат. Новые исследования погребальных памятников .. 4 392
Зверев Е.Ю. (Кишинев, Молдова). Относительная хронология некоторых опорных памятников среднего и позднего Гальштата в Юго-Западной Румынии 3 171
Зубарь В.М. (Киев, Украина). Новые латинские эпиграфические памятники II – середины III вв. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса 6 218
Зубарь В.М. (Киев, Украина). По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV – V вв. 4 291
Зубарь В.М. (Киев, Украина). Римская крепость Харакс 4 176
Зубарь В.М., Крапивина В.В. (Киев, Украина). Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии середины III в. 6 237
Иванова С.В. (Одесса, Украина). О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья2 388
Ингравалло Э. (Лечче, Италия). Энеолит Южной Италии 2 53
Йотов В. (Варна, Болгария). О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. 5 209
Кантакузино Г.И. (Бухарест, Румыния). Церковь-мавзолей XV века: строение Стефана Великого из Рэзбоень 5 436
Карышковский П.О. Три ольвийских посвящения первых веков нашей эры 6 116
Каспарова К.В. Отзыв на диссертацию В.Е. Еременко «Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры», представленную к защите на соискание ученой степени к.и.н. 4 17
Каспарова К.В. Отзыв о рукописи статьи А.М.Обломского «К вопросу о классификации и хронологии зарубинецких фибул с треугольным щитком» 4 20
Каспарова К.В. Отзыв о статье Л.Д.Поболя «Железный век Белоруссии» (по поводу рецензии А.Г.Митрофанова) .. 4 23
Каспарова К.В.. Заметки о погребальном обряде верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры 4 33
Кашуба М.Т. (С.-Петербург, Россия – Кишинев, Молдова). Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье 3 140
Кетрару Н.А. (Кишинев, Молдова), Григорьева Г.В. (С.-Петербург, Россия), Коваленко С.И. (Кишинев, Молдова). Позднепалеолитическая стоянка Рашков VII (кремневая индустрия) 1 272
Клейман И.Б. (Одесса, Украина). В начале славных дел... (М.Ф.Болтенко и раскопки в Аккермане в 1912 г.) 3 85
Клейн Л.С. (С.-Петербург, Россия). Археологическая периодизация: подходы и критерии 1 485
Клейн Л.С. (С.-Петербург, Россия). Каталог кораблей: структура и стратиграфия 3 17
Клейн Л.С. (С.-Петербург, Россия). Миграция тохаров в свете археологии 2 178
Клейн Л.С. (С.-Петербург, Россия). Типология в связи с модерном 2 584
Коен В., Степанчук В. (Киев, Украина). Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту: новые данные из Восточной Европы 1 31
Колотухин В.А. (Симферополь, Украина). Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият в Крыму 2 526
Коновалова И.Г. (Москва, Россия). Поход Святослава на Восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» .. 5 226
Корпусова И.В. (Одесса, Украина). Печати Одесского общества истории и древностей 6 440
Красножон А.В. (Одесса, Украина – Кишинев, Молдова). «Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье» 3 237
Кропоткин В.В. Дополнение к списку находок римских монет 6 20
Крыжановский А.Л. (Львов, Украина). Деятельность Львовского монетного двора в 1385-1386 гг. и чеканка червонорусских монет Владислава Опольского 6 194
Ксения Васильевна Каспарова – в жизни, в науке, в Эрмитаже 4 11
Кузьмин С.Л. (С.-Петербург, Россия). Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII-X вв. 5 50
Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. (С.-Петербург, Россия). Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста 5 70
Кырчумару М. (Бухарест, Румыния). Проблемы карпатского мустье в Румынии 1 351
Лавров В.В. (Санкт-Петербург, Россия). Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. н.э. 4 331
Лазаренко И. (Варна, Болгария). Спаратеса – неизвестный фракийский правитель конца второго десятилетия III в. до н.э. 6 162

Лазаров Л. (Дылгопол, Болгария). Хорезмский дирхем из Северо-Восточной Болгарии ... 6 ... 423
Левицкий О.Г., Хахеу В.П. (Кишинёв, Молдова), Рябцева С.С. (С-Петербург, Россия – Кишинёв, Молдова). Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X-XI вв. ... 5 ... 90
Лоэ, К. фон дер (Мюнхен, Германия). Могильник Скалистое в Крыму и ранние фазы этногенеза крымских готов (конец IV – начало VI в.) ... 5 ... 119
Львова З.А. (С.-Петербург, Россия). Погребения в Малой Перещепине и Вознесенке и Куврат, каган Великой Булгарии ... 5 ... 145
Магомедов Б.В. (Киев, Украина). Этнические компоненты черняховской культуры ... 4 ... 322
Майко В.В. (Симферополь, Украина). Средневековая молдавская монета из Сугдеи ... 6 ... 425
Майко В.В. (Симферополь, Украина). Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария ... 5 ... 236
Максимов Е.В. (Киев, Украина). О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья ... 4 ... 53
Манзура И.В. (Кишинев, Молдова). Владеющие скипетрами ... 2 ... 237
Манзура И.В. (Кишинев, Молдова). Тезисы о В.С. Бочкареве ... 2 ... 11
Маркс Э.Е., Монигал К. (Даллас, США). Конец среднего и начало верхнего палеолита в Крыму в свете материалов стоянки Буран-Кая III ... 1 ... 84
Мацкевой Л.Г. (Львов, Украина). К вопросу о финальном палеолите и мезолите Кременечины ... 1 ... 378
Мельников О.Н. (Николаев, Украина). К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья 6 ... 144
Михайлова Е.Р. (С.-Петербург, Россия). История изучения псковско-новгородских длинных курганов ... 5 ... 32
Мосионжник Л.А. (Кишинёв, Молдова). Понятие иерофании у Мирчи Элиаде ... 5 ... 510
Мосионжник Л.А. (Кишинёв, Молдова). Германский опыт и наши перспективы ... 6 ... 444
Мосионжник Л.А. (Кишинёв, Молдова). Смерть в Китае (Эпоха древности) ... 6 ... 295
Мэнуку-Адамештяну Г. (Бухарест, Румыния). Нашествия печенегов на Нижнем Дунае (1027-1048 гг.) ... 6 ... 343
Мэнуку-Адамештяну Г., Полл И. (Бухарест, Румыния). Медальон со святыми Космой и Дамианом из Исакчи ... 6 ... 283
Найт Н. (Саут-Орэндж, США). «Спасательная биография» и приемлемое прошлое: Российские этнографы против наследия террора ... 5 ... 519
Нас много, и мы везде... Памяти К.В.Каспаровой ... 4 ... 14
Нелин Д.В. (Челябинск, Россия). Новая находка со спиральным орнаментом в Южном Зауралье ... 2 ... 569
Нефёдкин А.К. (С.-Петербург, Россия). Боевые собаки в древности ... 3 ... 72
Николова Л. (Карлово, Болгария). Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) ... 2 ... 423
Новоселов Н.В. (С.-Петербург, Россия). Плинфа Новгородской земли первой половины XII в. ... 5 ... 407
Обломский А.М. (Москва, Россия). Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье .. 4 ... 141
Оленковский Н.П. (Херсон, Украина). Центральноевропейский эпиграветт и восточно-граветтийские культуры Украины ... 1 ... 368
П.П. Бырня глазами коллег ... 5 ... 15
Павлова М.Н. (С.-Петербург, Россия – Кишинев, Молдова). История фауны. Голоцен. Новые исследования ... 2 ... 602
Паламарчук С.В. (Измаил, Украина). Город Измаил: начальные этапы истории ... 5 ... 452
Пачкова С.П. (Киев, Украина). К вопросу о процессе латенизации зарубинецкой культуры ... 4 ... 74
Пашкевич Г.А. (Киев, Украина). Земледелие в Степи и Лесостепи Восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) ... 2 ... 404
Пескова А.А. (С.-Петербург, Россия). Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI-XIII вв. ... 6 ... 264
Петрунь В.Ф. (Одесса, Украина). О белых инкрустационных пастах керамики трипольских и некоторых других памятников территории Украины и сопредельных стран ... 2 ... 474
Пиоро И.С. (Киев, Украина). Объективность и оригинальность в научном творчестве В.В. Кропоткина ... 6 ... 10
Плешивенко А.Г., Антонов А.Л. (Запорожье, Украина). Курган Вознесенский ... 2 ... 505
Попов И.О. (С.-Петербург, Россия). Княжеские резиденции в домонгольской Руси: летописные известия и археологические реалии ... 5 ... 391
Приходнюк О.М. (Киев, Украина). О культурно-историческом содержании археологических общностей ... 4 ... 288
Пустовалов С.Ж. (Киев, Украина). Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе ... 2 ... 296
Пыслару И. (Бухарест, Румыния – Киев, Украина). Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы ... 2 ... 322
Рассамакин Ю.Я. (Киев, Украина). Квитянская культура: история и современное состояние проблемы ... 2 ... 117
Рогов Е.Я. (С.-Петербург, Россия). Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе ... 3 ... 88
Романчук А.А. (Кишинёв, Молдова). «Столпотворение» нашего времени: между Ницше и христианством ... 6 ... 454
Романчук А.А., Тельнов В.Н. (Кишинев, Молдова). «Ветер и поток» в теоретической археологии. ... 2 ... 595
Рудич Т.А. (Киев, Украина). Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по материалам антропологии . 4 ... 278
Руссев Н.Д. (Кишинёв, Молдова). «Яко ту вся благая сходятся»: Антропология дунайской трагедии 968-971 гг. ... 5 ... 213
Руссев Н.Д. (Кишинёв, Молдова). Молдавские монеты конца XIV – первой трети XV вв. (особенности распространения) ... 6 ... 202
Руссев Н.Д., Сава Е.Н. (Кишинёв, Молдова). Патрица фальшивомонетчика XVIII века? ... 6 ... 430
Рыжов С.Н. (Киев, Украина). Расписная керамика Томашовской локально-хронологической группы трипольской культуры ... 2 ... 459

Рябцева С.С. (С.-Петербург, Россия – Кишинёв, Молдова). Трехбусинные кольца от Вислы до Волги 5 161
Сарель Ж., Ронен А. (Хайфа, Израиль), Э.Бойда (Париж, Франция). Есть ли «переходная индустрия» в северном Израиле? 1 147
Седов В.В. (Москва, Россия). Становление культуры псковских длинных курганов 5 26
Секерская Е.П. (Одесса, Украина). Скотоводство и охота в хозяйстве позднесабатиновского поселения Дремайловка 2 419
Синицын А.А. (С.-Петербург, Россия). Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита. 1 125
Смирнов А.М. (Москва, Россия). Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации 2 571
Смирнова Г.И. (С.-Петербург, Россия). Первые поселенцы у с. Долиняны, в урочище Помирки 2 554
Смирнова Г.И. (Санкт-Петербург, Россия), В.Ф.Мегей (Каменец-Подольский, Украина). Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) 4 156
Смольянинова С.П. (Одесса, Украина). Пространственное распределение кварцитовых изделий на поселении Анетовка II 1 477
Смынтына Е.В. (Одесса, Украина). Палеоэкологическое районирование степной Украины в эпоху раннего мезолита .. 1 463
Советов П.В. Цена иноземного господства: формы экономической зависимости Молдавии от Османской империи 6 136
Сорокина Н.П., Сударев Н.И. (Москва, Россия). Детские погребения Северного Причерноморья VI-III вв. до н.э.3 193
Соффер О. (Урбана, Иллинойс, США). Неандертальские рефугиумы и архаичный образ жизни 1 236
Список опубликованных работ В.В. Кропоткина 6 16
Список опубликованных работ К.В.Каспаровой 4 16
Список опубликованных работ П.П. Бырни 5 21
Список работ К.К. Марченко 3 11
Столяр А.Д. (С.-Петербург, Россия). Малоизвестная глава истории советской археологии 2 613
Стоянов Р.В. (Киев, Украина). Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика 3 129
Сытник А. (Львов, Украина). Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация 1 332
Тельнов Н.П., Левинский А.Н. (Кишинёв, Молдова). Древности свободных даков. Новая археологическая культура в Молдавии 4 172
Тельнов Н.П., Рябой Т.Ф. (Кишинёв, Молдова). Золотоордынский город у с.Костешты в Молдавии 5 108
Терпиловский Р.В. (Киев, Украина). Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов 4 303
Топал Д.А. (Кишинев, Молдова). Николаевский могильник – траектория во времени и пространстве 3 205
Торшин Е.Н. (С.-Петербург, Россия). Новая находка древнерусской надписи и изображения княжеского знака в Смоленске 6 246
Тостевин Г. (Уильямстаун, Массачусетс, США). Это случилось дважды: межрегиональная диффузия в Центральной Европе, Восточной Европе и Леванте в период от 60 до 30 тысяч лет назад 1 216
Травкин С.Н. (С.-Петербург, Россия). Некоторые вопросы нумизматики и истории Старого Орхея (золотоордынский период) 6 182
Тункина И.В. (Санкт-Петербург, Россия). Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: История взаимоотношений (1920-1925 гг.) 4 384
Туровский Е.Я., Демьянчук С.Г. (Севастополь, Украина). Монетные эмиссии Ольвии IV – первой четверти III в. до н.э. 6 155
Фурасьев А.Г. (Санкт-Петербург, Россия). Среднетушемлинские памятники Подвинья 4 201
Чабай В.П. (Симферополь, Украина). Особенности перехода от среднего к верхнему палеолиту в Крыму 1 54
Чеботаренко Г.Ф., Тельнов Н.П. (Кишинёв, Молдова). Поселение Етулия VII в Молдавии 5 83
Черленок Е.А. (С.-Петербург, Россия). Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана 2 346
Черниенко Ю.А. (Одесса, Украина). Некоторые итоги и проблемы изучения строительного дела на сабатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья 2 483
Шагурина Г.Б. (С.-Петербург, Россия). Происхождение некоторых изображений на монетах Артукидов 6 176
Шлапак М.Е. (Кишинёв, Молдова). Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости 6 258
Шувалов П.В. (С.-Петербург, Россия). Венедская слабость и антская сила: К вопросу об эпическом образе ранних славян 5 141
Щукин М.Б. (Санкт-Петербург, Россия). Находки у с.Залевки в Поднепровье и проблема происхождения северо-европейского филигранного стиля I-II вв.н.э. 4 215
Щукин М.Б., Шаров О.В. (Санкт-Петербург, Россия). К проблеме финала черняховской культуры 4 369
Яровой Е.В. (Тирасполь, Молдова), Бруяко И.В. (Одесса, Украина). Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) 3 157
Яценко С.А. (Москва, Россия). Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н.э.4 251
Яценко С.А., Малашев В.Ю. (Москва, Россия). О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии 4 226

CONTENTS OF REVIEW «STRATUM PLUS» IN 2000

Monographs

Beletskii S.V. (S.-Petersburg, Russia). The Origin of the Russian Heraldry 6 364
Kashuba M.T. (Kishinev, Moldova). Early Iron in forest-steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture) ... 3 241
Klejn L.S. (St.-Petersburg, Russia). Archaeology in Saddle (Kossinna in 70 Years Retrospective) 4 88
Korobkova G.F. (S.-Petersburg, Russia), Djurakulov M.D. (Samarkand, Uzbekistan). The Site of Samarkand as a Model of Upper Palaeolithic in the Middle Asia (Pecularities of Chipping Technique and Economic Activities) 1 385
Rabinovich R.A. (Kishinev, Moldova). Tempted by "Nux Gallica", or the Balkan Wallachians and the Russian Magi 5 262
Subbotin L.V. (Odessa, Ukraine). The Early and Middle Bronze Age of the Northwest Pontic Region 2 350

Articles

Abramova Z.A. (St.Petersburg, Russia). Mammoth and Woman in the Palaeolithic Art of Europe 1 319
Abyzova E.N., Klochko E.O. (Kishinev, Moldova). The burial mounds at the Chirileni village 2 516
Aibabina E.A., Bocharov S.G. (Simferopol', Ukraine). On Attribution of a Medieval Church in Feodosia 5 425
Alexeev V.P. (Odessa, Ukraine). The Coins of the King Pharsoes from Tyra 6 172
Anikovich M.V. (St.Petersburg, Russia). The Initial Stage of the Upper Palaeolithic in East Europe 1 11
Anisiutkin N.K. (St.Petersburg, Russia), Borziak I.A. (Kishinev, Moldova). Palaeolithic Site at Yarovo on the Middle Dniester 1 315
Astvatsaturov G.O. (Armavir, Russia). Why Beauplan kept silence? 5 440
Astvatsaturov G.O. (Armavir, Russia). Petroglyphs of the Bender Fortress 6 427
Atanasov G. (Silistra, Bulgaria), Yotov V. (Varna, Bulgaria), Zasypkina G.V., Russev N.D. (Kishinev, Moldova). Research of a Settlement at Ruino – Kartal-kale (Preliminary Report) 5 97
Atanasov G. (Silistra, Bulgaria). Medieval Icons of St. George on Throne 6 288
Atanasov G. (Silistra, Bulgaria). Treasures of Agricultural Tools from Early Medieval Fortresses of Southern Dobrudja (X – early XI cc.) 5 183
Banffy E (Budapest, Hungary). South-west Transdanubia as a Mediating Area. Data to the Cultural History of the Early and Middle Chalcolithic in the Light of Latest Research 2 63
Barfield L.H. (Birmingham, UK), Montagnari Kokelj E (Trieste, Italy). The 4th and 3rd millennium BC in Northern Italy: From the Late Neolithic to Copper Age 2 12
Batizat G.V. (Odessa, Ukraine). Early Christian and Byzantine Records on Spread of Christianity on the Territory of Today's Ukraine 5 477
Beletskii S.V. (S.-Petersburg, Russia). Once Again about the Bottom Layer on Pskov Settlement 4 209
Bruiako I.V., Rosohatski A.A. (Odessa, Ukraine). Bronze Age burials on the late Antic cemetery at the Belenkoe village 2 563
Bruiako I.V., Rosohatskii A.A. (Odessa, Ukraine). On Collection of Roman Time Lamps from Tyra 4 342
Bruyako I.V. (Odessa, Ukraine). «...And it's great!» 3 9
Bruyako I.V., Sapozhnikov I.V. (Odessa, Ukraine). The Belgorod-Dnestrovskiy Fortress as a Model of Military and Engineering Art: Main Stages of History – late XIV – early XIX c.c. 5 443
Byrnja P.P., Nicolae E. (Bucharest, Romania). A Signet Ring of XV c. from the Old Orhei 6 252
Cantacuzino Gh. I. (Bucharest, Romania). A Mausoleum Church of XV Century Founded by Stefan cel Mare in Razboieni 5 426
Cârciumaru M. (Bucharest, Romania). Problems of the Carpathian Mousterian in Romania 1 351
Chabai V.P. (Simferopol, Ukraine). On the specific features of the Middle to Upper Paleolithic transition in Crimea 1 54
Chebotarenko G.F., Telnov N.P. (Kishinev, Moldova). The Settlement of Etulia-VII in Moldavia 5 83
Cherlenok E.A. (St.-Petersburg, Russia). The burials of chariot horses in the Late Bronze Age of Eastern Europe and Kazakhstan 2 346
Chernienko Yu.A. (Odessa, Ukraine). Some research results and problems in the study of construction works on Sabatinovka culture settlements in the northwest Black Sea Region 2 483
Chetraru N.A. (Kishinev, Moldova), Grigorieva G.V. (St.Petersburg, Russia), Covalenco S.I. (Kishinev, Moldova). Flint Industry of the Late Palaeolithic Site Rashkov VII 1 272
Cohen V., Stepanchuk V. (Kiev, Ukraine). Variability of Middle to Upper Palaeolithic transition: New data from the Eastern Europe 1 31
Collegues about P.P. Byrnja 5 15
Demidenko Yu.E. (Kiev, Ukraine). «The Crimean Enigma» – Middle Palaeolithic Artifacts within Early Aurignacian of Krems-Dufour Type Complexes at Siuren-I: Alternative Hypothesis for Solution of the Problem 1 97
Dergachev V.A. (Kishinev, Moldova). Two Studies in Defence of Migration Concept 2 188

Dobrolyubskii A.O. (Odessa, Ukraine). Cossack Jews from Zaporozhie Under the Walls of Hadjibei 6 360
Dobrolyubskii A.O., Krasnozhon A.V. (Odessa, Ukraine). A Turkish Settlement and Castle Khadzhibey on territory of Odessa 5 459
Egoreichenko A.A. (Minsk, Belarus). Zarubintsy Settlement in David-Gorodok 4 66
Eremenko VE. (S.-Petersburg, Russia). New Perspectives in Study of Planigraphy and Topochronology of Early Iron Age Cemeteries (on Materials of Zarubintsy Cemeteries Chaplin and Velemichi I) 4 36
Furasiev A.G. (S.-Petersburg, Russia). Middle Tushemlya Sites in Dvina Area (Origins of Ceramic Tradition) 4 201
Gojda M. (Prague, Czech Republic). The Archaeology in the Czech Republic: Site Record and Protection, Reconnaissance of the Ancient and Historical Landscape 5 502
Golovanova L.V. (St.Petersburg, Russia). The Middle to Upper Paleolithic Interface in the Northern Caucasus 1 158
Goncharova I.E. (Kishinev, Moldova). The Russian-Turkish Wars of 1735-1878 Reflected in Medals from the Collection of Moldavian National Museum of History 6 433
Goncharova Iu.V. (St.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova). By roads of the steppe corridor. Types, versions, assumptions. 2 590
Goroncharovski V.A. (S.-Petersburg, Russia). Between the Empire and the Barbarians: the Military and Political History of Bosphorus on the Turn of Our Era 3 229
Gramaticu S. (Bucharest, Romania). The Coins of the Ancient Cilicia from Collection of Maria and George Severeanu 6 167
Grifoni Cremonesi R. (Pisa, Italy). Eneolithic Aspects of Central Italy 2 40
Grigoriev G.P. (St.Petersburg, Russia). Thirty Years After, or What Is Right and What Is Wrong in the Book «The Onset of the Upper Palaeolithic» 1 211
Grigorieva G.V. (St.Petersburg, Russia). Ornaments and Ornamented Tusks from the Upper Palaeolithic Site at Yudinovo 1 326
Gudkova A.V. (Odessa, Ukraine). Early Wheel-Thrown Pottery of Cherniakhov Culture 4 346
Ingravallo E. (Lecce, Italy). The Eneolithic of Southern Italy 2 53
Ivanova S.V. (Odessa, Ukraine). The social organisation of the tribes of the Yamnaya Culture in the northwest Pontic Area 2 388
K.V. Kasparova – in Life, Science and Hermitage 4 11
Karyshkovskii P.O. Three Olbian Dedications of the First Centuries AD 6 116
Kashuba M.T. (S.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova). Notes on Formation of Middle Hallstatt Culture Basarabi-Şoldăneşti in the Lands between the Dniester and Prut Rivers 3 140
Kasparova K.V. A Comment on L.D. Poboli's Article «Iron Age in Belarus» (in Connection with A.G. Mitrofanov's Review) 4 23
Kasparova K.V. A Comment on the Manuscript of Article by A.M. Oblomskii «On Classification and Chronology of Zarubintsy Fibulae with a Triangular Shield» 4 20
Kasparova K.V. A Comment on VE. Eremenko's Dissertation «The Lateneisation Process of Archaeological Societies in Late Pre-Roman Time in the Eastern Europe and Development of Zarubintsy Culture» 4 17
Kasparova K.V. Notes on mortuary rite practiced by Upper Dnieper variant of Zarubintsy culture 4 33
Klejman I.B. (Odessa, Ukraine). At the Dawn of Glorious Deeds... ..... 3 85
Klejn L.S. (S.-Petersburg, Russia). The Catalogue of Ships: Structure and Stratigraphy 3 17
Klejn L.S. (St.Petersburg, Russia). Archaeological Periodisation: Approaches and Criteria 1 485
Klejn L.S. (St.-Petersburg, Russia). Migration of Tokharians in the Light of Archaeological Data 2 178
Klejn L.S. (St.-Petersburg, Russia). Typology in connection with modernism 2 584
Knight N. (South Orange, USA). «Salvage Biography» and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror 5 519
Kolotukhin V.A. (Simferopol, Ukraine). The late Eneolithic settlement in Bai-Kiyat, Crimea 2 526
Konovalova I.G. (Moscow, Russia). The oriental policy of Svjatoslav in the context of international struggle for «khazarian heritage» 5 226
Korpusova I.V. (Odessa, Ukraine). Seals of Odessa History and Antiquities Society 6 440
Krasnozhon A.V. (Odessa, Ukraine – Kishinev, Moldova). «Hellenistic and Roman Pottery in the North Pontic Region». Ýëëčíčńńč÷Íńęí˙ č đčěńęí˙ ęĺđřěčęí â Ńĺĺâĺđíîě Ďđč÷Íđíîëîđüĺ. (Collection of articles) 3 237
Kropotkin V.V. Additions to the List of Roman Coins 6 20
Kryzhanovskii A.L. (Lvov, Ukraine). Activities of Lviv Mint in 1385-1386 and Coinage of Red Russian Coins by Vladislav Opolski 6 194
Kuz'min S. (S.-Petersburg, Russia). The Stratigraphy and Some Problems of History of the Old Ladoga Settlement Dated by VIII-X Centuries 5 50
Kuzmin S.L., Mikhailova E.R., Sobolev V.Yu. (S.-Petersburg, Russia). The Grave Ground in Kotorsk IX – Cemetery of Kotorsk Population 5 70
Lavrov V.V. (S.-Petersburg, Russia). The East Germans on the Northen Coasts of the Azov Sea in III-IV cc. AD. 4 331
Lazarenco I. (Varna, Bulgaria). Sparatesa: Unknown Thracian Ruler of the Late Second Decade of III C. BC 6 162
Lazarov L. (Dâlgopol, Bulgaria). Khorezm Dirham found in North-Eastern Bulgaria 6 423
Leviţkii O.G., Haheu V.P. (Kishinev, Moldova), Ryabtseva S.S. (S.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova). Giurgiuleşti Find in the Mirror of Jewellery Fashion of X-XI centuries 5 90
Life Behind Biography. A Contribution to P.P. Byrnja's 70th Anniversary 5 11
List of Publications by K.V.Kasparova 4 16
List of Published Scientific Works by P.P. Byrnea 5 21

List of Published Scientific Works by V.V. Kropotkin 6 16
Lohe, Karl von der (Munich, Germany). The Cemetery Skalistoe in Crimea and Early Phases in the Ethnic Genesis of Crimean Goths (Late IV – Early VI cc.) 5 119
Lvova Z.A. (S.-Petersburg, Russia). «Burials in Malaya Pereschepina and Voznesenka and Kuvrat, Kagan of Great Bulgaria» 5 145
Magomedov B.V. (Kiev, Ukraine). The Ethnic Elements in Cherniakhov Culture 4 322
Majko V.V. (Simferopol', Ukraine). Chazarian-Russian-Byzantine Relation in the Second Half of X c. and Crimean Khazaria 5 236
Majko V.V. (Simferopol', Ukraine). Medieval Moldavian Coin from Sudak 6 425
Mănucu-Adamesteanu G.. Invasion of Petchengers in the Mouth of the Danube (1027-1048) 6 335
Mănucu-Adameşteanu Gh. (Bucharest, Romania). Invasion of Petchengers in the Mouth of the Danube (1027-1048) 6 343
Mănucu-Adameşteanu Gh., Poll I. (Bucharest, Romania). A Medallion with St. Cosma and St. Damian Found in Isaccea (Tulcea County, Romania) 6 283
Manzura I.V. (Kishinev, Moldova). The theses about V.S. Bochkarev 2 11
Manzura I.V. (Kishinev, Moldova). Those Who Possess Scepters 2 237
Marks A.E., Monigal K. (Dallas, USA). The Middle to Upper Paleolithic Interface in Crimea, with Particular Reference to Buran-Kaya-III, Eastern Crimea 1 84
Matskevy L.G. (Lvov, Ukraine). On the Final Palaeolithic and Mesolithic of Kremenechina 1 378
Maximov E.V. (Kiev, Ukraine). On Contacts between the Central European Population and Zarubintsy Tribes on Middle Dnieper 4 53
Melnikov O.N. (Nikolaev, Ukraine). A Contribution to Publication of the Largest Ancient Silver Coin Found on the Black Sea Coast 6 144
Mikhailova E.R. (S.-Petersburg, Russia). Study of Pskov-Novgorod Long Barrows: History 5 32
Mosionjnic L.A. (Kishinev, Moldova). The Death in China (the Ancient Period) 6 295
Mosionjnic L.A. (Kishinev, Moldova). The German Experience and Our Perspectives 6 444
Mosionjnic L.A. (Kishinev, Moldova). The Concept of Hierophany with Mircea Eliade (Marginalia in a Book) 5 510
Nefiodkin A.K. (S.-Petersburg, Russia). Battle Dogs in the Ancient World 3 72
Nelin D.V. (Cheliabinsk, Russia). A new find with a spiral design in the southern trans-Ural region 2 569
Nikolova L. (Karlovo, Bulgaria). The Pit Grave Culture in the Balkans (Dynamics of the structure of the burial rites and its relation to other Early Bronze Age cultures) 2 423
Novoselov N.V. (S.-Petersburg, Russia). Plyntha of the Novgorod Land in the First Half of XII Century 5 407
Oblomskii A.M. (Moscow, Russia). Findings of Zarubintsy Culture Period on Settlement Litvinovichi-3 in Middle Seim Area 4 141
Olenkowski N.P. (Cherson, Ukraine). Central European Epi-Gravettian and Eastern Gravettian Cultures of the Ukraine 1 368
Pachkova S.P. (Kiev, Ukraine). On the Process of Lateneisation of Zarubintsy Culture 4 74
Palamarchuk S.V. (Izmaźl, Ukraine). The Town of Izmaźl: Early Stages 5 452
Pashkevich G.A. (Kiev, Ukraine). Agriculture in the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Neolithic and Bronze Age (Palaeo-ethnic and botanic evidence) 2 404
Pâslaru I. (Bucharest, Romania – Kiev, Ukraine). The Indoeuropeans, horse and bridle in the Bronze Age 2 322
Pavlova M.N. (St.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova). The history of fauna, Holocene, new researches 2 602
Peskova A.A. (S.-Petersburg, Russia). Saint Nicholas of Mirlikia in the Iconography Programme of the Ancient Russian Encolpia of XI-XIII cc. 6 264
Petrun' V.F. (Odessa, Ukraine). On white pottery crust of the Tripolje and some other sites found in the Ukraine and contiguous countries 2 474
Pioro I.S. (Kiev, Ukraine). Objective and Genuine Approaches in Scientific Work of V.V. Kropotkin 6 10
Pleshivenko A.G., Antonov A.L. (Zaporozhie, Ukraine). The «Voznesenskiy» tumulus 2 505
Popov I.O. (S.-Petersburg, Russia). Residences of Knyaz in pre-Mongol Russia: chronicles and archaeological reality 5 391
Prihodniuk O.M. (Kiev, Ukraine). On Cultural and Historical Essence of Archaeological Societies (Towards Interpretation of Cherniakhov Culture) 4 288
Pustovalov S.Z. (Kiev, Ukraine). The «Tyagunova Mogila» burial mound and the problem of wheeled transport of the Pit Grave and Catacomb cultures in Eastern Europe 2 296
Rassamakin Yu.Ya. (Kiev, Ukraine). The Kvityanskaya Culture: History and Current State of the Problem 2 117
Rogov E.Ya. (S.-Petersburg, Russia). A Centenary of Discovery of an Under-wall Crypt No. 1012 in Chersonese 3 88
Romanchuk A.A. (Kishinev, Moldova). The «Babel» of our Time: Between Nietzsche and Christianity 6 454
Romanchuk A.A., Telnov V.N. (Kishinev, Moldova). The «Fengliu» in theoretical archaeology (A phenomenology of landscape by Christopher Tilley: A view from the east) 2 595
Roudich T.A. (Kiev, Ukraine). Cherniakhov Population in Middle Dnieper Basin in View of Anthropological Material 4 278
Russev N.D. (Kishinev, Moldova). «All the Wealth Flow Here»: Anthropology of the Danube Tragedy of 968-971 ..... 5 213
Russev N.D. (Kishinev, Moldova). Moldavian Coins of Late XIV – first third of XV cc. (Peculiarities of Distribution) 6 202
Russev N.D., Sava E.N. (Kishinev, Moldova). Is a XVIII Counterfeiter's Patrix Found? 6 430
Ryabtseva S.S. (S.-Petersburg, Russia – Kishinev, Moldova). Three-bead Rings from Vistula to Volga 5 161
Ryzhov S.N. (Kiev, Ukraine). Painted ceramics of the Tomashovka local-chronological group of the Tripolye culture 2 459
Sarel J., Ronen A. (Haifa, Israel), Boeda E. (Paris, France). Is There a «Transitional Industry» in Northern Israel? 1 147
Sedov V.V. (Moscow, Russia). Development of the Culture of Pskov Long Mounds 5 26
Sekerskaia E.P. (Odessa, Ukraine). Stock-breeding and hunting in the economy of the late Sabatinovka culture settlement at the Dremailovka Village 2 419

Shagurina G.B. (S.-Petersburg, Russia). The Origin of Some Images on the Coins of the Artukids 6 176
Shchukin M.B. (S.-Petersburg, Russia). A Finding at village Zalevki on Dnieper Bank and the Problem of Origin of North-European Filigree Style in I-II cc. AD 4 215
Shchukin M.B., Sharov O.V. (S.-Petersburg, Russia). On the Problem of the End of Cherniakhov Culture 4 369
Shlapak M.E. (Kishinev, Moldova). The Most Mysterious Inscription in Belgorod-Dniestrovsk Fortress 6 258
Shuvalov P.V. (S.-Petersburg, Russia). The Weakness of the Venethi and the Srength of the Anti: on the Question of the Epic Image of the Early Slavs 5 141
Sinitsyn A.A. (St.Petersburg, Russia). Lower cultural layer of Kostenki 14 (Markina gora) in relation to problems of the most Early Upper Palaeolithic 1 125
Smirnov A.M. (Moscow, Russia). Composition «stall and animals» in carvings on Eneolithic stelae of the Pontic region: A proposition of analogies and interpretation 2 571
Smirnova G.I. (S.-Petersburg, Russia), Megei V.F. (Kamenets-Podolskii, Ukraine). Dolinjany, a cemetery of the Poienesti-Lukasevka type (excavations of 1985, 1987, 1988) 4 156
Smirnova G.I. (St.-Petersburg, Russia). The first settlers at Pomirki near the village of Dolinyany 2 554
Smolianinova S.P. (Odessa, Ukraine). Space Distribution of Quartzite Items on Anetovka II Site 1 477
Smyntyna E.V. (Odessa, Ukraine). Palaeoecological Regions of the Steppe Ukraine at the Period of Early Mesolithic 1 463
Soffer O. (Urbana, Illinois, USA). Neanderthal Refugia and Archaic Lifeways 1 236
Sorokina N.P., Sudarev N.I. (Moscow, Russia). Burials of Children in the North Black Sea Region of VI-III c. B.C. 3 193
Sovetov P.V. The Cost of Foreign Control: Forms of Moldavia's Economic Dependence on the Ottoman Empire 6 136
Stoianov R.V. (Kiev, Ukraine). Chersonese Necropolis in Classic and Hellenistic Periods: History of its Study, Problems ... 3 129
Stolyar A.D. (St.-Petersburg, Russia). A concealed chapter of the history of the Soviet archaeology. 2 613
Sytnik A. (Lvov, Ukraine). New Sites of Stinka Industry on the Dniester and Their Cultural and Historical Interpretation 1 332
Telnov N.P., Levinski A.N. (Kishinev, Moldova). Free Dacians: A New Archaeological Culture in the Republic of Moldova 4 172
Telnov N.P., Ryaboy T.F. (Kishinev, Moldova). Golden Horde Town at the Village of Costeshti in Moldavia 5 108
Terpilovskii R.V. (Kiev, Ukraine). Kiev and Cherniakhov Cultures: the Problem of Contacts 4 303
Topal D.A. (Kishinev, Moldova). Nikolaevka Cemetery – the Trajectory in Time and Space 3 205
Torshin E.N. (S.-Petersburg, Russia). A New Find of an Early Russian Inscription and an Image of a Knyaz' Sign in Smolensk 6 246
Tostevin G. (Williamstown, Ms., USA). It Happened Twice: Inter-regional Diffusion between 60 and 30 kya in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant 1 216
Travkin S.N. (S.-Petersburg, Russia). Some Problems of Numismatics and History of the Old Orhei (Golden Horde Age) 6 182
Tunkina I.V. (S.-Petersburg, Russia). N.J. Marr and F.A. Braun: A History of Relationships (1920 – 1925) 4 384
Turovskii E.J., Demyanchuk S.G. (Sevastopol', Ukraine). Coins Emitted in Olbia in IV – first quarter of III cc. BC 6 155
Vakhtina M.Yu. (S.-Petersburg, Russia). Kelermess Mirror, Sector 6: the Fox, the Bear and the Bird 3 52
Vakulenko L.V. (Kiev, Ukraine). Northern Germans in Transcarpathian Ukraine at the End of the Late Roman Period 4 312
Vasic R. The Fibulae of the Central Balkans 3 240
Vasiliev S.A. (St.Petersburg, Russia). Middle-to-Upper Palaeolithic Transition in Siberia 1 178
Vinogradov Yu.A. (S.-Petersburg, Russia). The Phenomenon of the Bosphorus State in the National Literature 3 98
Vishnyatsky L.B. (St.Petersburg, Russia). «The Upper Paleolithic Revolution»: its Geography, Chronology, and Causes. . 1 245
Vishnyatsky L.B. (St.Petersburg, Russia). Ðđĺăčńęîâ đĺăęňîđ 1 9
Vorotinskii A.V. (S.-Petersburg, Russia). On Cherniakhov Cups with Crosses Found in Lepesovka 4 273
We are numerous and omnipresent. In Memory of K.V.Kasparova 4 14
Yarovoy E.V. (Tiraspol, Moldova), Bruyako I.V. (Odessa, Ukraine). The Complex of Pre-Scythian Time Found at the Village of Purcari in the Low Dniester Region (To the Question of Cimmerian Chariots in the Eastern Europe) 3 157
Yatsenko S.A. (Moscow, Russia). The Antropomorphical Images in the Art of the Iranian-speaking Peoples of Sarmatia in the II-I CC. BC 4 251
Yatsenko S.A., Malashev V.Yu. (Moscow, Russia). On the Polychromic Style of the Late Roman Time in Sarmatia 4 226
Yotov V. (Varna, Bulgaria). On Material Culture of the Petchenegers South of Danube: Leaf-shaped Open-work Amulets of XI Centure 5 209
Zasypkina G.V. (Kishinev, Moldova). The Dacians from East of the Carpathian Mountains in II-III cc. New Studies of Funeral Sites 4 392
Zubar V.M. (Kiev, Ukraine). New Latin Epigraphic Records of II – middle III c. A.D. from Chersones, Balaclava and Charax 6 218
Zubar V.M. (Kiev, Ukraine). On Presence of Roman Troops in Chersonese in the second half of III – turn of IV – V cc. 4 291
Zubar V.M. (Kiev, Ukraine). The Roman castle Charax 4 176
Zubar V.M., Krapivina V.V. (Kiev, Ukraine). The New Latin Inscription and Some Questions of History of Olbia in the Middle of the III Century 6 237
Zuev V.Yu. (S.-Petersburg, Russia). List of Published Scientific Works by K.K.Marchenko 3 11
Zverev E.Yu. (Kishinev, Moldova). The relative chronology of some «main» sites of Middle and Late Hallstatt epoch in South-West Romania 3 171

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала “Stratum plus” приглашает Вас принять участие в нашем издании.

Требования к материалам, представляемым в редакцию журнала “Stratum plus”

Текст

1. Материалы принимаются на русском языке в завершённом виде с приложением краткого (до 2000 символов) резюме на английском языке.
2. Текст обязательно представляется и в электронном виде (формат *.doc, *.rtf или *.txt), и в печатном виде.
3. Оформление сносок, списка литературы — как в уже вышедших номерах «Stratum plus».
4. Необходим список используемых сокращений.
5. В конце текста даётся список подписей к иллюстрациям.

Иллюстрации

1. Иллюстрации принимаются в электронном виде (*.jpg — предпочтительно, *.bmp, *.gif, *.pcx, *.tif, *.psd/ppd, *.cdr) и на бумаге в контрастном чёрно-белом варианте. Фотографии контрастные.
2. Диаграммы могут быть оформлены либо на бумаге (требования те же, что и к рисункам), либо в программах типа Excel.
3. Если рисунок содержит номера, они должны быть впечатаны на компьютере.

Способ доставки

1. Электронная почта: E-mail: **has@anthropology.moldline.net**
2. Обычная почта: 2024 Республика Молдова, Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а, Высшая Антропологическая Школа, редакция журнала «Stratum plus». Тел. 43-83-42.
3. Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо также приложить шрифт.

Периодичность издания

Журнал “Stratum plus” издаётся 6 раз в год объёмом от 300 до 450 страниц по единому издательскому плану:

Сроки присылки рукописей — не позднее, чем за месяц до выхода очередного номера

1-й номер	Палеолит	январь-февраль
2-й номер	Неолит, энеолит, бронзовый век	март-апрель
3-й номер	Античная эпоха / Ранний железный век	май-июнь
4-й номер	Римское время / Эпоха Великого переселения народов	июль-август
5-й номер	Средние века	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	ноябрь-декабрь

журнала.

После того, как статья свёрстана, принципиальные изменения в ней ***не допускаются***. На этом этапе возможна лишь грамматическая правка в пределах, не влияющих на размещение текста на странице.

Редакция журнала “Stratum plus” желает Вам успехов в Вашей научной деятельности.

Искренне ВАШ “Stratum plus”.

Stratum plus. Культурная антропология. Археология.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 2003. — 476 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 5.10.2003. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Тираж 750 экз. Заказ 356.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул.Болгарская 24.